#1 *NEW YORK TIMES* BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН
БРЕНДОН САНДЕРСОН

БАШНИ ПОЛУНОЧИ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Книга 13

Колесо Времени. Книга 13. Башни Полуночи

Роберт Джордан, Брендон Сандерсон

Аннотация
Роберт Джордан, Брендон Сандерсон. Колесо Времени. Книга 13. Башни Полуночи
Пролог. Различия
Глава 1. Первым делом яблоки
Глава 2. Вопрос лидерства
Глава 3. Гнев Амерлин
Глава 4. Стоны Узора
Глава 5. Письмена
Глава 6. Сомнительные намерения
Глава 7. Легче перышка
Глава 8. «Семицветка»
Глава 9. Запах крови
Глава 10. Порчи больше нет
Глава 11. Неожиданное послание
Глава 12. Пустая чернильница
Глава 13. И оплачет содеянное
Глава 14. Обет
Глава 15. Взять камешек
Глава 16. Шанна’хар

Глава 17. Расставания и встреча
Глава 18. Сила этого места
Глава 19. Разговор о драконах
Глава 20. Выбор
Глава 21. Открытые врата
Глава 22. Конец легенды
Глава 23. Лисьи головы
Глава 24. Противостояние
Глава 25. Возвращение в Бандар Эбан
Глава 26. Переговоры
Глава 27. Голосование
Глава 28. Странности
Глава 29. Дурные предчувствия
Глава 30. Там, где людям снятся сны
Глава 31. В пустоту
Глава 32. Буря Света
Глава 33. Вкусный суп
Глава 34. Приговор
Глава 35. Правильное решение
Глава 36. Приглашение
Глава 37. Тьма в Башне
Глава 38. Раны
Глава 39. В Трехкратной земле
Глава 40. Созидание
Глава 41. Неожиданный союзник
Глава 42. Сильнее крови

Глава 43. Чаю?
Глава 44. Окольный путь
Глава 45. Воссоединение
Глава 46. Кожевник
Глава 47. Дрессировочный зал
Глава 48. Подле Авендесоры
Глава 49. При Дворе солнца
Глава 50. Выбирая врагов
Глава 51. Испытание
Глава 52. Башмаки
Глава 53. Переходные врата
Глава 54. Свет мира
Глава 55. Тот, кто остался
Глава 56. Что-то не так
Глава 57. Кролик на ужин
Эпилог. Потом
Глоссарий

Аннотация

Мир на грани Последней битвы. Знамения, явленные глазам людей, странности, происходящие повсеместно, – все говорит о том, что совсем недалек тот день, когда Ранду ал'Тору, Дракону Возрожденному, предстоит напрямую сразиться с Темным, рвущимся из своего узилища в Шайол Гул.

На Пограничные земли уже обрушились орды троллоков – злобных тварей, ударных отрядов Темного. Троллоков ведут мурддраалы, их командиры, рядом с ними Повелители ужаса, те, кто выбрал сторону Тьмы, – люди, способные направлять Силу.

Пали дозорные крепости, города и селения Порубежья находятся под ударом. Едва не пала столица Салдэйи. В Белой Башне орудуют таинственные убийцы…

Ранд, в тревоге за будущее планеты, отправляет армии верных ему союзников на Поле Меррилор – там, судя по всем приметам, и произойдет Последняя битва…

Впервые на русском!

Звезды новой фэнтези

Роберт Джордан, Брендон Сандерсон
Колесо Времени. Книга 13. Башни Полуночи

Джейсону Дэнзелу, Мелиссе Крэйб, Бобу Клатцу, Дженнифер Лян, Линде Тальери, Мэтту Хэтчу, Ли Батлер, Майку Маккерту и всем тем читателям, которые за эти годы сделали «Колесо Времени» частью своей жизни и тем самым сделали лучше жизни других

Вскоре, даже в самом стеддинге, стало ясно, что Великий Узор слабеет. Небеса померкли. Явились наши мертвецы, окружили стеддинг и глядели внутрь. Что еще хуже, захворали деревья – занедужили так, что не излечить никакой песнью.

В эти скорбные времена я пришел на Великий Пень. Поначалу меня не пускали, но мать моя Коврил настояла, чтобы мне дали шанс. Не знаю, почему в ней вспыхнуло такое желание, ведь поначалу она, подобно другим, решительно этому про-

тивилась. Руки мои дрожали. Я должен был говорить последним, и почти все уже вознамерились открыть Книгу Перехода, не возлагая на меня особых надежд. Я знал, что, если не сказать правду, наедине с Тенью останется одно лишь человечество. Волнение мое сменилось спокойствием, и жизнь моя наполнилась смыслом, и я разомкнул уста и заговорил.

Из книги «Дракон Возрожденный», написанной Лойалом, сыном Арента, сына Халана, из стеддинга Шангтай

Колесо Времени
Мертвое море
Море Арит
Саба
Эрад
Доман
Кантор
Тарасин
Гамадиния
Гвалия
Гвалиан
Тир
Кандор
Шиен
Шарлар
Кандиэн
Андор
Море Ветров
Море Штормов
Море Тайн

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Око Мира

Великая охота

Дракон Возрожденный

Восходящая Тень

Огни небес

Властелин хаоса

Корона мечей

Путь кинжалов

Сердце зимы

Перекрестки сумерек

Нож сновидений

Грядущая буря

Башни Полуночи

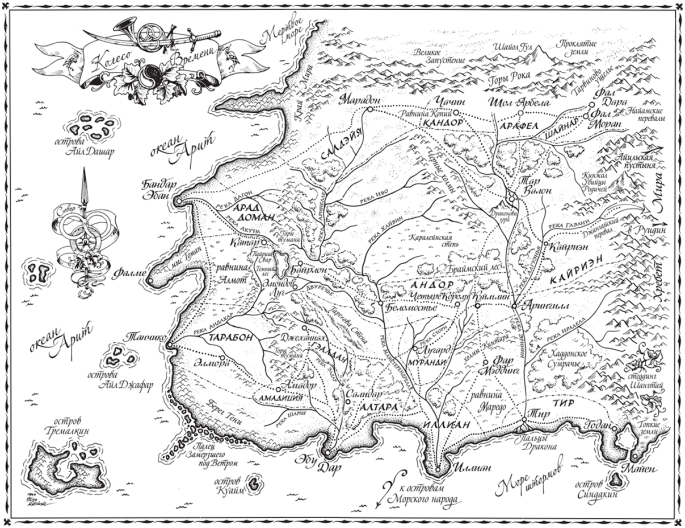
Robert Jordan and Brandon Sanderson
TOWERS OF MIDNIGHT

Copyright © 2010 by Bandersnatch Group, Inc.
Maps by Ellisa Mitchell
Interior illustrations by Matthew C. Nielsen and Ellisa Mitchell
All rights reserved

Издательство благодарит за помощь в работе над циклом «Колесо Времени» Тахира Адильевича Велимеева, Бориса Германовича Малагина, а также всех участников сетевого содружества «Цитадель Детей Света», способствовавших выходу в свет настоящего издания.

© А. С. Полошак, перевод, 2024
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Иллюстрация Виталия Еклериса


Колесо Времени
Великое Безмолвие
Шайол Гул
Проклятые земли
Гора Рока
Тарабонский тракт
Фал Дара
Фал Морган
Пограничные пустоши
Маредон
Чачин
Кайриенский тракт
Илл Фрэсел
Каменная пустошь
Хмельная пустошь
Тар Валон
Река Аринейл
Река Гэлдайн
Рудник
Кайриен
Кайриенский тракт
Кайриенский тракт
Кайриенский тракт

Пролог
Различия

Под знакомый перестук копыт Мандарба Лан Мандрагоран ехал умирать. Кругом было бездорожье, земля казалась окропленной чем-то белым — там, где на поверхность выступили кристаллы соли, — от сухого воздуха саднило в горле, а далеко на севере вырисовывались скалы, испещренные болезненно-красными пятнами ползучего лишайника: отметинами порчи.

Он продолжал двигаться на восток параллельно границе Запустения. Здесь была еще Салдэйя, где Лан расстался с женой, едва сдержавшей обещание проводить его в Порубежье. Давно тянулась перед ним эта дорога; он свернул с нее двадцать лет назад, согласившись последовать

за Морейн, но всегда знал, что вернется: не зря же он носил имя предков, меч на бедре и *хадори* на голове.

Эту скалистую область северной Салдэйи называли Ополье Проска. Не самое приятное место для путешествий верхом: ни единого растения, а дувший с севера ветер приносил такое зловоние, словно веял с прожаренных солнцем трясин, переполненных вздутыми трупами.

«Ох уж эта женщина», — покачал головой Лан и окинул взглядом низкое, темное, грозовое небо. Быстро же она научилась говорить и думать как Айз Седай. Его не тревожила грядущая смерть, но знать, что Найнив боится за него… От этого на сердце было больно. Очень больно.

Уже несколько дней ему не встречалось ни души. Южнее у салдэйцев имелись какие-то укрепления, но здесь местность была изрезана непроходимыми падями и лощинами, поэтому троллоки предпочитали нападать близ Марадона.

Однако не время расслабляться. Там, где до Запустения рукой подать, не принято ротозейничать. Лан взглянул на вершину холма. Самое место для дозорного поста. Он присмотрелся, не заметил никакого движения и объехал впадину

в земле, держась от нее на почтительном расстоянии и не убирая руки от лука — мало ли, вдруг там засада. Чуть дальше на восток, и он свернет вглубь Салдэйи, после чего поскачет по Кандору с его утоптанными большаками, а затем…

По склону холма скатились камешки. Совсем рядом.

Лан потихоньку выудил стрелу из колчана, притороченного к седлу. Откуда донесся звук? «Похоже, справа», — решил Лан. С юга. Кто-то приближался. Кто? За холмом не видать.

Мандарба останавливать он не стал: пусть копыта выстукивают прежний ритм. Кто бы ни был там, за холмом, ему незачем знать, что Лан настороже. Он тихонько поднял лук, чувствуя, как вспотели пальцы в перчатках из оленьей кожи, наложил стрелу и аккуратно натянул тетиву так, что она едва не коснулась щеки. От оперения пахнуло камедью и гусиными перьями.

Из-за южного склона холма показалась какая-то фигура. Человек замер, а шагавшая позади долгогривая вьючная лошадка обошла его и продолжила идти вперед, пока ее не остановила натянувшаяся веревочная привязь, охватывающая шею животного.

Запыленные штаны, рыжевато-коричневая

шнурованная рубаха… Несмотря на меч на поясе и крепкие руки, вид у человека был не особо грозный. Лану он показался смутно знакомым.

— Лорд Мандрагоран! — Человек бросился к нему, увлекая за собой лошадку. — Наконец-то я вас нашел. Так и знал, что вы поедете по Кремерскому тракту!

Опустив лук, Лан остановил Мандарба:

— Мы знакомы?

— Милорд, я припасы привез! — Черные волосы, смуглая кожа… Как видно, парень из порубежников. Он приближался, подергивая веревку толстопалой рукой, чтобы не зазевалась перегруженная кляча. — Если так подумать, провизии у вас, наверное, маловато. Еще я палатки захватил — четыре штуки, на всякий случай, — воду, а также корм для лошадей, и…

— Да кто ты такой?! — рявкнул Лан. — И откуда меня знаешь?

Человек встал как вкопанный:

— Я Булен, милорд. Булен из Кандора. Не припоминаете?

Из Кандора… Лан не без удивления приметил в этом мужчине сходство с долговязым и нескладным мальчишкой-посыльным:

— Булен? Ну и дела! Сколько лет прошло, два-

дцать?

— Знаю, знаю, лорд Мандрагоран, но, когда во дворце зашептались, что поднято знамя с Золотым журавлем, я сразу смекнул, что делать. Из меня получился дельный мечник, милорд. Я здесь, чтобы сопровождать вас, и…

— Значит, слух обо мне уже дошел до Айздайшара?

— Да, милорд. Дело в том, что к нам явилась эл'Найнив. Она и рассказала, куда вы путь держите. Другие еще собираются, но я уже тут. Как знал, что у вас припасов кот наплакал.

«Чтоб ей сгореть, этой женщине», — подумал Лан. Главное, заставила его дать клятву, что в пути Лан примет любого, кто пожелает поехать с ним! Ну ладно: раз уж Найнив вознамерилась играть словами и трактует правду по-своему, он тоже сыграет в эту игру. Он обещал принять любого, кто захочет поехать с ним — именно что *поехать*, а не пойти, — и поскольку Булен не сидит в седле, Лан не обязан брать его с собой. Словоблудие, конечно, маленькое различие, но за двадцать лет в обществе Айз Седай он кое-что усвоил и научился следить за языком.

— Возвращайся в Айздайшар, — приказал Лан. — Пусть все узнают, что моя жена ошиблась.

У меня и в мыслях не было поднимать Золотого журавля.

— Но…

— Ступай, сынок. Без тебя справлюсь. — Лан коснулся каблуками боков Мандарба. Тот, двинувшись шагом, миновал неподвижно стоявшего мужчину. В первые мгновения Лану показалось, что Булен не ослушается приказа, хотя из-за вольности с трактовкой клятвы ему стало совестно.

— Мой отец был из малкири, — бросил Булен ему в спину.

Лан не остановился.

— Он погиб, когда мне было пять лет, — добавил Булен. — А мать была кандоркой. Обоих убили разбойники. Родителей я помню смутно, но эти отцовские слова не забыл: придет тот день, когда мы сразимся за Золотого журавля. Эти слова — все, что мне от него осталось.

Мандарб шел вперед, но Лан, не сдержавшись, оглянулся и увидел в руке у Булена полоску плетеной кожи — хадори. Такую повязывают на голову малкири, давшие клятву противостоять Тени.

— Я надел бы хадори моего отца, — повысил голос Булен, — вот только не у кого спросить разрешения. Такова традиция. Кто-то же должен даровать мне право надеть хадори. Ну, я бился

бы с Тенью до конца своих дней. — Он взглянул на кожаную полоску в руке, поднял глаза и крикнул: — Встал бы против тьмы, ал'Лан Мандрагоран! Или скажете, что не могу?

— Ступай к Дракону Возрожденному, — отозвался Лан. — Или в армию своей королевы. Пригодишься что там, что там.

— А как же вы? До Семи Башен путь неблизкий, а припасов у вас нет. Как будете кормиться?

— Я найду себе пропитание, — ответил Лан.

— Простите уж, милорд, но разве не видно, во что превратились эти края? Запустение ползет и ползет все дальше на юг. Где было жирное поле, теперь бросовая земля. Да и дичи считай что нет.

Поразмыслив, Лан осадил Мандарба. Мечник приблизился. Навьюченная лошадка ступала следом.

— Двадцать лет назад, — громким голосом сказал Булен, — я не знал, кто вы такой, хотя понимал, что в наших землях вы потеряли близкого человека. И все эти годы корил себя за негодную службу, а еще поклялся, что однажды буду сражаться бок о бок с вами. — Он подошел вплотную к Лану. — Отца у меня нет, поэтому спрошу у вас: можно мне надеть хадори и биться рядом с вами, ал'Лан Мандрагоран? Ответьте мне, мой король.

Лан задышал размереннее, сдерживая охватившие его чувства. «Найнив, когда я вновь тебя увижу…» Конечно, ему не суждено вновь увидеть Найнив, но об этом Лан старался не думать.

Однако он дал клятву. Да, Айз Седай жонглируют своими обещаниями как хотят, но разве есть у него такое право? Нет. Он человек чести и не может отказать Булену.

— Никаких имен. Никто не должен знать, кто я, — сказал Лан. — И повторяю: мы не поднимаем знамя Золотого журавля.

— Да, милорд, — кивнул Булен.

— В таком случае надень хадори и носи его с честью, — продолжил Лан. — Мало кто придерживается древних обычаев. И да, ты можешь отправиться со мной.

С этими словами Лан пришпорил Мандарба. Тот двинулся вперед, а Булен последовал за ними пешим ходом. И один стал двумя.

* * *

На лбу у Перрина выступили крупные капли пота. Он ударил молотом по раскаленному докрасна железному бруску, подняв целый рой искр-светлячков.

Некоторых раздражает звон металла о металл.

Некоторых, но не Перрина. Его этот звук успокаивает. Он поднял молот и опустил его вновь.

Искры, эти осколки света, отскакивали от фартука и кожаной безрукавки. При каждом ударе, откликаясь на звон металла о металл, стены кузни — сложенные из крепких стволов болотного мирта — будто расплывались, теряя четкость очертаний. Перрину снился сон, но это был не волчий сон, и Перрин знал об этом, хотя не знал, откуда он об этом знает. Откуда же?

За окнами стояла темень. Единственный свет исходил от темно-красного пламени в горниле по правую руку. На углях — два железных бруска, ждут очереди лечь на наковальню. Перрин снова грохнул молотом.

Все хорошо и спокойно. Он — дома.

Сегодня он ковал что-то незаменимое, какую-то часть чрезвычайно важного целого, а прежде чем браться за целое, разберись с его частями, так наставлял Перрина мастер Лухан в первый день у горнила. Чтобы смастерить лопату, надо знать, как древко крепится к штыку, а дверную петлю не сделать, если не смыслишь, как ее планки вращаются на штифте, и даже гвоздь не выковать без понимания, какими должны быть шляпка, стержень и острие.

«Разберись с частями, Перрин».

В углу лежал волк — здоровенный седой волк с шерстью цвета светло-серой речной гальки, на шкуре живого места нет, шрам на шраме. Сразу видно старого бойца и бывалого охотника. Положив морду на передние лапы, волк наблюдал за Перрином, и в этом не было ничего необычного: ну да, ясное дело, в углу волк. Почему бы и нет? Это же Прыгун.

Перрин вздымал и опускал молот, наслаждаясь жаром горнила, прожигающим до самого нутра, запахом пламени и щекотными струйками пота, стекавшими по рукам. Он придавал бруску нужную форму: удар молота на каждый второй удар сердца. Металл же, нисколько не остывая, сохранял красно-желтый цвет: самое то для ковки.

«Что я выковываю?»

Перрин подхватил заготовку клещами, и вокруг раскаленного металла задрожал горячий воздух.

Бух, бух, бух, — сказал Прыгун; вернее, не сказал, а сообщил через образы и запахи. — *Как щенок за бабочками.*

Прыгун не понимал, зачем нужно придавать металлу новую форму, и находил это человеческое занятие весьма забавным. Для волка предмет является тем, чем является, а тратить столько сил,

чтобы превратить одну вещь в другую… Какой в этом смысл?

Перрин отложил заготовку, и та немедленно остыла: из желтой стала оранжевой, темно-красной, матово-черной. Брусок превратился в уродливый ком размером с два кулака. Мастер Лухан отчитал бы Перрина за такую паршивую работу. Надо бы понять, что он делает, да побыстрее, пока не вернулся наставник.

Нет. Не так. Сон дрогнул, и стены затуманились.

«Я не ученик кузнеца. — Перрин потрогал голову рукой в толстой рукавице. — И я больше не в Двуречье. Я взрослый мужчина, женатый человек».

Клещами он схватил бесформенный комок металла и бросил его на наковальню. От жара в нем пульсировала жизнь. «Опять все не так». Перрин грохнул молотом. «Должно же получиться! Но не получается. Выходит даже хуже, чем было».

Он продолжал орудовать молотом. Перрин терпеть не мог молву, гулявшую о нем по всему лагерю. Ему нездоровилось, и Берелейн ухаживала за ним, только и всего. Но слухи расползаются, на то они и слухи.

Вновь и вновь гремел он молотом, разбрыз-

гивая искры по всей кузне. Многовато их, от одной заготовки не бывает столько искр. Он нанес заключительный удар, потом сделал вдох и выдохнул.

Металлический комок не изменился. Перрин зарычал от досады, схватил клещи, сбросил неудачную работу с наковальни и снял с углей новый брусок. Он должен, просто обязан закончить эту деталь. Она очень важна. Но что это за деталь?

Он снова взялся за молот. «Надо бы поговорить с Фэйли и все прояснить, чтобы в отношениях не было недосказанности… Но нет времени. Некогда!» Этим ослепленным Светом дуралеям требуется нянька, будто они сами о себе позаботиться не в состоянии. До сей поры двуреченцы прекрасно обходились без лорда.

Поработав какое-то время, Перрин поднял вторую заготовку и дождался, пока она остынет. Теперь получилась неровная полоска металла длиной с предплечье. Очередное позорище. Он отложил ее в сторону.

«Если несчастлив, — взглянул на него Прыгун, — *забирай свою самку и уходи. Не хочешь вести стаю, так ее поведет кто-нибудь другой»*. Волчье послание пришло к Перрину вереницей

образов: бег по бескрайнему полю, хлесткие колосья, чистое небо, прохладный ветерок, ликование, жажда приключений, ароматы недавнего дождя и диких пастбищ.

Сунув клещи в уголь, Перрин нащупал последний брусок. Тот светился недобрым тускло-желтым светом.

— Нельзя мне уйти. — Он показал брусок Прыгуну. — Уйти значит сдаться, потерять себя, стать волком. Я этого не сделаю.

Прыгун уставился на пластичный металл, и в глазах у него замерцали желтые искорки. Ну и странный же сон. Раньше обычные сны Перрина и волчий сон существовали порознь. Что означает это смешение?

Перрину стало страшно. С волком внутри себя он заключил зыбкое перемирие. Сближение с волками — опасная штука, но это не помешало ему попросить стаю о помощи в поисках Фэйли. Ради Фэйли — все, что угодно, хотя Перрин чуть не спятил и даже пытался убить Прыгуна.

Несмотря на уверенность в своих силах, едва ли он контролировал ситуацию, и волк внутри Перрина мог подмять его под себя в любой момент.

Прыгун зевнул, вывалив наружу язык. От него потянуло сладковатым запахом веселого удив-

ления.

— Ничего смешного. — Перрин отложил последний брусок, даже не коснувшись его молотом. Остыв, тот принял форму тонкого прямоугольника, чем-то похожего на заготовку для дверной петли.

В трудностях, Юный Бык, и правда нет ничего смешного, — согласился Прыгун. — *Но ты лазаешь через одну и ту же стену, то туда, то обратно. Хватит уже. Пойдем побегаем.*

Для волка есть только миг. Хотя он помнит прошлое, а иной раз предчувствует будущее, его, в отличие от людей, не волнует ни то ни другое. Волк свободен как ветер. Стать волком означает забыть о боли, избавиться от горя и печали. Стать свободным…

Но такая свобода обойдется Перрину слишком дорого. Он потеряет Фэйли, да и самого себя потеряет. Он не хотел быть волком. Он человек, а не волк.

— То, что случилось со мной… Это обратимо?

Обратимо? — непонимающе склонил голову Прыгун. Волки не знают, что такое обратимость. Они никогда не оглядываются.

— Могу ли я… — попытался объяснить Перрин. — Могу ли я убежать так далеко, чтобы

волки не услышали меня?

Прыгун выглядел озадаченным. Хотя нет, слово «озадаченный» противоречило болезненным образам, которые волк посылал Перрину: небытие, тяжелый запах тухлого мяса, волчий вой, полный невыразимого страдания. Потерять связь со стаей? Этого Прыгун понять не мог.

Сознание Перрина затуманилось. Почему он опустил молот? Пора заканчивать! Мастер Лухан будет недоволен. Первые две железки вышли отвратительными. Надо их спрятать, а потом сделать что-нибудь еще. Показать, что он способный ученик и умеет работать с металлом. Ведь умеет?

Что-то зашипело. Обернувшись, Перрин с изумлением увидел, что в одной из закалочных бочек, стоявших рядом с горнилом, вскипела вода. «Ну да, конечно, — подумал он. — Я сам же бросил туда первые две заготовки».

Вдруг встревожившись, Перрин схватил клещи, сунул их в бурлящую воду, и пар ударил ему в лицо. Нащупав что-то на дне, он извлек из бочки раскаленный добела металлический предмет.

Свечение померкло. Оказалось, что в клещах зажата металлическая фигурка: высокий стройный человек с мечом за спиной. Поразительная

проработка всех деталей — вплоть до складок на рубашке и кожаной оплетки на рукояти крошечного меча, — но лицо перекошено, а рот разинут в отчаянном крике.

«Айрам, — подумал Перрин. — Его звали Айрам».

Такое нельзя показывать мастеру Лухану! Зачем он изготовил эту вещицу?

Металлический рот шире прежнего раскрылся в безмолвном вопле. Перрин вскрикнул и отскочил от закалочной бочки, выронив фигурку из клещей. Та, упав на деревянный пол, разбилась вдребезги.

Почему ты так часто вспоминаешь о нем? — Прыгун снова зевнул во всю пасть, свесив язык. — *Щенки нередко бросают вызов вожаку стаи. Обычное дело. Он был глуп, и ты одолел его.*

— Нет, — прошептал Перрин. — Для людей это не обычное дело. Особенно для друзей.

Стены кузни внезапно растаяли, обратившись в туман, и выглядело это вполне естественным. Перрин увидел широкую городскую улицу, залитую солнечным светом, и лавки с разбитыми окнами и сломанными полками.

— Малден, — промолвил он.

Посреди улицы стояла полупрозрачная дым-

чатая фигура — сам Перрин, но без куртки, и его обнаженные руки бугрились мускулами. Борода оставалась короткой, но выглядел он старше и внушительнее. Неужели у него и впрямь такой впечатляющий вид? Косая сажень в плечах, глаза светятся золотом, а в руке блестящий топор в форме полумесяца, размером с человеческую голову.

С этим топором что-то не так. Перрин шагнул за пределы кузни, а проходя сквозь призрачный образ самого себя, слился с ним. Он ощутил в руке тяжесть топора и понял, что вместо рабочей одежи на нем теперь боевой доспех.

Перрин бросился бежать. Да, этот город — Малден, и на его улицах — айильцы. Перрин выжил в той битве, хотя теперь он был не в пример спокойнее. Раньше он забывался в горячке сражения, охваченный стремлением отыскать Фэйли. Он остановился посреди улицы.

— Это неправильно. Ведь я выбросил топор и пришел в Малден с молотом.

Рога, копыта… Какая разница? И то и другое годится для охоты, Юный Бык. — Прыгун, сидевший перед ним на пронизанной солнцем улице, почесался.

— Какая разница? Большая. Во всяком случае, для меня.

И тем и другим ты пользуешься с одной и той же целью.

Из-за угла появились два айильца из Шайдо. Оба смотрели чуть левее Перрина, на что-то, чего он не видел, и Перрин напал на них, после чего один лишился нижней челюсти, а другой со всего размаха получил в грудь шипом, которым был снабжен обух боевого топора. То была жестокая, смертоносная атака, и в результате все трое оказались на земле. Чтобы прикончить второго Шайдо, пришлось несколько раз ударить его топором.

Перрин встал. Он помнил, как убил этих двух айильцев — хотя сделал это молотом и ножом. Он не сожалел о своем поступке. Бывает, человек вынужден драться, и это был именно такой случай. Смерть — страшная штука, но иной раз без нее не обойтись. К тому же Перрин остался в восторге от схватки с айильцами: в тот момент он чувствовал себя точно волк на охоте.

Когда Перрин сражался, он едва не превращался в кого-то другого. И это было опасно.

Прыгун лежал на перекрестке улиц. Перрин бросил на него обвиняющий взгляд:

— Заставляешь меня смотреть этот сон? Зачем?

Заставляю? — удивился Прыгун. — *Это не мой сон, Юный Бык. Почему ты так думаешь? Разве мои клыки держат тебя за горло?*

По лезвию топора струилась кровь. Перрин знал, что будет дальше. Он обернулся. Со спины подкрадывался Айрам и смотрел так, что ясно было: этот человек замышляет убийство. Половину лица бывшего Лудильщика покрывала кровь и капала с подбородка на его куртку в красную полоску.

Айрам взмахнул мечом, целя Перрину в шею, и клинок со свистом рассек воздух. Перрин отступил, отказывая мальчишке в новой драке, и разъединился со своей тенью: сам он остался в кузнечном фартуке, а тень обменялась ударами с Айрамом.

«Пророк все мне объяснил… Ты и вправду отродье Тени… Я должен спасти леди Фэйли от тебя»…

Тень Перрина вдруг разительно изменилась, превратившись в волка с шерстью едва ли не темнее шерсти Теневого Брата. Волк прыгнул на Айрама и вырвал ему гортань.

— Нет! Не так все было!

Это же сон, — пришло послание от Прыгуна.

— Но я не убивал его, — возразил Перрин. —

Какие-то айильцы пустили в него стрелы прямо перед тем, как…

Прямо перед тем, как Айрам сразил бы Перрина.

Рога, копыта, клыки… — Прыгун не спеша потрусил к одному из строений. Стена исчезла, и за ней обнаружилась кузня мастера Лухана. — *Какая разница? Мертвые мертвы. Двуногие, когда умирают, обычно не приходят сюда. А куда они приходят, мне неведомо.*

Перрин опустил глаза на неподвижное тело:

— Надо было отнять этот дурацкий меч в тот самый миг, когда Айрам взял его в руки. Отнять и прогнать мальчишку к его семье.

Разве у щенков нет права на клыки? — с искренним недоумением спросил Прыгун. — *Зачем их вырывать?*

— Это было бы по-человечески, — сказал Перрин.

По-человечески. Как у двуногих. Все у тебя по-человечески. Но почему не по-волчьи?

— Потому что я не волк.

Прыгун вошел в кузню, и Перрин неохотно последовал за ним. Вода в закалочной бочке еще кипела. Стена вернулась на место, и Перрин вновь оказался у наковальни — в кожаных безру-

кавке и фартуке и с клещами в руке.

Шагнув к закалочной бочке, он достал оттуда следующую фигурку. Эта изображала Тода ал'Каара. Когда она остыла, Перрин увидел, что лицо Тода не было искажено, как лицо Айрама, но нижняя часть фигурки представляет собой несформированный комок металла. Фигурка продолжала светиться тускло-красным даже после того, как Перрин поставил ее на пол. Он вновь сунул клещи в воду и вызволил из бочки еще две фигурки: Джори Конгара, а за ней — Ази ал'Тона.

Вновь и вновь подходил Перрин к бурлящей бочке и доставал из нее фигурку за фигуркой, разглядывая каждую не больше секунды, но во сне эти секунды казались часами. Когда он закончил, на полу стояли сотни фигурок, они смотрели на него выжидающе. И в каждой светился внутри крохотный огонек, словно все они просились под кузнечный молот.

Но такие фигурки не выковывают — их отливают.

— Что это значит? — уселся на табуретку Перрин.

Значит? — Прыгун рассмеялся по-волчьи. — *Это значит, что на полу множество человечков и ни одного из них нельзя съесть. Вы, люди, слиш-*

ком любите камни и то, что внутри их.

Казалось, фигурки с осуждением взирали на Перрина. Среди них валялись осколки Айрама. Они будто стали увеличиваться в размерах. Разбитые пальцы задвигались, впиваясь в землю, а затем осколки превратились в миниатюрные руки, и эти руки потянулись к Перрину, стремясь добраться до него.

Он охнул, вскочил на ноги и услышал смех. Поначалу далекий, тот звучал все ближе, затем загромыхал совсем рядом, и от него содрогались стены. Волк вскинулся и прыгнул, всем телом врезавшись в Перрина. А потом…

Перрин вздрогнул и проснулся — в своем шатре, который стоял посреди лагеря, вот уже несколько дней разбитого на лугу. Неделей раньше они наткнулись на пузырь зла, откуда по всему биваку расползлись разъяренные маслянисто-красные змеи. Несколько сотен человек слегло от их укусов; почти всех спасли от смерти Айз Седай, но после Исцеления никто еще не выздоровел полностью.

Рядом с Перрином мирно посапывала Фэйли. Снаружи кто-то из часовых, отмечая время, ударил по столбу — три раза. Стало быть, до рассвета еще несколько часов.

Перрин приложил ладонь к обнаженной груди — туда, где размеренно билось сердце. Он бы не удивился, увидев, как из-под тюфяка вылезают и ползут к нему крошечные металлические ручонки.

В конце концов Перрин заставил себя закрыть глаза и постарался расслабить мускулы. Но вновь уснуть ему удалось с трудом, и на этот раз спал он без сновидений.

* * *

Грендаль потягивала искристое вино из кубка, украшенного серебряной вязью и опоясанного кольцом из капель крови — крошечных ярко-алых пузырьков, навсегда застывших в хрустале.

— Пора бы что-то да сделать. — Развалившись на кушетке, Аран'гар проводила одного из питомцев Грендаль оголодавшим взглядом хищника. — А то сидишь в стороне от важных событий, словно книжница в медвежьем углу. Неужели тебя это устраивает?

Грендаль изогнула бровь. Книжница? В медвежьем углу? Возможно, Натринов Курган будет поскромнее других дворцов, известных ей в прежней эпохе, но лачугой его не назовешь: превосходная мебель, сводчатые стены, богато

отделанные древесиной твердых пород, и мраморный пол, сверкающий перламутрово-золотой инкрустацией.

Ясное дело, Аран'гар ее провоцирует, но Грендаль решила не сердиться. В камине теплился огонь, а из раскрытых сдвоенных дверей, что вели на укрепленную галерею на высоте третьего этажа, тянуло кусачим горным сквозняком. Она редко оставляла открытыми наружные двери или окна, но сегодня ей нравился контраст: одному боку тепло, а другому прохладно от легкого ветерка.

Жизнь — это ощущения. Прикосновения к твоей коже, страстные и ледяные одновременно. Все, что угодно, кроме безразличия, кроме усредненно-нормальной посредственности…

— Ты меня слушаешь? — спросила Аран'гар.

— Я всегда слушаю. — Грендаль отставила кубок и села на другую кушетку. На ней было платье из тонкой, почти прозрачной золотистой ткани, обтягивающее, но застегнутое на все пуговицы, до самой шеи. Доманийцы знают толк в моде, и их наряды идеальны для того, чтобы поддразнить и одновременно выставить напоказ.

— Меня просто-таки бесит, что я не в гуще событий, — продолжила Аран'гар. — Нынешняя эпоха

— просто чудо что такое. Наблюдать за дикарями так интересно! — Белокожая женщина, чувственно изогнув спину, простерла руки к стене. — Так мы все самое интересное пропустим.

— За подобными делами лучше наблюдать с безопасного расстояния, — сказала Грендаль. — Ты и сама об этом знаешь.

Аран'гар промолчала. Она потеряла контроль над Эгвейн ал'Вир, и Великому повелителю это не понравилось.

— Что ж, — сказала она, вставая, — поступай как знаешь, а я поищу развлечение на вечерок.

Голос ее прозвучал прохладно. Похоже, их альянс висел на волоске. Надо бы его упрочить. Грендаль открылась воле Великого повелителя и содрогнулась в экстазе, приняв его власть, его страсть, саму его суть, чье бушующее пламя опьяняло куда сильнее Единой Силы, но грозило пожрать Грендаль целиком. Переполняясь Истинной Силой, она была в состоянии направить лишь тонкую ее струйку. Этой способностью одарил ее Моридин. Нет, не он, а сам Великий повелитель. Даже в мыслях не следует ассоциировать их друг с другом. Сейчас Моридин был Ни'блисом, но лишь до поры до времени.

Грендаль сплела тесьму Воздуха. С Истинной

Силой работают примерно так же, как с Единой, но хватает и различий. Плетение Истинной Силы зачастую действует чуть иначе или имеет непредсказуемые побочные эффекты, но некоторые орнаменты возможно создать лишь с ее помощью.

Сущность Великого повелителя надавила на Узор, воздействуя на него силой, натянув и изрубцевав его. Ведь даже то, что Создатель замыслил нерушимым, возможно расплести с помощью энергии Темного, способной поведать непререкаемую истину — священную в той мере, в какой Грендаль желала принять ее святость. Ибо что бы ни выстроил Создатель, Темному известно, как это уничтожить.

Извиваясь по-змеиному, тесьма Воздуха устремилась через всю комнату к вышедшей на балкон Аран'гар. Дабы не навредить питомцам и не испортить мебель, Грендаль избегала создавать переходные врата внутри своих комнат. Она подняла тесьму Воздуха и ласково погладила Избранную по щеке.

Что-то заподозрив, Аран'гар замерла, обернулась, но мгновением позже распахнула глаза. Она не почувствовала покалывания в руках, той гусиной кожи, что указало бы на обычное плете-

ние Грендаль. Истинная Сила не дает подобных намеков. Никто — ни мужчина, ни женщина — не увидит и не ощутит ее плетений, если ему не даровано право направлять Истинную Силу.

— Что? — спросила женщина. — Как? Мориди́н…

— Да, он Ни’блис, — подтвердила Грендаль, — но в этом отношении благосклонность Великого повелителя не ограничивается одним лишь Ни’блисом.

Она продолжала ласкать щеку Аран’гар, и женщина раскраснелась.

Подобно остальным Избранным, она жаждала Истинной Силы и в то же время страшилась ее — опасной, соблазнительной, ублажающей. Грендаль потянула на себя тесьму Воздуха; Аран’гар вернулась в комнату и вновь села на кушетку, после чего велела одному из питомцев Грендаль привести ее потешную Айз Седай. Щеки Аран’гар пылали похотливым румянцем; похоже, Делана понадобилась ей для развлечения. Надо понимать, Избранную веселило вынужденное раболепие карманной Айз Седай.

Ее привели спустя несколько секунд: Делана — светловолосая шайнарская толстуха с пухлыми руками и ногами — всегда оказывалась

где-нибудь поблизости. Уголки рта Грендаль уехали вниз. Ну и уродина. Совсем не похожа на Аран'тар. Из той вышел бы идеальный питомец. Быть может, когда-нибудь Грендаль выпадет случай заполучить ее в свою коллекцию.

Делана опустилась на кушетку, и они с Аран'тар принялись обмениваться ласками. Грендаль не раз оборачивала ненасытность Избранной в свою пользу, лишь в крайнем случае прибегая к столь соблазнительной Истинной Силе. Конечно, сама Грендаль отнюдь не чуралась плотских утех, но держала свои желания в узде, хотя ловко убедила окружающих в обратном. Если знаешь, чего от тебя ждут, грех не пользоваться этими ожиданиями. Они…

По ушам хлестнул рокот нахлынувших волн — то был сигнал тревоги, и Грендаль похолодела. Аран'тар же продолжала развлекаться: она этих звуков не слышала. Это было весьма специфическое плетение, размещенное там, где слуги могли активировать его и предупредить хозяйку.

Грендаль встала и, не выказывая беспокойства, прогулялась к двери, где велела нескольким своим питомцам отвлечь внимание Аран'тар. Сперва надо разобраться с масштабом проблемы, а потом уже решать, привлекать ли Избранную.

Она прошла по зеркальному коридору, украшенному золотыми люстрами, и уже спускалась по лестнице, когда встретила бежавшего к ней капитана дворцовой стражи по имени Гаруманд. Симпатичный стройный салдэйец с роскошными усами приходился дальним родственником королеве, а после Принуждения был, разумеется, вернейшим слугой Грендаль.

— Великая госпожа, — доложил он, задыхаясь, — на подходе к дворцу схватили человека. Мои люди признали в нем младшего лорда из Бандар Эбана. Он из Дома Рамшалан.

Грендаль сдвинула брови, жестом велела Гаруманду следовать за ней и направилась в покои для аудиенций. Войдя в небольшую комнату без окон, декорированную в малиновых тонах, она сплела малого стража против подслушивания, после чего отправила Гаруманда за незваным гостем.

Вскоре капитан вернулся с несколькими стражниками и доманийцем в ярких сине-зеленых одеждах и с мушкой в виде колокольчика на щеке. Его аккуратную, коротко стриженную бороду унизывали крошечные колокольчики, звякнувшие, когда солдаты подтолкнули мужчину вперед. Он обмахнул рукава, свирепо глядя на

стражу, и разгладил оборки на рубашке:

— Верно ли я понимаю, что передо мной…

Договорить он не успел. Грендаль опутала его плетениями Воздуха и впилась ему в разум. Запинаясь и глядя в пустоту, человек монотонно продолжил:

— Мое имя — Пикор Рамшалан. Меня прислал Дракон Возрожденный. Я должен заключить союз с купеческой семьей, проживающей в этой крепости. Поскольку я умнее и хитрее ал'Тора, он нуждается в моей помощи для создания альянсов. Особую тревогу вызывают у него жители этого дворца, что видится мне смехотворным, поскольку ваше обиталище находится в уединенном месте и не имеет большого значения. По всей очевидности, Дракон Возрожденный слаб. Полагаю, благодаря его доверию меня сделают следующим королем Арад Домана. Предлагаю вам заключить союз не с ним, а со мной. Как только я займу трон, вы получите мое покровительство. Я…

Грендаль отмахнулась — Рамшалан осекся на полуслове, — сложила руки на груди и вздрогнула, чувствуя, как дыбятся волоски на шее.

Дракон Возрожденный нашел ее.

Он прислал к ней обманку.

Решил, что сумеет использовать Грендаль в

своих целях.

Она немедленно сплела переходные врата в одно из самых тайных своих убежищ. Там был не ранний вечер, но утро, и комната наполнилась прохладным воздухом. Лучше быть осторожной. На всякий случай надо бы скрыться, лучше всего бежать. И все-таки…

Она медлила. «Он должен узнать душевную боль. Должен познать разочарование, крах надежд. Он должен испытать муки и страдания. Доставь их ему. И ты будешь вознаграждена».

Аран'гар, пробравшаяся в окружение Айз Седай, сбежала оттуда, после того как попалась, направляя *саидин*. Попалась по собственной глупости, и ее непременно накажут за неудачу. Если Грендаль уйдет сейчас, отказавшись от шанса обмануть ал'Тора… Вдруг ее накажут так же, как другую Избранную?

— Это еще что? — донесся снаружи голос Аран'гар. — Пропустите, идиоты! Грендаль? Что ты делаешь?

Та прошипела сквозь зубы что-то нечленораздельное, после чего закрыла переходные врата, взяла себя в руки и кивком разрешила впустить Аран'гар. Гибкая женщина переступила порог и смерила Рамшалана оценивающим взглядом. Не

следовало подсылать к ней питомцев: похоже, из-за этого Аран'гар что-то заподозрила.

— Меня нашел ал'Тор, — коротко объяснила Грендаль. — А этого прислал заключить со мной некий «альянс», но не сказал ему, кто я такая. Наверное, ал'Тор хочет внушить, что этот человек набрел на меня по воле случая.

— И ты снова сбежишь? — поджала губы Аран'гар. — Сейчас, когда вот-вот начнется самое интересное?

— Кто бы говорил!

— Меня окружали враги, и бегство было единственным вариантом. — Эти слова прозвучали как отрепетированная реплика. И в них скрывался вызов. Но Аран'гар будет служить не кому-то, а ей, Грендаль, своей новой госпоже. Хотелось бы верить…

— Эта твоя Айз Седай умеет творить Принуждение?

— Ее обучили, — пожала плечами Аран'гар, — и у нее сносные способности.

— Приведи ее сюда.

Аран'гар подняла бровь, но почтительно кивнула и скрылась, взяв на себя роль девочки на побегушках, — наверное, чтобы выиграть время и все обдумать. Грендаль отправила слугу за од-

ной из птичьих клеток. Когда принесли голубя, Аран'гар еще не вернулась, и Грендаль, вновь млея от наслаждения, тщательно выплела из Истинной Силы сложное полотно Духа. Интересно, получится ли? Давно это было…

Она накинула плетение на разум птицы. Щелк! Зрение раздвоилось, и пару секунд Грендаль видела две картинки — мир своими глазами и его теневую копию глазами голубя. Если сосредоточиться, можно переключить внимание с одного образа на другой.

От раздвоения защемило в мозгу. Восприятие птицы совершенно не походило на человеческое: поле зрения расширилось необычайно, а краски стали ослепительно-яркими, но изображение смазалось, и оценить расстояние стало почти невозможно.

Грендаль отодвинула птичье зрение на задворки разума. Голубь не вызовет подозрений, но работать с ним труднее, чем с вороном или крысой, излюбленными соглядатаями самого Темного. На них плетение действовало лучше, чем на других животных, хотя почти все твари, которые шпионят для Темного, должны возвращаться к нему, лишь тогда он узнаёт, что они видели. Почему это так, Грендаль понятия не

имела — она плохо разбиралась в нюансах особых плетений Истинной Силы. По крайней мере, гораздо хуже, чем Агинор.

Аран'гар вернулась в обществе своей Айз Седай. В последнее время та держалась все скромнее. Присев в низком реверансе, Делана выпрямилась и застыла в раболепной позе. Грендаль осторожно освободила Рамшалана от пут своего Принуждения, и доманийский лорд, очумело хлопая ресницами, едва устоял на ногах.

— Чего желает от меня Великая? — Делана взглянула на Аран'гар и вновь повернулась к Грендаль.

— Мне нужно Принуждение, — сказала та. — Самое замысловатое из всех, что ты способна творить.

— Что желает сделать с его помощью Великая госпожа?

— Этот человек должен вести себя самым естественным образом, — объяснила Грендаль, — но сотри у него из памяти все события, что произошли во дворце. Замени их воспоминаниями о заключении союза с купеческой семьей. Добавь несколько каких-нибудь случайных ограничений и условий — любых, по своему выбору.

Делана нахмурилась, но она уже усвоила,

что перечить Избранным не следует. Грендаль скрестила руки на груди и, постукивая пальцем по предплечью, стала наблюдать за работой Айз Седай. Она нервничала все сильнее. Ал'Тор знает, где ее искать. Неужто нападет? Нет, он не станет причинять вред женщинам. Эта его слабость чрезвычайно важна. Она означает, что у Грендаль есть время для ответных действий. Или нет?

Как он сумел выследить ее, отыскать этот дворец? Она же идеально, просто идеально запутала следы. Если и выпускала слуг из-под надзора, то лишь под Принуждением столь сильным, что его не снять, не убив при этом принужденного. Неужели эта Айз Седай, которую он держит при себе — которую зовут Найнив, та женщина с даром Исцеления, — сумела увидеть и прочесть плетения Грендаль?

Нужно время, и еще нужно выяснить, что известно ал'Тору. Если Найнив ал'Мира так искусна, что способна читать Принуждение, она опасный противник. Надо задержать ал'Тора, пустить по ложному следу; потому-то Грендаль и велела Делане создать тесную вязь Принуждения со столь необычными ограничениями.

Ал'Тор должен страдать, и Грендаль сделает

так, чтобы он страдал.

— Теперь ты, — обратилась она к Аран'гар, когда Делана закончила свою работу. — Сплети что-нибудь запутанное. Пусть ал'Тор и его Айз Седай найдут в разуме этого человека следы чужих касаний.

Это еще сильнее собьет их с толку.

Аран'гар пожала плечами, но послушно накинула на разум бедняги Рамшалана еще одну частую вязь Принуждения. Кстати, он по-своему миловидный. Может, ал'Тор рассчитывал, что Аран'гар возьмет этого бородача в питомцы? Вряд ли он помнит о давно минувшем столько, чтобы знать о ее предпочтениях. Насчет его воспоминаний о прежней жизни Льюса Тэрина поступали противоречивые сведения, но ал'Тор, похоже, воскрешал в памяти все новые и новые подробности. И это вызывало у Грендаль беспокойство: сам он вряд ли способен выследить ее и найти этот дворец, но Льюс Тэрин, пожалуй, сумел бы провернуть такой фокус.

Аран'гар закончила.

— Теперь же, — сказала Рамшалану Грендаль, распуская плетение Воздуха, — возвращайся к Дракону Возрожденному и расскажи о своем успехе.

— Я… — Рамшалан проморгался и потряс головой. — Да, миледи. Смею верить, что заключенный сегодня союз между нами будет чрезвычайно выгоден для обеих сторон. — Он улыбнулся. Бесхребетный болван. — Быть может, отобедаем и поднимем кубки за успех нашего альянса, леди Базен? Путешествие было утомительным, и я…

— Ступай, — холодно сказала Грендаль.

— Хорошо, миледи. Когда я стану королем, вы не останетесь без награды!

Когда стража уводила Рамшалана, он самодовольно насвистывал. Грендаль села и закрыла глаза; несколько гвардейцев, мягко ступая по ворсистому ковру, приблизились к ней и застыли в карауле.

Теперь она смотрела на мир глазами голубя, привыкая к странным особенностям его зрения. По ее приказу один из слуг достал птицу из клетки и вынес в коридор, где посадил ее на подоконник. Грендаль легонько подтолкнула голубя вперед; для полного контроля движений ей не хватало практики, да и летать гораздо труднее, чем кажется.

Голубь выпорхнул из окна. Солнце садилось за горные вершины, окрашивая их в тревожный красно-оранжевый цвет. В тени гор озеро вни-

зу сделалось темным, иссиня-черным. Голубь взмыл в воздух, после чего сел на одну из башен. Вид был головокружительный, ощущения тошнотворные.

Наконец Рамшалан вышел из ворот, и Грендаль вновь подтолкнула голубя. Тот снялся с башни и устремился к земле. Очертания каменных дворцовых стен слились в сплошное пятно. Грендаль скрежетнула зубами, сдерживая рвотный позыв. Потом полет птицы выровнялся, и голубь, хлопая крыльями, полетел за Рамшаланом. Тот что-то ворчал себе под нос, но птичий слух позволял Грендаль воспринимать лишь отзвуки его слов.

Какое-то время голубь следовал за ним по темнеющему лесу. Лучше бы, конечно, это был не голубь, а сова, но таких птиц среди пойманных не оказалось, и Грендаль пожурила себя за недальновидность. Голубь перелетал с ветки на ветку. Лесная подстилка — спутанные заросли подлеска, щедро присыпанные опавшими сосновыми иголками, — выглядела крайне неряшливо, и Грендаль недовольно поморщилась.

Впереди забрезжил свет, почти незаметный, но голубиное зрение легко улавливало разницу между светом и тенью, неподвижностью и движением. Решив оставить Рамшалана, Грендаль

отправила птицу вперед, на разведку.

Это теплое свечение исходило от переходных врат в центре полянки. Перед вратами стояло несколько человек. Одним из них был ал'Тор.

Грендаль захлестнуло волной паники. Вот он, собственной персоной, взгляд устремлен в сторону гор — туда, где дворец. Тьма всемогущая! До сей поры Грендаль думала, что Рамшалан доставит донесение на ту сторону врат, но сюда явился сам ал'Тор! Что за игру он затеял? Она заставила голубя сесть на ветку. Аран'гар тем временем приставала с расспросами: «Ну что там?» Она видела голубя и теперь хотела знать, что замышляет Грендаль.

Та сосредоточила внимание на Драконе Возрожденном — человеке, некогда являвшемся Льюсом Тэрином Теламоном. И он точно знал, где ее искать. В свое время он ненавидел Грендаль лютой ненавистью, но все же… Что он помнит теперь, когда его зовут ал'Тор? Помнит ли, как Грендаль расправилась с Янет?

Ручной айилец ал'Тора препроводил Рамшалана к остальным, и Найнив обследовала его. Да, похоже, эта самая Найнив умеет читать Принуждение. По крайней мере, знает, что искать. Она должна умереть. Ал'Тор рассчитывает на нее, и

эта смерть причинит ему боль, а после Найнив умрет его темноволосая любовница.

Грендаль снова подтолкнула голубя, и тот перепорхнул на ветку у самой земли. Как же поступит ал'Тор? Инстинкт подсказывал Грендаль, что он не рискнет сделать ход, не разгадав ее замысел. Он вел себя так же, как действовал и в ее эпоху; любил все планировать и проводил немало времени, постепенно наращивая силу атаки.

Грендаль нахмурилась. Что он говорит? Она натужно пыталась разобрать его слова в доносящихся до нее звуках. Проклятый птичий слух! Все голоса как лягушачье кваканье. *Калландор?* С чего бы ему говорить о Калландоре? И о сундуке…

Вдруг что-то вспыхнуло у него в руке. Отпирающий ключ! Грендаль охнула. Он что, принес сюда отпирающий ключ? Это едва ли не хуже погибельного огня!

И тут Грендаль поняла, что ее обвели вокруг пальца.

Похолодев от ужаса, она отпустила голубя и раскрыла глаза. Перед ней была все та же комнатка без окон, а рядом с дверью, скрестив руки на груди, прислонилась к стене Аран'гар.

Ал'Тор прислал сюда Рамшалана, заранее зная, что того пленят и оплетут Принуждением. При-

слал с единственной целью: подтвердить, что Грендаль находится в замке.

«О Свет! Насколько же он поумнел!»

С Истинной Силы Грендаль переключилась на менее дивную *саидар*. Скорее! Она вся вспотела и так взбудоражилась, что едва сумела обнять Источник.

Бежать. Надо бежать!

Она открыла новые переходные врата. Аран'гар повернулась, глядя сквозь стены — туда, где находился ал'Тор.

— Такая мощь! Что он творит? — промолвила она.

Аран'гар… Они с Деланой сплели паутину Принуждения.

Ал'Тор должен подумать, что Грендаль мертва. Но если он уничтожит дворец, а плетения Принуждения сохранятся, Дракон поймет, что своей цели не добился и Грендаль выжила.

Она сформировала два щита — один для Аран'гар, другой для Деланы — и ударила разом по обеим. Женщины обмерли. Грендаль закрепила на месте плетения и связала обеих путами Воздуха.

— Грендаль?! — запаниковала Аран'гар. — Что ты?..

Пора. Грендаль бросилась к переходным вратам, споткнулась, кубарем перекатилась на ту сторону и порвала платье о какую-то ветку. За спиной вспыхнул ослепительный свет. С трудом сумев распустить плетение врат, Грендаль бросила последний взгляд на Аран'гар. Та была в ужасе, а потом дворец поглотила пустота — чистая, прекрасная и невероятно белая.

Врата исчезли, и Грендаль осталась в темноте.

Она лежала, едва не ослепленная вспышкой: еще чуть-чуть — и сердце выпрыгнет из груди. Переходные врата она создавала второпях — лишь бы успеть, — и увели они совсем недалеко: в дикий подрост на горной гряде за дворцом.

На нее нахлынуло чувство абсолютной неестественности происходящего, ощущение той скрученной деформации воздуха, когда рвется сама ткань Узора. Этот миг, когда все сущее завывает от боли, называют «погибельный вопль».

Грендаль сделала вдох, выдох и задрожала. Но надо увидеть все своими глазами. Ей надо знать наверняка. Грендаль встала на ноги — как оказалось, в спешке она вывихнула левую лодыжку, — доковыляла до лесной опушки и глянула вниз.

Дворца под названием Натринов Курган как

не бывало. Его выжгло из Узора. Грендаль не могла видеть ал'Тора на далеком горном кряже, но знала, что он там.

— Ты… — прошипела она, — ты стал куда опаснее, чем я предполагала.

Сотни первейших красавцев и красавиц, отобранных ею лично, сгинули вместе с дворцом. Ее твердыня, десятки предметов Силы, ее главная союзница среди Избранных — ничего не осталось. Полная катастрофа.

«Нет, — подумала Грендаль, — ведь я жива». Пусть всего на несколько секунд, но она опередила Дракона Возрожденного, и теперь ал'Тор будет считать, что Грендаль погибла.

На нее вдруг снизошло чувство безопасности — впервые с тех пор, как она ускользнула из узилища Темного. И разумеется, лучше не вспоминать, что именно по ее вине только что погибла одна из Избранных. Великому повелителю это не понравится.

Прихрамывая, Грендаль направилась вниз по склону. Она уже планировала следующий ход, и сделать его предстояло с великой осторожностью.

* * *

Галад Дамодред, лорд капитан-командор Детей Света, кое-как высвободил сапог, увязший в хлюпкой грязи по самое голенище.

Отмахиваясь от мошек-кусименя, он потянул коня к тропинке, где было посуше. От стоячей воды разило так, что с каждым глотком тяжелого густого воздуха приходилось сдерживать рвотные позывы. Дышать таким вонючим воздухом — все равно что глотать прокисший суп. За Галадом длинной извилистой колонной по четыре человека в ряд тащились солдаты — такие же грязные, потные и усталые, как их командир.

Они оказались на границе Гэалдана и Алтары, в заболоченной местности, где дубы и пряные смоляные линдеры сменялись паучьими зарослями лавров и кипарисов, чьи шишковатые корни походили на иссохшие длинные пальцы. Несмотря на тень и густую облачность, стояла чудовищная жара, и Галаду казалось, что из-под кольчуги и нагрудника вот-вот повалит пар. Конический шлем был приторочен к седлу, а немытая кожа зудела от едкой испарины.

Как ни тягостен этот переход, остальные дороги еще хуже. К тому же Асунава не подозревает, что

они выбрали этот путь. Галад вытер лоб тыльной стороной ладони. Он старался шагать с высоко поднятой головой, дабы подавать пример тем, кто следовал за ним — семи тысячам Детей Света, выбравших его, а не шончанских захватчиков.

Тускло-зеленый мох свисал с ветвей, как свисают с трупов лоскуты гниющей плоти. Местами тошнотворные серо-зеленые оттенки сменялись яркими всплесками крошечных цветов, росших по берегам тонких ручейков в самых неожиданных местах, будто кто-то разбрызгал по земле краску — то розовую, то фиолетовую.

Даже странно видеть красоту в подобных местах. Быть может, и в самой этой ситуации можно отыскать Свет? Галад опасался, что это будет не так-то просто.

Он тянул Крепыша вперед и слушал, как за спиной встревоженно перешептываются солдаты, иной раз перемежая речь проклятиями. Эти земли с их зловонием и кусачей мошкарой действовали на нервы даже самым стойким его последователям. Тяжко видеть, во что превращается мир, где небо вечно затянуто черными тучами, где из-за причудливых завитков Узора достойные люди принимают смерть, где Валда — предшественник Галада на посту лорда ка-

питан-командора — оказался насильником и убийцей.

Галад покачал головой. Грядет Последняя битва…

Звякнула кольчуга. Оглянувшись через плечо, Галад увидел, что Дэйн Борнхальд оставил место в строю и пробирается вперед. Приблизившись, он отсалютовал командиру, зашагал с ним рядом, чавкая сапогами по грязи, и негромко спросил:

— Дамодред, не пора ли повернуть назад?

— Назад? Это путь в прошлое, — ответил Галад, внимательно рассматривая тропу впереди. — Я много думал об этом, чадо Борнхальд. Думал о небе, истощении земель, оживших мертвецах… Уже не время искать союзников и сражаться с шончан. Мы должны идти навстречу Последней битве.

— Но эти болота… — Борнхальд покосился на здоровенную змею, скользнувшую в кусты. — Судя по картам, мы должны уже были выйти на твердую землю.

— Значит, она близко.

— Может быть. — По изможденному лицу Дэйна скользнула струйка пота, и он дернул щекой. К счастью, бренди у него закончился несколько дней назад. — Если только на карте нет ошибок.

Галад не ответил. Раньше картам можно было доверять — раньше, но не в эти дни, когда исчезали целые деревни, на открытых полях вырастало разнорядье холмов, а пахотные земли вдруг захватывала плесневелая лоза. Не исключено, что болото тоже увеличилось в размерах.

— Солдаты выбились из сил, — продолжил Борнхальд. — Сам знаешь, они надежные люди, но уже начинают роптать. — Он поморщился, словно ожидая, что ему сделают выговор.

Возможно, раньше Галад и впрямь отчитал бы его, ибо Детям Света полагается с честью терпеть лишения, но теперь ему не давали покоя воспоминания об уроках Моргейз — тех, что в юности он не понимал. Вдохновляй подчиненных своим примером. Требуй от них силы, но сперва продемонстрируй ее сам.

Галад кивнул на показавшийся впереди сухой островок:

— Собери людей. Я поговорю с теми, кто в первых рядах. Пусть запишут мои слова и передадут остальным.

Борнхальд озадаченно взглянул на него, но выполнил приказ. Отступив в сторону, Галад взобрался на небольшой пригорок, положил ладонь на рукоять меча и зорко оглядел окруживших его

солдат. Те, перепачканные болотной грязью, и от усталости едва державшиеся на ногах, отгоняли мошкару и почесывали искусанные шеи.

— Мы — Дети Света, — заявил Галад, когда собрались воины первых шеренг. — Для человечества наступили темнейшие времена. Дни, когда надеяться почти не на что и повсюду царит смерть. Но чем чернее ночь, тем ярче в ней свет. Ясным днем самый яркий огонь маяка покажется тусклым, но, когда не станет других огней, маяк воссияет путеводной звездой!

Мы и есть этот маяк. Окрестная топь — очередное испытание. Но мы — Чада Света, и испытания делают нас сильнее. Те, кому следовало бы чествовать нас, охотятся за нами, а другие пути ведут в могилу. Поэтому мы пойдем вперед — ради всех, кого должны защитить, на Последнюю битву ради Света!

Ужель нас испугает какое-то болото? Я отказываюсь видеть его топкую грязь и обонять его гиблый дух, потому что горжусь! Горжусь, что мне выпало жить в наши времена и созидать грядущее. Все люди, жившие в нынешнюю эпоху, с нетерпением ждали этого дня. Дня испытаний для человечества! Пусть другие причитают над судьбиной, пусть заходятся в стенаниях и проли-

вают слезы. Другие, но не мы, ибо мы встретим любые невзгоды с гордо поднятой головой! И пусть они проверят нашу стойкость!

Речь получилась недолгой — Галаду хотелось поскорее выбраться из болота. Тем не менее она, похоже, возымела свое действие. Люди расправили плечи и закивали. Те, кого выбрали записывать слова Галада, отправились зачитывать прозвучавшую речь задним шеренгам.

Когда войско двинулось вперед, солдаты уже не волочили ноги и перестали сутулиться. Галад не сходил с пригорка, чтобы оставаться на виду, и принял несколько донесений.

Когда все семь тысяч прошли мимо, он заметил у подножия холмика небольшую группу ожидавших. Среди них был чадо Джарет Байар. Сухопарый, узколицый, он смотрел на Галада, и запавшие глаза его сияли от восторга.

— Чадо Байар, — поприветствовал его Галад, спускаясь с холмика.

— Отличная речь, милорд капитан-командор! — с жаром воскликнул Байар. — Последняя битва! Да, пора нам вступить в Последнюю битву, и впрямь пора!

— Таково наше бремя, — подтвердил Галад. — И наш долг.

— Мы поскачем на север, — продолжил Байар. — К нам присоединятся другие, и нас станет больше. Десятки и даже сотни тысяч Детей Света, сокрушительная сила! Мы заполоним собой все тамошние земли. Быть может, соберем достаточно людей, чтобы сокрушить Белую Башню и разделаться с ведьмами, а не заключать с ними вынужденный пакт.

— Айз Седай нам понадобятся, чадо Байар, — покачал головой Галад. — На стороне Тени будут не только Повелители ужаса с мурддраалами, но еще и Отрекшиеся.

— Да, пожалуй, — неохотно признал Байар. Что ж, он и раньше с недоверием относился к этой идее, но все же согласился с ней.

— Тернист наш путь, чадо Байар, но Дети Света возглавят Последнюю битву.

Злодеяния Валды бросили позорную тень на весь орден. Более того, Галад все больше убеждался, что в неподобающем обращении с его мачехой и в ее смерти Асунава сыграл не последнюю роль. Иначе говоря, и сам верховный инквизитор не без греха.

Главное в жизни — поступать правильно, и ради этого можно пожертвовать чем угодно. В тот момент правильным поступком было бегство.

Галад не мог противостоять Асунаве, поскольку верховный инквизитор заручился поддержкой шончан. Кроме того, Последняя битва намного важнее стычки с Асунавой.

Галад споро зашагал по грязи и вскоре поравнялся с головой колонны Детей Света. Передвигались они налегке: вьючных животных было немного, броню несли на себе, а коней нагрузили снаряжением и провиантом.

Здесь Галад обнаружил, что Тром разговаривает с несколькими солдатами, которые вместо белых табаров и стальных шлемов носили одежду из кожи и коричневые плащи. Это были разведчики. Тром почтительно кивнул Галаду; этот лорд-капитан был в числе немногих, кому тот доверял больше остальных.

— Разведчики говорят, — сказал Тром, — что впереди вышла небольшая заминка, милорд капитан-командор.

— Что за заминка?

— Лучше будет не рассказать, а показать, милорд, — сказал командир разведчиков по имени Барлетт.

Галад жестом велел ему идти вперед, и Барлетт двинулся туда, где болотные заросли начинали редеть. Хвала Свету, неужели войско с минуты на

минуту выберется из этой грязи?

Нет. Последовав за Барлеттом, Галад обнаружил еще нескольких разведчиков, разглядывавших мертвый лес. Почти у всех росших на болоте деревьев была листва, хоть и чахлая и болезненная на вид, но впереди стояли пепельно-серые стволы с голыми ветвями. Такое впечатление, что тут был пожар, после которого все вокруг поросло мхом или нездорово-белесым лишайником, а от деревьев осталось одно название.

Местность оказалась затоплена — широкой, но мелководной рекой с очень медленным течением, подмывшей и обрушившей множество деревьев, чьи ветви торчали из грязно-бурой жижи, словно простертые к небу руки.

— Там трупы, милорд капитан-командор. — Один из разведчиков махнул рукой в сторону верховья. — Плывут в нашу сторону. Похоже, где-то вдалеке произошла битва.

— Эта река обозначена на картах? — спросил Галад.

Разведчики по очереди помотали головой.

Галад задумчиво сжал челюсти:

— Сумеем перейти ее вброд?

— Она мелкая, милорд капитан-командор, — отметил чадо Барлетт. — Но надо бы беречься

омутов.

Галад подошел к ближайшему дереву и с громким хрустом отломил длинную ветку:

— Я пойду первым. Пусть все снимут доспехи и плащи.

Приказ передали по рядам, а Галад тем временем сбросил доспех, завернул его в плащ, закинул узел за спину и завязал спереди. Потом он как можно выше закатал штанины, после чего ступил на отлогий берег и вошел в непроглядную воду, где сразу набрел на обжигающе-холодный ключ, отчего ноги вмиг заледенели. Сапоги глубоко погрузились в песчаное дно, наполнились водой и подняли илистые водовороты. За спиной раздался громкий всплеск: в реку шагнул Крепыш.

Идти было нетрудно: вода доходила лишь до колен, а ветка помогала понять, куда ставить ногу. Галада нервировали остовы умирающих деревьев. Похоже, гниль их не тронула. Подойдя ближе, он рассмотрел лишайники, покрывшие стволы и ветви, а на лишайниках — пепельно-серый пух и услышал новые всплески: в реку входило все больше Детей Света. Неподалеку застряли в камнях приплывшие с верховья трупы, человеческие и другие, побольше. «Мулы, — понял Галад, получше разглядев морды

животных. — Десятки мулов». Судя по тому, как раздуло туши, мертвы они уже довольно давно.

Должно быть, выше по течению разграбили какую-то деревню. Это были не первые мертвецы, что встретились на пути его армии.

Наконец Галад выбрался на берег, расправил штаны, надел доспехи и накинул плащ, чувствуя, как ноет плечо, куда пришлись удары Валды, и заходится раненое бедро.

Он повернулся и пошел на север по звериной тропе, указывая путь остальным Детям Света, выходившим из бурых вод. Страшно хотелось сесть на Крепыша, но Галад решил не рисковать: земля тут была сырая, неровная, с множеством незаметных ямок и провалов. Не ровен час, верховая езда закончится для коня сломанной ногой, а для всадника — пробитым черепом.

Поэтому он и его люди шли пешком, в окружении серых деревьев, обливаясь потом в этой проклятой жаре и мечтая о доброй помывке.

Спустя некоторое время сзади подбежал Тром:

— Все Чада перешли реку. Потерь нет. — Он глянул на небо. — Чтоб они сгорели, эти тучи! С таким небом не поймешь, который час.

— Четыре пополудни, — сказал Галад.

— Точно?

— Да.

— А как же привал? Разве мы не собирались обсудить дальнейшие действия?

Привал был запланирован на полдень. Предполагалось, что к тому времени войско выйдет из болот.

— Выбор у нас пока что небогатый, — заметил Галад. — Я поведу людей на север, в Андор.

— Детей Света встречали там… неприветливо.

— Есть уединенное местечко на северо-западе. Там от меня не отвернутся. И не важно, кто владеет троном.

Да ниспошлет Свет, чтобы Львиный трон удерживала Илэйн. Да ниспошлет Свет, чтобы она вызволилась из паутины Айз Седай, хотя Галад опасался худшего. Многие — и не в последнюю очередь ал'Тор — хотели бы использовать ее в качестве фишки на игровой доске. Она своевольна и упряма, и ею нетрудно манипулировать.

— Без припасов не обойтись, — сказал Тром. — Фуража маловато, а в деревнях, как правило, шаром покати.

То было справедливое замечание, и Галад кивнул.

— Хотя план неплохой, — согласился Тром, потом понизил голос. — Знаете, Дамодред, я боялся,

что вы не возьмете командование на себя.

— Как я мог отказаться? Нельзя же было бросить Детей, когда они лишились вождя.

— То есть для вас все так просто? — улыбнулся Тром.

— Не только для меня. Так должно быть для всех остальных. — Галад занял этот высокий пост из необходимости. Ему пришлось. Других вариантов не было. — Грядет Последняя битва, и Чада Света будут сражаться в ней. Даже если придется заключить союз с Драконом Возрожденным, мы обязательно будем в ней сражаться.

Уже какое-то время Галад размышлял об ал'Торе. Ясное дело, Дракону Возрожденному придется вступить в Последнюю битву. Но кем был этот ал'Тор — истинным Драконом или послушной марионеткой Башни? Небо вконец потемнело, а грязь стала почти непролазной. Нет, ал'Тор наверняка — истинный Дракон Возрожденный. Но это не значит, разумеется, что он не марионетка Айз Седай.

Вскоре скелеты деревьев сменились более привычным пейзажем. У здешних растений все равно были желтые листья и множество сухих ветвей, но это лучше, чем пепельно-серый пух.

Примерно часом позже Галад заметил, что чадо

Барлетт возвращается. Разведчик был сухим мужчиной, со шрамом на щеке. Когда он подошел, Галад поднял руку:

— Какие новости?

Барлетт приветствовал его, приложив руку к груди:

— Где-то через милю деревья редеют, а болото подсыхает, милорд капитан-командор. Дальше открытое поле, на нем ни души. Путь на север свободен.

«Хвала Свету!» — подумал Галад и кивнул Барлетту. Тот незамедлительно заторопился обратно, скрывшись среди деревьев.

Галад оглянулся на колонну своих солдат. Несмотря на пот, грязь и усталость, вид впечатляющий: каждый облачен в доспехи, у всех решительные лица. Эти люди прошли с ним через болотную западню. Славные ребята.

— Тром, передай новости остальным лордам-капитанам, — велел Галад. — Пусть подбодрят свои легионы. И часа не пройдет, как мы ступим на твердую землю.

Тром, который был постарше Галада, улыбнулся с тем же облегчением, которое чувствовал его командир. Стиснув зубы, чтобы не постанывать от боли в ноге, Галад шагал вперед. Рану хорошо

перевязали, и угрозы, что будет хуже, считай что нет. Да, порез неприятный, но с болью он справится.

Наконец-то они выйдут из этих топей! Дальнейший путь ему надо выбирать с осторожностью, держаться подальше от городков, большаков или поместий влиятельных лордов. Галад прокручивал в голове карты — те, что запомнил еще до десятых своих именин.

Он размышлял, прикидывал так и этак, пока желтолистая сень не истончилась и сквозь ветви не проглянуло скрытое за облаками солнце. Вскоре он заметил Барлетта, ожидавшего у края зарослей — внезапного и ровного, будто линия на карте.

Галад с облегчением вздохнул, предвкушая, как вновь окажется на просторе. Он выступил из-за деревьев, глянул направо и только тогда увидел, как на холм поднимается грандиозная армия.

Под клацанье доспехов и лошадиное ржание тысячи солдат выстраивались на вершине. Некоторые — Дети Света в кольчугах, нагрудниках и конических шлемах, отполированных до зеркального блеска. Их плащи и табары были девственно-белыми, на груди красовались эмблемы в виде многолучевого солнца; блестели

наконечники кавалерийских копий — ряды и ряды. Однако куда больше тут было пехотинцев, облаченных не в белые плащи Чад Света, а в простую коричневую кожу. Амадицийцы, вероятней всего, прихвостни шончан. У многих луки.

Нетвердо попятившись, Галад схватился за меч. Он сразу понял, что угодил в ловушку. Облачения очень многих Чад украшал крючковатый посох Десницы Света: стало быть, Вопрошающие. Если обычные Дети Света — огонь, что выжигает зло, то Вопрошающие — неукротимый пожар.

Галад по-быстрому прикинул, что перед ним три-четыре тысячи Детей и по меньшей мере шесть, а то и восемь тысяч пехотинцев, половина которых вооружена луками. Свежая десятитысячная армия. Сердце у него упало.

Из леса торопливо вышли Тром, Борнхальд, Байар и еще несколько Детей Света. Тром ругнулся себе под нос.

— Выходит, ты предатель? — повернулся к разведчику Галад.

— Это ты предатель, чадо Дамодред, — сурово взглянул на него Барлетт.

— Да, — согласился Галад. — Пожалуй, ты имеешь право на такое мнение.

Двигаться через болото предложили разведчи-

ки. Теперь Галад все понял: войско задержали, чтобы дать Асунаве опередить его. Переход вымотал его людей, а солдаты верховного инквизитора бодры и готовы к битве.

По кожаным ножнам скрипнул меч.

Не оборачиваясь, Галад вскинул руку:

— Спокойно, чадо Байар.

Несомненно, это он схватился за оружие. Наверное, хотел зарубить Барлетта.

Не исключено, что положение можно спасти. Галад тут же принял решение:

— Чадо Байар и чадо Борнхальд, останьтесь со мной. Тром, ты и другие лорды-капитаны выведите и выстройте людей на поле.

Отделившись от армии Асунавы, большая группа всадников выехала вперед и стала спускаться по склону холма. У многих была эмблема Вопрошающих. Асунава вполне мог устроить засаду и запросто перебить войско Галада, но вместо этого отправил к нему переговорщиков. Хороший знак.

Едва не поморщившись от боли в раненой ноге, Галад вскочил на коня. Байар и Борнхальд поступили так же и поскакали следом за командиром. Копыта глухо стучали по густой пожелтевшей траве. В ехавшей навстречу группе был и сам Асу-

нава, человек с кустистыми седоватыми бровями и такой тощий, что казался куклой из палочек, которую обтянули тканью, выкрашенной под кожу.

Улыбался Асунава нечасто. Не улыбался он и теперь.

Галад остановил Крепыша подле верховного инквизитора. Асунаву окружали несколько телохранителей из Вопрошающих, его сопровождали пятеро лордов-капитанов, с каждым из которых Галад встречался — или служил под его началом — за то недолгое время, что провел в рядах Детей Света.

Асунава подался в седле вперед и прищурил глубоко посаженные глаза:

— Твои бунтовщики строятся в боевой порядок. Отмени приказ, или лучники будут стрелять.

— Ты же не станешь игнорировать общепринятые обычаи ведения сражения? — сказал Галад. — Неужели засыплешь людей стрелами, пока они готовятся к битве? Где твоя честь?

— Приспешники Тьмы не заслуживают ни чести, ни жалости, — отрезал Асунава.

— Значит, ты именуешь нас приспешниками Тьмы? — Галад слегка повернул коня. — Все семь тысяч Детей Света, бывших под командованием

Валды? Людей, с которыми служили, дружили и сражались бок о бок твои солдаты? С которыми они делили стол и кров? Людей, подчинявшихся тебе лишь два месяца назад, а то и меньше?

Асунава замешкался. Называть семь тысяч Чад Света приспешниками Темного попросту смешно. Это значило бы, что двое из каждых троих Детей Света, что оставались в живых, переметнулись на сторону Тени.

— Нет, — ответил верховный инквизитор. — Вероятно, они просто… заблудшие. И достойный человек может сбиться с пути и свернуть на тропинку Тени, если им командуют приспешники Темного.

— Я не приспешник Темного, — возразил Галад, глядя ему прямо в глаза.

— Докажи это. Подчинись Вопрошающим.

— Лорд капитан-командор не подчиняется никому, — сказал Галад. — Именем Света я отдаю приказ тебе: отмени свое распоряжение готовиться к сражению.

— Чадо, — рассмеялся Асунава, — мы держим клинок у твоего горла! Сдавайся, не упускай последнюю возможность!

— Голевер, — сказал Галад, взглянув на лорда-капитана слева от Асунавы, долговязого мужчину

с бородой, человека крайне жесткого, но справедливого, — напомни мне, сдаются ли Дети Света?

— Нет, — покачал головой Голевер. — Мы не сдаемся. Свет дарует нам победу.

— А если расклад далеко не в нашу пользу? — спросил Галад.

— Мы будем сражаться.

— Невзирая на усталость и ранения?

— Свет обережет нас, — отозвался Голевер. — А если пришло нам время умирать, да будет так. Главное, забрать с собой побольше врагов.

— Видишь, в каком я затруднении? — вновь повернулся Галад к Асунаве. — Если ринемся в бой, ты обвинишь нас в том, будто мы приспешники Темного, но сдаться означает отречься от наших обетов. Моя честь лорда капитан-командора не приемлет ни того ни другого.

Асунава помрачнел:

— Ты не лорд капитан-командор, — заявил он. — Лорд капитан-командор погиб.

— От моей руки, — добавил Галад, вытянул клинок из ножен и выставил его вперед так, чтобы ясно были видны клейма в виде цапель. — И теперь его меч у меня. Неужели ты станешь отрицать, что собственными глазами видел, как я одолел Валду в честном и законном поединке?

— Допустим, поединок был законным, — признал Асунава. — Но честным ли? Не сказал бы. На твоей стороне была сила Тени. Я видел, как средь бела дня ты стоял во тьме, и еще я видел, как на лбу у тебя проступил клык Дракона. У Валды не было ни единого шанса.

— Гарнеш! — Галад повернулся к лорду-капитану справа от Асунавы, лысому и невысокому, потерявшему ухо в бою с преданными Дракону. — Скажи мне, сильнее Тень Света?

— Конечно нет, — ответил Гарнеш, сплюнув в сторону.

— Будь лорд капитан-командор достойным человеком, разве пал бы он от моей руки, сражаясь на стороне Света? Будь я приспешником Темного, разве одолел бы самого лорда капитан-командора?

Гарнеш не ответил, но видно было, что он крепко призадумался. Временами Тень набирается сил, но Свет всегда найдет ее и уничтожит. Да, приспешник Темного способен убить любого — в том числе и лорда капитан-командора. Но чтобы на дуэли перед другими Детьми Света? Сразить в честном поединке, перед лицом Света?

— Иной раз Тень проявляет силу и коварство, — вмешался Асунава, прежде чем Галад задал

следующий вопрос. — Иной раз гибнут достойные люди.

— Всем известно, что сделал Валда, — сказал Галад. — Погибла моя мать. Кто-то станет спорить, что у меня было право вызвать его на бой?

— Приспешники Темного лишены любых прав! Отныне никаких переговоров, убийца. — Асунава взмахнул рукой, и несколько Вопрошающих выхватили мечи.

Спутники Галада без промедления сделали то же самое. У себя за спиной он слышал, как изнуренные солдаты торопливо смыкают ряды.

— Что с нами будет, Асунава, коль чадо поднимет меч на чадо? — негромко спросил Галад. — Я не сдамся, но и не стану нападать. Не следует ли нам воссоединиться? Уже не врагами, но братьями, чьи пути разошлись лишь на время?

— Воссоединиться? Мне? С приспешниками Темного? Не бывать этому, — произнес Асунава, без особой уверенности в голосе. Он то и дело поглядывал на людей Галада. Да, Асунава одержит верх, но, если люди Галада не дрогнут, победа обойдется недешево. С обеих сторон полягут тысячи бойцов.

— Я подчинюсь, — сказал Галад, — но на определенных условиях.

— Нет! — воскликнул Борнхальд у него за спиной, но Галад поднял руку, приказывая молчать.

— И что же это за условия? — спросил Асунава.

— Ты поклянешься — перед Светом и перед лицом присутствующих здесь лордов-капитанов, — что не станешь подвергать допросу или осуждению тех, кто последовал за мной, либо каким-либо иным образом причинять им вред. Они были уверены, что поступают правильно.

Асунава прищурил глаза и сжал губы в тонкую прямую линию.

— Это относится и к моим спутникам. — Галад кивком указал на Байара с Борнхальдом. — Ко всем и каждому. Их не станут подвергать допросу ни при каких условиях.

— Нельзя чинить такие препятствия Деснице Света! В ином случае эти люди останутся вольны ступить на путь Тени!

— А что удерживает нас в Свете, Асунава? Один лишь страх перед допросом? — спросил Галад. — Разве Дети Света не избрали тропу праведной доблести?

Асунава молчал. Галад зажмурился. На него навалился груз ответственности. Каждая секунда промедления играла на руку его войску. Он снова открыл глаза:

— Грядет Последняя битва, Асунава. Не время пререкаться из-за пустяков, когда миру явился Дракон Возрожденный.

— Ересь! — воскликнул Асунава.

— Да, — согласился Галад. — Но в то же время правда.

Асунава заскрежетал зубами, но, похоже, задумался над предложением Галада.

— Галад, — тихо произнес Борнхальд, — не надо. Мы примем бой, и нас защитит Свет!

— В бою мы сразим немало достойных людей, чадо Борнхальд, — ответил Галад, не оборачиваясь. — Каждый взмах наших мечей станет ударом в пользу Темного. В этом мире не осталось воистину праведной силы, кроме Детей Света. Без нас не обойтись. Если от меня требуется отдать жизнь ради единства, так тому и быть. Думаю, ты поступил бы так же. — Он посмотрел в глаза Асунаве.

— Взять его, — бросил тот с недовольным видом. — И отзовите приказ к сражению. Известите легионы, что я арестовал этого самозваного лорда капитан-командора, а допрос покажет, сколь ужасные преступления он совершил. — Асунава помолчал. — И передайте тем, кто следовал за ним, что их не станут наказывать или подвергать

допросу. — С этими словами Асунава развернул коня и поскакал прочь.

Галад перехватил меч за клинок и протянул его эфесом к Борнхальду:

— Возвращайся к нашим людям. Расскажи обо всем, что произошло здесь, и запрети вступать в бой или пытаться вызволить меня. Это приказ.

На какое-то время Борнхальд пересекся с ним взглядом, после чего неохотно забрал меч и отсалютовал:

— Будет исполнено, милорд капитан-командор.

Едва Борнхальд с Байаром направились к войску, Галада грубо стащили с Крепыша. Упав на землю, он охнул, когда мучительная боль, зародившись в раненом плече, молнией пронзила грудь. Он попытался подняться, но Вопрошающие спешились и снова сбили его с ног.

Один примял Галада к земле, поставив сапог ему на спину. Послышался металлический скрежет: кто-то выхватил кинжал из ножен. Галаду рассекли застежки брони, а за ними и одежду.

— Ты недостоин облачения Детей Света, приспешник Тьмы, — сказал Вопрошающий ему в ухо.

— Я не приспешник Темного, — повторил Га-

лад, чье лицо было прижато к траве. — И никогда не смирюсь с этой ложью. Я шествую в Свете.

Наградой за эти слова послужил удар сапогом под ребра, потом — второй, потом еще и еще. Галад сжался в комок и застонал, но побои не прекратились.

Наконец его окутала тьма.

* * *

С холма, местами поросшего бурым сорняком — ни дать ни взять грязные потеки на физиономии голоштанника, — спускалось существо, бывшее когда-то Паданом Фейном.

Черные небеса. Буря. Ему это нравилось, хотя он ненавидел того, кто стал причиной бури.

В нем не осталось — и не могло остаться — ничего, кроме ненависти. Ненависть означала, что он еще жив. Одно-единственное чувство, всепоглощающее, волнующее, теплое и прекрасное. Исступленная ненависть. Просто чудесно. Буря придавала ему сил, и с каждым шагом он приближался к своей цели. Ал'Тор должен умереть. Умереть от его руки. А после него, пожалуй, Темный. Просто чудесно…

Существо, бывшее когда-то Паданом Фейном, ощупало ребристый узор из тонкой золотой

проволоки, что обвивала рукоять великолепного кинжала, увенчанную крупным рубином. Обнаженное оружие стиснуто в правой руке, клинок зажат между пальцами, указательным и средним. На обоих пальцах — десятки порезов, и с жала сочится кровь, оставляя на сорняках багровые пятна, чтобы владелец кинжала не унывал. Над головой черно, под ногами красно. Прекрасно. Быть может, причиной бури стала его ненависть? Да, наверняка так оно и есть.

Существо шло на север, углубляясь в Запустение, и капли крови падали рядом с черными пятнами на мертвых листах и стеблях пожухлых растений.

Он умалишенный, и это хорошо. Прими безумие, обними его, выпей, будто воду, воздух или сам солнечный свет, — и оно станет частью тебя. Чем-то вроде руки или глаза. Ты сможешь видеть глазами безумия. Касаться предметов руками безумия. И это великолепно. В этом — настоящее избавление.

Наконец-то он свободен.

Существо, бывшее когда-то Мордетом, спустилось с холма, ни разу не оглянувшись на багрянистую массу, оставленную им на вершине. Убивать червей правильным способом — тяже-

лая и грязная работа, но некоторые вещи нужно делать как надо. В этом вся суть.

Земля сочилась туманом, и тот полз за ним вдогонку. Откуда он взялся, этот туман? Из его безумия? Из его ненависти? Такой знакомый… Вьется у ног и лижет пятки.

Кто-то выглянул из-за холма по соседству. Выглянул и тут же спрятался. Умирая, черви сильно нашумели, да и в остальном они не самые тихие создания. Стая червей способна уничтожить целый легион. Когда слышишь, как они шумят, ноги в руки и беги куда подальше. С другой стороны, правильнее отправить разведчиков, чтобы те выяснили, куда движется стая червей. Иначе не ровен час напорешься на нее где-то еще.

Поэтому существо, бывшее когда-то Паданом Фейном, нисколько не удивилось, обнаружив за холмом группу нервных троллоков под командованием мурддраала.

Существо улыбнулось: «Мои друзья». Так давно это было.

Тупоумные звероподобные твари не сразу пришли к очевидному, но неверному выводу. Раз здесь человек, тогда поблизости нет червей: те учуяли бы человеческую кровь и напали, ведь люди для них предпочтительнее троллоков.

Истинная правда. Существо, бывшее когда-то Мордетом, пробовало на вкус и тех и других. Троллочье мясо — такая дрянь, что врагу не пожелаешь.

Троллоки рванули вперед разнородной стаей: перья, клювы, когти, клыки, кабаньи рыла. Существо, бывшее когда-то Фейном, застыло на месте, и туман облизывал ему босые ноги. Просто чудесно! Мурддраал за спинами троллоков замешкался, повернув к необутому существу безглазое лицо. Наверное, почуял, что здесь что-то не так. Очень-очень не так. И в то же время все так, как надо. Само собой, ведь «правильно» и «неправильно» — две половинки одного целого, иначе все утратило бы смысл.

Существо, бывшее когда-то Мордетом — вскоре ему понадобится новое имя, — улыбнулось до ушей.

Мурддраал пустился было в бегство, но тут всех накрыло туманом.

Он стремительно захлестнул троллоков, опутал их щупальцами левиафана, что обитает в океане Арит, и пронзил тварям грудины. Одна длинная плеть хлестнула у них над головой, метнулась вперед и ударила Исчезающего в шею.

Крича, конвульсивно дергаясь и роняя клочья

шерсти, троллоки падали на землю, где вскипали волдырями и нарывами. Лопаясь, те оставляли на шкуре отродий Тени кратерообразные оспины, похожие на пузыри, что покрывают остуженный металл.

Существо, бывшее когда-то Паданом Фейном, восторженно разинуло рот, зажмурилось и подняло лицо к беспокойно-черному небу, наслаждаясь этим пиршеством. Когда все закончилось, существо вздохнуло, крепче стиснуло кинжал — и снова порезало пальцы.

Над головой черно, под ногами красно. Черно-красно, черно-красно, повсюду черно и красно… Просто чудесно.

Существо брело по Запустению.

За спиной у него вставали изувеченные троллоки, вставали и шатко следовали за ним, роняя слюну изо ртов и пастей. Глаза — тусклые, взгляды — тупые, но стоит лишь ему захотеть, эти троллоки войдут в такой боевой раж, какого в жизни не ведали.

Мурддраала существо бросило на месте: вопреки слухам, он не восстанет. Прикосновение этой твари несло собратьям-мурддраалам мгновенную смерть. Жаль. Его ногтям нашлось бы достойное применение.

Может, имеет смысл раздобыть перчатки. С другой стороны, в перчатках существо не порежет руку. Кругом одни проблемы…

Ну да ладно. Вперед. Пришла пора убить ал'Тора.

Его опечалило, что охота подходит к концу. Однако в ней уже нет смысла. Зачем охотиться, если в точности знаешь, где искать будущую жертву? Ты просто приходишь к ней, и все.

Приходишь к ней, как старый друг. Дорогой и милый сердцу друг, выкалываешь ей глаза, вспарываешь брюхо и пригоршнями жрешь потроха, запивая кровью. Вот как надо обращаться с друзьями.

И это большая честь.

* * *

Маленарин Рай перебирал отчеты поставщиков припасов и снаряжения. Позади его стола находилось окно, и тут треклятый ставень хлопнул и вновь распахнулся, впуская в кабинет влажную духоту Запустения.

За десять лет на должности командора башни Хиит он так и не свыкся с климатом нагорья, с его жарой, сыростью и удушливым воздухом, зачастую напитанным тухлой вонью.

Ветер, завывая, гремел ставнями. Рай встал, подошел к окну, закрыл ставень и закрепил его бечевкой, чтобы он больше не открывался.

Вернувшись к столу, он просмотрел реестр новоприбывших солдат. Каждое имя сопровождалось указанием особых умений и навыков — здесь у всех солдат есть и дополнительные обязанности. Кто-то умел накладывать повязки, другой быстро бегал — вполне сгодится в вестовые. Третий метко стреляет из лука, четвертый знает, как придать старому вареву новый вкус. Маленарин всегда запрашивал людей с последним умением: повар, способный заманить солдат своей кормежкой, ценится на вес золота.

Отложив просмотренный рапорт, Маленарин прижал его троллочьим рогом. Этот рог, залитый свинцом, он держал на столе в качестве пресс-папье. Следующим документом в стопке оказалось письмо от некоего Барриги — купца, ведущего к башне свой торговый караван. Маленарин улыбнулся: в первую очередь он был человеком военным, но поперек груди носил три серебряные цепи старшины купеческой гильдии. Хотя в башню припасы по большей части поступали напрямую от королевы, никому из кандорских командоров не возбранялось вести торговые дела

с другими негоциантами.

Если повезет, сегодня Маленарин сумеет подпоить чужеземного торговца за переговорным столом. Он не раз навязывал купцам неподъемные условия сделки, а когда та срывалась, назначал им в наказание год военной службы за несдержанное слово, и этот год, проведенный в армии королевы, зачастую приносил толстопузым чужестранцам немалую пользу.

Он сунул письмо под троллочий рог и помедлил, увидев последний документ в стопке, требовавшей его внимания: управляющий напоминал, что близятся четырнадцатые именины его старшего сына Кимлина. Как будто Маленарин мог об этом забыть! Напоминание ему не требовалось.

Он с улыбкой прижал записку троллочьим рогом — на случай, если вновь распахнутся ставни. Обладателя этого рога он прикончил собственными руками. Задумавшись, Маленарин подошел к стене кабинета и открыл древний дубовый сундук. Помимо прочего, в нем лежал завернутый в холстину меч его отца. Маленарин ухаживал за коричневыми ножнами и регулярно смазывал их маслом, но они все равно выцвели от времени.

Через три дня он вручит этот меч Кимлину. В

день четырнадцатых именин мальчик становится мужчиной — в тот день, когда он получает свой первый меч, а с ним — ответственность за свою жизнь. Кимлин старательно изучал премудрости владения клинком под руководством самых требовательных наставников, каких только сумел найти Маленарин. Вскоре его сын станет мужчиной. Как летит время!

Не сдержав самодовольного вздоха, Маленарин захлопнул крышку сундука и отправился на дневной обход. В башне, в этом бастионе обороны, откуда вели наблюдение за Запустением, находилось две с половиной сотни солдат.

Любая обязанность — повод для гордости, и любое бремя делает тебя сильнее. Наблюдение за Запустением было долгом Маленарина и источником его силы. Важнейшая задача, особенно в наши дни, когда на севере разразилась непонятная буря, а королева, забрав с собой изрядное число кандорских воинов, отправилась искать Дракона Возрожденного. Маленарин прикрыл дверь кабинета, после чего, задвинув потайную щеколду, запер ее изнутри. Подобных дверей в коридоре было несколько, и во время штурма враг не сообразит, которая из них открывает путь на следующий лестничный пролет — то есть

скромный кабинетик играл свою роль в обороне башни.

Маленарин подошел к лестнице. С первого этажа нельзя было попасть на последние: нижние сорок футов башни являли собой сплошную западню. Пробившись через три казарменных яруса, где располагались солдаты гарнизона, враг не обнаружит пути на четвертый. Единственный способ забраться выше — узкий откидной пандус, который проходил вдоль наружной стены башни и вел со второго этажа на четвертый. Ступив на него, атакующие окажутся беззащитны перед стрелами с верхних этажей, а затем, когда половину вражеских солдат перестреляют, кандорцы обрушат мостик, разделив силы неприятеля, и прикончат тех, кто останется наверху и станет блуждать в поисках внутренних лестниц.

Быстрым шагом Маленарин поднимался наверх. Проделанные через определенные промежутки в боковинах ступеней прощелины служили бойницами, из которых открывался превосходный вид на нижний лестничный пролет, и лучники кандорцев не преминут этим воспользоваться. На полпути к верхушке башни Маленарин услышал шаги: кто-то в спешке спускался навстречу. Секундой позже из-за поворота

лестницы появился сержант дозора по имени Ярген. Подобно большинству кандорцев, он носил раздвоенную бородку; его черные волосы были припорошены сединой.

В дозор Запустения Ярген вступил на следующий день после четырнадцатых именин. На рукаве форменной коричневой куртки он носил шнур с завязанными на нем узлами — по одному на каждого убитого сержантом троллока. Сейчас узлов на шнуре было почти пятьдесят.

Ярген отсалютовал Маленарину, коснувшись рукой груди, потом опустил ладонь на меч, выказав тем самым почтение командиру. Во многих странах подобное прикосновение к оружию сочтут за оскорбительный выпад, но южане славятся скверным нравом и раздражительностью. Неужели им непонятно, что, дотронувшись до меча, ты чествуешь командира, давая понять, что видишь в нем достойного соперника?

— Милорд, — хрипло сказал Ярген, — на Ренской башне замечена вспышка.

— Что за вспышка? — осведомился Маленарин.

— Отчетливая, милорд, — ответил Ярген, развернувшись и шагая с ним в ногу. — Сам видел, своими глазами. Всего лишь вспышка, но тем не менее.

— Больше ничего? Исправление не присылали?

— Не знаю. Может быть. Я сразу побежал за вами.

Будь у Яргена еще новости, он бы ими наверняка поделился, поэтому Маленарин не стал утруждать себя расспросами. Вскоре оба взошли на вершину башни, где находилось громадное устройство из зеркал и ламп. С помощью этого приспособления можно было посылать сигналы на запад и восток, где вдоль границы Запустения высились другие бастионы, или на юг, по цепочке башен, ведущей к дворцу Айздайшар в Чачине.

Отсюда открывался вид на бескрайние кандорские холмы и нагорья. Некоторые из южных холмов еще тонули в легком мареве утреннего тумана. Эти земли — поюжнее, где не было этой неестественной жары, — вскоре зазеленеют, и кандорские пастухи приведут на горные пастбища отары овец.

К северу тянулось Великое Запустение. Маленарин читал о днях, когда с его башни почти не видно было этой уродливой мерзости. Теперь же Запустение подобралось едва ли не к самому основанию каменных стен. Ренская башня тоже находилась на северо-западе. Ее командор — лорд

Ниах из Дома Окатомо — приходился Маленарину дальним родственником и добрым другом. Он не стал бы отправлять вспышку без причины, и прислал бы сигнал отмены, будь эта вспышка случайной.

— Еще что-то было? — спросил Маленарин.

Дозорные помотали головой. Ярген принялся постукивать ногой по полу, а Маленарин сложил руки на груди. Оба ждали нового сигнала.

Но никакого сигнала не было. Башня Рена в нынешние дни стояла уже в самом Запустении — куда севернее башни Хиит. Обычно ее расположение не вызывало вопросов: даже самые свирепые обитатели Запустения знали, что атаковать кандорскую башню будет себе дороже.

Сигнала корректировки не последовало. Ни единого проблеска.

— Отправьте сообщение в Ренскую башню, — велел Маленарин. — Спросите, не была ли вспышка ошибочной. И еще свяжитесь с Фармейской башней. Может, оттуда заметили что-то подозрительное.

Ярген отдал распоряжения подчиненным, но взглянул на Маленарина так хмуро, будто спрашивал: «Неужели вы думаете, что я еще не сделал этого?» Значит, сообщения отправили, но ответа

не получили.

По площадке наверху башни гулял ветер — влажный и чересчур жаркий. Стальные детали зеркального механизма поскрипывали, когда дозорные отправляли очередную серию вспышек. Маленарин посмотрел на грозовое небо, по-прежнему кипучее и черное. Ему показалось, что буря улеглась.

И это было весьма подозрительно.

— Отправьте сообщение в тыл, на башни внутри страны, — сказал он. — Расскажите, что мы видели. Пусть подготовятся на случай неприятностей.

Солдаты приступили к работе.

— Сержант, — спросил Маленарин, — кто у нас следующий по списку вестовых?

К гарнизону башни был приписан небольшой отряд мальчишек, превосходно умевших держаться в седле. Они были легче взрослого мужчины, и их можно отправить на быстрых конях, коль скоро командор решит не пользоваться сигнальным устройством. Зеркала передают сведения быстрее всего, но нельзя исключать, что их вспышки заметит враг. К тому же, если аппарат поврежден или линия башен разорвана, необходим и другой способ доставить сообщение

в столицу.

— Следующим… — Ярген сверился со списком, прибитым с внутренней стороны двери, ведущей на лестницу, — идет Кимлин, милорд.

Кимлин. Сын Маленарина.

Он взглянул на северо-запад, на безмолвную башню, откуда недавно пришла зловещая вспышка, и обратился к солдатам:

— Если будет хотя бы намек на ответ от других башен, немедленно дайте мне знать. Ярген, пойдешь со мной.

Оба поспешили вниз по лестнице.

— Надо отправить гонца на юг, — сказал Маленарин, потом остановился и добавил: — Нет. Нужно послать несколько гонцов. Удвоить их число — на случай, если башни падут. — И он вновь стал торопливо спускаться по ступеням.

Спустившись по лестнице, они вошли в кабинет, где опять громко стучала вырвавшаяся на волю треклятая ставня, а ветер трепал бумаги на столе. Маленарин выхватил из подставки лучшее гусиное перо и потянулся за чистым листом бумаги.

* * *

Сообщаю, что Рена и Фармей не отвечают на световые сообщения. Возможно, башни захвачены или оказались в трудном положении. Хиит будет стоять до конца.

* * *

Сложив донесение, Маленарин протянул его Яргену, который взял записку затянутой в кожаную перчатку рукой. Прочитав сообщение, сержант хмыкнул:

— Значит, две копии?

— Три, — ответил Маленарин. — Созови лучников и отправь их на крышу. Пусть будут готовы к атаке с неба.

Если только он не шарахается от собственной тени, если башни по обе стороны от Хиитской и впрямь пали так быстро, то нельзя исключать, что другие укрепления южнее повторят их судьбу. Будь сам Маленарин на месте нападавших, то первым делом пробрался бы на юг и захватил сначала хотя бы одну из тамошних башен. Это вернейший способ сделать так, чтобы известия не дошли до столицы.

Ярген отсалютовал, коснувшись кулаком груди, и ушел. Сообщение отправят незамедлительно, один раз с помощью зеркал и трижды на лошадях. Маленарин не сдержал облегченного вздоха: в числе тех, кто поскачет в безопасное место, будет его сын. В этом нет ни позора, ни бесславия. Ведь кто-то должен доставить рапорт, а следующим по списку вестовых идет Кимлин.

Маленарин выглянул в окно. Подобно окнам кабинетов всех командоров башен, оно смотрело на север, в сторону Запустения и клокочущей бури с ее серебристыми тучами. Иногда они приобретали правильную геометрическую форму. Маленарин внимательно слушал рассказы проезжавших через эти земли купцов. Наступают тревожные времена. Иначе королева не отправилась бы на юг искать Лжедракона. И не важно, насколько он влиятелен или хитер. Королева верила в него.

Грядет Тармон Гай'дон, Последняя битва. Глядя на бурю, Маленарин подумал, что видит границу времен, и она была не так уж далеко. Казалось, тучи сгущаются, погружая северные земли во тьму.

И эта тьма надвигалась.

Маленарин выскочил из кабинета и взбежал на

крышу, где солдаты, превозмогая порывы ветра, возились с зеркалами.

— Вы отправили сообщение на юг? — спросил он.

— Да, милорд, — ответил недавно разбуженный лейтенант Ландалин. Ему было поручено командовать солдатами на верхушке башни. — Ответа так и нет.

Глянув вниз, Маленарин заметил троих всадников, на полном скаку помчавшихся прочь от Хиита. Сперва вестовые заглянут в Барклан (если эту башню еще не атаковали), чей капитан отправит их дальше на юг — просто на всякий случай. Если же Барклан не устоял, мальчишки поскачут дальше — если надо, до самой столицы.

Он снова поднял глаза на бурю. Приближение тьмы не давало ему покоя. Похоже, началось.

— Поднять оборонительные заслоны, — велел он Ландалину. — Вскрыть резервные склады, опустошить погреба. Подносчикам собрать все стрелы и быть наготове рядом с лучниками. Самим же лучникам занять позиции у каждого узкого места, возле каждой бойницы и каждого окна. Проверить зажигательные снаряды, выставить людей у наружных пандусов, чтобы по команде обрушить их. Готовиться к осаде.

Ландалин выкрикнул приказы, и солдаты разбежались исполнять распоряжения. За спиной Маленарина шаркнули по камню сапоги, и он глянул через плечо: кто там, снова Ярген?

Нет. Юноша без малого четырнадцати зим, еще безбородый, с растрепанными темными волосами и лицом, на котором блестит пот после пробежки вверх на семь этажей башни — или же по какой-то иной причине.

Кимлин. Маленарина кольнул страх, тут же сменившийся гневом.

— Почему ты не отбыл с донесением, солдат?!

Кимлин закусил губу.

— Видите ли, милорд, — сказал юноша, — Тиан на четыре строчки ниже меня. Но он легче фунтов на пять, а то и все десять. Это, милорд, большая разница. Он скачет гораздо быстрее, а донесение, как видно, чрезвычайно важное. Вот я и попросил, чтобы его отправили вместо меня.

Маленарин нахмурился. Вокруг суетились солдаты, сбегали по лестницам или занимали места у башенной стены, вооружившись луками. За стеной завывал ветер. Начал погромыхивать гром — негромко, однако назойливо.

— Мать Тиана, леди Ябет… — посмотрел ему в глаза Кимлин. — Запустение забрало у нее чет-

верых сыновей. — Он почти шептал, чтобы этих слов не услышал никто, кроме Маленарина. — У нее не осталось никого, кроме Тиана. Если у кого-то из нас есть шанс спастись, пусть это будет Тиан, милорд.

Маленарин выдержал его взгляд. Мальчик знал, что будет. Помоги ему Свет, он все понимал. Мог спастись, но вместо этого спас товарища.

— Кралле! — окликнул Маленарин солдата, проходившего мимо.

— Да, милорд командор?

— Сбегай ко мне в кабинет. Там дубовый сундук, а в нем меч. Принеси его сюда.

Солдат приложил руку к груди и побежал выполнять приказ.

— До именин еще три дня, отец, — напомнил Кимлин.

Маленарин ждал, заложив руки за спину. Сейчас важнее всего быть на виду, чтобы бойцы набирались решимости, глядя на своего командира. Кралле вернулся с мечом в потертых ножнах с изображением пылающего дуба — гербом Дома Рай.

— Отец, — повторил Кимлин, — до именин…

— Это оружие передают мальчику, когда он становится мужчиной, — перебил его Малена-

рин. — Как вижу, я запоздал, ибо передо мной стоит уже не мальчик, но мужчина.

Он вытянул вперед правую руку, в которой держал меч. Все воины на верхней площадке башни повернулись к нему: и дозорные, и солдаты у зеркал, и стрелки с луками на изготовку. Все они были порубежниками. На четырнадцатые именины каждый получил свой меч и прекрасно помнил, как щемит в груди, когда становишься совершеннолетним. Прекрасное чувство, знакомое им всем до единого, но это не умаляло значимости события.

Кимлин опустился на колено.

— Зачем ты обнажаешь меч? — спросил Маленарин, повысив голос, чтобы слышали все присутствующие.

— Для защиты чести, семьи и отчизны, — ответил Кимлин.

— Когда ты опустишь его?

— Когда испущу последний дух и он сольется с северным ветром.

— Когда окончится твой дозор?

— Никогда, — прошептал Кимлин.

— Не слышу.

— Никогда!

— Обнажив этот меч, ты станешь воином и

всегда будешь держать его подле себя, готовый сразиться с Тенью. Обнажишь ли ты этот меч? Присоединишься ли к нам не мальчиком, но мужчиной?

Кимлин поднял глаза, крепко взялся за рукоять и вынул клинок из ножен.

— Сын мой, поднимись как мужчина! — провозгласил Маленарин.

Кимлин встал и высоко поднял меч. На блестящем клинке заиграл рассеянный солнечный свет. На площадке раздались одобрительные возгласы.

В такой момент не стыдно уронить слезинку. Сморгнув ее, Маленарин опустился на колени и застегнул пояс с ножнами на талии сына. Солдаты не унимались, и Маленарин знал: они кричат не только в честь Кимлина. Своими воплями они хулят саму Тень. На какое-то время голоса перекрыли урчание грома.

Встав на ноги, Маленарин положил руку Кимлину на плечо. Меч скользнул в ножны, и оба повернулись к надвигавшейся Тени.

— За тучами что-то движется, — указал вверх один из лучников. — Вон там!

— Драгкар! — воскликнул другой стрелок.

Чудовищные тучи подползали к башне, и

отброшенная ими тень уже не скрывала накатывающуюся орду троллоков. В небе появился драгкар, но тут же вскрикнул, нескладно забил черными крыльями и упал, сраженный десятком стрел.

К Маленарину протолкался Ярген:

— Милорд, — он бросил взгляд на Кимлина, — мальчику пора вниз.

— Он уже не мальчик, — с гордостью ответил Маленарин. — Он мужчина. Докладывай.

— Все готово. — Ярген выглянул за стену, оценивая масштабы атаки с бесстрастием командира, проводящего осмотр конюшни. — Скоро они узнают, что срубить это дерево не так-то просто.

Маленарин кивнул. Плечо Кимлина напряглось. Море троллоков казалось безбрежным. Враг будет прибывать волна за волной, и башня неминуемо падет.

Но всякий мужчина на верхушке этой башни помнил, каков его долг: убивать исчадий Тени и тянуть время, чтобы вестовые успели принести пользу.

Маленарин был порубежником — так же, как его отец и сын, стоявший рядом с ним. А порубежники твердо знают свою задачу: держи оборону, пока тебя не сменят.

И на этом все.

Глава 1
Первым делом яблоки

Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя в наследство воспоминания, которые становятся легендой. Легенда тускнеет, превращаясь в миф, и даже миф оказывается давно забыт, когда эпоха, что породила его, приходит вновь. В эпоху, называемую Третьей, в эпоху, которая еще будет, в эпоху, которая давно миновала, над туманными вершинами Имфарала поднялся ветер. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Но это было началом.

Морозный и легкий, ветер танцевал по полям, поросшим молодыми, но заиндевевшими горными травами. Они не оттаяли и под первыми

лучами солнца, скрытого за вездесущими тучами, посмертной маской зависшими высоко в небесах. Стоило взглянуть на чахлую, пожелтевшую траву, и становилось ясно, что не первую неделю собираются эти тучи.

Взбивая утренний туман, ветер отправился на юг, где подзнобил небольшой прайд *тормов*. Те лежали на плоском, поросшем лишайником гранитном уступе, дожидаясь утреннего солнца, чтобы понежиться в его лучах, но солнцу не суждено было выглянуть из-за туч. Вместо него на уступ нахлынул ветер, прокатился по склону и взъерошил чахлые муровые деревья, которым напоминающая веревки кора и пучки толстых зеленых игольчатых листьев на верхушках придавали неопрятный вид.

Спустившись в предгорье, ветер свернул на восток и полетел над открытой равниной. Когда-то там росли деревья и кусты, но все они пали жертвой солдатского топора. Поле давней брани окружало тринадцать высоких крепостей, высеченных из одного лишь неотшлифованного черного мрамора. Каменные блоки, из которых возводили цитадели, оставили необработанными, дабы эти башни наводили на мысль о первобытной несформировавшейся силе — ведь

они были предназначены для войны. По традиции они пустовали. Как долго это продлится? Как долго будут почитать эту традицию на погрузившемся в хаос континенте? Это еще предстояло узнать.

Ветер продолжил путь на восток и вскоре уже забавлялся с мачтами полусгоревших кораблей у причалов Такисрома, а дальше, в Сонном заливе, миновал виновников этого побоища: гигантские боевые махины под кроваво-красными парусами, закончив свою зловещую работу, шли на юг.

Снова свернув к суше, ветер пролетел мимо лениво горящих городов и деревень, мимо переполненных войсками равнин и пристаней, облепленных тяжело вооруженными судами. Что над жухлой травой, что под сумрачным небом, называемым небом начальника порта, курился дым, реяли стяги и раздавались боевые кличи.

Люди уже не перешептывались, что близится конец времен. Они вопияли об этом. Пылали Луга Спокойствия, рухнула Башня Воронов, как и предвещалось в пророчестве, а Шондаром в открытую правил убийца. Настало время поднять меч и выбрать, на чьей ты стороне, а затем проливать кровь, окрашивая гибнущие земли в их последний цвет.

Ветер, завывая, устремился на восток, пронесся над знаменитыми Изумрудными утесами, а затем вырвался на океанский простор, оставив позади чадящий континент, что носил название Шончан.

Долгие часы этот ветер — в иную эпоху его назвали бы пассатом — несся дальше, петляя меж белых пенистых барашков и черных волн, скрывающих Свет весть какие тайны. В конце концов он наткнулся на другой континент — тихий, будто человек, затаивший дыхание перед тем, как опустится топор палача.

Достигнув громадной горы с обломанной вершиной, известной как Драконова гора, заметно обессилевший ветер облетел вокруг ее подножия и нырнул в раскидистый яблоневый сад, залитый светом послеполуденного солнца. Листья, что были когда-то зелеными, потускнели и приобрели желтоватый оттенок.

Ветер проник за приземистую деревянную ограду, скрепленную желто-коричневой льняной бечевой, — туда, где стояли двое: юноша и угрюмый мужчина преклонных годов. Старик был в заношенных коричневых штанах и свободной белой рубахе с деревянными пуговицами. Изрезанное морщинами лицо придавало ему

родственное сходство с деревьями.

Алмен Бант не особо разбирался в яблоневых садах, хотя когда-то посадил несколько деревьев у себя на ферме в Андоре. У кого из фермеров нет яблони-другой, чтоб было чем заполнить пустоту на обеденном столе? И еще в день женитьбы на Адринн он посадил пару ореховых деревьев. После смерти жены эти ее деревья рождали у него в душе теплое чувство — достаточно было посмотреть на них в окно.

Но держать фруктовый сад — совсем другое дело. На этом участке росло без малого три сотни деревьев. Сад принадлежал сестре Алмена; тот приехал к ней в гости, а его сыновья занимались отцовской фермой близ Кариброда.

В кармане рубахи у Алмена лежало письмо от сыновей, отчаянно взывавших о помощи, но он не мог вернуться домой. Здесь без него не обойтись. К тому же ему нравилось жить за пределами Андора. Алмен почитал свою королеву, но бывают времена — вот как нынешние, — когда слыть ее верным слугой все равно что пустить на пастбище чересчур много скотины: хлопот не оберешься.

— Что же нам делать, Алмен? — спросил Адим, тринадцатилетний мальчишка, унаследовавший

от отца золотистые волосы. — Эти деревья… Ну не должно оно так быть!

Алмен потер подбородок и почесал пропущенную за бритьем полоску щетины. К ним подошел Хан, старший брат Адима. Чуть раньше по весне — в честь приезда — он подарил Алмену зубной протез, собственноручно вырезанный из дерева: дивную вещицу на проволочках с отверстиями для тех немногих зубов, что остались у дяди во рту. Но если жевать слишком усердно, протез потеряет форму.

Совершенно прямые и нескончаемо — спан за спаном — длинные ряды аккуратно обрезанных, унавоженных и политых яблонь находились на идеальном расстоянии друг от друга. Зять Алмена — его звали Грегер — был человеком педантичным. Именно что был, ведь теперь его не стало. Потому-то Алмен и приехал к сестре.

Ночью, однако, со всех без исключения деревьев осыпались яблоки — крошечные, с мужской большой палец в поперечнике, не крупнее. Тысячи яблок за одну ночь сморщились и попадали. Весь урожай насмарку.

— Я, ребятки, даже не знаю, что сказать, — наконец признался Алмен.

— Что, слова на ум не идут? — Хан, удивительно

рослый для своих пятнадцати лет, пошел в мать: волосы у него были потемнее, чем у Адима. — Дядя Алмен, обычно ты говорливей менестреля посреди ночной попойки! — Став главой семьи, Хан любил показывать, что он само спокойствие и брат за ним как за каменной стеной, но иной раз не грех и потревожиться.

Сегодня Алмен был встревожен. Очень встревожен.

— Зерна осталось на неделю, а то и меньше, — негромко заметил Адим. — Да и то заняли под урожай. Больше нам никто ничего не даст. Потому что ни у кого ничего нет.

Сад, один из крупнейших в этих краях, обеспечивал сезонной работой добрую половину местных. Они рассчитывали на эти плоды. Теперь, когда почти ничего не растет, а запасы подъели за неестественно долгую зиму, деревня отчаянно нуждалась в этих яблоках.

А тут еще и несчастный случай, забравший жизнь Грегера… Однажды зять Алмена ушел в соседнюю деревню, Негинский Мост, там свернул за угол — и поминай как звали. Когда его искать стали, нашли только кривое дерево без листьев, и от его белесо-серого пепельного ствола разило серой.

Той ночью на нескольких дверях накорябали клык Дракона. А люди нервничали все сильнее. Раньше Алмен сказал бы, что эти болваны шарахаются от собственной тени, а под каждым валуном им мерещатся треклятые троллоки.

Теперь же… Что ж, теперь категоричности в нем поубавилось. Он взглянул на восток, в сторону Тар Валона. Может, это ведьмы сгубили весь урожай? Алмену очень не нравилось, что их рассадник так близок, но Алайсе требовалась помощь.

То дерево срубили и сожгли, но на том месте до сих пор воняло серой.

— Дядя? — неловко окликнул его Хан. — Как… Как же нам быть?

— Как быть? И правда, как же быть? — Чтоб мне сгореть, пора нам всем перебираться в Кэймлин. Новая королева уже навела там порядок, это как пить дать, и я буду чист перед законом. Где это слыхано, чтобы человек выступал в поддержку королевы, а взамен за его голову назначали награду? — Мальчишки непонимающе уставились на него, и Алмен понял, что его понесло не в ту степь. — Нет, ребятки, не так. Чтоб мне сгореть! Нельзя нам в Кэймлин, когда тут работы непочатый край. Говорите, плохо дело? Не хуже, чем

двадцать лет назад, когда у меня вымерзло все просовое поле. Как-нибудь перебьемся, ребятки. Свет даст, перебьемся.

Сами яблони выглядели прекрасно. Ни единой древоточинки, листья чуть желтоваты, но вполне нормальные. Да, той холодной весной почки распустились позже обычного, и яблоки не спешили созревать — но все же созревали.

— Хан, — услышал себя Алмен, — ты хоть знаешь, что на топоре твоего отца сколы появились? На том, каким он лес рубил? Пойди-ка наточи. А ты, Адим, сбегай за Усо и Муром. Пусть подойдут с тележками. Рассортируем падалицу да посмотрим — может, не все яблоки гнилые. Те, что получше, пустим свиньям на корм. Авось не откажутся. — У них хотя бы осталась пара свиней, но приплода той весной не было.

Мальчишки не торопились уходить.

— Давайте, бегом! — велел Алмен. — Толку-то прохлаждаться. И без того скорбей хватает.

Ребята послушно сорвались с места. Как говорится, не бывает скуки, коли заняты руки. Пусть поработают. Хотя бы отвлекутся от мыслей о будущем.

Но Алмену работа не поможет. Облокотившись на ограду, он почувствовал под руками шерша-

вые выемки на неструганом тесе. Ветер опять забрался под низ рубахи; Адринн всегда заставляла заправлять ее в штаны, но теперь, когда она умерла… честно говоря, Алмен и раньше предпочел бы носить рубаху навыпуск.

Но все равно он заправился.

Почему-то воздух был какой-то не такой. Тяжелый, будто в городе. Над вчерашними яблоками, а ныне сморщенными комочками, начинали жужжать мухи.

Алмен жил уже давно. Сам он годов не считал; за него это делала Адринн. Экая важность — зачем их считать-то? И так ясно, что Алмен повидал немало лет и зим.

Он видел, как насекомые губят урожай. Видел, как посаженное гибнет от наводнения, от засухи или от людской нерадивости. Но такого, как сегодня, он не видел ни разу за свою долгую жизнь. Прямо бедствие какое-то, сущее злосчастье. Местные в деревне уже голодать начинают. Говорить об этом не говорят, особенно при детях. Просто взрослые отдают недорослям потихоньку все, что есть. Им да кормящим женщинам. Но коровы уже не доятся, запасы гниют, а урожай чахнет на корню.

В письме, лежавшем у Алмена в кармане, гово-

рилось, что ферму ограбили проходившие мимо наемники. Никого не тронули, но еду забрали всю, подчистую. Сыновья живут тем, что копают и варят недорощенную картошку, да и той пять штук на сотню: остальные сгнили и зачервивели прямо в земле, хотя ботва осталась зеленой. Как это объяснить? Никак.

Не лучше обстояли дела и в десятках соседних деревень. Есть нечего, да и в самом Тар Валоне беда с провиантом.

Алмен глядел на идеально ровные ряды бесполезных яблонь, и у него едва не подкашивались ноги от всего этого бремени. Ему надоело делать вид, что все нормально. Надоело смотреть, как сестра надрывается ради урожая, обреченного на гибель. Эти яблоки… Предполагалось, что они спасут деревню. И его сыновей.

В животе заурчало. В последнее время в нем урчало все чаще.

«Что ж это получается, всему конец? — Такая мысль пришла в голову Алмену, когда он опустил взгляд на неестественно желтую траву. — Выходит, мы проиграли этот бой?»

На плечи давил неподъемный груз, и Алмен ссутулился. «Адринн…» — подумал он. В прошлом Алмен был разговорчив и любил посмеяться,

но теперь чувствовал себя изношенным, будто столб, по которому хлестал, хлестал и хлестал песок, пока от столба не осталась тоненькая щепка. Может, пришла пора лечь да помереть?

Он почувствовал загривком что-то теплое и, помедлив, поднял усталые глаза к небу. Лицо ему приласкал солнечный свет, и у Алмена отвисла челюсть: давно уже он не видел ясного солнца, но сегодня оно светило сквозь зияющую брешь в тучах. Алмену так захорошело, будто он сидел у печки, где Адринн пекла толстую лепешку на опаре.

Он выпрямился и поднял руку, прикрывая ладонью глаза. Сделал глубокий вдох и почувствовал… запах яблонь?

Развернувшись к саду, Алмен увидел цветущие яблони.

Ну, это уж совсем ни в какие ворота. Он протер глаза, но видение осталось прежним. Яблони и правда распускались, все до единой, и меж листвы пробивались белые цветки. Мухи с жужжанием поднялись в воздух, и их сдуло ветром. Темные остатки яблок на земле просто взяли и растаяли, будто воск в языках пламени. Через несколько секунд от них даже капли сока не осталось. Все поглотила земля.

Что творится? Не бывает такого, чтобы яблони цвели во второй раз. Неужели он с ума сходит?

С тянувшейся вдоль сада тропинки донеслись легкие шаги. Обернувшись, Алмен увидел, как со стороны предгорий идет высокий молодой человек с темно-рыжими волосами. Наряд у него был поношенный: коричневый плащ с просторными рукавами, а под плащом белая рубашка из простого льна, хотя штаны — черные, с золотой вышивкой на отворотах — выглядели куда богаче.

— Эй, незнакомец! — окликнул его Алмен, подняв руку и не зная, что еще сказать. Более того, он сомневался, что и впрямь видит то, что видит. — Ты… Ты заблудился, что ли?

Человек замер и обернулся так резко, будто его застали врасплох. Похоже, он удивился, увидев тут Алмена. А тот, разглядев, что левая рука молодого человека оканчивается культей, вздрогнул.

Незнакомец обвел взглядом окрестности и глубоко вздохнул:

— Нет, я не заблудился. В кои-то веки. Впервые за долгое-долгое время я следую верным путем.

Алмен поскреб щеку. Чтоб ему сгореть, еще одна полоска щетины! Впрочем, рука его так дрожала, что мог бы и вовсе не бриться.

— Не заблудился? Сынок, эта тропа ведет к одной лишь Драконовой горе. Дичь тут повыбили совершенно, так что на добычу не надейся. Нет там ничего хорошего.

— Это как сказать. — Незнакомец глянул за плечо. — Хорошее, оно повсюду есть. Главное, присмотреться как следует. Но слишком долго смотреть тоже нельзя. Равновесие в том, чтобы научиться, но не позволить себя сокрушить.

Алмен сложил руки на груди. Слова этого человека… Такое чувство, что Алмен говорит про одно, а рыжий парень — про другое. Наверно, у него с головой неладно. Хотя было в нем что-то — в его позе, в его спокойном, но пристальном взгляде… Алмену захотелось выпрямиться, развернуть плечи, смахнуть пыль с рубахи, дабы выглядеть поприличнее. К тому же молодой человек казался смутно знакомым.

— Я тебя знаю? — спросил Алмен.

— Да, — ответил парень, потом кивнул на фруктовый сад. — Зови людей, пусть соберут яблоки. В скором времени они пригодятся.

— Яблоки? Но…

Алмен обернулся, и у него отвисла челюсть. Деревья ломились от новых спелых, красных яблок, а цветки, что он видел несколько минут назад,

опали, укрыв землю белоснежным одеялом.

Казалось, яблоки светятся изнутри. На каждом дереве их насчитывалось не десятки, но сотни — ни одна яблоня никогда столько не даст, — и все они были совершенно спелыми.

— Вот теперь я точно спятил, — прошептал Алмен и вновь повернулся к незнакомцу.

— Спятил не ты, друг мой, — ответил тот, — спятил весь мир. Собирайте яблоки, да побыстрее. Думаю, на какое-то время мое присутствие отпугнет его, а сорванных вами яблок он коснуться уже не сумеет.

Этот голос… Эти глаза, словно серые драгоценные камни в оправе его лица…

— Я и впрямь тебя знаю. — Алмен припомнил, как сколько-то лет назад подвозил на телеге странную парочку юных пареньков. — О Свет! Ты — это он? Тот, о ком все говорят?

— Возможно. — Человек посмотрел ему в глаза, и на Алмена сошло необычайное спокойствие. — Обо мне часто говорят. — Он с улыбкой вернулся на тропу и пошел своей дорогой.

— Постой! — позвал Алмен и протянул к молодому мужчине руку, уже не сомневаясь, что перед ним Дракон Возрожденный. — Куда ты идешь?

Оглянувшись, человек едва заметно помор-

щился:

— Пора сделать то, что я давно откладывал. Хотя вряд ли ей понравится мой рассказ.

Алмен опустил руку, глядя на то, как незнакомец шагает по тропе меж двух огороженных садов, а ветви яблонь сгибались под тяжестью кроваво-красных плодов. На мгновение Алмену показалось, что рыжего парня окутывает сияние, а воздух вокруг него переливается и дрожит.

Он смотрел вслед Дракону Возрожденному, пока тот не скрылся из вида, а потом бросился к дому Алайсы. Застарелой боли в бедре как не бывало, и Алмен чувствовал, что способен пробежать десяток лиг. На полпути он встретил Адима и двоих работников из деревни; те как раз направлялись к саду. Когда старик остановился перед ними, они озабоченно уставились на него.

Не в силах говорить, Алмен повернулся и махнул рукой в сторону зеленых деревьев с красными веснушками яблок.

— Это еще что? — спросил Усо, потирая вытянутое лицо, а Мур, прищурившись, глянул на яблони, а потом устремился к саду.

— Собирайте всех, кого можно, — сказал Алмен, тяжело дыша. — Местных ребят, народ из окрестных деревень, прохожих с Шиманова тракта

— всех до единого. Надо собрать урожай.

— Какой урожай? — недоуменно нахмурился Адим.

— Яблоки! — воскликнул Алмен. — Или на треклятых яблонях растет что-то другое? Короче, к вечеру надо собрать все эти яблоки. Поняли? Вперед! Дайте всем знать, что урожай не пропал!

Но Усо и Адим, ясное дело, побежали смотреть на яблоки: такова уж человеческая натура. Алмен же направился к дому, а по пути только впервые заметил, что трава вокруг него позеленела и стала здоровее на вид.

Глянув на восток, он почувствовал в груди что-то странное. Как будто его что-то легонько тянуло в ту сторону, куда ушел незнакомец.

«Первым делом яблоки», — подумал Алмен. А потом… Потом будет видно.

Глава 2
Вопрос лидерства

Над головой раскатывался гром, приглушенный и зловещий, словно где-то далеко порыкивал хищный зверь. Перрин поднял глаза к небу. Несколько дней назад облака, наглухо затянувшие небосвод, сгустились и потемнели, предвещая жуткую грозу, но дождя толком не было. Одна морось.

Воздух содрогнулся от нового громового раската. Без молнии. Трудяга нервничал, и Перрин похлопал его по шее. Судя по колючему запаху пота, от коня пахло испугом. И не только от него: такой же запах висел над месившей грязь огромной армией солдат и беженцев. Эта силища громыхала собственным громом: людскими

шагами, конским топотом, скрипом фургонных колес, возгласами мужчин и женщин.

Они уже почти вышли к Джеханнахской дороге. Изначально Перрин собирался пересечь тракт и продолжить путь на север, к Андору. Однако он потерял уйму времени из-за поразившего лагерь недуга, когда оба Аша'мана чудом избежали смерти. Теперь же всех задерживала эта непролазная грязь. В общей сложности миновало уже больше месяца с тех пор, как армия выступила из Малдена, и за это время они преодолели расстояние, которое Перрин изначально рассчитывал пройти за неделю марша.

Сунув руку в карман, он нащупал небольшую кованую головоломку. Ее нашли в Малдене, и Перрин полюбил возиться с ней. До сих пор он так и не понял, как разобрать игрушку на части. Такой сложной головоломки ему еще не попадалось.

Каких-либо следов мастера Гилла или людей, отправленных вперед с провизией, не было. Грейди сумел открыть несколько маленьких переходных врат для поисковой группы разведчиков, но те вернулись без новостей, и Перрин начинал волноваться.

— Милорд? — раздался мужской голос.

Подле Трудяги стоял Турн, долговязый парень с курчавой рыжей шевелюрой и бородой, прихваченной кожаными шнурками. На поясе у него висел страшного вида боевой топор с шипом на обухе.

— Если ты про деньги, то платим, сколько можем, — сказал Перрин. — То есть немного. Что, лошадей у вас нет?

— Нет, милорд. — Турн глянул на десяток своих товарищей. — Была одна у Джарра, но мы ее уже пару недель как схарчили. — От него пахло немытым телом и грязью, но сильнее всего — застарелой черствостью. Может, этот человек уже забыл, что такое человеческие чувства? — Если позволите, милорд… С оплатой-то можно подождать, но вот коли у вас еда имеется… В общем, нам пока и кормежки хватит.

«Зря я их взял, — подумал Перрин. — Голодных ртов и без них предостаточно». О Свет, ведь рассчитывали, что его разношерстная армия не вырастет, а сократится в числе, но эти ребята вроде как умели обращаться с оружием. Если отправить их восвояси, они, вне всяких сомнений, займутся грабежом.

— Ступай в задние ряды, — сказал Перрин. — Найди человека по имени Тэм ал'Тор. Это крепкий

мужчина в фермерской одежде. Там тебе его любой покажет. Скажи, что говорил с Перрином, и тот велел взять вас на службу за еду.

Чумазые люди Турна явно испытали облегчение, а от их рослого предводителя и впрямь пахнуло благодарностью. Благодарностью! Наемники — а то и бандиты — благодарны и готовы служить за еду! Да, такие уж настали времена…

— Милорд, у вас и правда есть что поесть? — спросил Турн, когда его парни затерялись в рядах беженцев.

— Ну да, — ответил Перрин. — Или ты меня не слышал?

— И наутро еда не портится?

— Конечно, не портится, — строгим тоном сказал Перрин, — если хранить ее как положено.

В некоторых мешках завелся долгоносик, но в целом зерно оставалось годным в пищу. Похоже, Турн поверил ему не больше, чем если бы Перрин сказал, что его повозки вот-вот отрастят крылья и полетят за горы.

— Ступай, — продолжил он. — И непременно передай своим людям, что порядки у нас строгие. Никаких драк, никакого воровства. Если хотя бы почую, что вам вздумалось распоясаться, мигом вылетите из лагеря.

— Да, милорд, — кивнул Турн и отправился вслед за остальными. Пахло от него искренностью. Еще один отряд наемников, за которыми нужен глаз да глаз… Тэму это не понравится, но нельзя забывать об угрозе со стороны Шайдо. Похоже, почти все они ушли на восток, но из-за столь небыстрого продвижения Перрин опасался, что айильцы передумают и вернутся по его душу.

Он направил Трудягу вперед. По бокам ехали двое парней из Двуречья. Теперь, когда Айрама больше не было, двуреченцы — к несчастью — вбили себе в голову, что должны охранять Перрина. Сегодняшними прилипалами-телохранителями были Вил ал'Син и Рид Солен. Перрин уже пробовал их отвадить, но оба были непреклонны, а у него хватало других забот. Взять хотя бы эти странные сны, назойливые видения, как он работает в кузне, но не может выковать что-то приличное.

«Выкинь эти сны из головы, — уговаривал он себя, пока ехал вперед, в голову длинной колонны. Ал'Син и Солен не отставали. — Сперва разберись с кошмарами, которые видишь наяву».

Луговина была просторной, хотя трава пожелтела, и Перрин с недовольством заметил, что

от некоторых крупных участков, поросших уже погибшими полевыми цветами, тянет гнильцой. Большинство подобных мест весенние дожди превратили в грязевые ловушки. С таким обилием беженцев передвигаться было затруднительно, даже если не принимать в расчет раскисшую почву и тот пузырь зла. Все, включая отбытие из Малдена, происходило медленнее, чем предполагал Перрин.

Шедшие впереди солдаты взбивали грязь. Ею были заляпаны штаны и юбки большинства беженцев, и повсюду висел густой и липкий запах размытой почвы. Приближаясь к голове колонны, Перрин миновал всадников в красных кирасах, в шлемах, похожих на снабженные ободом печные горшки, и с высоко поднятыми кавалерийскими копьями. Крылатых гвардейцев Майена возглавлял лорд Галленне. Зажав под мышкой шлем с красным плюмажем, он держался прямо и торжественно, как на параде, но не переставал оглядывать местность единственным глазом. Галленне был опытным воякой. В этой армии хватало опытных вояк, хотя иной раз помешать им вцепиться друг другу в глотки было не легче, чем согнуть подкову.

— Лорд Перрин! — раздался оклик. Через ряды

майенцев пробирался Арганда. Первый капитан Гэалдана ехал на рослом гнедом мерине, а его отряд двигался широкой колонной рядом с майенцами. С тех пор как вернулась Аллиандре, Арганда не переставал требовать равного к себе отношения и жаловался, что Крылатая гвардия слишком уж часто занимает место во главе армии. Дабы пресечь дальнейшие распри, Перрин велел обеим колоннам следовать бок о бок.

— Что это было? Еще одна кучка наемников? — осведомился Арганда, поравнявшись с Перрином.

— Небольшой отряд, — поправил его Перрин. — Наверное, в прошлом они охраняли одного из местных лордов.

— Дезертиры, — сплюнул Арганда. — Что же вы не послали за мной? Королева предпочла бы вздернуть этих мерзавцев. Не забывайте, мы сейчас в Гэалдане!

— Твоя королева присягнула мне на верность, — ответил Перрин, когда они оказались в голове колонны. — И мы не будем вздергивать людей, не доказав их преступлений. Когда все разойдутся по родным местам — подчеркиваю, в целости и сохранности, — можете начинать разбираться с наемниками и предъявлять им обвинения, но до

тех пор они просто оголодавшие люди в поисках предводителя.

От Арганды пахло недовольством. После успешной атаки на Малден они с Галленне стали как шелковые, но спустя несколько недель под небесами, полными раскатистого грома, в нескончаемой грязи начали всплывать старые разногласия.

— Не забивай себе голову, — продолжил Перрин. — За новоприбывшими следят мои люди.

В том числе следят и за беженцами. Некоторые были настолько зашуганы, что даже оправиться боялись без команды; другие постоянно озирались, будто ожидая, что в любой момент из далекой дубовой рощи или зарослей амбровых деревьев выскочат Шайдо. Когда от человека пахнет таким ужасом, добра не жди. К тому же некоторые группы беженцев брели так медленно, будто устали продираться сквозь чемерицу.

— Можешь послать кого-нибудь поговорить с новоприбывшими, — предложил Перрин. — Но, Арганда, только поговорить. Узнай, кто они, откуда, у какого лорда служили — если они вообще служили у лорда — и что могут добавить к нашим картам.

Поскольку у армии Перрина не было надежных

карт этой местности, гэалданцам — включая Арганду — приходилось рисовать их по памяти.

Арганда ускакал, а Перрин остался в голове колонны, где запах грязи и немытых тел был даже близко не такой резкий. Что сказать, в жизни командира бывают и приятные моменты. Впереди он наконец разглядел Джеханнахскую дорогу, которая походила на длинную кожаную ленту, рассекавшую нагорье в северо-западном направлении.

На какое-то время Перрин погрузился в раздумья. Наконец копыта Трудяги ступили на проезжий тракт. Грязи тут оказалось поменьше, чем на луговине, хотя если эта дорога не отличается от других, по которым довелось путешествовать Перрину, тут непременно найдутся топкие вымоины. Подняв взгляд, Перрин увидел, что к нему приближается Гаул. Айилец ходил вперед на разведку и теперь возвращался. Позади Гаула Перрин заметил направлявшегося к нему всадника.

Оказалось, это Феннел — один из ковочных кузнецов, отосланных вперед с мастером Гиллом и остальными. Увидев его, Перрин почувствовал облегчение, но почти сразу же ощутил вспышку тревоги. Где остальные?

Гаул отступил в сторону, и Феннел — широкоплечий малый с закрепленным за спиной рабочим топором на длинном древке — подъехал ближе. Судя по запаху, он был рад вернуться.

— Лорд Перрин! Хвала Свету, я уж думал, вы сюда не доберетесь. Ваш человек говорит, план спасения оказался успешным. Это так?

— Да, Феннел, — подтвердил Перрин и нахмурился. — А где твои спутники?

— Ушли вперед, милорд, — с поклоном ответил Феннел. — А я вызвался вас дожидаться. Видите ли, надо кое-что объяснить.

— Объяснить?

— Остальные свернули к Лугарду, — сказал Феннел. — По дороге двинули.

— Как это? — Перрина охватило недовольство. — Я же приказал идти на север!

— Мы, милорд, — смутился Феннел, — встретили путников. Они шли с севера. Сказали, там на дорогах такая грязюка, что никакой повозке не проехать. Но приказ-то надо выполнять, поэтому мастер Гилл решил пойти в сторону Кэймлина через Лугард. Простите, милорд. Так и вышло, что одному из нас пришлось остаться.

О Свет! Неудивительно, что разведчикам не удалось найти Гилла и остальных. Они попросту

искали не там, где надо. Что ж, после нескольких недель копошения в этой грязи и периодических остановок, чтобы переждать грозу, Перрин не мог их винить. Сам он тоже предпочел бы идти по дороге. Его недовольство, однако, не уменьшилось.

— Надолго мы отстали? — спросил он.

— Я здесь пять дней, милорд.

Значит, Гилл и остальные тоже задержались, а это уже кое-что.

— Пойди поешь, — сказал Перрин. — И спасибо, что остался с донесением. Ждать пять дней в одиночку — поступок настоящего храбреца.

— Кто-то должен был это сделать, милорд. — Феннел замялся. — Почти все боялись, что вы не… что с вами беда приключилась. Дескать, из-за повозок мы еле-еле тащимся, а вас все нет и нет. Но как посмотрю, вы решили взять с собой целый город!

К несчастью, эти слова были недалеки от истины. Перрин отпустил Феннела взмахом руки.

— Я нашел его у дороги где-то час назад, — негромко заметил Гаул. — Неподалеку от холма, где можно разбить отменный лагерь. Там достаточно воды и оттуда открывается хороший обзор.

Перрин кивнул. Надо решить, что делать: то

ли ждать, пока Грейди и Неалд не будут в состоянии открыть переходные врата побольше, то ли последовать за мастером Гиллом и остальными пешим ходом, то ли отправить бóльшую часть людей на север, а немногих остальных послать к Лугарду. Каким бы ни оказалось решение, неплохо будет встать лагерем на денек и разобраться с текущими делами.

— Передай, пожалуйста, остальным, — сказал он Гаулу, — что сейчас свернем на дорогу, дойдем до найденного тобою места и обсудим, как быть дальше. И еще попроси Дев, чтоб проехались по дороге в другую сторону и убедились, что нас никто не догоняет. Неожиданные встречи ни к чему.

Гаул кивнул и отбыл выполнять поручение, а Перрин, не слезая с Трудяги, задумался, не стоит ли прямо сейчас отправить Арганду и Аллиандре на северо-запад, по дороге в Джеханнах. Но чуть раньше Девы заметили, что за армией следят разведчики Шайдо. «Наверное, хотят убедиться, что мы не представляем для них угрозы, но в эти опасные времена можно ждать чего угодно», — с тревогой думал Перрин.

Поэтому лучше оставить Аллиандре и ее людей при себе — ради ее и своей безопасности. По край-

ней мере, пока не поправятся Неалд и Грейди. Рядом с пузырем зла их покусали змеи, а Масури — из всех Айз Седай от змеиных укусов пострадала только она одна — чувствовала себя хуже остальных.

Хотя Грейди, похоже, быстро выздоравливал. Вскоре он сможет открыть переходные врата достаточно большие, чтобы через них прошла вся армия. После этого Перрин отправит Аллиандре и двуреченцев домой, а сам Переместится обратно к Ранду и сделает вид, что они помирились — почти все, наверное, до сих пор считают, будто они с Рандом расстались не по-доброму, — а затем наконец избавится от Берелейн и ее Крылатой гвардии. Вот тогда дела и пойдут как надо.

Да ниспошлет Свет, чтобы все получилось. Перрин помотал головой, отгоняя водоворот красок и видений, являвшийся всякий раз, когда он вспоминал Ранда.

Неподалеку на дорогу выходил отряд Берелейн. Гвардейцы выглядели весьма довольными: приятно наконец ощутить твердую почву под ногами. На черноволосой красавице было тонкой работы зеленое платье с вызывающе глубоким вырезом и расшитый огневиками пояс. Пока Фэйли была в плену, Перрин научился доверять

этой женщине, как только она перестала видеть в нем престижный охотничий трофей — что-то вроде вепря, которого надо добыть и освежевать.

Теперь же Фэйли вернулась, и перемирию с Берелейн, похоже, пришел конец. Как всегда, рядом с Первой Майена ехала Анноура, хотя в последнее время эти двое переговаривались меньше обычного. Перрин так и не понял, зачем Анноура встречалась с пророком. И наверное, никогда не поймет — с учетом того, что стало с Масимой. В одном дне пути от Малдена разведчики Перрина наткнулись на несколько трупов. Людей расстреляли из луков, после чего сняли обувь, ремни и забрали все ценные вещи. Хотя воронье уже добралось до глаз, сквозь запах разложения Перрин учуял Масиму.

Пророк был мертв, его убили разбойники. Что ж, то была вполне подходящая для него смерть, но Перрин все равно чувствовал, что подвел Ранда — ведь тот хотел, чтобы Масиму доставили к нему живьем. Ну вот, опять эта разноцветная карусель…

Так или иначе, пора бы вернуться к Ранду. Сквозь головокружительные краски проступил его образ: Ранд стоял перед зданием с обгоревшим фасадом и смотрел на запад. Перрин отогнал это

видение.

Его дело сделано — Аллиандре поклялась в верности, а с пророком разобрались, — вот только он чувствовал: что-то здесь не так. Сунув руку в карман, Перрин потрогал кованую головоломку. «Прежде чем браться за целое, разберись с его частями…»

Он услышал стук копыт по размякшей земле и почуял Фэйли прежде, чем та подъехала к нему. Девушка остановила свою лошадь рядом и спросила:

— Значит, Гилл свернул к Лугарду?

Перрин кивнул.

— Пожалуй, это разумное решение. Наверно, нам стоит последовать его примеру. Что за новые люди у нас? Еще наемники?

— Да.

— За последние недели к нам присоединилось пять тысяч человек, — задумалась Фэйли. — А то и больше. Даже странно, в такой-то глуши.

Бордовый костюм для верховой езды, волосы цвета воронова крыла, волевое лицо, раскосые глаза, примечательный салдэйский нос… Она была так красива! Перрин обожал ее и возносил хвалу Свету, что она вернулась, но почему же рядом с ней он чувствует такую неловкость?

— Тебя что-то тревожит, муж мой, — заметила Фэйли.

Можно подумать, Фэйли умела читать запахи — настолько хорошо она понимала Перрина. За женщинами такое водится. С Берелейн, к примеру, та же история.

— У нас собралось слишком много людей, — хмыкнул он. — Пора бы их разогнать.

— Подозреваю, они сумеют найти обратный путь к лагерю.

— Зачем? Я прикажу, и они уйдут.

— Муж мой, разве можно отдавать приказы самому Узору? — Она оглянулась на людскую колонну, выходившую на дорогу.

— О чем ты… — Перрин осекся, поняв, о чем она говорит. — Думаешь, дело во мне? В том, что я — *та'верен*?

— Стоит остановиться, и к тебе примыкают новые последователи, — сказала Фэйли. — Несмотря на потери в бою с айильцами, мы вышли из Малдена с армией куда более сильной, чем в начале пути. Посмотри, сколько бывших *гай'шайн* берут у Тэма уроки владения оружием. Разве ты не находишь это необычным?

— Этих людей долго держали под гнетом, — ответил Перрин. — Они не хотят, чтобы это

повторилось.

— И поэтому бондарь берет в руки меч и обнаруживает у себя талант к фехтованию. Каменщик, даже не думавший сражаться против Шайдо, теперь учится владеть боевым посохом. К нам толпами валят наемники и бывшие дружинники.

— Это совпадение.

— Совпадение? — развеселилась Фэйли. — Даже если армию возглавляет та'верен?

Она была права, и Перрин умолк. От Фэйли пахло удовлетворением человека, одержавшего верх в споре, хотя Перрин, в отличие от нее, считал, что это был вовсе не спор, а обычная беседа. И еще Фэйли сердилась, что он не повысил голос.

— Все это закончится через пару дней, Фэйли, — пообещал он. — Как только Аша'маны откроют переходные врата, я отправлю людей по родным местам. Я не собираю армию. Просто помогаю беженцам попасть домой. — Меньше всего Перрину нужны были новые подданные, которые станут отбивать поклоны, расшаркиваться и называть его «милорд».

— Посмотрим, — заметила Фэйли.

— Фэйли… — Перрин вздохнул и понизил голос. — Давай трезво смотреть на вещи. Зачем

называть скобу шарниром, а гвоздь подковой? Это бессмысленно. Я же говорил тебе, что вождь из меня никудышный. Более того, я на деле подтвердил, что людьми командовать не могу.

— Я с тобой не согласна.

Перрин стиснул в кармане кованую головоломку. На протяжении недель после малденских событий они не раз это обсуждали, но Фэйли попросту отказывалась слушать его доводы.

— Когда ты пропала, Фэйли, в лагере воцарился страшный беспорядок! — признался Перрин. — Я же рассказывал, как Девы и Арганда едва не поубивали друг друга. А что касается Айрама, то Масима охмурил его прямо у меня под носом. Айз Седай затеяли какие-то непонятные игры, а двуреченцы… Ты же видишь, с каким стыдом они смотрят на меня?

После этих слов в запахе Фэйли появились колючки гнева, и она немедленно повернулась к Берелейн.

— Она не виновата, — сказал Перрин. — Подумай я об этом раньше, пресек бы эти слухи еще в зародыше. Но не сподобился и теперь пожинаю плоды своего скудоумия. О Свет! Чего стоит человек, если даже соседи нелестно думают о нем? Никакой я не лорд, Фэйли, и прекрасно это

доказал. Вот, собственно, и все.

— Странно, — сказала она. — Но я расспрашивала других, и они рассказывают иную историю. Говорят, ты привел Арганду в чувство и погасил вспышки враждебности в лагере. И еще союз с шончан: чем больше я узнаю о нем, тем сильнее впечатляюсь. Во времена великой неопределенности ты действовал решительно, объединил усилия остальных и, взяв Малден, добился невозможного. Что это, если не деяния настоящего вождя?

— Фэйли… — Перрин едва сдержал свирепый рык. Ну почему, почему она не слушает? Когда Фэйли держали в плену, Перрин не думал ни о чем, только о том, как бы ее вызволить. Больше ни о чем! Для него не имело значения, кто еще нуждается в его помощи или какие ему отданы приказы. Начнись Тармон Гай'дон, и Перрин продолжил бы искать Фэйли, даже не обратив внимания на Последнюю битву.

Теперь он понимал, насколько опасны были его поступки. Беда в том, что Перрин ни разу не пожалел о содеянном, ни на мгновение, и в следующий раз поведет себя точно так же. Для лидера это недопустимо.

Прежде всего, нельзя было позволять, чтобы

над войском подняли знамя с волчьей головой. Теперь, когда Перрин выполнил поручения Ранда, а Фэйли вернулась, пора забыть про эти глупости. Он кузнец, и пусть Фэйли наряжает его в любые одежды, пусть его величают любыми титулами, но, сколько ни разрисовывай скобель, сколько ни давай ему новых названий, он не превратится в подкову. Не превратится, и все тут.

Повернувшись к голове колонны, Перрин увидел впереди нее Джори Конгара. В руках у того было знамя с изображением красной волчьей головы, гордо реявшее на древке, превосходившем длиной кавалерийское копье. Перрин хотел было крикнуть Конгару, чтобы тот опустил это окаянное знамя, но тут вдруг заговорила Фэйли.

— Знаешь, — с какой-то отстраненностью произнесла она, — последнее время я много об этом размышляю и, как ни странно, пришла к выводу, что мое пленение — именно то, что нам было нужно. Нам обоим.

То есть? Перрин взглянул на девушку. Судя по запаху, она глубоко задумалась. И произнесла эти слова ничуть не кривя душой. Фэйли действительно так считала.

— Теперь же, — сказала она, — нам надо поговорить о…

— Смотри, вон айильцы, — перебил ее Перрин — быть может, чуть резче, чем намеревался, — и указал вдаль. — Разведчики возвращаются.

Фэйли взглянула туда, куда он показал, но, конечно же, ничего не увидела. Хотя она — одна из немногих — знала о необычайной остроте зрения Перрина.

Когда другие разглядели возле дороги три фигуры в *кадин'сор*, люди зашумели. Это были высланные Перрином вперед на разведку Девы Копья. Две из них поспешили к Хранительницам Мудрости, а третья размашистым шагом подошла к Перрину.

— Мы нашли кое-что неподалеку от дороги, Перрин Айбара, — заявила женщина. Пахло от нее беспокойством. Это был дурной знак. — И ты захочешь на это взглянуть.

* * *

Зашелестел входной клапан палатки. Очнувшись, Галад скривился от острого жжения в боку — куда его неоднократно пинали сапогами, — гармонично дополнявшего тупую боль в левой руке, плече и бедре — куда его ранил Валда. Что до невыносимой пульсации в голове, она была настолько сильна, что едва не затмевала другие

ощущения.

Он со стоном перекатился на спину. Вокруг было темно, но в небе сверкали булавочные головки света. Звезды? Давно уже он не видел звезд в этом хмаристом небе.

Нет… С этими звездами что-то не так. Голова раскалывалась от боли. Галад моргнул, и по щекам скатились слезинки. Эти казавшиеся тусклыми и невероятно далекими звезды никак не желали складываться в знакомые созвездия. Неужели Асунава отвез его туда, где даже звезды выглядят иначе?

В голове прояснялось, и вскоре Галад начал различать, что его окружает, и понял, что лежит в палатке из парусины достаточно толстой, чтобы днем здесь было темно, как ночью. Огоньки над головой были вовсе не звездами, а светом дня, проникавшим через крохотные дырочки там, где ткань совершенно протерлась.

Галад по-прежнему был обнажен. Осторожно потрогав лицо, он нащупал корку запекшейся крови, вытекшей из длинного пореза на лбу. Надо бы промыть рану, да побыстрее, пока не началось заражение. Он лежал на спине, делая опасливые вдохи и выдохи: хапни лишку воздуха, и тут же зайдется расшибленный бок.

Галад не боялся ни боли, ни смерти. Все его решения были правильны и верны. Жаль, конечно, что ему пришлось оставить во главе Детей Света Вопрошающих, ведь они пляшут под дудку шончан. Но раз уж Галад угодил прямиком в лапы Асунавы, то других вариантов не было.

Размышляя о предавших его разведчиках, он не испытывал гнева по отношению к ним. Среди Детей Света Вопрошающие обладали законной властью, и, вне всяких сомнений, их ложь была весьма убедительной. Нет, Галад гневался на Асунаву, замаравшего истину ложью. Он, конечно, не один такой на белом свете, но разве Чада не должны отличаться от остальных?

Вскоре за ним явятся Вопрошающие, и на их крюках, под их ножами Галад заплатит настоящую цену за спасение своих солдат. Цену, о которой он знал, когда принимал это решение. По-своему он победил, поскольку сделал так, что ситуация сложилась наилучшим образом.

Чтобы закрепить эту победу, на допросе Галад обязан будет говорить только правду. И отрицать, что он приспешник Темного, пока не испустит последний вздох. Это будет непросто, но так надо.

Он заставил себя сесть, готовый к приступу тошноты и головокружения. Совладав с ним,

пошарил в темноте. Ноги оказались скованы, а цепь пристегнута к железному костылю, вбитому глубоко в землю сквозь шершавый парусиновый пол.

На всякий случай Галад попробовал вытащить костыль. Потянул так сильно, что мускулы едва не надорвались, а сам он чуть не потерял сознание. Придя в себя, Галад отполз к стене палатки. Оковы позволили ему добраться до входа. Он взял одну из матерчатых тесемок, которыми подвязывают поднятый клапан, поплевал на нее и принялся методично стирать с лица кровь и застарелую грязь.

Это умывание одарило его целью, заставило двигаться и помогло не думать о боли. Галад осторожно соскреб с носа и щеки запекшуюся кровь. Было трудно, потому что во рту у него пересохло. Он прикусил язык, чтобы началось слюноотделение. Завязка оказалась не парусиновая, а из материи помягче. От нее пахло пылью.

Галад плюнул на чистый участок тесемки, после чего втер слюну в ткань. Рана на голове, грязь на щеках… Вопрошающие сочтут это свидетельством поражения. От грязи надо избавиться. Галад пойдет под пытку с чистым лицом.

Снаружи раздались крики. Солдаты готовились

снимать лагерь. Может, это задержит Вопрошающих? Вряд ли. Сборы, пожалуй, займут несколько часов. Галад продолжил умываться. Когда на первой завязке не осталось чистого места, он взял вторую. Эти ритмичные движения стали для него чем-то вроде медитативного ритуала. Головная боль отступила, да и остальные раны почти перестали напоминать о себе.

Нет, он не сбежит. Во-первых, это трудноосуществимо, а во-вторых, побег аннулирует сделку с Асунавой. Зато он предстанет перед врагами, не потеряв достоинства.

Закончив приводить себя в порядок, Галад услышал рядом с палаткой голоса. За ним пришли. Галад потихоньку отполз на прежнее место, где, невзирая на боль, набрал полную грудь воздуха, встал на колени, оперся левой рукой на верхушку железного костыля, оттолкнулся и поднялся на ноги.

Его зашатало, но Галад поймал равновесие и вытянулся во весь рост. Разве это боль? Пустяки, есть насекомые, что больней кусали. Галад встал, как подобает воину — спина прямая, ноги на ширине плеч, руки перед собой, запястья скрещены, — и устремил взгляд на входной клапан палатки. Человек — это не плащ, не униформа,

не меч и не геральдика. Человек — это то, как он держится, как себя ведет.

Клапан шелохнулся, затем с шорохом поднялся, и в глаза ударил ослепительный свет, но Галад не зажмурился. Даже не поморщился.

Он увидел черные силуэты на фоне затянутого облаками неба. Люди не спешили входить. Должно быть, оторопели, увидев, что Галад встречает их стоя.

— О Свет! — воскликнул один. Как ни странно, его голос казался знакомым. — Дамодред, неужели вы пришли в себя?

— Тром? — хрипло спросил Галад.

В палатку хлынули люди. Когда глаза привыкли к свету, Галад различил коренастую фигуру Трома, а рядом с ним — Борнхальда и Байара. Тром возился со связкой ключей.

— Стойте! — сказал Галад. — Борнхальд, у тебя кровь на плаще! Разве я приказывал спасать меня? Нет, я велел не делать этого!

— Твои люди не ослушались приказа, Дамодред, — раздался новый голос.

Подняв глаза, Галад увидел, что в палатку входят еще трое: рослый бородач Бераб Голевер, одноухий Алаабар Гарнеш, на чью лысину легла тень, а с ними Галадов земляк Брандель

Вордариан, белокурый гигант-андорец. Все трое — лорды-капитаны, и все трое совсем недавно сопровождали Асунаву.

— Что происходит? — осведомился Галад.

Гарнеш развязал мешок и вытряхнул на пол перед Галадом нечто, похожее на переросшую луковицу.

То была голова Асунавы.

Все трое, обнажив мечи, опустились перед Галадом на одно колено. Острия клинков пронзили парусиновый пол. Тром отомкнул ножные кандалы.

— Понятно, — сказал Галад. — Вы обратили мечи против своих братьев.

— Ну а что, по-твоему, было делать? — Брандель, не вставая, взглянул на него, и Галад покачал головой:

— Не знаю. Может, вы и правы. Это ваш выбор, и не мне вас винить. Допускаю, что иных вариантов у вас не было. Но почему вы передумали?

— Меньше чем за полгода мы потеряли двоих лордов капитан-командоров, — хрипло и сердитым тоном произнес Гарнеш. — Цитадель Света превратилась в игровую площадку для шончан. Мир погрузился в хаос.

— И при этом, — подхватил Голевер, — Асунава

привел нас в такую даль на смертный бой с нашими братьями. Разве это правильно, Дамодред? Все мы видели, как ты держался перед Асунавой, как ты и только ты помешал нам перебить друг друга. И мы слышали, как верховный инквизитор назвал приспешником Тьмы человека, который, как нам всем известно, — человек чести. Скажи, разве могли мы не восстать против него?

Галад понимающе кивнул:

— Вы признаете меня лордом капитан-командором?

Все трое склонили головы.

— Все лорды-капитаны поддерживают тебя, — сказал Голевер. — Хотя пришлось перебить треть из тех, кто носит эмблему красного посоха Руки Света. Некоторые присоединились к нам, другие попробовали удрать. Амадицийцы не вмешивались. Многие предпочли не возвращаться к шончан и примкнули к нашим рядам. Остальных амадицийцев, а также Вопрошающих, которые пытались сбежать, держат под стражей.

— Освободите тех, кто хочет уйти, — произнес Галад. — Пусть возвращаются к своим семьям и хозяевам. К тому времени, как они доберутся до шончан, нас уже и след простынет.

Мужчины кивнули.

— Я принимаю вашу клятву верности, — продолжил Галад. — Соберите остальных лордов-капитанов и принесите мне отчеты по провианту. Снимайте лагерь. Мы выступаем к Андору.

Никто не спросил, нужен ли ему отдых, хотя вид у Трома был озабоченный. Галад принял белое одеяние, поданное кем-то из Детей Света, и опустился на второпях принесенный стул, после чего искусный врачеватель — чадо Кандейяр — занялся осмотром его ран.

Галаду казалось, что он недостаточно силен и мудр, чтобы носить титул лорда капитан-командора. Однако свое решение Чада Света уже приняли.

И да обережет их за это Свет.

Глава 3
Гнев Амерлин

Эгвейн плыла в кромешном мраке. У нее не было ни тела, ни формы, ни очертаний. Бесконечную темноту заполняли всеобщие мысли, грезы, заботы, надежды и чаяния.

Здесь, между мирами сна и бодрствования, тьму испещряли тысячи тысяч отчетливых огоньков, и каждый светил пронзительнее и ярче любой небесной звезды. Это были сны, и Эгвейн могла заглянуть в них, но не стала. Те сны, что она хотела увидеть, охранялись, а почти все другие оставались для нее загадкой.

Хотя был один сон, куда она страстно желала скользнуть… Но сдерживала себя. Ее чувства к Гавину были по-прежнему сильны, но Эгвейн

уже не знала, как к нему относиться. И если заблудиться в его снах, то это ничему не поможет.

Эгвейн повернулась кругом, окидывая взором окружающее ее пространство. В последнее время она стала приходить сюда, чтобы поплавать и подумать. Человеческие сновидения — некоторые из того мира, к которому принадлежала она, другие же из отбрасываемых им теней — служили напоминанием, зачем она продолжает борьбу. Нельзя забывать, что за стенами Белой Башни раскинулся целый мир, и смысл жизни Айз Седай — служить этому миру.

Шло время. Эгвейн купалась в свете сновидений. Наконец усилием воли она сдвинулась с места и отыскала сон, который был ей знаком, хотя сама не поняла, как это получилось. Сон подплыл к ней и заполнил собой все поле зрения.

Прильнув к этому сну своим сознанием, Эгвейн отправила в него мысль: «Найнив! Хватит уже сторониться меня. У нас хватает дел. К тому же для тебя есть новости. Через две ночи встретимся в зале Совета Башни. Если не придешь, я буду вынуждена принять меры. Твои проволочки угрожают всем нам».

Казалось, сон содрогнулся; Эгвейн отпрянула, и он исчез. С Илэйн она уже поговорила. Эти двое

вконец распоясались; им обеим пора вручить шали по-настоящему — как и положено, с принесением соответствующих клятв.

Кроме того, Эгвейн нуждалась в сведениях, которые имелись у Найнив. Хотелось бы верить, что угрозы вкупе с обещанием новостей приведут ее в зал Совета Башни. А новости и впрямь были важные. Белая Башня наконец-то стала едина, Престолу Амерлин ничто не грозит, Элайду пленили шончан.

Вокруг Эгвейн вспыхивали и проносились мимо крохотные, с булавочную головку, огоньки сновидений. Она подумала, не связаться ли с Хранительницами Мудрости, но решила этого не делать. Как же с ними разобраться? Для начала надо устроить так, чтобы Хранительницы Мудрости не поняли, что с ними «разбираются». План Эгвейн еще не обрел законченных очертаний.

Она позволила себе скользнуть обратно в свое тело, довольная тем, что проведет остаток ночи в обществе собственных сновидений. Здесь она уже не могла, да и не хотела удерживаться от мыслей о Гавине. Ступив к себе в сон, Эгвейн оказалась в его объятиях. Оба стояли в комнатке с каменными стенами, формой напоминавшей кабинет Эгвейн в Башне, а убранством — общий

зал в гостинице ее отца. Гавин был в добротной одежде из двуреченской шерсти; меча у него не было. Простая жизнь… К ней Эгвейн никогда уже не вернется, но может видеть ее во сне…

Все содрогнулось. Комната, сотканная из прошлого и настоящего, как будто раскололась и, разлетевшись вдребезги, обратилась в клубящийся дым. Охнув, Эгвейн попятилась, когда Гавин рассыпался, словно был слеплен из песка. Все вокруг превратилось в пыль, а вдалеке на фоне смоляного неба выросли тринадцать черных башен.

С грохотом рухнула одна, за ней обрушилась вторая, а остальные становились все выше и выше. Упали еще несколько башен, и дрогнула земля. Очередная башня треснула, покачнулась и стала оседать, едва не развалившись совершенно, — но как-то устояла, и оказалось, что теперь она выросла выше всех прочих.

После землетрясения уцелело шесть башен. Их неясные очертания вырисовывались над Эгвейн, упавшей на мягкую землю, которую устилали иссохшие листья. Видение изменилось. Теперь Эгвейн смотрела вниз, на гнездо, полное недавно оперившихся орлят, истошно призывавших орлицу. Один из орлят… как бы сказать… извер-

нулся, и оказалось, что это вовсе не орленок, а змей. Он начал пожирать птенцов одного за другим, заглатывая их целиком, а орлята лишь смотрели в небо, делая вид, что этот прожорливый змей — их сородич.

Видение изменилось вновь. Теперь Эгвейн стояла перед погруженным во тьму холмом, на вершине которого находилась огромная сфера из чистейшего хрусталя, мерцавшая в свете двадцати трех гигантских звезд. В сфере зияли трещины, и она была стянута веревками.

На холм, держа в руках топор лесоруба, взошел Ранд. Взвесил топор в руке, размахнулся и принялся рассекать веревки, одну за другой. Когда он разрубил последнюю, прекрасный шар начал разваливаться на части, и Ранд покачал головой, а у Эгвейн перехватило дух.

Она проснулась и села в постели — в Белой Башне, в своих покоях. В спальне было почти пусто: Эгвейн велела убрать отсюда вещи Элайды, но еще не обставила комнату новой мебелью. Здесь оставалось лишь несколько предметов: умывальник, коричневый ковер плотной вязки и кровать с балдахином. Сквозь щели в закрытых ставнях в комнату заглядывал рассвет.

Эгвейн отдышалась. Сны нечасто расстраивали

ее так, как этот.

Успокоившись, девушка потянулась к лежавшему на краю постели блокноту в кожаном переплете, куда Эгвейн записывала сновидения. Второй сон из сегодняшней троицы казался ей предельно ясным. Эгвейн попросту чувствовала, как интерпретировать его смысл: она умела иной раз толковать сны. Змей — это одна из Отрекшихся, что затаилась в Белой Башне и притворяется Айз Седай. Эгвейн всегда подозревала, что так и есть, да и Верин была того же мнения.

Месана по-прежнему оставалась в Белой Башне. Но каким образом ей удается прикидываться Айз Седай? Все сестры принесли клятвы заново. Очевидно, Месана сумела воспротивиться силе Клятвенного жезла. Записывая сон во всех подробностях, Эгвейн размышляла о башнях — нависших над ней, грозивших раздавить ее — и отчасти понимала смысл и этого видения.

Месану надо найти и остановить. Если Эгвейн этого не сделает, произойдет нечто ужасное. Вероятно, падет Белая Башня, и Темный, возможно, одержит победу. В отличие от Предсказаний, сны показывают не то, что случится в будущем, а то, что только может случиться.

«О Свет! — подумала Эгвейн, дописывая послед-

ние строки. — Как будто мало мне было забот».

Встав с постели, она хотела было позвать служанок, но ее остановил стук в дверь. Охваченная любопытством, она прошла по плотному ковру — в одной лишь ночной рубашке — и, чуть приоткрыв дверь, выглянула в переднюю. Там стояла Сильвиана: квадратное лицо, красные одежды, волосы, по обыкновению, собраны в пучок на затылке, на плечах красный палантин хранительницы летописей.

— Прости, что разбудила тебя, мать, — взволнованно сказала женщина.

— Я уже не спала, — ответила Эгвейн. — Что такое? Что случилось?

— Он уже здесь, мать. В Белой Башне.

— Кто?

— Дракон Возрожденный. И он хочет тебя видеть.

* * *

— Уху-то сварили, да из одних голов, — говорила Суан, решительно шагая по коридорам Белой Башни. — Как вышло, что он незамеченным пробрался через весь город?

Верховный капитан Чубейн вздрогнул и поморщился.

«Поделом тебе», — подумала Суан. Этот мужчина с иссиня-черными волосами, облаченный, как и положено гвардейцу Башни, в кольчужную броню и форменный белый плащ-табар, украшенный эмблемой Пламени Тар Валона, шагал рядом, держась за рукоять меча. Поговаривали, что теперь, принимая во внимание присутствие Брина в Тар Валоне, Чубейн лишится своего поста, но Эгвейн последовала совету Суан и не стала его смещать. Тем более что Брин не хотел становиться верховным капитаном, и вдобавок он будет нужен в Последней битве в качестве командующего войсками.

Сейчас, однако, здесь не было ни Брина, ни его солдат: разместить пятидесятитысячную армию и обеспечить ее провиантом оказалось почти невозможно. Суан послала ему весточку и чувствовала, как он приближается. Брин, конечно, чурбан неотесанный, но Суан предпочла бы сейчас иметь этого решительного и невозмутимого человека под рукой. Дракон Возрожденный? Не где-то, а в самом Тар Валоне?

— Да, Суан, он далеко зашел, но удивляться тут нечему, — заметила Саэрин.

Эта Коричневая сестра, чья кожа имела оливковый оттенок, беседовала с Суан, когда они

увидели рысцой бежавшего мимо них побледневшего капитана. У Саэрин были седые виски — что у Айз Седай свидетельствовало о весьма почтенном возрасте, — и шрам на щеке, о происхождении которого Суан так и не допыталась.

— Ежедневно в город прибывают сотни беженцев, — продолжила Саэрин, — и всех, кто хоть как-то изъявляет желание сражаться, отправляют записываться в гвардию Башни. Неудивительно, что ал'Тора никто не остановил.

Чубейн кивнул:

— Он дошел до самых Закатных ворот, и никто его ни о чем не спросил, — сказал верховный капитан. — А там просто… просто сказал, что он — Дракон Возрожденный и что ему надо увидеть Амерлин. Не кричал, не требовал, ничего подобного. Просто сказал и был при этом спокоен, как весенний дождь.

В коридорах Башни было людно, хотя казалось, что женщины по большей части не знают, что им делать, и сновали туда-сюда, будто рыбешки в неводе.

«Хватит, — подумала Суан. — Это он явился в средоточие нашей власти. Это он угодил в невод».

— Что, по-твоему, он задумал? — спросила

Саэрин.

— Сгореть мне, если знаю, — ответила Суан. — Наверняка он уже без пяти минут безумец. Быть может, испугался и пришел сдаться.

— Сомневаюсь.

— Я тоже, — пробурчала Суан.

За последние несколько дней она — к немалому своему удивлению — поняла, что Саэрин ей даже нравится. Когда Суан занимала пост Амерлин, заводить подруг было некогда; гораздо важнее было управляться с семью отличающимися своеволием Айя. Саэрин казалась ей занудой и упрямицей. Теперь же, когда время постоянных стычек миновало, Суан стала находить в этих качествах особый шарм.

— Может, он прознал, что Элайда уже не с нами, — предположила она, — и решил, что будет здесь в безопасности, раз на Престоле Амерлин — его старая подруга.

— Твое предположение не сходится с тем, что я читала об этом мальчике, — ответила Саэрин. — В донесениях говорится, что он недоверчив и непредсказуем. Парень норовистый, требовательный, старательно избегающий встреч с Айз Седай.

Суан слышала то же самое, но не видела этого

мальчишку уже два года. По правде говоря, в последний раз ал'Тор предстал перед ней самым заурядным овечьим пастухом, а сама Суан носила титул Амерлин. С тех пор почти все сведения о Драконе Возрожденном она получала от глаз-и-ушей Голубой Айя. Чтобы отделить домыслы от истины, требовалось немалое мастерство, но практически все соглядатаи сходились на том, что вздорному, подозрительному и заносчивому ал'Тору нельзя доверять.

«Да испепелит Свет Элайду! — подумала Суан. — Если бы не она, мы бы уже давно взяли его на попечение Айз Седай».

Спустившись по трем спиральным пандусам, они вошли в еще один белостенный коридор, где были расставлены стоячие светильники с зеркальными отражателями и развешаны пышные гобелены. Коридор вел к залу Совета Башни. Где, как не там, Амерлин примет Дракона Возрожденного — если вообще решит его принять. Миновав два поворота, Суан и Саэрин ступили в последний коридор и обмерли.

Плитки, которыми был выложен пол, оказались цвета крови, и они блестели, точно влажные. Так не должно было быть — совсем недавно плитки были белыми и желтыми.

Чубейн охнул и схватился за меч. Саэрин приподняла бровь. Суан совладала с искушением ринуться вперед: места, где Темный прикоснулся к миру, бывают опасны. Не исключено, что Суан провалится сквозь пол или на нее набросятся ожившие гобелены.

Обе Айз Седай развернулись и зашагали в другую сторону. Чубейн, на мгновение замешкавшись, последовал за ними с необычайно напряженным лицом. Оно и понятно: сперва нападение на Башню шончан, а теперь пожаловал и сам Дракон Возрожденный… Две напасти, и обе во время его дозора.

Проходя по коридорам, они встречали других сестер, стекавшихся в том же направлении. Почти все они были в шалях — можно предположить, что из-за последних новостей, но на самом деле многие по-прежнему не доверяли сестрам из других Айя. Еще одна причина помянуть Элайду недобрым словом. Эгвейн из кожи вон лезла, пытаясь воссоединить Башню, но невозможно за месяц починить разорванные сети, если кружево расплетали несколько лет.

Наконец они подошли к залу Совета Башни. В просторной передней собрались десятки сестер, причем все держались своей Айя. Чубейн поспе-

шил с расспросами к караульным гвардейцам, стоявшим возле дверей. Саэрин зашла в зал, предпочитая ждать развития событий в обществе других восседающих. Суан осталась в передней вместе с прочими сестрами.

Все менялось. Эгвейн заменила Шириам новой хранительницей летописей, и выбор в пользу Сильвианы был в высшей степени разумен: отличаясь трезвым — для Красной — умом, эта женщина помогла воссоединить расколотую надвое Башню. Но Суан лелеяла робкую надежду, что изберут ее саму, а не Сильвиану. Теперь же Эгвейн была так занята — и обретала такие способности, — что все меньше и меньше нуждалась в помощи Суан.

Это было не так уж плохо, пусть и выводило Суан из себя.

Знакомые коридоры, запах свежевымытого камня, эхо шагов… Когда Суан была здесь в прошлый раз, она властвовала над этим местом, но теперь ее власть осталась в прошлом.

Нет, она не стремилась вновь занять господствующее положение. Грядет Последняя битва, и Суан не желала тратить время на пререкания сестер из Голубой Айя, вновь занявших свое место в Башне. Ей хотелось сделать то, что она

планировала совершить еще вместе с Морейн, то, чему отдала столько лет: вывести Дракона Возрожденного на Последнюю битву.

Благодаря узам она почувствовала, что Брин рядом, прежде чем тот заговорил.

— Ого, какое озабоченное лицо! — сказал он, подойдя сзади, и его голос перекрыл десятки перешептываний.

Суан повернулась к нему. Статный Брин был на удивление спокоен — особенно если учесть, что после того, как его предала Моргейз Траканд, он был втянут в политические игры Айз Седай, а затем поставлен перед фактом, что ему предстоит возглавить войска на передовой Последней битвы. Да, Брин — он такой. Донельзя невозмутимый. Одним своим присутствием он развеял тревоги Суан.

— Я и не думала, что ты сумеешь явиться так быстро, — сказала она. — И у меня вовсе не «озабоченное лицо», Гарет Брин. Я Айз Седай, и в самой моей природе заложено умение контролировать себя и все, что меня окружает.

— Ну да, — согласился Брин, — хотя чем дольше я нахожусь в обществе Айз Седай, тем больше у меня вопросов. Вы и впрямь держите в узде свои чувства? Или же эти чувства всегда остаются

неизменными? Если женщина постоянно встревожена, у нее всегда будет один и тот же вид.

Суан прожгла его взглядом:

— Глупец!

Улыбнувшись, Брин обвел взором коридор, полный Айз Седай и Стражей:

— Я уже возвращался в Башню с докладом, когда твой гонец нашел меня. Спасибо.

— Пожалуйста, — угрюмо ответила Суан.

— Не припоминаю, чтобы видел Айз Седай в подобном настроении, — продолжил Брин. — Все так нервничают…

— И не без причины, — отрезала Суан.

Брин взглянул на нее и положил руку ей на плечо, скользнув мозолистыми пальцами по шее:

— Что не так?

С глубоким вздохом она отвернулась и увидела, что наконец-то прибыла Эгвейн. Не переставая говорить с Сильвианой, девушка шагала к залу Совета, а за ней, как всегда, тенью следовал хмурый и сосредоточенный Гавин Траканд — Эгвейн не выказала ему никакой признательности, не связала узами как своего Стража, но и прогонять из Башни не стала. С самого воссоединения Гавин, невзирая на недовольство Эгвейн, еженощно караулил двери, ведущие в ее покои.

По мере приближения этой троицы ко входу в зал Совета сестры расступались — некоторые пропускали ее с почтением, другие с неохотой. Эгвейн поставила Башню на колени, причем изнутри, несмотря на ежедневные побои и такое количество настоя корня вилочника, что едва могла зажечь свечу с помощью Силы. Такая юная… С другой стороны, разве возраст имеет значение для Айз Седай?

— Я всегда считала, что буду на ее месте, — сказала Суан так тихо, чтобы слышал один лишь Брин. — Что буду восседать на этом троне. Что именно я приму его и буду потом направлять.

— Суан, я… — Брин крепче сжал ее плечо.

— Ну-ка, перестань! — прорычала Суан, недовольно взглянув на него. — Я ни о чем не жалею.

Он нахмурился.

— Все это к лучшему, — признала Суан, хотя от собственных слов ее внутренности скрутились в тугой узел. — Да, Элайда вела себя деспотично и глупо, но все-таки хорошо, что она свергла меня. Ведь именно поэтому Эгвейн стала той, кем стала. И она справится лучше, чем я. Смириться с этим непросто — ведь я была не самой плохой Амерлин, однако у меня бы так не получилось. Править не железной рукой, но самим фактом

своего существования? Не разделять, но объединять? Нет, такое мне не под силу. Поэтому я и вправду счастлива, что его принимает Эгвейн.

Брин снова улыбнулся и ласково пожал ей плечо.

— Что? — спросила она.

— Я горжусь тобой.

— Ой, ну все, — закатила глаза Суан. — Когда-нибудь я до смерти утону в твоей сентиментальности.

— Даже не пытайся скрыть от меня свое великодушие, Суан Санчей. Я же тебя насквозь вижу.

— Гарет Брин, ты фигляр и шут!

— Тем не менее здесь мы по твоей милости, Суан. И как бы высоко ни забралась эта девица, ступени лестницы вырезáла именно ты.

— Угу. А потом вручила долото Элайде. — Суан бросила взгляд на Эгвейн. Та стояла в дверном проеме зала Совета Башни. Юная Амерлин обвела глазами собравшихся в передней женщин и кивнула Суан — приветственно, а то и с уважением.

— Сейчас нам нужна она, — сказал Брин, — но в тот момент мы нуждались именно в тебе. Ты не подвела, и Эгвейн знает об этом, как знает и вся Башня.

Такие слова — точно бальзам на душу.

— Ладно… Ты уже его видел?

— Да, — ответил Брин. — Он стоит внизу. За ним следят по меньшей мере сотня Стражей и двадцать шесть сестер — то есть два полных круга. Вне всяких сомнений, он огражден щитом, но мне показалось, что женщины едва сдерживают панику. Никто не осмелился прикоснуться к нему, не говоря уже о том, чтобы его связать.

— Зачем его связывать, если он огражден щитом? Какой у него был вид? Испуганный? Заносчивый? Разгневанный?

— Вовсе нет.

— Ну а какой тогда?

— Если честно, Суан, то у него был вид Айз Седай.

Суан крепко сжала челюсти. Что это, очередная насмешка? Нет, похоже, полководец говорит вполне серьезно. Но что он имел в виду?

Эгвейн прошла в зал Совета. Мгновением позже из дверей выпорхнула послушница в белом платье. За ней последовали двое гвардейцев Чубейна: значит, Эгвейн послала за Драконом. «Спокойно», — приказала себе Суан. За спиной, не снимая руки с ее плеча, стоял Брин.

Наконец Суан заметила какое-то движение в дальнем конце передней. Сестер вокруг нее, по

мере того как они обнимали Источник, охватывало сияние, но Суан воздержалась от подобного проявления неуверенности.

Процессия приближалась: высокий мужчина в поношенном коричневом плаще, вокруг — каре Стражей, позади — двадцать шесть Айз Седай. Взору Суан мужчина предстал окруженный ореолом света. Суан обладала даром видеть та'веренов, а ал'Тор был одним из самых сильных та'веренов за всю историю мира.

Стараясь игнорировать это сияние, она рассматривала самого ал'Тора. Как видно, мальчик стал суровым мужчиной. В нем не осталось ни намека на юношескую мягкость или неосознанную сутулость, столь характерную для многих (особенно рослых) молодых людей. Напротив, ал'Тор теперь гордился своим ростом — как и положено мужчине, — и, возвышаясь над остальными, шагал с осознанием собственного достоинства. В бытность свою Амерлин Суан повидала Лжедраконов. Даже удивительно, насколько походил на них этот человек. Словно…

Заглянув ему в глаза, она застыла. Было в этом взгляде что-то неописуемое. Бремя прожитых лет, эпох? Казалось, этот человек смотрит на мир сквозь свет тысячи жизней, собранных воедино.

Да, его лицо и впрямь походило на безвозрастное лицо Айз Седай — хотя бы потому, что в глазах у него отражалась вечность.

Дракон Возрожденный поднял правую руку (левую он держал за спиной), и процессия остановилась.

— Позвольте, пожалуйста, — сказал он, делая шаг вперед.

Стражи потрясенно расступились, повинуясь негромкой просьбе Дракона — разве могло быть иначе? — и ал'Тор, покинув каре, подошел к Суан. Она собралась с силами. Дракон был безоружен и огражден щитом. Он не мог причинить ей вреда. Брин, однако, встал рядом с ней и опустил ладонь на эфес меча.

— Спокойно, Гарет Брин, — сказал ал'Тор. — Я не причиню вам зла. Насколько могу судить, ты позволил ей связать себя узами Стража? Занятно. Илэйн будет интересно узнать об этом. А ты, Суан Санчей, изменилась с последней нашей встречи.

— Вращается Колесо, и никто не остается прежним.

— Слова истинной Айз Седай. — Ал'Тор удивил ее мягкой спокойной улыбкой. — Интересно, настанет ли тот миг, когда я привыкну к вашей манере выражаться. Однажды ты закрыла меня

собой от вражеской стрелы. Поблагодарил ли я тебя?

— Как помню, я этого не хотела. Так вышло случайно, — сухо произнесла Суан.

— Тем не менее прими мою благодарность. — Он повернулся к дверям, ведущим в зал Совета. — Скажи, что она за Амерлин?

«Меня-то зачем спрашивать?» — подумала Суан. Откуда ему знать, насколько близки Суан и Эгвейн?

— Невероятная, — ответила Суан. — Одна из лучших, несмотря на то что на Престоле она совсем недавно.

— Меньшего я и не ждал, — снова улыбнулся ал'Тор. — Странно… Думаю, мне будет больно ее видеть, хотя эта рана уже совсем зажила. Залечена раз и навсегда, но боль вспоминается до сих пор.

О Свет! Суан ожидала от этого мужчины совсем другого поведения. Считается, что в Белой Башне любой мужчина, способный направлять Силу, теряет присутствие духа — даже будь он сам Дракон Возрожденный. Но ал'Тор, похоже, совсем не волновался.

Суан хотела было ответить, но тут от группы Айз Седай отделилась одна сестра… Тиана?

Женщина достала из рукава сложенное письмо, скрепленное красной печатью, и протянула его Ранду:

— Это для тебя.

В ее голосе слышалось напряжение, а пальцы едва заметно дрожали. Другой не обратил бы внимания на эту дрожь, но от взора Суан признаки волнения Айз Седай укрыться не могли.

— Что это? — Удивленно приподняв бровь, ал'Тор протянул руку и взял письмо.

— Я обещала доставить его, — ответила Тиана. — Стоило бы отказаться, но я и подумать не могла, что ты на самом деле придешь… В смысле… — Она замолкла, плотно сжав губы, а потом отошла и скрылась в толпе.

Не читая, ал'Тор сунул письмо в карман.

— Когда я закончу, постарайся успокоить Эгвейн, — сказал он Суан.

Потом ал'Тор сделал глубокий вдох и уверенно двинулся вперед, не обращая внимания на оторопелых Стражей. Те поспешили следом, но никто не рискнул коснуться его, когда тот шагнул через порог в зал Совета Башни.

* * *

Как только Ранд — один, без охраны — ступил в зал, Эгвейн почувствовала, как вздыбились волоски на руках. Айз Седай, толпясь в передней у дверей, делали вид, что происходящее их нисколько не интересует. Сильвиана взглянула на Эгвейн: не стоит ли объявить эту встречу открытой только для членов Совета?

«Нет, — подумала Эгвейн. — Надо, чтобы все видели наше противостояние. О Свет! Похоже, к этому я не готова».

Но ничего не поделаешь. Девушка собралась с духом, повторяя про себя слова, что крутились в голове с самого утра. Это не Ранд ал'Тор, знакомый ей с детства. Не тот мужчина, за которого она когда-то хотела выйти замуж. С Рандом ал'Тором она могла бы обойтись снисходительно.

Нет. Перед ней стоял Дракон Возрожденный, и снисходительность к нему способна уничтожить весь мир. Самый опасный мужчина, опаснее любого, кто являлся в этот мир. Высокий, в простой одежде, но держится крайне уверенно. В прошлом Эгвейн в нем такой самоуверенности не замечала.

Стражи остались возле дверей, а Ранд напра-

вился прямиком в центр зала и остановился посреди выложенной на полу эмблемы Пламени, которую окружали восседающие в своих креслах члены Совета Башни.

— Эгвейн, — уважительно кивнул он, и его голос эхом раскатился по залу. — Как вижу, ты сделала свое дело. Палантин Амерлин тебе к лицу.

Словно противореча последним дошедшим до Эгвейн слухам о Ранде, он был на удивление спокоен. «Быть может, это спокойствие преступника, наконец-то явившегося с повинной?» — подумала Эгвейн.

Так кто он для нее? Преступник? Да, многие его поступки походили на преступления: он разрушал и убивал, он применял силу и завоевывал. Когда в последний раз Эгвейн была рядом с Рандом, они путешествовали по Айильской пустыне. В те месяцы он очерствел и закалил характер, и она видела в нем эту твердость, но теперь в Ранде появилось что-то новое, глубокое и загадочное.

Подавшись вперед на Престоле Амерлин, Эгвейн услышала свой голос:

— Что с тобой случилось?

— Меня разбили вдребезги, — ответил Ранд, держа руки за спиной. — А потом, как ни странно,

собрали и выковали заново. Еще немного, и он одолел бы меня, Эгвейн. Но Кадсуане помогла все исправить, хотя сделала это случайно. Как бы то ни было, подозреваю, что мне придется отменить решение о ее изгнании.

Теперь он говорил иначе, формальными фразами, которых Эгвейн прежде от него не слышала. Будь на его месте кто-то другой, она решила бы, что имеет дело с человеком образованным и культурным, но Ранд не получил такого воспитания. Может, его натаскали умелые наставники? Так быстро?

— Зачем ты явился к Престолу Амерлин? — спросила она. — Подать прошение или препоручить себя руководству Белой Башни?

Ранд изучающе смотрел на нее, по-прежнему держа руки за спиной. В зал тихонько, одна за другой, проскользнули тринадцать сестер, окруженных сиянием саидар — они удерживали его щит.

Похоже, Ранда это не беспокоило. Он разглядывал зал Совета, рассматривал восседающих. Его взгляд задержался на креслах Красных, два из которых пустовали: Певара и Джавиндра еще не вернулись из своего таинственного путешествия. Присутствовала лишь Барасин, недавно избран-

ная на замену Духаре, и она с честью выдержала взгляд Ранда.

— Раньше я ненавидел тебя, — сказал Ранд, вновь повернувшись к Эгвейн. — Но за последние месяцы я испытал столько переживаний! С того самого момента, как Морейн появилась в Двуречье, я, по-моему, только и делаю, что стараюсь не угодить в силки Айз Седай. И все-таки не сумел избежать другой паутины, невидимой и куда более опасной.

Теперь я спрашиваю себя: стоило ли так стараться? Я не слушал тебя, опасаясь, что попаду под твое влияние, — и не из-за стремления к независимости, но из боязни оказаться ненужным. Из страха, что мои деяния будут приписаны тебе. — Он помолчал. — Зря я отказался от удобной возможности свалить вину за свои злодеяния на кого-то другого.

Эгвейн нахмурилась. Неужели Дракон Возрожденный явился в Белую Башню ради философского пустословия? Быть может, он действительно сошел с ума?

— Ранд, — сказала она, смягчив тон, — я велю сестрам проверить, все ли… все ли с тобой в порядке. Прошу, отнесись к этому с пониманием.

Выяснив, в каком он состоянии, Айз Седай ре-

шат, как с ним быть. Конечно, для исполнения пророчеств Дракону Возрожденному необходима свобода, но разве можно взять и просто отпустить его на все четыре стороны — теперь, когда он в Белой Башне?

— Поверь, Эгвейн, я все понимаю, — улыбнулся Ранд. — Жаль отказывать, но у меня слишком мало времени и слишком много дел. Из-за меня одни гибнут от голода, другие живут в ужасе перед тем, что я сотворил, а мой друг едет умирать — в одиночку, без союзников.

— Ранд, — сказала Эгвейн, — мы должны убедиться, что с тобой все нормально.

Он понимающе кивнул:

— Именно об этом я и сожалею. Не хотелось приходить в цитадель твоей власти — власти, полученной тобою столь искусно, — только ради того, чтобы бросить вызов. Но ничего не поделаешь. Ты должна узнать о моих планах и подготовиться к тому, что будет.

В прошлый раз, пытаясь запечатать Скважину, я вынужден был обойтись без помощи женщин. Поэтому — но не только поэтому — последствия оказались катастрофическими, хотя не исключаю, что женщины поступили мудро, отказав мне в своей силе. Что ж, виноваты все, и винова-

ты в равной мере, но я не повторю этих ошибок. Убежден, что саидин и саидар надо использовать вместе, хотя полной уверенности у меня пока нет.

Эгвейн подалась вперед, пристально глядя ему в глаза, но не замечала признаков безумия. Она знала эти глаза. И знала Ранда.

«О Свет! — подумала она. — Я ошибаюсь. Вижу в нем только Дракона Возрожденного. Но мы здесь не без причины — что я, что он. Я должна увидеть в нем Ранда, ведь Ранду можно доверять, а Дракон Возрожденный вызывает страх и благоговейный трепет».

— Кто ты? — вырвался у нее почти неслышный шепот, но Ранд услышал ее:

— Нас двое, Эгвейн. Я помню его. Помню Льюса Тэрина. Вижу каждое беспросветное мгновение его жизни. Вижу как во сне, но четко и ясно, ведь этот сон — мой. Он часть моего существа.

Слова безумца, но сказаны самым невозмутимым тоном. Глядя на него, Эгвейн вспоминала юношу по имени Ранд ал'Тор. Честного и искреннего. Не такого торжественно-серьезного, как Перрин, но и не такого сумасбродного, как Мэт. Вспоминала надежного бесхитростного парня. Такому мужчине можно доверить что угодно.

Даже судьбу мира.

— Через месяц, — сказал Ранд, — я отправлюсь к Шайол Гул, к узилищу Темного, чтобы сломать последние печати, и мне не обойтись без твоей помощи.

Сломать печати? Эгвейн припомнила свой сон: Ранд рубит веревки, скрепляющие хрустальный шар.

— Не надо, Ранд, — произнесла она.

— Мне понадобится помощь каждой из вас, — продолжил он. — Надеюсь, во имя Света, что на этот раз вы не откажете мне в поддержке. В день перед выходом к Шайол Гул нам надо будет встретиться. И тогда… Вот тогда и обсудим мои условия.

— Условия? — переспросила Эгвейн.

— Со временем ты все узнаешь. — Он развернулся, собираясь уйти.

— Ранд ал'Тор! — сказала она, поднявшись на ноги. — Не смей поворачиваться спиной к Престолу Амерлин!

Он замер, после чего повернулся и снова взглянул на Эгвейн.

— Нельзя ломать печати! — заявила она. — Что, если Темный вырвется на волю?

— Это неизбежный риск. Необходимо рас-

чистить мусор и опять полностью открыть Скважину, прежде чем запечатывать ее вновь.

— Все это надо обсудить, — сказала она. — И составить план.

— Для этого я и пришел. Чтобы ты все спланировала.

Он что, потешается над ней? О Свет! Разгневанная Эгвейн уселась на прежнее место. Упрямец, весь в отца!

— Ранд, нам надо поговорить. И не только об этом. И не в последнюю очередь — о сестрах, которых твои люди связали с собой узами.

— Поговорим при следующей встрече.

Эгвейн бросила на него мрачный взгляд.

— И раз уж на то пошло… — Ранд едва заметно поклонился ей. Вернее, просто кивнул. — Эгвейн ал'Вир, Блюстительница печатей, Пламя Тар Валона, дозволено ли мне удалиться?

Такая демонстративная вежливость… Неужто издевается? И ведь не понять.

Эгвейн посмотрела ему в глаза. «Не вынуждай меня делать то, о чем я пожалею», — казалось, говорил его взгляд.

Сумеет ли она заточить Дракона в Белой Башне? Особенно после того, как сама заявила Элайде, что ему необходима свобода?

— Я не позволю тебе сломать печати, — сказала она. — Это безумие.

— Если так, встретимся с тобой в месте, известном под названием Поле Меррилор. Это на севере. Все обсудим, а потом я отправлюсь к Шайол Гул. Не хочу перечить тебе, Эгвейн, но мне действительно пора.

Они продолжали смотреть друг другу в глаза. Все присутствующие будто затаили дыхание. В зале Совета было так тихо, что Эгвейн слышала, как под налетающим ветерком дребезжат стекла окна-розетки.

— Хорошо, Ранд, — промолвила Эгвейн, — но мы еще не закончили.

— Бесконечность не имеет конца, Эгвейн, — ответил он, потом кивнул ей, повернулся и зашагал прочь из зала. О Свет! У него же левая рука изувечена! Как случилось, что он лишился кисти?

Пропуская его, сестры и Стражи неохотно расступились. Эгвейн приложила ладонь к закружившейся вдруг голове.

— О Свет! — воскликнула Сильвиана. — Объясни, мать, как ты сумела хоть о чем-то думать во время этой встречи?

— Что? — Эгвейн обвела взглядом восседающих. Многие из них заметно обмякли.

— Что-то схватило меня за сердце. — Барасин поднесла руку к груди. — Сжало так крепко, что я слова вымолвить не смела.

— А я хотела кое-что сказать, — подхватила Юкири, — да язык не послушался.

— Та'верен, — объяснила Саэрин, — но такое сильное воздействие… Казалось, он вот-вот раздавит мне внутренности.

— Как ты сумела противостоять ему, мать? — спросила Сильвиана.

Эгвейн нахмурила брови. Ничего подобного она не почувствовала. Наверное, потому, что видела в нем Ранда.

— Через час состоится заседание Совета Башни, — объявила она. — Надо обсудить слова Дракона Возрожденного. И вот это обсуждение должно быть «запечатано Советом» и оставаться тайной для всех сестер, кроме членов Совета. Кто-нибудь, проследите за ним. Надо удостовериться, что он действительно ушел.

— За ним приглядит Гарет Брин, — отозвался стоявший у дверей Чубейн.

Восседающие поднялись со своих мест, но не без труда: сказывалось недавнее потрясение. Сильвиана наклонилась к Эгвейн:

— Ты права, мать. Нельзя допустить, чтобы

он сломал печати. Но что нам делать? Если не желаешь взять его под стражу…

— Сомневаюсь, что это в наших силах, — ответила Эгвейн. — Есть в нем что-то… неодолимое. По-моему, он мог запросто разрушить свой щит.

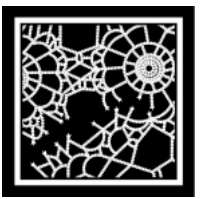
— В таком случае как ему помешать?

— Нам понадобятся союзники, — ответила Эгвейн и глубоко вздохнула. — Быть может, его сумеют убедить люди, которым он доверяет.

Или же он отступит под давлением достаточно сильного альянса, созданного, дабы остановить Дракона.

И вот теперь крайне необходимо переговорить с Илэйн и Найнив. Это самое главное. И чем скорее, тем лучше.

Глава 4
Стоны Узора



— В чем дело? — спросил Перрин, стараясь не обращать внимания на резкую вонь гниющего мяса. Трупов он не видел, но для него здесь пахло так, словно ими была усыпана вся земля.

Передовой отряд стоял на обочине Джеханнахской дороги. Все смотрели на север, на холмистую равнину, поросшую редкими деревьями. Трава здесь, как и везде, имела желто-бурый оттенок, но чуть дальше от дороги темнела, будто пораженная какой-то болезнью.

— Такое я вижу не впервые, — сказала Сеонид. Склонившись у дороги, миниатюрная белокожая Айз Седай вертела в пальцах листок, сорванный с невысокого куста. На ней было зеленое шерстяное платье тонкой работы, но без вышивки, а из

украшений — только кольцо Великого Змея.

Над головой глухо раскатывался гром. За спиной у Сеонид замерли шесть Хранительниц Мудрости: руки сложены на груди, лица непроницаемы. У Перрина даже мысли не возникло сказать Хранительницам Мудрости — или ставшим у них ученицами двум Айз Седай, — чтобы они оставались в лагере. Скорей всего, Перрину еще повезло, что Хранительницы Мудрости взяли с собой и его.

— Да. — Звякнув браслетами, Неварин опустилась на колени и взяла листок у Сеонид. — Однажды в детстве я побывала в Запустении — отец решил, что мне надо это увидеть. Там я и встречала нечто похожее.

Перрину довелось побывать в Запустении лишь однажды, но он тоже узнал эти явственные черные крапинки. Вдалеке на одно из деревьев села рыжая сойка — клюнула ветку, пощипала листья, не нашла ничего интересного и улетела прочь.

Как ни странно, здешние растения выглядели получше тех, что Перрин видел во время перехода. Да, покрытые пятнами, но живые и вполне себе здоровые.

«О Свет! — подумал он, взяв у Неварин листок,

от которого пахло разложением. — Что же это за мир такой, где Запустение — не самый худший вариант?»

— Мори, — Неварин кивком указала на стоявшую рядом Деву, — объехала вокруг всего участка. Ближе к середине он еще больше темнеет. Но что в самом центре, рассмотреть не удалось.

Перрин направил Трудягу в поле. Фэйли последовала за ним. В ее запахе не было ни намека на страх, но сопровождавшие Перрина двуреченцы замешкались.

— Лорд Перрин? — окликнул его Вил.

— Вряд ли мне что-то грозит, — отозвался Перрин. — С птицей-то ничего не случилось.

Опасно не само Запустение, а обитающие в нем твари, и, если они каким-то образом продвинулись на юг, об этом надо знать. Айильцы молча двинулись за Перрином, а поскольку рядом с ним была Фэйли, Берелейн не могла не последовать ее примеру. За ней ехали Анноура и Галленне. Хвала Свету, Аллиандре согласилась остаться в лагере и присматривать за беженцами, пока не вернется Перрин.

Кони и без того капризничали, и окрестные виды не улучшили их настроения. Трупный запах был так силен, что Перрин старался дышать

только ртом. Земля, как и везде, была влажной — скорей бы солнце выглянуло из-за туч и подсушило эту грязь! — и лошади, не находя надежной опоры для копыт, ступали небыстро. Почти вся луговина поросла травой — клевером и мелким сорняком, — и чем дальше, тем больше встречалось темных пятен. Прошло несколько минут, и бурых растений стало больше, чем желтых или зеленых.

Наконец отряд вышел к небольшой низине меж трех холмов. Перрин остановил Трудягу, остальные собрались вокруг. Здесь была деревня, но довольно необычная на вид: хижины, сложенные из каких-то странных бревен, походивших на толстый тростник, и крытые листьями — громадными, шириной в две мужские ладони.

Вместо нормальной земли — сплошной песок. Неудивительно, что ничего не росло. Соскользнув с коня, Перрин нагнулся, набрал пригоршню песка, пропустил его сквозь пальцы и оглянулся на спутников. От них пахло замешательством.

Он осторожно повел Трудягу вглубь деревни. Отсюда распространялось Запустение, но на тростниковых стенах не было никаких его следов. Девы под руководством Сулин, закрыв лица вуалями, устремились вперед, рассыпавшись по

улице, быстро проверили постройки, обменялись несколькими быстрыми жестами и вернулись.

— Никого? — спросила Фэйли.

— Пусто, — подтвердила Сулин, настороженно опуская вуаль. — Ни души.

— Кому пришло в голову строить такую деревню? — задумался Перрин. — Да еще не где-то, а в Гэалдане?

— Ее построили не здесь, — сказала Масури.

Перрин обернулся к стройной Айз Седай.

— Эта деревня не из здешних краев, — повторила она. — Таких бревен я никогда раньше не видела.

— Стоны Узора, — тихо произнесла Берелейн. — Люди умирают по непонятной причине, а мертвецы восстают из могил. В городах исчезают здания и портятся продукты.

Перрин почесал подбородок, вспоминая тот день, когда едва не погиб от собственного топора, который пытался его убить. Если целые деревни исчезают, а потом появляются в других местах, если Запустение распространяется через возникающие в Узоре прорехи… О Свет! Насколько же все плохо?

— Сожгите эту деревню, — распорядился Перрин, разворачиваясь. — С помощью Единой

Силы. Постарайтесь выжечь как можно больше пораженных растений. Быть может, нам удастся остановить порчу. Армия встанет лагерем в часе пути отсюда — на сегодня, а то и на завтра, если вам понадобится больше времени.

В кои-то веки ни Хранительницы Мудрости, ни Айз Седай не стали обсуждать приказ. Разве что недовольно фыркнули.

* * *

Пойдем поохотимся, брат.

Опять волчий сон. Перрин смутно помнил, как сидел возле тусклого огонька открытой лампы и ждал новостей из странной деревни. Чтобы не уснуть, он пытался читать в свете одинокого дрожащего язычка пламени «Странствия Джейина Далекоходившего» — эту книгу Гаул нашел где-то в Малдене.

Теперь же Перрин лежал на спине посреди огромного поля, чувствовал, как высокая, по пояс, трава, дрожа на ветру, щекочет ему щеки и руки, и смотрел в небо — такое же кипуче-грозовое, как наяву, а то и побеспокойнее.

Глядя на это небо в обрамлении буровато-зеленых стеблей травы и колосьев дикого проса, Перрин буквально чувствовал, как надвигается

буря — она словно готовилась сползти с небес и поглотить его.

Ну же, Юный Бык! Пойдем поохотимся!

Это был голос волчицы. Перрин инстинктивно понял, что ее зовут Танцующая-среди-Дубов: щенком она любила резвиться в молодой дубовой роще. С ней были и другие: Шепчущий, Заря, Искра, Вольный… Добрый десяток волков. Они звали его. Некоторые были живы и спали; другие уже умерли, и с Перрином говорили их души.

Волки взывали к нему калейдоскопом ароматов, звуков и образов. Запах оленя, при каждом прыжке оставляющего углубления в земле. Шелест опавших листьев под лапами бегущих волков. Победный рык и охотничий азарт, охвативший всю стаю.

Обращенный к нему зов пробуждал нечто в глубине души Перрина — волка, которого он так старался держать под замком. Но волка надолго не запрешь. Он не потерпит неволи: или сбежит, или умрет. Перрин испытывал жгучее желание вскочить на ноги, радостно ответить на волчий зов, броситься навстречу стае и раствориться в ней. Ведь он Юный Бык, и другие волки ждут не дождутся, когда он к ним присоединится.

— Нет! — Перрин сел и высоко поднял голо-

ву. — Я не хочу потерять себя в вашей стае!

Справа в траве сидел Прыгун. Крупный серый волк смотрел на Перрина немигающими золотистыми глазами, и в них отражались вспышки молний. Трава доходила ему до шеи.

Перрин убрал руку от головы. Воздух был густой, влажный, тяжелый, он пах дождем, сухими травами, но сильнее всего — настойчивостью Прыгуна.

Тебя зовут на охоту, Юный Бык.

— Не могу я с вами охотиться, — объяснил Перрин. — Прыгун, мы уже говорили об этом. С вами я теряю свое «я». А в бою меня обуревает ярость. Будто я волк.

Будто? — пришло от Прыгуна. — *Юный Бык, ты и есть волк. И еще человек. Пойдем поохотимся.*

— Сказал же — не могу! Нельзя, чтобы волк во мне взял верх. Такого я не допущу! — Перрин вспомнил запертого в клетке юношу с золотистыми глазами. Его звали Ноам, и в нем не осталось ничего человеческого. Ноам встретился ему в деревне под названием Джарра.

«О Свет! — подумал Перрин. — Это же совсем рядом». По крайней мере, недалеко от того места, где дремало в реальном мире его тело. Джарра же находилась в Гэалдане. Ну и совпадение! Очень

странно.

Рядом с та'вереном совпадений не бывает.

Перрин нахмурился, встал и обвел взглядом окрестности. Кто сказал ему, что в Ноаме не осталось ничего человеческого? Точно, Морейн. И добавила, что такая судьба ждет всякого волчьего брата, если позволить волку полностью поглотить человека.

— Мне надо научиться держать это в узде. Или прогнать волка раз и навсегда, — сказал Перрин. — Времени для компромиссов не осталось, Прыгун.

От волка пахнуло недовольством. Он не раз заявлял, что не одобряет человеческого желания контролировать все на свете.

Пойдем. — Прыгун встал. — *Поохотимся.*

— Я…

Хоть поучишься, — огорченно настаивал Прыгун. — *Не за горами Последняя охота.*

В его послании мелькнул образ щенка, впервые убивающего жертву. А еще — совершенно несвойственная волкам тревога за будущее. В преддверии Последней охоты многое изменилось.

Перрин медлил. В прошлую встречу с Прыгуном он потребовал, чтобы тот обучил его управлять

волчьим сном. Для молодого волка подобное поведение весьма неуместно — все равно что бросать вызов старшему, — но вот он и дождался ответа. Сегодня Прыгун явился обучать его, но сделает это по-волчьи.

— Прости, — сказал Перрин. — Я поохочусь с тобой, но для меня главное — не потерять себя.

Эти мысли у тебя в голове… — недовольно отвернулся Прыгун. — *Почему в них ничего нет?*

Его послание сопровождалось образами пустоты: безлунного неба, покинутого логова, бесплодного поля.

Ты Юный Бык и всегда им останешься. Разве можно потерять Юного Быка? Глянь вниз и увидишь его лапы. Кусни добычу, и зубы Юного Быка заберут ее жизнь. Разве можно такое потерять?

— Я говорю не о волке. О человеке.

Все те же пустые слова, снова и снова, — таким было ответное послание Прыгуна.

Перрин полной грудью втянул чересчур влажный воздух, выдохнул и сказал:

— Ну ладно. Пойдем.

В руках у него появились молот и нож.

Ты что, добываешь дичь с помощью копыт? — и новый образ: бык, забыв о своих рогах, напрыги-

вает на оленя и пытается втоптать его в землю.

— И то правда. — Кинжал и молот сменились длинным луком — двуреченским, отменного качества. Стрелял Перрин похуже Джондина Баррана или Ранда, но с луком и стрелами обращался достаточно умело.

Прыгун ответил образом быка, плюющего в оленя. Перрин с раздраженным рыком послал ему другую картинку — волчья лапа стреляет когтями, поражающими оленя на расстоянии, — но Прыгун, похоже, развеселился еще сильнее. Несмотря на раздражение, Перрин не мог не признать, что стреляющая волчья лапа выглядит довольно глупо.

Прыгун переправил эти образы остальным, и волки весело взвыли, хотя большинству, похоже, понравился бык, топчущий оленя. Издав новый рык, Перрин побежал за Прыгуном в сторону далекого леса — туда, где ждала стая.

Трава как будто становилась гуще. Она цеплялась за ноги, словно спутанный подлесок, и вскоре Прыгун вырвался вперед.

Беги, Юный Бык!

«Стараюсь», — подумал в ответ Перрин.

Не так, как бегал раньше!

Перрин прорывался сквозь цепкую траву.

Странное место, удивительный мир, где живут и охотятся волки… Пьянящий, но и опасный. Прыгун не раз предупреждал об этом.

Выкинь опасность из головы. Оставь ее на завтра. — Прыгун был уже у самого леса. — *Тревожиться — участь двуногих.*

«Не могу же я забыть о своих проблемах!» — мысленно воскликнул Перрин.

Но часто забываешь, — ответил Прыгун.

Действительно… Пожалуй, волк сам не знал, насколько он прав. Перрин вырвался из цепкой травы и встал как вкопанный. Здесь, на проплешине, лежали три железки — те самые, что он ковал в прошлом сне: ком размером с два кулака, расплющенный брусок и тонкий прямоугольник. Последний едва заметно светился красно-желтым, опаляя низкую траву рядом.

Все три куска железа тут же исчезли, хотя от раскаленного прямоугольника осталось выгоревшее пятно. Подняв глаза, Перрин стал высматривать волков. Впереди, в небесах прямо над лесом, разверзлась громадная черная дыра. Трудно было сказать, далеко она или близко: эта дыра довлела надо всем, что видел Перрин, и в то же время казалась недосягаемой.

В ней был Мэт. Он сражался с десятком людей,

носивших его лицо, но облаченных по-разному, хотя одежда на каждом была богатой и превосходно сшитой. Размахивая копьем, Мэт не замечал, как со спины к нему подкрадывается темная фигура с окровавленным ножом в руке.

— Мэт! — крикнул Перрин, понимая, что это бессмысленно, ведь сейчас его взору предстало нечто вроде видения будущего. Давненько ему не являлись подобные сновидения. Перрин уж решил, что они перестали ему являться.

Он отвернулся, и в небе открылось еще одно черное отверстие. Перрин увидел почему-то отару овец, бегущих в сторону деревьев. За ними гнались волки, а в лесу овец поджидал какой-то чудовищный, но невидимый зверь. Перрин почувствовал, что и он там, в этом сне. Но за кем он гонится? И с какой целью? С этими волками что-то не так…

Третья черная дыра, теперь сбоку. Фэйли, Грейди, Илайас, Гаул — все шагают к обрыву, а за ними следуют тысячи других.

Видение исчезло. В воздухе вдруг возник Прыгун. Волк приземлился рядом с Перрином, чуть проскользил по траве и остановился. Прыгун не видел тех черных дыр: они предназначались не для его глаз. Вместо этого он бросил презри-

тельный взгляд на выжженную траву и послал Перрину образ его самого — с мутным взором, нечесаными волосами и нестриженой бородой, одетого как придется. Перрин вспомнил, что примерно так он выглядел в первые дни после пленения Фэйли.

Неужто у него был такой неопрятный и дикий вид? О Свет! Выглядит как настоящий оборванец — ни дать ни взять нищий побирушка. Или… как Ноам?

— Хватит мне голову морочить! — сказал Перрин. — Я таким стал потому, что без устали искал Фэйли. И вовсе не потому, что уступил волкам!

Юные щенки всегда обижаются на старших в стае.

И Прыгун опять скрылся в траве.

Что он хотел сказать? Запахи и образы сбивали Перрина с толку. Зарычав, он метнулся следом за волком. Проплешина осталась позади, и ноги опять запутались в высоких стеблях. Все равно что плыть против течения. Прыгун же тем временем легко мчался вперед.

— Чтоб тебе сгореть! Подожди меня! — крикнул Перрин.

Если ждать, упустим добычу. Беги, Юный Бык!

Перрин скрежетнул зубами. Прыгун превратил-

ся в крапинку почти у самых деревьев. Перрину хотелось обдумать недавние видения, но нет времени. Он знал: если потерять Прыгуна из виду, этой ночью он больше не появится.

«Ну ладно», — смирился Перрин.

Земля накренилась, травинки слились в размытое пятно. Такое чувство, что за один прыжок Перрин преодолел сотню шагов. Он помчался вперед, оставляя позади смутные очертания.

Травы расступались перед ним. По лицу, приятно порыкивая, хлестал ветер. В Перрине проснулся волк — тот самый зверь, пылающий первобытным огнем. У леса он замедлился, в один прыжок покрывая теперь футов десять, не больше. Тут были и другие волки; растянувшись в цепь, они бежали рядом, все как один возбужденные и предвкушающие охоту.

На двух лапах, Юный Бык? — спросила Танцующая-среди-Дубов, молодая волчица со светлой, почти белой, шкурой и черной полосой на правом боку.

Не отвечая, он целиком отдался бегу с волками. Издали казалось, что здесь скромная рощица, но она превратилась в обширный лес. Перрин проносился мимо деревьев и папоротников, почти не чувствуя земли под ногами.

Вот он каков, настоящий бег! Мощь. Энергия. Перрин перескакивал через бурелом, прыгая так высоко, что волосы соприкасались с нижними ветвями деревьев, и ловко приземлялся, понимая, что лес принадлежит ему. Что он хозяин этих мест.

Волнения таяли и отступали. Теперь он принимал все как есть, жил в настоящем и не боялся будущего. Эти волки — его братья и сестры. Даже в реальном мире бегущий волк — образчик равновесия и владения своим телом, но здесь, где законы природы подстраивались под желания стаи, у волков не было никаких ограничений. Ничто не держало их у земли, и они не бежали, а парили над землей, отталкивались от деревьев, некоторые даже перепрыгивали с ветки на ветку.

Вот это красота! Никогда еще Перрин не чувствовал себя таким живым, неотъемлемой частью мира вокруг и в то же время его владыкой. Вокруг — дикие заросли царственного болотного мирта с вкраплениями тиса и реже — нарядных смоляных линдер и каликантов в полном цвету. Минуя один из них, Перрин взмыл в воздух, и с ветвей дождем осыпались малиновые цветки. Подхваченные потоками воздуха, они закружи-

лись в ярком водовороте, сливаясь в сплошное пятно, и окутали Перрина сладким ароматом.

Волки стали подвывать. Люди не различают нюансов волчьего воя, но для Перрина это не составляло труда. И он знал, что слышит вой радости в самом начале охоты.

«Погоди. Именно этого я и боялся! Нельзя попасть в эту ловушку. Я человек, а не волк».

И в этот момент он почуял оленя. Могучего самца, достойную добычу. Олень пробежал здесь совсем недавно.

Перрин пробовал сдержать себя, но предвкушение оказалось слишком сильным. Свернув в сторону, он устремился по следу дичи. Волки — в том числе и Прыгун — не опережали его, но бежали рядом, и от них пахло удовлетворением. Стая разрешила ему возглавить погоню.

Перрин стал вестником стаи, ее глашатаем; теперь он был на острие атаки, а следом шла вся охота, и он, казалось, вел за собой ревущие волны самого океана. Но он также и сдерживал их.

«Нельзя, чтобы из-за меня задержалась вся стая», — подумал Перрин.

И затем он упал на четвереньки, отбросив лук и тут же забыв о нем; его руки и ноги превратились в волчьи лапы. Волки позади взвыли по-новому,

теперь от восхищения, увидев, что Юный Бык воистину присоединился к стае.

Впереди был олень. Юный Бык разглядел его за деревьями: блестящая белая шкура, ветвистые рога по меньшей мере с двадцатью шестью отростками, зимняя шерсть уже облетела. И сам он — громадный, крупнее лошади. Олень настороженно оглянулся на стаю; Юный Бык встретился с ним взглядом и учуял тревогу. Потом, оттолкнувшись от земли задними ногами — на бедрах вздулись мощные мускулы, — олень метнулся в сторону от тропы.

Юный Бык взвыл, окликая остальных волков, и нырнул в подлесок. Каждым прыжком огромный белый олень покрывал двадцать шагов и ни разу не споткнулся о ветку, ни разу не оступился, хотя землю покрывал ненадежный скользкий мох.

Юный Бык уверенно шел по следу, и лапы его оказывались там, где несколькими мгновениями раньше ступали копыта, ибо прыжки его были такими же размашистыми, как прыжки добычи. Он слышал тяжелое дыхание оленя, видел пот и пену, выступившую на его шкуре, чуял запах его страха.

Но нет, Юный Бык не станет гнать жертву, пока та не выбьется из сил. Он не удовольствуется

такой сомнительной победой. Нет, он перехватит оленя на пределе его возможностей, на полном скаку, прокусит ему горло и отведает вкус крови, которую гонит по жилам здоровое сердце.

Сменив темп прыжков, он сошел с оленьего следа. Надо не догнать, а опередить жертву! В запахе оленя все сильнее чувствовался страх, и это помогло Юному Быку ускориться. Олень бросился вправо; Юный Бык взмыл в воздух и всеми четырьмя лапами оттолкнулся от вертикального древесного ствола, чтобы сменить направление движения. Этот разворот помог ему выиграть долю секунды.

Вскоре Юный Бык мчался совсем рядом с оленем, так близко, что передние лапы касались земли в нескольких дюймах от оленьих копыт. Он завыл, и сзади в один голос отозвались его братья и сестры. Охотящаяся стая превратилась в единое целое.

Однако вел ее Юный Бык.

Его вой стал триумфальным рыком, когда олень снова метнулся в сторону. Вот он, шанс! Перепрыгнув через бревно, Юный Бык впился добыче в горло и, сомкнув челюсти, почувствовал на клыках ее пот, шерсть, теплую кровь. От столкновения с тяжелым волчьим телом олень

упал на землю, но Юный Бык, катясь вместе с ним по лесной подстилке, не разжимал челюстей, и по оленьей шкуре побежали алые ручейки.

Волки издали победный вой, а Юный Бык на мгновение ослабил хватку, намереваясь прикончить жертву укусом в горло. Вокруг уже не было ни леса, ни волчьего воя — не осталось ничего, кроме последнего рывка, убийственного и прекрасного.

Кто-то врезался в него, отбросив его в кусты. Оглушенный, Юный Бык потряс головой и недовольно зарычал. Его остановил другой волк. Прыгун! Но зачем?

Вскочив на ноги, олень умчался в лес. Завывая от гнева и досады, Юный Бык хотел было броситься следом, но Прыгун снова оттолкнул его:

Умерев здесь, он умрет последней смертью. Сегодняшняя охота окончена, Юный Бык. В другой раз поохотимся еще.

Юный Бык едва не кинулся на него… Но нет, не стоит. Однажды он пробовал одолеть Прыгуна, и это было ошибкой. Ведь он не волк. Он…

Тяжело дыша, Перрин лежал на земле. С лица капал пот, а во рту стоял привкус чужой крови. Перрин с трудом встал на колени, а затем сел, дрожа и отдуваясь после прекрасной, но и ужас-

ной охоты.

Остальные волки сидели, но молчали. Улегшись рядом, немолодой уже Прыгун опустил седую морду на узловатые лапы.

— Вот, — в конце концов промолвил Перрин, — именно этого я и боюсь.

Нет, не боишься, — ответил Прыгун.

— Откуда тебе знать, что я чувствую?

От тебя не пахнет страхом.

Улегшись на спину — под тяжестью тела захрустели хворостинки и зашуршали листья, — Перрин уставился вверх, на ветви деревьев. В груди гулко билось разгоряченное погоней сердце.

— Значит, не боюсь, а волнуюсь.

Волнение и страх — разные вещи, — заметил Прыгун. — *Зачем говорить одно, когда чувствуешь совсем другое? Волнение, волнение... Только и делаешь, что волнуешься.*

— Нет. Еще я убиваю. Если станешь учить меня, как управлять волчьим сном, все будет так, как сегодня?

Да.

Перрин повернул голову. Кровь оленя впитывалась в сухое бревно, оставляя на дереве темные пятна. Во время подобных уроков он окажется у самой грани, отделяющей его от волка.

Но слишком долго он избегал этой проблемы. Делал простенькие подковы, не прикасаясь к самым сложным деталям. Откладывал трудную работу на потом. Полагался на обретенное им уникальное обоняние, на возможность при необходимости связаться с волками, но в остальном игнорировал волков.

Нельзя сделать целое, не понимая его частей. Перрин не узнает, как быть с волком внутри себя — принять его или отвергнуть, — пока не поймет сути волчьего сна.

— Ну ладно, — сказал он. — Быть по сему.

* * *

Пустив Крепыша легким галопом, Галад ехал по лагерю. По обе стороны от него Дети Света ставили палатки, окапывали кострища и готовились к ночевке. Каждый день его люди шли, пока светило солнце, а утром вставали с первыми лучами зари. Чем раньше они доберутся до Андора, тем лучше.

Те проклятые Светом болота остались позади, и теперь путь лежал по открытым пастбищам. Быстрее, пожалуй, было бы свернуть к востоку, выбраться на один из ведущих к северу большаков, но это небезопасно. Разумнее держаться в

стороне от передвижения шончан или армий Дракона Возрожденного. Свет озарит своих Детей, но не один доблестный герой пал в лучах этого света. Смертельная опасность и отвага — две стороны одной медали, но Галад предпочел бы купаться в сиянии Света, пока еще дышит.

Они встали лагерем неподалеку от Джеханнахской дороги, а наутро перейдут ее и продолжат путь на север. Отправленный на дорогу патруль должен был выяснить, насколько она оживленна и кто по ней передвигается, однако в первую очередь войску были отчаянно необходимы съестные припасы.

В сопровождении нескольких верховых Галад продолжал инспекцию, не обращая внимания на боль от многочисленных ран. Лагерь выглядел организованно и опрятно. Расставленные полегионно палатки образовывали концентрические круги, между которыми не было прямых проходов. Если кто-то вздумает атаковать, такая планировка замедлит и запутает нападающих.

В центральной части лагеря располагался пустой участок — раньше на месте этой бреши в палаточном строю стояли шатры Вопрошающих. Галад приказал, чтобы их распределили по двое в каждый эскадрон. Если Вопрошающих, прежде

державшихся обособленно от других, смешать с прочими солдатами, они, быть может, сроднятся с остальными Чадами. Но пробел в рядах палаток Галаду не понравился, и он взял себе на заметку составить для лагеря новую планировку, после чего подал знак спутникам, и процессия отправилась дальше.

Галад выехал для того, чтобы показаться солдатам, и те, завидев его, отдавали воинский салют. Он вспомнил слова, сказанные однажды Гаретом Брином: «В большинстве случаев важнейшая обязанность военачальника — не командовать войском, а напоминать солдатам, что у них есть командир, который и принимает решения».

— Милорд капитан-командор, — сказал сопровождавший его Брандель Вордариан, самый пожилой из лордов-капитанов под началом Галада, — подумайте еще раз. Стоит ли отправлять это послание?

Вордариан ехал слева от Галада. Справа — Тром, за спиной — Борнхальд, выступавший сегодня в роли телохранителя, а чуть поотстав от него, но в пределах слышимости — лорды-капитаны Голевер и Гарнеш.

— Его необходимо отправить, — ответил Галад.

— Все это похоже на авантюру, милорд капи-

тан-командор, — продолжил Вордариан, гладко выбритый широкоплечий гигант с проседью в золотистых волосах. Когда-то Галад был шапочно знаком с его семьей, которая принадлежала к мелкой знати при дворе его матери.

Кто откажется послушать совета, если его дает умудренный опытом человек? Только глупец. С другой стороны, только глупец внимает каждому советчику.

— Быть может, это и есть авантюра, — ответил Галад, — но поступить так — правильно.

Послание было адресовано прочим Вопрошающим и тем Детям Света, которые оставались под властью шончан, — всем тем, кто не отправился вместе с Асунавой. В письме Галад объяснял, что произошло, и приказывал как можно быстрее явиться к нему. Вряд ли кто-то выполнит данное распоряжение, но остальные имеют право знать, как все было.

Лорд Вордариан вздохнул, потом посторонился, пропуская подъехавшего Гарнеша вперед. Лысый мужчина рассеянно почесал рубец на месте левого уха и сказал:

— Хватит уже про письмо, Вордариан. Не советую испытывать мое терпение.

Галад уже заметил, что этого мурандийца очень

многое способно вывести из себя.

— Полагаю, ты хочешь обсудить другие вопросы? — Он кивнул паре Детей Света, когда те, перестав пилить дрова, отдали ему честь.

— По словам чада Борнхальда, чада Байара и других, вы планируете заключить союз с ведьмами из Тар Валона!

— Да, это так, — подтвердил Галад. — Знаю, это решение кажется сомнительным, но подумай и поймешь, что оно единственно верное и правильное.

— Но ведьмы — это зло!

— Возможно, — ответил Галад. В прошлом он поспорил бы с этим утверждением, но, выслушивая других Чад и вспоминая, как в Тар Валоне обошлись с его сестрой, он начинал думать, что занял слишком уж мягкую позицию по отношению к Айз Седай. — Однако, лорд Гарнеш, это незначительное зло по сравнению с Темным. Ты же не станешь отрицать, что грядет Последняя битва?

Гарнеш и остальные подняли глаза к небу, уже несколько недель затянутому хмурыми тучами. Днем раньше один солдат слег от непонятной болезни — стоило закашляться, как изо рта у него сыпались жуки, — а запасы провианта портились

не по дням, а по часам.

— Нет, не стану, — пробурчал Гарнеш.

— Тогда возрадуйся, — сказал Галад, — ибо путь наш ясен и понятен. Мы сразимся на передовой Последней битвы и, быть может, укажем так дорогу к Свету многим из тех, кто с презрением отверг нас. А если не укажем, все равно будем сражаться в Последней битве, ибо таков наш долг. Ты же не станешь этого отрицать, лорд-капитан?

— И этого я отрицать не стану, милорд капитан-командор… Но они же ведьмы!

— Другие варианты не идут на ум, — покачал головой Галад. — Нам нужны союзники. Оглянись вокруг, лорд Гарнеш. Сколько ты увидишь Детей Света? Меньше двадцати тысяч, и это с учетом новобранцев. Наша цитадель захвачена. У нас нет ни резервов, ни верных союзников, и в каждом из великих государств мира нас осыпают бранью. Нет, не отрицай! Ты же знаешь, что это правда.

Галад заглянул в глаза каждому из спутников, и те, один за другим, кивнули.

— В этом повинны Вопрошающие, — неуверенно сказал Гарнеш.

— Отчасти, — согласился Галад. — Но и те, кто творит зло, с презрением глядя на стоящих за

правое дело.

Остальные закивали.

— Мы должны действовать осторожно, — сказал Галад. — В прошлом из-за нашей дерзкой отваги — и, пожалуй, чрезмерного рвения — от Детей Света отвернулись все потенциальные союзники. Мать всегда говорила, что нельзя назвать дипломатической победой ситуацию, когда каждый получает то, что хочет, — ведь тогда другая сторона решит, что возьмет над тобой верх, и выдвинет непомерные требования. Фокус не в том, чтобы все остались довольны. Надо сделать так, чтобы стороны думали, что добились наибольшего результата из возможных. Иными словами, другой должен быть достаточно удовлетворен, чтобы выполнить твои требования, но и раздосадован тем, что ты одержал верх.

— И как это касается Детей Света? — спросил из-за спины Голевер. — Ведь у нас нет ни короля, ни королевы.

— Верно, — ответил Галад, — и монархов это пугает. Я вырос при дворе Андора и знаю, как мать относилась к Детям Света. Всякий раз, имея дело с нашим орденом, она или отчаивалась, или решала не идти ни на какие уступки. Оба варианта нас совершенно не устраивают! Надо,

чтобы правители этих земель относились к нам не с ненавистью, но с уважением.

— Приспешницы Темного, — пробормотал Гарнеш.

— Кто? Моя мать? — тихим голосом уточнил Галад.

— Все они, кроме твоей матери, — покраснел Гарнеш.

— Ты говоришь словами Вопрошающего, — сказал Галад. — И подозреваешь всех, кто выступает против нас, в том, что они служат Тьме. Да, многие из них и в самом деле находятся под влиянием Тени, но сомневаюсь, что это осознанный выбор. В том-то и ошибка Руки Света. Зачастую Вопрошающие не видели разницы между закоренелым другом Темного, тем, кто попал под влияние приспешников Тьмы, и тем, кто попросту не согласен с Детьми Света.

— Так что будем делать? — спросил Вордариан. — Плясать под дудку монархов?

— Что делать? Пока не знаю, — признался Галад. — Но подумаю, и верное решение придет само собой. Конечно, нельзя допустить, чтобы Дети Света стали комнатными собачками королей и королев, но подумайте, чего мы могли бы достичь в пределах того или иного государства,

если не нужно отправлять целый легион, чтобы припугнуть его правителя.

Все задумчиво покивали.

— Милорд капитан-командор! — позвал кто-то.

Обернувшись, Галад увидел, что к ним легким галопом приближается Байар на белом жеребце. Прежде этот конь принадлежал Асунаве, но Галад предпочел ему собственного скакуна. Когда длиннолицый Байар — теперь на его белом плаще-табаре не было ни пятнышка — подъехал ближе, Галад остановил своего гнедого, остальные последовали его примеру. В лагере Байара недолюбливали, но он свою преданность доказал.

Однако, как предполагал Галад, его не должно было быть здесь.

— Я отправил тебя наблюдать за Джеханнахской дорогой, чадо Байар, — твердо сказал Галад. — И твой дозор окончится не раньше чем через добрых четыре часа.

Натянув повод и отсалютовав, Байар ответил:

— Милорд капитан-командор, на дороге мы пленили подозрительную группу путников. Что прикажете с ними делать?

— Пленили? — переспросил Галад. — Тебя послали следить за дорогой, а не брать пленных.

— Но, милорд капитан-командор, — возразил Байар, — как узнать, что это за люди, если не поговорить с ними? Вы же сами хотели, чтобы мы высматривали приспешников Темного.

Галад вздохнул:

— Я хотел, чадо Байар, чтобы вы сообщали о передвижениях войск. Или о купцах, с которыми можно поторговаться.

— У этих приспешников Темного имеется провизия, — сказал Байар. — Быть может, они купцы. Ну а вдруг?..

Галад снова вздохнул. В верности Байара трудно усомниться — ведь он сопровождал Галада, когда тот противостоял Валде, хотя это могло стоить ему карьеры. Но все-таки было бы лучше, если бы Байар поумерил свой пыл.

У сухопарого офицера был озабоченный вид. Что тут скажешь... Значит, в будущем надо отдавать более четкие и ясные приказы. В особенности когда имеешь дело с Байаром.

— Спокойно, чадо Байар, — сказал Галад. — Ты не сделал ничего дурного. Сколько у вас пленных?

— Десятки, милорд капитан-командор, — с видимым облегчением ответил Байар. — Поехали, покажу.

Он развернул коня, и Галад последовал за ним. В выкопанных ямах уже развели костры для приготовления пищи, и повсюду в воздухе висел запах горящего дерева. Проезжая меж солдат, Галад улавливал обрывки разговоров. Как шончан поступят с оставшимися Детьми? Правда ли Иллиан и Тир покорились Дракону Возрожденному или их завоевал какой-то Лжедракон? Говорили и о том, что далеко к северу от Андора с неба упал гигантский камень и уничтожил целый город, оставив на его месте кратер.

Судя по разговорам, люди были встревожены. Им следовало бы понимать, что все тревоги бессмысленны: никому не дано предугадать плетения Колеса.

Выяснилось, что Байар взял в плен группу людей с удивительно большим числом тяжело груженных повозок — их было штук сто, если не больше. Собравшись вокруг своих телег, пленники недобро посматривали на Детей Света. Галад, нахмурившись, произвел кое-какие подсчеты.

— Вот это караван, — негромко произнес оказавшийся рядом Борнхальд. — Купцы?

— Нет, — так же тихо ответил Галад. — Смотри, вон походная мебель. Обрати внимание на колышки по бокам, чтобы ее можно было разобрать

на части. Мешки с ячменем для лошадей. А вон там, в повозке справа, кузнечные инструменты. Видишь, из-под холстины выглядывают молоты?

— О Свет! — прошептал Борнхальд. Теперь он тоже все понял. Перед ними был обоз довольно крупной армии. Но где солдаты?

— Готовься разделить их, — бросил Галад Борнхальду, соскочил с коня и подошел к головному фургону.

Возница оказался плотным мужчиной, с румяным лицом и волосами, зачесанными на макушку в бесплодной попытке скрыть обширную лысину. Он нервно мял в руках коричневую войлочную шапку, а за поясом, которым была перехвачена его добротная куртка, торчали перчатки. Оружия у него Галад не заметил.

У повозки стояли еще двое, оба гораздо моложе: мускулистый здоровяк боевого вида — способный добавить хлопот, но сразу заметно, что он не солдат, — и хорошенькая женщина. Она, вцепившись в руку бойца, покусывала нижнюю губу.

Поглядев на Галада, возница вздрогнул. «Ага, — подумал Галад, — признал пасынка Моргейз. Стало быть, кое о чем ему известно».

— Значит, путники, — сдержанно начал он. — По словам моих людей, вы назвались купцами?

— Да, добрый лорд, — подтвердил возница.

— Я почти не знаю этих мест. Вам они знакомы?

— Не особо, милорд, — ответил возница, продолжая мять шапку в руках. — Мы, вообще-то, тоже далеко от дома. Меня зовут Базел Гилл, и сам я из Кэймлина. А на юг я подался, чтобы заключить сделку в Эбу Дар с одним купцом, но эти шончанские захватчики не дали вести торговлю.

Похоже, он сильно нервничал. Что ж, хотя бы не соврал насчет того, откуда он родом.

— И как же зовут этого купца? — спросил Галад.

— Фэлин Деборша, милорд, — ответил Гилл. — А что? Вы бывали в Эбу Дар?

— Бывал, — невозмутимо кивнул Галад. — Большой у тебя караван. И любопытный выбор товаров.

— Мы прознали, милорд, что здесь, на юге, собирают войска. Многое из наличного товара я выкупил у отряда наемников, когда те решили разойтись, и подумал, что сумею тут все распродать. Не нуждается ли ваша армия в походных принадлежностях? У нас есть палатки, полевая кузница… да что угодно для ваших солдат.

«Неглупо», — подумал Галад. Он купился бы

на эту ложь, не будь среди спутников «купца» столько ковочных кузнецов, поваров и посудомоек, — но маловато охраны для столь ценного каравана.

— Понятно, — сказал Галад. — Так уж вышло, что мне и в самом деле нужны припасы. В первую очередь провизия.

— Увы, милорд, — ответил возница. — Едой поделиться не могу. Готов продать что угодно, но съестные припасы уже обещаны одному человеку в Лугарде.

— Я перебью его цену.

— Я дал слово, добрый лорд, — сказал мужчина, — и не нарушу его, сколько бы вы ни предложили.

— Ясно. — Галад подал знак Борнхальду. Тот отдал приказ, и Дети Света в белых табарах, выхватив мечи, приблизились к каравану.

— Что… Что вы делаете? — спросил Гилл.

— Разделяем твоих людей, — объяснил Галад. — Поговорим с каждым по отдельности, а затем сравним, что они расскажут. По-моему, ты что-то… недоговариваешь. Сдается мне, что я вижу обоз немаленького войска. Если так, то мне бы очень хотелось знать, чья это армия, но главное — где она.

Покрываясь испариной, Гилл смотрел, как опытные солдаты разводят пленников в разные стороны, а Галад, в свою очередь, не спускал глаз с возницы. Вскоре к нему подбежали Борнхальд и Байар. Оба держались за оружие.

— Милорд капитан-командор… — взволнованно начал Борнхальд.

— Да? — повернулся к ним Галад.

— Похоже, у нас тут ситуация, — продолжил Борнхальд. Он раскраснелся от гнева, а Байар так выпучил глаза, что ясно было: еще немного, и он впадет в бешенство. — Кое-кто из пленных проговорился. Ваши опасения не беспочвенны: неподалеку находится большая армия. Недавно она сражалась с айильцами. Кстати, вон те парни в белых одеждах и есть айильцы.

— И?

Байар сплюнул в сторону:

— Слышали когда-нибудь о человеке по имени Перрин Златоокий?

— Нет. А что, должен был слышать?

— Да, — ответил Борнхальд. — Он убил моего отца.

Глава 5
Письмена

Гавин стремительно шагал по коридорам Белой Башни, и его сапоги гулко топали по темно-синему ковру, постеленному поверх темно-красных и белых плиток. Горящие светильники с отражателями, отполированными до блеска, походили на часовых.

От Гавина не отставал Слит. Несмотря на яркое освещение, казалось, что его лицо утопает в тени. Возможно, виной тому или двухдневная щетина — что весьма необычно для Стража, — или длинные волосы, чисто вымытые, но растрепанные. А может, все из-за черт его лица, резких и неровных, как на незавершенном рисунке: торчащие

скулы, раздвоенный подбородок и давно сломанный, а потому крючковатый нос.

Как и всякий Страж, двигался он грациозно, но эта грация была более звериной, чем у большинства прочих. Слит не казался крадущимся по лесу охотником; напротив, он производил впечатление безмолвного хищника, обитающего в тенях, — зверя, чья жертва ничего не заподозрит, покуда не сверкнут клыки.

Они вышли к пересечению коридоров, где несли караул несколько гвардейцев Чубейна — с мечами на поясе и в белых табарах, украшенных эмблемой Пламени Тар Валона. Один поднял руку.

— Мне дозволено войти, — сказал Гавин. — Амерлин…

— Сестры еще не закончили, — неприязненным тоном перебил его гвардеец.

Гавин стиснул зубы. Что ж, ничего не поделаешь. Отступив в сторону, они со Слитом ждали, пока — ну наконец-то! — из охраняемых покоев не вышли три Айз Седай. Вид у них был встревоженный. Сестры удалились, за ними следовали два солдата, которые несли что-то завернутое в белую ткань. Должно быть, тело.

Потом гвардейцы неохотно расступились, про-

пуская Гавина и Слита. Они миновали небольшой коридор и вошли в маленькую читальню. Гавин, задержавшись у дверей, бросил взгляд в коридор и успел заметить нескольких принятых. Девушки выглядывали из-за угла и перешептывались.

Если считать тот белый сверток, убиты уже четыре сестры. Эгвейн всеми силами старалась не дать Айя вновь сползти к былому взаимному недоверию, предупреждала, чтобы все были настороже и велела сестрам не разгуливать поодиночке. Прожив здесь немало лет, Черные сестры знали все закоулки Белой Башни. Воспользовавшись переходными вратами, они могли проскользнуть в любой нужный им коридор и совершить убийство.

Таким, по крайней мере, было официальное объяснение этих происшествий, но Гавин сомневался в его истинности. Пригнувшись, он переступил порог читальни, Слит последовал за ним.

Здесь был сам Чубейн. Красавчик взглянул на Гавина, и уголки его рта уехали вниз:

— Лорд Траканд.

— Капитан, — поприветствовал его в ответ Гавин, осматривая комнату: три шага что в длину, что в ширину, единственный стол у дальней сте-

ны и неразожженная угольная жаровня. В углу горел бронзовый стоячий светильник, а круглый ковер закрывал почти весь пол. Глянув под стол, Гавин заметил на ковре темные пятна.

— Траканд, вы и правда надеетесь найти что-то, чего не увидели сестры? — спросил Чубейн, сложив руки на груди.

— Они искали одно, а я — другое, — ответил Гавин.

Пройдя к столу, он опустился на колени, чтобы осмотреть ковер.

Чубейн фыркнул и вышел в коридор. Гвардейцы Башни будут сторожить место преступления, пока не явятся слуги для уборки. Значит, у Гавина есть несколько минут.

Слит шагнул к одному из стражников, стоявших у выхода из читальни. К Слиту гвардейцы относились с большей приязнью, чем к Гавину. Тот до сих пор не понимал, за что его так не любят.

— Она была одна? — скрипучим голосом осведомился Слит.

— Да. — Гвардеец покачал головой. — Зря она не прислушалась к совету Амерлин.

— Как ее звали?

— Катэри Непву, двадцать лет как сестра Белой

Айя.

Гавин хмыкнул, продолжая на четвереньках осматривать ковер. Итак, четыре сестры, все — из разных Айя. Две поддерживали Эгвейн, одна — Элайду, еще одна не принимала ничью сторону и вернулась в Башню совсем недавно. Всех убили на разных этажах Башни в разное время суток.

Определенно это похоже на почерк Черной Айя. Они погибли потому, что убить их оказалось легче и проще, а не потому, что жертвы были выбраны с какой-то целью. Но Гавин чувствовал: что-то здесь не так. Почему нельзя было Переместиться в покои той или иной сестры ночью и не убить ее, когда она спит? Почему никто не ощущал, что там, где они погибли, направляли Силу?

Слит внимательно изучал дверь и замок на ней. Когда Эгвейн сказала, что при желании Гавин может осматривать места преступления, он спросил разрешения брать с собою Слита. С этим Стражем Гавин уже имел дело. Слит зарекомендовал себя человеком не только педантичным, но и умеющим хранить секреты.

Гавин продолжал осматривать тесную комнатку. Никаких прорезей в ковре, выщербин и царапин на плитках пола, сколов на мебели.

Вне всяких сомнений, Эгвейн нервничает. И она что-то скрывает — что-то, связанное с этими убийствами.

По ее словам, убийцы являлись через переходные врата, но уликами это не подтверждается. Да, пока что Гавину известно о вратах немногое, и очевидцы неоднократно говорили, что они висят в воздухе, не касаясь окружающих предметов. Но с чего бы Черным сестрам волноваться за целостность мебели или обстановки? Кроме того, читальня совсем крошечная, и было бы невероятно трудно пробраться сюда, не оставив явных следов.

— Гавин, подойди сюда, — позвал Слит. И без того невысокий, он все еще стоял на коленях у дверного проема.

Гавин подошел, и Слит пощелкал запорным язычком дверного замка, после чего тихо сказал:

— Не исключено, что замок взломали. Видишь царапину на запоре? Такую дверь можно открыть без лишнего шума, если сунуть тонкую отмычку и подтолкнуть ею язычок, а потом нажать на дверную ручку.

— С чего бы Черным сестрам вскрывать замки? — спросил Гавин.

— Может, убийцы Переместились в коридор и

шли вперед, пока не увидели свет под дверью, — предположил Слит.

— Почему не открыть переходные врата в самой комнате?

— Использование Силы могло бы встревожить жертву, — объяснил Слит.

— Точно, — согласился Гавин.

Он взглянул на пятно крови на ковре. Стол располагался так, чтобы читающая сестра сидела спиной к двери, и от столь сомнительного решения у Гавина кольнуло меж лопаток. Ну кто так столы ставит? Никто, кроме Айз Седай, уверенной, что она в полной безопасности, и желающей уединиться за чтением. Гавин из раза в раз убеждался, что Айз Седай, при всей своих умениях и хитрости, отличаются в высшей степени недоразвитым инстинктом самосохранения.

Или попросту мыслят иначе — не так, как солдаты. Задаваться подобными вопросами они оставляют Стражам.

— Был у нее Страж?

— Нет, — ответил Слит. — Я встречал эту сестру. Стража у нее не было. — Он помолчал. — Как и у остальных убитых сестер.

Гавин отреагировал на его слова приподнятой бровью.

— И это вполне понятно, — добавил Слит. — Убийцы не хотели переполошить Стражей.

— Но почему убивать ножом? — спросил Гавин. Все жертвы погибли именно так. — Черным сестрам незачем соблюдать Три Клятвы. Могли бы прикончить этих четверых с помощью Силы — просто и без затей.

— Рискуя спугнуть жертву или потревожить тех, кто рядом, — заметил Слит.

Тоже верно. Но все равно — убийства выглядели как-то нелепо.

Или Гавин, желая принести хоть какую-то пользу, цеплялся за любую, даже самую несущественную мелочь. Иногда ему казалось, что, если он сумеет помочь Эгвейн, она смягчится. И возможно, простит Гавина, что тот спас ее из Башни во время нападения шончан.

Мгновением позже в читальню вошел Чубейн.

— Полагаю, у вашей светлости было достаточно времени, — чопорно произнес он. — Служанки готовы прибрать в комнате.

«Какой несносный человек! — подумал Гавин. — Ну почему он не принимает меня всерьез? Вот бы…»

Нет. Он взял себя в руки, хотя это давалось ему все труднее.

Откуда в Чубейне такая враждебность? Гавин поймал себя на том, что стал размышлять, как бы с подобным человеком говорила его мать. Он нечасто вспоминал о матери: стоило задуматься о ней, и мысли переключались на ал'Тора. Этому… этому убийце позволили спокойно покинуть Белую Башню! Он был в руках у сестер, но Эгвейн дала ему уйти!

Да, верно, он Дракон Возрожденный, но в глубине души Гавин хотел встретить ал'Тора с мечом в руке и сразить его сталью, будь он хоть кто, пусть даже и Дракон Возрожденный.

«Ал'Тор разорвет тебя в клочья Единой Силой, — говорил он себе. — Не глупи, Гавин Траканд». Но его ненависть к ал'Тору не угасала.

В читальню вошел один из гвардейцев, что-то произнес, указывая на дверь. Наверное, говорил о взломанном замке, которого не заметила стража. Чубейн помрачнел. Гвардии Башни не вменялось в обязанности проведение расследования — у сестер все равно это получалось куда лучше, и в сторонней помощи они не нуждались. Но Гавин понимал, что Чубейну хочется поймать убийц: ведь он обязан защищать Башню и ее обитателей.

Итак, цель у них с Гавином одна и та же, но

Чубейн ведет себя так, словно речь идет о соперничестве между ними. «Хотя его сторонники потерпели поражение от Бриновых людей при расколе Башни, — подумал Гавин. — А Чубейн уверен, что я один из любимчиков Брина».

Гавин не был Стражем, однако он водил дружбу с Амерлин и обедал за одним столом с Брином. Как это выглядит в глазах Чубейна — особенно теперь, когда Гавина допустили к расследованию?

«О Свет! — Гавину показалось, что он перехватил брошенный на него неприязненный взгляд Чубейна. — Он считает, будто я хочу его подсидеть. Думает, что я намерен стать верховным капитаном гвардии Башни!»

Что за смехотворная мысль. Гавин мог бы быть первым принцем меча — вообще-то, он и должен был им стать — и возглавить армии Андора как протектор королевы. Он сын Моргейз Траканд, одной из самых влиятельных и могущественных правительниц за всю историю королевства. У него нет ни малейшего желания претендовать на пост Чубейна.

Но тот, как видно, думал иначе. Сокрушительное нападение шончан бросило на него позорную тень, и Чубейн опасался за свою должность.

— Капитан, — сказал Гавин, — можно перего-

ворить с вами с глазу на глаз?

Бросив на него подозрительный взгляд, Чубейн кивком указал в сторону коридора, и они оба вышли из читальни. У дверей нервничали в ожидании служанки, пришедшие смыть кровь.

Чубейн сложил руки на груди и смерил Гавина взглядом:

— Что вам угодно, милорд?

У него была привычка подчеркивать ранг собеседника. «Спокойно», — подумал Гавин. Ему до сих пор было неловко из-за собственной беспардонности, с которой он прокладывал себе путь через лагерь Брина. Нет, ему такое не к лицу. Жизнь с Отроками, постоянное смятение и постыдные события, сопровождавшие раскол Башни… Все это изменило его. Пора сворачивать с этой дорожки.

— Капитан, — сказал Гавин, — спасибо вам, что позволили осмотреть комнату.

— Не сказал бы, что у меня был выбор.

— Понимаю. Но тем не менее примите мою благодарность. Для меня важно, чтобы Амерлин оценила мою помощь. Поэтому я очень хочу найти что-нибудь, не замеченное сестрами.

— Да, — прищурился Чубейн, — подозреваю, что хотите.

— Быть может, она наконец сделает меня своим Стражем.

— Что-что? — оторопело заморгал Чубейн. — Своим Стражем?

— Да. Когда-то я был уверен, что к этому все идет, но теперь… Надеюсь, что Амерлин перестанет гневаться, если я сумею помочь с этим расследованием. — Он положил руку Чубейну на плечо. — Я не забуду о вашей помощи. Можете называть меня милордом, но теперь титулы потеряли для меня всякий смысл. Я хочу лишь одного: стать Стражем Эгвейн и оберегать ее.

Чубейн наморщил лоб, после чего кивнул и, похоже, расслабился:

— Я слышал ваш разговор. Значит, ищете следы переходных врат… Почему?

— Вряд ли за всем этим стоит Черная Айя, — ответил Гавин. — По-моему, в гибели сестер повинен Серый Человек или другой наемный убийца. Вероятно, приспешник Темного из числа дворцовой прислуги. Сами посудите: как убили этих женщин? Пустили в ход ножи.

— К тому же имеются следы борьбы, — кивнул Чубейн. — Об этом упоминали сестры, ведущие расследование. Со стола были сброшены книги. Сестры пришли к выводу, что женщина, умирая,

задела их, и они упали на пол.

— Странно… — заметил Гавин. — На месте Черной сестры я воспользовался бы Единой Силой, даже не задумываясь, что ее почувствуют другие. Это не вызвало бы никаких подозрений, ведь обитательницы Башни постоянно направляют Силу. Я бы обездвижил жертву плетением, убил ее с помощью Силы и сбежал, не оставив следов борьбы. Никто и бровью не повел бы.

— Не исключаю, что вы правы, — согласился Чубейн, — но, судя по всему, Амерлин совершенно уверена, что эти убийства — дело рук Черных сестер.

— Попробую выяснить, почему она так думает, — сказал Гавин. — И еще — не могли бы вы предложить тем, кто ведет расследование, что будет разумно допросить дворцовых слуг? Принимая во внимание высказанную мною причину?

— Да, наверное, мог бы, — кивнул капитан. Похоже, он уже не чувствовал угрозы своему положению.

Они отступили в сторону, и Чубейн дал знак служанкам приступать к уборке. Из читальни вышел задумчивый Слит. Он продемонстрировал Гавину пару ниток, зажатых между большим и указательным пальцем:

— Черный шелк. Но нельзя сказать, кто его оставил.

— Интересно… — Чубейн забрал у него нитки.

— Черная сестра вряд ли станет заявлять о себе, облачаясь в черное, — сказал Гавин. — Обычный убийца — возможно. Черный цвет помогает слиться с тенью.

— Передам это Сине Седай. — Чубейн завернул нитки в носовой платок. Судя по лицу, он был впечатлен.

Гавин кивнул Слиту, и они вдвоем ушли.

— В Белой Башне нынче людно, — тихо произнес Слит. — Возвращаются сестры, а с ними — новые Стражи. Допустим, убийца — мастер маскировки, но как он мог пробраться на верхние этажи, не привлекая внимания? Тем более в черной одежде?

— Считается, что Серые Люди умеют избегать чужих взглядов, — отозвался Гавин. — Думаю, мы понемногу собираем доказательства. Вообще говоря, странно, что на самом деле никто не видел Черных сестер, а это значит, что мы во многом полагаемся на домыслы.

Слит кивнул и посмотрел на троицу послушниц, глазевших на гвардейцев. Перехватив его взгляд, девушки закудахтали и бросились прочь.

— Эгвейн знает больше, чем говорит, — сказал Гавин. — Я с ней побеседую.

— При условии, что она не откажет в аудиенции, — заметил Слит.

Гавин раздраженно хмыкнул. Спустившись по нескольким пандусам, они оказались на этаже, где находился кабинет Амерлин. Слит не ушел; его Айз Седай, Зеленая сестра по имени Хаттори, редко нагружала Стража поручениями. Она по-прежнему не отказывалась от намерения заполучить Гавина в Стражи, а тот, взбешенный поведением Эгвейн, подумывал дать Хаттори разрешение связать его узами.

Нет. Ну уж нет. Гавин любил Эгвейн, хоть та и доводила его до белого каления. Непросто было принять решение отказаться от Андора — не говоря уже об Отроках — и пожертвовать всем ради этой женщины, которая, ко всему прочему, отказывалась сделать его своим Стражем.

Оказавшись в приемной перед кабинетом Эгвейн, Гавин подошел к Сильвиане; та в аккуратном одеянии хранительницы летописей сидела за рабочим столом и внимательно смотрела на посетителя. На бесстрастном лице — привычной маске Айз Седай — не отражалось никаких эмоций, но Гавин подозревал, что Сильвиана его

недолюбливает.

— Амерлин составляет довольно важное письмо, — сказала она. — Ожидай. — Гавин раскрыл было рот, но Сильвиана, опустив глаза на какой-то документ, лежавший перед ней на столе, продолжила: — Она просила не беспокоить, так что повторяю: ожидай.

Гавин со вздохом кивнул, а Слит жестом показал, что уходит. Кстати говоря, зачем он вообще пришел сюда вместе с Гавином? Странный человек. Гавин помахал ему на прощание, и Слит исчез в коридоре.

На полу просторной и богато обставленной приемной лежал темно-красный ковер, а каменные стены были отделаны деревом. По опыту Гавин знал, что стулья здесь неудобные, поэтому подошел к единственному окну и, положив руку на низкий каменный подоконник, стал рассматривать территорию вокруг Белой Башни. На такой высоте воздух казался особенно чистым и свежим.

Внизу его взору предстал новый тренировочный плац для Стражей — старый перекопали, когда Элайда затеяла возведение дворца для себя, и никто не знал, как Эгвейн поступит с этим недостроем.

На плацу было оживленно: одни упражнялись в беге, другие фехтовали, третьи разучивали приемы рукопашного боя. С таким наплывом беженцев, солдат и наемников нечего удивляться, что у многих новичков обнаружились (по их мнению) задатки Стражей. Эгвейн открыла плац для всех, кто желал проявить себя, поскольку в ближайшие недели планировала возвысить множество женщин: каждую, кто будет готов получить шаль.

Гавин провел на плацу несколько дней, но там ему не давали покоя призраки людей, которых он убил. Тренировки остались в прошлом, в том времени, когда все было как надо. Другие Отроки легко — и даже с радостью — вернулись к прежней жизни. Почти всех его офицеров — Джисао, Раджара, Даррента и прочих — уже связали узами Стражей, и скоро от прежнего отряда останется один-единственный человек: сам Гавин.

Щелкнул дверной замок. Послышались приглушенные голоса. Гавин обернулся и увидел Эгвейн; облаченная в желто-зеленое платье, она шла к столу Сильвианы. Та взглянула на Гавина, и ему показалось, что по лицу хранительницы летописей скользнула тень недовольства.

Заметив посетителя, Эгвейн сохранила безмя-

тежный вид — быстро же она усвоила манеры Айз Седай, — и Гавин почувствовал себя не в своей тарелке.

— Утром погибла еще одна сестра, — тихо сообщил он, приблизившись к Эгвейн.

— Формально говоря, — заметила Эгвейн, — это случилось вчера ночью.

— Нам надо побеседовать, — не сдержался Гавин.

— Ну что ж… — Переглянувшись с Сильвианой, Эгвейн грациозной походкой вернулась обратно в кабинет, и Гавин, игнорируя хранительницу летописей, последовал за ней.

Кабинет Амерлин был одним из самых пышных покоев Башни: стены обшиты резными панелями из светлого полосчатого дерева, на каждой изображены занятные сценки и причудливые пейзажи, камин сделан из мрамора, а пол выложен темно-красными каменными блоками в форме ромбов. На резной столешнице огромного рабочего стола стояло два светильника, сработанных в виде воздевших руки женщин. Между ладонями у каждой горело пламя.

Вдоль одной стены стояли шкафы, полные книг, расставленных — как казалось — соответственно их размеру и цвету переплетов, а вовсе не соглас-

но их содержанию. Должно быть, их принесли, дабы украсить кабинет Амерлин, покуда Эгвейн не подберет библиотеку по своему вкусу.

— И о чем же нам надо побеседовать? — спросила Эгвейн, усаживаясь за свой стол.

— Об убийствах, — ответил Гавин.

— А поконкретнее?

Гавин закрыл дверь.

— Чтоб мне сгореть, Эгвейн! Неужели обязательно надевать эту маску всякий раз, как мы разговариваем? Можно мне хоть раз увидеть не Амерлин, а тебя — Эгвейн?

— Я демонстрирую тебе Амерлин, — объяснила Эгвейн, — поскольку ты отказываешься ее принимать. Смирись, и мы, быть может, выйдем за эти рамки.

— О Свет! Ты даже говорить научилась как одна из них!

— Потому что я и есть одна из них, — сказала Эгвейн. — И выбор слов выдает тебя, ибо нельзя служить Амерлин, отказываясь признавать ее власть.

— Поверь, Эгвейн, я признаю твою власть, — возразил Гавин. — Но хочу видеть в тебе человека, а не титул. Разве это не важно?

— Сперва научись послушанию. — Ее лицо

смягчилось. — Прости, Гавин, но ты пока не готов.

«Спокойнее, не принимай близко к сердцу», — велел он себе, стиснув зубы, а вслух произнес:

— Хорошо, договорились. Итак, убийства. Мы выяснили, что ни у одной из погибших не было Стража.

— Да, мне уже сообщили, — кивнула Эгвейн.

— Тем не менее, — сказал Гавин, — это наводит на крайне серьезные мысли. У нас не хватает Стражей.

Эгвейн сдвинула брови.

— Мы готовимся к Последней битве, Эгвейн, — продолжил он, — но у некоторых сестер — у многих сестер! — нет Стражей. У некоторых был один, но после смерти Стража они не берут кого-то на замену. Другие попросту не желают связывать кого-то узами. По-моему, это недопустимо.

— И что мне сделать? — Эгвейн сложила руки на груди. — Повелеть, дабы каждая обзавелась Стражем? Такой приказ отдать?

— Именно.

Она рассмеялась:

— Гавин, у Амерлин нет такой власти.

— В таком случае пусть прикажет Совет.

— Ты хоть понимаешь, о чем говоришь? Ре-

шение о выборе Стража очень личное, даже интимное. Его никому нельзя навязывать!

— Что ж, — не сдавался Гавин, — решение отправиться на войну тоже чрезвычайно «личное» и в высшей степени «интимное», но мужчин повсюду призывают вступать в армию. Иной раз стоит пренебречь чувствами ради выживания. Стражи отвечают за жизнь сестер, и вскоре каждая Айз Седай будет на вес золота, ведь сюда явятся десятки и сотни троллочьих легионов. В бою каждая сестра будет ценнее сотни солдат, а ее Исцеление сохранит десятки жизней. Айз Седай принадлежат не себе, а всему человечеству, и ты попросту не имеешь права допустить, чтобы сестры оставались без охраны!

Он говорил с таким пылом, что Эгвейн откинулась на спинку кресла. А затем, дослушав речь Гавина, против всех ожиданий, кивнула:

— Пожалуй… в твоих словах, Гавин, есть здравое зерно.

— Подними этот вопрос перед Советом, — предложил Гавин. — В конце концов, Эгвейн, если сестра не связывает себя узами со Стражем, это чистой воды эгоизм. Благодаря узам человек сражается не в пример лучше, а нам нужно использовать любое преимущество, какое только

возможно. К тому же это поможет предотвратить убийства.

— Посмотрю, что можно сделать, — пообещала Эгвейн.

— Можно взглянуть на доклады сестер? — попросил Гавин. — Я о тех, которые имеют отношение к убийствам?

— Гавин, я допустила тебя к участию в расследовании, — сказала она, — поскольку решила, что нам не помешает свежий взгляд. Дать тебе отчеты все равно что подтолкнуть тебя к тем же выводам, к каким пришли сестры.

— Скажи мне хотя бы, вы по-прежнему считаете, что преступления совершены Черными сестрами? Вам не приходит в голову, что убийцей может оказаться Серый Человек или приспешник Темного?

— Нет, не может, — ответила Эгвейн. — Потому что мы уверены — точнее, знаем наверняка, — что за убийствами не стоит ни Серый Человек, ни приспешник Темного.

— Но вчера ночью дверь взломали. И женщин убивали не Единой Силой, а обыкновенным ножом. К тому же я не нашел никаких следов ни переходных врат, ни…

— У убийцы был доступ к Единой Силе, —

перебила его Эгвейн, тщательно выстраивая предложения. — И не факт, что злоумышленники использовали переходные врата.

Гавин прищурился. Эти слова звучали как речь женщины, давшей клятву говорить только правду и намеренной ее не нарушить.

— У тебя есть секреты, — заключил он. — И не только от меня. От всей Башни.

— Бывает, без секретов не обойтись, Гавин.

— Неужели нельзя поделиться ими со мной? — Гавин помедлил, но потом заговорил вновь. — Эгвейн, я боюсь, что убийца придет за тобой. У тебя ведь нет Стража.

— Вне всякого сомнения, она объявится здесь. — Эгвейн коснулась лежавшего на столе предмета. Похоже, то был потертый кожаный ремень, навроде тех, какими наказывают преступников. Очень странно…

«Она?»

— Эгвейн, умоляю, объясни, что происходит!

Какое-то время Эгвейн смотрела на него, а затем вздохнула:

— Ну хорошо. Я рассказала об этом женщинам, занятым расследованием. Пожалуй, стоит и тебе рассказать. В Белой Башне появилась одна из Отрекшихся.

— Что? — Гавин непроизвольно схватился за меч. — Где? Ты взяла ее под стражу?

— Нет, — ответила Эгвейн. — Это она убила сестер.

— Откуда ты знаешь?

— Мне известно, что Месана здесь. Во сне я видела, что это так. Она скрывается среди нас. Убиты четыре Айз Седай. Это она, Гавин. Других разумных объяснений я не вижу.

Гавин не стал задавать лишних вопросов. Он был в курсе, что Эгвейн сновидица, хотя почти ничего не знал о Сновидении. Говорили, что этот талант во многом похож на Предсказание.

— Я не стала оповещать об этом всю Башню, — продолжила Эгвейн. — Боюсь, если сестры узнают, что среди нас затаилась Отрекшаяся, все станут подозревать друг друга, и случится новый раскол, как уже было при Элайде. Дела и без того обстоят не самым лучшим образом — когда все думают, что Черные сестры Перемещаются в Башню и совершают убийства. Но у Айз Седай хотя бы не возникает ненужных подозрений, а Месана, наверное, думает, что я не знаю о ее присутствии. Вот он, тот секрет, о котором ты выспрашивал. Мы охотимся не на Черную сестру. Наша цель — одна из Отрекшихся.

Если задуматься, то новость пугающая… Но не ужаснее, чем Дракон Возрожденный, разгуливающий на свободе. О Свет! Отрекшаяся в Белой Башне? Почему бы и нет? Это правдоподобнее, чем Эгвейн на Престоле Амерлин!

— Разберемся, — твердо пообещал Гавин, хотя не чувствовал особой уверенности.

— Одним сестрам я велела тщательно изучить рассказы о себе всех, кто находится в Башне, — сказала Эгвейн. — Другим поручено подмечать подозрительные слова и поступки. Мы найдем ее. Хотя не знаю, как обеспечить женщинам безопасность, не провоцируя еще большей паники.

— Стражи, — упрямо повторил Гавин.

— Я подумаю об этом, Гавин. А пока у меня есть просьба.

— Сделаю все, что в моих силах, Эгвейн. — Гавин сделал шаг к ней. — И ты об этом знаешь.

— Неужели? — сухо спросила она. — Это хорошо. В таком случае перестань по ночам караулить у меня под дверью.

— Что-что? Эгвейн, нет!

— Вот видишь? — покачала она головой. — Первым делом ты начал обсуждать мой приказ.

— Такова обязанность Стража, когда речь заходит о его Айз Седай! — Этому Гавина научил

Хаммар.

— Ты мне не Страж, — отрезала Эгвейн.

От этих слов Гавин застыл на месте.

— Кроме того, — продолжала девушка, — как ты намереваешься остановить Отрекшуюся? Это не в твоих силах. Ей будут противостоять сестры, а я продолжу выставлять малых стражей — но со всей осторожностью, так чтобы в мои покои так и хотелось войти. Если Отрекшаяся попробует напасть, удивлю ее засадой.

— Ты что, решила стать приманкой? — едва сумел выговорить Гавин. — Эгвейн, это безумие!

— Нет. Это безысходность. Пойми, Гавин, я отвечаю за этих женщин, и теперь они гибнут одна за другой. Их убивают по ночам, а ты сам сказал, что вскоре нам понадобится каждая Айз Седай.

Впервые из-под маски Амерлин проступила усталость — в изнуренном голосе, в сцепленных перед собой пальцах, в едва заметной сутулости, — и Гавин вдруг понял, что Эгвейн держится из последних сил.

— Я велела сестрам изучить все сведения, которые можно отыскать о Месане, — продолжила она. — Гавин, эта женщина — не воин, а руководитель, педантичный организатор. Если я вступлю в схватку с ней, то смогу ее одолеть.

Однако сперва ее надо найти. Выступить в роли приманки — это лишь часть моего плана. Да, ты прав, это опасно. Но я приняла все меры предосторожности.

— Мне это не нравится. Совсем не нравится.

— Обойдусь без твоего одобрения. — Эгвейн взглянула на него. — Просто поверь, что так надо.

— Я тебе верю, — сказал Гавин.

— Тогда подкрепи эти слова делом. Больше ничего не прошу.

Гавин скрежетнул зубами, потом поклонился и вышел, постаравшись — и не преуспев в этом — не слишком сильно хлопнуть дверью кабинета. Сильвиана смерила молодого человека неодобрительным взглядом.

Покинув покои Амерлин, Гавин отправился на тренировочный плац, который пробуждал у него столь нерадостные мысли. Ему необходимо было поупражняться с мечом.

* * *

С глубоким вздохом Эгвейн откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Почему же при разговоре с Гавином так непросто держать чувства под контролем? В такие моменты ей острее

всего казалось, что Айз Седай из нее никудышная.

В ней бурлило множество эмоций, будто несколько сортов вина, смешанных в одном кубке: гнев, вызванный упрямством Гавина, страстное желание упасть в его объятия, но в первую очередь — смятение, ибо Эгвейн никак не могла понять, чего ей хочется больше — конфликта или ласки.

Сумев пробить ее броню, Гавин нашел путь к ее сердцу. Его страсть завораживала, но и пугала Эгвейн: не выйдет ли так, что после связывания узами ей передадутся эмоции Стража? Разве не так они работают? Каково это — оказаться соединенными узами, переживать чувства другого человека?

Эгвейн желала ее — этой связи, что была у других Айз Седай. К тому же очень важно, чтобы рядом был человек, на которого она может положиться, способный оспорить ее решения — разумеется, наедине. Человек, который видит в ней Эгвейн, а не Амерлин.

Но Гавин пока что слишком недоверчив. И непослушен.

Она просмотрела свое письмо новому королю Тира, где говорилось, что Ранд грозится сломать

печати. Эгвейн собиралась помешать этому, но для осуществления этого плана ей требовалось заручиться поддержкой тех, кому доверяет Дракон Возрожденный. Донесения, касающиеся Дарлина Сиснеры, были противоречивы: одни называли его едва ли не самым ярым сторонником Ранда, а по словам других, Сиснера только и делал, что хулил и очернял Дракона.

На время отложив письмо, Эгвейн записала несколько соображений насчет того, как представить Совету вопрос о Стражах. Аргументация Гавина была безупречной, хотя в своих предположениях он зашел слишком далеко. Другое дело — обратиться с вежливой просьбой к женщинам, не имеющим Стражей. Перечислить все преимущества, разъяснить, как соединение узами Стражей поможет спасти множество жизней и одержать победу над Тенью… Да, это вполне приемлемо.

Девушка взяла стоявший на столе чайник и налила в чашку немного мятного чая. Как ни странно, в последнее время он портился все реже, и сегодня у напитка был вполне приличный вкус. Кстати говоря, Эгвейн утаила от Гавина еще одну причину покончить с его ночными дежурствами: она подолгу не могла уснуть, зная, что возлюб-

ленный совсем рядом, всего в нескольких футах, и боялась, что рано или поздно не сдержится и затащит его в постель.

Ремень Сильвианы так и не сломил ее воли, но Гавин Траканд… Эгвейн подозревала: еще немного — и сопротивляться не будет сил.

* * *

Грендаль предполагала, что к ней вот-вот явится посланник. Его прибытия следовало ожидать даже здесь, в самом укромном из ее тайных убежищ. Избранной не спрятаться от Великого повелителя.

Это укрытие не было ни древней крепостью, ни дворцом, ни даже уютным домиком; всего лишь пещера на всеми забытом острове в той части Аритского океана, куда не заходят корабли. Насколько знала Грендаль, в этих краях не было ничего примечательного или представляющего хоть какой-то интерес.

За пещерой присматривали шестеро ее младших питомцев. Условия в убежище были, откровенно говоря, ужасные: всего три комнаты, и попасть сюда или покинуть их можно только через переходные врата, поскольку вход в пещеру Грендаль завалила валуном. Пресную

воду брали из естественного источника, еду — из предварительно сделанных хозяйкой запасов, а воздух поступал через трещины в камне. По стенам сочилась влага, потолки были низкими, обстановка — скудной.

Другими словами, никто и не подумает искать Грендаль в подобном месте. Всем известно, что она попросту нуждается в роскоши так, что жить без нее не может. Да, верно, она питает пристрастие к пышности. Однако когда тебя считают предсказуемой, то это дает тебе возможность действовать самым неожиданным образом.

К несчастью, ничего подобного не скажешь относительно Великого повелителя. Отдыхая на желто-синей кушетке, Грендаль внимательно следила за открытыми переходными вратами. Посланником оказался мужчина, одетый в черное и красное, с заурядными чертами лица и дочерна загорелой кожей. Говорить ему не требовалось, ибо посланием служило само его присутствие. На переходные врата испуганно пялилась одна из ее питомиц, красивая брюнетка с большими карими глазами, в прошлом — благородная леди из Тира. Что касается Грендаль, ей тоже было не по себе.

На ней было платье из тонкого черного шелка,

украшенное вертикальными полосками стрейта. Захлопнув томик «Пылающего в снегах» в деревянном переплете, она встала и, стараясь не утратить самоуверенный вид, шагнула во врата.

Моридин ждал ее в своем чернокаменном дворце. Мебели в комнате не было: один разожженный очаг. О Великий повелитель! Огонь? В столь теплый день? Грендаль, сохранив самообладание, приказала себе не потеть.

Моридин повернулся к ней. В глазах у него плавали черные пятнышки саа.

— Ты знаешь, зачем я призвал тебя.

Это не был вопрос.

— Да, знаю.

— Аран'гар мертва, потеряна для нас — и это после того, как Великий повелитель в последний раз переселил ее душу. Можно подумать, Грендаль, такие происшествия входят у тебя в привычку.

— Я живу, чтобы служить, Ни'блис, — сказала она. Главное — уверенность! Надо выглядеть уверенной.

На мгновение Моридин растерялся. Вот и хорошо.

— Ты же не хочешь сказать, что Аран'гар предала нас?

— Что? — удивилась Грендаль. — Конечно нет.

— В таком случае разве твой поступок можно назвать доброй службой?

— Ну… — Грендаль сделала смущенно-озадаченное лицо, — я действовала в соответствии с полученным приказанием. Разве я здесь не для того, чтобы принять похвалу?

— Ничуть, — сухо ответил Моридин. — Твое фальшивое смятение не обманет меня, женщина.

— Никакое оно не фальшивое, — приготовилась солгать Грендаль. — Я, конечно, понимала, что Великий повелитель не обрадуется, потеряв Избранную, но игра, по всей очевидности, стоила свеч.

— И что мы выиграли? — раздраженно спросил Моридин. — Ты позволила застать себя врасплох, и по твоей дурости Избранная лишилась жизни! Кому, как не тебе, избегать встреч с ал'Тором?

Он не знал, что Грендаль связала Аран'гар и бросила ее на верную смерть. Думал, это случилось по ошибке. Тоже хорошо.

— Застать врасплох? — оскорбленным тоном переспросила она. — Я никогда бы… Моридин, как ты вообще мог подумать, будто я позволила ал'Тору случайно найти меня?

— Ты что, подстроила все? Преднамеренно?

— Разумеется, — ответила Грендаль. — Чуть ли не за ручку привела его к Натринову Кургану. Льюс Тэрин никогда не умел сопоставлять факты, даже если те были прямо перед носом. Неужели непонятно, Моридин? Как Льюс Тэрин отреагирует на свой поступок? Он уничтожил целую крепость, по сути маленький город, с сотнями обитателей! Убийство невинных ради достижения цели? Скажи, сладко ли ему после такого поступка?

Моридин не спешил с ответом. Нет, такая мысль не приходила ему в голову. Грендаль довольно улыбнулась. Для Моридина все действия ал'Тора были сугубо рациональными, по большей части логичными и, следовательно, самыми практичными средствами достижения цели.

Но вот сам ал'Тор… разум которого полнится фантазиями о чести и достоинстве… После уничтожения крепости ему и впрямь пришлось несладко, а произведенное на Моридина впечатление можно усилить, если называть Дракона Возрожденного именем Льюса Тэрина. Такие поступки вопьются в ал'Тора, раскровенят его сердце и растерзают душу. Он будет мучиться от кошмаров, а тяжесть вины повиснет у него на

шее ярмом перегруженной телеги.

Грендаль плохо помнила, каково это, делать первые шаги в сторону Тени. Чувствовала ли она эту дурацкую боль? К несчастью, да, однако ее испытывали не все Избранные. Семираг, к примеру, была изначально испорчена до мозга костей. Остальные же, включая Ишамаэля, пришли к Тени разными путями.

В глазах у Моридина промелькнули отблески древних воспоминаний. Раньше Грендаль не понимала, кто он, но теперь поняла наверняка. Его лицо было другим, но душа оставалась прежней. Да, он прекрасно знал, каково приходится ал'Тору.

— Ты велел сделать ему больно, — сказала Грендаль. — Приказал навеять на него душевные муки, и я это сделала, причем наилучшим образом. Аран'гар помогала мне, но, когда я предложила сбежать, она отказалась. Столкнувшись с препятствиями, она всегда действовала чересчур агрессивно. Но не сомневаюсь, что Великий повелитель заменит ее другим инструментом. Мы рискнули, и за это пришлось заплатить. Но выигрыш… Кроме того, теперь Льюс Тэрин думает, что я мертва. Это большое преимущество.

Она улыбнулась — без особой радости. Лишь с

некоторым удовлетворением. Моридин нахмурился, а потом вдруг нерешительно покосился в сторону. На пустое место.

— Мне велели не наказывать тебя. Пока что, — произнес он в конце концов и не самым довольным тоном.

Неужели то было послание непосредственно от Великого повелителя? Насколько было известно Грендаль, в эту эпоху все Избранные получают приказы, явившись в Шайол Гул. Или же, по крайней мере, претерпев визит того жуткого создания по имени Шайдар Харан. Теперь же она видела, как Великий повелитель общается с Ни'блисом напрямую. Любопытно. И неприятно.

Значит, конец совсем близок. Времени для лицедейства почти не осталось. Грендаль непременно увидит себя в роли Ни'блиса и будет править этим миром как своим, когда закончится Последняя битва.

— Думаю, мне надо… — начала она.

— Тебе надо держаться подальше от ал'Тора, — сказал Моридин. — Наказания не будет, но хвалить тебя мне тоже не за что. Допустим, ты причинила боль ал'Тору, но все-таки загубила свой план, а мы лишились полезного инструмента.

— Ну разумеется, — учтиво подхватила Грендаль, — я буду служить так, как угодно Великому повелителю. У меня и в мыслях не было противостоять ал'Тору. Он считает, что я мертва. Пусть прозябает в невежестве, а я тем временем займусь пока другими делами.

— Другими?

Грендаль нуждалась победе — в решительной победе. Перебрав заготовленные планы, она выбрала наиболее подходящий. Итак, она не способна противостоять ал'Тору? Ну и ладно. Грендаль принесет Великому повелителю то, чего он давно жаждет.

— Перрин Айбара. — Теперь, когда пришлось рассказать Моридину о своих намерениях, Грендаль почувствовала себя беззащитной. Она предпочитала держать свои замыслы при себе. Однако в ином случае ей вряд ли удастся улизнуть с этой встречи. — Доставлю тебе его голову.

Повернувшись к огню, Моридин сцепил руки за спиной и уставился на языки пламени.

Грендаль же с ужасом почувствовала, как по лбу струится пот. Это еще что? Она же умеет противодействовать жаре и холоду! Что не так? Она сосредоточилась… но напрасно. Не здесь. Не рядом с ним.

Это выбило ее из равновесия.

— Он важная фигура, — сказала Грендаль. — В пророчествах…

— Я знаю, о чем говорится в пророчествах, — тихо ответил Моридин, не оборачиваясь. — И как ты намерена это провернуть?

— Мои шпионы обнаружили его армию, — ответила Грендаль. — И я на всякий случай привела в действие некоторые свои планы. У меня осталось сколько-то отродий Тени, переданных мне, дабы сеять хаос, и еще я подстроила ему ловушку. Потеряв Айбара, ал'Тор сломается. Такого он не перенесет.

— Это еще мягко сказано, — сказал Моридин не громче прежнего. — Однако такое тебе не по зубам. Его люди умеют открывать переходные врата. Айбара ускользнет от тебя.

— Я…

— Повторяю: он ускользнет от тебя, — по-прежнему тихо произнес Моридин.

Капля пота скатилась на щеку, оттуда на подбородок. Грендаль как ни в чем не бывало смахнула ее, но лоб не переставал покрываться испариной.

— Пойдем. — Отвлекшись от созерцания пламени, Моридин направился в коридор с такими

же черными стенами.

Грендаль последовала за ним. Ей было любопытно, но и страшновато. Остановившись у соседней двери, Моридин распахнул ее, и Грендаль вошла в узкую комнату с множеством полок, где лежали десятки — если не сотни — предметов Силы. «Тьма всемогущая! — подумала она. — Откуда они у него? Да еще столько?»

Моридин прошел к дальней стене, где стал перебирать лежавшие на полках предметы. Грендаль замерла в благоговейном трепете.

— Это шоковое копье? — указала она на длинный и тонкий металлический стержень. — Три связующих жезла? *Рема'кар*? А вон то — части шо…

— Это не важно, — сказал Моридин, выбрав нужный предмет.

— Вот бы мне…

— Ты близка к тому, чтобы впасть в немилость, Грендаль. — Он обернулся, держа в руке длинный металлический предмет, похожий на гвоздь или штырь, серебристый, с крупной металлической головкой, украшенной золотой инкрустацией. — Таких я нашел только два, и первый уже пущен в дело. Можешь воспользоваться вторым.

— Шип сновидений? — Она широко раскры-

ла глаза. Как же ей хотелось заполучить такую вещь! — И у тебя их не один, а два?

Моридин стукнул пальцем по головке стержня, и шип сновидений исчез у него из руки.

— Ты же знаешь, где его найти?

— Да, — сказала охваченная жадностью Грендаль. Это была вещь огромной, небывалой Силы. Полезная во многих отношениях.

Шагнув вперед, Моридин внимательно посмотрел ей в глаза.

— Грендаль, — произнес он тихо, но с угрозой. — Мне известен ключ от него. Ты не станешь использовать шип против меня или других Избранных. А если поступишь так, об этом узнает Великий повелитель. Я не желаю, чтобы ты потакала своим привычкам — по крайней мере, пока не умрет Айбара.

— Я… Да, конечно. — Она вдруг почувствовала, что замерзла. Неужели здесь так холодно? И почему тогда она до сих пор потеет?

— Айбара умеет путешествовать по Миру снов, — сказал Моридин. — Я одолжу тебе еще один инструмент: пришлю человека с двумя душами. Но он, как и этот шип сновидений, принадлежит мне. И ты тоже принадлежишь мне. Понятно?

Грендаль кивнула. Она ничего не могла с собой поделать. Казалось, в комнате стало темнее, а этот его голос… теперь он, пусть и отдаленно, напоминал голос Великого повелителя.

— Однако позволь сказать тебе вот что. — Правой рукой Моридин взял ее снизу за подбородок. — Если у тебя все получится, Великий повелитель будет доволен. Чрезвычайно доволен. И, преуспев, ты в изобилии получишь то, что сейчас имеешь в скудости.

Она облизнула пересохшие губы. Взгляд у Моридина стал отсутствующим.

— Моридин? — нерешительно позвала она.

Не ответив, он выпустил ее подбородок и ушел вглубь комнаты, где взял со стола толстую книгу в светло-коричневом кожаном переплете. Полистав и найдя нужную ему страницу, Моридин какое-то время смотрел на нее. Потом жестом велел Грендаль подойти.

Она опасливо послушалась — и обмерла, прочитав текст на странице. «Тьма всемогущая!» — мелькнуло у нее в голове.

— Что это за книга? — наконец выдавила Грендаль. — Откуда эти пророчества?

— Они давно мне известны, — тихо промолвил Моридин, не отводя глаз от книги. — Но о них не

знает почти никто, кроме меня. Даже Избранные. Мужчины и женщины, произнесшие эти слова, были изолированы и содержались поодиночке. Нельзя, чтобы о сказанном ими стало ведомо Свету. Мы знакомы с их пророчествами, но наши должны оставаться для них тайной.

— Но здесь… — Она перечитала отрывок. — Здесь говорится, что Айбара умрет!

— У любого пророчества бывает множество толкований, — сказал Моридин. — Но да, это Предсказание обещает, что Айбара погибнет от наших рук. Принеси мне голову этого волка, Грендаль. А потом проси, чего хочешь. — Он захлопнул книгу. — Но попомни мое слово: если потерпишь неудачу, потеряешь все, что получила, — и не только.

Взмахом руки он открыл для нее портал; благодаря незначительной способности коснуться Истинной Силы — той, которую у нее не отняли, — Грендаль увидела, как витые плетения разорвали пространство, и там, где в ткани Узора образовалась прореха, замерцал воздух. Грендаль знала, что портал ведет обратно в ее тайную пещеру.

Она шагнула через портал, не проронив ни слова: боялась, что голос предательски дрогнет.

Глава 6
Сомнительные намерения

Моргейз Траканд, когда-то — королева Андора, разносила чай. Она ходила от человека к человеку в громадном шатре с земляным полом и с боковинами, которые можно было поднять, закатав вверх. Этот шатер Перрин позаимствовал в Малдене.

Как ни велик был шатер, места едва хватило для всех, кто пожелал присутствовать на собрании. Здесь, разумеется, были Перрин и Фэйли, усевшиеся на землю. Рядом с ними расположились златоглазый Илайас и Тэм ал'Тор, простой фермер, широкоплечий и невозмутимый. В самом ли деле он приходился отцом Дракону Возрожденному? Да, Моргейз однажды видела

Ранда ал'Тора, и на вид мальчик тоже не особо отличался от обычного фермера.

Подле Тэма сидел щуплый секретарь Перрина по имени Себбан Балвер. Много ли Перрину известно о его прошлом? Рядом с ним — Джур Грейди, в черном мундире с серебряным значком в виде меча, приколотым на воротник. Глаза его ввалились, а обветренное крестьянское лицо оставалось бледным после перенесенной недавно болезни. Второго Аша'мана в шатре не было — Неалд еще не оправился от змеиных укусов.

Зато присутствовали все три Айз Седай: Сеонид и Масури сидели возле Хранительниц Мудрости, а Анноура, устроившись рядом с Берелейн, то и дело поглядывала на шестерых Хранительниц. По другую руку от Берелейн сидел Галленне, а напротив — Аллиандре и Арганда.

Глядя на офицеров, Моргейз вспомнила Гарета Брина, которого не видела уже давно — с тех самых пор, как изгнала его по причинам, которых по-прежнему не могла вразумительно объяснить. Если задуматься, во многих ее тогдашних поступках недоставало смысла. Неужели она и вправду потеряла голову от любви — настолько, что отправила в ссылку Аймлин и Эллориен?

Ну да ладно, дело прошлое. Теперь же Моргейз

осторожно пробиралась меж присутствующих и следила за тем, чтобы их чашки не опустели.

— Не ожидал, что вы так долго провозитесь, — заметил Перрин.

— Ты дал нам поручение, Перрин Айбара, — ответила Неварин, Хранительница Мудрости с рыжеватыми волосами, сидевшая перед Сеонид и Масури. — Мы выполнили его должным образом, потратив столько времени, сколько требовалось. Или ты хочешь сказать, что ожидал от нас чего-то другого?

— Перестань, Неварин, — пробурчал Перрин, раскатывая на земле перед собой карту, составленную Балвером по подсказкам гэалданцев. — Разве я сомневаюсь в вас? Нет, я просто уточнил, не было ли проблем с деревней.

— Ее сожгли дотла, — сказала Неварин. — Как и все растения, на которых мы обнаружили хотя бы намек на Запустение. И правильно сделали. Запустение несет смерть, и вам, мокроземцам, пришлось бы несладко, столкнись вы с его проявлениями.

— Думаю, — парировала Фэйли, — вы бы немало удивились.

Моргейз покосилась на Фэйли. Та, в подобающем ее положению наряде — тонкой работы фио-

летово-зеленом платье с плиссировкой по бокам и разрезами для верховой езды, — по-королевски приосанившись, смотрела в глаза Хранительнице Мудрости. Как ни странно, время, проведенное в плену у Шайдо, самым благоприятным образом сказалось на харизме Фэйли, не померкшей, но разгоревшейся с удвоенной силой.

Моргейз и Фэйли быстро вернулись к прежним ролям госпожи и служанки. Если уж на то пошло, здешняя жизнь Моргейз поразительно напоминала ее пребывание в лагере Шайдо. Да, имелись и отличия — к примеру, здесь ей вряд ли грозила порка, — но факт оставался фактом: времена, когда Моргейз и другие четыре женщины были равны в правах, остались в прошлом.

Остановившись возле лорда Галленне, Моргейз подлила ему чая с ловкостью, взращенной ею в бытность служанкой Севанны. Временами прислуге надо вести себя незаметнее любого разведчика. Нельзя, чтобы ее видели; нельзя, чтобы она привлекала к себе внимание. Любопытно, ее собственные слуги тоже умели превращаться в невидимок?

— Теперь же, — произнес Арганда, — если кто-то не знал, куда мы подевались, достаточно увидеть огромный столб дыма.

— С такой толпой, как у нас, никуда не спрячешься, — сказала Сеонид.

С недавних пор Хранительницы Мудрости перестали выговаривать Айз Седай за поданный без разрешения голос, но, прежде чем раскрыть рот, Зеленая сестра все равно бросила взгляд на айилок, отчего Моргейз разозлилась: где это видано, чтобы сестры из Башни пошли в ученицы компании дичков? Говорили, что таков приказ ал'Тора, но откуда у какого-то мужчины — пусть тот даже и Дракон Возрожденный — подобная власть над сестрами?

Ей неприятно было видеть, как две Айз Седай уже не противятся положению вещей. «Жизненная ситуация способна изменить человека самым кардинальным образом», — подумала Моргейз, вспомнив Гейбрила и Валду. Пребывание в плену у Айил было лишь этапом этого процесса, и каждый из них отдалял Моргейз от королевы, которой она некогда была. Она уже не жаждала ни своего трона, ни красивых вещей. Теперь ей не нужно было ничего, кроме хоть какой-то стабильности. Как оказалось, это удовольствие стоит дороже золота.

— Это не имеет значения. — Перрин забарабанил пальцами по карте. — Итак, решено?

Отправимся за Гиллом и остальными пешком, а чтобы отыскать их, будем по возможности высылать разведчиков через переходные врата. Хотелось бы догнать их еще до Лугарда. Долго ли добираться до города, Арганда?

— Смотря сколько грязи на дороге, — ответил жилистый солдат. — Не зря же мы называем это время года распутицей. Мудрые люди не путешествуют по весне.

— Потому что им некуда торопиться, — пробормотал Перрин, пальцами замеряя расстояние на карте.

Моргейз подошла к Анноуре. Подливать чай гораздо труднее, чем кажется: надо помнить, чью чашку отставить, а чью наполнить на весу, до какого уровня наливать чай, чтобы тот не расплескался, не допускать брызг и не звякать фарфором о фарфор. Надо знать, когда скрыться с глаз долой или, наоборот, устроить небольшое представление, если ты кого-то пропустила, о ком-то забыла или неверно рассчитала желаемое количество напитка.

Она аккуратно подняла чашку Перрина, стоявшую на земле рядом с ним. Во время разговора он любил жестикулировать и запросто мог выбить посуду из рук Моргейз, не будь она столь осто-

рожна. В общем, прислуживать за чаепитием — удивительное искусство. Целый мир, на который королева Моргейз в свое время не трудилась обратить внимание.

Моргейз наполнила чашку Перрина и вернула ее на место. Вглядываясь в карту, Перрин задавал новые вопросы, теперь о близлежащих городках, о том, в каких из них можно рассчитывать пополнить припасы. Он был многообещающим лидером, пусть и довольно неопытным. Паратройка советов от Моргейз…

Она отогнала эту мысль. Перрин Айбара — мятежник. Двуречье — часть Андора, а Перрин провозгласил себя правителем этого края и поднял то знамя с волчьей головой. Что ж — теперь хотя бы убрали флаг Манетерен. Поднятый, он означал бы, по сути, открытое объявление войны.

Больше Моргейз уже не щетинилась всякий раз, когда Перрина именовали лордом, но и не собиралась предлагать ему помощь. По крайней мере, пока не сообразит, как вернуть его под крыло андорской монархии.

«Кроме того, — неохотно признала она, — Фэйли — девушка сообразительная и даст ему те же советы, что и я».

Фэйли идеально дополняла Перрина, как дополняет мчащегося в атаку конного копейщика искусный верховой лучник. Союз этих двоих — принимая во внимание связи Фэйли с троном Салдэйи — вызывал у Моргейз наибольшую тревогу. Да, Перрин убрал флаг Манетерен, но прежде велел спрятать знамя с красной волчьей головой, а запрет нередко бывает лучшим способом форсировать желаемые события.

Чашка Аллиандре была наполовину пуста, и Моргейз подошла наполнить ее: подобно многим высокородным дамам, Аллиандре ожидала, что ее чашка никогда не опустеет. Она взглянула на Моргейз, и в глазах ее блеснуло легкое смущение: Аллиандре не знала, как выстроить отношения с нынешней служанкой. Любопытно, поскольку в плену Аллиандре вела себя весьма заносчиво. Королеве, которой однажды была Моргейз, захотелось усадить ее на табурет и хорошенько растолковать, как должна вести себя знатная женщина.

Но ей придется постигать эту науку самостоятельно. Моргейз уже не та, кем была раньше. Она и сама не понимала, кем теперь является. Знала лишь, что непременно овладеет премудростями службы в качестве горничной знатной дамы.

Это становилось для нее чем-то вроде страстного увлечения, способа доказать самой себе, что она по-прежнему сильна. Что она по-прежнему чего-то стоит.

Временами, думая о своих нынешних чаяниях, бывшая королева приходила в ужас.

— Лорд Перрин, — сказала Аллиандре, когда Моргейз отошла в сторону, — правду ли говорят, что ты намереваешься отослать моих людей обратно в Джеханнах, как только найдешь Гилла и его отряд?

Моргейз прошла мимо Масури — эта Айз Седай обычно подавала сигнал, что пора подливать чай, легонько постукивая ногтем по чашке.

— Да, намереваюсь, — ответил Перрин. — Всем известно, что ты присоединилась к нашей армии не только по собственному желанию. И не попала бы в плен к Шайдо, не возьми мы тебя с собой. Масима мертв. Пора бы тебе вернуться и править своим народом.

— Не сочти за наглость, милорд, — сказала Аллиандре, — но зачем нанимать на службу моих соотечественников, если не собираешь армию для будущих сражений?

— Никого я не нанимаю, — объяснил Перрин. — Да, им разрешено остаться, но это не значит, что

я намерен увеличить войско.

— Милорд, разве не разумно сохранить то, что имеешь? — спросила Аллиандре.

— Она права, Перрин, — тихо подхватила Берелейн. — Достаточно глянуть на небо, и всякий поймет, что Последняя битва неизбежна. Разве тебе помешают ее люди? Не сомневаюсь, лорду Дракону пригодится каждый солдат из верных ему земель.

— Пускай призовет их, когда сочтет нужным, — упрямо ответил Перрин.

— Милорд, — сказала Аллиандре, — я принесла клятву верности не ему, а тебе. И если гэалданцы отправятся на Тармон Гай'дон, то только под твоим знаменем.

Перрин встал, удивив кое-кого из присутствующих: он что, уходит? Не говоря ни слова, он подошел к поднятой к пологу стенке шатра, высунулся наружу и крикнул:

— Вил, поди сюда!

Плетение Единой Силы ограждало шатер от подслушивания. Моргейз видела закрепленные узлом плотные и замысловатые узоры Масури, сложность которых словно насмехалась над ее крохотным талантом.

Масури постучала кончиком пальца по чашке

— эта Айз Седай предпочитала скрывать свою нервозность, потягивая чай, — и Моргейз поспешила ее наполнить.

Перрин вернулся в шатер. За ним вошел симпатичный молодой парень с тряпичным свертком.

— Разверни, — сказал Перрин.

Парень послушался. Судя по лицу, он волновался. Оказалось, в руках у него было знамя с изображением волчьей головы, ставшей эмблемой Перрина.

— Не я сделал это знамя, — заявил Перрин, — и я никогда не желал этого стяга, но послушал совета и поднял его — по причинам, оставшимся в прошлом. Я не раз говорил убрать его, но моих увещеваний, как видно, хватает ненадолго. — Он взглянул на Вила. — Передай лагерю прямой приказ, Вил: сжечь эти треклятые знамена, все до последнего. Ты понял? Сжечь!

— Но… — побледнел Вил.

— Никаких «но», — отрезал Перрин. — Аллиандре, как только мы найдем Ранда, ты присягнешь ему. И в бой под моим знаменем не пойдешь, потому что никакого знамени у меня не будет. Я простой кузнец. Точка. Слишком долго я терпел все эти глупости.

— Перрин, благоразумно ли это? — с удивлен-

ным видом спросила Фэйли.

Глупый мужчина. Для начала обсудил бы все с женой. Но мужчинам свойственна любовь к собственным планам. И к своим секретам.

— Не знаю, благоразумно ли это, но именно так я и поступлю. — Перрин сел на землю. — Ступай, Вил. Чтобы к ночи все знамена сожгли. Все до единого, понял?

Оцепеневший было Вил развернулся и, не сказав ни слова в ответ, вышел из шатра с таким видом, будто его предали. По некой необъяснимой причине Моргейз чувствовала себя примерно так же. Поступок был глупым, а ведь ей хотелось, чтобы Перрин сделал глупость, и этого она ждала. Однако люди тем не менее испытывали страх, и не без причины. Это небо… И то, что творится в мире… Пожалуй, в такие времена можно простить мужчине попытку взять бразды правления в свои руки.

— Дурак ты, Перрин Айбара, — заявила грубиянка Масури.

— Сынок, — обратился Тэм к Перрину, — ребята крепко верят в это знамя.

— Даже слишком, — сказал Перрин.

— Может быть. Но хорошо, когда есть на что равняться. Когда ты спустил тот, другой стяг, им

пришлось несладко. Теперь будет еще хуже.

— Так надо, — произнес Перрин. — Двуреченцы слишком уж привязались к этому знамени. Начали поговаривать, что останутся со мной. А им нужно отправиться обратно к семьям — туда, где им место. Когда вновь заработают переходные врата, Тэм, ты соберешь людей и уйдешь вместе с ними. — Он взглянул на Берелейн. — Как вижу, от тебя и твоих подданных мне не избавиться. Вернешься со мной к Ранду.

— Не думала, — сухо сказала Берелейн, — что ты хочешь… Как ты сказал? Ах да, — «избавиться» от нас. Ведь ты весьма охотно принял мою поддержку, когда крылатые гвардейцы помогли вызволить твою жену.

Перрин глубоко вздохнул и ответил не сразу:

— Ценю вашу помощь. И твою, и всех твоих людей. В Малдене мы поступили как должно, и дело не только в спасении Фэйли и Аллиандре. Мы сделали то, что надо было сделать. Но, чтоб мне сгореть, это осталось в прошлом. Если хочешь следовать за Рандом, не сомневаюсь, что он примет тебя. Но мои Аша'маны измотаны, и я выполнил все, что мне поручили. Меня буквально тянет обратно к Ранду, но, прежде чем я отправлюсь к нему, нужно разобраться с остальными.

— Муж мой, — отчеканила Фэйли, — нельзя ли для начала отослать тех, кто действительно хочет уйти?

— Вот именно, — поддакнула Аравин. Бывшая гай'шайн сидела в глубине шатра, и ее непросто было заметить, хотя Аравин, взявшая на себя обязанности неофициального управляющего, стала влиятельной персоной в лагере Перрина. — Некоторые из беженцев будут счастливы вернуться к семьям.

— По возможности я предпочел бы отправить всех по домам, — сказал Перрин. — Грейди?

— Я без особых трудностей открыл переходные врата для разведчиков, — пожал плечами Аша'ман. — Пожалуй, справлюсь и с вратами побольше. Я еще слабоват, но почти совладал с болезнью. А вот Неалду на выздоровление потребуется еще время.

— Милорд, — негромко кашлянул Балвер, — извольте обратить внимание на весьма любопытные подсчеты. На то, чтобы переправить так много людей через переходные врата, уйдет несколько часов, если не сказать дней. Все произойдет куда медленнее, чем на подходе к Малдену.

— И будет сложнее, милорд, — добавил Грей-

ди. — Вряд ли я смогу так долго держать врата открытыми. Особенно если надо оставаться в форме для сражения — так, на всякий случай.

Перрин вновь склонился над картой. Чашка Берелейн опустела, и Моргейз поспешила наполнить ее.

— Ну хорошо, — согласился Перрин. — Начнем с небольших групп беженцев. Тех, кто хочет уйти.

— И еще, — сказала Фэйли, — не пора ли отправить гонцов к лорду Дракону? Быть может, он пришлет новых Аша'манов.

— Верно, — кивнул Перрин.

— По последним сведениям, — добавила Сеонид, — он был в Кайриэне. Среди беженцев больше всего кайриэнцев. Можно отправить кого-то из них домой, а заодно и посланников для встречи с лордом Драконом.

— Его там нет, — сказал Перрин.

— Откуда ты знаешь? — Эдарра отставила чашку.

Прокравшись по стеночке, Моргейз стащила ее, чтобы наполнить чаем. Самая старшая из Хранительниц Мудрости и, вероятно, не только по возрасту — в их иерархии непросто разобраться, — Эдарра выглядела удивительно молодо для своих лет. Даже самой малой способности Мор-

гейз в обращении с Единой Силой хватало, чтобы понять, что эта женщина сильна. Пожалуй, сильнее всех в этом шатре.

— Я… — замешкался Перрин. Может, у него имелся какой-то источник сведений, о котором он не говорил? — Ранд всегда там, где его не ожидают. Такая у него привычка. Сомневаюсь, что он остался в Кайриэне. Но Сеонид права — поиски лучше всего начать именно там.

— Милорд, — сказал Балвер, — как бы нам не… гм… дать маху при возвращении такого множества беженцев. Столько народу нежданно-негаданно явятся разом через переходные врата. Призываю, будьте осторожны. Мы не знаем, что там творится. Не стоит ли, помимо гонцов для связи с Драконом, отправить туда разведчиков? Пусть разузнают, что там и как.

— Одобряю, — кивнул Перрин, и Балвер с довольным видом расслабился, хотя прекрасно умел скрывать свои эмоции. Почему же ему так хотелось отправить кого-нибудь в Кайриэн?

— Меня тревожит, что нужно будет отправлять так много людей, — признался Грейди. — Даже когда поправится Неалд, непросто будет так долго держать переходные врата открытыми. Мы выбьемся из сил.

— Перрин Айбара, — сказала Эдарра, — не исключено, что есть способ решить эту проблему.

— Что за способ?

— Наши ученицы — Айз Седай говорили о некоем… круге, да? Так он называется? Если кое-кто из нас объединится с Аша'манами, тогда мы, пожалуй, сумеем открыть врата пошире.

Перрин поскреб подбородок:

— Грейди?

— Прежде я не участвовал в круге, милорд, но если все получится… чем шире переходные врата, тем больше в них пройдет людей. И быстрее. Это вовсе не помешало бы.

— Ну хорошо. — Перрин повернулся к Хранительнице Мудрости. — Во что мне обойдется такая попытка?

— Слишком долго ты пользовался помощью Айз Седай, Перрин Айбара, — фыркнула Эдарра, — и забыл, что не за все приходится платить. Удачный исход будет всем на пользу. И я не впервые задумываюсь об этом варианте.

— Давно ли ты считаешь, что круг способен разрешить наши трудности? — нахмурился Перрин.

— Довольно давно.

— Чтоб тебе сгореть, женщина! Что же ты молчала?!

— По большей части ты не проявлял интереса к своему положению как вождя, — холодно произнесла Эдарра. — Нельзя требовать, чтобы тебя уважали. Уважение надо заслужить, Перрин Айбара.

Услышав столь дерзкие слова, Моргейз едва не охнула: мало кто из лордов потерпел бы подобный тон. Перрин словно примерз к месту, но затем кивнул, словно ожидал подобного ответа.

— Когда я впервые подумала об этом, твои Аша'маны были больны, — продолжила Эдарра, — и круг тогда не сработал бы. Теперь же настало время поднять этот вопрос — что я, собственно, и сделала.

«Сперва она оскорбляет Айз Седай, — подумала Моргейз, — и тут же ведет себя как одна из них». Но после малденского плена она начала понимать айильцев. Пускай все твердят, что их невозможно постичь; Моргейз не обращала внимания на подобные речи. Айильцы — такие же люди, как и все остальные. Да, у них странные обычаи и причудливые культурные особенности — но у кого это не так? Королева должна понимать всех своих подданных — и потенциальных врагов своего королевства.

— Решено, — сказал Перрин. — Не переутом-

ляйся, Грейди, но начинай работать. Проверь, сумеешь ли образовать с ними круг.

— Да, милорд, — кивнул Грейди. У Аша'мана, по обыкновению, был несколько отстраненный вид. — Неплохо бы подключить к делу Неалда. Из-за головокружения он неуверенно стоит на ногах, но ему не терпится поработать с Силой. Круг даст ему возможность попрактиковаться.

— Я не против, — согласился Перрин.

— Мы не договорили насчет разведчиков, которых отправим в Кайриэн, — напомнила Сеонид. — Мне бы хотелось быть в их числе.

— Понимаю, — пригладил бороду Перрин. — Бери своих Стражей, двух Дев и Пэла Айдара. И по возможности не лезь на рожон.

— Еще с ними пойдет Камейле Нолайзен, — сказала Фэйли. Понятное дело, ей хотелось, чтобы в отряде был кто-то из *Ча Фэйли*.

— Милорд, — снова кашлянул Балвер, — у нас острая нехватка бумаги и перьев для письма, не говоря уже о других мелочах.

— По-моему, с этим можно и подождать, — нахмурился Перрин.

— Нет, — сказала Фэйли, помолчав. — Предложение дельное, к нему стоит прислушаться, муж мой. Надо послать кого-то за припасами. Быть

может, ты, Балвер, сам отправишься за бумагой и перьями?

— Если того желает миледи, — ответил секретарь. — Мне давно хотелось посетить школу, открытую Драконом в Кайриэне. Там найдется все, что нужно.

— В таком случае ступай, — разрешил Перрин. — Но никого с собой не бери. О Свет! Еще немного, и желающих наберется целая растреклятая армия.

Балвер удовлетворенно кивнул. Очевидно, теперь он шпионил для Перрина. Скажет ли он Айбара, кто такая Моргейз на самом деле? Или уже сказал? Хотя Перрин ведет себя так, будто ничего не знает.

Собрание подходило к концу, и Моргейз начала собирать чашки. Ну конечно, Балвер предложил Перрину Айбара услуги соглядатая; надо было ей раньше найти подход к этому невзрачному человечку и узнать, какую цену он потребует за молчание. Подобные ошибки могут стоить королеве трона.

Моргейз потянулась к чашке, но замерла. «Ты же больше не королева! Выброс эти мысли из головы!»

В первые недели после своего необъявленного

отречения от престола она надеялась найти способ вернуться в Андор, чтобы при необходимости помочь Илэйн. Однако чем больше Моргейз думала об этом, тем яснее понимала, что так поступать не следует. Необходимо, чтобы все в Андоре считали ее погибшей. Всякая королева правит по-своему, и, если Моргейз вернется, Илэйн будет выглядеть марионеткой даже в глазах собственной матери. Кроме того, перед отъездом из Кэймлина Моргейз нажила немало врагов. И почему только она вела себя так, а не иначе? Воспоминания о тех временах были словно затянуты туманом, но ее возвращение лишь разбередит старые раны.

Она продолжила собирать чашки. Наверное, из благородства ей следовало покончить с собой. Стоит врагам трона выяснить, кто она такая, и ее смогут использовать против Илэйн — так же, как намеревались поступить белоплащники. Но пока что Моргейз не представляла угрозы для дочери. Кроме того, она была уверена, что Илэйн не станет рисковать безопасностью Андора — даже ради спасения матери.

Перрин распрощался с присутствующими и отдал общие указания насчет вечернего лагеря. Моргейз взяла тряпку и, опустившись на колени,

стерла грязь с завалившейся набок чашки. Найол сообщил ей, что Гейбрил мертв, и ал'Тор захватил Кэймлин. В таком случае Илэйн сообразила бы, что пора вернуться. Разве нет? Стала ли она королевой? И какую позицию заняли благородные Дома — поддержали Илэйн или выступили против нее, памятуя о поступках ее матери?

Быть может, разведчики принесут новости, по которым так изголодалась Моргейз. Надо бы ей найти возможность проникать на каждое собрание, где будут обсуждать донесения разведки. К примеру, вызваться разливать чай. Чем старательнее она будет прислуживать Фэйли, тем ближе подберется к важным событиям.

Когда Хранительницы Мудрости выходили из шатра, Моргейз заметила, что снаружи кто-то ждет. То был Талланвор — как всегда почтительный, высокий, широкоплечий, с мечом на поясе и заметным беспокойством во взгляде.

Со времен Малдена он почти беспрерывно следовал за Моргейз. Ее это вполне устраивало, и недовольство она выражала исключительно из принципа. После двухмесячной разлуки Талланвор не упускал случая побыть рядом с ней. Глядя в его прекрасные юные глаза, Моргейз понимала, что не станет убивать себя — даже на благо Ан-

дора, — и чувствовала себя последней дурой, ибо сердечные дела и без того навлекли на ее голову немало бед.

Впрочем, после Малдена она изменилась. В плену Моргейз истосковалась по Талланвору, а потом он явился за ней, хотя не должен был так рисковать. Но Талланвор был предан ей сильнее, чем Андору. Именно в такой преданности и нуждалась Моргейз, хотя сама не понимала, почему именно.

Она направилась к Талланвору: в одной руке блюдца, на сгибе другой балансируют восемь чашек.

— Майгдин, — окликнул вдруг Перрин, и Моргейз нехотя повернулась. В шатре не осталось никого, кроме Перрина и его жены.

— Подойди, пожалуйста, — продолжил он. — Талланвор, почему бы тебе тоже не войти? Я же вижу, что ты прячешься у входа. Ну правда, неужели ты боялся, что ее выкрадут из шатра, полного Хранительниц Мудрости и Айз Седай?

Моргейз приподняла бровь. Насколько она заметила, в последнее время Перрин тоже не отходил от Фэйли ни на шаг.

Входя, Талланвор молча улыбнулся Моргейз, потом снял с ее руки несколько чашек, и оба

предстали перед Перрином. Талланвор церемонно поклонился, и Моргейз едва не поморщилась от раздражения. Он ведь по-прежнему оставался гвардейцем королевы — и, похоже, единственным из Королевской гвардии, кто сохранил ей верность. Напрасно он кланяется этому деревенскому выскочке.

— Когда вы только присоединились к нам, мне сделали предложение, — мрачно сказал Перрин. — Что ж, думаю, пора его принять. В последнее время вы напоминаете мне парня и девушку из соседних деревень, мечтающих друг о друге в последний час Дня солнца. Не пора ли вам пожениться? Церемонию может провести Аллиандре или даже я. Следуете ли вы каким-то особым традициям?

Моргейз оторопела. Будь проклята Лини, заронившая подобную мысль в голову Перрина! Но когда Талланвор бросил на нее вопросительный взгляд, Моргейз охватила паника.

— Если хотите, переоденьтесь во что-нибудь красивое, — продолжил Перрин. — Возьмите в свидетели кого пожелаете и возвращайтесь сюда через час. Тогда и покончим с этими глупостями.

Разгневанная Моргейз чувствовала, как к лицу приливает горячая кровь. Покончим с глупостя-

ми? Как он смеет?! Да еще и так! Отсылает ее, как ребенка, словно ее чувства — ее любовь — для него не больше чем досадное недоразумение!

Перрин принялся сворачивать карту, но Фэйли положила ладонь ему на руку. Подняв взгляд, он увидел, что никто не торопится исполнять его приказ:

— Ну?

— Нет, — сказала Моргейз, твердо глядя на Перрина. Ей не хотелось видеть неизбежное разочарование на огорченном лице Талланвора.

— Что «нет»? — спросил Перрин.

— Нет, Перрин Айбара. Я не вернусь сюда через час, чтобы выйти замуж.

— Но…

— Зови меня, если хочешь, чтобы тебе подали чай, прибрались в шатре или упаковали твои пожитки. Если понадобится постирать одежду, я окажу тебе такую услугу. Но я не твоя подданная, Перрин Айбара. Я служанка и остаюсь верна королеве Андора. Ты не имеешь права отдавать мне подобные приказания.

— Я…

— Кстати, такого не потребовала бы и сама королева! Насильно женить двоих людей, потому что надоело смотреть, как они переглядываются?

Ты будто намерен двух собак случить, чтобы потом продать щенков?

— Я не это имел в виду…

— Судя по твоим словам, именно это. К тому же откуда тебе знать о намерениях этого молодого человека? Разве ты говорил с ним, расспрашивал его, проводил с ним по такому случаю беседу — как подобает лорду?

— Но, Майгдин, — сказал Перрин, — очевидно же, что ты ему небезразлична. Видела бы, как он места себе не находил, когда ты была в плену. О Свет, женщина, этого попросту нельзя не заметить!

— Сердечные дела всегда окутаны пеленой тайны. — Выпрямившись во весь рост, Моргейз снова почувствовала себя королевой. Ну, почти. — Если я надумаю выйти замуж, решение будет принято мной и только мной. Говоришь, тебе не по душе командовать другими? Но не слишком ли тебе нравится отдавать приказы? С чего ты так уверен, что мне нужна любовь этого юноши? Разве ты способен заглянуть в мое сердце?

Одеревенело стоявший рядом с ней Талланвор учтиво поклонился Перрину и вышел из шатра. Он был чувствительный парень. Что ж, пусть знает, что Моргейз больше не позволит помыкать

собой. Сперва Гейбрил, затем Валда, а теперь Перрин Айбара? Взять в жены женщину, вышедшую замуж по приказу? Талланвор не заслуживает такого унижения.

Моргейз испытующе смотрела на Перрина. Тот покраснел, и она смягчила тон:

— Ты еще молод, поэтому послушай моего совета. Есть дела, которыми обязан заниматься лорд, и есть другие дела, в которые он не должен совать свой нос. Никогда! Со временем ты научишься их различать, но впредь будь добр воздерживаться от подобных требований, пока хотя бы не посоветуешься с женой.

С этими словами она присела в реверансе — все с теми же чашками на руке — и ушла. Не надо было говорить с ним в таком тоне… С другой стороны, не надо было ему отдавать такой приказ! Похоже, в Моргейз еще оставалась искорка царственности. Столь непреклонной и уверенной в себе она не была с тех пор… с тех пор, как в Кэймлине появился Гейбрил! Хотя надо бы разыскать Талланвора и подлечить его уязвленную гордость.

Оставив чашки в ближайшей помывочной, Моргейз прошлась по лагерю, высматривая Талланвора. Вокруг, не покладая рук, трудились

работники и слуги. Многие из бывших гай'шайн до сих пор вели себя так, словно находились среди Шайдо: кланялись и расшаркивались в ответ на любой взгляд. Печальнее всего было смотреть на кайриэнцев: они пробыли в плену дольше остальных, а уроки Шайдо так просто не забудешь.

Среди них, разумеется, было несколько настоящих айильцев-гай'шайн. Какой странный обычай… Насколько могла определить Моргейз, некоторых из здешних гай'шайн захватили в плен Шайдо, а потом их освободили в Малдене. Но они оставались в белом — то есть выступали в роли рабов для родни и друзей.

Любой народ можно понять, но, признавала Моргейз, айильцы, похоже, поддаются пониманию хуже остальных. Вот, к примеру, шагают по лагерю Девы. Зачем они расталкивают всех на своем пути? Ведь это не…

Моргейз остановилась. Группа Дев шла прямиком к шатру Перрина. Похоже, у них были какие-то новости.

Поддавшись любопытству, Моргейз последовала за ними. Девы оставили двух охранниц у главного входа, но малый страж против подслушивания уже был снят. Моргейз обогнула шатер,

старательно делая вид, что у нее и в мыслях нет подслушивать чужие разговоры, и сгорая от стыда, что бросила Талланвора страдать в одиночестве.

— На дороге — белоплащники, Перрин Айбара, — донесся из шатра решительный голос Сулин. — Крупные силы, прямо перед нами.

Глава 7
Легче перышка

К ночи ветер стих, хотя гром по-прежнему напоминал Лану, что все хуже, чем кажется. За несколько недель дороги в компании Булена грозовое небо потемнело пуще прежнего.

Сперва они ехали на юг, потом свернули на восток, а теперь находились где-то на границе между Кандором и Салдэйей, на Равнине Копий, а вокруг высились потрепанные непогодой крутые холмы, похожие на крепостные башни.

Быть может, Лан с Буленом не заметили границы. На здешних проселках редко ставили пограничные столбы, а горам все равно, какое государство на них претендует.

— Мастер Андра, — донесся из-за спины Лана голос Булена. Лан купил ему верховую кобылу светло-серой масти, но Булен так и не расстался с вьючным коником по кличке Лазутчик.

Теперь же он поравнялся с Ланом. Тот настоял, чтобы Булен называл его Андрой: чего Лану не хотелось, так это новых спутников, а если никто не узнает, кто он такой, никто и не будет напрашиваться сопровождать его. Лан снова мысленно поблагодарил Булена за ненамеренное предупреждение о действиях Найнив. Как ни крути, за это он теперь в долгу у парня.

Сам же Булен оказался чрезвычайно разговорчивым.

— Мастер Андра, — продолжил он, — если позволите, может, свернем на юг на Берндтском перепутье, а? Есть там одна придорожная таверна, в ней таких перепелов подают — объедение! А потом снова свернем на восток, на дорогу к Южному Меттлеру. Вы не представляете, насколько проще там ехать! И еще в тех местах ферма моего двоюродного брата — двоюродного по матери, мастер Андра, — и мы могли бы…

— Едем прежним путем, — отрезал Лан.

— Но к Южному Меттлеру дорога несравнимо лучше!

— И поэтому, Булен, на ней гораздо больше людей.

Булен вздохнул, но умолк. Хадори неплохо смотрелся у него на челе, и парень, как ни поразительно, и впрямь уверенно владел мечом. Давненько Лану не встречались столь одаренные ученики.

Было темно — из-за этих гор смеркалось тут рано — и зябко, если сравнивать с местностью вблизи Запустения. К сожалению, здешний край оказался довольно людным. Лан с Буленом миновали распуток, а часом позже и впрямь увидели таверну, в окнах которой горел свет.

Булен устремил на нее полный вожделения взгляд, но Лан не остановился. Он взял за правило путешествовать по ночам, дабы не привлекать к себе лишних взоров.

На темном крыльце сидели трое мужчин с трубками в зубах. В воздухе, затуманивая окна таверны, вились едкие дымки. Лан не обращал на незнакомцев особого внимания, пока трубки не были убраны, словно по команде. Все трое отвязали лошадей от ограды таверны.

«Просто замечательно», — подумал Лан. Разбойники, поджидающие на полночном тракте усталых путников. Ну да ладно. Трое противни-

ков вряд ли представляют серьезную опасность. Пока что они рысили за Ланом, а нападут где-нибудь подальше от таверны. Лан проверил, легко ли выходит меч из ножен, а Булен оглянулся через плечо и взволнованно сказал:

— Милорд, у двоих хадори на головах!

Лан развернулся так круто, что плащ взвился за спиной, но трое преследователей не остановились. Приблизившись, они разделились и объехали Лана с Буленом.

Глядя им в спину, Лан крикнул:

— Андер! Куда это ты собрался?

Один из троицы — поджарый мужчина опасного вида с прихваченными хадори длинными волосами — глянул через плечо. Лан не видел Андера уже несколько лет. Похоже, тот наконец-то снял кандорский мундир. Теперь на нем был иссиня-черный плащ, а под плащом — кожаный охотничий костюм.

Все трое остановились.

— Ага, Лан, — произнес Андер. — Я и не разглядел, что это ты.

— Ну да, ну да, — безразлично проговорил Лан. — А ты, Назар? Как помню, в юности ты снял хадори. А теперь снова надел?

— Я сам себе указ, — ответил Назар. Он был

уже в возрасте — пожалуй, разменял восьмой десяток, — и волосы у него поседели, но к седлу был приторочен меч.

Третий — его звали Раким — был не из малкири. Смерив Лана взглядом раскосых глаз салдэйца, он смущенно поежился.

Лан коснулся пальцами лба и закрыл глаза. Трое мужчин поехали дальше. Что за дурацкую игру они затеяли? «Какая разница?» — подумал Лан и снова взглянул на дорогу.

Булен хотел было что-то сказать, но Лан пресек его попытку свирепым взглядом и свернул с дороги на заросшую узкую тропу, ведущую на юг.

В скором времени за спиной у него послышался глухой топот копыт. Лан развернулся и увидел подъезжающих к нему троих мужчин. Гневно стиснув зубы, он остановил Мандарба и заявил:

— Я не собираюсь поднимать знамя Золотого журавля!

— А кто говорит, что собираешься? — парировал Назар, после чего троица разъехалась и вновь миновала его.

Лан ударом каблуков послал Мандарба вперед и нагнал незваных спутников:

— В таком случае хватит меня преследовать!

— Вообще-то, мы опережаем тебя, а не пресле-

дуем, — возразил Андер.

— Вы свернули на тропинку вслед за мной, — упрекнул его Лан.

— Дороги тебе не принадлежат, Лан Мандрагоран. — Андер взглянул на Лана. Его лицо было плохо видно в ночной темноте. — Если ты вдруг не заметил, я уже не мальчик, которого много лет назад распекал герой Сальмарны. Теперь я солдат, а это востребованная профессия. Так что поеду этой дорогой, раз уж мне того хочется.

— Разворачивайтесь и поищите другую тропинку на восток, — сказал Лан. — Это приказ.

— Ты уже не командир мне, Лан, — рассмеялся Раким. Спустя многие годы его голос остался таким же хриплым. — С чего бы мне исполнять твои приказы?

Остальные усмехнулись.

— Но к приказу короля мы, конечно, прислушались бы, — добавил Назар.

— Ага, — подхватил Андер. — Если бы приказы раздавал не кто-то, а сам король — дело другое. Но короля я здесь не вижу. Или вижу?

— У неприкаянного народа не может быть короля, — сказал Лан. — Не бывает короля без королевства.

— Однако ты взнуздал коня, — щелкнул по-

водьями Назар. — И едешь на верную гибель в землях, которые, по твоим словам, никакое не королевство.

— Такова моя судьба.

Пожав плечами, все трое поехали вперед.

— Не глупите, — тихо окликнул их Лан, остановив Мандарба. — Эта тропа ведет к смерти.

— Смерть легче перышка, Лан Мандрагоран, — отозвался Раким, не оглядываясь. — Если нас ждет всего лишь смерть, то путь будет проще, чем я думал!

Лан скрежетнул зубами, но что он мог поделать? Избить этих троих до бесчувствия и бросить на обочине? Он тронул каблуками коня, и тот пошел вперед.

И двое превратились в пятерых.

* * *

Заметив, что чадо Байар явился с очевидным желанием о чем-то сказать, Галад решил не прерывать незамысловатой утренней трапезы. На завтрак была овсяная каша с пригоршней изюма — так кормили всех солдат, дабы не порождать ненужной зависти. Некоторые лорды капитан-командоры питались гораздо лучше своих людей, но Галада это не устраивало — особенно теперь,

когда многие в мире голодали.

Чадо Байар стоял у входа в палатку и ждал, когда на него обратят внимание. Сухопарый, с ввалившимися щеками, он был одет по всей форме: белый плащ, табар, а под ним кольчуга.

Наконец Галад отложил ложку и кивнул Байару. Воин подошел к столу и застыл по стойке смирно. В палатке у Галада не было изящной мебели. Его меч — бывший когда-то мечом Валды — лежал на простом столе рядом с деревянной миской, слегка выдвинутый из ножен — так, что виднелись цапли на клинке и в полированной стали отражалась фигура Байара.

— Говори, — разрешил Галад.

— У меня новости насчет армии, милорд капитан-командор, — доложил Байар. — Она примерно там, где и указали пленники. В нескольких днях пути отсюда.

Галад кивнул.

— Под гэалданским флагом?

— И под майенским. — В глазах Байара загорелся огонек свойственного ему фанатизма. — А также под знаменем с волчьей головой, хотя в донесениях говорится, что вчера вечером этот стяг убрали. Там наш Златоокий, там! Разведчики в этом не сомневаются.

— И он в самом деле убил отца Борнхальда?

— Да, милорд капитан-командор. Мне довелось встречаться с этим человеком. Он и его солдаты — выходцы из места под названием Двуречье.

— Двуречье? — переспросил Галад. — Даже странно, насколько часто в эти дни я слышу это название. Не оттуда ли родом и сам ал'Тор?

— Говорят, что оттуда, — ответил Байар.

— В Двуречье выращивают неплохой табак, чадо Байар, — потер подбородок Галад, — но не припомню, чтобы там растили солдат. Не говоря уже о целых армиях.

— Это темная глухомань, милорд капитан-командор. В прошлом году мы с чадом Борнхальдом провели там какое-то время. Это место кишит приспешниками Тьмы.

— Ты говоришь словами Вопрошающего, — вздохнул Галад.

— Поверьте мне, милорд капитан-командор, — с жаром продолжил Байар. — Умоляю, поверьте. Это вовсе не пустые домыслы.

Нахмурившись, Галад указал на табурет у стола, и Байар сел.

— Объяснись, — велел Галад. — И расскажи все, что знаешь об этом Перрине Златооком.

* * *

Перрин помнил времена, когда на завтрак ему хватало простого хлеба с сыром, но эти дни остались в прошлом. То ли сказывалась его связь с волками, то ли изменились вкусы, но теперь он жить не мог без мяса. Особенно по утрам. Понятно, мясо бывало на столе не всегда, что не так уж плохо, но просить, как правило, не приходилось.

Так и в тот день он встал, умылся и обнаружил, что служанка вносит в шатер здоровенный, сочный, дымящийся шмат окорока. Ни фасоли, ни овощей. Ни подливки. Только окорок, натертый солью и обожженный над костром, да еще пара вареных яиц. Прислужница оставила еду и удалилась.

Перрин вытер руки, прошел по расстеленному на полу палатки ковру к столу и вдохнул аромат ветчины. В глубине души он понимал, что лучше бы отказаться от такого угощения, но как тут сдержишься, когда вот оно, мясо? Поэтому он сел, схватил вилку с ножом и приступил к еде.

— Все равно не понимаю, как ты можешь есть такое на завтрак. — Из умывальни (в шатре было несколько разделенных занавесками секций), вытирая руки, вышла Фэйли в одном из сво-

их неприметных серых платьев — идеальных, поскольку они не отвлекали смотрящего от ее красоты. Изгибы фигуры она подчеркнула, подпоясавшись крепким черным ремнем. От золотых поясов, независимо от их утонченности, Фэйли упрямо отказывалась, а когда Перрин предлагал выбрать что-нибудь по ее вкусу, демонстративно закатывала глаза.

— Это же еда, — сказал Перрин.

— Вижу, — фыркнула она и посмотрелась в зеркало. — По-твоему, мне померещилось, что ты камни глодаешь?

— В том смысле, — объяснил Перрин с набитым ртом, — что еда есть еда. Какая разница, что у меня на завтрак, а что на обед?

— Такая, что никто не ест мясо с утра пораньше. — Она глянула в зеркало, поправила шнурок с маленьким голубым камнем и развернулась, шурша свободными рукавами салдэйского покроя. Девушка остановилась у стола и наморщила нос. — Пойду завтракать к Аллиандре. Пришли за мной, если будут новости.

Перрин кивнул и проглотил очередной кусок. Есть мясо за обедом, но отказываться от него на завтрак? Что за бессмыслица!

Он решил не сниматься с лагеря, который был

разбит возле Джеханнахской дороги: что еще оставалось делать, раз уж между ним и Лугардом стоит армия белоплащников? Чтобы оценить опасность, разведчикам требуется время. Перрин много размышлял о своих странных видениях, в которых волки гнали овец навстречу какому-то хищному зверю, а Фэйли шла к обрыву. Он понять не мог, что означают эти сны. Может, они как-то связаны с белоплащниками? Их появление тревожило Перрина сильнее, чем он готов был признать, но в душе он лелеял хрупкую надежду, что это препятствие окажется несущественным и не замедлит его слишком сильно.

— Перрин Айбара, — донеслось из-за входного клапана, — дозволено ли мне войти?

— Да, Гаул, — отозвался Перрин. — Моя прохлада — твоя прохлада.

— Спасибо, Перрин Айбара. — Высокий айилец вошел и бросил взгляд на окорок. — Вот это пиршество. Что празднуешь?

— Ничего, кроме завтрака.

— Славная победа, — рассмеялся Гаул.

Перрин покачал головой. Он уже не надеялся, что научится понимать айильские шутки. Гаул уселся на землю. Вздохнув — не вслух, а про себя, — Перрин взял тарелку с окороком, пересел

на коврик напротив гостя, поставил тарелку на колени и продолжил есть.

— Тебе не обязательно сидеть на полу из-за меня, — заметил Гаул.

— Я сел сюда не по принуждению, Гаул.

Тот кивнул.

Перрин отрезал очередной ломтик окорока. Было бы куда проще схватить его и зубами отрывать кусок за куском. У волков все проще. К чему ножи и вилки?

От этой мысли он оторопел. Нет, он не волк и не будет думать как волк. Не пора ли перейти на фрукты? Нормальный человеческий завтрак, как сказала бы Фэйли. Нахмурившись, Перрин вновь набил рот мясом.

* * *

Галад и думать забыл про остывающую кашу, а Байар рассказывал, понизив голос:

— В Двуречье мы сражались с троллоками, и это подтвердят десятки людей из нашего лагеря. Нескольких тварей я прикончил собственноручно, вот этим вот мечом.

— Троллоки? В *Двуречье*? — не поверил Галад. — Оно же в сотнях лиг от Пограничных земель!

— И тем не менее они были там, — сказал Бай-

ар. — Мы отправились в Двуречье по приказу лорда капитан-командора Найола. Думаю, он почуял неладное. Сами знаете, Пейдрон Найол не забил бы тревогу, не имея на то веских причин.

— Да, согласен. Но… Двуречье?

— Поверьте, там полно приспешников Темного, — настаивал Байар. — Борнхальд уже рассказал вам о Златооком. В Двуречье этот Перрин Айбара тогда уже поднял древнее знамя Манетерен над армией, набранной из тамошних фермеров. Взглянув на таких, обученный солдат лишь презрительно усмехнется, но они берут числом, а некоторые ловко обращаются с луком или боевым посохом.

— Знаю, — бесцветным тоном подтвердил Галад, припоминая, как однажды получил весьма неприятный урок.

— Этот человек, этот Перрин Айбара, — продолжил Байар, — он исчадие Тени, это как пить дать. Его называют Златооким, потому что у него и впрямь глаза золотистого цвета. У людей не бывает таких глаз. Мы не сомневались, что именно Айбара привел троллоков в Двуречье, чтобы заставить фермеров присоединиться к его армии. В итоге он вынудил нас отступить оттуда. Теперь же Айбара здесь, прямо перед нами.

Совпадение? Или нечто большее, чем совпадение?

Байар, как видно, мыслил в том же ключе.

— Наверное, следовало упомянуть об этом раньше, милорд капитан-командор, но я сталкивался с этим существом, с этим Айбара еще до событий в Двуречье. Пару лет назад он убил двоих Чад на заброшенной андорской дороге. Тогда мы с отцом Борнхальда и встретили Айбара в лагере неподалеку от большака. Он бегал вместе с волками, резвился с ними как умалишенный! Прежде чем его угомонили, прикончил двоих наших. Нам удалось его пленить, но ночью он сбежал. Милорд, его должны были повесить.

— Кто может подтвердить твои слова? — спросил Галад.

— Чадо Оратар. А чадо Борнхальд готов рассказать обо всем, что мы видели в Двуречье. Да и в Фалме тоже побывал Златоокий. Да за одно то, что он там сделал, его нужно привлечь к ответу. Здесь нет сомнений. Сам Свет привел его к нам.

* * *

— Говоришь, у белоплащников наши люди? — спросил Перрин.

— Я-то лиц не разобрал, — ответил Гаул, — но

у Илайаса Мачиры глаза поострее моих. И он, как говорит, точно видел Базела Гилла.

Перрин кивнул: золотистые глаза Илайаса ничуть не уступали его собственным.

— Сулин и ее разведчики говорят примерно то же самое. — Гаул взял предложенный Перрином кубок с элем. — У белоплащников множество повозок, и они подозрительно походят на те, что мы отправили вперед. Сулин выяснила это рано утром и попросила передать тебе, как ты только проснешься. Она ведь знает, что поутру у мокроземцев дрянное настроение.

Очевидно, у Гаула даже мысли не возникало, что его слова могут быть оскорбительными. Перрин был мокроземцем, а у мокроземцев скверный нрав — по крайней мере, в понимании Айил, — так что Гаул лишь констатировал общепризнанный факт.

Покачав головой, Перрин попробовал яйцо. Переваренное, но съедобное.

— Сулин заметила кого-то из знакомых?

— Нет, — ответил Гаул, — хотя видела нескольких гай'шайн. Но не забывай, что Сулин — Дева, и надо бы поручить кому-то подтвердить ее слова. Кому-то, кто не хватается за возможность выстирать наше исподнее.

— Какие-то проблемы с Байн и Чиад? — спросил Перрин.

— Клянусь, эти женщины меня с ума сведут, — поморщился Гаул. — Ну сколько можно? Иной раз я предпочел бы, чтобы гай'шайн были не эти двое, а сам Затмевающий Зрение!

Перрин усмехнулся.

— Тем не менее пленников не тронули. Похоже, они в добром здравии. К тому же одна из Дев заметила над лагерем весьма своеобразный флаг, зарисовала его и показала твоему секретарю, Себбану Балверу. По его словам, этот флаг означает, что войско ведет сам лорд капитан-командор.

Перрин опустил глаза на последний кусок окорока. То были дурные вести. Прежде он никогда не встречался с лордом капитан-командором, зато сталкивался с одним из лордов-капитанов белоплащников. Той ночью погиб Прыгун, и та ночь уже два года как не давала Перрину покоя.

В ту ночь он впервые забрал чужую жизнь.

* * *

— Что еще вам нужно? — Байар буквально навис над столом. Его ввалившиеся глаза пылали. — Свидетели четко и ясно видели, как этот человек убил двоих из нас! Неужели мы сделаем

вид, что он невиновен?

— Нет, — ответил Галад. — Клянусь Светом, если твои слова — правда, мы не позволим ему уйти. Наш долг — призывать преступников к ответу.

Байар улыбнулся. Судя по виду, он рвался в бой.

— Пленники признались, что королева Гэалдана присягнула на верность этому Айбара.

— А вот это уже проблема, — заметил Галад.

— Или возможность. Пожалуй, Гэалдан — именно то, что нужно Детям Света. Новый дом. Место, где можно вернуться к привычной жизни. Вы говорите об Андоре, милорд капитан-командор, но долго ли там будут терпеть наше присутствие? Вы говорите о Последней битве, но нельзя исключать, что произойдет она через много месяцев. Быть может, наш долг — вызволить целую страну из лап чудовищного исчадия Тени? И тогда королева — или ее преемник — окажется у нас в долгу!

— При условии, что мы сумеем одолеть этого Айбара.

— Сумеем. Пусть наша армия не столь велика, но многие из его солдат — простые фермеры.

— Ты же сам говорил, что фермеры могут быть

опасны, — напомнил Галад. — Не стоит их недооценивать.

— Да, но я знаю, что победа будет за нами. Пускай фермеры опасны, но они не устоят перед мощью Чад Света. И на сей раз Златоокий уже не спрячется ни за жалкими деревенскими укреплениями, ни за спинами разношерстных союзников. Теперь его ничто не спасет.

* * *

Быть может, это часть жизни та'верена? Была ли та ночь неизбежной? Перрина замутило, и он отставил тарелку.

— Тебе нехорошо, Перрин Айбара? — справился Гаул.

— Просто задумался.

Белоплащники не оставят его в покое, а Узор — чтоб он сгорел, этот Узор! — будет сводить его с Детьми Света, пока Перрин не разберется с ними раз и навсегда.

— Насколько велика их армия? — спросил он.

— Двадцать тысяч солдат, — ответил Гаул. — И еще несколько тысяч — но эти, судя по виду, копья в руках не держали.

Прислуга и маркитанты. Гаул напускал на себя серьезный вид, но от него разило весельем. Когда

на айильцев нападали, почти каждый мужчина — за исключением кузнецов — брал в руки копье, и тот факт, что многие мокроземцы не способны защитить себя, вызывал у них непонимание, а то и гнев.

— Их армия велика, — продолжил Гаул, — но меньше нашей, и у них нет ни *алгай'д'сисвай*, ни Аша'манов, ни других людей, способных направлять Силу, — если, конечно, Себбан Балвер не ошибся. Похоже, он немало знает об этих белоплащниках.

— Балвер прав. Белоплащники терпеть не могут Айз Седай и считают приспешниками Темного всех, кто умеет использовать Единую Силу.

* * *

— Ну что, выступаем? — спросил Байар.

— У нас нет выбора. — Галад встал. — Сам Свет привел Златоокого прямо к нам в руки. Только нужно разузнать побольше. Пожалуй, мне стоит съездить к этому Айбара, рассказать, что у нас его союзники, и пригласить его армию на поле боя. Я предпочел бы выманить его и атаковать конницей.

* * *

— Чего ты хочешь, Перрин Айбара? — спросил Гаул.

Чего он хочет? Вот бы узнать.

— Отправь людей на повторную разведку, — сказал Перрин. — Найди новое место для лагеря, получше этого. Попробуем договориться, но ни при каких условиях мы не оставим Гилла и остальных в лапах белоплащников. Дадим Детям Света шанс вернуть наших людей, а если откажутся… Что ж, там будет видно.

Глава 8
«Семицветка»

Мэт сидел на потертом табурете, облокотившись на потемневшую деревянную столешницу. Здесь приятно пахло — элем, дымом и кухонным полотенцем, которым недавно протерли стол. Мэту нравился этот запах. Есть что-то успокаивающее в приличном, хоть и шумном трактире, который притом содержат в чистоте — ну, ясное дело, относительной: кому же глянется идеально чистый, будто сегодня только открывший свои двери, трактир? Все равно что неношеный плащ или некуреная трубка: в таком заведении не почувствуешь себя как дома.

Двумя пальцами правой руки Мэт перевернул сложенное письмо — написанное на плотной

бумаге и запечатанное каплей кроваво-красного воска. Это письмо появилось у него совсем недавно, но головной боли оно доставило уже не меньше, чем любая женщина, за исключением разве что Айз Седай — от них хлопот всегда куда больше. Другими словами, треволнений было предостаточно.

Он перестал вертеть письмо в руке и бросил его на столешницу. Чтоб ей сгореть, этой Верин! Ну зачем она так? Связала его клятвой, и теперь он как рыба на крючке.

— Что скажешь, мастер Кармазин? — спросила трактирщица, скрестив руки на стойке. В последнее время Мэт на всякий случай называл себя этим именем — во избежание неприятностей. — Тебе повторить или как?

Мелли Крэб была миловидной девицей с круглым лицом и соблазнительными золотисто-каштановыми кудряшками. Мэт ответил бы трактирщице своей лучшей улыбкой, от которой таяла любая женщина, что встречалась ему на пути, но теперь он был человеком женатым, так что отныне разбитые сердца неуместны. Хотя грудь у склонившейся над столешницей Мелли была весьма достойная. Ростом трактирщица не вышла, поэтому пол за стойкой был повыше, чем

в зале. Да, очень приятная грудь. Мэт подумал, что Мелли вполне сгодилась бы для поцелуев, а то и уединения в задней комнате трактира. Но нет, он больше не смотрел на женщин. Вернее, смотрел, но не так, как прежде. Теперь поцелуи Мелли не для него. Скорее для Талманеса. Слишком он чопорный — поцелуи и объятия пошли бы ему на пользу.

— Что надумал? — спросила трактирщица.

— Как бы ты поступила на моем месте, Мелли? — Рядом с Мэтом стояла пустая кружка с застывшими на ободке хлопьями пены.

— Заказала бы еще по одной, — без раздумий ответила Мелли. — Всем присутствующим. Это был бы чрезвычайно щедрый поступок, а людям нравятся щедрые парни.

— Я имел в виду письмо.

— Ты пообещал не открывать его? — спросила Мелли.

— Ну, не совсем. Пообещал, что, если открою, сделаю в точности то, о чем в нем говорится.

— Клятву дал, что ли?

Мэт кивнул и тут же ойкнул, когда Мелли выхватила сложенный лист у него из пальцев. Потянулся за ним, но трактирщица отпрянула, не переставая вертеть письмо в руках. Мэт хотел

было попытаться забрать его снова, но сдержался: неплохо знакомый с игрой «дай-ка отниму», он не испытывал желания выставлять себя на посмешище. Женщины обожают вгонять мужчин в краску. Позволишь такое хоть однажды — пиши пропало: Мелли будет повторять такие выходки при всяком удобном случае.

Однако он покрылся испариной:

— Так, Мелли…

— Могу сама открыть, если хочешь. — Прислонившись к полке с напитками, Мелли разглядывала письмо.

Кто-то потребовал очередную кружку эля, но трактирщица отмахнулась, да и вид у красноносого мужика был такой, что еще одна кружка явно стала бы лишней. Трактир Мелли пользовался немалой популярностью, и посетителей обслуживало полдюжины подавальщиц. Рано или поздно одна из девушек подойдет и к этому забулдыге.

— Могу открыть, — посмотрела Мелли на Мэта, — и рассказать, что в нем написано.

Кровь и пепел! В таком случае у Мэта, как ни вертись, не будет выбора: придется сделать все, о чем говорится в растреклятом письме — что бы в нем ни значилось! А ему всего-то и надо

подождать несколько недель, а потом он обретет свободу. Подождать каких-то несколько недель? Это запросто.

— Нет, не пойдет, — отказался Мэт. Но Мелли уже сунула большой палец между бумажных складок, готовясь сломать печать, и Мэт распрямился. — Мне все равно придется сделать, что там написано. Так, Мелли, не надо. Осторожнее!

Она улыбнулась, глядя на Мэта. Ее трактир «Семицветка» считался одним из лучших в западной части Кэймлина: здесь подавали крепкий и вкусный эль, при желании можно было сыграть в кости, и в зале не видели ни единой крысы — должно быть, они опасались конфликтовать с Мелли. О Свет! Эта девица запросто могла вогнать человека в такую краску, что, того и гляди, бакенбарды со щек отвалятся.

— Ты так и не сказал, от кого это письмо. — Мелли продолжала вертеть его в руках. — От любовницы, да? Что, поймали тебя на крючок?

Насчет крючка она была права, но слово «любовница» в отношении Верин звучало так нелепо, что Мэт даже рассмеялся. Целовать Верин — все равно что миловаться со львицей, и из этой парочки Мэт предпочел бы львицу: меньше шансов, что укусит.

— Я дал клятву, Мелли, — сказал он, стараясь не выказывать волнения. — Так что не вздумай распечатать письмо.

— А я никакой клятвы не давала, — возразила трактирщица. — Поэтому могу и прочитать, но о содержании рассказывать не стану. Разве что дам пару намеков, чтоб ты не раскисал.

Мелли смотрела на него, сложив пухлые губы в улыбку. Да, и впрямь симпатичная. Конечно, не Туон с ее прекрасной кожей и огромными глазами, но все равно симпатичная, а губы… губы особенно хороши. Как человек женатый, Мэт не имел права глазеть на эти губы, но все же ответил трактирщице своей лучшей улыбкой: на сей раз выбора не было, пусть даже эта улыбка разобьет сердце Мелли. Нельзя, чтобы она распечатала письмо.

— И все равно, Мелли, — обворожительно промурлыкал Мэт, — если откроешь письмо, а я не сделаю того, что в нем велено, моя клятва будет стоить не больше, чем кухонные помои. — Он вздохнул, понимая, что существует лишь один способ вернуть письмо. — Это письмо передала мне Айз Седай. Ты же не хочешь прогневить Айз Седай, Мелли? Или хочешь?

— Айз Седай? — переспросила трактирщица с

неожиданным пылом в голосе. — Сколько себя помню, я всегда хотела попасть в Тар Валон и узнать, не примут ли меня. — И она с намного большим любопытством посмотрела на письмо.

О Свет! Похоже, у этой Мелли не все дома. А Мэт еще считал ее здравомыслящей женщиной… Ага, как же. Он еще сильнее вспотел. Может, выхватить у нее это письмо? Мелли стояла так близко…

Она положила письмо на стойку, придерживая его одним пальцем, который упирался в самый центр восковой печати, и заявила:

— Ты познакомишь меня с этой Айз Седай, когда снова с ней встретишься.

— Если это случится, пока я в Кэймлине, — сказал Мэт, — познакомлю. Честное слово.

— И что, твоим обещаниям можно верить?

— Проклятье! — возмущенно воззрился на нее Мэт. — К чему этот разговор, Мелли?

Она рассмеялась и ушла обслуживать редкозубого мужика, все еще требовавшего очередную кружку эля. Письмо осталось на стойке. Мэт цапнул его и аккуратно спрятал в карман куртки. Проклятая женщина. Единственный способ сохранить свободу, не влипнув в паутину Айз Седай, — никогда не распечатывать это письмо.

Хотя о какой свободе речь? Мэт и без того уже запутался в интригах Айз Седай, так и крутившихся вокруг него. Увяз по самую макушку. Хотя напрашиваться на новые неприятности стал бы лишь человек с опилками вместо мозгов.

Мэт со вздохом развернулся к залу. Трактир оккупировала разношерстная публика. В эти дни Кэймлин трещал по швам — город был набит под завязку, как брюхо рыбы-льва на месте кораблекрушения, — и трактиры с тавернами отбою не знали от посетителей. Несколько фермеров в робах с обтрепанными воротниками увлеченно бросали кости. Мэт уже сгонял с ними игру-другую, после чего заплатил их деньгами за свою выпивку, но он терпеть не мог играть на медяки.

Широколицый мужчина в углу продолжал пить — рядом с ним стояло штук четырнадцать пустых кружек, — а приятели подзуживали: дескать, не останавливайся. Отдельно от других расположилась компания аристократов, и Мэт подумал было, не предложить ли им партейку в кости, но у благородных господ были такие лица, что к их столику и медведь не подошел бы. Похоже, эти ребята ошиблись с выбором стороны в войне за престолонаследие.

На Мэте был черная куртка с кружевными ман-

жетами. Самые скромные кружева и никакого шитья. Свою широкополую шляпу он неохотно оставил в лагере. За последние несколько дней подбородок зарос щетиной и зудел так, словно в ней завелись блохи. С этой небритостью Мэт выглядел как последний дурак, зато узнать его теперь было не так-то просто. Когда твой портрет имеется у каждого городского разбойника, лучше не рисковать. Вот бы разок извлечь пользу из того, что ты — та'верен, хотя рассчитывать на подобное не стоит. По мнению Мэта, нет ничего хорошего в том, чтобы быть та'вереном.

Свой шарф он повязал пониже и спрятал под высоким воротом куртки, застегнув ее на все пуговицы. Мэт был вполне уверен, что однажды уже умер, и снова умирать ему совершенно не хотелось.

Мимо прошла девушка-подавальщица — стройная, крутобедрая, с распущенными черными волосами. Мэт отсел в сторонку, чтобы у пустой кружки сделался одинокий вид. Заметив ее, служанка улыбнулась, подошла подлить эля, и Мэт вознаградил ее широкой улыбкой и медной монеткой. Теперь он, как человек женатый, не имел права обольщать красоток, но никто не запрещал подбирать пару для друзей. Возможно, эта девуш-

ка понравилась бы Тому. Может, хоть повеселел бы. Мэт хорошенько запомнил лицо служанки, чтобы при случае узнать ее снова, и принялся потягивать эль, не переставая ощупывать в кармане письмо. О содержании письма он не думал. Стоит погрузиться в такие мысли, и ты уже в шаге от того, чтобы сорвать восковую печать. Отчасти Мэт напоминал себе мышь, сидящую у мышеловки с заплесневелым сыром. Не нужен ему этот сыр. Пусть себе гниет.

Наверняка в письме содержится приказ сделать что-то опасное. И сомнительное. Айз Седай обожают насмехаться над мужчинами. О Свет! Мэт надеялся, что Верин не оставила в послании поручение вызволить кого-то из беды. Будь оно так, сделала бы все сама.

Он вздохнул и сделал долгий глоток. Пьянчуга в углу наконец свалился с табурета. Шестнадцать кружек. Неплохо, хотя Мэт ставил на семнадцать. Что ж, почти угадал, и ему что-то да причитается. Он отставил свой эль, выложил на стойку несколько монет, на прощание кивнул Мелли и забрал выигрыш у длиннопалого парня, сидевшего за одним столиком с выпивохой, после чего взял с подставки у двери свой посох и направился к выходу.

Вышибала по имени Берг — любому при взгляде на такую уродливую рожу стало бы дурно — смерил Мэта взглядом. Этот громила его недолюбливал. Судя по тому, как он зыркал на Мелли, Берг подозревал, что Мэт подкатывает к его подруге, хотя тот четко и ясно объяснил ему, что женат и такие развлечения остались в прошлом. Однако некоторым ревнивцам хоть кол на голове теши.

Даже в столь поздний час на улицах Кэймлина было людно. После недавнего дождя на мостовой собрались лужицы, хотя тучи ушли и небо стало на удивление ясным. Мэт шагал по улице на север, в еще один знакомый трактир, где играли в кости на серебро и золото. Сегодня у него не было особых дел: надо было лишь послушать, о чем толкуют люди, и проникнуться духом Кэймлина. С тех пор как Мэт был здесь в прошлый раз, многое изменилось.

По пути он ловил себя на том, что постоянно оглядывается через плечо. Эти треклятые рисунки действовали ему на нервы, а многие из прохожих казались подозрительными. Мимо проплелись несколько мурандийцев — на вид такие пьяные, что высеки кресалом искру, и они задышат огнем. Мэт посторонился. После того, что

случилось с ним в Хиндерстапе, осторожность не помешает. О Свет! Слыхал он истории, как на людей нападают сами булыжники из мостовой! А если нельзя доверять каменным плитам, по которым ступаешь, — чему вообще можно доверять?

Наконец он добрался до нужного трактира — оживленного местечка под вывеской «Дыхание мертвеца». У входа, похлопывая толстыми дубинками по внушительным ладоням, стояли двое крепышей. В такие времена трактиры не экономят на охране. Придется Мэту сдерживать себя и не слишком-то выигрывать. Трактирщики и содержатели таверн не приветствуют мордобой в зале, а потому недолюбливают слишком удачливых игроков. Если только счастливчик не спускает выигрыш на еду и питье: в таком случае — большое тебе спасибо, выигрывай на здоровье.

В общем зале здесь было потемнее, чем в «Семицветке». Посетители горбились над игрой или выпивкой. Еды почти не подавали — на столах Мэт заметил только крепкие напитки, — а шляпки гвоздей, торчащих из барной стойки примерно на полдюйма, царапали посетителям руки. Мэт решил, что эти гвозди замышляют побег.

Трактирщик по имени Бернхэрд был сально-

волосым тайренцем с таким узким ртом, будто по ошибке проглотил свои губы. От него несло редиской, и Мэт ни разу не видел его улыбки — даже когда Бернхэрду перепадали чаевые, а ведь за пару мелких монет едва ли не любой трактирщик улыбнется и самому Темному.

Мэт не любил играть и выпивать в заведениях, где надо держаться за кошель, но сегодня вечером он намеревался сорвать хороший куш. Повсюду стучали игральные кости, звенели монеты, и он почувствовал себя как дома, хотя кружева на манжетах привлекли несколько нежелательных взглядов. Почему он так привязался к этой куртке? Как вернется в лагерь, надо бы попросить Лопина, чтобы срезал кружева с манжет. Не все, конечно. Некоторые. Может быть.

За дальним столиком играли четверо: трое мужчин и женщина в штанах. Мэт приметил ее короткие золотистые волосы и приятные глаза. Не для себя, конечно. Для Тома. Тем более у нее была налитая грудь, а в последнее время Мэт ловил себя на мысли, что ему нравятся более скромные пропорции.

Через несколько минут Мэт, слегка успокоившись, уже бросал кости в этой компании. Кошель, однако, держал под присмотром, положив его на

пол прямо перед собой. Вскоре рядом с кошелем выросла кучка монет. В основном серебряных. Мэт снова метнул кости, а один из мужчин обратился к приятелям:

— Слыхали, что было в «Лужке коновала»? Жуть какая.

Говоривший, рослый парень с крысиной физиономией — казалось, ее прищемили дверью, да не один раз, а несколько, — представился Догонялой. Говорящее прозвище, подумал Мэт. Наверное, этот Догоняла только и делает, что гоняется за девицами — а те разбегаются, едва завидев его лицо.

— А что там было? — спросила златовласая Клэр, и Мэт не поскупился на улыбку. Ему нечасто доводилось играть в кости с женщинами. Почти все они считали такое развлечение вульгарным, хотя охотно принимали от него купленные на выигрыш подарки. Да и вообще, играть с женщинами в кости нечестно: от улыбки Мэта у них страшно колотится сердце и слабеют колени. Но Мэт больше не улыбался девушкам такой улыбкой. К тому же Клэр ни разу не улыбнулась ему в ответ.

— Джоудри, — объяснил Догоняла, пока Мэт тряс стаканчик с костями. — Утром нашли его

мертвым. Горла как не бывало, а из тела вся кровь вытекла, как вино из дырявого бурдюка.

— Чего? — Мэт так оторопел, что забыл проследить за броском. — Ну-ка, повтори.

— Что тут повторять? — удивился Догоняла, глядя на Мэта. — Джоудри был наш знакомый. Две кроны мне должен остался.

— Тело было обескровлено? — спросил Мэт. — Точно? Сам видел?

— Что? — поморщился Догоняла. — Кровь и пепел, парень, в своем ли ты уме?

— Я…

— Догоняла! — окликнула Клэр. — Глянь-ка.

Рослый опустил глаза, и Мэт последовал его примеру. Брошенные им кости — все три — приземлились и замерли на углах. О Свет! Мэту доводилось подбрасывать монетку так, что она вставала на ребро, но вот такой фокус с костями он видел впервые.

И вдруг в голове у него загрохотали игральные кости, и Мэт чуть до потолка не подскочил. «Кровь и треклятый пепел!» Когда в голове гремят кости, ничего хорошего не жди, и этот звук утихнет не раньше, чем что-то случится — нечто такое, что, как правило, сулит крайне неблагоприятный поворот в жизни бедняги Мэтрима

Коутона.

— Ни разу, ни разу не видел… — начал было Догоняла.

— Будем считать, что я проиграл, — перебил его Мэт, расстался с несколькими монетами, а остальной выигрыш сгреб в ладонь.

— Что тебе известно про нашего Джоудри? — осведомилась Клэр.

Она уже тянулась к поясному ремню. Глядя в ее свирепые глаза, Мэт готов был поставить золото против медяков, что сейчас она выхватит нож.

— Ничего, — ответил Мэт. «Ничего, и в то же время слишком много». — Прошу меня извинить.

Торопливо покидая таверну, он заметил, как толсторукий громила, один из стоявших у входа, говорит что-то трактирщику Бернхэрду и показывает ему листок бумаги. Что на нем, Мэт не видел, но без труда догадался, что в руке у громилы его портрет.

Он выругался, выскочил на улицу, нырнул в первый попавшийся переулок и перешел на бег.

Итак, за ним охотятся Отрекшиеся, в кармане у каждого городского бандита имеется портрет с его физиономией, и где-то неподалеку нашли обескровленный труп. Вывод может быть толь-

ко один: в Кэймлине объявился *голам*. Причем оказался он тут невероятно быстро. Да, Мэт собственными глазами видел, как эта тварь протискивается в отверстие шириной чуть меньше двух пядей. Похоже, она не умела отличать возможное от невозможного.

«Кровь и растреклятый пепел», — думал он, втянув голову в плечи. Надо забрать Тома и вернуться в лагерь, разбитый Отрядом на окраине города. Мэт припустил по темной и скользкой от дождя улице. В камнях мостовой отражался свет масляных фонарей. Илэйн приказала, чтобы ночами на Королевской аллее было светло.

Мэт отправил ей весточку, но ответа не получил. Такая вот благодарность. По его подсчетам, Мэт дважды спас ей жизнь, и уже после первого раза Илэйн должна была разреветься и полезть к нему с поцелуями — ан нет, даже в щеку не чмокнула. Да и на кой сдались ему эти поцелуи? Тем более от особы королевских кровей. Нет уж, лучше не надо.

«Ты, так тебя растак, женат на высокородной шончанке, — подумал он. — Растреклятой дочери самой императрицы». Ну и как теперь избежать общения с членами королевской семьи? Правильно, никак. Но Туон хотя бы красивая. И в камни

отменно играет. И любит поговорить. И чувство юмора у нее хорошее. Пусть даже то и дело ставит ему палки в колеса…

Нет. Не надо сейчас думать о Туон.

Как бы то ни было, ответа от Илэйн он не получил. Надо быть понастойчивее. Дело уже не только в Алудре и ее драконах: в городе объявился треклятый голам!

Сунув руки в карманы куртки, Мэт вышел на оживленный проспект. Из-за поспешного бегства его дорожный посох остался в «Дыхании мертвеца». Мэт ругнулся себе под нос. Предполагалось же, что он будет проводить дни в праздности, вечерами играть в кости в лучших тавернах, а утром спать допоздна, дожидаясь, пока не пройдут оговоренные Верин тридцать дней. А тут такое.

Он давно уже хотел поквитаться с голамом. Мало того что, рыская по Эбу Дар, эта тварь поубивала ни в чем не повинных людей: Мэт прекрасно помнил и Налесина, и пятерых «красноруких», тоже расставшихся с жизнью. Кровь и пепел, голаму есть за что ответить — даже если не вспоминать, что он забрал жизнь Тайлин.

Вынув руку из кармана, Мэт коснулся медальона в виде лисьей головы, всегда висевшего

на груди. Устал он бегать от этого монстра. Под перестук игральных костей в голове у него начал зарождаться план. Мэт пытался прогнать из сознания образ связанной его собственными руками королевы с оторванной головой. Было бы столько крови… Свежей крови, которой питается голам.

Мэта передернуло, и, подходя к городским воротам, он сунул руку обратно в карман. Несмотря на темноту, его глаза отыскали признаки разыгравшейся здесь схватки: наконечник стрелы в двери здания слева от него и темное пятно под окном караулки. Здесь погиб человек. Наверное, высунулся в окошко с арбалетом, получил стрелу, завалился на подоконник и залил своей кровушкой всю деревянную стену.

Теперь же осада закончилась, и на трон взошла новая, правильная королева. Мэт вспомнил, что в кои-то веки ухитрился пропустить битву, и его настроение слегка улучшилось: борьба за Львиный трон обернулась целой войной, но при этом ни одна стрела, ни один клинок, ни одно копье не были нацелены в сердце Мэтрима Коутона.

Он свернул направо и пошел вдоль городской стены, с внутренней ее стороны. Здесь было множество гостиниц. У городских ворот всегда полно

постоялых дворов — не самых лучших, но почти всегда самых прибыльных.

Из дверей и окон на дорогу выплескивались лужицы золотистого света, а переулки полнились темными силуэтами — за исключением улочек возле тех гостиниц, где наняли охрану отгонять бедноту. Кэймлин переживал не лучшие времена: приток беженцев, недавнее сражение и… все такое прочее. Множество историй о ходячих мертвецах, о еде, портящейся чуть ли не на глазах, о том, как беленые стены вдруг покрываются сажей.

Гостиница, в которой решил выступить Том, представляла собой здание с крутой скатной крышей, кирпичным фасадом и вывеской с изображением двух яблок: одно, красное, было нетронутым, а от другого остался совершенно белый огрызок. Красный и белый, цвета андорского флага. Заведение «Два яблока» было из тех, что поприличнее.

Еще с улицы Мэт услышал музыку, а когда вошел, увидел Тома: тот, обрядившись в лоскутный плащ менестреля, сидел на невысоком помосте у дальней стены общего зала и наигрывал на флейте. Глаза его были закрыты, а длинные усы поникли по обе стороны от мундштука. Он играл

западающую в память мелодию «Свадьба Синни Вейд». Когда Мэт разучивал эту песню, она называлась «Не ошибись, выбирая коня», и до сих пор ему непривычно было слышать ее исполнение в столь медленном темпе.

На полу перед Томом были рассыпаны монеты — не очень много. В этой гостинице ему позволяли получать за выступление деньги от посетителей. Мэт прислонился к стене возле дверей и стал слушать музыку. Никто не говорил ни слова, хотя в общий зал набилось столько народу, что Мэт мог бы укомплектовать собравшимися тут людьми полроты солдат. Все взгляды были прикованы к Тому.

Мэт уже повидал мир, истоптал немало дорог на своих двоих, едва не лишился жизни в десятке городов, побывал во всевозможных гостиницах. Он слышал бардов, менестрелей и прочих музыкантов, но по сравнению с Томом все они не особо отличались от детей, стучащих палками по кастрюлям.

Флейта — незамысловатый инструмент. Многие аристократы предпочли бы слушать арфу. В Эбу Дар один малый сказал Мэту, что арфа звучит «величественнее», но услышь он, как Том играет на флейте, уронил бы челюсть и сделал

круглые глаза. В руках Тома флейта становилась продолжением его души. Негромкие трели, минорные пассажи, мощные долгие ферматы… Мелодия скорбная, будто погребальная песнь. Кого же оплакивает Том?

Публика смотрела на менестреля. Понятно, что Кэймлин — один из крупнейших городов мира, но здешнее разнообразие лиц казалось невероятным. Грубоватые иллианцы сидели бок о бок с учтивыми доманийцами, хитрыми кайриэнцами и решительными тайренцами. Все это разношерстье было приправлено щепоткой уроженцев Пограничных земель. Кэймлин считался одним из немногих мест, где можно не бояться ни шончан, ни Дракона. И еще тут была какая-никакая еда.

Том доиграл мелодию и, не открывая глаз, начал следующую. Мэт вздохнул. Ему страшно не хотелось прерывать выступление, но пришла пора возвращаться в лагерь. Надо было поговорить о голаме, и еще Мэту нужно было найти способ связаться с Илэйн. Быть может, Том согласится отправиться во дворец и от лица Мэта поговорить с ней.

Мэт кивнул хозяйке гостиницы, и та, сверкнув круглыми сережками, кивнула ему в ответ. Эта

пышная брюнетка по имени Бромас была чуть старовата на его вкус, но Тайлин-то тоже была в ее возрасте. Надо бы иметь эту женщину в виду. Разумеется, для кого-то из Мэтовых людей. Скажем, для Ванина.

Мэт подошел к сцене и начал собирать монетки. Он даст Тому доиграть, а затем…

Что-то вдруг дернуло Мэта за руку. Оказалось, рукав его куртки был теперь пришпилен к возвышению, и тонкий клинок, пронзив манжету, слегка подрагивал. Мэт взглянул на Тома. Тот поднял руку к флейте и продолжил играть, хотя приоткрыл глаз, прежде чем метнуть кинжал, а теперь улыбался, обняв губами мундштук флейты.

Мэт хмыкнул, высвободил рукав и стал ждать, пока Том не закончит мелодию — уже не такую страдальческую, как предыдущая. Наконец долговязый менестрель опустил флейту, и зал разразился аплодисментами.

— Чтоб тебе сгореть, Том, — хмуро глянул на него Мэт. — Эта куртка — одна из моих любимых!

— Скажи спасибо, что я не целил в руку, — возразил Том, вытирая флейту и кивая благодарным зрителям. Те криками и аплодисментами про-

сили продолжения, но менестрель печально покачал головой и спрятал флейту в футляр.

— Лучше бы и правда в руку попал. — Мэт просунул палец сквозь прорези в манжете. — На черной ткани кровь почти незаметна, а штопка будет бросаться в глаза. Да, у тебя на плаще сплошные заплатки, но это не значит, что я должен ходить в таком же рванье.

— Вот и говори теперь, что ты не лорд. — Том наклонился, чтобы собрать заработанные монеты.

— Никакой я не лорд! — огрызнулся Мэт. — Чтоб тебе сгореть! Хватит припоминать слова Туон. Я что, похож на проклятого аристократа?

— Слышал когда-нибудь, как фермер жалуется, что штопка будет бросаться в глаза?

— Чтобы прилично одеваться, совсем необязательно быть лордом, — проворчал Мэт.

— Ну извини, Мэт, — рассмеялся Том, хлопнул юношу по спине и спрыгнул со сцены. — Я действовал машинально. Не признал тебя, пока не увидел, что за лицо у обладателя этой руки, а к тому времени нож уже отправился в полет.

— Том, — тяжело вздохнул Мэт, — в городе объявился наш старый друг. Тот, кто оставляет после себя трупы с вырванным горлом.

— Во время перерыва слыхал об этом от каких-

то гвардейцев, — с озабоченным видом кивнул Том. — А мы застряли здесь, если только не надумаешь…

— Нет, не стану я распечатывать письмо, — отказался Мэт. — Мало ли, вдруг Верин приказала мне ползти на четвереньках до самого Фалме? И никуда не денешься, придется выполнять! Знаю, ты ненавидишь проволочки, но это письмо может задержать нас куда сильнее.

Том неохотно кивнул.

— Пойдем-ка обратно в лагерь, — сказал Мэт.

* * *

Отряд стоял лагерем в лиге от Кэймлина. Чтобы не вызывать лишних подозрений, Том с Мэтом пришли в город пешком. К тому же Мэт не хотел отправляться в город с лошадьми, пока не найдет вызывающую доверие конюшню. Хороший конь стоил баснословных денег. Мэт надеялся, что за пределами занятых шончан земель цены остались прежними, но оказалось, что армия Илэйн скупает всех лучших лошадей — и не самых лучших тоже. А еще до Мэта доходили слухи, что в последнее время лошадям свойственно исчезать. Мясо есть мясо, и даже в Кэймлине люди голодают. И это не преувеличение. От таких мыслей

у Мэта мороз шел по коже.

По пути разговор зашел о голаме, но решили только, что всем надо смотреть в оба, а Мэту отныне придется ночевать в разных палатках.

С вершины холма Мэт оглянулся на Кэймлин, залитый огнями факелов и масляных светильников. Эта иллюминация висела над городом, будто туман, подсвечивая его башни и величественные шпили, и в памяти Мэта всколыхнулись древние воспоминания об этом городе — о том, как его брали приступом в те времена, когда еще не существовало государства под названием Андор. Кэймлин никогда не сдавался без тяжелого боя, и тем Домам, что пытались отнять его у Илэйн, теперь не позавидуешь.

— Помнишь, как мы уходили отсюда в прошлый раз? — подступил к нему Том. — Такое чувство, что с тех пор прошла целая вечность, да?

— Чтоб мне сгореть, если это не так, — кивнул Мэт. — И с чего мы решили отправиться вдогонку за этими глупыми девчонками? В следующий раз пусть сами спасаются.

— Разве мы не собираемся сделать то же самое? — взглянул на него Том. — Когда придем в Башню Генджей?

— Это другое. Нельзя, чтобы она осталась в

башне. Эти змеи и лисицы…

— Только не подумай, что я жалуюсь, Мэт, — сказал Том. — Просто думаю вслух.

В последнее время Том, похоже, много размышлял. Ходил с кислым видом и не расставался с обтрепанным письмом Морейн. Хотя это всего лишь письмо.

— Пойдем, — вернулся на дорогу Мэт. — Ты вроде как говорил, каким образом проберешься на встречу с королевой?

— Ничего удивительного, что она не ответила, Мэт, — сказал Том, шагая рядом по темной дороге. — У нее, наверное, дел выше головы. Говорят, в Пограничные земли вторглись в большом числе троллоки, да и Андор еще не воссоединился до конца после Наследования. Илэйн…

— А хорошие новости у тебя есть, Том? — спросил Мэт. — Если есть, выкладывай. Хочется узнать что-нибудь приятное.

— Жаль, что закрылось «Благословение королевы». У Гилла всегда было чем поживиться.

— Хорошие новости, — снова напомнил Мэт.

— Ну ладно. В общем, Башня Генджей находится именно там, где и указал Домон. Его слова подтвердили капитаны трех других кораблей. Она стоит за открытой равниной в нескольких

сотнях миль к северо-западу от Беломостья.

Мэт кивнул и потер подбородок. Ему вроде как припомнилась эта башня — неестественная серебристая конструкция где-то вдалеке. Лодка, плеск воды у бортов корабля. Густой иллианский акцент Байла Домона…

Образы были смутными: в воспоминаниях Мэта о том времени имелось больше пробелов, чем в каком-нибудь из оправданий Джори Конгара. Байл Домон сумел объяснить, как найти башню, но Мэту требовалось подтверждение его словам. Домон так кланялся и расшаркивался перед Лильвин, что смотреть противно, и эти двое не выказывали особой любви к Мэту, хоть он и спас им жизнь. Да и от Лильвин ему никакой любви не хочется. Целовать ее было бы не приятнее, чем облизывать кору каменного дуба.

— Думаешь, описания Домона хватит, чтобы нам сумели открыть переходные врата, которые выведут туда? — спросил Мэт.

— Не знаю, — ответил Том. — Однако склонен полагать, что это не первостепенный вопрос. Где мы найдем того, кто откроет эти самые врата? Верин-то исчезла.

— Что-нибудь придумаю.

— А если не придумаешь, на дорогу уйдет не

пара дней, а несколько недель, — напомнил Том. — Не нравится мне…

— Врата я устрою, — твердо сказал Мэт. — Может, Верин вернется и освободит меня от этой проклятой клятвы.

— Лучше бы не вернулась, — заметил Том. — Не доверяю я этой Верин. Что-то с ней не так.

— Она Айз Седай, — возразил Мэт. — С любой из них что-то не так. Они как игральные кости, на которых очки не сходятся. Но, если сравнивать с другими Айз Седай, Верин мне даже нравится. Сам знаешь, я неплохо разбираюсь в людях.

Том приподнял бровь. Мэт ответил ему сердитым взглядом.

— Так или иначе, — заметил Том, — впредь не надо бы тебе ходить в город без охраны.

— Против голама охрана бесполезна.

— Согласен, но ты же помнишь, как три дня назад по пути в лагерь на тебя напали разбойники?

Мэт поежился:

— Это были нормальные, честные воры. Им нужен был только мой кошель, что вполне естественно. В карманах у них моего портрета не обнаружилось. И не похоже, чтобы они были под властью Темного: что им, к примеру, было велено рехнуться на закате или еще что-то в этом духе.

— И тем не менее, — сказал Том.

Спорить Мэт не стал. Чтоб ему сгореть! Наверное, и правда пора брать с собой солдат. Хотя бы пару-тройку «красноруких».

Лагерь был уже близко. Один из секретарей Илэйн, человек по имени Норри, разрешил Отряду остановиться совсем рядом с Кэймлином, хотя пришлось дать обещание, что ежедневно в город будут уходить не больше сотни человек, а лагерь разобьют не меньше чем в лиге от городских стен, но не в деревне и не на чьем-то фермерском участке.

Судя по разговору с тем писцом, Илэйн знала, что Мэт здесь. Не могла не знать. Но не прислала ни приветственной грамоты, ни благодарности за то, что Мэт спас ее шкуру.

За поворотом дороги фонарь Тома высветил группу «красноруких», прохлаждавшихся на обочине. Командовавший ими сержант по имени Гуфрин встал и отсалютовал. Это был крепкий широкоплечий парень, не самый смышленый, но весьма наблюдательный.

— Лорд Мэт! — воскликнул он.

— Какие новости, Гуфрин? — спросил Мэт.

— Ну, — ответил по размышлении сержант, — думаю, вы захотите кое о чем узнать. — (О Свет!

Да он говорит медленнее, чем подвыпивший шончанин.) — В лагерь вернулись Айз Седай. Сегодня, пока вас не было, милорд.

— Все три? — уточнил Мэт.

— Да, милорд.

Мэт вздохнул. Если у него и оставались надежды на более или менее приличное окончание этого вечера, теперь они растаяли. Мэт рассчитывал, что Айз Седай еще несколько дней пробудут в городе.

Они с Томом свернули с дороги на тропинку через поле, заросшее нож-травой и черноосинной крапивой. Под ногами похрустывали сорняки. Фонарь Тома подсвечивал побуревшие стебли. С одной стороны, приятно было вновь оказаться в Андоре — его рощи болотных миртов и кислокамедников напоминали Мэту о родных краях, — но вид омертвелой природы не навевал ничего, кроме уныния.

Как же быть с Илэйн? С женщинами договариваться непросто, с Айз Седай — еще труднее, а с королевой — почти невозможно. Илэйн же, чтоб ей сгореть, была и женщиной, и Айз Седай, и королевой. Как же Мэт сумеет убедить ее передать ему литейные мастерские? Предложение Верин он принял отчасти из надежды, что по-

быстрее окажется в Андоре и начнет работу над изготовлением драконов Алудры!

Впереди, на нескольких приземистых холмиках, окружавших холм повыше, расположился лагерь Отряда. Теперь, когда силы Мэта встретились с Истином и остальными, ушедшими в Андор чуть раньше, Отряд Красной руки вновь стал единым целым. Повсюду горели костры; разжиться дровами — не проблема, если повсюду полно валежника. В воздухе висел дым, и Мэт слышал, как переговариваются и перекрикиваются его люди. Было не так поздно, и Мэт не настаивал на соблюдении комендантского часа. Раз уж ему не до веселья, пусть отдыхают и развлекаются хотя бы его люди. Быть может, это их последний шанс перед Последней битвой.

«Троллоки в Пограничных землях… — думал Мэт. — Нам нужны эти драконы. И чем скорее, тем лучше».

Обменявшись приветствиями с парой караульных, он расстался с Томом и решил, что пора бы на боковую — утро вечера мудренее, — а заодно отметил, что в лагере напрашиваются некоторые изменения. Холмы располагались так, что легкая кавалерия при атаке могла бы промчаться по своеобразному коридору меж склонов: тактика

отъявленных храбрецов, но давным-давно, еще в старой Кореманде, Мэт провернул такой трюк во время битвы в Марисинской долине — вернее, не сам Мэт, а кто-то из тех его древних воспоминаний.

Мало-помалу он принимал эти воспоминания как свои собственные. Мэт их не просил — что бы там ни заявляли те проклятые лисы, — но заплатил за эту память шрамом на шее. К тому же не раз и не два эти воспоминания оказывались весьма полезны.

В конце концов он добрался до своей палатки, собираясь сменить нижнее белье, а потом уже искать местечко для ночлега, но тут услышал женский голос:

— Мэтрим Коутон!

«Кровь и пепел! Почти успел». Он нехотя обернулся.

Теслин Барадон не была красавицей, но вполне сошла бы за чайное дерево — с ее-то костлявыми пальцами, узкими плечами и вытянутым лицом. На ней было красное платье, и за последние недели ее глаза утратили почти всю нервозную робость, свойственную ей в бытность дамани. Теперь у нее был такой пристальный взгляд, что Теслин могла бы выиграть в гляделки у столба.

— Мэтрим Коутон, — повторила Теслин, подходя к нему. — Мне необходимо будет поговорить с тобой.

— Ну, как вижу, мы уже разговариваем. — Мэт убрал руку с входного клапана палатки.

Вопреки здравому смыслу, Теслин даже немного нравилась ему, но приглашать ее в палатку он не собирался. Это все равно что впустить лису в курятник — и не важно, насколько теплые чувства вы питаете к этой лисе.

— Потому что это необходимо, — ответила Теслин. — Ты слышал новости о Белой Башне?

— Новости? — переспросил Мэт. — Нет, новостей не слышал. Но слухами мне все уши прожужжали. Некоторые говорят о воссоединении Белой Башни — наверное, об этом ты и хотела рассказать. Другие же утверждают, что там по-прежнему идет война. И что Амерлин сражалась вместо Ранда в Последней битве. И что Айз Седай решили нарожать детей и вырастить из них целую армию солдат. И что на Белую Башню напали летающие чудовища — хотя это, наверное, просто байки о залетевших с юга *ракенах*. Но думаю, рассказы про Айз Седай и армию младенцев звучат вполне правдоподобно.

За эту тираду Теслин вознаградила его ничего

не выражающим, но оттого не менее пристальным взглядом. Мэт глаз не отвел. Отец всегда говорил, что Мэт, так его растак, будет поупрямее лесного пня. Приятно вспомнить.

Удивительно, но Теслин вздохнула, и лицо ее смягчилось:

— Ты, вне всякого сомнения, имеешь право на скептический настрой. Но эти новости нельзя игнорировать. Вернуться хочет даже Эдесина, по глупости вставшая на сторону мятежниц. Утром мы собираемся уйти. Поскольку за тобой замечена привычка спать допоздна, я решила зайти вечером. Чтобы поблагодарить.

— Чтобы… что?

— Поблагодарить, мастер Коутон, — холодно сказала Теслин. — В этом путешествии всем нам пришлось несладко. Бывали… напряженные моменты. Не могу сказать, что согласна со всеми твоими решениями. Но это не отменяет факта, что без твоей помощи я до сих пор оставалась бы в руках шончан. — Она содрогнулась. — В мгновения уверенности в себе я притворяюсь, что смогла бы противостоять им. Что рано или поздно сбежала бы сама. Ты же не станешь спорить, что иной раз важно питать хоть какие-то иллюзии?

— Наверное, не стану, — потер подбородок Мэт. — Нет, не стану.

Как ни странно, Теслин протянула ему руку:

— Случись тебе прийти в Белую Башню, Мэтрим Коутон, помни, что некоторые из тамошних женщин перед тобой в долгу. Я ничего не забываю.

Мэт пожал ее ладонь — на ощупь такую же костлявую, как и на вид, но теплее, чем он ожидал. У многих Айз Седай в жилах не кровь, а лед, это уж точно, но некоторые не так уж плохи.

Теслин кивнула ему — не абы как, а с уважением. Почти что поклонилась. Потрясенный, будто кто-то выбил почву у него из-под ног, Мэт выпустил ее руку, и Теслин повернулась, собираясь вернуться к своей палатке.

— Вам понадобятся лошади, — сказал он. — Если не уйдете и дождетесь, пока я встану, устрою вам лошадей. И немного съестных припасов. Это не дело, если по пути к Тар Валону вы умрете от голода. Сами видели, что в деревнях нет лишней еды.

— Ты же говорил Джолин…

— Я пересчитал своих коней и коней Отряда, — перебил ее Мэт. Игральные кости, чтоб им сгореть, по-прежнему грохотали у него в го-

лове. — Оказалось, у нас есть лишние. Можете забрать.

— Я пришла не для того, чтобы хитростью раздобыть лошадей, — сказала Теслин, — а для того, чтобы выразить сердечную благодарность.

— Я понял, — сказал Мэт и поднял входной клапан палатки. — Потому-то и предложил помощь.

Он шагнул внутрь.

И замер. Этот запах…

Пахло кровью.

Глава 9
Запах крови

Мэт инстинктивно пригнулся, и это быстрое движение спасло ему жизнь: что-то просвистело над головой.

Он отпрыгнул в сторону, угодил рукой во что-то влажное на полу и заголосил:

— Убийство! В лагере убийство! Проклятье, здесь мертвец!

К нему приближались. В палатке было темным-темно, но Мэт услышал какой-то звук, споткнулся, и удача вновь оказалась на его стороне: что-то прошелестело совсем рядом.

Мэт упал на пол, перекатился, вытянул руку. Где-то здесь он оставил…

Вот! Нащупав у соломенной постели длинное

деревянное древко, он вскочил на ноги, вскинул *ашандарей*, развернулся и сделал режущий выпад, но метил не в приближавшуюся фигуру, а в стену палатки.

Ашандарей с легкостью рассек ткань. Не выпуская из руки копья с длинным наконечником, Мэт выскочил из палатки. Другой рукой он схватился за кожаный ремешок на шее — даже поцарапал себя из-за спешки, — вытащил из-под куртки медальон с лисьей головой и юркнул в росший поблизости куст.

Рядом, на пересечении лагерных троп, стоял шест с фонарем. От него исходило слабое свечение, позволившее Мэту увидеть, как из палатки через разрез выскользнула фигура, которую он так боялся встретить. Голам выглядел как стройный рыжеватый блондин с непримечательным лицом. Единственной его отличительной чертой был шрам на щеке.

Предполагалось, что он должен казаться безобидным и не привлекать внимания. Заметив такого в толпе, большинство людей увидит в нем самого обычного человека и второй раз на него и не взглянет — ровно до того момента, пока он не вырвет кому-то горло.

Палатка стояла возле склона холма, к которому

Мэт и отступил, оставляя холм позади себя. Взяв медальон с лисьей головой, он приложил его сбоку к длинному наконечнику и стал быстро приматывать его кожаным ремешком к ашандарею. Он старался поплотнее закрепить медальон, но получалось далеко не идеально, хотя Мэт долго отрабатывал эту манипуляцию. Насколько он знал, ранить голама нельзя ничем, кроме этого медальона. За работой Мэт не переставал звать на помощь. Конечно, солдаты бесполезны против этой твари, но однажды голам проговорился, что ему велено не привлекать лишнего внимания. Возможно, его отпугнет всеобщая суета.

Голам и впрямь замешкался, глянул в сторону лагеря, но снова повернулся к Мэту и шагнул вперед. Его движения были плавными и текучими, как развевающийся по ветру шелк.

— Гордись, — прошептал голам. — Тот, кто мной командует, желает твоей смерти больше, чем чьей-либо другой. Мне приказано игнорировать остальных, покуда не отведаю вкус твоей крови.

В левой руке он держал длинный кинжал. С правой капала кровь. Мэт похолодел. Кого же прикончила эта тварь? Кто еще принял смерть вместо Мэтрима Коутона? В сознании снова

мелькнул образ Тайлин, хотя Мэт так и не увидел ее тела, и сцена существовала лишь в его воображении — к несчастью, чересчур богатом.

То ли под влиянием этой картины, то ли из-за того, что в воздухе пахло кровью, он совершил самый глупый поступок из всех возможных. А именно — бросился в атаку.

Вопя во мраке благим матом, Мэт выскочил из куста и нанес удар ашандареем, но нет на свете существа проворнее голама — он даже не уклонился от клинка, а вытек из-под него, словно вода, и стал кружить вокруг Мэта, будто волк, еле слышно ступая по сухой траве. Затем нанес удар, превратившись в расплывчатое пятно. Отскочив назад — уже в который раз его спас рефлекс, — Мэт едва не запутался в бурьяне, но продолжал размахивать ашандареем. Похоже, тварь опасалась медальона. О Свет! Не будь на копье этой безделушки, Мэт уже кровью истекал бы!

Голам — не существо из плоти и крови, а текучий сгусток тьмы — нанес очередной удар. Отчаянно размахнувшись, Мэт по чистому везению задел противника наконечником ашандарея. Коснувшись руки голама, медальон издал шипение; пахнуло горелым мясом, и тварь отпрянула.

— Зачем ты убил ее? — крикнул Мэт. — Чтоб

ты сгорел! Мог бы оставить ее в живых! Ведь тебе был нужен я, а не она!

Существо лишь ухмыльнулось, демонстрируя жутко-черный провал рта, обрамленный кривыми зубами:

— Птице надо летать, человеку — дышать, мне — убивать.

Он подбирался все ближе, но Мэт понимал, что у врага серьезные неприятности: схватка только началась, а повсюду уже звучали встревоженные возгласы. Еще немного, и сюда сбегутся солдаты. Еще чуть-чуть…

— Чтобы выманить тебя, — шептал голам, — мне велели убить их всех — того усатого мужчину, старика, что помешал мне в прошлый раз, маленькую темнокожую девушку, к которой ты питаешь чувства. Всех этих людей — или тебя, прямо сейчас.

Чтоб ему сгореть, этому голаму! Как эта тварь прознала о Туон? Как? Это невозможно!

От изумления Мэт едва успел вскинуть ашандарей, когда голам кинулся в атаку. Мэт ругнулся, стараясь извернуться, но опоздал. В темноте сверкнул клинок твари, но тут же дернулся и вырвался у него из пальцев, а Мэт почувствовал, как что-то обволакивает его и тянет назад, прочь

от выпадов голама.

Плетение Воздуха. Теслин! С застывшим сосредоточенным лицом она стояла возле палатки Мэта.

— Ты не сумеешь коснуться его плетениями! — крикнул Мэт, когда тесьма Воздуха кое-как оттащила его от голама.

Вздерни его Теслин на достаточную высоту, Мэт остался бы вполне доволен. Но он ни разу не видел, чтобы Айз Седай поднимали человека выше чем на шаг или около того.

Теперь Мэт летел куда-то вбок, а голам устремился вдогонку. Затем между ними промелькнул какой-то крупный предмет, при ближайшем рассмотрении оказавшийся стулом; он разбился о склон холма, когда голам грациозно уклонился от столкновения. Однако тварь тут же отлетела назад, поскольку в нее угодила здоровенная скамья.

Обретя равновесие, Мэт взглянул на Теслин, запустившую в палатку невидимые щупальца Воздуха. «Очень неглупо», — подумал он. Плетениями голама не коснуться, но можно запустить в него чем-нибудь тяжелым.

Но толку-то… Так его не остановить. Однажды Мэт видел, как это существо вытащило нож из

своей груди с равнодушием человека, вынимающего колючку из одежды. Однако теперь сюда бежали солдаты с мечами, щитами и копьями. На ноги встал весь Отряд.

Бросив на Мэта свирепый взгляд, голам метнулся прочь от фонарей, во тьму за пределы лагеря. Мэт крутанулся и застыл на месте: двое «красноруких» с пиками в руках преградили голаму дорогу. Гордеран и Фергин. Оба пережили Эбу Дар.

— Нет! — завопил Мэт. — Пусть…

Слишком поздно. Голам невозмутимо проскользнул меж выставленных пик, стиснул пальцы на горле обоих солдат, крутнул руками, выронил окровавленные шматки плоти и скрылся во тьме, а парни осели на землю.

«Чтоб ты сгорел! — думал Мэт, бросившись следом. — Я тебе кишки выпущу и…»

И тут он замер, вспомнив вдруг о запахе крови.

«Олвер!»

Он ворвался в темную палатку, пропитанную все тем же запахом.

— О Свет! Теслин, можешь?..

За спиной у него зажглась световая сфера, и ее яркости оказалось вполне достаточно, чтобы явить взорам жуткую картину. Лопин, слуга

Мэта, лежал на полу в черной луже крови, а тела Риддема и Уилла Рива — двоих «красноруких», охранявших вход в палатку, — голам уложил на соломенный тюфяк. Как же Мэт не заметил, что их не было на посту? Идиот!

На него нахлынула скорбь. Лопин только-только стал приходить в себя после смерти Налесина… Сожги его Свет, он был хороший человек! Даже не солдат, а простой слуга, довольный тем, что ему есть за кем поухаживать. Подумать только, Мэту еще хватило наглости ворчать на него… Без помощи Лопина ему не удалось бы выскользнуть из Эбу Дар.

И четверо «красноруких», двое из которых пережили Эбу Дар и предыдущее нападение голама.

«Надо было рассказать о нем, — подумал Мэт. — Чтобы каждый в лагере смотрел в оба». Но был ли в этом смысл? Голам выказал себя практически неодолимым существом. Мэт подозревал, что при необходимости эта тварь могла бы вырезать весь Отряд. Этого не позволил ей лишь приказ хозяина не привлекать внимания.

Олвера не было видно, хотя мальчик должен был спать в углу, на своей койке. Рядом с ней, замочив край одеяла, растеклась кровь Лопина. Мэт сделал глубокий вдох и занялся поисками в

оставленном после нападения голама беспорядке, перетряхивая одеяла, заглядывая за походную мебель и трепеща от страха перед тем, что мог найти.

К палатке, сыпля проклятиями, подтянулись новые солдаты. Лагерь приходил в боевую готовность: звучали тревожные сигналы рожков, зажигались фонари, бряцала броня.

Перевернув вверх дном всю палатку, Мэт повернулся к собравшимся у входа солдатам:

— Олвер! Кто-нибудь видел Олвера?

— По-моему, он был у Ноэла, — сказал лопоухий парень по имени Слоун Мэддоу. — Они…

Расталкивая солдат, Мэт выскочил наружу, бросился к палатке Ноэла и едва не налетел на него: седовласый старик, встревоженно озираясь, выходил ему навстречу.

— Где Олвер? — выдохнул Мэт?

— В безопасности, — поморщился Ноэл. — Мы играли в «Змей и лисиц», а потом его сморило прямо на полу, и я накрыл Оливера одеялом. В последние дни он засиживался допоздна, все тебя ждал, вот я и решил его не будить. Надо было сказать, что он у меня. Извини, не хотел тебя пугать.

— Ты еще извиняешься? — Мэт заключил его в объятия. — Проклятье, да ты, дорогой мой чело-

век, жизнь ему спас!

* * *

Часом позже Мэт, Том и Ноэл сидели в скромной палатке Тома под охраной дюжины «краснору-ких». Олвера отправили спать в шатер Теслин. Мальчик не знал — и, хотелось бы верить, никогда не узнает, — что чудом избежал смерти.

Мэт снова надел медальон. Надо будет сменить ремешок — старый совсем изрезался о наконечник ашандарея — и вдобавок сообразить, как понадежнее крепить талисман к копью.

— Том, — тихо сказал он, — голам грозился убить тебя. И тебя, Ноэл. Об Олвере речь не шла, но Туон он тоже упоминал.

— Откуда ему известно о Туон? — почесал в затылке Том.

— Неподалеку от лагеря патруль нашел еще один труп. Тело Дерри. — Этот солдат какое-то время не появлялся в лагере, и Мэт предполагал, что Дерри дезертировал. Подобное в Отряде случалось, хоть и нечасто. — Его убили несколько дней назад.

— Выходит, тварь объявилась не сегодня, — нахмурился Ноэл. У него были сутулые плечи и крючковатый нос, похожий на кривой стручок

перца. Этот старик всегда казался Мэту каким-то… ветхим. Казалось, его узловатые руки состоят из одних костяшек.

— Должно быть, голам допросил его, — сказал Мэт. — Узнал, с кем я провожу время, где моя палатка.

— Он на такое способен? — спросил Том. — Я думал, голам — это что-то вроде охотничьего пса.

— Во дворце Тайлин он знал, где меня искать, — ответил Мэт. — Меня там уже не было, но голам все равно отправился к ней в комнаты. Так что он или выпытал у кого-то нужные сведения, или держал меня под наблюдением. Быть может, он и нашего Дерри пытал. Или столкнулся с ним, когда рыскал вокруг лагеря и разнюхивал, что к чему. Этого нам не узнать. Но голам весьма умен.

Он же не нападет на Туон. Или нападет? Быть может, угрозы в адрес друзей Мэта — лишь способ отнять у него душевный покой? В конце концов, сегодня Мэт узнал, что голам по-прежнему обязан действовать тайком. Впрочем, утешение из разряда сомнительных. Если этот монстр причинит вред Туон…

Существовал лишь один способ предотвратить беду.

— Итак, какие наши действия? — спросил

Ноэл.

— Выследим его, — тихо промолвил Мэт, — а потом убьем проклятую тварь.

Ноэл и Том промолчали.

— Нельзя же, чтобы он преследовал нас до самой Башни Генджей, — добавил Мэт.

— Но можно ли убить его, Мэт? — спросил Том.

— Убить можно кого угодно, — ответил Мэт. — Теслин доказала, что голама можно достать Единой Силой — если, конечно, действовать с умом. Надо бы провернуть что-то в этом роде.

— Что именно? — осведомился Ноэл.

— Пока не знаю, — сказал Мэт. — Что касается вас двоих, продолжайте сборы. Надо выступить к Башне Генджей, как только истечет срок клятвы, данной мной Верин. Чтоб мне сгореть, но мне все равно нужно поговорить с Илэйн. Пора начать делать драконы Алудры. Придется написать еще одно письмо, и теперь поубедительнее. А пока что изменим некоторые правила. Отныне я ночую в городе и всякий раз в новой гостинице. Пусть об этом знает весь Отряд — и голам, если он подслушивает разговоры в лагере. Тогда ему будет незачем нападать на солдат. Вам обоим тоже лучше перебраться в город и оставаться там, пока все не закончится. Пока голам не убьет меня

или не погибнет сам. Но как же быть с Олвером? Голам о нем не упоминал, но…

Судя по глазам, Ноэл и Том разделяли его тревогу. В прошлом Мэт бросил Тайлин, и она погибла. Поэтому Олвера он бросать не собирался.

— Придется взять мальчишку с собой, — сказал Том. — Или отослать его в безопасное место.

— Чуть раньше я слышал разговоры Айз Седай, — сообщил Ноэл, потирая щеку костлявым пальцем. — Они планируют уехать. Может, отправим с ними Олвера?

Мэт наморщил нос. Олвер бросает на женщин такие сальные взгляды, что и дня не пройдет, как Айз Седай перевернут его вверх тормашками и вздернут на дереве. Даже странно, что этого до сих пор не произошло. Вот бы узнать, кто из «красноруких» научил парня так скверно вести себя в присутствии женщин…

— Очень сомневаюсь, что это удастся сделать, — сказал Мэт. — Первой же ночью мальчишка сбежит от них и вернется в лагерь.

Том согласно кивнул.

— Придется взять его с собой, — продолжил Мэт. — Будет ночевать со мной в городских гостиницах. Может, тогда…

— Мэтрим Коутон! — донесся снаружи звонкий

голос.

Мэт вздохнул, потом кивнул товарищам, поднялся и вышел из палатки, где Джолин и ее Стражи то ли силой, то ли угрозами пробились сквозь заслон «красноруких». Они уже собирались откинуть входной клапан палатки и войти в нее, как к себе домой. Увидев Мэта, все замерли.

У «красноруких» были сконфуженные лица, но разве можно их винить? «Треклятые Айз Седай! Что хотят, то и творят!» — подумал Мэт, присовокупив к этой мысли пару нехороших слов.

Джолин — стройная красавица в белом платье с глубоким декольте — была полной противоположностью Теслин. Она часто улыбалась — хотя улыбки, адресованные Мэту, больше походили на поджатые губы, — и у нее были большие карие глаза. Такие глаза притягивают мужчин, словно омут, где так и хочется утонуть.

Несмотря на ее красоту, Мэт не видел в Джолин достойной пары для кого-то из товарищей: никому из них он не пожелал бы такой подруги. Более того, будучи человеком благовоспитанным, он не пожелал бы такой подруги почти никому из врагов. Пусть лучше Джолин водится со своими Стражами, Феном и Блериком. По мнению Мэта, эти двое были конченными безумцами.

Оба были родом из Пограничных земель — один из Шайнара, другой из Салдэйи. У Фена были раскосые глаза, жесткий взгляд, а вид такой, будто он постоянно высматривал, кого бы убить; разговаривая с ним, ты словно проходил проверку — не подходишь ли под установленные Стражем мерки. Пучок волос на макушке Блерика понемногу увеличивался, но все еще был маловат. Появись у Мэта желание расстаться с жизнью, он отметил бы, что этот пучок весьма смахивает на приклеенный к голове Блерика барсучий хвост, но сегодняшний распроклятый вечер и без того оказался довольно скверным.

— Похоже, твои рассказы о… преследующем тебя создании соответствовали действительности, — произнесла Джолин, сложив руки под грудью. Она говорила скептическим тоном. Погибли пятеро достойных людей, а у нее скептический тон. Треклятая Айз Седай.

— И? — спросил Мэт. — Узнала что-то новое о голаме?

— Вовсе нет. Как бы то ни было, мне пора вернуться в Белую Башню. Завтра я отправляюсь в путь. — Она замялась. — Нельзя ли одолжить у тебя лошадей? Любых. Обещаю не смотреть им в зубы.

— Ты же хотела купить лошадок в городе. Что, не получилось? — хмыкнул Мэт.

Безмятежное лицо Джолин стало еще более безмятежным.

— Ну ладно, — сказал Мэт. — Сегодня ты хотя бы просишь по-хорошему. Пусть вежливость, как погляжу, дается тебе непросто. Я уже пообещал лошадей Теслин. И с тобой тоже поделюсь. Все, что угодно, лишь бы отделаться от растреклятых женщин. Оно того стоит.

— Спасибо, — ровным голосом поблагодарила Джолин. — Позволь тем не менее дать тебе совет. Если учесть, с кем ты иной раз общаешься, тебе, Мэтрим Коутон, не помешало бы научиться следить за языком.

— Проклятье, если учесть, с кем я общаюсь едва ли не все время, — парировал Мэт, — даже удивительно, что в моих речах еще встречаются приличные слова. Проваливай, Джолин. Мне надо написать письмо ее растреклятому монаршему величеству королеве Илэйн по прозвищу «Сама Чопорность».

— Ты и ее намерен обругать? — фыркнула Джолин.

— Вне всяких сомнений, — буркнул Мэт, поворачиваясь к палатке Тома. — Иначе как она

поймет, что письмо в самом деле от меня?

Глава 10
Порчи больше нет

— Согласен по всем пунктам, — сказал Илайас, шедший справа от Перрина.

Слева шагал задумчивый Грейди в неизменном черном мундире, а следом — Монтем ал'Сан и Ази ал'Тон, сегодняшние телохранители Перрина.

Было раннее утро. Перрин делал вид, что проверяет сторожевые посты, но ему, честно говоря, просто захотелось прогуляться. Лагерь перенесли на поросшую травой возвышенность неподалеку от Джеханнахской дороги — достаточно близко, чтобы контролировать тракт, но и достаточно далеко, чтобы при необходимости дать отпор нападающим. И еще тут было много питьевой воды.

Рядом с луговиной была роща, а перед ней лежала древняя статуя, давным-давно упавшая набок и почти целиком ушедшая под землю: виднелась лишь рука, сжимавшая рукоять меча, клинок которого вонзился в почву.

— Не надо было посылать вперед Гилла и остальных, — сказал Перрин. — Из-за меня их пленила первая же встречная армия.

— Ты не мог этого предвидеть, — возразил Илайас. — И знать о задержке тоже не мог. Где бы ты их оставил? Нам на пятки наступали Шайдо, и не одержи мы верх в битве у Малдена, Гилл и остальные оказались бы между двумя отрядами враждебно настроенных айильцев.

Перрин проворчал что-то себе под нос. Подошвы сапог вязли в подмокшей земле. Перрин терпеть не мог этот застойный запах истоптанной грязи и гниющих мертвых растений. Конечно, это и близко не болезнь Запустения, но ему казалось, что еще немного, и все эти земли накроет проказа.

Они подошли к сторожевому посту, где на карауле стояли Хью Барран и Дарл Коплин. Разумеется, повсюду были высланы разведчики — двуреченцы в лесу и патрули Дев на открытой местности. Однако Перрин знал, что расстав-

ленные вокруг лагеря посты вызывают у его обитателей ощущение порядка.

Часовые отсалютовали Перрину, хотя жест Дарла выглядел весьма небрежным. От обоих пахло причудливой смесью сожаления, досады, разочарования. И еще замешательства. Последняя нотка была слабее остальных, но она никуда не девалась. В их памяти была свежа воображаемая интрижка Перрина и Берелейн, а возвращение Фэйли добавило неловкости этой ситуации. В Двуречье считалось, что супружеская неверность оставляет на добром имени трудновыводимое пятно.

Кивнув парням, Перрин продолжил обход. Формальными проверками он не увлекался. Если людям известно, что раз в день Перрин непременно пройдет где-нибудь поблизости, они будут следить за порядком. Ну, по большей части. Прошлой ночью Перрину пришлось растолкать спящего Берина Тэйна носком сапога, и он всегда следил, не пахнет ли от кого крепким спиртным: всегда можно ожидать, что тот же Джори Конгар тайком сделает на посту глоток-другой.

— Итак, — подытожил Перрин, — у белоплащников наши люди. И наши припасы. — Он поморщился при мысли о купленном в Со Хабо-

ре зерне. Теперь оно пойдет на прокорм Детям Света. — Нельзя ли тайком пробраться в лагерь и освободить пленных?

— Тайком? Не вижу необходимости, милорд, — сказал у него из-за спины Грейди. — При всем уважении, вы делаете из мухи быка.

Перрин оглянулся на мужчину с обветренным лицом:

— Это белоплащники, Грейди. Не стоит их недооценивать.

— У них нет людей, способных направлять Единую Силу, — пожал плечами Грейди. Аша'ман шагал, сцепив руки за спиной. Черный мундир с отличительным значком… По мере того как совершенствовалась солдатская выправка Грейди, он все меньше и меньше походил на фермера. — Неалду уже лучше. Мы с ним могли бы наносить по этим Детям удар за ударом, пока они не отдадут все, что нам нужно.

Перрин кивнул. Ему вовсе не хотелось вот так запросто спускать Аша'манов с поводка. Он помнил запах Колодцев Дюмай — висящая в воздухе вонь горелой плоти и взрытой и разбросанной земли. Но после Малдена Перрин не мог допустить новых задержек. Если не будет выбора, он отдаст соответствующий приказ.

Но не сейчас. «Когда дело касается та'верена, случайные совпадения исключены». Волки, белоплащники… Какое-то время Перрин старался не вспоминать о них, но теперь они вернулись и преследуют его. Он прогнал Детей Света из Двуречья, и многие из тех, кто сражался тогда на его стороне, были рядом и теперь.

— Может, дойдет и до этого, — сказал Перрин, не останавливаясь, — но не факт. Наше войско крупнее, чем у них. И теперь, когда мы наконец убрали то проклятое знамя с волчьей головой, белоплащники вряд ли поймут, кто мы такие. Над нами стяг королевы Гэалдана, а Дети Света идут по землям Аллиандре. Скорее всего, они положили глаз на наши фургоны и решили «защитить» провизию. Вступим в переговоры; может, чуток припугнем — глядишь, этого будет достаточно, чтобы освободить наших людей.

Илайас кивнул. Грейди, как видно, тоже не собирался спорить, но сам Перрин не особо верил в то, что сам сказал. С тех самых пор, как он покинул Двуречье, его преследовали белоплащники, и всякий раз отделаться от них было ой как непросто.

Пожалуй, пришло время положить конец разногласиям с Детьми Света — так или иначе.

Продолжая обход, Перрин оказался в той части лагеря, где располагались айильцы. Он кивнул паре Дев-часовых, обманчиво праздных, но всегда готовых к бою. Те и не думали ни вставать, ни салютовать — что полностью устраивало Перрина, — но все же ответили ему кивками. Похоже, хорошо спланированным и проведенным нападением на Шайдо Перрин заработал в их глазах немало джи.

У айильцев имелись собственные сторожевые посты, и Перрин не видел причин проверять их, но все равно намеревался посетить и их. Раз уж он отправился в обход всего лагеря, а не только двуреченской его части, то надо пройтись и здесь.

Вдруг Грейди замер и резко повернулся лицом к палаткам Хранительниц Мудрости.

— Что такое? — с тревогой спросил Перрин, обводя глазами лагерь. Ничего необычного он не заметил.

— По-моему, у них все получилось, — улыбнулся Грейди и зашагал по айильской части лагеря, не обращая внимания на свирепые взгляды нескольких Дев. Не будь рядом Перрина, Грейди — будь он хоть трижды Аша'маном — вполне могли бы вышвырнуть вон.

«Неалд, — подумал Перрин. — Он же работает

с Айз Седай над созданием кругов». Если Грейди заметил что-то в структуре плетений…

Перрин последовал за ним, и вскоре они подошли к выстроившимся кольцом палаткам Хранительниц Мудрости в центре лагеря Айил. Внутри этого кольца, на утоптанной и совершенно сухой площадке — ее, вероятно, высушили с помощью плетений Силы, — сидели Эдарра, Масури и Фагер Неалд — молодой мурандиец с подкрученными кончиками усов. На воротнике его черного мундира не было значков, но по возвращении из этого похода Неалда, по всей видимости, ждало повышение. Его умение направлять Силу заметно возросло.

Из-за последствий змеиных укусов он был еще бледен, но выглядел куда лучше, чем несколько дней назад. Неалд улыбался и смотрел прямо перед собой, и, судя по запаху, его переполняло удовольствие.

Воздух перед Аша'маном рассекли большие переходные врата. Перрин хмыкнул. Похоже, врата вели к тому месту, где армия стояла лагерем сколько-то недель назад, — ничем не примечательному полю.

— Получается? — спросил Грейди, опускаясь на колени подле Неалда.

— Это великолепно, Джур, — тихо произнес Неалд без малейшего намека на свойственную ему браваду. — Я прямо-таки могу чувствовать саидар. Будто какая-то новая часть моего существа встала на свое место.

— Ты направляешь ее? — спросил Перрин.

— Нет. В этом нет необходимости. Я могу ее использовать.

— Использовать? Как это? — взволнованно спросил Грейди.

— Я… Непросто объяснить. Плетение состоит из саидин, но я, похоже, могу укрепить его, пользуясь саидар. Врата я открыл самостоятельно, но поток Силы — и их размер — увеличил с помощью того, что позаимствовал у женщин. О Свет! Это просто чудо! Почему мы не занялись этим несколько месяцев назад?

Перрин взглянул на Масури и Эдарру. Особого восторга ни та ни другая не испытывали. Судя по виду, Масури было нехорошо. От нее пахло страхом, а от Эдарры — любопытством и настороженностью. Грейди упоминал, что при создании подобного круга мужчинам необходимо брать на себя контроль над женщинами.

— Значит, в скором времени отправим разведчиков в Кайриэн. — Перрин нащупал в кармане

кованую головоломку. — Грейди, договорись с айильцами насчет разведки, а как будут готовы, открывай переходные врата.

— Да, милорд. — Грейди потер обветренное лицо. — Пожалуй, вместо дальнейшего обхода мне стоит научиться этому новому приему. Но сперва хотелось бы кое-что с вами обсудить. Если найдется время.

— Я к твоим услугам, — ответил Перрин, отходя в сторонку.

Несколько Хранительниц Мудрости приблизились к Неалду со словами, что настал их черед попробовать вступить с ним в круг. Они явно не держали Неалда за старшего, и тот мигом повиновался. Однажды он сказал одной из Дев что-то фривольное; дело кончилось игрой в «поцелуй Девы», и с тех пор Неалд, общаясь с айильцами, вел себя крайне осмотрительно.

— Что такое, Грейди? — спросил Перрин, отойдя вместе с Аша'маном подальше.

— Похоже, мы с Неалдом вполне поправились и готовы открывать переходные врата, — ответил Грейди. — Я тут подумал, нельзя ли… — Он помолчал. — Нельзя ли на денек отправиться в Черную Башню? Повидаться с семьей?

«Точно, — подумал Перрин. — У него же там

жена и сын». Аша'ман нечасто о них упоминал, да и в целом не был особо разговорчивым.

— Ну, Грейди, не знаю… — Перрин глянул на затянутое тучами небо. — Перед нами белоплащники, и я по-прежнему допускаю, что Шайдо обойдут нас кружным путем и устроят засаду. Не хотелось бы отпускать тебя, пока мы не добрались до безопасного места.

— Это недолгое дело, милорд, — настаивал Грейди.

Иной раз Перрин забывал, насколько молод этот Аша'ман. Черный мундир и потемневшее от солнца лицо добавляли ему возраста, хотя на деле Грейди был всего лет на шесть-семь старше Перрина.

— Как-нибудь выберем удобный день, — пообещал Перрин. — Уже скоро. Сперва надо узнать, что случилось с тех пор, как мы ушли. Не хотелось бы действовать опрометчиво.

Балвер научил его, что знание — сила.

Грейди кивнул с умиротворенным видом, хоть и не получил однозначного ответа. О Свет! Даже от Аша'манов иной раз пахло как от людей, которые всерьез считали Перрина своим лордом, — хотя, когда все только начиналось, они вели себя весьма отстраненно.

— Раньше ты не задавал таких вопросов, — сказал Перрин. — Что изменилось?

— Все, — тихо ответил Аша'ман, и Перрин уловил в его запахе легкую нотку надежды. — Все изменилось несколько недель назад. Но вы, конечно же, об этом не знаете. Никто не знает. Поначалу мы с Фагером тоже сомневались. И не знали, стоит ли кому-то рассказывать. Опасались, что нас сочтут сумасшедшими.

— О чем я не знаю?

— О порче, милорд. Она исчезла. Больше ее нет.

Перрин нахмурился. Слова безумца? Но от Грейди вовсе не пахло безумием.

— Это случилось в тот день, — продолжил Грейди, — когда мы увидели что-то на севере. Знаю, милорд, в это трудно поверить, но я говорю чистую правду.

— Похоже, дело рук Ранда, — сказал Перрин и отогнал вспыхнувшие перед глазами разноцветные круги. — Поверю тебе на слово, Грейди. Но как это связано с Черной Башней и твоей семьей? Хочешь узнать, что скажут другие Аша'маны?

— Они-то скажут то же самое, милорд, — ответил Грейди, — но суть в том, что я простой человек. Вот Сора склонна подумать да порассуж-

дать, а я просто делаю, что должен, только и всего. Присоединиться к Черной Башне — это то, что нужно было сделать. Уже когда меня проверяли, я понимал, что будет дальше. Знал о своем даре. Видите ли, такой же дар был у моего отца, хоть мы и не говорили на эту тему. Красные нашли его в молодости, сразу после моего рождения. Присоединяясь к лорду Дракону, я знал, что со мной будет. Знал, что пройдет несколько лет, и меня не станет. Вот и решил провести эти годы в сражениях. Лорд Дракон сказал, что я солдат, а у солдата есть долг. Поэтому раньше я не отпрашивался. Ведь вы нуждались во мне.

— И что изменилось?

— Повторяю, милорд, порчи больше нет. То есть я не сойду с ума. А это значит… Скажем так: у меня всегда была причина сражаться, но теперь к ней добавилась причина жить.

Глядя в глаза Грейди, Перрин все понял. Вот каково это — знать, что рано или поздно ты потеряешь рассудок и будешь казнен. И скорее всего, своими друзьями, которые казнь назовут милосердием.

Перрин с самого начала чуял в Аша'манах это знание. Вот почему они сторонились остальных и ходили с такими мрачными лицами. Осталь-

ные сражались за жизнь, но Аша'маны… Они сражались, зная, что не выживут.

«Вот как себя чувствует Ранд», — подумал Перрин. В глазах опять завертелись цветовые пятна, а потом Перрин увидел друга: на крупном вороном коне тот ехал по грязным городским улицам, а рядом с ним была Найнив, и Ранд говорил с ней.

Перрин потряс головой, отгоняя этот образ, и пообещал:

— Как-нибудь отправим тебя домой, Грейди. Побудешь с женой, прежде чем наступит конец.

Грейди кивнул и бросил взгляд на небо. С севера донеслись глухие раскаты грома.

— Просто хочу поговорить с ней, понимаете? И взглянуть на малыша Гадрена. Наверное, я и не узнаю парнишку.

— Не сомневаюсь, Грейди, что твой Гадрен — симпатичный мальчуган.

— Симпатичный? Гадрен? — рассмеялся Грейди. Слышать его смех было странно и в то же время приятно. — Нет, милорд. Для своего возраста он, наверное, крупный парень, но вряд ли пригож, на вид чурбан чурбаном. И я все равно люблю его всей душой. — Все еще посмеиваясь, он покачал головой. — Мне пора к Неалду. Надо обучиться тому трюку с кругом. Спасибо вам,

милорд.

Перрин с улыбкой смотрел вслед Аша'ману, и тут в лагерь влетела Дева, подбежала к Хранительницам и громко — так, чтобы слышал Перрин, — сообщила:

— К лагерю по дороге едет незнакомец. Под знаменем мира, но на нем одежда этих Детей Света.

Кивнув телохранителям, Перрин направился к окраине лагеря. По пути к нему присоединился Тэм. Они вышли к дороге, когда белоплащник — на белоснежном мерине и с белым флагом на длинном шесте, в кольчуге, белом плаще и табаре, с желтой эмблемой в виде многолучевого солнца на груди — подъезжал к первому сторожевому посту.

Сердце Перрина ухнуло в пятки. Он узнал этого человека. Перед ним был Дэйн Борнхальд.

— Я приехал говорить с преступником по имени Перрин Айбара, — громко объявил Борнхальд, остановив мерина.

— Я здесь, Борнхальд, — отозвался Перрин и вышел вперед.

— Так это действительно ты, — взглянул на него Борнхальд. — Свет привел тебя прямо к нам в руки.

— Если Свет не дал вам армии втрое, а то и

вчетверо больше нынешней, — сказал Перрин, — очень сомневаюсь, что я у вас в руках.

— Мы захватили людей, присягнувших тебе на верность, Айбара.

— В таком случае отпустите их с миром, и мы пойдем своей дорогой.

— У нас с тобой есть незавершенное дело, приспешник Темного, — хмуро проговорил молодой белоплащник, развернув мерина боком к лагерю.

— И этому делу, Борнхальд, незачем принимать скверный оборот, — сказал Перрин. — Как вижу, мы еще можем разойтись.

— Дети Света скорее погибнут, чем откажутся вершить справедливость, — сплюнул Дэйн. — Но об этом тебе расскажет лорд капитан-командор. Он желает сам говорить с тобой. Мне же приказано явиться сюда и сообщить, что он ждет на дороге, совсем рядом, и хочет, чтобы ты явился к нему.

— Не слишком ли очевидная ловушка? — спросил Перрин.

— Можешь выполнить его просьбу или остаться здесь, — пожал плечами Борнхальд. — Милорд капитан-командор — человек чести. Он пообещал, что ты вернешься целым и невредимым,

хотя лично я не стал бы давать такой клятвы приспешнику Темного. Коли опасаешься, можешь взять с собой Айз Седай. Если они у тебя есть.

С этими словами Борнхальд развернулся и ускакал туда, откуда явился. Перрин задумчиво смотрел ему вслед.

— Ты же не собираешься идти к нему, сынок? — спросил Тэм.

— Хотелось бы точно знать, кто мне противостоит, — ответил Перрин. — Не забывай, мы хотели договориться с ними. Вдруг получится выкупить наших людей? Чтоб мне сгореть, Тэм, надо хотя бы попробовать, прежде чем нападать на них.

Тэм со вздохом кивнул.

— Он упомянул Айз Седай, — продолжил Перрин, — но не Аша'манов. Готов спорить, белоплащники мало что о них знают. Передай Грейди, чтоб переоделся в двуреченца и бежал сюда. С собой пусть захватит Гаула и Сулин. Спроси у Эдарры, не хочет ли она прогуляться с нами. Но моей жене — ни слова, понял? Впятером мы сходим на разведку и посмотрим, действительно ли белоплащники настроены на мирный разговор. Если что-то пойдет не так, Грейди тут же откроет нам врата для бегства.

Тэм снова кивнул и ушел, а Перрин стал ждать,

нервно переминаясь с ноги на ногу. Наконец Тэм вернулся в сопровождении Гаула, Сулин и Эдарры. Спустя пару минут подошел и Грейди — в коричневом шерстяном плаще и зелено-коричневой одежде, одолженной у кого-то из двуреченцев. В руке он держал длинный лук, но шагал по-солдатски: спина прямая, глаза зорко посматривают по сторонам. Его окружала несвойственная обычным селянам грозная аура. Не хотелось бы, чтобы она испортила всю маскировку.

В таком составе они и ускользнули из лагеря: благодарение Свету, Фэйли, похоже, так и не узнала, что происходит. Будь это долгие переговоры или обсуждение чего-то важного, Перрин взял бы ее с собой, но особо задерживаться у белоплащников он не собирался. А если придется действовать, он не хотел еще и за жену волноваться.

Шли пешком. Белоплащники ждали на дороге неподалеку от лагеря: человек десять собралось возле поставленной у дороги небольшой палатки. Ветер дул Перрину в лицо, и тот слегка расслабился. Он уловил запахи гнева и недовольства, но западни не почуял.

Когда они приблизились, из палатки вышел высокий человек в белом, с правильными чер-

тами лица и коротко стриженными темными волосами. Многие женщины, наверное, назвали бы его привлекательным. Пахло от него… лучше, чем от прочих белоплащников: те смердели звериным бешенством, но их вожак источал запах спокойствия, в котором не чувствовалось ничего плохого или нездорового.

Перрин взглянул на спутников.

— Не нравится мне все это, Перрин Айбара, — призналась Эдарра, озираясь по сторонам. — По-моему, эти Дети Света задумали что-то недоброе.

— Вон из-за тех деревьев в нас могут полететь стрелы, — мрачно кивнул Тэм на ближайшую рощицу.

— Грейди, ты удерживаешь Силу? — спросил Перрин.

— Конечно.

— На всякий случай — будь наготове, — велел Перрин и направился к группе белоплащников. Он шагал под пристальным взглядом их вожака, стоявшего заложив руки за спину.

— Золотистые глаза. Значит, это правда, — сказал мужчина.

— А ты — лорд капитан-командор? — уточнил Перрин.

— Да.

— Как смотришь на то, чтобы отпустить моих людей, захваченных вами?

— Мои солдаты говорят, что однажды хотели провести с тобой подобный обмен, — ответил вожак белоплащников, — но ты не оправдал их доверия.

— Они похитили невинных людей, — сказал Перрин, — а взамен требовали мою жизнь. Что ж, я забрал своих людей силой. И не вынуждай меня повторять.

— Я поступлю как должно, Златоокий, — прищурился вожак, — и не важно, какую цену придется заплатить. — Судя по запаху, он задумался. — По словам моих солдат, несколько лет назад ты убил нескольких Детей Света, но так и не поплатился за свое деяние. И еще говорят, что ты привел троллоков, которые нападали на деревни.

— Словам твоих людей нет доверия! — рыкнул Перрин. — Предлагаю официальные переговоры, где можно сесть и все обсудить. Такая встреча наспех меня не устраивает.

— Не вижу нужды в переговорах, — ответил белоплащник. — Я здесь не для того, чтобы заключать сделку. Просто хотел взглянуть на тебя. Хочешь освободить пленников? Выставляй свою

армию против моей на поле брани. Сделай так, и я отпущу твоих людей — независимо от исхода сражения, поскольку они не солдаты.

— А если не соглашусь? — спросил Перрин.

— Твой отказ скажется на их здоровье, и не лучшим образом.

Перрин скрежетнул зубами.

— Твои силы встретятся с нашими, и эту встречу осияет Свет, — добавил вожак белоплащников. — Таковы наши условия.

Оглянувшись, Перрин прочел во взгляде Грейди очевидный вопрос. Аша'ман мог пленить вожака белоплащников прямо здесь и сейчас — стоило лишь о том подумать.

Но Перрин справился с искушением. Они пришли сюда, положившись на данную этим белоплащником клятву. Перрин не стал нарушать мир. Вместо этого повернулся и увел своих людей обратно в лагерь.

* * *

Галад проводил Перрина Айбара взглядом. Эти золотистые глаза вселили в него тревогу. Прежде он не слушал Байара, твердившего, что этот человек — не просто приспешник Темного, но исчадие Тени. Однако стоило заглянуть ему в глаза,

и Галад убедился в поспешности своих выводов.

Стоявший рядом Борнхальд шумно выдохнул:

— Трудно поверить, что вы пошли на такой риск. Что, если бы он привел Айз Седай? Нам не остановить Единую Силу.

— Ведьмы не причинили бы мне вреда, — ответил Галад. — Кроме того, будь у Айбара возможность уничтожить меня Единой Силой, он мог бы воспользоваться ею прямо в нашем лагере. Но если он тот, кем его считаешь ты и чадо Байар, этот Айбара бережет свою репутацию. Вспомни, он не возглавил нашествие троллоков в открытую, а вместо этого притворился, что защищает Двуречье. — Такие люди делают ставку на хитрость, поэтому Галаду ничто не грозило.

Он действительно хотел посмотреть на этого Айбара и был рад, что так поступил. Эти глаза — все равно что признание вины. К тому же при упоминании убитых Детей Света Айбара заметно напрягся. Вдобавок пленники признались, что Златоокий заключил союз с шончан и что у него есть люди, способные направлять Силу.

Да, этот Айбара опасен. Поначалу Галад побаивался выставлять свои силы на битву, но теперь знал, что ему поможет Свет. Лучше победить этого Перрина Айбара сейчас, чем ждать, а потом

скрестить с ним оружие на Последней битве. Не медля, Галад принял решение — самое верное решение: Дети Света будут сражаться.

— Пойдемте. — Он махнул рукой остальным. — Пора вернуться в лагерь.

Глава 11
Неожиданное послание

— Неужели они думают, что я это подпишу? — Илэйн бросила стопку бумаг на пол, и та шлепнулась рядом с креслом.

— Вряд ли, — ответила Дайлин.

Чисто вымытые золотистые волосы, невозмутимое решительное лицо, идеальная грация стройного тела — безупречный вид! Настолько безупречный — несмотря на возраст, — что рядом с ней Илэйн чувствовала себя раскормленной хрюшкой в очереди на бойню. Нет, это попросту нечестно!

В камине гостиной умиротворяюще потрескивал огонь. В одном из буфетов стоял кувшин с вином. Разумеется, Илэйн не дозволялось пить

спиртного, но если ей еще кто-нибудь снова предложит треклятого козьего молока…

У дальней стены, прислонившись к ней, стояла Бергитте. Золотистая коса на правом плече контрастировала с красным жакетом, белым воротником и небесно-голубыми штанами. Бергитте налила себе чая и теперь, позабавленная негодованием Илэйн, улыбалась поверх чашки. Благодаря узам Илэйн не столько видела, сколько чувствовала, как ей весело, этой Бергитте!

Больше в комнате никого не было. Илэйн удалилась в гостиную, приняв депешу от посланника Эллориен и объяснив, что хотела бы «рассмотреть» ее предложение в конфиденциальном порядке. О да, Илэйн рассмотрит его! И увидит, что его место — в мусорной корзине!

— Это оскорбление, — махнула на бумаги Илэйн.

— Ты намерена вечно держать их под стражей, Илэйн? — подняла бровь Дайлин. — Они столько денег растратили в стремлении обернуть Престолонаследие в свою пользу, что выкуп им точно не по карману. Пора уже что-то решать.

— Пусть гниют за решеткой! — заявила Илэйн, скрестив руки на груди. — Они пошли на меня войной и осадили Кэймлин!

— Да, — ровным тоном согласилась Дайлин. — Не поверишь, но я тоже это видела.

Илэйн ругнулась себе под нос, вскочила с кресла и принялась расхаживать из угла в угол под неусыпным взглядом Бергитте. Обе знали, что Мелфани советовала Илэйн не переутомляться. С упрямством посмотрев в глаза своему Стражу, Илэйн продолжила гарцевать по комнате. Чтоб она сгорела, эта Бергитте, сгорела вместе с треклятой повитухой! Ходить — не значит переутомляться.

Эллориен оставалась одной из последних, кто во всеуслышание отказывался признавать правление Илэйн. И разрешить эту проблему было труднее всего — за исключением, вероятно, случая Джарида Саранда. Последние месяцы стали для Илэйн началом долгого периода испытаний. Как она проявит себя при решении непростых вопросов? Легко ли ею манипулировать? Какие черты она унаследовала от матери?

Надо бы показать, что ее так просто не запугаешь, но суровая правда заключалась в том, что Илэйн балансировала на высоком столбике, составленном из чайных чашек, и каждая из них представляла собой андорский Дом. Некоторые поддерживали ее с большой охотой, другие — наоборот, и лишь немногие из этих чашек

отличались желаемой устойчивостью.

— Знатных пленниц следует рассматривать как ценный ресурс, — сказала Илэйн.

Дайлин кивнула. Эта аристократка имела подход к Илэйн и знала, как направить ее к ответам, которые, как они обе понимали, найти необходимо.

— Именно так. Но ресурс полезен только в том случае, если его можно потратить, — заметила она. В руке у нее был кубок с вином. Вот проклятье!

— Да, — согласилась Илэйн, — но если продать ресурс по дешевке, можно прослыть неосмотрительной.

— Если только не избавиться от ресурса перед тем, как цена на него рухнет, — сказала Дайлин. — Купцов, продававших ледяные перцы со скидкой, многие считали глупцами — а позже называли мудрыми мастерами торговых дел, когда цены падали еще ниже.

— Ты насчет пленниц? Думаешь, они упадут в цене?

— Доверие к их Домам подорвано, — ответила Дайлин. — Чем сильнее твоя позиция, тем меньше ценность политических заключенных. Узницами надо воспользоваться с умом, не раз-

брасываясь преимуществом, но и не дожидаясь момента, когда они станут никому не нужны.

— Их можно казнить, — заметила Бергитте.

Две другие женщины изумленно уставились на нее.

— А что? — сказала Бергитте. — Они заслуживают смерти, и такой поступок обеспечит репутацию жесткой правительницы.

— Так нельзя, — сказала Илэйн. — Нельзя убивать человека за поддержку другого претендента на трон. Разве можно совершить государственную измену, если в государстве нет королевы?

— Значит, пускай умирают простые солдаты, а проклятых благородных это не касается? — спросила Бергитте. Прежде чем Илэйн успела возразить, она подняла руку: — Давай-ка без лекций. Я все понимаю, Илэйн. Согласиться не могу, но понимаю. Так было, и так будет.

Илэйн продолжала ходить из угла в угол, но разок все же остановилась возле стопки бумаг с предложением Эллориен и нарочито наступила на нее ногой — с большим удовольствием, хотя в ответ на этот жест Бергитте закатила глаза. «Предложение» было списком пустых обещаний и заканчивалось требованием отпустить узников «ради блага Андора». Эллориен настаивала, что

пленников — поскольку средств у них не имеется — следует помиловать и отпустить, дабы содействовать восстановлению страны.

По правде говоря, Илэйн рассматривала такой вариант. Но теперь, если дать свободу всем трем узницам, они сочтут своей спасительницей Эллориен! И признательность, которую могла бы получить Илэйн, достанется ее сопернице. Кровь и проклятый пепел!

— Ищущие Ветер интересуются насчет обещанного им земельного участка, — сообщила Дайлин.

— Уже?

Она кивнула:

— Их требование не дает мне покоя. Зачем им понадобился этот клочок земли?

— Они заслужили награду, — ответила Илэйн.

— Может быть. Но это значит, что ты — впервые за пять поколений — станешь королевой, уступившей часть Андора иноземцам. И не важно, насколько мала эта часть.

Набрав полную грудь воздуха, Илэйн вдруг странным образом поняла, что успокоилась. Проклятые перепады настроения! Разве Мелфани не обещала, что по мере развития беременности они станут не так ощутимы? Но временами эмоции

Илэйн по-прежнему скакали вверх-вниз, будто мячик в детской игре.

Взяв себя в руки, девушка села:

— Такого я не могу допустить. Благородные Дома ищут способы пробиться к власти.

— Поверь, на их месте ты действовала бы точно так же, — сказала Дайлин.

— Нет, если знала бы, что грядет Последняя битва, — отрезала Илэйн. — Надо привлечь внимание знати к более важным вопросам. Сделать так, чтобы они объединились вокруг меня — или хотя бы уяснили, что со мной шутки плохи.

— И каким же способом ты намерена этого добиться? — осведомилась Дайлин.

— Захватить Кайриэн, — взглянув на восток, ответила Илэйн.

— Смелое решение, — изогнула бровь Дайлин, а молчаливая Бергитте поперхнулась чаем и перепросила, вытирая подбородок:

— Смелое? Илэйн, это безумие. Проклятье, ты едва удерживаешь Андор.

— Тем более пора действовать, — ответила Илэйн. — Самое время воспользоваться моментом. К тому же, если двинуться на Кайриэн прямо сейчас, станет ясно, что я не жеманная пустышка, а настоящая королева.

— Думаю, от такого решения всех оторопь возьмет, — сказала Бергитте. — А тех, кого не возьмет, слишком часто били в сражении по голове.

— Невзирая на топорную формулировку, она права, — согласилась Дайлин.

Она взглянула на Бергитте, и через узы, соединяющие Илэйн со Стражем, девушка ощутила укол неприязни. О Свет! Как бы устроить, чтобы эти двое поладили между собой?

— Никто не сомневается, что ты настоящая королева, Илэйн, — продолжила Дайлин, — но твои соперники не прекратят попыток захватить как можно больше власти. Они прекрасно понимают, что сейчас их последний шанс.

— В отличие от матери, у меня нет пятнадцати лет для упрочения своего правления, — напомнила Илэйн. — Как помните, Ранд не раз говорил, что я должна занять Солнечный трон. Пока там правит наместник. Он ждет меня, а после того, что стало с Колавир, никто не посмеет ослушаться указов Ранда.

— Захвати этот трон, — сказала Дайлин, — и все придут к выводу, что ты властвуешь по поручению ал'Тора.

— И что? — спросила Илэйн. — Андор мне пришлось брать самостоятельно, но не вижу ничего

плохого в том, чтобы принять такой дар от Ранда. Ведь Кайриэн освобождали его айильцы. Предотвратив кровавую борьбу за власть и престол, мы окажем кайриэнцам немалую услугу. Мои права на трон весьма сильны — по крайней мере, не слабее, чем у других, — и меня поддержат все, кто верен Ранду.

— Не много ли ты на себя берешь?

— Может, и многовато, — ответила Илэйн, — но думаю, что игра стоит свеч. Я запросто могу войти в число самых могущественных монархов со времен Артура Ястребиное Крыло.

Дальнейшие споры пресек вежливый стук в дверь. Илэйн глянула на Дайлин. У той был задумчивый вид: похоже, она размышляла над словами Илэйн. Что ж, Илэйн все равно займет Солнечный трон — с благословения Дайлин или без него. В роли советницы эта женщина приносила все больше пользы — хвала Свету, что Дайлин не претендовала на трон! — но королеве не пристало слишком уж доверять кому-то из подданных. Это общеизвестная ловушка.

Бергитте открыла дверь, и в гостиную вошел смахивающий на аиста мастер Норри — в красно-белом облачении и с привычно угрюмой миной на вытянутом лице. Под мышкой он держал ко-

жаную папку.

— Мне казалось, на сегодня мы закончили, — сказала Илэйн, сдержав стон.

— Я тоже так думал, ваше величество, — отозвался мастер Норри. — Но появились новые дела, и мне подумалось, что они… гм… могут представлять для вас некоторый интерес.

— В смысле?

— Ну, ваше величество, — ответил Норри, — как вам известно, я… не в восторге от некоторых аспектов моей работы. Но в свете недавнего расширения штата вынужден уделять им самое пристальное внимание.

— Вы о Гарке? — спросила Бергитте. — Как поживает этот никчемный слизень?

Главный писец взглянул на нее:

— Сказал бы, что он… гм… склизковат. — Потом мастер Норри вновь повернулся к Илэйн. — Но при надлежащей мотивации он способен действовать весьма искусно. Прошу простить, если я вышел за пределы полномочий, но после недавних стычек — и с оглядкой на новых гостей вашей темницы — такое решение показалось мне разумным.

— О чем вы, мастер Норри? — спросила Илэйн.

— О госпоже Басахин, ваше величество, — объ-

яснил тот. — В соответствии с первым моим поручением славный мастер Гарк должен был следить за местом пребывания Айз Седай — некой гостиницей, известной под названием «Приветственный зал».

Илэйн едва не подскочила от волнения. Духара Басахин неоднократно пыталась добиться встречи с Илэйн, запугивая дворцовых служителей, но все уже знали, что в аудиенции ей отказано раз и навсегда. Будь она хоть дважды Айз Седай, Духара представляла Элайду, а потому Илэйн не желала иметь с ней никаких дел.

— Итак, вы взяли Басахин под наблюдение, — взволнованно сказала она. — Умоляю, скажите, что обнаружили причину, по которой я могу изгнать эту несносную женщину.

— То есть вы не гневаетесь на меня? — осторожно спросил мастер Норри, сохраняя извечную бесстрастность. Пока что он не был искушен в шпионаже.

— О Свет! Конечно нет, — ответила Илэйн. — Я сама должна была отдать такой приказ, но вы, мастер Норри, исправили эту оплошность. Если новости окажутся хорошими, нельзя исключать, что вы заслужили мой поцелуй.

Эти слова выбили Норри из равновесия: от

ужаса он выпучил глаза так, что Илэйн рассмеялась, Бергитте усмехнулась, а Дайлин сделала недовольное лицо. Ну и плевать, сожги ее Свет.

— В этом, — сказал Норри, — гм… нет необходимости, ваше величество. Мне подумалось, что если в городе остались приспешники Тьмы, скрывающиеся под личиной Айз Седай… — Он, как и прочие, научился в присутствии Илэйн не называть Фалион и ее товарок «Айз Седай», — то надо бы пристально следить за всеми, кто заявляет, что явился из Белой Башни.

Илэйн энергично кивнула. Как же он многословен, этот Норри!

— Если ваше величество ждет доказательств, что эта женщина — приспешница Темного, — продолжил Норри, заметив, как она взбудоражена, — боюсь, вы будете разочарованы.

— Ах вот как…

— Однако, — Норри воздел тонкий палец, — имеются причины полагать, что Духара Седай, возможно, приложила руку к документу, вызвавшему у вас весьма… гм… своеобразные эмоции. — Он взглянул на лежавшие на полу листы. На верхнем виднелся отчетливый отпечаток подошвы.

— Неужели Духара встречалась с Эллориен? —

спросила Илэйн.

— Вы совершенно правы, — ответил мастер Норри. — И эти встречи происходят все чаще. К тому же они окутаны некоторым покровом тайны.

— То есть Духара хочет вызволить моих соперников? — Илэйн взглянула на Дайлин. — Зачем это ей?

— Вряд ли она столь глупа, чтобы затевать выступление против тебя, — с озабоченным видом сказала Дайлин. — Тем более опираясь на горстку разорившихся лордов и леди.

— Ваше величество, — вмешался Норри, — если позволите высказать мнение…

— Ну конечно, мастер Норри!

— Предположу, что Айз Седай пытается втереться в доверие к леди Эллориен. Нельзя сказать наверняка, что присланное вам предложение является результатом их сговора, но исходя из частоты и продолжительности визитов Айз Седай такой вариант видится весьма правдоподобным. Однако причина, возможно, кроется не столько в желании поддержать ваших врагов, сколько в стремлении обрести благосклонность кое-кого из городской аристократии.

Вполне возможно. Похоже, Духара, невзирая на

прозрачные намеки Илэйн, не собиралась возвращаться в Белую Башню. Вернуться означало бы продемонстрировать Элайде пустые руки и враждебно настроенный Андор. Айз Седай не из тех, кто легко поддается разубеждению. Однако если Духара заручится лояльностью кого-то из андорской знати, это уже кое-что.

— Как Духара одевалась, когда покидала гостиницу, направляясь на встречу с Эллориен? — спросила Илэйн.

Хотя Эллориен как-то упоминала, что подумывает вернуться в загородное поместье, она так и не уехала — вероятно, поняла, что в подобном шаге пока нет политического смысла, — и жила сейчас в кэймлинском особняке.

— Она надевала плащ, ваше величество, — ответил Норри, — и скрывала лицо под капюшоном.

— Какой плащ? Богатый или простенький?

— Затрудняюсь ответить, — смутился Норри. — Могу привести мастера Гарка…

— В этом нет необходимости, — сказала Илэйн. — Но скажите мне вот что: она ходила на встречи в одиночку?

— Нет. Насколько мне известно, всякий раз ее сопровождала внушительная свита.

Илэйн кивнула. Она готова была поспорить,

что Духара, несмотря на надвинутый капюшон, не снимала кольцо Великого Змея, выбирала для маскировки самый богатый плащ и непременно брала с собой спутников.

— Мастер Норри, — сказала она, — боюсь, вас обвели вокруг пальца.

— Ваше величество?

— Ей надо было, чтобы визиты к Эллориен не остались незамеченными, — кивнула Дайлин. — Духара не стала придавать им вид официальных, не желая выступать против твоего правления напрямую, но хотела, чтобы ты узнала о ее действиях.

— Она демонстративно путается с моими врагами, — сказала Илэйн. — Это предупреждение. Духара угрожала мне и раньше. Говорила, что меня не обрадует конфликт с ней и Элайдой.

— То есть предпринятые мной шаги оказались неуместными, — уязвленно вздохнул Норри.

— Все равно это дало нам ценные сведения, — ответила Илэйн. — Не организуй вы слежку, мы оставались бы в неведении, никак не облегчающем наше положение. Если кто-то из кожи вон лезет, чтобы нанести мне оскорбление, я хочу быть в курсе. Хотя бы для того, чтобы знать, кого впоследствии отправить на плаху.

Норри побледнел, и она добавила:

— Фигурально выражаясь, мастер Норри. — Хотя Илэйн с удовольствием обезглавила бы Духару. И Элайду заодно! Это ж надо, прислать сторожевую псину, чтобы та «давала советы» Илэйн!

Девушка покачала головой. «Поторапливайся, Эгвейн. Нам — и всему миру — надо, чтобы ты была в Башне».

Она со вздохом повернулась к Норри:

— Помнится, вы говорили, что моего внимания требует не одно дело, а несколько?

— Именно так, ваше величество. — Норри выудил из своей кошмарной кожаной папки лист бумаги, причем далеко не так благоговейно, как обходился с другими документами: этот он держал на весу двумя пальцами, словно найденного в сточной канаве дохлого зверька. — Помните ли вы свой приказ касательно отрядов наемников?

— Да, — поморщилась Илэйн. Ей хотелось пить. Она мрачно взглянула на чашку подогретого козьего молока, стоявшую на столе рядом с креслом.

Известия о битве привели в Кэймлин множество наемников, готовых предложить желающим свою службу. К вящему сожалению многих наемников, осада оказалась недолгой. Новости

разлетаются в мгновение ока, а усталые и голодные солдаты путешествуют не в пример медленнее. Отряды продажных мечей продолжали стекаться в город, где наемники без особой радости узнавали, что в их услугах больше нет нужды.

Поначалу Илэйн отсылала их прочь, но потом сообразила, что это не самое мудрое решение. Для Тармон Гай'дон потребуются все без исключения, и, если Андор сможет выставить дополнительно пять или десять тысяч бойцов, такое можно лишь приветствовать.

Пока что платить наемникам было нечем, и, чтобы они не разбрелись, Илэйн поручила мастеру Норри и капитану Гэйбону передать всем наемным отрядам одни и те же распоряжения: их биваки должны располагаться не ближе чем в лиге от городских стен, а в Кэймлин будут допускать не больше заранее оговоренного числа солдат.

Так у наемников должно было сложиться впечатление, что рано или поздно Илэйн обеспечит их работой. Почему бы и нет — ведь она приняла решение захватить Солнечный трон, — хотя последние нанятые ею бойцы по большей части не оправдали доверия и пользы от них было не так уж много.

Вопреки своему нежеланию, Илэйн заставила себя взять чашку и глотнуть козьего молока. Бергитте удовлетворенно кивнула, но Илэйн наморщила нос. Лучше уж мучиться от жажды!

— Итак, — продолжил мастер Норри, поглядывая на зажатый в пальцах документ, — один из наемничьих командиров зашел так далеко, что отправил вам весьма… фамильярное послание. Я не стал бы передавать вам это письмо, но по втором прочтении сделал вывод, что вам следует ознакомиться с этими строками. Заявления их автора исключительно нелепы, но не хотел бы я оказаться на месте человека, проигнорировавшего подобное письмо, если окажется, что слова этого головореза соответствуют… гм… действительности.

Илэйн с любопытством потянулась за листком. Нелепые заявления? Она не была знакома ни с одним командиром наемников. Неровный почерк, множество вычеркнутых слов и довольно-таки… изобретательное правописание. Кем бы ни был этот человек, она…

Дочитав до конца, она недоуменно заморгала и вернулась к началу послания:

Ваше королевское Занозье в моей зад-

нице!

Ждем не дождемся растреклятой возможности поговорить с тобой и уже начинаем ~~сердиться~~ негодовать. (В смысле сердиться.) По словам Тома, теперь ты королева, но скажу, что это ничего не меняет, поскольку ты и без того всегда вела себя по-королевски. Не забудь, что я ~~вынес~~ вытаскал твой симпатичный зад из передряги в Тире, но тогда ты вела себя по-королевски, так что я сам не понял, чего удивился, что ты ведешь себя по-королевски, когда ты и правда королева.

В общем, я тоже буду обращаться к тебе как к треклятой королеве, а посему пишу тебе это дурацкое письмо с умными словами, чтоб ты обратила на меня внимание. Я даже запечатаю его своим перстнем, чтобы было типа как ~~покладено~~ положено. Короче, вот тебе моя формальная здравица: КОНЧАЙ НОС ОТ МЕНЯ ВОРОТИТЬ и давай поговорим. Мне нужны твои отливщики колоколов. Проклятье, я не шучу. Это важно.

Мэт

p. s. Здравица – в смысле приветствие.

p. p. s. Не обращай внимания на ошибки и вычеркнутые слова. Хотел переписать, но Том надо мной ржет, так что не стану. Сойдет.

p. p. p. s. Не обижайся, что назвал твой зад симпатичным. Я тогда на него почти не смотрел, чтоб ты мне зенки не выцарапала. И вообще я теперь человек женатый, поэтому все это неважно.

Илэйн даже не знала, гневаться ей или ликовать. Мэт в Андоре, и Том жив! Они выбрались из Эбу Дар! Но нашелся ли Олвер? И как им удалось сбежать от шончан?

Столько вопросов, столько нахлынувших эмоций… Чувствуя их, Бергитте выпрямилась и нахмурилась:

— Что такое, Илэйн? Этот человек оскорбил тебя?

Со слезами на глазах Илэйн обнаружила, что кивает. Бергитте ругнулась и подошла к столу. Судя по ошалелому виду, мастер Норри сожалел, что доставил это письмо. Илэйн вдруг расхохоталась, и Бергитте замерла:

— Илэйн?

— Все в порядке. — Илэйн вытерла слезы и через силу сделала глубокий вдох. — О-о Свет, как же мне этого не хватало! На, почитай.

Бергитте схватила письмо, прочла его, просветлела лицом и усмехнулась:

— Это у тебя-то симпатичный зад? Кто бы говорил. Такого шикарного огузка, как у Мэта, я ни у кого из мужиков не видела.

— Бергитте! — воскликнула Илэйн.

— Как есть, так и говорю. — Страж вернула ей письмо. — Мордашка у него слишком уж смазливая на мой вкус, но задница — просто загляденье. О Свет! Скорей бы он вернулся. Наконец-то смогу выпить с человеком, который не видит во мне треклятую военачальницу.

— Возьми себя в руки, Бергитте, — сказала Илэйн, сворачивая письмо.

Норри выглядел так, словно переживал глубочайший шок. Дайлин молчала. Смутить ее было непросто. Да и от Бергитте она слышала еще и не такое.

— Хвалю, мастер Норри, — сказала Илэйн. — Спасибо вам, что довели это до моего сведения.

— Выходит, вы и впрямь знакомы с этими наемниками? — В голосе Норри слышался легкий намек на изумление.

— Они не наемники. Если честно, я сама не знаю, как их назвать. Просто друзья. И надеюсь, союзники.

С какой стати Мэт привел Отряд Красной руки в Андор? Верны ли его люди Ранду? Можно ли найти им применение? Мэт, конечно, тот еще негодник, но до странного неплохо разбирается в тактике и военном искусстве, и каждый его солдат стоит десятка подонков, которых в последнее время была вынуждена нанимать Илэйн.

— Прошу прощения, ваше величество, ибо я допустил ошибку, — сказал Норри. — Как же я раньше не принес вам это письмо? Мои осведомители сообщили, что совсем недавно этот отряд состоял на службе мурандийской короны. Поэтому я проигнорировал настойчивость командира, хотя он твердил, что не является наемником.

— Все равно хвалю, мастер Норри, — повторила Илэйн, чувствуя себя не то счастливой, не то оскорбленной. Даже странно, как часто она разрывалась между этими эмоциями, когда в деле оказывался замешан Мэтрим Коутон. — О Свет, я же была страшно занята. Но прошу: если кто-то говорит, что знаком со мной, хотя бы расскажите об этом Бергитте.

— Будет исполнено, ваше величество.

— Договоритесь о встрече с мастером Коутоном, — продолжила Илэйн, в глубине души сокрушаясь, что у нее нет времени ответить столь же оскорбительным письмом. — И передайте, чтобы он обязательно привел с собой Тома. Пусть тот… держит его в узде.

— Как пожелаете, ваше величество, — ответил Норри со свойственным ему чопорным поклоном. — Разрешите удалиться?

В знак благодарности она улыбнулась и кивнула. Норри вышел и прикрыл за собой дверь, а Илэйн задумалась, не выпуская письма из руки. Нельзя ли как-то использовать Мэта для решения проблемы с Эллориен? Примерно так, как она использовала порубежников? Или это будет чересчур очевидно?

— Интересно, зачем ему понадобились отливщики колоколов? — спросила Бергитте.

— Может, ему всего лишь требуется новый колокол, чтобы отбивать часы в лагере.

— Неужели ты думаешь, что все так просто?

— Это же Мэт, — сказала Илэйн. — Он имеет обыкновение все усложнять. И от этого письма попахивает одной из его махинаций.

— Согласна. Будь ему нужен колокол, посидел бы часик в трактире и выиграл бы сколько надо.

— Да ладно, — сказала Илэйн, — не настолько он везучий.

Бергитте фыркнула в чашку:

— Будь повнимательнее, Илэйн. Этот парень в кости и Темного обыграл бы.

Илэйн покачала головой. Солдаты бывают чересчур суеверны, и Бергитте не исключение.

— Когда придет Мэт, непременно поставь на дежурство еще нескольких женщин-гвардейцев. Бывает, он выходит за рамки. Не хочу, чтобы мне закатили сцену.

— Так что это за человек? — спросила Дайлин. Похоже, она ничего не понимала.

— Один из двух та'веренов, выросших с Рандом ал'Тором, — объяснила Бергитте, залпом проглотив остатки чая.

С тех пор как забеременела Илэйн, Бергитте бросила пить. Что ж, хоть кто-то страдает с ней на пару.

— Мэт чрезвычайно… энергичен, — сказала Илэйн. — И способен принести немало пользы, если направить эту энергию в нужное русло. А если не направить — как бывает в большинстве случаев, — то названная особа являет собой сущее стихийное бедствие. Но что ни говори, сражаться он умеет. И его Отряд тоже.

— Ты намерена найти ему применение? — с одобрением взглянула на девушку Бергитте.

— Ну конечно, — ответила Илэйн. — И Мэт, помнится, говорил, что в Отряде хватает уроженцев Кайриэна. Если они войдут в страну в составе моей армии, с передачей власти возникнет куда меньше трудностей.

— Таким образом, ты действительно собираешься сделать этот шаг? — спросила Дайлин. — Захватить Солнечный трон, прямо сейчас?

— Мир нуждается в сплоченности, — заявила Илэйн, вставая. — Начав с Кайриэна, я продолжу объединять людей. Ранд уже правит Иллианом и Тиром, а с айильцами его соединяют кровные узы. Мы все связаны друг с другом.

Она взглянула на запад, чувствуя, что именно там находится тот клубок эмоций, которым был Ранд. В последнее время от него не исходило ничего, кроме глубоко запрятанного ледяного гнева. Где же теперь Ранд? Быть может, в Арад Домане?

Илэйн любила его, но не собиралась смотреть, как Андор становится очередной провинцией империи Дракона. Кстати, кто станет править этой империей, если Ранду все же суждено умереть у Шайол Гул? Возможно, она рассыплется, но Илэйн опасалась, что кому-то — допустим, Дарлину

— хватит сил удержать ее от распада. Если так, одинокий Андор окажется меж трех огней: на юго-западе — напористая Шончанская империя, на северо-западе и юго-востоке — преемник Ранда, а на севере и северо-востоке — объединенные силы порубежников.

Такого она не допустит. Как женщина, она вся сжималась при мысли о смерти Ранда, но королеве не пристало быть такой тряпкой. Мир меняется.

— Как понимаю, править двумя государствами будет непросто, — сказала Илэйн. — Но я обязана взять Кайриэн. Ради блага обоих престолов.

Она повернулась и посмотрела Дайлин в глаза. Помедлив, та кивнула:

— Как вижу, ты уже приняла решение.

— Так и есть, — ответила Илэйн. — Но думаю, для этого мне потребуется надежный способ Перемещения. Иначе не справиться. Давайте устроим встречу с Алис и Сумеко. Пора обсудить будущее Родни.

Глава 12
Пустая чернильница

Сидя на подоконнике в Твердыне Тира, Мин наслаждалась теплом.

Послеобеденный ветерок освежал, хотя был напитан влагой и запахами раскинувшегося внизу города. Тайренцы называли такую погоду «зябкой», но Мин лишь улыбалась: любопытно, что сказали бы они о нормальной андорской зиме с ее сугробами у стен домов и свисающими с карнизов сосульками?

Что касается здешней погоды, в последнее время она была чуть менее знойной, чем обычно, но тепло, которым наслаждалась Мин, не имело отношения к жаркому воздуху.

Над городом сияло солнце. Во внутренних дво-

рах крепости Защитники Твердыни в куртках с рукавами в черно-золотую полоску и таких же штанах то и дело останавливались и поднимали глаза. На горизонте еще висели тучи, но над городом небо расчистилось и теперь являло собой неестественно ровный синий круг.

Но ощущаемое Мин тепло исходило не от солнца.

— Как ты можешь просто сидеть и ничего не делать? — осведомилась Найнив.

Мин повернула голову. Стены Твердыни были толстыми, подоконник — широким, окно — раскрытым настежь. Мин сидела, согнув ноги в коленях и уперев босые ступни в откос. Сапоги с чулками остались на полу возле стопки книг.

Найнив расхаживала по комнате. Тирская Твердыня пережила разорительные войны, осады и ураганы, но теперь Мин задавалась вопросом, не падет ли эта крепость под напором раздражения Найнив ал'Мира. Последние три дня темноволосая Айз Седай вышагивала по коридорам, словно наползающая грозовая туча, устрашая Защитников и приводя в ужас слуг.

— Три дня, — сказала Найнив. — Его нет уже три дня! На носу Последняя битва, а Дракон Возрожденный исчез!

— Он не исчез, — спокойно возразила Мин. — Ранд знает, где находится.

— И ты тоже знаешь, где его искать, — бросила Найнив.

— Я не отведу тебя к нему.

— Но почему, Мин? Нельзя же…

— Ему надо побыть одному.

Не сказав на это ни слова, Найнив подошла к угловому столику и налила себе чашку тремалкинского черного. Охлажденный чай. Так странно… Обычно чай пьют в холодные дни, чтобы согреться.

Мин снова обратила взор к северу, на далекую пелену грозовых туч. Насколько можно было судить благодаря узам, теперь Мин смотрела прямо на него. Где он, в Андоре? Или, быть может, в Порубежье? Поначалу, когда он так сильно страдал, Мин не терпелось отыскать его, используя связующие их узы. Та боль была глубже, чем раны в его боку: душевные муки, гнев, отчаяние… В такие моменты Ранд, казалось, становился опаснее, чем когда-либо. Даже той ночью, когда он встал рядом на колени, схватил ее за горло и начал душить, Ранд не вызывал у Мин такого ужаса.

А затем…

Она улыбнулась.

А затем ей стало тепло. Узы лучились этим теплом, уютным, словно огонь в камине зимой. Случилось что-то прекрасное, что-то, чего она ждала, сама того не зная.

— Все будет хорошо, Найнив, — пообещала она.

— С чего бы? — Найнив отхлебнула из чашки. — Он не уничтожил Эбу Дар, но разве это значит, что Ранд не опасен? Ты же слышала, как он едва не обошелся с Тэмом. Со своим собственным отцом, Мин!

— Едва? Нельзя судить человека за несовершенные поступки, Найнив. Ранд сдержался.

— Но у Натринова Кургана он себя не сдерживал.

— Это было необходимо.

— В тот момент ты думала иначе.

Мин глубоко вздохнула. В последнее время Найнив частенько затевала споры, и у нее, вне всяких сомнений, имелись причины нервничать. Как-никак, ее муж отправился навстречу своей смерти, а Дракон Возрожденный, в ком она по-прежнему видела своего подопечного, — блуждал где-то один-одинешенек, и Найнив ничего не могла с этим поделать. А больше всего на свете она ненавидела собственное бессилие.

— Найнив, — сказала Мин, — если это не закончится в обозримом будущем, я отведу тебя к нему. Обещаю.

— В обозримом будущем? — прищурилась Айз Седай.

— Через несколько дней.

— За несколько дней он может сровнять с землей весь Кайриэн.

— Найнив, ты и вправду думаешь, что он так поступит? — тихо спросила Мин. — Только честно.

— Честно? — Найнив схватила чашку и уставилась на ее содержимое. — В свое время я лишь посмеялась бы над этой мыслью. Я знаю Ранда ал'Тора с детства, и этот ребенок по-прежнему живет в его душе. Но меня пугает мужчина, в которого он превратился. Я всегда говорила, что ему не мешало бы вырасти. И вот… — заметно вздрогнула она, — вот он и вырос.

Мин собралась было возразить, но отвлеклась на движение: две Девы — Суриал и Лериан, — охранявшие открытую дверь (в последнее время рядом с Мин всегда были Девы), повернулись к коридору. Кто-то приближался.

Несколькими мгновениями позже в комнатку вошла Сарен Немдал. Мин нечасто появлялась в скромных апартаментах, отведенных ей в Твер-

дыне, предпочитая проводить время с Рандом, и в гостиной не было ничего, кроме пушистого бело-синего ковра и вишневого столика.

Волосы Сарен, по обыкновению заплетенные в косички и по обыкновению украшенные бисером, обрамляли почти идеальное лицо.

— Тебя призывает Кадсуане Седай, — сказала она.

— Неужели? — спросила Найнив. — Быть может, пусть лучше Кадсуане Седай…

— Аланна пропала, — невозмутимо продолжила Сарен. — Исчезла прямо из своих покоев. Защитники не видели, как она уходила, и следов переходных врат не обнаружено.

— Вон оно что. Что ж, тогда пойдем. — И Найнив выскочила в коридор.

* * *

— Повторяю, я ничего не почувствовала, — сказала Кореле. Она улыбнулась, поглаживая нос. — Понятия не имею, как ей удалось уйти. Разве что она каким-то образом научилась летать. Кстати, с оглядкой на последние события это не так уж неправдоподобно.

«Глупая женщина», — подумала Кадсуане, не отводя от нее мрачного взгляда. Иной раз легко-

мыслие Кореле выглядело предпочтительнее, чем напыщенность некоторых Айз Седай, но сегодня терпение Кадсуане было на исходе.

Все с той же улыбкой Желтая сестра пожала плечами, но больше ничего не сказала. Подбоченившись, Кадсуане обвела взглядом тесную комнату. Здесь было место для сундука с одеждой, койки и письменного стола. Кадсуане не ожидала от Айз Седай столь скромных запросов — даже здесь, в Тире. Разумеется, Аланна не афишировала свою тесную связь с Драконом, и о ней мало кто знал.

У стены стояли еще две Айз Седай: Рафела Синдал и Бера Харкин. По словам Беры, та почувствовала, как Аланна направляет Силу, но явно не в объеме, необходимом для создания переходных врат.

Чтоб ей сгореть, этой женщине! Кадсуане полагала, что она, несмотря на недавнее упрямство Аланны, держит ее в ежовых рукавицах. Очевидно, Аланна подготовилась к побегу из Твердыни: в сундуке не осталось одежды, а на столе не было ничего, кроме пустой чернильницы.

— Она ничего вам не говорила? — спросила Кадсуане.

— Нет, Кадсуане Седай, — ответила Бера. — Уже

несколько недель мы перекидывались только дежурными фразами, хотя… Хотя я не раз слышала, как она плачет, закрывшись в комнате.

— Что за сыр-бор? — донесся с порога новый голос. Обернувшись, Кадсуане встретилась взглядом с Найнив. — Речь об одном-единственном человеке. И насколько я понимаю, Аланну никто не удерживал, и она имела право уйти, когда ей заблагорассудится.

— Ха! — отозвалась Кадсуане. — Эта девица — не просто «один-единственный человек», а важный инструмент. Средство достижения цели. — Поверх столешницы она протянула Найнив найденный в комнате конверт с остатками кроваво-красной восковой печати. — Узнаешь?

— Нет, — нахмурилась Найнив. — А должна?

Правда или ложь? Как же это неприятно, не иметь возможности доверять словам женщины, называющей себя Айз Седай! Но Найнив ал'Мира никогда не держала в руках Клятвенного жезла.

В ее глазах читалось искреннее смущение. Не может такого быть, чтобы Найнив не заслуживала доверия, ведь она так гордилась своей честностью! Если только это не притворство. Если она не Черная сестра.

«Полегче, — подумала Кадсуане, — а не то ста-

нешь такой же подозрительной, как мальчишка». Итак, конверт Аланне передала не Найнив, и теперь у Кадсуане не осталось вразумительных версий насчет происхождения этого письма.

— Итак, в чем дело, Кадсуане Седай? — осведомилась Найнив.

Ладно хоть не забыла добавить к вопросу почтительное обращение: иначе Кадсуане выбранила бы девчонку за подобный тон. Но, по правде говоря, она была расстроена не меньше Найнив. Иногда такие чувства оправданны: например, когда не за горами конец света, а Дракон Возрожденный вконец отбился от рук.

— Не знаю, — ответила Кадсуане. — Письмо открывали в спешке: видишь, бумага порвана. Конверт бросили на пол, а записка исчезла вместе с одеждой и предметами первой необходимости.

— Но почему это так важно? — спросила Найнив.

За спиной у нее в комнату скользнула Мин, а Девы встали по обе стороны от двери. Интересно, выяснила ли девушка реальную причину, по которой айилки ходят за ней по пятам?

— Потому что, Найнив, она способна привести к Дракону, — ответила Мин на прозвучавший вопрос.

Найнив фыркнула:

— Толку от нее было не больше, чем от тебя, Мин.

— Твое мнение очень важно для нас, Найнив, — холодно произнесла Кадсуане, — но Тень умеет вызвать человека на откровенность.

Залившись краской, Найнив пробурчала себе под нос что-то свирепое. Аланна могла указать путь к Дракону Возрожденному. Если ее захватили прислужники Темного, Ранда от них не спрячешь. И они уже не раз пытались завлечь Дракона в самые смертоносные ловушки.

— Как же мы глупы, — сказала Найнив. — Почему ее не охраняла сотня Дев?

— Отрекшиеся и раньше знали, где его искать, — ответила Кадсуане, хотя в глубине души согласилась: надо, надо было пристальнее следить за Аланной! — Но он выжил. Это всего лишь еще один фактор, о котором надо знать. — Она вздохнула. — Не мог бы кто-нибудь принести чай?

На призыв откликнулась Бера, хотя Кадсуане не особо старалась воспитать в этой женщине подобострастие к своей персоне. Что ж — как видно, ее репутация чего-то да стоила.

Вскоре Бера вернулась, а пока ее не было, Кадсу-

ане вышла в коридор, чтобы все обдумать. Теперь же, приняв чашку, она с содроганием подумала, насколько он теперь горький, этот напиток. Она попросила чай по двум причинам: во-первых, чтобы выиграть минутку на размышления, а во-вторых, если у женщины свободны руки, зачастую может показаться, что она нервничает.

Кадсуане поднесла чашку к губам. Что дальше? Опросить Защитников у ворот Твердыни? Прошлым вечером Аланна — после настоятельных просьб — подтвердила, что ал'Тор находится все там же. Где-то на севере. Возможно, в Андоре. Уже три дня. Что же этот скудоумный мальчишка…

Она замерла. Чай оказался неплох на вкус.

Вернее сказать, чай был великолепен. Медовой сладости ровно столько, сколько надо. Расслабляющий вкус с едва заметной ноткой горечи. С тех пор как Кадсуане пила неиспорченный чай, прошло несколько недель, а то и месяцев.

Охнув, Мин развернулась к северным кварталам города. Обеих Дев как ветром сдуло. Они уже неслись по коридору, подтверждая подозрения Кадсуане: Девы сторожили Мин не столько ради того, чтобы защитить девушку, сколько высматривая признаки…

— Он здесь, — еле слышно произнесла Мин.

Глава 13
И оплачет содеянное

Опрометью выскочив через Ворота Драконовой Стены на восточной стороне Тирской Твердыни, Мин рванула через внутренний двор. Вдогонку за ней потоком устремились айилки — казалось, тут был чуть ли не целый клан. Девы догнали ее, обогнули, как олень огибает дерево, и просочились меж оторопевших Защитников Твердыни и ничего не понимающих конюхов, после чего с присущей им грацией помчались к стене, растоптав чувство собственного достоинства Мин — еще бы, ведь когда-то в честном состязании она могла обогнать любого знакомого мальчишку, но теперь… Как видно, сказались месяцы, которые она провела, корпя над книгами.

Впрочем, она опередила Айз Седай, обреме-

ненных необходимостью блюсти надлежащий декорум. Что касается Мин, она давно уже перестала вспоминать о внешних приличиях, когда речь заходила о некоем овечьем пастухе внушительного роста. Поэтому девушка во весь дух мчалась к воротам, по пути благодаря тех, кто придумал штаны, и еще тех, кто изобрел сапоги.

Все, добежала. Резко остановившись, Мин посмотрела вперед — туда, где за колонной айилок в кадин'сор открывался вид на человека, беседовавшего с двумя Защитниками из числа тех, кто патрулировал стену. Мужчина тоже взглянул на нее, поскольку оба с одинаковой силой чувствовали близость друг друга.

Ранд обзавелся где-то старым коричневым плащом, длинным и с рукавами как у куртки, хотя не стал продевать в них рук, и плащ свободно висел на плечах, а под ним была рубашка и отличные черные штаны.

Теперь, когда он был рядом, тепло, накатывающееся через узы, стало будто всепоглощающим. Видят ли это остальные? Мин захотелось прикрыть глаза рукой, хотя видеть тут было нечего. Это все из-за уз, хотя… Хотя ей показалось, что воздух вокруг Ранда и впрямь дрожал. Быть может, эту шутку сыграл солнечный свет? Возле

его головы вращались новые образы. Обычно Мин не обращала на них внимания — обычно, но не теперь. Пещера, похожая на разверстую пасть. Окровавленные камни. Двое мертвецов на земле, а вокруг бесчисленные ряды троллоков. Курительная трубка, из ее чашки вьется дымок.

Ранд встретился с девушкой взглядом, и, даже несмотря на узы, Мин поразилась тому, что́ увидела: эти серые, похожие на самоцветы глаза стали глубже, а вокруг них появились едва заметные морщинки. Или они уже были там? Нет, такие морщинки ему не по возрасту.

Да и глаза уже не были молоды. Глядя в них, Мин чуть было не запаниковала: Ранд ли это, или того прежнего, любимого ею Ранда похитили, подменили не человеком, а древней силой, которую Мин не способна ни узнать, ни познать? Неужели она все-таки потеряла своего Ранда?

А потом он улыбнулся, и его глаза, по-новому глубокие, стали… его прежними глазами. Именно этой улыбки Мин так давно ждала: улыбки, гораздо более уверенной, чем когда все только начиналось между ними, но и ранимой, позволяющей заглянуть в недоступные другим закоулки его души — те, где Ранд оставался юн и непорочен.

Мин подбежала и бросилась ему на шею:

— Ты, болван шерстеголовый! Три дня! Где ты пропадал целых три дня?!

— Существовал, Мин, — ответил он, заключив ее в объятия.

— Я и не знала, что существовать — такая уж сложная задача.

— Для меня — да. Иногда. — Он умолк, и она удовольствовалась объятиями. Да, это был тот же человек. Он изменился — причем к лучшему, — но остался Рандом. Мин прильнула к нему, и плевать, что вокруг собираются все новые и новые люди. Пусть себе смотрят.

Наконец она выдохнула и нехотя отпрянула:

— Ранд, Аланна исчезла. Сегодня, совсем недавно.

— Да, я почувствовал, как она уходит. Куда-то на север. В Порубежье. Быть может, в Арафел.

— Ее могут использовать против тебя. Чтобы узнать, где ты находишься.

Он улыбнулся. О Свет! Как же приятно снова видеть его улыбку!

— Тени больше не надо искать меня, Мин. И не понадобится. Отныне все ее глаза неотрывно следят за мной, и так будет, покуда я не лишу ее зрения.

— Что? Но, Ранд…

— Все хорошо, Мин. Прошли те времена, когда Тень могла заставить меня умолкнуть, не привлекая внимания, и так победить. Противостояние неизбежно, и порождающий лавину вопль уже прозвучал.

Казалось, Ранд был охвачен пламенем жизни, и оно пьянило, и оно вызывало трепет. Обняв Мин левой рукой — той, что оканчивалась культей, — Ранд повернулся к айильцам:

— У меня есть *тох*.

Те стояли молча, хотя во внутреннем дворе царил хаос.

«Они подготовились к этой встрече», — подумала Мин. Айильцы не проявляли враждебности, но и не разделяли охватившего Защитников Твердыни возбуждения. По мнению тайренцев, Ранд вернулся, чтобы вести их на Последнюю битву.

Наконец вперед выступил Руарк:

— В Пустыне водится зверек под названием мигерлинг. Он похож на крысу, но куда глупее. Посади его рядом с зерном, и мигерлинг бросится к нему, невзирая на опасность. Не важно, сколько раз он упадет в ров, отделяющий его от еды: верни мигерлинга на прежнее место, и он поведет себя точно так же. Айильская детвора

охотно забавляется такой игрой. — Он задумчиво смотрел на Ранда. — Не думал, что ты окажешься мигерлингом, Ранд ал'Тор.

— Обещаю, что впредь никогда не оставлю вас, — сказал Ранд. — Разве что у меня не будет выбора. В таком случае я скажу вам об этом. И возьму с собой Дев, чтобы те охраняли меня — если сумею заручиться их согласием.

Айильцы стояли как вкопанные.

— Так ты всего лишь не заслужишь новый тох, — заметил Руарк. — Этим не изменишь того, что уже совершено. Кроме того, ты прежде уже давал обещания.

— Это так, — подтвердил Ранд, глядя вождю клана в глаза. — Значит, я искуплю свой тох.

Что-то промелькнуло между ними — что-то, чего не поняла Мин, — а затем айильцы расслабились и расступились. Двадцать Дев, выйдя вперед, взяли Ранда в сторожевое кольцо. Руарк, отступив вместе с остальными, присоединился к группе Хранительниц Мудрости, наблюдавших за происходящим в некотором отдалении.

— Ранд? — окликнула его Мин.

— Все будет хорошо, — повторил он, хотя его эмоции омрачились. — То было одно из дел, которые мне надо уладить. Одно из многих.

Убрав руку с плеча девушки, Ранд обвел внутренний двор нерешительным взглядом — так, словно хотел что-то найти. Не увидев того, что искал, он направился к только что явившемуся в спешке королю Дарлину.

Тот поклонился, положив ладонь на эфес висевшего на боку тонкого узкого меча со сложной гардой.

— Милорд Дракон! — приветствовал он Ранда. — Мы наконец-то выступаем?

— Пойдем со мной, Дарлин, — ответил Ранд, не замедляя шага и продолжая идти через двор. — У нас много дел. Кто еще здесь? Наришма, Флинн. Замечательно. — Он кивнул двоим подбежавшим к нему Аша'манам в черных мундирах. — А ваши Айз Седай? Ага, вон они. Что ж, теперь к ним. Кайнеа, будь добра, собери посыльных.

Одна из Дев — с необычайно темными для Айил волосами — убежала выполнять поручение. Не отставая от Ранда и Дарлина, Мин нахмурилась. Двое Аша'манов шагали следом.

Шедших им навстречу Айз Седай возглавляли Найнив и Мериса. Увидев, что Ранд приближается, женщины остановились, решив не подходить к нему. Они явно хотели, чтобы он сам к ним подошел. Женщины сбились в кучку, принялись

оправлять платья и выглядели при этом куда нерешительнее, чем пристало Айз Седай.

Ранд пересек шумный просторный двор и, ступив под сень высоких укреплений Твердыни, приблизился к женщинам.

— Ранд ал'Тор, — шагнула к нему Найнив, скрестив руки на груди, — ты…

— Болван? — с улыбкой закончил за нее Ранд. — Заносчивый дурак? Импульсивный мальчишка с шерстью вместо мозгов, которому надо бы хорошенько надрать уши?

— Эм-м… Вот именно.

— Все так, Найнив, — сказал он. — Теперь я это понимаю. По-видимому, я нажил малую толику мудрости. Однако тебе пора выдумать новые оскорбления. Эти поизносились, как изнашиваются прошлогодние кружева. Пошлите кого-нибудь за Кадсуане. Я не стану ее казнить. Честное слово.

Судя по всему, Айз Седай были шокированы его бестактным тоном, но Мин улыбнулась. После противостояния с айильцами Ранд вновь набрался самоуверенности, и крайне приятно было видеть, как на устах обезоруженных Айз Седай тают возражения и обвинения.

Мериса велела служанке сбегать за Кадсуане.

— Наришма, — повернулся к Аша'ману Ранд. — Проведай армию порубежников — тех, что искали меня. Думаю, она по-прежнему в Фар Мэддинге. Скажи ее командирам, что я принимаю их условия и через несколько дней встречусь с ними.

— Благоразумно ли это, милорд Дракон? — спросил Наришма. — Если вспомнить об особенностях того места?

— Благоразумно ли? Благоразумие — удел тех, кто намерен прожить долгую жизнь, Наришма. Дарлин, пусть благородные лорды и леди Тира соберутся для встречи со мной. Чтобы известить их, хватит одного гонца. И доведи до всеобщего сведения, что Белая Башня воссоединилась и Престолом Амерлин теперь является Эгвейн ал'Вир.

— Что-что? — переспросила Мериса.

Кто-то из Айз Седай сдавленно охнул, а кое-кто даже приоткрыл от удивления рот.

— Ранд, — сказала Мин, — вряд ли Амерлин будет рада узнать, что ты распространяешься о расколе.

— Верно подмечено, — согласился Ранд. — Дарлин, обнародуй вот что: Эгвейн ал'Вир заняла Престол Амерлин после Элайды а'Ройхан. Так мы оповестим всех, не сказав при этом лишнего. Свету ведомо, мне незачем сердить Эгвейн еще

сильнее…

— Сильнее? — побледнела Кореле.

— Ага, — беззаботно кивнул Ранд. — Я уже встретился с ней в Белой Башне.

— И что, тебе дали уйти? — спросила Кореле.

— Я не оставил им выбора. Дарлин, будь любезен, устрой здесь смотр войскам. Пусть будут здесь к вечеру. Флинн, нам понадобятся переходные врата. Большие. Думаю, без круга не обойтись.

— Врата? В Тарвиново ущелье? — с надеждой в голосе спросила Найнив.

Глядя на нее, Ранд медлил с ответом, и Мин почувствовала его боль — острую, пронзительную, настоящую боль, — когда он заговорил:

— Пока нет, Найнив. Я подлил в Белую Башню горячего масла, и вскоре она закипит. Время… Его-то у нас и нет. Обещаю тебе, я отправлю Лану подмогу, но сейчас мне надо приготовиться к противостоянию с Эгвейн.

— К противостоянию? — подступила к нему Найнив. — Что ты наделал, Ранд?

— То, что нужно было сделать. Где Башир?

— За городом, милорд Дракон, со своими людьми, — ответил Флинн. — Объезжает лошадей. Думаю, скоро вернется.

— Хорошо. Он отправится со мной в Арад До-

ман. И ты тоже, Найнив. Мин! — Ранд взглянул на девушку, и она едва не утонула в его бездонных глазах. — Ты нужна мне, Мин.

— Я в твоем распоряжении, дурень ты полоумный.

— Калландор, — сказал он, — играет во всем этом какую-то роль. Ты должна выяснить какую. Я не могу запечатать Скважину тем способом, что испробовал в прошлый раз. Чего-то мне не хватает. Чего-то очень существенного. Найди мне это «что-то».

— Найду, Ранд. — По телу Мин пробежал холодок. — Обещаю.

— Я верю в тебя. — Он поднял взгляд на фигуру в плаще с низко надвинутым на лицо капюшоном, вышедшую из караульного помещения, коих в Твердыне было множество. — Кадсуане Меледрин, я прощаю тебе ошибки прошлого и отменяю приказ об изгнании, хотя для тебя он был лишь незначительным неудобством.

Она хмыкнула и сняла капюшон:

— По-твоему, носить плащ в такую жару — неудобство из разряда незначительных? В таком случае, мальчик, ты не различаешь степеней дискомфорта, и стоило бы преподать тебе соответствующий урок. Вижу, ты понимаешь, что

ошибся. Но начнем с того, что слова «прощение» и «помилование» кажутся мне неуместными.

— В таком случае, — сказал Ранд, — соизволь принять помилование вместе с извинениями. Скажем так: последнее время я находился в чрезвычайно напряженном состоянии.

— В отличие от остальных, — строго произнесла Кадсуане, — тебе нельзя допускать, чтобы бремя жизни влияло на твои поступки.

— Напротив. Из-за этого бремени я стал тем, кем стал, Кадсуане. Нельзя изменить форму металла, не ударяя по нему молотом. Но это не относится к делу. Ты пыталась манипулировать мной, и у тебя ровным счетом ничего не получилось. Но благодаря твоей неудаче я кое-что понял.

— Например?

— В прошлом я думал, что из меня выковывают меч, — сказал Ранд, глядя куда-то вдаль. — Но ошибался. Я не оружие. И никогда им не был.

— И каково же твое предназначение? — с искренним любопытством спросила Мин, но Ранд только улыбнулся.

— Кадсуане Седай, согласна ли ты принять мое поручение? — спросил он.

— Смотря в чем оно заключается, — ответила Айз Седай, сложив руки на груди.

— Мне нужно, чтобы ты кое-кого нашла. Человека, который пропал. Подозреваю, что сейчас он в руках у союзников, исполненных самых благих намерений. Видишь ли, мне сообщили, что Маттина Стефанеоса удерживают в Белой Башне.

— И он тебе нужен? — нахмурила брови Кадсуане.

— Вовсе нет. Я еще не решил, что с ним делать. Поэтому пусть он остается проблемой Эгвейн — до поры до времени. Нет, нужный мне человек, вероятно, находится где-то в Каралейнской степи. Остальное расскажу, когда мы останемся наедине.

Во дворе собирались благородные лорды и леди. Ранд бросил на них взор и заодно снова оглядел двор — так, словно что-то искал и очень хотел найти, — после чего повернулся к новоприбывшим.

Мин окинула их скептическим взглядом. Если не считать Дарлина, высокородные не производили на нее особого впечатления. Ранд положил ладонь девушке на плечо. Несмотря на наряды из дорогих шелков, на кружевные воротники и манжеты, вид у аристократов был какой-то растрепанный: некоторых, по всей очевидности, подняли с постели, а других вытащили из-за

стола. Во дворе Твердыни, где у всех прочих была какая-то цель, эти люди выглядели на редкость неуместно.

«Не суди их так строго», — напомнила себе Мин, скрестив руки. С другой стороны, она сама видела, как гнетуще действуют на Ранда их интриги и комплоты. К тому же она всегда недолюбливала людей, ставивших себя выше других.

— В шеренгу — становись! — скомандовал Ранд, подходя к аристократам.

Благородные лорды и леди непонимающе уставились на него.

— Кому сказано, в шеренгу! — громко и твердо повторил Ранд. — Живо!

На сей раз аристократы проявили расторопность. Первым встал Дарлин, с которого Ранд и начал: заглядывая в глаза каждой женщине и каждому мужчине, Ранд двинулся вдоль шеренги. Его эмоции были… необычными. Возможно, с легкой примесью гнева. Что же он задумал?

Во внутреннем дворе стало тихо. Все замерли. Не говоря ни слова, Ранд продолжал шагать вдоль строя, поочередно рассматривая каждого из знатных господ. Мин посмотрела в конец шеренги — туда, где стоял Вейрамон. Рослый, с редеющими седыми волосами, с напомаженной остроконеч-

ной бородкой, он то и дело поглядывал на Ранда и тут же отводил взор.

Наконец Ранд остановился напротив него и негромко произнес:

— Посмотри мне в глаза, Вейрамон.

— Милорд Дракон, но как же я, недостойный, могу…

– *В глаза мне смотри!*

Вейрамон послушался. Как ни странно, с заметным трудом. Казалось, он заскрежетал зубами. И у него слезились глаза.

— Значит, это и правда ты, — сказал Ранд, и Мин почувствовала, как он разочарован. Последней в шеренге стояла красавица Анайелла. Когда Ранд взглянул на нее, она попятилась и отвернулась. — То есть вы. Оба.

— Милорд… — начал Вейрамон.

— Доставьте мое послание, — продолжил Ранд. — Остальным из вашего… альянса. Передайте, что отныне вам не затесаться в ряды моих союзников.

Благородный лорд принялся было возражать, но Ранд подступил к нему, и Вейрамон испуганно раскрыл глаза. Анайелла, вскрикнув, спрятала лицо в ладонях.

— Передайте всем вашим, — тихо, но требова-

тельно говорил Ранд, — что я больше не слеп.

— Почему… — подала голос Анайелла. — Почему ты отпускаешь нас?

— Потому что сегодня день воссоединения, а не казни, — объяснил Ранд. — Теперь ступайте.

Вейрамон и Анайелла с опустошенным видом убрели прочь, держась тени, пока не юркнули в Твердыню. Судя по ошеломленным лицам остальных, никто ничего не понимал, хотя айильцы принялись стучать копьями по щитам.

— Лиэх! — велел Ранд. — Возьми еще двоих, и не спускайте с них глаз.

Три Девы, отделившись от группы охранявших Ранда, метнулись вслед за изгнанными аристократами.

Мин подошла к Ранду и взяла его за руку:

— Что это было? Что ты в них увидел?

— Время пряток и ухищрений миновало, Мин. Тень сделала ставку против меня и проиграла. Теперь все решит война.

— Так, значит, эти двое — приспешники Темного? — оторопела она.

— Больше они не опасны, — улыбнулся ей Ранд. — Я…

Вдруг он осекся и повернул голову. Проследив за его взглядом, Мин обмерла.

Совсем рядом с ними, только что появившись из ближайшей двери, ведущей внутрь Твердыни, на невысоком крыльце стоял Тэм ал'Тор. Над чувствами Ранда возобладала тревога, и теперь Мин поняла, кого он высматривал во внутреннем дворе.

Тэм, не двигаясь, смотрел на сына. Его волосы были седы, а лицо покрыто морщинами, но многие позавидовали бы его физической форме.

Ранд поднял руку, и толпа расступилась. Разошлись даже Айз Седай. По образовавшемуся коридору Ранд направился к крыльцу, ведущему в Твердыню. Мин последовала за ним. Ранд поднялся на пару ступенек, но остановился. Во дворе стало тихо; даже чайки и те умолкли.

Ранд застыл в нерешительности, и Мин почувствовала его нежелание, его стыд, его ужас. Так странно… Ранд — человек, не дрогнувший перед Отрекшимися, — боялся своего отца.

Вдруг, в два прыжка преодолев последние ступени, Ранд стиснул отца в объятиях. Он стоял ступенькой ниже, и поэтому оба были примерно одного роста. Даже больше: Тэм казался почти что великаном, а Ранд — приникшим к нему ребенком.

Там, обнимая отца, и расплакался Дракон

Возрожденный — на глазах у посерьезневших тайренцев, айильцев и Айз Седай. Никто не отошел в сторону и не отвернулся. Ранд крепко зажмурился и прошептал так тихо, что даже Мин едва услышала его:

— Прости, отец. Мне так жаль…

— Ладно тебе, сынок. Перестань.

— Я совершил столько ужасных поступков…

— Не бывает такого, чтоб идти по ухабистой дороге и не споткнуться раз-другой. Ты упал, но падение не сломило тебя, и это важнее всего.

Ранд кивнул. Какое-то время они стояли обнявшись. Наконец Ранд отстранился и подал знак Мин, стоявшей у подножия лестницы.

— Пойдем, отец, — сказал он. — Хочу представить тебе одного человека.

— Три дня прошло, Ранд, — усмехнулся Тэм. — Мы уже с ней знакомы.

— Понимаю, но мне нужно представить вас друг другу. — Он взмахнул рукой, подзывая Мин.

Та приподняла бровь и скрестила руки. Ранд с мольбой взглянул на девушку. Мин вздохнула и поднялась по ступеням.

— Отец, — сказал Ранд, положив руку ей на плечо, — это — Мин Фаршав. И она мне очень дорога.

Глава 14
Обет

Ступая по зеленой траве, вдыхая приятно прохладный воздух, Эгвейн поднималась по пологому склону. Бабочки лениво порхали от цветка к цветку, напоминая любопытных детей, шарящих по буфетам. Эгвейн велела туфлям исчезнуть, чтобы чувствовать босыми ногами каждую травинку.

С улыбкой сделав глубокий вдох, она подняла глаза к бурлящему черному небу — гневному, свирепому, безмолвному, несмотря на аметистовые вспышки молний. Над головой жуткая буря, а под ногами — тихая и спокойная лужайка. Такова дихотомия Мира снов.

Как ни странно, теперь *Тел'аран'риод* казался

ей менее естественным, чем во время первых посещений, когда она пользовалась *тер'ангриалом* Верин и относилась к этому месту как к игровой площадке, меняла наряды по щелчку пальцев и предполагала, что ей ничего не грозит. Она тогда не понимала, что Тел'аран'риод не безопаснее выкрашенного в красивый цвет медвежьего капкана. Хорошо, что Хранительницы Мудрости вправили ей мозги. Иначе Эгвейн вряд ли дожила бы до Престола Амерлин.

«Да. Пожалуй, это здесь». Холмы, перелески и зеленая трава. Первое место, куда явилась Эгвейн больше года тому назад. Теперь же она, зашедшая так далеко, вновь стояла на прежнем холме, и в этом было что-то многозначительное, но в то же время казалось, что, прежде чем все закончится, ей придется преодолеть такое же расстояние, но в гораздо меньшие сроки.

Пока Эгвейн была пленницей Башни, она не раз напоминала себе, что нельзя распылять внимание, пытаясь одновременно сосредоточиться на решении нескольких вопросов. Главным тогда было воссоединение Белой Башни. Теперь же проблемы и возможные пути их решения казались бессчетными, и ошеломленная Эгвейн утопала в незаконченных делах, которые требовалось

завершить.

К счастью, за последние дни в городе обнаружили несколько неучтенных партий зерна — одну на всеми забытом складе, что принадлежал человеку, не пережившему зиму, а другие поменьше, то тут несколько мешков, то там. Что важнее всего, на этом зерне не было ни следа порчи.

Сегодня вечером Эгвейн предстояло провести два совещания, посвященных другим вопросам. Труднее всего будет принять то, как на нее смотрят окружающие, поскольку ни одна из двух группировок не видела в Эгвейн ту, кем она стала.

Зажмурившись, девушка силой мысли отправилась прочь, а открыв глаза, обнаружила, что стоит в просторном зале с густыми тенями по углам и лесом колонн, из-за своей толщины походивших на башни. Это было Сердце Твердыни Тира.

Среди этого леса, в центре комнаты сидели на полу две Хранительницы Мудрости в одинаковых светло-коричневых юбках и белых блузах, но с совершенно разными лицами.

Лицо пожилой Бэйр было морщинистым, словно кожа, после выделки забытая на солнце. Порой Бэйр демонстрировала непреклонность, но в

уголках рта и глаз притаились складочки, характерные для улыбчивых людей.

Благодаря способности направлять Силу лицо Эмис оставалось гладким как шелк, не безвозрастным, но таким непроницаемым, что она могла бы сойти за Айз Седай.

Обе айилки уже расшнуровали блузы, и каждая подпоясалась шалью. Эгвейн села напротив них, оставшись в обычной одежде мокроземцев. Эмис изогнула бровь; может, подумала, что девушке следовало предстать перед ними в ином виде? Или оценила, что Эгвейн не прикидывается той, кем не является? Трудно сказать.

— Битва за Белую Башню окончена, — сообщила Эгвейн.

— А эта женщина, Элайда а'Ройхан? — спросила Эмис.

— Она в плену у шончан, — ответила Эгвейн. — А ее последователи признали меня Амерлин. Мое положение весьма неустойчиво — временами кажется, что я балансирую на камне, а тот удерживает равновесие на еще одном камне, — но Белая Башня вновь едина.

Эмис тихонько цокнула языком, подняла руку, и в ней появился полосатый палантин Амерлин.

— Если так, тебе следует надеть вот это.

Эгвейн выдохнула, медленно и тихо. Иной раз она сама удивлялась, что так доверяет мнению этих женщин. Она взяла палантин и накинула его на плечи.

— Сорилее такие новости не понравятся, — покачала головой Бэйр. — Она надеялась, что ты бросишь этих глупых женщин в Белой Башне и вернешься к нам.

— Прошу, полегче. — В руках у Эгвейн появилась чашка чая. — Я одна из этих глупых женщин. Более того, я их правительница. Если угодно, королева глупышек.

— Я заслужила тох, — сказала Бэйр после паузы.

— Тох не заслуживают правдивыми словами, — успокоила ее Эгвейн. — Да, многие из сестер не отличаются умом, но рано или поздно все мы проявляем глупость. Ты же не оставила меня наедине с неудачами, когда обнаружила, что я посещаю Тел'аран'риод? Вот и я не могу бросить обитательниц Белой Башни.

— С прошлой встречи ты заметно повзрослела, Эгвейн ал'Вир, — прищурилась Эмис, и Эгвейн внутренне содрогнулась от этих слов.

— Это было необходимо. В последнее время моя жизнь полна трудностей.

— Если рухнула крыша, — сказала Бэйр, — один начнет расчищать дом и станет сильнее, избавляясь от мусора, а другой отправится в холд брата своего и будет пить его воду.

— Как давно вы видели Ранда? — спросила Эгвейн.

– *Кар'а'карн* объял смерть, — ответила Эмис. — Отказавшись от попыток стать крепче камня, вместо этого он обрел силу ветра.

— Думаю, скоро мы уже не сможем называть его ребенком, — с улыбкой кивнула Бэйр. — Скоро, но не сейчас.

Эгвейн никак не выказала изумления, хотя ожидала, что Хранительницы Мудрости будут недовольны Рандом.

— Позвольте заверить вас в моем глубоком уважении. Вы приняли меня к себе, и это был достойнейший поступок. Да, я прозорливее других сестер, но лишь потому, что вы научили меня ходить с прямой спиной и высоко поднятой головой.

— Это было несложно. — Похоже, Эмис была рада услышать такие слова. — Такое сделала бы любая женщина.

— Мало что приятнее, чем взять клубок бечевы, спутанный кем-то другим, и расплести его, —

подхватила Бэйр. — Однако если качество бечевы оставляет желать лучшего, распутывать такой клубок бессмысленно. В тебе же, Эгвейн ал'Вир, мы увидели бечеву самого лучшего качества.

— Вот бы наставить других сестер на путь Хранительниц Мудрости… — сказала Эгвейн.

— Можешь прислать их к нам, — предложила Эмис. — Особенно если они нуждаются в наказании. Здесь не Белая Башня, и мы не станем с ними нянчиться.

Нянчиться? Вспомнив о побоях, Эгвейн рассердилась, но ей не хотелось лезть в эту драку. Айильцы всегда считали мокроземцев слабаками, и нет способа их переубедить.

— Вряд ли сестры пойдут на такое, — ответила она, тщательно подбирая слова, — но я могла бы отправлять к вам молодых женщин — тех, что еще проходят подготовку. Почему мое обучение было столь эффективным? Потому, что я еще не утвердилась на пути Айз Седай.

— И эти женщины не будут против? — спросила Бэйр.

— Возможно, — ответила Эгвейн. — Если мы станем отправлять к вам принятых. Послушницам, как считается, недостает опыта, а сестры отличаются переизбытком гордости. Но при-

нятые… Почему бы и нет? Надо только будет вразумительно объяснить, почему такое обучение полезно делу Белой Башни.

— Просто отправь их сюда, — сказала Бэйр, — и они повинуются. Разве ты не самая почитаемая из сестер? Разве они не прислушаются к твоему совету, коль скоро он будет мудр?

— Скажите, всегда ли клан поступает так, как велит его вождь? — спросила Эгвейн.

— Конечно нет, — ответила Эмис. — Но у мокроземцев принято раболепствовать перед лордами и королями. Похоже, им нравится действовать по указке. Так для них спокойнее.

— Айз Седай отличаются от остальных, — возразила Эгвейн.

— Айз Седай не устают намекать, что всем нам следует пройти обучение в Белой Башне, — произнесла Эмис таким тоном, что сразу стало ясно, как она относится к подобным намекам. — Бубнят одно и то же, издавая при этом не меньше шума, чем слепая овсянка-тараторка, но той не дано отличить день от ночи. Им надо понять, что мы на такое не согласимся. Скажи своим Айз Седай, что отправляешь женщин к нам на обучение, чтобы мы могли понимать друг друга. Это действительно так, но им необязательно знать,

что после обучения принятые станут сильнее.

— Неплохая мысль, — удовлетворенно кивнула Эгвейн. В целом такой вариант вполне укладывался в ее планы.

— Но оставим эту тему до лучших времен, — предложила Бэйр. — Чувствую, Эгвейн ал'Вир, что у тебя есть дело посерьезнее.

— Да, есть, — согласилась Эгвейн, — и это Ранд ал'Тор. Говорил ли он вам о своих заявлениях, что прозвучали в Белой Башне?

— Он сказал, что прогневил тебя, — ответила Эмис. — Но отправиться к тебе после всех разговоров о том, как Айз Седай заперли его в сундуке? По-моему, это был странный поступок.

— Когда Ранд пришел сюда, он был… другим, — сказала Эгвейн.

— Он объял смерть, — повторила Бэйр, кивая. — И теперь он становится истинным Кар'а'карном.

— Его речь была исполнена силы, — продолжила Эгвейн, — но он говорил словами безумца. Ранд заявил, что собирается сломать печати на узилище Темного.

Обе Хранительницы Мудрости застыли.

— Ты уверена? — спросила Бэйр.

— Да.

— Это тревожные новости, — сказала Эмис. —

Спасибо, что поделилась. Мы поговорим с ним об этом.

— Соберу тех, кто не поддерживает его решение. — Эгвейн расслабилась. До сего момента она не знала, чью сторону выберут Хранительницы Мудрости. — Быть может, Ранд прислушается к разумному мнению, если его озвучит множество голосов.

— Как известно, он не склонен с готовностью внимать голосу рассудка, — заметила со вздохом Эмис и встала.

Эгвейн и Бэйр последовали ее примеру, и мгновением позже блузы Хранительниц Мудрости уже оказались зашнурованы.

— Давно ушло то время, когда Белая Башня могла игнорировать Хранительниц Мудрости, — сказала Эгвейн, — или Хранительницы Мудрости могли избегать Айз Седай. Теперь мы должны действовать вместе, рука об руку, как положено сестрам.

— Пока речь не зайдет о родившемся в головах ослепленных солнцем нелепом предположении, будто Хранительницам Мудрости нужно обучаться в Белой Башне. — Чтобы обернуть эти слова в шутку, Бэйр хотела улыбнуться, но сумела лишь показать зубы.

Эгвейн, однако, улыбнулась по-настоящему. Да, ей тоже хотелось, чтобы Хранительницы Мудрости проходили обучение в Башне. Существовало множество способов направлять Силу, в которых Айз Седай преуспели больше Хранительниц. С другой стороны, Хранительницы Мудрости лучше умеют работать сообща и — как с неохотой признала Эгвейн — под руководством кого-то другого.

И Айз Седай, и Хранительницам Мудрости есть чему поучиться друг у друга, и Эгвейн непременно отыщет способ объединить их. Так или иначе.

Она тепло распрощалась с Хранительницами, и те исчезли из Тел'аран'риода. Хотелось бы, чтобы Ранд, прислушавшись к их совету, отказался от своего безумного плана. Но это вряд ли.

Эгвейн глубоко вздохнула. Мгновением позже она оказалась в зале Совета Башни, в самом центре изображенного на полу Пламени Тар Валона. Семь спиралей разных цветов, исходивших из ее тела, устремились к стенам сводчатого помещения.

Найнив здесь не было, и Эгвейн поджала губы. «Ох уж эта женщина!» Сумев поставить на колени Белую Башню, переманить на свою сторону ключевую фигуру Красной Айя, заслужить ува-

жение суровых Хранительниц Мудрости, Эгвейн, да поможет ей Свет, по-прежнему нуждалась в верности друзей! И у каждого из них — Ранда, Гавина, Найнив — имелся свой способ довести ее до белого каления.

Скрестив руки на груди, она стала ждать. Быть может, Найнив еще объявится. А если нет, то она не впервые разочарует Эгвейн. Тон дальней стене позади Престола Амерлин задавало огромное Розовое окно, и Пламя в его центре искрилось так, будто снаружи сияло солнце, хотя Эгвейн знала, что в Мире снов все небо затянуто бурлящими черными тучами.

Она отвернулась было от окна, но вдруг окаменела.

В стекле, чуть ниже Пламени Тар Валона, темнел крупный сегмент, имеющий вид Клыка Дракона. В реальном мире ничего подобного не существовало. Подступив ближе, Эгвейн обследовала стекло.

«Помимо Создателя и Темного есть и третья неизменная вещь, — произнес голос Верин — воспоминание, оставшееся от других времен. — Существует особый мир, он лежит внутри каждого из имеющихся миров — одновременно внутри их всех. Или, быть может, окружает все

миры разом. Сочинители в Эпоху легенд называли его Тел'аран'риод».

Быть может, это окно символизирует один из тех, других миров, где Дракон и Амерлин правят Тар Валоном рука об руку?

— Какое интересное окно, — донеслось из-за спины.

Эгвейн вздрогнула и резко развернулась. В зале стояла Найнив — в ярко-желтом платье с зеленой оторочкой по подолу и высокому лифу; в центре лба красная точка, волосы заплетены в привычную косу.

Эгвейн захлестнуло волной облегчения. «Ну наконец-то!» Она не видела Найнив уже несколько месяцев. Проклиная себя за это изумление, Эгвейн сделала невозмутимое лицо, коснулась Источника и сплела тесьму Духа. Несколько инвертированных малых стражей уберегут ее от нового испуга — чуть позже, когда прибудет Илэйн.

— Не я выбирала этот рисунок, — оглянулась Эгвейн на Розовое окно. — Такова интерпретация Тел'аран'риода.

— Но само окно реально? — спросила Найнив.

— К несчастью, — ответила Эгвейн. — После атаки шончан в стене осталась дыра.

— Они что, напали на вас? — изумилась Найнив.

— Да, — подтвердила Эгвейн. «Стоило хоть раз откликнуться на мой призыв, и ты знала бы об этом!»

Найнив сложила руки на груди. Две женщины, стоя у противоположных стен зала, рассматривали друг друга поверх изображения Пламени Тар Валона на полу. Теперь надо действовать крайне осмотрительно: Найнив бывает колючей. Похлеще любого шиповника.

— Что ж, — Найнив, судя по голосу, чувствовала себя весьма неуютно, — знаю, что ты занята, да и у меня, Свет свидетель, предостаточно дел. Расскажи все, что мне, по-твоему, надо знать, да я пойду.

— Найнив, — сказала Эгвейн, — я призвала тебя не только ради новостей.

Решив, что сейчас ее будут укорять за нежелание общаться с Эгвейн, Найнив схватилась за косу.

— Вообще-то, — продолжила Эгвейн, — мне нужен совет.

— Совет? — оторопело заморгала Найнив. — Что за совет?

— Видишь ли, — Эгвейн шагнула через Пла-

мя, — среди тех, кого я знаю, ты одна из немногих, бывавших на моем месте.

— На месте Амерлин? — осведомилась Найнив.

— Нет. На месте лидера. — Проходя мимо Найнив, Эгвейн кивком пригласила ее пройтись по залу. — Лидера, которого все считают слишком юным. Человека, который стремительно возвысился до своего положения. Женщины, знающей, что она годится на эту роль, но весьма неохотно принятой большинством окружающих.

— Да. — Шагая рядом, Найнив смотрела куда-то вдаль. — Скажем так: я не понаслышке знакома с подобной ситуацией.

— И как ты справилась со всем этим? — спросила Эгвейн. — Такое чувство, что все приходится делать самой. Стоит скрыться из вида, и обо мне тут же забывают. Многим кажется, что я отдаю распоряжения просто так, для вида. Другие же негодуют, что я смею им приказывать.

— Как справилась? В смысле, когда была Мудрой? Эгвейн, я не уверена, что справилась, — ответила Найнив. — Чуть не целый день еле сдерживалась, чтоб не надавать Джону Тэйну по ушам, а про Кенна так и вовсе вспоминать не хочется!

— Но в итоге ты добилась всеобщего уваже-

ния…

— Потому что не давала забыть о своем положении. Нельзя было позволить, чтобы обо мне продолжали думать как о юной девушке. Упрочь свой авторитет — чем быстрее, тем лучше. Будь тверда с женщинами в Башне, Эгвейн, иначе они начнут проверять, насколько далеко могут зайти. Если же позволишь сдвинуть границы дозволенного хотя бы на пядь, вернуть утраченное будет труднее, чем разгрызть замерзшую зимой патоку.

— Понятно, — сказала Эгвейн.

— Главное, не выдумывай бесполезных занятий, — продолжила Найнив, когда они вышли из зала Совета Башни в коридор. — Пусть привыкнут, что ты отдаешь приказы, но эти приказы не должны быть сумасбродными. Ничто не должно происходить без твоего ведома. Предположу, что легко может случиться, что они станут обращаться не к тебе, а к восседающим или главам Айя: женщины в Эмондовом Лугу поначалу ходили не ко мне, а в Круг женщин. Если обнаружишь, что восседающие принимают решения, которые следовало выносить на Совет, непременно подними страшный шум. Поверь, это необходимо. Да, все будут ворчать, что ты устраиваешь скандал на

ровном месте, но дважды подумают, прежде чем сделать что-то важное без твоего ведома.

Эгвейн кивнула. Хороший совет, хотя — разумеется — окрашенный взглядом Найнив на окружающую действительность.

— Думаю, — сказала она, — корень затруднений в том, что истинных сторонников у меня раз-два и обчелся.

— У тебя есть я. И Илэйн.

— Да? — Остановившись, Эгвейн взглянула на нее. — Найнив, я действительно могу рассчитывать на тебя?

Бывшая Мудрая остановилась рядом с ней:

— Ну конечно. Что за глупости?

— Как же это будет выглядеть, — спросила Эгвейн, — если те, кто знает меня лучше других, откажутся признавать мою власть? Не решат ли остальные, что я скрываю какую-то слабость, о которой известно лишь моим друзьям?

Найнив окаменела. Ее искренность растаяла, уступив место недоверию. Она прищурилась:

— Выходит, ты завела этот разговор вовсе не ради моих советов?

— Отнюдь, — возразила Эгвейн. — Лишь глупец откажется от совета тех, кто на его стороне. Но речь сейчас не обо мне, а о тебе. Какими они бы-

ли, первые недели в положении Мудрой? Когда женщины, которых ты вроде как должна была возглавить, видели в тебе прежнюю девчонку?

— Первые недели были ужасными, — тихо ответила Найнив.

— А эти женщины, они заблуждались?

— Да. Ведь я уже не была прежней девчонкой. На первый план вышел мой статус.

Эгвейн долго смотрела ей в глаза. Наконец Найнив все поняла.

— О Свет! Ловко же ты меня подловила…

— Ты нужна мне, Найнив, — сказала Эгвейн. — Не только потому, что отменно владеешь Силой, не из-за твоего ума и целеустремленности. Не потому, что ты не испорчена политическими играми Башни, и не потому, что ты одна из немногих, кто знал Ранда прежде, чем все началось. Но потому, что мне нужны люди, которым я могу всецело доверять. Если ты входишь в их число.

— Такое чувство, что меня поставили на колени, — заметила Найнив, — и заставляют целовать кольцо.

— И? Ты сделала бы это для другой Амерлин?

— Без особой радости.

— Но сделала бы?

— Да.

— Думаешь, с моими задачами успешнее справился бы кто-то другой? Только честно.

Помедлив, Найнив покачала головой.

— В таком случае почему тебе претит мысль о служении Амерлин — и речь не обо мне, Найнив, а об этом звании?

— Для меня это… непросто. — У Найнив сделался такой вид, будто она выпила что-то невероятно горькое.

— Насколько помню, Найнив, ты никогда не сторонилась непростых дел.

— Положение… Звание… Ладно. Попробую.

— Для начала называй меня матерью. — Чтобы пресечь возражения, Эгвейн подняла палец. — В качестве напоминания. Совсем необязательно делать это всегда — по крайней мере, когда мы наедине. Но начни думать обо мне как об Амерлин.

— Ладно, ладно. Ты уже всадила в меня немало шипов. И без того кажется, будто я весь день пила зелье из ветрошника… мать, — добавила она после паузы, едва не подавившись этим словом.

Эгвейн с одобрением улыбнулась ей.

— Я не стану относиться к тебе так, как относились ко мне женщины, когда я только получила звание Мудрой, — заявила Найнив. — О Свет! Как же странно чувствовать то же, что они. Ну

да ладно. Они были дуры, а у меня все получится. Вот увидишь… мать.

Во второй раз это слово прозвучало чуть менее вымученно, и Эгвейн улыбнулась шире прежнего. Оказалось, мотивировать бывшую Мудрую можно и не вступая с ней в состязание: есть способы и получше.

Вдруг в голове у Эгвейн звякнул звоночек. Она совсем забыла о выставленных малых стражах.

— Похоже, к нам присоединилась Илэйн.

— Это хорошо, — с облегчением промолвила Найнив. — В таком случае пойдем к ней. — Она направилась было к залу, но остановилась и бросила взгляд за спину. — Если тебе так угодно, мать.

«Интересно, сумеет ли она когда-нибудь произнести слово “мать” не так неуклюже? — подумала Эгвейн. — Что ж, хотя бы старается».

— Отличное предложение. — Она подошла к Найнив, и обе отправились в Зал Совета.

Тот, однако, оказался пустым. Скрестив руки на груди, Эгвейн осмотрелась.

— Может, ушла искать нас? — предположила Найнив.

— Мы бы ее в коридоре увидели, — сказала Найнив. — И к тому же…

В этот миг в зале объявилась Илэйн — в королевском белом платье, искрившемся бриллиантами. Увидев Эгвейн, она широко улыбнулась, подбежала и взяла ее за руки:

— У тебя получилось, Эгвейн! Теперь мы снова единое целое!

— Да, — улыбнулась в ответ Эгвейн, — хотя Башня еще не оправилась от ран и работы непочатый край.

— Говоришь прямо как Найнив. — Илэйн, не переставая улыбаться, бросила взгляд на бывшую Мудрую.

— Ну спасибо, — холодно отозвалась та.

— Ой, да ладно тебе! — Илэйн подошла к ней и по-дружески обняла. — Рада тебя видеть. Боялась, ты не придешь, а Эгвейн придется выслеживать тебя, а потом отрезать палец за пальцем.

— У Амерлин, — сказала Найнив, — хватает более приятных дел. Не так ли, мать?

Илэйн вздрогнула, заметно изумленная, потом, сверкнув глазами, стерла улыбку с лица, предполагая, что не так давно бывшей Мудрой устроили головомойку. Но Эгвейн не могла не знать, что выговаривать Найнив — пустой труд. Все равно что вынимать засевшую под кожей колючку, чьи шипы растопырились во все стороны.

— Илэйн, — сказала Эгвейн, — где ты была, пока мы не вернулись?

— О чем ты?

— Когда ты пришла в зал, нас тут не было. Ты отправилась нас искать?

Казалось, Илэйн была сбита с толку.

— Я направила Силу в свой тер'ангриал, — ответила она, — и легла спать, а когда появилась в зале, вы уже были здесь.

— Тогда из-за кого сработали стражи? — спросила Найнив.

Встревоженная, Эгвейн вновь выставила малых стражей и, хорошенько подумав, добавила еще одного — против подслушивания, — но инвертировала и изменила его так, чтобы тот пропускал отголоски звука. Новым плетением она окружила этими отголосками защитный купол малого стража, причем на значительном расстоянии.

Оказавшийся поблизости услышит невнятный шепот. Приблизится, но шепот не станет громче. Быть может, любопытный станет подходить ближе, дюйм за дюймом, пытаясь разобрать, о чем говорят в зале.

Подруги смотрели, как она творит плетение: Илэйн — с благоговейным трепетом, а Найнив

— задумчиво кивая.

— Прошу садиться. — Эгвейн опустилась на только что созданное ею кресло. — Нам надо многое обсудить.

Илэйн — по всей видимости, подсознательно — сотворила для себя трон, а Найнив скопировала один из стульев, предназначавшихся для восседающих. Что касается кресла Эгвейн, оно выглядело точь-в-точь как Престол Амерлин.

Найнив с заметным недовольством посматривала то на один трон, то на другой. Должно быть, поэтому она так долго избегала этих встреч: слишком уж высоко поднялись ее подруги.

Пришло время подсластить горечь толикой меда.

— Найнив, — начала Эгвейн, — мне бы очень хотелось, чтобы ты вернулась в Башню и обучила других сестер твоим новым способам Исцеления. Многие постигают этот навык, но им не помешает наставница, а другие предпочитают действовать по старинке.

— Козы упрямые, — сказала Найнив. — Покажи им вишни, но они и дальше будут есть гнилые яблоки, потому что так привыкли. Но отправиться в Белую Башню? Думаю, это неразумно… гм… мать.

— Почему?

— Из-за Ранда, — ответила Найнив. — Кому-то же надо присматривать за ним? Кому-то, кроме Кадсуане, — добавила она, скривив губы. — В последнее время он изменился.

— Изменился? — озабоченно переспросила Илэйн. — Как это, изменился?

— Давно ты его видела? — осведомилась Эгвейн.

— Давно, — тут же ответила Илэйн. Слишком быстро.

Вне всяких сомнений, это была правда — Илэйн не стала бы ей лгать, — но уже некоторое время Эгвейн подозревала, что Илэйн что-то недоговаривает. Что-то насчет Ранда. Не могла ли она связать его узами?

— Да, он изменился, — повторила Найнив. — И это прекрасно. Ты не представляешь… мать, насколько он стал страшен. Временами он приводил меня в ужас. Но не теперь. Он все тот же человек. Даже говорит так же, как раньше, спокойно и беззлобно. Но раньше его голос напоминал шелест, с которым обнажают клинок, а теперь похож на дуновение ветра.

— Он пробудился, — сказала вдруг Илэйн. — И потеплел.

— То есть? — нахмурилась Эгвейн.

— Я… Вообще-то, сама не знаю, — покраснела Илэйн. — Вырвалось. Прошу прощения.

Да, она и впрямь связала Ранда. Что ж, эти узы могут принести пользу. Но почему Илэйн держит это в секрете? «Как-нибудь поговорю с ней наедине», — решила Эгвейн.

Найнив, прищурив глаза, внимательно рассматривала Илэйн — ее лицо, грудь, живот. Неужто заметила?

— Ты беременна! — сказала вдруг она обвиняющим тоном, указывая на Илэйн.

Королева Андора покраснела пуще прежнего. Да, все верно. До сей минуты Найнив не могла знать о беременности Илэйн, хотя Эгвейн слышала о ней от Авиенды.

— О Свет! — воскликнула Найнив. — Да, я упускала Ранда из вида, но не настолько же! Когда это случилось?

— Разве кто-то сказал, что дети от него? — вспыхнула Илэйн, но Найнив смерила ее таким пресным взглядом, что королева зарделась как маков цвет. Все они знали, как Найнив относится к вопросам приличия и морали. По правде говоря, Эгвейн была согласна в этом с Найнив, но решила оставить личную жизнь Илэйн в покое.

— Очень рада за тебя, — сказала она. — И за Ранда. Хотя не уверена, что сейчас подходящее время для беременности. Тебе следует знать, что Ранд намерен сломать последние печати на узилище Темного, тем самым рискуя выпустить его в мир.

— Печатей-то осталось всего три, — поджала губы Илэйн, — и они уже растрескались.

— Да, он рискует, — сказала Найнив. — И что с того? Когда разрушится последняя печать, Темный освободится. И всем будет лучше, если в этот момент Ранд окажется рядом и даст ему бой.

— Да, но ломать печати? Это же безрассудство! Уверена, что Ранд способен встретиться с Темным, одолеть его и вновь заключить в узилище, не подвергая всех чудовищной опасности.

— Может, ты и права, — сказала Найнив под встревоженным взглядом Илэйн.

Эгвейн не ожидала такого равнодушия. Она думала, что Хранительницы Мудрости воспротивятся ей, а Илэйн и Найнив сразу поймут, чем чревата затея Ранда.

«Слишком долго Найнив пробыла рядом с ним», — подумала Эгвейн. И как видно, попала под влияние сущности та'верена. Сам Узор обвивается вокруг него. Те, кто находится рядом с та'вереном, начинают смотреть на мир его глаза-

ми и подсознательно стремиться к исполнению его желаний.

Иного объяснения нет. В прошлом, когда речь заходила о подобных вопросах, Найнив вела себя крайне рассудительно. Хотя… ну да, рассудительной ее не назовешь, но она всегда умела найти правильный способ решения проблемы — если только этот способ не вынуждал ее совершать неправильные поступки.

— Мне нужно, чтобы вы обе вернулись в Башню, — сказала Эгвейн. — Илэйн, я знаю, что ты сейчас скажешь. Да, понимаю, что ты королева и Андор нуждается в тебе, но, пока вы не принесете клятвы, другие Айз Седай будут смотреть на вас сверху вниз.

— Она права, Илэйн, — подтвердила Найнив. — Тебе не обязательно задерживаться в Башне. Просто будешь официально возведена в звание Айз Седай и принята в Зеленую Айя. Андорская знать не увидит разницы — в отличие от других Айз Седай.

— Верно, — согласилась Илэйн, — но сейчас… не самое удобное время. Не знаю, стоит ли приносить клятвы в моем положении. Как бы не навредить детям.

Найнив не нашлась, что ответить.

— Не исключено, что ты права, — сказала Эгвейн. — Опасны ли клятвы во время беременности? Поручу кому-нибудь прояснить этот вопрос. Что до тебя, Найнив, непременно явись в Башню.

— Но тогда Ранд окончательно останется без присмотра, мать.

— Боюсь, этого не избежать, — посмотрела ей в глаза Эгвейн. — Я не допущу, чтобы ты была Айз Седай, свободной от обетов. Нет, молчи — я прекрасно знаю, что ты стараешься соблюдать клятвы. Но пока ты не держала в руках Клятвенного жезла, другие будут задаваться вопросом, нельзя ли им последовать твоему примеру.

— Да, — сказала Найнив. — Пожалуй, ты права.

— Итак, ты вернешься?

Найнив стиснула челюсти. Казалось, она борется с собой.

— Да, мать, — ответила она.

Илэйн, потрясенная, смотрела на Найнив широко открытыми глазами.

— Это очень важно, Найнив, — сказала Эгвейн. — Вряд ли теперь ты сумеешь в одиночку остановить Ранда. Пора собирать союзников и действовать всем сообща.

— Хорошо, — согласно сказала Найнив.

— Но меня беспокоит испытание, — продолжила Эгвейн. — Хотя решено, что вас и других, оказавшихся в изгнании, можно возвысить до полноправных Айз Седай, восседающие настаивают, что теперь, после воссоединения Белой Башни, вам все равно необходимо пройти испытание. И приводят довольно веские доводы. Но в последнее время вы выполнили немало сложных заданий, и я, быть может, сумею убедить их, что в вашем случае допустимо сделать исключение. Обучать вас необходимым плетениям попросту некогда.

Илэйн кивнула. Найнив пожала плечами:

— Я готова пройти испытание. Раз уж возвращаюсь, почему бы не сделать это по всем правилам?

Эгвейн удивленно моргнула:

— Найнив, эти плетения чрезвычайно сложны. Мне так и не хватило времени заучить их во всех тонкостях. Клянусь, многие из них чересчур замысловаты без всякой на то необходимости: просто чтобы добавить сложности.

Сама Эгвейн не собиралась проходить испытание, и в этом не было нужды. По закону она стала Айз Седай, получив звание Амерлин. Однако в случае Найнив и остальных, кого возвысила

Эгвейн, однозначной трактовки не имелось.

— Сколько там плетений, сотня? — снова пожала плечами Найнив. — Ничего особенного. Если хочешь, могу показать их прямо сейчас.

— Когда это ты успела их выучить?! — воскликнула Илэйн.

— За последние несколько месяцев. В отличие от некоторых, я провела их не в праздношатаниях и мечтах о Ранде ал'Торе.

— По-твоему, борьба за андорский трон — это праздношатание?!

— Найнив, — вмешалась Эгвейн, — если ты и впрямь заучила нужные плетения, возвышение по всем правилам сыграло бы мне на руку. Меньше будет причин утверждать, будто у моих друзей есть особые привилегии.

— Считается, что испытание небезопасно, — напомнила Илэйн. — Ты уверена, что владеешь плетениями? Точно?

— Справлюсь, — ответила Найнив.

— Великолепно, — сказала Эгвейн. — Утром жду тебя в Башне.

— Так скоро? — поразилась Найнив.

— Чем раньше ты возьмешь Клятвенный жезл, тем скорее я перестану беспокоиться о тебе. Но мы еще не решили, как быть с тобой, Илэйн.

— Беременность, — сказала Илэйн. — Она мешает моей способности направлять Силу. Хвала Свету, у меня что-то получается — сюда, например, я добралась, — но не без труда. Объясни Совету, что и мне, и детям будет опасно проходить испытание, не имея возможности полноценно работать с Силой.

— Не исключаю, что тебе предложат подождать, — произнесла Найнив.

— И отпустят на все четыре стороны? Без клятв? — осведомилась Илэйн. — Неплохо бы узнать, не проходил ли раньше кто-то через этот ритуал во время беременности. На всякий случай.

— Выясню все, что смогу, — пообещала Эгвейн. — А пока что дам тебе другое поручение.

— У меня и без того дел хватает. Я правлю Андором, мать.

— Знаю, — сказала Эгвейн. — К несчастью, просить больше некого. Мне нужны новые тер'ангриалы для проникновения в Мир снов.

— Думаю, сумею это устроить, — кивнула Илэйн. — При условии, что ко мне полностью вернется способность направлять Силу.

— Новые? А куда подевались старые? — спросила Найнив у Эгвейн.

— Похищены, — ответила Эгвейн. — Их украла Шириам. Которая была из Черной Айя.

Обе ее собеседницы охнули, и Эгвейн поняла: им неведомо о разоблачении сотен Черных сестер. Глубоко вздохнув, она продолжила:

— Мужайтесь. Сейчас я поведаю вам тягостную историю. Незадолго до нападения шончан Верин отправилась…

В этот момент в голове у нее снова звякнул звоночек, и Эгвейн велела себе переместиться. Зал промелькнул перед глазами, и она вдруг очутилась в коридоре — там, где были выставлены малые стражи.

Перед ней оказалась Тальва, худощавая женщина с золотистыми волосами, собранными в пучок. Когда-то она принадлежала к Желтой Айя, но впоследствии была разоблачена как одна из Черных сестер, бежавших из Башни.

Вокруг нее вспыхнуло плетение Огня, но Эгвейн уже, сотворив щит, отсекла им Тальву от Источника и немедленно сплела ловушку из Воздуха.

За спиной девушка услышала какой-то звук. Не раздумывая, Эгвейн переместилась, полагаясь на приобретенное на практике знание Тел'аран'риода, и оказалась за спиной у женщины, сотворившей поток Огня. То была Алвиарин.

Издав гневный рык, Эгвейн начала создавать новый щит. Созданная Алвиарин волна пламени угодила в неудачливую Тальву, и та закричала, когда огонь пожрал ее плоть. Алвиарин развернулась, взвизгнула и исчезла.

«Чтоб ей сгореть!» — подумала Эгвейн. Алвиарин возглавляла список людей, которых требовалось захватить. В коридоре стало тихо. Почерневшее и дымящееся тело Тальвы осело на пол. Она никогда не проснется: умерев здесь, человек умирает и в реальном мире.

Эгвейн содрогнулась. То смертоносное плетение предназначалось ей. «Я слишком полагалась на умение направлять Силу, — подумала она. — Мысль работает куда быстрее, чем создаются плетения. Надо было не создавать щит, а вообразить, что Алвиарин обвита веревками».

Нет. Алвиарин все равно вывернулась бы из этих пут. Эгвейн совсем забыла, что здесь надо мыслить как сновидица. В последнее время она только и думала, что об Айз Седай и обо всем, что с ними связано, и плетения, что называется, стали ее второй натурой. Но впредь ей нельзя забывать, что в Мире снов мысль могущественнее Единой Силы.

Из зала Совета опрометью вылетела Найнив,

следом за ней появилась более осторожная Илэйн. Эгвейн подняла взор.

— Я почувствовала, как направляют Силу, — сказала Найнив и взглянула на обгорелый труп. — О Свет!

— Черные сестры, — объяснила Эгвейн, сложив руки. — Как вижу, они нашли применение тем тер'ангриалам для Мира снов. Не удивлюсь, если Черным приказано еженощно рыскать по Белой Башне — искать то ли нас, то ли сведения, которые можно обратить нам во вред. — Этим же занимались Эгвейн и остальные во времена правления Элайды.

— Не надо было здесь встречаться, — заметила Найнив. — В следующий раз соберемся в другом месте. — Она помолчала. — Если тебя это устраивает, мать.

— Как знать, — ответила Эгвейн. — Мы не победим Черных сестер, если не сумеем их найти.

— Попадая в их ловушки? Едва ли это лучший способ одолеть их, мать, — кисло произнесла Найнив.

— Все зависит от подготовки, — сказала Эгвейн и нахмурилась.

Что это было — там, за углом? Мелькнула черная ткань? Мгновением позже Эгвейн была уже

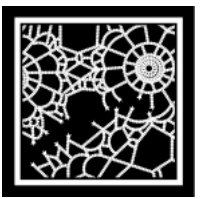
на месте, а по коридору у нее за спиной раскатилась брань Илэйн. Что-что, а ругаться эта женщина умеет.

За углом было пусто. Жутковато и, пожалуй, слишком тихо — что вполне естественно в Тел'аран'риоде.

Удерживая в себе Единую Силу, Эгвейн вернулась к подругам. Белую Башню удалось очистить, но в самом ее сердце по-прежнему скрывалась зараза.

«Все же я отыщу тебя, Месана», — подумала Эгвейн и жестом пригласила двух других женщин следовать за ней. Они переместились на склон холма — туда, где Эгвейн была раньше. Туда, где она могла подробно рассказать Илэйн и Найнив о недавних событиях.

Глава 15
Взять камешек



В сопровождении Аша'мана Наэффа Найнив торопливо шагала по мощеным улицам Тира. Она по-прежнему чувствовала бурю на севере — далекую, но оттого не менее страшную. Неестественную. И эта буря двигалась на юг.

Туда, где был Лан.

— Храни его Свет, — прошептала Найнив.

— Что ты сказала, Найнив Седай? — спросил Наэфф.

— Ничего.

Найнив понемногу привыкала видеть рядом мужчин в черных мундирах и, глядя на Наэффа, вовсе не чувствовала неприятного холодка. С чего бы? Саидин очищена, причем с помощью самой Найнив, и теперь нет причин чувствовать себя

неуютно. Это попросту глупо. Даже если Аша'ман то и дело смотрит в пустоту, приговаривая что-то себе под нос. Сейчас Наэфф, к примеру, положил руку на меч и вглядывался в тень стоявшего неподалеку здания.

— Осторожнее, Найнив Седай, — сказал он. — Нас преследует еще один мурддраал.

— Ты… уверен, Наэфф?

Он кивнул. Рослый мужчина с квадратным лицом, Наэфф обладал способностями к созданию плетений — особенно плетений Воздуха, что необычно для мужчины, — и, в отличие от некоторых Аша'манов, при общении с Айз Седай вел себя крайне учтиво.

— Да, уверен, — сказал он. — Трудно сказать, почему я вижу их, а другие нет. Должно быть, у меня такой дар. Они прячутся в тенях. Разведывают обстановку перед тем, как нанести удар. Осторожничают. Видать, знают, что от меня не спрячешься.

Ночами Наэфф взял обыкновение прохаживаться по Твердыне Тира, высматривая мурддраалов, которых мог видеть только он. Безумие не прогрессировало, но старые раны не залечить, и этот шрам останется с ним навсегда. Бедняга. Что ж, он хотя бы мучился меньше некоторых.

Шагая по широкой мостовой, Найнив смотрела вперед. По обеим сторонам располагались здания, выстроенные — что было характерно для Тира — во всевозможных стилях и имевшие самое разное назначение. Огромный особняк с двумя башенками и бронзовой дверью, больше похожей на ворота, подпирал гостиницу самых скромных размеров. Напротив стоял ряд домов с коваными дверьми и оконными ставнями, в самую середину которого вклинилась мясная лавка.

Найнив и Наэфф держали путь к западной стене, в квартал Вечного лета — не самый богатый, но определенно зажиточный район Тира. Разумеется, в Тире все люди делились лишь на две категории: простолюдины и знать. Многие из аристократов по-прежнему считали людей низкого сословия второсортными созданиями совершенно иного рода.

Простолюдинов здесь хватало — мужчины в свободных, прихваченных на лодыжках штанах с разноцветными кушаками на поясе, женщины в закрытых платьях с высокими, под самое горло, воротниками и с блеклыми передниками. На головах прохожих были соломенные шляпы с приплющенной тульей или матерчатые шапки

набекрень. Многие не расставались с обувкой в виде небольших деревянных платформ; эти колодки носили на веревочке, перекинув через плечо, — в Мауле без них не обойтись.

Проходя мимо Найнив, люди с тревогой поглядывали на нее. Некоторые испуганно озирались. Здесь город поразило пузырем зла. Благодарение Свету, пострадавших оказалось не так уж много, ведь у Найнив почти не оставалось времени: пора было возвращаться в Белую Башню. Мысль о повиновении Эгвейн выводила ее из себя, но она все же подчинится и отправится в Башню, как только вернется Ранд. Утром он, несносный, уже куда-то делся. Что ж, хотя бы взял с собой Дев. Как ей сказали, Ранд обмолвился, что ему надо кое за чем сходить.

Найнив ускорила шаг. Наэфф не отставал от нее, и вскоре оба едва не сорвались на бег. Можно было сэкономить время, Переместившись через переходные врата, но подобный способ небезопасен: всегда есть риск рассечь случайного прохожего. «Не злоупотребляем ли мы вратами? — подумала Найнив. — Не разучиться бы ходить пешком».

Они свернули за угол, где, выстроившись в шеренгу, взволнованно переминались с ноги на

ногу Защитники Твердыни — в черных куртках с пышными черно-золотыми рукавами и в серебристых нагрудниках. Завидев Наэффа и Найнив, солдаты расступились и, похоже, напряжение немного их покинуло, хотя они и продолжали нервно стискивать древки алебард.

Город у них за спиной выглядел как-то… тусклее обычного. Он будто выцвел. Камни мостовой посветлели, а стены домов были уже не такими насыщенно-серыми или коричневыми, как раньше.

— Вы уже отправили людей на поиски раненых? — спросила Найнив.

— Мы следим, чтобы никто сюда не входил, э-э… леди Айз Седай, — покачал головой один из Защитников. — Тут небезопасно.

По большей части тайренцы еще не привыкли проявлять уважение к Айз Седай. До недавнего времени в городе было запрещено направлять Силу.

— Снарядите поисковую группу, — твердо сказала Найнив. — Ваша робость может стоить человеческих жизней, и лорд Дракон будет недоволен. Начинайте поиски от внешней границы. Пошлите за мной, если найдутся люди, которым я смогу помочь.

Защитники отправились выполнять приказ. Найнив повернулась к Наэффу, тот кивнул, и она шагнула в пораженную пузырем зла часть города. Камень мостовой под ногой тут же обратился в пыль, и подошва ботика уперлась в плотно утрамбованный грунт.

По спине Найнив пробежал холодок. Опустив глаза, она продолжала идти вперед, и камни, по которым она ступала, рассыпáлись в порошок. Наконец они с Наэффом добрались до ближайшего здания, оставив за собой пыльный след.

Это была гостиница с симпатичными балконами на втором этаже, тонкой узорчатой кованой решеткой поверх стеклянных окон и крыльцом, испещренным темными пятнами. Дверь оказалась открыта. Найнив шагнула на приземистое крыльцо, и доски тоже превратились в порошок. Она замерла, не поднимая глаз. Наэфф приблизился, опустился на колени и взял щепотку пыли.

— Мягкая. И мелкая, как пудра, — тихо промолвил он. — Впервые вижу такую мелкую пыль.

Неестественно свежий воздух самым удивительным образом контрастировал с полной тишиной на улице. Сделав глубокий вдох, Найнив вошла в гостиницу. Пробираться пришлось, касаясь коленями деревянного пола: стоило до-

тронуться до него, и доски осыпáлись на землю.

Внутри было темно. Стоячие светильники уже погасли. Общий зал был полон людей, замерших посреди движения, — по большей части изящно одетых аристократов с напомаженными остроконечными бородками. Один сидел на длинноногом табурете у высокого столика, не донеся до губ утреннюю кружку эля и раскрыв рот в ожидании первого глотка, но не шевелился.

Наэфф помрачнел, хотя этого Аша'мана непросто было удивить или выбить из равновесия. Не успел он сделать следующий шаг, как Найнив схватила его за руку. Аша'ман нахмурился, посмотрев на нее, и она указала вниз. Прямо перед Наэффом под еще нерассыпавшимися досками виднелся едва заметный провал. Аша'ман едва не свалился в погреб под зданием гостиницы.

— О Свет! — вырвалось у Наэффа. Он попятился, опустился на колени, затем стукнул по ближайшей доске, и та пыльным дождем осыпалась в черное отверстие.

Найнив сплела Дух, Воздух и Воду, чтобы проверить состояние сидевшего рядом человека. Обычно она пользовалась Искательством через физический контакт, но теперь не рискнула. Все получится и без прикосновения, хотя Исцеление

на расстоянии будет менее действенным.

Ее щуп Искательства не дал никаких результатов. Никаких признаков жизни, ни ощущения, что в прошлом этот человек вообще был живым. Его тело даже не состояло из плоти и крови. Борясь со слабостью, Найнив обследовала всех, кто находился в общем зале: служанку, несшую завтрак троим андорским купцам, корпулентного хозяина — непросто же ему было лавировать между тесно поставленными столиками, — женщину в богатом платье, чопорно сидевшую в дальнем углу с какой-то книжицей в руках.

Ни в одном из этих людей не осталось жизни. Это были даже не трупы: одна оболочка. Найнив протянула руку и дрожащими пальцами коснулась плеча мужчины, сидевшего за высоким столиком. Тот немедленно рассыпался, оставив после себя облачко пыли, но табурет и доски пола сохранили прежний вид.

— Здесь некому помогать, — сказала Найнив.

— Бедняги, — отозвался Наэфф. — Да приютит Свет их души.

Найнив редко испытывала жалость к тайренской знати — столь надменных людей еще поискать, — но никто не заслуживает подобной смерти. К тому же тот пузырь накрыл и немало

простолюдинов.

Они с Наэффом направились к выходу из здания. Найнив теребила и подергивала косу, чувствуя, как нарастает отчаяние. Она терпеть не могла собственную беспомощность — как в случае с незадачливым караульным, которого тогда возле особняка в Арад Домане объял огонь, или с людьми, пораженными неведомой болезнью. А сегодня — эти оболочки, от которых остается одна пыль. И зачем было учиться Исцелению, если Найнив не способна помочь людям?

Теперь же ей надо было уйти. Вернуться в Белую Башню. Все равно что сбежать. Она повернулась к Наэффу:

— Ветер.

— Найнив Седай?

— Направь ветер на здание, Наэфф, — сказала она. — Посмотрим, что будет.

Аша'ман сделал как велено. Сотворенное им невидимое плетение исторгло порыв ветра, и дом взорвался, рассыпался в пыль и развеялся, как развеиваются белые семена одуванчика. Наэфф повернулся к Найнив.

— Насколько велик был этот пузырь? — спросила она.

— Говорят, примерно две улицы во всех на-

правлениях.

— Нужно больше ветра, — заметила она и занялась плетением. — Создай самый сильный порыв, на который только способен. Так мы найдем раненых — если они вообще тут есть.

Наэфф кивнул, и оба двинулись вперед, создавая ветер, что обрушивал и сносил здания. Наэфф умел творить потоки воздуха гораздо лучше, чем Найнив, но та в большей степени владела Единой Силой, и вместе они крушили здания, камни и оболочки людей, не оставляя от них ничего, кроме пыльной бури.

Работа была изнурительной, но они не сдавались. Вопреки здравому смыслу Найнив надеялась отыскать кого-то, кому можно помочь. Перед ними с Наэффом рушились дома, вихрь подхватывал и уносил пыль, а они, круговыми движениями толкая воздух, продвигались вперед — словно женщины, метущие пол.

Миновали застывших на мостовой прохожих, впряженных в телегу быков и совсем уж душераздирающее зрелище: детей, игравших в переулке. Все рассыпалось в пыль.

Живых Найнив с Наэффом не обнаружили. В конце концов они разошлись по сторонам и начали сгонять пыль к центру разрушенных

кварталов. Какое-то время Найнив смотрела, как прах кружится в созданном Наэффом вихре, а потом из любопытства послала в него язычок Огня, и пыль воспламенилась, словно брошенная в костер иссохшая бумага, породив ревущую бурю пламени.

Найнив охнула. Они с Наэффом попятились, но пожар вспыхнул и угас, даже не оставив золы.

«Не собери мы эту пыль, — подумала Найнив, глядя на затухающий огонь, — кто-нибудь уронил бы на нее свечу… А такой пожар…»

Наэфф перестал плести ветер. Оба стояли в центре круга обнаженной земли с множеством ям на месте погребов. Здания по краям были рассечены надвое, демонстрируя половинки комнат. Некоторые сооружения обрушились. Опустевшая площадка выглядела жутковато, как глазница на месте давно вытекшего глаза на совершенно здоровом лице.

У границы зоны бедствия, собравшись в несколько групп, стояли Защитники. Найнив кивнула Наэффу, и оба подошли к самому большому отряду.

— Никого не нашли? — осведомилась Найнив.

— Нет, леди Айз Седай, — ответил кто-то из Защитников. — Вернее… гм… видели несколько

человек, но все они были уже мертвы.

Еще один — бочкообразный парень в туго обтягивающей его торс форме — согласно кивнул:

— Похоже, все, кто хоть кончиком пальца стоял в этом круге, погибли. Нашли нескольких, кто без ступни остался, кто без руки, но и они тоже умерли. — Толстяк заметно дрожал.

Найнив зажмурилась. Все разваливалось на части, и она была не в силах Исцелить этот мир. Ее мутило, и она была вне себя от гнева.

— Может, это они виноваты, — негромко сказал Наэфф. Открыв глаза, Найнив увидела, как он кивает на ближайшую тень от здания. — Исчезающие. Их там трое, Найнив Седай, и они следят за нами.

— Наэфф… — удрученно произнесла Найнив. Она уже уверяла Аша'мана, что нет здесь никаких Исчезающих, но это не помогло. «Надо что-то сделать, — подумала она. — Хоть кому-то помочь». — Постой спокойно, Наэфф.

Взяв его за руку, Найнив принялась обследовать Аша'мана при помощи Искательства. Тот удивленно взглянул на нее, но возражать не стал.

Найнив смогла нащупать его безумие — зарывшуюся в мозг темную паутину сосудов, пульсирующую, словно миниатюрное сердце. Та-

кую же порчу она видела и у других Аша'манов. Ее навыки Искательства росли, плетения становились все более искусными и утонченными, и теперь Найнив умела находить то, что прежде было сокрыто от нее, хотя понятия не имела, как избавить человека от подобного недуга.

«Все должно поддаваться Исцелению, — сказала себе она. — Все, кроме смерти». Сосредоточившись, Найнив свивала пряди всех Пяти Стихий и осторожно касалась паутины безумия, памятуя, что было, когда она сняла Принуждение с несчастного слуги Грендаль. Одна ошибка, и повреждения будут куда более серьезными, чем нынешнее безумие Наэффа.

Как ни странно, темный клубок во многом очень походил на Принуждение. Не был ли он порождением порчи, из-за чего мужчины, способные использовать Единую Силу, теперь находились под Принуждением Темного?

Создав обратное этой паутине контрплетение, Найнив накинула его на разум Наэффа. Ничего не произошло. Ее плетение попросту исчезло.

Она скрипнула зубами. Должно же было сработать! Но похоже, ничего не вышло. И в последнее время такое случалось все чаще.

«Нет, — подумала Найнив, — нельзя просто

взять и опустить руки». Направив щуп Искательства глубже, она обнаружила, что у тьмы имеются выступы, похожие на крошечные колючки, вонзившиеся в разум Наэффа. Не обращая внимания на собравшихся вокруг людей, Найнив изучила эти шипы.

Потом она осторожно высвободила одну из неподатливых колючек с помощью плетений Духа и немедленно залечила место, где тьма впилась в плоть Аша'мана. Казалось, мозг запульсировал, и вид у Наэффа теперь был более здоровый. Найнив извлекла остальные шипы один за другим. Ей приходилось удерживать плетения, чтобы эти зазубрины не впились обратно в мозг. И без того уставшая после расчистки квартала, Найнив покрылась испариной: Тир — не самое прохладное место, и сейчас она была слишком занята, чтобы сохранять концентрацию, не позволяющую замечать жару.

Продолжая работать, она приготовила новое контрплетение и сразу же, как закончила вытаскивать шипы, накинула его на мозг Наэффа. Темная паутина пошла волной и содрогнулась, будто живое существо…

А потом исчезла.

До крайности измотанная, Найнив нетвердо

попятилась, а Наэфф заморгал и стал озираться. Потом он поднял руку к голове.

«О Свет! — подумала Найнив. — Не навредила ли я? Стоило ли вот так, с наскока, забираться к нему в сознание? Лучше бы я…»

— Их нет, — сказал Наэфф. — Исчезающие… Теперь я их не вижу. — Он снова моргнул. — Да и с чего бы мурддраалам прятаться в тени? Раз я их видел, они попросту убили бы меня, и… — Он сфокусировал взгляд на Найнив. — Что ты со мной сделала?

— Я… Я вроде как… Исцелила тебя от безумия. — Вернее, что-то сделала с той темной паутиной. Действия Найнив не были привычным Исцелением, и она даже не пользовалась предназначенными для Исцеления плетениями. Но как видно, все получилось.

Наэфф, в совершенном замешательстве, широко улыбнулся, обеими руками схватил Найнив за руку и упал на колени. Глаза его наполнились слезами.

— Уже несколько месяцев я чувствовал, будто за мной постоянно следят — и убьют, стоит лишь повернуться спиной к тени. А теперь… Спасибо, спасибо тебе! Мне надо отыскать Нелавейр.

— Тогда ступай, — разрешила Найнив, и Наэфф

умчался в Твердыню на поиски своей Айз Седай.

«Нельзя думать, что мои поступки не имеют значения. Именно этого и хочет Темный». Глядя вслед Наэффу, Найнив заметила, что небо расчистилось. Вернулся Ранд.

Рабочие занялись разборкой остатков зданий, наполовину превратившихся в пыль, а Найнив принялась успокаивать тайренцев, собиравшихся вокруг пострадавшего от пузыря зла квартала. Ей не хотелось допускать паники, и поэтому Найнив заверила всех, что опасность миновала, а потом попросила о встрече с семьями погибших.

Когда ее нашел Ранд, Найнив разговаривала с тощей взволнованной простолюдинкой в соломенной шляпе и закрытом платье с тремя передниками. Ее муж работал в гостинице, где побывала Найнив. Женщина то и дело поглядывала на бывший погреб, а ныне дыру в земле.

Через пару секунд Найнив заметила, что Ранд наблюдает за ней, стоя в стороне, спрятав руки за спину и, наверное, обхватив единственной ладонью культю. Его охраняли две Девы: одну звали Сомма, другую Канара. Разговор с тайренкой был окончен, но сердце кровью обливалось при виде этих полных слез глаз. Как бы повела себя Найнив, случись ей потерять Лана?

«Свет да обережет его. Прошу, пожалуйста, убереги его», — взмолилась она про себя. Потом Найнив отстегнула от пояса кошель и отдала его женщине. Может, это хоть как-то ей поможет.

К Найнив подошел Ранд:

— Заботишься о моих людях? Спасибо.

— Я забочусь обо всех, кто нуждается в помощи, — сказала Найнив.

— Как всегда, — кивнул Ранд. — И еще о некоторых, кто в ней не нуждается.

— Ты о себе? — спросила она, вздернув бровь.

— Нет. Я никогда не мог обойтись без твоей помощи. И это еще мягко сказано.

Найнив растерялась. Вот от кого-кого, а от Ранда она никак не ожидала услышать подобные слова. Почему он не избавился от этого старого, некрасивого, выцветшего плаща?

— Это я виноват. — Ранд кивнул на проплешину в городской застройке.

— Ранд, не дури.

— Думаю, иногда любой оказывается круглым дураком, — сказал он. — Я виноват в том, что задержался. Слишком долго мы откладывали схватку с ним. Что сегодня тут случилось? Здания превратились в пыль?

— Да, — ответила Найнив. — Не только здания,

но и вообще все. Стоило чего-то коснуться, как оно в тот же миг осыпáлось на землю.

— Так он поступит со всем миром, — понизил голос Ранд. — Он начинает шевелиться. Чем дольше будем ждать, вися на волоске, тем ужаснее будут разрушения. Медлить уже нельзя.

— Ранд, ты намерен выпустить его, — сдвинула брови Найнив, — но разве это не усугубит ситуацию?

— Пожалуй, — согласился Ранд. — Причем заметно. Но ненадолго. Если вскрыть Скважину, он освободится не сразу, но наберется сил. И все же это необходимо. Представь, что нам надо взобраться на высокую каменную стену, а мы вместо этого тянем время, наматывая вокруг нее круги — хотя пора бы начать подъем. С каждым шагом накапливается усталость, но битва неизбежна. Надо сразиться с ним, пока мы еще не выбились из сил. Вот почему я должен сломать печати.

— Я… Знаешь, я верю тебе. — Найнив с удивлением поняла, что это действительно так.

— Веришь, Найнив? — переспросил Ранд с неожиданным облегчением в голосе. — Правда?

— Да.

— В таком случае попробуй убедить Эгвейн. Она сделает все возможное, чтобы остановить меня.

— Ранд… Она призвала меня в Башню. Сегодня я должна отправиться туда.

— Что ж, я подозревал, что в итоге она поступит именно так. — Неловким странным жестом коснувшись плеча Найнив, Ранд поднял на нее глаза, полные печали. — Они попытаются уничтожить тебя. Не допусти этого.

— Уничтожить?

— Страстность — неотъемлемая часть твоей натуры, — объяснил Ранд. — Я, сам того не признавая, пробовал стать таким же, как они. Холодным и сдержанным в любой ситуации — и едва не погиб. Да, кто-то находит силу в бесстрастии, но это не единственная разновидность силы. Быть может, тебе не хватает самоконтроля, но твои чувства искренни, и мне это нравится. Представить не могу, что ты станешь еще одной «идеальной» Айз Седай с нарисованной маской вместо лица, равнодушной к тому, что чувствуют другие люди.

— Айз Седай должна быть невозмутимой, — ответила Найнив.

— Айз Седай должна быть такой, какой ею станешь ты сама. Только тебе это решать, — сказал Ранд, по-прежнему держа искалеченную руку за спиной. — Морейн была невозмутимой, но не

равнодушной. Ты ведь сама видела. Лучшие из известных мне Айз Седай — те, о ком говорят, что не такой должна быть Айз Седай.

Найнив поймала себя на том, что согласно кивает, и рассердилась на себя. «Неужели я прислушиваюсь к советам Ранда ал'Тора?» — недовольно подумала она.

А он действительно изменился. Говорил спокойно, убедительно, тщательно подбирая слова. Совет такого человека принимаешь, не чувствуя, что с тобой говорят свысока. На самом деле в этом он стал похож на отца, но Найнив никогда не признала бы этого в разговоре с Рандом или Тэмом.

— Ступай к Эгвейн. — Ранд убрал руку с ее плеча. — Но прошу, вернись, как только сможешь. Без твоих советов мне не обойтись. По меньшей мере, я хотел бы видеть тебя рядом, когда отправлюсь к Шайол Гул. Одной саидин Темного не одолеть, и, если решим воспользоваться Калландором, для круга мне понадобятся две женщины, которым я доверяю. Насчет второй я пока не решил. Скорее всего, это будет Авиенда или Илэйн. Но первой станешь ты. Вне всяких сомнений.

— Я буду рядом, Ранд. — Найнив испытала прилив необъяснимой гордости. — А теперь постой смирно. Больно не будет. Обещаю.

Он изогнул бровь, но позволил обследовать себя щупом Искательства. Найнив страшно устала, но перед расставанием она обязана попытаться Исцелить его безумие. Казалось, это вдруг стало самым важным, что она могла сделать для Ранда. И всего мира.

Она работала, не касаясь ран в боку Ранда — полных мрака бездн, пытавшихся высосать из нее всю энергию, — но сосредоточившись на его сознании. Там, где…

Она обмерла. Тьма была чудовищной. Она покрывала весь его разум. Тысячи тысяч крошечных черных шипов впивались в мозг Ранда, но под ними ярко сияло нечто белое, напоминающее сверкающее кружево, — ослепительное свечение, походившее на текучую Силу. На свет, что обрел форму и жизнь. У Найнив перехватило дух. Свет, обволакивая каждый зубец, вонзался в сознание Ранда вместе с тьмой. Что бы это значило?

Она не имела ни малейшего представления, как подступиться к этим шипам. Их было слишком много. Как он вообще способен думать, если мозг находится под таким гнетом тьмы? И откуда взялась эта слепящая белизна? Найнив уже Исцеляла Ранда, но свечение видела впервые. Впрочем, до недавнего времени она и тьмы-то не

замечала. Должно быть, сказывалась ее практика в Искательстве.

Она неохотно отказалась от своей затеи:

— Прости. Я не могу Исцелить тебя.

— Многие, в том числе и ты, пробовали залечить эти раны. Но это попросту невозможно. В последнее время я почти не вспоминаю о них.

— Я не о ранах у тебя в боку, — сказала Найнив. — Я о безумии…

— Ты что, способна Исцелить безумие?

— Похоже, с Наэффом это сработало.

— Никак не успокоишься? — осклабился Ранд. — Ты хоть понимаешь, Найнив, что в Эпоху легенд даже самые одаренные целители лечили болезни разума с огромным трудом? Многие считали, что безумие невозможно Исцелить с помощью Единой Силы.

— Прежде чем уйти, я Исцелю других, — сказала Найнив. — По крайней мере, Наришму и Флинна. Думаю, в разуме любого Аша'мана обнаружится хотя бы намек на эту порчу. Не знаю, сумею ли я добраться до Черной Башни. — «И хочу ли я туда попасть».

— Спасибо. — Ранд взглянул на север. — Но нет. Тебе не следует идти в Черную Башню. Кого-то отправить мне придется, но этот вопрос требует

особой осторожности. С Аша'манами что-то происходит. Но у меня столько дел… — Он покачал головой и посмотрел на Найнив. — Пока что я не способен перешагнуть эту пропасть. Побеседуй обо мне с Эгвейн и говори только хорошее. Надо, чтобы она стала союзником.

Найнив кивнула, а потом — чувствуя себя довольно глупо — обняла Ранда, после чего отправилась искать Наришму и Флинна.

Подумать только — обняла. Дракона Возрожденного. Что за дурацкий поступок. Так глупо могла бы повести себя Илэйн. Найнив покачала головой, размышляя, что, быть может, время, проведенное в Белой Башне, возвратит присущее ей здравомыслие.

* * *

Тучи вернулись.

Эгвейн стояла на самой верхушке Белой Башни, на ее плоской круглой крыше, положив руки на доходивший до пояса парапет. Похожие на расползающуюся плесень — или на рой насекомых — тучи смыкались над Тар Валоном. Период ясного неба был приятен, но недолог.

Чай снова стал противным на вкус. Обнаруженные ранее запасы зерна истощались, а новые

были поражены долгоносиком. «Земля едина с Драконом».

Вдыхая свежий воздух, обоняя его, Эгвейн разглядывала Тар Валон, принадлежавший ей и никому другому.

За спиной терпеливо ждали Сине, Саэрин и Юкири. Эти трое изначально охотились за Черной Айя в Белой Башне, а теперь стали самыми ярыми сторонницами Эгвейн и самыми полезными ее помощницами. Все ожидали, что Эгвейн будет благоволить женщинам, не поддержавшим Элайду. Поэтому показываться в обществе Айз Седай, оставшихся в Белой Башне, было весьма полезно.

— Что вы нашли? — спросила Эгвейн.

Саэрин, подойдя к парапету и встав рядом, покачала головой. Из-за шрама на щеке и седины на висках Коричневая сестра с ее оливковой кожей и грубоватым лицом походила на состарившегося полководца.

— Кое-что из того, что ты, мать, просила узнать, было неоднозначным или сомнительным даже три тысячи лет назад, — заметила она.

— Пригодится все, что вы сумеете отыскать, дочь моя, — сказала Эгвейн. — До тех пор, пока мы не в состоянии положиться всецело на факты,

неполное знание куда лучше полного неведения.

Саэрин негромко фыркнула, но, по всей очевидности, узнала слова Ясикки Селлаэх, древней книжницы из Коричневой Айя.

— А вы двое? — обратилась Эгвейн к остальным.

— Ищем, — ответила Юкири. — Сине составила список вариантов, и некоторые выглядят вполне логично.

Эгвейн выгнула бровь. Выслушивать теории Белых любопытно, но не всегда полезно: эти сестры склонны пренебрегать правдоподобными версиями, куда больше обращая внимание на самые сомнительные гипотезы.

— Тогда с них и начнем, — сказала она. — Сине?

— Что ж, для начала отмечу, — заговорила та, — что Отрекшиеся, несомненно, располагают знаниями, о которых мы и догадаться не можем. Поэтому, вероятно, нет способа выяснить, как Месана обманула Клятвенный жезл. Например, нельзя исключать, что существует способ ненадолго блокировать его действие. Или существуют какие-то особые слова, которыми можно отменить его влияние. Жезл — артефакт Эпохи легенд, и, хотя мы пользуемся этим предметом

уже тысячи лет, в сущности, никто не понимает принципов его работы. Как и в случае с большинством тер'ангриалов.

— Ясно, — кивнула Эгвейн.

— Но, — тут в руках у Сине появился лист бумаги, — приняв это во внимание, я разработала три версии о способах схитрить, принося клятву на жезле. Во-первых, нельзя исключать, что у женщины имеется еще один Клятвенный жезл. Известно, что подобные предметы существовали, и разумно будет допустить, что один жезл освобождает тебя от клятвы, данной на другом. Допустим, Месана втайне имела при себе такой. Или принесла Три Клятвы, держа в руках наш Жезл, а затем как-то воспользовалась другим, чтобы отказаться от них, прежде чем поклясться, что не является приспешницей Темного.

— Малоубедительно, — заметила Эгвейн. — Разве могла она освободиться от данных ранее клятв так, чтобы мы не заметили? Ведь для этого требуется плетение Духа.

— Я учла этот момент, — ответила Сине.

— Неудивительно, — заметила Юкири.

Смерив ее взглядом, Сине продолжила:

— По этой причине Месана не обошлась бы без второго Клятвенного жезла. Она могла бы

направить в него Дух, инвертировать плетение и остаться связанной со своим Жезлом.

— Звучит неправдоподобно, — сказала Эгвейн.

— Неправдоподобно? — переспросила Саэрин. — По-моему, нелепо. Помнится, Юкири, ты говорила, что некоторые версии выглядят вполне логично.

— Эта — наименее логичная из трех, — сказала Сине. — Второй способ проще: Месана могла прислать на клятву двойника, воспользовавшись Зеркалом туманов. Скажем, она связала сильным Принуждением какую-нибудь злополучную сестру, или послушницу, или даже необученную женщину, способную направлять Силу. И эта несчастная вынуждена была принести клятвы вместо Месаны. В таком случае присягнувшая, не являясь приспешницей Темного, могла заявить об этом, не покривив душой.

Эгвейн задумчиво кивнула:

— Для такого потребовалась бы серьезная подготовка.

— Судя по тому, что я узнала о Месане, — сказала Саэрин, — такого рода подготовка — ее конек.

Саэрин было поручено выяснить об истинной сущности Месаны все, что можно. Рассказы об Отрекшихся слышали, конечно, все — а кто не

знал назубок их имена и не помнил об их наиболее жутких деяниях? Однако Эгвейн не особо доверяла этим историям. Ей требовалось что-то более надежное и конкретное — если подобные сведения вообще можно было найти.

— Говорите, есть и третья версия? — спросила Эгвейн.

— Да, — ответила Сине. — Нам известно, что некоторые плетения воздействуют на звук — к примеру, усиливают голос выступающего перед толпой или защищают от подслушивания. Кроме того, их применяют, чтобы отчетливо разобрать сказанное неподалеку. Более сложные версии Зеркала туманов вполне могут преобразовывать человеческий голос. После некоторой практики мы с Дозин создали вариант плетения, который изменял произнесенные слова: в действительности я говорила одно, а Дозин слышала совершенно другое.

— Ты ступаешь на тонкий лед, Сине, — хрипло предупредила Саэрин. — Такое плетение возможно использовать для недобрых целей.

— Солгать, применяя его, мне не удалось, — возразила Сине. — Хотя я и пробовала. Клятвы остаются в силе. Даже используя плетение, я не смогла произнести слова, которые были бы

услышаны как ложь, хотя они, покидая мои уста, соответствовали истине. Надо сказать, плетение было довольно простым. Я закрепила и инвертировала его, поставила перед собой, и оно меняло мою речь в соответствии с замыслом. Теоретически, будь подобное плетение в распоряжении у Месаны, она могла бы взять Клятвенный жезл и дать какие угодно обеты: «Клянусь, что буду лгать, когда заблагорассудится», ну и так далее. Жезл связал бы ее этой клятвой, но плетение изменило бы слова, и мы услышали бы, что Месана произносит положенные обещания.

Эгвейн оставалось лишь стиснуть зубы. Она предполагала, что обмануть Клятвенный жезл не так-то просто. Как оказалось, для этого достаточно элементарного плетения. Как же она не припомнила материнскую присказку — «не хватайся за булыжник там, где достаточно взять камешек»?

— Таким образом, — сделала вывод Эгвейн, — приспешницы Темного могли из года в год проникать в ряды Айз Седай.

— Вряд ли, — не согласилась Саэрин. — Никто из захваченных нами Черных сестер не знал об этом плетении. Иначе они попытались бы пустить его в ход, принося клятвы во второй раз.

Подозреваю, что, если Месане известно об этом фокусе, она придерживает его для себя. Плетение станет бесполезным, если о нем узнают слишком многие.

— Ну и что мы будем делать? — спросила Эгвейн. — Зная о плетении, мы, пожалуй, сможем найти способ нейтрализовать его, но сомневаюсь, что сестры горят желанием снова пройти через принесение клятв.

— Даже чтобы обнаружить одну из Отрекшихся? — спросила Юкири. — Ну нахохлятся несколько куриц, взъерошатся у них перья — разве это не стоит того, чтобы поймать лису, затаившуюся в курятнике?

— Ее не поймают, — ответила Эгвейн. — Кроме того, мы не знаем, пользуется ли она каким-то из этих способов. Если полагаться на логические выводы Сине, обмануть Клятвенный жезл возможно — и не так уж трудно. И сам этот факт куда важнее способа, выбранного Месаной.

Сине взглянула на Юкири. Никто из этой троицы не подвергал открытому сомнению слова Эгвейн о том, что в Белой Башне находится одна из Отрекшихся, но ясно было, что настроены они скептически. Что ж… По крайней мере, теперь все понимали, что Клятвенный жезл можно

обмануть.

— Продолжайте работу, — велела Эгвейн. — Вы с другими сестрами успешно вывели нескольких Черных на чистую воду. Здесь почти то же самое.

«Однако гораздо, гораздо опаснее».

— Попробуем, мать, — сказала Юкири. — Но… единственная сестра среди сотен? Одно из самых хитрых и злобных созданий за всю историю? Сомневаюсь, что она оставит очевидные следы. Наше расследование убийств пока не дало почти никаких результатов.

— Все равно продолжайте, — ответила Эгвейн. — Саэрин, что у тебя?

— Россказни, слухи и перешептывания, мать, — поморщившись, хмуро ответила Саэрин. — Тебе, несомненно, известны самые распространенные истории о Месане — например, как она управляла школами на землях, захваченных Тенью во время Войны Силы. Насколько могу судить, эти легенды соответствуют действительности. Такой факт подробно описан в «Анналах последних ночей» Марсим Манетеренской, а этот источник принято считать достоверным. Элром составила довольно подробный отчет касательно обучения в одной из таких школ, и его фрагменты дошли

до наших дней. Месана хотела стать исследовательницей, но ей отказали, почему и при каких точно обстоятельствах — осталось неизвестным. Кроме того, если верить Элром, Месана возглавляла Айз Седай, перешедших на сторону Тени, и время от времени вела их в бой. Но сомневаюсь, что это так. Скорее, лидерство Месаны было символическим.

Подумав, Эгвейн кивнула:

— Но что насчет ее характера? Какая она, Месана?

— Для большинства людей Отрекшиеся — чудовища из кошмаров, мать. Какой уж тут характер? К тому же многие тексты утрачены или искажены. Могу сказать лишь, что среди Отрекшихся она была реалисткой. Вместо того чтобы восседать на высоком троне, она не брезговала замарать руки. В книге «Глядя сквозь Разлом» Эландрия Борндат настаивает, что Месана, в отличие от Могидин и Грендаль, предпочитала брать на себя бразды правления. Она не была ни самой искусной, ни самой могущественной из Отрекшихся, но проявила необычайные способности. Эландрия утверждает, что Месана делала все, что требовалось сделать. Пока остальные погрязали в интригах, она строила укрепления и обучала

новых рекрутов. — Саэрин помолчала. — Она… во многом похожа на Амерлин, мать. Амерлин от Тени.

— О Свет! — воскликнула Юкири. — Неудивительно, что она обосновалась именно здесь. — Похоже, Серая сестра вконец разнервничалась.

— Больше не нашлось ничего, мать, что относилось бы к делу, — сказала Саэрин, — разве что любопытное упоминание в работе книжницы Ланнис из Голубой Айя, отметившей, что безудержный гнев Месаны уступал лишь ярости Демандреда.

— Предположила бы, что ненависть свойственна всем Отрекшимся, — нахмурилась Эгвейн.

— Речь не о ненависти, — возразила Саэрин. — О гневе. По убеждению Ланнис, Месана гневалась — на себя, на мир, на остальных Отрекшихся, — поскольку именно ей не нашлось места на передовой. И это делает ее очень опасной.

Задумчиво кивнув, Эгвейн подумала: «Она — организатор. Распорядитель поневоле, не приемлющий свое низведение до этого статуса».

Не поэтому ли она осталась в Башне после обнаружения Черных сестер? Быть может, хотела потешить Темного каким-то великим деянием? Верин говорила, что Отрекшихся роднит общая

черта характера, и это — себялюбие.

«Она хотела доставить удовольствие Темному, разрушив Белую Башню, — подумала Эгвейн. — Но эта затея закончилась провалом. Наверное, Месана принимала участие и в неудавшемся похищении Ранда. Очередное фиаско. А женщины, отправленные уничтожить Черную Башню?»

Чтобы загладить эти неудачи, Месане надо сотворить нечто грандиозное. К примеру, убить Эгвейн, тем самым вернув Белую Башню во времена раскола.

Когда она сказала, что собирается сыграть роль приманки, Гавин жуть как обиделся. Но готова ли Эгвейн сделать этот шаг? Крепко сжимая поручни парапета, она стояла на вершине Башни и смотрела на зависевший от нее город и нуждавшийся в ней мир.

Пора что-то делать. Надо как-то выманить Месану. Если Саэрин не ошиблась, эта женщина не станет прятаться в тени и наносить удар исподтишка. Она предпочтет схватку лицом к лицу. Стало быть, Эгвейн должна предоставить ей такую возможность — не настолько очевидную, но настолько соблазнительную, чтобы Месана не устояла.

— Пойдемте. — Эгвейн направилась к пандусу,

ведущему в Башню. — Мне надо подготовиться.

Глава 16
Шанна'хар

В сгущавшихся сумерках Фэйли шагала к палатке квартирмейстера. Перрин уже отправил группу разведчиков в Кайриэн; они ушли через переходные врата и вернутся следующим утром.

Он все еще раздумывал, как поступить с белоплащниками. За последние несколько дней две армии обменялись несколькими письмами: Перрин старался подвести дело ко вторым, более официальным переговорам, Дети Света настаивали на битве, а Фэйли, узнав, что ее не посвятили во все с самого начала и не взяли на первую встречу с белоплащниками, высказала мужу все, что о нем думала.

Перрин тянул время, чтобы Илайас и айильцы,

проведя разведку, нашли способ вызволить пленников из лагеря Детей Света, но этот вариант не казался многообещающим. В Двуречье у Перрина нечто подобное получилось, но тогда там была лишь горстка заложников. Здесь же речь шла о сотнях людей.

Перрина терзало чувство вины. Что ж, в скором времени Фэйли поговорит с ним. Шествуя по лагерю, она посмотрела влево — туда, где рядом с высоко поднятыми знаменами стояли палатки майенцев.

«С ней тоже надо разобраться. Чем быстрее, тем лучше», — подумала Фэйли, глядя на стяг Берелейн. Слухи насчет ее связи с Перрином были весьма сомнительными. Фэйли подозревала, что в ее отсутствие Берелейн могла выкинуть какой-нибудь фокус, но заманить Перрина к себе в палатку, да еще ночью… Не слишком ли это прямолинейно?

Следующие шаги Фэйли необходимо делать с чрезвычайной осторожностью. Взаимоотношения Перрина с его людьми и союзниками находятся в довольно зыбком равновесии. Фэйли поймала себя на том, что была бы рада спросить материнского совета.

Опешив от этой мысли, девушка остановилась

на тропинке, которую покрывала желтая трава, втоптанная в грязь.

«О Свет! — подумала она. — Что же со мною стало!»

Двумя годами раньше Фэйли — тогда ее звали Заринэ — сбежала из родного дома в Салдэйе, вознамерившись стать охотницей за Рогом. Старший ребенок в семье, она восстала против своих обязанностей и обучения, на котором настаивала мать.

Она ушла не потому, что терпеть не могла трудиться: напротив, Фэйли умело справлялась со всем, что от нее требовали. Так зачем же она пустилась в бега? Отчасти из-за тяги к приключениям, но также — и в этом Фэйли призналась себе только сейчас — из нежелания притворяться. В Салдэйе ты обречена делать то, чего от тебя ожидают. Без вариантов. И никто не задавался вопросом, выполнишь ли ты свой долг — в особенности если ты родственница самой королевы.

В общем, она сбежала, питая отвращение не к своему будущему, но к его предопределенности, а теперь… Теперь она пользуется навыками, обретенными по настоянию матери.

От этой мысли Фэйли едва не расхохоталась. С первого взгляда она умела вникнуть в проблемы

лагеря. Сапожникам вскоре понадобится добротная кожа. С водой все хорошо (в последнее время то и дело моросил дождь), но с сухими дровами для костров — не очень. Надо обратить внимание на группу беженцев, бывших гай'шайн из мокроземцев: слишком уж враждебно они поглядывают на айильцев Перрина. По пути она высматривала, не развели ли где грязи, проверяла, как устроен солдатский быт. Некоторые мужчины так заботятся о своих лошадях, что забывают поесть — по крайней мере, поесть здоровой пищи, — не говоря уже о привычке засиживаться за сплетнями у костра едва ли не до самого рассвета.

Покачав головой, Фэйли продолжила идти и вскоре оказалась в той части лагеря, которую отвели под продовольственный склад. Здесь, среди установленных кольцом палаток, разгружали из фургонов съестные припасы для ватаги поваров и разносчиц готовой пищи. Эта часть лагеря была, по сути, отдельной деревней, по которой сновали сотни людей, протоптавших тропинки среди грязной травы. Фэйли миновала группу чумазых юношей, рывших ямы для готовки, стайку женщин, оживленно болтавших за чисткой картошки, и горстку детей — те, собрав очистки,

тащили свою ношу к другим отходам. Детей в лагере было мало, хотя Перрин, проходя по сельской местности, все же поддался на уговоры и приютил сколько-то оголодавших семей.

Работники относили корзины с очищенной картошкой к варочным котлам, которые наполняли водой молодые женщины, таскавшие воду из ближайшего ручья, подмастерья грели угли для жарки, а опытные повара смешивали специи для подливок, чтобы было чем приправить еду — по сути дела, то был единственный способ придать громадному количеству пищи хоть какой-то вкус.

Согбенные старухи — в лагере их были единицы — прошаркали мимо, сжимая в тощих руках легкие плетеные корзинки с травами и переговариваясь скрипучими голосами. Солдаты приходили и уходили, оставив дичь. Подростки — уже не дети, но еще не мужчины — собирали гнилушки для трута, а несколько мальчишек, забыв о насущных делах, увлеклись ловлей пауков.

В этом водовороте дел мирно сосуществовали порядок и хаос, неотделимые друг от друга, как две стороны одной монеты. Удивительно, но здесь Фэйли чувствовала себя как дома. Стои-

ло оглянуться на несколько лет назад, и она с изумлением видела избалованную, эгоистичную девчонку. Сбежав из Пограничных земель, чтобы стать охотницей за Рогом, она бросила свои обязанности, свой дом, свою семью. О чем она только думала?

Пройдя мимо женщин, занятых помолом зерна, она обогнула одеяло, на котором был разложен предназначенный для супа свежесобранный дикий лук. Да, Фэйли встретила Перрина, и это хорошо, но эта встреча не оправдывала ее бегства. Поморщившись, она вспомнила, как вынуждала Перрина отправиться в Пути во тьме — в одиночку, без сопровождения. Чем же он так ее рассердил?.. Забыла. Но лучше не говорить с ним на эту тему.

Как-то раз мать назвала ее испорченной девчонкой — и, пожалуй, была права. Еще она настаивала, чтобы дочь овладела наукой управлять поместьями, а Фэйли тем временем мечтала, как выйдет замуж за охотника за Рогом и проведет всю жизнь вдали от армий и наводящих тоску обязанностей знати.

«Благослови тебя Свет, матушка», — подумала она. Что бы они с Перрином делали без этой подготовки? Если бы не материнские уроки, Фэйли

не принесла бы армии никакой пользы, и управление всем лагерем легло бы на плечи одной Аравин. Да, она способная распорядительница, но не справилась бы с такой масштабной задачей — и никто не ожидал бы, что справится.

Небольшой шатер квартирмейстера располагался в самом центре ям для стряпни. Ветер разносил смесь ароматов опаленного пламенем жира, вареной картошки, приправленных чесноком и перцем подливок и тошнотворного запаха сырой картофельной кожуры, предназначенной на корм небольшому стаду свиней, которыми армия разжилась в Малдене.

Квартирмейстер — звали его Бавин Рокшау — был бледнолицым кайриэнцем со светлыми прядями в седеющей каштановой шевелюре, напоминающей шкуру пса смешанной породы. Узкоплечий, с тощими руками и ногами, он, однако, обладал идеально круглым брюшком. По всей очевидности, он занимался вопросами снабжения войск и армейского хозяйства с самой Айильской войны и был знатоком своего дела, распоряжаясь припасами с той же ловкостью, с которой мастер-столяр обрабатывает древесину.

И это, разумеется, означало, что Рокшау обладал богатым опытом по части взяток. Заметив

Фэйли, он с улыбкой изобразил формально-чопорный поклон, но без лишней жестикуляции, словно заявляя: «Я простой солдат, исполняющий свой долг».

— Леди Фэйли! — воскликнул квартирмейстер, взмахом руки отогнав нескольких слуг. — Вы, наверное, желаете просмотреть гроссбухи?

— Да, Бавин, — ответила девушка, зная, что не найдет в записях ничего подозрительного. Рокшау был сама осторожность.

Тем не менее один из слуг принес ей табурет, другой — стол, а третий — чашку чая, и Фэйли бегло просмотрела толстые книги, поражаясь идеальному порядку в столбиках и суммах. Мать не раз объясняла, что квартирмейстеры делают множество непонятных пометок со ссылками на соседние страницы или на другие списки, разносят различные типы припасов по разным книгам поставщиков — лишь для того, чтобы труднее было понять, что тут вообще происходит. Сбитый с толку обилием примечаний, командующий армией придет к выводу, что квартирмейстер — как видно — делает свою работу на совесть.

Здесь же наблюдалась совершенно иная картина. Какими бы фокусами с цифрами Бавин ни маскировал хищения, они относились к разряду

истинной волшбы. Но он тем не менее был точно нечист на руку — или, по крайней мере, проявлял недюжинную изобретательность в распределении съестных припасов. Такое неизбежно. Мало какой квартирмейстер сочтет свои ухищрения воровством: он распоряжается своими запасами, только и всего.

— Крайне странные коленца выкидывает порой судьба, — заметила Фэйли, перелистывая страницы.

— Миледи? — не понял Бавин.

— Хм? Нет, ничего. Разве что лагерь Торвена Рикшана получает обед и ужин добрым часом раньше остальных. Не сомневаюсь, что это случайность.

— Вы совершенно правы, миледи, — не сразу ответил Бавин, и Фэйли продолжила листать журналы.

Кайриэнский лорд Торвен Рикшан заведовал одним из двадцати лагерей, которые отвели для основной массы беженцев, и под его крылом собралось неестественно большое число аристократов. Внимание Фэйли к этому факту привлекла Аравин; непонятно, как Торвин добился того, что ему доставляют еду в первую очередь, но так дело не пойдет. В остальных ла-

герях скажут, что одним Перрин благоволит, а другим уделяет значительно меньше внимания.

— Да! — беспечно рассмеялась Фэйли. — Всего лишь случайность. Всякое бывает в таком огромном лагере. Кстати, буквально на днях Варкел Тиус жаловался мне, что подал запрос на парусину для починки рваных палаток, но прошла уже неделя, а материалов все нет и нет. Однако мне точно известно, что во время переправы Соффи Моратон порвала палатку и ее залатали тем же вечером.

Бавин молчал.

Фэйли не стала произносить обвинительных речей: мать предупреждала, что хороший квартирмейстер — ценный актив и в тюрьме ему не место. Особенно если преемник, скорее всего, окажется и вполовину не таким компетентным, но таким же продажным. Поэтому Фэйли не собиралась выставлять грехи Бавина напоказ, но хотела, чтобы встревоженный интендант научился держать себя в узде. Она захлопнула гроссбух.

— Надеюсь, Бавин, таких случайностей станет меньше, — заметила Фэйли. — Не хотелось бы обременять тебя такими глупостями, но моему мужу незачем знать об этих затруднениях. Тебе же известно, каков он в гневе.

На самом деле Перрин не тронул бы человека вроде Бавина — скорее Фэйли взмахнула бы руками и улетела прочь, будто сокол. Но в лагере бытовало иное мнение. Зная, сколь свиреп Перрин в бою, а еще видя, как Фэйли порой вступает с мужем в споры — спровоцированные ею самой, дабы оживить ситуацию, — все предполагали, что у него крайне скверный нрав. И это хорошо. Главное, чтобы его считали добрым и честным защитником своих людей — хотя бы и гневающимся, когда ему перечат.

Фэйли встала с табурета, передала толстые томики курчавому парню с чернильными пятнами на пальцах и камзоле, улыбнулась Бавину и отправилась прочь из владений квартирмейстера. По пути девушка огорченно отметила, что замеченные ею раньше пучки дикого лука уже успели испортиться. Побеги, которые она видела считаные минуты назад, размякли и потекли, будто растение гнило на солнце уже несколько недель. Случаи порчи продовольствия в лагере начались совсем недавно, но, судя по донесениям разведчиков, в округе подобное происходило намного чаще.

По сумрачному небу трудно было судить, который час, но горизонт потемнел, и Фэйли решила,

что пора наконец встретиться с Перрином. Она улыбнулась. Мать не раз предупреждала, кем она станет, рассказывала, чего от нее ожидают, и в свое время Фэйли боялась угодить в ловушку, расставленную самой жизнью.

Но о чем не упоминала Дейра, так это об ощущении, что ты на своем месте. И все из-за Перрина. Разве это ловушка, если ты угодила в нее вместе с любимым человеком?

* * *

Перрин стоял, поставив ногу на пенек срубленного дерева, и смотрел на север. С вершины холма открывался вид на всю равнину до самых утесов Гареновой Стены, вздымавшихся к небу, словно костяшки пальцев дремлющего великана.

Распахнув сознание, Перрин искал волков. Их было несколько — так далеко, что присутствие стаи почти не чувствовалось. Волки держались подальше от больших скоплений людей.

За спиной у него раскинулся лагерь, чьи границы были отмечены дрожащими огнями бивачных костров. Этот холм стоял обособленно, но его нельзя было назвать уединенным, и Перрин не понимал, почему Фэйли захотела встретиться здесь на закате, но от нее пахло приятным волне-

нием, и он не стал любопытствовать. Женщинам нравится иметь секреты.

Он услышал, как Фэйли поднимается на холм, мягко ступая по влажной траве. Она умела ходить почти беззвучно — лучше, чем можно было подумать, хотя до Илайаса и до любого айильца ей было далеко, — но ее выдавал аромат мыла с лавандой. Им Фэйли пользовалась только в те дни, которые считала особыми.

Она поднялась на вершину холма — красавица в фиолетовом жилете поверх длинной шелковой блузы более светлого оттенка. Впечатляющее зрелище. Где она раздобыла эту одежду? В этом изящном наряде Перрин видел ее впервые.

— Муж мой, — подойдя к нему, сказала Фэйли. Перрин слышал, что у подножия холма есть еще кто-то: наверное, *Ча Фэйли*, которым было велено ждать. — У тебя озабоченный вид.

— Это я виноват, что Гилла и остальных взяли в плен, — сказал он. — Я совершаю одну ошибку за другой. Просто чудо, что люди еще следуют за мной.

— Перрин! — Фэйли положила ладонь ему на руку. — Мы это уже обсуждали. Не надо так говорить.

— Почему?

— Потому, что прежде ты никогда не лгал, — мягко пожурила его Фэйли.

Перрин взглянул на девушку. Уже темнело, но он, в отличие от Фэйли, неплохо видел в темноте.

— Зачем ты противишься? — спросила она. — Перрин, ведь ты и впрямь хороший лидер!

— Я не обменял бы свою жизнь на их свободу, — сказал Перрин, и Фэйли нахмурила брови:

— И как это связано…

— Тогда, в Двуречье, — перебил ее Перрин, отвернувшись и снова глядя на север, — я был готов пожертвовать собой. Когда белоплащники захватили семью Мэта и Луханов, я бы сдался. Но не в этот раз. Даже спрашивая их вожака, чего он хочет взамен, я знал, что не сдамся.

— Твои лидерские навыки растут.

— Ну что ты такое говоришь? Я ожесточился и огрубел, Фэйли. Знай ты, что я сделал ради того, чтобы тебя вызволить… И что готов был сделать…

Он коснулся молота, висевшего сбоку на ремне. *Клык или коготь… Какая разница, Юный Бык?* Да, он выбросил топор, но можно ли винить оружие в жестокости его владельца? Топор — всего лишь инструмент. Те же кошмарные деяния Перрин

мог совершить и с помощью молота.

— В этом нет бессердечия или эгоизма, — сказала Фэйли. — Теперь ты лорд, и нельзя, чтобы пленение подданных повлияло на принципы твоего правления. Думаешь, королева Моргейз отреклась бы от престола в пользу деспотов, похитивших ее людей? Так не поступит ни один вождь. Неспособность остановить злодеев не делает злодеем тебя, Перрин.

— Я не хочу этой власти, Фэйли. И никогда не хотел.

— Знаю.

— Иногда я жалею, что ушел из Двуречья. Жалею, что не отпустил Ранда навстречу судьбе. Что не оставил простой народ жить обычной жизнью. — От Фэйли пахнуло недовольством, и он тут же добавил: — Но тогда мы не встретились бы, и я рад, что ушел. Просто… я жду не дождусь, когда все это закончится и я займусь простыми и привычными делами.

— Думаешь, Двуречье когда-нибудь вернется к прежней жизни? Той, что тебе запомнилась?

Он не ответил. Фэйли была права. Покидая родной край, он видел признаки перемен — из-за гор прибывали беженцы, разрастались деревни… А теперь, когда столь многие отправились с ним на

войну, вбив себе в голову, будто им нужен лорд…

— Найду другое место, — упрямо ответил он. — Деревень множество, и не все они изменились.

— И ты хочешь затащить меня в одну из этих деревень, Перрин Айбара? — спросила Фэйли.

— Я… — Что станет с Фэйли, его красавицей Фэйли, если ограничить ее мир сонной деревушкой? Перрин всегда утверждал, что он всего лишь кузнец. Но была ли Фэйли женой кузнеца? — Я не стану принуждать тебя, Фэйли.

Сложив ладонь лодочкой, Перрин дотронулся до лица жены. Ему всегда было неловко касаться этих атласных щек толстыми мозолистыми пальцами.

— Я пойду с тобой, если пожелаешь, — сказала Фэйли. Странно. Обычно в ответ на подобные неуклюжие фразы звучала какая-нибудь колкость. — Но пожелаешь ли? Только честно.

— Я сам не понимаю, чего хочу, — признался Перрин. Нет, ему не хотелось тащить Фэйли в деревню. — Быть может… стать кузнецом в каком-нибудь городе?

— Если пожелаешь, — повторила она. — Но в таком случае люди Двуречья останутся без лорда. Им придется найти кого-то еще.

— Нет. Никакой лорд им не нужен. Поэтому

я и хочу, чтобы во мне перестали видеть господина.

— Думаешь, они в момент откажутся от этой мысли? — Теперь от Фэйли пахло весельем. — После того, как насмотрелись на остальных? Вспомни, как они лебезили перед этим придурковатым Люком и как радушно приняли жителей равнины Алмот, привычных к лордам.

И как же поступят люди Двуречья, если Перрин отойдет в сторону, отказавшись быть их вождем? В тот оглушительный момент истины он понял, что Фэйли права. «Ясное дело, они выберут кого-то мне на замену. Кого-то более подходящего, — подумал Перрин. — Быть может, мастера ал'Вира».

Но готов ли он всей душой поручиться за это? Люди вроде мастера ал'Вира или Тэма запросто могут ответить отказом, и в итоге лордом станет, к примеру, старый Кенн Буйе. Да и будет ли у двуреченцев выбор? Если Перрин отступится, не выйдет ли так, что власть примет — или даже захватит — человек, считающий себя высокородным?

«Не будь дураком, Перрин Айбара, — подумал он. — Почти любой из них справится лучше тебя».

И все же мысль о том, как кто-то другой назовет себя лордом и встанет у руля, вызвала у Перрина глубокую тревогу. И невероятно сильную печаль.

— Ладно, заканчивай с размышлениями, — сказала Фэйли. — У меня грандиозные планы на этот вечер.

Девушка трижды хлопнула в ладоши, и люди у подножия холма пришли в движение. Вскоре на вершину взобрались слуги. Перрин узнал в них людей, выбранных женой из массы беженцев, — группу преданных ей Ча Фэйли.

Они расстелили на земле принесенный кусок парусины, накрыли его одеялом, а сверху поставили корзинку, распространявшую запах… Ветчины?

— Что все это значит, Фэйли? — осведомился Перрин.

— Поначалу, — сказала она, — я думала, что ты запланировал нечто особенное на наш с тобой *шанна'хар*. Но ты молчал; поэтому я занервничала и поспрашивала у людей. Как ни странно, оказалось, что в Двуречье его не отмечают.

— Шанна'хар? — почесал в затылке Перрин.

— На предстоящей неделе, — объяснила Фэйли, — будет год с тех пор, как мы поженились. Это

наша первая годовщина. Первый шанна'хар. — Скрестив на груди руки, она смотрела, как слуги сервируют ужин на одеяле. — В Салдэйе мы празднуем шанна'хар в начале каждого лета, отмечая еще один год, проведенный вместе. Год, когда ни муж, ни жена не пали жертвой троллоков. Говорят, у молодых пар принято смаковать первый шанна'хар, как смакуют первый кусочек лакомого блюда. Лишь однажды — и только в этот день — наш брак вновь обретет новизну.

Тем временем слуги закончили сервировку, выставив еще на одеяло несколько стеклянных чаш со свечами, и Фэйли с улыбкой отпустила своих подданных взмахом руки. Видно было, как она старалась придать вечерней трапезе богатый вид: вышитое одеяло, по всей видимости, взяли из трофеев Шайдо, а еду — украшенный каперсами окорок на подложке из вареного ячменя — подали на серебряных блюдах и подносах. Было даже вино.

— Понимаю, — Фэйли подступила ближе, — что многие события этого года не следует смаковать. Малден, пророк, суровая зима… Но если такова цена нашей близости, Перрин, я с легкостью заплачу ее десятки раз. Будь все хорошо, мы провели бы следующий месяц, одаривая друг

друга подарками, упрочивая нашу любовь и празднуя первое лето совместной жизни. Это наше право. Сомневаюсь, что следующий месяц будет беззаботным, но давай хотя бы насладимся сегодняшним вечером.

— Вряд ли у меня получится, — сказал Перрин. — Не думать о белоплащниках, об этом небе… О Свет! Вот-вот начнется Последняя битва. Последняя битва, Фэйли! Как можно пировать, когда моим людям грозит казнь, а весь мир того и гляди перестанет существовать?

— Если грядет конец света, — возразила Фэйли, — разве сейчас не самое время ценить то, что у тебя есть? Пока все это не отобрали?

Перрин молчал. Удивительно мягкой ладонью Фэйли коснулась его руки. Даже голос не повысила… Неужели хочет, чтобы Перрин накричал на нее? Может, напрашивается на ссору? По ней никогда не поймешь. Надо бы спросить совета у Илайаса.

— Прошу, — тихо сказала она. — Расслабься хотя бы на вечер. Ради меня.

— Ну хорошо, — сказал Перрин и вложил свои ладони в ее ладони.

Фэйли подвела его к одеялу, где они сели бок о бок перед строем серебряной посуды. От остав-

ленных слугами горящих свечей девушка зажгла остальные. Вечер был зябким: казалось, тучи вбирают в себя летнее тепло.

— Почему мы сидим снаружи, а не в шатре? — озадачился Перрин.

— Я спрашивала у Тэма, как вы, двуреченцы, празднуете шанна'хар, — ответила Фэйли, — и мои опасения подтвердились. Оказывается, вы никак его не отмечаете. И очень зря. Когда все утрясется, надо бы распространить этот обычай. Тем не менее Тэм рассказал о чем-то подобном. Раз в год они с женой, бывало, собирали еду — самую изысканную, что могли себе позволить, — и отправлялись в лес, куда-нибудь на новое место. Там они обедали и вместе проводили остаток дня. — Фэйли прижалась к нему. — Мы поженились по обычаю Двуречья, и поэтому я решила провести этот вечер в привычной для тебя обстановке.

Перрин улыбнулся. Несмотря на недавние возражения, он почувствовал, что напряжение все-таки покидает его. От блюд исходил приятный аромат. Услышав, что у Перрина урчит в животе, Фэйли села и передала ему тарелку.

Он с жадностью набросился на еду, поначалу пытаясь следить за манерами, но день был таким

долгим, а окорок — таким вкусным… Перрин обнаружил, что вгрызается в мясо — яростно, но стараясь не заляпать красивое одеяло.

Фэйли ела медленнее, и к запаху мыла примешивался аромат ее веселья.

— Чего? — спросил Перрин, вытирая губы. Теперь, когда село солнце, лицо Фэйли освещали только свечи.

— В тебе так много от волка, муж мой…

Он замер, обнаружив, что облизывает пальцы. Безмолвно выругал себя и вытер руки салфеткой. Да, он любил волков, но не пригласил бы их к себе за стол.

— Много, — согласился он. — Даже слишком.

— Ты тот, кто ты есть, муж мой. И я люблю тебя именно таким. Поэтому все хорошо.

Он продолжил жевать свой кусок окорока. Вечер был тих. Слуг Перрин не слышал и не чуял: должно быть, они ушли довольно далеко. Скорее всего, Фэйли запретила им появляться на вершине холма, а благодаря деревьям у его подножья можно было не опасаться любопытных глаз.

— Фэйли, — тихо сказал Перрин, — тебе надо знать, что произошло, пока ты была в плену. Я творил такие вещи, что боялся, как бы не превратиться в кого-то другого. Кого-то, с кем ты

не захочешь быть рядом. И я говорю не только о сделке с шончан. В Со Хаборе были люди, о которых я постоянно вспоминаю. Наверное, им надо было помочь. И еще там был Шайдо, и его руку я…

— Слыхала об этом. Думаю, ты сделал то, что должен был сделать.

— Но я зашел гораздо дальше, — признался Перрин. — И при этом ненавидел себя. Ты говорила, что сильный лорд не позволит манипулировать собой. Что ж — я никогда не стану настолько сильным. Особенно если ты в плену.

— Значит, надо сделать так, чтобы я не попадала в плен.

— Это чуть не погубило меня, Фэйли, — еле слышно сказал Перрин. — Я справился бы с чем угодно, но, если тебя используют против меня, все теряет смысл. Я ни перед чем не остановлюсь, Фэйли, лишь бы защитить тебя. Ни перед чем.

— В таком случае тебе следует укутать меня в мягкую ткань и запереть в укромном месте, — холодно ответила она. Но, судя по запаху, не обиделась. Странно.

— Сама знаешь, так поступать я не стану, — сказал Перрин. — Но это означает, что у меня есть слабость, причем очень опасная. Слабость,

которой не должно быть у вождя.

Фэйли фыркнула:

— Думаешь, бывают вожди без слабостей? Свои недостатки имелись у всех королей и королев Салдэйи. Никиол Дианатках был пропойцей, но обрел славу одного из величайших королей, а Белайра четырежды выходила замуж и разводилась — так уж вышло, что сердце влекло ее к неприятностям. У Йонасим был сын, прожженный игрок, который едва не довел ее Дом до разорения, а Лайонфорд не терпел, когда ему перечили. Все они — все до единого — были великими монархами. И у каждого было свое слабое место.

Перрин не перестал набивать рот, но призадумался.

— У нас, в Пограничных землях, есть пословица, — продолжила Фэйли. — «В полированном клинке отражается истина». Пускай человек клянется, что прилежно делает свое дело, но если его клинок не отполирован до блеска, сразу ясно, что этот человек кривит душой. Но твой клинок, муж, сияет как солнце. Последние недели ты все твердишь, что, пока я была в плену, выказал себя никудышным лидером. Я поверила бы, что под твоим руководством армия пришла в упадок, но это вовсе не так! Ты давал своим людям цель.

Ты вдохновлял их, сам же хранил безупречное достоинство и вел себя как настоящий лорд.

— Не без помощи Берелейн, — сказал Перрин. — Я уж думал, что стоит мне забыть помыться, так она собственноручно искупает меня в ванне.

— Поверь, после такого пошли бы весьма своеобразные слухи, — холодно заметила Фэйли.

— Фэйли, я…

— С Берелейн я разберусь, — недобро пообещала Фэйли. — На нее можешь не отвлекаться.

— Но…

— Говорю же, я разберусь, — повторила Фэйли чуть тверже, и от нее пахнуло так, что Перрин понял: не стоит бросать ей вызов, если только не хочешь, чтобы дело кончилось полномасштабным скандалом.

Съев ложку вареного ячменя, Фэйли смягчилась:

— Сравнивая тебя с волком, муж мой, я говорила не о том, как ты ешь. А о том, с каким рвением отдаешься делу. Если ты что-то начинаешь, то тебя не остановить. Поставь перед тобой какую-то задачу — любую, даже самую грандиозную, — ты не успокоишься, пока не найдешь решение. Пойми же, это главная особенность настоящего вождя! Именно это и нужно Двуречью! Разумеется, если

всякими мелочами займется твоя жена. — Она нахмурилась. — Зря ты не посоветовался со мной, прежде чем сжечь знамя. Непросто будет поднять этот флаг вновь, не имея при этом глупый вид.

— Я не собираюсь поднимать знамя с волчьей головой, — сказал Перрин. — Потому и велел отправить его в огонь.

— Но почему?

Намеренно избегая ее взгляда, Перрин снова набил рот мясом. От Фэйли пахло любопытством. С примесью отчаяния.

«Я попросту не могу вести за собой людей, — подумал он, — пока не узнаю, что способен одержать верх над волком». Как это объяснить? Как объяснить, что его пугает волк, появляющийся всякий раз, когда Перрин сражается или чего-то жаждет?

Он не хотел порывать с волками — ведь они стали важнейшей частью его существа. Но с чем останутся его люди, с чем останется Фэйли, если Перрин затеряется в глубинах своего волчьего «я»?

Он снова вспомнил то запертое в клетке грязное существо, когда-то бывшее человеком. «В нем не осталось ничего, что помнило бы, как было человеком…»

— Муж мой, — коснулась его руки Фэйли, — прошу тебя…

От нее пахло болью, и у Перрина сжалось сердце.

— Все дело в белоплащниках, — сказал он.

— Что? Перрин! Разве я не говорила…

— Все это началось тогда, когда я впервые столкнулся с белоплащниками, — твердо продолжил Перрин. — И как-то связано с тем, что я обнаружил за несколько дней до встречи с ними.

Фэйли сдвинула брови.

— Я же рассказывал, как убил двух белоплащников? — спросил Перрин. — Еще до нашего знакомства?

— Да.

— Усаживайся поудобнее, — сказал он. — Тебе надо выслушать эту историю от начала до конца.

И он заговорил — поначалу нерешительно, затем все увереннее. Рассказал о Шадар Логоте и о том, как разделился их отряд. Рассказал о том, как Эгвейн выбрала его старшим в их паре — пожалуй, тогда он впервые был вынужден взять руководство на себя.

О встрече с Илайасом он уже рассказывал. Фэйли знала о Перрине многое. То, о чем он никому

не говорил. То, о чем он не говорил даже с Илайасом. Она знала о волке. И еще она знала, что Перрин боится потерять человеческое «я».

Но она не знала, что он чувствует в бою. Не знала, каково было убить тех белоплащников. Каково было ощутить вкус их крови — и у себя во рту, и через связь с волками. Она не знала, каково это — знать, что твоя жена в плену, и чувствовать, как из-за этого тебя пожирает страх, гнев и отчаяние. И Перрин сбивчиво рассказывал, каково все это.

Рассказал о бешенстве, в которое впал, когда разыскивал ее в волчьем сне. Рассказал о Ноаме и о том, что боится, не случится ли такое с ним. И еще о том, как во время битвы пробуждается волк внутри него.

Фэйли, озаряемая пламенем свечей, молча слушала рассказ Перрина, обхватив руками колени. Судя по запаху, ей было не по себе. Наверное, стоило опустить некоторые подробности: какой женщине хочется знать, что ее муж, убивая врага, превращается в зверя? Но Перрин продолжал говорить. Ему хотелось избавиться от секретов. Он устал носить их в себе.

Чувство облегчения усиливалось с каждым произнесенным словом. Говоря о внутренней

борьбе, Перрин как будто снимал с плеч тяжелую ношу. В отличие от ужина — надо сказать, весьма трогательного, — эта исповедь позволила ему расслабиться по-настоящему.

Закончил Перрин рассказом о Прыгуне. Он и сам не знал, почему отложил эту часть истории на потом, ведь Прыгун имел самое прямое отношение и к белоплащникам, и к волчьему сну. Однако Перрину казалось, что так будет правильнее, вот он и закончил рассказом о Прыгуне.

Договорив, он уставился на пламя одной из свечей. Две другие потухли, а огоньки остальных едва мерцали, но этот свет не казался Перрину тусклым. Он с трудом вспоминал дни, когда его органы чувств были слабыми, как у обычного человека.

Фэйли прильнула к нему, взяла его за руки, заставив обнять себя, и сказала:

— Спасибо.

Он глубоко вздохнул и, чувствуя тепло ее тела, прислонился к пеньку у себя за спиной.

— Хочу рассказать про Малден, — произнесла она.

— Это не обязательно, — сказал Перрин. — Во всяком случае, не потому, что я…

— Тш-ш! Когда говорил ты, я молчала. Теперь

моя очередь.

— Ладно.

Привалившись спиной к пеньку, глядя в пронизанное энергией небо, он чувствовал, что еще немного — и расплетется сам Узор, а жена рассказывала, что с ней было в плену и как ее истязали. Перрин опасался, что слушать об этом будет тяжко, но, как ни удивительно, никогда еще он не бывал столь расслаблен.

Произошедшее в Малдене было важно для Фэйли и, пожалуй, даже пошло ей на пользу — хотя, услышав, как Севанна связала ее, обнаженную, и оставила так на всю ночь, Перрин едва не взорвался от гнева. Когда-нибудь он выследит эту женщину.

Но не сегодня. Сегодня он обнимал жену и находил утешение в звуках ее сильного голоса. Как же он не подумал, что она и сама планировала сбежать? На самом деле, слушая о ее тщательной подготовке к побегу, Перрин чувствовал себя круглым дураком. Фэйли боялась, что он погибнет, пытаясь спасти ее: не говорила об этом страхе, но Перрин понял все без слов. Что тут скажешь: Фэйли видела его насквозь.

О чем-то она умолчала, и он не возражал: не останься у Фэйли секретов, она почувствует себя

запертым в клетке зверьком. Хотя Перрин догадывался, что она недоговаривает о пленившем ее Безродном и о своих планах устроить так, чтобы он и его друзья помогли ей сбежать. Быть может, Фэйли привязалась к этому человеку и молчала об этом, дабы Перрин не сокрушался, что убил его. Но жалеть было не о чем. Те Безродные действовали заодно с Шайдо, вместе с ними напали на людей, находившихся под защитой Перрина, убивали их, и этого не искупить никаким добрым делом. Они заслуживали смерти.

Перрин зацепился за эту мысль. Пожалуй, белоплащники говорят о нем то же самое. Но они напали первыми.

Фэйли закончила рассказ. Было уже очень поздно, и Перрин, потянувшись к оставленному слугами свертку, вытащил одеяло.

— Что скажешь? — спросила Фэйли, когда он снова обнял ее.

— Удивлен, что ты не устроила мне нагоняй. Ведь я примчался, словно разъяренный дикий бык, и растоптал все твои планы.

Судя по запаху, она осталась довольна услышанным. Вовсе не такого отклика Перрин ожидал, но он давно уже оставил попытки разобраться в ходе женских мыслей.

— Сперва мне хотелось устроить сегодня так, — сказала Фэйли, — чтобы мы должным образом поссорились, а потом как следует помирились.

— И почему ты отказалась от этой мысли?

— Решила провести этот вечер в традициях Двуречья.

— Поверь, в Двуречье мужья и жены тоже ссорятся, — с улыбкой сказал Перрин.

— Наверно. Но ты, муж мой, всегда чувствуешь себя неуютно, когда мы кричим друг на друга. Очень рада, что ты научился стоять за себя, ибо так должно быть, но тебе непросто было приладиться к моим привычкам. Вот я и решила, что сегодня вечером попробую приладиться к твоим.

Он не ожидал услышать от Фэйли таких слов. Более личного, более интимного подарка и представить нельзя. Смущенный, Перрин сморгнул слезинку и прижал жену к себе.

— И запомни, — сказала Фэйли, — что я — не покорная овца.

— В мыслях такого не было, — ответил Перрин. — Никогда.

От нее пахнуло удовлетворением.

— Извини, — сказал Перрин. — Не сообразил, что ты сама замышляешь свой побег.

— Я тебя прощаю.

Он посмотрел на нее, заглянул в прекрасные черные глаза, где плясали огоньки свечей.

— Выходит, мы помирились, так и не поссорившись?

— В виде исключения, — улыбнулась она. — И как понимаешь, слугам строго-настрого приказано не тревожить нас.

Перрин поцеловал ее, и это было так хорошо, что он понял: прежних тревог, прежней неловкости — воображаемой или реальной, — что возникла между ними после Малдена, больше нет.

Фэйли вернулась к нему. Окончательно и бесповоротно.

Глава 17
Расставания и встреча

После стычки с голамом Мэту снились мерзейшие, будто месяц как протухшие яйца, сны. Наутро он обнаружил, что все тело затекло, а руки и ноги одеревенели и ноют. Ночь он провел в небольшой яме, которую отыскал под фургоном с припасами Алудры. Это место он выбрал наугад, метнув игральные кости.

Мэт выполз из-под фургона, распрямился и повращал плечами. Почувствовал какой-то хруст. Кровь и пепел! Спать в канаве, когда ты при деньгах… Уму непостижимо. Пожалуй, многие побирушки провели эту ночь получше, чем он.

От фургона пахло серой и какими-то порошка-

ми. Мэта подмывало заглянуть под промасленный тент, закрывавший заднюю часть повозки, но смысла в этом не было: что Алудра, что ее порошки были вне человеческого разумения. К тому же Мэт отнюдь не стремился узнать, как именно действуют драконы: главное, чтобы работали. Ну любопытно, конечно, но не настолько, чтобы сердить Алудру.

К счастью для Мэта, в фургоне ее не оказалось, иначе она принялась бы пенять ему, что ей до сих пор не нашли литейщика. Похоже, Алудра считала Мэта своим персональным мальчиком на побегушках и к тому же неслухом, отлынивающим от своих обязанностей. Такое водится за многими женщинами.

Мэт прошелся по лагерю, по пути вычесывая соломинки из шевелюры. Хотел было отыскать Лопина, чтобы тот приготовил ему ванну, но потом вспомнил, что бедняга мертв. Кровь и пепел!

При мысли о Лопине Мэт окончательно скис. Он собрался уже поискать местечко, где его накормят завтраком, но тут его отыскал Джуилин — тайренский ловец воров, невысокий, в темно-синей куртке и конусообразной шляпе с плоской тульей.

— Мэт, ты и правда разрешил Айз Седай вер-

нуться в Башню? — спросил он.

— Плевать им на мое разрешение, — поморщился Мэт. Услышь Айз Седай такую формулировку, содрали бы с него шкуру, выдубили и пустили на шорно-седельную кожу. — Хотя надо бы дать им лошадей.

— Уже не надо. — Джуилин смотрел в сторону коновязей. — Сами взяли. Сказали, ты разрешил.

Мэт вздохнул — хоть в животе и урчало, с завтраком придется обождать — и направился к импровизированным стойлам: убедиться, что Айз Седай не забрали лучших скакунов.

— Я тут подумал, не отправиться ли с ними, — догнал Мэта Джуилин. — Отвезти Теру в Тар Валон.

— Можешь ехать в любое время, — сказал Мэт. — Я тебя не держу.

Джуилин, хоть и нормальный парень, иной раз перебирал с серьезностью, а если говорить прямо, он был до ужаса церемонный — настолько, что на его фоне белоплащник показался бы образцом расслабленности и дружелюбия. Такого не возьмешь на игру в кости: весь вечер просидит, мрачно посматривая на трактирный люд, и еще расскажет, в каких преступлениях наверняка повинны эти ребята. Но человек он надежный,

и неплохо бы иметь его рядом. Мало ли, вдруг пригодится.

— Я предпочел бы вернуться в Тир, — сказал Джуилин. — Но тогда шончан будут слишком близко, и Тера… Ее это тревожит. Ей и в Тар Валон не особо хочется, но выбор у нас небогатый. К тому же Айз Седай обещали, что, если поедем с ними, мне найдут работу в Тар Валоне.

— Значит, расстаемся? — Мэт остановился и повернулся к нему.

— На какое-то время, — подтвердил Джуилин.

Помолчав, тайренец протянул Мэту руку. Тот пожал ее, и ловец воров ушел собирать пожитки и готовить свою женщину к путешествию.

Мэт погрузился в размышления, но быстро передумал и отправился к поварской палатке. Джуилин, скорей всего, задержит Айз Седай, а Мэту хотелось передать им кое-что в дорогу.

Некоторое время спустя он подошел к коновязям — уже сытый и с матерчатым свертком под мышкой. Как и следовало ожидать, Айз Седай выбрали нескольких лучших его лошадей в непристойно большой караван. Вдобавок Теслин и Джолин решили, что им дозволено взять с собой вьючных животных, и озадачили нескольких солдат погрузкой своих вещей. Вздохнув, Мэт

нырнул в эту неразбериху и принялся рассматривать лошадей.

Джолин восседала на Луннице — кобыле тайренской породы, принадлежавшей одному из людей Мэта, погибшему в стычке во время бегства от шончан. Более сдержанная Эдесина взобралась на Огонька и бросала теперь взгляды на двух женщин, стоявших наособицу. Темнокожая Бетамин и бледная светловолосая Сита в прошлом были *сул'дам*.

Шончанки старательно держались в стороне от собравшихся, и Мэт неторопливо подошел к ним.

— Высочайший, это правда? — спросила Сита. — Вы действительно отпустите их восвояси?

— Лучше избавиться от них, — заметил Мэт, поморщившись в ответ на столь звучное обращение к нему. Что ж они разбрасываются такими словами, будто это детские деревянные монетки? Как бы то ни было, обе шончанки сильно изменились с тех пор, как примкнули к Отряду, но все равно не могли понять, почему Мэт отказывается использовать Айз Седай в качестве оружия. — Ну а вы? Уедете или останетесь?

— Уедем, — твердо ответила Бетамин. Как видно, она вознамерилась учиться.

— Да, уедем, — подтвердила Сита, — хотя иногда мне кажется, что лучше нам было умереть, чем… Ну… То, кем мы являемся и что олицетворяем, представляет собой опасность для империи.

Мэт кивнул.

— Туон — тоже сул'дам, — напомнил он, и обе женщины опустили глаза. — Поезжайте с Айз Седай. Я дам вам собственных лошадей, чтобы вы не зависели от спутниц. Научитесь направлять Силу. Это полезнее, чем умереть. Быть может, когда-нибудь вы двое сумеете донести истину до Туон. Помогите мне найти способ все исправить — и не обрушить при этом империю.

Обе женщины взглянули на него — теперь вдруг тверже и увереннее.

— Да, высочайший, — сказала Бетамин. — Вы поставили перед нами достойную цель. Благодарю вас, высочайший.

Что такое? У Ситы и вправду слезы на глазах? О Свет! Что же, по их мнению, он только что им пообещал? И Мэт ушел, прежде чем у них в голове родились еще какие-нибудь чудны́е мысли. Проклятые женщины. И все же он не мог не сочувствовать им — узнавшим, что такое направлять Силу, и боявшимся того, что сами они могут оказаться опасными для всех вокруг.

«Так вот как чувствовал себя Ранд, — подумал Мэт. — Бедный дуралей». При мысли о Ранде, как всегда, перед глазами закружились цветовые пятна. Мэт старался пореже думать о нем. Прежде чем цвета исчезли, он мельком увидел Ранда: тот брился перед роскошным позолоченным зеркалом, висевшим в красивой умывальне.

Мэт распорядился привести лошадей для сул'дам, после чего направился к Айз Седай, но его перехватил подошедший Том:

— О Свет, Мэт! Выглядишь так, будто недавно вылез из густых кустов терновника. В которых весь искололся.

Мэт поднял руку к волосам: наверное, то еще зрелище.

— Я пережил эту ночь, и Айз Седай уезжают. Вот и подумываю, не сплясать ли джигу по этому поводу.

Том усмехнулся:

— Ты знал, что эти двое тоже будут здесь?

— Сул'дам? Предполагал.

— Нет, вон те двое, — указал Том.

Обернувшись, Мэт нахмурился: к ним, приторочив скатки с личными вещами к седлам, подъезжали Лильвин и Байл Домон. Лильвин — прежде известная как Эгинин — когда-то при-

надлежала к шончанской знати, но Туон лишила ее прежнего имени. На ней было тускло-серое платье для верховой езды. Короткие черные волосы отросли так, что прикрывали уши. Спрыгнув с коня, Лильвин широким шагом направилась к Мэту.

— Чтоб мне сгореть, — сказал тот Тому, — если и от нее избавимся, я, чего доброго, приду к выводу, что жизнь-то налаживается.

По пятам за ней следовал Домон — ее *со'джин*, или… Может ли он называться со'джин, если у Лильвин больше нет титула? Ну да ладно. Как бы то ни было, Домон приходился ей мужем. Этот широкогрудый силач-иллианец был неплохим парнем — за исключением тех случаев, когда рядом ошивалась жена. А она не отходила от него ни на шаг.

— Коутон, — сказала она, подступив к Мэту вплотную.

— Лильвин, — отозвался Мэт. — Уезжаешь?

— Да.

Мэт улыбнулся. Теперь-то он точно спляшет джигу!

— Я давно намеревалась попасть в Белую Башню, — продолжила она. — Приняла решение в тот день, когда покинула Эбу Дар. Раз уж Айз Седай

уезжают, я отправлюсь с ними. Кораблю всегда разумнее идти в составе конвоя, если есть такая возможность.

— Как жаль, что ты нас покидаешь, — соврал Мэт, слегка коснувшись шляпы.

Лильвин была непоколебимой, как столетний дуб, в чьей коре засели остатки топоров тех, кто сдуру вознамерился срубить это дерево. Если по дороге в Тар Валон ее лошадь потеряет подкову, Лильвин, пожалуй, закинет животину на плечо и пронесет остаток пути.

Но Мэт ей не нравился — несмотря на все, что он сделал, дабы спасти ее шкуру. Быть может, потому, что не признал ее главенства. Или потому, что Лильвин была вынуждена играть роль его любовницы. Хотя и самому Мэту эта затея тоже не понравилась. Все равно что держать меч за клинок и притворяться, что он не режет тебе пальцы.

Хотя, что ни говори, приятно было вогнать ее в краску.

— Будь здрав, Мэтрим Коутон, — сказала Лильвин. — Не завидую твоему положению, хоть ты и оказался в нем по собственной вине. Но соглашусь, что в некотором смысле ветер в твоих парусах куда сильнее и недружелюбнее, чем тот,

с которым довелось недавно бороться мне. — Она кивнула и отошла в сторону, уступив место Домону, и тот хлопнул Мэта по плечу:

— Клянусь престарелой бабулей, ты и впрямь сдержал слово! Путь оказался ухабистым, но слово ты сдержал. Прими мою благодарность.

После этого оба удалились. Мэт покачал головой, помахал рукой Тому и подошел к Айз Седай.

— Теслин, Эдесина, Джолин, — поприветствовал он их. — Все в порядке?

— Да, — ответила Джолин.

— Отрадно слышать, — сказал Мэт. — Хватает ли вам вьючных животных?

— Их число нас вполне устраивает, — заявила Джолин и вымученно добавила: — Спасибо, мастер Коутон, что предоставил их в наше распоряжение.

Мэт улыбнулся до ушей. Ну не прелесть ли эта Джолин, когда пытается проявить уважение? Очевидно, она ожидала, что Илэйн примет ее и остальных с распростертыми объятиями, а не прогонит из дворца без аудиенции.

Джолин, поджав чувственные губы, смерила Мэта взглядом с головы до пят.

— Жаль, не удалось приручить тебя, Коутон, — заметила она. — Но я подумываю вернуться и

довести дело до конца.

— Что ж, буду ждать тебя затаив дыхание, — отозвался Мэт и протянул Айз Седай матерчатый сверток, что держал под мышкой.

— Что это? — спросила Джолин, и не подумав взять его в руки.

— Прощальный подарок. — Мэт потряс сверток. — Там, откуда я родом, путников не принято отпускать без гостинца на дорожку. Считается, что это грубо.

Джолин неохотно взяла сверток, заглянула в него и, должно быть, удивилась, увидев десяток сладких булочек в сахарной обсыпке.

— Спасибо, — хмуро поблагодарила она.

— С вами я отправлю солдат, — сказал Мэт. — Чтобы забрать лошадей, когда вы доберетесь до Тар Валона.

Джолин открыла было рот, собираясь выразить недовольство, но затем передумала. И в самом деле, что она могла сказать?

— Это приемлемо, Коутон, — ответила вместо нее Теслин, подъезжая ближе на своем вороном мерине.

— Прикажу, чтобы они беспрекословно подчинялись вам, — повернулся к ней Мэт. — Так что будет кем покомандовать. И кому поручить

установку палаток. Но с одним условием.

Теслин приподняла бровь.

— Передайте кое-что Амерлин, — сказал он. — Если это Эгвейн, сложностей не будет. Даже если нет, все равно передайте. В Белой Башне есть кое-что, принадлежащее мне, и вскоре я потребую это обратно. Мне не хочется так поступать, но в последнее время мои желания, похоже, не имеют никакого веса. Поэтому я приду, и вовсе не для того, чтобы мне, будь оно все растреклято, дали от ворот поворот. — Он улыбнулся. — Вот слово в слово и передайте.

К чести Теслин будет сказано, что она негромко усмехнулась:

— Договорились. Хотя вряд ли слухи соответствуют действительности. Элайда не отказалась бы от Престола Амерлин.

— Поверь, ты удивишься. — Мэт, тот уж точно удивился, обнаружив, что женщины титулуют Эгвейн Амерлин. Он не знал, что случилось в Белой Башне, но изводился от нехорошего предчувствия: Айз Седай явно опутали бедняжку Эгвейн паутиной интриг, да так, что вовек не выбраться. Он даже подумывал съездить в Тар Валон и посмотреть, нельзя ли ее вызволить.

Но сейчас у Мэта были другие дела, и Эгвейн

придется обойтись без него. Она способная девочка, так что, пожалуй, какое-то время и сама сумеет управиться.

Рядом стоял Том. Вид у него был задумчивый. Он не знал наверняка, что именно Мэт протрубил в Рог Валир — по крайней мере, сам Мэт ничего ему не рассказывал. Он старался забыть об этой треклятой штуковине. Но наверное, Том догадывался.

— Что ж… Думаю, вам пора, — сказал Мэт. — Где Сеталль?

— Она останется здесь, — ответила Теслин. — По ее словам, дабы удержать тебя от множества оплошностей. — Она подняла бровь, а Джолин с Эдесиной многозначительно закивали. Все они предполагали, что в юности Сеталль была служанкой в Белой Башне и сбежала оттуда, совершив какой-то проступок.

Выходит, Мэт не избавится от всей этой компании. Впрочем, будь у него возможность выбирать, он предпочел бы оставить здесь госпожу Анан. Она, скорей всего, захочет найти способ воссоединиться с мужем и остальной своей семьей, которые бежали из Эбу Дар на корабле.

Подошел Джуилин, за ним шла Тера. Неужели это перепуганное подобие женщины, эта дрожа-

щая тень когда-то была панархом Тарабона? Мэт видал мышей менее робких, чем это создание. Солдаты привели им лошадей. В общем и целом это путешествие обойдется Мэту примерно в сорок животных и десяток кавалеристов. Хотя оно того стоило. К тому же он намеревался вернуть и людей, и лошадей, а заодно получить сведения о том, что на самом деле творится в Тар Валоне.

Он кивнул Ванину. Толстопузый конокрад не слишком-то обрадовался, когда ему велели отправиться в Тар Валон за новостями, хотя Мэт, памятуя, как тот благоговеет перед Айз Седай, предполагал, что Ванин будет в восторге от подобного поручения. Что ж, он еще больше повесит нос, обнаружив, что с ними едет Джуилин: Ванин старался обходить ловца воров стороной.

Он взял гнедого мерина. Айз Седай знали, что Ванин — офицер «красноруких» и один из разведчиков Мэта, однако вряд ли кто-то заподозрит в нем искусного лазутчика. Вид у него был не самый грозный — такие толстяки представляют опасность разве что для миски с вареной картошкой. Вот поэтому Ванин и был очень хорош в своем ремесле. В краденых лошадях Мэт не нуждался, но талантам Ванина находилось применение во множестве других областей.

— Что ж, — Мэт повернулся к Айз Седай, — не стану вас задерживать.

Он попятился, избегая смотреть на Джолин, чей хищный взгляд напоминал ему о Тайлин сильнее, чем хотелось бы. Теслин помахала ему рукой, Эдесина, как ни странно, с уважением кивнула, Джуилин тоже помахал ему и Тому, а Лильвин удостоила Мэта кивком. Да, эта женщина завтракала булыжниками, а ужинала гвоздями, но несправедливой ее не назовешь. Может, получится уговорить Туон, чтобы та восстановила Лильвин в правах или что-то в этом роде.

«Не будь дураком, — подумал Мэт, махая на прощание Байлу Домону. — Для начала убеди Туон не превращать тебя самого в *да'ковале*». Он был почти уверен, что та намерена смотреть на него как на слугу — и не важно, муж он ей или не муж. При этой мысли шея под воротником покрылась испариной.

Мэт глядел вслед удаляющимся всадникам сквозь пелену дорожной пыли, и тут к нему подошел Том.

— Сладкие булочки? — спросил он.

— У нас в Двуречье такая традиция.

— Впервые слышу.

— О ней мало кто знает.

— Ах вот как. Тогда понятно. И что ты добавил в эти булочки?

— Толченый красильник, — ответил Мэт. — Чтобы у нее рот посинел. На неделю, а то и на две. Джолин не станет никого угощать. Разве что со своими Стражами поделится. Она обожает такие булочки. С тех пор, как мы пришли в Кэймлин, съела мешков семь, а то и восемь… если считать мешками.

— Мило. — Костяшками пальцев Том разгладил усы. — Но как-то по-мальчишески.

— Я, видишь ли, пытаюсь вернуться к самым своим корням, — сказал Мэт. — Заново прожить эпизоды утраченного детства.

— Тебе всего-то двадцать зим!

— Да, но в юности жизнь играла совсем другими красками. Пойдем. С нами осталась госпожа Анан, и у меня есть кое-какие соображения.

* * *

— Побриться бы тебе, Мэтрим Коутон. — Госпожа Анан рассматривала его, сложив руки на груди.

Мэт потрогал лицо. Его всегда брил Лопин, каждое утро. И становился несчастным, как пес под дождем, если Мэт запрещал подходить к себе с

бритвой. Хотя в последнее время он растил бороду — для маскировки, — и она все еще чесалась, словно корка на заживающей ране.

Он нашел Сеталль у палаток с припасами и провиантом, где она присматривала за приготовлением обеда. Солдаты Отряда — с плутоватым видом людей, получивших четкие указания, — усердно шинковали овощи и тушили бобы. В присутствии Сеталль не было необходимости — кухари Отряда прекрасно обходились и без нее. Но больше всего на свете женщины любят отыскать прохлаждающегося мужчину и дать ему какое-нибудь поручение. Кроме того, в прошлом Сеталль держала гостиницу и — что немаловажно — носила звание Айз Седай. Мэт не раз замечал, что она надзирает за делами, не нуждающимися в надзоре.

В который раз он пожалел, что рядом нет Туон. Сеталль почти всегда принимала ее сторону, но присмотр за Дочерью Девяти Лун отнимал у нее почти все свободное время. Нет ничего опаснее для мужского рассудка, чем женщина, которой нечем заняться.

Сеталль по-прежнему одевалась в эбу-дарском стиле, который Мэт находил симпатичным. Больше всего ему нравился глубокий вырез платья.

Подобные наряды выгодно смотрятся на полногрудых женщинах вроде Сеталль. Хотя Мэт, конечно, не обращал внимания на ее грудь. В ушах у Сеталль покачивались золотые кольца, в волосах — седина, в поведении — величавая размеренность, а в ложбинке меж грудей покоился висевший на шее брачный кинжал, украшенный драгоценными камнями, который словно предостерегал от опрометчивых поступков. Хотя Мэт, конечно, не поглядывал на эту ложбинку.

— Я нарочно отращиваю бороду, — заявил он в ответ на замечание Сеталль. — Чтобы…

— И куртка у тебя грязная. — Она кивнула солдату, принесшему очищенные луковицы, и тот аккуратно высыпал их в котел, даже не глянув на Мэта. — И волосы в полном беспорядке. Еще полдень не наступил, а вид у тебя как после пьяной драки.

— Не обращай внимания, — сказал Мэт. — Еще успею привести себя в порядок. Почему ты не уехала с остальными?

— С каждым шагом в сторону Тар Валона я отдалялась бы от места, где должна находиться. Мне надо передать весточку мужу. Когда мы расставались, я и представить не могла, что окажусь в Андоре.

— Думается, вскоре у меня появится доступ к человеку, умеющему создавать переходные врата. И я… — Мэт хмуро воззрился на еще одну группу солдат — те принесли с охоты несколько тощих перепелок и, казалось, стыдились столь жалкой добычи.

Не удостоив Мэта взглядом, Сеталль велела солдатам ощипать птиц. О Свет! Как бы вытурить ее из лагеря? Пока тут есть хоть одна Айз Седай, жизнь не вернется в нормальное русло.

— И хватит так на меня смотреть, лорд Мэт, — сказала Сеталль. — Норам отправился в город искать провизию. Я же давно заметила, что если повара, который обычно подгоняет лодырей, нет на месте, то еду готовить начинают необычайно медленно. Скажи, тебе понравится, если обед подадут ближе к закату?

— Я же ни слова не сказал, — возразил Мэт, стараясь не проявить эмоций, и мотнул головой. — Отойдем на минутку?

Помедлив, Сеталль кивнула, последовала за ним и негромко спросила:

— Так что происходит? Только честно. Выглядишь так, будто спал на сеновале.

— Вообще-то, я спал под фургоном. Вся моя палатка заляпана кровью, и мне неохота заходить

в нее только для того, чтобы переодеться.

— Сочувствую твоей утрате. — Ее взгляд смягчился. — Но нельзя же расхаживать по лагерю в таком виде, будто живешь под забором. Найми себе нового слугу.

— Начнем с того, что слуги мне не нужны, — нахмурил брови Мэт. — И никогда не были нужны. Я способен позаботиться о себе. Послушай, хочу попросить тебя об услуге. Надо, чтобы ты какое-то время присматривала за Олвером.

— Зачем?

— Не исключено, что эта тварь вернется, — ответил Мэт. — И попробует что-то плохое с ним сделать. Кроме того, в скором времени нам с Томом надо будет уйти. Возможно, я вернусь. Должен вернуться. Но в ином случае… Я бы предпочел, чтобы Олвер не остался один.

— Один он не останется. — Сеталль пристально смотрела на него. — Твои люди очень привязались к этому ребенку.

— Ну да. Но мне не по душе то, чего он набирается от солдат. Парню нужен нормальный пример для подражания.

— Я уже начала обучать его грамоте. — Похоже, Сеталль почему-то позабавили его слова. — Пожалуй, если надо будет, я смогу за ним присмот-

реть.

— Отлично. Замечательно! — с облегчением выдохнул Мэт. Женщины не упустят случая поучить мальчишку, пока он юн; по мнению Мэта, они считали, что при должном старании можно отбить у парня охоту становиться мужчиной. — Дам тебе денег. Можешь пойти в город и подыскать гостиницу.

— В городе я уже была, — сказала Сеталль, — и у меня сложилось впечатление, что все гостиницы забиты под завязку.

— Найду вам местечко, — пообещал Мэт. — Главное, чтобы Олвер был в безопасности. Когда придет время и у меня будет человек, способный открыть переходные врата, ты отправишься в Иллиан искать своего мужа.

— По рукам. — Умолкнув, Сеталль взглянула на север. — Стало быть… остальные уже уехали?

— Да.

И скатертью им дорога.

Сеталль печально кивнула. Наверное, она взялась распоряжаться приготовлением пищи не потому, что терпеть не может, когда люди Мэта сидят без дела, а для того, чтобы хоть чем-то заняться.

— Сочувствую, — сказал Мэт. — Насчет всего,

что с тобой случилось.

— Дело прошлое, — ответила Сеталль. — И не надо его ворошить. Не следовало даже просить тебя показать ту вещицу, которую ты носишь. В последнее время я стала забываться.

Кивнув на прощание, Мэт отправился искать Олвера. А как найдет, ему и правда надо бы сменить куртку. И еще, чтоб ему сгореть, побриться. Пусть те, кто разыскивает Мэта, хоть горло ему перережут, будь у них такое желание. Всяко лучше, чем терпеть этот зуд.

* * *

Илэйн прохаживалась по дворцовому саду Восхода. Разбитый на крыше восточного крыла и обнесенный белой каменной оградой в виде овала, переходившего в высокую изогнутую стену, этот сад был меньше других. Здесь любила проводить время ее мать.

И еще отсюда открывался прекрасный вид на весь город. В прошлом Илэйн предпочитала более уединенные сады на нижних этажах дворца. В одном из них она и встретила впервые Ранда. Она прижала ладонь к животу. Тот едва начинал расти, но Илэйн уже казалось, что она страшно увеличилась в размерах. Как ни жаль, придется

заказать совершенно новый гардероб, а через несколько месяцев сменить его снова. Сплошные хлопоты…

Она прогулялась вдоль ряда кашпо с розовыми фиалками и белыми утренними звездами. Цветки были куда меньше обычного и уже начинали вянуть. Садовники жаловались, что не могут ничего поделать. За городом травы и кустарники гибли частыми полосами, и побуревшее лоскутное одеяло лугов и полей навевало тоску.

«Она и впрямь грядет», — подумала Илэйн, свернув на дорожку, поросшую аккуратно подрезанной пружинистой травой. Усилия садовников все же давали какой-никакой результат. Трава по большей части сохранила зеленый цвет, и в воздухе витал аромат цветущих розовых кустов, что вились по стене. На них также виднелись коричневые пятна, но розы все же цвели.

В центре сада звонко журчал ручеек, искусно обрамленный речными камнями. Такое случалось, лишь когда в сад приходила Илэйн: если в соответствующий резервуар не поднимали воду, ручеек пересыхал.

Илэйн задержалась на следующей смотровой площадке. Королеве нельзя рассчитывать на уединение, доступное дочери-наследнице: рядом

с ней остановилась Бергитте и стала сверлить Илэйн взглядом, сложив руки на груди, затянутой в красную ткань.

— Что? — осведомилась Илэйн.

— Ты на самом виду, — объяснила Бергитте. — Один меткий выстрел из лука, и вновь разгорится война за престолонаследие.

— Я в полной безопасности, Бергитте, — закатила глаза Илэйн. — Ничего со мной не случится.

— Ой, ну тогда извини, — съязвила Бергитте. — Отрекшиеся на свободе и точат на тебя зуб. Черная Айя, вне всякого сомнения, рвет и мечет с тех самых пор, как ты пленила их шпионов. И еще ты унизила множество аристократов, пытавшихся захватить трон. Ясное дело, тебе вообще ничего не угрожает. В таком случае пойду пообедаю.

— Почему бы и нет? Иди и обедай, — отрезала Илэйн. — Поверь, мне ничто не грозит. У Мин было видение, что малютки родятся здоровыми, Бергитте. А Мин никогда не ошибается.

— Мин сказала, что здоровыми и крепкими будут твои дети, — заметила Бергитте. — Насколько я помню, о твоем здоровье речь не шла.

— И как же они появятся на свет?

— Я видела, как меняет людей хороший удар по голове, — сказала Бергитте. — После него можно

прожить много лет, но не сказать больше ни слова. Питаться одним лишь бульоном и справлять нужду в подкладное судно. Лишись ты, девочка, даже обеих рук, все равно сможешь родить. А как насчет тех, кто рядом? Тебе в голову не приходило, что ты подвергаешь их опасности?

— Мне очень жаль Вандене и Сарейту, — ответила Илэйн. — И тех, кто погиб, спасая меня. Не смей даже намекать, что я забыла об этих людях! Но все они пожертвовали жизнью ради королевы, и я обязана нести это бремя с гордо поднятой головой. Бергитте, мы же все обсудили. И пришли к выводу, что я не могла знать о Чесмал и остальных. О том, что они появятся так, как появились.

— Мы пришли к выводу, — проговорила Бергитте сквозь стиснутые зубы, — что нет смысла продолжать спор. Но хочу напомнить, что многое может пойти наперекосяк. Что именно? Да что угодно!

— Этого не будет, — сказала Илэйн, глядя на город. — Моим детям ничего не угрожает, а это значит, что и мне тоже. По крайней мере, до их рождения.

— Ты, глупая, упрямая… — возмущенно охнула Бергитте, но тут же осеклась, когда стоявшая неподалеку женщина-гвардеец жестом при-

влекла ее внимание. На крыше появились две женщины из Родни, с которыми собиралась встретиться Илэйн.

Бергитте, скрестив руки, заняла позицию возле карликовых вишневых деревьев. Обе женщины пришли в простых платьях: Алис — в синем, Сумеко — в желтом. Ростом Алис уступала спутнице, а ее каштановые волосы припудрила седина: в отличие от Сумеко, Алис была не так сильна в работе с Единой Силой, поэтому возраст сильнее сказался на ее внешности.

В последнее время обе женщины ступали увереннее, поскольку среди членов Родни не было новых исчезновений или смертей. Все это время за убийствами стояла Кареане. Среди них скрывалась сестра из Черной Айя! Стоило подумать об этом, и по спине Илэйн побежали мурашки.

— Ваше величество, — присела в реверансе Алис. Она говорила спокойно, ровно, с едва заметным тарабонским акцентом.

— Ваше величество, — повторила за ней Сумеко, копируя реверанс спутницы.

В последнее время эти женщины выказывали почтение — больше к Илэйн, чем к другим Айз Седай. Благодаря Найнив Родня в целом приобрела определенную уверенность в отношениях

с Айз Седай и Белой Башней, хотя Илэйн никогда не казалось, что Алис нуждается в подобном содействии.

Во время осады поведение женщин Родни начало раздражать Илэйн. Но Родня оказала ей огромную, неоценимую помощь, и в последние дни Илэйн нередко задавалась вопросом, как высоко заведет их эта вновь обретенная храбрость.

Ответив каждой из посетительниц кивком, Илэйн указала на три кресла, что стояли в тени поникших вишен, и вместе с гостьями три женщины заняли свои места. Перед ними, убегая влево, по рукотворному извилистому руслу струился ручей. На столике стоял мятный чай. Обе женщины из Родни взяли по чашке, но предусмотрительно сдобрили напиток щедрой порцией меда. В последнее время чай без меда был ужасен на вкус.

— Как обстоят дела у Родни? — спросила Илэйн.

Женщины переглянулись. Вот проклятье. Илэйн взяла чересчур официальный тон, и они поняли, что дело нечисто.

— У нас все хорошо, ваше величество, — ответила Алис. — Почти все женщины перестали изводиться от страха. По крайней мере, те, кому

хватило ума испугаться. Предположу, что все, кто не боялся, откололись от нас и погибли.

— Хорошо, что больше не надо уделять столько времени Исцелению, — добавила Сумеко. — Мы все сильнее уставали от него. Столько раненых, изо дня в день… — Она поморщилась.

Алис, однако, была слеплена из другого теста. С безмятежным лицом она потягивала чай — и это была не ледяная сдержанность Айз Седай, а теплое и задумчивое спокойствие. Таково было преимущество этих женщин перед Айз Седай: к ним относились с меньшим подозрением, поскольку у Родни не было прямых связей с Белой Башней. С другой стороны, женщинам Родни недоставало власти, которую имели Айз Седай.

— Вы уже поняли, что у меня есть просьба, — сказала Илэйн, глядя в глаза Алис.

— Поняли? — удивленно отозвалась Сумеко — пожалуй, Илэйн переоценила ее.

Алис же степенно кивнула:

— С тех пор как мы здесь, от вас поступило множество просьб, ваше величество, но вы имели право на каждую из них. Пока что.

— Я постаралась сделать так, чтобы в Кэймлине вы чувствовали себя как дома, — сказала Илэйн. — Насколько понимаю, вам не вернуться

в Эбу Дар, пока там правят шончан.

— Это так, — согласилась Алис. — Но вряд ли можно сказать, что Эбу Дар — наш дом. Это лишь место, где мы очутились. В силу обстоятельств. Разве это дом? К тому же многим из нас приходилось то приезжать, то уезжать, дабы не привлекать внимания.

— Вы уже решили, где останетесь?

— Мы отправимся в Тар Валон, — тут же ответила Сумеко. — Найнив Седай сказала…

— Не сомневаюсь, что для кого-то из вас найдется место в Тар Валоне, — перебила ее Илэйн. — Для тех, кто хочет стать Айз Седай. Эгвейн с радостью даст второй шанс любой из женщин Родни, желающей снова пройти испытание на шаль. Но как же остальные?

— Мы говорили об этом, — настороженно прищурилась Алис. — Мы установим связь с Башней и предоставим Айз Седай место для желающих уйти на покой.

— Но в Тар Валон, конечно, переезжать не станете. Какой смысл устраивать место для решивших отстраниться от деятельности Айз Седай, если совсем рядом Белая Башня?

— Мы предполагали, что останемся здесь, — сказала Алис.

— Я тоже так предполагала, — осторожно проговорила Илэйн. — Но предположения — хрупкая опора. Вместо них я хочу дать обещания. Раз уж вы останетесь в Кэймлине, не вижу причин не предложить прямую поддержку со стороны короны.

— И какова цена? — спросила Алис, в то время как Сумеко смотрела на Илэйн с хмурым недоумением на лице.

— Она невысока, — ответила Илэйн, — и едва ли заслуживает упоминания. Редкие услуги — вроде тех, что вы уже оказывали короне.

В саду наступила тишина. С городских улиц долетели отзвуки возгласов, а ветви вздрогнули на ветру, уронив между Илэйн и Родней несколько бурых листьев.

— Звучит подозрительно, — задумалась Алис, сделав глоточек чая. — Ты же не предлагаешь создать здесь, в Кэймлине, еще одну Белую Башню — соперницу Тар Валона?

— Ничего подобного, — немедленно сказала Илэйн. — В конце концов, я сама ношу звание Айз Седай, и Эгвейн говорила, что позволит Родне продолжать жить, как она жила прежде, коль скоро вы примете главенство Амерлин.

— Не уверена, что мы захотим… гм… «жить, как

жили прежде», — заметила Алис. — Из-за Белой Башни мы пребывали в страхе, что нас обнаружат, а тем временем Айз Седай использовали Родню в своих целях. Чем больше мы об этом думаем, тем меньше… нам это нравится.

— Говори за себя, Алис, — заметила Сумеко. — Я намерена пройти испытание и вернуться в Башню. Попомни мое слово, я все-таки присоединюсь к Желтой Айя.

— Быть может, но меня им не видать, — сказала Алис. — Слишком скромны мои способности в Силе, и я не соглашусь на нечто половинчатое. Не желаю расшаркиваться и приседать в реверансе всякий раз, когда сестра велит мне постирать ее исподнее. Но сдаваться я не собираюсь. И не перестану направлять Силу. Эгвейн Седай сказала, что Родне будет дозволено продолжить существование, но сможем ли мы тогда работать с Единой Силой в открытую?

— Полагаю, сможете, — ответила Илэйн. — Многое из обсужденного придумала Эгвейн. Она точно не станет отсылать к вам ушедших на покой Айз Седай, если тем будет запрещено направлять Силу. Нет, прошли те дни, когда женщины за пределами Башни втайне работали с Единой Силой. Ищущие Ветер и айильские Хра-

нительницы Мудрости доказали, что наступило время перемен.

— Возможно, — не стала спорить Алис. — Но оказывать услуги короне Андора — совсем другое дело.

— Мы ни в коем случае не пойдем наперекор интересам Башни, — сказала Илэйн. — И вы призна́ете главенство Амерлин. Так в чем проблема? Айз Седай предоставляют свои услуги большинству монархов.

Алис сделала очередной глоточек чая:

— Твое предложение заслуживает внимания. Но все зависит от характера услуг, которые потребует от нас андорская корона.

— Я попрошу только о двух вещах, — сказала Илэйн. — Исцелении и Перемещении. Вам не придется участвовать в наших конфликтах, политика не должна вас касаться. Просто дайте согласие Исцелять моих подданных, когда они больны, и ежедневно назначайте группу женщин, готовых открыть переходные врата, когда того пожелает корона.

— И все равно это слишком уж похоже на твою персональную Белую Башню, — заметила Алис, а Сумеко напустила на себя мрачный вид.

— Вовсе нет, — возразила Илэйн. — Белая Баш-

ня — это власть и политические игры. Родня будет выполнять совершенно другую роль. Представьте, что в Кэймлине появится место, где любой может получить Исцеление, не заплатив ни гроша. Представьте город, в котором нет болезней. Представьте мир, где продовольствие мгновенно доставляют тем, кто в нем нуждается.

— И еще представьте королеву, способную отправить войска куда угодно, — подхватила Алис. — Королеву, чьи солдаты уже завтра излечатся от ран сегодняшнего сражения. Королеву, имеющую неплохую прибыль, за плату допуская купцов к открытым нами вратам. — Она сделала новый глоточек чая.

— Да, — признала Илэйн, хотя еще не знала, как уговорить Эгвейн, чтобы та позволила ей провернуть такой фокус.

— Мы возьмем половину, — произнесла Алис. — Половину всего, что ты заработаешь на Перемещении или Исцелении.

— Исцеление будет бесплатным, — твердо заявила Илэйн. — Для любого, кому оно потребуется. Независимо от положения и звания. И лечение страждущие будут получать исходя из серьезности болезни, а не их места в обществе.

— Меня бы это устроило, — согласилась Алис.

Сумеко повернулась к ней, широко раскрыв глаза:

— Ты не имеешь права говорить за всех — теперь, когда мы покинули Эбу Дар и когда ты сама бросила мне в лицо, что Связующего круга больше нет! Кроме того, согласно нашим правилам…

— Я говорю только за себя, Сумеко, — возразила Алис. — И за тех, кто присоединится ко мне. Той Родни, которой мы были, больше нет. Над нами довлела необходимость действовать скрытно, но теперь она отсутствует.

Сумеко молчала.

— Ты намерена присоединиться к Айз Седай, подруга, — коснулась ее руки Алис. — Но я не нужна им, да и они мне не нужны. Мне понадобится что-то иное. И некоторым другим — тоже.

— Но вы свяжете себя с короной Андора…

— Мы связаны с Белой Башней, — сказала Алис. — Но живем в Кэймлине. И в этом есть свои преимущества. Во-первых, мы недостаточно сильны, чтобы выстоять в одиночку. А во-вторых, Андор — не самое скверное место для жизни. Он пользуется благосклонностью Белой Башни и покровительством Дракона Возрожденного. А сердце Андора — в Кэймлине, и поэтому мы здесь.

— Почему бы не реорганизовать Родню? — взволнованно заговорила Илэйн. — Переписать ваши правила заново, с чистого листа! Пожелаете — так пусть женщины Родни замуж выходят. По-моему, так будет лучше всего.

— Почему? — спросила Алис.

— Потому что так они будут связаны обязательствами, — объяснила Илэйн. — Замужними они будут представлять меньшую угрозу для Белой Башни. И еще поможет провести различия между вами. Мало кто из обитательниц Белой Башни вступает в брак, и Родня будет выглядеть более привлекательным вариантом.

Алис задумчиво кивнула, и даже Сумеко, похоже, начала соображать, о чем речь. Илэйн не без сожаления признала, что не станет скучать по этой женщине. Надо будет подтолкнуть Родню к изменению принципа выбора тех, кто ее возглавляет. Будет куда больше толка, если работать с кем-то вроде Алис, а не с той, кто по воле случая оказался из женщин Родни самой старшей по возрасту.

— И все равно мне как-то не по себе, — сказала Алис. — Айз Седай не требуют платы за свои услуги. Что скажет Амерлин, если мы начнем брать деньги?

— Я поговорю с Эгвейн, — повторила Илэйн. — Не сомневаюсь, что сумею убедить ее, что Родня — как и Андор — не является для нее угрозой.

Хотелось бы верить. Заручиться содействием Родни — это шанс Андора добиться немыслимого преимущества и возможность получить доступ к переходным вратам, причем постоянный и недорого. Если дело выгорит, Илэйн войдет в игру на почти равных условиях с шончан.

Она еще немного поговорила с женщинами, дабы тем не показалось, что им не уделили должного внимания, после чего отпустила представительниц Родни, а сама задержалась в саду, остановившись между двумя горшками с колокольчиками, чьи поникшие голубые цветки, похожие на крошечные вазы, покачивались на ветру. На соседнее кашпо она старалась не смотреть. В прошлом там тоже цвели колокольчики, но теперь оно было пусто: растения выкинули бутоны цвета крови, а когда их срезали, стебли истекали красным соком, будто и впрямь кровоточили. Поэтому садовники убрали эти странные цветы.

Рано или поздно шончан захотят покорить Андор. К тому времени армии Ранда, скорее всего, будут ослаблены — если не разбиты — в сраже-

ниях, а сам полководец, вероятно, погибнет. При этой мысли у Илэйн снова сжалось сердце, но она не могла не смотреть правде в глаза.

Андор станет для шончан лакомой добычей. Они не устоят перед искушением захватить здешние шахты и богатые земли, а также заполучить удобный плацдарм неподалеку от Тар Валона. Более того, Илэйн подозревала: те, кто заявляет о себе как о наследниках Артура Ястребиное Крыло, не успокоятся, пока не вернут все земли, некогда принадлежавшие их предку.

Илэйн обвела глазами панораму своих владений. Да, это ее страна, и живущие здесь люди доверились королеве, считая, что Илэйн сумеет взять их под свою защиту. Многие из поддержавших ее притязания на трон оставались маловерами. Но Илэйн была их лучшим — если не единственным — вариантом, и она докажет что способна сделать мудрый выбор.

Первый этап — обеспечить поддержку Родни. Рано или поздно у шончан появится возможность Перемещаться. Всего-то и надо, что захватить одну женщину, знающую нужное плетение, и вскоре все до единой дамани, обладающие требуемой силой, научатся создавать порталы. Поэтому Илэйн нуждалась и в доступе к Перемещению.

Чего у нее, однако, не было, так это людей, способных направлять Силу на поле боя. Понятно, что нельзя требовать такого от Родни: они ответят отказом, Эгвейн тоже, да и сама Илэйн не рискнула бы сделать такой шаг. Заставив женщин использовать Силу в качестве оружия, она опустилась бы до уровня шончан.

К несчастью, Илэйн прекрасно знала, какие разрушения способны учинить женщины, применяя Единую Силу. Когда Бергитте возглавляла атаку на Черных сестер, похитивших Илэйн прямо здесь, в Кэймлине, она лежала связанной в фургоне, но позже видела последствия схватки: сотни убитых, сотни раненых и десятки сгоревших трупов — дымящихся, скорежившихся, перекрученных.

Ей надо хоть что-то. Нужно найти какое-то преимущество перед шончан. Нечто такое, что уравновесит на поле боя женщин, способных направлять Силу, но в голову не шло ничего, кроме мыслей о Черной Башне. Она стояла на андорской земле. Илэйн уже говорила, что считает обитателей Черной Башни частью своего народа, но до сей поры ограничилась лишь отправкой инспекционных отрядов.

Что станет с Аша'манами, если погибнет Ранд?

Рискнет ли Илэйн призвать их под свои знамена? Рискнет ли ждать, пока это не сделает кто-то другой?

Глава 18
Сила этого места

Перрин бежал сквозь тьму. Бледный туман омывал лицо и каплями оседал на бороде. В голове все спуталось, было как в мареве. Такое чувство, будто сознание отделилось от тела. Что он делает? Куда он бежит? Почему? Что происходит?

Перрин взревел, бросился вперед, продрался сквозь вуаль мрака и вырвался на простор. Набрав полную грудь свежего воздуха, он приземлился на вершину крутого холма, поросшего невысокой, местами пожелтевшей травой и окаймленного у подножия кольцом деревьев. Затянутое тучами небо урчало и бурлило, словно чан с кипящей смолой.

Перрин находился в волчьем сне. Его тело покоилось в реальном мире, на вершине этого же холма, рядом с Фэйли. Глубоко дыша, он улыбнулся, хотя проблем у него не поуменьшилось, а, наоборот, добавилось, если вспомнить об ультиматуме белоплащников. Но с Фэйли все хорошо, и этот простой факт все меняет. Когда Фэйли рядом, Перрин справится с чем угодно.

Сбежав с холма, он пересек открытую местность, где стояла его армия — достаточно долго, чтобы существование лагеря проявилось в волчьем сне. Палатки были расположены так же, как в реальном мире, хотя при каждом новом взгляде входные клапаны выглядели немного иначе. Выкопанные в земле ямы для костров, на которых готовили пищу, следы колес на дорожках, оставленный кое-где мусор и брошенные инструменты то появлялись, то пропадали.

Перрин стремительно шел вперед, за один шаг преодолевая расстояние в десяток обычных шагов. Раньше безлюдный лагерь показался бы ему жутковатым, но Перрин уже привык к волчьему сну, и эта картина воспринималась как нечто само собой разумеющееся.

Он подошел к статуе на краю лагеря и поднял глаза на изъеденный временем камень, заросший

черным, оранжевым и зеленым лишайником. Причудливая, должно быть, поза у этой скульптуры, раз она так странно упала. Можно подумать, ее создатели так и замышляли, чтобы из суглинка вздымалась огромная рука.

Перрин свернул на юго-восток: туда, где стояли лагерем белоплащники. Надо разобраться с ними. Ему все сильнее казалось… точнее, он был даже уверен, что не сможет идти дальше, пока не встретится с тенями из прошлого.

Существовал лишь один верный способ решить эту проблему — ловушка, тщательно подготовленная Аша'манами и Хранительницами Мудрости, — и Перрин нанесет по Детям удар такой силы, что они содрогнутся. Или даже уничтожит этот орден раз и навсегда.

В его распоряжении были средства, удобный момент, мотивация… Раз — и все: никакого больше страха в этих землях и никаких судебных процессов, где белоплащники насмехаются над справедливостью. Покрыв тридцать футов в один прыжок, Перрин мягко приземлился и побежал вдоль дороги на юго-восток.

Лагерь белоплащников обнаружился в лесистой ложбине. Стоявшие тесными кругами тысячи белых палаток вмещали десяток тысяч

Детей Света и столько же прочих солдат и наемников. По оценке Балвера — хотя он толком не объяснил, откуда ему стало об этом известно, — здесь собралась основная масса уцелевших Детей. Хотелось бы верить, что на выводы этого щуплого человека не повлияла его ненависть к белоплащникам.

Перрин походил среди палаток: мало ли, вдруг Илайас и айильцы проглядели что-то важное. Маловероятно, но, раз уж он здесь, почему бы не полюбопытствовать? К тому же он хотел увидеть это место собственными глазами. Перрин поднимал клапаны палаток и переходил из одного ряда в другой, внимательно осматривая лагерь в попытке проникнуться духом его обитателей. Здесь царил полный порядок. Внутри палатки выглядели менее отчетливо, чем снаружи, но все, что видел Перрин, стояло на своих местах.

Белоплащники предпочитали, чтобы все их вещи были аккуратно сложены и имели опрятный вид. И предпочли бы перекроить по таким лекалам весь мир, где все вылизано до блеска, а людям установлены определенные границы и изъясняются они одним-двумя словами.

Покачав головой, Перрин направился к шатру лорда капитан-командора. Палатки стояли

так, что найти его не составляло труда. Шатер предводителя Детей Света находился в центральном кольце. Размером он был ненамного больше остальных палаток. Пригнувшись, Перрин пробрался внутрь, надеясь найти что-нибудь полезное. Обстановка здесь была простая, а походная койка меняла положение всякий раз, когда Перрин смотрел на нее. Точно так же вел себя стол, предметы на котором то пропадали, то появлялись вновь — в самом произвольном порядке.

Подступив к нему, Перрин взял в руки вещицу, только что материализовавшуюся на столешнице. Кольцо с печаткой. Изображение крылатого кинжала не показалось ему знакомым, но Перрин запомнил его, прежде чем кольцо исчезло из пальцев, ненадолго задержавшись в волчьем сне. Хотя Перрин встретился с вождем белоплащников, а позже обменялся с ним письмами, он мало что знал о прошлом этого человека. Быть может, герб на печатке поможет узнать что-то новое.

Потратив какое-то время на осмотр шатра, Перрин не нашел ничего интересного и направился к большой палатке, где, по словам Гаула, держали многих пленников. Заглянув внутрь, он заметил, как на миг появилась, а потом исчезла шапка

мастера Гилла.

Довольный увиденным, Перрин отошел от палатки и вдруг почувствовал беспокойство: не стоило ли провести такую же вылазку, когда похитили Фэйли? Тогда он отправлял в Малден множество разведчиков. О Свет! Он и сам едва удержался, чтобы самому не пойти искать Фэйли! Но ведь он так и не попробовал посетить город в волчьем сне.

Наверное, пользы это не принесло бы. Но теперь Перрина тревожило, что он даже не задумался о такой возможности.

Обойдя повозку, стоявшую возле одной из палаток белоплащников, он замер. Задний борт повозки был откинут, и там лежал серебристо-седой волк. Лежал и смотрел на него.

— Мое внимание будто взгляд зашоренного коня, Прыгун, — сказал Перрин. — Я не вижу ничего, кроме поставленной цели, а это опасно. Как в бою: сосредоточься на противнике перед собой, и станешь беззащитен перед лучником, стоящим где-нибудь сбоку.

Прыгун, приоткрыв пасть, ответил волчьей усмешкой и выскочил из повозки. Перрин чувствовал рядом других волков — ту же стаю, с которой недавно бегал во время охоты. Здесь

были Танцующая-среди-Дубов, Искра и Вольный.

— Что ж, — сказал он Прыгуну, — я готов учиться.

Прыгун уселся, взглянул на Перрина и отправил ему мысленную команду:

За мной!

А затем исчез.

Перрин выругался и стал озираться по сторонам. Куда он делся, этот волк? Перрин побродил по лагерю, но Прыгуна тут не было. Попытался нащупать его сознанием. Тоже ничего.

Юный Бык! — Прыгун вдруг объявился у него за спиной. — *За мной!*

И снова исчез.

Перрин зарычал, молнией промчался по лагерю. Не найдя волка, он выскочил на злаковое поле, где встречался с Прыгуном в прошлый раз. Но волка не было и здесь. Отчаявшись, Перрин остановился в трепещущих колосьях.

Прыгун нашел его несколькими минутами позже. От волка пахло недовольством.

За мной! — велел он.

— Не получается, — сказал Перрин. — Прыгун, я не понимаю, куда это — за тобой.

Волк уселся и послал Перрину образ щенка, повторяющего действия взрослых волков в стае.

— Я не волк, Прыгун, — напомнил ему Перрин, — и учусь не так, как вы. Ты должен объяснить, что от меня требуется.

За мной, сюда.

Волк послал ему образ — как ни странно — Эмондова Луга. А затем Прыгун исчез.

Перрин последовал за ним и очутился на знакомой лужайке. Знакомой, да не вполне: теперь ее обрамляли здания, в то время как Эмондов Луг должен быть деревушкой, а не обнесенным каменной стеной городком, где перед гостиницей мэра проходит вымощенная камнем дорога. Перрин ушел отсюда совсем недавно, но с тех пор многое изменилось.

— Зачем мы здесь? — спросил Перрин. Ему очень не понравилось, что над лужайкой на вколоченном в землю шесте до сих пор развевается знамя с волчьей головой. Может, это фокус волчьего сна? Вряд ли. Перрин помнил, с каким энтузиазмом двуреченцы поднимали штандарт «Перрина Златоокого».

Люди — странные существа, — передал Прыгун.

Перрин повернулся к старому волку.

И мысли у них странные, — продолжил Прыгун. — *Мы даже не пытаемся их понять. Почему*

у оленя копыта, у воробья крылья, у дерева корни, а у людей странные мысли? Так заведено. Только и всего.

— Я тебя понял, — сказал Перрин.

Я не могу обучить воробья охотиться, — сказал Прыгун. — *А воробей не научит волка летать.*

— Но здесь, в этом сне, ты умеешь летать! — возразил Перрин.

Да. И меня никто не учил. Я просто умею, и все.

Судя по запаху, Прыгун был изрядно взволнован и сбит с толку. Волки помнят все, что в прошлом знал каждый из них. Прыгун расстроился, потому что хотел научить Перрина, но он не привык поступать так, как ведут себя люди.

— Ну пожалуйста, — попросил Перрин, — попробуй объяснить, что ты имеешь в виду. Ты всегда говоришь, что мое присутствие в волчьем сне «слишком сильное». Что я забываюсь. И повторяешь, что это опасно. Почему?

Ты спишь — тот, другой «ты», — ответил Прыгун. — *Тебе нельзя оставаться тут надолго. Запомни раз и навсегда: тебе здесь не место. Это не твое логово.*

Волк повернулся к окружавшим лужайку зданиям.

Вон твое логово. И логово твоего предка. Вот

это место. Помни о нем. Тогда ты не заблудишься. Так когда-то поступали другие, похожие на тебя. Ты меня понял.

То был не вопрос, а скорее просьба: Прыгун не знал, как еще объяснить Перрину, что к чему.

«Постараюсь», — подумал тот, стараясь не ошибиться с истолкованием волчьего послания. Но Прыгун был не прав. Это место не было домом Перрина. Его дом — там, где Фэйли. И нельзя забывать об этом, иначе его утянет в самые глубины волчьего сна.

Я видел эту самку в твоей голове, Юный Бык. — Прыгун склонил голову к плечу. — *Она как пчелиный улей, полный сладкого меда и острых жал.*

Послание сопровождалось образом капризной волчицы: то она игриво куснет за нос, то зарычит на тебя, не желая делиться мясом.

Перрин улыбнулся.

Воспоминания — это часть целого, — продолжил Прыгун. — *А другая его часть — ты сам. Ты должен остаться Юным Быком.*

Отражение волка в воде: дрожащее, расплывчатое, подернутое рябью.

— Не понимаю.

Сила этого места, — Прыгун послал ему образ

волка, высеченного из камня, — *это твоя сила*.

На мгновение он задумался.

Стой. Останься. Будь собой.

С этими словами Прыгун вскочил и попятился — так, словно собирался броситься на Перрина.

Тот, не понимая, чего от него хотят, как можно ярче представил себя тем, кем был.

Прыгун взял разбег и всем телом врезался в Перрина. Он проделывал подобное раньше — когда каким-то образом выталкивал его из волчьего сна.

Однако на сей раз Перрин был готов к нападению. Он инстинктивно отступил. Образы волчьего сна вокруг колыхнулись, но вновь обрели резкость и устойчивость очертаний, а Прыгун отлетел обратно от Перрина, хотя тяжелый волк должен был сбить его с ног.

Прыгун потряс головой, будто бы ошеломленный.

Хорошо, — с удовлетворением сообщил он. — *Молодец. Ты учишься. Еще раз*.

Перрин встал покрепче, и весьма своевременно: Прыгун снова врезался в него. Перрин зарычал, но выдержал удар.

Сюда.

Отправив ему образ колосистого поля, Прыгун

исчез, и Перрин последовал за ним. Как только юноша оказался среди колосьев, волк опять врезался в него, в его тело и сознание.

На этот раз Перрин упал на землю. Все вокруг замерцало и пошло волнами. Перрин почувствовал, что его куда-то утягивают, словно заставляют вынырнуть из волчьего сна в обычный, человеческий.

«Нет!» — подумал он, удерживая в сознании образ самого себя, стоящего на коленях посреди злакового поля. Он на самом деле был здесь, воображал это поле с такой силой, что оно сделалось реальным, и вдыхал запахи живых колосьев, сырого воздуха, влажной почвы и опавших листьев.

Ландшафт собрался воедино. Тяжело дыша, Перрин склонился над землей, но это по-прежнему был волчий сон.

Молодец, — прислал сообщение Прыгун. — *Быстро учишься.*

— А куда деваться? — сказал Перрин, поднимаясь на ноги.

Грядет Последняя охота, — согласился Прыгун, посылая ему образ лагеря белоплащников.

Перрин отправился за ним, приготовившись к новой атаке. Но ее не последовало, и он завертел

головой в поисках волка.

Что-то обрушилось на его разум. Движения не было. Нападение оказалось исключительно мысленным. Не таким сильным, как раньше, но неожиданным. Перрин едва устоял.

Материализовавшись в воздухе, Прыгун грациозно спрыгнул на землю.

Всегда будь готов, — заметил он. — *Всегда, но особенно — когда двигаешься.*

Образ волка, предусмотрительно нюхающего воздух, прежде чем выйти на открытое пастбище.

— Понятно.

И не забывай сдерживать себя, — проворчал Прыгун.

Перрин тут же заставил себя вспомнить Фэйли и место, где он спал. Его дом. Он… слегка померк. Нет, кожа не стала полупрозрачной, и волчий сон оставался прежним, но Перрин почувствовал себя более уязвимым.

Хорошо, — сказал Прыгун. — *Всегда будь наготове, но сдерживайся. Представь, что несешь в пасти щенка. Его надо держать, но сильно сжимать нельзя.*

— Непросто будет найти равновесие, — заметил Перрин.

От Прыгуна пахнуло непониманием. Само собой, это непросто.

— Что теперь? — улыбнувшись, спросил Перрин.

Побегаем, — ответил Прыгун. — *А потом снова учиться.*

Серебристо-серой молнией волк метнулся к дороге. Перрин последовал за ним. От Прыгуна исходил запах целеустремленности. Примерно так же пахло от Тэма, когда тот обучал беженцев военному искусству. Любопытно… Перрин снова улыбнулся.

Теперь они бежали по дороге, и Перрин старался поймать нужный баланс, не погружаться в сон слишком глубоко, но и готовился мгновенно укрепить чувство собственного «я», поскольку Прыгун мог в любой момент броситься на него, чтобы вытолкнуть из волчьего сна. Так они бежали и бежали, а затем Прыгун вдруг замер на месте.

Сделав еще несколько шагов, Перрин обогнал волка и, остановившись, увидел впереди нечто непонятное. Дорогу рассекала призрачная фиолетовая стена. Она высилась до самого неба и тянулась в обе стороны, насколько хватало глаз.

— Что это, Прыгун? — спросил Перрин.

Что-то неестественное, — ответил Прыгун. — *Этого не должно здесь быть.*

От волка пахнуло гневом.

Шагнув вперед, Перрин хотел было коснуться странной поверхности, но не рискнул. На вид стена была стеклянной. Прежде он ничего подобного в волчьем сне не видел. Может, это некая разновидность пузырей зла? Перрин поднял глаза к небу.

Стена вдруг вспыхнула и пропала. Моргая, Перрин нетвердо попятился и взглянул на Прыгуна. Волк сидел на задних лапах и смотрел туда, где только что была стена.

Пойдем, Юный Бык, — наконец поднялся он. — *Позанимаемся в другом месте.*

И вприпрыжку убежал прочь. Перрин оглянулся на дорогу. Чем бы ни была эта стена, от нее не осталось ни следа.

С тяжелым сердцем Перрин отправился за Прыгуном.

* * *

— Чтоб мне сгореть! Где лучники?! — Родел Итуралде взобрался на вершину холма. — Еще час назад я велел им сменить арбалетчиков и построиться на передних башнях!

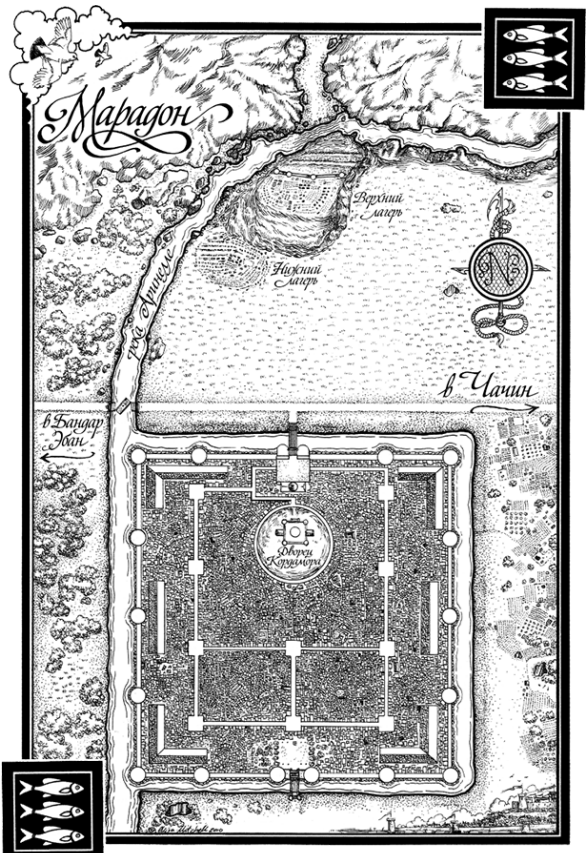
Перед ним лязгала и топотала, кричала и хрипела битва. Армия троллоков текла через реку, пересекая ее на плотах или по наплавному мосту, наспех сооруженному из бревен. Троллоки не любят — просто-таки ненавидят — переправляться через реки. Не так-то легко было сподвигнуть их на такой поступок.

Поэтому здешние укрепления и были настолько полезны. Склон холма заканчивался у единственного приличного брода на расстоянии нескольких лиг. Чуть севернее троллоки, вырвавшись из прохода, ведущего из Запустения, с ходу упирались в реку Аринелле. Когда этих чудищ удавалось заставить переправиться, то на другом берегу они оказывались перед склоном холма: сплошные рвы и защитные валы, а наверху — башни с лучниками. Единственный путь из Запустения в город Марадон лежал через этот холм. Иной дороги не было.

Здесь была идеальная позиция для того, чтобы сдерживать противника, намного превосходящего в численности, но даже самые лучшие укрепления могут пасть, если обессилевшие солдаты держат оборону уже несколько недель. Перебравшись через реку, троллоки с боем прорывались вверх по склону под градом стрел,

падая во рвы и с немалым трудом преодолевая высокие земляные валы.

На вершине холма был ровный участок, где Итуралде расположил верхний лагерь, а в нем — командный пункт. Выкрикивая приказы, он смотрел вниз, на переплетение рвов, валов и башен. Копейщики, державшие оборону за одним из валов, методично убивали троллоков. Наконец последний — громадная тварь с бараньей мордой — испустил последний рык и сдох с тремя пиками в брюхе.


Марадон
Верхний лагерь
Нижний лагерь
Тропа Отчаяния
в Чамин
в Бандар Эхан
Ворота Копьеносцев

Похоже, надвигалась следующая волна: мурддраал гнал через проход очередную троллочью свору. Из-за обилия мертвых тел вода в реке помутнела и приобрела красный оттенок, но задние ряды троллоков не переставали ломиться вперед, ступая по трупам сородичей.

— Лучники! — взревел Итуралде. — Где эти треклятые…

Наконец-то мимо пробежала рота лучников из резерва, оставшегося в распоряжении Итуралде: почти все — меднокожие доманийцы, хотя в отряд затесались несколько тарабонцев. Луки у бойцов были самые разные, от узких и длинных доманийских до изогнутых коротких салдэйских. Итуралде заметил даже несколько здоровенных луков родом из Двуречья. В ход шло все, что было найдено на передовых постах или в деревнях.

— Лидрин! — крикнул Итуралде.

На вершину холма взбежал молодой офицер с колючим взглядом. Его коричневая форма измялась, а колени покрылись грязными пятнами — не из пренебрежения к внешнему виду, но потому, что солдаты нуждались во внимании офицера куда сильнее, чем одежда — в стирке.

— Догоняй лучников и ступай на башню, — сказал Итуралде. — Троллоки готовятся к новому

удару, и я не хочу, чтобы какой-то их кулак прорвался к вершине. Понял? Если они захватят нашу позицию и обернут ее против нас, утро станет совсем уж паршивым.

В прошлом Лидрин улыбнулся бы в ответ на такое замечание. Но не теперь. В последнее время он редко улыбался: по большей части такое случалось, лишь когда он убивал троллока. Отсалютовав, Лидрин потрусил вслед за лучниками.

Обернувшись, Итуралде бросил взгляд за спину, на другой склон крутого холма, в тени которого располагался нижний лагерь. Этот холм, рожденный самой природой, салдэйцы годами наращивали и формировали так, чтобы длинный пологий склон спускался к реке, а короткий и крутой — к нижнему лагерю, где обоз будет в безопасности, а солдаты смогут поесть и выспаться, в то время как от вражеских стрел их защитит холм, на котором и стоял сейчас Итуралде.

Оба лагеря — что верхний, что нижний — являли собой пестрое зрелище. Некоторые палатки купили в салдэйских деревнях, другие были изготовлены в Арад Домане, а десятки остальных — в том числе множество полосатых кайриэнских громадин — доставили через переходные врата из самых разных мест. Палатки укрывали людей

от дождя, и этого было достаточно.

Салдэйцы, безусловно, умели строить укрепления. Вот бы еще удалось убедить их не отсиживаться за городскими стенами, а выступить из Марадона и прийти на подмогу.

Вслух же Итуралде сказал:

— Ну и где же эти…

Тут он осекся, потому что потемнели небеса. Ему едва хватило времени выругаться, пригнуться и отскочить в сторону, прежде чем с неба дождем посыпались какие-то крупные предметы. Пролетев по крутой дуге, они падали на лагерь, порождая вопли смятения и боли. Это не были булыжники; это были трупы. Массивные тела мертвых троллоков. Отродья Тьмы наконец-то пустили в ход требушеты.

Отчасти Итуралде гордился, что вынудил их пойти на этот шаг. Вне всяких сомнений, осадные орудия предназначались для нападения на Марадон, находившийся чуть южнее. Но теперь их поставили у переправы, что не только замедлит отродий Тьмы, но и подвергнет требушеты риску ответного обстрела войсками Итуралде.

Чего он не ожидал, так это троллочьих трупов, и поэтому изрыгнул очередное проклятие, когда с опять потемневшего неба вновь посыпались

мертвые тела, сбивая палатки и сокрушая солдат.

— Целители! — возопил Итуралде. — Где их носит?

С тех пор как началась осада, Итуралде довел Аша'манов до грани изнеможения и теперь вызывал их только в том случае, если троллоки подбирались слишком близко к верхнему лагерю.

— Сэр! — По склону вскарабкался вестовой-доманиец с грязью под ногтями и пепельно-серым лицом, такой юный, что над верхней губой у него были не усы, а одно название. — Донесение от капитана Финсаса. Отродья Тьмы выставили требушеты на линию огня. Капитан насчитал шестнадцать штук.

— Передай капитану Финсасу, что хороша ложка к обеду! — прорычал Итуралде.

— Простите, милорд. Не успели мы понять, что происходит, как эти твари уже выкатили орудия из прохода. Первыми же выстрелами накрыли наш дозорный пост. Сам лорд Финсас получил ранение.

Итуралде кивнул. К нему уже подходил Раджаби, готовый взять командование верхним лагерем на себя и позаботиться о раненых. Вдо-

бавок многие трупы, улетев за холм, угодили и в нижний лагерь. Раньше люди находились под защитой крутого склона, но теперь дальнобойные требушеты лишили их преимущества. Придется переместить нижний лагерь через равнину к Марадону, хотя в таком случае будет уходить больше времени на ответные действия… Кровь и пепел!

«В прошлом я ругался куда реже», — подумал Итуралде. А все этот мальчишка, Дракон Возрожденный. Ранд ал'Тор дал Итуралде множество обещаний — некоторые прямым текстом, другие намеками. Он обещал защитить Арад Доман от шончан. Обещал, что Итуралде выживет, а не погибнет, загнанный в ловушку и окруженный шончан. Обещал, что даст ему жизненно важное поручение… граничащее с невозможным.

Сдерживать Тень. Драться, пока не подойдет помощь.

Вновь потемнели небеса, и Итуралде юркнул в штабной шатер, над которым для защиты от осадных орудий была возведена деревянная крыша. Опасался он не троллочьих трупов, а града небольших камней, которыми тоже можно было заряжать требушеты. Люди, рассыпавшись по холму, перетаскивали раненых в относительно

безопасный нижний лагерь, откуда их отправят в стоявший за равниной Марадон. Этими действиями руководил Раджаби. Шея у неуклюже двигавшегося мужчины была толщиной со ствол десятилетнего ясеня и почти такие же мощные руки. Получив в сражении рану, он лишился левой ноги ниже колена и с тех пор хромал при ходьбе. Айз Седай подлечили его, и теперь вместо левой ноги у Раджаби была деревяшка, но он отказался уйти через переходные врата вместе с остальными тяжелоранеными, а настаивать Итуралде не решился. Нельзя же списывать со счетов хорошего офицера из-за того, что он ранен.

На деревянную крышу шатра шлепнулся раздутый труп, и молодой офицер по имени Желл поморщился. Кожа у него была не медного оттенка, зато усы — самые что ни на есть доманийские, а на щеке красовалась мушка в виде стрелы.

Становилось ясно, что имеющимися силами долго сдерживать троллоков не получится. Итуралде придется отступать, шаг за шагом, все дальше вглубь Салдэйи, все ближе к Арад Доману. Даже странно, что он всегда отступает в сторону родных мест — сперва с юга, а теперь с северо-востока.

Арад Доман окажется между молотом трол-

локов и наковальней шончан. «Лучше бы ты, мальчик, сдержал свое слово».

К несчастью, в Марадон отступить не удастся. Салдэйцы ясно дали понять, что считают Итуралде — и Дракона Возрожденного — захватчиками и оккупантами. Идиоты треклятые, чтоб им сгореть. Ну что ж… По крайней мере, у Итуралде был шанс уничтожить осадные машины.

На крышу штабного шатра упал очередной труп, но доски выдержали. Из-за вони — и периодически раздававшихся шлепков и хлюпанья при падении этих мертвых троллоков — становилось ясно, что в качестве снарядов для обстрела выбрали трупы не самой первой свежести. Уверенный, что его офицеры исполняют свои обязанности — а посему мешать им не следует, — Итуралде сцепил руки за спиной. Глядя на него, солдаты — что в самом шатре, что за его поднятыми стенами — расправили плечи. Даже самые идеальные планы рушатся после того, как пущена первая стрела, но целеустремленный и несгибаемый военачальник одним своим видом способен упорядочить хаос. Главное — держаться соответствующим образом.

Над головой клокотала буря, серебристо-черные облака походили на почерневший котелок

над походным костром, когда сквозь корку копоти проглядывает блестящая сталь. Пусть люди Итуралде видят, что командир не боится этого неестественного неба, даже когда с него градом сыплются трупы.

Раненых унесли, и люди в нижнем лагере начали сниматься с места, готовясь передвинуть палатки ближе к Марадону. Солдаты на башнях продолжали обстреливать троллоков из луков и арбалетов. Копейщики ждали за земляными валами. В распоряжении Итуралде была внушительная кавалерия, но использовать здесь конницу он не мог.

Если не разобраться с требушетами, солдат забросают валунами и зарядами из камней помельче. Поэтому Итуралде намеревался первым делом сжечь эти машины — с помощью Аша'манов или отряда лучников с зажигательными стрелами, отправив его к осадным орудиям через переходные врата.

«Вот бы отступить за стены Марадона…» Но тамошний салдэйский лорд не впустит его, а если Итуралде отступит к самому городу, орда троллоков попросту размажет его армию по стенам.

Треклятые, треклятые идиоты! Что за балбесы отказывают людям в убежище, когда в городские

ворота стучится армия отродий Тьмы?

— Надо оценить, каковы повреждения, — обратился Итуралде к лейтенанту Нилсу. — Приготовь лучников для атаки на требушеты и приведи двоих дежурных Аша'манов. Передай капитану Кридину, чтобы следил за переправой. После обстрела троллоки решат, что в лагере полный раздрай, и удвоят свои усилия.

Молодой человек кивнул и убежал, едва не столкнувшись с хромоногим Раджаби: тот входил в шатер, потирая широкий подбородок:

— Ваша догадка была верна. Троллоки и впрямь выставили требушеты для атаки на холм.

— Я стараюсь не ошибаться, — ответил Итуралде. — В ином случае мы потерпим поражение.

Раджаби хмыкнул. В небе бурлила та буря. Издали доносились вопли троллоков, возгласы людей и грохот боевых барабанов.

— Что-то не так, — сказал Итуралде.

— Со всей этой окаянной войной что-то не так, — заметил Раджаби. — Нас здесь не должно было быть. Тут обязаны были стоять салдэйцы. Вся их армия, а не горстка всадников, которых нам прислал лорд Дракон.

— Нет, я о другом. — Итуралде поднял пристальный взгляд к небу. — К чему эти трупы,

Раджаби?

— Чтобы подорвать наш боевой дух.

Не такая уж необычная тактика. Но чтобы первыми же залпами? Почему бы не зарядить требушеты камнями, чтобы нанести наибольший ущерб, используя фактор внезапности, а затем уже перейти на трупы? Троллоки не особо сильны в тактике, но вот Исчезающие — те еще хитрецы. Итуралде знал это по собственному опыту.

Пока он смотрел на небо, вражеские орудия выдали еще один мощный залп, словно порожденный черными тучами, и на лагерь обрушились сотни мертвых тел. О Свет! Откуда у них столько требушетов?

«Капитан насчитал шестнадцать штук», — так сказал мальчишка-вестовой. Маловато. И почему некоторые из тех трупов летят так плавно?

Осознание захлестнуло его потоками ледяного дождя. Вот же треклятые умники!

— Лучники! — истошно закричал Итуралде. — Лучники, внимание на небо! Это не трупы!

Слишком поздно. Не успел он договорить, как драгкары расправили крылья. Куда больше половины этих падающих «трупов» оказались живыми исчадиями Тени, затаившимися среди мертвецов. После первой атаки драгкаров,

случившейся несколько дней назад, Итуралде велел постоянно сменявшим друг друга отрядам лучников днем и ночью следить за небом.

Но у них не было приказа стрелять по падающим телам. Издав свирепый рык, Итуралде выскочил из шатра и выхватил меч из ножен. В верхнем лагере воцарился хаос. Повсюду были драгкары. Многие приземлились неподалеку от штабной палатки. Их огромные черные глаза сияли, а сладкое пение притягивало солдат в объятия этих тварей.

Итуралде орал во все горло, чтобы заполнить уши звуком собственного голоса. Один из драгкаров бросился к нему, но вопивший Итуралде не слышал его напева. Прикинувшись зачарованным, он нетвердо приблизился к драгкару и ловко вонзил меч ему в горло. С удивленным видом — если у этих нечеловеческих тварей вообще бывает удивленный вид — драгкар замер, а когда Итуралде, не переставая голосить, высвободил клинок, из раны на молочно-белую кожу хлынула темная кровь.

Он видел, как Раджаби пошатнулся и упал, когда на него накинулось отродье Тени. Итуралде хотел броситься на подмогу, но перед ним возник еще один монстр, а затем он увидел, как летящих

драгкаров сбивают в воздухе огненными шарами: подоспели Аша'маны, и то был благословенный миг.

Но в этот же момент усилился грохот боевых барабанов. Как Итуралде и предсказывал, всей своей мощью бурлящая масса троллоков устремилась через переправу, усиливая натиск пуще прежнего. О Свет! Все же иногда не худо бы и ошибиться.

«Лучше тебе сдержать обещание и прислать подмогу, мальчик, — думал Итуралде, сражаясь со вторым драгкаром и чувствуя, что еще немного, и он потеряет голос. — Видит Свет, самое время!»

* * *

Фэйли прогуливалась по лагерю Перрина. В воздухе звенели голоса: кто-то переговаривался, кто-то натужно кряхтел, кто-то отдавал приказы. Перрин отправил белоплащникам еще одно письмо с предложением насчет переговоров, но ответа пока не было.

Фэйли чувствовала себя хорошо отдохнувшей. Всю ночь она провела на вершине холма, прижавшись к мужу. С собой у них было предостаточно одеял, и поросший травой холм во многом оказался куда удобнее трофейного шатра.

Этим утром из Кайриэна вернулись разведчики; вскоре они явятся с донесением. Пока же Фэйли искупалась и позавтракала.

Настало время выяснить отношения с Берелейн.

Чувствуя, как в груди вскипает гнев, Фэйли шагала по утоптанной траве к майенской части лагеря. Берелейн зашла слишком далеко. Перрин утверждал, что слухи распускает не она сама, а ее горничные, но Фэйли знала, что творится на самом деле. Первая была мастерицей во всем, что касалось манипуляций со слухами. Контролировать слухи и распространять кривотолки — таков один из лучших способов править с позиции относительной слабости. Именно так Первенствующая поступала в Майене, и то же обыкновение сохранилось за ней и в лагере, где Фэйли, будучи женой Перрина, чувствовала себя гораздо увереннее, чем Берелейн.

У входа в майенский лагерь дежурили два крылатых гвардейца в малиновых кирасах и в напоминающих горшки шлемах, которые закрывали сзади шею ниже затылка, а по бокам были украшены крылышками. Завидев Фэйли, солдаты приосанились и перехватили пики — скорее декоративные, с трепещущими ла-

зурными вымпелами, на которых красовался трафаретный золотой ястреб в полете.

Чтобы посмотреть им в глаза, Фэйли пришлось вытянуть шею:

— Проводите меня к вашей госпоже, — приказала она.

Гвардейцы кивнули. Один, подняв руку в латной рукавице, помахал двум другим, чтобы те заступили на пост, и гулко произнес:

— Нам велели ожидать вас.

— Сегодня? — изогнула бровь Фэйли.

— Нет. Первая сказала, что если вы явитесь, мы должны повиноваться.

— Ясное дело, вы должны повиноваться! Это лагерь моего мужа!

Спорить гвардейцы не стали, хотя, очевидно, придерживались другого мнения. Берелейн прислали сюда сопровождать Перрина, но тот не получил полной власти над ней или ее войсками.

Фэйли следовала за мужчинами. Каким-то чудом земля и вправду начала подсыхать. Фэйли говорила Перрину, что слухи не вызывают у нее беспокойства, но, если честно, дерзость Берелейн действовала ей на нервы. «Ох уж эта женщина! — подумала Фэйли. — Как она осмелилась…»

Нет. Нет, Фэйли нельзя идти по этой дорожке. Да, от доброй перебранки ей полегчает, но стоит ли давать новый повод для слухов? Что подумают люди, узнав, как Фэйли заявилась в палатку Первой и накричала на ее обитательницу? Надо сохранять спокойствие. Хотя это непросто.

Лагерь майенцев походил на тележное колесо: от центрального шатра Берелейн спицами расходились ряды крылатых гвардейцев. Палаток у них не было — они остались в обозе мастера Гилла, но сложенные одеяла, составленные вместе пики, коновязи и кострища располагались ровно, как по струнке, — пожалуй, даже слишком ровно. Темно-бордовый шатер Берелейн удалось спасти из Малдена. Сохраняя самообладание, Фэйли подошла к нему в сопровождении двух гвардейцев, и один из них постучал по наружной подпорке.

— Войдите, — безмятежно отозвалась Берелейн, и гвардеец откинул входной клапан.

Фэйли хотела было войти, но внутри что-то зашуршало, и она сделала шаг назад. Из шатра вынырнула Анноура. Айз Седай кивнула Фэйли, и многочисленные косички, обрамлявшие ее лицо, пришли в движение. Вид у Анноуры был недовольный; она по-прежнему оставалась в немилости у своей госпожи.

Набрав полную грудь воздуха, Фэйли шагнула в шатер. Внутри было прохладно. На полу лежал бордовый с прозеленью ковер с узором в виде витого плюща. Обычно Берелейн обставляла шатер походной мебелью, и теперь он казался пустым, хотя здесь имелись кое-какие предметы, спасенные из Малдена: легкий столик и пара крепких дубовых стульев.

— Леди Фэйли, — невозмутимо произнесла Первая, поднимаясь на ноги.

Сегодня на ней была майенская диадема — тонкая корона, великолепная в своей простоте и не украшенная ничем, кроме фигурки золотого ястреба, словно взлетавшего навстречу солнечным лучам, проникавшим сквозь потолок шатра — часть парусиновых клапанов крыши сняли, чтобы внутри было светлее. Зеленое с золотом платье Первенствующей Майена было прихвачено на талии самым простым ремнем. Глубокое декольте прямо-таки бросалось в глаза.

Фэйли уселась на стул. Этот разговор был опасен. Он мог повлечь за собой беду. Но без него нельзя было обойтись.

— Надеюсь, ты не слишком устала от этих дождей? — спросила Берелейн. — Несколько дней уже идут.

— Дожди были ужасные, Берелейн, — согласилась Фэйли, — но я здесь не для того, чтобы беседовать о погоде.

Берелейн поджала прелестные губы. О Свет, какая же она красавица! По сравнению с ней Фэйли просто замухрышка: скромная грудь, слишком большой нос, да и голос даже близко не такой мелодичный, как у Берелейн. Ну зачем Создатель творит столь совершенных людей? Наверное, чтобы посмеяться над остальными.

Но Перрин любит не Берелейн. Он любит Фэйли. «Помни об этом».

— Хорошо, — сказала Берелейн. — Я подозревала, что без разговора не обойтись. Позволь заверить, что все эти слухи высосаны из пальца. Между мной и твоим мужем не произошло ничего… неуместного.

— Я уже в курсе, — подтвердила Фэйли. — Перрин рассказал. И его словам я верю больше, чем твоим.

Услышав это, Берелейн помрачнела. Большой знаток нюансов политического диалога, она обладала утонченными навыками и проницательностью, которым Фэйли оставалось лишь позавидовать. Несмотря на молодость, Берелейн сумела сохранить независимость своего крошеч-

ного города-государства от большого и могучего Тира. Фэйли могла лишь догадываться, на какие хитрости и политические уловки пришлось пойти этой весьма неглупой женщине.

— В таком случае зачем ты пришла? — спросила Берелейн, усаживаясь на стул. — В чем проблема, если у тебя легко на сердце?

— Мы обе знаем, что вопрос не в том, спала ты с моим мужем или нет, — ответила Фэйли, и Берелейн удивленно раскрыла глаза. — Меня злит не то, чего не было, а предположения.

— Слухи возникают везде, где собираются люди, — заметила Берелейн. — Особенно если сплетничают мужчины.

— Эти сплетни чересчур живучие. Не иначе, как их поощряют со стороны, — сказала Фэйли. — Теперь все в лагере — включая присягнувших мне на верность беженцев — полагают, что, пока меня не было, ты затащила моего мужа в постель. Поэтому я выгляжу как полная дура, а еще подобные предположения бросают тень на честь Перрина. Нельзя быть вождем, если люди считают, что ты бежишь в объятия другой женщины всякий раз, когда рядом нет жены.

— Другие правители успешно справлялись с похожими слухами, — ответила Берелейн, — и во

многих случаях молва имела под собой определенные основания. Монархия способна пережить супружескую измену.

— Быть может, в Иллиане или Тире, — заметила Фэйли, — но народ Салдэйи ожидает от своих монархов лучших качеств. То же самое можно сказать и о двуреченцах. К тому же Перрин вовсе не походит на каких-то других правителей. Когда он ловит взгляды своих людей, у него сердце кровью обливается.

— Думаю, ты его недооцениваешь, — сказала Берелейн. — Он справится с этой ситуацией, научится использовать слухи себе во благо и станет сильнее — как правитель и как мужчина.

Фэйли внимательно посмотрела на нее:

— Ты что, вообще не понимаешь, что он за человек?

Берелейн вздрогнула, будто ей отвесили пощечину. По всей очевидности, ей не нравилась подобная прямота, и это, пожалуй, давало Фэйли некоторое преимущество.

— Я вижу мужчин насквозь, леди Фэйли, — холодно заметила Берелейн, — и твой муж — не исключение. Раз уж ты решила говорить откровенно, отплачу тебе той же монетой. Прибрав Айбара к рукам и связав Салдэйю с Драконом

Возрожденным, ты поступила весьма умно, но не думай, что твои притязания на этого мужчину не будут оспорены.

Настало время перейти в атаку. Фэйли глубоко вздохнула:

— Твое поведение нанесло серьезный удар по репутации Перрина, миледи Первая. Опорочь ты меня, я могла бы задуматься о прощении. Но ты опорочила моего мужа, и это непростительно.

— Не понимаю, что тут можно сделать.

— А я понимаю, — сказала Фэйли. — И совершенно уверена, что одной из нас придется умереть.

— Прошу прощения? — бесстрастно переспросила Берелейн.

— В Пограничных землях женщина, узнав, что муж делит ложе с другой, имеет право вызвать соперницу на бой на ножах. — Это соответствовало истине, хотя традиция была древней и соблюдалась все реже. — Такая схватка — единственный способ вернуть мне доброе имя.

— И что она докажет?

— Самое меньшее, все перестанут думать, что ты продолжаешь развлекаться с моим мужем у меня за спиной. Потому что ты умрешь.

— Ты что, угрожаешь мне в моем же шатре?

— Это не угроза, — решительно ответила Фэйли. О Свет, как же она надеялась, что все получится! — Это вызов.

Берелейн пристально смотрела на собеседницу — внимательным, оценивающим взглядом.

— Я сделаю публичное заявление, — предложила она. — Прилюдно высеку служанок за распространение слухов и сообщу всему лагерю, что ничего не было.

— Думаешь, это остановит молву? Ты ничего не предпринимала, пока меня не было, и это выглядит как подтверждение слухов. А теперь все, само собой, ожидают, что ты станешь вести себя так, будто ничего не случилось.

— Но… ты же шутишь насчет этого… вызова?

— Когда речь идет о чести моего мужа, Берелейн, я никогда не шучу.

Заглянув в глаза Первой, Фэйли увидела в них тревогу. Берелейн не хотела биться с ней на ножах, а Фэйли, ясное дело, тоже не горела желанием драться с Берелейн, и не только потому, что не была уверена в победе. Хотя ей всегда хотелось отомстить Первой за тот день, когда Берелейн отобрала у нее нож.

— Сегодня вечером я брошу тебе вызов по всей форме. Перед всем лагерем, — невозмутимо ска-

зала Фэйли. — У тебя будет один день, чтобы принять его или уехать.

— Я не желаю участвовать в этих глупостях.

— Но уже участвуешь, — встала Фэйли. — С тех пор, как позволила распускать эти слухи.

Стараясь не показать, что нервничает, Фэйли повернулась к выходу из палатки. Заметила ли Берелейн капельки пота у нее на лбу? Фэйли казалось, что она ступает по лезвию меча. Познав об этом вызове, Перрин будет вне себя от гнева. Оставалось надеяться, что…

— Леди Фэйли! — сказала Берелейн у нее за спиной. В голосе Первой явственно слышалось напряжение. — Вне всякого сомнения, мы в состоянии найти другой компромисс. Не стоит усугублять ситуацию.

С глухо стучащим сердцем Фэйли остановилась, а затем обернулась. У Первой был не на шутку взволнованный вид. Да, она и впрямь поверила, что кровожадная Фэйли предлагает ей сразиться не на жизнь, а на смерть.

— Я хочу, чтобы тебя не стало в жизни Перрина, — сказала Фэйли. — И добьюсь этого, так или иначе.

— Хочешь, чтобы я уехала? — спросила Берелейн. — Поручения лорда Дракона уже выполне-

ны. Пожалуй, я могла бы забрать своих людей и отправиться на все четыре стороны.

Нет, Фэйли не хотела, чтобы Берелейн уезжала. Намечается схватка с белоплащниками, и исчезновение войска Первой будет весьма неприятным ударом. И как подозревала Фэйли, Крылатая гвардия Перрину еще понадобится.

— Нет, — ответила она. — Ты не сможешь забрать эти слухи с собой, Берелейн.

— Такой вариант ничем не хуже, чем моя смерть, — холодно сказала Первая. — Если мы сразимся и ты каким-то образом сумеешь меня убить, все лишь скажут, что ты взбесилась из-за мужниной измены. Таким образом, слухи пойдут с удвоенной силой. Сомневаюсь, что это поправит твое положение.

— Значит, ты понимаешь, в какой я ситуации. — Фэйли решила, что пора дать волю эмоциям. — Как видно, способа остановить молву не существует.

Берелейн внимательно смотрела на нее. Однажды эта женщина пообещала — разве что не поклялась, — что заберет Перрина себе, но в последнее время, как казалось, сдала назад, пусть даже и отчасти, и сейчас в ее взгляде читался намек на беспокойство.

«Она понимает, что слишком далеко зашла», — сообразила Фэйли. Ну конечно. Берелейн не ожидала, что Фэйли вернется из Малдена. Потому-то и решилась на столь смелый ход.

Теперь же до нее дошло, что этот кусок ей не по зубам. И она действительно верила, что Фэйли достанет безумия у всех на виду вызвать ее на поединок.

— Нам никогда этого не хотелось, — сказала Фэйли, возвращаясь в шатер. — Ни мне, ни Перрину. Твои ухаживания не вызывают у нас обоих ничего, кроме недовольства.

— Твой муж не особо старался отвадить меня, — скрестила руки на груди Берелейн. — Пока тебя не было, он, бывало, разжигал мой интерес, причем напрямую.

— Ничего ты не понимаешь, Берелейн. — Даже странно, что эта умная в остальном женщина демонстрирует такую слепоту.

— Это тебе только кажется, — возразила Берелейн.

— У тебя теперь два варианта, — подступила к ней Фэйли. — Сразись со мной, и одна из нас умрет. Ты права, это не положит конец слухам. Но у тебя больше не будет шанса заполучить Перрина. Ты или умрешь, или станешь женщиной,

убившей его жену. И второй вариант. — Фэйли посмотрела Берелейн в глаза. — Придумай способ остановить молву раз и навсегда. Ты сама заварила эту кашу. Теперь расхлебывай.

Ну вот и все. Она сделала ставку. Фэйли не могла найти выход из сложившейся ситуации, но у Берелейн намного больше опыта в подобных играх, и поэтому Фэйли сделала вид, что готова на опрометчивые поступки. Похоже, Берелейн купилась, и теперь дело за ее незаурядной политической смекалкой.

Сработает ли этот план?

Фэйли смотрела в глаза Берелейн с нарочитым возмущением, вызванным всем случившимся: ее избивали, унижали, пытали холодом, и все это было делом рук их общего врага, а у Берелейн тем временем хватило наглости так себя вести?

Девушка выдержала взгляд Первой. Нет, Фэйли недоставало политического опыта Берелейн, но у нее было нечто иное — то, чего не было у этой женщины. Фэйли любила Перрина, любила по-настоящему, всей душой. И готова была сделать что угодно, лишь бы уберечь его от зла.

Первая не сводила испытующего взгляда с Фэйли.

— Ладно, — наконец сказала Берелейн. — Да бу-

дет так. Гордись собой, Фэйли. Нечасто… я схожу со следа столь желанной добычи.

— Ты не сказала, как пресечь эти слухи.

— Думаю, есть один способ, — произнесла Первая Майена. — Но не самый приятный.

Фэйли приподняла бровь.

— Надо, чтобы в нас с тобой увидели подруг, — объяснила Берелейн. — Ссоры, распри… Они лишь подливают масла в огонь. Но стоит нам начать проводить время вместе, общаться по-дружески, и сплетники будут обезоружены. Этого, вкупе с официальным опровержением слухов с моей стороны, должно быть вполне достаточно.

Фэйли опустилась на тот же стул, где сидела прежде. Подруги? Она терпеть не могла эту женщину. Ненавидела ее лютой ненавистью.

— Надо, чтобы все выглядело правдоподобно. — Берелейн встала, подошла к этажерке в углу шатра и налила себе охлажденного вина. — Иначе ничего не выйдет.

— И еще. Найди другого мужчину и оказывай знаки внимания ему, — сказала Фэйли. — Хотя бы некоторое время. Чтобы доказать, что Перрин тебя не интересует.

— Да, — подняла кубок Берелейн. — Пожалуй, это пойдет на пользу. Готова ли ты к такому ли-

цедейству, Фэйли ни Башир т’Айбара?

«Ага, выходит, ты поверила, что я готова тебя убить», — подумала Фэйли, а вслух сказала:

— Даю слово.

Кубок замер на полпути к губам. Затем Берелейн с улыбкой выпила вино.

— Что ж, — сказала она, опуская кубок, — посмотрим, что у нас получится.

Глава 19
Разговор о драконах

Мэт натянул плотную коричневую куртку — безо всяких украшений, если не считать медных пуговиц. Куртка была теплая, шерстяная, с дырками от стрел, лишь по счастливому стечению обстоятельств не прикончивших ее владельца. Вокруг одной расплылось кровавое пятно, но его почти удалось отстирать. Хорошая куртка. Когда Мэт жил в Двуречье, такая вещь обошлась бы ему недешево.

Он глянул в зеркало, висевшее в новой палатке, и потер лицо. Наконец-то он избавился от проклятой бороденки. Интересно, как Перрин сносит этот треклятый зуд? У него, наверное, не кожа, а наждачная бумага. Ну а Мэт при необходимости

найдет другой способ маскировки.

После бритья осталось несколько порезов. И вовсе не потому, что Мэт разучился о себе заботиться. Ему не нужен слуга, чтобы делал за Мэта то, что он и сам способен сделать. Кивнув своему отражению, Мэт нахлобучил шляпу и схватил стоявший в углу палатки ашандарей. Казалось, во́роны на клинке привстали в предвкушении новых битв.

— И растреклято правильно сделали, — заявил им Мэт и, положив ашандарей на плечо, направился к выходу из палатки.

По пути он не забыл прихватить походную котомку и закинул ее за спину. С сегодняшнего дня он будет ночевать в городе.

Мэт шагал по лагерю, кивком поприветствовав группу проходивших мимо «красноруких». Он удвоил караулы, опасаясь не только голама, но и беспокоясь из-за соседства со множеством военных лагерей вокруг. Половину из них разбили наемники, а вторую половину — приверженцы того или иного мелкого лорда, явившиеся засвидетельствовать королеве свое почтение — что примечательно, уже после состоявшейся решительной битвы.

Несомненно, все до единого бросились выра-

жать самую искреннюю преданность Илэйн, объясняя, что поддерживали ее с самого начала. Но эти слова, судя по всему, не производили желаемого впечатления: из достоверных источников — от троих пьянчуг в разных трактирах — Мэт узнал, что для вербовки защитников города Илэйн активно использовала Перемещение. Гораздо проще выдумывать оправдания и сочинять причины, задержавшие своевременное прибытие, если нужно отвечать на послание, полученное в письменном виде.

— Мэт! Мэт!

Завидев бегущего к нему Олвера, Мэт остановился возле палатки. Паренек взял за привычку носить на руке красную повязку, подражая «красноруким», но не вылезал из старых коричневых штанов и такой же куртки. Под мышкой он нес свернутое тряпичное поле для игры в «Змей и лисиц», а на другом плече — походную котомку.

Неподалеку стояла Сеталль, а рядом с ней — Луссин и Эддер, двое «красноруких», которым было велено присматривать за мальчишкой и госпожой Анан. Они собирались вскоре отправиться в город.

— Мэт! — воскликнул Олвер, тяжело дыша. — Ты что, уходишь?

— Сейчас нет времени играть, Олвер. — Мэт опустил ашандарей на локтевой сгиб. — Мне надо встретиться с королевой.

— Знаю, — сказал Олвер. — Я тут подумал, раз уж нам обоим надо в город… Может, поедем вместе и все спланируем? Есть у меня пара мыслей насчет того, как победить и змей, и лисиц! Мы им покажем, Мэт. Чтоб мне сгореть, мы им, растреклятым, покажем!

— Где ты нахватался таких слов?

— Мэт, — продолжил Олвер, — это же важно! Надо составить план! А мы еще даже не обсуждали, что будем делать.

Мэт безмолвно выбранил себя последними словами. Нельзя было говорить о спасении Морейн там, где мог подслушать Олвер. Поняв, что его не берут с собой, мальчишка сильно расстроится.

— Надо обдумать, какие слова я скажу королеве, — потирая подбородок, заметил Мэт. — Но пожалуй, ты прав. Хороший план — залог успеха. Говоришь, у тебя есть соображения? Вот и расскажи о них Ноэлу.

— Уже рассказал, — сообщил Олвер. — И ему, и Тому. И еще Талманесу.

Талманесу? Но Талманес не пойдет с ними в Башню! О Свет! И давно Олвер успел всем раз-

звонить?

— Олвер, — сказал Мэт, присев на корточки и глядя мальчику в глаза, — научись держать рот на замке. Не надо, чтобы все узнали о наших планах.

— Я говорил только с теми, Мэт, кому мы доверяем, — заявил Олвер. — В основном с «краснорукими», так что не переживай.

«Великолепно», — подумал Мэт. Что подумают солдаты, узнав, что их командир собрался дать бой ораве существ из детских сказок? Хотелось бы верить, что слова Олвера сочли мальчишескими фантазиями.

— Давай-ка поспокойнее, — сказал Мэт. — Завтра загляну к вам в гостиницу, сыграем партию и все обсудим. Лады?

— Лады, — кивнул Олвер. — Но, Мэт… Кровь и проклятый пепел! — Он развернулся и зашагал прочь.

— И хватит ругаться! — бросил Мэт ему в спину и покачал головой. Из-за этих треклятых солдат к двенадцати годам мальчишка вконец разучится вести себя прилично.

Вскинув ашандарей на плечо, Мэт отправился дальше. Том и Талманес ждали на краю лагеря. Оба сидели на лошадях, возглавляя отряд из

полусотни «красноруких». На Томе было экстравагантная куртка цвета выдержанного вина, с расшитыми золотом рукавами и сверкающими золотыми пуговицами, штаны такого же бордового оттенка, рубашка с кружевными манжетами и шелковый шейный платок. Вдобавок он подстриг и тщательно расчесал свои усы. Вся одежда, включая черный плащ с золотым подбоем, была совершенно новой.

Мэт застыл как вкопанный. Когда это старый плут-менестрель успел превратиться в образцового придворного подхалима? О Свет!

— Судя по твоему виду, я сумел произвести впечатление, — заметил Том.

— Кровь и проклятый пепел! — воскликнул Мэт. — Что стряслось? На завтрак давали протухшую колбасу и теперь тебе нездоровится?

Том откинул полу плаща, демонстрируя висевшую на боку арфу. Ни дать ни взять придворный бард!

— Раз уж я — после стольких лет — решил появиться в Кэймлине, то и выглядеть надо соответственно.

— Теперь понятно, почему ты каждый вечер пел за звонкую монету, — сказал Мэт. — Как погляжу, у людей в тех трактирах денег куры не

клюют.

Талманес — тоже в изысканном, зеленовато-синем с серебром наряде — слегка поднял бровь, что в его случае означало ухмылку. Временами он бывал так мрачен, что в сравнении с его физиономией небесные тучи имели самый развеселый вид. Мэт ощупал свои манжеты. Н-да, кружева бы им не помешали. Лопин, будь он жив, без напоминаний выбрал бы подходящий костюм. Кружева — если их не слишком много — идут мужчине на пользу. Делают его внешность более презентабельной.

— А ты, Мэт? Неужели пойдешь на встречу с королевой в таком виде? — спросил Талманес.

— Ясное дело. — Слова слетели у Мэта с языка — он даже задуматься об ответе не успел. — Куртка-то хорошая. — Он взял Типуна за поводья.

— Самое то для перепалки. Или для петушиных боев, — заметил Талманес.

— Мэт, Илэйн теперь — королева Андора, — сказал Том. — А королевы весьма привередливы. Не помешает проявить уважение.

— Проклятье! Я и так проявляю уважение! — Мэт отдал копье кому-то из солдат и вскочил в седло, потом забрал ашандарей обратно и развернул Типуна так, чтобы видеть Тома. — Это

нормальная фермерская куртка.

— Но ты-то уже не фермер, — произнес Талманес.

— И фермер тоже, — упрямо ответил Мэт.

— Музенге назвал тебя… — начал Том.

— Он ошибся, — перебил его Мэт. — Проклятье! Ну женился человек — и что, сразу стал аристократом?

Том переглянулся с Талманесом.

— Вообще-то, Мэт, именно так оно и работает, — пояснил Том. — Женитьба — один из первейших способов выбиться в знать.

— Здесь? Может быть, — согласился Мэт. — Но Туон — шончанка. Кто знает, как у них все устроено? Все мы видели, какие они странные, эти шончан. Мы ничего не узнаем, пока не поговорим с Туон.

— По-моему, — нахмурился Том, — если судить по ее словам…

— Ничего мы не узнаем, пока не поговорим с ней, — повторил Мэт, повысив голос. — А до тех пор я — просто Мэт, а не какой-то принц чего-то там. Не надо этой мишуры.

Том сделал озадаченное лицо, а Талманес чуточку приподнял уголки губ. Чтоб ему сгореть. Мэт был склонен думать, что его торжественная

мрачность — всего лишь поза. Может, в глубине души он покатывается со смеху.

— Ладно, Мэт. Сколько тебя помню, — сказал Талманес, — ты всегда чудил. И с чего надеяться, что сегодня ты возьмешься за ум? Итак, вперед, на встречу с королевой Андора. Уверен, что не хочешь вдобавок в грязи изваляться?

— Захочу и изваляюсь, — холодно ответил Мэт.

Надвинув шляпу на лоб, он подождал, пока к седлу не приторочат котомку, тронул Типуна пятками, и процессия выехала на уже знакомую дорогу, ведущую в Кэймлин.

Почти всю дорогу Мэт прокручивал в голове свой план. С собой у него была кожаная папка с бумагами Алудры, включая список того, что ей надо: ей требовались все кэймлинские отливщики колоколов, большое количество железа и бронзы, а также какие-то порошки стоимостью в тысячи крон. И это, если верить ее словам, самый минимум необходимого.

И как, Света ради, Мэт уговорит треклятую Илэйн Траканд предоставить все это в его распоряжение? Надо будет побольше улыбаться. Но в прошлом Илэйн не очень-то велась на его улыбки, да и королевы не похожи на обычных людей. Почти всякая женщина или улыбнется в

ответ, или скроит гримасу, и ты сразу поймешь, что к чему. Но Илэйн была из тех, кто улыбается, а потом все равно бросает тебя за решетку.

Для разнообразия неплохо было бы удаче завести его туда, где можно покуривать добрую трубку, развлекаться игрой в кости, усадить на колени симпатичную служанку и не переживать ни о чем, кроме следующего броска. Но вместо этого Мэт взял в жены одну из шончанских верховных Высокородных, а теперь держал путь к королеве Андора, чтобы молить ее о помощи. Ну почему он всегда попадает в такие ситуации? Иной раз ему казалось, что Создатель похож на Талманеса. Сидит где-нибудь с непроницаемой физиономией, но втайне посмеивается над Мэтом без зазрения совести.

Колонна следовала мимо многочисленных лагерей, разбитых на равнинах возле Кэймлина. От всех наемных отрядов потребовали держаться в лиге от города, но дружинникам лордов дозволено было остановиться ближе к стенам, и это добавляло Мэту головной боли. Между наемниками и верноподданными солдатами всегда существует некоторое напряжение, и теперь, когда задиры находились в такой дали от Кэймлина, то и дело случались стычки, и Отряд оказывался

в самом центре конфликтов.

Окинув взглядом витые столбики дыма от лагерных костров, Мэт по-быстрому прикинул, что здесь по меньшей мере десять тысяч наемников. Интересно, понимает ли Илэйн, что за каша у нее тут преет и булькает? Подбросить чуток дровишек, чтобы огонь разгорелся, и треклятое варево через край котла польется!

Процессия привлекала внимание. Один из солдат ехал с поднятым знаменем Отряда Красной руки, а люди Мэта уже заработали кое-какую репутацию. По его подсчетам, если сравнивать с отдельными отрядами лордов и наемников, «краснорукие» представляли собой самую крупную силу за пределами кэймлинских стен. Уклад и дисциплина — как в регулярной армии, командир — близкий друг Дракона Возрожденного, и солдаты попросту не могли удержаться от хвастовства, хотя Мэт предпочел бы, чтобы они помалкивали.

По обочинам толпились люди, пожелавшие хотя бы мельком взглянуть на «лорда Мэта». Сам же Мэт смотрел прямо перед собой. Ожидали увидеть хлыща в богатом платье? Обойдетесь. Впрочем, куртку он мог бы выбрать и получше. Эта совсем заскорузла, а от воротника чесалась

шея.

Судя по жестам, многие решили, что «лорд Мэт» — это Талманес. Наверное, из-за одежды. Кровь и пепел!

Разговор с Илэйн обещал быть непростым, но у Мэта имелся козырь в рукаве. Такой, который, как ему хотелось бы верить, отобьет у королевы охоту задумываться о дороговизне предложения Алудры. Хотя больше всего Мэт опасался, что Илэйн смекнет, что к чему, и пожелает принять участие в его затее, а если женщина хочет «принять участие», это означает, что она вознамерилась подмять все под себя.

По разросшимся окраинам города процессия приближалась к воротам в серовато-белой стене Кэймлина. Солдаты приветствовали кавалькаду взмахами рук, Мэт отвечал им, касаясь полей шляпы, а Том энергично махал собравшимся. Раздавались одобрительные возгласы. Замечательно. Просто замечательно, чтоб оно все было проклято.

По Новому городу проехали без приключений, если не считать намного больших толп любопытствующих. Может, кто-то признал лицо по тем рисункам? Поначалу Мэт хотел держаться подальше от главных проспектов, но в паутине

извилистых улочек Кэймлина не так-то просто сориентироваться, да и узковаты они для полусотни всадников.

Наконец отряд оказался за снежно-белыми стенами Внутреннего города, где дороги были пошире, население поменьше, а построенные огирами здания не жались друг к другу. Здесь встречались группы вооруженных людей, в том числе гвардейцев в бело-красной форме. Впереди, на придворцовой площади, Мэт увидел их лагерь, скрывший серые камни мостовой под обилием палаток и коновязей.

Кэймлинский дворец походил на миниатюрный город в городе, расположенном внутри еще одного города. Его окружала невысокая укрепленная стена, и, хотя шпили, башенки и остроконечные крыши вздымались высоко в небо, все это сооружение, в отличие от Солнечного дворца, крепко смахивало на убежище на случай войны. Даже странно, что по молодости Мэт этого не замечал. Если падет город, дворец в состоянии держаться сам по себе. Однако за стенами нужны еще казармы. Устраивать бивак во внутреннем дворе попросту глупо.

В качестве эскорта Мэт взял с собой Талманеса, Тома и десяток «красноруких». У входа во дворец

ждал высокий мужчина в отполированном до блеска нагруднике и с тремя золотыми узлами-бантами на плече плаща. Молодой парень, однако, судя по тому, как он стоял — расслабленно, но уверенно, положив руку на головку эфеса меча, — бывалый солдат. И еще красавчик. Жаль. Слишком уж часто от красоты военных не остается ни следа.

Высокий мужчина кивнул Мэту, Тому и Талманесу.

— Лорд Коутон? — спросил он у Мэта.

— Просто Мэт.

Человек вздернул бровь и после паузы сказал:

— Меня зовут Чарльз Гэйбон. Я провожу вас к ее величеству.

Итак, встретить Мэта прислали самого Гэйбона, высокопоставленного офицера, второго по старшинству в командовании армии. Неожиданно. Неужели Илэйн боится Мэта? Или это знак уважения? А может, Гэйбону захотелось взглянуть на гостя своими глазами? Нет, это точно не знак уважения — если вспомнить, как Илэйн тянула с аудиенцией. Значит, вот как она встречает старых друзей! Подозрения Мэта подтвердились, когда Гэйбон повел гостей не в главный, Тронный, зал, а куда-то вглубь дворца, в какие-то

тихие его закоулки.

— Наслышан о вас, мастер Коутон, — сказал он. Гэйбон, как видно, отличался высокомерием. Слишком уж солидно он держался. Даже чересчур. Как лук, которому недостает гибкости.

— Откуда? — уточнил Мэт. — От Илэйн?

— В основном по городской молве. Люди охотно говорят о вас.

«Неужели?» — подумал Мэт.

— И половины того не было, о чем болтают, — проворчал он. — А если что и было, так не по моей вине.

Гэйбон рассмеялся:

— Как насчет той истории, что вы девять дней висели в петле на дереве?

— Враки, — заявил Мэт, едва устояв перед искушением потрогать шарф на шее. Девять дней? Проклятье! Какие девять дней? Он и девяти минут не провисел! Хотя в тот момент даже и девять секунд показались ему целой вечностью.

— А еще говорят, — продолжил Гэйбон, — что вам неведомы неудачи в игре в кости и в любви. И что ваше копье всегда попадает в цель.

— Чтоб мне сгореть! С первым соглашусь, а со вторым и третьим — вряд ли. Жаль, что это не так.

— Вы что, и правда ни разу не проиграли в кости?

— Это утверждение недалеко от истины, — поправил шляпу Мэт. — Только молчок, а то меня не примут ни в одну игру.

— Говорят, вы сразили кого-то из Отрекшихся, — заметил Гэйбон.

— Неправда, — ответил Мэт. А вот это откуда взялось?

— А рассказы о честной дуэли с королем айильских захватчиков? Вы действительно своей победой обеспечили Дракону Возрожденному верность айильцев?

— Проклятый пепел! — воскликнул Мэт. — Да, я убил Куладина, но никакой дуэли не было. Мы сошлись на поле боя, и один из нас должен был умереть. И мне умирать уж никак не хотелось, будь оно все проклято.

— Любопытно, — сказал Гэйбон. — Я принимал этот рассказ за чистую монету. По крайней мере, допускал, что такое вполне могло случиться. В отличие от… — Он умолк.

— В отличие от чего? — спросил Мэт.

Они миновали перекрестье коридоров, где стояло несколько слуг, проводивших гостей взглядами и принявшихся перешептываться.

— Наверняка вы слышали эту историю, — замялся Гэйбон.

— Сомневаюсь.

Чтоб ему сгореть! Что дальше? Кто распространяет эти слухи? Ведь даже солдаты Отряда многого не знают!

— Ну, поговаривают, что вы шагнули во владения самой смерти, бросили ей вызов и потребовали ответа на свои вопросы, — смущенно сказал Гэйбон. — И что смерть вручила вам это копье и предрекла вашу кончину.

Да, довольно близко к правде. Мэту стало страшновато. По спине пробежал холодок.

— Но это, разумеется, глупости, — добавил Гэйбон.

— Конечно, — отозвался Мэт. — Глупости.

Он хотел было рассмеяться, но смех превратился в кашель, и Гэйбон с любопытством воззрился на Мэта.

«О Свет! — сообразил тот. — Он думает, я уклоняюсь от ответа!»

— Само собой, это всего лишь слухи, — быстро ответил Мэт. Пожалуй, быстрее, чем нужно. Кровь и треклятый пепел!

Гэйбон задумчиво кивнул.

Мэт хотел сменить тему, но боялся даже от-

крыть свой окаянный рот. В коридорах появлялось все больше и больше дворцовых слуг, и Мэт начал было думать в их адрес всякие страшные слова, но обнаружил, что внимание большинства из них привлекает к себе не кто иной, как Том.

В свое время тот был придворным бардом — здесь, в Кэймлине. Том не любил об этом говорить, но Мэт знал, как тяжело переживал он размолвку с королевой, после которой превратился, по сути, в изгнанника и возвращался в Кэймлин лишь в случае крайней необходимости.

Теперь же, когда Моргейз была мертва, Том как будто вернулся из ссылки. Наверное, вот почему он разоделся в пух и прах. Мэт снова опустил глаза на свою куртку. «Чтоб мне сгореть! Надо было надеть что-то посимпатичнее».

Гэйбон привел посетителей к резной деревянной двери с рычащим львом Андора, негромко постучал, получил разрешение войти и жестом пригласил Мэта:

— Королева примет вас в гостиной.

— Том, пойдешь со мной, — сказал Мэт. — А ты, Талманес, останешься с солдатами.

Дворянин приуныл, но Илэйн уж точно не преминет поставить Мэта в неловкое положение, и ему совершенно не хочется, чтобы это происхо-

дило на глазах у Талманеса.

— Познакомлю вас позже, — пообещал ему Мэт.

Вот ведь треклятые дворяне. Считают каждый второй твой поступок личным оскорблением. Мэт, к примеру, был бы просто счастлив подождать снаружи!

Он приблизился к двери и сделал глубокий вдох. Мэт побывал в десятках мелких стычек и масштабных сражений и ни разу не терял самообладания, но теперь у него дрожали руки. И он не мог отделаться от впечатления, что идет прямиком в засаду, а на нем самом даже намека на доспех нет.

Илэйн. Королева Илэйн. Чтоб ему сгореть, это будет крайне неприятно. Мэт открыл дверь и шагнул через порог.

Его взгляд тут же встретился со взглядом Илэйн. Она сидела у камина с чашкой, полной чего-то, что очень походило на молоко. Казалось, ее темно-красное с золотом платье излучает свет. Прелестные красные губки, которые Мэт не преминул бы поцеловать, не будь он человеком женатым, румяные щечки, золотисто-рыжие волосы, что сверкали в свете огня… Красотка! Похоже, она прибавила в весе, но об этом лучше не

упоминать. Или наоборот? Иногда стоит заговорить на эту тему, и женщины приходят в ярость, а другой раз рассердятся, если промолчишь.

Да, она очень красивая. Хотя, конечно, не такая красивая, как Туон. Слишком светлокожая, чересчур высокая, да и волос многовато, а они отвлекают внимание. Но все равно очень красивая. Ох, зря она стала королевой. Из нее получилась бы отличная служанка. Ну да ладно. Кому-то же надо сидеть на троне.

Мэт взглянул на вторую и последнюю женщину в комнате. Бергитте. Вот кто совсем не изменился. Она всегда выглядела одинаково: золотистая коса и высокие сапоги, ни дать ни взять героиня растреклятых легенд — кем она, собственно, и являлась. Приятно было увидеться с ней снова: из всех женщин только она не огрызалась, когда Мэт говорил правду.

Следом за Мэтом в гостиную вошел Том. Мэт кашлянул. Илэйн ожидает официоза. Что ж, Мэт не станет ни кланяться, ни расшаркиваться, и еще он…

Не успела Бергитте прикрыть дверь, как Илэйн выскочила из кресла, бросилась навстречу гостям и заключила Тома в объятия:

— Как я рада, Том, что ты цел!

— Ну здравствуй, голубушка, — расчувствовался Том. — Как вижу, все хорошо — и у тебя, и у Андора.

И тут Илэйн разревелась! Оторопевший Мэт стащил с головы шляпу. Да, Илэйн и Том были неразлейвода, но теперь, когда она королева…

— Приятно видеть тебя, Мэт, — повернулась к нему Илэйн. — Только не подумай, что корона забыла о твоей верной службе. Ты вернул Тома в Андор, так что за нами теперь еще один должок.

— Ну… это… — промолвил Мэт. — Я ничего такого не сделал, Илэйн. Чтоб мне сгореть. Глянь, ты же королева! И как ощущения?

— Речистый ты парень, Мэт! — рассмеялась Илэйн, наконец выпустив Тома из объятий.

— Только не жди, что я буду кланяться и так далее, — предупредил он. — Или лопотать про ваше величество и тому подобную чушь.

— Этого и не требуется, — сказала Илэйн. — Если только мы не на людях, конечно. Сам понимаешь, надо соблюдать приличия.

— Пожалуй, ты права, — согласился Мэт.

Да, разумное замечание. Он протянул руку Бергитте, но та усмехнулась, обняла его и хлопнула по спине, как старый приятель, с которым встре-

чаешься за кружкой эля. Наверное, они и были старыми приятелями. Правда, эля в гостиной не было.

А эль явно не помешал бы.

— Ну что вы стоите, присаживайтесь! — Илэйн указала на кресла у камина. — Прости, Мэт, что заставила так долго ждать.

— Ничего страшного, — отозвался он. — У тебя много дел.

— Так неловко, — сказала Илэйн. — Один мой управляющий решил, что вы очередная банда наемников. Так трудно за всеми уследить! Если хочешь, позволю перенести лагерь ближе к городу. Но, боюсь, в самом Кэймлине не найдется места для Отряда.

— Тоже ничего страшного. — Мэт уселся в одно из кресел. — Спасибо за разрешение перебраться поближе. Весьма любезно с твоей стороны.

Том тоже сел, но Бергитте осталась стоять, хотя подошла к камину и прислонилась спиной к дымоходу.

— Прекрасно выглядишь, Илэйн, — заметил Том. — С ребенком все хорошо?

— С детьми, — поправила его Илэйн. — У меня будет двойня. И да, все хорошо. Разве что меня шпыняют при любой возможности — что снару-

жи, что изнутри.

— Погоди, — сказал Мэт. — Чего-чего? — Он снова взглянул на живот Илэйн.

— Ты, когда приходил в город, хоть кого-нибудь слушал? — закатил глаза Том. — Или только в кости свои играл?

— Слушал, — проворчал Мэт. — Более или менее. — Он бросил на Илэйн обвинительный взгляд. — А Ранд? Он в курсе?

— Надеюсь, он не очень удивится, — со смехом ответила Илэйн.

— Чтоб мне сгореть! — воскликнул Мэт. — Он отец твоих детей!

— В городе высказывается множество версий насчет отцовства, — торжественно изрекла Илэйн. — И корона предпочла бы, чтобы до поры до времени предположения оставались таковыми. Но хватит уже про меня. Том, жду не дождусь твоего рассказа обо всем. Как вам удалось сбежать из Эбу Дар?

— Забудьте про Эбу Дар, — отрезала Бергитте. — Как Олвер? Вы нашли его?

— Нашли, — ответил Том. — И у него все в порядке. Хотя боюсь, что он обречен на жизнь профессионального солдата.

— Не самая плохая жизнь, — заметила Бергит-

те. — Скажи, Мэт?

— Бывает и хуже, — подтвердил тот, все еще в растерянности.

Как вышло, что Илэйн, став королевой, куда как меньше задирает нос? Неужели Мэт чего-то не понимает? Теперь с ней даже приятно общаться!

Ну, так нечестно. В прошлом с ней тоже было приятно общаться. Иногда. Пока Илэйн не начинала им помыкать. Слушая рассказ Тома о подробностях их побега и пленения Туон, а затем о путешествиях вместе со странствующим балаганом мастера Люка, Мэт обнаружил, что улыбается. В устах умелого рассказчика история казалась куда более впечатляющей, чем на самом деле, и Мэт, захваченный повествованием Тома, едва не решил, что он и вправду герой.

Но когда старый менестрель начал рассказывать о брачных речениях Туон, Мэт кашлянул и перебил его:

— Короче, мы побили шончан, сбежали в Муранди, в конце концов нашли Айз Седай, она открыла нам переходные врата, и вот мы здесь. Кстати, давно ты не видела Верин?

— Давно, — ответила Илэйн, а Том посмотрел на Мэта с плохо скрытым весельем.

— Проклятье! — сказал Мэт.

Выходит, плакал его шанс отправиться к Башне Генджей через переходные врата. Ладно, надо будет подумать об этом позже. Мэт вытащил заткнутую за пояс кожаную папку, раскрыл, вынул бумаги Алудры и сказал:

— Илэйн, нам надо поговорить.

— Да-да, в письме ты упоминал что-то насчет литья колоколов. Во что ты вляпался, Мэтрим Коутон?

— Кто бы говорил! — Он разложил листы на столе. — Разве это я вечно во что-то вляпываюсь? И если…

— Вот только не вздумай опять заводить старую песню о том, как меня заточили в Твердыне Тира! Ладно, Мэт? — страдальчески поморщилась Илэйн.

— Хорошо, не буду, — согласился он. — Тем более это было сто лет назад и я почти ничего не помню. — По гостиной рассыпался милый звонкий смех Илэйн, и Мэт почувствовал, что краснеет. — В общем, ни во что я не вляпался. Мне просто кое-что нужно.

— А поконкретнее? — Илэйн бросила любопытный взгляд на разложенные перед ней бумаги, а Бергитте пригнулась к столику.

— Ну, — начал Мэт, потирая подбородок, — в

городе есть три мастера по отливке колоколов, и они мне понадобятся. И еще не обойтись без некоторых порошков: они перечислены вот на этой странице. И… совсем немножко металла. — Он с содроганием протянул Илэйн один из списков Алудры.

Просмотрев его, та захлопала ресницами:

— Ты что, рехнулся?

— Иной раз мне кажется, что да, — ответил Мэт. — Но чтоб мне сгореть, если оно того не стоит.

Бергитте пробежала глазами один из листов и передала его Илэйн, которая спросила:

— Что это вообще такое?

— Алудра называет их драконами, — сказал Мэт. — Ты же знаешь Алудру? Том говорит, что знаешь.

— Да, знаю, — кивнула Илэйн.

— Вот эти штуковины — пусковые трубы. Как для фейерверков. Только из металла и здоровенные. И вылетают из них не ночные цветки, а куски железа размером с голову.

— И зачем запускать куски железа в воздух? — спросила Илэйн, еще сильнее нахмурившись.

— В воздух — незачем, — объяснила Бергитте, широко раскрыв глаза. — Но в чужую армию

— очень даже полезно.

Мэт кивнул:

— Алудра утверждает, что такой дракон способен плюнуть железным шаром примерно на милю.

— Мат-т-терино молоко! — оторопела Бергитте. — Ты что, серьезно?

— Алудра не шутит, — сказал Мэт. — И я ей верю. Вам надо бы взглянуть на то, что она уже смастерила. А эти штуковины… Алудра говорит, они станут ее шедеврами. Смотри, вот здесь нарисовано, как драконы обстреливают городские стены с расстояния в милю. Пятьдесят драконов, две с половиной сотни солдат, и стена вроде той, что вокруг Кэймлина, падет за несколько часов.

Илэйн побледнела. Интересно, она поверила? Или рассердилась, что Мэт напрасно тратит ее время?

— Да, в Последней битве вряд ли от них будет много прока, — быстро добавил Мэт. — У троллоков-то нет стен. Но глянь сюда. По моей просьбе Алудра разработала дракона, выпускающего заряд веером. Один выстрел с четырехсот шагов по шеренге троллоков, и такая штуковина заменит собой полсотни лучников. Чтоб мне сгореть, Илэйн, но расклад-то не в нашу пользу. Трол-

локов у Тени куда больше, чем солдат в нашем распоряжении, и прикончить такую тварь вдвое труднее, чем человека. Нам требуется преимущество. Помню…

Он осекся, едва не заговорив о Троллоковых войнах, что было бы совсем уж неуместно. Незачем плодить обременительные слухи.

— В общем, — продолжил Мэт, — понимаю, насколько все это странно, но ты просто обязана нам помочь.

Илэйн подняла глаза и… Что это? Опять слезы? Что он такого сказал?

— Мэт, дай-ка я тебя расцелую! — воскликнула она. — Эти драконы — именно то, что нужно!

Мэт оторопел. Чего?

— Сперва Норри, а теперь Мэт? — усмехнулась Бергитте. — Смотри, Илэйн, как бы Ранд не приревновал.

Илэйн фыркнула и вновь опустила глаза на чертежи:

— Отливщикам это не понравится. После осады мастеровой люд только-только вернулся к обычным делам.

— Ну, не знаю, Илэйн, — возразила Бергитте. — В свое время я водила знакомство с ремесленниками. Да, они жалуются, что во время войны

корона прибегает к своему исключительному праву на их товар, но если вознаграждать их в достаточной мере, то в глубине души они вполне довольны. Кто откажется от постоянного клиента? Кроме того, заказ наподобие такого вызывает любопытство.

— Надо будет сохранить все в секрете, — сказала Илэйн.

— То есть ты поможешь? — удивился Мэт.

Это ж надо! Неужто дело и так сладится? Не нужно будет водить за нос и подмасливать?

— Само собой разумеется, для начала надо убедиться, что они вообще работают, — продолжила Илэйн. — Но если эти устройства, эти самые драконы способны действовать хотя бы вполовину от того, что заявляет Алудра… Что ж, тогда будет попросту глупо не привлечь к их изготовлению всех, кого только можно!

— Слушай… Это прямо-таки неслыханная щедрость, — почесал в затылке Мэт.

— Щедрость? — не поняла Илэйн.

— Изготовить эти штуки для Отряда…

— Для Отряда? Мэт, они будут для Андора!

— Так, погоди-ка, — сказал он. — Кто это предложил? Чьи это придумки? Мои!

— А ресурсы чьи? Мои! — приосанилась Ил-

эйн, вдруг приобретя весьма величественный вид. — Ты же сам понимаешь, что только корона способна обеспечить постоянный и действенный контроль над изготовлением и использованием подобного оружия!

Сидевший рядом Том усмехнулся.

— Ну а ты-то чего радуешься? — осведомился Мэт.

— Так, ничего, — ответил Том. — Матушка гордилась бы тобой, Илэйн.

— Спасибо, Том. — Илэйн наградила его улыбкой.

— На чьей ты стороне? — спросил Мэт.

— На всеобщей, — сказал Том.

— Проклятье! Нет такой стороны! — заявил Мэт, потом взглянул на Илэйн. — Чтобы заполучить у Алудры эти чертежи, мне пришлось немало мозгами шевелить и столько усилий приложить… Ничего не имею против Андора, но это оружие не доверю никому, кроме себя.

— А если Отряд станет частью Андора? — спросила Илэйн, и голос ее теперь зазвучал, как подобает звучать голосу королевы.

— Отряд никому ничем не обязан, — ответил Мэт.

— Это достойно восхищения, Мэт, — заметила

Илэйн, — но тогда вы подпадаете под определение наемников. Думаю, твой Отряд заслуживает лучшей доли. Имея официальную поддержку, ты получишь доступ к власти и ресурсам. Мы могли бы предоставить тебе офицерский чин в Андоре, наделив правом назначать своих командиров по собственному усмотрению.

Заманчивое предложение… В некотором смысле. Но какая разница? Вряд ли Илэйн захочется держать Мэта в своем королевстве, узнав, что он породнился с шончан. Рано или поздно он собирался вернуться к Туон — так или иначе. Хотя бы для того, чтобы разобраться в ее истинных чувствах.

Он не собирался подпускать шончан к этим драконам, как и не планировал отдавать их Андору, но, к сожалению, вынужден был признать, что Илэйн не даст добро, если не дать новое оружие и ее стране.

— Не нужны Отряду никакие назначения, — сказал Мэт. — Мы — свободные люди, и нам это нравится.

Судя по виду, Илэйн заволновалась.

— Но драконами я охотно поделюсь, — заключил Мэт. — Сколько-то достанется нам, а другие получишь ты.

— А что, если, — начала Илэйн, — я изготовлю всех драконов и они будут принадлежать мне, но пообещаю, что исключительное право использовать их останется за Отрядом? У других не будет доступа к этому оружию.

— Это было бы очень любезно с твоей стороны, — ответил Мэт, — но весьма подозрительно. Только не обижайся.

— Мне выгодно, чтобы у благородных Домов не появились подобные драконы. По крайней мере, поначалу. Рано или поздно ими обзаведутся и другие. Так происходит с любым оружием. Я сделаю драконов и пообещаю передать их Отряду. Обойдемся без офицерских патентов, с вами просто заключат контракт и наймут на длительный срок. Но вы сможете уйти в любой момент, хотя в таком случае придется оставить драконов Андору.

— Такое чувство, что ты хочешь посадить меня на цепь, — нахмурился Мэт.

— Я всего лишь предлагаю разумное решение.

— В тот день, когда ты предложишь разумное решение, я съем свою шляпу, — сказал Мэт. — Только не обижайся.

Илэйн вздернула бровь. Да, она и впрямь стала королевой. Раз — и все.

— Если надумаем уйти, — продолжил Мэт, — то заберем какое-то количество драконов. Четверть. Три четверти оставим тебе. Но контракт подпишем, и, пока мы у тебя на службе, драконами не будет пользоваться никто, кроме нас. Все, как ты сказала.

Илэйн совсем уж нахмурилась. Чтоб ему сгореть! Быстро же она сообразила, насколько мощная штука эти драконы. Нельзя, чтобы она колебалась с решением. С изготовлением драконов медлить нельзя, этим нужно заняться прямо сейчас. И Мэт не позволит, чтобы это произошло без ведома и участия Отряда.

Он со вздохом поднял руки, развязал ремешок на шее и вытянул из-под рубашки хорошо знакомый всем присутствующим медальон с лисьей головой. Мэт так привык к нему, что, сняв эту вещицу, почувствовал себя еще более обнаженным, чем если бы разделся догола. Он положил медальон на стол.

Илэйн взглянула на серебряную лисью голову, и Мэт заметил, сколь жадно сверкнули ее глаза.

— Это еще зачем?

— Чтобы подсластить сделку. — Подавшись вперед, Мэт уперся локтями в колени. — Если согласишься начать изготовление прототипа

дракона сегодня же вечером, получишь эту вещь. На сутки. Делай с ней что хочешь — носи, изучай, хоть треклятую книгу напиши. Но завтра вернешь. Даю под честное слово.

Бергитте тихонько присвистнула. С тех пор как Илэйн узнала о существовании этого медальона, она страшно хотела заполучить его в руки — как, впрочем, и другие Айз Седай, что встречались Мэту. Чтоб им всем сгореть.

— Заключим с Отрядом годовой контракт, — сказала Илэйн. — Возобновляемый. Платить будем не меньше, чем вы получали в Муранди.

Как она узнала про Муранди?

— Разорвать контракт можно, уведомив заранее — за месяц, — продолжила Илэйн, — но я оставлю себе четырех драконов из пяти. И любой, кто пожелает присоединиться к армии Андора, должен иметь такую возможность.

— Мне нужна четверть всех драконов, — сказал Мэт. — И новый слуга.

— Чего-чего? — переспросила Илэйн.

— Слуга, — повторил Мэт. — Чтобы держал в порядке мою одежду. Подходящего человека ты выберешь лучше, чем я.

Илэйн посмотрела на его куртку. Подняла глаза на прическу и сказала:

— Слугу я тебе предоставлю, как бы ни завершились переговоры.

— Итак, четверть? — уточнил Мэт?

— И трое суток с медальоном.

Он вздрогнул. Трое суток, когда в городе голам… Верная смерть. Расставаться с лисьей головой хотя бы на день — уже серьезный риск, но Мэт не знал, что еще предложить Илэйн.

— Что ты вообще намерена делать с этой штуковиной? — спросил он.

— Скопирую ее, — рассеянно ответила Илэйн. — Если повезет.

— Ты это серьезно?

— Пока не знаю. Для начала надо изучить медальон.

Мэта посетило ужасающее видение: у всех Айз Седай, что есть на белом свете, висит на шее схожий медальон. Он переглянулся с Томом. Похоже, тот отнесся к словам Илэйн с не меньшим изумлением.

Но какое это имеет значение? Мэт не способен направлять Силу. Прежде он опасался, что Илэйн, изучив медальон, найдет способ коснуться его владельца Единой Силой. Но если она хочет лишь скопировать его, то… В общем, Мэт почувствовал облегчение. И был заинтригован.

— Хотел упомянуть кое-что еще, Илэйн, — сказал он. — В городе голам, и он убивает людей.

Илэйн не проявила беспокойства, но, судя по еще более формальному тону, эти новости явно встревожили ее.

— В таком случае я непременно верну медальон вовремя.

— Ну ладно, — поморщился Мэт, — значит, три дня.

— Прекрасно, — сказала она. — Я хочу, чтобы Отряд немедленно снялся с места. Вскоре я Перемещусь в Кайриэн, и думаю, что от твоих солдат там будет больше толка, чем от гвардии королевы.

Так вот в чем дело! Илэйн задумала занять Солнечный трон! Что ж, неплохое занятие для «красноруких» — по крайней мере, пока они не понадобятся Мэту. Всяко лучше, чем изнывать от безделья и затевать стычки с наемниками.

— Даю согласие, — ответил Мэт, — но учти, Илэйн: Отряд сохраняет за собой право отправиться на Последнюю битву по первому призыву Ранда. И заведовать драконами будет Алудра. Чувствую, она захочет остаться с тобой и будет настаивать на этом, случись Отряду уйти из Андора.

— Я совсем не против, — улыбнулась Илэйн.

— Так я и думал. Но давай подытожим: пока Отряд здесь, драконами распоряжаемся только мы, и тебе нельзя никому продавать сведения о том, как их изготавливать.

— Кто-нибудь все равно сумеет воспроизвести их, Мэт, — возразила Илэйн.

— Уверяю тебя, копии будут хуже оригиналов Алудры, — сказал Мэт.

Голубоглазая Илэйн пристально посмотрела на него, оценивая и обмеряя, и вынесла решение:

— Я предпочла бы видеть Отряд целиком и полностью включенным в состав андорской армии.

— А я предпочел бы иметь шляпу целиком и полностью из золота, летающий шатер и лошадку, которая гадит бриллиантами. Но придется нам обоим смириться с реальностью. Согласна?

— Не будет ли разумнее…

— Тогда нам придется выполнять твои приказы, — ответил Мэт, — а этого я не потерплю. Некоторые битвы не стоят того, чтобы в них сражаться, и только я решаю, когда рисковать жизнью моих людей. Все, точка.

— Неприятно осознавать, что твои люди могут оставить меня в любой момент.

— Ты же знаешь, что я не уведу Отряд только ради того, чтобы досадить тебе, — сказал Мэт. — Я

поступлю так, как будет правильно.

— Правильно в твоем понимании, — съязвила Илэйн.

— Такая возможность должна быть у каждого, — ответил он.

— Но не многие распоряжаются ею по уму.

— Как бы то ни было, нам нужна свобода, — сказал Мэт. — Таково наше требование.

Илэйн бросила быстрый, почти незаметный взгляд на бумаги и медальон:

— Считай, что оно исполнено.

— Договорились. — Мэт встал, плюнул на ладонь и протянул ее Илэйн.

Помешкав, королева сделала то же самое. Мэт улыбнулся и пожал ей руку.

— Ты знал, что я могла приказать Отряду повернуть оружие против Двуречья? — спросила она. — И поэтому оставил за собой право уйти?

Против Двуречья? Двуречья?! С какой стати, во имя Света, ей нападать на Двуречье?

— Тебе незачем сражаться с ними, Илэйн.

— Посмотрим, на какие действия вынудит меня Перрин, — ответила она. — Но давай пока воздержимся от этих разговоров. — Взглянув на Тома, девушка достала из-под стола перевязанный ленточкой свиток. — Мне так хотелось бы послушать

о вашем путешествии из Эбу Дар! Присоединитесь ко мне за ужином? Ну пожалуйста!

— С огромной радостью. — Том встал. — Правда, Мэт?

— Пожалуй, — ответил тот. — Но только если Талманес тоже приглашен. Он мне горло вырвет, Илэйн, если не позволить ему хотя бы встретиться с тобой. А после этого ужина он пропляшет всю дорогу до лагеря.

Илэйн хихикнула:

— Как скажешь. Слуги проводят вас в покои, где можно отдохнуть до положенного времени. — Она передала свиток Тому. — Если пожелаешь, завтра этот указ будет оглашен.

— Что за указ? — сдвинул брови Том.

— При дворе Андора нет положенного барда, — объяснила Илэйн. — Вот я и подумала, не заинтересует ли тебя эта должность.

— Лестное предложение, — ответил Том после паузы, — но я не могу его принять. В скором времени мне предстоит кое-что сделать, и я не могу быть привязан к твоему двору.

— В этом нет необходимости, — сказала Илэйн. — За тобой останется право приходить и уходить, когда пожелаешь. Но когда ты в Кэймлине, я хочу, чтобы все знали, кто ты такой.

— Я… — Он взял свиток. — Я подумаю, Илэйн.

— Прекрасно. — Она скроила гримаску. — Простите, но сейчас у меня назначена встреча с повитухой. Увидимся за ужином. Я так и не поняла, почему в письме Мэтрим назвался женатым человеком, и мне потребуется рассказать обо всем полностью. Без купюр! — Она с лукавой улыбкой взглянула на Мэта. — «Купюры» — это когда что-то недоговаривают, Мэт. Если ты, чтоб тебе сгореть, не знал этого слова.

— Все я знал. — Он надел шляпу. Как она сказала? «Купюры»? О Свет, зачем он упомянул о женитьбе в том письме? Ну конечно, для того, чтобы у Илэйн разыгралось любопытство и она захотела увидеться.

Илэйн рассмеялась и кивнула на дверь. Перед расставанием Том по-отечески чмокнул девушку в щечку. Хорошо хоть по-отечески. Мэт слыхал про этих двоих такое, что даже не верилось. А ведь Том ей в дедушки годится.

Он открыл дверь, собираясь выйти, но Илэйн еще не закончила:

— Кстати, Мэт, корона может одолжить тебе денег на приличную куртку. С учетом твоего нового положения тебе следует одеваться побогаче.

— Что я тебе, растреклятый аристократ? —

обернулся он.

— Пока нет, — ответила Илэйн. — В отличие от Перрина, тебе не хватает наглости присвоить титул. Но я прослежу, чтобы ты получил его.

— И думать не смей, — сказал Мэт.

— Но…

— Запомни, — продолжил Мэт, когда Том следом за ним вышел в коридор, — я тот, кто я есть, и горжусь этим. И мне нравится эта куртка. Она очень удобная. — Он стиснул кулаки, сражаясь с желанием почесать шею под воротником.

— Как скажешь, — сдалась Илэйн. — Увидимся за ужином. Мне придется взять с собой Дайлин. Она очень хотела с тобой познакомиться.

С этими словами она кивнула Бергитте, и та закрыла дверь. Пару секунд Мэт сверлил свирепым взглядом изображение ревущего льва, а потом повернулся к Тому. Талманес и солдаты ждали неподалеку, но вне пределов слышимости. Кто-то из дворцовых слуг принес им теплый чай.

— Все прошло как надо, — подбоченился Мэт. — Думал, не клюнет, но я неплохо ее подсек. — Хотя проклятые игральные кости у него в голове все никак не унимались.

Том рассмеялся и хлопнул его по плечу.

— Чего? — осведомился Мэт.

Том с улыбкой взглянул на грамоту в другой руке:

— Я этого тоже не ожидал.

— Ну, в Андоре и в самом деле нет придворного барда, — заметил Мэт.

— Ага. — Том просмотрел полученный свиток. — Но тут еще и помилование за все преступления — известные и неизвестные, — которые я мог совершить в Андоре и в Кайриэне. Интересно, кто рассказал ей…

— О чем?

— Ни о чем, Мэт. Вообще ни о чем. Через несколько часов у нас ужин с Илэйн. Пойдем-ка купим тебе новую куртку. Что скажешь?

— Ну давай, — согласился Мэт. — Думаешь, мне она тоже выдаст такое помилование? Если попросить?

— А тебе оно нужно?

— На всякий случай не помешает, — пожал плечами Мэт, шагая по коридору. — Ну и что за куртку ты мне купишь?

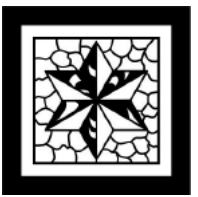
— С чего ты взял, что я намерен за нее платить?

— Не жадничай, — сказал Мэт. — Я заплачу за ужин.

Почему-то он знал, что так оно и будет. Кровь и

растреклятый пепел!

Глава 20
Выбор



— Говорить нельзя, — напомнила Росил, стройная женщина с лебединой шеей, одетая в оранжевое платье с желтыми вставками в разрезах. — Разве что отвечать, когда спросят. Ритуал тебе известен?

Найнив кивнула. Ее сердце предательски колотилось. Они с Росил спускались в недра Белой Башни, походившие на подземную темницу или склеп. Росил была новой наставницей послушниц и, по совпадению, сестрой из Желтой Айя.

— Вот и прекрасно, — сказала она. — Нельзя ли предложить, чтобы ты переместила кольцо на безымянный палец левой руки?

— Предложить можно, — ответила Найнив, но к кольцу не притронулась. Она уже носила

звание Айз Седай и не собиралась идти на такие уступки.

Росил поджала губы, но больше ничего не сказала. Все недолгое время, что Найнив провела в Белой Башне, эта женщина проявляла к ней удивительную доброту, что было весьма неожиданно. Найнив привыкла думать, что всякая Желтая сестра встретит ее с презрением. В лучшем случае с равнодушием. О да, ее считали одаренной, и многие хотели учиться у нее, но не воспринимали Найнив как одну из своих. Пока что.

Что касается Росил, она вела себя иначе. Найнив не хотелось причинять ей неудобств: колючка в сандалии — такая себе благодарность, и поэтому она объяснила:

— Мне нельзя выказывать ни намека на неуважение к Амерлин. Она назвала меня Айз Седай, и вести себя так, будто я всего лишь принятая, означает усомниться в ее словах. Испытание — важный шаг, и, возвысив меня, Амерлин не говорила, что я смогу обойтись без него. Но я была и остаюсь Айз Седай.

Росил склонила голову к плечу. Затем кивнула:

— Да. Понимаю. Ты права.

Найнив остановилась в тускло освещенном коридоре:

— Хочу поблагодарить тебя. И других, кто встретил меня и помогал последние несколько дней: Ниэре и Мерамор. Не ожидала, что вы так примете меня.

— Некоторые, дорогая моя, противятся переменам, — сказала Росил. — Так было, и так будет. Но твои новые плетения впечатляют. Что важнее всего, они эффективны, и этим ты заслужила теплый прием с моей стороны.

Найнив улыбнулась.

— Однако, — Росил подняла палец, — даже если ты Айз Седай в глазах Амерлин и всей Башни, традиция есть традиция. Так что попрошу не разговаривать во время ритуала.

Долговязая женщина зашагала дальше по коридору, и Найнив, проглотив возражения, последовала за ней. Нет, она не допустит, чтобы ее поступками руководила дерзость.

Все глубже и глубже в Башню спускались они по извилистым коридорам, и Найнив, твердо решившая сохранять спокойствие, обнаруживала, что нервничает все сильнее. Кто она такая? Айз Седай. Пройдет ли она испытание? Да. Она безупречно владеет сотней плетений. У нее нет

причин для беспокойства.

Если только не вспоминать, что для некоторых испытание закончилось смертью.

Подвальные этажи отличались величественной красотой. Гладкий каменный пол тщательно выровняли, а высоко на стенах горели лампы; должно быть, сестры или принятые зажигали их Единой Силой. Сюда спускались немногие, и почти все здешние помещения служили кладовыми. Не слишком ли много труда вложено в столь редко посещаемое место?

В конце концов они остановились у двустворчатой двери, такой высокой, что Росил пришлось открывать ее с помощью Единой Силы. «Сводчатые коридоры, громадная дверь… — подумала Найнив, скрестив руки на груди. — Все это как бы намекает принятой на важность предстоящей церемонии».

Гигантские двери-ворота распахнулись, и Найнив приказала себе унять нервную дрожь. Грядет Последняя битва, и Найнив непременно пройдет испытание. Ведь ей предстоит важная работа.

Гордо подняв голову, она вошла в сводчатый зал с расставленными вдоль стен светильниками. В центре возвышался огромный тер'ангриал — овальный, сужавшийся кверху и книзу и сто-

явший на полу без всякой опоры.

Многие тер'ангриалы имеют самый заурядный вид. Многие, но не этот: овал был творением Единой Силы, и это становилось ясно с первого взгляда. Он был из металла, но свет отражался в его серебристых боках разноцветными отблесками, отчего казалось, что овал дрожит и лучится сиянием.

— Слушайте, — произнесла Росил официальным тоном.

В зале присутствовали другие Айз Седай, по одной от каждой Айя, включая — к сожалению — Красную. Все они были восседающими. Необычный выбор… Должно быть, из-за того, что в Башне Найнив пользовалась дурной славой. Саэрин — из Коричневой, Юкири — из Серой, Барасин — из Красной. Примечательно, что от Желтой Айя была Романда: она настояла на том, чтобы принять участие в ритуале. В прошлом она довольно жестко обходилась с Найнив.

Здесь была и Эгвейн. Итак, на одну больше обычного, и это сама Амерлин. Найнив посмотрела ей в глаза, и Эгвейн кивнула. В отличие от испытания для послушниц, желающих стать принятыми, которое проходило исключительно в тер'ангриале, в сегодняшнем ритуале требо-

валось активное участие сестер, чтобы Найнив могла проявить себя. И от Эгвейн наверняка стоит ожидать самого сурового отношения — чтобы доказать, что Амерлин не ошиблась, решив возвысить Найнив.

— Ты пришла сюда в неведении, Найнив ал'Мира, — начала Росил. — Какой ты выйдешь отсюда?

— Познавшей себя, — ответила Найнив.

— Зачем тебя призвали сюда?

— Чтобы подвергнуть испытанию.

— Для чего тебя должны подвергнуть испытанию?

— Чтобы доказать, что я достойна, — сказала Найнив.

Некоторые из женщин — включая Эгвейн — нахмурились. Они ожидали услышать другие слова. Найнив должна была сказать, что хочет узнать, достойна ли она. Но, будучи Айз Седай, она уже заслужила это право. Оставалось только подтвердить его перед остальными.

Росил запнулась, но продолжила:

— И… чего ты должна быть достойна?

— Носить врученную мне шаль Айз Седай, — ответила Найнив, вовсе не желая проявить высокомерие.

В своем понимании она лишь говорила правду. Эгвейн уже возвысила ее. Найнив уже носит шаль. Зачем делать вид, что это не так?

Испытание проводилось в облачении Света, и Найнив начала снимать одежду.

— Я буду наставлять тебя, — сказала Росил. — Ты увидишь на земле этот знак. — Подняв пальцы, она сотворила плетения, образовавшие засиявший в воздухе символ — шестиконечную звезду из двух наложенных друг на друга треугольников.

Объяв Истинный Источник, Саэрин сплела прядь Духа. Найнив с трудом подавила желание самой коснуться Единой Силы.

«Еще немного, — подумала она, — и никто не сможет усомниться во мне».

Саэрин коснулась ее свитой прядью Духа.

— Помни о том, что следует помнить, — тихо произнесла она.

Это плетение было как-то связано с памятью. В чем его цель? Перед глазами Найнив висела шестиконечная звезда.

— Увидев этот знак, ты сразу же подойдешь к нему, — сказала Росил. — Ступай ровным шагом, не торопясь, но и не мешкая. И лишь потом можешь обнять Источник. Предписанное плетение

до́лжно выполнять немедленно, и тебе нельзя покидать этот знак, пока оно не будет завершено.

— Помни о том, что следует помнить, — повторила Саэрин.

— Когда плетение будет завершено, — продолжила Росил, — ты вновь увидишь этот знак, отмечающий путь, каким тебе следует идти дальше, и снова иди ровным шагом, но без колебаний.

— Помни о том, что следует помнить.

— Сотню плетений должна будешь ты завершить в том порядке, какой был тебе сообщен ранее, и с совершенным самообладанием.

— Помни о том, что следует помнить, — в последний раз прозвучал голос Саэрин.

Найнив почувствовала, как в ее тело проникает плетение Духа. Ощущения походили на те, что испытываешь при Исцелении. Она сняла платье и сорочку. Другие сестры, преклонив колени возле тер'ангриала, творили сложное плетение из всех Пяти Стихий, от которого тер'ангриал ярко засветился, и цвета на его поверхности стали текучими и изменчивыми. Росил кашлянула. Залившись румянцем, Найнив передала ей свернутую одежду, сняла кольцо Великого Змея и положила его на платье. За ним последовал

перстень-печатка Лана — тот, что она обычно носила на шее.

Росил приняла ее одежду. Остальные сестры полностью сосредоточились на своих плетениях. Центральная часть тер'ангриала залилась чистейше белым сиянием. Заскрежетав по камню, овал начал медленно вращаться вокруг своей оси.

Сделав глубокий вдох, Найнив шагнула вперед, задержалась перед тер'ангриалом, прошла сквозь него и…

…Где она? Найнив сдвинула брови. На Двуречье не похоже. Она стояла посреди целой деревни каких-то хижин. Слева от нее волны омывали песчаный берег, а деревня тянулась вверх по склону к расположенной справа каменистой гряде. Вдали высилась гора.

Какой-то остров. Влажный воздух, легкий ветерок, среди хижин прохаживаются люди, дружелюбно окликая друг друга по именам. Некоторые, остановившись, уставились на Найнив. Та посмотрела на себя, и только сейчас до нее дошло — она же голая! Найнив побагровела от ярости. Кто забрал ее одежду? Найди она этого человека, исхлещет его розгой так, что он месяц сидеть не сможет!

Неподалеку сушилось чье-то платье. Из последних сил сохраняя спокойствие, Найнив подошла, сняла его с веревки и натянула через голову: нельзя же бродить по острову в чем мать родила. Позже отыщет владелицу платья и рассчитается.

Вдруг земля содрогнулась, спокойные волны выросли и с силой обрушились на берег. Найнив охнула и едва успела ухватиться за шест с бельевой веревкой. Гора исторгла столб дыма и пепла.

Найнив изо всех сил вцепилась в шест, глядя, как каменистая гряда распадается на части, а валуны с грохотом катятся вниз по склону. Завопили люди. Надо что-то делать! Оглядевшись, Найнив увидела на песке шестиконечную звезду. Она хотела броситься к ней, но вовремя вспомнила, что ступать надо размеренно.

Сохранять спокойствие было непросто. С каждым шагом сердце все сильнее трепетало от ужаса. Ее вот-вот раздавит один из этих камней! Едва Найнив встала на звезду, как в ее сторону, сметая хижины, устремился вал булыжников. Невзирая на страх, Найнив быстро сформировала нужное плетение — плетение Воздуха, которое создало стену. Она выставила его перед собой, и камни отскочили, тяжело врезавшись в невидимый щит.

В деревне были раненые. Собираясь помочь им, Найнив сошла с шестиконечного знака и тут же заметила следующий такой же, сплетенный из тростника и свисавший над дверью в ближайшую хижину. Она замешкалась.

Потерпеть неудачу нельзя. Попросту нельзя! Она приблизилась к хижине, шагнула внутрь…

…И замерла на месте. Что она делает в этой темной промозглой пещере? И почему на ней какое-то толстое груботканое одеяние, от которого зудит все тело?

Она знала лишь, что закончила первое из ста плетений. Больше ничего. Сдвинув брови, она зашагала вперед. Сквозь трещины в потолке в пещеру проникали солнечные лучи, а впереди виднелось световое пятно. Выход.

Покинув пещеру, Найнив оказалась в Пустыне. Она вскинула руку, защищая глаза от яркого солнца. В поле зрения не было ни души. Она пошла вперед. Под ногами хрустела сорная трава. Ступни жгло горячими камнями.

Жара стояла невыносимая, и вскоре каждый новый шаг отбирал у Найнив все силы. К счастью, впереди были какие-то развалины. Тень! Найнив хотела побежать к ней, но помнила, что надо сохранять спокойствие. Она направилась к

руинам, а когда ступила на прохладный камень, затененный разрушенной стеной, даже вздохнула от облегчения.

Неподалеку обнаружилась шестиконечная звезда, выложенная кирпичами. Увы, опять на солнцепеке. С неохотой покинув тень, Найнив зашагала к узору на земле.

Вдалеке послышался барабанный бой. Найнив резко развернулась. Через ближайший холм перебирались отвратительные создания, заросшие бурой шерстью и сжимавшие в лапах топоры, с которых капала алая кровь. Троллоки показались Найнив какими-то не такими. Она уже видела троллоков, хотя не помнила где, и эти выглядели иначе. Новая порода? Гуще шерсть, глубже утоплены глаза в глазницах.

Найнив пошла быстрее, но не побежала. Важно было сохранять спокойствие, хотя что может быть глупее? Почему ей надо — или почему она хочет — удержаться от бега, когда рядом троллоки? Если она погибнет, не желая ускорить шаг, то погибнет по собственной вине.

«Сохраняй самообладание. И не спеши».

Она размеренно шагала к шестиконечной звезде. Троллоки приближались. Пришло время сотворить второе плетение. Найнив, приступив к

работе, отделила от полотна нить Огня и окружила себя волной чудовищного жара. Ближайшие троллоки сгорели дотла.

Сжав челюсти и отгоняя от себя страх, Найнив завершила требуемое плетение. Несмотря на сложность — плетение пришлось распускать полдюжины раз, — она справилась за считаные секунды.

Когда плетение было готово, она удовлетворенно кивнула. Приближались новые троллоки, и Найнив сожгла их взмахом руки.

На опорной стене каменной арки была высечена шестиконечная звезда. Найнив направилась к ней, стараясь не бросать нервных взглядов за спину. Троллоки прибывали. Стольких врагов ей не убить.

Найнив подошла к арке и шагнула в нее.

* * *

Она закончила сорок седьмое плетение, и в воздухе разнесся колокольный звон. Сил почти не осталось. Создавать плетение пришлось, стоя на вершине до невозможности узкой башни в сотнях футов над землей. Найнив хлестал ветер, грозя сбросить ее с крошечной площадки.

Была ночь, и внизу из темноты проступила

арка — словно выросла сбоку из башни в десятках футов под ногами, параллельно земле и обращенная в небо. На арке была шестиконечная звезда.

Стиснув зубы, Найнив спрыгнула со шпиля и упала в черный проем.

Она приземлилась в лужу. Одежда исчезла. Куда она делась? Найнив встала, ругаясь себе под нос. Да, она и впрямь сердилась. Непонятно почему, но… С ней что-то сделали.

Она так устала! И все по их вине. Кем бы они ни были. Найнив сосредоточилась на этой мысли, и в голове стало проясняться. Она не могла вспомнить, что они сделали, но это они во всем виноваты. Она опустила глаза на иссеченные руки. Ее били хлыстом? Раны страшно болели.

Промокшая до костей, Найнив огляделась. Она знала только, что закончила сорок семь из сотни плетений. Больше ничего. Если не считать, что кто-то очень хотел ей помешать.

Но она не позволит им победить. Она встала, велела себе успокоиться, вышла из лужи и отыскала рядом какую-то одежду — кричаще яркую, розово-желтую с щедрой толикой красного цвета. Эта одежда походила на оскорбление, но Найнив все равно прикрыла наготу.

Она шла через болото по тропинке, огибая

топкие места и лужицы стоялой воды, пока не увидела начерченный в грязи шестиконечный знак. Здесь начала она следующее плетение, от которого в небо взмоет ярко-голубая звезда.

Кто-то ужалил ее в шею, и Найнив прихлопнула ладонью черномошку. Неудивительно, что они развелись в этой болотной сырости. Хорошо, если…

Еще один укус, теперь в руку. К ней слетались полчища мух. Казалось, жужжит сам воздух. Стиснув зубы и вздрагивая от новых и новых укусов, Найнив продолжала работать с Силой. Всех не перебьешь. Нельзя ли избавиться от них плетением? Она начала было плести Воздух в попытке создать ветер, но прервалась, расслышав за жужжанием истошный детский вопль.

В трясине увяз ребенок? Найнив шагнула было на крик — тот казался едва различим из-за жужжания. Она хотела окликнуть несчастное дитя, но в рот мигом набились черномошки, и Найнив чуть не задохнулась. Насекомые добрались до глаз, и ей пришлось зажмуриться.

Жужжание, крики, укусы… О Свет! Они у нее в горле! В легких!

«Закончи плетение. Ты должна, ты просто обязана закончить плетение».

Каким-то образом, невзирая на боль, она сумела продолжить начатое. Жужжание стало таким оглушительным, что Найнив едва расслышала свист, с которым отправился в полет сгусток голубого пламени. Она по-быстрому создала плетение, чтобы отогнать мух, и огляделась, дрожа и кашляя. В горле копошились насекомые. Никаких детей поблизости не оказалось. Выходит, ей это все послышалось?

Однако Найнив четко и ясно видела еще одну шестиконечную звезду — над дверью, врезанной в ствол дерева. Она направилась к знаку, и вокруг опять загудели мухи. Так, спокойно. Надо сохранять спокойствие! Зачем? Какой в этом смысл? Но она все равно держала себя в руках, с закрытыми глазами пробираясь сквозь плотный рой черномошек. Нащупав дверь, Найнив рывком распахнула ее, шагнула вперед…

…И замерла внутри здания. Откуда этот надсадный кашель? Она что, больна? Измотанная и сердитая, Найнив прислонилась к стене. Ее ноги были исцарапаны, а руки зудели от укусов каких-то насекомых. Опустив глаза на пеструю одежду, Найнив застонала. Что заставило ее выбрать этакий красно-желто-розовый наряд? Что в нее вселилось?

Она со вздохом выпрямилась и зашагала по обшарпанному коридору. Дощатый настил под ногами скрипел при каждом движении. Со стен осыпалась надтреснутая штукатурка.

Оказавшись у дверного проема, Найнив заглянула в небольшую комнату с четырьмя медными кроватками. Из потертых матрасов выглядывала солома. На каждой кровати лежал бледный ребенок, вцепившийся в жалкое одеяло. Двое кашляли, и у всех четверых был болезненный вид.

Охнув, Найнив вбежала в комнату и опустилась на колени у первой кровати, где лежал мальчик лет четырех. Проверила его глаза, попросила покашлять и приложила ухо к груди. Похоже, этот ребенок отравился спорыньей.

— Кто ухаживает за вами? — осведомилась Найнив.

— Приютом заведует госпожа Мала, — еле слышно ответил мальчик, — но мы давно ее не видели.

— Умоляю, — подала голос девочка с соседней кровати. Ее глаза налились кровью, а кожа побледнела до меловой белизны. — Принесите попить. Можно мне воды? — Она задрожала.

Остальные двое расплакались. Как прискорбно

слышать эти слабые звуки… О Свет! В комнате не было ни одного окна, но Найнив все равно видела кишащих под кроватями тараканов. Как можно бросать детей в подобных условиях?

— Тише, тише, — сказала она. — Теперь вы не одни. Я позабочусь о вас.

Надо направить Силу для Исцеления, а затем…

«Нет, — подумала она. — Не могу. Нельзя касаться Источника, пока я не дойду до следующей звезды».

В таком случае она приготовит отвар. Где ее мешочек с травами? Она оглядела комнату — должна же тут найтись вода.

И замерла. На той стороне коридора была еще одна комната — или она только что появилась? На полу там лежал коврик с шестиконечной звездой. Найнив встала. Дети захныкали.

— Я вернусь, — пообещала она и направилась к новой комнате. При каждом шаге у нее сжималось сердце. Она бросает детей… Нет, она всего лишь войдет в соседнюю комнату.

Ступив на вышитую звезду, Найнив начала плетение. Всего лишь одно, по-быстрому, а потом можно будет помочь… Она обнаружила, что плачет.

«Я уже была здесь, — появилась у нее мысль. —

Или в подобном месте. В такой же ситуации».

Найнив злилась все сильнее и сильнее. Как она может направлять Силу, когда к ней взывают умирающие дети?

Она завершила плетение, и оно разрешилось потоками воздуха, от которых зашевелилось и зашелестело платье. Найнив схватилась за косу, когда в стене комнаты вдруг появилась дверь, в ней, вверху, — оконце, на стекле — символ в виде шестиконечной звезды.

Ей надо двигаться дальше. Она слышала, как плачут дети. Со слезами на глазах, с болью в сердце она шагнула к двери.

* * *

Из раза в раз становилось только хуже. Людей обезглавливали, топили в воде, хоронили заживо, и Найнив могла бы их спасти, но… Пожалуй, неприятнее всего было творить плетение, в то время как жителей деревни пожирали, сверкая кристаллическими глазами, мохнатые красные пауки ужасающих размеров. Найнив терпеть не могла пауков. Ненавидела этих тварей.

Иногда она появлялась в новой местности обнаженной, но это перестало ее беспокоить. Не вспоминая почти ничего, кроме порядкового

номера текущего плетения, Найнив каким-то образом понимала, что нагота — ничто по сравнению с виденными ею ужасами.

Она нетвердо шагнула в каменную арку, и воспоминания о горящем доме померкли. Найнив сознавала только, что пришел черед восемьдесят первого плетения. И что она в ярости.

На ней было обгоревшее платье из мешковины. Откуда эти подпалины? Найнив распрямилась и подняла голову. В руках тяжело пульсировала кровь, спина горела, будто ее исхлестали розгами, ноги, ступни и пальцы были покрыты порезами и царапинами. Найнив оказалась в Двуречье. Вот только это было не то Двуречье, которое она помнила. Некоторые строения еще дымились.

— Они опять идут! — крикнул кто-то. Мастер ал'Вир. Почему в руке у него меч?

Люди, которых она знала, милые ее сердцу люди — Перрин, мастер ал'Вир, миссис ал'Донел, Айрик Боттигер — с оружием в руках стояли у невысокой стены. Некоторые махали ей.

— Найнив! — позвал Перрин. — Здесь отродья Тени! Нужна твоя помощь!

За стеной зашевелились громадные тени. Порождения Тьмы ужасающих размеров — не троллоки, а нечто гораздо, гораздо худшее. Най-

нив услышала рев.

Надо помочь! Она бросилась было к Перрину, но замерла, увидев на другом краю лужайки шестиконечную звезду, нанесенную краской на склоне холма.

— Найнив! — отчаянно крикнул Перрин и начал сечь топором переползавшие через стену полночно-черные щупальца, но одно успело схватить Айрика; тот заорал, и щупальце уволокло его во мрак.

Найнив направилась к звезде. Спокойно. Ровным шагом.

Какая чушь! Да, она знала, что Айз Седай должна сохранять спокойствие. Но еще Айз Седай обязана действовать, оказать помощь тем, кто в ней нуждается. И не важно, чего это будет стоить лично ей. Ведь она нужна этим людям.

Поэтому она перешла на бег.

Но и этого, казалось, было мало. Она бежала к звезде, все-таки бросив людей, которых любила, и тем приходилось сражаться без ее помощи. Найнив понимала, что нельзя направлять Силу, пока она не доберется до холма с шестиконечной звездой, и все это было лишено всякого смысла. Ведь отродья Тени шли в атаку, и Найнив обязана была остановить их с помощью Силы!

Она обняла Источник, но что-то мешало ей — нечто вроде щита. Она с трудом оттолкнула этот щит, и в нее хлынула Единая Сила. Найнив принялась метать в чудовище огненные сгустки, выжигая щупальце, дотянувшееся до Перрина.

Не переставая осыпать монстра огненными шарами, Найнив добралась до шестиконечной звезды. Там она сплела восемьдесят первое плетение, и в воздухе появились три кольца из Огня.

Девушка лихорадочно работала, одновременно нанося удары по врагам. Она не видела смысла в создании этого плетения, но знала, что должна его закончить, а потому добавила плетению мощи, и пламенеющие окружности выросли до колоссальных размеров. Найнив запустила все три огненных кольца в тварей за стеной, и смертоносные светящиеся круги впились во тьму.

На крыше гостиницы мастера ал'Вира появилась шестиконечная звезда. Выжжена на черепице? Не обращая на нее внимания, Найнив отводила душу на тварях с объятыми пламенем щупальцами.

«Нет. Это важно. Намного важнее Двуречья. Мне нужно уходить».

Чувствуя себя последней трусихой, но понимая, что у нее нет выбора, Найнив подбежала к гости-

нице и бросилась в дверной проем.

* * *

Найнив плакала, лежа на земле у разбитой арки. Ей предстояло сотворить последнее из ста плетений.

Она едва могла шевельнуться. По лицу струились слезы. Она смутно помнила, как бежала от битв, как бросала детей, обреченных на смерть, как ничего не могла поделать.

Из волчьего укуса на плече шла кровь. На ногах почти не осталось кожи, словно Найнив бесконечно долго пробиралась через тернии. Обнаженное тело сплошь покрывали волдыри и ожоги.

Она встала на исцарапанные, кровоточащие колени. Ее коса заканчивалась дымящимся колтуном примерно в пяди ниже плеч. Найнив содрогнулась, и ее вырвало.

Боль… Апатия… Нет сил продолжать…

«Нет. Им не остановить меня».

Найнив кое-как поднялась на ноги. Она стояла в маленькой комнате. В прощелины между досками бил резкий солнечный свет. На полу лежал ком белой ткани. Найнив подняла его, развернула. Оказалось, это белое платье, по подолу

которого шли полосы цветов Айя: традиционное одеяние принятых в Белой Башне.

— Но я — Айз Седай! — сказала Найнив.

Она уронила платье на пол, переступила через него и распахнула дверь. Лучше уж ходить обнаженной, чем смириться с этой ложью.

За дверью обнаружилось еще одно платье, на сей раз желтое. Приемлемо. Какое-то время Найнив уделила одеванию, хотя никак не могла унять дрожь, пальцы отказывались слушаться из-за усталости, и на ткани оставались кровавые пятна.

Надев платье, девушка обвела взглядом то, что ее окружало. Найнив очутилась в Запустении и стояла на склоне холма, поросшего травами и кустарником с характерными темными отметинами. Откуда в Запустении взялась эта лачуга и как Найнив оказалась в ней?

Она так устала. Ей хотелось вернуться в хибарку и уснуть.

Нет. Она не остановится. Найнив побрела вверх по склону. Взобравшись на вершину, она окинула взором местность вокруг холма, усыпанную каменными обломками и усеянную очагами тьмы — целыми озерами, если их можно так назвать. Жидкость выглядела густой и маслянистой. В

ней сновали черные силуэты. «Малкир, — подумала она, ошеломленная тем, что узнала это место. — Семь Башен, от которых не осталось ничего, кроме щебня. А Тысяча Озер захвачена порчей. Родина Лана и его наследие».

Найнив шагнула вперед, но задела что-то пальцем ноги. Опустив взгляд, она увидела камень с вырезанным на нем небольшим символом. Шестиконечная звезда.

Найнив с облегчением вздохнула. Испытание близилось к концу. И она приступила к финальному плетению.

Внизу из-за груды камней появился человек. Он нетвердо стоял на ногах, но умело орудовал мечом. Найнив сразу узнала его, несмотря на расстояние. Узнала крепкую фигуру, широкое лицо, меняющий цвета плащ и хищную грацию движений.

— Лан! — крикнула она во весь голос.

Его окружили какие-то твари, похожие на волков, но слишком крупные. У них была черная шерсть. Сверкая клыками, они кидались на Лана. Гончие Тьмы. Целая стая.

Найнив сама не заметила, как завершила сотое плетение, и даже вздрогнула, когда вокруг нее взмыли в воздух и осыпались дождем разноцвет-

ные искры. Глядя на них, Найнив не чувствовала ничего, кроме полного бессилия и опустошения. За спиной раздался какой-то звук, но она, оглянувшись, не увидела ничего, кроме лачуги.

Над дверью, которой прежде не существовало, висела шестиконечная звезда, составленная из осколков драгоценных камней. Найнив шагнула к ней, но обернулась.

Размахивая мечом, Лан отбивался от гончих Тьмы. Капля слюны с клыков одной из этих тварей, и ему конец.

— Лан! — крикнула Найнив. — Беги!

Он не слышал ее. Шестиконечная звезда. Надо идти к шестиконечной звезде!

Найнив моргнула, затем опустила взгляд на руки. На обеих ладонях, точно в центре, были крошечные, почти незаметные шрамы, и в памяти искрой вспыхнули слова:

«Найнив… Я люблю тебя…»

Это испытание. Теперь она вспомнила. Это испытание, принуждавшее Найнив выбрать или Лана, или Белую Башню. Однажды она уже сделала этот выбор, но знала, что он не имеет отношения к реальности.

А теперь? Теперь все тоже не по-настоящему. Сознание затуманилось, и Найнив схватилась за

голову. «Там, внизу, мой муж, — подумала она. — Нет. Я не стану играть в эти игры!»

Она вскрикнула и направила в одну из гончих Тьмы прядь Огня. Зверюгу объяло пламя, но, как видно, огонь не причинил ей никакого вреда. Шагнув вперед, Найнив удвоила силы. Бесполезно! Гончие не унимались.

Найнив отказывалась сдаваться. Отогнав усталость, она успокоилась и взяла себя в руки. Лед. Значит, ее вынуждают показать, на что она способна? Что ж, так тому и быть. Потянувшись к Источнику, она зачерпнула невообразимое количество Единой Силы.

А затем сплела погибельный огонь.

Ее пальцы испустили полосу чистейшего света, и от накала этих нитей завибрировал воздух. Свет угодил в гончую, пронзил ее и впился в землю; та содрогнулась, и Найнив едва устояла на ногах. Лан упал, и гончие Тьмы набросились на него.

«НЕТ!» — подумала Найнив и выпрямилась, вновь сплетая погибельный огонь. Она поразила им вторую гончую, а за ней третью. Из-за камней появлялись все новые монстры. Откуда они берутся? Найнив неумолимо шагала вперед, выжигая тварей запретным плетением.

С каждым ударом земля вздрагивала, словно ей

было больно. Погибельный огонь не способен вот так запросто проникать в почву… Что-то здесь не так.

Теперь Найнив стояла рядом с Ланом. У него была сломана нога.

— Найнив! — произнес он. — Ты должна уйти!

Не обращая внимания на его слова, она опустилась на колени и сплела погибельный огонь, когда из-за груды булыжников появилась еще одна гончая. Их становилось все больше, а Найнив страшно устала. Всякий раз, направляя Силу, она была уверена, что этот раз будет последним.

Но нет. Не бывать этому, пока Лан в опасности. Из последних сил Найнив сотворила сложное Исцеление и наложила его на раненую ногу мужа. Тот сумел подняться, схватил меч и приготовился отбить новую атаку.

Они сражались бок о бок; Найнив разила гончих погибельным огнем, а Лан — сталью. Но взмахи меча становились все менее энергичными, а на каждое последующее плетение уходило на несколько ударов сердца больше. Почва содрогалась, и руины башен с грохотом сыпались оземь.

— Лан! — сказала Найнив. — Готовься бежать.

— Что?

Оставшуюся каплю сил она вложила в плетение погибельного огня, направила его прямо перед собой. Земля пошла волнами, корчась от мучительной боли, словно живое существо. Гончие Тьмы сгинули в образовавшейся расселине. Найнив осела на землю, чувствуя, как ускользает от нее Единая Сила. Работать с ней в таком изнеможении было немыслимо.

— Пора уходить! — схватил ее за руку Лан.

Найнив заставила себя встать, и оба побежали вверх по склону расколотого холма. За спиной взвыли гончие: кто-то из стаи ухитрился перепрыгнуть через разлом.

Вцепившись в руку Лана, Найнив бежала со всех ног. Наконец они достигли вершины. Земля содрогалась с чудовищной силой; увидев, что хибарка стоит на месте, Найнив не поверила своим глазам. Она нетвердо пошла к шестиконечной звезде, и Лан последовал за ней, но оступился, вскрикнул от боли, и его ладонь выскользнула из ее пальцев.

Найнив развернулась. Вершину холма заполонили гончие Тьмы — клыкастые, рычащие, брызжущие ядовитой слюной. Лан, глядя на Найнив расширившимися глазами, махнул рукой, чтобы она не задерживалась.

— Нет… — Схватив Лана за руку, Найнив потащила его к хижине. Вместе они ввалились в дверь и…

…Едва дыша, она выпала из тер'ангриала — обнаженная, дрожащая, одна. И на нее нахлынули воспоминания о каждом ужасающем моменте этой пытки, о каждом предательстве, каждом напрасном плетении. О бессилии, плачущих детях, о каждой смерти людей, которых она знала и любила. Найнив разрыдалась, сжавшись в комок на холодном полу.

Все тело было охвачено болью. Кровоточили ноги, руки, спина и плечо. Местами кожа была обожжена до волдырей, а коса укоротилась едва ли не втрое, и растрепанные волосы падали на лицо, пока Найнив пыталась отогнать воспоминания обо всем, что она сотворила.

Рядом застонали, и сквозь застилавшую глаза пелену Найнив смотрела, как Айз Седай размыкают круг, распуская плетения, и оседают на пол. Смотрела и ненавидела их — всех и каждую.

— О Свет! — Голос Саэрин. — Кто-нибудь, Исцелите ее!

Все затуманилось. Голоса казались глухими, будто звуки под толщей воды. Мирные, спокойные звуки…

Ее окатило ледяной волной Исцеления, и Найнив, хватая ртом воздух, широко раскрыла глаза. Рядом с ней стояла на коленях Росил. У наставницы послушниц было встревоженное лицо.

Боль в теле стихла, но усталость усилилась десятикратно. И душевные муки… они никуда не делись. О-о, Свет… В ушах у Найнив стояли крики детей.

— Что ж, — сказала Саэрин где-то рядом, — по всей видимости, она выживет. Теперь же, во имя всех творений Создателя, объясните мне, что это было! — Судя по голосу, она была в ярости. — Я множество раз участвовала в ритуалах возвышения, включая тот случай, когда дело кончилось гибелью испытуемой. Но ни разу, ни разу за всю жизнь не видела ужасов, через которые прошла эта женщина!

— Ее надо было проверить надлежащим образом, — ответила Рубинде.

— Надлежащим? — переспросила Саэрин. Да, она была в бешенстве.

У Найнив не было сил смотреть в их сторону. Она лежала, сосредоточившись на дыхании.

— Надлежащим?! — повторила Саэрин. — Это была откровенная жестокая месть, Рубинде! Почти каждый из эпизодов выходил за рамки

требуемого от других женщин! Как тебе не стыдно?! Как вам всем не стыдно?! О Свет, только взгляните, как вы обошлись с этой девочкой!

— Это не важно, — холодно отозвалась Барасин из Красных. — Она провалила испытание.

— Что? — прохрипела Найнив, наконец-то подняв глаза.

Тер'ангриал потускнел, а Росил принесла одеяло и одежду Найнив. Сбоку, сцепив руки перед собой, стояла Эгвейн. Она слушала других, и лицо ее оставалось невозмутимым. У нее не было права голоса. Прошла Найнив испытание или нет? Это решат другие.

— Ты потерпела неудачу… дитя мое, — заявила Барасин, смерив Найнив равнодушным взглядом. — Ты не соблюдала должных правил.

Лилейн из Голубой Айя кивнула:

— Мы проверяли, умеешь ли ты сохранять бесстрастие Айз Седай. Оказалось, что не умеешь. — Лицо у нее было недовольное: еще бы, ведь ей пришлось согласиться с Красной.

Остальные, похоже, чувствовали себя весьма неловко. Найнив знала, что говорить о подробностях испытания не принято. И еще она знала, что в большинстве случаев провал равнозначен смерти. Хотя, если так подумать, в утверждениях

сестер о ее неудаче не было ничего неожиданного.

Найнив действительно нарушила правила прохождения испытания. Чтобы спасти Перрина и остальных, она перешла на бег. Она начинала направлять Силу раньше, чем это разрешается. Не без труда она пробудила в себе сожаление, а остальные эмоции растворились в пустом и всепоглощающем чувстве утраты.

— Слова Барасин не лишены смысла, — неохотно согласилась Сине. — Ближе к концу ты демонстрировала неприкрытую ярость и по пути к меткам не раз переходила на бег. К тому же нельзя забывать о запретном плетении. Очень тревожащий момент… Не хочу сказать, что ты провалила испытание, но нарушений было множество.

Найнив попыталась подняться на ноги. Чтобы остановить ее, Росил положила ладонь девушке на плечо, но Найнив схватила наставницу послушниц за руку, подтянулась и, пошатываясь, выпрямилась во весь рост. Она взяла одеяло, накинула на плечи, завернулась в него, чтобы прикрыться, и опустошенно произнесла:

— Я сделала то, что должна была сделать. Кто из вас не побежал бы на помощь людям, которым

грозит опасность? Кто из вас не стал бы направлять Силу, завидев атакующих отродий Тени? Я поступила так, как должна была поступить Айз Седай.

— Это испытание, — сказала Барасин, — показывает, способна ли женщина посвятить себя главной цели и, не отвлекаясь на сиюминутные дела, сосредоточиться на высшем благе.

Найнив фыркнула:

— Я сотворила все нужные плетения, не утратив при этом сосредоточенности. Да, я вышла из себя, но сохранила холодную голову и выполнила все задания. Нельзя требовать невозмутимости ради невозмутимости, и глупо запрещать бежать, когда речь идет о спасении людей. Я намеревалась доказать, что имею право называть себя Айз Седай. Что ж, могу тогда возразить: человеческая жизнь для меня намного важнее, чем это звание. Если выбирать между спасением человека и утратой титула — без каких-либо других последствий, — я предпочту первое. Всегда, без исключений. Отвернуться от тех людей означало бы не служить высшей цели, а проявить обыкновенный эгоизм.

Разгневанная Барасин широко раскрыла глаза. Найнив же отвернулась и не без труда отошла к

стене зала, где опустилась на скамью отдохнуть. Женщины, сгрудившись, стали негромко переговариваться, а Эгвейн — по-прежнему спокойная и серьезная — приблизилась к Найнив и села рядом. Хотя Амерлин позволили участвовать в испытании и даже создать некоторые из его эпизодов, решение о том, можно ли возвысить Найнив, будет принято без нее.

— Ты рассердила их, — сказала Эгвейн. — И привела в смущение.

— Я сказала правду, — проворчала Найнив.

— Возможно, — кивнула Эгвейн. — Но я говорю не о твоих словах, сказанных в порыве гнева. В ходе испытания ты не соблюдала данные тебе указания.

— Как я могла выполнять указания, если не помнила, как мне их давали? Я… Конечно, я сознавала, что надо делать, но зачем, по какой причине?.. — Найнив поморщилась. — Потому-то я и нарушила правила. Сочла их произвольными. Я не могла вспомнить, почему нельзя бежать, и глупо было размеренно идти, когда рядом гибли люди.

— Считается, что правила крепко сидят в голове, хотя испытуемые их и не помнят, — сказала Эгвейн. — И ты никак не должна — и не могла

— была направлять Силу, не достигнув условленной отметки. В этом самая суть испытания.

— В таком случае почему… — нахмурилась Найнив.

— Слишком много времени ты провела в Тел'аран'риоде. Испытание же… во многом оно напоминает Мир снов, где наш разум создает то, что нас окружает. — Эгвейн прищелкнула языком и покачала головой. — Я предупреждала их о возможной опасности. Из-за привычки к Миру снов тебе присуща способность нарушить правила.

Найнив не ответила. Ей поплохело. Что, если она и правда не справилась? Каково это, оказаться изгнанной из Башни, когда ты в шаге от своей цели?

— Однако не исключаю, что эти нарушения пойдут тебе на пользу, — тихо добавила Эгвейн.

— Как это?

— Ты чересчур опытна для такого испытания, — объяснила Эгвейн. — В каком-то смысле произошедшее доказывает, что ты заслужила дарованную мною шаль. Все плетения были исполнены искусно, причем с поразительной ловкостью и быстротой. Меня особенно впечатлило, как ты время от времени пользовалась «бесполезными» плетениями, чтобы атаковать

увиденных тобой существ.

— Битва в Двуречье, — сказала Найнив. — Твоих рук дело, да? Остальные не настолько хорошо знают те места и не смогли бы воссоздать их.

— Иногда видения и ситуации берут начало в сознании испытуемой, — ответила Эгвейн. — Пользоваться этим тер'ангриалом бывает странновато. Я не уверена, что до конца понимаю это ощущение.

— Но Двуречье создала ты?

— Да, — признала Эгвейн.

— И то, что было последним? С Ланом?

Эгвейн кивнула:

— Прости. Я подумала, что, если не сделать этого, никто…

— Я признательна тебе, — сказала Найнив. — Тогда я кое-что поняла.

— Да?

Найнив кивнула. Она привалилась спиной к стене, закрыв глаза и придерживая одеяло.

— Я поняла, что, если придется выбирать между Ланом и званием Айз Седай, я останусь с Ланом. То, как называют меня другие, не изменит моей сущности. Лан, однако… Он куда важнее, чем титул. Даже не получив звание Айз Седай, я все равно сохраню возможность направлять Силу и

останусь собой. Но, отвернувшись от Лана, я никогда не буду прежней. Когда я стала его женой, изменился весь мир.

Осознав и проговорив это, Найнив почувствовала себя… освобожденной.

— Молись, чтобы этого не поняли другие, — сказала Эгвейн. — Не надо им знать, что для тебя есть вещи поважнее Белой Башни.

— Не бывает ли так, — вслух задумалась Найнив, — что порой Белая Башня — как организованное сообщество — обретает бóльшую значимость, чем люди, которым мы служим? Становится целью в себе, а не средством достижения более важной цели?

— Преданность организации — важная штука, Найнив. Белая Башня оберегает весь мир и указывает ему путь.

— И все же многие из нас обходятся без семьи, — продолжила Найнив. — Без любви, без страсти, выходящей за пределы наших ограниченных интересов. Поэтому, стараясь вести за собой весь мир, мы отделяемся от него. Как бы не зазнаться, Эгвейн. Мы исходим из того, что знаем, как лучше. Но рискуем утратить способность понимать людей, которым, по нашему утверждению, мы служим.

— Поменьше говори на эти темы, — помрачнела Эгвейн. — По крайней мере, сегодня, когда все и так недовольны тобой. Но испытание и впрямь было бесчеловечным. Прости, Найнив. Нельзя показывать, что я благоволю тебе, но, пожалуй, мне надо было прекратить эту пытку. Глядя, как ты пренебрегаешь правилами, остальные ожесточались все сильнее. Увидев, какую боль причинил тебе вид умирающих детей, они стали все чаще добавлять эти образы в испытание. Как видно, многие сочли каждую из твоих побед личным оскорблением или состязанием воли. Поэтому действовали жестко. Даже жестоко.

— Я выжила, — сказала Найнив, закрыв глаза. — И многое узнала. О себе. И о нас.

Ей хотелось стать полноценной и признанной Айз Седай. Ей очень этого хотелось. Но теперь Найнив знала: если сегодня ей откажут, поскупившись на одобрение, она все равно не сойдет с этого пути и продолжит выполнять свой долг.

Наконец к скамье подошли восседающие, за ними — Росил. Чтобы проявить уважение, Найнив с трудом поднялась на ноги.

— Нам нужно обсудить использованное тобой запретное плетение, — строго произнесла Саэрин.

— Мне неизвестны другие способы уничтожить гончих Тьмы, — сказала Найнив. — Это плетение было необходимо.

— У тебя нет права делать такой вывод, — возразила Саэрин. — Твои действия дестабилизировали тер'ангриал. Ты могла уничтожить его, могла погибнуть сама и, вполне вероятно, погубить всех нас. Мы хотим, чтобы ты поклялась, что впредь не станешь творить погибельный огонь.

— Я отказываюсь, — устало произнесла Найнив.

— Даже если от этого зависит, получишь ли ты шаль или потеряешь ее раз и навсегда?

— Подобная клятва попросту глупа, — заявила Найнив. — Вдруг я окажусь в ситуации, когда от этого плетения будут зависеть человеческие жизни? О Свет! Я буду сражаться в Последней битве бок о бок с Рандом. Что, если рядом с Шайол Гул я пойму, что погибельный огонь — единственный способ помочь Дракону Возрожденному остановить Темного? Вы хотите, чтобы я выбирала между дурацкой клятвой и судьбой мира?

— По-твоему, ты отправишься к Шайол Гул? — скептически спросила Рубинде.

— Я буду там, — тихо ответила Найнив. — Это не обсуждается. Такова просьба Ранда, хотя по

собственному желанию я бы туда не пошла.

Айз Седай встревоженно переглянулись.

— Если собираетесь возвысить меня, — продолжила Найнив, — придется поверить, что я сама разберусь, когда нужно прибегнуть к погибельному огню. Если считаете, что я не понимаю, когда можно, а когда нельзя творить столь опасное плетение, я предпочла бы, чтобы вы отказали мне в возвышении.

— Я проявила бы осмотрительность, — сказала Эгвейн, обращаясь к остальным. — Отказать в шали женщине, принимавшей участие в очищении саидин от порчи, женщине, одолевшей в бою саму Могидин, женщине, вышедшей замуж за короля Малкир… Это весьма опасный прецедент.

Саэрин взглянула на остальных. Трое кивнули: Юкири, Сине и, как ни странно, Романда. Трое отрицательно покачали головой: Рубинде, Барасин, Лилейн. Осталась Саэрин. Решающий голос.

— Найнив ал'Мира, — снова повернулась к ней Коричневая сестра, — объявляю, что ты прошла испытание. Едва-едва, но прошла.

Эгвейн испустила тихий, почти неслышный вздох облегчения. Найнив поняла, что и сама ждала вердикта затаив дыхание.

— Завершено! — хлопнула в ладоши Росил. —

Да не будет никто говорить о том, что произошло здесь. Мы молча разделим случившееся с той, кто пережил это. Завершено!

Женщины согласно кивнули — даже те, кто голосовал против Найнив. Никто не узнает, что Найнив едва не провалила испытание. По всей видимости, прямой выговор насчет погибельного огня — вместо официального наказания — был сделан, дабы не нарушать традицию хранить молчание обо всем, что произошло в тер'ангриале.

Росил снова хлопнула в ладоши:

— Найнив ал'Мира, сегодняшнюю ночь ты проведешь в молитве и размышлениях о том бремени, которое взвалишь на себя утром, когда наденешь шаль Айз Седай. Завершено! — И в третий — последний — раз она хлопнула в ладоши.

— Спасибо, — сказала Найнив, — но шаль у меня уже имеется, и…

Она осеклась, перехватив горящий взгляд Эгвейн. Невозмутимый, но оттого не менее обжигающий. Пожалуй, довольно испытывать судьбу. На сегодня хватит.

— …и я счастлива буду соблюсти традицию, — продолжила Найнив, покончив с возражениями. — При условии, что мне позволят сделать

одну очень важную вещь. Затем я вернусь, и обычай не будет нарушен.

* * *

Чтобы добраться до места, Найнив требовались переходные врата. Она не вдавалась в подробности и не сказала остальным, что по делам ей надо покинуть Башню. Но и не говорила, что не станет покидать ее.

Она быстро шагала по темному палаточному лагерю, разбитому перед частично отстроенной стеной. Над головой темнело затянутое тучами ночное небо. По всей границе лагеря горели костры. Пожалуй, их было слишком много. Обитатели лагеря проявляли чрезвычайную осторожность. К счастью, караульные без вопросов пропустили Найнив; кольцо Великого Змея творит чудеса, если предъявить его там, где надо. Ей даже подсказали, где найти женщину, которую она искала.

По правде говоря, Найнив удивилась, обнаружив, что палатки стоят снаружи стены, а не в пределах Черной Башни. По предложению Ранда этих женщин прислали, чтобы связать Аша'манов узами. Но если верить караульным, посланницам Эгвейн велели подождать. Аша'ма-

ны заявили, что «право первого выбора остается за другими», что бы это ни значило. Эгвейн, наверное, знала больше остальных; она не раз присылала сюда гонцов — в первую очередь, с предупреждением насчет Черных сестер, которые могли затаиться среди здешних женщин. Те, о которых было известно, исчезли еще до прибытия первых посланцев.

В тот момент Найнив не собиралась выяснять подробности. У нее имелись другие дела. Она подошла к нужной палатке, чувствуя страшную усталость, оставшуюся после испытания. Найнив казалось, что она, окутанная волнами желтой ткани, вот-вот рухнет на землю. Неподалеку, спокойно взглянув на нее, прошли несколько Стражей.

Палатка оказалась самой простой, серой и невзрачной. Внутри горел тусклый огонь и двигались тени.

— Мирелле! — громко произнесла Найнив, удивляясь властности своего голоса — она и подумать не могла, что у нее осталось столько сил. — Нам надо поговорить.

Тени замерли, затем снова пришли в движение. Зашуршал входной клапан, и из палатки выглянуло озадаченное лицо. На Мирелле была

ночная сорочка из полупрозрачной голубой ткани, а один из ее Стражей — похожий на медведя здоровяк с густой черной бородой, подстриженной по иллианской моде, — сидел без рубашки на парусиновом полу.

— Дитя мое? — удивленно спросила Мирелле. — Что ты здесь делаешь?

Она была красавицей с оливковой кожей, длинными черными волосами и плавными изгибами форм. Найнив потянулась было к косе, но вовремя вспомнила, что теперь она стала слишком короткой. Не ухватишься. Да, привыкнуть к этому будет крайне непросто.

— У тебя есть кое-что, принадлежащее мне, — сказала Найнив.

— Хм-м… — насупилась Мирелле, — это зависит от точки зрения, дитя мое.

— Сегодня меня возвысили, — продолжила Найнив. — Официально. Я прошла испытание. Теперь мы равны, Мирелле. — Вторую часть фразы она оставила недосказанной. Найнив была сильнее Мирелле, и поэтому о равенстве не могло быть и речи.

— Возвращайся завтра, — сказала Мирелле. — Я занята. — Она развернулась, собираясь уйти обратно в палатку, но Найнив схватила ее за руку.

— Я так и не сказала тебе спасибо. — Чтобы произнести эти слова, ей пришлось сделать над собой усилие. — И говорю теперь. Благодаря тебе он жив. Я это понимаю. Однако, Мирелле, сейчас не лучшее время дерзить мне. Сегодня я видела, как убивают людей, которых я люблю. Я была вынуждена обречь детей на невыносимые мучения. Меня истязали, жгли огнем и бичевали плетью. Клянусь тебе, женщина, если ты прямо сейчас, сию же минуту не передашь мне узы Лана, я войду в эту палатку и обучу тебя значению слова «покорность». Не нарывайся. Утром я принесу Три Клятвы, но сегодня ночью я свободна от этих обетов.

Мирелле обмерла, затем вздохнула и отступила от палатки.

— Так тому и быть, — промолвила она.

Закрыв глаза, Зеленая сестра сотворила плетение Духа, передала его Найнив, и той показалось, будто в разум ей втиснули нечто материальное. Она онемела. У нее перехватило дыхание и закружилась голова.

Мирелле развернулась и скрылась в палатке, а Найнив, соскользнув по парусине, опустилась на землю. В сознании у нее расцвела… уверенность? Да. Прекрасная, восхитительная

уверенность.

Это был он. И он был еще жив.

«Спасибо тебе, благословенный Свет», — подумала она и закрыла глаза.

Глава 21
Открытые врата

— Мы решили, что будет лучше, — сказала Сеонид, — если доклад обо всем сразу сделает одна из нас. Я собрала сведения у остальных и готова дать отчет.

Перрин рассеянно кивнул. Он сидел на подушках в шатре, отведенном для собраний. Рядом была Фэйли, а вокруг — опять множество людей.

— В Кайриэне, разумеется, все по-прежнему. То есть вверх дном, — начала Сеонид. Эта деловитая Зеленая отличалась резкостью манер. Ее нельзя было назвать ни недоброжелательной, ни демонстративно неприветливой, но, казалось, даже со своими Стражами говорила так, как говорит с батраками преуспевающий фермер. — Слишком уж давно пустует Солнечный трон. Всем известно,

что лорд Дракон обещал его Илэйн Траканд, но в последнее время она сражалась за собственный престол — и, судя по донесениям, наконец-то завоевала его.

Сеонид взглянула на Перрина, ожидая его комментариев. Судя по запаху, она была довольна. Перрин запустил пальцы в бороду. Дело важное, и надо отнестись к нему со всем вниманием, но он постоянно отвлекался на мысли об обучении в волчьем сне.

— Итак, Илэйн стала королевой, — произнес он. — Думаю, Ранд будет счастлив.

— Как к этому отнесся лорд Дракон, нам неизвестно, — сказала Сеонид, словно отмечая галочкой следующий пункт списка.

Хранительницы Мудрости обошлись без уточнений и не стали задавать вопросов; отделившись от остальных, они сидели на подушках, будто заклепки в дверной петле. По всей вероятности, Девы уже рассказали им, как обстоят дела.

— Я вполне уверена, что лорд Дракон находится в Арад Домане, — продолжила Сеонид. — Это подтверждено рядом слухов, хотя, разумеется, ходит молва о его пребывании во многих других местах. Но Арад Доман — разумный выбор для тактической победы и возможных завоеваний, и

тамошние беспорядки грозят подорвать оборону Пограничных земель. Говорят, он послал туда Айил, но я не могу подтвердить или опровергнуть эти сведения.

— Это правда, — коротко сказала Эдарра, но от объяснений воздержалась.

— Да, — согласилась Сеонид. — Если верить слухам, лорд Дракон планирует встретиться с шончан в Арад Домане. Подозреваю, он хочет заручиться поддержкой кланов.

Услышав эти слова, Перрин вспомнил о Малдене. Он представил, как в битву вступают дамани и Хранительницы Мудрости, как Единая Сила терзает шеренги солдат и воздух наполняется землей, огнем и кровью — как в сражении у Колодцев Дюмай, только хуже. Он содрогнулся. Как бы то ни было, видения — они появились, когда говорила Сеонид, — подтверждали, что Ранд действительно в Арад Домане.

Сеонид заговорила о торговле и запасах продовольствия в Кайриэне, а Перрин понял, что думает о странной фиолетовой стене, которую видел в волчьем сне. «Дурень, — одернул себя он, — слушай, что говорят». О Свет! Он и впрямь дрянной правитель. Перрин запросто возглавляет стаю, когда волки берут его на охоту. Почему

же он не способен сделать то же самое для своего народа?

— Тир собирает войска, — сказала Сеонид. — По слухам, лорд Дракон велел королю Дарлину призвать мужчин к оружию. Кстати говоря, теперь в Тире, по всей очевидности, есть король. Любопытное событие. Некоторые говорят, что армия Дарлина отправится в Арад Доман, хотя другие утверждают, что солдат готовят к Последней битве. Третьи настаивают, что сначала ал'Тор намерен победить шончан. Все три версии выглядят правдоподобно, а больше сведений я смогу предоставить, только если сама побываю в Тире. — Она смотрела на Перрина. От нее пахло надеждой.

— Нет, — ответил Перрин. — Не сейчас. Ранда нет в Кайриэне, но Андор, как видно, обрел стабильность. Надо бы мне отправиться туда и переговорить с Илэйн. Это разумнее всего. У нее будет что нам рассказать.

От Фэйли пахнуло беспокойством.

— Лорд Айбара, — сказала Сеонид, — с чего ты решил, что королева примет с распростертыми объятиями самопровозглашенного лорда под знаменем Манетерен?

Перрин бросил на нее сердитый взгляд:

— Оба дурацких знамени уже убраны, и Илэйн поймет, что к чему, когда я все объясню.

— А как же мои солдаты? — спросила Аллиандре. — Пожалуй, тебе понадобится испросить разрешение, прежде чем привести чужеземные войска на андорскую землю.

— Ты не пойдешь со мной, — сказал Перрин. — Как я говорил раньше, Аллиандре, ты будешь в Джеханнахе. Тебя доставят туда, как только мы разберемся с белоплащниками.

— Значит, решение насчет Детей Света уже принято? — с волнением уточнил Арганда, энергично подавшись вперед.

— Они требуют битвы, — ответил Перрин. — И отказываются от всех предложений решить дело миром. Поэтому я настроен дать им бой.

Все заговорили о грядущей схватке, но вскоре начали обсуждать, каково это, когда в Тире есть король. В конце концов Сеонид покашляла и вернула разговор к более насущным темам:

— В Кайриэне кипят дискуссии насчет шончан. Похоже, захватчики сосредоточены на обороне захваченных ими земель, включая Алтару. Тем не менее они продолжают двигаться на запад, и на равнине Алмот идут ожесточенные столкновения.

— Они продвигаются к Арад Доману, — добавил Арганда. — Вот где будет настоящее сражение.

— Весьма вероятно, — согласилась Сеонид.

— Если грядет Последняя битва, — сказала Анноура, — то предпочтительнее будет заключить союз с шончан. — Скрестив ноги, она с задумчивым видом сидела на расшитой сине-желтой шелковой подушке.

— Они посадили на цепь Хранительниц Мудрости, — заметила Эдарра, и ее чересчур юное лицо потемнело. От нее исходил запах опасности и холодного гнева. Так пахнет человек, замышляющий убийство. — Не только Шайдо, заслуживших такую судьбу. Альянсу с шончан — если он вообще будет заключен — придет конец в тот самый миг, когда Кар'а'карн исполнит свое предназначение. Многие из моего народа уже поговаривают о кровной вражде с этими захватчиками.

— Вряд ли Ранд хочет, чтобы между вами вспыхнула война, — сказал Перрин.

— Год и один день, — без обиняков ответила Эдарра. — Хранительниц Мудрости нельзя брать в гай'шайн, но допускаю, что у шончан другие обычаи. Так или иначе, мы дадим им год и один день. Если по истечении этого срока они не освободят пленниц, то познакомятся с нашими

копьями. Кар’а’карн не может требовать от нас большего.

В шатре наступила тишина. Затем Сеонид кашлянула и продолжила:

— Итак, закончив разведку в Кайриэне, мы встретились с теми, кто вернулся из Андора, разузнав, какие там ходят слухи.

— Погоди, — сказал Перрин. — Из Андора?

— Хранительницы Мудрости решили послать туда Дев.

— План был иным! — рыкнул Перрин, глядя на Хранительниц.

— У тебя нет власти над нами, Перрин Айбара, — спокойно ответила Эдарра. — Надо было выяснить, остались ли в городе Айил и не там ли Кар’а’карн. Мы попросили твоих Аша’манов открыть нам переходные врата, и те исполнили просьбу.

— Дев могли заметить, — пробурчал Перрин.

Что ж, он же сам велел Грейди открывать переходные врата по требованию айильцев, хотя имел в виду лишь время отбытия и возвращения. Надо было выражаться яснее.

— Но не заметили. — Сеонид начинала выходить из себя, как при разговоре с глупым ребенком. — По крайней мере, те, с кем Девы не

собирались разговаривать.

О Свет! То ли кажется, то ли она и впрямь начинает походить на Хранительницу Мудрости? Чем Сеонид и остальные занимались в лагере Айил? Учились еще большему упрямству? Да поможет им всем Свет.

— Тем не менее, — продолжила Сеонид, — с нашей стороны было весьма разумно посетить Кэймлин. Слухам нельзя верить, особенно когда толкуют, что в тех местах орудовал один из Отрекшихся.

— Один из Отрекшихся? — переспросил Галленне. — В Андоре?

— По словам Ранда, это был Равин, — кивнул Перрин и жестом попросил еще одну чашку подогретого чая, — хотя сам я был во время того сражения в Двуречье. — В голове у него закружились разноцветные пятна. — Равин выдавал себя за местного аристократа, человека по имени… то ли Габрал, то ли Гейбил… Что-то в этом роде. Он воспользовался слабостью королевы — то ли влюбил ее в себя, то ли еще что, — а потом убил ее.

С приглушенным звоном упал сервировочный поднос.

Расплескался чай, вдребезги разбились фарфоровые чашки. Перрин выругался и обернулся, а

несколько Дев вскочили на ноги, схватившись за поясные ножи.

Потрясенная Майгдин стояла над упавшим подносом, бессильно свесив руки.

— Майгдин! — воскликнула Фэйли. — Что с тобой?

— Если можно, милорд, не повторишь ли свои слова? — ошеломленно взглянула на Перрина служанка с волосами цвета солнца.

— В смысле? — спросил Перрин. — Что случилось, женщина?

— Ты сказал, что в Андоре обосновался один из Отрекшихся. — Майгдин говорила спокойно, но взгляд ее был едва ли не острее, чем у Айз Седай. — Ты уверен, что это так?

— Да, насколько я вообще бываю уверен. — Перрин почесал подбородок и поерзал на подушках. — Это было довольно давно, но я точно знаю, что в андорском дворце Ранд сражался с кем-то, используя Единую Силу. Иными словами, сомнений у него не было.

— Этого человека звали Гейбрил, — сказала Сулин. — Я была там. И своими глазами видела, как с ясного неба ударила молния, однозначно сотворенная Единой Силой. Да, это был один из Отрекшихся.

— В Андоре некоторые утверждают, что Кар'а'карн рассказывал об этом случае, — добавила Эдарра. — По его словам, этот Гейбрил практиковал на мокроземцах во дворце запретные плетения, искажая их сознание так, чтобы они мыслили и вели себя в соответствии с его желаниями.

— Так что случилось, Майгдин? — спросил Перрин. — О Свет, женщина, теперь этот человек мертв, и незачем его бояться!

— Прошу простить меня. — С этими словами Майгдин вышла из шатра.

Поднос и разбитые чашки — белые, словно осколки костей, — остались лежать на полу.

— С ней я разберусь позже, — смущенно сказала Фэйли. — Как вам известно, она из Кэймлина. Вот и разволновалась, когда узнала, что жила совсем рядом с Отрекшимся.

Остальные покивали, слуги принялись наводить порядок, а Перрин понял, что чая ему больше не принесут. «Глупец, — подумал он. — Почти всю жизнь ты сам наливал себе чай. Так что не умрешь, если твоя чашка не наполнится по мановению руки».

— Давайте продолжим. — Он снова поерзал на подушках. Ему никак не удавалось устроиться

поудобнее на этом треклятом сиденье.

— Мой доклад завершен, — отчеканила Сеонид, демонстративно игнорируя слугу, собиравшего осколки фарфора у ее ног.

— Остаюсь при прежнем мнении, — сказал Перрин. — Первым делом надо разобраться с белоплащниками. Затем отправимся в Андор, и я поговорю с Илэйн. Грейди, как у тебя дела?

Аша'ман в черном мундире поднял обветренное лицо:

— Я полностью восстановился после болезни, милорд, и Неалд тоже почти здоров.

— Однако вид у тебя усталый.

— Так и есть, — согласился Грейди, — но, чтоб мне сгореть, я чувствую себя лучше, чем когда днями возился в поле, прежде чем отправиться в Черную Башню.

— Пора бы отослать кое-кого из беженцев в родные места, — сказал Перрин. — С помощью этих ваших кругов ты способен открыть врата на продолжительное время?

— Полной уверенности нет. Работа в круге — занятие утомительное. Пожалуй, даже более утомительное, чем в одиночку. Но с помощью женщин я могу создавать переходные врата такого размера, что в них проедут два фургона.

— Отлично. Значит, начинаем отправлять обычных людей по домам. Каждый из ушедших — это камень с моих плеч.

— А если они не захотят уходить? — спросил Тэм. — Многие начали обучаться владению оружием, Перрин. Они знают, что грядет, и предпочли бы встретить будущее здесь, с тобой, нежели у себя дома.

О Свет! Неужели в лагере не найдется людей, желающих вернуться к своим семьям?

— Наверняка кто-то захочет уйти!

— Некоторые захотят, — согласился Тэм.

— Не забывайте, — напомнила Фэйли, — что айильцы отослали пожилых и слабых.

— Я проинспектировал войска, — кивнул Аранда. — Все больше гай'шайн выходят из ступора, превращаясь в выносливых и целеустремленных людей — не хуже многих виденных мною солдат.

— Некоторые захотят проведать семью, — добавил Тэм, — но только в том случае, если ты примешь их обратно. Они же видят это небо и понимают, чего ждать.

— Для начала отправим тех, кто намерен уйти и остаться дома, — сказал Перрин. — А с остальными разберемся, когда я разберусь с бе-

лоплащниками.

— Превосходно! — с жаром заявил Галленне. — У вас уже есть план битвы?

— Ну, — ответил Перрин, — если враг соблаговолит выстроиться в боевой порядок, его уничтожат лучники и те, кто умеет направлять.

— Одобряю, — сказал Галленне, — но только в том случае, если моим людям будет разрешено атаковать и добить уцелевших.

— Балвер! — окликнул секретаря Перрин. — Напиши белоплащникам. Скажи, что мы будем сражаться. Пусть выберут место для боя.

Эти слова он произнес с заметной неохотой. Уничтожить стольких людей, способных выйти на бой против Тени… Это попросту расточительно. Но других вариантов Перрин не видел.

Балвер кивнул. От него пахнуло яростью. Щуплый секретарь был ни много ни мало одержим белоплащниками. Видать, Дети Света изрядно ему насолили.

Собрание подошло к концу. Все стали расходиться. Встав у выхода, Перрин провожал взглядом группы участников. Аллиандре и Арганда направились к своей части лагеря. Фэйли шла рядом с Берелейн; как ни странно, они мило переговаривались, хотя от обеих пахло гневом.

Что они затевают?

Там, где лежал упавший поднос и расколотые чашки, осталось лишь несколько мокрых пятен. Что же случилось с Майгдин? Столь непредсказуемое поведение наводит на тревожные мысли; зачастую оно предшествует тому или иному проявлению силы Темного.

За спиной покашляли:

— Милорд?

Обернувшись, Перрин увидел Балвера. Тот ждал, сцепив руки на животе. В поношенной куртке и старой рубахе он походил на обряженное детьми тощее огородное пугало.

— Да? — сказал Перрин.

— Так уж вышло, что я, общаясь с кайриэнскими книжниками, узнал кое-что… гм… интересное.

— Ты же раздобыл бумагу и перья?

— Да-да, теперь у меня всего в достатке. Но попрошу минутку вашего внимания. Не сомневаюсь, что вам будет весьма любопытно выслушать меня.

— В таком случае говори. — Перрин вернулся в опустевший шатер.

— Во-первых, милорд, — негромким голосом начал Балвер, — оказалось, что Дети Света заключили союз с шончан. Теперь это общеизвестно, и

боюсь, что эти силы отправлены сюда, чтобы…

— Балвер, — перебил его Перрин, — я знаю, как сильно ты ненавидишь белоплащников. Однако эти новости я слышу от тебя уже в пятый раз.

— Да, но…

— Так, хватит про Детей Света, — поднял руку Перрин. — Если только речь не идет о конкретной армии по соседству. Тебе есть что сказать о ней?

— Нет, милорд.

— Вот и хорошо. Что еще ты хотел обсудить?

Балвер не выказал недовольства, но Перрин учуял, что от него пахну́ло досадой. Видит Свет, белоплащникам предстоит ответить за многое, и Перрин не винил Балвера за его ненависть, но, честно говоря, начинал от нее уставать.

— Еще, милорд, — продолжил Балвер, — я рискнул бы предположить, что слухи о желании Дракона Возрожденного замириться с шончан — не пустая болтовня. Некоторые источники подтверждают, что Дракон предложил их предводителю заключить перемирие.

— Что у него с рукой? — спросил Перрин, прогнав из сознания очередной образ Ранда.

— Прошу прощения, милорд?

— Нет-нет, ничего.

— Кроме того, среди кайриэнских воришек,

карманщиков и прочего разбойного люда ходит возмутительное множество рисунков. Вот таких. — Из рукава Балвер достал лист с изображением физиономии Перрина. Сходство было поразительным. Перрин хмуро взял листок. Надписей на нем не обнаружилось.

Балвер протянул Перрину второй рисунок, идентичный первому. На третьем был изображен Мэт.

— Откуда они у тебя? — осведомился Перрин.

— Как я уже говорил, милорд, эти листовки распространяют в специфических кругах. Очевидно, любому, кто предъявит ваше мертвое тело, обещаны очень большие деньги, хотя мне не удалось выяснить, кто должен будет выплатить эту награду.

— Все это ты узнал из разговоров с книжниками в школе Ранда? — спросил Перрин. — И листовки тоже у них обнаружились?

Узколицый писарь оставался бесстрастен.

— Кто ты такой, Балвер? Только честно.

— Секретарь. В какой-то мере умеющий разведывать секреты.

— В какой-то мере? Балвер, я не расспрашивал о твоем прошлом, поскольку считаю, что у каждого есть право начать жизнь с чистого листа. Но

теперь здесь белоплащники. Ты как-то связан с ними, и мне надо знать, что это за связь.

Какое-то время Балвер стоял молча, и тишину нарушал только шорох поднятых стенок шатра.

— Мой предыдущий наниматель был человеком, которого я уважал, милорд, — наконец произнес он. — Его убили Дети Света. Кое-кто из них может узнать меня.

— Ты шпионил на своего работодателя? — уточнил Перрин.

— Я склонен запоминать факты, милорд. Только и всего, — еще тише ответил Балвер и опустил уголки рта.

— Да, у тебя это неплохо получается. И твоя служба, Балвер, чрезвычайно полезна. Вот, собственно, и все, что я пытаюсь объяснить. Рад, что ты с нами.

Судя по запаху, Балвер остался доволен.

— Если позволите сказать, милорд, то очень приятно работать на человека, воспринимающего предоставленные мной сведения не как средство для того, чтобы предать или скомпрометировать окружающих.

— Если уж на то пошло, пора бы, наверное, платить тебе побольше, — сказал Перрин, и от Балвера пахнуло паникой.

— В этом нет необходимости.

— Но ты мог бы запросить самое высокое жалованье у какого-нибудь лорда или купца!

— Это мелкие люди, которые не имеют никакого значения, — пошевелил пальцами Балвер.

— Да, но здравый смысл подсказывает мне, что ты заслуживаешь куда большего. Если недоплачивать подмастерью в кузнице, при первой же возможности он откроет свою — через дорогу — и уведет у тебя постоянных клиентов.

— Ах, милорд, разве вы не понимаете, что деньги для меня ничто? — спросил Балвер. — Важны лишь сведения. Факты, открытия… они как золотые самородки. Можно отдать их обычному банкиру, чтобы из золота начеканили монет, но я предпочту поделиться ими с искусным мастером. Пусть эти самородки превратятся во что-нибудь прекрасное. Прошу, милорд, позвольте мне остаться простым секретарем. Видите ли, достаточно взглянуть на сумму жалованья, чтобы убедиться, что человек не тот, кем кажется. — Балвер усмехнулся. — Таким способом я вывел на чистую воду немало шпионов и убийц, уж поверьте. Оплаты не нужно. Возможность работать с вами — само по себе вознаграждение.

Перрин пожал плечами, но кивнул. Балвер уда-

лился. Перрин сунул рисунки в карман и вышел из шатра. Эти картинки его встревожили. Он готов был поспорить, что стараниями Отрекшихся таких листовок предостаточно и в Андоре.

И впервые Перрин поймал себя на том, что задумался, а не понадобится ли армия ему самому — чтобы защитить себя. Мысль была тревожная и неприятная.

* * *

Сметая последние укрепления, холм захлестнула волна звероподобных троллоков в шипастой черной броне. Рыча и завывая, они попирали толстопалыми ступнями темную салдэйскую землю, а в лапах сжимали мечи, дубины, боевые молоты, оснащенные крючьями копья и прочее смертоносное оружие. Одни исходили слюной, разинув клыкастые пасти, а другие, кривоклювые, сверкали большими, неправдоподобно человеческими глазами.

Итуралде со своими людьми занял оборону на обратной стороне холма, у его подножия. Военачальник уже приказал снять нижний лагерь и отступить вдоль берега реки как можно дальше на юг. Армия тем временем отошла от укреплений. Итуралде претила мысль сдавать высоту

неприятелю, но если наступающий враг станет теснить его по крутому обратному склону, то все может закончиться самым гибельным образом. А раз уж есть пространство для отступления, не грех им воспользоваться — тем более теперь, когда оборонительных сооружений больше нет.

Свои силы Итуралде разместил у самого основания холма — неподалеку от того места, где раньше находился нижний лагерь. Доманийские солдаты в стальных шлемах, воткнув древки четырнадцатифутовых пик в землю — для большей устойчивости, — направили стальные наконечники навстречу вздымающейся волне троллоков. Классическое построение для обороны: три шеренги пикинеров и щитоносцев, пики направлены к вершине холма. Солдат первой линии, заколов троллока, отступит, высвобождая оружие, и его место займет боец из следующего ряда. И так далее: медленное, продуманное отступление, шеренга за шеренгой.

Лучники, стоявшие в четвертом и пятом рядах, принялись осыпать отродий Тени залпами стрел, и многие из тварей покатились вниз по склону, одни с воплями, другие — молча, забрызгивая землю темной кровью, — но основная масса продолжала спуск по трупам собратьев, стремясь

добраться до пикинеров.

Неподалеку от Итуралде расстался с жизнью на длинном копье орлоголовый троллок с растрескавшимся клювом, хищными глазами, бычьей шеей и перьями, чьи края покрывала какая-то темная маслянистая субстанция. Умирая, чудище издало вопль, басовитый и лишь отдаленно похожий на птичий, выкрикнув какие-то слова на гортанном троллочьем наречии.

— Стоять! — возвысил голос Итуралде, направляя коня вдоль шеренги пикинеров. — Держать строй, чтоб вам сгореть!

Троллоки, волной скатываясь по склону, принимали смерть на остриях пик. Но это лишь временное облегчение, тактическая проволочка. Тварей слишком много, и в итоге они сомнут барьер из трех сменяющих друг друга шеренг. Остальные войска уже начали отступать. Когда ослабнут ряды, Аша'маны выиграют время для отхода пикинеров, приняв на себя груз обороны…

Если Аша'манам хватит сил. Итуралде требовал от них многого. Наверное, даже слишком многого. Он знал, каковы возможности обычных солдат, но не понимал, до какого предела можно доводить Аша'манов. Если они сумеют сдержать натиск троллоков, войска отступят на юг — мимо

Марадона, в котором можно было бы укрыться, но в город их не пустят. Все попытки Итуралде договориться с теми, кто сидел в безопасности за городскими стенами, из раза в раз заканчивались категорическим отказом: «Мы не намерены содействовать захватчикам». Треклятые балбесы.

Что ж — троллоки, по всей вероятности, начнут продолжительную осаду Марадона, а у людей Итуралде появится время отступить и найти для себя более пригодную для обороны позицию.

— Держать строй! — снова выкрикнул он, минуя участок, где вражеский натиск начинал давать результат. По валу на вершине холма рыскала стая троллоков с волчьими головами, в то время как остальные чудища устремились в атаку вниз по склону.

— Лучники! — указал на них Итуралде.

И ливень стрел обрушился на волкоголовых троллоков — принявшие Дракона солдаты в армии Итуралде взяли за обыкновение называть их «умниками». У троллочьих стай и отрядов имелась своя структура, но люди Итуралде зачастую именовали этих тварей по характерным чертам. Так, козлы становились «рогами», ястребы — «клювами», а медведи — «лапами». Что касается волчьих голов, они нередко проявляли

ум и сообразительность; по утверждениям некоторых салдэйцев, такие троллоки умели говорить по-человечески, чтобы перехитрить противника или поторговаться с ним.

К настоящему времени Итуралде немало узнал о троллоках — ибо воину надо знать своего врага, — но, к несчастью, эти твари были чрезвычайно разнообразны и по характеру, и по умственным способностям. К тому же многие из них представляли собой средоточие физических особенностей самых разных троллочьих видов. К примеру, Итуралде готов был поклясться, что видел совсем уж мерзостное чудище с ястребиными перьями и козлиным рогами.

Троллоки с головами волков попытались было уклониться от стрел, но крупный отряд громадных сородичей столкнул их с холма, и волкоголовые с ревом бросились вниз. Обычно троллоки, когда не голодны, трусоваты, но, если довести их до бешенства, неплохо сражаются.

Когда у лучников закончатся стрелы, а троллоки проредят шеренги обороны, за первой волной наступающих последуют Исчезающие. Не сказать, что Итуралде с нетерпением ждал этого момента.

«О Свет, — подумал он, — надеюсь, мы сумеем

их сдержать». Аша'маны ждали его приказов в некотором отдалении; жаль, что не ближе, но рисковать было нельзя. Они слишком ценные бойцы. Негоже подставлять таких под случайные стрелы.

Хотелось бы надеяться, что пикинеры серьезно потреплют передовые ряды троллоков — на земле уже громоздились трупы, а шедшие за ними спотыкались и падали на окровавленные тела сотоварищей. Выживших, после того как в дело вступят Аша'маны, сомнут оставшиеся у Итуралде салдэйские кавалеристы. Затем пикинеры смогут отступить вслед за остальными войсками. За Марадоном Аша'маны откроют переходные врата, и армия переместится на новую позицию, выбранную Итуралде, — в лесистое ущелье примерно в десяти лигах южнее.

Его людям должно хватить времени на бегство. Должно. О Свет, но как же ему не нравится руководить столь поспешным отступлением!

«Соберись, — велел он себе, не останавливаясь и продолжая выкрикивать приказы держать строй. Важно, чтобы солдаты слышали его голос. — Этот мальчишка — сам Дракон Возрожденный. Он не нарушит данного слова».

— Милорд! — раздался чей-то голос, и телохра-

нители расступились, пропуская запыхавшегося юношу-вестового. — Милорд, я насчет лейтенанта Лидрина!

— Он пал в бою? — осведомился Итуралде.

— Нет, милорд. Он… — Юноша глянул за плечо. Ближайшая шеренга пикинеров не отступала от волны троллоков, но шла ей навстречу.

— Что это, во имя Света? — Итуралде пришпорил мерина, и Рассветный галопом помчался вперед, а следом под громозвучный аккомпанемент копыт рванули телохранители и вестовой.

Даже за ревом сражения Итуралде слышал возгласы Лидрина. Крича во все горло, молодой офицер-доманиец, вооружившись щитом и мечом, шел в атаку перед строем пикинеров. Люди Лидрина бросились ему на помощь, а остальные солдаты растерялись и не понимали, что делать.

— Дурак ты, Лидрин! — осадил мерина Итуралде.

— Ну, давайте! — рычал забрызганный кровью Лидрин, размахивая мечом перед троллоками. Он громко расхохотался, и это был смех человека на грани безумия. — Подходите хоть все разом! Мой меч измучился от жажды!

— Лидрин! — пронзительно крикнул Итуралде. — Лидрин!

Тот оглянулся через плечо. В глазах его светилось бешеное ликование. Итуралде не раз видел такое в глазах солдат после изнурительного побоища.

— Мы все умрем, Родел! — отозвался Лидрин. — Но так я заберу с собой хотя бы одного, а то и двоих! Присоединяйся!

— Лидрин, вернись и…

Не обратив внимания на его слова, лейтенант пошел навстречу врагу.

— Вернуть его людей сюда! — выкрикнул Итуралде, подкрепив приказ жестом. — Сомкнуть ряды пикинеров! Быстро! Нельзя…

Троллоки хлынули вперед, брызнула кровь, и Лидрин упал, не переставая хохотать. Его люди, не выдержав натиска, расступились, пикинеры кое-как сомкнули ряд, но тут в него врезался троллочий кулак. Некоторые монстры погибли на месте.

Но совсем немногие.

Остальные, заметив брешь в обороне, с визгом и воем перебирались через трупы у подножия холма и набрасывались на пикинеров.

Итуралде выругался и пришпорил Рассветного. На войне, как и в фермерских делах, ты иной раз оказываешься по колено в навозе. Издав оглу-

шительный рев, Итуралде врезался в троллоков, подоспевшие конные телохранители закрыли брешь в шеренге, и разразилась буря, наполнившая воздух воплями раненых и звоном металла о металл.

Рассветный фыркал и гарцевал, а Итуралде разил троллоков мечом. Боевому коню не нравилась близость отродий Тени, но он был отлично обучен. Подаривший его человек Башира заявил, что военачальнику Пограничных земель не обойтись без коня, уже побывавшего в сражениях с троллоками, и теперь Итуралде помянул этого солдата добрым словом.

Началась жесточайшая схватка. Попятилась первая шеренга пикинеров, за ней остальные. Краем уха Итуралде услышал голос Анкайра: тот, приняв командование на себя, кричал солдатам, чтобы те держали строй. Орал как умалишенный. Это плохо.

Итуралде размахнулся и приемом конного фехтовальщика, известным как «Цапля на пне», рассек горло троллоку с бычьей головой. Брызнула зловонная буроватая кровь, и тварь завалилась на монстра с кабаньими клыками. На вершине холма показался громадный красный штандарт с изображением козлиного черепа на фоне языков

пламени. То была эмблема стаи гоб'хлин.

Развернув мерина — тот едва отпрыгнул от страшного удара топором, — Итуралде направил его вперед и вонзил меч под ребра следующему троллоку. Двое лучших его бойцов — Вельборн и Лехинен — пали, защищая командира с фланга. Сожги их Свет, этих троллоков!

Шеренга дрогнула. Почти все солдаты попятились. Итуралде с телохранителями остались в абсолютном меньшинстве. «Нет, нет, нет!» — думал Итуралде, пытаясь высвободиться из схватки и вернуться к командованию, но… Если он отступит, троллоки прорвут линию обороны.

Пришло время рискнуть. Итуралде был готов к подобному развитию событий.

Горн сыграл отступление.

Итуралде похолодел, с ужасом слушая, как разлетается над полем брани этот призрачный звук. Горнисты не должны были подавать сигнал, не получив личного приказа от командира или кого-то из его телохранителей. Рано, рано, слишком рано!

Некоторые трубачи подхватили сигнал к отступлению, остальные нет — должно быть, поняли, что первый поторопился. Увы, но неразбериха лишь ухудшила ситуацию: часть пикинеров

отступила, а другие остались держать позицию.

Слева и справа от Итуралде шеренга рассыпалась под натиском троллоков. Дело дрянь. В таком катастрофическом положении Итуралде оказался впервые, и меч едва не выскользнул из его ослабевших пальцев.

«Если мы не выстоим, отродья Тени уничтожат Арад Доман».

Итуралде взревел, дернул поводья Рассветного и галопом ускакал от накатывающей волны троллоков. Оставшиеся в живых телохранители последовали за ним.

— Гелмке, Кутарис! — крикнул он двоим из своих людей, крепким длинноногим доманийцам. — Передайте Дархэму, чтобы его кавалерия при первой же возможности атаковала центр. Каппре, пусть конница Алина сомнет восточный фланг троллоков. Соррентин, скачи к Аша'манам! Хочу видеть, как они сожгут этих тварей!

Всадники умчались выполнять приказ, а Итуралде направился на запад, где пикинеры еще сдерживали натиск врага. Он намеревался перебросить заднюю шеренгу на ослабленный участок и почти успел, но тут появились мурддраалы. Маслянистыми змеями они скользнули через троллочьи ряды, а с неба спустилась стая

драгкаров.

Итуралде обнаружил, что сражается за свою жизнь.

На поле боя воцарился жуткий беспорядок: почти все солдаты бросились врассыпную, повсюду в поисках легкой добычи сновали троллоки, а мурддраалы пытались погнать их в атаку на последние шеренги пикинеров.

В воздухе замелькали нацеленные на троллоков огни Аша'манов, но сегодня они были меньше и слабее, чем несколько дней назад. Кричали люди, рычали нелюди, лязгало оружие, и все это происходило в дыму под небом, затянутым чернейшими тучами.

Итуралде не мог отдышаться. Его телохранители погибли. По крайней мере, он видел смерть Стэйвена и Ретта. Что с остальными? Он нигде их не видел. Столько павших… Великое множество. Пот заливал ему глаза.

«О Свет, — подумал Итуралде, — мы хотя бы не пропустили их без боя. И продержались дольше, чем я предполагал».

На севере вздымались столбы дыма. Хоть что-то прошло как надо: Аша'ман Тимот сделал, что должен был сделать, и теперь второй ряд осадных машин сгинет в пламени. Некоторые офицеры

считали, что выводить Аша'мана из битвы — чистой воды безумие, но еще один боец, способный направлять Силу, не сумел бы переломить ход этого печального сражения. А когда троллоки нападут на Марадон, нехватка катапульт заметно облегчит жизнь защитникам города.

Рассветный упал. Предназначавшееся Итуралде троллочье копье прошло ниже и угодило мерину в шею. Тот всхрапнул, и из раны на потную шкуру хлынул кровавый фонтанчик. Итуралде не впервые терял коня и знал, что в таких случаях надо откатиться вбок, но не успел вовремя среагировать и услышал, как при ударе о землю хрустнула нога.

Он стиснул зубы — это не дело, умирать лежа на спине, — и заставил себя сесть. Отбросив клинок — пусть даже и с клеймом цапли, — он ловко подхватил бесхозную сломанную пику и пронзил ею грудь ближайшего троллока. По древку заструилась темная зловонная кровь, она забрызгала руки Итуралде, а троллок вскрикнул и умер.

Прогремел гром. Ничего необычного. По этим зловещим тучам нередко раскатывался гром, зачастую никак не связанный со вспышками молний.

Итуралде привстал, отшвырнул троллока в

сторону, воспользовавшись пикой в качестве рычага. И тут его заметил мурддраал.

Скрипя зубами, Итуралде потянулся к мечу. Он понимал, что смотрит на своего убийцу. Эта тварь способна уложить десяток человек, и сражаться с ней, когда у тебя сломана нога…

Итуралде все равно попытался встать, но не смог. Он упал на спину, выругался и поднял меч, приготовившись умереть. Исчезающий скользнул вперед, текучий, словно вода…

И его пронзил десяток стрел.

На глазах у Итуралде существо споткнулось и упало. Снова прогремел гром, теперь ближе. Приподнявшись, Итуралде изумленно смотрел, как тысячи незнакомых всадников в боевом построении сеют хаос в рядах троллоков.

«Дракон Возрожденный! Он пришел!»

Но нет. Над конницей развевался салдэйский флаг. Оглянувшись, Итуралде увидел, что ворота Марадона распахнуты — выживших защитников, израненных и усталых, все же впустили в город, — а с зубчатых стен летят огненные шары: значит, его Аша'манам позволили занять выгодную позицию над полем боя.

Отряд из двадцати всадников, отделившись от основных сил, втоптал мурддраала в грязь, а

последний солдат спрыгнул с коня и прикончил тварь коротким топором. По всему полю битвы падали троллоки, сраженные стрелой или кавалерийским копьем.

Но это ненадолго. Перекатываясь через остатки укреплений Итуралде, вниз по склону вприпрыжку мчались все новые и новые монстры. Однако если принять во внимание открытые городские ворота и разрушительную огненную поддержку Аша'манов, салдэйского подкрепления будет вполне достаточно. Остатки войска Итуралде отступали в безопасное место. Он с гордостью вздохнул, увидев, что к нему пробираются последние выжившие телохранители — Бареттал и Коннел — в окровавленной униформе и пешими, ибо кони их, вне всяких сомнений, были мертвы.

Итуралде убрал меч в ножны, высвободил из шеи Рассветного копье и, опираясь на него, сумел подняться на ноги. К нему подскакал всадник-салдэйец — с худым лицом, крючковатым носом, коротко стриженной бородой и кустистыми черными бровями.

— Ты выжил, — провозгласил незнакомец, воздев окровавленный меч.

— Похоже на то, — согласился Итуралде, бросив

взгляд на подоспевших телохранителей. — Кто командует этим войском? Ты?

— В данный момент — да, — подтвердил салдэйец. — Меня зовут Йоэли. Верхом ехать сможешь?

— Всяко лучше, чем оставаться здесь.

Йоэли протянул Итуралде руку и помог взобраться себе за спину. Ногу Итуралде пронзила жгучая боль, но дожидаться носилок было некогда.

Двое других всадников подобрали телохранителей Итуралде, и вскоре все три коня галопом скакали в сторону города.

— Благослови вас Свет, — сказал Итуралде. — Хоть вы и не спешили.

— Знаю. — Голос Йоэли прозвучал на удивление мрачно. — Надеюсь, ты того заслуживаешь, захватчик. По всей вероятности, сегодняшний поступок будет стоить мне жизни.

— Что?

Салдэйец не ответил. Под топот копыт он увозил Итуралде в город — безопасный, насколько вообще может быть безопасен город, осажденный сотнями тысяч отродий Тени.

* * *

По пути из лагеря никто не остановил Моргейз, хотя некоторые посматривали на нее с заметным удивлением. Она вышла к северному перелеску. Каповые дубы росли здесь нечасто — так, чтобы хватало места для их раскидистых ветвей, — и Моргейз, глубоко дыша влажным воздухом, ступила под их сень.

Гейбрил был одним из Отрекшихся.

Наконец она нашла место, где в прощелине меж двух скал журчал горный ручеек, стекавший в спокойное прозрачное озеро. Высокие камни громоздились вокруг него, словно остатки древнего трона, выстроенного для великана ростом в пятнадцать спанов.

Высоко на деревьях оставалась листва, хотя у многих листьев был нездоровый вид. Тучи ненадолго расступились, позволив солнцу приласкать землю, и его редкие лучи проникали в озеро до самого дна, рисуя на нем световые узоры, над которыми, будто исследуя этот свет, сновали мальки.

Обогнув озеро, Моргейз устроилась на плоском валуне. Издали доносился шум лагеря — возгласы, удары молотков по колышкам и грохот

повозок на дорожках.

Моргейз уставилась в воду. Есть ли что-то более отвратительное, чем стать пешкой в руках другого человека и следовать воле своего кукловода, словно деревянная марионетка? В юности она хорошо уяснила, каково оно — склоняться перед чужой прихотью. То был для нее единственный способ укрепить свою власть.

Таринге́йл пытался манипулировать ею… По правде говоря — по большей части небезуспешно. Да и другие. Многие вынуждали ее поступить так, а не иначе. Десять лет Моргейз угождала той или иной фракции, проявлявшей наибольшую силу. Десять лет она понемногу обзаводилась союзниками. И добилась своего. В конце концов она обрела возможность действовать самостоятельно. Когда Таринге́йл погиб на охоте, многие перешептывались, что его смерть даровала Моргейз свободу. Но приближенные знали, что Моргейз давно уже начала выходить из-под его власти.

Она вспомнила день, когда избавилась от последних из тех, кто считал себя настоящей властью, стоящей за троном. В тот день она сердцем почувствовала, что стала истинной королевой. И поклялась, что отныне никто не повлияет на

ее решения.

А потом, годы спустя, появился Гейбрил. Потом был Валда, и это оказалось еще хуже. По крайней мере, с Гейбрилом она не понимала, что происходит, и это неведение притупляло боль.

Захрустели сухие ветки. К озеру кто-то шел. Опять сгустились тучи, свет потускнел, узоры на дне померкли, и мальков уже не было видно.

Человек остановился возле камня, на котором сидела Моргейз.

— Я ухожу, — раздался голос Талланвора. — Айбара позволил своим Аша'манам открывать переходные врата. Начнут с дальних городов. Я отправляюсь в Тир. Если верить молве, там снова есть король. Он собирает армию для Последней битвы, и я хочу примкнуть к ней.

Моргейз устремила взгляд за деревья. Местность мало походила на настоящий лес.

— Говорят, ты такой же целеустремленный, как и Златоокий, — тихо произнесла она. — И без устали ищешь способ освободить меня — так сосредоточенно, что едва находишь время на еду.

Талланвор промолчал.

— До тебя я не встречала таких мужчин, — продолжила она. — Таринге́йл видел во мне пешку, послушное орудие; Том — красавицу, чью любовь

нужно завоевать; Гарет — королеву, которой надо служить. Но никто из них не посвятил мне всю свою жизнь и все свое сердце. Думаю, Том и Гарет любили меня, но как птицу в клетке, за которой ухаживают, а потом выпускают на волю. Ты же… Вряд ли ты когда-нибудь отпустишь меня.

— Не отпущу, — негромко подтвердил Талланвор.

— Но отправляешься в Тир. Хотя говорил, что никогда не уйдешь.

— Мое сердце останется здесь, — сказал он. — Я прекрасно знаю, что такое любовь на расстоянии, Моргейз. Так было много лет до начала этого дурацкого путешествия, и так будет впредь. Предательское сердце! Быть может, какой-нибудь троллок сделает мне одолжение и вырвет его из моей груди.

— Так горько… — прошептала она.

— Ты ясно дала понять, что обойдешься без моей заботы. Королева и простой гвардеец… Это же откровенная глупость.

— Я уже не королева, — сказала она.

— Теперь у тебя нет титула, Моргейз, но твоя суть осталась прежней.

В озеро упал лист — с округлыми краями, насыщенно-зеленого цвета. Ему бы жить да жить…

— Знаешь, что хуже всего? — спросил Талланвор. — Надежда. Я позволяю себе надеяться. Странствуя с тобой, защищая тебя, я надеялся, что ты все видишь. Что тебе не все равно. А его… его ты забудешь.

— Кого?

— Гейбрила! — выпалил Талланвор. — Я же вижу, что ты до сих пор думаешь о нем. Даже после всего, что он с тобой сделал. Мое сердце остается здесь, но твое по-прежнему в Кэймлине. — (Краем глаза Моргейз увидела, как он разворачивается, чтобы уйти.) — Что бы ты в нем ни видела, во мне этого нет. Я самый простой, самый обычный гвардеец, причем идиот, не умеющий найти верных слов. Ты же льнула к Гейбрилу, а он чуть ли не пренебрегал тобой. Такова любовь. Кровь и пепел, у нас с тобой то же самое, только наоборот!

Она ничего не ответила.

— Вот почему я должен уйти, — продолжил Талланвор. — Теперь ты в безопасности, а остальное не имеет значения. Да поможет мне Свет, это единственное, до чего мне есть дело!

И он пошел прочь, похрустывая сухими ветвями.

— Гейбрил был одним из Отрекшихся, — промолвила Моргейз.

Похрустывание стихло.

— На самом деле его звали Равин, — продолжила она. — И он подмял под себя Андор с помощью Единой Силы, вынуждая людей действовать по своей прихоти.

Талланвор со свистом втянул воздух, и ветви снова захрустели под его торопливыми шагами.

— Ты уверена? — подошел он к Моргейз.

— Уверена ли я? Нет. Но все сходится. Нельзя не придавать значения происходящему во всем мире, Талланвор, — погоде, моментальной порче продуктов, поступкам этого Ранда ал'Тора. Он не Лжедракон, и Отрекшиеся, по всей видимости, снова на свободе. Будь ты одним из них, как поступил бы? Набрал бы армию, захватил бы власть силой? Или просто вошел бы во дворец и взял королеву в консорты? Подчинил бы ее волю своей, получил бы возможность действовать, как тебе заблагорассудится, захватил бы ресурсы целой страны — без труда, пальцем о палец не ударив…

Теперь Моргейз, подняв голову, смотрела далеко на север, в сторону Андора.

— Это называют Принуждением, — произнесла она. — Омерзительное темное плетение, лишающее принужденного воли. Мне не положено знать о его существовании. Ты говоришь, что я

думаю о нем. Да, это так. Я думаю о нем и ненавижу его всей душой. Еще ненавижу себя за все, что позволила ему сделать, и в глубине души понимаю: появись он здесь, потребуй от меня чего-нибудь еще, то получил бы все, что угодно. Я не смогла бы устоять. Но то, что я чувствую к нему… это желание и ненависть, переплетенные, будто два локона в одной косице. Но вовсе не любовь. — Она повернулась к Талланвору и посмотрела на него. — Я знаю, что такое любовь, и никогда не любила Гейбрила. Вряд ли он и ему подобные понимают, каково это — любить по-настоящему.

Талланвор перехватил ее взгляд. У него были темно-серые глаза, ясные и ласковые.

— Женщина, ты опять даешь мне эту чудовищную надежду. Будь осторожнее с выбором пути.

— Мне надо подумать. Не мог бы ты пока воздержаться от путешествия в Тир?

— Моргейз, — поклонился Талланвор, — если от меня что-то потребуется — все, что угодно, — тебе надо лишь попросить. По-моему, я понятно выразился. Сейчас же попрошу вычеркнуть мое имя из списка.

И он ушел. Моргейз смотрела ему вслед. Вокруг было тихо — ни ветерка в деревьях, ни ряби на глади озера, — но в сердце у нее кипела буря.

Глава 22
Конец легенды

По ночам Гавин не видел ран Белой Башни.

В темноте не отличить замысловатую красавицу-фреску от стены, выложенной разнородными плитками. По ночам прекраснейшие здания Тар Валона превращались в темные глыбы.

И еще по ночам тьма латала черными бинтами пробоины и шрамы на стенах Белой Башни. Ясное дело, из-за туч здесь стояла такая темнота, что невозможно было сказать, какого она цвета, эта Башня, белого или черного. Да и по ночам это не имело никакого значения.

Гавин прохаживался по территории Белой Башни в штанах из плотной материи и красной куртке с золотым шитьем. Что-то вроде унифор-

мы, но не имеющей отношения ни к одному знатному Дому, ни к одной стране. Похоже, в последнее время Гавин действительно был сам по себе. Едва осознавая, что делает, он приблизился к восточному входу в Башню, словно вознамерившись подняться к спальным покоям Эгвейн. Затем Гавин очнулся, решительно выпятил подбородок и свернул в другую сторону.

Ему не мешало бы поспать, но, проведя без малого неделю в карауле у двери в спальню Эгвейн, он, что называется, день с ночью перепутал. Может, стоило остаться в своих апартаментах и отдохнуть, но комнаты в казармах Белой Башни казались ему слишком тесными.

Рядом прошествовали меж пучков травы два бродячих кота. В их глазах отражался свет факела над караулкой. Заметив Гавина, коты прильнули к земле, словно размышляя, не стоит ли на него напасть. Над головой кружила невидимая сова, выдавшая себя, уронив одно-единственное перо. По ночам проще притворяться. Некоторые так и проводят всю жизнь, предпочитая гардины тьмы раскрытым окнам дневного света, поскольку позволяют себе видеть лишь теневую сторону мира.

Стояло лето, но хотя день был жарким, ночь оказалась на удивление холодной. Дунул ветерок,

и Гавин задрожал. После гибели той несчастной Белой сестры убийства не повторялись. Когда же злоумышленник нанесет очередной удар? Быть может, в этот самый момент он — или она — пробирается по коридору, выискивая одинокую Айз Седай, как те двое котов высматривают мышей.

Эгвейн запретила Гавину караулить возле спальни, но это не значит, что ему нельзя патрулировать владения Белой Башни. Но толку-то слоняться вокруг нее? Он должен быть внутри. Там у него есть шанс принести хоть какую-то пользу. С этой мыслью Гавин направился к входу, предназначенному для слуг.

Коридор с низким потолком был чист и неплохо освещен, подобно прочим переходам Башни, хотя пол здесь выложили не глазурованной плиткой, а тускло-серым сланцем. В открытой комнате справа переговаривались и смеялись: сменившиеся с постов стражники приятно проводили время с товарищами. Гавин бросил на них беглый взгляд, но застыл на месте, узнав некоторых мужчин:

— Мазон? Целарк? Занг? Чем это вы занимаетесь?

Все трое подняли глаза, но тревога тут же сменилась досадой: они были в числе десятка Отроков, игравших в кости и куривших трубки

в обществе свободных от дежурства гвардейцев Башни. Отроки без особой охоты поднялись на ноги и поприветствовали Гавина воинским салютом, хотя он уже не был их командиром. Однако юноши, похоже, не до конца осознавали это обстоятельство.

Самый авторитетный из них — Целарк, худощавый парень с толстыми пальцами и светло-каштановыми волосами, — торопливо подошел к Гавину.

— Ничем особенным, милорд, — ответил он. — Так, развлекаемся. Не делаем ничего дурного.

— Ты же знаешь, что подобное поведение Стражам не по вкусу, — сказал Гавин. — Если станет известно, что вы засиживаетесь за игрой, ни одна Айз Седай не свяжет вас узами.

— Да, милорд, — поморщился Целарк, и эта гримаса была вымученной.

— Что такое? — спросил Гавин. — Давай выкладывай.

— Тут такое дело, милорд, — начал Целарк. — Мы… вернее, некоторые из нас не уверены, что хотят быть Стражами. Сами знаете, не все пришли сюда по этой причине. Кто-то, как и вы, хотел учиться у лучших. А остальные… ну, теперь многое изменилось.

— Что именно? — уточнил Гавин.

— Да глупости все это, — опустил глаза Целарк. — Вы, конечно, правы. Утром у нас тренировочный бой, но… мы же видели, что такое война. Теперь мы солдаты. Стать Стражем — главное устремление мужчины, но некоторые из нас предпочли бы не терять, что имеют. Понимаете?

После паузы Гавин кивнул.

— Когда я только пришел в Башню, — продолжил Целарк, — мне не хотелось ничего, кроме как быть Стражем. Но теперь я не уверен, что хочу положить всю жизнь ради защиты одной-единственной женщины, стать отшельником и кочевать по сельской местности.

— Можешь стать Стражем Коричневой сестры. Или Белой, — сказал Гавин. — Тогда останешься в Башне.

— Со всем уважением, милорд, — насупился Целарк, — такой вариант ничем не лучше. Стражи… Их жизнь отличается от жизни других мужчин.

— Это уж точно, — согласился Гавин, подняв глаза к далекой спальне Эгвейн. Нет, он не пойдет искать эту дверь. Усилием воли он перевел взгляд обратно на Целарка. — В выборе иного пути нет ничего дурного.

— Если послушать других, так придешь к про-

тивоположному выводу.

— Другие заблуждаются, — сказал Гавин. — Собери всех, кто хочет остаться в Отроках, и завтра доложи о ситуации капитану Чубейну. Я с ним поговорю. Готов спорить, вы пригодитесь ему в качестве отдельного отряда гвардии Башни. При нападении шончан он потерял немало людей.

— Поговорите, милорд? — заметно расслабился Целарк.

— Ну конечно. Я же был вашим командиром. Для меня это большая честь.

— Не хотите ли… Может, вы присоединитесь к нам? — с надеждой спросил юноша.

— У меня другой путь, — покачал головой Гавин. — Но будь на то воля Света, я останусь рядом и присмотрю за вами. — Он кивнул на комнату. — Возвращайся к игре. Я и перед Макзимом замолвлю за вас словечко.

Макзим был угрюмый толсторукий Страж, в настоящее время руководивший обучением тех, кто хотел стать Стражем.

Целарк с благодарностью кивнул и поспешил к своим приятелям, а Гавин побрел по коридору дальше, желая лишь, чтобы его выбор был таким же легким, как выбор его людей.

Преодолев полпути к комнатам Эгвейн, он все

же сообразил, что делает, и остановился. «Мне надо как-то отвлечься». Час еще не поздний. Быть может, ему удастся найти Брина и забыться за разговором.

Гавин направился к покоям Брина. У того тоже было довольно странное положение в Башне: Страж прежней Амерлин, командующий победоносной армии Эгвейн, прославленный полководец, великий капитан… Его дверь была приоткрыта, и через щель голубую плитку коридора расчертила полоска света. Брин, если не спал, никогда не закрывал своей двери — на случай, если он понадобится кому-то из офицеров. Зачастую он ночевал не здесь, а в одном из командных пунктов, разбросанных по всему острову, или в соседней деревне.

Гавин тихонько постучал.

— Войдите, — раздался твердый и хорошо знакомый голос.

Гавин скользнул в комнату и вернул дверь в прежнее положение.

Сидя за расшатанным на вид столом, Брин что-то писал. Он бросил взгляд на Гавина:

— Минутку.

Гавин ждал. Стены комнаты были увешаны картами Тар Валона, Андора, Кайриэна и приле-

гающих областей. Брин готовился к войне. Судя по недавним многочисленным пометкам, сделанным красным мелком, он понимал, что рано или поздно придется защищать от троллоков сам Тар Валон. На нескольких картах были северные деревни с перечнем укреплений — если таковые вообще имелись — и замечаниями насчет их верности Тар Валону. Некоторые из этих населенных пунктов станут аванпостами, другие — базами снабжения. Рядом висела еще одна карта с обведенными кружком древними сторожевыми башнями, развалинами и фортификационными сооружениями.

В методичных расчетах Брина чувствовались срочность и неотвратимость. Он собирался не возводить укрепления, но использовать те, что есть, и направлял войска в наиболее подходящие, по его мнению, деревни; еще одна карта показывала, как протекает набор войск.

Лишь оказавшись в этой комнате, вдыхая отдающий плесенью запах старой бумаги и дым горящих свечей, Гавин осознал всю реальность надвигавшейся войны. Еще чуть-чуть, и она начнется. Дракон сломает печати на узилище Темного. Он сказал, чтобы Эгвейн встретилась с ним на Поле Меррилор, и это место — к северу от-

сюда, на шайнарской границе — было отмечено на картах ярко-красной точкой.

Освободить Темного, развязать ему руки… О Свет! Рядом с этим проблемы Гавина теряли всякое значение.

Дописав письмо, Брин присыпал лист песком, сложил его и взял воск и печатку:

— Не поздновато ли для визитов, сынок?

— Да, но я подумал, вы еще не спите.

— Верно, не сплю. — Брин капнул на письмо воск. — Чего ты хотел?

— Посоветоваться, — сказал Гавин, опустившись на табурет.

— Если речь не о размещении воинского отряда или возведении укреплений на вершине холма, боюсь, вряд ли я смогу что-то посоветовать. Так о чем ты хотел поговорить?

— Эгвейн запретила мне защищать ее.

— Поверь, у Амерлин имелись на то свои причины. — Брин спокойно запечатал письмо.

— Причем безрассудные, — заявил Гавин. — У нее нет Стража, а в Башне орудует убийца.

«И это одна из Отрекшихся», — добавил он про себя.

— Оба утверждения верны, — согласился Брин, — но тебе-то какое дело?

— Я должен ее защитить.

— Скажи, Амерлин просила тебя о защите?

— Нет.

— Вот именно. Насколько я помню, она также не просила тебя заявляться в Башню, как не просила ходить за ней по пятам, словно пес, потерявший хозяина.

— Но я нужен ей! — воскликнул Гавин.

— Любопытно. Прошлый раз, когда у тебя возникла подобная мысль, ты — кстати, не без моей помощи — едва не угробил несколько недель трудов Эгвейн по воссоединению Белой Башни. Бывает, сынок, в нашей помощи нет необходимости. И не важно, с какой легкостью мы предлагаем ее или насколько неотложной она кажется.

Гавин сложил руки на груди, но прислоняться к стене не стал, дабы не помять карту окрестных фруктовых садов. По некой причине одна из деревень близ Драконовой горы была обведена четырьмя кружками.

— То есть советуете оставить Эгвейн без защиты и ждать, пока ее не ударят ножом в спину?

— Я ничего не советовал. — Брин принялся листать какие-то рапорты, лежавшие у него на столе. В мерцании свечей его лицо казалось особенно жестким. — Лишь высказал некоторые

соображения. И вывод, что тебе следует оставить ее в покое, кажется мне довольно странным.

— Я… Брин, я не понимаю ее!

Изогнув уголок рта в насмешливой улыбке, Брин отложил бумаги и повернулся к Гавину:

— Я предупреждал, что от моих советов мало пользы. И не уверен, что есть ответы, которые устроили бы тебя. Но позволь спросить: чего ты хочешь, Гавин Траканд?

— Эгвейн, — немедленно ответил тот. — Я хочу быть ее Стражем.

— Выбери одно из двух.

Гавин нахмурился.

— Ты хочешь Эгвейн? Или желаешь стать ее Стражем?

— Стражем, конечно! И… и… ну, я хочу на ней жениться. Я люблю ее, Брин.

— По-моему, это две разные вещи. Схожие, но отдельные друг от друга. Если забыть об Эгвейн, чего ты хочешь?

— Ничего, — ответил Гавин. — Для меня нет ничего, кроме нее.

— В том-то и проблема.

— Почему же это проблема? Я люблю ее!

— Ты уже говорил. — Брин смотрел на него — одна рука на столе, другая на колене, — и Га-

вин едва не съежился под этим взглядом. — Ты всегда был горячим парнем, Гавин. Как твои мать и сестра. Импульсивным и, в отличие от твоего брата, совершенно нерасчетливым.

— Галад ничего не рассчитывает, — возразил Гавин. — Он просто действует, и все.

— Нет, — сказал Брин. — Пожалуй, я неверно выразился. Пусть Галад не расчетлив, но он и не импульсивен. Импульсивность — это необдуманные поступки, а Галад хорошенько все обдумал, разработал собственный моральный кодекс и теперь способен действовать быстро и решительно — ведь он уже знает, что делать. Но твоими поступками управляет страсть. Ты руководствуешься не разумом, а чувствами, действуешь второпях, на эмоциональном надрыве. Это придает тебе сил: ты вступаешь в игру, когда это необходимо, а с последствиями разбираешься позже. Обычно чутье не подводит тебя — так же, как не подводило твою мать. Но из-за этого ты ни разу не делал осознанный выбор, когда чутье уводило тебя в неверном направлении.

Гавин обнаружил, что кивает.

— Знаешь, сынок, — подался вперед Брин, — мужчина — это нечто большее, чем одна побудительная сила и единственная цель. Никакой жен-

щине не нужен подобный мужчина. Думается, те, кто работает над собой и своим положением, а не посвящает все силы демонстрации своей преданности, — вот такие люди добиваются своего. И с женщинами, и в самой жизни. — Он потер подбородок. — Поэтому, раз уж тебе нужен совет, скажу вот что: выясни, кто ты таков без Эгвейн, а вот затем уже разберись, какую роль она сыграет в твоей судьбе. Думаю, женщине нужно…

— С каких это пор ты стал знатоком женщин? — осведомился новый голос.

С удивлением обернувшись, Гавин увидел, что дверь распахнулась, а на пороге стоит Суан Санчей. Но Брин не сплоховал:

— Ты давно уже подслушиваешь, Суан, и знаешь, что не в этом суть нашего разговора.

Суан фыркнула и деловито вошла в комнату. В руках у нее был чайник.

— Спать тебе пора, — сказала она, не обращая на Гавина никакого внимания, если не считать беглого взгляда.

— Истинная правда, — небрежно отозвался Брин. — Вот только нужды Тар Валона отказываются потакать моим прихотям.

— Можно и утром над картами посидеть.

— И ночью. И днем. Каждый проведенный

здесь час равен нескольким лигам, которые мы не сдадим в случае прорыва троллоков.

С громким вздохом Суан передала ему чашку, а затем налила чай, и в комнате повис аромат морошки. Крайне странно было видеть, как женщина, из-за своих способностей выглядевшая не старше Гавина, окружает седовласого генерала Брина материнской заботой.

Брин стал прихлебывать чай, а Суан повернулась к Гавину:

— Что касается тебя, Гавин Траканд, готовься к неприятному разговору. С чего это ты начал командовать Амерлин и втолковывать ей, как себя вести? Нет, ну в самом деле! Вы, мужчины, иногда держите нас, женщин, за персональных девочек на побегушках. Выдумываете самые нелепые планы, а потом ожидаете, что мы претворим их в жизнь.

Судя по тому, как Суан смотрела на Гавина, она не ждала другого ответа, кроме пристыженно потупленного взора. Оправдав ее ожидания, Гавин поспешил выйти из комнаты, дабы избежать дальнейших выговоров.

Слова Брина не удивили его. Тот был человеком в высшей степени последовательным и уже не раз повторял то, что прозвучало сегодня — об-

думывай свои поступки, не спеши и перестань действовать импульсивно. Но Гавин провел в размышлениях уже несколько недель, и все это время его мысли кружились, словно мухи, пойманные в кувшин. Поэтому он ни до чего не додумался.

Гавин шагал по коридорам, подмечая гвардейцев Чубейна, стоявших на равном расстоянии друг от друга. Юноша твердил себе, что нет, он не станет подниматься к Эгвейн, а сейчас лишь проверяет караульных. Тем не менее в самом скором времени он оказался в коридоре неподалеку от покоев Амерлин. Всего один коридор. Глянет одним глазком, да и…

Он замер. «Что я творю?» — подумал Гавин.

Сегодняшняя его нервозность по большей части брала начало в неведении. Хорошо ли охраняют Эгвейн? Он не сможет уснуть, пока…

«Нет, — запретил себе Гавин. — На сей раз я выполню ее просьбу». И развернулся, собираясь уйти.

Но какие-то звуки шагов и шорох одежды остановил его и заставил оглянуться. Шорох шагов и шелест одежды. Послушницы, по всей вероятности, уже улеглись, но служанки могли разносить поздний ужин, ведь в Белой Башне не только

Гавин с Брином бодрствовали, когда другие спят.

Снова этот звук. Тихий, еле слышный. Гавин сдвинул брови, разулся, прокрался вперед и выглянул из-за угла.

Ничего. Дверь в покои Эгвейн — с золотой инкрустацией в виде *Авендесоры* — была закрыта, коридор пуст. Гавин со вздохом помотал головой и прислонился к стене, чтобы обуться. Жаль, что Эгвейн не позволила Чубейну хотя бы поставить гвардейцев у ее двери. Оставлять ее без присмотра — все равно что…

В тени что-то шевельнулось. Совсем рядом с дверью Эгвейн. Гавин замер. Темная ниша была совсем небольшой, каких-то несколько дюймов в ширину, но, глядя на эту черноту, Гавин не мог сосредоточиться, и его взгляд соскальзывал с нее, как соскальзывает с горячей репы кусочек сливочного масла.

Похоже… похоже, тьма была шире, чем казалось поначалу. Почему он не может сосредоточить на ней внимание?

Молниеносное движение, и в воздухе что-то мелькнуло. Гавин бросился в сторону. В камень ударила сталь. Оставшись в одном сапоге, Гавин отшвырнул второй и выхватил меч. Нож, пущенный ему в сердце, скользнул прочь по плиткам

пола.

Гавин настороженно выглянул из-за угла. Кто-то удалялся по коридору — кто-то весь в черном, с капюшоном на голове.

С обнаженным мечом Гавин пустился вдогонку, размахивая руками и неловко отталкиваясь от пола босой ногой. Душегуб оказался чрезвычайно быстр. Гавин взревел: «Тревога!» — и его голос раскатился по тихим коридорам Башни, — а затем бросился влево: лиходею тоже пришлось бы свернуть, и теперь он находился справа.

Ворвавшись в следующий коридор, Гавин бросился наперерез убийце, выскочил из-за угла и…

Никого. Может, злоумышленник вернулся на прежнее место? Ругаясь на бегу, Гавин бросился в другой конец самого первого коридора. Там было пусто. Неужто злоумышленник прячется в проеме двери? Вряд ли. Куда ни глянь, всюду тупик, а если ждать подмоги…

«Нет, — подумал Гавин. — Тьма. Высматривай тьму». Слева, у дверной коробки, было очень темно. Маловато места, чтобы там кто-то спрятался. Но, глядя на эту черноту, Гавин ощутил уже знакомое головокружение.

Из тьмы выскочил человек и взмахнул мечом, целя Гавину в голову, и тот отбил удар в сто-

рону выпадом «Рубить тростник». Убийца был низкорослым, и Гавин, по идее, имел из-за этого значительное преимущество, но противник двигался с непостижимой быстротой — так, что его было не рассмотреть, — и беспрестанно наносил удары, используя неизвестные юноше приемы фехтования.

Вынужденный действовать так, словно его окружили, Гавин ушел в защитную стойку под названием «Вихрь». Ему едва удавалось парировать выпады атакующего. Вдалеке послышались голоса — гвардейцы откликнулись на зов Гавина, — и он крикнул снова.

В натиске убийцы чувствовалось некоторое разочарование: он планировал справиться с Гавином куда быстрее. Что ж, Гавин ожидал того же (только наоборот), но никак не мог сосредоточить взгляд на противнике, и его удары — когда Гавин мог нанести их — приходились в воздух, хотя должны были поразить существо из плоти и крови.

Гавин сдвинулся вбок и вскинул меч, собираясь провести связку «Вепрь несется с горы», но убийца, воспользовавшись брешью в обороне, метнул еще один нож, и юноша едва успел увернуться.

Нож звякнул о стену, и противник пустился в

бегство. Гавин бросился следом, но не сумел нагнать злодея. Вскоре тот метнулся влево — туда, где коридор разделялся на множество ответвлений.

«Вот это прыть, — подумал Гавин. Тяжело дыша, он остановился и уперся руками в колени. — Неестественная быстрота».

Секундой позже подоспели двое гвардейцев Чубейна с мечами наголо.

— Убийца. Подслушивал у двери Эгвейн. Вон туда убежал, — махнул рукой Гавин.

Один устремился в указанном направлении, а другой отправился поднимать общую тревогу.

«О Свет! — подумал Гавин. — Что, если он не подслушивал? Что, если я перехватил его на выходе из спальни?»

Усталость как рукой сняло. Гавин бросился к двери Эгвейн. Не убирая меч в ножны, подергал ручку. Не заперто!

— Эгвейн! — крикнул он, распахнул дверь и ворвался в комнату.

Его ослепила яркая вспышка. Грянул гром, и Гавин оказался завернут во что-то невероятно прочное. Невидимые канаты подняли его в воздух, меч выпал из рук, а рот заткнула какая-то непостижимая сила.

Он обнаружил, что беспомощно висит под потолком, и задергался, пытаясь высвободиться. В этот момент из спальни вышла сама Амерлин, в малиновом платье с золотой оторочкой. Как видно, она не спала.

И у нее было не самое довольное лицо.

* * *

Мэт сидел в гостинице, у самого камина, и досадовал про себя, что огонь разожгли слишком уж сильно. Жар пробирал сквозь поношенную куртку, белую рубаху и толстые штаны, какие обычно носят работники. У сапог были хорошие подошвы, но стертые бока. Шляпу он надевать не стал, а нижнюю половину лица прикрывал шарф.

Медальон еще оставался у Илэйн. Без него Мэт чувствовал себя совершенно голым. Возле стула, сработанного из горного дуба, лежал короткий меч, но больше напоказ. Рядом стоял невинного вида дорожный посох; если что, Мэт предпочтет пустить в ход его или спрятанные под курткой ножи. Но меч бросался в глаза, и головорезы, что слоняются по улицам Малого Кэймлина, дважды подумают, прежде чем лезть в драку.

— Понимаю, почему ты им интересуешься, — сказал Чет.

Такие, как Чет, найдутся почти в каждом трактире — достаточно старые, чтобы повидать, как люди вроде Мэта рождаются, живут и умирают, и охотно рассказывающие обо всех этих годах, если проставишься кружкой-другой. А иной раз и проставляться не обязательно.

На вытянутом лице Чета серебрилась щетина. Шляпу он носил набекрень. Куртка — заплата на заплате — когда-то была черной, а красно-белая нашивка на кармане выцвела до полной неузнаваемости, но вроде бы что-то военное. Да и глубокий розовый шрам, что рассекал щеку и уходил под воротник, вряд ли остался от пьяной драки.

— Ну да, — продолжил Чет, — многие спрашивают про командира этого Отряда. Что ж, в благодарность за кружку эля позволь дать тебе совет. Судя по виду, ты соображаешь, каким концом меча в людей тычут, но к этому парню не лезь. Не дури. Он — принц воронов, лорд удачи. Он играл на свое будущее с само́й костлявой, уж поверь. И в каждой схватке одержал победу.

Мэт молча откинулся на спинку стула. Это был уже четвертый трактир за вечер, и в трех из них он выслушивал сплетни насчет Мэтрима Коутона. Правды в этих россказнях — кот наплакал!

Кровь и треклятый пепел!

Ну да, о других тоже ходят слухи. В основном о Ранде, и от каждого такого рассказа перед глазами кружатся разноцветные пятна. Тир пал, его захватили шончан. Нет, иллианцы. Нет-нет, Ранд победил их всех и прямо сейчас сражается в Последней битве. Нет! Он является женщинам во снах, чтобы заделать им ребенка. Нет, так поступает Темный. Да нет же, Темный — это Мэтрим Коутон!

Проклятые байки. Предполагалось, что Мэта оставят в покое. Какие-то из историй определенно исходили от солдат Отряда — например, рассказ о городе, полном оживших мертвецов, — но люди по большей части утверждали, что это дядя рассказал. Или племянник. Или двоюродный брат.

Мэт бросил Чету медную монетку. Тот вежливо коснулся шляпы и ушел за следующей кружкой. Что касается Мэта, сегодня он выпивал без особой охоты, подозревая, что в стремительном распространении слухов играют свою роль те картинки с его физиономией. В предыдущем трактире собеседник даже предъявил ему помятый, со следами сгибов, экземпляр подобного рисунка. Хотя… Пока что Мэта никто не узнал.

В камине потрескивали дрова. Малый Кэйм-

лин разрастался, и предприимчивые горожане сообразили, что, предлагая заезжему люду кров и выпивку, можно неплохо подзаработать. Поэтому лачуги начали превращаться в таверны, а трактиры — в полноценные гостиницы.

Древесина пользовалась растущим спросом, и многие из наемничьих отрядов занялись рубкой леса. Одни работали по-честному, выплачивая королеве пошлину за выделенные под лесозаготовки участки. Другие действовали в обход закона. За что кое-кого уже успели и повесить. Кто бы мог подумать… Повесили? За незаконную рубку леса? И что дальше? Будут вешать за кражу дорожной грязи?

Малый Кэймлин изменился самым кардинальным образом. Здесь появились дороги, а здания становились все больше и выше. Еще несколько лет, и этот район превратится в отдельный город! Придется и его обносить еще одной стеной.

В зале пахло грязью и подмышками, но не сильнее, чем в других трактирах. Пролитое мигом вытирали, и девушки-служанки от работы не отлынивали. Одна, к примеру, наполняя кружку Мэта, молча улыбнулась и даже чуть приподняла юбку, продемонстрировав лодыжку. Мэт постарался запомнить лицо этой девушки. Сойдет для

Талманеса.

Он отвернул край шарфа, чтобы можно было выпить. С этим шарфом на лице он чувствовал себя круглым идиотом, но для плаща с капюшоном было слишком жарко, а сбритая ныне борода доставляла ему немало мучений. К тому же, несмотря на шарф, Мэт не особо выделялся из толпы, ибо в Малом Кэймлине хватало крепких парней, предпочитавших скрывать лицо. Наличие шарфа Мэт объяснял желанием спрятать некрасивый шрам, но некоторые предполагали, что за его голову назначена награда. К несчастью, обе версии соответствовали истине.

Какое-то время он рассматривал танцующее в камине пламя. Слова Чета оставили неприятную пустоту в животе: чем громче репутация, тем выше вероятность, что ее обладателя вызовут на поединок. Человек, убивший принца воронов, обретет немалую известность. Откуда вообще всплыло это прозвище? Кровь и проклятый пепел!

К камину подошел еще один человек. Долговязый и костлявый, Ноэл походил на огородное пугало, стряхнувшее пыль и пожелавшее сходить в город. Несмотря на седую шевелюру и морщинистое лицо, ловкостью он не уступал мужчинам

вдвое моложе себя. Во всяком случае, когда в руках у него было оружие. В другое время он казался неуклюжим, как мул в трапезном зале.

— Ты человек примечательный, — сказал Ноэл, протянув руки к огню. — Когда ты набрел на меня в Эбу Дар, я и подумать не мог, что окажусь в такой прославленной компании. Еще несколько месяцев, и ты станешь знаменитее Джейина Далекоходившего.

Мэт еще сильнее вжался в спинку стула.

— Принято считать, что, когда тебя знают в любом трактире каждого города, это просто замечательно, — вполголоса продолжил Ноэл. — Но на самом деле это всего лишь головная боль, и чтоб мне сгореть, если я не прав.

— Откуда знаешь?

— Джейин жаловался, — буркнул Ноэл.

Мэт хмыкнул. Следующим явился Том. В синем наряде — не слишком изящном, но почти новом — он походил на купеческого слугу и якобы заявился в Малый Кэймлин, дабы выяснить, не пора ли его хозяину открыть здесь розничную лавку.

Свою роль Том играл не без апломба, напомадив усы до полной остроконечности и говоря с легким мурандийским акцентом. Мэт предлагал

выдумать для него какую-нибудь предысторию, но Том — менестрель и отъявленный лжец — покашлял и заявил, что предыстория у него уже имеется.

Он придвинул стул и чопорно уселся, не выходя из образа слуги, который слишком высокого о себе мнения:

— Ах, что это, если не пустая трата времени? Хозяин требует, чтобы я вел переговоры с натуральными отбросами общества! А здесь, как вижу, собираются совсем уж конченые подонки.

Ноэл негромко усмехнулся.

— Лучше бы, — с чувством продолжал Том, — меня отправили в лагерь единственного и неповторимого, легендарного и непобедимого Мэтрима Коутона! Тогда бы я непременно…

— Чтоб тебе сгореть, Том! — перебил его Мэт. — Дай хоть погрустить спокойно.

Том рассмеялся, жестом подозвал подавальщицу и заказал выпивку всем троим. Расплачиваясь, он вложил девушке в руку еще одну монету и тихо попросил не подсаживать к камину других посетителей.

— Ты не ошибся с выбором места для встречи? — спросил Ноэл.

— Нормальное место, — ответил Мэт. Ему не

хотелось показываться в лагере, чтобы туда не вернулся голам.

— Как скажешь, — кивнул Ноэл. — Итак, мы знаем, где башня, и можем туда добраться — при условии, что Мэт обеспечит нам переходные врата.

— Обеспечу, — подтвердил Мэт.

— Тех, кто бывал внутри этой башни, мне найти не удалось, — продолжил Ноэл.

— Некоторые говорят, что населена она призраками, — добавил Том, отхлебнув из кружки. — А другие утверждают, что башня осталась аж с Эпохи легенд. По слухам, ее стены сделаны из гладкой стали и в них нет ни единой щелочки. Однако один парень — младший сын капитанской вдовы — когда-то слышал рассказ, будто кто-то нашел в этой башне несметные сокровища. Хотя осталось неизвестным, как этот «кто-то» в нее попал.

— Но мы-то знаем, как туда пробраться, — заметил Мэт.

— По словам Олвера? — скептически осведомился Ноэл.

— Разве у нас есть что-то лучше? Вот смотрите, — сказал Мэт, — игра и стишок посвящены Элфин и Илфин. Значит, когда-то люди знали о них, доказательство чему — треклятые порталы в

виде дверных рам. Вот и оставили игру и стишок в качестве предупреждения.

— В эту игру нельзя выиграть, Мэт, — напомнил Ноэл, потирая морщинистый подбородок.

— В том-то и смысл. Чтобы выиграть, надо сжульничать.

— Может, попробуем заключить сделку? — Том подкрутил напомаженный ус. — Они же ответили на твои вопросы…

— И ответы меня совершенно не обрадовали, — перебил его Мэт. Он не хотел рассказывать Тому и Ноэлу о тех вопросах. Эти двое до сих пор не знали, о чем он спрашивал.

— Но все-таки ответили, — заметил Том. — Похоже, у них с Айз Седай заключена какая-то сделка. А по какой причине? Наверное, у Айз Седай было нечто, интересующее змей и лисиц, и будь у нас такое же «нечто», мы могли бы обменять его на Морейн.

— Если она еще жива, — угрюмо заключил Ноэл.

— Она жива. — Том смотрел прямо перед собой. — Дай-то Свет… Не может такого быть, чтобы она умерла.

— Мы знаем, что им надо. — Мэт бросил взгляд на языки пламени.

— И что же это? — спросил Ноэл.

— Мы, — ответил Мэт. — Ведь им известно, что будет. Они и со мной так поступили, и с Морейн, а письмо… Это же ключ к разгадке! Они знали, Том, что Морейн оставит тебе письмо. Повторяю, знали! И все равно ответили на ее вопросы.

— Может, у них не было выбора, — сказал Том.

— Да, но они не обязаны отвечать напрямую, — продолжил Мэт. — Со мной они говорили обиняками. Отвечая, они твердо знали, что Морейн вернется к ним. И мне дали то, что дали, зная, что меня притянет обратно. Им нужен я. Вернее, мы.

— Этого нельзя сказать наверняка, Мэт. — Том поставил кружку с элем на пол между своими сапогами и достал курительную трубку. Справа от Мэта шла оживленная игра в кости. — Они отвечают на вопросы, но это не значит, что им известно все на свете. Может, это что-то вроде предсказаний Айз Седай.

Мэт помотал головой. Эти существа засунули ему в голову воспоминания — должно быть, память тех, кто касался Башни Генджей или бывал в ней. Элфин и Илфин владели этими воспоминаниями, а теперь, наверное, и воспоминаниями Мэта. Чтоб ему сгореть! Может, они следят за ним? Смотрят на мир его глазами?

Он снова пожалел, что при нем нет медальона, хотя против этих существ медальон не поможет. Они же не Айз Седай и не направляют Силу…

— Поверь, Том, они много чего знают, — сказал Мэт. — И наблюдают за нами. Застать их врасплох не получится.

— Значит, одолеть их будет непросто. — Том зажег в камине сухую веточку и раскурил трубку. — Нам не победить.

— Разве что нарушим правила, — повторил Мэт.

— Но если ты не заблуждаешься, — сказал Том, — они будут знать о наших планах. Поэтому надо поторговаться с ними.

— А что сказала Морейн, Том? — спросил Мэт. — В письме, которое ты перечитываешь каждый вечер.

Том пыхнул трубкой и рассеянно поднес руку к нагрудному карману, где хранилось письмо:

— Велела не забывать, что нам известно об игре.

— Она знает, что выиграть невозможно, — сказал Мэт. — Никакой торговли, Том. Никаких сделок. Войдем с боем и не покинем башню без Морейн.

Том ненадолго задумался, а затем кивнул и

продолжил попыхивать трубкой.

— Храбрый — осилит. Что ж, наберемся мужества, — сказал Ноэл, — а его у нас предостаточно. Да еще и везение Мэта.

— Ты же понимаешь, Ноэл, что не обязан в этом участвовать? — спросил Мэт. — У тебя нет причин рисковать жизнью.

— Я пойду с вами, — ответил Ноэл. — Я много где побывал. Честно говоря, почти везде. Но там я еще не был. — Он помолчал. — Просто я должен это сделать, и все тут.

— Ну и хорошо, — сказал Мэт.

— Огонь — ослепит, — напомнил ему Ноэл. — Что у нас есть?

— Фонари и факелы, — сказал Мэт и тронул ногой лежавший возле стула мешок. — И еще чиркалки Алудры, чтобы было чем поджигать. И несколько сюрпризов от все той же Алудры.

— Фейерверки? — спросил Ноэл.

— И несколько взрывающихся цилиндров, которые мы использовали против шончан. Алудра называет их «гром-палки».

— Она поделилась с тобой громыхалками? — присвистнул Том.

— Двумя. Стоило рассказать ей о нашем с Илэйн соглашении, и она готова была дать мне все, о

чем бы я ни попросил. — Мэт поморщился. — Хотела даже отправиться с нами, чтобы поджигать свои гром-палки. Самолично! Чтоб мне сгореть, непросто было ее отговорить. Зато теперь у нас полно ночных цветков. — Он снова коснулся ногой мешка рядом со стулом.

— Ты что, сюда их притащил? — изумился Том.

— Чтобы были под рукой, — объяснил Мэт. — И Алудра дала их мне только сегодня. Они же не взорвутся сами по себе, Том. Такое случается, но не так уж часто.

— Хотя бы отодвинь их от камина. — Том покосился на свою трубку, выругался и отъехал вместе со стулом в сторону на несколько дюймов.

— Далее, — сказал Ноэл, — мотив — очарует.

— Этого добра у нас хватает, — отозвался Том. — Я возьму с собой арфу и флейту, а еще нашел ручные барабаны и маленькие тарелки. Можно пристегнуть сбоку к ноге и лупить по ним ладонью. И вдобавок прикупил запасную флейту. — Он повернулся к Мэту. — Простенькую. Для людей с толстыми и непослушными пальцами.

Мэт фыркнул.

— И наконец, железо, которое скрепит. — Ноэл подтолкнул вперед свой мешок и стал возиться с завязками. Содержимое позвякивало, а потом

оно блеснуло в темно-оранжевом пламени камина. — Комплекты метательных ножей для каждого из нас и два коротких меча. Не сталь, а чистое железо. Еще есть цепи и железная полоса для нижней части Мэтова копья. Хотя так можно и баланс сбить.

— Годится, — сказал Мэт.

Ноэл завязал мешок, и какое-то время все трое молча смотрели на огонь. В каком-то смысле все их приготовления были иллюзией. Попыткой убедить себя, что они не сидят сложа руки, а что-то делают.

Но Мэт помнил те искаженные виды, которые открылись по другую сторону перекошенной дверной рамы, те причудливые ракурсы и противоестественную геометрию. Тамошних существ называли змеями и лисицами за неимением иных, более подходящих описаний.

То место — совершенно другой мир. Приготовления Мэта, Тома и Ноэла могли принести пользу… или оказаться совершенно бесполезными. Ничего нельзя сказать, пока они не попадут внутрь башни. Примерно такое же чувство, как если укусит змея, а ты и не знаешь, есть ли под рукой нужное противоядие.

В конце концов Мэт пожелал товарищам доб-

рой ночи. Ноэл хотел вернуться в лагерь Отряда — теперь тот находился в десяти минутах верховой езды от города. Том согласился пойти с ним и забрал у Мэта мешок с ночными цветками, хотя по лицам обоих было заметно, что они предпочли бы полный мешок пауков.

Мэт застегнул пояс с мечом поверх куртки, взял посох и отправился к себе в гостиницу, но не напрямую, и в итоге очутился в путанице улочек и переулков. По мере того как город за пределами города разрастался, рядом с капитальными строениями возникали хибарки и шатры, и все это напоминало плесень на булке хлеба.

Под темными небесами бурлила ночная жизнь. Из освещенных гостиничных дверей доносились крики зазывал. Мэт удостоверился, что короткий меч висит на самом виду. Ночью полно желающих воспользоваться его одиночеством, особенно за пределами городских стен, где у руки закона не такая уж крепкая хватка.

В воздухе пахло как перед дождем, но в последнее время этот запах никого не удивлял. Скорей бы разразилась гроза — или расчистилось это растреклятое небо. Казалось, воздух задержал дыхание и чего-то ждет — удара, которого не будет, колокольного звона, который не прозвонит,

момента, когда остановятся вечно катящиеся игральные кости. Как те, что гремели в голове у Мэта.

Он нащупал в кармане письмо Верин. Может, кости замрут, если его распечатать? Или дело в голаме? Если не забрать медальон у Илэйн, да побыстрее, голам отыщет Мэта и вывернет его наизнанку.

Кровь и пепел! Вот бы напиться и на время забыть о том, кто он и кого в нем видят окружающие. Но спьяну Мэт, пожалуй, ненароком покажет лицо, а то еще начнет разглагольствовать о том, кто он есть на самом деле. Нельзя предсказать поступки пьяного человека, даже если пьяный — это ты сам.

Он прошел через городские ворота и оказался в Новом городе. В воздухе повисла какая-то морось, словно небо не то что бы разродилось дождем, но прочло мысли Мэта и решило начхать на него.

«Чудесно, — подумал он. — Просто, чтоб его, чудесно».

Камни мостовой быстро отсырели от этого недодождя, и уличные фонари окутала влажная дымка. Мэт нахохлился — по-прежнему с шарфом на лице, словно проклятый айилец. А ведь не ему

ли совсем недавно было жарко?

Ему не меньше, чем Тому, хотелось поскорее отправиться в путь и найти Морейн. Эта женщина превратила его жизнь в сущую неразбериху, но Мэт был признателен ей за это. Лучше уж жить в таком хаосе, чем снова угодить в унылое Двуречье, даже не понимая, насколько оно унылое. Мэт вам не Перрин; не успели они добраться до Байрлона, как тот уже начал вздыхать по родным местам. Перед мысленным взором всплыл образ Перрина, и Мэт отогнал его.

Ну а Ранд? Мэт увидел, как тот сидит в красивом кресле, упершись взглядом в пол. В темной комнате мерцала единственная лампа. Вид у Ранда был измотанный. Глаза широко раскрыты, лицо мрачное. Мэт потряс головой, отгоняя и этот образ. Бедный Ранд. Наверное, он уже считает себя кем-то вроде распроклятого черного хорька, глодающего сосновые шишки, — но этот хорек, по всей вероятности, хотел бы вернуться жить в Двуречье.

Ну уж нет! Мэт не хотел возвращаться. В Двуречье нет Туон. О Свет! Ему еще предстоит решить, как быть с Туон. Мэт хотел, чтобы она осталась в его жизни. Будь она рядом, Мэт без возражений позволил бы называть себя Игрушкой. Вернее,

возражал бы, но не сильно.

Однако первым делом Морейн. Выяснить бы что-нибудь новое про Элфин, Илфин и их треклятую башню. Но никто не знает ничего, кроме легенд, никто не говорит ничего полезного…

…Никто, кроме Бергитте. Мэт остановился посреди улицы. Бергитте. Ведь это именно она рассказала Олверу, как пробраться в башню. Откуда ей это известно?

Проклиная себя за дурость, Мэт развернулся и зашагал в сторону Внутреннего города. Из-за так называемого дождя многолюдные обычно улицы опустели, и вскоре у Мэта сложилось ощущение, что весь город принадлежит ему одному; ретировались даже воры-карманники и попрошайки.

По какой-то причине теперь Мэт нервничал сильнее, чем когда был у всех на виду. Все это как-то неестественно. Кто-то должен хотя бы красться за ним по пятам и прикидывать, можно ли снять с одинокого путника что-нибудь ценное. Мэт снова заскучал по медальону. Зачем же он расстался с этой вещицей? Треклятый идиот! Лучше бы руку себе отрезал и предложил Илэйн в качестве оплаты! Вдруг где-то в темноте затаился голам?

На улице непременно должны быть бандиты, ведь в любом городе их полно. Треклятые гра-

бители, по сути дела, являются неотъемлемым атрибутом городской жизни. Ратуша, несколько гостиниц, таверна и кучка тупорылых парней, чье единственное желание — втоптать тебя в грязь, а затем пропить и прогулять твои денежки.

Мэт миновал небольшую площадь, прошел через ворота Строителей — казалось, что белая, покрытая моросью арка светится в призрачном сиянии луны, проглянувшей из-за туч, — и, постукивая посохом по мостовой, зашагал по Внутреннему городу. Караульные у ворот молча кутались в плащи и совсем не походили на людей. Они напоминали статуи. Да и весь город выглядел как гробница.

В некотором отдалении от ворот Мэт задержался у переулка, где кучковались тени. По обе стороны высились величественные здания работы огирских каменщиков. Из переулка донесся хриплый оклик.

— Ограбление? — с надеждой спросил Мэт.

К нему приблизилась здоровенная фигура. Луна осветила черноглазого парня в длиннополом плаще. Похоже, ему не верилось, что Мэт просто стоит и ждет неприятностей. Парень поднял толстопалую руку, и к нему присоединились трое

сотоварищей.

Мэт расслабился и стер со лба капли дождя. Стало быть, сегодня ночью в городе все же есть бандиты. Какое облегчение! Выходит, зря он так нервничал.

Разбойник поднял дубинку, замахнулся. Мэт нарочно носил меч на правом боку; лиходей купился, предположив, что жертва потянется к оружию.

Но вместо этого Мэт быстро вскинул боевой посох, и его нижний конец врезался в ногу противника. Бандит споткнулся, и Мэт с размаху стукнул его по голове. Морось понемногу превращалась в нормальный дождь, и подмокший ворюга завалился под ноги одному из своих спутников. Отступив, Мэт огрел того посохом по голове, и мгновением позже на мостовой разлеглись уже двое. Третий оглянулся на предводителя, державшего за шиворот еще одну жертву грабежа — долговязого парня, которого Мэт не рассмотрел из-за скудного освещения. Пользуясь случаем, он перепрыгнул через два безвольных тела и набросился на третьего грабителя.

Тот поднял дубинку, защищая голову, а потому Мэт врезал ему по ноге, потом взмахнул посохом, пресекая слабую попытку парировать удар, и уло-

жил неприятеля тычком в лицо. После этого он небрежно метнул нож в главаря банды, который уже мчался вперед. Тот оступился и стал издавать булькающие звуки, схватившись за торчавшую из горла рукоять. Остальных Мэт оставил лежать без сознания. Дурачье. Может, воспримут это предупреждение всерьез и перевоспитаются.

Мэт отступил в сторонку. Главарь проковылял мимо и наконец рухнул на своих трех подручных. Пинком Мэт перевернул его, вытащил нож, вытер клинок и только тогда взглянул на жертву ограбления.

— Очень рад вас видеть, — промолвил он.

— Вы… рады? — переспросил человек.

— Очень, — подтвердил Мэт, выпрямляясь во весь рост. — Я уж думал, что сегодня все воры попрятались. А город без бандитов, он… ну, как поле без сорняков. А коли нет сорной травы, зачем нужен фермер? Это, знаете ли, попросту негостеприимно.

Спасенный приблизился нетвердой походкой. Похоже, он не вполне понял, о чем говорил Мэт, но все равно схватил его за руку и заговорил гнусавым голосом:

— Спасибо! Безмерно, безмерно благодарен!

В тусклом лунном свете Мэт едва разглядел

нескладное тощее тело, а над ним — скуластое лицо. У незнакомца были кроличьи зубы.

Пожав плечами, Мэт отставил посох и принялся развязывать промокший шарф:

— На вашем месте, дружище, я воздержался бы от одиноких прогулок по ночам.

Человек покосился на него и проскрипел — вернее, пропищал:

— Так это ты?!

— Кровь и треклятый пепел! — застонал Мэт. — Неужели теперь и шагу ступить нельзя без…

И тут человек бросился на него. В лунном свете сверкнул кинжал. Мэт ругнулся, выбросил вперед руку с шарфом, и клинок, нацеленный ему в живот, застрял в ткани. Ловко орудуя руками, Мэт обмотал оружие несостоявшегося убийцы длинным шарфом.

Человек взвизгнул, Мэт отпустил шарф, выхватил пару ножей и машинально метнул их во врага. Они угодили убийце в глаза. По одному в каждый. О Свет! Мэт вовсе не целил ему в глаза!

Человек упал на мокрые камни мостовой. Мэт стоял над ним и не мог отдышаться:

— Мат-теринское молоко мне в чашку! Материнское, чтоб его, молоко! — Он схватил посох и огляделся. На темной улице не было ни души. — Я

же спас тебя, спас, а ты на меня с ножом?!

Мэт опустился на колени возле мертвеца и с мрачной уверенностью обшарил его кошель, уже зная, что найдет. Он выудил пару монет — золотых, кстати — и сложенный лист бумаги, на котором луна высветила его лицо. Мэт смял рисунок и запихнул его в карман.

По одному в оба треклятых глаза. Легкая смерть. Мерзавец ее не заслужил. Мэт прикрыл лицо шарфом, забрал ножи и вышел из переулка, сожалея, что не оставил убийцу наедине с его судьбой.

* * *

Бергитте прислонилась к мраморной колонне и, сложив на груди руки, наблюдала, как Илэйн не без удовольствия смотрит вечернее представление «исполнителей». Эти труппы, разыгрывающие всевозможные истории, обрели в Кайриэне огромную популярность и теперь пытались добиться того же успеха в Андоре. Один из залов дворца, где раньше выступали барды, переделали так, чтобы актеры могли показывать там свои сценки.

Бергитте покачала головой. Толку-то от разыгрывания всякой небывальщины? Почему бы не прожить несколько историй — не чужих, а

собственных? К тому же, при прочих равных, сама она предпочла бы послушать барда. Хочется надеяться, что эти «исполнители» быстро выйдут из моды.

Сегодняшняя сценка повествовала о прискорбном замужестве и гибели принцессы Валишен, убитой порождениями Тени. Бергитте знала балладу, которую выступавшие актеры переделали под себя; к тому же несколько ее куплетов даже спели во время представления. Удивительно, но за много лет песня почти не изменилась. Паратройка других имен, несколько иные ноты, но в общем и целом все то же самое.

Как и с жизнями самой Бергитте. Все повторяется снова и снова — с незначительными вариациями. Иногда Бергитте выпадала судьба солдата, а порой она оказывалась живущей в лесу женщиной, не имеющей никакой воинской подготовки. К несчастью, раз-другой ей довелось побывать военачальником, хотя Бергитте предпочла бы уступить это место кому-то другому.

Она была охранницей, благородной воровкой, знатной леди, простой крестьянкой, убийцей и спасительницей. Но прежде она никогда не бывала Стражем. Незнание не смущало ее: в большинстве своих жизней она не помнила о том, что

было раньше. Пусть память о прошлых жизнях — это щедрый дар, но Бергитте не имела права на такие воспоминания.

Хотя стоило какому-то из них померкнуть, как у Бергитте всякий раз заходилось сердце. О Свет! Раз уж ей не суждено быть с Гайдалом в этой жизни, неужели нельзя хотя бы помнить о нем? Такое чувство, что сам Узор не понимает, что с ней делать. Отмахнувшись от остальных нитей, ее силком засунули в эту жизнь и поставили на самое неожиданное место. И Узор пытается вплести ее в себя. Что произойдет, когда воспоминаний не станет? Быть может, однажды она проснется взрослой женщиной без прошлого? При этой мысли Бергитте чувствовала ужас, какого не испытывала ни в одном бою.

У заднего ряда импровизированного зрительного зала появилась одна из женщин-гвардейцев, Кайла Бент. Она приветствовала Бергитте, отсалютовав по-военному.

— Ну? — спросила Бергитте, подойдя к подчиненной.

— Докладывать не о чем, — сказала Кайла. — Все в порядке. — Долговязая огненно-рыжая женщина быстро привыкла к штанам и к гвардейскому мундиру. — Насколько это возможно,

когда тебя мучают сценкой «Гибель принцессы Валишен».

— Хватит жаловаться, — велела Бергитте и поморщилась, когда дива — так называли ее другие актеры, — затянула особо пронзительную арию — так они называли песню. К чему все эти новые названия? — Сейчас ты могла бы патрулировать улицы под дождем.

— Могла бы? — с жаром переспросила Кайла. — Что ж вы сразу-то не сказали? Может, меня хоть молнией прибьет. Всяко предпочтительней, чем смотреть этот бред.

— Возвращайся к обходу, — хмыкнула Бергитте.

Кайла отсалютовала и ушла, а Бергитте снова прислонилась к колонне и обвела глазами зрительный зал. Наверное, стоило захватить с собой воск, чтобы было чем заткнуть уши. Она взглянула на Илэйн. Королева преспокойно следила за происходящим на сцене. Временами Бергитте чувствовала себя нянькой, а не телохранительницей. Как прикажете защищать женщину, которая иной раз буквально напрашивается, чтобы ее убили?

И все же Илэйн чрезвычайно одаренная. К примеру, сегодня она каким-то образом уговорила

самых своих отъявленных соперниц прийти на представление. В восточном ряду сидела Эллориен; в последний раз она покинула дворец при столь нелицеприятных обстоятельствах, что Бергитте не ожидала ее возвращения. Разве что в цепях. И тем не менее — вот она, и ее присутствие давало понять, что политические маневры Илэйн, просчитывающей их на дюжину шагов дальше, чем могла бы предположить Бергитте, оказались в высшей степени искусными.

Она покачала головой. Как-никак Илэйн — королева. Гибкость и все такое. Хороший вариант для Андора. При условии, что Бергитте убережет эту златовласую головку от расставания с плечами.

После продолжительной пытки пением к ней вновь подошла Кайла. Удивленная ее быстрой походкой, Бергитте выпрямилась и негромко спросила:

— Что такое?

— У вас был скучающий вид, — шепнула Кайла, — вот я и решила поделиться новостями. Происшествие у Сливовых ворот. — (То был юго-восточный вход на территорию дворца.) — Кто-то хотел пробраться внутрь.

— Очередной попрошайка в поисках объедков?

Или шпион какого-то лордика, в надежде что-нибудь подслушать?

— Не знаю, — ответила Кайла. — Узнала об этом из третьих рук, от Кейлисона, когда встретила его во время обхода. Он сказал, что у ворот задержали нарушителя.

Бергитте скосила взгляд на сцену. Похоже, дива готовилась к очередному соло.

— Останешься за старшую. Займи этот пост и принимай донесения, а я пойду разомну ноги и узнаю, что там за происшествие.

— А на обратном пути захватите мне воска для ушей. Если не трудно.

Бергитте усмехнулась и вышла из «театра» в красно-белый дворцовый коридор. Хотя во дворце хватало вооруженных луками гвардейцев — и мужчин, и женщин, — сама Бергитте была при мече, поскольку покушение на убийство, вероятнее всего, закончится рукопашной схваткой.

Бергитте торопливо шагала по коридору, поглядывая в окна, за которыми небо истекало мелким, но усиливающимся дождем. Невероятно унылая погода. Гайдалу такая понравилась бы. Он обожал дождь. При случае Бергитте шутила, что морось ему к лицу: меньше вероятность напугать какого-нибудь малыша. О Свет, как же она

скучала по этому мужчине.

Кратчайший путь к Сливовым воротам лежал через помещения для слуг. Во многих дворцах это оказалось бы в непримечательном крыле, предназначенном для незначительных людей. Но это здание строили огиры, имевшие собственное представление о подобных вещах, и мраморная отделка с красно-белой плиточной мозаикой отличалась здесь таким же великолепием, как и во всем остальном дворце.

В комнатах, тесноватых по королевским стандартам, тем не менее хватало места для целой семьи. Обычно Бергитте предпочитала трапезничать в большой столовой, открытой для всех слуг. В большом зале, словно бросая вызов тоскливой погоде, потрескивали четыре отдельных камина, а свободные от работы слуги и незанятые службой гвардейцы пересмеивались и вели дружеские беседы. Говорят, о монархе можно судить по отношению к слугам. Если так, дворец был спроектирован таким образом, чтобы поощрять все лучшее в королевах Андора.

Бергитте, стараясь не обращать внимания на соблазнительные ароматы еды, вышла наружу и оказалась под зябким летним дождем. Холод не был пронизывающим. Неприятный, и не более

того. Накинув капюшон плаща, Бергитте зашагала по блестящей от воды мостовой к Сливовым воротам. Караулка светилась оранжевым сиянием. Гвардейцы в промокших плащах несли караул, крепко сжимая свои алебарды.

Не обращая внимания на воду, капавшую с кромки капюшона, Бергитте твердым шагом подошла к караулке и застучала в толстую дубовую дверь. Ей открыл лысый и усатый дежурный сержант по имени Реналд Мейсер. Бергитте всегда считала, что этому тучному мужчине с широкими запястьями и спокойным нравом следовало бы открыть сапожную лавку, но в гвардию брали самых разных людей, и порой благонадежность ценилась выше навыков владения мечом.

— Капитан-генерал! — воскликнул он. — Что вы здесь делаете?

— Мокну под дождем, — резко ответила Бергитте.

— Надо же! — Мейсер посторонился, и Бергитте вошла в комнату, где яблоку было негде упасть.

Солдаты заступили в грозовую смену — иными словами, караульных было вдвое больше обычного, но они сменялись ежечасно, чтобы каждый мог погреться в караулке.

За столом трое гвардейцев возились со стакан-

чиком для игральных костей. Открытая железная печка, пожирая дрова, грела чай. С солдатами играл жилистый парень, закутанный в черный шарф до самых глаз. Его одежда не отличалась чистотой, а мокрая каштановая шевелюра торчала в самых произвольных направлениях. Карие глаза зыркнули на Бергитте поверх шарфа, и человек едва заметно съежился.

— Предположу, что передо мной тот самый нарушитель? — Бергитте сняла плащ и стряхнула с него дождевую воду.

— Да, он, — подтвердил сержант. — А как вы о нем узнали?

— Он пытался проникнуть на территорию дворца, а теперь вы с ним в игры играете? — уточнила Бергитте, рассматривая незваного гостя.

— Ну, миледи… — промямлил сержант, а остальные застеснялись.

— Никакая я не леди. — «По крайней мере, не в этот раз». — Я зарабатываю на жизнь нелегким трудом.

— Эм-м… Ну да. В общем, — продолжил Мейсер, — он сразу же сдал свой меч, да и с виду не похож на лихого человека. Еще один попрошайка явился за объедками с кухни. Кстати, отличный парень. Вот мы и пустили его погреться, прежде

чем отправлять обратно под дождь.

— Попрошайка, значит, — сказала Бергитте. — С мечом.

— Ну да… Как-то это странно… — почесал в затылке сержант Мейсер.

— Ты, наверное, способен очаровать шлем на поле боя — так, что он слезет с генеральской головы и уйдет по своим делам. Верно, Мэт? — поинтересовалась Бергитте.

— Мэт? — переспросил знакомый голос. — Не пойму, о чем вы, любезная. Меня зовут Гарард, и я самый заурядный нищий, но с весьма любопытным прошлым, и если желаете послушать мой рассказ…

Бергитте твердо смотрела на него.

— Ох, кровь и пепел, Бергитте! — проворчал Мэт, снимая шарф. — Я просто хотел погреться.

— И избавить моих людей от денег.

— Дружеская игра никому еще не повредила, — возразил он.

— Если только играют не с тобой. Так с чего ты заявился во дворец не по-человечески, а тайком?

— Проклятье! В прошлый раз, чтобы попасть сюда, пришлось крепко расстараться, — объяснил Мэт, откинувшись на спинку стула. — Вот и решил сэкономить время.

Сержант Мейсер взглянул на Бергитте:

— Вы знаете этого человека?

— К несчастью, — ответила она. — Забираю мастера Коутона под свой надзор, сержант. И прослежу, чтобы о нем позаботились должным образом.

— Мастера Коутона? — переспросил кто-то из солдат. — Хотите сказать… Вороньего принца?

— Ох, чтоб мне… — Мэт поднялся на ноги, накинул куртку и взял дорожный посох. Взглянул на Бергитте и холодно добавил: — Ну спасибо.

Она снова надела свой плащ и отворила дверь. Какой-то караульный передал Мэту пояс с мечом. С каких это пор Мэт носит короткий меч? Должно быть, это обманка, чтобы отвлечь внимание от боевого посоха.

Оба вышли под дождь. Мэт нацепил ремень, а Бергитте спросила:

— Вороний принц?

— Не хочу об этом говорить.

— Почему?

— Потому что я становлюсь чересчур знаменитым. И от этого мне сплошные неприятности. Вот почему.

— Настоящая известность настигнет тебя через несколько поколений. — Бергитте подняла глаза

к небу и заморгала, когда дождевая капля попала ей прямо в глаз.

— Ну ладно, пойдем выпьем, — сказал Мэт и направился к воротам.

— Погоди, — сказала Бергитте. — Разве ты не хочешь встретиться с Илэйн?

— Илэйн? — переспросил Мэт. — Кровь и пепел, Бергитте, я пришел поговорить не с ней, а с тобой. Как думаешь, почему я позволил гвардейцам задержать меня? Ну так выпьем или нет?

Она задумалась, затем пожала плечами. Вместо себя Бергитте оставила на посту Кайлу, и значит, у нее теперь законный перерыв. А еще она знала вполне приличный трактир всего в паре кварталов от дворца.

— Ну хорошо. — Бергитте помахала рукой солдатам и повела Мэта по мокрой от дождя улице. — Но вместо эля мне придется пить молоко или чай. Мы пока не знаем, можно ли Стражу пить спиртное. Не навредит ли это малышам. — Она улыбнулась, представив, как подвыпившая Илэйн общается с гостями после представления. — Хотя если из-за меня она опьянеет, то это может стать для нее расплатой. Отместкой кое за какие вещи, что она со мной проделала.

— Вообще не понимаю, как ты позволила ей

связать себя узами, — сказал Мэт.

Вокруг почти никого не было, но трактир впереди, из окон которого на мостовую лился желтый свет, выглядел весьма привлекательно.

— У меня не было права голоса, — ответила Бергитте. — Но я ни о чем не жалею. Ты что, действительно проник во дворец ради встречи со мной?

— Хочу кое о чем спросить, — пожал плечами Мэт.

— О чем?

— Да так. — Он поправил свой нелепый шарф, и Бергитте заметила прореху на самом видном месте. — О разных вещах.

Мэт был в числе немногих, знавших, кто такая Бергитте на самом деле. Неужели он…

— Нет, — развернулась она. — Не хочу об этом говорить.

— Кровь и пепел, Бергитте! Мне просто необходимо кое-что знать. Ну же, по старой дружбе?..

— Мы условились, что будем хранить секреты друг друга.

— И твоих секретов я не выбалтываю, — тут же сказал Мэт, — но, видишь ли, есть одна закавыка.

— Что за закавыка?

— Башня Генджей.

— Где ж тут закавыка? — заметила Бергитте. — Просто не подходи к ней, да и все.

— Не могу.

— Очень даже можешь. Проклятье, Мэт, это же здание, а не живое существо! Оно не умеет гоняться за людьми!

— Очень смешно. Может, хотя бы выслушаешь меня за кружкой… гм… молока? Я угощаю.

На мгновение она остановилась. Затем махнула рукой и пробурчала со вздохом:

— Ясное дело, угощаешь. Чтоб тебе сгореть.

Они вошли в гостиницу под названием «Великий поход». Из-за дождя тут было не протолкнуться, но Бергитте водила дружбу с хозяином, и тот, дабы освободить столик, приказал вышибале прогнать пьянчугу, храпевшего на скамейке в углу.

В знак благодарности Бергитте бросила ему монетку, и трактирщик кивнул страхолюдной головой. Редкозубый, одноглазый и практически лысый. Первейший красавец в заведении. Бергитте подняла руку, показав трактирщику два пальца — тот был в курсе, что теперь она пьет молоко, — и жестом пригласила Мэта за столик.

— По-моему, я такого урода в жизни не видел, —

сказал Мэт, когда они уселись.

— Ты недостаточно долго живешь. — Бергитте привалилась спиной к стене и одну ногу, обутую в сапог, закинула на скамью, а другую — на стол, для чего ей вполне хватило места. — Будь Старый Снерт на пару лет помоложе, да если бы кто поднапрягся и сломал ему нос в нескольких местах, я бы могла положить на него глаз. У него крепкая грудь, мускулистая и волосатая. Есть куда пальцы запустить.

Мэт ухмыльнулся:

— Я разве не говорил, насколько странно выпивать с женщиной, так отзывающейся о мужчинах?

Бергитте пожала плечами и сказала:

— Значит, Генджей. Зачем, во имя ушей Нормада, тебе так не терпится туда попасть?

— Чьих ушей? — не понял Мэт.

— Отвечай.

Мэт вздохнул, рассеянно взял у подавальщицы принесенную ею кружку. Как ни странно, он даже не шлепнул девушку пониже спины, хоть и проводил ее плотоядным взглядом.

— Эти треклятые змеи и лисицы взяли в плен моего друга, — сказал он, опустил шарф и отхлебнул из кружки.

— Забудь. Его не спасти, Мэт. Раз уж он сдуру сунулся в их пределы, то получил по заслугам.

— Это не он, а она, — объяснил Мэт.

«Ах вон оно что», — подумала Бергитте. Дурак дураком. Герой, но все равно дурак.

— Я не могу ее бросить, — продолжил Мэт. — Я перед ней в долгу. Кроме того, один мой хороший друг намерен спасти ее. Независимо от моего желания. Поэтому я просто обязан помочь.

— Значит, останетесь там втроем, — сказала Бергитте. — Если ты пройдешь через портал, то будешь связан договором. Это соглашение не только защищает тебя, но и ограничивает. Войди в одну из дверных рам, и никогда не попадешь туда, куда бы тебе хотелось.

— А если пробраться туда другим способом? — спросил Мэт. — Ты же рассказывала Олверу, как открыть проход в Башню.

— Да, рассказывала. Сказку на ночь! О Свет! Могла ли я подумать, что кто-то из вас, пустоголовых, на самом деле попробует проникнуть в Башню Генджей?!

— Но если воспользоваться этим твоим способом, мы сумеем найти ту, кого ищем?

— Может быть, — ответила Бергитте, — но не найдете. Договор утратит силу, поэтому Эл-

фин и Илфин смогут пролить кровь. Обычно волноваться стоит только насчет фокусов с веревками и западнями, поскольку змеям и лисицам нельзя… — Она осеклась и взглянула на Мэта. — Кстати, ты-то как оказался на веревке?

— Проклятье! — Он покраснел и уставился в кружку. — На этих порталах не хватает треклятых табличек с надписью: «Войди, и тебя могут повесить. И повесят. Идиот».

Бергитте усмехнулась. Они уже говорили о воспоминаниях Мэта. Надо было понять, что к чему.

— Если войти другим способом, наверное, они все равно постараются обойтись ловушками. В их царстве кровопролитие может привести к непредсказуемым последствиям. Они попробуют сделать так, чтобы ты сломал кости при падении. Или усыпят тебя. И непременно одержат победу, Мэт. Тот мир принадлежит Илфин и Элфин.

— А если смухлевать? — спросил Мэт. — Железо, музыка, огонь…

— Это не мухлеж, а смекалка. Любой недоумок, прежде чем войти в Башню, запасается огнем, железом и музыкой. Но обратно выходит один из тысячи, Мэт.

Он помолчал, затем выудил из кармана пригоршню монет:

— Как думаешь, если я подброшу все разом, каков шанс, что выпадут только решки? Один из тысячи?

— Мэт!..

Монеты взлетели в воздух и дождем осыпались на столешницу. Ни одна не отскочила и не скатилась на пол.

Мэт, не опуская глаз, смотрел на Бергитте. Монеты прекратили скакать и дрожать и угомонились. Бергитте взглянула на блестящие кругляши. Монет было две дюжины. И все лежали решкой вверх.

— Один из тысячи — нормальный шанс, — заявил Мэт. — Для меня.

— Кровь и пепел! Ты не лучше Илэйн! Неужели непонятно? Всего-то и надо, что один неудачный бросок. А такие бывают даже у тебя.

— Рискну. Чтоб мне сгореть, Бергитте, я понимаю, насколько это глупо, но все равно рискну. Кстати говоря, откуда ты знаешь столько всего про эту Башню? Ты была в ней, да?

— Была, — признала она.

Лицо у Мэта сделалось самодовольным.

— Ну ты-то выбралась! Как это у тебя получилось?

Бергитте помолчала, потом взяла в руку круж-

ку с молоком:

— Предположу, что эта легенда затерялась в веках?

— Я ее не знаю, — сказал Мэт.

— Я отправилась туда просить о спасении жизни любимого человека. Дело было после битвы при Лапойнтских холмах, в которой мы возглавляли участников Буханарского восстания. Гайдал получил страшное ранение, и из-за удара по голове не мог связно мыслить. Иногда забывал, кто я такая. У меня сердце кровью обливалось. Поэтому я отвела его в Башню и попросила об Исцелении.

— Но как ты выбралась? — спросил Мэт. — Как ты их обманула?

— Никак, — тихо ответила Бергитте.

Мэт похолодел.

— Вместо того чтобы Исцелить Гайдала, — продолжила Бергитте, — Илфин убили нас обоих. Я не выжила, Мэт. Вот как заканчивается та легенда.

Повисло долгое молчание.

— Ох ты, — наконец вымолвил Мэт. — Что сказать, печальная выходит история.

— Не все легенды заканчиваются победой. Так не бывает. Да и мы с Гайдалом не особо дружим со счастливыми концовками. Нам лучше сгореть в зените славы. — Она поморщилась, вспомнив

одно из воплощений, когда и ему, и ей пришлось вместе мирно состариться. То была наискучнейшая жизнь, хотя Бергитте, не понимавшая тогда своей куда более значимой роли в Узоре, была ею вполне довольна.

— Как бы то ни было, я все равно отправляюсь в Башню, — сказал Мэт.

— Я не пойду с тобой, Мэт, — вздохнула Бергитте. — Не могу бросить Илэйн. Ее подсознательное стремление к смерти едва ли не превосходит твою гордыню, и я намерена проследить, чтобы Илэйн оставалась в живых.

— Да я и не ждал, что ты составишь мне компанию, — незамедлительно произнес Мэт. — Чтоб мне сгореть, я же не об этом прошу! И… — Он нахмурился. — Что за стремление к смерти? И что за гордыня?

— Не бери в голову. — Бергитте отхлебнула из кружки.

К молоку она питала слабость, но предпочитала об этом не рассказывать. Разумеется, она будет просто счастлива, когда снова сможет пить спиртное; Бергитте уже соскучилась по пенным напиткам Старого Снерта. Отвратное пиво нравилось ей не меньше, чем отвратные мужчины.

— Я пришел к тебе за помощью, — сказал Мэт.

— Что тут добавить? Берешь железо, огонь и музыку. Железо защитит от них, ранит их и сдержит. Огонь напугает и убьет. Музыка введет в транс. Но запомни: чем дольше станешь использовать огонь и музыку, тем меньше будет от них толку. Башня — это не место, а портал, что-то вроде врат, ведущих к перекрестку между мирами Илфин и Элфин, лисиц и змей. Если предположить, что ныне они действуют заодно. У них странные взаимоотношения.

— Но чего им надо? — спросил Мэт. — В смысле от нас. Почему они нами интересуются?

— Из-за эмоций, — ответила Бергитте. — Вот почему они построили порталы, ведущие в наш мир; вот почему они заманивают нас к себе. Они питаются нашими чувствами. По какой-то причине им особенно нравятся Айз Седай. Должно быть, эмоции тех, кто способен касаться Источника, на вкус как крепкий эль.

Мэт заметно вздрогнул.

— Внутри все сбивает с толку, — продолжила Бергитте, — и попасть там в какое-то нужное место очень непросто. Входить в Башню не через портал было опасно, но я знала: если сумею добраться до главного зала, то смогу заключить с ними сделку. Кстати говоря, если войдешь

в Башню, не надейся получить что-то за просто так. Взамен от тебя потребуют что-нибудь, чем ты дорожишь. В общем, я придумала способ, как отыскать главный зал. На каждом пересечении коридоров я оставляла железные опилки, чтобы знать, в какую сторону до того свернула. Как понимаешь, коснуться железа они не могут, и… ты точно не слыхал эту историю?

Мэт покачал головой.

— Когда-то она была популярна в здешних краях, — нахмурилась Бергитте. — Сотню лет назад или около того.

— Говоришь так, будто обиделась…

— Хорошее было сказание, — сказала Бергитте.

— Если выживу, Бергитте, то уговорю Тома сложить о ней треклятую балладу. Рассказывай про опилки. Твой план сработал?

— Я все равно заблудилась, — покачала головой она. — Не знаю… То ли они как-то сдули эти опилки, то ли Башня внутри такая огромная, что я ни разу не пришла на один и тот же перекресток. В итоге я оказалась в незавидном положении: огонь почти угас, лира сломалась, тетива порвалась, а Гайдал потерял сознание. Иногда он мог идти, но в другие дни ничего не соображал, и приходилось тащить его на волокуше.

— Дни? — изумился Мэт. — Как долго вы там пробыли?

— Съестных припасов я взяла на два месяца, — поморщилась Бергитте. — Не знаю, сколько мы продержались после того, как кончилась еда.

— Кровь и пепел! — воскликнул Мэт и сделал большой глоток эля.

— Говорю же, нечего тебе в Башне делать, — заметила Бергитте. — Даже если найдешь свою подругу, выйти не получится. Можешь неделями там бродить, никуда не сворачивая, строго по прямой, из коридора в коридор, и все равно толку не будет. Ты всегда будешь проходить мимо главного зала, хотя он, вероятно, будет в нескольких минутах от вас — если знать, куда свернуть.

Мэт уставился в кружку. Наверное, жалел, что не взял чего-нибудь покрепче.

— Ну что, передумал? — спросила Бергитте.

— Нет, — ответил он. — Но лучше бы Морейн не забыла сказать спасибо, когда выберемся. Проклятье! Два месяца?! — Он нахмурился. — Погоди. Если вы оба погибли в Башне, откуда взялась легенда?

— Без понятия, — пожала плечами Бергитте. — Может, какая-то Айз Седай узнала об этом, задавая свои вопросы. Всем было известно, что я

отправилась в Башню. Тогда меня звали Джетари Лунная Танцовщица. Ты точно уверен, что не слышал эту историю?

Мэт снова покачал головой, и Бергитте, вздохнув, прислонилась к стене. Что ж, не всем легендам о ней суждена вечная жизнь. Но Бергитте думала, что эта история продержится хотя бы несколько поколений.

Она взяла кружку, собираясь допить молоко, но так и не донесла ее до губ. Бергитте застыла, ощутив всплеск эмоций Илэйн. Гнев, ярость… И боль.

Бергитте со стуком поставила кружку на стол, бросила рядом несколько монет, встала и выругалась.

В мгновение ока Мэт вскочил на ноги:

— Что такое?

— Илэйн. Она в беде. Снова. И ей больно.

— Кровь и пепел, — выдохнул Мэт, схватил плащ с посохом, и оба бросились к выходу.

Глава 23
Лисьи головы

Илэйн крутила в пальцах странный медальон, рассматривая лисью голову, сработанную на его лицевой части. Так бывает со многими тер'ангриалами — непонятно, из какого металла они сделаны, — но дар подсказывал Илэйн, что изначально медальон был серебряным. Тем не менее теперь серебро превратилось в нечто совершенно иное. Нечто небывалое.

Песенница театральной труппы Счастливчика продолжала выводить песню — чистые, высокие, прекрасные ноты. Зал был переоборудован для исполнителей — в одном его конце соорудили возвышение, перед которым, по правую его сторону, в мягком кресле и сидела Илэйн. За спиной

у нее стояли две женщины из гвардии Бергитте.

В зале царил полумрак. Единственными источниками света здесь были небольшие лампы, рядком стоявшие в стенных нишах за голубым стеклом, и синее мерцание растворялось в обжигающе-желтом свете фонарей, расставленных перед помостом.

Но Илэйн не следила за нюансами представления. Она не раз слышала балладу «Гибель принцессы Валишен» и, честно говоря, не понимала, зачем добавлять к ней новые слова и выпускать на сцену нескольких актеров там, где хватило бы одного-единственного барда. Но это была любимая баллада Эллориен, и благоприятные отзывы кайриэнской знати об этих самых исполнителях пробудили в андорских аристократах живейший интерес к представлениям труппы Счастливчика.

Отсюда и этот вечер. Эллориен явилась по приглашению Илэйн. Пожалуй, она была заинтригована — как это новоявленная королева отважилась пригласить ее во дворец? Однако уже скоро Илэйн обернет ее присутствие себе во благо. Скоро, но не теперь. Пусть Эллориен сперва насладится представлением. Она, несомненно, ожидала политического подвоха: думала, что Ил-

эйн подойдет к ней, сядет в соседнее кресло или подошлет слугу с каким-нибудь предложением.

Но Илэйн не сделала ни того ни другого. Вместо этого она сидела и рассматривала тер'ангриал в виде лисьей головы — тонкое произведение искусства, хоть и сработанное из цельного куска металла. Илэйн уже чувствовала плетения, использованные его создателем, плетения куда более замысловатые, чем простенькая магия перекрученных сновидческих колец.

Илэйн уже пробовала воспроизвести этот медальон, но дело не ладилось. В поясной сумочке у нее лежал один из неудавшихся экземпляров. Серебряных дел мастерам было велено отлить максимально точные копии этой вещицы, но Илэйн подозревала, что форма не имеет значения. Пожалуй, важен был объем серебра — по некой причине, — но не форма, которую принимал металл.

Илэйн подбиралась к разгадке. Лежавшая в сумочке копия была далека от идеала: слабые плетения соскальзывали с любого, кто держал ее в руках, но более мощные почему-то пробивали этот барьер. И еще одна проблема, уже серьезнее: касаясь копии, невозможно было направлять Силу.

Оригинал — совсем другое дело. Илэйн пришла в восторг, обнаружив, что медальон в руках совершенно не препятствует работе с Единой Силой. Формировать плетения мешала беременность — что по-прежнему огорчало Илэйн, — но направлять Силу, держа в руке лисью голову, было вполне реально.

Копия, однако, получилась какая-то не такая. К несчастью, времени было в обрез: совсем скоро придется вернуть Мэту его медальон.

Илэйн достала из сумочки подделку и положила ее на соседнее сиденье, затем обняла Источник и сплела тесьму Духа. Несколько женщин из Родни, сидевшие неподалеку и тоже смотревшие представление, перевели на нее свои взоры, но остальные увлеченно слушали песню.

Илэйн вытянула руку и дотронулась до медальона. Плетение тут же распустилось. Истинный Источник в тот же миг исчез — примерно так, будто Илэйн оградили щитом.

Песня достигла кульминации. Илэйн вздохнула. Копия была такой точной… и в то же время такой несовершенной! Илэйн никогда не надела бы вещь, не позволяющую коснуться Источника, и не важно, какую защиту давал бы ей этот предмет.

Хотя вещица небесполезная. Можно дать копию Бергитте и, пожалуй, кому-то из капитанов гвардии. Но создавать слишком много дубликатов не следует — чересчур уж эффективен этот медальон против Айз Седай.

Может, отдать Мэту не оригинал, а подделку? Не имея способности направлять Силу, он не заметит разницы…

«Нет», — мысленно остановила себя девушка. Она задавила искушение в зародыше. Илэйн обещала вернуть медальон, а не какую-то ущербную копию, и не нарушит слова. Она сунула обе вещицы в карман платья. Теперь она знала, что может выпросить медальон у Мэта. Может, пригрозить ему, заставив дать больше времени на изучение тер'ангриала? Но присутствие где-то в городе голама вызывало у нее нешуточную тревогу. Как совладать с этой тварью? Может, раздать по копии медальона всем ее телохранителям? В конце концов, не такая уж плохая мысль.

Песня подошла к концу, и последняя пронзительная нота исчезла, как исчезает пламя свечи, когда фитиль сгорает дотла. За этим последовал финал пьесы — из темноты повыпрыгивали люди в белых масках, вспыхнул ослепительный свет, в один из фонарей чем-то кинули, и, когда в

зале снова воцарился полумрак, на сцене лежала умерщвленная Валишен, и колокольный подол красного платья разошелся вокруг ее тела озерцом пролитой крови.

Зрители поднялись с мест и зааплодировали. По большей части это были женщины из Родни, хотя в зале хватало людей из свиты верховных опор благородных Домов — тех, что поддержали Илэйн. Разумеется, здесь были Дайлин, юный Конайл Нортэн, не менее юная — но куда более надменная — Каталин Хевин.

И последней из ее сторонниц здесь была дворянка Сильвейз Кирен. Вот бы понять, что у нее на уме. Покачав головой, Илэйн переложила фальшивый медальон в виде лисьей головы в поясную сумочку и добавила к всеобщей овации несколько сдержанных хлопков в ладоши. Наверняка исполнители смотрят только на нее, и, если не проявить одобрения, актеры всю ночь будут изводиться вопросом, что же ей не понравилось.

Покончив с аплодисментами, Илэйн направилась к ближайшей гостиной, где стояли кресла с мягкой обивкой и массивными подлокотниками, предназначенные для непринужденной беседы. У стены располагалась стойка, за которой, заложив руки за спину, стоял слуга в накрахма-

ленной красно-белой униформе, почтительно ожидавший наплыва жаждущих. Эллориен здесь, разумеется, не оказалось — в соответствии с элементарными правилами вежливости гости ждали, пока зрительный зал не покинет хозяйка приема. Пусть Эллориен была не в лучших отношениях с Илэйн, это не повод нарушать приличия и демонстрировать дурные манеры.

Поэтому она вошла в гостиную чуть позже Илэйн. Пухлая Эллориен переговаривалась с кем-то из Родни, демонстративно игнорируя шедших рядом верховных опор благородных Домов. Разговор казался вымученным. Можно было ожидать, что она вовсе не появится в гостиной, но Илэйн знала: эта женщина не преминет подчеркнуть, что никоим образом не переменила мнения насчет Дома Траканд.

Илэйн улыбнулась, но подходить к Эллориен не стала, вместо этого она повернулась к только что вошедшей Сильвейз — голубоглазой девушке среднего телосложения, назвать которую симпатичной не позволяло лишь отсутствующее выражение лица. Не безмятежное, как у Айз Седай, а напрочь отсутствующее. Иной раз Сильвейз производила впечатление выставленного в витрине манекена, но в других случаях де-

монстрировала скрытые глубины своей натуры, выказывая незаурядную хитрость.

— Спасибо за приглашение, ваше величество, — ровным тоном промолвила Сильвейз. Ее монотонный голос навевал легкую жуть. — В высшей степени поучительное зрелище.

— Поучительное? — переспросила Илэйн. — Я надеялась, что оно развлечет гостей.

Не ответив, Сильвейз бросила взгляд на Эллориен и наконец проявила хоть какие-то эмоции — а именно ледяную неприязнь, от которой мурашки бегут по коже.

— А ее-то вы зачем пригласили, ваше величество? — спросила она.

— Когда-то Дом Кирен тоже не ладил с Домом Траканд, — ответила Илэйн. — Зачастую те, чьей преданности труднее всего добиться, становятся самыми ценными союзниками.

— Она не станет вас поддерживать, ваше величество, — заметила Сильвейз неестественно спокойным тоном. — Только не после того, что сделала ваша мать.

— Когда много лет назад мать боролась за трон, — Илэйн тоже взглянула на Эллориен, — некоторые Дома утверждали, что ей не победить. Но она победила.

— И? У вас уже предостаточно сторонников, ваше величество. Вы одержали победу.

— Одну из побед.

Об остальном она умолчала. В частности, о долге чести перед Домом Траймане. Илэйн добивалась поддержки Эллориен не только ради упрочения Львиного трона. Ей хотелось покончить с разладом, который был вызван действиями ее матери, попавшей под влияние Гейбрила. И еще девушке хотелось восстановить репутацию своего Дома, исправив все, что можно исправить.

Но Сильвейз этого не понять. Илэйн узнала, как прошло детство этой бедняжки; такая не придаст особого значения чести верховной опоры Дома. Похоже, Сильвейз не верила ни во что, кроме могущества и мести. До тех пор пока она поддерживает Илэйн и поддается внушению, Сильвейз не станет обузой, но и не добавит заметных сил Дому Траканд — в отличие от людей вроде Дайлин.

— Устраивает ли вас мой секретарь, ваше величество? — спросила Сильвейз.

— Пожалуй, вполне устраивает, — ответила Илэйн.

Пока что от него не было особой пользы, хотя Илэйн не давала ему разрешения на слишком

уж энергичные способы ведения допросов. Она угодила в ловушку дилеммы. Чуть ли не целую вечность Илэйн охотилась на эту группу Черных сестер. Наконец они оказались у нее в руках… и что теперь с ними делать?

Бергитте захватила их живьем — якобы для того, чтобы подвергнуть допросу, а затем судить в Белой Башне. Но это значит, что у Черных сестер нет причин давать языку воли: они понимали, что в итоге их казнят. Поэтому Илэйн должна была или пойти на сделку с ними, или позволить допытчику прибегнуть к крайним мерам.

Королева просто обязана быть жесткой и в определенных случаях не церемониться — вот что объясняли ей учителя и наставники. Вне всяких сомнений, Черные сестры были виновны, и каждая заслужила смертную казнь, причем не одну, а десяток смертных казней. Но Илэйн пока не знала, как низко она способна пасть, дабы выведать их секреты.

Кроме того, будет ли от допроса с пристрастием хоть какой-то толк? Испан находилась под воздействием какого-то рода Принуждения, или же ее связывали некие клятвы; с этими женщинами, по всей вероятности, будет та же история. Смогут ли они рассказать что-нибудь ценное? Вот бы

существовал способ…

Она задумалась и пропустила следующую реплику Сильвейз мимо ушей, но в голову ей пришла новая мысль. Конечно, Бергитте такое не понравится. Бергитте вообще ничего не нравится. Но совсем недавно Илэйн почувствовала, что Бергитте вышла из дворца — наверное, отправилась на обход внешних караульных постов.

— Прошу прощения, Сильвейз, — сказала она. — Я только что вспомнила об одном крайне безотлагательном деле.

— Конечно, ваше величество, — ответила девушка пресным голосом, в котором не было почти ничего человеческого.

Илэйн отошла от нее, по-быстрому приветствуя остальных гостей — и тут же с ними прощаясь. У Конайла был скучающий вид. Юноша пришел сюда только из приличия. Дайлин, как всегда, была приятна в общении, но вела себя осмотрительно. Стараясь не столкнуться с Эллориен, Илэйн перекинулась словцом со всеми мало-мальски значимыми особами, а закончив, направилась к выходу.

— Илэйн Траканд! — окликнула ее Эллориен.

Илэйн замерла и улыбнулась себе под нос. Стерла с лица все эмоции, кроме напускного

любопытства, и обернулась:

— Да, леди Эллориен?

— Вы пригласили меня лишь для того, чтобы игнорировать? — осведомилась женщина через всю гостиную. Другие разговоры стихли.

— Вовсе нет, — ответила Илэйн. — Просто у меня сложилось впечатление, что вы приятнее проведете время, если не навязывать вам мое общество. Сегодняшний вечер не задумывался как способ достижения политических целей.

— В таком случае для чего я здесь? — сдвинула брови Эллориен.

— Чтобы с удовольствием послушать хорошую балладу, леди Эллориен, — сказала Илэйн. — И пожалуй, вспомнить то время, когда вы нередко развлекались в обществе представителей Дома Траканд. — Она улыбнулась, едва заметно кивнула и вышла.

«Пусть пораскинет мозгами», — не без самодовольства подумала Илэйн. Эллориен, несомненно, слышала, что Гейбрил был Отрекшимся. Пусть она не верит в это, но, быть может, вспомнит годы обоюдного уважения, проведенные в мире с Моргейз. Неужели несколько недолгих месяцев способны затмить многолетнюю дружбу?

У подножия лестницы, ведущей к зрительному

залу, Илэйн обнаружила Кайлу Бент, одну из капитанов гвардии Бергитте. Поджарая огненноволосая женщина дружелюбно беседовала с парой гвардейцев. Оба, как видно, стремились завоевать ее расположение. Заметив Илэйн, все трое вытянулись в струнку.

— Куда ушла Бергитте? — спросила Илэйн.

— Расследовать инцидент у ворот, ваше величество, — ответила Кайла. — Мне сообщили, что не произошло ничего особенного. Тот капитан наемников, что недавно приходил к вам, пытался тайно проникнуть на территорию дворца. Капитан Бергитте допрашивает его.

— Вы имеете в виду Мэтрима Коутона? — подняла бровь Илэйн.

Женщина кивнула.

— Бергитте его «допрашивает»?

— Так мне сказали, ваше величество, — подтвердила Кайла.

— Значит, эти двое отправились куда-то выпивать, — со вздохом заметила Илэйн. О Свет! Не лучшее время для подобных занятий.

Или наоборот? У Илэйн имелись соображения насчет Черных сестер, и Бергитте не сможет ей помешать, поскольку ушла с Мэтом. Илэйн поняла, что улыбается.

— Ступайте за мной, капитан Бент.

Покинув крыло, где располагались театральные покои, Илэйн вошла в сам дворец. Кайла последовала за ней, но сперва подала знак стоявшей в холле группе женщин-гвардейцев, и те тоже двинулись за королевой и капитаном.

Все еще улыбаясь своим мыслям, Илэйн принялась отдавать приказы. Одна из женщин отправилась их выполнять, хотя, судя по выражению лица, ее смутили довольно необычные распоряжения. Поднявшись в свои покои, Илэйн села и задумалась. Действовать надо без промедления. Благодаря узам Илэйн чувствовала, что Бергитте сегодня не в духе.

Вскоре служанка принесла скрывающий всю фигуру черный плащ. Выскочив из кресла, Илэйн укуталась в него и обняла Источник. Получилось только с третьей попытки! Кровь и пепел, иной раз беременность выводила из себя.

Она сплела вокруг себя пряди Огня и Воздуха и с помощью Зеркала туманов изменила внешность, чтобы казаться выше и внушительнее. Порылась в сундучке с украшениями и выудила оттуда вырезанную из желтоватой поделочной кости фигурку сидящей женщины, скрытой за пеленой собственных волос. С помощью *ангри-*

ала Илэйн вобрала в себя столько Единой Силы, сколько осмелилась. На взгляд любого, кто способен направлять, она и впрямь выглядела бы впечатляюще.

Илэйн оглянулась на женщин-гвардейцев. Те, очевидно, не понимали, что происходит, и стояли, машинально схватившись за рукояти мечей.

— Ваше величество? — спросила Кайла.

— Как я выгляжу? — Илэйн подправила плетение, чтобы голос звучал ниже.

— Как ожившая грозовая туча, ваше величество, — распахнула глаза Кайла.

— То есть устрашающе? — Илэйн даже вздрогнула от звука своего голоса, грозного и почти нечеловеческого. Идеально!

— Я бы сказала, что да, — согласилась долговязая женщина, потирая подбородок свободной рукой. — Хотя мягкие туфли совершенно не к месту. Все впечатление портят.

Илэйн опустила взгляд и выругалась, увидев розовый шелк. Сплела еще одну прядь, и ноги в тапочках исчезли. Теперь со стороны казалось, будто она парит в воздухе, окутанная трепещущей черной тканью плаща, словно пульсирующим саваном тьмы. Лицо Илэйн полностью скрылось во мраке. И еще один штрих: две слабо

светящиеся красные точки там, где должны быть глаза. Словно угольки, от которых исходит темно-малиновое свечение.

— Да обережет нас Свет, — прошептал кто-то из женщин-гвардейцев.

Илэйн удовлетворенно кивнула, и сердце ее забилось от волнения. Нет, она не тревожилась. Если верить видению Мин, все с ней будет хорошо. Илэйн снова прокрутила в голове свой план. Отличный! Но существовал лишь один способ проверить, действительно ли хорош ее замысел.

Илэйн инвертировала свои плетения и закрепила их узлами, потом повернулась к женщинам-гвардейцам.

— Потушите огни и не двигайтесь с места, — сказала она им. — Я скоро вернусь.

— Но… — начала Кайла.

— Это приказ, гвардеец, — твердо сказала Илэйн. — И не советую его обсуждать.

Женщина растерялась. Наверное, понимала, что Бергитте такого не допустила бы. Но к счастью, Кайла — это вам не Бергитте. Поэтому она неохотно отдала соответствующие распоряжения, и в комнате стало темно.

Илэйн нащупала в кармане оригинальный медальон с лисьей головой и зажала его в ладони

так, чтобы не было видно, после чего набрала полную грудь воздуха и создала переходные врата. Погруженную в темноту комнату и всех присутствующих озарила полоса яркого белесого света, похожего на лунное сияние. За вратами открылось такое же темное помещение.

Шагнув через портал, Илэйн оказалась в дворцовой темнице, в одной из подземных камер. У дальней стены, возле крепкой двери с зарешеченным оконцем на самом ее верху — то был единственный источник света в промозглом каземате, — стояла на коленях женщина. Справа от себя Илэйн увидела узкую койку, слева — ведро, служившее ночным горшком. В крошечной каморке стоял запах плесени и человеческих экскрементов. Где-то рядом громко скреблись крысы. Но даже это обиталище было не в меру роскошным для женщины, стоявшей на коленях у стены.

Илэйн выбрала ее неспроста: судя по всему, Чесмал обладала среди Черных определенной властью и была достаточно могущественной, чтобы остальные склонялись перед ней. Не все, но многие. И еще один важный момент: во время последнего столкновения с Илэйн она руководствовалась скорее чувствами, а не разумом.

Ощутив, что в камере стало одним человеком больше, высокая миловидная женщина резко развернулась. Илэйн затаила дыхание. К счастью, маскировка не подвела. Чесмал пала ниц, распростершись на устланном соломой полу.

— Великая… — свистящим шепотом произнесла она. — Я…

— Молчать! — прогремела Илэйн.

Чесмал съежилась и бросила взгляд в сторону двери, словно ожидая, что в камеру заглянет охрана. Должно быть, за стеной находятся женщины из Родни, удерживающие щит: Илэйн чувствовала их присутствие. Но на шум никто не появился. Родня выполняла приказы Илэйн, невзирая на всю их странность.

— Ты даже не крыса, — раздался измененный голос Илэйн. — Ты была послана ради того, чтобы узреть славу Великого повелителя, но чего ты добилась? Позволила этим глупцам, этим… — этим младенцам!.. — пленить себя?

— Я пыль у тебя под ногами, Великая! — проскулила Чесмал, вжавшись в солому. — Я никто и ничто! Мы подвели тебя! Молю, не убивай!

— С чего бы мне щадить тебя?! — рявкнула Илэйн. — Вся работа вашей группы — сплошная череда провалов! Одна неудача за другой! Чего

вы добились, чтобы у меня появилась хотя бы мысль о пощаде?

— Мы убили многих из тех глупцов, что действовали против интересов Великого повелителя! — прохныкала Чесмал.

Илэйн поморщилась, затем, набравшись решимости, создала кнут Воздуха и хлестнула женщину по спине — своими деяниями Чесмал вполне заслужила этот удар, — после чего продолжила:

— Но ты, ты не имела отношения к их смерти! Кого ты хочешь обмануть? Думаешь, я ничего не знаю?!

— Нет, Великая! — взвыла Чесмал, свернувшись в клубок. — Умоляю!

— Назови причину, по которой ты имеешь право остаться в живых.

— У меня есть новости, Великая, — незамедлительно ответила Чесмал. — Один из тех, кого надо было разыскать… один из двоих, кого надо убить любой ценой… он здесь, в Кэймлине!

«Что?» — подумала Илэйн и, пару мгновений помолчав, велела:

— Рассказывай!

— Он возглавляет отряд наемников, — с облегчением заговорила Чесмал, поняв, что имеет

шанс отсрочить свою смерть. — Мужчина с острым взглядом. Он носит шляпу и отмеченное во́ронами копье!

Мэт?! Приспешники Темного на Мэта охотятся? С чего бы? Да, он друг Ранда и вдобавок та'верен, но чем он навлек на себя гнев самих Отрекшихся? И самое неприятное: Чесмал известно, что Мэт в городе, а ведь он появился тут только после пленения Черных сестер! И это значит…

Это значит, что Чесмал и остальные поддерживают связь с другими приспешниками Тьмы. Но с кем?

— И как ты узнала об этом? Почему не сообщила раньше?

— Эти новости дошли до меня только сегодня. — В голосе Чесмал послышалась самоуверенность. — Мы планируем убийство.

— Каким образом? — осведомилась Илэйн. — Как вы убьете его, сидя в темнице?

На миг Чесмал подняла взгляд. На ее угловатом лице читалось замешательство. Она ничего не ответила.

«Я дала понять, что знаю меньше, чем следует». Скрытая маской теней, Илэйн скрипнула зубами.

— Великая, — сказала Чесмал, — я старательно выполняла все приказы. В частности, мы почти

готовы начать вторжение, как и велено. Вскоре Андор умоется кровью наших врагов, а Великий повелитель воцарится в огне и пепле. Мы проследим, чтобы так и было.

В смысле? Вторжение? В Андор? Невозможно! Когда? Как?! Но стоит ли задавать этот вопрос? Похоже, Чесмал заподозрила, что дело нечисто.

— Ты не та Избранная, что являлась мне прежде. Так ведь, Великая? — спросила Чесмал.

— Не таким, как ты, подвергать сомнению действия таких, как мы! — прорычала Илэйн, подкрепив свое замечание новым ударом кнута по спине женщины. — Мне надо знать все, что знаешь ты, дабы судить о пробелах в твоей осведомленности. Известно ли тебе, что… Ладно, с этим разберемся позже. Для начала расскажи, что знаешь о вторжении.

— Знаю, что близится его крайний срок, Великая, — сказала Чесмал. — Будь у нас больше времени, мы смогли бы составить более обширный план. Если вызволишь меня из этих стен, я…

Она умолкла, покосившись в сторону.

Крайний срок. Илэйн хотела было потребовать объяснений, но осеклась. Что это? Она больше не чувствовала присутствия Родни снаружи. Жен-

щины ушли? А как же щит Чесмал?

Замок заскрежетал, щелкнул, и дверь, содрогнувшись, с грохотом распахнулась. За ней стояли люди — и вовсе не гвардейцы, которых ожидала увидеть Илэйн. Их возглавлял коротко стриженный черноволосый мужчина, с залысинами на висках и огромными усами. Он был в коричневых штанах, черной рубашке и длинном кафтане, напоминавшем расстегнутый халат.

Секретарь Сильвейз! А за спиной у него обнаружились две женщины: Тимэйл и Элдрит. Обе — из Черной Айя, и обе уже удерживали Источник. О Свет!

Сдержав изумление, Илэйн пересеклась с ними взглядом. Отступать она не собиралась. Раз уж одна Черная сестра поверила, что Илэйн — Избранная, поверят и эти трое. Тимэйл широко раскрыла глаза и упала на колени. Секретарь сделал то же самое, но Элдрит не спешила следовать примеру остальных. Илэйн не понимала, в чем дело — то ли в позе, то ли в маскировке, то ли в том, как она отреагировала на появление странной троицы, то ли еще в чем — но, как бы то ни было, Элдрит не купилась. Круглолицая женщина начала направлять Силу.

Илэйн выругалась про себя, создавая собствен-

ные плетения. Она обрушила щит на Элдрит в тот же миг, как ощутила, что другим пытаются отсечь от Источника ее саму. К счастью, в ладони Илэйн сжимала тер'ангриал Мэта. Медальон похолодел, плетение Элдрит распустилось, а щит отсек Черную сестру от Источника, и окружавшее ту сияние Силы померкло.

— Что ты творишь, полоумная? — проскрежетала Чесмал. — На Избранную поперла? Всех нас в могилу сведешь!

— Она не Избранная! — крикнула в ответ Элдрит, а Илэйн запоздало подумала, что стоило бы сплести из Воздуха кляп. — Тебя одурачили! Она…

Илэйн заткнула ей рот, но поздно: Тимэйл — которая всегда казалась чересчур учтивой для Черной сестры — обняла Источник и подняла взор. Ужас на лице Чесмал сменился гневом.

Илэйн торопливо закрепила щит Элдрит и начала плести следующий. На нее обрушилось плетение Воздуха. Медальон с лисьей головой похолодел, и — спасибо Мэту за своевременное одолжение — Илэйн поставила щит между Чесмал и Источником.

Тимэйл изумленно воззрилась на Илэйн. По всей видимости, она не ожидала, что ее плетение

Воздуха окажется бесполезным. Но секретарь Сильвейз соображал быстрее прочих — он вдруг бросился вперед и вмял Илэйн спиной в стену.

Плечо пронзила боль. Илэйн почувствовала, как что-то хрустнуло. Лопатка? «Дети!» — тут же мелькнуло у нее в голове. При этой мысли Илэйн захлестнул первобытный ужас, затмивший воспоминания о Мин и ее видениях. Растерявшись, она перестала контролировать переходные врата, что вели в ее комнату, и те вмиг растворились во мгле.

— У нее какой-то тер'ангриал! — крикнула Тимэйл. — Плетения не действуют!

Отбиваясь от секретаря, Илэйн начала творить плетение Воздуха, чтобы отбросить противника. Но тот вцепился ей в руку: должно быть, заметил в ладони отблеск серебристого металла. Его длинные пальцы сомкнулись на медальоне, а мгновением позже мужчину ударило прядью Воздуха.

Секретаря отбросило в другой конец камеры, но тер'ангриал остался у него. Илэйн зарычала от ярости. Тимэйл ответила на ее рык злобной ухмылкой, и ее окутали плетения Воздуха. Черная отправила их вперед, но ее пряди столкнулись с плетениями Илэйн.

Когда они врезались друг в друга, каморка содрогнулась, и пространство заполнили взлетевшие с пола соломинки. От моментально возросшего давления у Илэйн больно заложило уши. Черноволосый секретарь, сжимая в руке тер'ангриал, отполз в угол. С гневным возгласом Илэйн потянулась к нему с помощью плетения, но оно разошлось, а ушибленное о стену плечо запульсировало от боли.

В камере было теперь тесновато, а Тимэйл стояла в дверях, мешая секретарю ускользнуть. Вот только непреднамеренно или нарочно? Пожалуй, ей хотелось заполучить медальон. Две другие Черные сестры, по-прежнему огражденные щитами, приникли к полу, спасаясь от хлестких ударов Воздуха.

Илэйн зачерпнула через ангриал как можно больше Силы — сколько осмелилась — и толкнула свое плетение вперед, превозмогая усилия Тимэйл. Пару секунд та сопротивлялась, но безуспешно: своим напором Илэйн прорвала оборону, вышвырнула Тимэйл из камеры и впечатала ее в каменную стену коридора. Илэйн незамедлительно поставила щит, хотя от удара Тимэйл, по всей видимости, лишилась чувств.

Секретарь метнулся к выходу. В панике Илэйн

сделала первое, что пришло ей в голову: подхватила Чесмал плетением Воздуха и швырнула ее в черноволосого мужчину.

На полу образовалась куча мала, а медальон с лисьей головой со звоном выпал из руки секретаря и выкатился за дверь.

Илэйн сделала глубокий вдох. Грудь горела от боли, а обмякшая рука висела плетью. Илэйн уже не могла как следует поднять ее, поэтому обхватила больную руку здоровой и, вне себя от гнева, впилась в Источник. Сладость саидар принесла ей облегчение. Прядями Воздуха Илэйн спеленала Чесмал, секретаря и Элдрит, пытавшуюся незаметно подползти к ней.

Успокоившись, Илэйн перешагнула через поверженных врагов и вышла в коридор — проверить, как дела у Тимэйл. Женщина еще дышала, но по-прежнему была без сознания. На всякий случай Илэйн связала ее Воздухом, после чего осторожно подняла медальон с лисьей головой, морщась от боли в руке. Да, кость сломана, это уж точно.

Темный, освещенный единственным факелом коридор с четырьмя дверьми, ведущими в камеры, был пуст. Где же гвардейцы и Родня? Илэйн неохотно распустила плетения, которые

формировали ее маскировку: нельзя, чтобы подоспевшие солдаты приняли ее за приспешницу Темного. Кто-нибудь непременно обратил внимание на этот шум! Краешком сознания она чувствовала волнение приближавшейся Бергитте. Та, будучи Стражем, несомненно, ощутила боль в сломанной руке Илэйн.

Хотя эта боль — пустяки по сравнению с предстоящими нотациями Бергитте. При этой мысли Илэйн снова поморщилась, обернулась и бросила взгляд на пленников. Надо проверить остальные камеры.

Конечно, с детьми все будет в порядке. И с ней тоже. Она слишком остро отреагировала на перелом; на самом деле она вовсе не испугалась, но лучше будет…

— Здравствуй, моя королева, — шепнул ей в ухо мужской голос, и мгновением позже в боку расцвела новая боль.

Илэйн охнула, оступилась, и чьи-то пальцы вырвали медальон у нее из руки.

Девушка обернулась. Перед глазами все поплыло, а по бедру потекло что-то теплое. Кровь! Из-за нового потрясения Илэйн не удержала Источник, и тот ускользнул от нее.

Перед ней в коридоре стоял Дойлин Меллар.

В правой руке он держал окровавленный нож, а левой подкидывал на ладони медальон. Его узкое заостренное лицо рассекала широкая улыбка — вернее сказать, злобная ухмылка. Даже в обносках он лучился самоуверенностью, словно король на троне.

Илэйн зашипела и потянулась к Источнику, но ничего не произошло. За спиной у себя она услышала смешок. Она забыла закрепить щит Чесмал! Как только Илэйн отпустила Силу, плетения исчезли. Да, точно. Теперь Илэйн заметила пряди, отсекавшие ее от Источника.

Чесмал — раскрасневшаяся, миловидная — улыбнулась ей. О Свет! У ног Илэйн собиралась красная лужица. Столько крови!

Она попятилась к стене коридора. По одну сторону от нее стоял Меллар, по другую — Чесмал.

Нет, Илэйн не может умереть. Никак не может. Мин же сказала… «А если мы ошиблись с истолкованием?» Ей вспомнились слова Бергитте: «Многое может пойти наперекосяк».

— Исцели ее, — велел Меллар.

— Что? — осведомилась Чесмал.

За спиной у нее, стоя в дверях камеры, отряхивала платье Элдрит. Она упала на пол, когда распустилось плетение Воздуха, но отсекший ее

щит оставался на месте: его Илэйн закрепила как положено.

«Думай, — приказала себе Илэйн. Меж ее пальцев сочилась кровь. — Должен быть какой-то выход. Непременно! О-о Свет! Бергитте, что же ты так долго?!»

— Исцели ее, — повторил Меллар. — Я ранил ее, чтобы ты освободилась.

— Глупец! — сказала Чесмал. — Будь плетения закреплены, какой был бы толк от раны? Так бы мы не освободились!

— Значит, она умерла бы, — пожал плечами Меллар. Он разглядывал Илэйн, и в его красивых глазах светилась похоть. — Что было бы весьма некстати. Ведь она обещана не кому-то, а мне, Айз Седай. И я не допущу, чтобы она рассталась с жизнью в этой темнице. Она не умрет, пока я не найду время получить свое… удовольствие. — Он взглянул на Черную сестру. — Кроме того, ответь себе: обрадуются ли те, кому мы служим, если узнают, что ты позволила королеве Андора умереть, не выведав ее секретов?

Чесмал скроила недовольную мину, но, как видно, поняла, что слова Меллара не лишены смысла. За спиной у них из камеры выскользнул секретарь, глянул налево, направо, метнулся по

коридору к лестнице и умчался наверх. Чесмал направилась к Илэйн. Наконец-то. Илэйн уже теряла сознание. Она привалилась к стене, почти не чувствуя боли в сломанном плече, а потом обнаружила, что сидит на полу.

— Идиотка, — сказала Чесмал. — Я, конечно, раскусила твой фокус. И подыгрывала, зная, что вот-вот придут остальные.

Пустые слова; Черная сестра лгала, дабы произвести впечатление на других. Исцеление. Илэйн уже не могла… без этого… Исцеления. Мозги отказывались работать, в глазах темнело. Она держалась за бок и страшно боялась за себя и своих детей.

Рука соскользнула. Сквозь ткань платья Илэйн нащупала в кармане какой-то предмет. Копию лисьего медальона.

Чесмал возложила ладони девушке на голову, создавая плетения Исцеления. Вены Илэйн заледенели, а тело захлестнуло волной Силы. Она сделала глубокий вдох. Мучительная боль в плече и боку исчезла.

— Вот и все, — сказала Чесмал. — А теперь быстрее, нам надо…

Илэйн быстрым движением вынула из кармана другой медальон и вскинула руку с ним вверх.

Повинуясь бессознательному порыву, Чесмал выхватила у девушки серебристую вещицу и вмиг лишилась возможности направлять Силу. Ее плетения — в том числе и ограждавший Илэйн щит — исчезли.

Чесмал выругалась и отбросила медальон. Тот покатился по полу, а Черная сестра начала формировать новый щит.

Что до Илэйн, то она не стала утруждать себя созданием щита. На сей раз она сплела Огонь — простой, бесхитростный и опасный. Черная сестра не успела закончить свое плетение — ее платье вспыхнуло, и женщина закричала.

Илэйн вскочила на ноги. Коридор перед глазами дрогнул и завертелся — из-за Исцеления она почти лишилась сил, — но прежде, чем пространство обрело привычные очертания, Илэйн сплела новую прядь Огня и хлестнула ею Меллара. Он подверг риску жизнь ее детей! Пырнул ее ножом! Он…

Едва коснувшись его, плетения распустились. Меллар улыбнулся, остановив что-то ногой. Второй медальон.

— Ну и ну… — заметил он, подняв серебряную вещицу. — Еще один? Если потрясти тебя, может и третий выпадет?

Илэйн зашипела. Объятая огнем Чесмал, не переставая пронзительно вопить, упала на пол и засучила ногами. В коридоре стало нечем дышать из-за едкой вони горелого мяса. О Свет! Илэйн не собиралась убивать Чесмал, но медлить было нельзя. Она сплела пряди Воздуха, связала ими Элдрит, прежде чем та успела сбежать, и на всякий случай поставила женщину между собой и Мелларом. Тот не спускал с девушки пронзительного взгляда. Он шагнул вперед: в одной руке оба медальона, в другой — кинжал, на клинке которого поблескивала кровь Илэйн.

— Мы еще не закончили, моя королева, — негромким голосом сказал Меллар. — Этим вот обещали власть, но моей наградой была и будешь только ты. А я всегда забираю то, что мне причитается. — Он внимательно смотрел на Илэйн, ожидая какого-нибудь трюка.

Ах, если бы она могла хоть что-то сделать! Она едва стояла на ногах, с трудом удерживая Источник. Она попятилась — так, чтобы Элдрит оставалась между ней и Мелларом. Тот глянул на парившую в дюйме от пола неподвижную женщину, чьи связанные Воздухом руки были вытянуты по швам. Потом метнулся вперед и молниеносным движением рассек Элдрит горло.

Илэйн вздрогнула и нетвердо отступила.

— Прости, — сказал Меллар, и Илэйн не сразу поняла, что его слова адресованы Элдрит, — но приказ есть приказ. — Наклонившись, он вонзил кинжал в бесчувственное тело Тимэйл.

Нельзя, чтобы он сбежал с медальонами! Взяв себя в руки и сосредоточившись, Илэйн зачерпнула Единую Силу и сформировала плетение Земли, нацелив его в потолок над разгибавшимся Мелларом. Кладка треснула, кирпичи посыпались вниз, Меллар вскрикнул и бросился прочь, прикрывая голову. Что-то звякнуло. Металл о камень.

Коридор содрогнулся, и в воздухе повисла пыль. Каменный дождь гнал Меллара прочь, но не позволял Илэйн побежать вдогонку. Меллар свернул вправо и исчез из виду, устремившись вверх по лестнице. Обессиленная, Илэйн опустилась на колени, но тут увидела среди обломков обрушенного потолка что-то блестящее. Небольшую серебристую вещицу. Один из медальонов.

Затаив дыхание, Илэйн схватила его. Хвала Свету! Связь с Источником не прервалась — стало быть, Меллар сбежал с копией, а оригинал остался у Илэйн.

Вздохнув, она позволила себе прислониться к холодной каменной стене. Проще всего было

упасть в обморок, но Илэйн заставила себя спрятать медальон и оставаться в сознании. Наконец в коридоре появилась Бергитте. После долгой пробежки она тяжело дышала. С красного мундира и золотистой косы капала дождевая вода.

Следом за ней в коридор спустился Мэт, с шарфом на лице; мокрые каштановые волосы облепили голову. Он бросал быстрые взгляды по сторонам, держа боевой посох наготове.

Кинувшись к Илэйн, Бергитте опустилась рядом на колени.

— Ты цела? — взволнованно спросила она.

— Из этой переделки я выпуталась, — устало кивнула Илэйн, а про себя добавила: «Едва-едва». — А если по пути ты убила Меллара, то оказала всему миру громадную услугу.

— Меллара? — встревожилась Бергитте. — Нет, Меллара я не убила. Илэйн, у тебя все платье в крови!

— Со мной все в порядке, — ответила она. — Вообще-то, меня Исцелили.

Итак, Меллар на свободе.

— Срочно обыщите все коридоры, — сказала Илэйн, — Родня и гвардейцы, охранявшие это место…

— Мы нашли их, — ответила Бергитте. — Все

мертвы. Тела спрятали под лестницей. Илэйн, что здесь было?

Мэт потыкал посохом труп Тимэйл, заметив рану у нее в груди.

Илэйн прижала ладони к животу. С малышами все будет в порядке.

— Я была опрометчива, Бергитте, и сделала большую глупость. Знаю, что ты накричишь на меня, но нельзя ли сперва перебраться в мои покои? Пусть Мелфани проверит, все ли со мной в порядке. На всякий случай.

* * *

Через час после неудачного покушения на Эгвейн Гавин одиноко стоял в комнатушке, которая была частью покоев Амерлин. Его освободили из плетений, удерживавших его в ловушке, и велели оставаться на месте.

Наконец Эгвейн решительным шагом вошла в комнату.

— Сядь, — сказала она.

Гавин медлил, но Эгвейн бросила на него свирепый взгляд — таким хоть свечи зажигай, — и он послушно опустился на табурет. В комнатке было несколько комодов и платяных шкафов. За дверью находилась просторная гостиная, смеж-

ная с опочивальней Амерлин, — помещение, где совсем недавно Гавин висел в воздухе.

Эгвейн закрыла дверь, и они остались наедине. В соседних комнатах было не протолкнуться от гвардейцев, Стражей и Айз Седай. Их голоса сливались в невнятный гул. На Эгвейн было все то же красное с золотом платье; в темные волосы вплетены золотые нити. Щеки девушки раскраснелись от гнева. Сегодня ночью она была особенно красива.

— Эгвейн, я…

— Ты хоть понимаешь, что натворил?

— Я проверял, не грозит ли что женщине, которую люблю. Подошел к ее двери и обнаружил убийцу.

Эгвейн сложила руки под грудью, и Гавин прямо-таки почувствовал жар ее гнева.

— Из-за твоих криков сюда сбежалась половина Белой Башни. Все видели, как ты угодил в ловушку. И теперь убийца, скорее всего, знает о моих плетениях.

— О Свет, Эгвейн! Ты говоришь так, будто я нарочно все устроил. Ведь я лишь пытался защитить тебя!

— Я не просила защиты! Я просила повиновения! Гавин, неужели ты не понимаешь, какой

шанс мы упустили? Не спугни ты Месану, она сама пришла бы ко мне в руки!

— Это была не одна из Отрекшихся, — сказал Гавин. — Это был мужчина.

— Ты же говорил, что не видел ни лица, ни фигуры, поскольку очертания были смазаны.

— Ну да, — подтвердил Гавин. — Но он сражался мечом.

— Разве женщина не может взять в руки меч? Судя по росту, это была женщина.

— Может быть, но… одна из Отрекшихся? О Свет! Эгвейн, будь то Месана, она испепелила бы меня с помощью Силы!

— Вот и еще одна причина, — сказала Эгвейн, — по которой ты напрасно ослушался приказа. Допустим, ты прав. Допустим, это был кто-то из прислужников Месаны. Друг Темного или Серый Человек. Если так, я пленила бы его и могла бы узнать о замыслах Месаны. К тому же… Гавин, представь, что ты действительно обнаружил бы Месану. И что дальше? Что ты мог бы сделать?

Гавин уставился в пол.

— Разве я не говорила, что приняла меры предосторожности? — продолжила Эгвейн. — Но ты все равно ослушался! И теперь убийца знает, что я ждала ее. В следующий раз она будет более

осторожна. Сам подумай, скольких жизней будет стоить нам твоя выходка!

Гавин сложил руки на коленях, стараясь не держать на виду сжатые кулаки. Ему следовало бы устыдиться, но он не чувствовал ничего, кроме гнева, необъяснимой ярости и разочарования — самим собой, но в первую очередь поведением Эгвейн, воспринявшей чистосердечную ошибку как личное оскорбление.

— Похоже, — сказал он, — ты вовсе не хочешь обзавестись Стражем. Так не любишь, когда тебя оберегают… Поверь, Эгвейн, тебе не подойдет ни один мужчина.

— Не исключаю, что ты прав, — резко ответила она.

Прошелестев юбками, Амерлин отворила дверь в зал. Вышла и закрыла дверь. Не сказать, чтобы хлопнула ею, но…

Гавин встал. Ему хотелось лягнуть эту треклятую дверь. О Свет, ну что за безобразие тут творится?!

Он слышал через дверь, как Эгвейн отправляет любопытных сестер обратно в постель и велит гвардейцам Башни проявлять особую бдительность. Пожалуй, это для виду. Она знала, что той ночью убийца уже не объявится.

Гавин выскользнул из комнаты. Эгвейн видела, как он уходит, но ничего не сказала. Вместо этого она отвернулась, шепнула что-то Сильвиане. Красная сестра бросила на Гавина один из тех взглядов, которыми можно расплавить булыжник.

Гавин миновал нескольких гвардейцев. Те, в свою очередь, уважительно приветствовали его, отсалютовав. Насколько им было известно, Гавин пресек покушение на жизнь Амерлин. Кивнув в ответ, Гавин подошел к стоявшему неподалеку Чубейну. Тот рассматривал нож, едва не угодивший Гавину в грудь.

Чубейн протянул юноше клинок:

— Видели когда-нибудь такой?

Гавин взял у него узкий отполированный нож. Оружие было сбалансировано для метания, имело изящный стальной клинок, похожий на удлиненный язычок пламени свечи. Его середину украшали три кроваво-красных камешка.

— Что это за камень? — спросил Гавин, поворачивая нож к свету.

— Впервые вижу.

Гавин повертел нож в руках. Ни резьбы, ни гравировки.

— Еще чуть-чуть, и эта вещица лишила бы

меня жизни.

— Забирайте, если хотите, — сказал Чубейн. — Поспрашивайте у людей Брина. Вдруг кто-то видел что-нибудь подобное. У нас есть еще один. Нашли дальше по коридору.

— Он тоже был нацелен мне в сердце. — Гавин заткнул нож за пояс. — Спасибо. Кстати, мне есть чем отдариться.

Чубейн поднял бровь.

— Вы жаловались на потери среди ваших людей, — сказал Гавин. — Что ж, могу порекомендовать первоклассных солдат.

— Из войска Брина? — уточнил Чубейн, опустив уголки рта. Подобно многим гвардейцам Башни, он по-прежнему считал армию Брина враждебной.

— Нет, — ответил Гавин. — Это люди, верные Башне. Некоторые из тех, что обучались на Стражей и сражались под моим началом на стороне Элайды. Сейчас они чувствуют себя не в своей тарелке и предпочли бы не становиться Стражами, но вернуться к солдатской жизни. Буду признателен, если возьмете их к себе. Они надежные люди и превосходные воины.

— Присылайте их ко мне, — кивнул Чубейн.

— Завтра они будут у вас, — сказал Гавин. — Но

прошу об одном: постарайтесь не разбивать их отряд. Они многое прошли, сражаясь плечом к плечу, и эта связь придает им сил.

— Это будет несложно, — пообещал Чубейн. — Проклятые шончан едва ли не подчистую выбили Десятую роту Башни. Велю паре-тройке офицеров-ветеранов взять ваших парней под крыло и сформировать из них новую роту.

— Спасибо. — Гавин кивнул на покои Эгвейн. — Прошу, присматривайте за ней, Чубейн. По-моему, она твердо вознамерилась умереть.

— Хранить и защищать Амерлин — моя непреходящая обязанность. Но как же вы?

— Она ясно дала понять, что не нуждается в Страже, — ответил Гавин, вспоминая недавние слова Брина. Чего он хочет, если не считать Эгвейн? Пожалуй, настало время разобраться. — Думаю, мне пора навестить сестру.

Чубейн кивнул, и Гавин попрощался и оставил капитана. Он заглянул в казарму, где забрал свои пожитки — смену одежды, зимний плащ и еще какую-то мелочь, — а затем направился в конюшню и оседлал Неукротимого, после чего вывел коня на площадку, предназначенную для Перемещения. По приказу Эгвейн здесь всегда дежурила одна из сестер. Сегодняшняя Айз Седай

— Нимри, миниатюрная Зеленая сестра с сонным взглядом, — без лишних вопросов открыла для него врата, выходившие на косогор примерно в часе пути от Кэймлина.

Так Гавин расстался с Тар Валоном и Эгвейн ал'Вир.

* * *

— Это еще что? — осведомился Лан.

Пожилой Назар, чьи припорошенные сединой волосы перехватывала кожаная полоска хадори, поднял взгляд от седельных вьюков. Неподалеку от лагеря, разбитого посреди рощи горных сосен — бурых иголок на них было вдвое больше, чем надо, — журчал ручей.

Назар запихивал что-то во вьюки, и так уж вышло, что Лан заметил среди поклажи золотистый проблеск.

— Это? — спросил Назар. Он вытащил и развернул ослепительно-белое полотнище с вышитым по центру золотым журавлем. Тонкая работа, безупречные стежки. Лан едва сдержался, чтобы не выхватить у Назара это знамя и не разорвать его пополам.

— Ну и ну. Что у тебя с лицом, Лан Мандрагоран? — спросил Назар. — Хватит уже быть таким

эгоистом. Любой имеет право носить с собой знамя своего королевства.

— Ты же пекарь, Назар. Пекарь!

— В первую очередь я порубежник, сынок. — Назар уложил знамя обратно во вьюк. — И это мое наследие.

— Ха! — бросил Лан и отвернулся.

Остальные занимались тем, что сворачивали лагерь. Лан с крайней неохотой позволил присоединиться еще троим — те были поупрямее баранов, и в итоге ему пришлось соблюсти букву клятвы: он ведь обещал, что не откажется от спутников. Строго говоря, эти люди не просились поехать с ним. Просто взяли и поехали. Этого было достаточно. К тому же, коли уж они держат путь в ту же сторону, нет никакого смысла разбивать два отдельных лагеря.

Лан продолжил вытирать лицо после утреннего умывания. Булен нарезáл хлеб к завтраку. Этот сосновый бор располагался в восточном Кандоре. Они приближались к границе с Арафелом. Пожалуй, Лан сумеет…

Он замер. В лагере появилось несколько новых палаток. С Андером переговаривались восемь человек. Трое из них были пухловаты — судя по мягкой одежде, не воины, хотя по виду все-таки

малкири. Остальные пятеро — шайнарцы: волосы собраны в пучок на макушке, предплечья обхватывают кожаные наручи, за спиной висят налучи с короткими кавалерийскими луками и длинные двуручные мечи.

— Это еще что? — снова осведомился Лан.

— Вейлин, Манаган и Горенеллин, — указал на малкири Андер. — А вот те — Ки, Джоао, Мерекел, Ианор и Куэн.

— Я не спрашивал, как их зовут, — холодно промолвил Лан. — Я спросил, что это такое. Что ты наделал?

Андер пожал плечами:

— Мы встретились с ними еще до того, как наткнулись на тебя. Договорились, что они будут ждать нас на южном тракте. Вчера ночью, когда ты спал, Раким привел их в лагерь.

— Раким должен был стоять на часах! — заметил Лан.

— Я его подменил, — сказал Андер. — Решил, что эти ребята нам не помешают.

Пухлые купцы — все трое — взглянули на Лана и опустились на колени. Один не сдержал слез.

– Тай'шар Малкир!

Пятеро шайнарцев отсалютовали Лану.

— Дай Шан, — поприветствовал его один из

них.

— Мы привезли все, что имеем, чтобы внести вклад в дело Золотого журавля, — добавил один из купцов. — Все, что сумели собрать за короткий срок.

— Поклажи у нас немного, — сказал третий, — но в твоем распоряжении наши мечи. По виду скажешь, что мы размякли. Но поверь, сражаться мы умеем. И готовы к бою.

— Не нужна мне ваша поклажа! — разгневался Лан. — Я…

— Прежде чем сболтнуть лишнего, старый друг, — коснулся его плеча Андер, — взгляни-ка вон туда. — Он кивнул в сторону.

Лан услышал какой-то грохот, нахмурился, вышел из-за деревьев и посмотрел на дорогу. К лагерю приближались десятка два повозок, доверху нагруженных всевозможными припасами — оружием, палатками, мешками с зерном. Лан широко раскрыл глаза. Повозки тащили дюжие быки, рядом шагали возницы и слуги, а за ними вереницей следовал добрый десяток боевых коней.

— Говорят, продали все, что было, и накупили всяких полезных вещей, — сказал Андер. — Как видишь, они не шутят.

— С таким обозом мы непременно привлечем внимание! — воскликнул Лан.

Андер пожал плечами.

«Ну хорошо». Лан перевел дух. Придется работать с тем, что есть.

— Ладно. Как вижу, по-тихому пройти не получится. Отныне мы караван, везущий припасы и снаряжение в Шайнар.

— Но…

— И вы дадите мне клятву, — повернулся Лан к новоприбывшим. — Каждый поклянется, что не разгласит моего имени и не пошлет весточку тем, кто ищет меня. Каждый. Понятно?

Похоже, Назар хотел было возразить, но Лан суровым взглядом заставил его прикусить язык. Один за другим, все по очереди дали клятву.

И пятеро превратились в несколько дюжин, но на этом все закончится.

Глава 24
Противостояние

— Постельный режим, — объявила Мелфани, отняв ухо от деревянной трубки, приставленной к груди Илэйн.

Сегодня волосы повитухи — низкорослой щекастой женщины — были повязаны полупрозрачной голубой косынкой, а опрятное платье — такое же небесно-голубое с белыми вставками — словно бросало вызов неизбывным тучам над головой.

— Как это? — оторопела Илэйн.

— На неделю. — Мелфани погрозила девушке толстым пальцем. — Всю следующую неделю вам нельзя вставать на ноги.

Илэйн недоуменно заморгала. На мгновение

усталость отступила. Обрекая Илэйн на эти невероятные муки, Мелфани жизнерадостно улыбалась. Постельный режим? На неделю? На целую неделю?

В дверях стояла Бергитте. В соседней комнате болтался Мэт — он вышел, чтобы не мешать осмотру, но все равно слонялся рядом, оберегая королеву не хуже ее Стража. Однако по их разговорам было не понять, что этим двоим есть до Илэйн хоть какое-то дело. Оба сыпали проклятиями, стараясь перещеголять друг друга. Илэйн даже выучила несколько новых ругательств. Кто бы знал, что стоножки вытворяют подобное?

По мнению Мелфани, дети были в порядке. А это самое главное.

— Постельный режим, конечно же, исключен, — сказала Илэйн. — У меня слишком много дел.

— Что ж, придется вести их, не вставая с постели, — ответила Мелфани приятным, но неумолимым тоном. — Ваше тело — и ваш ребенок — пережили тяжелый стресс. На восстановление потребуется время. Я буду ухаживать за вами. И прослежу, чтобы вы придерживались самой строгой диеты.

— Но…

— Никаких «но»! — перебила ее Мелфани.

— Но я же королева! — раздраженно сказала Илэйн.

— А я — королевская повитуха, — спокойно парировала Мелфани. — И любой солдат или слуга в этом дворце придет мне на помощь, реши я, что вашему здоровью — и здоровью вашего ребенка — грозит опасность. — Она посмотрела в глаза Илэйн. — Не желаете ли проверить истинность моих слов, ваше величество?

Илэйн съежилась, представив, как ее собственные телохранители не дают ей выйти из комнаты. Или, чего доброго, привязывают ее к кровати. Она взглянула на Бергитте, но увидела лишь удовлетворенный кивок, по всей видимости означавший «так тебе и надо».

Вконец отчаявшись, Илэйн прислонилась к спинке кровати — основательного ложа с балдахином на четырех столбиках, декорированным в красно-белых тонах. Богато украшенная комната сверкала рубиновыми и хрустальными безделушками. Из нее и впрямь выйдет превосходная золотая клетка. О Свет! Так нечестно! Илэйн застегнула ночную сорочку.

— Как вижу, не желаете, — промолвила Мелфани и встала с кровати. — Тем самым проявляя

незаурядную мудрость. — Она взглянула на Бергитте. — Позволяю вам провести совещание с капитан-генералом для оценки вечерних событий. Но запомните: не более получаса. Перенапряжения я не потерплю!

— Но…

— Полчаса, ваше величество, — снова погрозила ей пальцем Мелфани. — Вы женщина, а не ломовая лошадь. — Она повернулась к Бергитте. — Не огорчайте ее сверх меры.

— И в мыслях не было, — ответила та. Наконец-то ее гнев начинал затихать, сменяясь веселым изумлением. Невыносимая женщина.

Мелфани удалилась в соседнюю комнату, а Бергитте осталась стоять на прежнем месте. Прищурившись, она рассматривала Илэйн, и узы давали понять, что в Страже еще бурлит недовольство. Какое-то время они смотрели друг на друга, а затем Бергитте наконец спросила:

— Ну и что нам с тобой делать, Илэйн Траканд?

— По всей видимости, запереть в спальне, — сердито буркнула Илэйн.

— Не самое плохое решение.

— И ты намерена вечно держать меня под замком? — спросила Илэйн. — Как легендарную

Гельфину, тысячу лет проторчавшую в заброшенной башне?

— Нет, — вздохнула Бергитте, — но полгода такого заключения значительно поубавили бы мое беспокойство.

— На это у нас нет времени, — ответила Илэйн. — Сейчас у нас почти ни на что нет времени. Приходится идти на риск.

— Риск? Ты о том, как королева Андора в одиночку отправилась к банде из Черной Айя? Ты как одуревший от крови идиот на поле боя, что бросается в атаку впереди товарищей в поисках верной смерти — без напарника, который прикроет его щитом со спины!

Это было сказано с такой злостью, что Илэйн опешила.

— Ты что, не доверяешь мне? — спросила Бергитте. — Избавилась бы от меня при первой возможности?

— Что? Нет! Конечно, я тебе доверяю.

— Но отказываешься от моей помощи. Почему? Меня же не должно быть сейчас здесь. Единственный смысл моей жизни продиктован обстоятельствами. Это ведь ты связала меня узами Стража, но не даешь тебя защищать! Как я могу быть твоим телохранителем, если не знаю,

в какой момент ты полезешь в самое пекло?

Илэйн хотелось с головой забраться под одеяло, чтобы спрятаться от этих глаз. Ну почему Бергитте так разобиделась? Почему ей так больно? Ведь ранили-то Илэйн!

— Если мои слова хоть что-то значат, — сказала она, — знай: я не намерена снова так поступать.

— Конечно. Выкинешь какую-нибудь новую глупость.

— В том смысле, что впредь я буду осторожнее. Наверное, ты права, и видение Мин не гарантирует благополучного исхода. Как бы то ни было, оказавшись в реальной опасности, я запаниковала по-настоящему.

— Хочешь сказать, ты не была в реальной опасности, когда Черные сестры захватили тебя и собирались вывезти из города?

Илэйн задумалась. В тот раз она непременно должна была испугаться, но не чувствовала страха. И не только из-за видения Мин. Черные сестры не стали бы ее убивать. Только не при тех обстоятельствах. Илэйн представляла слишком большую ценность.

Но ощутить нож у себя в боку, почувствовать, как клинок пронзает кожу, входит в тело и устремляется к матке… Это совсем другое. Ужас.

Она вспомнила, как в глазах у нее потемнело, как забилось сердце, все громче и громче, словно барабанный бой в конце представления — барабанный бой, после которого наступает тишина.

Бергитте оценивающе смотрела на нее, чувствуя охватившие Илэйн эмоции. Она королева, и риск неизбежен. Но… пожалуй, надо держать себя в узде.

— Ну, — сказала Бергитте, — может, ты хотя бы узнала что-то интересное?

— Узнала, — ответила Илэйн. — Я…

И тут в дверь просунулась голова, обмотанная шарфом. Глаза у Мэта были зажмурены.

— Ты одета? — спросил он.

— Да, — сказала Илэйн, — и куда приличнее, чем ты, Мэтрим Коутон. Этот твой шарф просто курам на смех.

Мэт поморщился, открыл глаза и стащил шарф с угловатого лица:

— А ты попробуй походить по городу так, чтобы тебя не узнали. Нынче каждому мяснику, трактирщику или треклятому уличному пройдохе известно, как я выгляжу.

— Черные сестры планировали твое убийство, — сообщила Илэйн.

— Чего? — переспросил Мэт.

— Одна из них упомянула твое имя, — кивнула Илэйн. — Насколько я поняла, приспешники Темного уже какое-то время разыскивают тебя. С намерением убить.

— На то они и приспешники Темного, — пожала плечами Бергитте. — Не сомневаюсь, что они хотят прикончить всех нас без исключения.

— Нет, это другое, — возразила Илэйн. — Более… целенаправленное желание. Думаю, на какое-то время тебе стоит лучше соображать, что к чему.

— Это будет непросто, — заметила Бергитте, — поскольку соображалки-то у него и нет.

Мэт закатил глаза:

— Напомни-ка, ты уже объяснила, как очутилась в треклятом подземелье и почему сидела в луже собственной крови с таким видом, словно только что проиграла бой?

— Я допрашивала Черную сестру, — ответила Илэйн. — Подробности же тебя не касаются. Бергитте, тебе уже представили доклады?

— Никто не видел, как Меллар покидает территорию дворца, — сказала Бергитте. — Но на первом этаже мы нашли труп секретаря. Еще теплый. Умер от удара ножом в спину.

Илэйн вздохнула:

— Шиайн?

— Исчезла, — ответила Бергитте. — Вместе с Мариллин Гемалфин и Фалион Бода.

— Тень не могла допустить, чтобы они оставались у нас в руках, — снова вздохнула Илэйн. — Они слишком много знают. В конце концов их требовалось или спасти, или казнить.

— Что ж, — пожал плечами Мэт, — ты жива, а трое Черных мертвы. По-моему, вполне приличный результат.

«Но те, кто сбежал, заполучили копию твоего медальона», — подумала Илэйн, но вслух об этом говорить не стала. И еще решила не поднимать тему упомянутого Чесмал вторжения. Разумеется, вскоре она обсудит этот вопрос с Бергитте, но сперва надо все обдумать.

Результат событий того вечера Мэт охарактеризовал как «вполне приличный», но чем больше Илэйн думала об этом, тем сильнее расстраивалась. Вот-вот начнется вторжение в Андор, но когда — неизвестно. Тень желала Мэту смерти, но, как отметила Бергитте, в этом не было ничего удивительного. По сути, единственным неоспоримым последствием вечерних приключений была крайняя усталость Илэйн. И неделя постельного режима.

— Мэт, — сказала она, доставая медальон с ли-

сьей головой. — Вот, возьми. Пора вернуть его. Но знай, что сегодня он, наверное, спас мне жизнь.

Мэт шагнул к кровати, охотно забрал медальон, но вдруг замешкался:

— У тебя получилось?..

— Скопировать его? Не полностью, но в некоторой степени.

— Приятно, что он снова у меня. — Надев медальон, Мэт озабоченно продолжил: — Кстати, хотел кое о чем попросить, но сейчас, наверное, не время…

— Спрашивай, — устало произнесла Илэйн. — Почему бы и нет.

— Ну, это насчет голама…

* * *

— В городе почти не осталось горожан, — сказал Йоэли, когда они с Итуралде прошли через ворота Марадона. — Запустение совсем близко, и нам не впервой всех выводить. Моя родная сестра Сигрил возглавляет Замыкающих — всадники ведут наблюдение с гребня горы на юго-востоке. Если наши силы дрогнут, Замыкающие передадут эту весть всем дозорным постам в Салдэйе и запросят помощь. Чтобы сообщить нам, что подкрепление уже в пути, сестра разведет сигнальный

костер. — Он повернулся к Итуралде, худощавое лицо хранило мрачное выражение. — Но на помощь придут немногие. Почти все войска забрала с собой королева Тенобия, когда отправилась на поиски Дракона Возрожденного.

Итуралде кивнул. Хромоты как не бывало: Аша'ман по имени Антайл искусно владел Исцелением. Люди Итуралде встали лагерем на площади у городских ворот. Троллоки захватили брошенные палатки, а ближе к ночи подожгли их, и с городской стены было видно, как они пожирают раненых. Часть солдат Итуралде разместил в пустующих зданиях, но других оставил у ворот на случай атаки.

Аша'маны занимались Исцелением его людей, но все их внимание доставалось тяжелораненым. Итуралде кивнул Антайлу, работавшему в обнесенном веревками уголке площади. Тот не заметил его кивка. Обливаясь потом, Антайл сосредоточил все внимание на взаимодействии с Силой, мысли о которой Итуралде старательно гнал из головы.

— Уверен, что хочешь их увидеть? — спросил Йоэли. На плече у него было длинное кавалерийское копье с треугольным черно-желтым вымпелом у наконечника. Здешние салдэйцы

называли этот вымпел «флагом предателя».

Город враждебно ощетинился. Отряды салдэйцев мрачно поглядывали друг на друга. У многих к ножнам были привязаны переплетенные между собой полоски черной и желтой ткани. Завидев Йоэли, обладатели подобных косичек приветствовали его кивками.

«Десиа гаване сиерто квейндар исайн карентин», — подумал Итуралде. То была фраза на древнем языке: «Решительное сердце стоит десятка доводов». Нетрудно было понять, что означал этот вымпел. Иногда человек знает, что должен сделать, — пусть даже всем кажется, что он не прав.

Какое-то время они с Йоэли шагали по улицам. Марадон был типичным городом Пограничных земель: прямые стены, прямоугольные здания, узкие улицы. Дома походили на укрепленные цитадели: крепкие двери, маленькие окна. Улицы вились самым причудливым образом. Крыши тут крыли не соломой, а исключительно плитами из негорючего кровельного сланца. Высохшую кровь на нескольких главных перекрестках мало бы кто заметил на темных камнях мостовой, но она не укрылась от наметанного глаза Итуралде. Отряд Йоэли пришел к ним на помощь после

стычки между салдэйцами.

Они остановились перед самым заурядным зданием. Пришлый человек ни в жизнь не сообразил бы, что смотрит на обиталище Врама Торкумена — дальнего родственника королевы, в ее отсутствие назначенного правителем Марадона. Стоявшие у дверей солдаты с черно-желтыми знаками отсалютовали Йоэли.

За дверьми обнаружилась узкая лестница. Итуралде и Йоэли поднялись на четвертый этаж. Почти в каждой комнате были солдаты, а на самом верху оказалась массивная, инкрустированная золотом дверь под охраной четверых стражников с черно-желтыми косичками на ножнах. В коридоре из-за узких окон и красно-черно-зеленого ковра на полу было сумрачно.

— Какие новости, Тарран? — спросил Йоэли.

— Никаких, милорд, — отсалютовал ему длинноусый парень с кривыми ногами прирожденного наездника.

— Спасибо, Тарран, — кивнул Йоэли. — Спасибо тебе за все.

— Я стою с вами, милорд. До самого конца.

— Пусть глаза твои смотрят на север, а сердце стремится к югу, друг мой. — Глубоко вздохнув, Йоэли распахнул дверь.

Итуралде проследовал за ним в комнату, где возле камина грелся салдэйец в богатом облачении и с кубком вина в руке. В кресле напротив сидела женщина с шитьем. Никто не поднял глаз.

— Лорд Торкумен, — сказал Йоэли, — здесь Родел Итуралде, командующий доманийской армией.

Мужчина у камина отхлебнул вина и вздохнул:

— Ты входишь без стука, заговариваешь со мной первым и тревожишь меня в час глубоких размышлений. Разве я не говорил, что не надо так делать?

— Врам, ну хватит тебе, — сказала женщина. — Ты что, ждешь от него хороших манер? В нынешних обстоятельствах?

Йоэли молча положил ладонь на эфес меча. Комнату загромождала разнородная мебель: комоды, платяные шкафы и совершенно неуместная кровать у стены.

— Значит, Родел Итуралде, — промолвил Врам. — Именитый полководец. Допускаю, что мой вопрос прозвучит оскорбительно, но я обязан соблюдать формальности. Понимаете ли вы, что присутствие ваших войск на этой земле — это

повод развязать войну?

— Я служу Дракону Возрожденному, — ответил Итуралде. — Грядет Тармон Гай'дон, и все былые союзы, законы и границы сохраняются или меняются по воле Дракона.

— Преданный Дракону… — Врам пощелкал языком. — Да, мне докладывали. И эти… нанятые вами… люди… являют собой весьма прозрачный намек. Но тем не менее мне странно слышать такие слова. Вы же понимаете, насколько глупо они звучат?

Итуралде посмотрел ему в глаза. Он не считал себя преданным Дракону, но стоит ли называть коня скалой и ожидать, что собеседник согласится с твоим мнением?

— Вас не тревожит нашествие троллоков?

— Троллоки вторгались и раньше, — сказал Врам. — Не бывало такого, чтобы не было троллоков.

— Но королева… — начал Йоэли.

— Королева, — перебил его Врам, — уже скоро вернется из экспедиции, в которую отправилась, чтобы разоблачить и пленить этого Лжедракона. И кого тогда она казнит? Тебя, предатель. Вас же, Родел Итуралде, скорее всего, пощадят — весьма вероятно, благодаря вашему положению. Но не

хотел бы я оказаться на месте ваших домашних, когда они получат требование о выкупе. Надеюсь, ваша репутация подкреплена соответствующим богатством. Иначе вы проведете остаток жизни, начальствуя над войском тюремных крыс.

— Понятно, — сказал Итуралде. — Когда вы переметнулись на сторону Тени?

Врам широко раскрыл глаза и поднялся на ноги:

— Вы смеете называть меня приспешником Темного?

— За свою жизнь я повидал немало салдэйцев, — сказал Итуралде. — Некоторых называл друзьями, с другими воевал. Но никогда еще не встречал салдэйца, не предлагающего помощь, когда у него на глазах люди сражаются с отродьями Тени.

— Будь у меня меч… — начал Врам.

— Чтоб вам сгореть, Врам Торкумен, — продолжил Итуралде. — И говорю это от имени всех потерянных мною людей.

Врам потрясенно смотрел, как Итуралде выходит в коридор. Йоэли присоединился к нему и закрыл дверь.

— Ты не согласен с моим обвинением? — спросил Итуралде у предателя, когда они подошли к

лестнице.

— Честно говоря, не могу решить, то ли он приспешник Темного, то ли дурак, — ответил Йоэли. — Третьего не дано, раз уж он не понимает, к чему эта зима, эти тучи, эти слухи о том, как ал'Тор захватил полмира.

— В таком случае тебе нечего бояться, — произнес Итуралде. — Тебя не казнят.

— Я убил соплеменников, — возразил Йоэли, — поднял мятеж против наместника, назначенного моей королевой, и захватил власть над городом, хотя во мне нет ни капли благородной крови.

— Ручаюсь, что это изменится, как только вернется Тенобия, — сказал Итуралде. — Ты определенно заслужил титул.

— Как вижу, ты ничего не понял. — Йоэли остановился на темной лестнице, освещенной только вверху и внизу. — Я нарушил данные мною клятвы, убил своих друзей. Я сам потребую, чтобы меня казнили. Это мое право.

По спине Итуралде пробежали мурашки. «Треклятые порубежники», — подумал он, а вслух произнес:

— Присягни Дракону. Он превыше любых клятв. Не растрачивай жизнь понапрасну. Лучше сразись бок о бок со мной в Последней битве.

— Я не буду прятаться за оправданиями, лорд Итуралде, — сказал Йоэли, шагая вниз по ступеням. — Так же, как не мог смотреть на гибель твоих людей. Пойдем. Позволь взглянуть на обиталище твоих Аша'манов. Мне не терпится увидеть «переходные врата», о которых ты говорил. Если с их помощью можно отправлять донесения и подвозить припасы, осада обещает быть чрезвычайно интересной.

Итуралде вздохнул, но последовал за ним. Тема бегства через переходные врата не поднималась. Йоэли не бросит свой город. А сам Итуралде понимал, что не бросит Йоэли и его людей — только не после всего, что они пережили ради спасения остатков его армии.

Это место годилось для обороны не хуже остальных. В последнее время Итуралде бывал в куда более непростых ситуациях. Это уж точно.

* * *

Когда Перрин вошел в шатер, Фэйли расчесывала волосы. Она была прекрасна, и Перрин не переставал удивляться, что жена на самом деле вернулась к нему.

С довольной улыбкой Фэйли повернулась к нему и взглянула на мужа. В руке у нее был новый

серебряный гребень, утром найденный ею на подушке. Перрин выменял этот гребень у Гаула, а тот нашел его в Малдене. Раз уж этот шанна'хар так важен для Фэйли, Перрин намеревался подыграть ей.

— Вернулись гонцы, — сообщил он, опуская входные клапаны шатра. — Белоплащники выбрали поле боя. О Свет, Фэйли! Они не оставили мне выбора. Придется стереть их с лица земли.

— Не вижу причин для беспокойства, — сказала Фэйли. — Мы победим.

— Пожалуй. — Перрин уселся на подушки рядом с соломенным тюфяком. — Почти всю работу сделают Аша'маны, но нам все равно придется вступить в сражение. А это значит, что мы потеряем людей. Хороших людей, которые пригодились бы в Последней битве. — Он не без труда разжал стиснутые кулаки. — Сожги их Свет, этих белоплащников. За все, что они сделали и продолжают делать.

— Значит, у нас появилась благоприятная возможность нанести им поражение.

В ответ Перрин лишь хмыкнул, решив не объяснять всю глубину своего разочарования. Что бы ни случилось, он проиграет сражение с белоплащниками. С обеих сторон погибнут люди

— люди, без которых не обойтись.

Над шатром сверкнула молния, отбросив на парусиновый потолок тени. Фэйли подошла к сундуку. Себе она взяла ночную сорочку, а для Перрина достала красивый халат. Фэйли считала, что под рукой у лорда непременно должен быть халат — на тот случай, если ночью его вызовут по неотложным делам — и уже пару раз оказывалась права.

Выражение ее лица оставалось довольным, но, когда Фэйли прошла мимо, Перрин уловил запах тревоги. Все возможности заключить с белоплащниками мирный договор были исчерпаны. Хотел Перрин того или нет, вскоре ему снова придется убивать. Таков уж его удел.

Он разделся до нижнего белья, лег и уснул прежде, чем Фэйли успела переодеться.

* * *

Он вступил в волчий сон под сенью огромного меча, пронзившего землю. Вдалеке виднелся холм, с которого, по словам Гаула, «открывался прекрасный обзор», а текший оттуда ручей обеспечивал лагерь питьевой водой.

Перрин развернулся и побежал к лагерю белоплащников. Этот лагерь препятствовал даль-

нейшему продвижению его армии, как дамба препятствует течению реки.

— Прыгун? — позвал он, обводя взглядом безмолвные ряды палаток, стоявших в чистом поле. Ответа не последовало, и Перрин принялся ходить по лагерю, осматриваясь. Балвер не узнал описанную Перрином печатку. Кто же возглавляет белоплащников?

Спустя битый час Перрин так и не выяснил этого, хотя определил, в каких палатках хранятся захваченные у него припасы. Пожалуй, их стерегут не так строго, как пленников, и, если использовать переходные врата, наверное, удастся сжечь эти склады подчистую.

Наверное. Письма лорда капитан-командора пестрели фразами вроде: «Допускаю, что твои люди не знают, кто ты на самом деле», «Довольно промедлений, мое терпение уже на исходе» и «Вариантов ровно два: сдавайся и предстанешь, как и положено, перед судом, или выводи свое войско и пускай нас рассудит Свет».

При встрече Перрин почуял в этом человеке некое необычное благородство, а позже, читая его письма, укрепился в своем мнении. Но кто же он? Каждое письмо было подписано обезличенной фразой: «Лорд капитан-командор Детей Света».

Он вышел на дорогу. Где же Прыгун? Перрин перешел на быстрый бег и несколькими секундами позже свернул в поле. Почва была такой мягкой, что при каждом шаге земля под ногами точно пружинила.

Перрин потянулся мыслями к волкам, и ему показалось, что он ощутил что-то на юге. Он побежал туда; ему захотелось бежать быстрее, и он побежал быстрее — так быстро, что деревья и холмы слились в сплошное пятно.

Волки — Танцующая-среди-Дубов, Вольный, Искра, Заря и другие из стаи — знали, что он здесь. Перрин чувствовал, как они переговариваются с помощью ароматов и смутных образов. Он побежал еще быстрее, и свист ветра в ушах превратился в рев.

Волки направились дальше на юг. «Постойте! — передал им Перрин. — Нам надо встретиться!»

Ответом ему было веселое недоумение. Ни с того ни с сего волки вдруг свернули на восток. Перрин остановился, затем тоже повернулся и припустил за ними со всех ног, но, когда приблизился, волков там уже не было. Они переместились — исчезли на юге и тут же появились на севере.

Перрин зарычал, и вдруг оказалось, что он

бежит на четырех лапах, ветер свистит в ушах и треплет шерсть, а Юный Бык ловит его раскрытой пастью и мчится на север. Но волки были еще далеко впереди.

Он взвыл, и волки ответили насмешливыми посланиями.

Перрин рванул вперед что было сил, перепрыгивая с холма на холм и взмывая так высоко над верхушками деревьев, что земля казалась расплывшейся кляксой. Несколькими мгновениями позже слева выросли Горы тумана, и тут же, в пару прыжков, остались позади.

Волки свернули на восток. Ну почему их не догнать? Юный Бык чуял их запах впереди. Он снова завыл, вызывая их, но ответа не последовало.

Не заходи сюда слишком глубоко, Юный Бык.

Он резко остановился, мир вокруг накренился и пошатнулся. Стая продолжила путь на восток, но Прыгун — вот он, расселся у излучины широкой реки. Юный Бык уже бывал здесь; неподалеку логово его предков, да и по самой реке он путешествовал, сплавлялся на одной из человеческих деревяшек. Он…

Нет… Нет… Не забывай о Фэйли!

Шерсть превратилась в одежду, и Перрин обнаружил, что стоит на четвереньках. Он прожег

Прыгуна свирепым взглядом и осведомился:

— Зачем вы убежали?

Ты хочешь научиться, — послал ответ Прыгун. — *И быстро учишься. Расправляешь лапы и бежишь. Это хорошо.*

Оглянувшись, Перрин задумался о проделанном пути. Вспомнил, как перепрыгивал с холма на холм и как это было прекрасно.

— Но для этого пришлось стать волком, — сказал он. — И мое присутствие здесь грозило стать «слишком сильным». Какой смысл в учебе, если при этом я вынужден делать запретные вещи?

Ты скор на суждения, Юный Бык.

Образ молодого волка — тот, тявкая и подвывая, играл у входа в логово.

Волкам такое несвойственно.

Мгновением позже Прыгун исчез.

Перрин рыкнул, посмотрел на восток — туда, где чувствовал волков, — и рванул к ним, но уже осторожнее. Нельзя позволить волку поглотить себя. Иначе потеряешь человеческий облик и закончишь свои дни в клетке, как Ноам. Не этого ли хочет Прыгун?

Волкам такое несвойственно.

Что это было? Обвинение? Или замечание насчет того, что происходит с Перрином?

Остальные знали, где кончается охота, — сообщил Прыгун откуда-то издали. — *Останавливать пришлось только тебя.*

Вспомнив охоту на белого оленя, Перрин замер, оказавшись на берегу реки. Рядом вдруг объявился Прыгун.

— Это началось, когда я стал чувствовать волков, — сказал ему Перрин. — А впервые потерял контроль над собой во время стычки с теми белоплащниками.

Прыгун лег и опустил голову на лапы.

Твое присутствие здесь очень часто слишком сильно, — отозвался волк. — *Тебе это свойственно.*

С тех пор как Перрин познакомился с волком и волчьим сном, Прыгун не раз говорил об этом. Но Перрин вдруг осознал новое значение его слов. Дело не только в волчьем сне, но и в самом Перрине.

Он решил, что в его поступках — в том, кем он становится в бою и в кого превратился, когда искал Фэйли, — виноваты волки. Но в них ли причина? Или в том, каков сам Перрин? Быть может, из-за этих своих особенностей он и стал волчьим братом?

— Можно ли, — спросил он, — бегать здесь на

четырех лапах, но не присутствовать слишком сильно?

Конечно, — ответил Прыгун и засмеялся по-волчьи, словно Перрин выказал непонимание самых очевидных вещей. Не исключено, что так оно и было.

Может, он отличался от волков, потому что был волчьим братом. А может, стал волчьим братом, потому что не отличался от волков. Перрин должен был контролировать не волков, а самого себя.

— Стая, — сказал он. — Как мне догнать стаю? Бежать еще быстрее?

Это один способ. А другой — оказаться там, где ты хочешь.

Перрин нахмурился. Затем закрыл глаза и представил направление бега волков, пытаясь угадать, где они сейчас. Что-то… *сдвинулось*.

Открыв глаза, он обнаружил, что стоит на песчаном склоне. Из-под земли проглядывали пучки длинных тонких травинок, а справа высилась громадная гора с разрушенной вершиной. Казалось, ее прихлопнули гигантской ладонью.

Из леса вырвалась стая волков. Многие смеялись. Юный Бык охотится вместо того, чтобы искать решение своих проблем! Юный Бык ищет

решение своих проблем вместо того, чтобы насладиться охотой! Он улыбнулся, стараясь не сердиться на эти насмешки, хотя, если уж честно, чувствовал себя примерно как в тот день, когда двоюродный брат Вил опрокинул на него ведро мокрых перьев.

В воздухе что-то задрожало. Куриное перо. С мокрыми краями. Перрин вздрогнул: куда ни глянь, землю покрывали перья. Он моргнул, и видение исчезло, а волки, судя по запаху, совсем уж развеселились и осыпали его образами Юного Быка, вывалянного в мокрых перьях.

Замечтайся в волчьем сне, Юный Бык, — сообщил ему Прыгун, — *и мечты станут здесь явью.*

Перрин в замешательстве поскреб бороду. Он уже знал, сколь непредсказуема природа волчьего сна.

— Прыгун, — повернулся он к волку, — насколько сильно я могу изменить окружающий мир, если захочу?

Если захочешь? — переспросил Прыгун. — *Дело не в том, чего ты хочешь, Юный Бык. Дело в том, что тебе нужно. И что тебе известно.*

Перрин сдвинул брови. Бывало, смысл волчьих образов ускользал от него.

Вдруг остальные волки развернулись — все как

один, — глянули на юго-запад, а затем исчезли.

Теперь они вот здесь. Прыгун прислал ему образ далекой лесистой лощины, а сам приготовился последовать за стаей.

— Прыгун! — Перрин шагнул вперед. — Как ты узнал, где стая? Другие сказали, куда отправились?

Нет. Но я могу последовать за ними.

— Как?

Просто могу, и все. Всегда мог. Это как бегать или прыгать.

— Да, но каким образом?

От волка пахнуло замешательством.

Все дело в запахе, — наконец ответил он, хотя образ оказался куда сложнее: чувство, впечатление и аромат, объединенные в отдельную сущность.

— Отправься куда-нибудь, — попросил Перрин, — а я попробую за тобой.

Прыгун исчез. Перрин подошел к месту, где только что сидел волк.

Принюхайся, — сообщил откуда-то Прыгун. Он мог поддерживать связь, а значит, был где-то рядом. Перрин машинально поискал его. И нашел десятки волков. Даже удивительно, сколько волков было сейчас там, на склонах Драконовой горы. Раньше Перрин не ощущал, чтобы они

собирались где-то в таком количестве. Почему они здесь? И это небо… Еще более грозовое, чем в других пространствах волчьего сна. Или нет?

Он уже не чувствовал Прыгуна. Волк каким-то образом отгородился от Перрина, и тот не мог понять, где его искать. Поэтому он уселся. Что там сказал Прыгун? «Принюхайся»? Но как? Перрин закрыл глаза и позволил обонянию впитать запахи этих мест — ароматы сосновых шишек и заболони, хвои и листьев, болотного мирта и тсуги.

И… чего-то еще. Да, он и впрямь что-то почуял — далекий, но ощутимый запах, которому здесь не место. Почти все ароматы были привычными — все то же природное плодородие и лесное богатство, — но к ним примешивались запахи мха и мокрого камня, пыльцы и цветов, да и сам воздух ощущался иначе.

Перрин крепко зажмурился, глубоко задышал и как-то сумел представить себе картину, соответствующую обнаруженному запаху. Это было примерно так же, как облекать посланные волком образы в человеческие слова.

«Здесь», — подумал он, и что-то *сдвинулось*.

Перрин открыл глаза. Он сидел среди сосен на выходе горной породы, на склоне Драконовой

горы в нескольких часах ходьбы от прежнего места. Покрытый лишайником камень выдавался вперед, над раскинувшими ниже свои ветви деревьями. Там, куда проникало солнце, землю покрывали фиолетовые весноцветки. Приятно было видеть эти цветки — не поникшие, не умирающие, — пусть даже не наяву, а в волчьем сне.

Пойдем, — позвал его Прыгун. — *За мной.*

И снова исчез.

Перрин закрыл глаза и глубоко задышал. На сей раз все прошло легче. Дуб и трава, грязь и влажность. Похоже, у каждого места был свой особенный запах.

Переместившись, Перрин открыл глаза. Он сидел на корточках в поле близ Джеханнахской дороги. Именно здесь недавно пробежала стая Танцующей-среди-Дубов. По лугу рыскал Прыгун. От него пахло любопытством. Стая ушла, но была где-то рядом.

— Я всегда так смогу? — спросил Перрин у Прыгуна. — Почуять во сне, куда подался волк?

Любой сможет, — ответил Прыгун, — *если у него волчий нюх.*

И оскалил зубы в ухмылке.

Перрин задумчиво кивнул.

Волк вприпрыжку подбежал к нему:

Надо упражняться, Юный Бык. Ты пока щенок с короткими лапами и мягкой шерстью. Мы…

Вдруг Прыгун замер.

— Что? — спросил Перрин.

До него донесся волчий вой, полный боли. Перрин обернулся. Это был голос Зари. Вой умолк, а сознание волка мигнуло и померкло.

Прыгун зарычал. Теперь от него пахло паникой, гневом и скорбью.

— Что это было? — спросил Перрин.

На нас охотятся. Быстрее, Юный Бык! Надо уходить!

Сознания других волков из стаи унеслись прочь. Перрин зарычал. Умерев в волчьем сне, волк умирает раз и навсегда. Никакого перерождения, никакого бега навстречу ветру. На души волков охотилось лишь одно существо.

Губитель.

Юный Бык! — позвал Прыгун. — *Нам пора!*

Перрин не переставал рычать. В заключительном послании Зари, помимо вспышки изумления и боли, содержался образ места. Перрин воскресил его в памяти и закрыл глаза.

Юный Бык! Нет! Он…

Сдвиг. Открыв разом глаза, Перрин увидел полянку неподалеку от того места, где — в реальном

мире — располагался его лагерь. В центре полянки присел на корточки мускулистый загорелый мужчина, темноволосый и голубоглазый. У его ног лежал труп волка. У Губителя были мощные руки, и пахло от него немного не по-человечески. Нечто среднее между человеком и камнем. На нем была темная одежда: кожа и черная шерсть. На глазах у Перрина Губитель принялся свежевать тушу.

Перрин бросился вперед. Губитель поднял удивленный взгляд. Его жесткое лицо — сплошь углы и резкие линии — до жути походило на лицо Лана. Перрин взревел, в руках у него вдруг оказался молот.

В мгновение ока Губитель исчез, и молот угодил в пустоту. Перрин втянул ноздрями воздух. Вот они, запахи! Морская соль, мокрое от воды дерево. Чайки и их помет… С помощью новообретенного навыка Перрин переместился в эти дальние края. *Сдвиг…*

Он оказался на безлюдной пристани незнакомого города. Неподалеку стоял Губитель и осматривал свой лук.

Перрин пошел в атаку. Губитель поднял голову, широко раскрыл глаза, и от него пахну́ло нарастающим изумлением. Он вскинул лук, блокируя

удар, но молот разнес его оружие в щепки.

Перрин взревел и снова воздел молот, на сей раз целя Губителю в голову. Как ни странно, Губитель улыбнулся, и глаза его весело сверкнули. Теперь от него пахло охотничьим азартом и жаждой убийства. В поднятой руке появился меч, и Губитель парировал удар Перрина.

Молот отскочил с такой силой, словно угодил в каменную стену. Перрин оступился. Губитель вытянул руку, положив ладонь ему на плечо, и толкнул — с невероятной, просто неописуемой силой.

Этот толчок отбросил Перрина на край пристани, но деревянного ограждения там больше не было. Перрин плюхнулся в темную воду; та сомкнулась над головой, и его рев сменился бульканьем.

Выронив молот, Перрин с трудом поплыл вверх, но по необъяснимой причине поверхность заледенела, а из глубин к нему змеями потянулись канаты, обвили руки и потянули вниз. Сквозь лед над головой он видел, как движется тень Губителя, поднимавшего натянутый лук.

Лед исчез, вода расступилась, потоками хлынула с одежды Перрина, и он обнаружил, что смотрит на стрелу, чей наконечник был нацелен

ему в сердце.

Губитель спустил тетиву.

Перрин велел себе переместиться.

Сдвиг. Перрин охнул, ударившись о каменный язык, на котором раньше сидел с Прыгуном. С одежды ручьями стекала морская вода. Перрин упал на колени, прокашлялся и вытер лицо. Сердце колотилось как бешеное.

Рядом появился Прыгун. Он тяжело дышал, и от него пахло гневом.

Бестолочь! Безмозглый щенок! Зачем ты погнался за львом, молокосос?

Перрин сел на камень. Его била дрожь. Способен ли Губитель последовать за ним? Тянулись минуты, но никто не появлялся, и Перрин стал успокаиваться. Схватка с Губителем была столь стремительной, что воспринималась как мешанина размытых образов. Такая сила… Человек не может быть настолько силен. А еще этот лед и канаты…

— Он изменил то, что было вокруг, — сказал Перрин. — Сделал так, что ограждение исчезло. Создал канаты, и те связали меня. Раздвинул воду, чтобы та не мешала выстрелу.

Он лев. Убийца. Он опасен.

— Мне надо научиться. Мне надо снова встре-

титься с ним, Прыгун.

Ты слишком молод. Такие вещи вне твоего разумения.

— Слишком молод? — Перрин встал. — Прыгун, вот-вот начнется Последняя охота!

Волк лег, положил морду на лапы.

— Ты все твердишь, что я слишком молод, — продолжил Перрин. — И сам не знаю, что делаю. Разве смысл уроков не в том, чтобы я научился давать отпор людям вроде Губителя?

Посмотрим, — ответил Прыгун. — *Но теперь ты уйдешь. Мы закончили.*

В его послании Перрин уловил скорбную нотку. Возражать было бессмысленно. Сегодня Прыгун и стая Танцующей-среди-Дубов будут оплакивать Зарю.

Перрин со вздохом уселся, скрестив ноги, сосредоточился и сумел повторить действия Прыгуна, когда тот выталкивал его в реальный мир.

Волчий сон померк.

* * *

Перрин проснулся на соломенном тюфяке в темном шатре. К нему прижималась Фэйли.

Какое-то время он лежал, не двигаясь, и смотрел в парусиновый потолок. Тьма напоминала о

грозовом небе в волчьем сне. Проще было пешком дойти до Кэймлина, чем снова уснуть. В конце концов Перрин встал — осторожно, чтобы не разбудить Фэйли, — и надел штаны и рубаху.

В лагере было темно, но глаза Перрина неплохо видели в темноте. Он кивнул Кенли Маерину и Джайму Доутри — двуреченцам, сегодня ночью охранявшим его шатер, — и спросил у одного из них:

— Который час?

— За полночь, лорд Перрин, — ответил Джайм.

Перрин хмыкнул. Пейзаж осветила далекая молния. Он пошел прочь, и двуреченцы последовали за ним.

— Обойдусь без охраны, — сказал Перрин. — Лучше останьтесь здесь. Леди Фэйли еще спит.

Его палатка стояла у холма неподалеку от западной границы лагеря, и Перрину нравилось это чувство уединенности. Он прошел мимо Гаула; хотя было поздно, тот сидел на срубленном дереве и точил наконечник копья. Рослый Каменный Пес встал и пошел за ним. Перрин не стал возражать. Гаулу казалось, что в последнее время он не слишком хорошо выполняет взятые на себя по своей воле обязанности телохранителя, и поэтому он удвоил старания. Перрин подумал,

что тот попросту ищет повод не возвращаться в собственную палатку, где теперь обосновались и две женщины-гай'шайн.

Гаул держался в отдалении, за что Перрин был ему признателен. Может, так чувствует себя любой вождь? Неудивительно, что отношения столь многих государств оканчиваются войнами: у их лидеров попросту нет времени собраться с мыслями и подумать своей головой. Вот и бросают людей в атаку, лишь бы те перестали им докучать!

Неподалеку был древостой с небольшой поленницей. Перрин направился к нему. Дентон — человек, который прислуживал ему, пока не удастся вернуть Ламгвина, — нахмурился, когда Перрин сказал, что хочет наколоть дров. Когда-то Дентон был мелким кайриэнским лордом, но отказался от своего положения. Теперь он считал себя слугой, и переубедить его было невозможно.

Там был топор — не хищный полумесяц, которым когда-то сражался Перрин, а основательный топор дровосека из отличной стали. Перрин закатал рукава, поплевал на руки и с удовольствием схватился за топорище, отполированное потными трудовыми ладонями. Он вскинул топор на плечо, поставил перед собой первый чурбан и

замахнулся.

От точного удара в ночной тьме разлетелись щепки и чурбан разделился надвое. Затем Перрин расколол одну из половинок. Гаул, усевшись под деревом, продолжил острить копье, и теперь глухой стук топора по дереву сопровождались скрежетом металла о металл.

Приятно. Почему же ему так хорошо думается, когда он чем-то занят? Лойал не раз говорил, что надо бы сесть и пораскинуть мозгами, но Перрин сомневался, что сумеет до чего-нибудь додуматься, если будет просто сидеть и ничего не делать.

Одним ударом доброго топора он расколол следующий чурбан. Может, так оно и есть? Может, в его поступках виноваты не волки, а он сам, его собственная природа? Но в Двуречье он вел себя совсем иначе…

Разлетелось надвое следующее полено. «Я всегда умел сосредоточиться». Эта его особенность производила впечатление на мастера Лухана. Дай Перрину задание, и он будет работать, пока не доведет дело до конца.

Он расколол половинки чурбана.

Может, эти перемены в нем — результат столкновения с окружающим миром? Он во многом винил волков и требовал от Прыгуна слишком

многого. Волки не глупы и не так просты, но им дела нет до человеческих забот. Прыгуну, пожалуй, было невероятно трудно учить Перрина так, чтобы тот понял его уроки.

Чем же обязан ему этот волк? Прыгун погиб той роковой ночью. Его давно уже нет. Той ночью Перрин впервые убил человека. Той ночью он впервые перестал контролировать себя и забылся в бою. Нет, Прыгун ничем ему не обязан, хотя не раз спасал его, и Перрин понимал: только вмешательство Прыгуна не давало ему потерять человеческое «я» и превратиться в волка.

Он ударил по чурке, но промазал. Топор прошел по касательной, и поленце отлетело в сторону. Перрин вернул его на место. Гаул продолжал точить копье, и этот негромкий скрежет успокаивал. От следующего удара чурбан разлетелся надвое.

Перрин погрузился в колку дров. Пожалуй, глубже, чем следовало бы. Да, это так.

С другой стороны, чтобы довести что-то до конца, надо работать, пока не получишь результат. Перрин знавал людей, как будто не умевших закончить начатое. Их фермы были в полном беспорядке. Он не смог бы так жить.

Пора бы найти золотую середину. Перрин не

раз говорил, что его затащили в мир, полный проблем, решение которых ему не по плечу. Он всегда называл себя простым человеком.

Что, если это не так? Вдруг он сложный человек, когда-то живший простой жизнью? В конце концов, если он так уж прост, почему влюбился в такую непростую женщину?

Наколотых дров становилось все больше. Перрин нагнулся за четвертушками, и неровная древесина царапнула пальцы. Мозолистые пальцы; нет, никогда не стать ему лордом вроде тех изнеженных созданий из Кайриэна. Но лорды бывают разные. К примеру, отец Фэйли. Или Лан — не человек, а ходячее оружие.

Перрин начал складывать дрова в поленницу. Во сне ему нравилось вести за собой волчью стаю, но волки не ждали, что ты станешь их оберегать, обеспечивать, выдумывать для них законы и правила. Они не стали бы взывать к тебе, случись их возлюбленным погибнуть под твоим началом.

Перрина волновало не само лидерство, а то, что шло к нему в довесок.

Он учуял приближение Илайаса. Его природный, земляной, суглинистый запах напоминал запах волка. Отчасти.

— Уже поздно, а ты не спишь, — подошел к

нему Илайас.

Перрин услышал шорох: Гаул убрал копье в петлю рядом с чехлом для лука. Затем айилец вынул его с почти неслышным звуком, будто в небо вспорхнул воробей. Гаул посидит рядом, но подслушивать не станет.

Положив топор на плечо, Перрин поднял глаза к темному небу:

— Иной раз ночью я чувствую себя бодрее, чем днем.

Илайас улыбнулся. Перрин не увидел его улыбки, но почуял соответствующий запах.

— Илайас, ты когда-нибудь пробовал отстраниться? — спросил он. — Не обращать внимания на голоса? Сделать вид, что ничего не изменилось?

— Пробовал, — ответил Илайас. У него был негромкий низкий голос, чем-то напоминавший далекий рокот, с каким движутся земные пласты. — И даже хотел этого. Но потом Айз Седай вздумали укротить меня, и пришлось бежать.

— Скучаешь по старой жизни?

Илайас пожал плечами — Перрин слышал, как зашуршала его одежда.

— Ни один Страж не горит желанием покинуть свой пост. Но бывает, что некоторые вещи

становятся более важны. Вернее… более требовательны. Я сделал выбор и ни о чем не жалею.

— Я не могу уйти, Илайас. И не уйду.

— Пусть я отказался от своей жизни ради волков, но это не значит, что ты обязан делать то же самое.

— У Ноама не было выбора, — сказал Перрин.

— Вообще никакого? — спросил Илайас.

— Волк пожрал его. Ноам перестал быть человеком.

Перрин уловил запах тревоги. Илайасу нечего было ответить.

— Скажи, Илайас, во снах ты встречаешь волков? — спросил Перрин. — Бываешь там, где оживают и вольно бегают мертвые волки?

Илайас повернулся и посмотрел на него:

— Это опасное место, Перрин. Другой мир, пусть и как-то связанный с нашим. Если верить легендам, туда умели попадать древние Айз Седай.

— И кое-кто еще, — заметил Перрин, вспомнив о Губителе.

— Будь осторожнее в этом сне. Я избегаю его. — Исходивший от Илайаса запах тревоги усилился.

— Всегда ли ты умеешь провести черту между собой и волком? — спросил Перрин.

— Раньше умел.

— А теперь?

— Теперь я нашел равновесие, — сказал Илайас.

— Как?

— Сам не знаю, — ответил тот, помолчав. — Просто научился, и все. И ты, Перрин, научишься.

«Или превращусь в Ноама». Перрин посмотрел в золотистые глаза Илайаса, затем кивнул:

— Спасибо.

— За совет?

— Нет, — ответил Перрин. — За то, что вернулся. И показал, что по крайней мере один из нас способен жить с волками, оставаясь человеком.

— Не за что, — сказал Илайас. — Я уж и забыл, как приятно для разнообразия пожить среди людей. Хотя не знаю, надолго ли останусь. Вот-вот начнется Последняя охота.

— Верно говоришь. — Перрин снова взглянул на небо. — Будь добр, передай Тэму и остальным, что я принял решение. Белоплащники выбрали место для битвы. Завтра встретимся с ними на поле боя.

— Хорошо, — кивнул Илайас. — Хотя, судя по запаху, тебе не хочется этого делать.

— Хочется, не хочется, а надо, — сказал Перрин. — Вот и все. Точка.

Все требовали, чтобы он вел себя как лорд. Вот, пожалуйста: лорды ведут себя именно так. Принимают решения, которые не желает принимать никто другой.

И все равно ему будет тошно отдавать этот приказ. Перрин вспомнил видение: волки гонят овец навстречу какому-то страшному зверю. Может, именно этим он и занимается? Гонит белоплащников к их погибели? Они определенно одеты в цвета овечьей шерсти.

А как же видение, в котором Фэйли и остальные шагали к обрыву?

Илайас ушел, а Перрин остался стоять с топором на плече. Он чувствовал себя так, будто рубил не дрова, а человеческие тела.

Глава 25
Возвращение в Бандар Эбан

Ранд и Мин явились в Бандар Эбан без предупреждения — просто шагнули в переходные врата и оказались в узком переулке. С ними были две Девы — Лериан и Хейдия, — а также Наэфф, рослый Аша'ман с квадратным подбородком.

Девы тут же бросились в конец переулка, выходящего на улицу пошире, где замерли, с подозрением рассматривая город. Ранд в своем коричневом плаще догнал их и положил руку на плечо стройной Хейдии — той, как видно, не давала покоя малочисленность охраны в этой вылазке.

Тучи над городом расступились и растаяли, извещая о прибытии Ранда. Мин подставила лицо теплому солнцу. Пахло в переулке ужасно — гни-

ющие отбросы и прочий мусор, но поднявшийся теплый ветер развеял и унес мерзкие запахи.

— Не нравится мне все это, милорд Дракон, — сказал Наэфф. — Вам нужна охрана получше. Давайте-ка вернемся и соберем…

— Все будет хорошо, Наэфф, — перебил его Ранд и повернулся к Мин.

Та подошла и взялась за его протянутую руку. Наэффу и Девам было приказано следовать за ними в некотором отдалении, дабы не привлекать внимания.

Едва они вышли на один из множества деревянных тротуаров доманийской столицы, как Мин вскинула ладонь к губам. Ранд ушел совсем недавно, но за это ничтожное время город стал совсем другим. Разве так бывает?

Улицы полнились людьми — грязными, болезненного вида; они жались к стенам и кутались в одеяла. На дощатых тротуарах почти не было места: чтобы двигаться дальше, Мин и Ранду пришлось сойти в грязь. Люди стонали, кашляли, и Мин поняла, что вонь стоит не только в переулке, но и во всем городе. Когда-то на этих зданиях трепетали знамена, но теперь их сняли и пустили на топливо или одеяла.

Окна в большинстве зданий были разбиты.

Беженцы толпились в дверных проемах и лежали на полу. Мин и Ранд не останавливались, и люди, оборачиваясь, смотрели им вслед. Вид у некоторых был безумный, у других — оголодавший, почти у всех — опасный. Многие из них были доманийцами, но, похоже, не меньше встречалось здесь людей с более светлой кожей — наверное, беженцы из Салдэйи или с равнины Алмот. Проходя мимо группы юных задир, прохлаждавшихся у входа в переулок, Мин нащупала нож, что прятала в рукаве. Возможно, Наэфф прав и здесь небезопасно.

— Точно так же я шагал по Эбу Дар, — тихо произнес Ранд, и Мин вдруг поняла, как ему больно. Тяжелейшее чувство вины причиняло ему больше мучений, чем раны в боку. — Отчасти поэтому я изменился. Жители Эбу Дар были сыты, счастливы и совсем не походили на этих людей. Шончан правят лучше, чем я.

— Ранд, ты не виноват во всем этом, — возразила Мин. — Тебя здесь не было, когда…

Его боль усилилась, и Мин поняла, что говорить этого не следовало.

— Да, — все так же тихо ответил он, — меня здесь не было. Я попросту бросил этот город, когда понял, что не смогу использовать его как нужный

инструмент. Я забыл, Мин. Забыл, к чему все это. Тэм был совершенно прав. Человеку необходимо знать, за что он сражается.

Ранд отправил отца — а вместе с ним одного из Аша'манов — в Двуречье, чтобы собрать людей и подготовиться к Последней битве.

Ранд пошатнулся — у него вдруг сделался очень усталый вид — и сел на ближайший ящик. Меднокожий беспризорник внимательно смотрел на него из соседнего дверного проема. Напротив, на другой стороне улицы, находился очередной переулок, но там было совсем не так людно. Вход в него охраняли громилы, вооруженные дубинками.

— Они сбиваются в стаи, — негромко объяснил Ранд, и плечи его поникли. — Богатые нанимают сильных, чтобы те защищали их богатство от посягательств. Но это богатство — не золото или драгоценные камни. Теперь богат тот, у кого имеется еда.

— Ранд! — Мин опустилась перед ним на одно колено. — Нельзя же…

— Я знаю, что должен продолжать, — сказал Ранд, — но как же больно вспоминать обо всем, что я сделал, Мин… Превратившись в сталь, я отринул эмоции. А потом снова позволил себе

что-то чувствовать, позволил себе смеяться, но для этого пришлось открыть сердце страданиям от моих неудач.

— Ранд, я вижу, что тебя окружает солнечный свет.

Он взглянул на нее, затем поднял глаза к небу.

— Не этот свет, — прошептала Мин. — Видение. Я вижу, как черные тучи тают в тепле солнца. Вижу тебя, с белым сверкающим мечом в руке. А твой противник — безликая тьма, с черным мечом. Вижу деревья, они опять зеленеют и дают плоды. Вижу поле, приносящее богатый и здоровый урожай. — Она помолчала. — Вижу Двуречье, Ранд. Вижу гостиницу, а на двери выложен знак. Это Драконий клык. Уже не символ тьмы или ненависти, но знак победы и надежды.

Ранд внимательно смотрел на девушку.

Уголком глаза Мин что-то заметила. Повернулась к сидевшим на улице людям и даже ахнула от изумления, увидев образы над всеми и каждым. Невероятно! Столько одновременных видений, столько света над головами больных, ослабевших, брошенных на произвол судьбы!

— Над тем человеком я вижу серебряный топор, — указала она на бородатого попрошайку. Тот полулежал у стены, уронив голову на

грудь. — В Последней битве он будет командовать отрядом. Вон там, в тени, угрюмая женщина — она попадет в Белую Башню, пройдет обучение и станет Айз Седай. Я вижу рядом с ней Пламя Тар Валона и знаю, что означает такое видение. Тот мужчина, похожий на уличного головореза? Он спасет ей жизнь. Да, по внешности не скажешь, но он будет сражаться. Все они будут сражаться. Я это вижу! — Она посмотрела на Ранда и взяла его за руку. — Тебе хватит сил. Ты справишься. Я знаю, что ты возглавишь этих людей.

— Ты видела это? — спросил он. — У тебя было видение?

— В видении нет необходимости, — покачала головой она. — Я верю в тебя.

— Я чуть не лишил тебя жизни, Мин, — прошептал он. — Глядя на меня, ты видишь убийцу. Чувствуешь, как моя рука сжимает тебе горло.

— Что? Конечно нет! Ранд, посмотри мне в глаза. Ты же чувствуешь меня через наши узы! Скажи, есть во мне хоть крупица сомнений, хоть капля страха?

Он выполнил ее просьбу. Глаза у него были бездонные, но Мин не отвернулась. Она могла выдержать взгляд этого овечьего пастуха.

— Ох, Мин! — Ранд сел ровнее. — Что бы я делал

без тебя?

Она хмыкнула:

— За тобой идут короли, вожди Айил, Айз Седай, Аша'маны и та'верены. Поверь, как-нибудь справился бы.

— Нет, — сказал Ранд, — ты важнее их всех. Благодаря тебе я помню, кто я такой. А еще ты мыслишь яснее большинства тех, кто называет себя моими советниками. При желании ты могла бы стать королевой.

— Я не желаю ничего, кроме тебя, дурачок полоумный.

— Спасибо. — Он помолчал. — Хотя я предпочел бы, чтобы ты обзывалась пореже.

— Жизнь — тяжелая штука. Привыкай.

Он улыбнулся. Затем встал и глубоко вздохнул. Чувство вины никуда не делось, но теперь Ранд обуздал его — так же, как справлялся с болью. Беженцы оживились. Ранд повернулся к бородатому бродяге, о котором говорила Мин. Тот сидел на тротуаре, опустив ноги в грязь.

— Ты, — сказал мужчина Ранду, — это он. Дракон Возрожденный.

— Да, — подтвердил Ранд. — Ты был солдатом?

— Я… — Взгляд человека затуманился. — В другой жизни. Я был королевским гвардейцем,

пока короля не похитили, потом нами стала распоряжаться леди Чадмар, и она распустила гвардию. — Он вспоминал о прошлом, и душевная усталость сочилась у него из глаз, словно кровь.

— Прекрасно, — сказал Ранд. — Нам надо восстановить этот город, капитан.

— Капитан? — переспросил человек. — Но я… — Бородач склонил голову к плечу. Затем он встал и отряхнулся. Несмотря на лохмотья и спутанную бороду, в нем — пусть едва заметно — ощущалась военная выправка. — Что ж… Думаю, ты прав. Но это будет непросто. Люди голодают.

— С голодом я разберусь, — сказал Ранд. — А ты должен разыскать своих солдат.

— Других гвардейцев я тут не вижу… Хотя нет, погоди. Вон там Вотабек и Редборд. — Он помахал рукой паре крепких мужчин, на которых Мин уже обращала внимание. Помедлив, те подошли.

— Что такое, Дарнхэм? — спросил один.

— Пора положить конец беззаконию в нашем городе, — сказал Дарнхэм. — Прибраться и наладить жизнь. Вернулся лорд Дракон.

Второй — кряжистый парень с курчавыми черными волосами, доманийской кожей и тонкими усиками — сплюнул в грязь:

— Чтоб ему сгореть! Он бросил нас. Я… — Заме-

тив Ранда, он осекся.

— Прости. — Ранд посмотрел ему в глаза. — Я подвел тебя. Но этого не повторится.

Парень взглянул на товарища, и тот пожал плечами:

— От Лайна мы денег не дождемся. Почему бы и не поглядеть, что тут можно сделать?

— Наэфф! — позвал Ранд и махнул ему рукой. Аша'ман и Девы приблизились. — Открой врата обратно в Твердыню. Мне нужны оружие, доспехи и военная форма.

— Сделаю без промедления, — кивнул Наэфф. — Скажу, чтоб солдаты принесли все…

— Нет, — перебил его Ранд. — Припасы надо сложить здесь, в этом здании. Я расчищу в нем место для врат. Но нельзя, чтобы сюда пришли солдаты. — Он окинул взглядом улицу. — Бандар Эбан и без того настрадался под пятой чужаков. Сегодня он не ощутит на себе длани захватчика.

Отступив, Мин зачарованно смотрела, как трое солдат в спешке очищают здание от беспризорников. Те столпились снаружи. Ранд спросил, не согласны ли они стать вестовыми, и дети согласно закивали. С Рандом соглашались все без исключения: достаточно было лишь рассмотреть его как следует.

Другой решил бы, что это некая разновидность Принуждения, но Мин видела, как меняются лица людей. Видела, как в их глаза возвращается огонек надежды. Глядя на Ранда, люди понимали — или хотя бы надеялись, — что ему можно доверять.

Трое гвардейцев поручили новоиспеченным вестовым разыскать остальных бывших солдат. Наэфф создал переходные врата. Спустя несколько минут Дарнхэм с товарищами вышли из здания в серебристых нагрудниках и простой, но чистой зеленой форме. Мужчины расчесали волосы, привели в порядок бороды и даже нашли где-то воду для умывания. Словно по волшебству, нищие превратились в солдат — пусть даже солдат с некоторым душком.

Женщина — та самая, в которой Мин разглядела способность направлять Силу, — подошла и заговорила с Рандом. Через некоторое время она кивнула и вскоре собрала людей, чтобы натаскать воды из колодца. Мин непонимающе смотрела на ведра, пока к ним не стали подходить люди, чтобы умыться и вымыть руки.

Вокруг собиралась толпа. Некоторые любопытствовали, другие проявляли враждебность, третьих подхватил и принес сюда человеческий

поток. Женщина и ее водоносы принялись отбирать людей и раздавать им поручения. Кому-то было велено искать больных и раненых, другим — надеть форму и взять оружие. Еще одна женщина стала выяснять у беспризорников, живы ли их родители, и если да, то где их искать.

Мин села на тот же ящик, где сидел Ранд. Не прошло и часа, как у него собрался отряд в пять сотен солдат под командованием капитана Дарнхэма и двоих его лейтенантов. Многие из этих пяти сотен то и дело опускали изумленные глаза на свою чистую одежду и серебристые нагрудники.

Ранд побеседовал почти с каждым, извиняясь напрямую. Когда он говорил с какой-то женщиной, толпа зашевелилась. Обернувшись, Ранд увидел бредущего к нему старика, покрытого жуткими язвами. Другие держались от него подальше.

— Наэфф, — позвал Ранд.

— Милорд?

— Приведи сюда Айз Седай. Людям требуется Исцеление.

Женщина, что организовала доставку воды, отвела старика в сторону.

— Милорд! — К Ранду, чеканя шаг, приблизился капитан Дарнхэм.

Мин оторопела. Мужчина раздобыл где-то бритву и избавился от бороды, обнажив волевой подбородок, но оставил доманийские усы. За ним следовали четверо — должно быть, телохранители.

— Нам понадобится больше места, милорд, — сказал Дарнхэм. — Выбранное вами здание переполнено, а народ все прибывает. На улице не протолкнуться.

— Что предлагаешь? — спросил Ранд.

— Давайте переберемся на пристань, — ответил капитан. — Ею владеет один из городских купцов. Готов спорить, там найдется пустующий склад под наши нужды. Когда-то там хранилась еда, но теперь… теперь ее не осталось.

— А как быть с этим купцом? — поинтересовался Ранд.

— Уладите, милорд, — сказал Дарнхэм. — Вам это раз плюнуть.

Ранд улыбнулся и кивнул — дескать, показывай дорогу, — после чего протянул руку Мин.

— Ранд, — сказала девушка, подступив к нему вплотную, — им понадобится еда.

— Да. — Он взглянул на юг, в сторону пристани. — Там ее и найдем.

— Разве что-то осталось?

Ранд не ответил, и они зашагали вперед, возглавляя серебристо-зеленый отряд только что сформированной городской гвардии. Следом шла растущая толпа беженцев, исполненных надежды.

Громадная пристань Бандар Эбана, полумесяцем окаймлявшая город, была одной из самых впечатляющих на всем белом свете. Мин удивленно рассматривала многочисленные корабли — по большей части это были суда Морского народа.

«Точно, — подумала она, — по велению Ранда эти корабли привезли сюда провиант». Но еда испортилась. Когда Ранд покинул город, до него дошли слухи, что все съестные припасы в трюмах этих кораблях погублены из-за прикосновения Темного.

Кто-то заблокировал дорогу, ведущую к пристани. Другие пути к причалам тоже были перекрыты. Солдаты в форме нервно поглядывали из-за баррикады на приближавшийся отряд Ранда.

— Не подходите! — предупредил кто-то. — Мы не…

Ранд небрежно взмахнул рукой. Баррикада, сложенная из мебели и теса, заскрежетала, загромыхала и сдвинулась в сторону. Ее защитники с

криками разбежались.

Оставив груду обломков на обочине, Ранд шагнул вперед. Мин чувствовала, насколько он спокоен. На дороге, широко раскрыв глаза, стояли оборванцы с дубинами в руках. Ранд подошел к парню в первом ряду:

— Кто он, этот человек, не пускающий моих подданных на пристань и пожелавший присвоить съестные припасы? Я хочу… поговорить с ним.

— Милорд Дракон?! — изумленно воскликнул кто-то.

Мин оглянулась на голос. Со стороны пристани к ним спешил высокий худой мужчина в красной доманийской куртке и в дорогой, но измятой и нестираной рубашке с кружевными манжетами. Вид у человека был изнуренный.

«Как же его зовут? — задумалась Мин. — Ах да, Иралин. Начальник порта».

— Что здесь происходит, Иралин? — спросил Ранд. — Чем ты занимаешься?

— Чем занимаюсь? — переспросил мужчина. — Пытаюсь не подпустить горожан к кораблям с испорченной едой! Любой, кто съест хоть немного, заболевает и умирает. Но горожане отказываются меня слушать. Порт уже пытались взять штурмом, причем не раз, но я не допущу,

чтобы они сами себя убили!

Мин помнила, что Иралин — миролюбивый человек, и впервые видела, чтобы он так сердился.

— Леди Чадмар дала деру через час после вашего ухода, — продолжил Иралин, — и в тот же день разбежались остальные члены Купеческого совета. Треклятый Морской народ заявил, что не уплывет, не выгрузив товары. Или уплывет, но только после того, как я заплачу неустойку. Поэтому я сидел и ждал, что город вымрет от голода, или люди погибнут от негодной пищи, или здесь вспыхнет еще один кровопролитный бунт. Вот чем я занимался! А чем занимались вы, лорд Дракон?

Ранд закрыл глаза и вздохнул. Извиняться перед Иралином он не стал: должно быть, понял, что тот отмахнется от его слов.

— У него на плечах чудовищный груз, купец! — набросилась на Иралина Мин. — Дракон не может присматривать за всеми и каждым…

— Довольно, Мин. — Ранд положил ладонь девушке на руку и открыл глаза. — Я получаю по заслугам. Иралин, прежде чем я покинул город, ты сказал, что вся еда на кораблях испорчена. Скажи, ты проверил каждый мешок и каждую бочку?

— Не каждую, но достаточное количество, — ответил Иралин с прежней неприязнью. — Если открываешь сотню мешков и в каждом одно и то же, общая картина становится ясна. Все это время жена пыталась найти способ отделить сгнившее зерно от хорошего. Если оно вообще там есть, хорошее зерно.

Ранд направился к судам. Иралин пошел за ним. Лицо у него было обескураженное: должно быть, начальник порта ожидал, что Ранд накричит на него. Мин отправилась следом. Ранд остановился у тяжело груженного корабля Морского народа, пришвартованного у пристани. С палубы на него смотрели несколько членов команды.

— Мне надо поговорить с вашей Госпожой Парусов! — крикнул Ранд.

— Это я! — отозвалась женщина с сединой в прямых черных волосах и узорчатой татуировкой на правой руке. — Милис дин Шалада Три Звезды.

— По условиям сделки, — сказал Ранд, — сюда должны были доставить съестные припасы.

— Этот, — Милис кивком указала на Иралина, — не хочет, чтобы их доставили. Не дает разгрузиться. Говорит, что, если начнем выгрузку, нас перестреляют его лучники.

— Я не смог бы сдержать натиск людей, — объяснил Иралин. — Пришлось распустить в городе слухи, что Морской народ удерживает провиант на кораблях.

— Видишь, как мы настрадались из-за тебя? — сказала Милис Ранду. — Наша сделка начинает вызывать у меня вопросы, Ранд ал'Тор.

— Хочешь сказать, что я не Корамур? — посмотрел ей в глаза Ранд. Похоже, Милис хотела отвести взгляд — но не могла.

— Нет, — ответила она. — Пожалуй, я не хочу такого сказать. Наверное, ты хочешь подняться на борт «Пенного гребня»?

— Если можно.

— Тогда поднимайся, — сказала Милис.

Спустили трап, и Ранд в сопровождении Мин, Наэффа и двух Дев взошел на корабль. Чуть позже на палубу поднялся Иралин, а за ним — капитан в сопровождении нескольких своих солдат.

Милис проводила их к центральному люку и трапу, ведущему в трюм. Первым неуклюже спустился однорукий Ранд, за ним — Мин.

Лучи света, пробиваясь сквозь щели в палубе, освещали ряды мешков с зерном. В спертом воздухе пахло пылью.

— Мы бы с радостью избавились от груза, —

негромко сказала Милис, подойдя к Ранду и Мин. — От этого зерна все крысы передохнут.

— Разве это не к лучшему? — спросила Мин.

— Корабль без крыс все равно что океан без штормов, — ответила Милис. — И крысы, и шторма досаждают нам, но команда ворчит всякий раз, когда случается найти дохлого грызуна.

Несколько мешков были открыты; они завалились набок, и темное содержимое высыпалось на палубу. Иралин упоминал о попытках отделить хорошее зерно от плохого, но Мин не видела в этом никакого смысла: все зерна, сморщенные и утратившие цвет, выглядели одинаково.

Пока Ранд разглядывал открытые мешки, в трюм спустился Иралин. За ним следом, шаркая по ступеням, — капитан Дарнхэм со своими людьми.

— В последнее время все портится, — сказал Иралин. — И не только зерно. Фермеры привезли с собой припасенное на зиму — и где оно все? Ничего не осталось. Короче, мы обречены на голодную смерть. Попросту не доживем до этой вашей Последней битвы. Мы…

— Спокойно, Иралин, — тихо произнес Ранд. — Все не так плохо, как кажется. — Он шагнул вперед и рывком развязал еще один мешок. Тот

упал набок, и по полу рассыпался округлый золотистый ячмень без единого темного зернышка. Казалось, его только что собрали.

— Что ты с ним сделал? — изумленно охнула Милис.

— Ничего, — ответил Ранд. — Просто вы открывали не те мешки. Остальные в полном порядке.

— Просто?.. — не поверил Иралин. — Просто так уж вышло, что мы открыли все испорченные мешки, но ни одного хорошего? Простите, но это смехотворно.

— Ничего подобного, — сказал Ранд, положив руку ему на плечо. — Не смехотворно, а всего лишь невероятно. Прости, Иралин, что бросил тебя в столь затруднительном положении. Ты неплохо справился, и я назначаю тебя членом Купеческого совета.

Начальник порта оторопел, а капитан Дарнхэм тем временем открыл еще один мешок:

— Этот хороший.

— И этот, — сказал один из солдат.

— А тут картошка, — заглянул в бочку другой. — На вид вполне нормальная. Больше скажу: нечасто увидишь такую хорошую картошку. Вроде как перезимовала, а совсем не сморщилась.

— Расскажите остальным, — велел солдатам

Ранд. — Соберите людей. Пусть организуют раздачу продуктов в одном из складов. Зерно охраняйте как зеницу ока: Иралин не зря тревожился, что люди возьмут пристань штурмом. Неприготовленное зерно не раздавайте, иначе все начнут меняться и припрятывать еду. Нам понадобятся котлы и костры для готовки. Остальное перенесите на склад. Ну, живее!

— Есть, милорд! — отозвался капитан Дарнхэм.

— Вам помогут те, кого я уже собрал, — продолжил Ранд. — Воровать они не станут, так что можете на них положиться. Пусть разгрузят корабли и сожгут испорченное зерно. Но хороших мешков, полагаю, тут несколько тысяч. — Он взглянул на Мин. — Пойдем. Надо организовать Исцеление. — После недолгого раздумья Ранд повернулся к потрясенному начальнику порта. — Лорд Иралин, отныне ты городской управитель, а Дарнхэм станет твоим военачальником. Вскоре у вас будет достаточно солдат, чтобы восстановить порядок.

— Городской управитель… — повторил Иралин. — Вот так запросто?

Ранд улыбнулся:

— Кто-то же должен этим заниматься. А теперь ступай, да побыстрее. У тебя много дел. Я пробуду

здесь день-другой, и за это время тебе надо добиться стабильности.

С этими словами Ранд начал взбираться по трапу.

— Добиться стабильности? — пробормотал Иралин, оставшийся в трюме рядом с Мин. — За день-другой? Так не бывает. Или… бывает?

— Поверьте, лорд Иралин, он удивит вас, — сказала Мин, взявшись за поручень. — Меня он удивляет изо дня в день.

Глава 26
Переговоры

Верхом на Трудяге Перрин выехал из лагеря. За ним следовало крупное войско, над которым уже не реяло знамя с волчьей головой. Насколько ему было известно, приказа сжечь те флаги не ослушались. Но теперь Перрин начинал сомневаться в верности своего решения.

В воздухе висел какой-то странный запах. Застарелый. Как в комнате, что много лет простояла запертой. Шедший рысью Трудяга ступил на Джеханнахскую дорогу. Справа от Перрина ехал Грейди, слева — Неалд. От обоих пахло предвкушением.

— Неалд, ты уверен, что готов к бою? — спросил Перрин, уводя войско на юго-восток.

— Сил у меня не меньше обычного, милорд, — ответил Аша'ман. — Достаточно, чтобы прикончить нескольких белоплащников. А мне всегда хотелось это сделать — при удобном случае.

— Только глупцы ищут случая забрать чужую жизнь, — заметил Перрин.

— Ну… да, милорд, — замялся Неалд, — хотя надо бы довести до вашего сведения…

— Не нужно об этом, — одернул его Грейди.

— О чем? — спросил Перрин.

— Да так, ни о чем, — смутился Грейди.

— Давай, Грейди, выкладывай, — велел Перрин.

Аша'ман, тот, что был постарше, сделал глубокий вдох:

— Сегодня утром мы пробовали открыть переходные врата, чтобы отправить беженцев по домам. Ничего не вышло. Такое случалось раньше, хотя лишь однажды. Плетение не срабатывает. Распускается и разваливается прямо в руках.

— А с другими плетениями все хорошо? — нахмурился Перрин.

— Да, — тут же ответил Неалд.

— Я вам точно говорю, милорд, — продолжил Грейди, — рано или поздно все получится. Нужно

попрактиковаться, только и всего.

Вряд ли им понадобится Перемещение, чтобы выйти из боя — с таким-то войском и двумя Аша'манами, — однако лишиться такой возможности было весьма неприятно. Теперь главное, чтобы сработали другие плетения: Грейди и Неалд должны были посеять смятение в рядах белоплащников, чтобы их первая атака захлебнулась.

«Может, еще не поздно развернуться?» — подумал Перрин, но незамедлительно прогнал эту мысль. Ему не нравилось принятое решение, его тошнило от мысли о кровопролитии, о сражении одних людей с другими, в то время как их настоящий враг — Темный. Но ему не оставили выбора.

Поэтому он ехал вперед, чувствуя, как покачивается в своей ременной петле молот. Прыгун был уверен, что молот ничем не отличается от топора. Для волка что то, что это — все одинаковое.

Рядом ехали майенские крылатые гвардейцы в сверкающих красных кирасах, похожие на грациозных ястребов, готовых камнем пасть с неба на жертву. За ними следовали солдаты Аллиандре, решительные, целеустремленные, основательные, будто камни, готовые обрушиться на врага. Лучники Двуречья, подвижные, гибкие,

но крепкие, как молодые дубы. Айильцы, словно гадюки с бритвенно-острыми клыками. Позади них неохотно шли Хранительницы Мудрости, похожие на бурлящие от энергии грозовые тучи, непредсказуемые и переменчивые. Перрин не знал, станут ли они сражаться на его стороне.

Остальное войско было менее впечатляющим: тысячи людей разного возраста и с разным опытом — наемники, малденские беженцы и женщины, которые, насмотревшись на Дев и Ча Фэйли, вознамерились учиться владеть оружием вместе с мужчинами. Перрин не стал им препятствовать. Близилась Последняя битва. Кто он такой, чтобы мешать любому, кто пожелал сражаться?

Он, конечно, подумывал оставить Фэйли в лагере, но знал, чем это закончится, и поэтому определил ее в арьергард — под защиту Хранительниц Мудрости и Ча Фэйли, в компанию к Айз Седай.

Прислушиваясь к топоту марширующих ног, Перрин крепче сжал поводья. У беженцев почти не было доспехов. Арганда называл таких солдат «легкой пехотой», но у Перрина имелось для них иное название: «слабоумные с мечами». Зачем эти люди следуют за ним? Неужто не понимают,

что им суждено погибнуть первыми?

Потому что доверяют ему. Сожги их свет, ему доверяют все они, все до единого! Перрин опустил ладонь на молот и потянул ноздрями влажный воздух, пропитанный страхом и возбуждением. Гром лошадиных копыт и человеческих шагов напоминал о потемневшем небе. Гром без молнии. Молния без грома.

Впереди лежало поле брани, обширный зеленый луг, на дальней стороне которого стояло войско в белом — армия белоплащников в идеально начищенных серебристых кирасах и в белоснежных плащах и табарах. Поросшая травой равнина прекрасно годилась для битвы. И еще для того, чтобы вырастить здесь урожай.

«Чтобы понять целое, разберись с его частями. И с его предназначением».

Каково предназначение боевого топора? Он создан, чтобы отнимать жизнь, и годится лишь для убийства.

Другое дело молот.

Перрин дернул поводья, и Трудяга замер. Рядом встали Аша'маны. За спиной начала останавливаться вся колонна: замедляясь, люди сбивались в кучу, и топот войска на марше сменился приказными выкриками.

Ни ветерка. Над головой — беспросветное небо. Перрин вдыхал запах травы, далеких деревьев, повисшей в воздухе пыли и вспотевших человеческих тел под доспехами. Пофыркивали кони; некоторые животные принялись щипать траву, другие переступали с ноги на ногу, чувствуя напряжение, охватившее седоков.

— В чем дело, милорд? — спросил Грейди.

Белоплащники уже выстроились в боевой порядок. Впереди, строем клина, расположился ударный отряд всадников. Они ждали, воздев копья, готовые опустить их, чтобы пролить кровь.

— Топор лишь убивает, — сказал Перрин, — но молот, помимо этого, способен созидать. Вот в чем разница.

Вдруг он все понял. Вот почему он чувствовал, что необходимо избавиться от топора. У Перрина было право выбора, и он мог обойтись без убийства. Нет, он не даст втянуть себя в бой.

Он повернулся к Гаулу, стоявшему неподалеку с несколькими Девами:

— Приведи сюда Айз Седай и Хранительниц Мудрости. — Перрин помолчал. — Скажи Айз Седай, что это приказ, но Хранительниц Мудрости попроси, да повежливее. Такой же приказ передашь двуреченцам.

Гаул кивнул и отправился выполнять поручение, а Перрин снова развернулся к белоплащникам. При всех своих недостатках Дети Света считали себя людьми чести. Они не пойдут в атаку, пока Перрин не построит свое войско.

Вскоре к нему присоединилась группа Хранительниц Мудрости и Айз Седай. С ними была Фэйли. Что ж, он сам велел жене оставаться с ними. Перрин поднял руку, подзывая Фэйли к себе. На фланг войска вышли двуреченцы.

Эдарра кивнула Перрину:

— По словам Гаула, ты был очень вежлив. А значит, попросишь нас о том, чего мы не пожелаем делать.

— Мне надо, чтобы вы помогли предотвратить эту битву, — улыбнулся Перрин.

— Тебе расхотелось танцевать с копьями? — спросила Эдарра. — Я слышала, что творили в мокрых землях эти люди в белом. Думаю, они носят белое, чтобы прикрыть тьму в своих сердцах.

— Они запутались, — сказал Перрин. — Даже более того. Их обманули. Свет бы их побрал! Но теперь, когда грядет Последняя битва, нам не следует сражаться с ними. Если будем ссориться между собой, проиграем Темному.

— Вот бы посмотреть, как отнеслись бы к этим

словам Шайдо, Перрин Айбара! — рассмеялась Эдарра. — А еще лучше — взглянуть, как кто-нибудь сказал бы тебе нечто подобное, когда твоя жена была в плену!

— Ну… Шайдо необходимо было убить, — ответил Перрин, — но насчет этих белоплащников я не уверен. Может, лучше припугнуть их хорошенько? Мне бы хотелось, чтобы вы и Айз Седай взорвали землю перед строем их армии.

— Ты просишь о том, о чем просить не следует, Айбара, — безапелляционно заявила Сеонид, глядя ему в глаза. Слова миниатюрной Зеленой прозвучали резко и холодно. — Мы не примем участия в твоей битве.

— Вам и не надо в ней участвовать, — сказал Перрин. — Вы сделаете так, чтобы битвы не было.

— Боюсь, в нашем случае это одно и то же, — сдвинула брови Сеонид. — Ударить в землю означает использовать Единую Силу в качестве оружия. Нельзя исключать, что мы раним этих людей. Прости.

Перрин стиснул зубы, но решил не настаивать. Пожалуй, Хранительниц Мудрости и Аша'манов будет достаточно. Он повернулся к двуреченцам:

— Тэм, пусть лучники положат стрелы на тети-

ву и приготовятся к залпу.

Тэм кивнул и отправил вестового с приказом. Двуреченцы выстроились в шеренгу. Расстояние было чрезмерным — для большинства луков, но не для двуреченского, если хорошенько натянуть тетиву.

Перрин кивнул Хранительницам Мудрости, а затем подал знак Аша'манам. Не прошло и секунды, как почва перед белоплащниками вздыбилась, луг содрогнулся, а воздух наполнился комьями земли. Грейди и Неалд направили коней вперед.

Лошади белоплащников вставали на дыбы, в ужасе кричали люди, но небольшой отряд впереди, похоже, не обратил внимания на эти взрывы и удержал коней под контролем. Пожалуй, то были их командиры. Да, точно: Перрин сумел разглядеть среди них самого лорда капитан-командора.

В воздух опять взлетели фонтаны земли, комьями осыпавшись в образовавшийся ров. У Хранительниц Мудрости были сосредоточенные лица, характерные для всех, кто направляет Силу.

— Кто-нибудь может усилить мой голос? — спросил Перрин.

— Я могу, — отозвался Грейди. — Однажды я видел, как это делает М'Хаэль.

— Отлично. — Перрин повернулся к Тэму. — Когда закончится работа с Силой, прикажи лучникам сделать пару дальних залпов. И пусть метят вон в ту канаву.

Несколькими мгновениями позже взрывы прекратились, и двуреченцы натянули луки и дали залп. Толстые древки взмыли в воздух, описали дугу, и вскоре глубокая борозда в земле ощетинилась стрелами. Перрин наблюдал за армией белоплащников, в чьих смешавшихся рядах воцарилась неразбериха.

Бряцанье доспехов под аккомпанемент топота копыт возвестило о появлении Арганды. Первый капитан Гэалдана уже надел шлем с плюмажем и сверкал из-под него жестким взором.

— Разрешите спросить, лорд Айбара, к чему это все? — От него пахнуло неприязнью. — Вы только что отказались от нашего преимущества! Устрой мы засаду, положили бы несколько тысяч и сломили первую волну!

— Да, — согласился Перрин. Фэйли по-прежнему держалась рядом. — И они это знают. Взгляните на их ряды, Арганда. Белоплащники встревожены. Они понимают, через что придется пройти в ходе атаки. На что я способен, если таков мой предупредительный выстрел?

— Но это предел наших возможностей, — напомнила Фэйли.

— Этого они не знают, — усмехнулся Перрин. — Как-то глупо тратить на предупреждение все, что у тебя есть.

Арганда придержал язык, хотя, по всей видимости, думал о том же самом. Он был солдат до мозга костей. Топор. Это не так уж плохо, но Перрин вынужден был играть роль молота. Он руководил, а люди вроде Арганды убивали других людей.

— Грейди, — попросил Перрин, — усиль мой голос. Будет неплохо, если наша армия тоже услышит, что я говорю.

— Сейчас сделаю, — пообещал Грейди.

Перрин сделал глубокий вдох и заговорил.

— Меня зовут Перрин Айбара! — прогремел над равниной его голос. — Я друг Дракона Возрожденного и нахожусь здесь по его приказу. Мы идем на Последнюю битву. Лорд капитан-командор, ты требовал встречи на своих условиях, и я пришел. Прошу, отплати услугой за услугу и встреться со мною там, где будет угодно мне. Если же ты намерен убить меня, прежде чем я выйду на бой с Тенью, хотя бы сделай одолжение и дай мне возможность предотвратить сегодняшнее кровопролитие! — Он кивнул Грейди, и тот распустил

свое плетение. — Есть ли у нас шатер, подходящий для переговоров?

— Есть. В лагере, — ответила Фэйли.

— Попробую открыть переходные врата. — Неалд подкрутил усы. Вернее сказать, не усы, а жидкую поросль над верхней губой. С напомаженными кончиками. Неалд называл ее усами.

— Попробуй.

Он сосредоточился. Ничего не произошло. Юноша залился густой краской:

— Не получается. Ни Перемещение, ни Скольжение.

— Понятно, — сказал Перрин. — Что ж, пошлем гонца. Шатер будет здесь через несколько минут. Не знаю, согласятся ли они на встречу, но если согласятся, хочу к ней подготовиться. Еще приведите Берелейн и Аллиандре, и пусть кто-нибудь притащит стол и стулья из моего шатра. И захватит каких-нибудь напитков.

После соответствующих распоряжений двуреченец по имени Робб Солтер, сев на коня, отправился в путь в сопровождении нескольких Дев. Судя по всему, белоплащники обдумывали предложение Перрина. Это хорошо.

Арганда и многие другие разъехались, дабы рассказать остальным, что происходит, хотя вряд

ли кто-то пропустил объявление Перрина мимо ушей. Похоже, все занимались своими делами. Поэтому Перрин поудобнее устроился в седле и стал ждать.

К нему бочком подъехала Фэйли. Судя по запаху, она была заинтригована.

— Что? — спросил Перрин.

— Что-то в тебе изменилось. И я никак не могу понять, что именно.

— Я топчусь на месте, — ответил Перрин. — Пока что не принял никаких решений. Но мне не хочется убивать этих людей. Пока что. Пока у меня есть выбор.

— Они не уступят, муж мой, — сказала Фэйли. — Они уже вынесли тебе приговор.

— Там будет видно. — Подняв глаза к небу, Перрин задумался о странном запахе — и том факте, что у Аша'манов не получалось открыть переходные врата. В волчьем сне по этим местам рыскал Губитель, а еще здесь была стеклянная стена. Ветер приносил с собой что-то противоестественное, и чувства напоминали Перрину: будь настороже. Будь готов к чему угодно.

Молот способен убивать или созидать. Пока что Перрин не понял, как действовать в нынешней ситуации. И не собирался наносить удар, пока

не поймет.

* * *

Стоя на поросшем травой лугу, которому суждено стать полем битвы, Галад смотрел на возникший впереди ров, утыканный сотнями стрел.

Он был готов к встрече с Айз Седай; те способны причинить вред, только если в опасности сама сестра или ее Страж, и Галад четко и ясно приказал своим людям не вступать с ними в бой — и даже близко к ним не подходить. Ни при каких условиях. Случись Чаду заметить Айз Седай, он должен был остановиться, склонить голову и направить оружие куда угодно, только не в ее сторону. Если открыто продемонстрировать, что никто не собирается нападать на сестер, в битве они будут бесполезны.

Многие Чада не верили ему, называя рассказы о Трех Клятвах умышленной фальсификацией. Но эти люди не бывали в Белой Башне. По большей части Галад недолюбливал Айз Седай и уж точно не доверял им, но он знал, какую силу имеют эти клятвы.

Его люди, переговариваясь, восстановили и сомкнули строй, а Галад вооружился зрительной трубой и стал рассматривать авангард этого

Айбара. Люди в черных мундирах. Несколько айильских женщин, включая тех, что сопровождали Айбара во время первых встреч. Они, вне всякого сомнения, способны направлять Силу. Галад мысленно увидел, как его войско идет в атаку, и вдруг под солдатами взрывается земля. Кавалеристы взлетают на воздух, остальные падают в ямы, а задние ряды в смятении наблюдают за происходящим, представляя собой легкую цель для стрелков, вооруженных теми впечатляющими луками.

Лицо подъехавшего Борнхальда было перекошено от гнева:

— Мы же не станем договариваться с ним?

Галад опустил зрительную трубу:

— Думаю, станем.

— Но мы уже встречались с ним! — возразил Борнхальд. — Ты говорил, что хочешь увидеть его глаза, этот неоспоримый признак отродья Тьмы, и ты их увидел! Что еще тебе нужно?

— Ему нельзя доверять, милорд капитан-командор, — добавил Байар, подъезжая ближе. В последнее время он все чаще вел себя как телохранитель Галада.

— Он мог уничтожить нас этим ударом, — кивнул на ров Галад.

— Соглашусь с Байаром, — сказал Борнхальд. — Айбара хочет выманить тебя поближе к себе и убить, чтобы деморализовать нас.

Галад задумчиво кивнул:

— Возможно. — Он повернулся к подъехавшему лорду-капитану Гарнешу. — Если я погибну, принимай командование и веди людей в атаку. И никакой пощады никому — я отменяю свой приказ в отношении Айз Седай. Убивайте любого, кто, как покажется, будет направлять Силу. Это — первоочередная задача. Возможно, мы не понимаем, что здесь происходит.

— Ты все-таки пойдешь? — спросил Борнхальд.

— Да, — ответил Галад.

Борнхальд и Байар уговорили его выйти на эту битву, но теперь Галаду казалось, что он поторопился с выводами. Да, он видел эти глаза, слышал свидетельства Чад Света и бывших спутников Айбара, и атака представлялась ему самым верным решением.

Но Айбара был прав. По требованию Галада он явился на встречу с ним. Не исключено, что существует способ избежать кровопролития. Галаду не верилось в мирный исход, но, если есть хотя бы шанс, лучше не торопиться. Вот, собственно, и все. Добавить нечего.

У Борнхальда был недовольный вид. Понятное дело, он гневается на убийцу своего отца, но Детям Света не пристало руководствоваться гневом.

— Можешь поехать со мной, — сказал ему Галад, направляя коня вперед. — К тебе это тоже относится, чадо Байар. Лордам-капитанам стоит остаться здесь. Но им лучше не стоять вместе, а разойтись по разным отрядам, чтобы Айбара не выбил одним махом всех командующих.

Гарнеш отсалютовал. Борнхальд неохотно присоединился к Галаду, и Байар, в чьих глазах горел неистовый фанатизм, по силе сравнимый с гневом Борнхальда, последовал его примеру. Оба уже сталкивались с этим Перрином Айбара и потерпели унизительное поражение. За Галадом и его спутниками в качестве охраны двинулся отряд из пятидесяти Детей Света.

По прибытии их ждал простенький шатер с плоским верхом: четыре шеста, обтянутые буровато-серой парусиной. В шатре стоял квадратный столик, рядом с ним — два стула.

На одном сидел Айбара. Завидев Галада, он встал. Сегодня этот здоровяк вырядился в зеленую куртку и коричневые штаны — обе вещи простые, но ладно скроенные, — а с поясного ремня

свисал молот. Одежда производила впечатление человека приземленного и восприимчивого. Такого не встретишь во дворце, зато в поле или в лесу он чувствует себя как дома. Перед Галадом стоял дровосек, возвысившийся до лорда.

У дальней стены шатра расположились двое двуреченцев с мощными длинными луками в руках — в прошлом независимые фермеры и скотоводы старой закалки. И эти люди выбрали Перрина Айбара своим предводителем.

Галад вошел в шатер. Байар и Борнхальд последовали за ним, но полсотни всадников остались снаружи, по-прежнему в седлах.

Сегодня, в отличие от прошлой встречи, здесь присутствовали Айз Седай. Галад заметил троих: невысокую кайриэнку, стройную миловидную женщину в простом платье и коренастую даму, чьи многочисленные косички говорили о ее вероятном происхождении из Тарабона. Все три стояли рядом с группой айильских женщин: те были прикрыты шалями и находились под охраной горстки Дев Копья. Что ж, эти Айил и есть подтверждение, что Айбара послан сюда Драконом Возрожденным.

Небрежно опустив ладонь на навершие меча, Галад обвел взглядом остальных присутствую-

щих.

И буквально застыл на месте. Рядом с Айбара, за его стулом, стояла потрясающе красивая женщина. Нет, не красивая: великолепная! На грудь ее ниспадали блестящие черные волосы. Казалось, они излучают свет. На женщине было красное платье — достаточно тонкое, чтобы подчеркнуть формы, а его глубокий вырез являл взглядам пышную грудь.

И эти глаза… Такие темные, с очаровательными длинными ресницами. Галаду показалось, что он… утопает в этих манящих глазах. Почему же эта женщина не приехала на первую встречу?

— Похоже, ты удивлен, — заметил Айбара, усаживаясь. У него был хриплый неприветливый голос. — Леди Первенствующая находится здесь по приказу лорда Дракона. Как и я. Разве ты не заметил майенский флаг над моим войском?

— Я… — Захлопнув рот, Галад церемонно поклонился женщине.

Берелейн сур Пейндраг Пейерон? Многие говорили, что она исключительная красавица, но эти рассказы меркли перед реальным образом. Галад не без труда оторвал от нее взгляд и заставил себя сесть напротив Айбара. Пришло время сосредоточить внимание на противнике.

Как и в прошлый раз, эти золотистые глаза вызывали у него тревогу. Так странно в них смотреть! Да, этот человек не кто иной, как отродье Тени. Иного быть не может. Почему же столь многие следуют за этим существом? И почему его поддерживает эта невыносимо прекрасная женщина?

— Спасибо, что пришел, — сказал Айбара. — Предыдущая встреча закончилась, едва начавшись, но сегодня все пройдет как положено. Тебе следует знать, что рядом со мной находится Аллиандре Марита Кигарин, королева Гэалдана, благословенная Светом, защитница Гареновой Стены.

Значит, эта статная черноволосая женщина — нынешняя королева Гэалдана. Понятно, что ввиду последних волнений на трон претендовали полдюжины человек. Женщина была симпатичная, но рядом с Берелейн казалась серой мышью.

— А это, — кивнул на третью женщину Златоокий, — Фэйли ни Башир т'Айбара, моя жена и кузина королевы Салдэйи.

Жена Айбара с подозрением рассматривала Галада. Да, она салдэйка. Достаточно глянуть на этот нос. Борнхальд и Байар не знали о ее родстве с королевой.

Итак, в шатре два монарха, и обе правительницы поддерживают Айбара.

Галад встал со стула и отвесил еще один церемонный поклон — теперь в сторону Аллиандре:

— Ваше величество.

— Вы невероятно вежливы, лорд капитан-командор, — промолвила Берелейн, и ее голос прозвучал как музыка. — Поведайте, где вы научились столь элегантно кланяться?

— При дворе Андора, миледи. Меня зовут Галад Дамодред. Я пасынок почившей королевы Моргейз и единокровный брат Илэйн Траканд, законной королевы Андора.

— Ах вот как, — сказал Перрин. — Что ж, самое время узнать твое имя. Жаль, что ты не назвался в прошлый раз.

Внимательно глядя Галаду в глаза, Берелейн улыбнулась так, будто хотела шагнуть к нему. Однако она сдержалась.

— Галад Дамодред… Ну конечно. А я-то думаю, что за знакомое лицо… Как поживает ваша сестра?

— Надеюсь, у нее все хорошо, — ответил Галад. — Какое-то время мы с ней не виделись.

— Илэйн в полном порядке, — пробурчал Перрин. — Недавно — всего пару дней назад — мне

сообщили, что она закрепила свои права на трон. Не удивлюсь, если она уже собирается замуж за Ранда. Если сумеет выманить его из королевства, которое он сейчас завоевывает. Каким бы оно ни было, это королевство.

За спиной у Галада негромко зашипел Байар. Неужели Айбара намекнул на связь между Илэйн и Драконом Возрожденным, намереваясь оскорбить Галада? К сожалению, тот слишком хорошо знал сестру — особу импульсивную и впрямь проявлявшую неподобающий интерес к юному ал'Тору.

— Моя сестра может делать все, что ей заблагорассудится, — сказал Галад и сам удивился тому, с какой легкостью сдержал недовольство, направленное на Илэйн и Дракона Возрожденного. — Мы здесь, чтобы поговорить насчет тебя, Перрин Айбара. Тебя и твоей армии.

Айбара подался вперед и положил руки на стол:

— Мы оба знаем, что дело не в моей армии.

— А в чем же? — спросил Галад.

— В том, что два года назад я убил двоих Детей Света. — Айбара вперился в него своими невероятными глазами. — И теперь, стоит только отвернуться, как белоплащники норовят укусить

меня за пятки.

Нечасто убийца столь открыто признается в содеянном. Услышав за спиной шорох вытягиваемого из ножен меча, Галад поднял ладонь:

— Чадо Борнхальд! Напоминаю, держи себя в руках!

— Скольких ты убил? Двоих, отродье Тени? — выплюнул Борнхальд. — А как же мой отец?

— К его смерти, Борнхальд, я не имею никакого отношения, — сказал Айбара. — Джефрама убили шончан. К сожалению. Он, даром что белоплащник, показался мне разумным человеком. Хоть и собирался меня повесить.

— Повесить за убийства, в которых ты только что признался, — невозмутимо напомнил Галад, бросив взгляд на Борнхальда. Тот раскраснелся, но с силой вогнал клинок обратно в ножны.

— Это не были убийства, — сказал Айбара. — На меня напали, и я защищался.

— Я слышал иное, — возразил Галад. Что за игру затеял этот человек? — У меня есть показания, данные под присягой: ты прятался в расселине скалы, а когда тебя попросили выйти, ты выскочил, стал что-то выкрикивать и напал на людей, хотя никто тебя не провоцировал.

— О нет, провоцировали, — заявил Айбара. —

Еще как. Белоплащники убили моего друга.

— То есть подругу? — уточнил Галад. — Ту женщину, что была с тобой? Насколько мне известно, она осталась целой и невредимой и сбежала.

Он был потрясен, когда Борнхальд упомянул имя Эгвейн ал'Вир — еще одной женщины, предпочитавшей опасную компанию.

— Нет, друга, — ответил Перрин. — Его звали Прыгун. А затем убили его товарища. Они были волками.

Этот человек все сильнее оговаривал себя!

— Ты водишь дружбу с волками, хотя всем известно, что они создания Тени?

— Волки не имеют отношения к Тени, — сказал Айбара. — Они ненавидят отродий Тьмы не меньше любого из знакомых мне людей.

— И откуда ты знаешь об этом?

Айбара промолчал. Но ему было что сказать. По словам Байара, этот человек вроде как умел повелевать волками, да и сам бегал с ними, словно волк. Это свидетельство сыграло свою роль, когда Галад приходил к выводу, что единственным вариантом будет сражение. И видимо, Байар не преувеличивал.

Но пока что размышлять об этом не требовалось. Айбара признался в убийстве.

— Я не считаю, что гибель волков снимает с тебя бремя вины, — сказал Галад. — Многие охотники истребляют волков, которые нападают на стада и угрожают жизни людей. Дети Света не сделали ничего дурного. Следовательно, твое нападение расценивается как немотивированное убийство.

— Все гораздо сложнее, — произнес Айбара, — но вряд ли я сумею тебя убедить.

— Меня нельзя убедить в том, что не является правдой, — сказал Галад.

— И ты все равно не оставишь меня в покое, — добавил Айбара.

— Значит, мы зашли в тупик, — решил Галад. — Ты признался в преступлении, и я, как слуга правосудия, попросту обязан восстановить справедливость. Я не могу развернуться и уйти. Теперь понимаешь, почему я счел дальнейшие переговоры бесполезными?

— А если я захочу, чтобы меня судили? — спросил Перрин.

Носатая жена Златоокого положила руку ему на плечо. Тот накрыл ее своей ладонью, но не отвернулся от Галада.

— Если придешь к нам и примешь наказание за свои поступки… — начал Галад. Такие деяния караются смертной казнью. Конечно же, это су-

щество и не подумает сдаваться.

В глубине шатра слуги начали возиться с приготовлением чая. Чай. На переговорах о сражении. Очевидно, Айбара недоставало опыта в подобных вещах.

— Речь не о наказании, — резко ответил он. — О суде. Если меня признают невиновным, я пойду своей дорогой, а ты, лорд капитан-командор, велишь своим людям, чтобы перестали выслеживать меня, словно псы. Особенно Борнхальду и тому, второму, что стоит у тебя за спиной и рычит как щенок, впервые увидевший леопарда.

— А если тебя признают виновным?

— Там и поглядим.

— Не слушайте его, милорд капитан-командор! — воскликнул Байар. — Однажды он уже обещал сдаться, а потом нарушил слово!

— Ничего подобного! — парировал Айбара. — Это вы не выполнили свою часть сделки!

— Я…

— Это бессмысленно, — хлопнул ладонью по столу Галад. — Суда не будет.

— Почему? — осведомился Айбара. — Ты распинаешься о справедливости, но не хочешь предложить мне честный суд?

— А судить-то кто будет? — спросил Галад. —

Доверишь это мне?

— Конечно нет, — ответил Перрин. — Судьей может выступить Аллиандре. Она же королева.

— И твоя приятельница, — подхватил Галад. — Не хочу никого оскорбить, но боюсь, что она оправдает тебя, даже не выслушав свидетельских показаний. На эту роль не годится даже леди Первая: я, конечно, поверю ее слову, но мои люди — вряд ли.

О Свет, какая же она красавица! Галад бросил на женщину мимолетный взгляд. Перехватив его, Берелейн покраснела — едва заметно, но Галад был уверен, что не ошибся. И тоже почувствовал, что краснеет.

— В таком случае пусть меня судит Айз Седай, — предложил Айбара.

Галад с трудом отвлекся от созерцания Берелейн и смерил Айбара пресным взглядом:

— Думаешь, мои люди удовольствуются решением женщины из Белой Башни? В таком случае ты совсем не знаешь Детей Света, Перрин Айбара.

Глаза Айбара сделались жесткими. Да, он все понимал. Плохо дело. Суд стал бы удобным решением проблемы. К столу приблизилась служанка с двумя чашками, но в чае уже не было необходи-

мости. Вторая встреча подошла к концу.

— В таком случае ты прав, — угрюмо согласился Айбара. — Эти переговоры не имеют смысла.

— Нет. — Галад украдкой бросил еще один взгляд на Берелейн. — Для меня это не так.

Теперь он узнал кое-что новое о силе Перрина Айбара, и это поможет в битве. Кроме того, правильнее было ненадолго отложить схватку, дабы убедиться в ее необходимости. Дневного света, нужного для сражения, еще предостаточно.

Но… как же быть с этой женщиной, леди Первой? Он заставил себя отвести взгляд. Это оказалось непросто.

Галад встал, поклонился Аллиандре, затем Берелейн и сделал было шаг к выходу, но тут услышал негромкий возглас. Как ни странно, он исходил от служанки, принесшей чай.

Галад взглянул на нее.

Это была Моргейз.

Галад замер. От изумления он не мог шевельнуться. Наставники, у которых Галад перенимал мастерство владения мечом, научили его крепко держать эмоции в узде, но в тот момент вся эта великолепная подготовка пошла прахом. Перед ним и впрямь стояла его мачеха. Эти золотисто-рыжие волосы, что в детстве он так любил

накручивать на палец. Это лицо, красивое и сильное. Эти глаза… Это были ее глаза.

Привидение? Он слышал рассказы о том, как Темный демонстрирует свою злобу, возвращая мертвецов к жизни. Но все прочие в шатре не проявляли беспокойства, и женщина выглядела слишком уж реальной. Галад осторожно потянулся к призраку мачехи и коснулся ее щеки. Кожа оказалась теплой.

— Галад? — спросила женщина. — Что ты здесь делаешь? Как…

Не успела она договорить, как Галад стиснул ее в объятиях, и все вокруг — включая саму Моргейз — дернулись от неожиданности. Она выжила! Но как?

«Я убил Валду, — тут же подумал Галад. — Покарал его за смерть матери. А она жива. Выходит, я сотворил зло».

Нет. Валда заслуживал смерти за то, что он сделал с Моргейз. Но сделал ли? Да, некоторые Чада подтверждали это, но они также были уверены, что Моргейз мертва.

Ладно. С этим он разберется позже. Теперь же пора заканчивать. Хватит ставить себя в неловкое положение перед своими людьми. Галад выпустил мачеху из объятий, но она, ошеломлен-

ная, все еще держала его за руку. Галад нечасто видел ее в таком состоянии.

Перрин Айбара встал со стула и хмуро наблюдал за происходящим.

— Ты знаком с Майгдин?

— Майгдин? — переспросил Галад. На Моргейз было простое платье. Никаких украшений. Неужто она скрывалась, притворяясь служанкой? — Айбара, это Моргейз Траканд, протектор королевства, защитница народа и верховная опора дома Траканд. Она твоя королева!

В шатре стало тихо. Айбара задумчиво почесывал бороду. Его жена смотрела на Моргейз, широко раскрыв глаза — то ли от удивления, то ли от гнева.

— Это правда, Майгдин? — спросил Айбара.

Вздернув подбородок, Моргейз посмотрела ему в глаза. Ну как не увидеть в ней королеву?

— Да, я и в самом деле Моргейз Траканд, — сказала она. — Но отказалась от трона в пользу Илэйн. Клянусь Светом, никогда больше я не предъявлю прав на корону.

Галад кивнул. Все верно. Должно быть, она опасалась, что Айбара воспользуется ею против Андора.

— Я заберу тебя в лагерь, мать, — сказал он, не

спуская глаз с Айбара. — И ты расскажешь, как обращался с тобой этот человек.

— Это приказ, Галад? — твердо взглянула на него Моргейз. — Неужели у меня нет права голоса?

Он сдвинул брови, наклонился и прошептал:

— У него есть и другие заложники? Чем он удерживает вас?

Она покачала головой и тихо ответила ему:

— Этот человек — не тот, за кого ты принимаешь его, Галад. Он грубоват, и мне совсем не нравится, что он делает с Андором, но поверь, Тени он вовсе не друг. Я опасаюсь Перрина Айбара меньше, чем твоих… сторонников.

Да, у нее имелись причины не доверять Детям Света. Весомые причины.

— Прошу, пойдем со мной, миледи. Обещаю, ты сможешь уйти и вернуться в лагерь Айбара в любой момент. Какие бы страдания ни причинили тебе Дети Света, теперь ты в безопасности. Клянусь.

Моргейз кивнула ему.

— Дамодред, — сказал Айбара, — погоди минутку.

Галад развернулся и снова положил ладонь на эфес меча. Это была не угроза, а напоминание. В

шатре начали перешептываться.

— Да? — спросил Галад.

— Тебе нужен был судья, — сказал Айбара. — Не согласишься ли принять в этом качестве свою мать?

Тут и думать нечего. Ну конечно: Моргейз была королевой с восемнадцатых именин. Галад не раз видел, как она вела судебные заседания. И она была справедливой. Строгой, но справедливой.

Но примут ли ее решение другие Чада? Она прошла обучение у Айз Седай, и Дети Света видели в ней ведьму. Это проблема. Но и выход из положения. Возможно, Галад поможет своим людям разглядеть истину.

— Согласен, — ответил он. — И если поручусь за нее, мои люди поддержат меня.

— Что ж, — сказал Айбара, — я тоже согласен.

Оба повернулись к Моргейз. Несмотря на простое желтое платье, выглядела она по-королевски.

— Перрин, — произнесла Моргейз, — я буду судить тебя по всей строгости. Ты принял меня, когда мы нуждались в крове, и я благодарна тебе за это. Но если я решу, что ты совершил убийство, ничто не повлияет на мой приговор.

— Вот и славно, — ответил Айбара. Похоже, он

не кривил душой.

— Милорд капитан-командор, — жарко зашептал Галаду в ухо Байар, — боюсь, это будет фарс! Он не сказал, что примет наказание.

— Нет, не сказал, — произнес Айбара. Как же он услышал этот шепот? — Потому что это бессмысленно. Ты считаешь меня убийцей и приспешником Темного. Если бы я согласился понести наказание, то моим словам ты поверил бы только в том случае, когда бы держал меня у себя под стражей. А этого я не допущу.

— Вот видите? — спросил Байар уже громче. — Ну и какой в этом смысл?

Галад снова заглянул в золотистые глаза Перрина Айбара и уверенно заявил:

— Мы проведем суд. И получим законное обоснование. Я начинаю кое-что понимать, чадо Байар. Обвинения должно подкрепить нашими доказательствами. Иначе мы ничем не лучше Асунавы.

— Но суд не будет честным!

— Ты сомневаешься в беспристрастии моей матери? — повернулся Галад к рослому сухопарому воину.

Тот замер, помолчал, потом помотал головой:

— Нет, милорд капитан-командор.

Галад снова взглянул на Айбара:

— Прошу королеву Аллиандре признать законность этого суда в ее землях.

— Если того желает лорд Айбара, — с неохотой произнесла Аллиандре.

— Желаю, — подтвердил Перрин, — но только в том случае, если Дамодред согласен освободить всех пленников. Оставь припасы себе, но отпусти моих людей. Как и обещал.

— Договорились, — сказал Галад. — Отпущу, как только начнется суд. Даю слово. Когда встретимся?

— Дай мне несколько дней на подготовку.

— Значит, через три дня, — заключил Галад. — Суд состоится в этом шатре, на этом самом месте.

— Я буду здесь, — сказал Айбара. — Приводи своих свидетелей.

Глава 27
Голосование

Эгвейн, сидя у себя в кабинете, прочла в письме:

Я вовсе не против сомнений в правоте лорда Дракона. Действительно, чем больше неограниченная власть одного человека, тем уместнее поднять вопрос о правильности его решений. Однако знайте, что я не из тех, кто поступается лояльностью, и я уже присягнул Дракону на верность. И вовсе не потому, что он предоставил мне трон, а в знак признательности за его действия на благо Тира.

Да, с каждым днем он становится все более эксцентричным и непредсказуемым, но чего еще ожидать от Дракона Возрожденного? Он уничтожит существующий миропорядок. Мы знали об этом, принося ему клятву верности – так же, как матрос иной раз предан капитану, направляющему корабль прямиком на прибрежное мелководье. Когда позади поднимается шторм, куда кораблю нет пути, то выброситься на берег будет единственно верным решением.

Тем не менее ваши слова вызвали у меня глубокую озабоченность. Разрушение печатей – не тот шаг, на который можно пойти без всестороннего обсуждения. Лорд Дракон поручил собрать для него армию, что я и сделал. Если вы, как обещали, предоставите переходные врата, я приведу некоторую часть войск, а также верных нам благородных лордов и леди, на место встречи. Но имейте в виду, что меня тяжко гнетет присутствие шончан на западных подступах к Тиру. Поэтому основные мои силы останутся в королевстве.

Благородный лорд Дарлин Сиснера, король Тирапод властью Дракона Возрожденного Ранда ал'Тора

Эгвейн задумчиво постучала пальцем по документу. Она была под впечатлением: вместо того чтобы прислать гонца, заучившего послание наизусть, Дарлин доверился бумаге. Попади посланец не в те руки, его слова всегда можно опровергнуть. Обвинить человека в измене на основании свидетельств единственного гонца весьма непросто.

Но вот слова, начертанные на бумаге… Смелый шаг. Прислав это письмо, Дарлин сообщал: «Я отвечаю за свои слова и не скрываю их от лорда Дракона».

Хотя… Оставить основные силы в Тире? Так не пойдет. Эгвейн опустила кончик пера в чернильницу.

Король Дарлин!

Ваша забота о королевстве достойна всяческой похвалы, равно как и ваша верность человеку, которому вы служите.

Знаю, что шончан представляют опасность для Тира, но не следует забывать, что в эти тяжелейшие из дней главную тревогу у нас вызывают не шончан, а Темный. Допускаю, что вы, находясь вдали от передовой, не задумываетесь об угрозе, исходящей от троллоков, но каково придется Тиру, когда падут Андор и Кайриэн, ограждающие вас от них? Хочу напомнить, что от шончан ваши земли отделяют сотни миль.

Эгвейн помедлила. Шончан отделяли от Тар Валона сотни миль, но они едва его не уничтожили. Опасения Дарлина вполне обоснованы. Он

проявляет себя достойным правителем, помня об угрозе со стороны шончан. Но на Поле Меррилор не обойтись без его армии. Что, если предложить ему помощь в ситуации с Рандом, не рискуя при этом безопасностью Тира?

> *Иллиан еще держится,* – написала она, – *являя собой буферную зону между шончан и вашим королевством. Со своей стороны даю обещание: если шончан выступят против Тира, я предоставлю вам переходные врата и вы немедленно вернетесь к себе в королевство и сумеете защитить свой народ.*

Эгвейн задумалась. Велика вероятность, что шончан уже овладели Перемещением, и не важно, близко они или далеко: захватчики представляют опасность для всех и каждого. Если они решат нанести удар по Тиру, переходные врата, конечно, помогут Дарлину… Но не особо.

Ее охватила дрожь, стоило только вспомнить дни, проведенные в плену у шончан, которые обратили ее в дамани. Эгвейн ненавидела шончан так люто, что временами эта ненависть вызывала у нее нешуточное беспокойство. Но поддержка со стороны Дарлина жизненно важна для реали-

зации ее планов. Эгвейн решительно стиснула зубы и вернулась к письму.

> *Необходимо, чтобы Дракон Возрожденный увидел, что мы всецело противимся его опрометчивым намерениям. Если он сочтет оппозицию несущественной, нам не удастся его разубедить. Поэтому прошу явиться на Поле Меррилор со всеми вашими войсками.*

Она присыпала послание мелким песком, стряхнула песчинки, потом сложила письмо и запечатала. Илэйн и Дарлину, монархам самых могущественных королевств, в ее замысле отводилась архиважная роль.

Теперь предстояло ответить на письмо Грегорина ден Лушеноса Иллианского. Эгвейн намекала ему, что Маттин Стефанеос находится в Белой Башне, но не говорила об этом напрямую. Она уже беседовала с самим Маттином и дала ему знать, что при желании он волен покинуть Тар Валон. Эгвейн не хотелось, чтобы удержание монархов против воли вошло у нее в привычку.

К несчастью, Маттин не желал возвращаться, поскольку опасался за свою жизнь. Слишком давно его не было в стране, и он считал, что Дракон

Возрожденный уже прикарманил Иллиан. Не исключено, что так оно и было. Куда ни глянь, всюду хаос.

Так, по одной проблеме зараз. Грегорин — иллианский наместник — отнюдь не торопился поддержать Эгвейн. Похоже, он боялся Дракона Возрожденного еще сильнее, чем король Дарлин; к тому же шончан, практически стучавшие в городские ворота, представляли для него прямую и явную угрозу.

Эгвейн написала Грегорину недвусмысленное письмо с тем же обещанием, что дала Дарлину. Наверное, она сумеет устроить так, чтобы Маттин остался в Белой Башне — чего, вероятно, хотят и тот и другой, хотя наместнику об этом знать не обязательно, — а взамен Грегорин приведет свои войска на север.

Где-то в душе Эгвейн понимала, что использует воззвание Ранда в качестве сигнального костра, призванного объединить монархов вокруг Белой Башни и привязать их к себе, дабы те поддержали доводы Амерлин против разрушения печатей. Но в итоге все эти правители послужат человечеству в Последней битве.

Раздался стук в дверь. Эгвейн подняла взгляд. В кабинет заглянула Сильвиана. В руке она держа-

ла письмо, свернутое в тугую трубочку: по всей очевидности, его доставил голубь.

— Зловещее у тебя лицо, — заметила Эгвейн.

— Началось вторжение, — сказала Сильвиана. — Одна за другой умолкли дозорные башни на границе с Запустением. Под кипучим черным небом надвигаются волны троллоков. В Кандоре, Арафеле и Салдэйе уже идет война.

— И как они, держатся? — Эгвейн охватил острый приступ страха.

— Да, — ответила Сильвиана. — Новости, однако, приходят обрывочные и неоднозначные. В этом письме — я получила его от глаз-и-ушей, которым доверяю, — сообщается, что такого масштабного нападения не видали со времен Троллоковых войн.

Эгвейн тяжело вздохнула:

— Что насчет Тарвинова ущелья?

— Не знаю.

— Так выясни. И вызови Суан. Не исключаю, что ей известно больше, чем нам. У Голубой Айя самая обширная сеть глаз-и-ушей.

Разумеется, всего Суан знать не будет, но какие-то сведения у нее наверняка имеются.

Сильвиана коротко кивнула, воздержавшись от очевидного замечания: эта сеть принадлежала

Голубой Айя, и Амерлин не имела на нее прав. Что ж, когда не за горами Последняя битва, всем приходится идти на некоторые уступки.

Хранительница летописей аккуратно прикрыла дверь, а Эгвейн снова взялась за перо, намереваясь закончить послание, адресованное Грегорину. Но ей снова помешал стук, и на сей раз куда более нервный. Секундой позже дверь распахнулась и в кабинет ворвалась Сильвиана:

— У них собрание, мать. Все, как ты говорила!

Эгвейн почувствовала внезапную вспышку досады, однако со спокойным видом отложила перо и встала из-за стола:

— В таком случае пойдем.

Она решительным шагом вышла из кабинета. В приемной, где работала хранительница летописей, обнаружились две принятые — Николь, которую возвысили совсем недавно, и Нисса. Эгвейн хотела бы вручить обеим шаль до начала Последней битвы. Несмотря на молодость, эти женщины были сильны, и скоро понадобятся все сестры — даже те, кто, подобно Николь, в прошлом придерживался самых дичайших взглядов.

Эти двое принесли новости о Совете: послушницы и принятые входили в число самых преданных

сторонниц Эгвейн, хотя иные сестры зачастую не обращали на них внимания. Теперь же они остались в приемной, а Эгвейн и Сильвиана поспешили к залу Совета.

— Поверить не могу, что они пошли на такое, — шепнула по пути Сильвиана.

— Все не так плохо, — предположила Эгвейн. — Они не станут пытаться свергнуть меня. Слишком свежа память о расколе.

— Тогда почему тебя не пригласили на собрание?

— Существуют способы противодействовать Амерлин, не свергая ее с престола.

С недавних пор Эгвейн ожидала чего-то подобного, но все равно огорчилась. Айз Седай, к несчастью, всегда останутся Айз Седай. Рано или поздно кто-нибудь рискнет вырвать у нее власть. Это лишь вопрос времени.

Они подошли к залу Совета. Эгвейн толкнула двери и вошла внутрь. Айз Седай отреагировали на ее появление невозмутимыми взглядами. Здесь оставались свободные кресла, но две трети мест были заняты. Эгвейн с удивлением заметила трех Красных сестер. А как же Певара и Джавиндра? Как видно, их продолжительное отсутствие подтолкнуло Красных к действиям: этих двоих

заменили Рэйхин и Вирия Коннорал — единственные родные сестры, оставшиеся в Белой Башне после смерти Вандене и Аделис. Странный выбор. Хотя не сказать, что неожиданный.

Здесь присутствовали и Романда с Лилейн. Обе спокойно выдержали взгляд Эгвейн. Странно было видеть их среди столь многих сестер, с которыми эти двое были на ножах, но общий недруг — Эгвейн — способен свести на нет самые непримиримые разногласия. Пожалуй, этому стоило бы порадоваться.

Из Голубых в зале была одна Лилейн, и еще здесь обнаружилась единственная Коричневая сестра — Такима, казавшаяся сегодня какой-то больной. Эта сестра с кожей цвета ценной поделочной кости избегала встречаться взглядом с Эгвейн. Тут присутствовали две Белые сестры, две Желтые — включая Романду, — две Серые и все три Зеленые. Увидев их, Эгвейн лишь скрипнула зубами: больше всего неприятностей причиняла ей Айя, к которой она сама готова была бы присоединиться!

Эгвейн не стала выговаривать сестрам за то, что они собрались без нее; она лишь прошла мимо них — после того как Сильвиана оповестила о ее приходе, — развернулась и села на Престол

Амерлин, спиной к огромному Розовому окну, не произнеся при этом ни слова.

— Ну? — промолвила наконец Романда. С собранными в пучок седыми волосами она напоминала мать-волчицу, сидящую на козырьке скалы над логовом. — Что-нибудь скажешь, мать?

— Меня не известили об этой встрече, — ответила Эгвейн. — Предполагаю, что мое мнение никому не интересно. Я пришла лишь посмотреть.

После этой фразы всем стало еще неуютнее. Нацепив одну из самых недовольных своих гримас, Сильвиана подошла к трону и встала сбоку от Эгвейн.

— Тогда ладно, — сказала Рубинде. — Полагаю, настало время выслушать Саройю.

Тяжеловесная Белая сестра была одной из восседающих, покинувших Башню, когда возвысили Элайду, но доставила немало хлопот и в Салидаре. Увидев ее здесь, Эгвейн ничуть не удивилась. Демонстративно отвернувшись от Амерлин, Саройя встала:

— Добавлю к сказанному свои доводы. Слова Романды соответствуют истине, и в дни… неопределенности в Башне, — (то есть во времена раскола, но сестры избегали говорить о нем

напрямую), — Амерлин поступила именно так. Все мы с удивлением встретили ее заявление о войне. В законе имеются положения, дающие Амерлин почти неограниченную власть в случае официального объявления войны. Позволив втянуть себя в войну с Элайдой, мы наделили Амерлин средством подчинить Совет своей воле. — Она обвела глазами зал, но на Эгвейн при этом не взглянула. — Вот мое мнение: Амерлин снова попробует провернуть нечто подобное, и это следует предотвратить, поскольку Совет играет роль противовеса власти Амерлин.

Она опустилась в кресло.

Услышав эти слова, Эгвейн едва не вздохнула с облегчением. Никогда не знаешь, что за интриги плетутся в Белой Башне, но это собрание означало, что все идет в соответствии с планами Амерлин, а ее враги — точнее, вынужденные, но неуступчивые союзники — не понимают, что происходит на самом деле. Они просто заняты тем, что реагируют на поступки Эгвейн, совершенные несколько месяцев назад.

Значит ли это, что сестры не опасны? Нет. Но предупрежден — значит вооружен.

— И что мы можем сделать? — спросила Магла и бросила взгляд на Эгвейн. — Я имею в виду, из

осторожности? Чтобы не допустить ограничения полномочий Совета Башни?

— Войну объявлять нельзя, — твердо сказала Лилейн.

— Но избежать этого тоже не получится, — заметила Варилин. — Выходит, война объявлена между двумя группировками Белой Башни, но не против Тени?

— Война против Тени, — нерешительно вступила Такима, — провозглашена и ведется уже давно. Нужно ли официальное воззвание? Разве не достаточно самого нашего существования, существования Белой Башни? Неужели клятвы не в должной мере подтверждают нашу позицию?

— Но нам необходимо вынести какой-то вердикт, — возразила Романда. Как самая старшая по возрасту из присутствующих, она возглавляла собрание. — Чтобы довести до всеобщего сведения мнение Совета и отговорить Амерлин от опрометчивого призыва к войне.

Казалось, происходившее в зале нисколько ее не смущало. Романда смотрела прямо на Эгвейн. Нет, не скоро они с Лилейн простят ее за выбор Красной сестры на пост хранительницы летописей.

— Но как передать это послание? — спроси-

ла Андайя. — То есть что мы должны сделать? Провозгласить от имени Совета, что объявления войны не будет? Не глупо ли это звучит?

Женщины умолкли, а Эгвейн обнаружила, что кивает, хоть и не потому, что была согласна с услышанным. Ее возвысили при самых необычных обстоятельствах. Если оставить Совет без присмотра, восседающие захотят поставить свою власть выше власти Амерлин, и сегодняшний день вполне может оказаться шагом в этом направлении. Сила Престола Амерлин ра́знилась от века к веку: одни сосредоточивали в руках почти неограниченное могущество, а других контролировали восседающие.

— Полагаю, Совет действует мудро, с позиции здравого смысла, — сказала Эгвейн, тщательно выбирая слова.

Восседающие повернулись к ней: некоторые с облегчением, но те, кто знал Эгвейн лучше остальных, смотрели на девушку с подозрением. Что ж, неплохо. Пусть в ней видят угрозу, а не девочку, которую легко запугать. Эгвейн надеялась, что рано или поздно добьется уважения в качестве их главы, но нельзя достичь очень многого за такое ограниченное время.

— Война между фракциями Башни имела свои

особенности, — продолжила она. — В первую очередь она была моей личной схваткой, войной Амерлин, поскольку камнем преткновения был Престол Амерлин. Но война с Тенью куда серьезнее, это нечто большее, чем отдельный человек. Больше, чем я, вы или Белая Башня. Это война всего живого, всего мироздания. Она касается всех — от последних нищих до могущественнейших монархов.

Восседающие молча обдумывали ее слова. Первой отозвалась Романда:

— Иначе говоря, ты не станешь возражать, если Совет возьмет на себя ведение войны и руководство армиями генерала Брина наряду с гвардейцами Башни?

— Это зависит от буквы закона, — ответила Эгвейн.

По коридору кто-то пробежал. В зал Совета ворвалась Саэрин в сопровождении Джании Френде. Обе пронзили Такиму испепеляющим взглядом, и та съежилась, будто испуганная птичка. Саэрин и других сторонниц Эгвейн известили об этом собрании сразу после того, как о нем узнала Амерлин.

Романда прочистила горло:

— Пожалуй, надо внимательнее ознакомиться

с Законом войны.

— Не сомневаюсь, ты уже изучила его вдоль и поперек, — сказала Эгвейн. — И что предлагаешь?

— В нем есть положение на случай, если Совет берет на себя ведение войны, — ответила Романда.

— И оно требует одобрения Амерлин, — отсутствующим тоном добавила Эгвейн.

Если Романда затеяла такую игру, каким образом она собиралась заручиться разрешением Эгвейн, не пригласив ее на эту встречу? Видать, у нее был другой план.

— Да, это положение требует одобрения Амерлин, — подтвердила Рэйхин, высокая темноволосая женщина, предпочитавшая укладывать витки заплетенных кос на макушке. — Но ты сама сказала, что мы, прибегая к подобным мерам, действуем с позиции здравого смысла.

— Знаешь, — Эгвейн старалась говорить так, будто ее загнали в угол, — согласиться с Советом — это одно, а принять условие, которое лишает меня возможности повседневно руководить армией, — совсем другое. Зачем еще нужен Престол Амерлин, если не для ведения войны?

— Судя по сообщениям, ты посвятила себя

препирательствам с королями и королевами, — заметила Лилейн. — Пожалуй, для Амерлин это самое подходящее занятие.

— Значит, ты поддержишь такое решение? — спросила Эгвейн. — Совет занимается армией, а мне дают полномочия вести дела с монархами мира?

— Я… — задумалась Лилейн. — Да. Поддержу.

— Пожалуй, я согласилась бы, — сказала Эгвейн.

— Проголосуем? — немедленно, чтобы не упустить момент, предложила Романда.

— Почему бы и нет, — кивнула Эгвейн. — Кто за? Вставайте!

Рубинде поднялась на ноги. К ней присоединились остальные Зеленые: Фэйзелле и Фарнах. Тут же вскочили Рэйхин и ее сестра, хотя Барасин, прищурившись, разглядывала Эгвейн. Следом встала Магла. Романда неохотно последовала ее примеру. Медленно поднялась Феране. За ней — Лилейн. Они с Романдой переглянулись, и эти взгляды были острее кинжалов.

Итого девять. Сердце Эгвейн забилось чаще, и она бросила взгляд на Такиму. По виду та была чрезвычайно взволнована, будто старалась понять, что у Эгвейн на уме. То же самое относилось

к Саройе: расчетливая Белая изучающе смотрела на Эгвейн и теребила мочку уха. Вдруг она широко раскрыла глаза и хотела было что-то сказать, но тут в зал вошли Дозин и Юкири.

Саэрин немедленно встала. Стройная Дозин обвела женщин взглядом:

— По какому вопросу голосование?

— По важному, — ответила Саэрин.

— Что ж… В таком случае я тоже поучаствую.

— И я, — добавила Юкири.

— Как вижу, малого согласия мы уже достигли, — заявила Саэрин. — Совет получает власть над армией Белой Башни, в то время как Амерлин уполномочивается и берет на себя обязательства вести дела с монархами мира.

— Нет! — вскочила на ноги Саройя. — Вы что, не понимаете? Ведь он — тоже король! Он коронован Лавровой короной! Вы только что наделили Амерлин единоличным правом вести дела с Драконом Возрожденным!

В зале воцарилась тишина.

— Ну… — начала Романда, — неужели она… — И тут же осеклась, взглянув на безмятежное лицо Эгвейн.

— Полагаю, кто-то захотел бы потребовать большого согласия, — холодно произнесла Саэ-

рин. — Но вы уже умудрились повеситься и на короткой веревке, причем весьма эффективно.

Эгвейн встала:

— Говоря о мудром выборе Совета, я не шутила. И никто ни на чем не повесился. Поручить мне общение с Драконом Возрожденным — действительно разумный ход со стороны Совета. Ал'Тору нужна твердая, но знакомая рука. К тому же вы справедливо подметили, что управление армией отнимает у меня слишком много времени. Выберите одну из вас, и пусть она просматривает и одобряет запросы генерала Брина о поставках и его планы набора рекрутов. Спешу заверить, их множество. Приятно знать, что вы увидели необходимость помочь Амерлин, хотя я глубоко недовольна негласностью этого собрания. Даже не думай отрицать, Романда, что его устраивали втайне. Вижу, ты готовишься возразить. Если хочешь что-то сказать, знай, что с помощью Трех Клятв я загоню тебя в угол и выведу на чистую воду.

Желтая сестра проглотила невысказанное замечание.

— Как до вас не доходит, что такие поступки попросту глупы? — спросила Эгвейн. — Неужто у вас короткая память? — Она посмотрела на

каждую из восседающих по очереди, с удовлетворением отметив, что почти все вздрогнули под ее взглядом, и продолжила: — Настало время перемен. Предлагаю впредь не проводить подобных собраний. Предлагаю дополнить закон Башни: если восседающая отбывает из Белой Башни, то ее Айя назначает на время ее отсутствия замену — для участия в голосовании. Предлагаю внести в закон Башни следующее: Совет не может быть созван, если на нем не будут присутствовать все восседающие или замещающие их сестры, — а если явка невозможна, об этом следует сообщить заранее. Предлагаю, чтобы Амерлин непременно оповещали о любом собрании Совета, причем заблаговременно, дабы при желании она могла присоединиться к восседающим — за исключением тех случаев, когда Амерлин невозможно отыскать или она больна либо по иной причине не в состоянии присутствовать на Совете.

— Это серьезные перемены, мать, — сказала Саэрин. — Ты предлагаешь изменить многовековые традиции…

— …Которыми до нынешнего дня злоупотребляли для предательства, злословия и разжигания вражды, — подхватила Эгвейн. — Пора закрыть эту лазейку, Саэрин. В последний раз ею ловко

воспользовалась Черная Айя, манипулируя нами и принудив нас свергнуть Амерлин, поставить на ее место откровенную дуру и расколоть Башню. Известно ли тебе, что Кандор, Салдэйя и Арафел кишат исчадиями Тени?

Несколько сестер ахнули. Другие закивали. Лилейн в их числе. Выходит, сеть Голубой Айя остается надежной. Это хорошо.

— Последняя битва уже началась, — продолжила Эгвейн, — и я не стану снимать свое предложение. Так что пора голосовать — или ославиться на все времена как те, кто не пожелал этого сделать. Теперь, когда настали сумерки нашей эпохи, неужели вы не встанете открыто на сторону Света? Неужели — ради всех нас — не сделаете так, чтобы Совет нельзя было созвать без вашего присутствия? Отвернитесь от кого-то, и рано или поздно отвернутся от вас самих!

Женщины молчали. Те, кто стоял, одна за другой, уселись, чтобы быть готовыми к новому голосованию.

— Кто встанет в поддержку моих предложений? — спросила Эгвейн.

Они встали. Хвала Свету, они встали — по одной, медленно и неохотно, но все же встали, все до единой.

Эгвейн с облегчением выдохнула: пусть пререкаются и строят козни, но эти женщины умеют отличить истину ото лжи. У них общие цели, пусть и разные взгляды на средства их достижения. Отсюда и разногласия. Хотя иной раз вспомнить об этом не так-то просто.

Так закончилось собрание, и восседающие начали расходиться. Казалось, они потрясены произошедшим. У дверей зала собирались удивленные сестры, не знавшие о заседании Совета. Эгвейн кивнула Саэрин и другим своим сторонницам, после чего вышла в коридор. Сильвиана последовала за ней.

— Это победа, — удовлетворенно произнесла хранительница летописей, когда они остались наедине. — Пусть ты и отказалась от права распоряжаться армией.

— Пришлось, — сказала Эгвейн. — Меня могли лишить этого права в любой момент. А так я получила кое-что взамен.

— Полномочия на переговоры с Драконом Возрожденным?

— Да, — ответила Эгвейн, — но в первую очередь я закрыла лазейку в законе Башни. Пока у Совета была возможность собираться в относительной секретности, моя власть — и власть

любой Амерлин — находилась под угрозой. Отныне восседающим придется плести интриги у меня на виду.

Впервые за долгое время Сильвиана улыбнулась:

— Поскольку сегодняшнее собрание — не что иное, как интрига, мать, осмелюсь предположить, что в будущем они дважды подумают, прежде чем решиться на нечто подобное.

— В том-то и смысл, — подтвердила Эгвейн. — Хотя сомневаюсь, что Айз Седай когда-нибудь откажутся от подковерных игр. Просто нельзя допустить, чтобы они затевали игры с Последней битвой и Драконом Возрожденным.

В приемной все еще ждали Николь и Нисса.

— Умницы, — похвалила их Эгвейн. — Вы прекрасно справились, и я подумываю дать вам новое, еще более ответственное задание. Ступайте на площадку для Перемещения и отправляйтесь в Кэймлин. Королева будет ждать вас. Возьмите все, что она передаст, и возвращайтесь.

— Да, мать, — улыбнулась Николь. — Что мы должны забрать?

— Тер'ангриалы, — ответила Эгвейн. — Для путешествия в Мир снов. Я научу вас — и некоторых других — пользоваться ими. Однако запрещаю

использовать эти предметы без моего особого разрешения. С вами я пошлю нескольких гвардейцев.

Этого будет достаточно, чтобы Николь и Нисса удержались от соблазна.

Обе принятые присели в реверансе и немедленно удалились, изводясь от любопытства. Сильвиана взглянула на Эгвейн:

— Ты не взяла с них клятву о молчании. Они принятые, а потому непременно разболтают всем о занятиях с тер'ангриалами.

— На это и надеюсь, — отозвалась Эгвейн, подходя к двери кабинета.

Сильвиана приподняла бровь.

— Девочки не пострадают, — объяснила Эгвейн. — Такого я не допущу. Наверное, они решили, что в Тел'аран'риоде им дадут полную свободу, но этому не бывать. До сей поры Росил была снисходительна ко мне, но не допустит, чтобы принятые подвергались опасности. Мне надо лишь распустить соответствующие слухи.

— Что за слухи?

— Гавин спугнул убийцу, — сказала Эгвейн. — За последние несколько дней никто не погиб, и мы должны быть благодарны ему за это. Но убийца по-прежнему скрывается среди нас, и

в Тел'аран'риоде я заметила Черных сестер. Они следят за мной. Если не могу поймать их здесь, изловлю в Мире снов. Но сперва надо устроить так, чтобы они решили, что знают, где нас искать.

— Если только они найдут тебя, а не этих девочек, — невозмутимо, однако непреклонно произнесла Сильвиана. В прошлом она была наставницей послушниц.

Эгвейн поморщилась, вспомнив о том, что ожидалось от нее в роли принятой. Да, Сильвиана права. Нельзя подвергать Николь и Ниссу такой опасности. Да, Эгвейн выжила и стала сильнее, но принятым не следует проходить через подобные испытания. Разве что у них не будет выбора.

— Об этом я позабочусь, — сказала она. — Мне надо лишь, чтобы пошла молва, что в скором времени состоится чрезвычайно важная встреча. Если создать нужный фон, наш призрак не устоит перед искушением узнать, о чем речь.

— Смело…

— Необходимо, — поправила Сильвиану Эгвейн и задержалась у двери. — Раз уж речь зашла о Гавине… Ты не выяснила, куда он сбежал? В каком районе города он скрывается?

— Буквально сегодня утром появились новости по этому вопросу, мать. Похоже… В общем, Гави-

на нет в городе. Одна из сестер, что доставляет твои сообщения королеве Андора, видела его в Кэймлине.

Эгвейн со стоном закрыла глаза. «Этот мужчина меня в могилу сведет!»

— Передай, чтобы он вернулся. Да, Гавин ведет себя возмутительно, но в ближайшее время без него не обойтись.

— Хорошо, мать, — кивнула Сильвиана и взяла листок бумаги.

Эгвейн ушла в кабинет, где продолжила составлять письма. Времени было немного. Вернее сказать, его почти не осталось.

Глава 28
Странности

— Какой у тебя план, муж мой? — спросила Фэйли.

Они уже вернулись к себе в палатку. Поведение Перрина во время переговоров с белоплащниками изрядно удивило Фэйли, воодушевило и в то же время встревожило.

— Ветер пахнет как-то странно. — Перрин снял куртку. — Не припомню такого запаха. — Он помолчал и взглянул на жену. — Здесь нет волков.

— Нет волков?

— Не чую их поблизости, — пояснил Перрин, глядя куда-то вдаль. — Раньше они тут были, а теперь нет.

— Ты же сам говорил, что волки предпочитают держаться подальше от людей.

— И еще сегодня почти не было птиц. — Перрин стянул рубашку, обнажив мускулистую грудь, поросшую курчавыми каштановыми волосами. — И зверушек в кустах. А небо… Сожги его Свет! Может, причина в этих тучах? Или в чем-то еще? — Он со вздохом сел на койку.

— Ты хочешь отправиться… туда? — спросила Фэйли.

— Что-то не так, — сказал Перрин. — Надеюсь, ответы найдутся в волчьем сне. Чем больше я выясню до суда, тем лучше.

Ах да. Суд.

— Перрин, мне все это не нравится.

— Сердишься на Майгдин?

— Ну конечно я сержусь на Майгдин! — воскликнула Фэйли.

Они вместе прошли через Малден, а эта женщина так и не призналась, что она — королева треклятого Андора! И теперь Фэйли оказалась в довольно глупой ситуации — как деревенский дурачок, что бахвалится искусством фехтования перед заезжим мастером меча.

— Она не знала, можно ли нам доверять, — сказал Перрин. — Получается, что она сбежала от Отрекшегося. На ее месте я тоже держал бы рот на замке.

Фэйли прожгла его свирепым взглядом.

— Ну что ты так смотришь? Майгдин вовсе не хотела выставить тебя в дурном свете, Фэйли. У нее имелись свои причины. Просто смирись.

После этих слов ей стало легче. Приятно, что Перрин научился стоять за себя.

— Теперь мне любопытно, кем окажется Лини. Какой-нибудь шончанской королевой? А мастер Гилл? Пустившимся в бега королем Арад Домана?

— Полагаю, они служат Майгдин, — улыбнулся Перрин. — По крайней мере, Гилл — точно тот, кем себя называет. Балвера, наверное, удар хватил: как же так, почему он не догадался?

— Готова об заклад биться, что он обо всем догадался, — сказала Фэйли, опустившись на колени рядом с ним. — Перрин, насчет суда… Я серьезно. Он меня тревожит.

— Я им не дамся, — сказал Перрин. — Сказал лишь, что приду и позволю белоплащникам представить доказательства.

— Тогда какой в нем смысл, в этом суде? — спросила Фэйли.

— Я выиграл время на размышления. И мне не пришлось убивать Детей Света. Их капитан, этот Дамодред… От него пахнет лучше, чем от

большинства остальных. Не лютым гневом или ненавистью. Мы вернем своих людей, и я смогу ответить на обвинения. Хорошо, когда человеку дают возможность высказаться. Наверное, в этом я и нуждался все последнее время.

— Ну ладно, — согласилась Фэйли. — Но впредь будь так добр, посвящай меня в свои планы.

— Хорошо. — Он зевнул и улегся на спину. — По правде сказать, до недавних пор это не приходило мне в голову.

Фэйли не без труда, но сумела прикусить язык. По крайней мере, переговоры принесли хоть какую-то пользу. Фэйли видела, как Берелейн смотрела на Дамодреда. Нечасто в ее глазах светился столь яркий огонек. Быть может, получится обернуть это к своей выгоде.

Когда Фэйли опустила глаза, Перрин уже похрапывал.

* * *

Как оказалось, Перрин прислонился к чему-то гладкому и твердому. Над лесом, где росли ели, дубы и болотные мирты, бурлило чересчур темное, недоброе и даже почти зловещее небо волчьего сна.

Он встал, обернулся и увидел, что сидел спиной

к массивной стальной башне, вздымавшейся к беспокойному небу. Совершенно прямая, без единого шва, словно цельный кусок металла, башня имела самый неестественный вид.

Я же говорил, что это дурное место. — Рядом очутился Прыгун. — *Глупый щенок.*

— Я пришел сюда не по желанию, — возразил Перрин. — Я здесь проснулся.

Чей-то разум сосредоточен на этой башне, — сообщил Прыгун. — *Или твой, или связанного с тобой человека.*

— Мэт, — произнес Перрин, не понимая, как догадался. Цветовая круговерть не появилась. Она никогда не возникала в волчьем сне.

Такой же глупый щенок вроде тебя?

— Может, и поглупее.

От Прыгуна пахнуло недоверием, будто он не желал признавать, что существуют люди глупее Перрина.

Пойдем, — позвал волк. — *Она вернулась.*

— Она? О ком…

Прыгун исчез. Перрин нахмурился и последовал за ним. Теперь он знал, как уловить аромат места, куда отправился волк. Оба оказались на Джеханнахской дороге — и вот она, та странная стена из фиолетового стекла, рассекающая

тракт пополам, уходящая ввысь до самого неба и в стороны до горизонта. Перрин приблизился к дереву. Голые ветви не шевелились. Казалось, они намертво застряли в стекле.

Такое мы уже видели, — подошел к нему Прыгун. — *Очень-очень давно, много жизней тому назад.*

— Что это?

Нечто человеческое.

Свое послание Прыгун сопроводил беспорядочными образами. Ярко светящиеся летающие диски. Невероятно высокие конструкции из стали. Артефакты Эпохи легенд? Прыгун не знал, зачем они нужны. Впрочем, предназначение свечи или двуколки тоже выходило за рамки его понимания.

Перрин окинул взглядом дорогу, не узнавая эту часть Гэалдана. Наверное, он находился дальше, ближе к Лугарду. Выходит, сегодня стена появилась не там, где в прошлый раз, а в новом месте.

Тут ему в голову пришла новая мысль, и Перрин несколькими прыжками преодолел по дороге расстояние в сотню шагов, после чего, обернувшись, утвердился в подозрениях: перед ним была не стена, а гигантский стеклянный купол. Полупрозрачный, с фиолетовым отливом; казалось,

он накрывал территорию в несколько лиг.

Прыгун стремительно метнулся к нему и замер:

Надо идти.

— Он там, внутри? — спросил Перрин. Он потянулся в пространство. Танцующая-среди-Дубов, Искра и Вольный были рядом. Впереди, под куполом. Они ответили быстрыми рваными посланиями. Там шла охота, но охота на волков.

— Почему они не сбегут? — спросил Перрин.

Прыгун ответил непониманием.

— Пойду к ним, — заявил Перрин и пожелал оказаться под куполом.

Ничего не произошло.

Живот скрутило от паники. Что не так? Перрин попробовал снова. На сей раз он решил перенестись к подножию купола.

Получилось. Он переместился туда в мгновение ока и оказался у отвесной стекловидной поверхности. «Все дело в этом куполе, — понял Перрин. — Он не дает пройти». Вдруг до него дошел смысл волчьего послания. Волки не могли выбраться.

Зачем этот купол? Поймать волков в ловушку, чтобы Губитель мог их перебить? Перрин зарычал и подступил к стекловидной поверхности.

Он не мог попасть внутрь, вообразив, что уже находится там, но… что, если попробовать более традиционный способ? Он поднял кулак, но остановился. Неизвестно, к чему приведет соприкосновение с этой поверхностью.

Волки посылали ему образы человека с суровым, исчерченным морщинами лицом, одетого в кожу и черное; изогнув губы в улыбке, он пускал стрелы. От него пахло как-то не так, совсем не так. И еще от него пахло мертвыми волками.

Перрин не мог бросить их под куполом — так же, как не мог бросить мастера Гилла и остальных в плену у белоплащников. Гневаясь на Губителя, он коснулся стеклянистой поверхности.

Из мускулов разом вытекла вся сила. Тело превратилось в кисель. Ноги отказались держать Перрина, и он тяжело упал на землю. Его ступня по-прежнему касалась преграды — и проходила сквозь нее. Поверхность купола казалась нематериальной.

Легкие уже не работали; накачивать грудь воздухом стало невыносимо трудно. Перрин запаниковал. Усилием мысли он попробовал переместиться куда-нибудь еще. Не получилось. Он угодил в ту же ловушку, что и волки!

Рядом появилось серебристо-серое размытое

пятно. На плече сомкнулись волчьи челюсти. Едва Прыгун оттащил Перрина от фиолетового купола, как тот смог дышать и почувствовал, как возвращаются силы.

Глупый щенок, — передал ему Прыгун.

— Ты оставил бы их под куполом? — кое-как выговорил Перрин.

Глупый не потому, что полез в нору. Глупый потому, что не дождался меня — на тот случай, если из норы полетят шершни. — Прыгун повернулся к куполу. — *Помоги, если упаду.*

Он осторожно шагнул вперед, и его нос коснулся фиолетовой поверхности. Прыгун споткнулся, но устоял на ногах и сделал еще несколько медленных шагов. Оказавшись под куполом, он упал, но грудь его продолжала вздыматься.

— Как ты это сделал? — спросил Перрин, поднимаясь на ноги.

Я — это я. Образ Прыгуна: волк видел себя тем, кем являлся. Вдобавок к образу — запах силы и непоколебимости.

Похоже, фокус состоял в полном самоконтроле. В понимании, кто ты на самом деле. Как нередко бывает в волчьем сне, мысленный образ оказался сильнее реальности этого мира.

Пойдем, — позвал волк. — *Соберись с силами.*

Давай ко мне.

— Есть мысль получше. — Перрин со всех ног бросился к преграде, врезался в фиолетовый купол и тут же обмяк, но по инерции преодолел стекловидный барьер, прокатился по земле, замер и застонал: плечо ушиблено, рука расцарапана.

Глупый щенок, — передал Прыгун. — *Тебе надо учиться.*

— Сейчас не время. — Перрин с трудом встал. — Пора помочь остальным.

Стрелы на ветру: толстые, черные, смертоносные. Смех охотника. Запах очерствелого человека. Убийца был здесь, под куполом. Прыгун с Перрином помчались по дороге. Обнаружив, что способен в границах купола бежать с большей быстротой, Перрин неуверенно попробовал переместиться вперед силой мысли. У него получилось. Но когда он пожелал оказаться за преградой, ничего не произошло.

Итак, купол — это барьер. В его пределах можно двигаться без ограничений, но перенестись наружу с помощью мысли не получится. Чтобы выйти, надо физически преодолеть полупрозрачную стену.

Впереди были Танцующая-среди-Дубов, Ис-

кра, Вольный. И еще Губитель. Перрин зарычал. Сознание переполняли неистовые послания волков. Темный лес. Губитель. Волкам он казался невероятно высоким. Черный монстр с лицом, словно высеченным из камня.

Кровь на траве. Боль, гнев, ужас, смятение. Искра ранена. Остальные двое мечутся из стороны в сторону, дразнят и отвлекают Губителя, а Искра ползет к фиолетовой преграде.

Осторожно, Юный Бык, — сообщил Прыгун. — *Этот человек — умелый охотник. Движется почти как волк, хотя ему здесь не место.*

— Я отвлеку его. Помоги Искре.

У тебя есть руки. Вынеси ее.

Само собой, послание сопровождалось образом: взрослый и опытный Прыгун, а Перрин — еще щенок.

Он скрипнул зубами, но спорить не стал: Прыгун и правда намного опытнее. Они разделились. Перрин мысленно потянулся, нащупал сознание Искры — та пряталась в перелеске — и отправился прямиком к ней.

Темно-бурая волчица со стрелой в ляжке ползла вперед, поскуливая и оставляя за собой кровавый след. Перрин упал на колени и вытащил стрелу. Волчица продолжала скулить. От нее пахло стра-

хом. Перрин поднял стрелу, от которой разило злом, с отвращением отбросил ее и взял волчицу на руки.

Рядом что-то хрустнуло. Он обернулся. За деревьями мелькнул Вольный. От него пахнуло тревогой. Двое волков уводили Губителя прочь от Искры.

Прижав Искру к груди, Перрин побежал к ближней стене купола. Перенестись к ней не мог, поскольку не знал, где именно она находится.

Он вырвался из перелеска. Сердце выпрыгивало из груди. Избавленная от стрелы, волчица у него на руках, похоже, набиралась сил. Перрин побежал еще быстрее — чего уж там, сломя голову побежал, покрывая сотни шагов в один прыжок, и окрестные виды слились в сплошное пятно.

Вот она, стена купола. Перрин остановился рядом.

И вот он, Губитель, возник прямо перед ним, с натянутым луком, в развевающемся черном плаще. Теперь он уже не улыбался, а глаза его метали молнии.

Тренькнула тетива. Перрин *сместился*, так и не узнав, куда угодила стрела. Теперь он стоял на том самом месте, где впервые проник за стену. Сюда-то ему и надо. Он бросился к фиолетовому

куполу, упал на той стороне, и волчица выкатилась у него из рук.

Она взвизгнула, а Перрин больно ударился о землю.

Юный Бык!

Этот возглас Искра сопроводила образом Губителя: тот, подобный грозовому фронту, стоял по ту сторону купола, натягивая тетиву.

Оглядываться Перрин не стал. *Сдвиг*. И он переместился на склон Драконовой горы, где немедленно вскочил на ноги, и в руке у него появился молот. Неподалеку рыскали волчьи стаи, и волки встретили его приветствием, но в тот момент Перрин проигнорировал их послание.

Губитель не последовал за ним. Спустя несколько напряженных секунд объявился Прыгун.

— Остальные спаслись? — спросил Перрин.

Они свободны, — ответил волк. — *Шепчущий мертв.*

Послание сопровождалось образом, переданным другими членами стаи. Волк погиб через несколько секунд после того, как появился купол. Искра запаниковала, ткнулась носом ему в бок и получила стрелу.

Перрин зарычал. Он хотел было перенестись к Губителю, но его остановило предостережение

Прыгуна: *Слишком рано! Ты должен научиться!*

— Дело не только в нем, — сказал Перрин. — Мне надо осмотреть окрестности своего лагеря. И лагеря белоплащников. В реальном мире появился какой-то непонятный запах. Надо взглянуть, нет ли где чего странного.

Странного?

Это послание волк сопроводил образом купола.

— Думаю, они взаимосвязаны.

Обе эти странности — купол, запах… Вряд ли это просто совпадение.

Пощи в другой раз. Губитель слишком силен. Тебе его не одолеть.

— Рано или поздно мне придется с ним сойтись, Прыгун, — глубоко вздохнул Перрин.

Не теперь.

— Да, не теперь, — согласился Перрин. — Теперь будем учиться. — Он повернулся к волку. — Каждую ночь, пока я не буду готов.

* * *

Родел Итуралде ворочался на койке. Шея у него блестела от пота. Неужели в Салдэйе всегда так жарко и нечем дышать? Вот бы домой, под прохладный океанский бриз Бандар Эбана.

Все не так! Странно, почему отродья Тени не

пошли в атаку? В голове крутились сотни предположений. Ждут новых осадных машин? Шастают по лесам и рубят деревья для постройки требушетов? Или их командиры довольствуются осадой? Город окружен, но не может такого быть, чтобы троллокам не хватало сил взять его штурмом.

У них вошло в привычку лупить в барабаны. Все время. Бум, бум, бум. Размеренно, будто бьется сердце гигантского зверя, самого Великого Змея, кольцами свернувшегося вокруг города.

Снаружи брезжил рассвет. Итуралде лег спать ближе к утру. Дархэм — он командовал утренним дозором — распорядился, чтобы командира не будили до полудня. Его палатка стояла в тенистом углу внутреннего двора. Итуралде сам захотел остаться рядом со стеной. И отказался от нормальной постели. Дурак. В прошлом его вполне устраивала походная койка, но время шло, и он не молодел. Завтра переберется на обычную кровать.

«А теперь спи», — велел он себе.

Не тут-то было. Итуралде назвали преданным Дракону, и это обвинение выбило его из колеи. В Арад Домане он сражался за своего короля, за того, в кого верил. Теперь же он бился в чужой земле — за человека, которого встретил лишь

однажды. Потому что нутром чуял: так надо.

О Свет, ну и жарища… По щекам стекал пот. Зудела шея. Раннее утро, а уже так жарко! Разве по утрам бывает так жарко? Еще и эти барабаны, чтоб им сгореть!

Он вздохнул и скатился с пропитанной потом походной койки. Нога болела. Она болела уже несколько дней.

«Старый ты стал, Родел», — подумал он, сменив пропотевшее нижнее белье на свежевыстиранное. Потом натянул штаны, заправил их в сапоги для верховой езды — высокие, по колено. Затем рубашка, простая, белая, с черными пуговицами. На нее — серую куртку. Застегнуть наглухо.

Застегивая ремень с мечом, он услышал снаружи торопливые шаги, а за ними шепот. Спор разгорался все жарче, голоса становились громче. Итуралде шагнул из палатки в тот миг, когда кто-то заявил:

— Лорду Итуралде надо об этом знать!

— О чем? — спросил он.

Оказалось, с телохранителями спорил мальчишка-вестовой. Все трое сконфуженно оглянулись.

— Простите, милорд, — сказал Коннел. — Нам было велено, чтобы вы выспались.

— Кто ж будет спать в такой жаре, Коннел? Разве что полуящерица, — отмахнулся Итуралде. — Какие новости, малой?

— Капитан Йоэли — на стене, милорд, — сказал юноша. Итуралде узнал его. Этот парень был в его войске с самого начала этой кампании. — Говорит, вам надо бы подойти.

Итуралде кивнул и положил руку на плечо Коннела:

— Спасибо за заботу, старый друг. Но кости у меня крепче, чем кажутся.

Покрасневший Коннел ответил кивком и последовал за Итуралде, направившимся через внутренний двор. Солнце уже встало. Его примеру последовали многие солдаты. Слишком многие. Похоже, Итуралде был не единственным, к кому не шел сон.

Со стены открывалось зрелище, от которого упало сердце. На умирающей земле стояли лагерем тысячи и тысячи троллоков. Горели костры. Итуралде не хотелось думать, где эти твари взяли топливо. Хотелось бы верить, что окрестные земледельцы и поселенцы прислушались к призыву и покинули родные места.

Йоэли стоял, вцепившись в зубец стены, рядом с человеком в черном мундире. Дипе Бадар был

старшим из Аша'манов, присланных ал'Тором в армию Итуралде, одним из троих, носивших на воротнике эмблемы и меча, и дракона. У андорца было приплющенное лицо и длинные черные волосы. Итуралде не раз слышал, как парни в черных мундирах бормочут что-то себе под нос. Но не Дипе. Этот крепко держал себя в руках.

Йоэли то и дело поглядывал на Аша'мана, да и сам Итуралде не особо любил общество людей, умеющих направлять Силу. Но Аша'маны — замечательный инструмент и превосходные бойцы; они еще ни разу не подвели Итуралде, и поэтому он предпочитал полагаться не на слухи, а на личный опыт.

— Лорд Итуралде, — кивнул Дипе.

Аша'маны не приветствовали его воинским салютом, только ал'Тора.

— Что случилось? — спросил Итуралде, обводя взглядом орды троллоков. С тех пор как он лег спать, вроде бы ничего не изменилось.

— По словам твоего человека, он что-то чувствует, — сказал Йоэли. — Вон там.

— У них есть те, кто способен направлять, лорд Итуралде, — объяснил Дипе. — Думаю, шестеро, а то и больше. Мужчины, поскольку я чувствую, как они работают с Силой. Творят мощное пле-

тение. По-моему, краешком глаза я иногда вижу какие-то пряди в дальнем лагере. Но не наверняка. Может, просто кажется.

Итуралде выругался:

— Так вот чего они ждали!

— Чего? — спросил Йоэли.

— Своего Аша'мана…

— Это не Аша'маны, — с жаром тут же перебил его Дипе.

— Ладно, пусть будут способные направлять. Разбить стену им не труднее, чем опрокинуть штабель кирпичей, Йоэли. А затем море троллоков наводнит улицы твоего города.

— Пока я жив, этого не будет, — возразил Дипе.

— Хвалю за солдатскую решимость, Дипе, — сказал Итуралде, — но ты, как вижу, едва стоишь на ногах.

Аша'ман бросил на него свирепый взгляд: глаза красные от недосыпа, челюсти стиснуты, мышцы шеи и лица напряжены. Он посмотрел в глаза Итуралде и тяжело вздохнул:

— Вы правы. Но с этим ничего не поделать. — Он поднял руку, сделал какой-то жест — Итуралде не рассмотрел, какой именно. На ладони у Аша'мана вспыхнул красный огонек — сигнал, с помощью которого Дипе обычно подзывал к себе осталь-

ных. — Готовьте своих людей, генерал. И вы, капитан. Ждать недолго. Они не смогут удерживать такое количество Силы без… последствий.

Йоэли кивнул и в спешке удалился. Итуралде коснулся руки Дипе, привлекая его внимание.

— Твои Аша'маны — ценнейший резерв, и подставлять их под удар недопустимо. Дракон прислал нас сюда, чтобы помочь, а не сложить голову. Если город падет, собери остальных. По возможности возьми раненых. И уходи. Ты понял меня, солдат?

— Мои люди будут против.

— Но ты знаешь, что так надо, — сказал Итуралде. — Ведь знаешь?

— Да, — ответил Дипе, помолчав. — Вы правы. Вы нередко бываете правы. Я уведу их. — Он понизил голос. — Сопротивляться бессмысленно, милорд. Что бы там ни происходило, исход будет плачевным. Больно предлагать такое… но сказанное насчет Аша'манов относится и к вашим солдатам. Пора бежать. — Последнее слово он произнес с горечью.

— Салдэйцы не отступят.

— Знаю.

Итуралде задумался и наконец покачал головой:

— День задержки означает, что эти твари ступят на мою родную землю днем позже. Нет, Дипе, я не могу уйти. Это место лучше других подходит для сражения. Ты же видел, как укреплены эти здания. Мы продержимся несколько дней. Разобьемся на отряды, и солдаты найдут, чем заняться.

— В таком случае Аша'маны останутся и помогут вам.

— Ты получил приказ, сынок. Выполняй. Понял?

Дипе захлопнул рот и коротко кивнул:

— Возьму…

Остального Итуралде не услышал. Их накрыло взрывом.

Казалось, ничто не предвещало беды, но только что Итуралде стоял рядом с Аша'маном, а теперь оказалось, что он лежит на камнях, а кругом звенит странная тишина. Он закашлялся, и голова чуть не взорвалась от боли. Дрожащей рукой Итуралде коснулся лица. По нему струилась кровь, в правый глаз попало что-то инородное. Итуралде моргнул, и правую половину лица обожгла боль. Почему так тихо?

Он перекатился на живот и снова закашлялся. Правый глаз закрыт, левый слезится, рядом стена,

а несколькими дюймами дальше…

Он охнул. Огромного фрагмента северной стены как не бывало. Итуралде со стоном взглянул в другую сторону — туда, где стоял Дипе.

Аша'ман с окровавленной головой лежал на дорожке, проходившей по верху защитной стены. Чуть выше колена его правая нога оканчивалась ошметком плоти, из которого торчала сломанная кость. Страшно ругаясь, Итуралде подполз на четвереньках к человеку в черном мундире. Под телом Дипе собиралась кровь, но он еще подергивался. Жив.

«Надо дать сигнал тревоги…»

Тревоги? Лучшим сигналом послужил сам этот взрыв: здания за стеной были разрушены или посечены каменными осколками. Через брешь было видно, как на той стороне вприпрыжку бегут троллоки, волоча с собой плоты для переправы через ров.

Итуралде выдернул из шлевок ремень Аша'мана и перетянул ему бедро. Больше ничего он придумать не сумел. В голове пульсировали отголоски взрыва.

«Город пал. О Свет! Раз, и все кончено».

Чьи-то руки помогли ему встать. Он изумленно оглянулся. Коннел — он выжил, хотя одежда

превратилась в лохмотья, — отвел Итуралде в сторону. Двое солдат подхватили Дипе.

Следующие минуты слились в калейдоскоп образов. Итуралде кое-как спускается со стены, едва не срываясь на мостовую с пятнадцатифутовой высоты, но руки Коннела удерживают его от падения с лестницы. А затем… палатка? Большая палатка с поднятыми стенами? Итуралде не понимал, что происходит. На поле боя не должно быть так тихо.

Его окатило ледяным холодом, и он закричал. Сознание заполонил ворвавшийся в уши шум — вопли, скрежет камней, трубные трели, барабанный бой, стоны умирающих, и все эти звуки нахлынули в один момент, будто из ушей извлекли восковые затычки.

Итуралде встряхнулся и задышал полной грудью. Он был в санитарной палатке, и над ним стоял Антайл — молчаливый Аша'ман с редкими волосами. О Свет! У Итуралде никаких сил не осталось. Он почти не спал, а тут еще тягости Исцеления… Звуки битвы пожирали его разум. Веки предательски отяжелели.

— Лорд Итуралде, — сказал Антайл, — есть одно плетение, от которого вы не поправитесь, но придете в себя. Оно небезопасное. Хотите, чтобы

я продолжил?

— Я… — ответил Итуралде. Вернее, простонал. — Это… Действуй!

— Кровь и треклятый пепел, — буркнул Антайл и подался вперед.

Итуралде окатило новой волной Силы. По телу будто прошлись метлой, избавляющей от усталости и смятения. Вмиг обострились все чувства — так бывает, если хорошенько выспаться, — и перестал болеть правый глаз.

Где-то глубоко, в самых костях, таилось мучительное изнеможение, но этим можно пренебречь. Итуралде сел, сделал вдох, выдох и взглянул на Антайла:

— И впрямь полезное плетение, сынок. Что ж ты раньше о нем не рассказывал?

— Оно небезопасное, — повторил Аша'ман. — Как мне говорили, рискованнее женской версии. По-своему более действенное. Но позже вы заплатите за бодрость тяжелой усталостью.

— Позже меня не будет в городе, захваченном троллоками. По крайней мере, если на то будет воля Света. Что с Дипе?

— Им я занялся в первую очередь. — Антайл кивнул на соседнюю койку, где лежал Аша'ман в подпаленной одежде и с окровавленным лицом.

Его правая нога оканчивалась аккуратной культей. Он дышал, хотя был без сознания.

— Коннел! — позвал Итуралде.

— Милорд, — подступил к нему телохранитель. Он уже собрал десяток солдат, поручив им охрану военачальника.

— Давай-ка разберемся с этим бардаком, — сказал ему Итуралде.

Выскочив из санитарной палатки, Итуралде бросился в сторону дворца Кордамора. В городе царил хаос. Повсюду сновали группы салдэйцев и доманийцев. Предусмотрительный Коннел отправил вестового на поиски Йоэли.

Дворец стоял неподалеку, совсем рядом с городскими воротами. Его стену зацепило взрывом, но разваливаться здание не собиралось. Итуралде устроил во дворце командный пункт; следовательно, там его и будут искать. Они с Коннелом вбежали во дворец — поскольку Итуралде лишился ремня, который оказался в какой-то момент срезан, то Коннел нес его меч, — поднялись на третий этаж и выскочили на балкон, откуда был хорошо виден пролом в стене.

Опасения Итуралде подтвердились: город был потерян. Брешь оборонял собранный впопыхах, а потому разношерстный отряд. Забрасывая ров

плотами, троллоки исполинской волной шли в атаку, а за ними следовали Исчезающие. Люди же метались по улицам, толком не соображая, что делать.

Будь у Итуралде больше времени на подготовку, город выстоял бы. Об этом они уже говорили с Дипе. Но теперь? «О Свет! Вся эта оборона — сплошная череда бед и несчастий».

— Собери Аша'манов, — приказал Итуралде. — И всех офицеров, которых сможешь отыскать. Организуем отход через переходные врата.

— Есть, милорд, — кивнул Коннел, но тут на балкон выбежал Йоэли в грязной изорванной форме:

— Итуралде, нет!

— Ты жив, — с облегчением выдохнул Итуралде. — И это замечательно. Но твой город пал, друг. Прости. Собирай людей, и вместе мы…

— Смотри! — Йоэли подтащил Итуралде к боковым перилам и указал на восток. Вдали тянулся к небу столб густого дыма. Сожженная троллоками деревня?

— Сигнальный костер сестры, — объяснил Йоэли. — Подкрепление уже на подходе, и мы просто обязаны продержаться.

Итуралде помолчал, потом тихим голосом за-

говорил:

— Йоэли, даже если так, вряд ли эта армия настолько велика, чтобы остановить целую орду троллоков. К тому же вдруг это военная хитрость? В прошлом отродья Тени проявляли незаурядную смекалку.

— Дай нам несколько часов, — сказал Йоэли. — Встань со мной на защиту города и отправь разведчиков через эти твои переходные врата. Пусть выяснят, действительно ли к нам идет помощь.

— Несколько часов? — переспросил Итуралде. — С дырой в стене? Нас задавят числом, Йоэли.

— Прошу! — взмолился тот. — Разве не тебя, лорд Родел Итуралде, именуют великим капитаном? Докажи, что этот титул — не пустой звук!

Итуралде опять повернулся к разрушенной стене. Позади стало шумно: в верхнем зале дворца собирались офицеры. Троллоки теснили оборонявших стену. Еще немного, и конец.

«Докажи, что этот титул — не пустой звук!»

А что, если?..

— Тимот, ты здесь? — крикнул Итуралде.

На балкон вышел рыжеволосый мужчина в черном мундире. После ранения Дипе он принял

командование Аша'манами на себя.

— Здесь, лорд Итуралде.

— Собери своих людей, — настойчиво заговорил тот, — и отправь их к пролому. Пусть сменят солдат и удержат брешь в стене. Мне нужно полчаса. Пусть ударят по троллокам со всей своей мощью. Всей, что у вас есть. Понял? Так, как только возможно! Если после удара у твоих людей останется энергия, чтобы хотя бы зажечь свечу, вам не поздоровится!

— Но как же отступление, милорд? — спросил Тимот.

— Оставь Антайла в палатке для Исцеления, — ответил Итуралде. — Он сможет открыть достаточно большие врата для отхода Аша'манов. Но остальным занять позицию у пролома!

Тимот выбежал из зала.

— Йоэли, — продолжил Итуралде, — собери и приведи в чувство своих солдат! Чтобы перестали бегать по городу, как будто…

Он осекся. Чуть было не брякнул: «Как будто началась треклятая Тармон Гай'дон».

«Чтоб мне сгореть!» — подумал Итуралде и продолжил:

— Как будто у них нет командира. Чтобы выстоять, нужны порядок и дисциплина. Повторяю,

порядок и дисциплина! Через десять минут во дворе должны стоять четыре эскадрона кавалеристов. Отдай соответствующие приказы.

— Есть, милорд, — вытянулся в струну Йоэли.

— Также, — обернулся Итуралде, — мне понадобятся две-три повозки дров, все бочонки с маслом, а также каждый, кто ранен в лицо или руку, но может бегать на своих двоих. И еще: собери всех горожан, хотя бы раз стрелявших из лука. Ступай!

* * *

Без малого часом позже Итуралде стоял, сцепив руки за спиной, и ждал. С балкона, дабы не нарываться на шальные стрелы, он переместился в зал и встал к окну, но отсюда тоже открывался отменный вид на битву.

У стен дворца держали оборону порядком измотанные Аша'маны. Своими невероятными плетениями они выиграли немало времени, отбрасывая одну троллочью волну за другой. Благодарение Свету, у врага на поле боя так и не объявились те, кто мог направлять Силу. Хотелось бы верить, что они растратили все свои силы на разрушение стены.

Из-за гнетущих туч над головой и множества

фигур, темнивших склоны близ города, казалось, что наступили сумерки. К счастью, на этом участке у троллоков не было ни лестниц, ни осадных башен: лишь гонимые мурддраалами волны живой силы.

Изнуренные мужчины в черных мундирах отступали от бреши; несколько оставшихся дали последний залп Огня, добавили к нему взрыв Земли и последовали за товарищами, бросив пролом в стене открытым и незащищенным — в полном соответствии с приказом.

«Ну, давайте», — думал Итуралде, глядя, как из-за редеющей дымовой завесы выглядывают троллоки, переступают через трупы собратьев, уничтоженных Аша'манами, и размашисто берут разбег — кто на копытах, кто на толстых лапах. Некоторые принюхивались.

На улицах за проломленной стеной Итуралде разместил отряды окровавленных людей. Завидев троллоков, те, как и было велено, подняли страшный крик и бросились врассыпную. Вряд ли их ужас был полностью наигранным. Кошмарности теперь этой сцене добавляли загоревшиеся — якобы от взрыва — здания: занявшиеся огнем крыши, из окон вырывается дым. Но троллокам невдомек, что сланцевая кровля отличается огне-

упорностью, а закон запрещает держать в домах запасы дров.

Итуралде затаил дыхание. Толпа рычащих и завывающих чудовищных тварей растекалась по городу, наводняя городские улицы. Завидев потенциальную жертву или трофей, группы троллоков отделялись от основных сил.

За спиной у Итуралде хлопнула дверь. В зал вбежал Йоэли:

— Последние шеренги уже на местах. Все по плану?

Итуралде промолчал. Ответом было происходившее на улицах. Троллоки пришли к выводу, что сражение выиграно: залпы Аша'манов походили на атаку «из последних сил», и Марадон, по всей видимости, погрузился в хаос, а потому отродья Тени неслись по городу, не скрывая ликования, и даже у вступивших в пролом мурддраалов был самый расслабленный вид.

Избегая горящих зданий и обнесенного стеной дворца, троллоки углублялись в путаницу улиц и вскоре уже преследовали спасавшихся бегством солдат по широкому проспекту в восточной части города. Благодаря умело сооруженным из обломков баррикадам основная масса этих тварей направлялась именно туда, куда надо.

— Скажи, капитан Йоэли, не хочешь ли ты стать генералом? — негромко спросил Итуралде.

— Не важно, чего я хочу, — ответил Йоэли, — но глупо не научиться чему-нибудь новому, пока есть такая возможность.

— Тогда смотри, что сейчас будет, сынок, и смотри внимательно. — Во всех домах запруженного троллоками проспекта распахнулись ставни. На балконы высыпали лучники. — Стоит только возникнуть даже тени подозрения, что враг тебя раскусил, сразу меняй тактику.

На троллоков обрушился смертоносный ливень стрел; на Исчезающих были нацелены тяжелые арбалеты, стрелявшие болтами размером с копье, и не один мурддраал повалился на мостовую, не понимая, что уже мертв, когда вокруг падали десятки связанных с ними троллоков. В яростном смятении выжившие принялись завывать, колотя в двери зданий, наполненных лучниками, и тут грянул гром, и это был гром лошадиных копыт: на мостовую проспекта вырвались лучшие конные копейщики Йоэли. Они смяли троллоков, и началась резня.

Город превратился в гигантскую засаду. Высокие балконы обеспечивали превосходный обзор, а ширины улиц хватало для полноценной атаки

— конечно, если знать планировку города. Радостные вопли троллоков сменились криками боли; разношерстные твари, топча друг друга, пустились в бегство, и в итоге оказались на площади у разрушенной стены.

Их преследовала салдэйская конница. Копыта и бока лошадей были мокры от ядовитой крови павших. В окнах якобы горевших зданий — с превеликой осторожностью костры развели в изолированных комнатах — появились солдаты, и на внушительных размеров площадь хлынули новые потоки стрел. Тем временем всадники, подхватив сброшенные с балконов копья, вновь выстроились в боевой порядок и двинулись в гущу троллоков. Лучники взяли паузу, и у бреши в стене началось методичное истребление врага.

Троллоки умирали сотнями, если не тысячами, а те, кто еще не умер, ринулись в пролом. Сбежали почти все мурддраалы; немногие оставшиеся сделались мишенью для стрелков. Гибель каждого из этих созданий влекла за собой смерть десятков связанных с ним троллоков. Исчезающие падали один за другим, и многие были утыканы дюжинами стрел.

— Прикажу снова встать в оборону у стены! — горячился Йоэли.

— Нет, — ответил Итуралде.

— Но…

— Защищая пролом, мы ничего не выиграем, — объяснил Итуралде. — Лучше прикажи бойцам сменить позицию. Пусть стрелки переберутся в другие здания. Скажи, нет ли поблизости складов или других крупных строений, где могла бы укрыться кавалерия? Если есть, пусть конники спрячутся — и чем быстрее, тем лучше. А потом будем ждать.

— Троллоки уже не клюнут на эту удочку!

— Не клюнут, — согласился Итуралде, — но в следующую атаку пойдут медленно и осторожно. Стычку лоб в лоб мы проиграем. А если продержимся, выиграем время, то победим. Другого выхода у нас нет, Йоэли. Остается одно: выживать, пока не придет подмога. Если она придет.

Йоэли кивнул.

— Следующая засада будет не такой успешной, — продолжил Итуралде, — но по природе своей троллоки трусливы. Зная, что любой переулок может превратиться в смертельную ловушку, они будут медлить, и мы выиграем больше времени, чем если бы потеряли половину своих солдат у стены.

— Понятно. — Йоэли помолчал. — Но… разве

это не означает, что они будут ждать чего-то подобного? Ведь твой план основан на страхе троллоков перед засадой!

— Пожалуй, ты прав.

— Не пора ли сменить тактику? Ты же сам говорил: если есть хоть тень подозрения, что враг знает о твоих намерениях, нужно менять планы.

— Слишком много думаешь, сынок. Иди и выполняй приказ.

— Эм-м… Есть, милорд. — И Йоэли поспешно удалился.

«Вот почему, — подумал Итуралде, — преподаватель тактики из меня никудышный». Непросто объяснить ученикам, что существует золотое правило: всегда доверяй интуиции. Страх троллоков можно обернуть себе в пользу. А сейчас Итуралде готов ухватиться за любую соломинку.

Но думать об этом не хотелось, поскольку золотое правило уже было нарушено: инстинкт подсказывал — а точнее, криком кричал, — что город следовало оставить несколько часов назад.

Глава 29
Дурные предчувствия

— Что, по-твоему, задумал Перрин? — спросила Берелейн, прогуливаясь в обществе Фэйли и Аллиандре.

Фэйли не ответила. День клонился к вечеру, и лагерь мягко освещало далекое солнце, укутанное в сотканный из туч саван. Уже скоро, озарив прощальной вспышкой горизонт, светило отправится на боковую. Через два дня Перрин отправится на суд. Фэйли понимала, что задержка необходима: Аша'манам требовалось время на решение необычного затруднения с созданием переходных врат.

Их армия росла, и люди по-прежнему прибывали, но, судя по донесениям разведчиков, войско

белоплащников тоже увеличивалось — не так быстро, но все же… В подобные времена армия символизирует силу — или, самое меньшее, решает вопрос с пропитанием.

Близ военной стоянки Перрина пила родниковую влагу купа деревьев-корнеручниц — невероятно странных растений, чьи похожие на пальцы корни были погружены в воду. Их гладкие стволы походили на разогретое и вытянутое, а после застывшее стекло. В Салдэйе таких не растет. Казалось, сделай пару шагов в неверную сторону — и увязнешь в болоте.

— Что, ответа мне не будет? — спросила Берелейн. В последнее время она была сама не своя. — Мне тут подумалось… Может, отправить к белоплащникам дипломатического представителя? Как считаешь, Перрин позволит мне пообщаться с ними? Как знать, вдруг я сумею подать обращение от его имени?

Эту тему она поднимала далеко не впервые.

— Нет, — сказала Фэйли. — Берелейн, ты же знаешь, что он настроен на суд.

Первая поджала губы, но настаивать не стала, и все трое продолжили прогулку в сопровождении десятка Дев. В прошлом Фэйли осталась бы недовольна таким вниманием — в прошлом, но

не теперь, когда побывала жертвой внезапного и стремительного пленения.

Вдалеке небольшая группа беженцев, покинувших лагерь, направлялась по пересеченной местности на юго-восток. Пока переходные врата еще действовали, тысяч десять человек ушли в сельскую местность Кайриэна. Всем было велено помалкивать — до поры до времени Перрин не хотел раскрывать своего местонахождения, — и женщины, конечно, будут держать язык за зубами, но мужчины непременно станут сплетничать: так уж они устроены.

О нынешних трудностях с переходными вратами знали немногие: Перрин объявил, что Аша'манам надо беречь силы на случай сражения с белоплащниками. По сути, так оно и было, но некоторые беженцы все равно надумали уйти — хотя бы пешком. Этим Фэйли выдала немного золота или какие-то драгоценности из запасов Севанны, а также пожелала всего наилучшего. Ее удивило, сколь многие решили вернуться по домам, которые остались на территориях, подконтрольных шончан.

Несмотря на это, войско Перрина росло изо дня в день. Фэйли со спутницами миновали крупный отряд упражнявшихся с мечами. Бе-

женцев, решивших учиться владеть оружием, насчитывалось уже тысяч двадцать пять. Занятия проводились до самого вечера, и в сумерках Фэйли слышала отрывистые команды Тэма.

— Итак, — продолжала вслух размышлять Берелейн, — что же сделает Перрин? К чему этот суд? Твой муж, Фэйли, явно чего-то хочет от белоплащников. — Она обошла искривленную корнеручницу. Подобно многим другим, Первая усматривала в поступках Перрина то, чего там и в помине не было. Знай он, какие происки ему приписывают, не удержался бы от смеха.

«А она еще говорит, что понимает мужчин», — подумала Фэйли. Кем бы ни был Перрин, его не назовешь ни глупцом, ни простаком, которым он временами хотел казаться. Он умел думать, составлять планы и был осторожен. Но действовал он напрямую, отличался целеустремленностью и всегда отвечал за свои слова.

— Соглашусь с Берелейн, — заметила Аллиандре. — Надо попросту уйти и увести армию. Или атаковать белоплащников.

— Перрин терпеть не может, когда его подозревают в чем-то дурном, — покачала головой Фэйли. — Раз белоплащники настойчиво называют его убийцей, он постарается вернуть

себе доброе имя. Да, он бывает упрям, бывает, поступает глупо. Но в этом есть нечто очень благородное.

Как бы это упрямство не привело его к гибели… С другой стороны, именно за благородство Фэйли и любила Перрина. Глупо требовать, чтобы у него изменился характер, и поэтому надо следить, чтобы его слабостями не пользовались другие.

Всякий раз, когда речь заходила о белоплащниках, в глазах Берелейн загорался странный огонек, и она — быть может, неосознанно — поглядывала в сторону их бивака. О Свет! Неужто Берелейн снова заговорит о дипломатической миссии? Она и без того озвучила десяток причин, по которым ей надо отправиться в лагерь Детей Света.

Фэйли заметила большую группу солдат: те, всем своим видом стараясь не вызывать подозрений, патрулировали лагерь вдоль его внешней границы, но в то же время и не отставали от Фэйли с ее охраной. Перрин хотел защитить жену самым наилучшим образом.

— Этот юный лорд капитан-командор… — как бы походя заметила Аллиандре. — По-моему, в той белой форме он выглядит просто сногсшибательно. Вот бы заглянуть под солнечные лучи у

него на плаще. Такой красавчик!

— Что-что? — Берелейн зарделась. С чего бы?

— Я не раз слышала, что пасынок Моргейз — красивый мужчина, — продолжила Аллиандре, — но и подумать не могла, что он настолько… безупречен.

— Словно мраморная статуя, — прошептала Берелейн. — Реликвия из Эпохи легенд, идеальное творение прошлого. Созданное, чтобы другие поклонялись ему.

— Смазлив, — нехотя признала Фэйли. — Но как по мне, ему бороды не хватает.

Чистая правда. Фэйли любила Перрина, носившего бороду и впечатлявшего своим видом: была в нем могучая сила, противостоять которой ох как непросто. Но этот Галад Дамодред… Сравнивать его с Перрином попросту несправедливо. Все одно что сравнивать витражное стекло и шкафчик, сработанный искусным столяром. И то и другое по-своему прекрасно, хотя… витражное стекло блестит куда ярче деревянного шкафчика.

Берелейн с отсутствующим видом брела вперед. Она определенно увлеклась этим Дамодредом, причем с первого взгляда. Совсем недавно Фэйли требовала от нее сосредоточить свое внимание на ком-нибудь, кроме Перрина, чтобы слухи по-

шли на убыль, но… глава белоплащников? Она что, из ума выжила?

— Так что решим? — спросила Аллиандре, когда они обошли южную часть лагеря, проделав полпути к тому месту, где началась прогулка.

— Насчет белоплащников? — уточнила Фэйли.

— Насчет Майгдин, — ответила Аллиандре. — Вернее, Моргейз.

— Не могу отделаться от чувства, что она злоупотребила моей добротой, — сказала Фэйли. — После всего, что выпало на нашу долю, так и не назвала свое настоящее имя!

— Как вижу, ты по-прежнему мало в чем ей веришь, — заметила Берелейн.

Фэйли не ответила. Она много думала о словах Перрина. Пожалуй, он был прав: гневаться совершенно незачем. Если Моргейз и впрямь бежала от одного из Отрекшихся, просто чудо, что она до сих пор жива. Кроме того, и сама Фэйли, впервые встретившись с Перрином, утаила правду о своем происхождении.

Честно говоря, ее сердила будущая роль Моргейз на суде — который, несомненно, будет не судом, а пародией. Служанка Майгдин непременно продемонстрировала бы, насколько благодарна Перрину, но королева Моргейз видит в нем сопер-

ника. Как она будет судить? Справедливо? Или не упустит случая очернить самопровозглашенного лорда?

— Я чувствую себя так же, как ты, миледи, — негромко произнесла Аллиандре.

— И как же ты себя чувствуешь?

— Обманутой, — объяснила Аллиандре. — Майгдин была нам подругой. Я думала, что знаю ее.

— В такой ситуации ты поступила бы в точности как она, — сказала Берелейн. — Зачем без необходимости раскрывать тайну?

— Затем, что мы были подругами, — повторила Аллиандре. — А теперь, после всего пережитого, оказывается, что она не кто-то, а сама Моргейз Траканд! Не просто королева, а королева с большой буквы. Женщина-легенда. И вот пожалуйста: она подавала нам чай. Причем весьма неумело.

— Следует признать, — глубокомысленно изрекла Фэйли, — что у нее получалось все лучше.

Подняв ладонь к шее, девушка коснулась шнурка с камнем Ролана. Фэйли надевала его не каждый день, но довольно часто. Выходит, Моргейз лгала ей все время, пока они были в плену у Шайдо? Или — по-своему — вела себя более честно, не оглядываясь на титул, которому

надо соответствовать, и не играя роль «легендарной» Моргейз Траканд? Разве в подобных обстоятельствах не проявляется истинная природа человека?

Фэйли потянула за шнурок. Нет, Моргейз будет беспристрастна. Не засудит Перрина по злобе, но и поблажки не сделает. А это значит, Фэйли должна подготовиться, быть начеку…

Где-то рядом закричали.

Фэйли тут же обернулась к лесу, инстинктивно ожидая, что из кустов выскочат айильцы: кого-то прикончат, других захватят в плен. На секунду ее охватила невыразимая паника.

Но крики доносились не оттуда, а из лагеря. Фэйли выругалась, разворачиваясь, и почувствовала, что ее потянули за пояс. Глянув вниз, девушка с изумлением увидела, что ее поясной нож выскочил из ножен и завис в воздухе.

— Пузырь зла! — выдохнула Берелейн и отскочила в сторону.

Фэйли пригнулась, а затем упала ничком, едва успев уклониться от собственного ножа, нацелившегося ей в голову, после чего она вскочила на четвереньки и вздрогнула: Берелейн смотрела на кинжал, вырвавшийся — судя по прорехам на блузе — из потайных ножен в рукавах.

В лагере за спиной Берелейн творилась сущая неразбериха. Занимавшиеся с оружием беженцы разбегались кто куда, а пространство наполнилось своевольными мечами и копьями. Казалось, все до последнего оружие в лагере ожило и взбунтовалось против хозяев.

Уловив какое-то движение — нож вновь набросился на нее, — Фэйли метнулась в сторону, и в тот же миг беловолосая фигура в коричневой одежде перехватила оружие и крепко сжала. Сулин — а это была именно она — перекатилась, держась за нож, выкрутила его из воздуха, скрипя зубами, и ударила его о камень с такой силой, что клинок, сломавшись, разъединился с рукоятью.

В тот же миг нож перестал двигаться, однако копья Сулин вырвались из чехлов за спиной, взмыли к небу и закружились рядом, нацелившись на свою хозяйку.

— Бегите! — скомандовала Дева. Она, подняв голову, пыталась уследить за тремя копьями сразу.

— Куда? — воскликнула Фэйли и схватила лежавший поблизости камень. — Здесь повсюду оружие!

Берелейн тем временем боролась со своим кинжалом: держала его мертвой хваткой, но оружие не сдавалось, выворачивая ей руки то в одну, то

в другую сторону. Что касается Аллиандре, ее окружили целых три ножа. Три! О Свет! «Повезло, что взяла с собой сегодня только один», — подумала Фэйли.

На помощь Аллиандре бросились несколько Дев, они швыряли камнями в ножи, уклоняясь от атакующих копий, но Берелейн осталась в одиночестве.

Стиснув зубы и чувствуя себя полной дурой из-за желания помочь женщине, которую ненавидит, Фэйли подскочила к ней и сжала ладони Берелейн, добавив свою силу к силе Первой. Вместе они одолели кинжал, направили его вниз и вонзили в землю. Он тотчас же перестал дергаться.

Фэйли нехотя разомкнула пальцы и подняла глаза на растрепанную Берелейн. Та зажимала левую ладонь правой, дабы остановить кровотечение из свежего пореза, и кивнула:

— Спасибо.

— Что его остановило? — спросила Фэйли.

Сердце у нее колотилось как бешеное. По всему лагерю разносились крики, проклятия, лязг и звон оружия.

— Земля? — предположила Берелейн, опустившись на колени.

Фэйли запустила пальцы в суглинок, обернулась и с тревогой заметила, что одна Дева лежит на земле, хотя остальные повергли несколько летающих копий. В одно из сновавших поблизости копий девушка метнула пригоршню грязи.

При первом же соприкосновении с землей оружие упало. Это заметила Сулин, и даже за вуалью было видно, как широко раскрылись ее глаза. Она выронила подобранные камни, подхватила горсть земли и подбросила ее над головой — навстречу копью, нацеленному ей в сердце.

Утратив признаки жизни, оружие камнем рухнуло на землю, но у солдат поблизости, что ходили по пятам за Фэйли и ее спутницами, дела обстояли не самым лучшим образом: сбившись в круг и присев за поднятыми щитами, ничего не понимающие люди отбивались от летевших к ним острых предметов.

— Быстрее! — велела Фэйли Девам, зачерпнув полные руки грязи. — Расскажите остальным! Пусть узнают, как остановить это безумие! — Одним броском она сбила два кинжала, грозивших Аллиандре, после чего побежала к солдатам.

* * *

— Не надо просить прощения, Галад, — мягко сказала Моргейз. — Откуда тебе было знать, что происходит? Ты находился во многих лигах от Цитадели Света.

Они сидели лицом к лицу в шатре лорда капитан-командора, чьи стенки освещало закатное солнце. Галад сцепил пальцы и подался вперед. Такой задумчивый… Моргейз помнила, как впервые увидела своего пасынка — давным-давно, когда вышла замуж за его отца. Ребенок шел довеском к сделке. Хотя Моргейз приняла и усыновила его, мальчик, казалось, считал, что его любят меньше, чем брата с сестрой, и у мачехи было неспокойно на душе.

Галад всегда был серьезным ребенком. Он с ходу подмечал то, что было неправильным, но, в отличие от других детей — особенно Илэйн, — не пользовался полученным знанием как оружием. Как же Моргейз не поняла, как же сразу не догадалась, что его потянет к белоплащникам с их черно-белой картиной мира? Почему не подготовила Галада к жизни? Почему не донесла до него, что мир не двуцветный, что он даже и не серый. В нем полно всевозможных оттенков,

иной раз выходящих за границы любого морального спектра?

Галад взглянул на нее: пальцы сцеплены, в глазах тревога.

— Я незаслуженно обвинил Валду. Явился к нему и заявил, что требую Суда Света, поскольку Валда надругался над тобой и лишил тебя жизни, но это утверждение истинно лишь наполовину. То есть я заблуждался, пусть даже и отчасти. И все же я рад, что убил его.

У Моргейз перехватило дух. У Валды была репутация одного из лучших мечников из числа живущих ныне, и юный Галад превзошел его в поединке? Нет, он уже не юноша. Галад сделал выбор, и не ей судить, насколько он был прав. В каком-то смысле его поступки достойны восхищения. В отличие от поступков самой Моргейз.

— Ты молодец, — сказала она. — Валда был скверный человек. Не сомневаюсь, что он стоит за смертью Найола. Ты оказал всему миру большую услугу, Галад.

— Он заслуживал смерти — за то, как обошелся с тобой, — кивнул тот. — Но в любом случае мне надо будет объясниться. — Он поднялся на ноги и стал расхаживать по шатру, заложив руки за спину. Его одеяние будто светилось в лучах захо-

дящего солнца. — Признать, что мое обвинение в убийстве было ошибочным, но что Валда получил по заслугам за другие, не менее тяжкие преступления. — На секунду он остановился. — Жаль, что я ничего не знал.

— Что ты мог бы сделать, сын? — спросила Моргейз. — Ведь меня пленили из-за моей собственной ошибки. Из-за того, что я доверилась врагам.

— Если слухи соответствуют истине, — махнул рукой Галад, — у тебя не было шансов устоять перед Гейбрилом. Что до твоего пленения, дело не в доверчивости. Напротив, это Валда предал тебя — как и всех нас. Чада не враждуют с людьми, идущими в Свете.

— А как же Перрин Айбара? — спросила она.

— Отродье Тьмы.

— Нет, сын. Мне не по душе некоторые его поступки, но уверяю, он достойный человек.

— Значит, это будет доказано на суде, — сказал Галад.

— Достойным людям тоже свойственно ошибаться. Если и дальше пойдешь этим путем, он может привести к самым нежеланным для нас последствиям.

Галад замер и нахмурился:

— Матушка, ты хочешь сказать, что преступление должно сойти ему с рук?

— Лучше присядь, — указала на стул Моргейз. — А то ходишь туда-сюда, и у меня голова кружится.

Пусть он совсем недавно возвысился до лорда капитан-командора, но, похоже, уже щетинился, когда ему приказывали. Тем не менее он сел.

Как ни странно, Моргейз вновь почувствовала себя королевой. В трудные времена Галада не было рядом, а потому сейчас он видел в ней прежнюю Моргейз. Рядом с ним она и впрямь чувствовала себя той Моргейз из прошлого. Ну почти.

Найол держал ее в плену, но проявлял уважение, и Моргейз начала было думать, что тоже научится уважать его. Интересно, что стало с доской, на которой они с Найолом так часто играли в камни? Больно представить, что ее разбили при нападении шончан.

Станет ли Галад лордом капитан-командором вроде Найола? Или превзойдет его? Пробудившейся в Моргейз королеве хотелось сделать так, чтобы в душе у сына добавилось света — и убавилось тени.

— Галад, — сказала она, — как ты собираешься

поступить?

— Ты о суде?

— Нет. Я об этой твоей армии.

— Мы будем сражаться в Последней битве.

— Слова, достойные восхищения, — сказала она, — но ты же понимаешь, что они означают?

— Они означают, что мы выйдем на бой на стороне Дракона Возрожденного.

— И Айз Седай.

— Да, на какое-то время мы встанем на сторону ведьм. Ради всеобщего блага.

— Галад, ты хоть понимаешь, что говоришь? — Моргейз со вздохом опустила веки. — Называешь их ведьмами, хотя обучался у них и едва не стал Стражем.

— Да, это так.

Она открыла глаза. Да, Галад говорил искренне. Но искренность бывает присуща даже самым озверевшим псам.

— Знаешь, матушка, как они поступили с Илэйн? — спросил он.

— Ты о том, что она у них «потерялась»? — Моргейз до сих пор гневалась по этому поводу.

— Ее отправляли с поручениями, — ответил Галад с некоторым отвращением в голосе. — Отказывали мне во встречах с нею — наверное,

потому, что порученные задания были опасными. Уже потом я встретил ее. Было это совсем не в Башне.

— И где же? — с нетерпением в голосе спросила Моргейз.

— Здесь, на юге. Мои люди называют Айз Седай ведьмами. Иной раз мне кажется, что это недалеко от правды.

— Галад…

— Не все женщины, способные владеть Единой Силой, являют по своей природе зло, — продолжил он. — Это традиционное заблуждение Чад. В «Пути Света» нет подобного утверждения; там говорится лишь, что искушение воспользоваться Единой Силой может развратить человека. Полагаю, те, кто распоряжается теперь в Белой Башне, ослеплены своим эгоизмом и нескончаемыми интригами.

Моргейз кивнула. Ей совсем не хотелось спорить на эту тему. Благодарение Свету, здесь не было Элайды и она не слышала Галадовых умозаключений!

— Так или иначе, — продолжил он, — мы будем сражаться рядом с ними, Драконом Возрожденным и, при необходимости, этим Перрином Айбара. Борьба с Тенью важнее любых разно-

гласий.

— В таком случае позволь нам присоединиться к этой борьбе, — сказала Моргейз. — Галад, забудь про суд! Айбара намерен распустить часть армии, а остальные солдаты перейдут под командование ал'Тора.

Он посмотрел ей в глаза. Затем кивнул:

— Да. Теперь понимаю, что мы с тобой встретились по воле Узора и продолжим свой путь вместе. Но только после суда.

Моргейз вздохнула.

— Не я сделал такой выбор, — снова встал Галад. — Айбара сам предложил, чтобы его судили. Его мучит совесть, и отказывать ему в такой возможности было бы неправильно. Пусть докажет, что невиновен, — и нам, и самому себе. После продолжим. — Помолчав, он коснулся лежавшего на туалетном столике меча в белых ножнах. — А если продолжим без него, Айбара упокоится в Свете, заплатив за свои преступления.

— Галад, — сказала Моргейз, — тебе известно, что среди людей Перрина, которых ты удерживаешь в плену, находится Лини?

— Ей следовало обратиться ко мне, назвать себя. Ее я отпустил бы.

— Но она не сделала этого. Говорят, ты грозил

казнить пленных, если Перрин не явится на битву. Ты в самом деле так поступил бы?

— Их кровь была бы на совести Айбара.

— Кровь Лини, Галад?

— Я… увидел бы ее среди других и избавил от опасности.

— Значит, остальных ты убил бы? — сказала Моргейз. — Людей, не сделавших ничего плохого и повинных лишь в том, что Айбара заморочил им голову?

— Не стал бы я никого казнить. То была пустая угроза.

— Ложь!

— Ну и ну! К чему этот разговор, матушка?

— К тому, чтобы ты задумался, сын, — ответила Моргейз. — О том, чему я должна была научить тебя раньше — вместо того, чтобы оставлять в плену примитивных иллюзий. Жизнь куда сложнее, чем бросок монеты, когда есть только два варианта: орел или решка. Напомни, я рассказывала тебе о суде над Тэймом Фелмли?

Галад недовольно помотал головой.

— Тогда послушай. Он был кэймлинским каменщиком, человеком весьма уважаемым. В самом начале моего правления его обвинили в братоубийстве. Из-за важности этого дела и

почтенной репутации Фелмли я судила его сама. В итоге его повесили.

— Подходящая участь для убийцы.

— Да, — согласилась Моргейз. — К несчастью, убийца остался на свободе. На деле преступление совершил один из работников Фелмли. Это выяснилось лишь два года спустя, когда этого человека арестовали по обвинению в другом убийстве. Когда его вешали, он смеялся над нами. С самого начала Фелмли был невиновен, а настоящий убийца входил в число обвинителей на первом суде.

Галад молчал.

— Это единственный случай, — продолжила Моргейз, — когда я точно знаю, что отправила в петлю невиновного человека. По ошибке. Скажи мне, Галад, надо ли мне заплатить за свою ошибку жизнью?

— Ты старалась как могла, матушка.

— И человек все равно мертв. Казнен незаслуженно.

Галад, похоже, растерялся.

— Ваши Чада любят говорить, что их защищает Свет, — сказала Моргейз, — что Свет руководит их поступками и указывает путь к справедливости. Но мир устроен иначе, Галад. Валда утверждал,

что благословлен Светом, но он творил жуткие вещи — а я, надеясь на помощь Света, совершала неоправданные убийства. Не говорю, что Айбара невиновен. Для такого вывода недостаточно оснований. Но я хочу, чтобы ты понял: бывает, самые достойные люди совершают неправильные, дурные поступки. Иногда эти люди заслуживают кары, но другой раз наказание не принесет пользы, и лучше позволить человеку жить дальше, сделав соответствующие выводы. Пусть учится на своих ошибках, как училась я, когда вынесла смертный приговор невиновному.

Галад нахмурился. Это хорошо. Наконец его лицо прояснилось, и он покачал головой:

— Посмотрим, что будет на суде. Он… — Тут в стойку шатра снаружи постучали, и Галад вновь сдвинул брови. — Да?

— Милорд капитан-командор! — Какой-то белоплащник, сухопарый мужчина с черными пятнами вокруг ввалившихся глаз, поднял входной клапан и вошел в шатер. — Поступили новости из лагеря того существа, что называет себя Айбара. Он просит отложить день суда.

— По какой причине? — осведомился Галад, продолжая стоять.

— У них что-то случилось, — ответил белоплащ-

ник. — Говорят, раненым требуется помощь. Милорд капитан-командор… Это очевидная хитрость, какой-то новый фокус! Надо атаковать — или, по крайней мере, отказать в этой бессмысленной отсрочке.

Галад, медля с ответом, взглянул на Моргейз.

— Это не хитрость, сын, — сказала та. — Поверь моему слову. Если Айбара говорит, что ему нужна отсрочка, он не кривит душой.

— Ну-ну. — Галад жестом отослал гонца. — Приму во внимание. Как и все остальное, что ты сказала мне, матушка. Пожалуй, мне тоже требуется время на раздумья.

* * *

— Те, кто работает с Силой, уже с ног валятся, — говорил Гаул, шагая справа от Перрина, когда тот совершал обход разных участков лагеря, — но, как они говорят, на Исцеление уйдет несколько дней.

Солнце клонилось к горизонту, но, вероятно, всем, кто обихаживает раненых, предстояла долгая ночь. Пострадавших были тысячи, хотя по большей части ранения — к счастью — оказались несерьезными. Сколько-то человек погибло. Слишком много. Пожалуй, не меньше, чем от

змеиных укусов.

Перрин сердито хмыкнул. Даже у Гаула была перевязана рука: от своих копий он отбился, но едва не пал жертвой собственной стрелы, от которой успел закрыться предплечьем. Отвечая на вопросы Перрина, айилец рассмеялся и сказал, что давно уже не ранился собственной стрелой. Ох уж этот айильский юмор.

— А что белоплащники? Ответили? — спросил Перрин у шедшей слева от него Аравин.

— Да, — ответила она, — но ответ неопределенный. Их предводитель сказал, что «обдумает» нашу просьбу.

— Ну, это не ему решать. — С этими словами Перрин вошел в ту часть лагеря, где располагались майенцы: проверить, как дела у подданных Берелейн. — Я не собираюсь рисковать. Нельзя выходить на битву, если четверть воинов изранена, а Аша'маны до смерти вымотаны Исцелением. Так что я сам назначу день суда. Если Дамодред против, пусть нападает, да и дело с концом.

Гаул одобрительно крякнул. Копья были при нем, но Перрин заметил, что они пристегнуты крепче обычного. У Аравин имелся фонарь — она тоже понимала, что ночь будет долгой, — но зажигать его пока что не было необходимости.

— Дай знать, когда вернутся Илайас и Тэм, — сказал Перрин Гаулу. Этих двоих он отправил в ближайшие деревни: узнать, не зацепило ли пузырем зла местных жителей — тех, кто не присоединился к проходившей мимо армии.

Берелейн — с перевязанной рукой, но уже пришедшая в себя — дала ему отчет о состоянии дел в майенском лагере, сообщив о количестве раненых и назвав имена полудюжины погибших.

Покинув шатер Первенствующей, Перрин зевнул и отправил Аравин проверить, как дела у Айз Седай. Гаул ушел помогать переносить раненых, и Перрин обнаружил, что в одиночестве шагает по тропинке, ведущей в ту часть лагеря, где стояли палатки людей Аллиандре.

Насколько знал Перрин, единственным оружием, не пытавшимся прикончить своего владельца из-за воздействия пузыря зла, оказался его молот. Что бы это значило?

Он покачал головой, встал и задумался, но тут услышал, как кто-то бежит к нему по тропинке. Уловив запах Тэма, он обернулся и разглядел силуэт крепкого мужчины.

— Перрин, сынок, — начал Тэм, запыхавшийся от пробежки, — произошло кое-что необычное.

— Деревню накрыл пузырь зла? — с тревогой

спросил Перрин. — Пострадавшие есть?

— Нет-нет, — ответил Тэм, — я не об этом. У деревенских все в порядке. Они ничего не заметили. Тут дело другое… — От него исходил странный запах: растерянность и волнение.

— Что такое? — нахмурил брови Перрин. — Что случилось?

— Я… В общем, мне пора, сынок, — сказал Тэм. — Пора покинуть лагерь. А когда вернусь, не знаю.

— Это из-за…

— Нет, белоплащники тут ни при чем, — перебил его Тэм. — Мне сказали не вдаваться в подробности. Дело касается Ранда.

Перед глазами закружились разноцветные пятна. Ранд шагал по коридорам Твердыни Тира. Лицо у него было мрачное. Даже опасное.

— Перрин, — продолжил Тэм, — у меня нет выбора. Это связано с Айз Седай, и я должен оставить тебя — прямо сейчас. Больше ничего не скажу: меня заставили дать клятву.

Перрин заглянул ему в глаза. Понял, что Тэм говорит искренне, и кивнул:

— Тогда ладно. Помощь нужна? Или спутники — куда бы ты ни отправлялся?

— Ничего со мной не случится. — От Тэма пах-

нуло смущением. В чем же дело?.. — Может, приведу тебе подмогу, сынок. — Он положил руку Перрину на плечо. — Ты неплохо справляешься. Горжусь тобой. И твой отец гордился бы. Продолжай в том же духе. Увидимся на Последней битве, а то и раньше.

Перрин кивнул, и Тэм в спешке направился к своей палатке — наверное, за пожитками.

* * *

Непросто выглядеть по-королевски, сидя в паланкине, который тащат на самый верх городской стены Кэймлина, но Илэйн старалась изо всех сил, поскольку бывают вещи поважнее, чем царственный вид.

Постельный режим! Для королевы! Что ж, Илэйн поклялась не вставать на ноги — иначе Мелфани так и висела бы над душой, — однако ни слова не говорила о том, что не покинет спальню.

Четверо рослых гвардейцев несли паланкин на плечах, а красиво причесанная Илэйн — в малиновом платье и с Розовым венцом Андора на макушке — балансировала меж подлокотников, ограждавших от ненарочного падения.

День выдался сырой, теплело, но небо остава-

лось затянуто тучами. Секунду-другую Илэйн поизводилась от чувства вины перед беднягами, при полном параде тащившими паланкин по этой жаре раннего лета, но раз уж эти парни собираются идти в бой под ее знаменами, то прогулка в теплый денек им не повредит. Потерпят. В конце концов, часто ли гвардейцам выпадает честь нести на плечах королеву?

Бергитте шагала рядом. Узы подсказывали, что в глубине души она покатывается со смеху. Поначалу Илэйн опасалась, что ее Страж будет против этой вылазки, но ей, видите ли, смешно! Должно быть, Бергитте понимала, что сегодняшняя затея не представляет реальной опасности для Илэйн и малышей, хотя Мелфани непременно опечалится. Для Стража все это было лишь возможностью полюбоваться, как Илэйн с помпой перемещается по городу, имея при этом самый дурацкий вид.

Девушка поморщилась. Что скажут люди, увидев, как паланкин с ее величеством проследовал на внешнюю стену? Ладно, пусть себе болтают. Она намерена увидеть испытания собственными глазами. И не допустит, чтобы ее тиранила деспотичная повитуха.

Со стены открывался превосходный вид: справа город-муравейник, слева — поля, за которыми

находился Арингилл. Слишком они бурые, эти поля. Отчеты поступали неутешительные: девять из десяти полей королевства не дали урожая.

Носильщики доставили Илэйн к одной из стенных башен и застопорились, обнаружив, что шесты паланкина длинноваты и не позволяют развернуться на внутренней лестнице башни, а ведь демонстрация предполагалась на самом ее верху. К счастью, для подобных ситуаций предусматривались рукоятки покороче; гвардейцы взялись за них, предварительно сняв шесты, и продолжили восхождение.

По пути Илэйн отвлекала себя мыслями о Кайриэне, чьи благородные Дома клялись, что ждут не дождутся ее восшествия на трон, и в то же время не предлагали ей ничего, кроме номинальной поддержки. *Даэсс Дей'мар* была в полном разгаре, и демонстративные выступления за и против начались сразу после того, когда Ранд обмолвился, что намерен передать страну под контроль Илэйн.

Сколько существовал Кайриэн, над ним всегда веяли сотни политических ветров, причем каждый в своем направлении, и у Илэйн, до того как она займет трон, попросту нет времени изучить все многообразие тамошних фракций. К тому же,

если ее сочтут участницей игры, не увидят ли в ней кандидата на поражение? Необходимо найти способ захватить Солнечный трон, не принимая излишне активного участия в политической жизни местных Домов.

Паланкин со скрипом водрузили на башенный выступ, возле которого ждала Алудра с одним из опытных образцов дракона. Он представлял собой довольно длинную бронзовую трубу, установленную на деревянную раму. Второй прототип, действующий, стоял на соседней башне — в достаточном отдалении, чтобы не подвергнуть Илэйн опасности, если что-то пойдет не так.

Похоже, стройную уроженку Тарабона вовсе не беспокоил тот факт, что она предоставляет королеве чужой страны оружие, способное изменить весь мир. Ей хотелось лишь поскорее поквитаться с шончан; по крайней мере, так утверждал Мэт. Странствуя с бродячим балаганом мастера Люка, Илэйн провела какое-то время в обществе этой женщины, но до сих пор не знала, можно ли ей доверять. Надо бы сказать мастеру Норри, чтобы глаз с нее не спускал.

Разумеется, при условии, что драконы не обманут ожиданий. Илэйн бросила еще один взгляд на людей, собравшихся внизу у стены, и только те-

перь сообразила, насколько тут высоко. О Свет!

«Я в безопасности, — напомнила она себе. — У Мин было видение». Хотя она не собиралась повторять подобные слова Бергитте. Больше никогда. И впредь не намеревалась так сильно рисковать. Хотя тут, на стене, никакого риска. Вообще никакого.

Она успела отвернуться, пока не закружилась голова, и повнимательнее рассмотрела дракона. Формой он напоминал большой бронзовый колокол, но значительно уже и подлиннее: что-то вроде уложенной набок гигантской вазы. Илэйн уже получила несколько гневных посланий от городских литейщиков: Алудра настаивала на точнейшем соблюдении инструкций, а посему мастерам-колокольщикам пришлось трижды переделывать работу, пока бедняги не сумели отлить требуемое изделие.

Прошлым вечером, ближе к ночи, по городу прокатился такой грохот, словно где-то рухнула каменная стена или в землю угодила молния. Наутро Илэйн получила записку от Алудры:

Первое испытание прошло успешно. Встречаемся сегодня на городской стене, и я все продемонстрирую.

— Ваше величество, — поинтересовалась Алудра, — вы… вам нездоровится?

— Со мной все хорошо, — сказала Илэйн, пытаясь сохранить достоинство. — Итак, дракон готов?

— Да, — ответила Алудра.

На ней было длинное коричневое платье, а волосы — черные, вьющиеся и распущенные — доходили до пояса. Интересно, по какой причине Алудра не заплела их сегодня в косы? Драгоценности, похоже, ее не интересовали: Илэйн ни разу не видела, чтобы Алудра носила украшения. Рядом стояли пятеро из Мэтова Отряда Красной руки; один — со штуковиной вроде ерша для чистки дымоходов, второй держал в руках металлическую сферу, а у третьего был небольшой деревянный бочонок.

Похожую группу Илэйн разглядела на соседней башне. Кто-то помахал ей шляпой. Как видно, Мэту захотелось постоять рядом с действующим драконом. Что за безрассудный мужчина. А если эта штука взорвется, будто ночной цветок?

— Тогда начнем демонстрацию, — сказала Алудра. — Эти люди покажут вам, что будут делать на дальней башне. — Она задумчиво взглянула на Илэйн. — Думаю, надо бы приподнять ее вели-

чество, дабы ей было лучше видно.

Несколькими минутами позже принесли несколько ящиков, водрузили на них паланкин, и Илэйн глянула поверх стенных зубцов. Похоже, на холме соорудили какую-то конструкцию, но какую именно — Илэйн не рассмотрела: слишком далеко. Поэтому Алудра выдала Илэйн и Бергитте по зрительной трубе.

Взглянув в нее, Илэйн увидела, что на дальнем холме выстроились в несколько рядов штук пятьдесят портновских манекенов. О Свет! Не многовато ли? Пожалуй, в самом скором времени во дворец начнут приходить многословные послания от городских портных!

Мэт заверял ее, что польза от драконов неоценима. Ну да, конечно. Это же Мэт. Прямо скажем, не самый надежный человек на свете.

«Но кто отдал Тени бесценный тер'ангриал? Вовсе не Мэт», — напомнила себе Илэйн и поморщилась. В поясной сумочке у нее лежала новая копия медальона с лисьей головой — одна из трех, что удалось создать на тот момент. Раз уж Илэйн прикована к постели, почему бы не провести время с пользой? Если направляешь Силу, грустить некогда.

Все три копии работали как первая — надев

такую вещицу, Илэйн не могла коснуться Источника, и создаваемую защиту пробивало любое мощное плетение, — а посему жизненно важно было раздобыть оригинал для дальнейшего изучения.

— Как видите, ваше величество, — чопорно произнесла Алудра, видно не привыкшая к подобным показам, — мы постарались воссоздать условия, при которых вы пожелаете использовать драконов.

«Вот только вместо полусотни манекенов там будет сто тысяч троллоков», — подумала Илэйн.

— Прошу, взгляните на соседнюю башню, — указала Алудра.

Повернув зрительную трубу в указанном направлении, Илэйн рассмотрела пятерых облаченных в униформу «красноруких», ожидавших возле второго дракона. Что касается Мэта, тот заглядывал в бронзовое жерло.

— Они в какой-то мере освоили работу с драконами, — продолжила Алудра, — но не настолько, чтобы меня все устраивало. Хотя для начала неплохо, да?

Когда Илэйн опустила зрительную трубу, макет дракона уже откатили назад — как оказалось, рама стояла на колесах, — а жерло трубы приподнимали.

няли к небу. Один из «красноруких» — тот, что с бочонком, — насыпал в ствол какой-то черный порошок, другой запихнул туда же комок чего-то мягкого, а третий примял содержимое трубы длинным шестом — как оказалось, то была не щетка-ерш трубочиста, а некий инструмент для трамбовки.

— Похоже на порошок из ночного цветка, — сказала Бергитте.

Илэйн ощутила ее настороженность.

Алудра бросила быстрый взгляд на Стража:

— Как ты узнала, что находится в ночном цветке, Майрион? Ты же понимаешь, насколько опасно их вскрывать, да?

Бергитте пожала плечами.

Алудра нахмурилась, но, так и не получив ответа, сделала глубокий вдох и продолжила как ни в чем не бывало:

— Устройство совершенно безопасно. Стрелять будет тот, второй дракон, так что риска не будет, да? Да и вообще нет никакой опасности: отливка хороша, а мои расчеты идеальны.

— Илэйн, — сказала Бергитте, — я все равно думаю, что лучше смотреть на такое издали. Например, снизу, стоя у стены. Даже если поджигать будут не здешнюю штуковину, а ту, другую.

— После всего, что я вытерпела в паланкине? — осведомилась Илэйн. — Нетушки, спасибо. Алудра, продолжай.

Досаду Бергитте она проигнорировала. Алудра что, и впрямь надеется попасть в одного из этих манекенов своим железным шаром? Далековато, а снаряд совсем маленький, чуть шире раскрытой мужской ладони! Неужели Илэйн вложила столько усилий в изготовление оружия, которое по своему действию намного уступает катапульте? Допустим, дракон сможет закинуть эту сферу довольно далеко, но булыжники-то, выпущенные из катапульты, куда как поувесистее будут!

Мужчины закончили возиться с макетом, и последний коснулся небольшим факелом фитиля, торчавшего из сферы, после чего закатил ее в трубу, тут же возвращенную в горизонтальное положение.

— Видите? — Алудра похлопала по дракону. — Трое — идеальное число. Четверо — на тот случай, если одного убьют. При необходимости действовать можно и в одиночку, но это небыстро.

Мужчины отошли в сторону. Алудра достала красный флажок и подняла его, передав тем самым сигнал на соседнюю башню. Илэйн нацелила зрительную трубу на вторую группу. У

одного в руке был небольшой факел. Мэт с любопытством наблюдал за происходящим.

Алудра опустила флажок, и солдат поднес горящий факел к боковине дракона.

За этим последовал настолько громкий звук, что Илэйн едва не подпрыгнула. Бум! Резкий, как раскат грома, а вдалеке она услышала что-то вроде эха прозвучавшего взрыва. Илэйн схватилась за грудь и поняла, что надо бы отдышаться.

В склоне холма появилась выбоина, над которой взметнулся огромный фонтан из комьев земли и пыли. Казалось, содрогнулась сама земля, как будто бы разорванная плетением какой-нибудь Айз Седай… Вот только обошлось здесь без Единой Силы.

Алудра разочарованно хмыкнула. Илэйн заглянула в зрительную трубу. Взрыв произошел в добрых двадцати шагах от манекенов, но проделал в склоне яму поперечником в полтора человеческих роста. Неужели этот шар взорвался подобно ночному цветку? Выходит, это оружие — не просто улучшенная версия катапульты или требушета, а нечто принципиально новое. Способное отправить в полет железную сферу с такой силой, что та проделает дыру в земле, а потом, наверное, разлетится на мелкие кусочки.

Если расставить таких драконов по всей стене да выстрелить разом…

Алудра снова подняла флажок. Илэйн направила зрительную трубу на соседнюю башню и наблюдала, как солдаты сперва вычистили, а потом вновь зарядили бронзовую трубу. Увидев, что Мэт хмурится и зажимает уши, Илэйн не сдержала улыбки. Зря он полез на ту башню, мог бы и с этой посмотреть. Процесс повторного заряжания занял совсем немного времени, наверное минуты три. Что там говорила Алудра? Можно еще быстрее?

Алудра тем временем записала какие-то приказы и отправила гонца на соседнюю башню. Солдаты слегка переместили дракона. Алудра взмахнула флажком; Илэйн хоть и была готова к грохоту, но все равно вздрогнула, когда прогремел новый взрыв.

На сей раз удар пришелся в самое яблочко. Сфера, поразив центр шеренги, разметала по склону холма раскуроченные остатки манекенов. Пять или шесть были уничтожены, а добрый десяток отброшен в сторону.

Стреляя раз в каждые две минуты, да на такую дальность, да с такой разрушительной силой, это оружие будет в высшей степени смертоносно.

Пожалуй, так же смертоносно, как и дамани. Бергитте не опускала зрительной трубы, и, хотя лицо Стража оставалось бесстрастным, Илэйн чувствовала, в каком она изумлении.

— Ну как, довольны ли вы моим оружием? — спросила Алудра.

— Довольна, Алудра, — с улыбкой ответила Илэйн. — Оно мне очень нравится. Отныне в твоем распоряжении ресурсы всего города. Да что там — всего Андора! В стране есть и другие литейные цеха. — Она взглянула на иллюминаторшу. — Но расчеты и чертежи необходимо держать в секрете. С тобой отправятся мои гвардейцы. Нельзя допустить, чтобы кому-то из мастеров-колокольщиков взбрело в голову, а не стоит ли бросить родной дом, дабы продать врагу столь ценные сведения.

— Пока они не побегут к шончан, — сказала Алудра, — меня это не тревожит.

— А меня — тревожит, — возразила Илэйн. — И я прослежу, чтобы эти штуки использовались надлежащим образом. Поэтому не отпущу тебя без клятвы.

Женщина вздохнула, но произнесла требуемые слова. Илэйн намеревалась использовать драконов исключительно против троллоков и шончан,

но, единолично распоряжаясь этими орудиями, она будет гораздо спокойнее за судьбу Андора.

Она улыбнулась этой мысли. Сдержать волнение оказалось не так-то просто. Наконец Бергитте опустила зрительную трубу. Узы давали понять, насколько она впечатлена и серьезна.

— Что? — спросила Илэйн.

Гвардейцы, взяв у нее зрительную трубу, по очереди рассматривали разрушения, причиненные драконом. У Илэйн странно прихватило живот. Может, съела что-то не то на завтрак?

— Мир только что изменился, — вздернула подбородок Бергитте, и ее длинная коса слегка качнулась. — Ты не представляешь насколько. И у меня дурное предчувствие: поверь, все только начинается.

Глава 30
Там, где людям снятся сны

— Белоплащники — молчаливые ребята, миледи, — самодовольно улыбнулась Ласиль, — но все равно мужчины. По-моему, они давно не видели женщин, а потому растеряли те скудные мозги, что у них имелись.

Под темным небом Фэйли прохаживалась вдоль коновязей, держа фонарь перед собой. Перрин уже спал. В последние дни он ложился пораньше, стремясь попасть в волчий сон. Белоплащники с неохотой согласились перенести суд, но Перрину все равно пора было заняться подготовкой выступления, хоть он и ворчал, что уже определился со своей речью. Зная его, можно предположить, что он просто расскажет Моргейз,

как все было. Напрямую. Как всегда.

По одну сторону от Фэйли шла Ласиль, по другую — Селанда, а следом — другие Ча Фэйли, следившие, чтобы поблизости не оказалось любопытных ушей.

— Думаю, белоплащники поняли, что мы пришли шпионить, — сказала Селанда. Невысокая светлокожая женщина шагала, положив ладонь на рукоять меча, и выглядело это уже не столь нелепо, как в недавнем прошлом: Селанда серьезно относилась к своим урокам по владению мечом.

— Нет. Это вряд ли, — возразила Ласиль.

На ней все еще была простая желто-коричневая блуза и юбка того же цвета, но более темного оттенка. Что до Селанды, та надела штаны и опоясалась мечом сразу же, как только вернулась с задания — на руке у нее еще оставался порез от клинка, пытавшегося прикончить хозяйку, — но Ласиль, похоже, была в восторге от возможности покрасоваться в юбке.

— Они не рассказали почти ничего полезного, — заметила Селанда.

— Да, — согласилась Ласиль, — но, по-моему, молчание вошло у них в привычку. Наш предлог — мол, хотим проверить, как дела у Майгдин

и остальных, — был весьма правдоподобным, миледи. Мы сумели передать твою записку, после чего поболтали с охранниками о том о сем. Мне удалось вызнать кое-что любопытное.

Фэйли приподняла бровь, но Ласиль умолкла, поскольку они проходили мимо конюха: тот чистил лошадей и заработался допоздна. Когда он остался за пределами слышимости, Ласиль продолжила:

— Белоплащники уважают Галада. Хотя некоторые недовольны его планами.

— Какими планами? — спросила Фэйли.

— Он хочет объединиться с Айз Седай на Последней битве, — объяснила Ласиль.

— Ясно, что это не вызывает у них восторга, — усмехнулась Селанда. — Они же белоплащники!

— Да, — кивнула Фэйли, — но это значит, что Галад мыслит куда более здраво, чем его люди. Благодарю за полезные сведения, Ласиль.

Молодая женщина приосанилась и скромным жестом убрала со лба короткие волосы, прихваченные красными ленточками, которых было вдвое больше, чем до плена у Шайдо.

Впереди меж двух лошадей маячила долговязая фигура. У парня были пышные, на тарабонский манер, усы. По виду бывалый, несмотря на

молодость. Даннил Левин стал командовать двуреченцами после загадочного отбытия Тэма — да обережет его Свет, куда бы тот ни отправился.

— А вот и Даннил, — сказала Фэйли. — Ты тоже здесь. Какое странное совпадение!

— Совпадение? — переспросил он и почесал в затылке. В другой руке у него был лук размером с дорожный посох, и Левин то и дело с опаской поглядывал на него. После недавних событий многие перестали доверять своему оружию. — Вы же сами просили прийти.

— Тем не менее это случайность, — ответила Фэйли. — Если кто-то вдруг спросит. Особенно если этим «кем-то» будет мой муж.

— Не нравится мне что-то скрывать от лорда Перрина, — сказал Даннил, шагая рядом.

— То есть предпочтешь, чтоб его обезглавила свора белоплащников?

— Нет. Этого никому не хотелось бы.

— Значит, выполнил мою просьбу?

— Я переговорил с Грейди и Неалдом, — кивнул Даннил. — Лорд Перрин уже велел им быть наготове, но мы все равно побеседовали. У Грейди будет готово плетение Воздуха, и он вытащит лорда Перрина, если дело примет скверный оборот. Отступление прикроет Неалд. Еще я говорил

с двуреченцами. В перелеске засядет отряд лучников. Если что, отвлекут внимание на себя.

Фэйли кивнула. К счастью, в недавнем пузыре зла Аша'маны не пострадали. У обоих были ножи, но, если верить рассказам, как только те зависли в воздухе, Аша'маны небрежно отмахнулись от них, и оружие упало на землю. Когда посыльные, несущие весть о придуманном Фэйли трюке с бросанием земли, добрались до их уголка лагеря, там было куда спокойнее: Грейди с Неалдом сновали меж палаток и роняли взбесившиеся предметы взмахом руки.

Отчасти причиной для задержки с судом было Исцеление, но не в последнюю очередь Перрин хотел выиграть время для своих кузнецов и ремесленников, чтобы те изготовили новое оружие для тех, кто утратил свое в пузыре зла — на случай, если суд закончится сражением. И Фэйли все чаще думала, что так оно и будет.

— Лорду Перрину не понравится, если его вытащат из боя, — сказал Даннил. — Вообще не понравится, ни чуточки.

— Ну а вдруг тот шатер окажется смертельной ловушкой? — напомнила Фэйли. — При желании Перрин сможет руководить битвой из безопасного места. Вы обязаны его спасти.

— Понял, миледи, — кивнул Даннил и тяжело вздохнул.

* * *

Перрин тем временем учился тому, как не бояться Юного Быка.

Шаг за шагом он осознавал, что такое равновесие. Что значит быть то волком, то человеком, исходя из насущной необходимости. Он позволял себе втянуться в охоту вместе с другими волками, но не забывал о своем доме — а дом там, где Фэйли. Он шел по лезвию меча, но с каждым шагом ступал все увереннее.

Сегодня он охотился на Прыгуна — коварную и опытную добычу. Однако Юный Бык схватывал все на лету, а человеческое сознание давало ему некоторые преимущества: он умел думать как тот, кем не являлся.

Может, именно так поначалу чувствовал себя Ноам? Куда заведет этот путь осознания? Это секрет, и раскрыть его сумеет только сам Юный Бык.

Потерпеть неудачу нельзя. Он попросту обязан был учиться. Почему-то ему казалось, что чем увереннее ориентируешься в волчьем сне, тем спокойнее чувствуешь себя в реальном мире.

Юный Бык бежал по незнакомому лесу — нет, по джунглям со свисающими лианами, широколистными папоротниками и таким густым подлеском, что здесь и крысе прошмыгнуть было бы непросто. Но Юный Бык велел, чтобы преграды расступились, и лианы уползли вверх, кусты склонились к земле, а папоротники отпрянули, будто мать, спасающая ребенка от мчащейся на него лошади.

Впереди мелькал Прыгун. Вдруг добыча исчезла, но Юный Бык, не сбавляя темпа, выскочил туда, где только что видел старого волка, и уловил запах места, куда тот отправился, после чего *сдвинулся* на бескрайнюю равнину с незнакомой растительностью и без единого дерева. Вдали размытым пятном скользила добыча, и Юный Бык погнался за ней, каждым прыжком покрывая сотни шагов.

Несколькими секундами позже они приблизились к обширному плато, и Прыгун взбежал на скальный уступ — прямиком по отвесной каменной стене. Игнорируя законы реального мира, Юный Бык бросился вдогонку — хвостом к далекой земле, носом к бурному морю черных туч. Он перескакивал через расщелины, прыгал, отталкиваясь от стенок глубокого разлома в

камне, и наконец достиг вершины плато.

Прыгун атаковал его, но к этому Юный Бык был готов. Он откатился и вскочил на все четыре лапы, а старый волк, промчавшись у него над головой, вылетел было за кромку обрыва, но мгновенно исчез и тут же появился на краю каменного выступа.

Юный Бык превратился в Перрина. В руке он держал молот из податливого дерева. Здесь, в волчьем сне, такие предметы не возбранялись: стукнуть стукнешь, но вреда не будет.

Перрин замахнулся — двигаясь неожиданно так стремительно, что от этого затрещал воздух, — но Прыгун с такой же головокружительной быстротой отскочил в сторону, перекатился и, сверкнув клыками, напал со спины. Перрин зарычал, *сдвинулся* и очутился в нескольких футах от прежнего места. Челюсти Прыгуна щелкнули впустую, а Перрин снова занес молот.

Волка вдруг окутал густой туман. Молот утонул в этой завесе, врезался в землю и отскочил с такой силой, что Перрин едва устоял на ногах. Кровь и пепел! В тумане он совершенно ослеп. Пытался учуять Прыгуна, но не мог.

За пеленой что-то шевельнулось, и Перрин устремился вперед, но там не обнаружилось

ничего, кроме сотканных из тумана узоров. Он развернулся и увидел, что вокруг движутся тени: образы волков, людей и других существ, а каких — не разобрать.

Сделай этот мир своим, Юный Бык, — прислал сообщение Прыгун.

Перрин сосредоточился на сухом и несвежем запахе пыли, ведь здесь, в безводных местах, воздух должен пахнуть именно так.

Нет, дело не в том, как должен пахнуть воздух; дело в том, какой он есть! Его сознание, воля, чувства столкнулись с какой-то новой сущностью и одолели ее.

Туман исчез, испарился на жаре. Неподалеку присел на задние лапы Прыгун.

Молодец. Учишься.

Волк устремил взгляд на север, заинтересовался чем-то, а потом исчез.

Перрин уловил его запах и сместился на Джеханнахскую дорогу. Прыгун метался у странной фиолетовой преграды. Они часто бывали здесь — посмотреть, не исчезнет ли купол. Пока что не исчез.

Перрин не прекращал охоту. Может, предназначение купола в том, чтобы удержать под собой волков? Но если так, почему Губитель не

поставил ловушку возле Драконовой горы, где непонятно по какой причине собралось множество волчьих стай?

Может, купол появился здесь с иной целью. Запомнив у его границы пару-тройку приметных скал, Перрин загнал Прыгуна на невысокий утес. Волк соскочил с него, растворился в полете, и Перрин последовал за ним.

В прыжке он уловил запах места, куда отправился волк; не останавливаясь, сместился туда… и завис в двух футах над мерцающим голубым пространством. Ошеломленный, он плюхнулся в воду, выронил оружие, забарахтался, исступленно забил руками.

На водной глади стоял Прыгун, и на морде у него читалось волчье неодобрение.

Плоховато, — добавил волк. — *Еще учиться и учиться.*

Перрин отфыркался.

Над морем собиралась буря, но Прыгун мирно сел на пенистые волны, снова глянул на север, а затем повернулся к Перрину: *Вода тревожит тебя, Юный Бык.*

— Я просто не подготовился! — крикнул Перрин, прилагавший все усилия, чтобы не пойти ко дну.

Почему?

— Потому, что не ожидал!

Зачем ожидать? — удивился Прыгун. — *Когда преследуешь кого-то, можешь оказаться где угодно.*

— Знаю, — проворчал Перрин и едва не захлебнулся. Сцепив зубы, он вообразил, что стоит на воде — так, как стоял Прыгун, — и, хвала Свету, поднялся на поверхность моря. Под ногами вздымались волны. Странное ощущение.

Так ты Губителя не одолеешь, — заметил Прыгун.

— Значит, буду учиться дальше, — сказал Перрин.

Времени почти не осталось.

— Значит, буду учиться быстрее.

А сможешь?

— Деваться-то некуда.

Можешь просто не сражаться с ним.

— Разве это дело, бежать от добычи? — покачал головой Перрин. — Ведь тогда она превратится в охотника. Нет, я встречусь с ним, но должен подготовиться.

Есть один способ…

От волка пахнуло тревогой.

— Сделаю все, что придется.

За мной.

Прыгун исчез, и Перрин уловил неожиданный запах: мусор, грязь, уголь и горящее дерево. Люди.

Он *сдвинулся* и попал в Кэймлин, на крышу какого-то здания, Однажды Перрин уже побывал в этом городе, хотя задержался там и ненадолго. Глядя на прекрасный Внутренний город — древние постройки, купола и шпили, высившиеся на холме, словно величавые сосны на зубчатой вершине горы, — он застыл в изумлении. Сейчас он оказался возле старой стены, за которой раскинулся Новый город.

Сидевший рядом Прыгун тоже рассматривал эту впечатляющую картину. Считалось, что почти весь город построили огиры, и Перрин, глядя на всю эту бесподобную красоту, охотно согласился бы с этим предположением. Поговаривали, что Тар Валон величественнее Кэймлина, но Перрин с трудом верил, что такое возможно.

— Зачем мы здесь? — спросил он.

Мы там, где людям снятся сны, — ответил Прыгун.

В реальном мире так и было. Здесь же город оказался пуст. Несмотря на бурю в небесах, свет был дневной, и Перрин понимал, что на улицах

должно быть полно народу: женщины, идущие на рынок и обратно, благородные господа на лошадях, повозки с бочонками эля и мешками зерна. Резвящиеся дети, карманщики-лиходеи, выискивающие жертву, рабочие, ремонтирующие мостовую, и предприимчивые торговцы-разносчики, снабжающие всю эту братию пирожками с мясом.

Вместо них — намеки на людей: тени, оброненный на улице платок, двери — то открытые, то закрытые, — потерянная в грязи переулка подкова… Словно всех унес ветер, похитили Исчезающие или утащило какое-нибудь чудище из жуткой сказки менестреля.

На мгновение внизу появилась женщина в красивом зеленом платье, расшитом золотой нитью; она окинула улицу безжизненным взглядом и тут же исчезла. В волчий сон время от времени забредали люди — наверное, тоже во сне. По мнению Перрина, этот мир являлся им в сновидениях.

Это место, — сказал Прыгун, — *не только для волков. Оно для всех.*

— Для всех? — переспросил Перрин, усаживаясь на черепицу.

Об этом месте известно всем душам, — подтвердил Прыгун. — *Они приходят сюда, стоит*

только захотеть.

— Когда спят?

Верно, — улегся рядом Прыгун. — *Страшные сны людей сильны. Очень, очень сильны. Иногда эти ужасные сны приходят сюда.*

Это послание сопровождалось образом громадного волка размером с дом; тот расшвыривал маленьких волков, пытавшихся укусить его. От волка пахло ужасом и смертью. Как… как в кошмаре.

Перрин понимающе кивнул.

Многие волки попадали в эти страшные сны, чувствовали на себе их боль — чаще всего там, где бывают люди, хотя сон живет отдельно от того, кто его создал. — Прыгун взглянул на Перрина. — *Охота в страшных снах может научить тебя, как стать сильнее. Но это очень опасно. Ты можешь умереть.*

— Сейчас уже не время думать о безопасности, — сказал Перрин. — Ну что, начнем?

Не спросив, уверен ли он, Прыгун соскочил с крыши. Следом за ним Перрин мягко приземлился на мостовую. Когда Прыгун сорвался с места, Перрин тоже перешел на бег.

— Как их найти? — спросил он.

Вынюхивай страх, — сообщил Прыгун. — *Ужас.*

Перрин зажмурился и сделал глубокий вдох. Иной раз в волчьем сне запахи были мимолетны, примерно как вышеупомянутые двери — то открытые, то нет. Мороженые плесневелые картофелины. Конский навоз. Пекущийся пирог.

Открыв глаза, Перрин не увидел ни того, ни другого, ни третьего. На самом деле все это было здесь, но не полностью, а отчасти. Вернее, могло тут оказаться.

Сюда, — сказал Прыгун и исчез. Перрин последовал за волком — и оказался у входа в узкий и неестественно темный переулок.

Иди, — велел Прыгун. — *В первый раз долго не продержишься. Я приду за тобой. Помни, что этого не существует. Все это — ненастоящее.*

Перрину стало не по себе, но он решительно ступил в переулок. По обеим сторонам чернели стены, словно выкрашенные в цвет ночи, вот только нет на свете настолько черной краски. Что это под ногой, пучок травы? Небо над головой перестало клубиться тучами, и Перрину показалось, что он видит мерцающие звезды. И тут появилась бледная, небывалых размеров луна, затянутая пеленой облаков и светившаяся холодным — даже ледяным — светом.

Перрин был уже не в городе. Он встревоженно

осмотрелся и понял, что находится в лесу, полном совершенно незнакомых деревьев с толстыми стволами — на ветвях ни листочка, а кора светло-серая и в призрачном освещении похожа на кость.

Надо вернуться в город! Подальше от этого жуткого места. Перрин хотел было уйти, но в ночи что-то мелькнуло, и он обернулся.

— Кто здесь?! — окликнул он.

Из объятий тьмы вырвалась бегущая со всех ног женщина в свободном белом одеянии чуть длиннее ночной сорочки. За спиной у нее развевались длинные черные волосы. Увидев Перрина, она замерла и бросилась было в другую сторону, но не успела.

Перрин схватил ее за руку и потянул к себе. Женщина рвалась прочь, скользя ногами по черной глинистой земле. Она задыхалась: вдох-выдох, вдох-выдох. От нее пахло безумием.

— Надо найти выход, — сказал Перрин. — Мы должны вернуться в город!

— Скоро он будет здесь, — сдавленно прошептала женщина, глядя ему в глаза. Высвободившись, она убежала в ночь, и тьма окутала ее, будто погребальный саван. Не опуская руки, Перрин шагнул вперед, вытянув руки.

За спиной он услышал какой-то звук, медленно обернулся и увидел нечто огромное. Казалось, нависшая над ним тень впитывает лунный свет, всасывает дыхание Перрина, поглощает его волю и саму жизнь.

Существо встало на дыбы и сделалось еще выше — выше деревьев, гигантский монстр с руками толще бочек, но его лицо и тело терялось в тенях. Тварь открыла глаза, и в ночи вспыхнули два громадных темно-красных угля.

«Надо убить его!» — мелькнула у Перрина мысль. В руке у него появился молот. Он сделал шаг вперед, но тут же одумался. О Свет! Как биться с тварью таких чудовищных размеров в честном поединке? Нет, сперва надо найти укрытие.

Он развернулся и побежал по зловещему лесу. Чудовище следовало за ним. Перрин слышал, как оно ломает сучья, а от его шагов содрогается земля. Впереди он увидел женщину. Ее тонкая белая рубашка зацепилась за ветку дерева. Женщина вырвалась и помчалась дальше.

Существо нависало над лесом. Оно поймает Перрина, пожрет его, уничтожит раз и навсегда! В панике он окликнул женщину и рванул за ней вдогонку. Женщина бросила взгляд за спину, оступилась и упала.

Перрин выругался, подбежал к ней, помог встать… но чудище было уже совсем рядом.

Значит, будет бой. Сердце билось едва ли не быстрее, чем долбит клювом кору лесной дятел. Покрепче сжав молот в потных ладонях, Перрин развернулся к жуткому созданию и встал так, чтобы закрыть женщину своим телом.

Монстр снова поднялся на дыбы, и в красных глазах запылал огонь. О Свет! Как же с ним драться? Нужно хоть какое-то преимущество!

— Что это за существо? — спросил он у женщины, вконец отчаявшись. — И почему оно гонится за нами?

— Это он, — прошептала та. — Дракон Возрожденный.

Перрин обмер. Дракон Возрожденный? Но… выходит, перед ним Ранд? «Это кошмар, — напомнил себе он. — Он не имеет отношения к реальности! Не смей принимать его всерьез!»

Земля дрогнула и застонала. Перрин ощутил жар, исходивший из глаз чудовища. За спиной раздался шорох: женщина сбежала, и Перрин остался в одиночестве.

Он покрепче уперся в почву дрожащими ногами. «Беги!» — кричали все инстинкты. Но нет. И сразить этого монстра тоже невозможно. Не

принимай кошмар за реальность.

На полянку с воем выскочил волк. Своим телом Прыгун будто раздвинул тьму, но существо склонилось к Перрину и подняло громадную руку, намереваясь сокрушить его…

Это переулок.

В Кэймлине.

Все это ненастоящее.

Не на самом деле.

Окружающая Перрина тьма выцвела. Гигантская черная тень задрожала, словно парусящая ткань. Луна исчезла, у самых ног Перрина проступила площадка грязной утоптанной земли кэймлинского переулка, а затем — щелк! — и сон исчез. Перрин оказался снова в городе, рядом Прыгун, а вокруг никаких признаков леса и, что самое главное, чудовищного образа Дракона Возрожденного, возникшего в чьем-то сознании.

Он выдохнул, медленно и с облегчением. Со лба капал пот. Перрин хотел было стереть капли, но опомнился и пожелал, чтобы лоб стал сухим.

Прыгун исчез, Перрин последовал за ним и оказался на прежней крыше. Он сел. От одних воспоминаний о гигантской тени его била дрожь.

— Все было так… реально, — произнес он. — В глубине души я знал, что это кошмар. Но не мог

ничего поделать, кроме как бежать или драться. И в обоих случаях чудовище набиралось сил? Потому что я признавал его реальность?

Да. Не верь всему, что видишь.

Перрин кивнул.

— Там была женщина. Часть сна? Она тоже ненастоящая?

Да.

— Может, это был сон этой женщины, — предположил Перрин. — Ей приснился кошмар, и она застряла здесь, в Мире снов.

Спящие люди тут не задерживаются, — ответил Прыгун, не видевший темы для обсуждений. — *Ты был силен, Юный Бык. Ты справился.*

От него пахнуло гордостью.

— Стало проще, когда она назвала чудовище Драконом Возрожденным. Тут-то я и понял, что нахожусь вне реальности. Ее слова помогли поверить, что все не по-настоящему.

Ты справился, глупый щенок, — повторил Прыгун. — *Может, и научишься.*

— Только если продолжу учиться. Ну что, повторим? Сможешь найти еще один кошмар?

Да, — ответил Прыгун. — *Здесь всегда есть кошмары, когда рядом вы, люди. Всегда.*

Однако волк снова глянул на север. Раньше

Перрин думал, что его отвлекают сны, но теперь стало ясно, что это не так.

— Почему ты то и дело посматриваешь в ту сторону? Что там? — спросил он.

Она все ближе, — сообщил Прыгун.

— Она? Кто?

Последняя охота. Вот-вот начнется. Или нет.

— То есть… прямо сейчас? — Перрин помрачнел и поднялся на ноги.

Решение будет принято. Ждать недолго.

— Что за решение? — Послания Прыгуна сбили Перрина с толку. Он не мог расшифровать эти образы: свет и тьма, пустота и огонь, холод и страшный, просто чудовищный жар. И еще волчий вой — волки выкликают друг друга и делятся силами.

Пойдем.

Прыгун встал, не переставая смотреть на север, а затем исчез. Перрин сместился за ним и оказался чуть выше подножия Драконовой горы, неподалеку от выхода горной породы.

— О Свет! — благоговейно прошептал он, подняв глаза. Буря, что намечалась уже несколько месяцев, наконец-то созрела. Бескрайнее небо превратилось в черную громаду грозовой тучи, скрывавшей вершину горы. Она неспешно

вращалась в воздухе — исполинский черный водоворот, испускавший разряды молний — снизу вверх, к нависающим облакам. В других пространствах волчьего сна эти облака предвещали близкую бурю, но здесь она уже началась.

Перрин понял, что перед ним… центр некой сущности, ее средоточие и очаг. Он чувствовал это. Зачастую волчий сон отражал реальный мир самым причудливым или неожиданным образом.

На каменном козырьке стоял Прыгун. Повсюду, на всех склонах Драконовой горы Перрин чувствовал волков. Их было даже больше, чем в последние дни.

Они ждут, — сказал Прыгун. — *Скоро Последняя охота.*

Прощупывая окрестности, Перрин почуял на подступах к Драконовой горе и другие стаи. Они были еще далеко, но приближались. Перрин поднял глаза к исполинскому пику. К гробнице Дракона, Льюса Тэрина. Это был памятник его безумию, его провалу и успеху, его самоотверженности и гордыне.

— Волки… Они собираются на Последнюю охоту?

Да. Если она случится.

— Как понять? — Перрин бросил взгляд на Прыгуна. — Ты же сам сказал: «Скоро Последняя охота».

Надо сделать выбор, Юный Бык. Одна тропа ведет к Последней охоте.

— А вторая? — спросил Перрин.

Прежде чем ответить, Прыгун повернулся к Драконовой горе:

А вторая не ведет к Последней охоте.

— Это я понимаю. Но куда она ведет?

Никуда.

Собираясь продолжить расспросы, Перрин открыл было рот, но тут на него обрушился весь груз волчьего послания. «Никуда»? Для волка это опустевшее логово, когда всех щенков забрали охотники. Беззвездное ночное небо. Тускнеющая луна. Запах свернувшейся, высохшей, застарелой крови — вот он есть, а вот его нет.

Поэтому Перрин не сказал ни слова, а в небе тем временем клокотала черная буря. Он обонял ее запах, запах мокрой земли и сломанных деревьев, затопленных полей и пожаров, вызванных ударами молнии. Как бывало все чаще, эти запахи, как казалось, контрастировали с окружающим миром. Одно из чувств подсказывало Перрину, что он в самом центре катастрофы, а

другие твердили, что все в порядке.

— Почему бы нам просто не сделать этот выбор?

Потому, что выбирать не нам, Юный Бык.

Перрин почувствовал, как его потянуло к тучам, и он против воли побрел вверх по склону. Прыгун потрусил рядом с ним.

Наверху опасно, Юный Бык.

— Знаю, — отозвался Перрин, но остановиться не мог. Наоборот, пошел быстрее, и каждый новый шаг был чуть шире прежнего. Прыгун бежал рядом, минуя скалы, деревья, группы наблюдавших за ними волков. Все выше и выше взбирались человек и волк, пока деревья не поредели, а мерзлая земля не покрылась льдом.

Наконец они добрались до самой тучи. По виду она состояла из пронзенного молниями клубящегося черного тумана. Перрин постоял у ее внешней границы, а затем шагнул внутрь — с таким чувством, будто входит в кошмар. Ветер сразу необычайно усилился, воздух загудел от энергии, наполнился листьями, землей и песчинками, и Перрину пришлось закрыться ладонью.

«Нет», — подумал он и оказался в пузыре чистого спокойного воздуха. В нескольких дюймах от лица продолжала бушевать буря, и пришлось

поднапрячься, чтобы не вернуться под ее власть. Эта гроза не была ни сном, ни кошмаром, но чем-то более значимым, чем-то более реальным, а противоестественным здесь было присутствие Перрина в созданном им безопасном пузырьке.

Он упорно шагал вперед и вскоре уже оставлял следы на снегу. Прыгун бежал против ветра, тоже не поддаваясь его порывам, и в этом он был посильнее Перрина: тот из последних сил удерживал свой пузырь. Он опасался, что без этой защиты буря подхватит его и зашвырнет куда подальше: собственными глазами Перрин видел, как ветер обламывает и уносит с собой крупные ветви и даже небольшие деревца.

Прыгун замедлил свой бег, затем уселся на снег. Он посмотрел вперед, поднял морду к вершине:

Не могу здесь оставаться. Мне здесь не место.

— Понимаю, — отозвался Перрин.

Волк исчез, но Перрин побрел дальше. Он не мог бы объяснить, почему его тянет к вершине, но знал, что должен туда попасть: кому-то ведь надо стать свидетелем происходящего. Так шагал он (по ощущениям — несколько часов), сосредоточив внимание лишь на том, чтобы ограждать себя от ветра и переставлять ноги.

Ярость бури нарастала, и вскоре ветер так

усилился, что пузырь сдерживал только самые мощные его порывы. Перрин миновал заостренный выступ, где раскололась вершина горы, и стал пробираться по хребту, сгибаясь под натиском урагана. Что справа, что слева были крутые обрывы. Ветер трепал одежду, и Перрину приходилось щуриться, чтобы уберечь глаза от летящего песка и снега.

Но он не останавливался. Из последних сил он пробирался к горному шпилю над расколотой вершиной, зная, что там, наверху, он найдет то, что ищет. В волчьем сне этот жуткий круговорот олицетворял что-то великое и ужасное. Здесь, в этом месте, реальность бывала иногда более осязаемой, чем в мире бодрствующих. Сон явил ему эту бурю, поскольку происходило нечто очень важное — и, как опасался Перрин, чрезвычайно страшное.

Он не сдавался. Упрямо шел вперед, загребал ногами снег, вползал на скалистые выступы и оставлял лоскуты кожи на заиндевевших камнях. Но за последние несколько недель он многому научился и поэтому запросто перепрыгивал ущелья, которые совсем недавно не смог бы перепрыгнуть, и взбирался на камни, слишком высокие для его роста.

На самой верхушке иззубренного, обломанного горного пика застыл человек, и Перрин направился к нему. Ведь кто-то должен узнать, как все будет.

Наконец он с трудом взобрался на последний камень в дюжине футов от вершины и рассмотрел одинокую фигуру. Человек — блеклый оттиск самого себя в реальном мире — неподвижно стоял в самом сердце круговерти ветров и смотрел на восток. Он походил на полупрозрачную тень. Такое Перрин видел впервые.

Разумеется, это был Ранд. Перрин знал, что здесь будет Ранд. Ободранной рукой он вцепился в камень, другой запахнул плащ, созданный усилием мысли пару отвесных скал тому назад, проморгался и поднял покрасневшие глаза, не забывая укрываться от порывов ветра, грозивших сбросить его в объятия бури.

Вдруг полыхнула молния, и впервые с начала восхождения грянул гром. Сверкающая дуга заключила вершину в некое подобие купола и осветила лицо Ранда, жесткое и бесстрастное, будто каменное. Куда подевались все плавные линии? Когда оно успело стать таким угловатым и морщинистым, это лицо? А глаза… Такое чувство, что они выточены из мрамора!

Ранд был облачен в богатую черно-красную куртку. На поясе висел меч. Ветер не тревожил одежд Ранда, и они пребывали в неестественной неподвижности, словно то и впрямь был не человек, а каменная статуя. Шевелились только темно-рыжие волосы — ветер то ерошил их, то свивал в кольца, то отбрасывал со лба.

Опасаясь за свою жизнь, Перрин цеплялся за камень. Щеки жалил ледяной ветер, пальцы онемели до полного бесчувствия, в бороду набились грязные льдинки и мокрый снег. Вокруг Ранда закружилось что-то черное, не имевшее отношения к буре, словно сама ночь сочилась из его силуэта. Ее щупальца вырастали из Рандовой кожи, словно крошечные руки, и обвивались вокруг него и походили на ожившее зло.

— Ранд! — вскричал Перрин. — Сопротивляйся, Ранд!

Но возглас унесло ветром, да и вряд ли Ранд услышал бы крик. Тьма сочилась из его пор жидким дегтем, окутывая Дракона Возрожденного смолистыми миазмами. Спустя несколько мгновений Перрин еле видел Ранда за этой чернотой, обхватившей его, отсекшей его от действительности, изгнавшей его из реального мира. От Дракона Возрожденного не осталось ничего, кроме зла.

— Ранд, умоляю… — прошептал Перрин.

А затем — в центре этой черноты, в самом сердце ревущей бури — зло расщепила тонкая полоска света. Как сияние свечи самой темной ночью. Лучом маяка этот свет устремился вверх, к далекому небу, такой слабосильный…

На этот луч набросилась буря с ее неукротимым, визжащим, завывающим ветром, с ее молниями, что били в верхушку горного пика, раскалывая камни и опаляя землю. Чернота взволновалась и запульсировала.

Но свет продолжал сиять.

Чудовищная тьма пошла паутиной трещин, будто яичная скорлупа, и из этих трещин брызнул свет. Один за другим появлялись во тьме разломы, из-за которых проглядывало нечто неодолимое, нечто сверкающее, нечто совершенно великолепное.

Вдруг скорлупа то ли взорвалась, то ли испарилась, а там, где была тьма, появился столб света — такого яркого, что Перрину показалось, будто он едва не лишился зрения. Но он не отвел глаз и не прикрыл их ладонью, продолжая смотреть на ослепительный образ Ранда, стоявшего в колонне света с раскрытым ртом, будто он обращался к небесам с оглушительным воззванием. Столб

цвета солнца устремился ввысь, и шторм словно содрогнулся, и все небо пошло волной…

И бури как не бывало.

Столб огненного сияния превратился в поток солнечного света, хлынувшего с небес на пик Драконовой горы. Продолжая изумленно глазеть на Ранда, застывшего в этой ослепительной иллюминации, Перрин даже перестал цепляться за камень. Когда он в последний раз видел настоящие лучи солнца? Давно, как давно это было!

Завыли волки. То был триумфальный вой, знаменующий славную победу. Перрин запрокинул голову и завыл вместе с ними, на миг превратившись в Юного Быка. Он чувствовал, как ширится колонна солнечного света, и наконец его омыло этим сиянием, и стужа сменилась приятным теплом, и Перрин едва заметил, как исчез образ Ранда — исчез, но оставил миру солнце.

Вокруг Перрина появились волки. Материализуясь в прыжке, они приземлялись на камни, поскуливали, повизгивали, игриво покусывали друг друга и танцевали в солнечных лучах, взбивая хлопья снега. Среди ликующих волков был Прыгун. Старый волк подскочил до самого неба, воспарил высоко над Перрином и крикнул:

Начинается Последняя охота, Юный Бык! Бу-

дем жить. Будем жить!

Перрин взглянул туда, где стоял Ранд. Если бы его забрала тьма…

Но этого не случилось. Перрин широко улыбнулся.

— Да начнется Последняя охота! — возвестил он, и волки дружно взвыли — едва ли не громче бури, совсем недавно бушевавшей на пике Драконовой горы.

Глава 31
В пустоту

Прежде чем проглотить остатки прохладного вина, Мэт посмаковал его сладость. Затем отставил кубок, бросил пять игральных костей. Те, щелкая друг о друга, покатились по деревянному полу трактира.

Воздух казался густым — густым от разговоров, ругательств и запахов дыма, крепких напитков и стейка, приправленного специями так, что за перцем не чувствовался вкус мяса. Наверное, и к лучшему. Даже в Кэймлине мясо портилось самым неожиданным образом.

Мэта окружали трое остро пахнувших парней: от одного разило чесноком, от другого — потом, от третьего — сыромятной кожей. Все следили за его

броском. Волосы у них были сальные, руки грязные, но денежки водились вполне приличные. Игра называлась «Плевок Коронко». Ее придумали в Шайнаре.

Правил Мэт не знал.

— Пять единиц, — нерешительно сказал тот, от кого несло чесноком. Его звали Риттл. — Это проигрыш.

— Нет, не проигрыш, — негромко возразил Мэт. Даже не зная правил, он не сомневался, что выиграл. Он это чувствовал. Удача была при нем.

И это хорошо. Сегодня вечером без удачи никак.

— Помнится, дружок, ты говорил, что эта игра тебе неведома. — Тот, от кого разило сыромятной кожей, потянулся к ремню, где висел страшного вида нож. Этот парень отзывался на кличку Шорник. Еще у него был такой щетинистый подбородок, о который можно было точить мечи.

— Так и есть, — сказал Мэт и добавил после паузы: — Дружок. Но это выигрыш. Может, поспрашиваем в зале, чтобы найти подтверждение моим словам?

Трое мрачно переглянулись. Мэт встал. За много лет курильщики трубок дочерна закоптили стены трактира, а оконные стекла — кстати

говоря, довольно высокого качества — помутнели от копоти и грязи. По традиции их никогда не мыли. На выцветшей вывеске у входа было изображено колесо повозки, и официально это заведение именовалось «Пыльное колесо», хотя все называли его «Колесо сплетен». Хочешь знать, о чем сплетничают в Кэймлине? Зайди в «Колесо сплетен», не ошибешься. Пусть слухи эти редко соответствуют действительности, но в этом добрая половина веселья.

Почти все здесь прихлебывали эль, но Мэт с недавних пор пристрастился к хорошему красному вину.

— Подлить, мастер Кармазин? — спросила подавальщица по имени Кейти, красавица с черными как смоль волосами и широченной, чуть ли не до самого Кайриэна, улыбкой. Эта девушка весь вечер флиртовала с Мэтом, хотя он не раз и не два втолковывал ей, что женат. Он даже ни разу не улыбнулся в ответ. Вернее, улыбнулся разок-другой, но не более того, и не лучшей своей улыбкой, но некоторым девицам хоть кол на голове теши. Тупо отказываются понимать, что Мэт — человек женатый.

Мэт жестом велел ей уйти. Сегодня — только один кубок, для храбрости. Мэту, чтоб ему сгореть,

сегодня не помешает малая толика мужества. Смирившись с неизбежным, он размотал шарф и уронил его на пол. Потом Мэт вытянул из-под рубашки медальон с лисьей головой — о Свет, как же хорошо, что эта вещица снова при нем! — и вывесил его поверх новехонькой красной с серебром куртки, которую ему купил Том.

Взяв прислоненный к стене ашандарей, Мэт сорвал с клинка тряпичный чехол, а затем положил оружие на плечо и спросил громким голосом:

— Эй! Знает ли хоть кто в этом вонючем трактире правила игры «Плевок Коронко»?

Трое пахучих игроков воззрились на ашандарей. Наконец третий, которого прозывали Снелле, встал и заложил большие пальцы за пояс штанов, тем самым сдвинув полы кафтана и демонстрируя пристегнутый к ремню короткий меч.

Поначалу на Мэта не обратили внимания. Разговоры шли своим чередом: рассказы о прошедшей неподалеку армии порубежников, о беременности королевы, о Драконе Возрожденном, а также о всевозможных смертях, загадочных и не очень. У каждого здесь была своя история, и он спешил ею поделиться. Некоторые из посетителей были одеты в какое-то рванье, а другие — в самые изысканные одежды. В «Колесо сплетен» захажи-

вали все без исключения — от знатных господ до простолюдинов.

Несколько человек у стойки отреагировали на призыв Мэта косыми взглядами. Один обмер и заморгал. Мэт взял со столика широкополую черную шляпу, подержал ее за тулью и водрузил на голову. Моргун толкнул локтем своего соседа. Потный лысоватый парень, с которым играл Мэт, задумчиво провел пальцами по подбородку, словно пытаясь что-то припомнить.

— Как видишь, все молчат… дружок, — улыбнулся Снелле. — Придется поверить нам на слово. Надо было правила спросить, а потом за кости браться. Ну что, платить-то будешь? Или…

Риттл широко раскрыл глаза, вскочил, схватил приятеля за руку и жарко зашептал ему на ухо. Снелле глянул на медальон с лисьей головой, затем посмотрел Мэту в глаза.

Мэт кивнул.

— Прошу нас простить, — сказал Риттл, попятился и бросился к выходу из трактира. За ним последовали остальные двое. Кости и монеты остались лежать на полу.

Мэт опустился на колени, небрежно сгреб деньги и ссыпал их в кошель. Кости брать не стал: они были налиты свинцом так, чтобы почти всегда

выпадали тройки. Мэт понял это, сделав несколько пробных бросков перед первой ставкой.

По общему залу трактира поползли шепотки, словно полчище муравьев, покрывающих свежий труп. Заскрипели отодвигаемые стулья. Беседы сменили темп: кто-то притих, а кто-то заговорил настойчивее прежнего. Мэт встал, собираясь уйти, и люди второпях расступились.

Оставив на краю стойки золотую крону, Мэт коснулся шляпы и кивнул трактирщику по имени Хэтч: тот протирал стакан, а рядом стояла его жена. Красивенькая. Но за стойкой Хэтч держал особую дубинку, чтобы лупцевать тех, кто подолгу глазеет на его супругу. Поэтому заглядываться Мэт не стал. Так, обшарил глазами по-быстрому.

Оставив черный шарф на полу — все равно теперь дырявый, не жалко, — он вышел в ночь, и в тот же миг в черепушке у него перестали греметь игральные кости.

Пора приниматься за дело.

Итак, вот он и на улице. Весь вечер Мэт провел с открытым лицом и был уверен, что его узнали — в основном те, кто тишком выскользнул из трактира, не сказав ни слова. Спускаясь с переднего крыльца, он заметил, что у окон и дверного проема толпится народ.

Ну и взгляды! Не взгляды, а ножи в спину. О Свет, такое чувство, будто он снова болтается в петле. Мэт потрогал отметину на шее. Давненько он не выходил на люди без скрывавшего ее шарфа. Даже рядом с Тайлин он старался прятать этот шрам.

Сегодня вечером, однако, Мэт танцевал с Джаком-из-Теней. Он привязал медальон к ашандарею — закрепив его на плоской стороне мечевидного наконечника и так, чтобы один его край выступал за острие. Драться будет непросто — в большинстве случаев придется лупить врага клинком плашмя, дабы медальон соприкоснулся с плотью твари, — зато достать голама будет полегче, чем если бы пришлось размахивать серебряной лисьей головой, держа ее в руке.

Приладив на место медальон, Мэт выбрал направление и зашагал вперед. Он находился в Новом городе, где громоздились здания, созданные человеческими руками и разительно контрастирующие с элегантными огирскими творениями в других районах Кэймлина. Нет, дома были добротные, но слишком узкие и какие-то куцые. Вдобавок они стояли чересчур близко друг к другу.

В первый раз его попытались убить, едва он

успел отойти на квартал от «Колеса сплетен». Нападавших было четверо. Когда они бросились в атаку, из ближайшего переулка появилось несколько теней под началом Талманеса. Дождавшись солдат, Мэт кивнул Талманесу, развернулся лицом к убийцам, и головорезов как ветром сдуло.

Солдаты Отряда опять растворились во тьме, а Мэт, закинув ашандарей на плечо, продолжил неторопливую прогулку по улицам Кэймлина. Его людям было велено не показываться, пока на Мэта не нападут.

В следующий час это случилось трижды, и всякий раз «красноруким» приходилось отпугивать все более многочисленные банды. В конце концов Мэт и его люди вступили в реальную схватку с наемными убийцами. Ясное дело, даже на привычных погруженных во мрак улицах мастерство городских разбойников не дотягивало до боевых навыков опытных солдат, поэтому дело кончилось пятью мертвыми головорезами и одним раненым со стороны «красноруких». Бедолагу звали Харвелл, и Мэт велел двоим парням увести его обратно в лагерь.

Дело шло к ночи. Мэт начал было волноваться, что назавтра ему опять придется разыгрывать

сегодняшнее представление, но тут заметил впереди неподвижную фигуру. По камням мостовой, влажным от недавнего тумана, серебристыми проблесками рассыпалось отражение луны.

Мэт остановился и снял оружие с плеча. Он видел лишь общие очертания этой фигуры, но ее поза…

— Надумал устроить мне засаду? — с явной насмешкой спросил голам. — С этими смертниками, которых я раздавлю и разорву одним-двумя касаниями?

— Мне надоело убегать, — громко сказал Мэт.

— И поэтому ты сам ко мне пришел? Что сказать — это щедрый дар.

— Да-да, конечно, — согласился Мэт, опуская ашандарей, и лисья голова сверкнула в лунном свете. — Смотри не порежься.

Голам скользнул вперед. Люди Мэта зажгли фонари, поставили их на мостовую и отступили, а несколько человек умчались с донесениями. У «красноруких» был строгий приказ не вмешиваться, и сегодня командирский авторитет Мэта пройдет проверку на прочность.

Встав поустойчивее, Мэт поджидал голама. Ринуться в атаку на такое чудовище способны только герои, а Мэт, чтоб оно все сгорело, вовсе

не герой. Хотя его люди постараются расчистить улицы, чтобы голама не спугнули. Но разве это героизм? Скорее, верх глупости.

В свете фонарей голам приближался, и от его текучих движений ползли по мостовой гибкие тени. Мэт встретил тварь взмахом ашандарея, но она грациозно ушла от удара. Кровь и пепел, какой же он быстрый!

Ножом, что был у него в руке, голам хотел полоснуть по клинку ашандарея, но Мэт отдернул копье, не позволив срезать медальон. Монстр приплясывал вокруг Мэта, и тот держался к нему лицом, но не покидал пределов освещенного круга. Для стычки Мэт выбрал сравнительно широкую улицу, и сейчас он с содроганием вспомнил тесный эбударский переулок, где голам едва не забрал его жизнь.

Тварь снова скользнула вперед, и Мэт сделал ложный выпад, вынуждая голама подойти ближе. Он едва не просчитался, но успел повернуть ашандарей и шлепнуть голама плоской стороной клинка. Медальон с шипением коснулся руки монстра.

Голам выругался и отступил. Дрожащий свет фонарей — пятна света вперемежку с пятнами тьмы — выхватил из тени его лицо. Голам снова

улыбался, хотя рука его дымилась. Прежде Мэту казалось, что у голама самая обычная, ничем не примечательная физиономия, но теперь, в неровном освещении — и с этой улыбкой, — она внушала ужас: сплошные углы, а глаза в отраженном свете фонарей как желтые огоньки, утопающие во тьме глазниц.

Встретишь такого днем — не запомнится; увидишь ночью — не забудется. Эта жуткая образина зверски убила беспомощно лежавшую Тайлин. Мэт стиснул зубы и перешел в атаку.

Проклятье! Не самый умный ход. Ведь голам куда сноровистее Мэта, и тот понятия не имел, можно ли прикончить эту тварь с помощью медальона, но он все равно бросился на голама, бросился во имя Тайлин и всех своих солдат, убитых этим порождением тьмы. А еще Мэт бросился на него за неимением других вариантов, ведь если хочешь узнать, чего стоит человек, загони его в угол и заставь драться за свою жизнь.

Теперь же в пресловутом углу оказался сам Мэт, выбившийся из сил и понимающий, что рано или поздно голам дотянется до него — или, что еще хуже, до Туон или Олвера. В такой ситуации разумный человек удирает без оглядки, но Мэт — не разумный человек; о нет, он пустоголовый бол-

ван, оставшийся в городе из-за клятвы, которую дал Айз Седай. Ладно, если сегодня ему суждено умереть, то он хотя бы умрет с оружием в руках.

Мэт двигался так быстро, что превратился в пронзительно вопящий смерч из дерева и стали. Голам, похоже, настолько оторопел, что даже попятился, и Мэт обрушил ашандарей ему на руку, опалил ее, развернулся, ударил снова. Чудовище выронило кинжал, после чего отскочило в сторону, но Мэт бросился вдогонку и сунул древко копья ему под ноги.

Голам упал — с присущей ему грацией и успев сгруппироваться, но все же упал. Едва он вскочил на ноги, как Мэт полоснул его ашандареем чуть выше пятки, искусно разрезав сухожилие. Будь голам человеком, он непременно рухнул бы на мостовую, однако из раны не вытекло ни кровинки, и монстр не просто удержался на ногах, но даже не поморщился от боли.

Он развернулся, выставил хищно скрюченные пальцы и бросился на Мэта. Тот был вынужден отступить, исступленно отмахиваясь ашандареем. Голам обнажил зубы в ухмылке.

А затем, как ни странно, он снова развернулся и побежал.

Проклятье! Кто его спугнул? Но нет, это было не

бегство. Голам рванул к людям Мэта.

— Отступайте! — крикнул тот. — Все назад! Чтоб тебе сгореть, ты, чудище треклятое! Вот он я, здесь! Вот и бейся со мной!

Повинуясь приказу Мэта, «краснорукие» бросились врассыпную, но Талманес — с традиционно мрачной физиономией — убегать не спешил. Голам рассмеялся. Вместо того чтобы пуститься вдогонку за солдатами, он пнул ближайший фонарь; тот мигнул и погас, а голам пошел по кругу, опрокидывая фонари и погружая улицу во тьму.

«Кровь и пепел!» Мэт сорвался с места. Если голам потушит все светильники, придется бить его вслепую: тучи-то непроглядные!

Совершенно забыв о собственной безопасности, Талманес бросился спасать стоявший рядом фонарь: подскочил к нему, подхватил с мостовой и припустил вдоль по улице. И за ним, конечно же, погнался голам!

Мэт, выругавшись, рванул следом. У Талманеса была неплохая фора, но голам — воплощение быстроты — почти нагнал его, вынудил отскочить в сторону и взобраться на крыльцо какого-то дома, после чего попер на Талманеса. Тот попятился, в то время как Мэт со всех ног мчался ему на подмогу.

Талманес выронил фонарь. Масло расплескалось по фасаду здания, и языки пламени, освещая голама, рябью побежали по сухому дереву.

Монстр прыгнул на Талманеса.

Мэт запустил в него ашандареем.

Копье с широким клинком не предназначалось для метания, однако ножа под рукой не было. Никто не сказал бы, что Мэт целил в голову голама, поскольку он промазал самым прискорбным образом, но ашандарей ушел вниз, и голам снова зацепился ногой за древко, оступился и тяжело грохнулся на мостовую. Талманес, одолев последние ступеньки, вжался в дверь здания, уже объятого огнем.

«Будь благословенна эта моя удача», — подумал Мэт.

Монстр вскочил и метнулся было к Талманесу, но опустил глаза на копье под ногами, перевел взгляд на Мэта и злобно усмехнулся. На левой половине его лица играли отблески занимавшегося пожара. Наклонившись, голам поднял ашандарей, к клинку которого по-прежнему был привязан медальон с лисьей головой, а затем резким движением отшвырнул оружие Мэта в сторону. Пробив оконное стекло, копье улетело в комнату горящего здания.

Внутри зажглись лампы, будто жильцы только-только заметили, что творится на улице. Талманес взглянул на Мэта, а Мэт — на Талманеса, после чего кайриэнец всем телом бросился на дверь горящего дома и вломился в прихожую. Подсвеченный пламенем голам скользнул к Мэту. Пожар усиливался. С колотящимся от волнения сердцем Мэт, не сводя глаз с неестественно быстрого чудовища, зашарил потными пальцами в карманах куртки, выхватил какие-то предметы из обоих карманов и буквально за миг до того, как голам вцепился бы ему в горло, швырнул их прямо тому в ладони. Раздалось шипение — вернее, даже шкворчание, будто на раскаленную сковороду бросили кусок мяса. Голам взвизгнул от боли, зашатался и, распахнув глаза, уставился на Мэта.

В обеих руках у которого было по медальону с лисьей головой.

Мэт раскручивал их на прочных длинных цепочках, и со стороны казалось, что лисьи головы, сверкают не в свете пожара, а сами по себе. Наконец он хлестнул голама медальоном по руке.

— Но как? — взвыл тот, отступив еще на шаг. — Как?!

— Сам толком не знаю. — Илэйн говорила, что

копии не идеальны, но эти безделушки вроде справлялись со своей задачей. Они причиняли голаму боль, а на все остальное Мэт плевать хотел. Он с ухмылкой хлестнул тварь вторым медальоном. — Наверное, мне просто повезло.

Не переставая пятиться к двери горящего здания, голам сверлил Мэта свирепым взглядом, поднялся по ступенькам. Потом он юркнул внутрь — по всей видимости, надеясь сбежать. Мэта такой расклад не устраивал. Не в этот раз. Он взлетел по ступенькам, нырнул в пылающий дверной проем, протянул руку, и Талманес, стоя в боковом коридорчике, вложил в нее ашандарей.

Цепочки с медальонами Мэт обвил вокруг предплечий. Голам метался из стороны в сторону; прихожая горела, от стен и от потолка, откуда через щели сочился дым, исходил ощутимый жар. Талманес закашлялся и прижал к лицу носовой платок.

Голам повернулся к Мэту и с рыком перешел в атаку. Стоя посреди широкой прихожей, Мэт поднял ашандарей, чтобы защититься от смертоносных рук со скрюченными пальцами-когтями. Нижний конец древка копья опалило огнем, и он тлел, оставляя в воздухе дымный след.

Мэт контратаковал противника что было сил,

вращая ашандарей с такой быстротой, что от движения древка возникали дымовые завихрения. Голам попытался нанести удар, но Мэт, перехватив копье в одну руку, другой запустил во вражескую физиономию медальоном с лисьей головой, словно то был не медальон, а метательный нож. Голам взвыл и задымился. Глядя, как он пятится, Мэт шагнул вперед и ударил клинком ашандарея по падавшему на пол медальону, да так ловко, что тот снова угодил в голама.

Размахивая копьем, он неуклонно продвигался вперед, и в скором времени тварь лишилась нескольких пальцев. Ясное дело, обрубки не кровоточили, и голам не чувствовал боли от обычных ран, но нехватка пальцев сделает его выпады чуть менее опасными.

Голам очухался. Теперь он не улыбался, но шипел и яростно пучил глаза, а затем размытой тенью метнулся вперед, но Мэт, крутанувшись, взмахнул копьем — на желто-коричневой рубашке монстра образовалась прореха, обнажившая грудь, — и заехал ему в бочину вторым медальоном — в тот самый миг, когда голам цапнул его за руку.

Кожа лопнула, на стену брызнула кровь, Мэт застонал от боли, а голам снова взвизгнул и по-

пятился глубже в объятую огнем прихожую. Мэт обливался потом — и от жары, и от напряжения. Он уже не мог драться с этой тварью. Вернее, мог, но недолго. Однако это не имело значения. Он наступал, орудуя ашандареем с такой быстротой, что копье лишилось очертаний. Ему удалось снова зацепить голама плоской стороной клинка — той, где была лисья голова. Когда мерзавец очухался, Мэт запустил вторым медальоном ему в лицо, и голам присел — но лишь для того, чтобы третья лисья голова угодила ему в шею.

Оставляя в воздухе дымные полосы, Мэт перехватил ашандарей обеими руками и завращал им вдвое быстрее — так, что тупой конец древка разгорелся ярче. Он поймал себя на том, что выкрикивает фразы на древнем наречии:

– *Ал дивал, ал кисерай, ал маши!* — За свет, победу и любовь!

Дрогнув под шквалом ударов, голам отступил, оскалился и глянул за спину. Похоже, он что-то заметил, но Мэт привлек его внимание новой атакой и выкриком:

– *Тай'дайшар!* — Истинная кровь битвы!

Он погнал чудище к открытой двери в дальнем конце коридора. За дверью виднелась совершенно темная комната, на стенах которой не плясали

отблески пожара.

– *Карай маншимайя Тайлин. Карай ан маншимайя Налесин. Карай ан маншимайя айенд'ан.* — Честь моего клинка за Тайлин. Честь моего клинка за Налесина! Честь моего клинка за всех павших.

То был призыв к отмщению.

Голам все пятился и пятился. Наконец он оказался в темной комнате, бросил взгляд на мертвенно-белый пол.

Набрав полную грудь воздуха, Мэт из последних сил рванул в дверной проем и врезал голаму в висок дымящимся концом древка ашандарея. Голову существа осыпало искрами и пеплом. Изрыгнув проклятие, голам отступил вправо…

…и едва не шагнул с края платформы, зависшей над бесконечной пустотой. Он зашипел от ярости. Одна нога его уже висела над пропастью, и голам задергал ею, пытаясь вернуть равновесие.

Изнутри дверь комнаты окружало белое сияние: кромка переходных врат, открытых для Скольжения.

— Не знаю, способен ли ты умереть, — негромко сказал Мэт, — но во имя Света надеюсь, что не способен.

С этими словами он лягнул голама в поясницу.

Тот слетел с платформы, упал во тьму и продолжал падать, извиваясь и в ужасе глядя на Мэта.

— Надеюсь, ты не умрешь, — продолжил Мэт, — поскольку словами не передать, как приятно мне думать о твоем бесконечном падении в эту черноту, ты, отродье козлиного помета.

Он сплюнул с платформы. Кровавый плевок устремился вдогонку за голамом, и вскоре оба сгинули во тьме.

К Мэту подошла Сумеко. У этой полной тетушки из Родни были длинные темные волосы и вид человека, которому не нравится выполнять чужие приказы — честно говоря, характерный для большинства женщин. До этого она стояла у переходных врат — сбоку, чтобы не было видно из коридора. Ей пришлось остаться, чтобы удержать белую платформу, похожую на громадную книгу. Сумеко взглянула на Мэта и приподняла бровь.

— Спасибо за врата. — Мэт вскинул ашандарей на плечо. Конец древка до сих пор едва заметно дымился.

Сумеко попала сюда, пройдя через переходные врата, которые она создала во дворце, чтобы голам не почуял, что здесь направляют Силу.

В ответ она лишь хмыкнула. Вдвоем они прошли через проем врат в коридор, а потом ока-

зались в прихожей, где «краснорукие» торопливо тушили пожар. Когда переходные врата исчезли, к Мэту подбежал Талманес в сопровождении еще одной женщины из Родни — пухлой милашки по имени Джулания, которая неплохо смотрелась бы у Мэта на коленях, причем седина в волосах нисколько не отвлекала от миловидности ее обладательницы.

— Вы уверены, что эта тьма бесконечна? — спросил Мэт.

— Насколько нам известно, да, — ответила Сумеко. — Твоя затея едва не провалилась, Мэтрим Коутон. Тварь нисколько не удивилась. Думаю, он почуял врата — так или иначе.

— Но я все-таки столкнул его с платформы, — заметил Мэт.

— Едва-едва. Лучше бы мы сами разобрались с этим существом.

— Сами? Бесполезно. — Мэт взял у Талманеса мокрый платок.

Сумеко бросила взгляд на руку Мэта, но об Исцелении он просить не стал. Само зарастет. Может, даже останется красивый шрам — из тех, что производят на женщин самое благоприятное впечатление. Главное, что не на лице. Любопытно, нравятся ли Туон его шрамы?

— Мужская гордыня, — фыркнула Сумеко. — Не забывай, что эта тварь забрала жизнь у нескольких наших.

— Рад, что помог отомстить, — улыбнулся ей Мэт.

Вообще-то, Сумеко была права. Его затея действительно едва не провалилась. Мэт не сомневался, что голам почувствовал присутствие Сумеко в той комнате. К счастью, злыдень, верно, решил, что женщина, способная направлять Силу, не представляет для него опасности.

Талманес вернул Мэту оба упавших медальона. Тот сунул копии в карман, а оригинальную вещицу отвязал от клинка и вернул на шею. Женщины из Родни следили за каждым его движением, словно голодные хищницы. Ну и на здоровье. Один из этих медальонов предназначался Олверу, а второй — Туон, как только Мэт сумеет отыскать ее.

В здание вошел капитан Гэйбон, заместитель Бергитте.

— Тварь мертва?

— Нет, — ответил Мэт, — но условия контракта с короной можно считать выполненными.

— Контракта с короной? — нахмурился Гэйбон. — Вы попросили королеву о помощи. Не

было никакого контракта.

— Вообще-то, — кашлянув, промолвил Талманес, — мы только что избавили город от убийцы, забравшего — по самым последним подсчетам — жизни без малого двенадцати местных жителей. Вне всяких сомнений, нам полагается боевая выплата.

Талманес произнес эти слова с самым непроницаемым лицом. Благослови его Свет.

— Проклятье! Вот именно, — поддакнул Мэт.

Отделаться от голама, да еще получить за это оплату?! Глядишь, так разок и солнышко выйдет. Он бросил носовой платок Гэйбону и вышел из дома. Двое из Родни, сложив руки на груди, недовольно смотрели ему вслед. Ну почему женщины сердятся на мужчину, даже если он сделал в точности то, что собирался, и вдобавок рисковал своей шкурой?

— Извини за пожар, Мэт, — сказал Талманес. — Я не хотел ронять фонарь. Знаю, что мне надо было лишь заманить его в это здание.

— И справился ты отлично, — отозвался Мэт, осматривая нижний конец древка ашандарея. Повреждения оказались незначительными.

Они понятия не имели, где нападет голам — если вообще нападет, — но Гэйбон знал, что делать:

сперва он вывел жителей из близлежащих зданий, а затем выбрал дом для финальной схватки и отправил гонца из «красноруких» к Талманесу, чтобы тот знал, куда бежать.

Что ж, предложение Илэйн и Бергитте насчет переходных врат оказалось толковым, пусть даже не все прошло как по маслу. Все лучше, чем собственные потуги Мэта: он не мог придумать ничего, кроме как попытаться запихнуть один из тех медальонов голаму в глотку.

— Давай-ка заберем Сеталль и Олвера из гостиницы, — сказал он, — и вернемся в лагерь. На сегодня приключений достаточно. Да и на завтра тоже.

Глава 32
Буря Света

Город Марадон был объят огнем. От зданий вздымались к небу десятки столбов дыма. Благодаря продуманной планировке кварталов пожар распространялся не быстро, но и не затухал: где люди, там и деревянные постройки.

Итуралде сидел на корточках в разрушенном доме. Слева — сложенная из камня стена, справа — небольшой отряд салдэйцев. Дворец пришлось покинуть почти сразу: его наводнили исчадия Тьмы. Перед уходом туда снесли все масло, что удалось найти, после чего Аша'маны подожгли здание, и сотни троллоков с Исчезающими сгорели заживо.

Итуралде выглянул в окно своего нынешнего укрытия. Он мог поклясться, что видел в небе

голубой просвет, но из-за висевшей в воздухе пепельной дымки трудно было сказать что-то наверняка. Соседний дом так разгорелся, что Итуралде чувствовал жар через каменную стену.

Дым и огонь — полезные союзники. Почти из всего на поле боя можно извлечь свою пользу. Как только Йоэли признал, что город пал, его перестали защищать, и улицы превратились в место для истребления троллоков.

Благодаря помощи салдэйцев Итуралде знал планировку города, но для врагов она оставалась неизвестной. Каждая крыша обеспечивала господство над местностью, каждый переулок становился потайной тропинкой к отступлению, каждая площадь превращалась в потенциальный капкан.

Троллоки и их командиры допустили серьезную ошибку, решив, что Итуралде есть дело до защиты города. Это было не так. Он хотел лишь одного: нанести противнику максимальный урон, а посему обернул это предположение против них. Да, армия Тени велика, но любой, кто хоть раз охотился на крыс, знает, что размер кувалды не имеет значения, пока крысам есть где прятаться.

За стеной дома, в котором засел Итуралде,

появилась группа троллоков. Обмениваясь предостерегающими возгласами, они нерешительно двинулись по черной от сажи улице. Некоторые принюхивались, но дым начисто перебивал все прочие запахи. Троллоки так и не поняли, что до Итуралде с его небольшим отрядом буквально рукой подать.

В другом конце улицы застучали копыта. Троллоки подняли крик, и вперед выскочила группа тварей, вооруженных зазубренными и шипастыми копьями. Древки уперлись в мостовую. Атаковать такое построение конницей — верная смерть для нападающих. Как видно, троллоки учились осторожности.

Но недостаточно быстро. В поле зрения появилась кавалерия — вернее, один конник, ведущий за собой несколько измученных и раненых лошадей. Обманный маневр.

— Давайте, — скомандовал Итуралде.

Сидевшие у окон лучники распрямились и начали расстреливать троллоков. Многие погибли на месте, но уцелевшие развернулись и бросились к зданию.

В этот момент из переулка галопом вырвалась настоящая кавалерия. Чтобы приглушить стук лошадиных копыт, их заранее обернули тряпка-

ми, и поэтому приближение конницы осталось незамеченным из-за шума, издаваемого клячами-обманками. Салдэйцы врезались в отряд троллоков. Кого-то зарубили, кого-то затоптали на месте.

Вооружившись мечами и топорами, недавние лучники с гиканьем бросились добивать раненых троллоков. Хвала Свету, в этом отряде не было Исчезающих. Итуралде встал, прижимая к лицу мокрый платок, чтобы не дышать дымом. Усталость, которую он так долго держал в узде, уже давала о себе знать. Итуралде опасался, что скоро она его основательно накроет, и он попросту лишится чувств, а это, как ни крути, паршиво для боевого духа.

«Нет, — подумал он, — прятаться в дыму собственного дома и понимать, что троллоки понемногу загоняют тебя в угол — вот что паршиво».

Разобравшись с этим кулаком троллоков, солдаты поторопились занять следующую заранее выбранную позицию в другом здании. У Итуралде было человек тридцать лучников-ополченцев и полуэскадрон кавалерии — один на пять независимых отрядов пехоты вроде этого. Он жестом велел своим людям скрыться с глаз, и тут подоспели разведчики, хотя даже с учетом

своевременных донесений понять, что творится в огромном городе, было непросто. Итуралде примерно представлял себе расположение наиболее сильных очагов сопротивления и даже отдавал какие-то приказы, но сражение занимало слишком большую площадь, и об эффективной координации боевых действий не могло быть и речи. Оставалось лишь надеяться, что Йоэли цел и невредим.

По приказу Итуралде Аша'маны отступили через переходные врата, созданные Антайлом, — такие маленькие, что в них можно было протиснуться только ползком. С тех пор как они ушли — а это было несколько часов назад, — Итуралде не видел никаких признаков гипотетической «подмоги». Перед отбытием Аша'манов он отправил разведчика на холм, где, по словам Йоэли, находились Замыкающие, но на той стороне переходных врат тот не обнаружил ничего, кроме пустого лагеря и костра, горевшего без присмотра.

Итуралде присоединился к своим людям в новом укрытии, а носовой платок — тот был весь в саже — оставил на дверной ручке, чтобы разведчики знали, где искать командира. Войдя в дом, он оцепенел: с улицы доносились какие-то

новые звуки.

— Тихо! — шикнул он, и солдаты перестали клацать доспехами.

Шаги. Множество шагов. Несомненно, отряд троллоков; людям Итуралде было велено передвигаться без лишнего шума. Он кивнул солдатам и показал им шесть оттопыренных пальцев. План номер шесть: спрятаться и ждать, надеясь, что эти твари пройдут мимо. В ином случае — если они задержатся или начнут обыскивать соседние здания — выскочить на улицу и атаковать троллоков с фланга.

Этот план был рискованнее остальных. Люди совершенно вымотались, а кавалерию отправили помогать другому отряду защитников. Но чем ждать, пока тебя обнаружат или возьмут в кольцо, лучше нанести удар первым.

Итуралде вжался в стену у окна и застыл, чуть дыша и вслушиваясь в звук шагов. О Свет, как же он устал. Неприятельский отряд, свернув за угол, приближался. Маршировали в ногу. Странно. За троллоками такого не водилось.

— Милорд, — шепнул кто-то из лучников, — я не слышу копыт. Вряд ли это троллоки.

Итуралде замер. Точно, солдат прав. Похоже, усталость сказалась на умственных способностях.

«В этом отряде несколько сотен бойцов», — подумал он, встал, не сдержав кашля, распахнул дверь и вышел из дома.

Солдаты высыпали следом. По улице пронесся порыв ветра; на мгновение он разогнал дым, открыв взору крупный отряд пикинеров, закованных в серебристые латы. Пару секунд Итуралде думал, что перед ним призраки, сияющие в потустороннем золотистом свете солнца, которого он не видел уже несколько месяцев.

Заметив его и лучников, новоприбывшие стали громко переговариваться, а двое офицеров — оба салдэйцы — устремились к Итуралде вперед.

— Где ваш командир? — спросил один. — Человек по имени Родел Итуралде?

— Я… — Итуралде снова закашлялся. — Он — это я. А вы кто?

— Благодарение Свету, — выдохнул второй и повернулся к пикинерам. — Передайте лорду Баширу, что мы нашли его!

Итуралде аж оторопь взяла. Он оглянулся на свой чумазый отряд. Руки у многих были на перевязи. Поначалу у него было двести человек, теперь оставалось полсотни. Им бы плясать от радости… но почти все просто опустились на землю и закрыли глаза.

— Что, сейчас?! — Итуралде расхохотался. Не сумел сдержаться. — Вот прямо сейчас? Дракон прислал подмогу не раньше, а только сейчас?

Он пошатнулся, сел на землю и, не переставая хохотать, поднял глаза к пылающему небу. Вскоре по щекам у него заструились слезы.

Да. Тучи расступились, и теперь в небе висело солнце.

* * *

Пока Итуралде вели в защищенный сектор города, к нему начало возвращаться привычное самообладание. Дым здесь был не такой густой. Можно предположить, что войска ал'Тора под началом Даврама Башира отбили бóльшую часть Марадона — вернее, то, что от него осталось, — и теперь занимались тушением пожаров.

Крайне странно было видеть солдат с чистыми лицами, в надраенной до блеска броне и аккуратной форме. С ними явились многочисленные Аша'маны и Айз Седай. Такая армия способна отбросить исчадий Тени к укреплениям на склоне холма над рекой. Хотя бы ненадолго. Люди ал'Тора привели Итуралде в высокое здание в глубине города. Похоже, этот дом выбрали в качестве командного пункта, поскольку дворец, в зна-

чительной мере разрушенный, был уничтожен огнем.

Итуралде уже несколько недель сражался в изнурительной войне, и войска ал'Тора казались ему неприлично чистыми. Пока его люди умирали, эти парни мылись, спали на мягких койках и питались горячей едой.

«Так, хватит», — велел он себе, входя в здание. Нет ничего проще, чем винить других, если битва пошла как-то не так. Эти люди не виноваты, что в последнее время им жилось куда легче, чем солдатам Итуралде.

Он с трудом поднимался по лестнице, желая только, чтобы его оставили в покое. Дали хорошенько выспаться, помыться, а потом уже вели на встречу с Баширом. Но нет, так дело не пойдет. Битва еще не окончена, и людям ал'Тора нужны сведения. Вот только мозги Итуралде отказывались работать. Мысли еле-еле ворочались.

На последнем этаже солдаты проводили его в комнату справа по коридору. За дверью стоял Башир, облаченный в отполированную кирасу, но шлема на голове у него не было. Заложив руки за спину, он смотрел в окно. На Башире были оливкового цвета штаны, заправленные в сапоги до колен. Картину довершали характерные для

салдэйцев громадные усы.

Башир обернулся и даже вздрогнул:

— О Свет! На вид вы не вы, а смерть во плоти, дружище! — Он повернулся к солдатам. — Почему он не в палатке Исцеления? Кто-нибудь, приведите Аша'мана!

— Со мной все в порядке, — ответил Итуралде, стараясь придать голосу твердости. — Уверяю, чувствую я себя получше, чем можно сказать по моему виду.

Солдаты замешкались, глядя на Башира.

— Что ж, — сказал тот, — хотя бы принесите ему стул и полотенце, чтобы вытереть лицо. Бедняга… Нам следовало быть здесь хотя бы несколько дней назад.

Из окна доносились звуки далекой битвы. Башир неспроста выбрал самое высокое здание: отсюда открывался вид на поле боя. Солдаты принесли стул. Итуралде уселся и — несмотря на все желание не выказать слабости перед лицом собрата по военному ремеслу — не сдержал облегченного вздоха.

Он опустил взгляд и с немалым удивлением понял, насколько грязны у него руки. Как у трубочиста. А лицо, несомненно, покрыто сажей с дорожками пота и, наверное, пятнами запекшей-

ся крови. Одежду изрядно потрепало взрывом — тем, что проделал брешь в стене. Не говоря уже о наскоро перебинтованной руке.

— Оборона этого города — подвиг из разряда невероятных, лорд Итуралде, — сказал Башир. Говорил он с заметным налетом формальности: Салдэйя не враждовала с Арад Доманом, но, если два сильных государства граничат друг с другом, от периодов взаимной неприязни никуда не денешься. — Число убитых троллоков по сравнению с изначальным количеством ваших солдат… Да еще с таким проломом в стене… Скажем так: я впечатлен. — Это было произнесено тоном, подразумевающим, что Башир не раздает подобные комплименты направо и налево.

— Что слышно о Йоэли? — спросил Итуралде.

— Мои люди, — помрачнел Башир, — обнаружили небольшой отряд, защищавший его тело. Йоэли погиб смертью храбрых. Хотя я был удивлен, узнав, что командует обороной он, а Торкумен — мой дальний родственник и, как понимаю, здешний градоправитель — заперт у себя дома и брошен на произвол судьбы там, где до него запросто могли добраться троллоки.

— Йоэли был хорошим человеком, — натянуто произнес Итуралде. — Одним из храбрейших

воинов на моей памяти. Знакомство с ним — большая честь. Он спас мне жизнь и впустил моих людей в город — вопреки распоряжениям Торкумена. Потерять такого человека — стыд и позор. Стыд и позор… Если бы не Йоэли, Марадон не выстоял бы.

— Не сказал бы, что он выстоял, — угрюмо заметил Башир.

Итуралде не торопился с ответом. «Этот человек — дядя королевы, и Марадон, вполне возможно, его родной город».

Они смотрели друг на друга, как два старых волка. Вожаки двух соперничающих стай. Та-ак, осторожнее…

— Соболезную вашей утрате, — произнес Итуралде.

— Город сохранился хотя бы в таком виде, — сказал Башир, — благодаря вам, Итуралде. Нет, я не сержусь. Я опечален, но не сержусь. Что касается Йоэли, верю вам на слово. Откровенно говоря, Торкумен мне никогда не нравился. Пока что я оставил его в той же комнате, где его нашли, — к счастью, живого и здорового. Но королева будет рвать и метать, когда узнает, как с ним обошлись. Она всегда благоволила ему, хотя обычно разбирается в людях. Тьфу!

Заговорив о Торкумене, Башир кивком указал в сторону, и лишь тогда Итуралде, вздрогнув, узнал это здание. Йоэли приводил его сюда в первый же день, проведенный в Марадоне. Это был дом Торкумена. Разумный выбор для командного пункта: здание стояло довольно близко к северной стене — так, что отсюда можно было видеть, что творится за пределами города, — и в то же время достаточно далеко, чтобы пережить взрыв, не повторив участь городского совета.

Что ж, если б троллоки добрались до Торкумена… Да и поделом ему. Башир заговорил со своими офицерами, а Итуралде откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Он сразу понял, что Башир — одаренный полководец. В кратчайший срок он зачистил улицы: едва поняв, что им противостоят крупные силы, троллоки сбежали из города. Итуралде мог бы гордиться, что поспешное отступление врага произошло отчасти благодаря его стойкости.

Он продолжал прислушиваться к донесениям. Почти все войска Башира вступили в город через переходные врата, предварительно разведав безопасные места для перемещения. В отличие от Итуралде, уличные бои салдэйского военачальника не устраивали: тактика «нанести удар и

спрятаться» предназначена для нанесения врагу наибольшего урона перед своей неминуемой гибелью. Это путь проигравшего.

Троллоки отступили на укрепленный холм, но надолго там не останутся. Сидя с закрытыми глазами и стараясь не уснуть, Итуралде слушал, как Башир и его капитаны приходят к нелицеприятному выводу — к тому же, какой сделал и он сам: Марадон потерян. Дождавшись ночи, многочисленные отродья Тени снова ринутся в город.

Неужели придется все бросить и сбежать — после того, что было? После того, как Йоэли сложил голову, защищая город? После того, как Раджаби пал от рук драгкара? После того, как Анкайр и Россин погибли, сражаясь в городских стенах? После всего этого кровопролития наконец пришло подкрепление — и что, теперь его оказалось недостаточно?

— Возможно, мы сумеем сбросить их с холма, — сказал один из людей Башира, — и освободить укрепления.

Оптимизма в его голосе Итуралде не услышал.

— Сынок, — сказал он, через силу открыв глаза, — я удерживал этот холм несколько недель. Против превосходящих сил. Ваши парни укрепили его на совесть, и закавыка в том, что враг

станет использовать эти укрепления против нас. Если пойдете в атаку, потеряете множество людей.

В комнате стало тихо.

— Тогда уходим, — заявил Башир. — Наэфф, нам понадобятся переходные врата.

— Будет исполнено, лорд Башир, — отозвался поджарый парень с квадратным подбородком и значком в виде дракона на воротнике черного мундира.

— Малайн, собери конницу. Пусть построятся снаружи. Сделаем вид, будто мы собрались атаковать холм. Пусть враг держится настороже и ждет. Сперва отправим раненых, а затем кавалерия поскачет в другом направлении, в сторону…

— Во имя Света и моей надежды на возрождение! — воскликнул вдруг кто-то.

Все присутствующие изумленно обернулись: не каждый день услышишь такие слова.

У окна стоял юный солдат. Он, держа в руках смотровую трубу, обозревал окрестности. Башир выругался и подбежал к нему. Не прошло и секунды, как остальные тоже столпились у окна. Некоторые достали свои зрительные трубы.

«Ну что еще? — Невзирая на усталость, Итуралде встал и подошел к остальным. — Кто там

объявился? Новые драгкары? Гончие Тьмы?»

Он выглянул в окно. Кто-то передал ему зрительную трубу. Итуралде поднес ее к глазу. Как он и догадывался, здание было достаточно высоко, чтобы перед ним предстало поле боя за стеной и прилегающие к городу пространства. Над оборонительными башнями на гребне холма было черным-черно от воронов, а сам холм кишел исчадиями Тьмы, занявшими верхний лагерь с его валами, башнями и прочими укреплениями.

У переправы за дальним склоном бурлили волны троллоков — ужасающая армия, во много раз превосходящая ту, что брала Марадон. Казалось, двигавшийся через горный проход поток монстров бесконечен.

— Надо уходить. — Башир опустил зрительную трубу. — Немедленно.

— О Свет! — прошептал Итуралде. — Если это войско пройдет мимо нас, его не остановит никто и ничто: ни в Салдэйе, ни в Андоре, ни в Арад Домане. Прошу, скажите, что лорд Дракон сдержал слово и заключил мир с шончан!

— В этом, — донесся из-за спины негромкий голос, — как и во многом другом, я потерпел неудачу.

Итуралде, опустив зрительную трубу, обер-

нулся и увидел, как в комнату входит высокий рыжеволосый парень — человек, которого Итуралде, как ему показалось, никогда прежде не видел, хотя черты его лица были знакомыми.

Ранд ал'Тор сильно изменился.

Дракон Возрожденный сохранил прежнюю самоуверенность и горделивую осанку. Как и раньше, всем видом он показывал, что ждет повиновения. И в то же время все в нем изменилось — и поза, в которой не осталось ни намека на подозрительность, и участливый взгляд, направленный на Итуралде.

Его глаза, холодные и бесстрастные, однажды убедили Итуралде в необходимости следовать за этим человеком. Но теперь эти глаза стали другими. В них появилась мудрость, которой Итуралде прежде не замечал.

«Не будь тупоголовым дураком, — подумал он. — Нельзя же судить о мудрости человека по его глазам».

Нет. Оказывается, можно.

— Родел Итуралде! — Ал'Тор шагнул вперед и положил ладонь ему на руку. — По моей вине ты и твои люди оказались в беде и были разбиты. Прошу, прости меня.

— Я сам сделал такой выбор, — сказал Итурал-

де. Как ни странно, он чувствовал себя куда менее уставшим, чем несколько секунд назад.

— Я осмотрел твое войско, — продолжил ал'Тор. — У тебя осталось совсем немного бойцов. Все они изранены и выбились из сил. Каким чудом ты сумел удержать город?

— Делал все, что нужно было сделать.

— Ты потерял многих друзей.

— Я… Да, это так. — Что еще ответишь? Отрицать очевидное значило бы оскорбить мертвецов. — Сегодня погиб Вакеда. Раджаби… его жизнь забрал драгкар. Анкайр? Он продержался до второй половины дня. Я так и не узнал, почему трубач поторопился с сигналом. Это должен был выяснить Россин, но он тоже мертв.

— Пора убираться из города, — с настойчивостью повторил Башир. — Мне очень жаль, дружище, но Марадон пал.

— Нет, — тихим голосом возразил ал'Тор. — Этот город не достанется Тени. Только не после подвига, совершенного этими людьми. Такого я ни за что не допущу.

— Похвальное чувство, — сказал Башир, — но у нас…

Ал'Тор взглянул на него, и полководец осекся.

Этот взгляд — такой пылкий, напряженный… В

глазах Дракона будто горел огонь.

— Не видать им этого города, Башир, — произнес ал'Тор. В его спокойном голосе прорезались гневные нотки. Он повел рукой, и в воздухе разомкнулись переходные врата. Барабанный бой и троллочьи вопли неожиданно зазвучали совсем рядом. — Надоело смотреть, как он губит моих людей. Отзови своих солдат.

С этими словами ал'Тор шагнул в переходные врата. В комнату вбежали две айильские Девы, и едва они, последовав за Драконом, оказались по ту сторону портала, как врата сразу же исчезли.

Какое-то время ошеломленный Башир стоял с приоткрытым ртом.

— Будь он проклят, этот парень! — наконец произнес он и повернулся к окну. — Я уж думал, что такое не повторится!

Итуралде присоединился к Баширу и направил зрительную трубу на громадный пролом в городской стене, за которым по утоптанной земле шагал ал'Тор в своем коричневом плаще. За ним шли обе Девы.

Итуралде показалось, что он слышит завывания троллоков и барабанный бой. Исчадия Тени заметили одинокую троицу и бросились ей навстречу сплошной волной. Их были сотни. Нет,

тысячи. У Итуралде перехватило дух, а Башир забормотал молитву.

Ал'Тор поднял руку, а затем резко выбросил ее вперед — раскрытой ладонью к океану отродий Тени.

И они стали умирать.

Все началось с волн огня — вроде тех, что применяли Аша'маны, только эти волны были несравнимо крупнее и выжигали в рядах троллоков проплешины ужасающих размеров. Они двигались, следуя рельефу местности, просачивались вверх по холму и скатываясь вниз, в траншеи, заполняя их раскаленным добела пламенем, пожиравшим все на своем пути.

Встав на крыло, тучи драгкаров устремились было к ал'Тору, но воздух над ним сделался синим-синим, а затем пространство взорвалось ледяными стрелами, и те помчались навстречу летящим тварям, будто залп целого знамени лучников. Драгкары с воплями забились в нечеловеческой агонии, устилая землю своими мертвыми телами.

Дракон Возрожденный лучился Светом и Силой. В одиночку он был подобен целой армии способных направлять бойцов. Исчадия Тени гибли тысячами. Повсюду, поглощая сотни трол-

локов, возникали губительные врата.

— Впервые вижу столько плетений сразу! — охнул стоявший рядом с Баширом Аша'ман Наэфф. — Их не отследить! Это не человек, а буря — буря Света, пронизанная потоками Силы!

Над городом сгустились, закружили облака. Налетел завывающий ветер, небо рассекла молния. Громовые раскаты заглушили барабанный бой троллоков, перебиравшихся через горящие трупы своих собратьев в тщетной попытке добраться до ал'Тора. Белые клубы облаков смешались с бурлящими грозовыми тучами. Ветер окутал ал'Тора, раздувая полы его плаща.

Дракон Возрожденный как будто светился изнутри. Было ли то отражением огненных волн — или, быть может, вспышек молнии? Нет, ал'Тор, выставивший руку в сторону отродий Тени, был ярче всех этих огней. Защищаясь от порывов ветра, Девы пригнулись и припали к земле по сторонам от ал'Тора, но зорко смотрели вперед.

Наползая друг на друга, воронки облаков спустились к вершине холма и прошлись по массе троллоков, подхватывая их, поднимая в воздух и оставляя после себя проливной дождь из огня и обгорелой плоти. Вокруг словно бы густо разлились мощные потоки энергии. Чувствуя, как

дыбятся волосы на голове и волоски на руках, Итуралде зачарованно смотрел, как троллоки, сталкиваясь друг с другом, осыпаются на землю.

Где-то рядом закричали — в здании, в одной из соседних комнат, — но Итуралде продолжал смотреть в окно. Он должен, обязан был лицезреть это проявление разрушительной Силы, ужасное и прекрасное одновременно.

Атака троллоков захлебнулась, барабаны застучали вразнобой, и целые легионы пустились в бегство. Толкаясь, спотыкаясь, наступая друг на друга, троллоки перебирались через холм и сломя голову мчались к Запустению. Некоторые остались на месте — или разозленные сверх всякой меры, или вконец запуганные теми, кто гнал их в бой, или совсем уж безмозглые. Разрушительная буря тем временем словно достигла апогея: молнии разили с небес в унисон с завываниями ветра, гулом волн опаляющего пламени и перезвоном ледяных стрел.

Это было произведение искусства, шедевр в равной мере жуткий, разрушительный и великолепный. Ал'Тор воздел руку к небу, и ветер усилился, и молнии укрупнились, и огонь сделался еще жарче. Троллоки завизжали, застонали и завыли. Итуралде понял, что его пробирает

дрожь.

Ладонь ал'Тора сжалась в кулак, и все закончилось.

Последние подхваченные смерчем троллоки попадали на землю, словно листья, сорванные с ветвей осенним ветром. Наступила тишина. Огонь угас, а черно-белые тучи-облака расступились, открыв взорам голубое небо.

Ал'Тор опустил руку. Пространство перед ним было сплошь покрыто трупами — в несколько слоев. От десятков тысяч мертвых троллоков к небесам тянулись струйки дыма. Прямо перед ал'Тором образовалась груда мертвых тел шириной в сотню шагов и высотой футов пять, не меньше: целый курган из тех, кто едва не подобрался к Дракону.

Сколько времени прошло? Итуралде понял, что не знает ответа на этот вопрос. Судя по солнцу — по меньшей мере час, а то и больше. По ощущениям — несколько секунд.

Ал'Тор развернулся и пошел прочь. На дрожащих ногах Девы побрели следом за ним.

— Что это был за крик? — спросил Наэфф. — Совсем рядом, в доме. Слышали?

Итуралде сдвинул брови. И правда, что это был за крик? В сопровождении нескольких человек

— в том числе офицеров Башира — он вышел из комнаты. Многие, однако, остались у окна, не в силах оторвать глаз от поля боя, очищенного огнем и льдом. Как ни странно, Итуралде не заметил на холме ни одной рухнувшей башни. Такое впечатление, что атака ал'Тора затронула только исчадий Тьмы. Чудовищная сила — и ювелирная избирательность?..

В коридоре было пусто, но Итуралде — уже заподозривший, откуда донесся крик, — сразу направился к двери в комнату лорда Торкумена. Башир отомкнул ее, и все вошли внутрь.

Комната казалась пустой. «Неужто сбежал?» — испугался вдруг Итуралде и обнажил клинок.

Нет. В углу у кровати сжалась фигура в измятой дорогой одежде и с потеками крови на камзоле. Итуралде опустил меч. У лорда Торкумена больше не было глаз: похоже, градоправитель выколол их пером для письма, и теперь оно, обагренное, валялось на полу.

Окно было разбито. Башир выглянул наружу:

— Там, внизу, леди Торкумен.

— Выпрыгнула, — оцепенело прошептал Торкумен, прижимая ладони к пустым глазницам. Между пальцами проступала кровь. — Этот свет… Этот чудовищный *свет*!

Итуралде взглянул на Башира.

— Не могу на него смотреть, — бормотал Торкумен, — просто не могу! Великий повелитель, где твоя защита? Где твои безжалостные армии и разящие мечи? Этот свет выедает мне мозг, словно крысы, что вгрызаются в тело покойника. Он выжигает все мои мысли. Он убил меня. Этот свет убил меня!

— Рехнулся, — мрачно подытожил Башир, опускаясь рядом с ним на колени. — И, судя по его бредням, легко отделался. О Свет! Мой родственник — приспешник Темного! Да еще и во главе города!

— Что он несет? — спросил кто-то из людей Башира. — Какой свет? Он не мог видеть битвы. Ни одно из этих окон не выходит на поле боя.

— Вряд ли он говорит о битве, Вогелер, — сказал Башир. — Пойдем. Подозреваю, что лорд Дракон устал. Надо бы распорядиться, чтобы о нем позаботились.

* * *

«Вот оно», — решила Мин, постучав пальцем по странице. Она сидела на подоконнике в своей комнате, в Твердыне Тира, наслаждаясь легким ветерком, и старалась не думать о Ранде. Нет,

он не ранен, но его переполняют сильнейшие эмоции. Гнев. А Мин-то надеялась, что он больше никогда не испытает такого гнева.

Так, прочь волнения. Работа не ждет. Не пошла ли Мин по ложному следу? Нет ли ошибки в истолковании? Она перечитала строку: «Свет поднеси к утробе бесконечной пустоты, и суть его возможно постичь».

Ее размышления прервала вспышка в комнате по другую сторону коридора. Мин выронила книгу и спрыгнула на пол. Узы подсказали, что Ранд оказался вдруг совсем рядом.

Ту комнату охраняли две Девы — главным образом для того, чтобы случайно зашедшего в нее не поранило переходными вратами. Они открылись пару секунд назад. Из них пахнуло дымом. Нетвердо ступая, Ранд вышел в комнату, и Мин подбежала к нему. Вид у него был изможденный, глаза красные, лицо болезненно-бледное. Ранд со вздохом обнял ее и позволил усадить себя в кресло.

— Что случилось? — накинулась Мин на вошедшую следом Деву по имени Эвасни, долговязую женщину с темно-рыжими волосами — коротко стриженными, но с хвостом на затылке, как у большинства Дев.

— Кар’а’карн цел и невредим, — ответила та. — Хотя ведет себя как мальчишка, лишний раз оббегающий лагерь, просто чтобы показать, на что способен.

— Сегодня он заслужил немало *джи*, — торжественно заметила вторая Дева — ее звали Ифейина. Похоже, она была настроена спорить.

Ранд снова вздохнул и откинулся на спинку кресла. Из переходных врат, тяжело ступая по каменному полу, появился Башир. Снаружи донеслись крики: через другие врата, побольше, прибыла группа раненых солдат. Во дворе Тирской Твердыни царило оживление. Целительницы Айз Седай спешили на помощь чумазым и окровавленным бойцам.

За Баширом в комнату ступил сухопарый домаец средних лет. Родел Итуралде. Выглядел он из рук вон плохо: запекшаяся кровь на неумытом лице, изодранная одежда и наскоро перевязанная рука. Что касается Ранда, у него не было заметных ран, и одежда осталась чистой, хотя он ни в какую не желал расставаться со старым коричневым плащом. Но… О Свет! Как же он устал!

— Ранд! — Мин опустилась рядом с ним на колени. — Ранд, ты в порядке?

— Я рассвирепел, — тихо ответил он. — Мне

казалось, что теперь я выше этого.

По спине у Мин пробежал холодок.

— Это не был тот жуткий гнев, что я испытывал в прошлом, — продолжил Ранд. — Нет, это не была разрушительная ярость, хотя я сеял разрушение. В Марадоне я увидел, что сделалось с теми, кто последовал за мной. Я разглядел в них Свет, Мин. Разглядел в них отрицание Темного — и не важно, как далеко падает его тень. Мы будем жить, провозглашали они всем существом, будем жить, любить и надеяться. Я увидел, как он старается все это уничтожить. Он знает, что одолеть этих людей кое-что да значит. Кое-что поважнее Марадона. Сломить дух людей, подчинить своей воле… Вот чего он жаждет. Он ударил гораздо сильнее, чем нужно, — только для того, чтобы сломить мой дух. — Теперь Ранд почти шептал. Открыв глаза, он опустил взгляд на Мин. — И я воспротивился ему.

— То, что ты сделал, просто поразительно. — Сложив руки на груди, Башир встал рядом с Мин. — Но все же он сумел пробудить в тебе ярость?

— У меня есть полное право гневаться, Башир, — покачал головой Ранд. — Разве непонятно? Я пытался держать ярость в себе, но это

неправильно. Я должен, просто обязан хоть что-то чувствовать. Чувствовать боль, смерть и утраты этих людей. Я должен цепляться за эти чувства, чтобы не забыть, за что сражаюсь. Временами мне необходима пустота, но от этого гнев не становится менее важен.

С каждым словом он говорил все увереннее, и Мин кивнула.

— Как бы то ни было, ты спас город, — сказал Башир.

— Недостаточно быстро, — возразил Ранд, и Мин прочувствовала всю силу его страданий. — И нельзя исключать, что сегодняшний мой поступок был ошибкой.

— Почему? — нахмурилась Мин.

— Я слишком близко подошел к противостоянию между нами, — сказал Ранд. — А оно должно начаться в нужное время, и только в Шайол Гул. Башир прав: мне нельзя поддаваться на его провокации. И нельзя допустить, чтобы люди считали, что я всегда приду и заступлюсь за них.

— Может быть, — произнес Башир. — Но то, что ты сделал…

— Мне нельзя вступать в эту войну, — снова покачал головой Ранд. — Сегодняшняя битва истощила меня сильнее, чем я могу себе позво-

лить. Если бы мои враги нанесли удар прямо сейчас, мне пришел бы конец. Кроме того, я могу сражаться лишь в одном месте зараз. То, что грядет, будет куда грандиознее того, что было сегодня. Грандиознее и ужаснее. Никто из людей не справится с этим в одиночку. Я помогу вам сплотиться, но должен буду отступить в сторону. Эта война будет вашей.

Он умолк. Из переходных врат вышел Флинн, и те сомкнулись.

— Теперь мне надо отдохнуть, — тихо сказал Ранд. — Завтра, Башир, я встречусь с твоей племянницей и другими порубежниками. Понятия не имею, чего они потребуют, но им необходимо вернуться в свои крепости и форты. Если Салдэйя оказалась в таком положении, когда обороной руководил один из лучших полководцев, один из великих капитанов, можно лишь гадать, как страдают другие страны Пограничных земель.

— Ранд, — прошептала Мин, помогая ему подняться на ноги, — вернулась Кадсуане. А с ней кое-кто еще.

— Отведи меня к ней, — велел Ранд после паузы.

— Зря я об этом сказала, — поморщилась Мин. — Тебе отдохнуть надо.

— Отдохну, — ответил он. — Не беспокойся.

Она чувствовала, насколько он устал, но спорить не рискнула, и оба вышли из комнаты, но на пороге Ранд остановился:

— Родел Итуралде, не откажись составить мне компанию. Мне нечем отплатить за выказанную тобой доблесть, но все же я могу кое-что предложить.

Седой доманиец кивнул и последовал за ними. Мин помогла Ранду преодолеть коридор. Она страшно переживала. Неужели обязательно так надрываться?

«К сожалению, да. Иначе никак». Ранд ал'Тор был Драконом Возрожденным. Прежде чем всему придет конец, Ранд истечет кровью и от него ничего не останется. Одной этой мысли достаточно, чтобы любая женщина сложила руки…

— Ранд… — начала Мин, оглянувшись на идущего позади Итуралде, окруженного несколькими Девами. По счастью, комната Кадсуане была совсем рядом.

— Со мной все будет хорошо, — перебил ее Ранд. — Обещаю. Как продвигаются твои изыскания?

Он явно пытался отвлечь Мин, но этот вопрос, к сожалению, лишь добавил ей тревог.

— Ты не задумывался, почему в пророчествах Калландор часто фигурирует под названием «ужасающий клинок» или «клинок разрушения»?

— Наверное, из-за того, какие разрушения он способен вызвать, — ответил Ранд. — Ведь это мощнейший *са'ангриал*.

— Может быть, — сказала Мин.

— Но у тебя другое мнение?

— Есть одна фраза… — Мин помолчала. — В Джендайском пророчестве. Жаль, что в моем распоряжении совсем немного текстов, но… В общем, там говорится: «И Клинок свяжет его с двумя».

— С двумя женщинами, — сказал Ранд. — Чтобы контролировать Калландор, мне необходимо быть в круге с двумя женщинами.

Мин скроила гримаску.

— Что такое? — спросил Ранд. — Почему бы не сказать все как есть, Мин? Мне надо знать все, что знаешь ты.

— В Кариатонском цикле есть еще одна фраза. Во всяком случае, мне кажется, что у Калландора имеется скрытый изъян. Думаю, он может… Может ослабить тебя, Ранд. И открыть для вражеской атаки, если ты воспользуешься этим мечом.

— Тогда, наверное, так я и погибну.

— Ничего ты не погибнешь! — возразила Мин.

— Я…

— Ты переживешь эту схватку, овечий пастух, — продолжила она. — Об этом я позабочусь.

— Еще чуть-чуть, Мин, и я тебе поверю, — улыбнулся он. Какой же у него усталый вид! — Быть может, Узор свивается не вокруг меня, а вокруг тебя. — Он отвернулся и постучал в дверь.

Та со скрипом чуть приоткрылась. Выглянув одним глазком в коридор, Мериса смерила Ранда взглядом:

— По-моему, ты едва стоишь на ногах, ал'Тор.

— Истинная правда, — отозвался он. — Здесь ли Кадсуане Седай?

— Она выполнила твою просьбу, — ответила Мериса. — Смею сказать, она чрезвычайно сговорчива — учитывая то, как ты…

— Впусти его, Мериса, — донесся из комнаты голос Кадсуане.

Чуть помедлив, Мериса опалила Ранда свирепым взглядом и распахнула дверь до конца. Сидевшая в кресле Кадсуане беседовала с пожилым мужчиной, чьи длинные седые волосы ниспадали на плечи. Нос мужчины походил на птичий клюв, а одежда была по-королевски

богатой.

Ранд отступил в сторону. Позади кто-то ахнул. Ошеломленный Родел Итуралде шагнул в комнату, и пожилой мужчина обернулся. У него были добрые глаза и медного цвета кожа.

— Мой государь! — воскликнул Итуралде, бросился к нему и опустился на одно колено. — Вы живы!

Глядя на него, Мин почувствовала, что Ранд бесконечно счастлив. Когда Итуралде разрыдался, он вышел в коридор:

— Пойдем в мои покои. Пора отдохнуть.

— Король Арад Домана… Где она нашла его? — спросила Мин. — И как ты все узнал?

— Один друг поделился со мной секретом, — ответил Ранд. — Айз Седай забрали Маттина Стефанеоса в Белую Башню — под свою, так сказать, «защиту». Что ж, разумно было предположить, что с другими монархами они проделали то же самое. И если сестер послали в Арад Доман захватить тамошнего короля еще несколько месяцев назад, когда никому из них не было известно о переходных вратах, то нельзя исключать, что на обратном пути они застряли в снегах. — Наконец-то на него сошел покой. — Грендаль так и не заполучила его. И я не убил его, Мин. Я думал,

что погубил этого человека вместе с остальными невинными, но он остался жив. И это уже кое-что. Пусть немного, но мне от этого легче.

Мин помогла Ранду проделать остаток пути, довольствуясь — хотя бы в тот момент — исходившим от него теплым чувством облегчения и радости.

Глава 33
Вкусный суп

Суп оказался на удивление хорош.

Суан изогнула бровь и сделала очередной глоток. Простейшее блюдо — бульон, овощи, кусочки курятины, — но теперь, когда едва ли не вся еда на вкус казалась по меньшей мере лежалой, этот суп был просто чудо. Суан попробовала печенье. Без долгоносиков? Восхитительно!

Недавно умолкнувшая Найнив тоже сидела перед дымящейся плошкой. Чуть раньше этим днем она принесла клятвы и теперь была возвышена по всем правилам. Женщины сидели в кабинете Амерлин, где на полу лежали совершенно новые золотисто-зеленые ковры, залитые солнечным

светом из-за раскрытых ставней.

Суан безмолвно выбранила себя за то, что отвлеклась на суп. Слова Найнив требовали самого пристального внимания. Она рассказала о времени, проведенном ею в обществе Ранда ал'Тора, и, что самое важное, о таких событиях, как очищение саидин. Разумеется, Суан уже слышала о нем; во времена раскола в лагере появился один Аша'ман, сообщивший об этом. Поначалу она отнеслась к этим новостям скептически. Теперь же причин для сомнений не осталось.

— Что ж, — сказала Амерлин, — спасибо за подробный рассказ, Найнив. Пусть саидин очищена, но от этого меня не меньше тревожат мысли о том, что Аша'маны и Айз Седай связывают друг друга узами. Жаль, что во время нашей встречи Ранд не стал об этом говорить. — Это было сказано самым бесстрастным тоном, но Суан знала, что при мысли о мужчине, связывающем женщину узами, Эгвейн испытывает примерно те же чувства, что и капитан корабля при виде объятого пламенем трюма.

— Да уж наверное, — без особого энтузиазма согласилась Найнив. — Хотя если на то пошло, Ранд не одобряет того, что мужчины связывают женщин узами.

— Какая разница, одобряет он это или нет, — сказала Эгвейн. — Он в ответе за своих Аша'манов.

— Так же, как ты, мать, в ответе за Айз Седай, что избивали его и заковывали в цепи? — спросила Найнив.

— Вероятно, я унаследовала эту ответственность от Элайды, — слегка прищурилась Эгвейн.

«Правильно она сделала, что вернула Найнив в Башню, — подумала Суан, отхлебнула еще супа. — Слишком часто та встает на сторону Дракона Возрожденного. Так дело не пойдет».

— Только не подумай, мать, что я бросаю тебе вызов. — Вздохнув, Найнив взяла ложку, намереваясь приступить к еде. — Просто хочу, чтобы ты поняла ход его мыслей. О Свет! Я не одобряю многих поступков Ранда, особенно в последнее время. Но понимаю, почему он так себя ведет.

— Ты же сама говорила, что его образ мышления изменился, — задумчиво произнесла Суан.

— Да, — подтвердила Найнив. — Айильцы говорят, что он объял смерть.

— Мне они тоже так сказали, — кивнула Эгвейн. — Но я видела его глаза. В нем изменилось что-то еще, что-то непостижимое. Человек, которого я видела…

— …не мог бы уничтожить Натринов Курган? — Суан даже вздрогнула, вспомнив об этом случае.

— Человеку, которого я видела, не пришлось бы уничтожать Натринов Курган, — объяснила Эгвейн. — Обитатели дворца просто последовали бы за ним. Склонились бы перед его волей. Потому, что он тот, кто есть!

Все трое умолкли.

Эгвейн покачала головой, сделала глоток супа, еще немного помолчала и улыбнулась:

— Как вижу, суп вполне приличный. Возможно, дела не так уж плохи.

— Продукты привезли из Кэймлина, — заметила Найнив. — Слышала, как об этом болтали служанки.

— Ах вон оно что.

Снова молчание.

— Мать, — осторожно начала Суан, — женщин до сих пор тревожат убийства в Башне.

— Готова подтвердить, мать, — согласилась Найнив. — Сестры с недоверием поглядывают друг на друга. Мне это не нравится.

— Разве вы не видели такого раньше? — спросила Эгвейн. — Во времена правления Элайды?

— Если бывало еще хуже, — ответила Найнив, — хорошо, что я не застала этих времен.

Она бросила взгляд на кольцо Великого Змея. В последнее время она часто посматривала на свое кольцо. Так рыболов, купивший новую лодку, бросает с улыбкой довольные взгляды в сторону причала. Несмотря на жалобы — мол, «я и без того уже Айз Седай» — и тот факт, что она довольно давно носила это кольцо, Найнив не скрывала радости от пройденного испытания и принесения клятв.

— Это было ужасно, — сказала Эгвейн, — и я не намерена возвращаться в прошлое. Суан, не пора ли приступить к осуществлению плана?

— Я обучаю их, мать, — поморщилась Суан, — но не уверена, что это хорошая мысль. Они совсем неопытные.

— О ком это вы? — спросила Найнив.

— Об Айз Седай, — ответила Эгвейн. — Мы тщательно отобрали сестер, выдали им тер'ангриалы сна, и теперь Суан учит их действовать в Тел'аран'риоде.

— Мир снов — опасное место, мать.

— Поверь, я знаю об этом лучше многих. — Эгвейн положила в рот еще одну ложку супа. — Но другого выхода нет. Надо выманить убийц на открытое противостояние. Я устрою в Мире снов якобы тайную встречу с наиболее преданными

мне Айз Седай и, пожалуй, намекну, что на ней будут присутствовать другие важные персоны. Суан, ты связалась с Ищущими Ветер?

— Да, — ответила Суан. — И они хотят знать, что выгадают, приняв твое приглашение.

— Я одолжу им тер'ангриалы сна, и этого довольно, — сухо произнесла Эгвейн. — Необязательно искать выгодную сделку везде, где только можно.

— Для них чуть ли не все — сделка, — заметила Найнив. — Но вернемся к этой встрече. Значит, на ней именно Ищущие Ветер станут приманкой для Месаны?

— Не совсем, — ответила Эгвейн. — С ними я встречусь в то же время, но в другом месте. С ними и с некоторыми Хранительницами Мудрости. Думаю, этого достаточно, чтобы навести Месану на мысль — если предположить, что ее шпионы следят за другими группами женщин, способных направлять Силу, — что ей и впрямь неплохо бы вызнать, о чем мы будем говорить в тот день в Тел'аран'риоде. Вы с Суан проведете собрание в зале Совета Башни, но это будет обманка. Ее цель — выманить Месану или ее ставленниц из укрытия. С помощью малых стражей — и нескольких Айз Седай, которые будут следить из укромных

мест, — мы сумеем изловить Черных сестер. Суан пошлет за мной, как только капкан захлопнется.

— Хороший план, но не без изъяна, — нахмурилась Найнив. — Негоже подвергать тебя опасности, мать. Позволь мне возглавить этот бой. Я справлюсь.

Амерлин изучающе смотрела на Найнив, и в кои-то веки Суан увидела в ней настоящую Эгвейн — задумчивую, отважную, но и расчетливую, а еще — безмерно уставшую от груза ответственности. Суан хорошо помнила это чувство.

— Признаю, твои опасения обоснованны, — наконец сказала Эгвейн. — С тех самых пор, как я позволила наперсницам Элайды пленить меня возле Тар Валона, не могу не задаваться вопросом: не лезу ли я на рожон?

— Вот именно, — подтвердила Найнив.

— Однако факт остается фактом: из нас троих у меня самый богатый опыт работы в Тел'аран'риоде. Да, верно, вы тоже искусные сновидицы, но ваши навыки несравнимы с моими. В данном случае я не только глава Айз Седай, но и необходимый инструмент, который имеется в распоряжении Белой Башни. — Эгвейн помолчала. — Мне это снилось, Найнив. Если не победим

Месану здесь и сейчас, все может рассыпаться. И рассыплется. Не время прятать и беречь инструменты, какими бы ценными они ни были.

Потянувшись к косе — теперь та, увы, доходила только до плеч, — Найнив скрипнула зубами:

— Допустим, ты права. Но мне все это не нравится.

— Ты говорила, мать, что планируешь встретиться с айильскими ходящими-по-снам. Может, они согласятся помочь? — спросила Суан. — Мне будет гораздо спокойнее, если в том сражении они присмотрят за тобой.

— Хорошее предложение, — кивнула Эгвейн. — Свяжусь с ними и попрошу оказать нам такую услугу. Просто на всякий случай.

— Мать, — начала Найнив, — быть может, Ранд…

— Это — проблема Башни, Найнив, — отрезала Эгвейн. — Мы решим ее самостоятельно.

— Как скажешь.

— Теперь, — продолжила Эгвейн, — давайте определимся, как распустить слухи, чтобы Месана не могла отказаться от искушения прийти и узнать, что происходит.

* * *

Перрин вбежал в кошмар. Пространство вокруг изменилось, и городские дома — на сей раз кайриэнские, с плоскими крышами — растаяли в воздухе. Дорога под ногами стала мягкой, как свежая грязь, а затем превратилась в жидкость.

«Опять вода?» — с раздражением подумал он, плескаясь в океане.

Небо рассекла темно-красная молния, и по воде пошли кровавого цвета волны. Каждый разряд выхватывал из темноты силуэты подводных тварей — громадных, злобных, извивающихся в спазмах алого света.

Люди цеплялись за обломки кораблекрушения, кричали от ужаса, оплакивали гибель близких. Мужчины на расколотых досках. Женщины поднимают младенцев повыше, чтобы тех не захлестнуло вздымающимися волнами. Мертвые тела качаются на воде, будто мешки с зерном.

Повсюду в толще воды замелькали большие плавники и сверкающие бритвенно-острые зубы: подводные твари перешли в атаку, хватая людей и утаскивая их в глубину. Вскоре океан вскипел красными пузырями, и вовсе не из-за молний.

У того, кому снился этот сон, было весьма из-

вращенное воображение.

Перрину вовсе не хотелось раствориться в этом кошмаре, а потому он не поддался страху и не поплыл к одной из досок. «Это не по-настоящему. Это сон, сон».

Да, он понимал, что это сон, но где-то в глубине души знал, что погибнет в этих жутких окровавленных водах. Ему не давали покоя стоны утопающих, и он едва не бросился им на помощь, хотя знал, что эти люди ненастоящие, что все это вымысел, ложь, фикция, но сдержаться было непросто.

Перрин начал было подниматься из воды — волны понемногу застывали, превращаясь в твердую поверхность, — но вскрикнул, когда его схватили за ногу. Пространство расколола молния, и Перрин увидел, что совсем рядом под волнами барахтается женщина. На ее теле сомкнулись невидимые челюсти. Перрин запаниковал и вдруг опять оказался в воде — в совершенно ином месте, закинув руку на какую-то деревяшку.

Такое иногда случалось. Зазевайся хоть на миг, позволь себе поверить в реальность кошмара, и он ухватит тебя и затянет в новую ячейку чудовищной мозаики. В морской глубине что-то шевельнулось, и Перрин лихорадочно забил

руками по воде, но одна из волн вскинула его к небу.

«Это не по-настоящему. Это сон, сон».

Как же холодно! Что-то снова коснулось его ноги. Перрин вскрикнул и тут же умолк, нахлебавшись соленой воды. «ЭТО СОН!»

Он в Кайриэне, во многих лигах от океана. Городская улица. Под ногами твердый камень. Неподалеку пекарня, от нее пахнет свежим хлебом. Вдоль улицы растут приземистые ясени с тонкими стволами.

С утробным воем он вцепился в это знание, как люди вокруг него цеплялись за обломки корабля. Стиснув бугристые кулаки, он сосредоточился на реальности.

На самом деле у него под ногами камни мостовой. Не волны, не вода, не плавники и острые зубы. Пусть небыстро, но он снова поднялся из океана, вышел из волн, ступил на твердые булыжники — сперва одной ногой, затем второй — и оказался на небольшой каменной площадке посреди океана.

Слева вынырнуло нечто громадное — наполовину рыба, наполовину небывалое чудище — с пастью таких размеров, что в нее можно было войти, выпрямившись во весь рост. С блестящих

зубов — каждый размером с Перринову руку — капала кровь.

Нет, это сон.

Существо лопнуло, превратившись в туман. Влажные брызги, окатив Перрина, тут же высохли, и кошмар прогнулся под гнетом реальности: темнота, студеные волны, кричащие люди смешались воедино, будто свежая краска на холсте.

Молнии нереальны: Перрин отказался видеть их сквозь сомкнутые веки. Гром тоже нереален: Перрин отказался слышать его раскаты. Нет и волн, потому что Кайриэн не имеет выхода к морю, и здесь не может быть никаких волн.

Перрин открыл глаза, и кошмар растаял — исчез, как исчезает иней под весенним солнцем. Вновь появились здания, вернулась улица, отступили волны. В небе набрякла извечная буря, в ее черных глубинах сверкали ярко-белые вспышки, но грома не было.

Неподалеку сидел Прыгун. Перрин подошел к нему. Он мог бы преодолеть это расстояние одним прыжком, но не хотел злоупотреблять реалиями волчьего сна: чем крепче привыкаешь, что все происходит вот так запросто, тем грустнее просыпаться.

Ты становишься сильнее, Юный Бык, — с одоб-

рением сообщил Прыгун.

— Но все равно трачу слишком много времени. — Перрин глянул за плечо. — Всякий раз, когда вхожу в кошмар, мне требуется несколько минут, чтобы обрести контроль над происходящим. Надо действовать быстрее. В схватке с Губителем эти несколько минут — все равно что целая вечность.

Он слабее этих снов.

— Но все равно силен, — сказал Перрин. — Он годами учился контролировать волчий сон. А я только начал.

Юный Бык, — рассмеялся Прыгун, — *ты начал с тех самых пор, как оказался здесь впервые.*

— Я про наши уроки. Мы начали обучение всего-то несколько недель назад.

Прыгун все покатывался со смеху. По-своему он был прав: Перрин действительно постигал эту науку уже два года, регулярно посещая волчий сон. Но он должен научиться всему, чему только можно. Вот и еще один повод радоваться отсрочке суда.

Но затягивать тоже нельзя. Грядет Последняя охота. Многие волки устремились на север — Перрин чувствовал, как они пробегали мимо, в сторону Пограничных земель и Запустения

— и здесь, в волчьем сне, и в реальном мире, но здешние волки не сдвигались в пространстве, а бежали по-настоящему.

Он чувствовал, что Прыгуна тянет к этим стаям. Однако старый волк оставался здесь. И некоторые другие тоже.

— Пойдем, — сказал Перрин. — Отыщем еще один кошмар.

* * *

Вся Розовая дорожка была в цвету.

Невероятное зрелище. В это противоестественное лето растения почти не цвели, а те, что зацвели, мигом завяли. Но розы как с цепи сорвались, усыпав садовую решетку сотнями ярких бутонов. От цветка к цветку сновали ненасытные насекомые. Похоже, сюда слетелись все городские пчелы.

От них Гавин держался подальше, но аромат цветов был всепроникающим. Будто плывешь по благоуханному морю. После прогулки от одежды, наверное, еще несколько часов будет пахнуть розами.

Неподалеку был небольшой пруд с лилиями, рядом с ним — лавочки, а на одной из них сидела Илэйн и беседовала с несколькими советниками.

По мере того как беременность становилась все заметнее, Илэйн расцветала. В ее золотистых волосах, будто в зеркале, отражалось солнце, и в сравнении с этими волосами Розовый венец Андора выглядел самой заурядной безделушкой.

В последнее время Илэйн была очень занята. Краем уха Гавин слышал, что она строит какое-то оружие — по ее мнению, не менее разрушительное, чем взятые в плен дамани. По дошедшим до него слухам, кэймлинские отливщики колоколов трудились днем и ночью. Город готовился к войне, повсюду кипела бурная деятельность, и поэтому Илэйн нечасто находила время для Гавина, хотя тот радовался каждому мгновению, проведенному в обществе сестры.

Завидев его, Илэйн улыбнулась и жестом велела советникам прерваться и обождать, после чего подошла к брату и чмокнула в щеку:

— Ты чего такой задумчивый?

— С недавних пор это мой хронический недуг, — ответил он. — Кстати, у тебя рассеянный вид.

— Мой хронический недуг. С недавних пор, — отшутилась она. — Столько дел… Никакого времени не хватает.

— Если нужно…

— Нет. — Илэйн взяла его за руку. — Что мне

нужно, так это поговорить с тобой. И еще мне велели ежедневно гулять по саду. Мол, это полезно для тонуса.

Гавин с улыбкой вдохнул аромат роз и влажной земли, окаймлявшей пруд. Аромат жизни. Шагая рядом с Илэйн, он бросил взгляд на небо:

— Надо же, сколько здесь солнца! Еще немного, и я поверю, что вечный сумрак — это нечто неестественное.

— Пожалуй, так оно и есть, — беззаботно отозвалась Илэйн. — Неделю назад над Кэймлином расступились тучи. Но только здесь. Остальной Андор погружен в полутьму.

— Но… как?

— Из-за Ранда, — улыбнулась она. — Это его рук дело. Думаю, он побывал на вершине Драконовой горы, а затем…

День вдруг показался Гавину вовсе не таким солнечным.

— Снова ал'Тор, — сплюнул он. — Даже здесь меня преследует.

— Даже здесь? — переспросила Илэйн с нескрываемым весельем. — Как помню, именно в этих садах мы с ним и встретились.

Вместо ответа Гавин снова посмотрел на небо — теперь в северном направлении. Там висели

зловещие черные тучи.

— Он отец твоих детей?

— Даже если так, — без промедления сказала Илэйн, — благоразумнее будет не оглашать этот факт. Согласен? Дети Дракона Возрожденного всегда будут мишенью для злоумышленников.

Гавину сделалось дурно, хотя, узнав о беременности сестры, он сразу заподозрил, что к чему.

— Чтоб мне сгореть! Илэйн, как ты могла? После того, что он сделал с нашей матерью!

— Ничего он с ней не сделал, — возразила Илэйн. — И у меня есть множество свидетелей, готовых это подтвердить. Матушка исчезла еще до того, как Ранд освободил Кэймлин. — Когда она упоминала ал'Тора, ее глаза прямо-таки лучились нежностью. — С ним что-то происходит. Я это чувствую. Чувствую, как он меняется, как очищается. Он разгоняет тучи и делает так, что зацветают розы.

Гавин приподнял бровь. Неужто сестра думает, что цветы распустились благодаря ал'Тору? Что ж, любовь творит с людьми самые необъяснимые вещи, и, если женщина влюблена в Дракона Возрожденного, от нее можно ожидать легкого помрачения рассудка.

Они вышли на мостки у пруда. Гавин вспомнил,

как однажды сверзился в воду, а затем получил нагоняй — не от матери, а от Галада, хотя мать все же наградила его строгим и разочарованным взглядом. Гавин так и не признался, что в пруд его столкнула Илэйн.

— Наверное, ты никогда этого не забудешь, — сказала Илэйн.

— Чего я не забуду? — спросил Гавин.

— Спорим, сейчас ты думаешь о том, как поскользнулся и упал в пруд, когда у матушки была встреча с Домом Фарах.

— Поскользнулся? Это ты меня толкнула!

— Ничего подобного, — чопорно возразила Илэйн. — Ты рисовался. Балансировал на перилах.

— А ты подпрыгнула так, что мостки зашатались!

— Не подпрыгнула, а просто наступила, — сказала Илэйн. — С силой. Потому что я энергичная персона. И у меня тяжелая поступь.

— Тяжелая?.. Но это же враки!

— Нет. Это художественная трактовка действительности. Теперь я Айз Седай, и подобное умение входит в число наших талантов. Покатаешь меня на лодке или как?

— Я… На лодке? Когда это ты придумала?

— Только что. Ты плохо слушал.

Гавин ошеломленно потряс головой:

— Ну ладно.

За спиной у них заняли свои места несколько женщин-гвардейцев. Они всегда держались рядом, зачастую под руководством рослой женщины, воображавшей себя воплощением легендарной Бергитте. Пожалуй, она и впрямь походила на сказочную героиню — по крайней мере, ее тоже звали Бергитте и она несла службу в чине капитан-генерала.

К гвардейцам присоединилась растущая группа советников, слуг и посыльных. Приближалась Последняя битва. Андор готовился к ней, и, к сожалению, эта подготовка требовала неусыпного внимания Илэйн. К примеру, Гавин слышал прелюбопытнейшую историю о том, как с неделю назад его сестру занесли на городскую стену в паланкине, хотя не смог допытаться, правда это или нет.

Он помахал Бергитте — та ответила хмурой гримасой, — препроводил Илэйн к стоявшей у берега лодочке и крикнул:

— Даю слово, что не утоплю ее! — И негромко добавил: — Разве что буду грести… гм… «с силой», и лодка перевернется.

— Ой, молчи уже, — сказала Илэйн, устраи-

ваясь на сиденье. — Здешняя вода вредна для малышей.

— Кстати, о малышах. — Оттолкнув лодку носком сапога, Гавин забрался на борт. Пока он не сел, суденышко угрожающе раскачивалось. — Разве тебе не велено ходить пешком? Для тонуса?

— Скажу Мелфани, что захотела воспользоваться случаем и провести воспитательную беседу с блудным братцем. Если посильнее кого-то отчитать, с рук сойдет все, что угодно.

— То есть сейчас ты меня отчитаешь?

— Там будет видно, — зловеще процедила Илэйн.

Гавин вставил весла в уключины и опустил их в воду. Пруд был небольшой — его размеры еле-еле оправдывали наличие лодки, — но здесь, на воде, среди бабочек и водомерок, чувствовалась какая-то особая безмятежность.

— Гавин, зачем ты приехал в Кэймлин? — спросила Илэйн.

— Почему бы и не приехать? — ответил он. — Здесь мой родной дом.

— Во время осады я вспоминала тебя. Тебе нашлось бы применение в бою. Но ты предпочел не вмешиваться.

— Я уже объяснял, Илэйн! Столько снега нава-

лило, а еще меня втянули в политические игры Белой Башни. Больно думать, что я не смог тебе помочь, но эти женщины держали меня на коротком поводке.

— Я, знаешь ли, тоже одна из «этих женщин». — Илэйн подняла руку, и на пальце у нее сверкнуло кольцо Великого Змея.

— Нет, ты другая, — возразил Гавин. — Хотя как бы то ни было, ты права. Мне действительно следовало быть здесь. Не знаю, каких еще извинений ты от меня ждешь.

— Не жду я никаких извинений! — сказала Илэйн. — Ох, Гавин, я вовсе не собираюсь тебя упрекать. Твоя помощь, конечно, не помешала бы, но мы справились. Я все боялась, как бы ты не разорвался между двумя ролями — защитника Башни и заступника Эгвейн. Как вижу, этот вопрос тоже снят. Так что отвечай, зачем приехал? Разве Эгвейн не нуждается в тебе?

— По всей видимости, нет, — отозвался Гавин, начав табанить.

На берегу росла огромная плакучая ива, и ее ветви свисали до самой воды, будто женские косы. Рядом с ними Гавин поднял весла, и лодка остановилась.

— Что ж, — сказала Илэйн, — не стану совать

нос в ваши дела. По крайней мере, не теперь. Тебе всегда здесь рады, Гавин. Стоит только попросить, и я сделала бы тебя капитан-генералом, но вряд ли тебе этого хочется.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что ты почти все время торчишь в этих садах и хандришь.

— Вовсе я не хандрю. Я размышляю.

— О да. Как вижу, ты тоже освоил художественную трактовку истины.

Он негромко усмехнулся.

— Гавин, ты совсем не общаешься с друзьями и приятелями из дворца. Не планируешь играть роль принца или капитан-генерала. Вместо этого ты просто… размышляешь.

— Не общаюсь? Ну да. — Гавин бросил взгляд на другой берег. — Потому что не хочу отвечать на вопросы, где я был во время осады. И еще меня будут спрашивать, когда я займу пост командующего твоей армией.

— Не переживай, Гавин. Тебе не обязательно быть капитан-генералом, и при необходимости я смирюсь с отсутствием первого принца меча. Но должна сказать, что Бергитте весьма расстроена. Она рассчитывала, что ты примешь должность капитан-генерала.

— Так вот почему она так свирепо на меня смотрит?

— Да. Ничего, переживет. Она неплохо справляется с этой работой. Если я и хочу, чтобы ты кого-то оберегал, пусть это будет Эгвейн. Она тебя заслуживает.

— А если я решу, что она мне не нужна?

Придвинувшись, Илэйн положила ладонь ему на руку. Ее лицо — в обрамлении золотистых волос, увенчанных золотой короной, — сделалось озабоченным.

— Ох, Гавин… Что с тобой случилось?

Он покачал головой:

— По мнению Брина, я был слишком избалован успехами и не сообразил, как реагировать, когда ситуация в корне изменилась.

— А сам как считаешь?

— Думаю, мне полезно побыть дома, — глубоко вздохнув, сказал Гавин.

По тропинке вдоль берега пруда прохаживались какие-то женщины, возглавляемые особой с ярко-рыжими волосами, кое-где подернутыми сединой. Димана была кем-то вроде неудавшейся ученицы Белой Башни. Гавин до сих пор толком не понимал, что такое Родня и каковы ее взаимоотношения с Илэйн.

— Здесь, — продолжил он, — я вспоминаю, какой была моя жизнь. И чувство свободы от Айз Седай… Это настоящее избавление. Какое-то время я твердо знал, что должен быть рядом с Эгвейн. Когда ради нее я бросил Отроков, этот поступок казался самым правильным в жизни. Но Эгвейн, похоже, больше не нуждается во мне. Она так сосредоточена на демонстрации силы, на своей роли Амерлин, что не подпускает к себе людей, не готовых потакать любой ее прихоти.

— Вряд ли все так плохо, Гавин. Эгвейн… ну, она просто обязана напускать на себя непреклонный вид. Из-за возраста и из-за того, каким образом она взошла на Престол Амерлин. Но она не надменная. Ее высокомерное поведение продиктовано необходимостью. — Опустив пальцы в воду, Илэйн спугнула рыбку-златоспинку. — Когда-то я чувствовала себя так же, как она. Говоришь, она хочет, чтобы перед ней расшаркивались и приседали в реверансах? Уж поверь: чего она хочет — что ей действительно нужно, — так это человек, заслуживающий полного доверия. Человек, которому можно дать поручение и не волноваться, что оно не будет выполнено. У Эгвейн обширные ресурсы: богатство, слуги, войска, укрепления… Но сама она

существует в единственном числе, и, если все дела требуют ее непосредственного надзора, этих ресурсов считай что нет.

— Я…

— Ты говоришь, что влюблен в нее, — продолжила Илэйн. — Не раз заявлял, что предан ей, что готов умереть за нее. Знаешь, в распоряжении Эгвейн — да и в моем тоже — целая армия таких людей. Но найти человека, в точности выполняющего мои поручения, крайне непросто. Такие люди уникальны. Не говоря уже о тех, кто исполняет мои желания раньше, чем я их высказать успею.

— Вряд ли я способен на такое, — сказал Гавин.

— Почему нет? Из всех мужчин, готовых поддержать женщину, связанную с Силой, я бы в первую очередь подумала о тебе.

— С Эгвейн все по-другому. Только не спрашивай почему. Я не смогу объяснить.

— Что ж, если хочешь взять в жены Амерлин, тебе надо сделать этот выбор.

Она была права. Неприятно признавать, но она была права.

— Хватит об этом, — сказал Гавин. — Помнится, мы говорили об ал'Торе. Почему сменили тему?

— Потому что о нем больше нечего сказать.

— Держись от него подальше, Илэйн. Он опасен.

— Саидин очищена, — отмахнулась Илэйн.

— Ну конечно. Раз уж он сам так сказал…

— Ты ненавидишь его, — произнесла Илэйн. — По тону понятно. И дело не в нашей матушке.

Гавин не спешил с ответом. Неплохо она научилась поворачивать разговор в свою пользу. Интересно, чей это навык — королевы или Айз Седай? Он едва не развернул лодку обратно к мосткам, но… это же Илэйн. О Свет! Как же приятно поговорить с кем-то, кто понимает тебя по-настоящему!

— Почему я ненавижу ал'Тора? — спросил он. — Во-первых, из-за матери. Но не только. Я ненавижу того, кем он стал.

— Дракона Возрожденного?

— Тирана.

— Этого ты знать не можешь, Гавин.

— Он овечий пастух. Разве у него есть право низвергать королей и менять мир — так, как ал'Тор меняет его?

— Особенно когда ты сидишь в деревне и не знаешь, как быть? — (Гавин рассказал ей о событиях последних месяцев.) — Он покорял государства, а ты был вынужден убивать своих друзей, после че-

го твоя Амерлин послала тебя на верную смерть.

— Вот именно.

— Выходит, это зависть, — тихо произнесла Илэйн.

— Нет! Что за чушь? Я…

— Что ты сделал бы, Гавин? — спросила Илэйн. — Вызвал его на поединок?

— Может быть.

— И что будет, если победишь? Если сразишь его мечом? Насколько помню, так ты и хотел поступить. Неужели обречешь нас всех на смерть, только бы потешить мимолетную прихоть?

Он не знал ответа на этот вопрос.

— Гавин, это не только зависть. — Илэйн забрала у него весла. Гавин хотел было возразить, но она уже начала грести. — Это эгоизм. С нашей стороны подобная недальновидность недопустима.

— И это говорит женщина, в одиночку напавшая на сестер из Черной Айя?

Илэйн покраснела, и Гавин понял: ей бы очень хотелось, чтобы он ничего не знал о стычке в дворцовом подземелье.

— Это было необходимо. К тому же я сказала «с нашей стороны» — то есть речь о нас обоих. Это наша общая проблема. Бергитте постоянно твердит, что мне надо научиться сдерживать себя.

Что ж, ты тоже должен овладеть этим навыком. Ради Эгвейн. Ты на самом деле нужен ей, Гавин. Пусть она не понимает этого. Пусть думает, что способна удержать на плечах весь мир. Но она ошибается.

Лодка стукнула о мостки. Илэйн вынула весла из уключин и протянула Гавину руку; тот выбрался на берег, помог сестре подняться на мостки, и та с чувством стиснула его ладонь:

— Ты во всем разберешься. Я освобождаю тебя от любых обязательств, связанных с должностью капитан-генерала. Пока что я не стану назначать другого первого принца меча, но ты можешь носить этот титул, будучи свободен от исполнения положенных обязанностей. Достаточно время от времени показываться на государственных мероприятиях. Больше от тебя ничего не потребуется. Указ оглашу незамедлительно: мол, в преддверии Последней битвы у тебя и других дел хватает.

— Я… Спасибо. — Гавин не был уверен, что говорит искренне. Все это напоминало слова Эгвейн, когда та настойчиво объясняла, что Гавину не следует охранять ее дверь.

Илэйн еще раз стиснула его ладонь, после чего развернулась и подошла к ожидавшей ее свите. Гавин смотрел, как уверенно она беседует со

своими советниками. С каждым днем Илэйн все больше походила на королеву. Наблюдать за ней было все равно что смотреть, как распускается прекрасный цветок, и Гавин жалел, что задержался с приездом в Кэймлин и не видел этого с самого начала.

Вернувшись на Розовую дорожку, он понял, что улыбается. Теперь, после полученной от Илэйн лошадиной дозы присущего ей оптимизма, все сожаления отступили. Только Илэйн способна назвать человека завистником так, что ему будет приятно это слышать.

Он шагал, окутанный ароматом цветов. Шею ласкало солнце. Гавин прошелся там, где они с Галадом играли в детстве, и подумал, как мать гуляла по этому саду в обществе Брина. Вспомнил ее заботливые назидания, когда ему случалось провиниться, и ее улыбки — теплые, словно восходящее солнце, — когда Гавин вел себя как настоящий принц.

В этом саду осталась частица матери. Она продолжала жить — в громаде Кэймлина, в Илэйн, которая с каждым днем все больше походила на мать, в могуществе и безопасности народа Андора. Гавин остановился на берегу пруда — там, где однажды чуть не утонул. И утонул бы, но его

спас Галад.

Быть может, Илэйн права и ал'Тор не имеет отношения к смерти Моргейз. Даже если он виноват, Гавин ничего не докажет. Но это не имеет значения. Ранд ал'Тор уже обречен на гибель в Последней битве. Стоит ли ненавидеть его?

— Она права, — прошептал Гавин, глядя, как над водой снуют разбойные стрекозы-ястребки. — Считай, что между нами все кончено, ал'Тор. Отныне для меня ты никто.

Как гора с плеч свалилась. Гавин с облегчением выдохнул. Лишь после слов Илэйн он понял, как безжалостно винил себя за отсутствие в Андоре, и теперь это чувство тоже исчезло.

Пора сосредоточиться на Эгвейн. Гавин вынул из кармана нож убийцы и стал рассматривать искрившиеся на солнце красные камни. Так или иначе, он обязан был защитить Эгвейн. Пусть она выбранила его, прогнала, возненавидела — но Гавин спас ей жизнь. Разве оно того не стоило?

— Клянусь могилой матери! — раздался за спиной чей-то возглас. — Откуда у вас это?

Гавин обернулся. На дорожке стояли женщины, которых он заметил чуть ранее: Димана, с проседью в волосах и морщинками вокруг глаз — странно, разве работа с Силой не должна была

избавить ее от признаков старения? — а с ней — еще двое. Одна — пухленькая молодая брюнетка; другая — полная особа средних лет, с широко раскрытыми невинными глазами. Похоже, именно последняя и издала этот возглас — она явно была в ужасе.

— Что такое, Марилле? — осведомилась Димана.

— Этот нож… — Она указала на руку Гавина. — Такой Марилле уже видела!

— Такой я уже видела, — поправила ее Димана. — Ты человек, а не вещь.

— Да, Димана. Множество извинений, Димана. Марилле… Я больше не буду так ошибаться, Димана.

Гавин вздернул бровь. Что с ней не так, с этой женщиной?

— Простите ее, милорд, — сказала Димана. — Марилле довольно долго была дамани, и ей трудно привыкнуть к новому положению вещей.

— Ты шончанка? — спросил Гавин. «Ну конечно. Как я не понял по акценту?»

Марилле энергично закивала. Бывшая дамани, обученная убивать с помощью Силы. Гавин похолодел. Третья женщина, не говоря ни слова, с любопытством наблюдала за этой сценой и, в

отличие от Марилле, не проявляла ни малейшего раболепия.

— Нам пора, — сказала Димана. — Ей незачем видеть предметы, напоминающие о шончан. Пойдем, Марилле. Это всего лишь трофей. Полагаю, лорд Траканд добыл его в бою.

— Нет, погодите, — поднял руку Гавин. — Ты узнала этот клинок?

Марилле взглянула на Диману, словно спрашивая, можно ли ответить. Та сделала страдальческое лицо, но кивнула.

— Это кровавый нож, милорд, — сказала Марилле. — Вы не добыли его в бою, потому что людям не дано победить Кровавых Ножей. Они неодолимы. Кровавые Ножи умирают, только когда против них восстает собственная кровь.

Гавин нахмурился. Бред какой-то.

— Значит, это оружие шончан?

— Да, милорд, — кивнула Марилле, — это нож Кровавого Ножа.

— Разве вы не сказали, что это и есть кровавый нож?

— Да, но так называется и тот, кто им вооружен. Окутанный ночью, исполняющий волю императрицы — да живет она вечно! — посланный сразить ее врагов и погибнуть, прославляя

ее имя. — Женщина потупилась еще сильнее. — Марилле просит прощения. Она слишком болтливая.

— Я, я прошу прощения, — поправила с легким недовольством Димана.

— Я прошу прощения, — повторила Марилле.

— Значит, эти… Кровавые Ножи, — сказал Гавин, — по сути, шончанские наемные убийцы?

Его пробрала глубокая дрожь. Неужто шончан оставили после своего нападения отряд самоубийц, чтобы перебить как можно больше Айз Седай? Почему бы и нет? Тот душегуб явно не был Отрекшимся.

— Да, милорд, — подтвердила Марилле. — Я видела такой нож на стене в одной из комнат моей госпожи. Он принадлежал ее брату, и тот носил кровавый нож с честью, пока против него не обратилась его кровь.

— Его семья?

— Нет, его кровь. — Марилле заметно съежилась.

— Расскажи о нем, — настоятельно попросил Гавин.

— Окутанный ночью, — заговорила Марилле, — исполняющий волю императрицы — да живет она вечно! — посланный сразить ее врагов

и погибнуть, прославляя…

— Да, да, — перебил ее Гавин, — это я уже слышал. Как они действуют? Как им удается оставаться незамеченными? Как узнать, что убийца готов нанести удар?

С каждым вопросом Марилле съеживалась все сильнее и наконец захныкала.

— Лорд Траканд! — одернула его Димана. — Возьмите себя в руки.

— Марилле почти ничего не знает, — причитала дамани, — Марилле просит прощения и умоляет, чтобы ее наказали за то, что она так плохо подслушивала…

Гавин отступился. Шончан обращались с дамани хуже, чем с животными. Марилле, конечно же, толком не расскажет о способностях этих Кровавых Ножей.

— Откуда у вас эта дамани? — спросил он у Диманы. — Нет ли среди пленных шончанских солдат? Мне надо поговорить с одним из них. Желательно с офицером.

— Их захватили в Алтаре, — поджала губы Димана. — К нам отправили только дамани.

— Димана! — окликнула ее третья женщина. Шончанского акцента в ее речи не слышалось. — А как насчет сул'дам? Разве Кайсея не из низших

Высокородных?

— Кайсея… — нахмурилась Димана. — Это ненадежный источник.

— Умоляю, — напирал Гавин. — Вдруг она спасет множество жизней?

— Ну хорошо, — сказала Димана. — Ждите здесь. Я приведу ее.

Забрав обеих подопечных, она удалилась во дворец, а взволнованный Гавин остался на дорожке. Несколько минут спустя Димана вернулась. За ней шагала рослая женщина в светло-сером платье: ни пояса, ни вышивки, черные волосы заплетены в длинную косу. Все ее внимание как будто было сосредоточено на том, чтобы держаться ровно в шаге от Диманы — и это, как видно, не давало покоя представительнице Родни, не желавшей спускать глаз с высокой брюнетки.

Они приблизились к Гавину, и сул'дам — невероятно! — сперва опустилась на колени, а затем, простершись ниц, коснулась лбом земли. Все это было проделано с безупречной грацией, и по некой причине у Гавина сложилось впечатление, что над ним издеваются.

— Лорд Траканд, — сказала Димана, — это Кайсея. По крайней мере, она настаивает, чтобы теперь мы называли ее этим именем.

— Кайсея — хорошая служанка, — невозмутимо добавила женщина.

— Что ты делаешь? — спросил Гавин. — Встань!

— Кайсее уже сказали, что вы брат королевы. Значит, вы — из Высокородных в этом королевстве, а Кайсея — ничтожная дамани.

— Дамани? Ты же сул'дам!

— Уже нет, — сказала женщина. — На меня нужно надеть ошейник, великий лорд. Вы проследите, чтобы на меня надели ошейник? Кайсея — опасное существо.

Димана кивнула в сторону, приглашая Гавина к приватному разговору, и оба сошли с Розовой дорожки, оставив Кайсею ничком лежать на земле.

— Так кто она? — осведомился Гавин. — Сул'дам или дамани?

— Всех сул'дам можно обучить направлять Силу, — объяснила Димана. — Илэйн считает, что если это обстоятельство откроется, то укладу шончан придет конец, и поэтому Родня сосредоточилась на обучении сул'дам, дабы те осознали, на что способны. Многие отказываются признавать, что видят плетения, но некоторые не скрывают этого — и настаивают, чтобы их превратили в дамани. Все до единой. — Она кивнула

в сторону Кайсеи. — С этой вообще хлопот не оберешься. Мы считаем, что она нарочно изучает плетения, чтобы подстроить «несчастный случай» и использовать наши доводы против нас самих. Натворив бед с помощью Единой Силы, Кайсея сможет заявить, что зря мы оставили ее на свободе.

Женщина, обученная убивать Единой Силой, не связанная Тремя Клятвами и горящая желанием доказать, что представляет опасность? Гавин поежился.

— По большей части мы держим ее на корне вилочника, — добавила Димана. — Говорю это не для того, чтобы смутить вас. Просто знайте, что не стоит полагаться на ее слова и поступки.

— Спасибо, — кивнул Гавин, и они с Диманой вернулись к лежавшей на земле сул'дам.

— Чем Кайсея может помочь вам, великий лорд? — Казалось, своим поведением она пародирует раболепие Марилле. То, что Гавин счел за насмешку, ею не являлось: напротив, то были неумелые попытки знатной женщины подражать поведению простолюдинки.

— Когда-нибудь видела нечто подобное? — обыденным тоном спросил Гавин, показывая ей кровавый нож.

— Откуда он у вас? — ахнула Кайсея. — Кто дал вам эту вещь? — И она тут же съежилась, поняв, что вышла из роли.

— Этим ножом меня хотели убить, — сказал Гавин. — После схватки убийца сбежал.

— Это невозможно, великий лорд, — ответила шончанка уже более сдержанно.

— Почему ты так говоришь?

— Если бы вы сражались с Кровавым Ножом, великий лорд, то непременно погибли бы. Кровавые Ножи — самые искусные убийцы во всей империи. Они безжалостны, поскольку уже мертвы.

— Отряд самоубийц, — понимающе кивнул Гавин. — Что ты о них знаешь?

На лице Кайсеи отразился внутренний конфликт.

— А если я устрою, чтобы на тебя надели ошейник? — спросил Гавин. — Тогда ответишь на мой вопрос?

— Милорд! — воскликнула Димана. — Королева такого не допустит!

— Я попрошу ее, — сказал Гавин. — Ошейник гарантировать не могу, Кайсея, но обещаю, что походатайствую за тебя перед королевой.

— Вы сильны и могущественны, великий

лорд, — отозвалась Кайсея. — И по-настоящему мудры. Если так сделаете, то Кайсея ответит вам.

Димана сердито взглянула на Гавина.

— Говори, — велел тот, обращаясь к сул'дам.

— Кровавые Ножи живут недолго, — начала Кайсея. — Получив задание, они не ведают отдыха. Императрица, да живет она вечно, наделяет их нужными способностями через кольца-тер'ангриалы, и Кровавые Ножи превращаются в великих воинов.

— Рядом с тенью, — перебил ее Гавин, — их очертания расплываются.

— Да, — не без удивления подтвердила Кайсея. — Их нельзя одолеть. Но рано или поздно их убивает собственная кровь.

— Собственная кровь?

— Кровавых Ножей отравляет их миссия. Получив задание, они живут всего несколько недель. Обычно — месяц.

— Выходит, надо лишь подождать, пока они не умрут своей смертью? — Гавин с тревогой покосился на нож.

— Такого не случится, — рассмеялась Кайсея. — Прежде чем умереть, они непременно выполнят задание.

— Этот злодей не спешит, — сказал Гавин. —

Убивает по одной жертве раз в несколько дней. Пока что смертей было немного.

— Это подготовка, — произнесла Кайсея. — Он прощупывает сильные и слабые стороны. Выясняет, как нанести удар и остаться незамеченным. Если погибли немногие, вы еще не видели истинной силы Кровавого Ножа. В итоге счет жертв пойдет на десятки.

— Если только я не остановлю его, — возразил Гавин. — Каковы его уязвимые места?

— Уязвимые? — снова рассмеялась Кайсея. — Великий лорд, разве я не сказала, что они величайшие воины во всей Шончанской империи, благословленные самой императрицей, да живет она вечно?

— Ладно-ладно, я понял. Что насчет тер'ангриалов? Они помогают убийце прятаться в тени? Можно ли помешать их действию? Например, зажечь побольше фонарей?

— Не бывает света без тени, великий лорд, — сказала женщина. — Создав больше света, вы создадите больше тени.

— Но должен быть какой-то способ…

— Кайсея уверена: если этот способ существует, вы найдете его, великий лорд, — ответила женщина с некоторым самодовольством. — Доз-

волено ли Кайсее дать вам совет? Считайте, что вам очень повезло выжить в схватке с Кровавым Ножом. Наверное, вы не были его — или ее — истинной целью. Вам, великий лорд, будет разумнее скрыться где-нибудь — покуда не истечет месяц и желание императрицы, да живет она вечно, не будет исполнено, — а также вознести хвалу тем знамениям, что позволили вам сбежать и остаться в живых.

— Хватит, — сказала Димана. — Полагаю, вы услышали все, что хотели, лорд Траканд?

— Да, благодарю, — ответил встревоженный Гавин. Он едва заметил, как Кайсея поднялась с земли и Димана увела ее во дворец.

«Считайте, что вам очень повезло выжить в схватке с Кровавым Ножом… Должно быть, вы не были его истинной целью…»

Гавин взвесил метательный нож на ладони. Очевидно, он предназначался для Эгвейн — иначе зачем жертвовать элитным бойцом? Наверное, шончан считают, что смерть Эгвейн повлечет за собой падение Белой Башни.

Надо предупредить Эгвейн. Пусть сердится, пусть это идет вразрез с ее желаниями, но Гавин просто обязан ее предупредить. Возможно, эти сведения спасут ей жизнь.

Он еще стоял на тропе, размышляя, как бы достучаться до Эгвейн, когда его нашла служанка в красно-белом платье: в руках блюдо, на блюде — запечатанный конверт.

— Милорд Гавин?

— Что это? — Он взял конверт и вскрыл его кровавым ножом.

— Письмо из Тар Валона, — поклонилась служанка. — Его доставили через переходные врата.

Развернув лист плотной бумаги, Гавин узнал почерк Сильвианы.

> *Гавин Траканд*, – говорилось в письме, – *Амерлин была крайне недовольна, узнав о твоем отбытии. Тебе не приказывали покидать город. Амерлин поручила мне отправить это послание и объяснить, что довольно прохлаждаться в Кэймлине. Ты нужен в Тар Валоне, и тебе велено вернуться без промедления.*

Гавин прочел письмо — раз, другой… То есть Эгвейн наорала на него за срыв планов, разве что из Башни его не выдворила, а теперь — узнав, что Гавин уехал из города, — она крайне недовольна? А чего она от него ожидала? Он едва не рассмеялся.

— Не желаете ли ответить, милорд? — спросила служанка. На подносе были писчие принадлежности. — Мне сообщили, что от вас ожидают ответа.

— Отправьте ей вот это. — Гавин бросил на поднос кровавый нож. Он так рассердился, что даже мысль о возвращении была ему противна. Вот ведь треклятая женщина!

— И передайте ей, — добавил он по размышлении, — что убийцу подослали шончан. У него есть особый тер'ангриал, позволяющий скрываться в тенях. Поэтому лучше зажечь дополнительные светильники. Прежними убийствами он прощупывал оборону. Его настоящая цель — Эгвейн, то есть Амерлин. Нужно особо отметить, что убийца чрезвычайно опасен — но это не тот, на кого она думала. Если нужны доказательства, она может прийти сюда, в Кэймлин, и поговорить с шончанками.

Озадаченная служанка ждала дальнейших распоряжений, но Гавин не сказал больше ни слова, и она удалилась.

Так, пора остудить гнев. Нет, Гавин не вернется. Только не теперь, чтобы Эгвейн не думала, будто он готов бежать к ней, едва услышав ее приказ. У нее «разработаны свои планы и устроены свои

ловушки». И она сама сказала, что не нуждается в его помощи.

Вот и обойдется без него. Хотя бы какое-то время.

Глава 34
Приговор

— И пусть разведчики присматривают за окрестностями, — с расстановкой произнес Перрин. — Даже во время суда.

— Не пропустят ли они танец с копьями? — осведомилась Сулин. — Девам это не понравится, Перрин Айбара.

— Еще потанцуют, так или иначе. — Перрин шагал по лагерю в сопровождении Даннила и Гаула. За ним следовали сегодняшние телохранители: Ази и Вил ал'Син.

Сулин окинула Перрина внимательным взглядом, затем кивнула:

— Будет сделано. — И она ушла.

— Лорд Перрин, это еще зачем? — спросил Дан-

нил. Судя по запаху, он нервничал.

— Сам пока не знаю, — ответил Перрин. — Но ветер пахнет как-то не так.

Даннил непонимающе сдвинул брови. Что ж, Перрин тоже мало что понимал, но с каждым днем его уверенность возрастала. Да, нелогично. Но как есть, так есть.

В лагере было оживленно: армии Перрина готовились к встрече с белоплащниками. Вот именно: не одна армия, а несколько, причем совершенно разные. Арганда и Галленне уживались примерно как кошка с собакой, двуреченцы цапались с новыми наемничьими отрядами, и все это разнообразие было сдобрено щедрой россыпью бывших беженцев. Ну и разумеется, айильцы — эти сторонились остальных и были себе на уме.

«Все равно я собираюсь их распустить, — сказал себе Перрин, — так что какая разница?»

Однако непорядок в лагере его совсем не устраивал.

Ну да ладно. По большей части люди Перрина оправились после недавнего столкновения с пузырем зла. Иногда они теперь не без опаски поглядывали на свое оружие, но раненые были Исцелены, а те, кто обладал даром направлять

Силу, успели отдохнуть. Белоплащников эта задержка не обрадовала, да и продлилась она дольше, чем ожидалось. Но Перрину требовалось выгадать время, и причин тому было несколько.

— Даннил, — сказал он, — по-моему, Фэйли надумала защитить меня. И для тебя нашлось место в ее плане.

— Но как… — вздрогнул Даннил.

— Она не может без секретов, — объяснил Перрин. — Половины ее тайн я не знаю, но этот замысел ясен как день. Фэйли не в восторге от грядущего суда. Что она тебе поручила? Наверное, проследить, чтобы в случае опасности Аша'маны вытащили меня?

— Что-то вроде того, милорд, — признался Даннил.

— Если дела примут скверный оборот, так и сделайте, — согласился Перрин. — Но не торопитесь. Никому не надо, чтобы все кончилось кровавой баней из-за какого-нибудь белоплащника, вздумавшего не вовремя сквернословить. Ждите моего сигнала. Понятно?

— Да, милорд, — кивнул Даннил. От него пахнуло покорностью.

Пора заканчивать. Надо освободиться. Прямо сейчас. Ведь в последние дни неопределенность

стала казаться вполне естественной. «Я всего лишь…» Внутренний голос умолк. Всего лишь кто? Кузнец? Есть ли у него право так говорить? Кто он на самом деле?

Впереди, рядом с площадкой для Перемещения, сидел на пеньке Неалд. За несколько дней Гаул с молодым Аша'маном по приказу Перрина обошли всю округу, проверяя, можно ли открыть переходные врата за пределами лагеря. Оказалось, можно — но только если отдалиться от бивака на несколько часов пешего хода.

Ни Гаул, ни Неалд не заметили никакого барьера или видимой преграды; вообще никаких изменений, разве что там не расползалось плетение врат. Но если Перрин не ошибался, площадь, на которой перестали действовать переходные врата, соответствовала размеру купола, накрывшего эту местность в волчьем сне.

Вот в чем смысл этой преграды. И вот почему ее стережет Губитель. Дело не в охоте на волков, хотя Перрин знал, что охотится Губитель с удовольствием. Нечто породило этот купол, и оно же вызвало затруднения у Аша'манов.

Перрин подошел к Неалду:

— Как последняя разведка, Неалд? Все нормально?

— Да, милорд.

— Когда вы с Грейди впервые сказали, что плетение распускается, ты упомянул, что такое бывало и прежде. Когда именно?

— Когда мы пытались открыть переходные врата, чтобы забрать группу разведчиков из Кайриэна, — ответил Неалд. — Поначалу плетение распадалось на части, но мы подождали немного и попробовали снова. Во второй раз все получилось.

«Наутро после той ночи, когда я впервые увидел купол, — подумал Перрин. — Он ненадолго появился, потом исчез. Должно быть, Губитель проверял, как он действует».

— Милорд, — приблизился к нему Неалд. На вид щеголь щеголем, но парень надежный. — Что происходит?

— Думаю, кто-то готовит ловушку, — негромко ответил Перрин. — И огородил нас чем-то вроде барьера. Наверное, с помощью какого-то предмета, связанного с Единой Силой. Я отправил людей на поиски. — Он опасался, что этот артефакт может быть спрятан в волчьем сне. Но способен ли он воздействовать оттуда на реальный мир? — Ты уверен, что не можешь открыть врата? Неподалеку, не выходя за эту преграду?

— Уверен, — кивнул Неалд.

«Значит, по эту сторону действуют другие правила, — подумал Перрин. — По крайней мере, Перемещение здесь работает иначе, чем смещение в волчьем сне».

— Неалд, ты говорил, если соединиться в круг, можно создать бóльшие врата — такие, что за несколько часов пропустят всю армию.

— Да, — подтвердил Неалд. — Мы проверяли.

— Будьте к этому готовы, — сказал ему Перрин и взглянул на небо. В воздухе по-прежнему витал странный запах. Легкая затхлость.

— Мы-то готовы, милорд, — сказал Неалд, — но какой смысл в готовности, если переходные врата нельзя открыть? Можно, вообще-то, вывести армию туда, где кончается это воздействие, а там уже приступить к Перемещению.

К несчастью, Перрин подозревал, что ничего не выйдет. «Нечто человеческое, виденное давным-давно» — так Прыгун назвал этот купол. Значит, велика вероятность, что Губитель действует заодно с Отрекшимися. Или он сам — один из Отрекшихся. Об этом Перрин еще не думал. В любом случае те, кто замыслил эту ловушку, будут наблюдать за происходящим. Если армия попробует сбежать, враги захлопнут капкан или

передвинут купол.

Совсем недавно Отрекшиеся одурачили Шайдо с помощью тех коробочек и перенесли их сюда. И нельзя забывать про вездесущие рисунки с лицом Перрина. Знать бы, эти портреты — тоже часть ловушки, какой бы она ни оказалась, или нет? Опасности. Куда ни глянь, повсюду опасности.

«Ну а чего ты ожидал? — спросил себя Перрин. — Это Тармон Гай'дон».

— Скорей бы вернулся Илайас, — промолвил Перрин. Илайаса он отправил на разведку с особым заданием. — Просто будь готов, Неалд. А ты, Даннил, будь другом, предупреди своих людей. Всякие случайности нам ни к чему.

Даннил и Неалд ушли — каждый своей дорогой. Перрин же отправился к веревочным коновязям искать Трудягу. Гаул, бесшумный как ветер, шагал рядом.

«Кто-то затягивает петлю у меня на лодыжке, — думал Перрин. — Понемногу, дюйм за дюймом». Наверное, этот «кто-то» ждет, чтобы стычка с белоплащниками ослабила армию Перрина. Потрепанное войско — легкая добыча. Перрин понимал: сразись он с Дамодредом чуть раньше, и ловушка сразу же захлопнулась бы. По спине у него пробежал холодок. Выходит, важность

предстоящего суда трудно переоценить.

Перрин просто обязан был не допустить битвы, пока еще раз не побывает в волчьем сне. Быть может, там он найдет способ разрушить купол и вызволить своих людей.

— Ты меняешься, Перрин Айбара, — сказал Гаул.

— В какую сторону? — спросил Перрин, забирая Трудягу у конюха.

— В правильную, — ответил Гаул. — Приятно видеть, что ты бросил отнекиваться и стал вождем. Еще приятнее, что ты получаешь удовольствие, приказывая другим.

— Я перестал спорить только потому, что у меня других дел хватает, — сказал Перрин. — И командовать людьми не доставляет мне никакого удовольствия. Я так поступаю потому, что у меня нет выбора.

Гаул кивнул — так, будто Перрин подтвердил его слова. «Ох уж эти Айил…»

Перрин одним махом вскочил в седло:

— Тогда в путь. Колонна уже выступает.

* * *

— Ступай, — сказала Фэйли. — Армия уже выдвигается.

Аравин присела в реверансе, после чего ушла передавать приказы беженцам. Фэйли не знала, что принесет этот день, но решила, что оставшимся правильнее будет сняться с лагеря и приготовиться к отступлению — на всякий случай.

Она заметила, что Аравин ушла в сопровождении счетовода по имени Алдин. В последнее время тот навещал ее все чаще: наверное, его ухаживания за Аррелой не возымели успеха.

Фэйли без промедления отправилась к своему шатру. По пути встретила Фланна Барстира, Жона Гаэлина и Марека Кормера: те проверяли тетивы и оперение на стрелах. Все трое подняли голову и помахали девушке. В их взглядах читалось облегчение. Хороший знак. Совсем недавно эти люди при встрече смущенно поглядывали на нее — а все из-за предполагаемой интрижки Перрина и Берелейн.

С ней Фэйли встречалась все чаще: вдобавок к официальному опровержению слухов требовалось убедить обитателей лагеря, что между Перрином и Первой Майена не было ничего предосудительного. Любопытно… Сильнее всего на людей подействовал тот случай, когда Фэйли спасла Берелейн в пузыре зла. После него все ре-

шили, что между ними не осталось разногласий.

Разумеется, Фэйли не спасла ей жизнь. Лишь помогла немного. Но молва утверждала иначе, и Фэйли с удовольствием наблюдала, как сплетни идут на пользу ей и Перрину. В кои-то веки!

В шатре она бросилась к умывальнику, обтерлась влажным полотенцем, надушилась и надела самое красивое платье, темно-серое с зеленоватым отливом и вышивкой в форме виноградных лоз по подолу и на лифе. Потом оглядела себя в зеркале. Отлично. Похоже, у нее получалось скрыть тревогу. С Перрином все будет хорошо. Непременно.

Но все же Фэйли заткнула за пояс и спрятала в рукавах несколько ножей. Тем временем конюх подвел к палатке Светлого. С грустью вспомнив убитую Шайдо Ласточку, Фэйли взобралась в седло. Даже лучшее ее платье было пошито с разрезными юбками для верховой езды; в пути Фэйли не признавала других фасонов. Она хорошо помнила материнскую науку: хочешь заручиться доверием войск, не вздумай ездить по-дамски. К тому же нельзя исключать, что ей придется взять командование на себя — если случится немыслимое и Перрин погибнет.

Пустив коня рысью, Фэйли вскоре подъехала

к авангарду войск, где уже находился Перрин верхом на Трудяге. Что за страдальческая физиономия? Как он смеет?!

Но Фэйли взяла себя в руки, не выказав недовольства. Всему свое время: иногда уместна буря, а другой раз достаточно легкого ветерка. Фэйли четко и ясно дала Перрину понять, что думает об этом суде. Теперь же надо показать, что она на его стороне.

Она подъехала к Перрину. За спиной у нее собрались Айз Седай — пешие, как и Хранительницы Мудрости. И ни одной Девы. Где они? Наверное, им велено держаться подальше от судилища. Для Сулин и остальных защита Перрина — долг перед Кар'а'карном, и, если он погибнет, Девы заработают нешуточный тох.

Осматривая лагерь, Фэйли заметила двух гай'шайн в белых одеждах с капюшонами. Они спешили к авангарду войска. Гаул, стоявший рядом с конем Перрина, нахмурился. Одна из женщин — Чиад — с поклоном протянула ему несколько копий:

— Свежезаточенные.

— И свежеоперенные стрелы, — добавила Байн.

— У меня уже есть и копья, и стрелы, — сказал

Гаул.

— Да, — в один голос ответили женщины и преклонили колени, протягивая ему свои подношения.

— Зачем это все? — спросил Гаул.

— Мы просто беспокоимся за твою безопасность, — сказала Байн. — В конце концов, ты сам готовил это оружие. — Она говорила искренне, без тени насмешки или лицемерия, но слова звучали покровительственно.

Рассмеявшись, Гаул обменял свое оружие на принесенное женщинами, и даже Фэйли поняла, что улыбается, несмотря на волнение — ведь день предстоял нелегкий. Правила взаимоотношений у Айил сложны и причудливы. Временами, когда гай'шайн пытались угодить Гаулу, он огорчался, а поступки, на первый взгляд казавшиеся оскорбительными, вызывали у него улыбку.

Когда Байн и Чиад ушли, Фэйли окинула взглядом собиравшуюся армию. Здесь были не только предводители или представители отдельных отрядов, но и все остальные. Наблюдать за судом смогут немногие, но… пусть остальные будут рядом. Мало ли что.

— Тебя что-то беспокоит, — заметила Фэйли, встав рядом с мужем.

— Мир затаил дыхание, Фэйли, — ответил он.

— Ты о чем?

— Началась Последняя охота, — покачал головой Перрин. — Ранд в опасности. Все мы в опасности, но он — в первую очередь. И я не могу вернуться к нему. Пока что не могу.

— Перрин, ну что за глупости? С чего ты взял, что Ранд в опасности?

— Я вижу его. Всякий раз, когда произношу его имя или думаю о нем, перед глазами встает его видение.

Фэйли оторопела, изумленно моргнула.

Перрин повернулся к жене, устремил на нее задумчивый взгляд золотистых глаз:

— Я как-то связан с ним. Знаешь, он… притягивает меня. Я сказал себе, что больше не стану скрывать от тебя такие вещи. — Он помолчал. — Эта моя армия, Фэйли, — все равно что овцы, идущие под нож мясника.

Ему вдруг вспомнилось видение в волчьем сне: волки гонят овец. Перрин считал себя одним из волков. А может, он ошибался?

О Свет! Он и правда ошибался. Вот теперь он понял, что все это означает.

— Я чувствую что-то в воздухе, — сказал он. — Трудности с переходными вратами… Они как-то

связаны с происходящим в волчьем сне. Там что-то происходит. Кто-то хочет, чтобы мы не ушли отсюда.

Налетел холодный ветер, необычный для полуденной жары.

— Ты уверен? — спросила Фэйли.

— Да, — ответил Перрин. — Сам удивляюсь, но уверен.

— И поэтому отправил Дев на разведку?

— Нам готовят ловушку. Куда больше смысла в том, чтобы дождаться нашей стычки с белоплащниками, а затем добить выживших. Но для этого нужна армия, а ее здесь нет: только мы и Дети Света. По моему поручению Илайас выискивает поблизости Путевые врата, но пока ничего не нашел. Может, волноваться не о чем и я шарахаюсь от теней?

— В последнее время, муж мой, тени кусаются. Я доверяю твоим инстинктам.

Перрин посмотрел на Фэйли, потом широко улыбнулся:

— Спасибо.

— Итак, что будем делать?

— Поедем на суд, — сказал он. — И приложим все старания, дабы избежать битвы с белоплащниками. А вечером я попробую разобраться с

преградой, не дающей открыть переходные врата. Выехать за ее пределы не получится: этот барьер можно передвинуть. Я видел его в двух разных местах. Надо каким-то образом его уничтожить. Потом мы сможем уйти.

Фэйли кивнула, и Перрин отдал приказ выступать. Войско, казавшееся хаотичным, будто спутанная бечева, пришло в движение, группируясь по отдельным отрядам.

После недолгого марша по Джеханнахской дороге армия Перрина вышла на поле, где стоял шатер. Белоплащники уже были на месте: похоже, они привели сюда все свое войско и выстроили его в боевой порядок.

День обещал быть непростым.

Гаул бежал рядом с конем Перрина. На лице, не прикрытом вуалью, не было ни тени волнения. Фэйли знала: Гаул считает, что Перрин, отправляясь на суд, совершает достойный поступок. Он должен или защитить себя, или признать тох и принять приговор. Айильцы без колебаний пойдут на казнь, дабы искупить тох.

Они подъехали к шатру. Возле его поднятой северной стены возвели небольшую платформу, а на нее поставили кресло — спинкой к далекому лесу из болотных миртов. В кресле восседала

Моргейз; на вид — воплощение царственности, в красном платье с золотым шитьем; наверное, это платье предоставил ей Галад. Как Фэйли вообще могла принять эту женщину за простую горничную знатной дамы?!

Перед возвышением расставили стулья, половину из которых занимали белоплащники. Рядом с импровизированным судейским троном стоял Галад с идеальной — волосок к волоску — прической, в безупречно чистой форме и длинном, до пят, плаще. Фэйли покосилась на Берелейн. Та раскраснелась и просто-таки пожирала Галада глазами. До самого последнего момента она продолжала упрашивать Перрина, чтобы тот отправил ее в лагерь белоплащников на переговоры.

— Галад Дамодред! — выкрикнул Перрин и спрыгнул с коня перед шатром. Фэйли тоже спешилась и встала рядом с мужем. — Прежде чем начнем, дай мне обещание.

— Что за обещание? — осведомился из шатра молодой лорд капитан-командор.

— Поклянись, что суд не окончится битвой.

— Это можно, — согласился Галад, — но только если ты дашь слово мне — что не сбежишь, если тебя признают виновным.

Перрин молчал. Затем он положил ладонь на свой молот.

— Как вижу, не торопишься, — заметил Галад. — Мать убедила меня, что ты имеешь право высказаться в свою защиту, и я даю тебе этот шанс. Но я скорее умру, чем позволю человеку, убившему Детей Света, беспрепятственно уйти от наказания. Если не хочешь битвы, Перрин Айбара, докажи, что невиновен. Или так, или прими заслуженную кару.

Фэйли бросила взгляд на мужа. Перрин хмурился и, судя по виду, готов был выполнить требование Галада. Фэйли коснулась его руки.

— Я должен дать слово, — тихо сказал он. — Разве можно, Фэйли, чтобы человек — любой человек — был выше закона? Я убил тех людей в Андоре, когда Моргейз была королевой, и должен смириться с приговором.

— Но как же обязательства перед твоими солдатами? — спросила она. — Перед Рандом, перед Последней битвой? — А про себя добавила: «И передо мной?»

— Ты права, — кивнул Перрин, помедлив. И добавил уже громче: — Давайте приступим.

* * *

Уверенной походкой Перрин вошел в шатер. К ним с Фэйли тут же присоединились Неалд, Даннил и Грейди. Из-за их присутствия Перрин чувствовал себя трусом. Всем своим видом эти четверо показывали, что не намерены сдавать своего вождя белоплащникам.

Но чего стоит суд, если Перрин проигнорирует его решение? Ничего он не стоит. Это будет не суд, а насмешка над справедливостью.

Белоплащники внимательно следили за происходящим: офицеры под сенью шатра, солдаты снаружи — по стойке вольно, не двигаясь и заложив руки за спину. Как видно, они собирались стоять так в боевой готовности до окончания суда. Силы Перрина — более крупные, но не такие упорядоченные — выстроились напротив, давая понять, что готовы к бою.

Перрин кивком отправил Рауэна Хэрна проверить, освободил ли Галад пленников, а сам пересек шатер и остановился перед возвышением, где восседала Моргейз. Рядом с ним встала Фэйли. Перрин опустился на поставленный для него стул. В нескольких шагах слева от него находилась Моргейз, справа зрители. Армия осталась

за спиной.

Рядом села Фэйли. От нее пахло настороженностью. Подошли остальные: Берелейн и Аллиандре с охраной расположились рядом с Перрином; Айз Седай с Хранительницами Мудрости, отказавшись садиться, остались стоять позади. Последние несколько стульев заняли двуреченцы и старшины бывших беженцев.

Офицеры белоплащников сидели напротив, лицом к Перрину и Фэйли. В первом ряду — Борнхальд и Байар. Стульев было штук тридцать; похоже, Дети Света присвоили их, разграбив захваченный у Перрина обоз.

— Перрин, — начала Моргейз, не вставая с кресла, — ты уверен, что хочешь этого суда?

— Уверен, — подтвердил он.

— Прекрасно. — Моргейз сохраняла бесстрастное лицо, но пахло от нее нерешительностью. — Объявляю судебное разбирательство открытым. Обвиняемый — Перрин Айбара, известный также как Перрин Златоокий. — Помолчав, она добавила: — Лорд Двуречья. Галад, представь суду обвинения.

— Их три, — встал лорд капитан-командор. — Первые два — противозаконное лишение жизни чада Лэфина и чада Ямвика. Также Айбара об-

виняется в том, что он, будучи приспешником Темного, привел троллоков в Двуречье.

После этих слов по рядам двуреченцев прокатился гневный ропот. Еще бы. Те троллоки растерзали семью Перрина.

— Последнее обвинение пока остается неподтвержденным, — продолжил Галад, — поскольку моих людей изгнали из Двуречья прежде, чем они успели собрать доказательства. Что касается первых двух, то Айбара уже признал вину.

— Это так, лорд Айбара? — спросила Моргейз.

— Да, я убил тех людей, — ответил Перрин. — Но это не было противозаконным лишением жизни.

— Решение вынесет суд, — произнесла официальным тоном Моргейз. — Да начнутся прения.

Она ни капли не походила на Майгдин. Быть может, именно такого поведения ждут люди от Перрина, приходя к нему со своими тяжбами? Надо признать, Моргейз и впрямь сумела добавить процессу должной формальности, пусть суд и проходил в чистом поле, в обычном шатре, а судейское кресло стояло, по-видимому, на ковре, наброшенном на составленные вместе ящики.

— Галад, — сказала Моргейз, — пусть твои люди расскажут, как все было с их точки зрения.

Дамодред кивнул Байару, и тот встал. К нему подошел еще один белоплащник, молодой и с совершенно лысой головой. Борнхальд остался сидеть на стуле.

— Ваша милость, — начал Байар, — это произошло примерно два года назад. Весной. Как помню, то была неестественно холодная весна. Мы возвращались с важного задания по поручению лорда капитан-командора, и путь лежал через пустошь в центральном Андоре. Мы собирались заночевать в заброшенном огирском стеддинге, у развалин гигантской статуи. Считается, что в подобных местах безопасно.

Перрин вспомнил тот вечер. Вспомнил, как стоял у пруда с чистой водой, и зябкий восточный ветер шелестел его плащом, а на западе тихо угасало солнце. Вспомнил, как смотрел на воду в тускнеющем свете, видел на ней легкую рябь и сжимал в руках тяжелый топор.

Тот треклятый топор. Надо было выбросить его прямо там, у пруда. Илайас убедил Перрина не расставаться с оружием.

— Мы обнаружили, что на месте, где предполагалось разбить лагерь, совсем недавно кто-то был, — продолжил Байар. — И встревожились, поскольку о стеддинге мало кто знает. По един-

ственному кострищу мы поняли, что загадочных путников раз-два и обчелся.

Рассказ Байара был логичным и последовательным, но Перрину тот вечер помнился иначе: зашипело пламя, в воздух взметнулись сердитые искры, когда Илайас выплеснул содержимое чайника в костер. Он помнил, как сознание наводнили послания волков, лихорадочные, сбивающие с толку, малопонятные.

Из-за настороженности волков Перрину оказалось трудно отделить себя от них. Он помнил, как от Эгвейн пахло страхом. Помнил, как возился с седлом Белы, затягивая подпругу. И еще он помнил сотни людей, от которых пахло как-то не так. Как от белоплащников в этом шатре. От них пахло больными волками, кусающими всех, кто окажется слишком близко.

— Лорд-капитан был встревожен, — продолжил Байар, преднамеренно не упоминая имени этого офицера, вероятно чтобы не сыпать соль на раны Борнхальда. Молодой капитан белоплащников не двигался и не сводил глаз с Байара, словно опасаясь посмотреть на Перрина. — Он пришел к выводу, что в стеддинге побывали разбойники. Кто еще станет тушить костер и бежать из лагеря, заслышав других путников? Тогда-то мы и увиде-

ли первого волка.

Эгвейн, сгорбив плечи, сдавленно дышала. Они с Перрином прятались в темноте. От ее одежды — и от его одежды тоже — тянуло запахом костра. Поблизости фыркала невидимая Бела. Они с Эгвейн нашли укрытие под сенью гигантской каменной ладони, давным-давно отколовшейся от статуи Артура Ястребиное Крыло.

Волчица по имени Пестрая, разъяренная и обеспокоенная. Фигуры людей в белом с пламенеющими факелами в руках. Волк по имени Ветер, мелькающий среди деревьев.

— Лорд-капитан решил, что волки — дурной знак. Всем известно, что они прислуживают Темному. Он отправил нас на разведку. Мой отряд ушел на восток, осматривать скалы и обломки громадной статуи.

Боль. Крики людей. «Перрин? Ты будешь со мной танцевать в День солнца? Если к тому времени мы будем дома…»

— Волки стали нападать, — мрачно продолжал Байар. — По слаженности их действий очевидно было, что перед нами не просто животные. В тенях сновали десятки волков. Они резали и убивали наших лошадей, и среди волков были люди.

Перрин видел все это двумя парами глаз — собственными, из-под каменной ладони, и глазами волков, которые хотели только, чтобы их оставили в покое. Немногим ранее на них налетела огромная стая воронов. Волки пытались отогнать людей. Отпугнуть их.

Столько страха… И волчьего, и человеческого. Той ночью и людьми, и волками правил страх. Перрин помнил, как цеплялся за человеческий облик, но сознание туманили послания волков.

— Та ночь тянулась долго. — Теперь Байар говорил тише, но по тону было ясно, что он вне себя от гнева. — Мы миновали возвышенность с массивным плоским камнем на верхушке. Чаду Лэфину показалось, что в тени кто-то есть. Мы остановились, подняли факелы и разглядели под каменным выступом лошадиные копыта. Я кивнул Лэфину, и он вышел вперед, после чего велел тем, кто прятался под камнем, выйти и назваться. Из темноты появились двое: молодая женщина и этот самый Айбара. У мужчины в руках был боевой топор. Он как ни в чем не бывало подошел к Лэфину, не обращая внимания на нацеленное ему в грудь копье, а затем…

А затем волки одержали верх. С Перрином такое случилось впервые. Послания оказались так

сильны, что Перрин затерялся в них; он помнил, как впился зубами в горло Лэфина, и рот наполнился теплой кровью, будто фруктовым соком. Это было воспоминание Прыгуна, но в мгновения той ночной стычки они с Перрином слились в единое целое.

— А потом? — подсказала Моргейз.

— Потом началась схватка, — сказал Байар. — Из тени выскочили волки, и Айбара набросился на нас. Его движения не были человеческими. Он двигался как животное и подвывал при этом. Мы скрутили его и прикончили одного волка, но перед тем Айбара убил двоих Чад.

Закончив, Байар сел на место. Вопросов Моргейз не задавала. Она взглянула на белоплащника, стоявшего рядом с Байаром.

— Добавить мне нечего, — сказал тот. — Я был там и подтверждаю сказанное. Но хочу заметить, что, когда Айбара взяли под стражу, его уже сочли виновным, и мы собирались…

— Это не имеет отношения к этому суду, — холодно перебила его Моргейз.

— Ну, тогда примите мои слова как второе свидетельство. Я видел все своими глазами. — Безволосый белоплащник уселся на стул, а Моргейз повернулась к Перрину:

— Можешь говорить.

Перрин медленно встал:

— Эти двое сказали правду, Моргейз. Примерно так все и было.

— Примерно? — переспросила Моргейз.

— В общем и целом они правы.

— «В общем и целом»? Это грань между твоей невиновностью и виной, лорд Айбара. А «примерно» — тот критерий, по которому будет приниматься решение.

— Понимаю, — кивнул Перрин. — Но ответьте, ваша милость: разве вы, рассматривая в суде нечто целое, не пытаетесь изучить его части?

— То есть? — нахмурилась Моргейз.

— Мой наставник — человек, благодаря которому я стал кузнецом, — научил меня важному правилу: чтобы создать вещь, надо разобраться, как она устроена. А чтобы постичь суть предмета, необходимо знать, из чего он сделан.

В шатер залетел прохладный ветер. Зашелестели плащи, с равнины донеслись негромкие звуки: переступали с ноги на ногу лошади, бряцали доспехи, люди покашливали и перешептывались, передавая слова Перрина задним рядам.

— Недавно я кое-что понял, — продолжил Перрин. — Человек многосложен, он как будто из

разных деталей, а потому в разных ситуациях ведет себя по-разному. Да, я приложил руку к смерти тех двух человек, но, чтобы во всем разобраться, вам надо понять, как я устроен.

Он посмотрел Галаду в глаза. Молодой военачальник стоял, вытянувшись во весь рост и сцепив руки за спиной — жаль, что слишком далеко, и Перрин не улавливал его запах. Он снова повернулся к Моргейз:

— Я умею говорить с волками. Слышу их голоса у себя в голове. Да, это звучит как признание безумца, но подозреваю, что мало кто в моем лагере удивился бы этим словам. Будь у меня время, я доказал бы, что знаюсь со здешними волками.

— В этом нет необходимости, — сказала Моргейз. От нее пахнуло страхом, от Фэйли — тревогой. Солдаты обеих армий зашептались громче.

— Так я устроен, — продолжил Перрин. — Это часть моего существа — так же, как умение ковать железо или вести за собой людей. Если хотите судить меня, нельзя не учитывать эту особенность.

— Ты роешь себе могилу, Айбара! — Борнхальд вскочил со стула и ткнул пальцем в сторону Перрина. — Лорд капитан-командор сказал, что не может доказать, что ты приспешник Темного, но теперь никаких доказательств не требуется!

— Умение общаться с волками не делает меня приспешником Темного, — возразил Перрин.

— Цель этого суда, — твердо заявила Моргейз, — отнюдь не в том, чтобы выслушать голословные заявления. Мы лишь определим, виновен ли Айбара в гибели тех двух человек. Вернись на место, чадо Борнхальд.

Борнхальд сердито плюхнулся на стул.

— Я так и не услышала доводов в твою защиту, лорд Айбара, — произнесла Моргейз.

— Я рассказал, кто я таков и на что способен, лишь чтобы объяснить, что волки — мои друзья. — Перрин сделал глубокий вдох. — Та ночь в Андоре… Соглашусь с Байаром, это была страшная ночь. Все были напуганы, все до единого. Белоплащники боялись волков, волки боялись огня, людей и человеческого оружия, а я до ужаса боялся мира вокруг. Ведь прежде я не бывал за пределами Двуречья и понять не мог, почему слышу голоса волков. Не сочтите это за оправдание. Я не собираюсь оправдываться. Да, я убил тех людей, но белоплащники напали на моих друзей. Когда охотники идут добывать волчьи шкуры, волки дают отпор. — Он сделал паузу. Присутствующим надо было знать всю правду. — Честно говоря, ваша милость, я потерял контроль

над собой. Был готов сдаться, но волки у меня в голове… Я чувствовал их боль. А затем белоплащники убили моего близкого друга, и у меня не осталось выбора, кроме как вступить в схватку. Я сделал бы то же самое, чтобы защитить фермера от напавших на него солдат.

— Ты создание Тьмы! — вскочил Борнхальд. — И твоя ложь оскорбляет павших!

Перрин, повернувшись к белоплащнику, встретил его взгляд. В шатре стало тихо, и Перрин едва ли не чуял висевшее в воздухе всеобщее напряжение.

— Борнхальд, неужели ты до сих пор не понял, что некоторые люди не похожи на тебя? — спросил Перрин. — Неужели никогда не задумывался, каково это — быть не таким, как ты? Будь у тебя возможность взглянуть на мир моими золотистыми глазами, ты не узнал бы его, этот мир!

Борнхальд открыл было рот, чтобы выплюнуть очередное оскорбление, но облизнул пересохшие губы и наконец произнес:

— Ты убил моего отца.

— Когда протрубили в Рог Валир, — ответил Перрин, — Дракон Возрожденный сразился в небесах с Ишамаэлем. Армии Артура Ястребиное Крыло вернулись на эти берега, чтобы покорять

и властвовать. Да, я был в Фалме и отправился на битву бок о бок с героями Рога, вместе с самим Артуром Ястребиное Крыло, чтобы дать отпор шончанской армии. Мы сражались заодно с твоим отцом, Борнхальд. Повторяю, он был хорошим человеком, и он бился как лев и пал смертью храбрых.

Все присутствующие замерли, будто статуи. Никто не шевелился. Борнхальд хотел было возразить, но передумал.

— Клянусь тебе, — продолжил Перрин, — клянусь именем Света и надеждой на спасение и возрождение, что я не убивал твоего отца и что не имел отношения к его смерти.

Взволнованный, Борнхальд пытливо смотрел ему в глаза.

— Не слушай его, Дэйн, — сказал Байар. В шатре исходящий от него запах чувствовался сильнее прочих. То был запах бешенства, напоминавший вонь тухлого мяса. — Это он, он убил твоего отца!

— Понять не могу, как ты узнал об этом, чадо Байар, — произнес Галад, внимательно следивший за прениями. Он так и не сел. — Если ты что-то видел, представь свои показания суду.

— Дело не в том, что я видел, лорд капитан-командор, — возразил Байар, — а в том, что я

знаю. Как еще объяснить, что Айбара выжил, а весь наш легион полег в той битве? Твой отец был доблестным воином, Борнхальд. Разве могли шончан одолеть его?

— Какая глупость, — сказал Галад. — Шончан нанесли нам множество поражений, а в битве могут пасть даже лучшие из воинов.

— Я собственными глазами видел там Златоокого! — Байар указал на Перрина. — Он сражался среди призрачных видений! Созданий зла!

— Это были герои Рога, Байар, — сказал Перрин. — Неужто ты не уразумел, что мы бились на стороне белоплащников?

— Так только казалось! — в бешенстве выкрикнул Байар. — Так же, как казалось, будто ты защищаешь жителей Двуречья. Но я вижу тебя насквозь, отродье Тени! Я понял, кто ты такой, в тот самый миг, когда увидел тебя впервые!

— И поэтому уговаривал меня сбежать? — негромко осведомился Перрин. — Когда меня держали в палатке лорда Борнхальда-старшего, сразу после пленения? Разве не ты принес мне острый камень, чтобы разрезать путы? Разве не ты сказал, что, если я побегу, никто не бросится вдогонку?

Байар обмер, словно впервые вспомнил об этом

случае.

— Ты хотел, чтобы я попытался сбежать, — сказал Перрин. — Чтобы ты мог убить меня. Тебе очень хотелось моей смерти. И смерти Эгвейн.

— Это правда, чадо Байар? — осведомился Галад.

— Конечно… — ответил тот, запинаясь. — Конечно нет! Я… — Он повернул голову и вперил взгляд в Моргейз, сидевшую на импровизированном судейском престоле. — Здесь судят его, а не меня! Ты выслушала обе стороны. Каково твое решение? Рассуди нас, женщина!

— Не смей говорить с моей матерью в подобном тоне, — тихо произнес Галад.

Лицо его оставалось бесстрастным, но Перрин уловил исходивший от лорда капитан-командора опасный запах. Не на шутку встревоженный, Борнхальд опустился на стул и обхватил голову руками.

— Нет-нет, все в порядке, — сказала Моргейз. — Он прав. Сегодня мы не судим никого, кроме Айбара. — Отвернувшись от Байара, она посмотрела на Перрина, и тот ответил ей спокойным взглядом. От Моргейз пахло… любопытством. — Лорд Айбара, закончил ли ты говорить в свою защиту?

— Я вступился за себя и друзей, — сказал Перрин. — У белоплащников не было права приказывать и угрожать нам. Думаю, вы не хуже других знаете, какая у них репутация. У нас имелись серьезные причины опасаться этих людей и не подчиняться их приказам. Это не было убийство. Это была самозащита.

— В таком случае я готова принять решение, — кивнула Моргейз.

— А как же другие свидетельства в пользу Перрина? — встала Фэйли.

— В них нет нужды, леди Фэйли, — ответила Моргейз. — Насколько я могу заключить, дать весомые показания не может никто, кроме Эгвейн ал'Вир, а она, очевидно, не подпадает под рамки этого суда.

— Но…

— Довольно, — отрезала Моргейз. В ее голосе звякнули льдинки. — Даже если десять чад назовут твоего мужа приспешником Темного, а два десятка сторонников Перрина станут превозносить его достоинства, к суду это не относится. Мы говорим о конкретных событиях конкретного дня.

Фэйли умолкла. Судя по запаху, она была в бешенстве. Вместо того чтобы сесть, она взяла

Перрина за руку, и тот почувствовал… сожаление? Он рассказал правду, но облегчения это не принесло.

Он не хотел убивать тех белоплащников — но убил, когда впал в необузданное бешенство. В этом можно было винить волков или Детей Света, но чистая правда в том, что Перрин действительно утратил самоконтроль. Очнувшись, он почти не помнил, что случилось.

— Ты знаешь, каким будет мой вердикт, Перрин, — сказала Моргейз. — По глазам вижу, что знаешь.

— Поступайте как должно, — произнес он.

— Перрин Айбара, я объявляю тебя виновным.

— Нет! — воскликнула Фэйли. — Как ты смеешь?! Он приютил тебя!

Перрин положил руку ей на плечо. Фэйли машинально потянулась к рукаву с припрятанными ножами.

— Решение не связано с моим личным отношением к Перрину, — сказала Моргейз. — Суд проходит по андорскому закону, а он однозначен: Перрин считал волков своими друзьями, однако закон постановляет, что у принадлежащих человеку псов или иных животных имеется своя цена. Убивать их противозаконно, но такое

преступление не карается смертью. Если угодно, могу процитировать соответствующий акт.

В шатре стало тихо. Неалд привстал было со стула, но Перрин посмотрел ему в глаза и покачал головой. На лицах Айз Седай и Хранительниц Мудрости не отражалось ровным счетом никаких эмоций. У Берелейн был покорный вид, а солнцеволосая Аллиандре вскинула ладонь к губам.

Даннил и Ази ал'Тон шагнули ближе к Перрину и Фэйли. Одергивать их Перрин не стал.

— Какой в этом смысл? — осведомился Байар. — Он не подчинится приговору!

Белоплащники повскакивали с мест; присутствующие со стороны Перрина поступили так же, и на сей раз ему не удалось осадить их взглядом.

— Приговор еще не вынесен, — категорично заявила Моргейз.

— Ну а каким он может быть, этот приговор? — спросил Байар. — Вы же сами сказали, что он виновен!

— Да, — согласилась Моргейз. — Но я полагаю, что суд обязан учесть все обстоятельства, имеющие отношение к делу.

Решительное лицо, запах непреклонности… Что у нее на уме?

— Белоплащники, представляя собой воору-

женный отряд, неправомочно и не имея на то разрешения находились в пределах моего королевства, — заявила Моргейз. — В свете этого факта я признаю Перрина виновным в убийстве ваших людей, но постановляю, что данный инцидент подпадает под действие Кайнекского протокола.

— Под закон о наемниках? — уточнил Галад.

— Совершенно верно.

— Это еще что такое? — спросил Перрин.

Галад, повернувшись к нему, объяснил:

— Она объявляет наш конфликт стычкой между двумя вольными отрядами наемников. По сути, в судебном постановлении говорится, что в этой схватке не было невиновных. Следовательно, ты обвиняешься не в противозаконном лишении жизни, но в убийстве во время неправомерного боя.

— А какая разница? — нахмурился Даннил.

— Чисто семантическая. Это вопрос формулировки. — Галад по-прежнему держал руки за спиной. Перрин уловил его запах. Что это, любопытство? — Да, матушка, ты умело рассудила нас. Но полагаю, за такое убийство тоже полагается смертная казнь.

— Возможно, — сказала Моргейз. — Положения

Кайнекского протокола куда снисходительнее. Все зависит от обстоятельств.

— И какой же приговор? — спросил Перрин.

— Никакого, — ответила Моргейз. — Галад, за убитых отвечаешь ты — как наиболее полномочное лицо из тех, кто есть. Поэтому приговор за тобой. Я провела слушание и вынесла решение, основываясь на положениях закона. Ты определись с наказанием.

Галад и Перрин уставились друг на друга через весь шатер.

— Понятно, — сказал белоплащник. — Необычный выбор, ваша милость. Должен повторить свой вопрос, Айбара: примешь ли ты решение этого суда, о котором просил сам, или дело непременно кончится столкновением?

Стоявшая рядом Фэйли напряглась. Перрин слышал, как за спиной у него переговариваются солдаты, разминают мускулы и проверяют, легко ли выходят мечи из ножен. Из ряда в ряд передавали слова Галада, и армия негромко гудела: «Лорда Перрина признали виновным. Его собираются взять под стражу. Такого мы не допустим!»

Обе стороны негодующе смотрели друг на друга. В шатре смешались горькие запахи гнева и страха, хотя сильнее всего ощущался чужерод-

ный, но уже привычный душок: в воздухе пахло чем-то совершенно неправильным.

«Снова бежать? — подумал Перрин. — Чтобы на меня охотились, как охотятся с того самого дня?» Рядом с та'вереном совпадений не бывает. Почему же Узор привел Перрина в эти места и столкнул с кошмаром из прошлого?

— Я подчинюсь, Дамодред, — сказал Перрин.

— Что? — ахнула Фэйли.

— Но! — Он поднял палец. — Подчинюсь, если дашь слово отсрочить исполнение приговора, пока я не исполню свой долг в Тармон Гай'дон.

— Ты готов принять кару по окончании Последней битвы? — непонимающе переспросил Борнхальд. — После того, что может стать концом всего мира? После того, как у тебя будет время сбежать или даже предать нас? Что это за обещание?

— Ничего другого обещать не могу, — ответил Перрин. — Не знаю, что принесет нам будущее и увидим ли мы его. Но мы сражаемся за выживание человечества. Возможно даже, за само существование мира. По сравнению с этим другие заботы ничтожны. Только при этом условии я готов подчиниться.

— Откуда нам знать, что ты сдержишь сло-

во? — спросил Галад. — Мои люди называют тебя отродьем Тени.

— Я же явился в этот шатер, разве нет? — заметил Перрин.

— Только потому, что мы удерживали твоих людей.

— Разве отродью Тени есть дело до благополучия каких-то там людишек? — спросил Перрин.

Галад молчал, явно испытывая колебания.

— Клянусь, — произнес Перрин. — Клянусь Светом и своей надеждой на спасение и возрождение. Клянусь моей любовью к Фэйли и именем моего отца. Тебе выпадет случай исполнить приговор, Галад Дамодред. Если переживем Последнюю битву, я сдамся и подчинюсь твоей воле.

Какое-то время Галад внимательно смотрел на него, а затем кивнул:

— Договорились.

— Нет! — вскричал Байар. — Это безрассудство!

— Нам пора, чадо Байар. — Галад направился прочь из шатра. — Решение принято. Не желаешь ли сопроводить меня, матушка?

— Прости, Галад, — ответила Моргейз, — но я откажусь. Айбара возвращается в Андор, и я должна пойти вместе с ним.

— Хорошо, — бросил на ходу Галад.

— Постой! — окликнул его Перрин. — Ты не сказал, каким будет мое наказание!

— Верно, — ответил Галад, не останавливаясь, — не сказал.

Глава 35
Правильное решение

— Поняла, что надо сделать? — спросила Эгвейн по пути к своим покоям в Белой Башне.

Суан кивнула.

— Если они все же объявятся, — сказала Эгвейн, — ни в коем случае не дайте втянуть себя в драку.

— Мы не дети, мать, — сухо ответила Суан.

— Нет, не дети. Вы Айз Седай, а с точки зрения послушания это примерно одно и то же.

Суан хмуро взглянула на нее, и Эгвейн немедленно пожалела о своих словах. Что тут скажешь: она на взводе, вот и погорячилась. Пора бы успокоиться.

Чтобы выманить Месану, она испробова-

ла различные наживки, но поклевок пока не было. Эгвейн могла поклясться, что практически чувствует, как эта женщина следит за ней в Тел'аран'риоде. Юкири и ее группа зашли в тупик.

Оставалось надеяться на сегодняшнюю встречу. Этим вечером Месана просто не может не объявиться. У Эгвейн не оставалось времени: монархи, которых она сумела убедить, уже приступили к делу, а Ранд собирал свои войска.

Сегодня ночью. Все решится сегодня ночью.

— Ступай, — сказала Эгвейн. — Поговори с остальными. Напомни, чтобы не наделали глупостей.

— Да, мать, — пробурчала Суан и развернулась, но Эгвейн остановила ее:

— И еще, Суан…

Бывшая Амерлин помедлила.

— Позаботься о своей безопасности сегодня ночью, — сказала Эгвейн. — Мне совсем не хочется потерять тебя.

Обычно Суан реагировала на подобную заботу какой-нибудь колкостью, но сегодня вечером она улыбнулась. Эгвейн покачала головой и ушла к себе. В покоях Амерлин ее ждала Сильвиана.

— Что насчет Гавина? — спросила Эгвейн.

— Никаких вестей, — ответила Сильвиана. — Днем я отправила к нему посланницу, но она еще не вернулась. Подозреваю, что Гавин тянет с ответом нарочно, из вредности.

— Он тот еще упрямец, — согласилась Эгвейн.

Без него она чувствовала себя уязвимой — что удивительно, ведь она прямым текстом велела Гавину держаться подальше от ее двери. А теперь, когда его нет рядом, вдруг разволновалась?

— Удвой мою охрану и проследи, чтобы рядом дежурили солдаты — на случай, если сработают малые стражи и поднимется страшный шум.

— Да, мать, — кивнула Сильвиана.

— И отправь к Гавину еще одну посланницу, — продолжила Эгвейн. — Напиши ему новое письмо, теперь повежливее. Попроси вернуться. Именно попроси, а не приказывай.

Зная, как Сильвиана относится к Гавину, Эгвейн не сомневалась, что первое письмо было весьма бесцеремонным.

Затем девушка сделала глубокий вдох, вошла в спальню, проверила малых стражей и приготовилась отойти ко сну.

* * *

«Почему я так устал? — думал Перрин, выбираясь из седла Трудяги. — Ничего же не делал. Разговаривал, только и всего».

Недавний суд лежал на душе тяжелым грузом. Похоже, вся армия чувствовала то же самое. Возвращаясь в лагерь, Перрин поглядывал на спутников. Моргейз отправилась с ними, но держалась особняком. Всю дорогу Фэйли глаз с нее не спускала, но не промолвила ни слова, хотя от нее пахло гневом. Аллиандре и Берелейн тоже ехали поодаль.

Моргейз признала Перрина виновным, но, сказать по правде, его это не особо тревожило. Он избежал битвы с белоплащниками; осталось переправить своих людей в безопасное место. Моргейз проехалась по лагерю, высматривая Лини и мастера Гилла. Они возвратились целы-невредимы — вместе с остальными пленниками, как и обещал Галад Дамодред. Как ни удивительно, с ними он отослал и все повозки с припасами.

Получается, суд закончился победой, хотя люди Перрина вряд ли согласились бы с таким выводом. Разбившись на группы, солдаты понуро

шагали к лагерю и почти не разговаривали.

Шедший рядом с Перрином Гаул покачал головой:

— Две серебряные метки.

— Не понял? — сказал Перрин, передавая поводья Трудяги конюху.

— Такое присловье. — Гаул взглянул на небо. — Две серебряные метки. Дважды мы отправлялись на битву и не находили противника. В третий раз потеряем честь.

— Разве плохо, что битвы не было? — спросил Перрин. — По-моему, всегда лучше обойтись без кровопролития.

— Не говорю, Перрин Айбара, что хотел бы положить конец сну, — рассмеялся Гаул. — Но взгляни на своих людей! Они бы меня поняли. Не следует без нужды танцевать с копьями, но нельзя слишком часто требовать от воинов, чтобы те готовились умереть, а потом лишать их сражения.

— Это уже мне решать, — угрюмо ответил Перрин. — Если можно избежать битвы, я…

Застучали лошадиные копыта. Ветер принес аромат Фэйли. Перрин обернулся.

— Ты и впрямь избежал одной битвы, Перрин Айбара, — сказал Гаул, — но накликал другую. Да

обретешь ты воду и прохладу.

И айилец трусцой убежал прочь, как только Фэйли спрыгнула с коня.

Перрин глубоко вздохнул.

— Ну ладно, муж мой, — широким шагом подошла к нему Фэйли. — Объясни, чем ты вообще думал в том шатре! Позволил ему выбирать наказание для себя? Пообещал сдаться? Говоришь, слово дал? Я и подумать не могла, что вышла замуж за глупца!

— Я не глупец, женщина! — рявкнул Перрин в ответ. — Ты сама твердишь, что я должен вести себя как лидер. Что ж, сегодня я последовал твоему совету!

— Да, последовал. Но принял неверное решение.

— Верного решения не существовало!

— Мы могли бы сразиться с ними.

— Они собираются участвовать в Последней битве, — сказал Перрин. — Убей белоплащника, и против Темного выйдет одним человеком меньше. Я, мои люди, Дети Света — все мы ничтожны по сравнению с тем, что грядет! Они должны жить, и мы тоже. И другого пути не было!

О Свет, как же неприятно повышать на нее голос! Однако Фэйли и в самом деле смягчилась,

а стоявшие поблизости солдаты закивали — так, словно поняли все это, только когда Перрин отвел душу.

— Ты должна возглавить отступление, — сказал он Фэйли. — Капкан еще не захлопнулся, но с каждой минутой мне становится все тревожнее. У нас отняли возможность открыть врата. За нами наблюдают и, как видно, желают нам смерти. Теперь им известно, что мы не будем сражаться с белоплащниками. А это значит, что они скоро нападут. Быть может, сегодня вечером. Если повезет, то завтра утром.

— Мы еще не договорили, — предупредила она.

— Что сделано, то сделано, Фэйли. Смотри в будущее.

— Ну хорошо. — Ее прелестные черные глаза метали молнии, и от Фэйли по-прежнему пахло гневом, но она сдержалась.

— Пойду в волчий сон. — Перрин бросил взгляд на окраину лагеря, где стоял их шатер. — Или уничтожу этот купол, или как-нибудь выведаю у Губителя, что надо сделать, чтобы заработало Перемещение. Собери войска. Пусть готовятся выступать. И пускай Аша'маны пробуют открыть переходные врата на каждый сотый удар сердца.

Как только получится, уводите отсюда людей.

— Куда? — спросила Фэйли. — В Джеханнах?

— Слишком близко, — покачал головой Перрин. — Не исключено, что там ждет враг. Лучше в Андор. Веди всех в Кэймлин. Хотя нет, в Беломостье. Будем держаться подальше от мест, где нас могут поджидать. Да и не хочу приводить армию на порог Илэйн, не предупредив ее.

— Хороший план, — сказала Фэйли. — Если опасаешься нападения, сперва надо эвакуировать обозников и маркитантов, а не солдат. Иначе мы рискуем остаться без защиты.

— Согласен, — кивнул Перрин. — Приступай к делу сразу же, как только откроются переходные врата.

— А если у тебя ничего не получится? — Теперь Фэйли говорила решительно. Не без тревоги, но непреклонно.

— Если за час Аша'маны не сумеют открыть переходные врата, веди войска туда, где сработало плетение Неалда. Не думаю, что это повторится: скорее всего, Губитель передвинет купол, чтобы мы оставались в его пределах. Но это уже кое-что.

Фэйли кивнула, но теперь от нее пахло неуверенностью:

— Устроить засаду на марше гораздо проще, чем напасть на лагерь.

— Знаю, — сказал Перрин. — Поэтому обязан справиться.

Фэйли обвила его руками, опустила голову ему на грудь. Как же дивно она пахнет! Как Фэйли. Это имя было для Перрина синонимом слова «дивно».

— Ты говорил, он сильнее тебя… — прошептала она.

— Так и есть.

— Чем я могу помочь в твоей схватке? — тихо спросила она.

— Присмотри за людьми, пока меня не будет. Это большая помощь.

— А если он убьет тебя в волчьем сне?

Перрин не ответил.

— Другого способа не существует? — спросила она.

Перрин отстранился от нее:

— Фэйли, я почти уверен, что это лорд Люк. Губитель пахнет иначе, но есть между ними что-то общее. И когда я ранил Губителя в волчьем сне, такая же рана появилась у Люка.

— И что, теперь я должна успокоиться? — поморщилась она.

— Все возвращается к тому, что было прежде. Покончив с Малденом, мы оказались в броске камня от оставшихся Детей Света, а с ними — Байар и Борнхальд. В волчьем сне опять появился Губитель. Этот человек, Ноам, — ну, я рассказывал: тот, который был в клетке. Помнишь, где я нашел его?

— Так… Ты говорил, что догонял Ранда. По…

— По Гэалдану, — договорил за нее Перрин. — Это произошло меньше чем в неделе пути отсюда.

— Совпадение странное, но…

— Никаких совпадений, Фэйли. Со мной совпадений не бывает. Я здесь не без причины. И он тоже. Так что я должен сразиться с ним.

Она кивнула. Перрин повернулся к шатру, и ладонь Фэйли выскользнула у него из руки. Хранительницы Мудрости снабдили его снотворным чаем, чтобы без труда войти в волчий сон.

Что ж… Пора.

* * *

— Как вы могли его отпустить? — Байар так стиснул навершие меча, что побелели костяшки пальцев. За спиной у него развевался белый плащ. Втроем с Борнхальдом и Галадом они ша-

гали по центральной части лагеря.

— Я поступил так, как правильно, — ответил Галад.

— Правильно? Разве правильно было отпускать его? — возмутился Байар. — Неужели вы думаете, что…

— Чадо Байар, — негромким голосом остановил его Галад, — я нахожу, что твое поведение все больше идет вразрез с дисциплиной. Меня это беспокоит. А тебя разве нет?

Байар закрыл рот и не сказал больше ни слова, хотя Галад видел, как трудно ему держать язык за зубами. Позади Байара молча шел Борнхальд. У него был чрезвычайно понурый вид.

— Полагаю, Айбара сдержит слово, — продолжил Галад. — А если нет, теперь у меня имеются законные основания выследить и казнить его. Решение не идеальное, но его слова не лишены мудрости. Я не сомневаюсь, что грядет Последняя битва. А если так, настало время объединиться против Тени.

— Милорд капитан-командор, — произнес Байар, стараясь не повысить голос, — не сочтите за дерзость, но этот человек имеет к Тени самое прямое отношение. Он будет сражаться не заодно с нами, а против нас.

— Если так, — ответил Галад, — мы не упустим случая встретиться с ним на поле боя. Решение принято, чадо Байар. — Тут к ним подошел Гарнеш; он отсалютовал, и Галад кивком поприветствовал его. — Чадо Гарнеш, пусть солдаты снимаются с лагеря.

— Вечером, милорд капитан-командор? А не поздно?

— Нет, — сказал Галад. — Выступим в ночь, чтобы на всякий случай отойти от войск Айбара. Оставь разведчиков: пусть убедятся, что Златоокий не последует за нами. Отправимся в Лугард. Там наберем солдат, пополним припасы и продолжим путь к Андору.

— Есть, милорд капитан-командор, — сказал Гарнеш и ушел.

Галад повернулся к Байару. Скелетоподобный мужчина отсалютовал, возмущенно сверкнув ввалившимися глазами, и тоже удалился. Галад остановился в поле меж белых палаток, заложил руки за спину и стал смотреть, как вестовые разносят его приказ по лагерю. Спустя какое-то время он произнес:

— Что молчишь, чадо Борнхальд? Или ты, подобно Байару, разочарован моим решением?

— Не знаю, — ответил Борнхальд. — Я долго

считал, что Айбара забрал жизнь моего отца, но, глядя на поведение Джарета, вспоминая его рассказ… Доказательств-то нет. Неприятно признавать, Галад, но мне нечем подкрепить обвинение. Однако Айбара убил Лэфина и Ямвика. Он поднял руку на Детей Света, и это делает его приспешником Темного.

— Я тоже убил одного из Чад Света, — напомнил Галад. — И меня тоже называли приспешником Темного.

— Это другое. — Что-то тревожило Борнхальда, но он не хотел об этом рассказывать.

— Что ж, факт остается фактом, — произнес Галад. — Не говорю, что Айбара не должен быть наказан, но сегодняшние события оставили у меня какое-то странное беспокойство.

Он покачал головой. Что может быть проще, чем найти верный ответ? Правильные решения всегда приходили к нему сами по себе. Однако стоило задуматься о том, как быть с Перрином Айбара, и Галад чувствовал, как где-то внутри свивается тревожный узел.

«Жизнь куда сложнее, чем бросок монеты… — сказала ему мать. — Орел или решка… В плену примитивных иллюзий…»

Ему не нравилось это чувство. Совсем не нра-

вилось.

* * *

Перрин задышал полной грудью. В волчьем сне цвели цветы, несмотря на беспокойное, черное с серебристо-золотыми прожилками небо. Запахи были нездешними. Вишневый пирог в духовке. Конский навоз. Масло и жир. Мыло. Дым костра. Аррат. Чабрец. Кошачий папоротник. Сотня других трав, которых Перрин не мог назвать.

Лишь немногие из этих ароматов были присущи лужайке, на которой он появился. Перрин предусмотрительно вошел в волчий сон подальше от лагеря, чтобы не оказаться рядом с Губителем.

Запахи ускользали. Таяли так скоротечно, будто их и не было вовсе.

«Прыгун», — мысленно позвал Перрин.

Я здесь, Юный Бык.

Рядом появился волк.

— Здесь странно пахнет.

Запахи смешиваются, — ответил Прыгун. — *Как вода тысячи ручьев. Это неестественно. И плохо. Это место начинает разваливаться.*

Перрин кивнул. Он *сдвинулся* и очутился по колено в буром дурнишнике, совсем рядом с

фиолетовой стеной. Справа появился Прыгун, и стебли захрустели под его лапами.

Перед ними возвышался купол, зловещий и чужеродный. Шелестели травы, ветви деревьев покачивались на ветру. В небе беззвучно сверкнула молния.

Он там, — сообщил Прыгун. — *Он всегда там.*

Перрин кивнул. Интересно, как Губитель попадает в волчий сон? Так же, как Перрин? И устает ли он здесь так же, как Перрин? Похоже, он не выходит из-под купола.

Губитель что-то охраняет. В волчьем сне наверняка есть способ убрать эту преграду.

Юный Бык, мы уже идем.

Это было послание от Танцующей-среди-Дубов. Ее стая приближалась. Волков осталось всего трое: Искра, Вольный и сама Танцующая-среди-Дубов. Вместо того чтобы бежать на север, подобно остальным, они решили прийти сюда.

Все трое появились за спиной у Прыгуна. Перрин взглянул на них и с тревогой подумал: «Там опасно. Волки могут погибнуть».

Губитель должен ответить за то, что сделал, — без колебаний ответили они. — *Вместе мы сильны. Юному Быку нельзя охотиться на такую опасную добычу в одиночку.*

Он согласно кивнул и пожелал, чтобы в руке появился молот. Впятером они приблизились к куполу. Небыстрым, но уверенным шагом Перрин вошел в него. Он отказывался проявлять слабость — потому что был силен. Купол — это всего лишь эфир. Воздух. Перрин верил, что этот мир подчиняется его желаниям.

Он споткнулся, но все же проник на другую сторону, где ландшафт был чуть темнее: тусклее кора у старых деревьев, глубже зеленый и коричневый оттенок у погибающей собачьей пупавки. Следом под купол вошел Прыгун, а за ним — стая Танцующей-среди-Дубов.

«Движемся к центру, — сообщил Перрин. — Если под куполом есть что-то тайное, искать это надо именно там».

Не спеша они пробирались сквозь густой кустарник и древостой. По мысленному велению Перрина переставали шелестеть листья, а раздвигаемые им травы не издавали ни звука, и это было вполне естественно — так, как должно быть, и поэтому так оно и было.

Неблизок путь к центру купола, и Перрин ускорился. Он не шагал, не прыгал, но переставал существовать в одном месте и тут же возникал в другом и при этом маскировал свой запах, хотя

Губитель не был волком.

«В этом мое преимущество, — думал Перрин, когда они приближались к центру. — Он опытнее меня, но внутри меня живет волк. Это место — наш сон, а Губитель — чужак и вторгся в него. Каким бы искусным он ни был, он не один из нас».

«И поэтому я одержу верх».

Перрин чуял что-то — какой-то неправильный запах, и тот усиливался. Он с волками крадучись заполз на широкое взгорье и выглянул из расселины на равнину, где стояла вековечная роща — шагах в пятидесяти, а то и меньше. Подняв взгляд, Перрин решил, что они уже совсем рядом с центром купола. Сдвигаясь по-волчьи, за несколько минут они проделали путь, который занял бы несколько часов пешего хода.

«Мы на месте», — сообщил спутникам Перрин и взглянул на Прыгуна. Тот скрыл свой запах, но Перрин уже неплохо знал волков и прочел волнение в его взгляде и в том, как он стоял, слегка напружинив передние лапы.

Что-то изменилось.

Перрин ничего не услышал. Не почуял никакого запаха. Но почувствовал, как едва заметно дрогнула земля.

«Бежим!» — передал он волкам, исчез и появился в десяти шагах от стрелы, вонзившейся туда, где он только что стоял. Расколов крупный камень, она ушла в землю по черное оперение.

Губитель распрямился и, изогнув губы в привычной улыбке — вернее сказать, насмешливой ухмылке, — взглянул на Перрина поверх неширокой прогалины. Глаза его казались черными, угловатое лицо оставалось в тени, высокое мускулистое тело окружала аура опасности. На нем — как и почти всегда — были кожаные штаны и темно-зеленая рубаха с рукавами, оставлявшими обнаженными предплечья. В руках он держал хищного вида лук из какого-то темного дерева. Колчана Губитель не имел: стрелы он создавал по необходимости.

Не отводя глаз, Перрин шагнул вперед, словно собирался бросить Губителю вызов. Этого маневра оказалось достаточно, чтобы волки успели обойти врага с тыла.

Губитель вскрикнул и развернулся, когда в него всем телом врезался Вольный. В мгновение ока Перрин оказался рядом с ними и занес молот, но Губитель исчез, и молот угодил в землю, хотя Перрин уловил слабый запах того места, куда отправился его враг.

Он здесь? Пахло той же прогалиной, где стоял Перрин. Он с тревогой поднял глаза и увидел Губителя: тот натягивал тетиву, зависнув в воздухе у него над головой.

«Ветер, — подумал Перрин. — Сильнейший ветер!»

Тренькнула тетива. Внезапный порыв ветра отбросил стрелу в сторону. Она вонзилась в землю рядом с Перрином, но тот и бровью не повел. Он вскинул руки, и в них появился его собственный лук — уже со стрелой на натянутой тетиве.

Когда стрела отправилась в полет, Губитель раскрыл глаза шире прежнего, а затем исчез и появился неподалеку — но Прыгун материализовался в воздухе и прижал его к земле. Губитель гортанно выругался и снова исчез.

Сюда, — позвал Прыгун. Послание сопровождалось образом холма.

Перрин моментально оказался в нужном месте: в руках молот, за спиной — волчья стая. Губитель в одной руке держал меч, в другой — кинжал; он поднял руку с мечом, и в этот миг Перрин и четверо волков бросились в атаку.

Первым ударил Перрин: он с ревом обрушил молот на врага, но Губитель, пропуская удар над собой, ушел в землю — утонул в ней, словно то

была не земля, а какая-то жидкость, и одновременно выбросил вперед руку с кинжалом. Клинок вошел в грудь Танцующей-среди-Дубов. Брызнула алая кровь. Губитель извернулся и полоснул Искру по морде.

Не успев даже взвыть от боли, Танцующая-среди-Дубов рухнула на землю, а Губитель испарился, едва Перрин снова занес свой молот. Искра заскулила, посылая остальным образы паники и мучительной боли, а затем исчезла. Она выживет. Но Танцующая-среди-Дубов была мертва.

Судя по запаху, Губитель находился где-то совсем рядом. Перрин развернулся, и его молот лязгнул о меч противника, нацеленный ему в спину. Снова удивленный взгляд; Губитель оскалился, отпрянул и покосился на двух оставшихся волков, Прыгуна и Вольного. Чуть раньше Прыгун цапнул Губителя за предплечье, и теперь оно кровоточило.

— Как создан этот купол, Люк? — спросил Перрин. — Покажи и уходи. Я отпущу тебя.

— Храбрые речи, щенок, — прорычал Губитель. — У тебя на глазах я убил волчицу из твоей стаи.

С яростным воем Вольный метнулся вперед. Одновременно с ним Перрин бросился на Губителя,

но земля дрогнула и заходила ходуном.

«Нет», — подумал Перрин и удержался на ногах, но Вольного сбило с ног.

Губитель нанес удар. Защищаясь, Перрин вскинул молот, но оружие Губителя, обратившись в дым, прошло сквозь него и тут же обрело прежнюю твердость. Перрин вскрикнул и хотел отступить, но клинок скользнул по груди, рассек рубашку и оставил глубокий разрез от руки до руки. Тело пронзила жгучая боль.

Перрин охнул и нетвердо попятился. Губитель шагнул к нему, но кто-то наскочил на него из пустоты. Прыгун. Седой волк опять сшиб Губителя на землю и зарычал. Сверкнули клыки.

Губитель выругался и пнул его так, что Прыгун, взвизгнув от боли, отлетел футов на двадцать. Где-то сбоку Вольный, который при падении повредил лапу, силой мысли унял дрожь земли.

Перрин встрепенулся и заставил боль утихнуть. Да, сильна была власть Губителя над этим миром. Перрин воздел молот, но замах вышел медленным, будто воздух превратился в кисель.

Убивая Танцующую-среди-Дубов, Губитель улыбался… Разъяренный, Перрин бросился к нему. Губитель был уже на ногах и отступал вниз по склону, к деревьям. Перрин гнался за ним, не

обращая внимания на рану — та была неглубокой и не мешала двигаться, — хотя все же вообразил, что она перевязана. Разреза на рубашке как не бывало: ткань стянула грудь, и кровотечение остановилось.

По пятам за Губителем он вбежал в лес. Над головой сомкнулись ветви; из мрачных теней к Перрину тянулись цепкие лианы, но он не стал тратить время на борьбу с ними, ведь такое поведение лианам несвойственно, а посему они не причинят ему вреда. И то правда: оказавшись рядом с Перрином, лианы высохли, осыпались на землю и остались лежать в полной неподвижности.

Губитель ругнулся и резко рванул прочь огромными шагами, оставляя за собой размытый послеобраз. Перрин, прибавив в резвости, последовал за ним.

Почти сразу пришло подсказанное не рассудком, а интуицией решение встать на четыре лапы, и Перрин погнался за Губителем, как гнался когда-то за белым оленем.

Губитель быстр, но он всего лишь человек, а Юный Бык — неотделимая часть этих мест, как реки, деревья, кусты и камни. Он несся по лесу, словно ветер в лощине, не отставая от Губителя,

но настигая его. Для противника любой поваленный ствол, любое дерево служили препятствием, а Юный Бык даже не замечал их на своем пути — ведь они были естественной частью этого мира.

Он прыгнул вбок, оттолкнулся, разворачиваясь, лапами от дерева и воспарил над камнями. Юный Бык прыгал со скалы на скалу, и случись кому следить за ним со стороны, наблюдатель не разглядел бы ничего, кроме неясных очертаний.

От Губителя впервые пахнуло испугом. Он исчез, но Юный Бык последовал за ним и появился в поле, где в тени гигантского каменного меча стояло лагерем войско Перрина. Губитель бросил взгляд за спину, снова ругнулся и опять исчез, но Юный Бык не отставал.

Место, где совсем недавно были палатки белоплащников.

Вершина небольшого плато.

Пещера в склоне холма.

Середина озерца. Юный Бык легко пробежал по его поверхности.

Куда бы ни смещался Губитель, Юный Бык преследовал его, с каждой секундой приближаясь к добыче. Сейчас было не время для меча, лука или молота, сейчас была погоня, и на сей раз Юный Бык выступал в роли охотника. Он…

…Он очутился посреди поля. Губителя здесь не было, зато был запах его нового местонахождения. Юный Бык последовал туда — и оказался на этом же поле, но чуть поодаль. Отовсюду доносились самые разнообразные запахи, самых разных мест. Что такое?

Перрин резко остановился, и обутые в сапоги ноги ушли в землю. Он закружился на месте, непонимающе вертя головой. Наверное, Губитель, стремясь запутать свои следы, быстро перемещался по нескольким точкам в пределах одного и того же поля. Перрин пытался отличить истинный след от ложного, но все запахи смешались и потускнели.

— Чтоб ему сгореть! — воскликнул он.

Юный Бык! — позвала его раненая Искра. Перрин предполагал, что волчица сбежала, но нет: послание сопровождалось образом тонкого серебряного прута в две пяди высотой. Тот торчал из земли в центре полянки, поросшей собачьей пупавкой.

Перрин с улыбкой велел себе отправиться к Искре. Волчица — у нее по-прежнему шла кровь — лежала рядом с прутом из серебристого металла. Несомненно, то был какой-то тер’ангриал. Он состоял из десятков и сотен тонких проволочек,

сплетенных в металлическую косу. Действительно, не больше двух пядей в высоту и вбит острым концом в мягкую почву.

Перрин высвободил колышек из земли, но купол не исчез. Повертев серебряный шип в руках, Перрин так и не понял, каким образом снять барьер. Он пожелал, чтобы прут превратился во что-нибудь иное — например, в деревянную палку, — и испытал потрясение, когда желание не исполнилось. Почему-то этот предмет не подчинялся его сознанию.

Он здесь в реальности, — передала Искра, пытаясь объяснить, что в мире сновидений этот серебряный шип куда вещественнее большинства других предметов.

Но размышлять было некогда. Первым делом надо передвинуть барьер подальше от лагеря — если получится, конечно. Перрин велел себе отправиться к фиолетовой преграде, туда, где он ее преодолел.

Надежды оправдались. Центр купола переместился вместе с ним. Он стоял на том месте, где прежде вступил под купол, но теперь его край передвинулся. Стекловидная конструкция по-прежнему заслоняла все небо; ее сердцевина находилась там, где оказался сейчас Перрин, а

края опускались к горизонту.

Я свободна, Юный Бык, — передала Искра. — *Теперь все так, как должно быть.*

«Беги, — ответил Перрин. — Я заберу эту штуковину и избавлюсь от нее. Обращаюсь ко всем: разбегайтесь в разные стороны да войте погромче, чтобы сбить Губителя с толку».

Волки отозвались, подтверждая, что поняли его. Перрин — вернее, часть его, охотник внутри его — был разочарован, что не сумел одолеть Губителя в открытом бою. Но сейчас важнее всего — убрать барьер.

Он попробовал *сдвинуться* подальше, за горизонт. Не получилось. Как видно, даже с тер'ангриалом в руках он подчинялся правилам купола.

Вместо этого Перрин переместился на более скромное расстояние, но так далеко, как только мог. По словам Неалда, от лагеря до границы купола было примерно четыре лиги, и поэтому Перрин *сдвинулся* на четыре лиги к северу — раз, другой и третий. Гигантский купол двигался вместе с ним, и его центр всегда оставался над головой.

Надо перенести этот шип в какое-нибудь безопасное место. Туда, где Губитель его не найдет.

Глава 36
Приглашение

Эгвейн вступила в Тел’аран’риод в белоснежном платье, расшитом золотой нитью по швам и подолу. Таким же образом отделанный лиф украшали обрамленные золотом крошечные обсидианы, полированные, но произвольной формы. Ужасно непрактичное платье. Носить подобное облачение в реальном мире — та еще головная боль, но здесь это не имело никакого значения.

Изначально Эгвейн, как и планировала, появилась у себя в покоях, но тут же перенеслась в коридор возле апартаментов, отведенных Желтой Айя. Там, сложив руки на груди, ее ждала Найнив, в более практичном желто-коричневом одеянии.

— Будь крайне осторожна, — сказала Эгвейн. — Кроме тебя, никто из наших не сталкивался с Отрекшимися напрямую, и в Тел'аран'риоде у тебя больше опыта, чем у остальных. Если объявится Месана, возглавишь атаку.

— Поверь, я справлюсь. — Найнив недобро улыбнулась одними губами. Да, она справится. Удержать Найнив от схватки — вот что было бы весьма и весьма непросто.

Эгвейн кивнула, и Найнив исчезла. Она спрячется неподалеку от зала Совета Башни и будет высматривать Месану или шпионок из Черных сестер, привлеченных этим псевдособранием. Эгвейн же перенеслась в другую часть города — в зал, где должна была состояться настоящая встреча — с Ищущими Ветер и Хранительницами Мудрости.

В Тар Валоне имелось несколько особых залов для различного рода собраний или музыкальных представлений, и этот — известный под названием «Путь музыканта» — идеально подходил для замысла Эгвейн. Он был искусно отделан резными панелями из болотного мирта — по стенам будто выстроился настоящий лес. Из этой же древесины огиры-древопевцы создали здешние кресла, расставленные полукругом и обращен-

ные к центральному подиуму. Каждое из них являло собой произведение искусства. Сводчатый потолок украшали мраморные врезки, имитирующие звезды на небосводе; как ни странно, вся эта богатая отделка отнюдь не наводила на мысль о безвкусице.

Хранительницы Мудрости — Эмис, Бэйр и Мелэйн (судя по громадному животу, она была на сносях) — уже были на месте. Вдоль стены амфитеатра тянулось возвышение, где Хранительницы могли с удобством устроиться на полу — так, чтобы сидящие на креслах не смотрели на них сверху вниз.

Лицом к возвышению расположились Лиане, Юкири и Сине, каждая с копией сновидческого тер'ангриала из тех, что были созданы Илэйн. Все трое казались призрачными и невесомыми. Предполагалось, что здесь будет и Илэйн, но она предупредила, что может пропустить собрание в Тел'аран'риоде из-за трудностей с направлением Силы.

Айз Седай и Хранительницы Мудрости сверлили друг друга взглядами. В воздухе висела почти осязаемая враждебность. Айз Седай считали Хранительниц Мудрости малообученными дичками, а те, в свою очередь, были уверены, что

обитательницы Белой Башни чересчур высокого мнения о себе.

Одновременно с Эгвейн в самом центре зала появилась группа темнокожих брюнеток. Ищущие Ветер с подозрением осмотрелись. Суан какое-то время обучала их и говорила, что Морской народ сложил немало легенд о Тел'аран'риоде и его опасностях. Впрочем, это не помешало Ищущим Ветер научиться всему, что можно узнать о Мире снов, когда им стало ясно, что он существует на самом деле.

Группу возглавляла высокая стройная женщина с узкими глазами, длинной шеей; на тонкой цепочке, соединявшей нос Ищущей с левым ухом, висели многочисленные медальончики. Значит, это Шайлин — одна из тех, о ком рассказывала Найнив. Среди трех ее спутниц была величественная женщина с белыми прядями, вплетенными в черную шевелюру: наверное, это Ренейле, если верить письмам Ищущих Ветер и указаниям все той же Найнив. По ее рассказам Эгвейн пришла к заключению, что Ренейле у них за старшую, но держалась эта женщина так, словно находилась в подчинении у остальных. Быть может, она потеряла свое звание Ищущей Ветер при Госпоже Кораблей?

— Добро пожаловать, — обратилась к ним Эгвейн. — Прошу, присаживайтесь.

— Мы постоим, — натянуто ответила Шайлин.

— Кто они такие, Эгвейн ал'Вир? — поинтересовалась Эмис. — Детям не следует гулять по Тел'аран'риоду. Это им не в пустующую нору песчаного барсука забраться.

— Детям? — переспросила Шайлин.

— Здесь вы — дети, мокроземка.

— Эмис, пожалуйста, — вмешалась Эгвейн. — Я одолжила им тер'ангриалы, чтобы они пришли сюда. Так было нужно.

— Мы могли бы встретиться за пределами Мира снов, — заметила Бэйр. — Можно было бы выбрать менее опасное место. Где-нибудь посреди сражения.

И в самом деле, Ищущие Ветер мало что знали о правилах Тел'аран'риода. Их яркие одежды периодически меняли цвет, а блуза Ренейле совершенно исчезла прямо на глазах у Эгвейн, и та поняла, что краснеет. А ведь Илэйн упоминала, что в морских походах мужчины и женщины Морского народа работают обнаженными по пояс. Мгновением позже блуза вернулась на место, но украшения, как казалось, почти беспрестанно претерпевали изменения.

— Эмис, то, что я сделала, сделано не без причины. — Эгвейн вышла вперед и уселась в кресло. — Шайлин дин Сабура Ночные Воды и ее сестры осведомлены о риске, сопряженном с посещением Мира снов, и согласны сами отвечать за свою безопасность.

— Все равно что вручить ребенку горящую головню и бочонок масла, — пробурчала Мелэйн, — а потом заявить, пусть он сам думает о своей безопасности.

— Нам обязательно нужно выслушивать эти пререкания, мать? — спросила Юкири.

Чтобы успокоиться, Эгвейн сделала глубокий вдох.

— Прошу вас! Вы же вожди разных народов, имеющие репутацию женщин мудрых и проницательных. Разве трудно быть друг с другом хотя бы повежливее? — Эгвейн повернулась к делегации Морского народа. — Ищущая Ветер Шайлин, ты приняла мое приглашение. Неужели ты так и останешься стоять, пренебрегая гостеприимством Амерлин?

Женщина задумалась. Лицо у нее было надменное: видать, расхрабрилась из-за недавней сделки Айз Седай с Морским народом. Эгвейн не без труда подавила вспыхнувший было гнев;

ей совсем не нравились некоторые детали договоренности относительно Чаши Ветров. Илэйн и Найнив… Как они только могли?! Они…

Стоп. Илэйн и Найнив сделали все, что сумели, хотя задача была не из легких. Не зря же считается, что переговоры с Морским народом мало отличаются от заключения сделки с самим Темным.

Наконец Шайлин коротко кивнула, и ее блуза, во время размышлений неоднократно менявшая цвет, приняла темно-красный оттенок, хотя украшения не перестали то появляться, то исчезать.

— Как скажешь. Мы в долгу перед тобой, подарившей нам возможность посещать этот мир, а посему проявим уважение к твоему гостеприимству.

Она опустилась в кресло поодаль от Эгвейн и других Айз Седай. Ее спутницы сделали то же самое.

С негромким вздохом облегчения Эгвейн создала несколько столиков и чашки с ароматным теплым чаем. Ищущие Ветер вздрогнули, но Хранительницы Мудрости и бровью не повели, хотя Эмис, потянувшись к своей чашке, заменила отвар розовых бутонов на нечто более темное.

— Не пора ли сказать о цели нашей встречи? —

спросила Бэйр, прихлебывая чай.

Айз Седай тоже приступили к чаепитию, но женщины Морского народа не прикасались к своим чашкам.

— Мы уже обо всем догадались, — заметила Шайлин. — Конфронтация неизбежна, хотя, клянусь ветрами, я предпочла бы обойтись без нее.

— Что ж, тогда говори, — сказала Юкири. — Зачем мы собрались?

— Много лет и зим, — начала Шайлин, глядя на Эгвейн, — много приливов и отливов мы скрывали от Айз Седай природу нашего Поиска ветров. Белая Башня вдыхает, но не делает выдоха — иначе говоря, не отпускает тех, кого вобрала в себя. Теперь же, узнав о нашем существовании, вы хотите заполучить нас, поскольку у вас в голове не укладывается, что женщины, способные направлять Силу, могут быть неподвластны Белой Башне.

Айз Седай сдвинули брови. Эгвейн заметила, что Мелэйн согласно кивает. Да, верное замечание, хоть и однобокое. Знай Ищущие Ветер, сколько пользы приносит обучение в Белой Башне и как важно, чтобы люди знали, что те, кто умеет направлять Силу, проходят обучение, что они находятся под присмотром…

Тем не менее все это пустые мысли. У Морского народа свои традиции, и без указки Белой Башни они нашли превосходное применение для тех своих женщин, которые наделены даром направлять Силу. Эгвейн провела с Морским народом гораздо меньше времени, чем Илэйн или Найнив, но ознакомилась с подробными донесениями. Ищущим Ветер незнакомы многие плетения, но специфическими — в особенности многосложными плетениями Воздуха — они владеют намного лучше, чем опытные Айз Седай.

Эти женщины заслуживают знать правду. Разве не в этом смысл существования Белой Башни и Трех Клятв?

— Ты права, Шайлин дин Сабура Ночные Воды, — сказала Эгвейн. — И твой народ поступил мудро, скрыв свои способности от Айз Седай.

Юкири ахнула. Весьма нетипичная реакция для Айз Седай… Шайлин вздернула подбородок, и на цепочке, тянувшейся от уха к ноздре, тихо звякнули медальоны. Блуза ее сменила цвет на синий.

— Что?

— Вероятно, вы поступили мудро, — повторила Эгвейн. — Не рискну судить задним числом прежних Амерлин, но скажу вот что: пожалуй,

мы с излишним рвением стремились взять под контроль женщин, способных владеть Единой Силой. Очевидно, что Ищущим Ветер вполне хватает собственной подготовки. Думаю даже, что Белая Башня могла бы многому у вас научиться.

Откинувшись на спинку кресла, Шайлин изучала невозмутимое лицо Эгвейн. Та выдержала ее взгляд. «Убедись, что я полна решимости, — подумала Эгвейн. — Что я не шучу. Это не лесть. Я — Айз Седай. И я говорю правду».

— Что ж, — сказала Шайлин, — не исключено, что мы сможем заключить сделку и дадим согласие обучать ваших женщин.

— Я надеялась, что вы поймете, какие в этом кроются преимущества, — улыбнулась Эгвейн, а три другие Айз Седай, сидевшие рядом, пронзили девушку довольно враждебными взглядами. Что ж, они тоже все поймут. Если хочешь стать хозяйкой положения, пробуди в оппонентах надежду. Расшевели ее. Растряси, как трясут кувшин с водными жуками-шелухонцами.

— И все же, — продолжила она, — вы признаёте, что Белая Башня владеет знаниями, которых у вас нет. В ином случае вы не добивались бы сделки, согласно которой наши женщины взяли Ищущих Ветер в ученицы.

— Мы не расторгнем это соглашение, — тут же ответила Шайлин. Ее блуза сделалась светло-желтой.

— Этого я и не жду, — сказала Эгвейн. — Хорошо же, что теперь вы учитесь у Айз Седай. Те, кто заключил с вами сделку, добились неожиданных результатов.

Истинная правда, до последнего слова. Однако тон Эгвейн подразумевал нечто большее. Она дала понять, что хочет, чтобы Айз Седай посылали на корабли Морского народа. Шайлин нахмурилась еще больше, откинулась на спинку кресла. Эгвейн надеялась, что Ищущая Ветер прикидывает, не была ли выгодная сделка с Чашей Ветров чем-то вроде ловушки — причем с самого начала.

— Однако, — продолжила Эгвейн, — прежнее соглашение видится мне недостаточно амбициозным. — Она повернулась к Хранительницам. — Эмис, согласишься ли ты с тем, что Айз Седай знают о плетениях, неведомых Хранительницам Мудрости?

— Было бы глупо не признавать, что Айз Седай весьма опытны и ловки во многих аспектах работы с Единой Силой, — осторожно ответила Эмис. — Вы проводите немало времени, совер-

шенствуя свои плетения. Но нам известно то, чего не знают ваши сестры.

— Да, — согласилась Эгвейн. — Обучаясь у Хранительниц Мудрости, я узнала о лидерстве больше, чем за все время, проведенное в Белой Башне. Вы также научили меня пользоваться даром Сновúдения и действовать в Тел'аран'риоде.

— Ладно, хватит, — произнесла Бэйр. — Выкладывай. А то так и будем бродить за трехногой ящерицей, тыкать ее палкой и смотреть, проползет ли она еще дальше.

— Стоит ли держать свои навыки в тайне? — спросила Эгвейн. — Мы — три группы женщин, способных направлять Силу, — должны заключить союз.

— Полагаю, под руководством Белой Башни? — съязвила Шайлин.

— Хочу лишь сказать, — ответила Эгвейн, — что разумнее делиться знаниями и учиться чему-то новому. Хранительницы Мудрости, я хотела бы отправить принятых Белой Башни к вам на обучение — в первую очередь для того, чтобы они овладели искусством пребывания в Тел'аран'риоде.

Вряд ли среди Айз Седай найдется другая сновидица с задатками Эгвейн. Хотя… мало ли что?

Ведь это чрезвычайно редкий дар. Тем не менее будет весьма полезным, если некоторых сестер обучат действовать в Тел'аран'риоде, пусть даже входить туда они смогут лишь с помощью тер'ангриалов.

— Ищущие Ветер, — продолжила Эгвейн, — к вам я также хотела бы отправить нескольких женщин — в первую очередь тех, кто искусен во владении плетениями Воздуха, — чтобы те научились призывать ветра, как вы.

— Ученицам Ищущих Ветер живется непросто, — заметила Шайлин. — Думаю, твоих женщин, изнеженных жизнью в Белой Башне, ждут не самые приятные открытия.

— Не сомневаюсь, что им придется несладко, — ответила Эгвейн, чей «изнеженный» жизнью в Белой Башне зад до сих пор саднило от побоев. — И уверена, что такой опыт принесет им немалую пользу.

— Полагаю, это можно устроить. — Шайлин энергично подалась вперед. — Разумеется, надо обсудить вопрос оплаты.

— Она будет соразмерной, — сказала Эгвейн. — Я позволю вам прислать своих учениц в Белую Башню для обучения.

— Мы уже отправляли к вам женщин.

— Символические жертвы, — усмехнулась Эгвейн. — Вы их присылали, чтобы мы не прониклись подозрением к вашим Ищущим Ветер. Зачастую ваши женщины замыкаются в себе или приходят в Башню без особой охоты. Надо положить этому конец. У вашего народа нет причин отказываться от потенциальных Ищущих Ветер.

— Но… разве что-то изменится? — спросила Шайлин.

— После обучения вашим женщинам разрешат вернуться, — сказала Эгвейн. — А вам, Хранительницы Мудрости, предлагаю тоже отправлять в Башню учениц из Айил. Не насильно. И не для того, чтобы они стали Айз Седай. Лишь для обучения и овладения нашими навыками. По завершении учения им также будет дозволено вернуться, если они того пожелают.

— Этого будет недостаточно, — произнесла Эмис. — Опасаюсь за женщин, которые слишком размякнут от образа жизни мокроземцев.

— Но вы же не станете их принуждать… — начала Эгвейн, но Бэйр перебила ее:

— Они все равно останутся ученицами Хранительниц Мудрости, Эгвейн ал'Вир. Детьми, которым надо закончить положенное обучение. В том случае, если мы примем твое предложение:

от него мне как-то нехорошо, словно от чрезмерно обильной пищи после дня голодания.

— Если наши ученицы попадутся на крючок Айз Седай, — добавила Мелэйн, — вызволить их получится не скоро.

— Зачем их вызволять? — спросила Эгвейн. — Кого ты видишь перед собой, Мелэйн? Престол Амерлин, которая прошла обучение у Айил! На какие жертвы готов пойти твой народ, чтобы таких, как я, стало больше? Чтобы стало больше Айз Седай, понимающих, что такое *джи'и'тох* и Трехкратная земля? Айз Седай, уважающих Хранительниц Мудрости — вместо того, чтобы видеть в них дичков или соперниц?

Выслушав ее, айилки обеспокоенно переглянулись.

— Ну а ты, Шайлин? Чем готов пожертвовать твой народ ради Престола Амерлин, обученной вами, дружественной Морскому народу и уважающей его обычаи?

— Предложение заманчивое, — признала Шайлин. — Если у присланных тобой женщин будет не такой скверный нрав, как у тех, кого мы уже видели. Мне еще не встречалась Айз Седай, которой не повредило бы провести несколько дней подвешенной на высокой мачте.

— Это потому, что вы настояли прислать к вам Айз Седай, — объяснила Эгвейн, — уже привыкших к своему укладу. Будь на их месте принятые, ты узнала бы, что они гораздо податливей.

— На их месте? — тут же вскинулась Шайлин. — К обсуждаемой сделке это не относится!

— Почему нет? — спросила Эгвейн. — Если мы позволим вашим способным направлять Силу женщинам вернуться после обучения к Морскому народу, а не станем требовать от них остаться в Башне, то у вас отпадет столь крайняя нужда в наставницах из Айз Седай.

— Это должно быть предметом отдельного соглашения, — покачала головой Шайлин. — И заключить такую сделку будет непросто. Вы, Айз Седай, сущие змеи. Неспроста вы носите свои кольца!

— Что, если включить в сделку одолженные вам тер'ангриалы? — спросила Эгвейн.

Шайлин бросила взгляд на свою руку — туда, где в реальном мире находилось крошечное блюдце. С его помощью — вкупе с простенькой прядкой Духа — женщина получала возможность войти в Тел'аран'риод. Разумеется, Эгвейн не предоставила Ищущим Ветер тер'ангриалов, не требующих дополнительно воздействия Силы.

Такие предметы универсальны, а потому отличаются большей мощностью. Лучше хранить их в секрете.

Эгвейн чуть подалась вперед:

— В Тел'аран'риоде можно отправиться куда угодно. Можно встретиться с теми, кто далеко от тебя, не прибегая к Перемещению. Здесь можно узнавать то, что сокрыто, можно проводить тайные собрания.

— Твое предложение таит в себе опасность, Эгвейн ал'Вир, — строгим голосом сказала Эмис. — Дать им волю означало бы впустить в Трехкратную землю ораву девчонок-мокроземок, чтобы те сломя голову носились по ее просторам.

— Мир снов открыт для всех, Эмис, — возразила Эгвейн. — Или Хранительницы Мудрости хотят присвоить его?

— Мы не настолько эгоистичны, — ответила Эмис. — Речь о безопасности.

— Тогда, наверное, — заметила Эгвейн, — Морскому народу стоит прислать обучаться у вас своих учениц. А вы, быть может, отправите взамен кого-то из своих.

— Чтобы они жили на кораблях?! — пришла в ужас Мелэйн.

— Это прекрасный способ справиться с боязнью воды.

— Мы не боимся воды, — отрезала Эмис. — Мы уважаем ее. Вы, мокроземцы… — Она всегда говорила о кораблях с таким видом, словно речь шла о клетке, в которой сидит дикий лев.

— Тем не менее, — повернулась Эгвейн к представительницам Морского народа, — если заключим сделку, тер'ангриалы останутся у вас.

— Они и так у нас, — сказала Шайлин.

— Я не подарила их, а одолжила, и мои посланницы объяснили это самым недвусмысленным образом.

— Хочешь сказать, они останутся у нас навсегда? — спросила Шайлин. — И больше не будет этого вздора о том, что все тер'ангриалы принадлежат Белой Башне?

— Правило, гласящее, что человек, нашедший тер'ангриал, не имеет права оставить его себе, останется в силе, — сказала Эгвейн. — Чтобы в руках у скудоумного купца или фермера не оказались потенциально опасные предметы. Но для Ищущих Ветер и Хранительниц Мудрости я готова сделать официальное исключение.

— То есть стеклянные колонны… — подала голос Эмис. — А я все гадала, не попробуют ли Айз

Седай прибрать их к рукам.

— Вряд ли такое случится, — сказала Эгвейн. — Но думаю, что Айил станет спокойнее, если мы официально объявим эти тер'ангриалы — а также все остальные, что у вас имеются, — вашими и что мы не вправе притязать на них.

Хранительницы Мудрости крепко призадумались.

— И все же предложение необычное, — заявила Бэйр. — Женщины из Айил пройдут обучение в Белой Башне, но не станут Айз Седай? Прежде так не бывало.

— Мир меняется, Бэйр, — спокойно ответила Эгвейн. — В Эмондовом Лугу, совсем рядом с ручьем, когда-то была лужайка, поросшая изящными цветками под названием «триумф Эмонда». Мой отец обожал гулять там и любоваться этой красотой. Но когда построили новый мост, люди чуть не вытоптали лужайку. Так им было ближе ходить к мосту. Много лет отец воевал с такими: ставил оградки, рисовал предупреждающие таблички, но ничего не действовало. И поэтому он решил набрать речных камней и вымостить через лужайку аккуратную дорожку — а по бокам пусть растут цветы. После этого их перестали вытаптывать. Когда что-то меняется,

можно ворчать, что раньше было лучше, требовать вернуться к прежнему, но вряд ли тебя услышат. Однако если самому направлять эти перемены, они послужат тебе на благо — так же, как служит нам Сила, но лишь после того, как мы подчинимся ей.

Эгвейн по очереди взглянула на каждую из женщин:

— Нашим трем группам давным-давно пора было действовать сообща. Грядет Последняя битва, и Дракон Возрожденный грозится освободить Темного. Если этого мало, то у нас имеется еще один общий враг, стремящийся уничтожить и Айз Седай, и Хранительниц Мудрости, и Ищущих Ветер.

— Шончан, — кивнула Мелэйн.

Услышав это слово, сидевшая позади Ищущих Ренейле тихонько зашипела, и ее одеяние на миг изменилось: тело облекли доспехи, в руке возник меч.

— Да, — подтвердила Эгвейн. — Вместе нам хватит сил дать отпор. Поодиночке же…

— Надо хорошенько обдумать эту сделку, — произнесла Шайлин, и Эгвейн ощутила в зале дуновение ветра — наверное, ненароком сплетенного кем-то из Ищущих. — Встретимся снова

и, возможно, согласимся с уговором. Но условия будут таковы: ежегодно мы присылаем вам двух учениц в обмен на двух принятых.

— Но не слабейших, — предупредила Эгвейн. — Мне нужны самые способные.

— И ты отправишь к нам таких же? — спросила Шайлин.

— Да, — подтвердила Эгвейн. Две — это только для начала. Как только станут очевидны результаты этого плана, Морской народ захочет увеличить это число. Но подталкивать их к такому решению пока не следует.

— А мы? — осведомилась Эмис. — Мы тоже участвуем в этой, с позволения сказать, сделке?

— Две принятые, — сказала Эгвейн, — в обмен на двух ваших учениц. Обучение продлится не менее полугода, но не более двух лет. Все это время принятые будут считаться вашими ученицами и соблюдать соответствующие правила. — Она помолчала. — После обучения все ученицы и принятые должны вернуться к своим и провести с ними не меньше года. Затем, если ваши женщины пожелают стать Айз Седай, они могут явиться в Белую Башню, и мы рассмотрим этот вопрос. То же относится и к принятым, если они захотят присоединиться к Хранительницам Мудрости.

Бэйр задумчиво кивнула:

— Пожалуй, среди них найдутся женщины вроде тебя, способные оценить превосходство нашего образа жизни. До сих пор стыжусь, что мы потеряли тебя, Эгвейн ал'Вир.

— У меня было иное предназначение, — сказала Эгвейн.

— Эти же условия относятся и к нам? — обратилась Шайлин к Хранительницам Мудрости. — Вы согласны на такую же сделку — «две на две»?

— Если договоренность получит одобрение, — Бэйр обвела глазами своих спутниц, — то согласны. Но сперва надо посоветоваться с другими Хранительницами Мудрости.

— Что насчет тер'ангриалов? — Шайлин снова повернулась к Эгвейн.

— Они ваши, — сказала та. — Взамен вы освободите нас от обещания отправлять сестер, чтобы те обучали Ищущих Ветер, а мы разрешим находящимся среди Айз Седай женщинам Морского народа вернуться домой. Все это должно быть одобрено твоим народом. Мне же придется поднять этот вопрос на Совете Башни.

Разумеется, она — Амерлин и ее указы — закон. Но если Совет заартачится, этот закон проигнорируют. В нынешнем случае Эгвейн не могла

обойтись без поддержки восседающих, да и хотела заручиться ею, дабы подкрепить делом слова о единстве Совета и Амерлин, а также нежелательности тайных собраний.

Впрочем, она почти не сомневалась, что восседающие одобрят ее план. Айз Седай неохотно расстанутся с тер'ангриалами, но и сделка, заключенная с Морским народом по Чаше Ветров, пришлась сестрам не по душе. Чтобы аннулировать ее, они пойдут на что угодно. Ну, почти.

— Не хочешь, чтобы мы обучались у полноправных Айз Седай? Так я и знала! — самодовольно заявила Шайлин.

— А что ты предпочла бы? — спросила Эгвейн. — Слабейших среди нас сестер, для которых это поручение — сущее наказание? Или женщин из твоего же Морского народа, изучивших все премудрости Белой Башни и готовых поделиться знаниями с другими Ищущими Ветер?

Может, вернуть Морскому народу их женщин, получивших звание Айз Седай, и закрыть свою часть сделки? Весьма уместный ход в данной ситуации.

Однако хотелось надеяться, что новая сделка заменит прежнюю. Эгвейн чувствовала, что так или иначе потеряет сестер из Морского народа.

По крайней мере, тех, что истосковались по дому. Мир и впрямь менялся, и теперь, когда знание об Ищущих Ветер перестало быть тайной, не было нужды цепляться за прежние правила.

— Мы все обсудим, — сказала Шайлин.

Она кивнула остальным, и они исчезли. Ищущие Ветер и впрямь оказались способными ученицами.

— Ты, Эгвейн ал'Вир, танцуешь опасный танец. — Эмис встала и поправила шаль. — Было время, когда Айил гордились бы тем, что сослужили Айз Седай добрую службу. То время прошло.

— Женщины, которых ты рассчитывала найти, существуют лишь в мечтах, Эмис, — сказала Эгвейн. — Зачастую реальность куда более жестока. Но, обретая честь в реальном мире, ты хотя бы понимаешь, что она — не плод твоего воображения.

Хранительница Мудрости кивнула:

— Думаю, мы пойдем на эту сделку. Нам нужно узнать все, чему нас могут научить Айз Седай.

— Отправим к вам сильнейших учениц, — добавила Бэйр. — Не избалованных мягкостью мокроземцев. — В этих словах не было осуждения. Бэйр не считала, что оскорбляет мокроземцев, называя их мягкими.

— Ты неплохо потрудилась, — кивнула Эмис. — Хочется верить, ты не повяжешь нас стальными полосами.

«Нет, Эмис, — подумала Эгвейн. — Я не стану вязать вас стальными полосами. Вместо стали я возьму кружева».

— Итак, — сказала Бэйр, — мы еще нужны тебе сегодня? Ты намекала на какую-то схватку…

— Да, — подтвердила Эгвейн. — Надеюсь, она состоится.

Известий не поступало, а это значило, что Найнив и Суан не обнаружили подслушивающих Черных сестер. Неужели приманка не вызвала у Месаны интереса?

Хранительницы Мудрости кивнули ей, после чего отошли в сторонку и стали перешептываться. Эгвейн без ненужной спешки приблизилась к Айз Седай.

— Мне это не нравится, мать, — встала Юкири. Она тоже говорила шепотом и посматривала на Хранительниц. — Вряд ли ты получишь согласие Совета. Многие непоколебимо уверены, что предметы Единой Силы должны принадлежать только нам.

— Совет образумится, — сказала Эгвейн. — Мы уже вернули Чашу Ветров Морскому народу, а

теперь, когда Илэйн вновь открыла способ изготовления тер'ангриалов, их станет так много, что за всеми не уследить. Это лишь вопрос времени.

— Но Илэйн — Айз Седай, мать. — Сине тоже поднялась на ноги. Судя по лицу, она была встревожена. — Ты же сумеешь удержать ее от опрометчивых поступков?

— Наверное, — тихо ответила Эгвейн. — Но разве не странно, что после стольких лет к нам возвращаются забытые таланты, и мы совершаем одно открытие за другим? Мое Сновúдение, тер'ангриалы Илэйн, Предсказание… Редчайшие таланты, кажется, проявляются в изобилии. Эпоха подходит к концу, и мир меняется. Вряд ли дар Илэйн уникален. Что, если он обнаружится у Хранительниц Мудрости или Морского народа?

Три Айз Седай не ответили, но вид у них был взволнованный. Наконец Юкири сказала:

— Все равно опускать руки как-то неправильно, мать. С должными усилиями мы могли бы… да, могли бы взять Ищущих Ветер и Хранительниц Мудрости под контроль.

— И Аша'манов? — тихо спросила Эгвейн. Несмотря на все старания, голос у нее дрогнул. — Станем ли мы настаивать, чтобы нам принадлежат все ангриалы и са'ангриалы, со-

зданные для мужчин, хотя мы не способны ими пользоваться? Что, если есть Аша'маны, научившиеся создавать предметы Силы? Станем ли мы забирать все, что они для нас сотворят? Да и сможем ли это сделать?

— Я… — начала Юкири, но Лиане покачала головой:

— Она права, Юкири. Света ради, она права.

— В своей нынешней ипостаси этот мир уже не может оставаться нашим, — прошептала Эгвейн так, чтобы не слышали Хранительницы Мудрости. — Да и принадлежал ли он нам? Черная Башня связывает узами Айз Седай, Айил больше не благоговеют перед нами, Ищущие Ветер уже несколько веков прячут от нас своих лучших женщин, способных направлять, и ведут себя все воинственнее. Если надеть ежовые рукавицы, мы либо превратимся в тиранов, либо будем иметь глупый вид — в зависимости от того, чем все закончится. Ни то ни другое меня не устраивает. Вместо этого мы возглавим их, Юкири. Мы должны стать примером для женщин, всех женщин без исключения. Мы добьемся этого не тем, что накинем на них самую крепкую узду. Нет, мы станем обучать способных направлять женщин и отправлять наиболее талантливых принятых,

чтобы те овладели знаниями в тех областях, в которых нас превосходят Ищущие Ветер и Хранительницы Мудрости.

— А если сейчас они говорят о том же? — тихо спросила Лиане, глядя, как Хранительницы Мудрости, понизив голос, переговариваются в дальнем углу зала. — Вдруг они попробуют переиграть нас — так же, как мы хотим переиграть всех остальных?

— Значит, нам придется играть лучше всех, — ответила Эгвейн. — Пока что все это второстепенно. Нам необходим союз против Тени и против шончан. Придется…

В зале возникла растрепанная Суан в опаленном сбоку платье:

— Ты нужна нам, мать!

— Схватка уже началась? — с тревогой спросила Эгвейн.

Хранительницы Мудрости насторожились.

— Да, — ответила Суан, тяжело дыша. — Причем сразу, мать. Они не стали подслушивать, они тотчас же напали!

* * *

Каждым гигантским шагом Перрин покрывал несколько лиг. Надо унести этот стержень по-

дальше от Губителя. Может, в океан?..

Просвистевшая в воздухе стрела оцарапала ему плечо. Проклятье! Перрин обернулся. Он находился на каменистом склоне высокого холма. Внизу, подняв лук к угловатому лицу и гневно сверкая черными глазами, стоял Губитель. Он выстрелил снова.

«Стена», — подумал Перрин, и перед ним появилась кирпичная стена. Стрела вошла в нее на несколько дюймов, но застряла, и Перрин немедленно сместился в сторону — хотя теперь, с тер'ангриалом в руках, далеко не уйти.

Он сменил направление. Теперь он двигался уже не на север, а на восток. Вряд ли это поможет отделаться от Губителя; тот прекрасно видит купол и понимает, в какую сторону идти.

Что же делать? Перрин намеревался утопить металлический шип в океане, но Губитель не отставал. Он попросту поднимет эту штуковину с морского дна. Сосредоточившись на том, чтобы двигаться как можно быстрее, Перрин с каждым ударом сердца преодолевал по несколько лиг. Удастся ли ему оторваться от Губителя? Пейзаж — горы, луга, леса, озера — слился в сплошное пятно.

И только ему показалось, что дело сделано, как

рядом возникла фигура с мечом, нацеленным Перрину в горло. Он пригнулся, едва успев уйти от размашистого удара. Зарычал, занес молот, но Губитель исчез.

Перрин замер на месте. Он вконец отчаялся. Губитель двигался быстрее его и перемещался дальше; более того, он мог попасть под купол, опередив его, и дожидаться Перрина. А когда тот окажется поблизости, сразу же нанести удар.

«Мне не обогнать его», — понял Перрин. С Губителем надо покончить. Это единственный способ защитить Фэйли и остальных. Иначе он снова завладеет этим стержнем — куда бы Перрин его ни спрятал — и вернется, чтобы накрыть всю армию фиолетовым куполом-ловушкой.

Перрин осмотрелся, пытаясь понять, куда его занесло. Он стоял на склоне, поросшем редкими деревьями. На севере высилась Драконова гора. Глянув на запад, он увидел над деревьями верхушку громадного сооружения. Белая Башня. В городе у Перрина может появиться преимущество: в хитросплетении тамошних переулков и среди множества зданий вполне найдется место для укрытия или засады.

С металлическим шипом в руках Перрин устремился к Белой Башне, и вместе с тер'ангриалом

сместился и купол. В конце концов, все решится в схватке.

Глава 37
Тьма в Башне

Гавин сидел на скамье в одном из садов Кэймлинского дворца. С тех пор как ушла посланница Эгвейн, миновало несколько часов. В небе висела тучная растущая луна. Время от времени подходили озабоченные слуги: быть может, лорду Гавину что-нибудь нужно?

Но ему хотелось лишь смотреть на небо. Уже несколько недель он не мог позволить себе такого удовольствия. Стало прохладно, но Гавин все равно не надевал снятую раньше куртку, которая висела на спинке скамьи. Приятно было дышать свежим воздухом. Почему-то он казался иным, чем тот же воздух, но под сумрачными небесами.

Когда померк последний луч заката, в небе зажглись звезды. Они походили на детей, робко выглядывающих из окон, когда стихает дневной шум. Как же хорошо видеть их снова! Гавин дышал полной грудью.

Илэйн была права. Его ненависть к ал'Тору исходила по большей части из неудовлетворенности. Или даже зависти. Ал'Тор играл примерно ту роль, которую Гавин выбрал бы для себя. Он правил народами и командовал армиями. Если так посмотреть, кто из них принц, а кто — полоумный овечий пастух?

Может, Гавин противился требованиям Эгвейн потому, что хотел занять место лидера, совершающего героические поступки? Стань он ее Стражем, пришлось бы отступить на второй план и оберегать Эгвейн, пока она меняет мир. Охранять жизнь великого человека — большая честь. В чем смысл героизма? Великих деяний? Во всеобщем признании? Или в изменении мира к лучшему?

Отойти на второй план… Гавин восхищался людьми вроде Слита, способными усмирить свою гордыню, но никогда их не понимал. Вернее, понимал, но не до конца. «Нельзя бросать ее в одиночестве, — думал он. — Я должен помогать

Эгвейн. Помогать, оставаясь в ее тени».

Ведь Гавин любит ее. И так будет лучше. Если два барда одновременно заведут разные песни, не получится ничего, кроме шума. Но если один уступит и подыграет второму, мелодия станет куда краше и гармоничнее, чем если бы ее исполнял один человек.

И тут наконец Гавин все понял. Он встал. Надо прийти к Эгвейн не принцем, но Стражем. Он должен служить ей, охранять ее и выполнять ее желания.

Настало время вернуться.

Он накинул куртку и решительно зашагал в сторону дворца. Лягушки в прудах затянули было свои серенады, но, завидев человека, попрыгали в воду. Он вошел в здание. Покои его сестры были совсем рядом. Она еще не спит; в последнее время Илэйн жаловалась на бессонницу. Последние вечера они с удовольствием проводили за разговором и чашкой теплого чая. Однако, когда Гавин подошел к двери, путь ему преградила Бергитте.

Опять этот свирепый взгляд… Да, теперь Гавин видел, что Бергитте совсем не рада своему посту капитан-генерала, предназначенному брату королевы. Подходя к ней, он слегка смутился. Женщина подняла руку:

— Не сегодня, маленький принц.

— Я отправляюсь в Белую Башню. Хотел попрощаться. — Он сделал шаг вперед, но Бергитте положила ладонь ему на грудь и легонько оттолкнула:

— Можешь уехать утром.

Гавин едва не схватился за меч, но вовремя взял себя в руки. О Свет! Бывали времена, когда он реагировал на все иначе. Выходит, и впрямь поглупел.

— Узнай, примет ли она меня, — вежливо попросил он. — Пожалуйста.

— Мне дали приказ, — сказала Бергитте. — К тому же поговорить с ней ты не сможешь. Илэйн спит.

— Поверь, она будет рада проснуться.

— Это не обычный сон, — вздохнула Бергитте. — Он как-то связан с делами Айз Седай. Ступай в постель. Быть может, утром сестра передаст тебе весточку от Эгвейн.

Гавин нахмурился. Как это?

«Сны, — сообразил он. — Вот что подразумевали Айз Седай, когда говорили, что Эгвейн обучает их ходить в снах».

— Выходит, Эгвейн тоже спит?

— Кровь и пепел! — Бергитте смерила его взгля-

дом. — Похоже, я проболталась. Ступай к себе в спальню.

И Гавин отступил, но не в спальню. «Он ждет момента слабости, — подумал он, вспомнив слова сул'дам. — И когда нанесет удар… Ни за что не поверишь, что один-единственный человек способен причинить столько бед и принести такое опустошение».

Момент слабости.

Он бросился прочь от королевских покоев и по коридорам дворца помчался к обустроенной Илэйн комнате для Перемещения. Благодарение Свету, там дежурила сонная женщина из Родни — на тот случай, если понадобится принять или отправить срочное сообщение. Гавин не помнил эту брюнетку, но она, похоже, узнала его.

Женщина зевнула и, выполняя просьбу Гавина, открыла переходные врата. Он выбежал на площадку для Перемещения во владениях Белой Башни. Едва Гавин выскочил из врат, как они тут же исчезли. Вздрогнув, он глянул за спину и выругался: сомкнись они мгновением раньше, ногу бы оттяпали! И это в лучшем случае! О чем она думала, эта женщина из Родни? Куда торопилась? Это же опасно для других! Что за безрассудство?!

«Ладно, не время брюзжать», — подумал Гавин

и сорвался с места.

* * *

Эгвейн, Лиане и Хранительницы Мудрости появились в комнате у подножия Белой Башни, где их ждала группа встревоженных женщин. Это был сторожевой пост, заранее оговоренный Эгвейн на случай вынужденного отступления.

— Докладывайте! — потребовала Эгвейн.

— Шеван и Карлиния мертвы, мать, — мрачно заявила Саэрин, славящаяся бесцеремонностью. Коричневая сестра тяжело дышала.

Эгвейн выбранилась.

— Что произошло?

— Фальшивая встреча была в самом разгаре. По твоему указанию мы делали вид, что обсуждаем способы замирения Арад Домана. А затем…

— Огонь, — содрогнулась Морврин. — Прямо через стены. Направляли женщины, некоторые — с невероятным уровнем Силы. Я видела Алвиарин. И других тоже.

— Найнив еще там, наверху, — добавила Брендас.

— Вот же упрямица! — сказала Эгвейн и взглянула на Хранительниц Мудрости. Те кивнули. — Отошлем Брендас. — Она указала на Белую сестру,

ответившую невозмутимым взглядом. — Когда проснешься, разбуди остальных, чтобы уберечь их от беды. Но Найнив, Суан, Лиане и меня не трогай.

— Да, мать, — ответила Брендас.

Эмис что-то сделала, и образ Белой потускнел, а затем исчез.

— Все остальные, — обратилась Эгвейн к Айз Седай, — отправляйтесь в какое-нибудь безопасное место. Подальше от города.

— Как скажешь, мать, — сказала Саэрин, однако осталась на месте.

— Что? — спросила Эгвейн.

— Я… — Саэрин сдвинула брови. — Не могу. Что-то не так.

— Чушь, — отрезала Бэйр. — Дело в том…

— Бэйр, — перебила ее Эмис, — у меня не получается уйти. Здесь происходит что-то непонятное.

— Смотрите! Небо фиолетовое! — выглянула в оконце Юкири. — О Свет! Как будто Башню и весь город накрыло каким-то куполом. Когда это случилось?

— Что-то тут совсем не так. Совсем неправильно, — сказала Бэйр. — Не лучше ли нам проснуться?

Эмис вдруг исчезла — так внезапно, что Эгвейн вздрогнула. Мгновением позже она вернулась:

— Я смогла попасть в то место, где мы недавно были, но покинуть город не сумела. Мне это не нравится, Эгвейн ал'Вир.

Эгвейн попробовала сама отправиться в Кайриэн. Не вышло. Испытывая тревогу, но полная решимости, она выглянула в окно. Да, небо и впрямь стало фиолетовым.

— Просыпайтесь, если так надо, — сказала она Хранительницам Мудрости, — но я буду сражаться. Здесь кто-то из Предавшихся Тени.

Хранительницы Мудрости умолкли. Наконец Мелэйн произнесла:

— Мы останемся с тобой.

— Хорошо. Все остальные, прочь отсюда. Отправляйтесь в «Путь музыканта» и сидите там, пока не проснетесь. Мелэйн, Эмис, Бэйр, Лиане — мы переместимся на верхние уровни Башни, в комнату, отделанную деревянными панелями, с кроватью под газовым балдахином. Это моя спальня.

Хранительницы Мудрости кивнули, и Эгвейн перенеслась к себе. На ночном столике стояла лампа; в Тел'аран'риоде она не горела, но в реальном мире Эгвейн оставила ее зажженной. От

легкого движения воздуха зашелестела газовая драпировка: в комнате появились Хранительницы Мудрости и Лиане.

Башня содрогнулась. Бой продолжался.

— Будьте осторожны, — предупредила Эгвейн. — Мы охотимся на опасных врагов, и они знают эту территорию лучше, чем вы.

— Разумеется, мы будем осторожны, — ответила Бэйр. — Говорят, Предавшиеся Тени считают себя хозяйками этого места. Что ж… Посмотрим, так ли это.

— Лиане, — спросила Эгвейн, — ты уверена, что сможешь защитить себя?

Эгвейн подумывала, не отослать ли ее к остальным, но Лиане и Суан провели какое-то время в Тел'аран'риоде, и опыта у них было побольше, чем у многих сестер.

— Высовываться не стану, мать, — пообещала Лиане. — Но их, несомненно, больше, чем нас. Я тебе пригожусь.

— Договорились, — сказала Эгвейн.

Четверка женщин растворилась в воздухе. Почему они не сумели покинуть город? Неприятная новость, но и небесполезная. Она означала, что Эгвейн здесь как в клетке.

Но — хотелось бы надеяться — и Месана тоже.

* * *

С карниза сорвались пять голубей. Перрин развернулся. Позади стоял Губитель, и от него пахло камнем.

Он проводил взлетевших птиц жестким взглядом:

— Твои?

— Предупреждение, — ответил Перрин. — Мне подумалось, что ты поймешь, почему на земле рассыпана ореховая скорлупа.

— Умно, — сказал Губитель.

За спиной у него раскинулся великолепный город. Совсем недавно Перрину не верилось, что существует город, сравнимый с величественным Кэймлином, пока он не увидел Тар Валон, представлявший собой ни много ни мало произведение искусства. Едва ли не каждое здание украшали сводчатые арки, шпили, рельефные работы и отделка иного рода, и даже булыжники мостовой, казалось, были уложены рукой одаренного инкрустатора.

Губитель бросил короткий взгляд на пояс Перрина. Там, в кожаном чехле, специально созданном для него Перрином, находился тер'ангриал; сверху торчал кончик этого стержня,

представлявшего собой замысловатую серебряную косицу. Перрин уже пытался уничтожить его силой мысли, но потерпел неудачу. Бил по нему молотом, но треклятый металлический прут даже не погнулся. Чем бы он ни был, грубой силой его не уничтожить.

— Ты набрался опыта, — заметил Губитель. — Надо было убить тебя несколько месяцев назад.

— По-моему, ты пытался, — сказал Перрин, положив молот на плечо. — Кто ты вообще такой?

— Человек двух миров, Перрин Айбара. И оба мира владеют мной. Отдай мне шип сновидений.

— Еще один шаг, и я уничтожу его, — сказал Перрин.

Губитель фыркнул и шагнул вперед:

— Тебе не хватит сил, мальчик. Даже я недостаточно силен, чтобы справиться с этим.

Его взгляд неосознанно скользнул Перрину за спину. На что он смотрит?

«Драконова гора, — подумал Перрин. — Он боится, что я брошу эту вещь в жерло Драконовой горы». Значит, так можно уничтожить тер'ангриал? Или Губитель хочет сбить Перрина с толку?

— Не вынуждай меня, мальчик. — Губитель шагнул вперед. В руках у него появились меч и

кинжал. — Сегодня я уже убил четырех волков. Отдай мне рог.

Четырех? Но Перрин видел только одну смерть. «Он нарочно меня подзуживает».

— Думаешь, я поверю, что ты не убьешь меня, если я отдам эту штуку? — спросил Перрин. — Тебе же придется вернуть ее в Гэалдан. И ты прекрасно знаешь, что я последую за тобой. — Он покачал головой. — Один из нас должен умереть. Вот, собственно, и все.

Губитель помолчал, затем улыбнулся:

— Знаешь, Люк ненавидит тебя. Ненавидит лютой ненавистью.

— А ты — нет? — хмуро спросил Перрин.

— Не больше, чем волк ненавидит оленя.

— Но ты не волк, — заметил Перрин, негромко зарычав.

Губитель пожал плечами:

— Тогда пора с этим кончать.

И устремился в атаку.

* * *

Гавин вихрем ворвался в Белую Башню — караульные едва успели ему отсалютовать — и помчался вдоль шеренги светильников, зажженных ради экономии масла через один. Добежав

до пандуса, ведущего на следующий этаж, он услышал за спиной топот.

Гавин развернулся, а его меч с шелестом покинул ножны. Мазон и Целарк — бывшие Отроки, но теперь в форме гвардейцев Башни — застыли на месте. Попробуют ли они остановить Гавина? Как знать, какие приказы отдала Эгвейн.

Оба приветствовали его воинским салютом.

— Что вы тут делаете, парни? — поинтересовался Гавин.

— Милорд, — из-за неровного освещения лицо Целарка оставалось в тени, — когда мимо пробегает офицер, да еще с таким видом, не принято спрашивать, нужна ли ему помощь. Просто бежишь вдогонку, да и все.

— Тогда за мной, — улыбнулся Гавин и рванул вверх по пандусу. Двое гвардейцев с обнаженными мечами последовали за ним.

Покои Эгвейн находились довольно высоко, и Гавин, добравшись до нужного этажа, дышал уже с немалым трудом, а сердце грозило выскочить из грудной клетки. В сопровождении гвардейцев он промчался по трем коридорам. Затем Гавин поднял руку и окинул взглядом затененные ниши в стенах: достаточно ли те глубоки, чтобы в одной из них мог скрываться

Кровавый Нож?

«Не бывает света без тени»…

Он выглянул за угол — туда, где находилась дверь в апартаменты Амерлин; сегодня Гавин оказался примерно в том же положении, что и в тот раз, когда разрушил планы Эгвейн. Не будет ли так и теперь? Гвардейцы за спиной Гавина ждали его команды.

Да. Сегодня все как тогда, все повторяется, но кое-что изменилось. Гавин непременно защитит Эгвейн, чтобы она вершила великие дела. А он останется в ее тени и будет гордиться этим. Он будет исполнять все ее приказы — и, несмотря ни на что, не даст ей погибнуть.

Потому что таковы обязанности Стража.

Он скользнул вперед, жестом велев спутникам следовать за собой. В нише у двери, привлекшей тогда его внимание, было темно, но сегодня взгляд не соскальзывал с этой темноты. Хороший знак. Гавин остановился у двери и осторожно потянул за ручку. Не заперто. Он сделал глубокий вдох и осторожно вошел в комнату.

Никаких сигналов тревоги; никаких ловушек, хватающих и подтягивающих незваного гостя к потолку. На стене горели светильники. Сверху донесся слабый шорох, и Гавин поднял взгляд. Над

головой у него барахталась служанка из Башни: глаза горничной широко раскрыты, рот заткнут невидимым кляпом Воздуха.

Ругнувшись, Гавин стремительно пересек комнату и распахнул дверь опочивальни Эгвейн. Ложе у дальней стены прикрывал белый газовый балдахин. Рядом на столике горела лампа. Гавин подбежал к кровати и отдернул занавесь. Эгвейн спит? Или…

Потянулся к ее шее, но тут позади что-то глухо стукнуло. Гавин, вскидывая меч, развернулся и едва успел блокировать удар, нацеленный ему в спину. Не одно, но сразу два мутно-темных пятна выкатились из теней. Выкроив долю секунды, Гавин бросил взгляд на Эгвейн. Крови не было, но не понять, дышит она или нет. Быть может, Гавин едва успел спугнуть убийц?

Проверять было некогда. Приняв стойку «Лепестки яблони на ветру», Гавин криком позвал своих людей. Те ворвались в комнату, но тут же оцепенели от неожиданности.

— Зовите на помощь! — велел он. — Бегом!

Смуглокожий Мазон попятился к двери, но Целарк отважно вступил в бой.

Движения Кровавых Ножей были стремительными и текучими, словно вода. Гавин пробовал

достать их «Кошкой на горячем песке», но все удары пришлись в пустоту. В глазах защипало от попыток уследить за двумя размытыми фигурами.

Целарк напал на них со спины, но его атака оказалась такой же безрезультатной. Стиснув зубы, Гавин орудовал мечом, стоя спиной к кровати. Главное — не подпустить убийц к кровати, не дать им добраться до Эгвейн, пока на зов не сбежались гвардейцы, если это вообще произойдет…

Обе фигуры кинулись к двери, и одна за другой набросилась на Целарка. Тот и охнуть не успел, как меч угодил ему в горло. Брызнула яркая кровь. Гавин снова крикнул во всю мочь и попытался достать убийц выпадом «Ящерица в боярышнике».

И опять он промахнулся — едва-едва, на пару-тройку волосков. Захлебываясь кровью, в которой отражался свет лампы, Целарк рухнул на пол, и Гавин никак не мог помочь ему, не подставив Эгвейн под удар Кровавых Ножей.

Один убийца развернулся лицом к Гавину, а второй обезглавил Целарка рубящим ударом, весьма напоминавшим — несмотря на тени — прием под названием «Река подмывает берег». Не глядя на мертвеца, Гавин отступил и сдвинулся

вбок. Держать оборону. Надо лишь держать оборону, а там и подмога подоспеет.

Зная, что Гавин уже имел дело с Кровавым Ножом и выжил, шончан действовали осмотрительно. Но на их стороне был численный перевес, и Гавин сомневался, что выдержит натиск двоих противников.

«Выдержишь, — одернул себя он. — Никуда не денешься. А если нет, следом за тобой умрет Эгвейн».

Что это там? Какое-то движение? Подмога? Обнадеженный, Гавин бросил взгляд в смежную комнату и увидел на полу окровавленное тело Мазона.

В спальню проскользнула еще одна тень. Еще один Кровавый Нож. Он затворил за собой дверь, и та закрылась на замок. Вот почему та парочка убийц не спешила. Они дожидались третьего.

И теперь все трое бросились в атаку.

* * *

Перрин выпустил на волю своего волка.

В кои-то веки он не стал задумываться о последствиях. Просто позволил себе быть, существовать, раствориться в схватке, и окружающий мир наконец словно обрел истинные очертания.

Ведь этот мир принадлежал ему и подчинялся его воле.

С зачехленным тер'ангриалом на спине Юный Бык оттолкнулся от крыши мощными задними лапами, воспарил над улицей Тар Валона и приземлился на белую мраморную крышу, края которой были украшены скульптурными группами. Перекатившись по мрамору, он вскочил уже не волком, но человеком — с пристегнутым к поясу тер'ангриалом и занесенным молотом.

Губитель выскользнул из-под удара: попросту исчез и появился рядом с Перрином, взмахнул мечом, но Перрин, в свою очередь, исчез и возник слева от Губителя. Оба они то появлялись, то исчезали в смертоносной круговерти, пытаясь нанести решающий удар.

Чтобы прекратить этот бег по кругу, Перрин сместился к одной из крупных статуй на крыше — фигуре напыщенного полководца — и жахнул по ней молотом. От удара, подкрепленного силой мысли, скульптура будто взорвалась. Ее осколки осыпали Губителя — он появился там, где ожидал найти Перрина, но вместо этого оказался в центре обрушившейся на него бури из пыли и каменной крошки.

Острые осколки распороли ему кожу, и убийца

волков взвыл от боли. Его плащ сделался прочным, как сталь, чтобы камни не причинили нового вреда. Губитель закинул непробиваемый плащ за спину, и все здание задрожало. Проклятье! Перрин едва успел спрыгнуть с мраморной кровли: еще мгновение, и та рухнула бы у него под ногами.

Уйдя в прыжок, перед приземлением на соседнюю крышу он опять превратился в волка. Перед ним появился Губитель с натянутым луком. Юный Бык зарычал, вообразил порыв ветра, но Губитель не выстрелил. Он просто стоял, будто…

Как будто это была просто статуя.

Выругавшись, Перрин отскочил в сторону. Стрела едва не угодила ему в живот. Настоящий Губитель был неподалеку; он исчез, оставив после себя невероятно правдоподобную, до мельчайших деталей, статую-обманку.

Перрин перевел дух и велел испарине исчезнуть со лба. Губитель мог напасть откуда угодно. Перрин создал стену у себя за спиной и обвел крышу настороженным взглядом. Над головой содрогнулся купол. Перрин уже привык, что купол движется вместе с ним.

Но сейчас Перрин стоял на месте!

В панике он опустил взор на свой пояс. Чехла

там не было; его срезала пущенная Губителем стрела. Перрин бросился к краю крыши. Внизу, сжимая в руке чехол с тер'ангриалом, по улице бежал Губитель.

Из переулка выскочил волк. Прыгун. Он врезался в Губителя, и тот упал на мостовую.

Мгновением позже к атаке присоединился Перрин. Губитель, ругаясь, исчез из-под лап Прыгуна, возник на дальнем перекрестке и пустился бежать, оставляя за собой размытый след.

Перрин бросился вдогонку. Следом мчался Прыгун.

«Как ты нашел меня?» — мысленно спросил Перрин.

Вы двое бестолковых щенков, — отозвался Прыгун. — *Слишком много шума. Будто кошки дерутся. Так и нашел.*

Перрин нарочно не показывал Прыгуну, где его искать. После того как у него на глазах погибла Танцующая-среди-Дубов… В общем, сражаться в этом бою должен был только Перрин. Теперь же, когда тер'ангриал находился вдали от Гэалдана и у его армии появилась возможность Переместиться, ему не хотелось рисковать жизнью других волков.

Однако сколько ни уговаривай, Прыгун не от-

станет. Перрин снова зарычал. Он преследовал Губителя, и рядом с ним мчался волк.

* * *

Тяжело дыша, Эгвейн присела у стены. Глаза заливал пот. На стене напротив застывали капли расплавленного камня — последствия удара огненным шаром.

В коридоре Башни стало тихо. На стене мерцали светильники, а за окном, между Башней и черными тучами Эгвейн видела фиолетовое небо. Казалось, бой длился несколько часов, хотя на самом деле прошло минут пятнадцать. Эгвейн понятия не имела, где сейчас Хранительницы Мудрости.

Беззвучно ступая — скрадывать шаги помогало плетение против подслушивания, — она тишком пробралась по коридору и выглянула из-за угла. Повсюду темно. Эгвейн двигалась осторожно, но решительно. Башня — ее владения, и теперь на эту территорию вторглись — так же, как при нападении шончан. Однако сегодняшняя битва в корне отличалась от предыдущей. В тот раз враги действовали с апломбом, и заметить их было нетрудно.

Чуть дальше по коридору была дверь. Под ней

виднелся тусклый свет. Эгвейн подготовила нужные плетения и перенеслась в комнату, где шептались две женщины. Одна держала в руках световую сферу. Эванеллейн и Местра, Черные сестры, бежавшие из Белой Башни.

Эгвейн выпустила огненный шар, и Местра растворилась в пламени. Эванеллейн взвизгнула. Эгвейн прибегла к трюку, которому научила ее Найнив: она *вообразила*, что Эванеллейн глупа. Что она не способна ни думать, ни реагировать на опасность.

Глаза женщины остекленели, челюсть отвисла. Мысль куда стремительнее любого плетения, но Эгвейн медлила. И что теперь? Убить беззащитного врага? При этой мысли ее едва не вывернуло. «Я могла бы взять ее в плен. Подойти, а потом…»

В комнате стало одним человеком больше. На новоприбывшей было роскошное черное платье с серебристой оторочкой. Вокруг нее клубилась тьма, сотканная из черных лент и шуршащих юбок. Неестественный образ, но весьма впечатляющий: такое возможно только здесь, в Тел'аран'риоде.

Эгвейн заглянула женщине в глаза, огромные голубые глаза на угловатом лице, обрамленном доходившими до подбородка черными волосами,

и сразу поняла, с кем имеет дело. В этих глазах была такая власть… Зачем сопротивляться? Ей не под силу…

Чувствуя, как меняется, становится податливым сознание, Эгвейн в панике отогнала эти мысли и в момент просветления отправила себя прочь.

Она появилась у себя в спальне, схватилась за голову и села на постель. О Свет! Та женщина была невероятно сильна.

Новый звук за спиной; в комнате кто-то есть. С плетениями на изготовку Эгвейн вскочила на ноги. Оказалось, то была Найнив, рассвирепевшая, с широко раскрытыми глазами. Она вскинула было руки с полуготовым плетением, но остановилась.

— В сад, — сказала Эгвейн.

В спальне было небезопасно. Зря она перенеслась сюда: Месана наверняка знает о покоях Амерлин.

Найнив кивнула. Эгвейн исчезла и тут же появилась в саду на нижнем ярусе Башни. Над головой простирался странный фиолетовый купол. Что же он собой представляет? И как Месана пронесла его в Мир снов? Мгновением позже в сад явилась Найнив.

— Они еще там, наверху, — шепнула она. — Я только что видела Алвиарин.

— А я видела Месану, — сказала Эгвейн. — Она едва не одолела меня.

— О Свет! С тобой все в порядке?

Эгвейн кивнула:

— Местра мертва. И еще я встретила Эванеллейн.

— Там, наверху, темно как в гробнице, — прошептала Найнив. — Наверное, из-за них. Суан и Лиане живы и держатся вместе; я видела их совсем недавно. А перед тем успела ударить Нотори огненной волной. Насмерть.

— Отлично. Черная Айя похитила девятнадцать тер'ангриалов. Значит, столько Черных сестер могут нам противостоять.

Их семерых — Эгвейн, Суан, Найнив, Лиане и трех Хранительниц Мудрости — Черные сестры превосходят числом, однако им, похоже, недоставало опыта в Тел'аран'риоде.

— Хранительниц видела?

— Они тоже наверху, — поморщилась Найнив. — Такое чувство, что им все это нравится.

— Еще бы, — отозвалась Эгвейн. — Давай-ка держаться вместе. Будем появляться на перекрестках, спина к спине, и по-быстрому осмат-

ривать коридоры — нет ли где людей или света. Увидишь Черную, сразу бей. Если заметят тебя, кричи «Бежим!» и отступай сюда, в сад.

Найнив кивнула.

— Первый перекресток совсем рядом с дверью в мои комнаты, — продолжила Эгвейн. — Коридор на южной стороне. Я залью его светом, а ты будь настороже. Оттуда переместимся в следующий коридор — к двери, за которой находится пандус для слуг. Ну и так далее.

Найнив ответила коротким кивком.

Мир замерцал. Очутившись в коридоре, Эгвейн сразу представила, что он освещен, и по ее воле сумеречное пространство заполнилось светом. У стены сжалась круглолицая женщина в белом. Седоре. Одна из Черных сестер.

Она обернулась с гневным видом, и вокруг нее возникли плетения, но Эгвейн действовала проворнее: она создала огненный столб секундой раньше, чем Седоре успела закончить начатое. К плетениям Эгвейн прибегать не стала. Достаточно вообразить огонь.

Эгвейн видела, как Черная сестра широко раскрыла глаза и ее объяло пламя. Седоре завизжала, но визг тут же оборвался. Глядя на дымящийся труп на выложенном плиткой полу, Эгвейн с

облегчением выдохнула:

— Что у тебя?

— Ничего, — ответила Найнив. — А у тебя кто?

— Седоре.

— Да ну?! — обернулась Найнив. В свое время Седоре была восседающей от Желтых.

— Двигаем дальше, — усмехнулась Эгвейн.

Следуя выбранной стратегии, девушки перенеслись в следующий коридор и заполнили его светом. Там никого не оказалось, и задерживаться они не стали. Следующие два коридора оказались пусты. Эгвейн собралась уходить, но тут кто-то прошипел:

— Глупое дитя! Твой план очевиден!

— Где… — Эгвейн обернулась и тут же умолкла, увидев Бэйр. Пожилая Хранительница Мудрости изменила одежду и даже цвет самой кожи, чтобы слиться с белыми стенами и белыми плитками пола. Притаившаяся в темной нише, она была почти невидима.

— Зачем же ты… — начала Бэйр, но тут стена взорвалась, и всех троих осыпало каменными осколками. За брешью стояли шесть женщин, и все они действовали плетениями Огня.

Судя по всему, игра в прятки закончилась.

* * *

Перрин взобрался на стену, что окружала владения Белой Башни, и с глухим стуком спрыгнул на землю. Волчий сон полнился странностями: Перрин не только чуял непривычные запахи, но и слышал какие-то непонятные звуки. Внутри Белой Башни что-то погромыхивало.

Он прыгнул за Губителем. Тот пересек внутренний двор, а затем побежал по наружной стене Башни словно по дороге. Перрин рванул следом за ним. Губитель оставался чуть впереди. Чехол с тер'ангриалом он привязал к поясу.

Перрин создал длинный лук, натянул его и замер, стоя на уходящей вверх стене Башни, словно на земле. Он выстрелил, но убийца волков подскочил, а затем спрыгнул внутрь Башни через окно. Стрела прошла у него над головой.

Подбежав к тому же окну, Перрин нырнул в него, а Прыгун неясной тенью юркнул следом. Они очутились в спальне, украшенной голубой парчой. Хлопнула дверь, и Перрин ринулся вдогонку за Губителем. Открывать дверь он не стал: просто высадил ее молотом.

Губитель несся по коридору.

«Давай за ним, — велел Перрин Прыгуну. — А

я наперерез».

Волк помчался за Губителем, а Перрин бросился направо, в соседний коридор — с такой резвостью, что стены перестали существовать.

Он миновал коридор — в котором почему-то оказалось полно людей, — и от удивления Перрин замер на месте, и коридор будто накренился у него перед глазами.

Люди там были Айз Седай, и они сражались. Залитый светом коридор расчертили яркие огненные нити. Стало быть, те звуки ему не померещились. И, подумал Перрин… Ну да, ну да.

— Эгвейн? — позвал он.

Она стояла совсем рядом, прижавшись к стене и вглядываясь в другой конец коридора. Услышав свое имя, она развернулась, поднимая руки, и Перрин почувствовал, как его стискивают невидимые путы. Но сознание тут же отреагировало на опасность, оттолкнуло сдавливающий его воздух.

Не сумев схватить его, Эгвейн даже вздрогнула.

— Тебе нельзя здесь находиться, — шагнул к ней Перрин. — Это опасное место.

– Перрин?!

— Понятия не имею, как ты сюда попала, —

продолжил он, — но немедленно уходи. Пожалуйста!

— Как ты остановил меня? — требовательно спросила Эгвейн. — Что ты здесь делаешь? Ты был вместе с Рандом? Говори, где он!

Вот это тон! Такой властный теперь… Эгвейн будто стала совершенно другим человеком, на десятилетия старше той девочки, которую знал Перрин. Он открыл было рот, собираясь ответить, но Эгвейн не дала ему и слова сказать:

— Нет времени на разговоры. Извини, Перрин. Скоро я вернусь за тобой.

Девушка подняла руку, и Перрин почувствовал, как все вокруг меняется. Из воздуха появились веревки и связали его.

Он усмехнулся, опустил глаза и представил, что путы ослабли. Веревки тут же соскользнули и упали на пол.

Эгвейн непонимающе уставилась на них:

— Но как?..

Кто-то выскочил из ближайшей комнаты: высокая женщина в блестящем белом платье, с лебединой шеей и волосами цвета воронова крыла. Она улыбнулась, подняла руки, и перед ней возник свет.

Перрину не надо было знать, что она задумала.

Он волк, и только он хозяйничает в этих местах, а посему плетения здесь бесполезны. Перрин вообразил, что атака женщины не причинит ему никакого вреда; вернее сказать, он *знал*, что так и будет.

Из пальцев женщины вырвался раскаленный белый луч. Перрин поднял руку, заслоняя и себя, и Эгвейн, и луч будто растворился в его ладони.

Эгвейн обернулась, и стена над женщиной в белом лопнула, и каменные осколки дождем посыпались на пол. Крупный обломок угодил ей в затылок, и она упала как подкошенная. О Свет! Вряд ли она пережила этот удар.

От Эгвейн пахнуло изумлением, и она накинулась на Перрина с вопросами:

— Погибельный огонь? Ты что, остановил погибельный огонь? На такое никто не способен!

— Это же просто плетение, — ответил Перрин, нащупывая сознание Прыгуна. Где же Губитель?

— Это не просто плетение, Перрин! Это…

— Прости, Эгвейн, — перебил он, — поговорим позже. Будь тут осторожна. Наверно, ты уже знаешь, как себя вести, но тем не менее. Здесь куда опаснее, чем кажется.

Эгвейн что-то залепетала, но Перрин уже развернулся и побежал прочь. Похоже, она выбилась

в Айз Седай. Неплохо; Эгвейн это заслужила.

«Прыгун! — позвал он. — Ты где?»

Единственным ответом стало внезапное послание, пропитанное жуткой болью.

* * *

Гавин бился за свою жизнь с тремя ожившими тенями, сотканными из тьмы и стали.

Из него выжимали все силы. Ему с полдюжины раз пустили кровь, оставив раны на руках и ногах. «Яростью циклона» ему удавалось защищать жизненно важные органы, но едва-едва.

Балдахин постели Амерлин запятнали капли его крови. Если противники уже убили Эгвейн, то они устроили неплохое представление, делая вид, что угрожают ей.

Гавин слабел и уставал. Его сапоги оставляли кровавые следы на ковре. Боли он уже не чувствовал. Его защитные приемы становилась медлительней и пассивней. Через считаные секунды ему придет конец.

Он уже сорвал голос, но помощи не было. «Дурак! — говорил себе Гавин. — Надо было больше думать головой и реже нарываться на неприятности». Почему он не поднял по тревоге всю Башню?

Гавин оставался жив по единственной причине: осторожные противники хотели вконец измотать его. Правильно говорила сул'дам: покончив с ним, эти трое ураганом пройдут по всей Белой Башне, застав врасплох ничего не подозревающих Айз Седай. Эта ночь закончится трагедией пострашнее первого нападения шончан.

Трое убийц теснили его к балдахину.

«Нет!» — решил Гавин, когда один из них попытался провести прием «Река подтачивает берег», и сам устремился вперед, уклонился от двух клинков и взмахнул своим мечом. Как ни поразительно, на сей раз он попал в цель. В комнате прозвучал крик боли, на пол брызнула кровь, и одна из темных фигур упала ничком.

Двое остальных, забормотав какие-то проклятия, перестали притворяться уставшими и сдерживать себя, перейдя в полноценную атаку. В темной дымке засверкали клинки. Измотанный Гавин получил еще одну рану в плечо, и по руке под рукавом куртки заструилась кровь.

Тени. Как прикажете сражаться с тенями? Это невозможно!

«Не бывает света без тени…»

На ум ему пришла последняя отчаянная мысль.

Он с криком отпрыгнул в сторону и сдернул с постели Эгвейн подушку, а потом, уклоняясь от вражеских клинков, ударил ею по лампе. Та погасла.

Комната погрузилась во тьму. Ни света, ни теней.

Паритет.

Тьма уравняла все и всех. Ночью цветов не различают. Теперь Гавин не видел ни крови у себя на руках, ни черных теней противников, ни белой фигуры на постели Эгвейн. Зато он слышал, как двигаются враги.

Прикинув, где могут находиться Кровавые Ножи, Гавин поднял меч и нанес отчаянный удар, используя прием «Колибри целует медвяную розу». Его уже не отвлекали дымчатые образы, и атака оказалась результативной. Клинок вошел в человеческую плоть.

Повернувшись, он резким движением рук высвободил свое оружие. В комнате стало тихо, если не считать шлепка, раздавшегося при падении сраженного им врага. Гавин затаил дыхание. В ушах тяжело пульсировала кровь. Где же последний убийца?

В соседней комнате горел свет, но Целарк лежал у самого порога, перекрывая своим телом щель

под дверью.

Гавин слабел. Он потерял слишком много крови. Бросить бы что-нибудь в сторону, чтобы отвлечь противника… Нет, нельзя. Шелест одежды выдаст его.

Поэтому он, стиснув зубы, чуть притопнул ногой, поднял меч, защищая горло, и вознес безмолвную мольбу Свету, чтобы атака последовала снизу.

Так и вышло. Вражеский меч ужалил его в бок. Гавин хрипло выдохнул, но тут же ответил размашистым, со всей силы, ударом. Его клинок со свистом рассек воздух, встретил сопротивление и преодолел его. Отсеченная голова глухо ударила в стену, а за этим звуком последовал стук упавшего тела.

Гавин тяжело привалился к кровати. Из раны в боку текла кровь. В глазах темнело: похоже, он терял сознание, хотя… Трудно сказать, ведь в комнате тоже темно.

Припомнив, где лежала рука Эгвейн, он потянулся к ней, но найти ее не хватило сил.

Мгновением позже он упал, напоследок подумав, что так и не знает, жива Эгвейн или нет.

* * *

— Великая госпожа, — начала Кэтрин, опускаясь на колени перед Месаной, — мы не можем найти описанный тобою предмет. Половина наших отбивается от этих непокорных червей, а другие заняты поисками, но его нигде нет!

Сцепив руки под грудью, Месана обдумывала сложившуюся ситуацию, а заодно принялась хлестать Кэтрин по спине плетью Воздуха. За каждую неудачу следует наказывать. Последовательность — ключ к успеху в любом обучении.

Над головой содрогалась Белая Башня, хотя Месане здесь ничего не грозило. Силой мысли Месана создала здесь новую комнату — высеченную в каменном фундаменте нишу под цокольным этажом. Очевидно, дети, что сражались наверху, считали, будто знают Башню как свои пять пальцев, но… они же дети. Месана же посещала Тел'аран'риод еще за сто лет до своего заточения.

Снова дрогнула Башня. Месана обдумывала свое положение. Каким-то образом Айз Седай заполучили шип сновидений. Как они нашли такое сокровище? Прибрать к своим рукам этот тер'ангриал Месане хотелось не меньше, чем победы над девчонкой-Амерлин, этой Эгвейн

ал’Вир. Способность блокировать переходные врата, ведущие в убежище… Жизненно важный инструмент, особенно если Месана решит выступить против других Избранных. Эффективностью шип сновидений превосходит малых стражей, защищающих сны от вторжения. Вдобавок он не позволяет использовать в определенной области любой вид Перемещения — как в зону своего действия, так и из нее. Любой, за исключением разрешенных.

Однако теперь, когда здесь оказался шип сновидений, Месана тоже не могла перенести битву с теми несмышленышами в более подходящее, тщательно подобранное место. Досадно. Но нет, она не допустит, чтобы ситуация подействовала ей на нервы.

— Возвращайся наверх и сосредоточься на пленении женщины по имени Эгвейн ал’Вир, — сказала Месана. — Она будет знать, где находится устройство.

Да, теперь для нее все яснее ясного. Так Месана одержит сразу две победы.

— Да… госпожа… — Кэтрин совсем съежилась под ударами плети Воздуха.

Ах да. Резким взмахом руки Месана распустила плетение. И тут ей в голову пришла новая

мысль.

— Погоди секунду, — сказала она, глядя на Кэтрин. — Накину-ка на тебя одно плетение…

* * *

Перрин появился на самой верхушке Белой Башни.

Губитель держал Прыгуна за шкирку. В боку у волка торчала стрела, по лапе струилась кровь, а налетавший ветер подхватывал ее и разбрызгивал по камням.

— Прыгун! — Перрин сделал шаг вперед. Он все еще чувствовал слабеющее сознание Прыгуна.

Губитель без труда поднял волка повыше. В другой руке у него был нож.

— Нет, — сказал Перрин. — Ты получил желаемое. Просто уходи.

— А как же твои недавние слова? — осведомился Губитель. — Ты говорил, что не оставишь меня в покое. Отследить шип сновидений на этой стороне совсем нетрудно.

И он небрежно сбросил Прыгуна с Башни.

— НЕТ! — закричал Перрин.

Он прыгнул следом к краю башни, но возникший рядом Губитель схватил его и занес кинжал. Прыжок Перрина сбил обоих с верхушки Башни,

и они оба полетели к земле. Желудок Перрина перевернулся вверх тормашками.

Он попробовал сместиться, но Губитель крепко держал его, и именно он прилагал все усилия, чтобы оба остались там, где были. Пространство дрогнуло, но они продолжали падать.

Губитель отличался недюжинной силой. И от него исходил странный, неправильный запах — какой-то затхлости и волчьей крови. Его кинжал искал горло Перрина, и тот не придумал ничего лучше, кроме как закрыться предплечьем и представить, что его рубаха соткана из стали.

Губитель надавил сильнее. Кувыркаясь в воздухе, Перрин почувствовал, что слабеет. Рана на груди запульсировала. Клинок Губителя рассек рукав и вонзился в руку.

Перрин закричал. В ушах громко выл ветер. Прошли какие-то секунды. Губитель выдернул кинжал.

«Прыгун!»

Перрин взревел, лягнул Губителя, оттолкнул его и высвободился из объятий. Рука горела огнем. Извернувшись, Перрин увидел, как земля мчится навстречу. Он пожелал оказаться в другом месте, появился рядом с Прыгуном, чуть ниже волка, подхватил его, и оба врезались в землю.

Та дрогнула, и ноги Перрина подогнулись, но Прыгун не пострадал.

А потом в спину волку вонзилась прилетевшая с неба стрела с черным оперением. Пробив тело Прыгуна, она вошла Перрину в подставленное под волка бедро.

Перрин закричал, чувствуя, как его боль смешивается с волной мучительных страданий Прыгуна. Сознание волка тускнело.

«Нет!» — мысленно крикнул Перрин, и на глазах у него выступили слезы.

Юный Бык… — позвал Прыгун.

Перрин пожелал сместиться, но разум оказался бессилен. За первой стрелой последует вторая. Зная это, он попытался откатиться в сторону, но нога не слушалась, а Прыгун был слишком тяжелым. Поэтому Перрин бросил волка, вжался в землю и пополз в сторону.

Неподалеку приземлился Губитель с хищным черным луком в руках.

— Прощай, Айбара. — Он поднял лук. — Как видно, сегодня я прикончу не четырех, а пятерых волков.

Перрин поднял взгляд на стрелу, но не сумел толком сфокусировать зрение. Перед глазами все расплывалось.

«Я не могу бросить Фэйли. Не могу бросить Прыгуна».

«И не брошу!»

Когда Губитель спустил тетиву, Перрин в отчаянии вообразил, что он не слаб, но силен, и почувствовал, как сердце забилось в привычном здоровом ритме, а жилы наполнились энергией. Он завопил во все горло. Голова прочистилась настолько, что Перрин сумел исчезнуть и появиться за спиной у Губителя.

Он занес молот.

Повернувшись, Губитель небрежно перехватил молот рукой, оказавшейся невероятно сильной. Перрин упал на колено и охнул от боли в раненой ноге.

— Исцелить себя ты не можешь, — сказал Губитель. — Для этого есть способы, но просто вообразить, что ты здоров, будет недостаточно. Хотя ты, похоже, понял, как восполнить объем крови, а это полезный навык.

Перрин что-то почуял. Ужас. Неужели его собственный?

Нет. Нет, вон там. За спиной у Губителя открылся проем, ведущий внутрь Белой Башни. В проеме было черно: причем не просто тень, а кромешная тьма. Благодаря долгим занятиям с Прыгуном

Перрин сразу понял, что это.

Чей-то страшный сон.

Когда Губитель открыл рот, собираясь что-то сказать, Перрин зарычал и всем телом навалился на врага. Нога зашлась от боли, и оба ввалились в черноту кошмара.

Глава 38
Раны

Темные коридоры Белой Башни озарялись огненными вспышками, оставлявшими после себя клубы густого едкого дыма. Люди вопили, взвизгивали и изрыгали проклятия. Стены содрогались от взрывов, а мелкие осколки и камни покрупнее, сталкиваясь с выставленными для защиты плетениями Воздуха, веером разлетались по сторонам.

«Там». Эгвейн заметила место, откуда несколько Черных сестер посылали огненные шары через коридор. Среди них была Эваннеллейн.

Эгвейн перенеслась в комнату по соседству с той, где засели Черные сестры; она даже слыша-

ла, как они переговариваются за стеной. Подняв руки, она сплела мощный заряд Земли и Огня, направила его на стену, и та обрушилась на врага градом камней.

Женщины — их было две — потеряли равновесие; окровавленная Эванеллейн рухнула на пол, а вторая успела раствориться в воздухе.

Эгвейн наклонилась проверить, мертва ли Эванеллейн. Да, мертва. Эгвейн удовлетворенно кивнула: эта женщина была в числе тех, кого ей хотелось найти сильнее прочих. Теперь бы выследить Кэтрин или Алвиарин…

Кто-то направляет Силу! Позади нее. Она бросилась на пол, едва увернувшись от шара Огня, выпущенного фигурой в клубах черной ткани. Месана. Эгвейн скрипнула зубами и отправила себя прочь: она не отваживалась сойтись с этой женщиной лицом к лицу.

Она появилась в кладовой неподалеку и чуть не упала, когда здание дрогнуло от нового удара. Взмахнув рукой, Эгвейн создала в двери окно и увидела, как мимо пронеслась Эмис. Она была одета в кадин’сор и вооружена копьями. Из почерневшего плеча Хранительницы Мудрости струилась кровь. Рядом прогремел еще один взрыв, но Эмис успела исчезнуть. От жара в кори-

доре воздух в кладовой раскалился, окно Эгвейн расплавилось, и она была вынуждена отступить.

Саэрин в своих изысканиях не ошиблась: в отличие от Могидин, Месана не пряталась и не бежала от прямого столкновения. Наверное, из-за уверенности в себе. Или из страха: скорее всего, ей требовалось убить Эгвейн, чтобы доложить Темному о победе.

Эгвейн сделала глубокий вдох и приготовилась вернуться в битву, но замешкалась, вспомнив о появлении Перрина. Он вел себя так, будто Эгвейн была совсем неопытной. Когда он успел стать таким сильным, таким уверенным в себе? Ее удивили не столько его поступки, сколько тот факт, что их совершил не кто-то, а Перрин.

Эта встреча стала ей уроком: необходимо помнить, что здесь нельзя полагаться на плетения. Бэйр не имеет дара направлять Силу, но пользы от нее не меньше, чем от остальных. Однако практика показывала, что в некоторых случаях плетения будут предпочтительнее: например, когда надо обрушить стену внутрь комнаты. Это проще сделать с помощью плетения, поскольку уронить столь толстую и крепкую преграду усилием воли не так-то легко.

Эгвейн была Айз Седай и вдобавок сновидицей.

Глупо не использовать оба эти преимущества. Она осторожно переместилась в комнату, где видела Месану. Там было пусто, хотя стена оставалась разрушенной. Справа гремели взрывы. Эгвейн выглянула в коридор, где в пронизанном плетениями воздухе проносились огненные шары.

Окружив себя толстым стеклянным цилиндром, Эгвейн перенеслась за спину к одной из сражавшихся групп. Башня здесь была изрублцована и местами расколота, стены дымились. За грудой обломков и битого камня пряталась фигура в голубом платье.

«Николь? — с гневом подумала Эгвейн. — Как она здесь оказалась? Я-то думала, ей можно доверять!» Должно быть, глупая девчонка забрала тер'ангриал сна у одной из проснувшихся.

Эгвейн приготовилась перенестись к ней и отправить девушку в безопасное место, но тут из-под плит пола вырвался огонь и заоравшую Николь подбросило в воздух, полный плавящихся осколков.

Эгвейн вскрикнула и перенеслась к ней, одновременно вообразив под ногами крепкую каменную стену, на которую и приземлилась окровавленная Николь. Невидящие глаза девуш-

ки смотрели в потолок. Эгвейн упала рядом с ней на колени и выругалась, не услышав дыхания.

— Нет! — воскликнула она.

— Эгвейн ал'Вир! Берегись! — То был голос Мелэйн.

Эгвейн встревоженно обернулась — в тот самый миг, когда позади нее выросла крепкая гранитная стена, в которую угодили несколько огненных шаров. Рядом появилась Мелэйн, прежде скрывавшаяся в тени за углом: вся в черном, и даже кожа ее приобрела темный оттенок.

— Здесь становится слишком опасно, — сказала Хранительница Мудрости. — Уходи, а мы закончим начатое.

Эгвейн опустила взгляд. Тело Николь потускнело и исчезло. «Глупое дитя!» Выглянув из-за стены, Эгвейн увидела двух Черных сестер. Алвиарин и Рамола, стоя спиной к спине, хлестали пространство разрушительными плетениями. Дальше за ними была комната. Эгвейн могла в очередной раз повторить свой маневр: перенестись в комнату и разрушить стену, накрыв обеих…

«Глупое дитя, — вспомнились ей слова Бэйр, — твой план очевиден!»

Именно этого и ждала Месана. Две Черные

сестры играли роль приманки.

Эгвейн переместилась в комнату, но стену разрушать не стала. Вместо этого вжалась в нее спиной и очистила разум. Началось напряженное ожидание.

Месана, как и раньше, явилась в вихре черной ткани. Впечатляющее, но не самое мудрое решение, поскольку для сохранения эффекта требовались усилия мысли. Эгвейн заглянула в ее удивленные глаза, увидела подготовленные ею плетения.

«Этим меня не достать», — с уверенностью подумала она. Белая Башня принадлежит ей, а Месана и ее прислужницы были здесь чужими. Они вторглись сюда и убили Николь, Шеван и Карлинию.

Плетения устремились к ней, но обогнули ее и застыли, не коснувшись тела. Мгновением позже на Эгвейн появилось одеяние Хранительницы Мудрости — белая блуза, коричневая юбка, шаль на плечах, — а в руке она вообразила копье. Айильское копье, которое она и направила точно в цель.

Наконечник пронзил плетения Огня и Воздуха, но увяз в плотной преграде. Месану окружал защитный барьер Воздуха. Эгвейн это не устраива-

ло. Преграде здесь не место. Она не существует.

Наконечник высвободился и, устремившись вперед, пронзил Месане горло. Широко раскрыв глаза, она упала навзничь. Из раны хлестала кровь. Облако черной материи исчезло, как и само платье — значит, это и впрямь было плетение. Потемневшее лицо Месаны превратилось…

…в лицо Кэтрин? Эгвейн нахмурилась. Получается, все это время Кэтрин — сбежавшая из Башни Черная сестра — была Месаной? Но она не осталась здесь, а значит…

«Нет, — поняла Эгвейн. — Меня одурачили. Она…»

В этот миг ее шею обхватило что-то холодное, металлическое, что-то знакомое и кошмарное. Она тут же перестала чувствовать Истинный Источник, поскольку ее лишили возможности его коснуться.

Эгвейн в ужасе обернулась. Рядом стояла женщина с черными волосами до подбородка и темно-синими глазами, не очень внушительная на вид, но в совершенстве владеющая Силой. Ее запястье обвивал браслет, соединенный с поводком, тянувшимся к ободку на шее Эгвейн.

Ай'дам.

— Вот и славно. — Месана неодобрительно

поцокала языком. — Совсем вы, девочки, узды не знаете.

Мгновением позже она, забрав Эгвейн с собой, переместилась в комнату без окон — похоже, высеченную в каменной тверди. Даже двери и той не было.

Там ждала Алвиарин в красно-белом платье. Она немедленно опустилась на колени перед Месаной, но перед тем бросила удовлетворенный взгляд на Эгвейн.

Та едва заметила этот взгляд. Она оцепенела, а разум наводнили панические мысли. Снова в ловушке! Нет, такого она не потерпит. Скорее умрет, чем позволит этому случиться. В голове замелькали образы: комната, из которой нельзя выйти, где неодолимый ай'дам не позволит отдалиться от него больше чем на несколько шагов. Жизнь, когда с тобой обращаются как с домашним животным. По коже побежали мурашки при мысли, что рано или поздно она будет сломлена и станет той, кем ее хотят сделать…

О-о, Свет! Снова? Этого она не переживет. «Только не это».

— Передай остальным наверху, чтобы отступали, — велела безмятежным голосом Месана, обращаясь к Алвиарин, и до Эгвейн едва дошел

смысл этих слов. — Они глупы, а их действия не вызывают ничего, кроме жалости. Всем будет назначено наказание.

Именно так Илэйн и Найнив пленили Могидин, держали ее под замком и заставляли выполнять все свои требования. И вот теперь Эгвейн ждет такая же участь! Скорее всего, Месана применит к ней Принуждение, и Белая Башня окажется всецело в руках Отрекшейся.

Эгвейн переполняли эмоции. Девушка непроизвольно вцепилась в ошейник. Месана с улыбкой взглянула на нее, а Алвиарин отправилась выполнять приказ.

Быть такого не может. Это кошмар. Это…

«Ты — Айз Седай», — прошептал внутренний голос еле слышно и в то же время оглушительно, ибо этот голос был глубже страха и сильнее отчаяния.

— А теперь поговорим о шипе сновидений, — сказала Месана. — Где бы мне его найти?

«Айз Седай — само спокойствие, Айз Седай — сама сдержанность, в какой бы ситуации она ни оказалась». Эгвейн перестала цепляться за ошейник. Она не проходила через испытание и не планировала делать этого, но… Если бы проходила? Если оказалась бы в подобном положении?

Неужто сдалась бы? Неужто показала бы, что недостойна носить палантин Амерлин?

— Как вижу, отвечать ты не намерена, — продолжила Месана. — Что ж, это можно исправить. Ай'дам… Обожаю эти приспособления. Семираг такая умница, что привлекла к ним мое внимание, пусть даже и нечаянно. Жаль, что она умерла прежде, чем я надела ай'дам на ее шею.

Тело Эгвейн пронзила боль. Под кожей точно вспыхнул огонь. Из глаз брызнули слезы.

Но в прошлом она терпела боль и смеялась, когда ее избивали. Она уже была пленницей, да не где-то, а в самой Белой Башне, и пленение не сломило ее.

«Но это другое! — вскричала бóльшая часть ее существа — та, что была в ужасе. — Это ай'дам! Такого я не выдержу!»

«У Айз Седай нет выбора, — отвечала меньшая часть ее существа — та, что была спокойна. — Айз Седай обязана выдержать что угодно, ведь только в этом случае она способна на истинную службу всему сущему».

— Итак, — сказала Месана, — рассказывай, где ты спрятала устройство.

Эгвейн обуздала свой страх. Это было непросто. О Свет, как же трудно это ей далось! Но она спра-

вилась, и лицо ее стало безмятежным. Теперь она игнорировала ай'дам, не позволяя ошейнику властвовать над ней.

Месана сдвинула брови, растерянно подергала поводок, и Эгвейн захлестнуло новой волной боли, но она приказала боли исчезнуть и спокойно проговорила:

— Сдается мне, Месана, что Могидин ошиблась. Она приняла ай'дам.

— О чем ты…

— Здесь, в Мире снов, ай'дам бесполезен. Как и те плетения, что он блокирует, — сказала Эгвейн. — Это всего лишь кусок металла, способный остановить тебя, только если дашь ему такую возможность.

Ай'дам разомкнулся и с металлическим звоном упал на пол. Месана проследила за ним взглядом. Лицо у нее окаменело, затем сделалось ледяным. Она подняла глаза на Эгвейн. Удивительно, но взгляд ее был бесстрастным, без намека на панику. Она сложила руки на груди:

— Выходит, ты усвоила здешние правила и набралась опыта.

Эгвейн твердо смотрела ей в глаза.

— Однако ты всего лишь дитя, — продолжила Месана. — Думаешь, тебе по силам одолеть меня?

Ты представить себе не можешь, как давно я посещаю Тел'аран'риод. Сколько тебе лет? Двадцать?

— Я Амерлин, — сказала Эгвейн.

— Амерлин глупых девчонок.

— Амерлин Башни, простоявшей тысячи лет, — поправила ее Эгвейн. — Тысячелетия бед и хаоса. Что до тебя, Месана, почти всю жизнь ты прожила во времена мира, а не во времена борьбы и соперничества. И это была легкая и спокойная жизнь, а посему даже странно, что ты считаешь себя такой сильной.

— Легкая жизнь? — переспросила Месана. — Ничего ты не знаешь!

Никто не отводил глаз. Эгвейн чувствовала, как на нее что-то давит. Знакомое ощущение. То была воля Месаны, требующая раболепного подчинения. Отрекшаяся пыталась использовать природу Тел'аран'риода, чтобы изменить сам образ мышления Эгвейн.

Месана и впрямь была сильна, однако понятие силы в Мире снов зависит от точки зрения. Давление не ослабевало. Но Эгвейн одолела ай'дам. Справится и с волей Месаны.

— Ты непременно подчинишься, — тихо произнесла та.

— Ошибаешься, — ответила Эгвейн с напряже-

нием в голосе. — Дело совсем не во мне. Эгвейн ал'Вир — не более чем дитя. Но к Амерлин это не относится. Пусть я юна, но Престолу очень много лет.

Они по-прежнему смотрели друг другу в глаза, но теперь Эгвейн начала одерживать верх, требуя, чтобы Месана склонилась перед ней, признала власть Амерлин. Сделав новый вдох, Эгвейн подумала, что воздух в комнате как-то сгустился и потяжелел.

— Возраст не имеет значения, — продолжила она. — В некотором смысле даже опыт не имеет значения. Здесь важно, кем человек является на самом деле. Амерлин — это Белая Башня, а Белая Башня не склоняется ни перед кем. Она не подчинится тебе, Месана. Нет и еще раз нет. Белой Башне противны и ты, и твоя ложь.

Две женщины. Глаза в глаза. Эгвейн затаила дыхание. Ей не требовалось дышать. Все ее внимание было сосредоточено на Месане. По вискам Эгвейн струился пот, и каждая мышца в теле напряглась, давая отпор воле Отрекшейся.

И Эгвейн знала, что эта женщина — это существо — всего лишь ничтожный муравей, которому вздумалось столкнуть с места гигантскую гору. Но гора не сдвинется, а если муравей

приналяжет еще сильнее, то…

В комнате раздался негромкий хруст.

Воздух вернулся к нормальному состоянию, и Эгвейн задышала полной грудью, а Месана обмякла, словно тряпичная кукла, и тяжело осела на пол: глаза раскрыты, из уголка рта стекает струйка слюны.

Ошеломленно глотая воздух, Эгвейн села рядом и бросила взгляд на валявшийся неподалеку ай'дам. У нее на глазах ошейник исчез. Девушка перевела взгляд на Месану: та лежала бесформенной грудой тряпья, грудь ее вздымалась и опадала, но глаза смотрели в никуда.

Какое-то время Эгвейн приходила в себя, а затем встала и обняла Источник. Тесьмами Воздуха она подхватила лежавшую без чувств Отрекшуюся и перенеслась вместе с ней на верхние этажи Башни.

Стоявшие в коридоре женщины вздрогнули и повернулись к Эгвейн. Все свои, включая Хранительниц Мудрости. Вокруг висела пыль, повсюду валялись обломки кладки. Найнив искала что-то в груде камней. Рядом с ней были Суан и Лиане — последняя с самой невозмутимой миной на почерневшем и посеченном осколками лице.

— Мать, — с облегчением произнесла Суан, —

мы уж боялись…

— А это кто? — Мелэйн подошла к Месане.

Та, глядя в пол, безвольно висела на помочах Воздуха. Увидев огонек на обрывке обгорелого гобелена, она заагукала, как малое дитя.

— Это она, — промолвила Эгвейн, чуть живая от усталости. — Месана.

Мелэйн повернулась к ней, широко раскрыв удивленные глаза.

— О Свет! — воскликнула Лиане. — Что ты с ней сделала?

— Я вижу такое не впервые, — заметила Бэйр, осматривая Месану. — В юности я была знакома с Самманой, сновидицей и Хранительницей Мудрости. Однажды она столкнулась с чем-то во сне и лишилась рассудка. — Бэйр помолчала. — Остаток жизни в реальном мире она пускала слюни и ходила под себя. Больше от нее не слышали ни слова, если не считать словами лепет младенца, едва научившегося стоять на ногах.

— Пожалуй, довольно видеть в тебе ученицу, Эгвейн ал'Вир, — сказала Эмис.

Найнив стояла подбоченясь; похоже, она была под впечатлением, но не переставала удерживать Силу. Здесь, в Мире снов, ее коса имела прежнюю длину.

— Остальные сбежали, — сказала она.

— По приказу Месаны, — пояснила Эгвейн.

— Они не могли далеко уйти, — сказала Суан. — Купол еще на месте.

— Верно, — подтвердила Бэйр, — но пора заканчивать эту битву. Враг побежден. Мы поговорим снова, Эгвейн ал'Вир.

— Согласна по обоим пунктам, — кивнула Эгвейн. — Бэйр, Эмис, Мелэйн… Вы очень помогли. Спасибо. Сегодня вы заработали немало джи, и я у вас в долгу.

Она приготовилась выйти из Мира снов, и Мелэйн бросила последний взгляд на Отрекшуюся:

— По-моему, это мы у тебя в долгу, Эгвейн ал'Вир. Мы и весь мир.

Остальные закивали. Покидая Тел'аран'риод, Эгвейн услышала ворчание Бэйр:

— Ну почему она не вернулась к нам? Какой позор!

* * *

Перрин пробирался сквозь толпы перепуганных людей, наводнивших горящий город. Тар Валон. В огне! Горели сами камни, небо над городом было темно-красным, а земля дрожала: так бьет копытами истекающий кровью олень, когда

леопард прокусил ему горло. Перрин не устоял на ногах: перед ним разверзлась пропасть, из которой взметнулись языки пламени, опалившие волоски у него на предплечьях.

Люди закричали. Некоторые попадали в этот чудовищный разлом и сгорели дотла. Оказалось, что землю устилают трупы. Справа плавилось прекрасное здание с арочными окнами; камни превращались в жидкость, а между ними проступала кипучая лава.

Перрин встал на ноги. «Все это нереально».

— Тармон Гай'дон! — вопили вокруг. — Началась Последняя битва! Всему конец! О Свет, всему конец!

Перрин пошатнулся и, чтобы не упасть, схватился за ближайший камень. Рука болела, пальцы не слушались, но хуже всего была рана в ноге — там, куда угодила стрела. Штаны и куртка пропитались кровью, в ноздри бил запах его собственного ужаса. Перрин понимал, что это кошмар, но… как тут не испугаешься?

На западе началось извержение Драконовой горы, и грозовое небо застилали яростные клубы дыма. Казалось, вся гора объята огнем; по склонам катились красные реки. Перрин всем телом ощущал предсмертные конвульсии вулкана.

Здания трескались, дрожали, плавились и рассыпались на куски. Люди гибли под камнепадами или сгорали заживо.

Нет. Он не даст втянуть себя в этот хаос. Земля вокруг Перрина изменилась; расколотые булыжники превратились в аккуратные плиты на дорожке, ведущей к предназначенному для слуг входу в Белую Башню. Перрин снова поднялся на ноги и вообразил в руке посох, чтобы меньше хромать при ходьбе.

Избавляться от кошмара он не стал: сперва надо найти Губителя. Возможно, в этом жутком месте у Перрина будет преимущество. Губитель — чрезвычайно опытный путешественник по Тел'аран'риоду, но — быть может, при удачном стечении обстоятельств, если Перрину повезет, — нечастый гость чужих кошмаров. Оставалось надеяться, что тот растеряется и кошмар возьмет над ним верх.

Перрин без охоты ослабил мысленную хватку и с головой нырнул в этот сон. Губитель должен быть где-то рядом. Пошатываясь, Перрин брел по улице; он держался подальше от зданий, чтобы не попасть под хлеставшую из окон лаву. Ох, непросто было игнорировать вопли ужаса — крики боли — мольбы о помощи, но Перрин сумел

добраться до входа в переулок.

«Сюда».

Там, склонив голову и опираясь рукой на стену, стоял Губитель. Земля у его ног оканчивалась разломом с кипящей на дне магмой. За край трещины цеплялись вопящие люди, но Губитель не обращал на них внимания. Там, где его рука соприкасалась со стеной, беленый кирпич уступил место серому камню, которым были отделаны внутренние стены Белой Башни.

На поясе у Губителя по-прежнему висел тер'ангриал. Перрин понимал, что медлить нельзя.

«Каменная стена плавится от жара», — подумал он, сосредоточив внимание на стене, за которую держался Губитель. Изменить пространство здесь было несложно: кошмар охотно отзывался на приказы Перрина.

Губитель ругнулся, отдернул руку от раскалившейся докрасна стены и встревоженно раскрыл глаза, когда у него под ногами заурчала земля. Он едва успел отскочить от созданной Перрином расщелины, и в этот момент Перрину стало ясно, что Губитель поверил, пусть на долю секунды, но поверил в реальность кошмара вокруг. Он отшатнулся от разлома и закрылся рукой, сочтя воображаемый жар настоящим.

Он тут же исчез и появился снова — но теперь рядом с теми, кто висел на краю трещины в земле. Кошмар поглотил его, втянул Губителя в свои хитросплетения и отвел ему роль в этой фантасмагории. Да что там Губитель… Даже Перрина едва не забрал этот сон. Еще немного, и он почувствует жар огня. Но нет. Прыгун умирает, нельзя его подвести!

Перрин вообразил себя другим человеком — двуреченцем по имени Ази ал'Тон, в наряде, типичном для этих улиц: жилет, белая рубашка, штаны тонкой работы, которые не надел бы никто из работяг Эмондова Луга. Это оказалось труднее, чем он предполагал: сердце забилось чаще, и он пошатнулся, когда запульсировали недра земли. Главное — не стать пленником кошмара; иначе для него все закончится, как для Губителя.

«Нет!» — сказал себе Перрин и ухватился за дорогие сердцу воспоминания о Фэйли. О доме. Пусть Перрин сменил внешность, а вокруг рушится весь мир, все равно он там, где его дом.

Неотличимый от участников этого кошмара, он метнулся к жаркому разлому, вскрикнул от ужаса и протянул руку тем, кто готов был сорваться в магму, но на самом деле его интересовал только

один человек. Губитель с бранью вцепился ему в руку, подтянулся и стал выбираться на твердую землю в относительно безопасном переулке. Когда он переползал через Перрина, тот схватил тер'ангриал, а в другой руке украдкой создал острейший нож.

— Чтоб мне сгореть! — рычал Губитель. — Ненавижу такие штуки!

Разлом вдруг сомкнулся, и на его месте появилась аккуратная брусчатка.

Опираясь на посох, Перрин нетвердо встал на ноги и, сохраняя испуганный вид — что было не так уж сложно, — побрел прочь. И все было бы хорошо, но, когда он поравнялся с Губителем, тот опустил взор и увидел в руке Перрина тер'ангриал.

Глаза у него округлились, суровая физиономия окаменела.

Не жалея сил, Перрин ударил Губителя ножом в живот. Тот вскрикнул, попятился и зажал рану рукой. Из-под пальцев сочилась кровь.

Губитель стиснул зубы. Кошмар стал терять очертания, и Перрин понял, что иллюзия вот-вот развеется. Губитель выпрямился, опустил окровавленную руку, и в глазах его вспыхнул гневный огонь.

Даже с посохом Перрин едва держался на ногах. Рана была серьезной. Земля задрожала. Рядом возник разлом, полный жарко кипящей лавы, словно…

Перрин вздрогнул. «Словно на Драконовой горе». Он взглянул на пальцы, сжимающие тер'ангриал. «Страшные сны людей сильны, — звучал у него в голове шепот Прыгуна. — Очень, очень сильны…»

Губитель приближался. Сцепив зубы, Перрин швырнул тер'ангриал в огненную расщелину.

— Нет! — пронзительно закричал Губитель, и остатки кошмара развеялись, уступив место реальности, а Перрин остался стоять на коленях на холодном, выложенном плиткой полу тесного коридора.

Справа от него, совсем рядом, лежал оплавленный комок металла. Перрин улыбнулся.

Подобно Губителю, тер'ангриал попал сюда из реального мира, и здесь его можно было сломать или уничтожить — так же, как живое существо. Перрин поднял взор. Фиолетового купола над головой не было.

Губитель зарычал, шагнул к Перрину и пнул его в живот. Рана в груди отозвалась мучительной болью. За первым пинком последовал второй,

и Перрин едва не лишился чувств.

Уходи, Юный Бык, — еле слышно велел Прыгун. — *Спасайся бегством.*

«Я не могу бросить тебя!»

И все-таки… Я должен покинуть тебя.

Нет!

Ты нашел ответ. Теперь ищи Вольного. Он объяснит… в чем смысл… этого ответа.

Третий пинок. Перрин сморгнул слезы и хрипло вскрикнул, когда голос Прыгуна — такой ободряющий и знакомый — превратился в отголосок, а затем перестал звучать в его сознании.

Навсегда.

Перрин взвыл от невыносимой скорби. Голос его дрожал, по щекам струились слезы… Но все же Перрин собрал остатки воли в кулак и покинул волчий сон. Сбежал, как последний трус.

* * *

Эгвейн проснулась и, не открывая глаз, сделала глубокий вдох. Сражение с Месаной потребовало невероятного напряжения, и теперь у нее раскалывалась голова. Еще чуть-чуть, и Эгвейн проиграла бы. Да, ее план не подвел, но теперь ей предстояло обдумать всю серьезность недавних событий. Ее, эту серьезность, трудно переоце-

нить.

И все же Эгвейн одержала великую победу. Теперь осталось обыскать Белую Башню и найти женщину, после пробуждения впавшую в младенчество. Почему-то Эгвейн еще до рассказа Бэйр была уверена, что Месана не оправится от этой травмы.

Она открыла глаза в уютной темной комнате и задумалась, как будет объяснять Совету, почему не проснулись Шеван и Карлиния. Затем девушка уселась, со скорбью вспоминая, как говорила им о потенциальной опасности, но все равно не могла отделаться от мысли, что сестры погибли по ее вине. И еще Николь. Она всегда хотела прыгнуть выше головы. Ей вообще не следовало появляться в Тел'аран'риоде, ведь…

Эгвейн насторожилась. Чем это пахнет? Разве она не оставила лампу зажженной? Наверное, погасла… Эгвейн обняла Источник и сплела световой шар, а когда тот завис над ладонью, содрогнулась при виде открывшейся ей картины.

Полупрозрачный балдахин забрызгала алая кровь. На полу лежали пять тел. Три — в черном. Четвертый — какой-то юноша в табаре гвардейца Башни. Последний — в красно-белой куртке из превосходной ткани и таких же штанах.

«Гавин!»

Позабыв про головную боль, Эгвейн соскочила с кровати и опустилась рядом с ним на колени. Гавин едва дышал. В боку у него зияла рана. Эгвейн сплела Землю, Дух и Воздух в целительное полотно, но ее дар Исцеления оставался весьма скромным. В панике она продолжала работать; лицо Гавина чуть порозовело, а края раны начали смыкаться, и… и на этом все.

— Помогите! — завопила Эгвейн. — Амерлин зовет на помощь!

Гавин пошевелился.

— Эгвейн… — прошептал он, с трудом приоткрыв глаза.

— Тихо, тихо, Гавин. Все будет хорошо. Кто-нибудь, помогите Амерлин!

— Ты… забыла, что нужно больше света, — не унимался Гавин.

— Что?

— Мое сообщение…

— Мы ничего не получали, — сказала Эгвейн. — Лежи смирно. На помощь!

— Рядом никого нет… Я уже кричал. Лампы… Хорошо, что… ты не… — Он блаженно улыбнулся. — Я люблю тебя.

— Лежи смирно, — повторила Эгвейн и распла-

калась. О Свет!

— Но я был прав, — невнятно выговорил Гавин. — Эти убийцы… Они не из Отрекшихся.

Да, он был прав. Что это за незнакомая черная униформа? Шончанская?

«Меня чуть не убили», — поняла она. Не останови Гавин этих трех убийц, Эгвейн зарезали бы во сне. Она исчезла бы из Тел'аран'риода, так и не одолев Месану.

Триумфальное чувство победы вдруг развеялось, и Эгвейн почувствовала себя последней дурой.

— Прости, — сказал Гавин и закрыл глаза. — Прости, что ослушался. — Он терял сознание.

— Ничего, Гавин. — Она сморгнула слезы. — Сейчас я свяжу тебя узами. Это единственный выход.

— Нет. — Он чуть крепче сжал ее руку. — Если только… ты сама этого хочешь.

— Глупец! — Она начала готовить плетение. — Ну конечно, я хочу, чтобы ты стал моим Стражем. И всегда хотела.

— Поклянись.

— Клянусь. Клянусь, что хочу, чтобы ты стал мне Стражем. И мужем. — Накладывая плетение, она коснулась ладонью его лба. — Я же люблю

тебя.

Он тяжело вздохнул, и Эгвейн вдруг ощутила все его эмоции, всю его боль так, словно это была ее боль. И еще она поняла, что теперь Гавин не сомневается в искренности ее слов.

* * *

Перрин открыл глаза, сделал глубокий вдох. Он плакал. Бывает ли, что люди плачут, когда им снятся обычные сны?

— Хвала Свету, — произнесла Фэйли.

Оказалось, она стоит на коленях, а рядом с ней — еще кто-то. Масури?

Айз Седай обхватила ладонями голову Перрина, и тот всем телом ощутил окатившую его ледяную волну Исцеления. Раны в ноге и груди сомкнулись.

— Мы хотели Исцелить тебя, когда ты спал, — сказала Фэйли, поглаживая Перрина по голове, — но Эдарра не позволила.

— Так не делается. Исцеление не сработало бы, — донесся откуда-то из глубины шатра голос Хранительницы Мудрости.

Перрин проморгался. Он лежал на походной койке. Снаружи было темно.

— Прошло гораздо больше часа, — сказал он. —

Почему вы еще здесь?

— Помалкивай, — велела Фэйли. — С переходными вратами все в полном порядке. И почти все уже ушли — кроме нескольких тысяч солдат, по большей части айильцев и двуреченцев. Или ты думал, что они бросят тебя? Что я тебя брошу?

Он сел и провел ладонью по лбу. Тот был мокрым от пота. Перрин машинально приказал испарине высохнуть, забыв, что он уже не в волчьем сне. Ясное дело, ничего не получилось. Эдарра стояла у дальней стенки палатки и оценивающе смотрела на него.

— Пора уходить, — хрипло сказал Перрин, повернувшись к Фэйли. — Губитель действует не в одиночку. Нас ждет ловушка. Быть может, чья-то армия. Удар могут нанести в любой момент.

— Встать сумеешь?

— Да. — Как он ни ослаб, но с помощью Фэйли поднялся на ноги.

Зашуршал входной клапан: Чиад принесла бурдюк с водой. Перрин с благодарностью принял его и утолил жажду, но боль обжигала изнутри с прежней силой.

«Прыгун…» Он опустил бурдюк. В волчьем сне смерть необратима. Куда же отправилась душа Прыгуна?

«Нельзя останавливаться, — подумал Перрин. — Нужно отвести людей в безопасное место». В ногах появились силы, и Перрин направился к выходу из шатра.

— Вижу твою скорбь, муж мой, — коснулась его руки шедшая рядом Фэйли. — Что случилось?

— Я потерял друга, — тихо ответил Перрин. — Во второй раз.

— Прыгуна? — От нее пахнуло страхом.

— Да.

— Ох, Перрин… Мне так жаль, — с нежностью сказала Фэйли, и они вышли из шатра, одиноко стоявшего на поляне, где совсем недавно располагалась целая армия. На желто-бурой траве виднелись отметины, оставшиеся от палаток, и громадная сеть истоптанных тропинок — тут будто бы готовились строить город и уже наметили расположение зданий и улиц. Но людей здесь почти не было.

Над головой чернело бурлящее небо. Чиад подняла фонарь повыше, чтобы осветить дорогу. Перрина ждали несколько отрядов. Завидев его, Девы вскинули копья и заколотили ими о щиты. То был знак одобрения.

Рядом собрались двуреченцы, до которых дошла весть о пробуждении Перрина. Похоже, они

думали, что этой ночью тот совершил какой-то подвиг. Двуреченцы встретили его приветственными возгласами, и Перрин кивнул, хотя ему было не по себе. В воздухе по-прежнему висел странный запах. Перрин предполагал, что виной тому шип сновидений, но, как видно, ошибался. Здесь пахло как в Запустении.

В центре недавней стоянки ждали Аша'маны. Они повернулись к подошедшему Перрину и приветствовали его воинским салютом — приложив руку к груди. Судя по виду, оба были в неплохой форме, хотя совсем недавно Переместили без малого целый лагерь.

— Уводите нас, парни, — сказал им Перрин. — Не хочу задерживаться хоть на минуту дольше нужного.

— Будет исполнено, милорд, — с готовностью отозвался Грейди.

Он сосредоточенно наморщил лоб, и рядом развернулись небольшие переходные врата.

— Вперед, — махнул Перрин двуреченцам.

Те без промедления отправились в путь, но Девы, Илайас и Гаул не сдвинулись с места.

«О Свет! — Перрин обвел глазами поле. — Чувствую себя мышью на примете у ястреба».

— Нельзя ли добавить света? Или это уже слиш-

ком? — спросил он у Неалда, стоявшего возле переходных врат.

Аша'ман склонил голову к плечу, и кругом появились пылающие сферы, взмыли к небу и осветили поляну, на которой не было ничего, кроме опустевшей стоянки.

Наконец последние из воинов миновали врата. За ними отправились Перрин и Фэйли, следом — Гаул, Илайас и Девы. В конце концов через переходные врата прошли и двое Аша'манов.

Воздух по эту сторону врат был прохладным и освежающе чистым. Только сейчас, задышав полной грудью, Перрин понял, как неприятен был ему тот зловещий запах. Они стояли на возвышенности в некотором отдалении от россыпи огоньков у реки — по всей видимости, то было Беломостье.

Войска встретили Перрина ликующими возгласами. Огромный лагерь уже почти готов, сторожевые посты — расставлены. Переходные врата вели на просторную площадку, отмеченную шестами, в стороне от бивака.

Итак, им удалось сбежать. Цена оказалась непомерной, но им удалось сбежать.

* * *

Грендаль вжалась в спинку кресла. Кожаные подушки были набиты пухом едва оперившегося каллира — а в нынешнюю эпоху каллиры не водятся нигде, кроме Шары, — однако Грендаль едва замечала эту роскошь.

Перед ней опустился на колено слуга, предоставленный Моридином. Взгляд непокорный; глаза потуплены, но не смотрят в пол. Того и гляди выйдет из-под контроля. Слуга знал, что он единственный в своем роде.

И еще он знал, что за неудачу спросят не с него, а с Грендаль. Нет, она не вспотеет. Она умеет держать себя в руках. Ставни распахнулись, и в просторную комнату, отделанную красным изразцом, влетел холодный морской ветер. Некоторые лампы погасли, и от фитилей к потолку устремились завитки дыма.

У нее все получится. Непременно получится.

— Все равно готовься захлопнуть капкан, — велела она.

— Но… — начал было слуга.

— Исполняй. И не смей перечить приказам Избранной, пес.

Слуга снова опустил глаза, хотя в них все равно

сверкнула мятежная искра.

Ну и пусть. У Грендаль остался еще один инструмент, размещенный там, где надо, и подготовленный специально для такого момента.

Но дело надо обстряпать со всей осмотрительностью. Как-никак Айбара — та'верен, причем невероятно, пугающе сильный. Выпущенные издали стрелы не попадут в цель, а если дать ему время на размышления, он сообразит, что к чему, и поминай как звали.

Надо создать вокруг него бурю — такую, чтобы он оказался в самом ее сердце, — а потом обрушится клинок.

«Еще ничего не кончено, Падший Кузнец. Еще не вечер и даже не сумерки».

Глава 39
В Трехкратной земле

Авиенда снова чувствовала себя как дома.

Трехкратная земля безупречна. Мокроземцам однообразные цвета кажутся скучными и унылыми, но для Авиенды окружающий пейзаж был верхом совершенства. Идеальное, умиротворяющее и такое знакомое сочетание простых коричневых и темно-желтых оттенков… Эти края не подведут. На них можно положиться — в отличие от мокрых земель, где не успеешь глазом моргнуть, как перед тобой новый ландшафт и совершенно другая погода.

Сквозь сгущавшуюся ночную тьму Авиенда размеренно бежала по пыльной земле. Впервые за много месяцев она чувствовала, что вокруг никого нет. В мокрых землях не отделаться от

ощущения, что за тобой наблюдает враг, которого не видно и которого поэтому нельзя атаковать.

Не сказать, что в Трехкратной земле безопаснее. Куда там… Вон то темное пятно под низким кустом *надры* — логово смертельно опасной змеи. Стоит только раздвинуть веретенообразные листья, и она нападет; Авиенда своими глазами видела, как от подобных укусов скончались пять человек. И это лишь одна из многочисленных опасностей, встретившихся ей на пути в Руидин, но все они понятны, их можно заметить, оценить и избежать. Погибни Авиенда от змеиного укуса или полуденной жары, винить будет некого, кроме самой себя.

Смотреть в глаза врагу или опасности всегда предпочтительнее, чем терзаться сомнениями или тревогой, пытаясь понять, что скрывается за лицами лживых мокроземцев.

Темнело, но Авиенда не останавливалась. Приятно вспотеть как следует: в мокрых землях люди толком не потеют. Может, поэтому они такие странные? Вместо того чтобы греться на солнце, постоянно ищут отдыха в тени, а чтобы очистить тело, погружаются в воду, хотя могли бы забраться в подходящую палатку-парильню и как следует пропотеть. Ведь это полезнее для

здоровья.

Не стоит себе лгать — Авиенда тоже не чуралась этой роскоши и даже полюбила ванны и красивые платья, что подсовывала ей Илэйн. Чтобы победить свои слабости, для начала надо признать их существование. Теперь же, когда Авиенда бежала по пологому склону в Трехкратной земле, мир представал перед ней в истинном свете.

В конце концов девушка замедлила свой бег. Путешествовать ночами, отсыпаясь в дневную жару, заманчиво, но не слишком мудро. Оступись в темноте, и эта оплошка может стоить тебе жизни. Авиенда по-быстрому собрала сухие ветки куста *тэк* и немного коры *ина'та*, после чего остановилась на ночевку возле исполинского камня.

Разгорелся костер. Оранжевые языки пламени отражались от нависшей над Авиендой каменной громады. Чуть раньше ей удалось добыть небольшого бронеспинника; теперь же Авиенда развернула тушку, освежевала и насадила на вертел. Не самый изысканный деликатес, но сойдет.

Она сидела у костра, слушала, как потрескивают дрова, и вдыхала аромат мяса. И впрямь хорошо, что она не Переместилась прямиком в Руидин, а решила потратить время — сколь

бы ценным оно сейчас ни было — на то, чтобы пробежаться по Трехкратной земле. Это помогло понять, кем она была и кем стала. Дева Копья по имени Авиенда канула в небытие. Она приняла свой путь как Хранительницы Мудрости и тем самым вернула себе честь. Теперь жизнь снова обрела смысл. В качестве Хранительницы Мудрости Авиенда поможет своему народу пережить тяжелейшие времена, а когда те останутся позади, ее людям надо будет вернуться в Трехкратную землю. С каждым днем, проведенным в мокрых землях, они слабеют, и наглядный пример тому — сама Авиенда. Она совсем размякла. Да и как там не размякнешь? В общем, пора бы покинуть мокрые земли. Впрочем, скоро так и будет.

Девушка с улыбкой прислонилась к камню и ненадолго закрыла глаза, чувствуя, как тело расстается с накопленной за день усталостью. Теперь она ясно видела свое будущее: надо побывать в Руидине, пройти через лес хрустальных колонн, а затем вернуться и заявить права на сердце Ранда — вернее, часть его сердца. Авиенда будет сражаться в Последней битве. Она поможет сохранить оставшихся Айил, а затем возвратит их домой — туда, где им и место.

Неподалеку от костра раздался какой-то звук.

Авиенда открыла глаза и вскочила, обнимая Истинный Источник. Отчасти она была рада, что теперь инстинктивно обращается к Единой Силе, а не тянется к копьям — которых у нее больше нет. С этой мыслью девушка зажгла световую сферу.

Во тьме стояла женщина в айильском наряде. Не в кадин'сор или одеянии Хранительниц Мудрости, но в обычной одежде: темная юбка, желто-коричневая блуза, шаль и косынка на седеющих волосах. Незнакомка была средних лет и без оружия. Женщина не шевелилась.

Авиенда глянула по сторонам. Засада? Привидение? Ходячий мертвец? Как ей удалось так подойти, что Авиенда ничего не заметила?

— Приветствую тебя, Хранительница Мудрости, — промолвила женщина, склонив голову. — Позволь разделить с тобой воду. Мой путь далек, и я увидела твой костер.

У нее была морщинистая кожа, и способностью направлять Силу она не обладала — это Авиенда почувствовала сразу.

— Я еще не Хранительница Мудрости, — осмотрительно ответила она. — Сейчас я иду второй тропой в Руидин.

— Значит, вскоре ты обретешь немало чести, —

заверила ее женщина. — Меня зовут Накоми. Поверь, дитя мое, я не желаю тебе зла.

Вдруг Авиенда почувствовала себя довольно глупо. Видать, она попросту ушла в свои мысли, а женщина приблизилась без оружия в руках. Вот почему Авиенда ничего не услышала.

— Да, конечно. Прошу к костру.

— Спасибо. — Накоми вышла на свет и положила у костерка свою котомку. Поцокав языком, она вынула из котомки несколько веточек и подбросила их в огонь, потом достала маленький чайник. — Могу ли я попросить немного воды?

Авиенда протянула ей бурдюк. До Руидина оставалось еще несколько дней пути, и каждая капля была на счету, но отказать в подобной просьбе после предложения разделить прохладу попросту оскорбительно.

Наполнив чайник водой из меха, Накоми поставила его греться возле огня, после чего принялась рыться в котомке:

— Встретиться с той, кто идет в Руидин… Неожиданное удовольствие. Скажи, долго ли ты пробыла в ученицах?

— Слишком долго, — ответила Авиенда. — В первую очередь из-за своего упрямства.

— Ах, дитя мое… — вздохнула Накоми. — У тебя

воинственный вид. Скажи, ты была среди тех, кто отправился на запад? В числе тех, кто присоединился к тому, кого называют Кар'а'карном?

— Он и есть Кар'а'карн, — сказала Авиенда.

— Я не говорила, что это не так, — заметила Накоми с усмешкой в голосе, доставая из котомки какие-то травы и несколько листиков чая.

Нет. Не говорила. Авиенда перевернула бронеспинника, и в животе у нее заурчало. Едой тоже придется поделиться.

— Позволь спросить, — продолжила Накоми, — какого ты мнения о Кар'а'карне?

«Я люблю его», — тут же подумала Авиенда, но вслух этого, разумеется, не сказала.

— По-моему, в нем много чести. И хотя ему неведомы должные обычаи, он быстро учится.

— Выходит, ты с ним знакома?

— Отчасти, — кивнула Авиенда, затем, чтобы быть честной, добавила: — Ближе, чем многие.

— Он мокроземец, — задумчиво произнесла Накоми. — И Кар'а'карн. Скажи мне, правду ли говорят о великолепии мокрых земель? О реках столь широких, что не видно другого берега, о растениях, столь напитанных водой, что сожми их пальцами, и брызнет сок?

— Нет в них ничего великолепного, — ответила

Авиенда. — Мокрые земли опасны. Они делают нас слабыми.

Накоми нахмурилась.

«Что это за женщина?» Встреча со странствующей по пустыне айилкой — вполне заурядное событие. Даже дети знают, как защитить себя. Но почему Накоми одна? Ни родни, ни друзей… Ее наряд отличался от одеяния Хранительницы Мудрости, но было в ней что-то…

Накоми помешала чай, а затем передвинула бронеспинника Авиенды поближе к углям, чтобы тот пропекся поравномернее, и выудила из котомки несколько глубокоземных кореньев. Мать Авиенды частенько их готовила. Накоми положила коренья в маленькую керамическую формочку для запекания и подтолкнула ее в угли. Только сейчас Авиенда сообразила, что костер разгорелся на славу. Но откуда в нем столько углей?

— Ты выглядишь обеспокоенной, — сказала Накоми. — Негоже мне приставать с расспросами к той, кто станет Хранительницей Мудрости, но я вижу в твоих глазах тревогу.

Авиенда едва не поморщилась. Она предпочла бы побыть одна. Но как ни крути, она сама предложила этой женщине разделить с ней воду и

прохладу.

— Я волнуюсь за наш народ. Грядут опасные времена.

— Последняя битва, — негромко произнесла Накоми. — Та, что на устах у мокроземцев.

— Да. Но этим мои тревоги не ограничиваются. Мокрые земли развращают наш народ. Айил становятся мягкотелыми.

— Но мокрые земли — часть нашего удела, разве нет? Говорят, Кар'а'карн обнаружил кое-что… связывающее нас с мокрыми землями самым необычным образом. Если допустить, что он не лукавит.

— Он не стал бы об этом лгать, — сказала Авиенда.

В темной ночи, галдя и хлопая крыльями, промчалась стайка канюков. История народа Авиенды — вернее, ее подробности, раскрытые Рандом ал'Тором, — по-прежнему не вызывала у многих из Айил ничего, кроме скорби и печали. Скоро в Руидине Авиенда увидит все собственными глазами и убедится, что Айил нарушили свои клятвы: некогда они следовали Пути листа, но затем сошли с него.

— Ты затрагиваешь любопытные темы, ученица Хранительниц Мудрости, — заметила Накоми,

разливая чай. — Наша земля называется Трехкратной, поскольку трижды наложила на Айил свой отпечаток: покарала за грех, испытала мужество и создала наковальню, на которой был выкован каждый из нас.

— Трехкратная земля придает нам сил. Вдали от нее мы слабеем.

— Но если необходимо возвращаться на эту наковальню, дабы стать сильнее, — продолжила Накоми, — не значит ли это, что испытания, которым мы подвергаемся в мокрых землях, не менее опасны, чем сама Трехкратная земля? Столь трудны и опасны, что нам надо вернуться сюда и приготовиться к ним? — Она покачала головой. — Ах, зачем я спорю с Хранительницей Мудрости! Пусть даже с ученицей. За мной теперь тох.

— Нельзя получить тох, изрекая мудрые слова, — возразила Авиенда. — Скажи мне, Накоми, куда ты держишь путь? Из какого ты септа?

— Я далеко от своего крова, — с тоской ответила женщина, — и в то же время совсем рядом с ним. Быть может, это мой кров далек от меня. Я не могу ответить на твой вопрос, ученица, поскольку не в моих силах сказать тебе правду.

Авиенда сдвинула брови. Что это значит?

— Думается, — продолжила Накоми, — нарушив древний обет не прибегать к насилию, наш народ заслужил огромный тох!

— Да, — согласилась Авиенда. Как быть, если весь твой народ совершил столь чудовищный поступок? Эта мысль повергала Айил в глубочайшее уныние: поэтому многие бросали наземь свои копья или отказывались снимать белые одежды гай'шайн, тем самым подразумевая, что такой великий тох не подлежит искуплению.

Но они ошибались. Айильский тох можно искупить. Более того, это необходимо. В этом и есть цель служения Кар'а'карну — представителю тех, кому Айил когда-то принесли свой обет.

— Мы искупим тох, — сказала Авиенда, — сражаясь в Последней битве.

В этом бою Айил снова обретут честь. Если тох искуплен, о нем можно забыть. Вспоминать о проступке после его искупления — верх глупости. Заглаженной вины не существует. Айил вернутся домой и уже не будут стыдиться событий прошлого. Да, это так. Авиенда утвердительно кивнула своим мыслям.

— Итак, — Накоми передала ей чашку с чаем, — Трехкратная земля стала нашим наказанием. Мы пришли сюда, чтобы стать сильнее и иску-

пить тох!

— Да, — согласилась Авиенда. Для нее это было яснее ясного.

— То есть после битвы на стороне Кар'а'карна мы загладим вину, а посему в дальнейшем наказании не будет смысла. И зачем тогда возвращаться в эти края? За новой карой? Хотя тох уже искуплен?

Авиенда обмерла. Нет, это глупости. Ей не хотелось спорить с Накоми, но место Айил — здесь, в Трехкратной земле.

— Народ Дракона, — проговорила Накоми, потягивая чай. — Вот мы кто. В служении Дракону смысл наших поступков. Наших обычаев, набегов клана на клан, нашего сурового обучения… Суть самого нашего образа жизни.

— Это так, — подтвердила Авиенда.

— А посему, — тихо продолжила Накоми, — с чем мы останемся после победы над Затмевающим Зрение? Должно быть, поэтому многие отказываются следовать за Кар'а'карном. Их беспокоит смысл этого служения. Зачем придерживаться старого уклада? Какая честь в набеге на соседний клан, зачем убивать друг друга, если мы уже не готовимся к великим делам? Зачем становиться еще черствее? Ради самой черствости?

— Я…

— Прости, — сказала Накоми. — Я снова пустилась в рассуждения. К несчастью, болтливость мне свойственна. Вот, давай-ка поедим.

Авиенда удивилась: разве коренья уже испеклись? Однако когда Накоми открыла формочку, пахли они замечательно. Найдя в котомке пару жестяных тарелок, она нарезала мясо бронеспинника, потом посыпала его и коренья приправами и передала одну тарелку Авиенде.

Та осторожно попробовала еду. Очень вкусно. Просто великолепно. Получше многих блюд, что ей довелось отведать в великолепных дворцах мокрых земель. Она с недоумением уставилась на тарелку.

— Если позволишь, — сказала Накоми, — мне пора отлучиться по зову природы. — Женщина с улыбкой встала и ушла во тьму.

С тревогой обдумывая услышанное, Авиенда молча доела свою порцию. Разве это великолепное кушанье, приготовленное на костре из простейших продуктов, не доказывает, что роскошь мокрых земель избыточна?

Но каково теперь предназначение Айил? Что им делать, если не ждать Кар'а'карна? Сражаться, конечно. А потом? Снова убивать друг друга в кла-

новых междоусобицах и набегах? До каких пор?

После еды она долго думала. Слишком долго. Накоми так и не вернулась. Обеспокоенная Авиенда отправилась искать ее, но не обнаружила никаких следов этой женщины.

Вернувшись к костру, девушка увидела, что котомка Накоми и вторая тарелка тоже исчезли. Какое-то время Авиенда ждала, но женщина исчезла, будто ее не было.

В конце концов, по-прежнему испытывая беспокойство, Авиенда легла спать.

Глава 40
Созидание

Перрин сидел на пеньке — в полном одиночестве, закрыв глаза и подняв лицо к темному небу. Лагерь готов, переходные врата закрыты, донесения приняты… Наконец-то можно отдохнуть.

Хотя это опасно. Во время отдыха он начинает размышлять: в голову лезут всякие мысли, вслед за мыслями — воспоминания, с воспоминаниями приходит боль.

В порывах ветра его обоняние чувствовало мир вокруг. В воздухе кружили и наслаивались друг на друга многочисленные запахи. Вот военная стоянка: потные люди, приправы для готовки, мыло для мытья, конский навоз, разнообразные эмоции. Вот окрестные холмы: сухие сосновые

иголки, илистый берег ручья, труп мертвого животного. Доносятся и запахи иных мест и просторов: намеки на пыль далеких дорог и лавандовый луг, каким-то чудом уцелевший в этом умирающем мире.

Здесь не было пыльцы. Здесь не было и волков. И еще неизвестно, что для него хуже.

Перрину было худо. Ему нездоровилось физически, словно он нахлебался тухлой болотной воды, наелся гнилого мха и закусил пригоршней мертвых жуков. Ему хотелось орать. Ему хотелось найти Губителя и убить его, хотелось лупить его кулаками по лицу, пока оно не превратится в кровавое месиво.

Чьи-то шаги. Фэйли.

— Перрин? Хочешь поговорить?

Он открыл глаза. Ему бы плакать, рыдать, но он не чувствовал ничего, кроме холода. Холода и ярости. Одновременно. Непривычное ощущение.

Рядом стоял его шатер. Входной клапан трепетал на ветру. Рядом, прислонившись к стволу молодого болотного мирта, стоял Гаул. Вдалеке гремел молотом заработавшийся ковочный кузнец.

— Ничего у меня не вышло, Фэйли, — прошептал Перрин.

— Ты забрал тер’ангриал и спас людей. — Она опустилась рядом с ним на колени.

— И все же Губитель победил нас, — с горечью сказал Перрин. — Мы сражались всей стаей, впятером, но этого было мало.

Примерно то же самое он чувствовал, когда узнал, что его семью убили троллоки. Сколько еще родных и близких заберет у него Тень прежде, чем все закончится? А он-то думал, что в волчьем сне Прыгуну ничего не грозит…

«Глупый щенок. Глупый щенок…»

Вдруг эта ловушка не предназначалась армии Перрина? Может, у Губителя была совершенно иная цель, и это — лишь совпадение?

«Рядом с та’вереном совпадений не бывает».

Надо было как-то совладать с гневом и болью. Перрин встал, обернулся и с удивлением увидел, что в лагере до сих пор горит множество костров. В некотором отдалении ждали люди; на этом расстоянии ему было не разобрать их отдельных запахов. На стульях возле деревянного походного столика, на котором стоял фонарь, сидели Аллиандре, в золотистом платье, и Берелейн — в синем. Рядом с ними на валуне устроился Илайас. Он точил нож. Вокруг кострища опустились на корточки человек десять двуреченцев: Вил

ал'Син, Джон Айеллин, Грейор Френн и другие. Они поглядывали на Перрина. Здесь были даже Арганда и Галленне; эти негромко переговаривались.

— Почему они не спят? — спросил Перрин.

— Волнуются за тебя, — ответила Фэйли. От нее тоже пахло волнением. — И еще боятся, что теперь, когда действуют переходные врата, ты отошлешь их прочь.

— Глупцы, — прошептал Перрин. — Глупцы, что последовали за мной. Глупцы, что не затаились.

— Ты действительно предпочел бы, чтобы они затаились? — сердито осведомилась Фэйли. — Переждали Последнюю битву в укромном месте? Разве не ты говорил, что теперь каждый человек на счету?

Она была права. На счету каждый человек. Перрин понял: отчасти его эмоции вызваны неизвестностью. Да, он сбежал, но от чего? За что погиб Прыгун? Не зная вражеских планов, Перрин чувствовал себя слепцом.

Он встал с пенька и подошел к беседовавшим Арганде и Галленне.

— Принесите мне карту Джеханнахской дороги, — попросил Перрин.

Арганда подозвал Хиршанина и объяснил ему, где взять карту. Тот убежал, а Перрин решил пройтись по лагерю. Его будто потянуло к горнилу, и он пошел сквозь водоворот запахов лагеря на звук ударов металла о металл — туда, где под беспокойным небом трудился ковочный кузнец.

Остальные последовали за ним. Фэйли, Берелейн и Аллиандре, двуреченцы, Илайас, Гаул. Группа становилась больше — к ней присоединялись и другие двуреченцы. Все молчали, и Перрин не обращал на них внимания, пока не подошел к наковальне, за которой работал Аймин. Рядом стоял походный горн, зев которого светился красным.

Тут подоспел Хиршанин с картой в руках. Развернув и держа карту перед собой, Перрин стал изучать ее. Аймин прекратил работу, и от него пахнуло любопытством.

— Скажите-ка, Арганда и Галленне, — начал Перрин, — будь у вас желание устроить засаду для крупного войска, идущего по этой дороге в сторону Лугарда, какое место вы предпочли бы?

— Вот это. — Арганда без колебаний указал на точку в нескольких часах пути от прежнего лагеря. — Сами посудите: дорога здесь тянется вдоль пересохшего речного русла. Проходящая

через поворот армия будет беззащитна. Напасть можно с прибрежных холмов — здесь и здесь.

— Да, — кивнул Галленне. — Вот метка: подходящее место для большого лагеря — у подножия холма рядом с поворотом. Но если на тех высотах замышляют недоброе, поутру можно не проснуться.

Арганда утвердительно хмыкнул.

К северу от дороги находилось взгорье с плоскими вершинами. Давным-давно река проточила там широкое ровное русло с размывами на юге и западе. На этих высотах можно было разместить целую армию.

— А это что? — спросил Перрин, указав на значки, проставленные к югу от дороги.

— Старые руины, — ответил Арганда. — Ничего особенного. По сути дела, несколько расколотых и замшелых валунов. Такое себе укрытие.

Перрин кивнул. Головоломка начинала складываться.

— Где Неалд и Грейди? Спят? — спросил он.

— Нет, — ответила Берелейн. — Сказали, что на всякий случай не будут ложиться. По-моему, их напугало твое настроение.

— Пошлите за ними, — сказал Перрин, ни к кому не обращаясь. — Кому-то из Аша'манов надо

взглянуть на армию белоплащников. Помнится, говорили, что они снялись с лагеря. — Не дожидаясь, пока выполнят его приказ, он подошел к наковальне и положил руку на плечо Аймину. — Иди поспи, Аймин. Мне надо поработать. Что это у тебя, подкова?

Кузнец сделал озадаченное лицо, но кивнул, отдал Перрину фартук с рукавицами и ушел. Перрин взял свой молот — тот, которым обзавелся в Тире, тот, которым не раз убивал, тот, которым давно уже не пользовался для созидания.

Молот может стать оружием или рабочим инструментом. У Перрина, как и у его последователей, был выбор. У Прыгуна тоже был выбор. И волк выбрал то, что выбрал, и никому из людей — кроме Перрина — не понять, чем он пожертвовал, чтобы защитить Свет.

Клещами Перрин снял с углей небольшой металлический брусок, положил его на наковальню и взялся за дело.

Сколько же времени прошло с тех пор, как он впервые подошел к горнилу? По сути, более или менее основательной ковкой он занимался в Тире, в тот благословенный день, когда ненадолго сложил с себя груз ответственности и поработал в тамошней кузне.

«Ты похож на волка, муж мой». Так говорила Фэйли о его сосредоточенности. Да, волкам она свойственна; они могли знать прошлое и будущее, но не отвлекаться от охоты. Способен ли Перрин делать то же самое — при необходимости растворяться в моменте, но сохранять равновесие в остальных аспектах жизни?

Он начал погружаться в работу и вскоре ритмично ударял молотом о металл. Расплющивая брусок, он время от времени возвращал его на угли и брал следующий. Перрин делал сразу несколько подков, сверялся с лежащими рядом мерками. Он понемногу сгибал металл о край наковальни, придавая ему нужную форму. На руках выступили капельки пота, а лицо раскраснелось от работы и жара огня.

Подошли Неалд и Грейди, а вместе с ними — Масури и Хранительницы Мудрости. Не переставая работать, Перрин заметил, как, выполняя их распоряжение, Сулин исчезла в переходных вратах, — разведать, что там у белоплащников. Вскоре она вернулась, но не спешила с донесением, поскольку Перрин был занят.

Он поднял подкову, взглянул на нее и нахмурился. Слишком уж простая работа. Да, она успокаивает, но сегодня ему хотелось чего-ни-

будь посложнее. Ему просто необходимо создать что-нибудь, чтобы компенсировать недавно виденные разрушения, в которых отчасти был повинен он сам. Рядом с горном лежала стопка брусков необработанного металла — качеством получше, чем тот, что пускают на подковы. Наверное, эти стальные бруски ждали своей очереди превратиться в мечи для бывших беженцев.

Перрин взял несколько штук и сунул их в угли. Горнило было неважное; он привык к горнам получше. В распоряжении Перрина имелись кузнечные мехи и три бочонка для закаливания, но ветер охлаждал металл, а угли были недостаточно горячими. Перрин окинул кузнечное хозяйство недовольным взглядом.

— Могу помочь, лорд Перрин, — сказал из-за спины Неалд. — Если хотите, я разогрею металл.

Перрин смерил его взглядом, кивнул. Затем он выбрал стальной брусок, взял его клещами:

— Мне надо, чтобы он стал оранжево-красным. Только добела не раскаляй.

Неалд кивнул. Перрин положил брусок на наковальню, взял свой молот и вернулся к делу. Рядом стоял сосредоточенный Аша'ман.

Перрин с головой ушел в работу. Куй железо. Остальное не важно. Ритмичные удары молота о

металл — мерцающий, горячий, опасный — напоминали стук сердца, и все прояснялось. Мир треснул, и с каждым днем эта трещина увеличивалась. Миру нужна была помощь. Прямо сейчас. Если какая-то вещь разбилась вдребезги, нельзя вернуть ей первозданный вид.

— Неалд, — окликнул друга Грейди. Перрину показалось, что голос доносится издалека. — Неалд, что ты делаешь?

— Не знаю, — ответил Аша'ман, — но так кажется правильным.

Перрин продолжал бить молотом. Все сильнее и сильнее. Согнул брусок, расплющил обе половины — одну поверх другой. Как ни удивительно, Неалду удавалось поддерживать идеальную температуру, избавляя Перрина от нужды ловить какие-то несколько секунд между нужным нагревом и остыванием.

Казалось, пластичный металл обретает нужную форму по велению его разума. Что же он делает? Перрин взял из пламени еще два бруска и стал обрабатывать каждый поочередно. Первый — и самый крупный — он сложил вдвое и сформовал. Как говорят кузнецы, «стянул» его, увеличив толщину, и превратил в большой шар. Затем добавил стали, и шар увеличился до

размеров человеческой головы. Второй брусок превратился в длинную узкую полосу, а затем — в узкий стальной прут. Третий и самый маленький брусок Перрин расплющил.

Вдох. Выдох. Легкие как кузнечные мехи, пот как вода для закаливания, руки как наковальня, сам Перрин — как горнило.

— Хранительницы Мудрости, мне нужен круг, — требовательно бросил Неалд. — Прямо сейчас. Не возражайте. Это необходимо!

Перрин взмахивал молотом, рассыпая вокруг искры, которых с каждым новым ударом становилось все больше, и скоро воздух рассекали густые сверкающие фонтанчики. Он чувствовал, как что-то буквально сочится из него, словно с каждым ударом он передает металлу свою силу, а вместе с силой — чувства. Надежды и тревоги. Покидая Перрина, они перетекали в металлические заготовки.

Мир действительно умирает, и Перрин не может спасти его. Спасать мир — дело Ранда. А Перрин хочет лишь вернуться к простой жизни.

Нет. Нет, ему нужна Фэйли. Ему нужно все многообразие жизни, вся ее сложность. Он не может отойти в сторону и затаиться — так же, как не

могут затаиться те, кто пошел за ним.

Он не желал их преданности, но получил ее. Каково ему будет, если кто-то другой возьмет командование на себя, и в итоге эти люди погибнут?

Удар за ударом. Фонтанчики искр. Слишком много искр, словно Перрин бьет по лохани с жидким металлом. Искры вырываются из-под молота, взмывают выше деревьев и разлетаются на десятки шагов. Наблюдавшие за Перрином люди попятились — все, кроме Аша'манов и Хранительниц Мудрости, обступивших Неалда.

«Не хочу вести их за собой, — думал Перрин, — но если не я, то кто? Если брошу этих людей и они погибнут, их кровь будет на моих руках».

Теперь он понял, что делает. Что пытался сделать с самого начала. Шару он придал форму кирпича, длинный прут стал стержнем толщиной в три пальца, а плоский кусок металла превратился в соединительную скобу, с помощью которой рабочая часть крепится к рукояти.

Молот. Перрин создавал молот. Вот они, детали.

Теперь он все понял.

Перрин забыл обо всем, кроме работы. Удар за ударом. Такие громкие… Казалось, от каждого

удара содрогается земля и трепещет парусина палаток. Перрин торжествовал. Он знал, что делает. Наконец-то он знал, что делает.

Нет, он не претендовал на роль вождя, но разве это снимает с него ответственность? Люди нуждаются в нем. В нем нуждается весь мир. Перрин вдруг осознал, что и сам хочет быть лидером, и это осознание остудило его, как остужают раскаленный металл, чтобы тот обрел окончательную форму.

Раз уж этим людям нужен лорд, Перрин станет их лордом. Хочешь, чтобы что-то было сделано как следует? Сделай это сам.

С помощью зубила он проделал отверстие в головке молота, затем схватил молотовище, поднял его высоко над головой и с размаху вогнал на место. Положил молот на скобу, придал ей нужную форму. Какие-то мгновения назад Перрин в своей работе отводил душу и выплескивал гнев, но теперь трудился сосредоточенно и целеустремленно.

Всякому кузнецу известно, что металл — это нечто живое. Стоит нагреть его, приступить к делу, и он оживает. Вооружившись молотом и зубилом, Перрин начал обрабатывать края, избавляться от заусениц, высекать узоры; в сто-

роны разлетались волны искр, а звонкие удары молота становились все сильнее и громче, пока не стали напоминать колокольный перезвон. Орудуя зубилом, Перрин придал форму небольшому куску железа, после чего положил его на верхнюю часть нового молота.

С ревом воздел он над головой свой старый молот — в последний раз — и ударил им по новому, впечатывая в металл образ застывшего в прыжке волка.

Перрин отложил инструменты. На наковальне лежал прекрасный молот, все еще светившийся от внутреннего жара. Такой красоты Перрин еще не создавал, да и подумать не мог, что когда-нибудь изготовит нечто столь же великолепное: мощный боек, как у кувалды или киянки, но носок суженный и заостренный, как у кузнечного молотка. В длину фута четыре, если не больше: громадный размер для молота такого типа.

Молотовище было из цельной стали; такого молотовища Перрин раньше не встречал. Он поднял свой новый молот — одной рукой, но не без труда. Тяжелая получилась штуковина. Основательная.

Молот украшала перекрестная штриховка, а сбоку — оттиск волчьего силуэта в прыжке. Волк походил на Прыгуна. Перрин провел по нему

заскорузлым пальцем, и металл успокоился: он был на ощупь теплым, но не обжигал.

Обернувшись, Перрин оторопел от размеров наблюдавшей за ним толпы. Впереди стояли двуреченцы: Джори Конгар, Ази ал'Тон, Вил ал'Син и сотни других. Гэалданцы, кайриэнцы, андорцы, майенцы… Стояли и молча смотрели на него. Земля вокруг Перрина почернела от упавших искр, а капли серебристого металла расходились от наковальни подобно солнечным лучам.

Неалд стоял на коленях, обливаясь потом и тяжело дыша. Грейди и женщины круга — все шесть Хранительниц Мудрости — сидели на траве. Судя по виду, они страшно устали. С чего бы?

Перрин устал не меньше, словно все силы и эмоции забрал металл, но отдыхать было некогда.

— Вил! Пару недель назад я приказал сжечь все знамена с волчьей головой. Ты не ослушался? Уничтожил все до единого?

— Лорд Перрин, я хотел, но… — Не выдержав устремленного на него взгляда, Вил ал'Син пристыженно потупился. — О Свет! Не смог, и все тут. Одно знамя я сохранил. Я сам его шил, понимаете?

— Неси его сюда, — велел Перрин, и в его голосе звякнула сталь.

От Вила пахнуло испугом. Он убежал и вскоре принес сложенное знамя — белое с красной окантовкой. Перрин взял его, благоговейно поднял одной рукой — в другой он держал молот — и оглядел собравшихся. Среди них была и Фэйли. Она стояла, сложив руки на груди, и от нее пахло надеждой. Она все понимала. Она видела Перрина насквозь.

— Я пытался отправить вас по домам, — объявил Перрин, обращаясь к толпе. — Но вы не ушли. Я не лишен недостатков. Да вы и сами это знаете. Если мы отправимся на войну, я не смогу защитить всех и каждого. Я наделаю множество ошибок.

Он обвел людей взглядом. Никто не отвел взора. Мужчины и женщины, на которых он смотрел, молча кивали. Без раздумий, без сожаления — просто кивали в ответ.

Перрин сделал глубокий вдох:

— Раз уж так надо, я приму ваши клятвы. Я стану вашим предводителем.

Толпа взорвалась криками, перешедшими в оглушительный рев:

— Златоокий! Волк Златоокий! В Последнюю битву! *Тай'шар Манетерен*!

— Вил! — громогласно позвал Перрин, держа

свернутое знамя в поднятой руке. — Воздень его, да повыше. И не снимай, пока мы не одержим победу в Последней битве. Я вступлю в нее под знаком волка. Что касается остальных, снимайте лагерь. Пусть каждый солдат будет готов к сражению. Сегодня ночью нам предстоит еще одно дело!

Юноша забрал у Перрина знамя с волчьей головой и развернул его, а Джори и Ази придержали полотнище, проследив, чтобы стяг не коснулся земли. Двое подняли знамя, а третий убежал искать подходящее древко. Толпа таяла: люди бросились выполнять приказ своего вождя.

Подошла Фэйли, и Перрин взял ее за руку. Судя по запаху, она была довольна.

— Значит, вот как?

— Больше никакого нытья, — пообещал он. — Не люблю жаловаться. Но и убивать не люблю. Буду делать, что должен, да и все.

Перрин взглянул на почерневшую после его трудов наковальню, поперек которой лежал его старый, изношенный, выщербленный молот. Печально было расставаться с ним, но Перрин уже принял решение.

— Что это было, Неалд? — спросил он, подняв в руке выкованный молот и любуясь великолеп-

ным новым оружием.

— Не знаю, милорд. — Аша'ман, лицо которого по-прежнему было бледным, с трудом поднялся на ноги. — Просто… ну, как я уже сказал, так казалось правильным. Я понимал, что нужно делать, как следует наложить плетения на металл. Казалось, он впитал мои плетения, как океан пьет речную воду. — Неалд покраснел, словно устыдился такого глупого сравнения.

— Хорошо объясняешь, — сказал Перрин. — Этот молот… Ему нужно имя. Ты знаешь древний язык?

— Нет, милорд.

Перрин взглянул на силуэт волка:

— Кто-нибудь знает, как сказать «Тот, кто воспарил»?

— Я… Не знаю…

– *Мах'аллейнир*, — подсказала Берелейн, делая шаг вперед.

— Мах'аллейнир, — повторил Перрин. — Похоже, так будет верно. Сулин? Что там с белоплащниками?

— Они разбили лагерь, Перрин Айбара, — ответила Дева.

— Покажи, — кивнул он на карту Арганды.

Сулин ткнула пальцем в карту — ровное поле у

подножия холма: на севере — возвышенности, с северо-востока проходит дорога, которая огибала холмы с южной стороны, следуя руслу древней реки, и сворачивала на юг там, где русло пересекает лагерь. Еще одна дорога вела оттуда к Лугарду, но с обеих сторон стоянка была защищена от ветра. Идеальное место: что для лагеря, что для засады. Именно о нем говорили Арганда и Галленне.

Перрин рассматривал карту и вспоминал события прошедших недель. «Мы встретили путников. Они шли с севера. Сказали, там такая грязюка, что никакой повозке не проехать…»

Стадо овец, гонимое волками в пасть страшного чудовища. Фэйли и остальные шагают к обрыву. О Свет!

— Грейди, Неалд! — сказал Перрин. — Мне понадобятся еще одни переходные врата. Справитесь?

— Думаю, да, — ответил Неалд. — Только дайте пару минут, дух перевести.

— Хорошо. Откройте их вот сюда. — Перрин указал на возвышенность над лагерем белоплащников. — Гаул! — Как всегда, айилец ждал неподалеку. Он тут же приблизился. — Поговори с Даннилом, Аргандой и Галленне. Пусть все отряды пройдут через переходные врата. Как

можно быстрее, но без лишнего шума, насколько это вообще возможно для армии такого размера.

Айилец кивнул и убежал. Галленне еще не успел далеко отойти, и Гаул начал с него.

Фэйли смотрела на Перрина. От нее пахло любопытством с легкой примесью тревоги.

— Что ты задумал, муж мой?

— Пора мне стать настоящим вождем, — ответил Перрин. Он бросил последний взгляд на старый молот, провел пальцами по рукоятке, а затем вскинул Мах'аллейнир на плечо и зашагал прочь. Под ногами у него хрустели капли застывшего металла.

Прежний молот был инструментом простого кузнеца. Этот кузнец навсегда останется частью Перрина, но впредь он не будет руководить его поступками.

Отныне у Перрина в руках молот короля.

* * *

Глядя, как он уходит, отдавая приказы солдатам, Фэйли провела рукой по наковальне.

Интересно, понимал ли он, как выглядел в этом облаке искр, когда под каждым его ударом пульсировала и оживала раскаленная сталь? Его золотистые глаза светились едва ли не ярче

металла, и с каждым ударом молот издавал поистине оглушительный звон.

— Впервые за долгие столетия в этих краях создали оружие с использованием Единой Силы, — сказала Берелейн. Остальные разошлись выполнять распоряжения Перрина, и две женщины остались наедине, если не считать Галленне: тот стоял в некотором отдалении, изучал карту и поглаживал подбородок. — Тот юноша продемонстрировал незаурядный и весьма полезный дар. Теперь армия Перрина получит клинки, напитанные Силой.

— По-моему, это крайне изматывающий процесс, — заметила Фэйли. — Даже если Неалд сможет повторить то, что сделал сегодня, вряд ли нам хватит времени на перевооружение хотя бы части армии.

— Любое преимущество пойдет нам на пользу, — возразила Берелейн. — Каким бы малым оно ни казалось. Созданная твоим мужем армия — нечто невероятное. Еще бы! Ведь ее собирал та'верен! Посмотри, как быстро учатся его люди и каких выдающихся результатов они добиваются.

— Ну… Наверное. — Фэйли медленно обошла наковальню, не сводя глаз с Берелейн, также обходившую место, где недавно работал Перрин,

но с другой стороны. Что у нее на уме?

— Мы должны побеседовать с ним, — сказала Берелейн. — И отговорить от этого поступка.

— Какого поступка? — искренне удивилась Фэйли.

Берелейн молчала. В глазах у нее горел странный огонек. Казалось, ей не по себе. «Ее что-то волнует, — поняла Фэйли, — причем не на шутку».

— Нельзя, чтобы лорд Перрин напал на белоплащников, — наконец промолвила Берелейн. — Прошу, помоги его урезонить.

— Не собирается он на них нападать! — с полной уверенностью заявила Фэйли.

— Он готовит образцовую засаду, — объяснила Берелейн. — Аша'маны ударят Единой Силой, двуреченцы расстреляют лагерь Чад Света с высот, а кавалерия добьет уцелевших. — После паузы она заговорила с дрожью в голосе: — Это же идеальная ловушка! Перрин сказал, что примет наказание, если они с Дамодредом переживут Последнюю битву. А теперь сделает так, чтобы белоплащники не дожили до нее. Таким образом он сдержит слово, но избежит кары.

— На такое он не пойдет, Берелейн. Это исключено, — покачала головой Фэйли.

— Уверена? — спросила Берелейн. — Целиком и полностью?

Фэйли не торопилась с ответом. С недавних пор Перрин стал другим. По большей части это было к лучшему: например, он наконец-то принял роль лидера. И в этом смысле засада, о которой говорила Берелейн, вполне оправданна. Да, решение жесткое, но логически безупречное.

И в то же время… Так нельзя. Это попросту нечестно, неправильно. И Фэйли знала, что Перрин не стал бы так поступать. Независимо от того, насколько он изменился.

— Да, уверена, — ответила она. — Дать слово Галаду, а затем вот так запросто перебить белоплащников? Перрин не способен на такую подлость. Он мыслит совершенно иначе. Этого не будет.

— Хотелось бы верить, что ты права, — сказала Берелейн. — Я надеялась, что мы, прежде чем уйти, достигнем компромисса с их командующим…

Белоплащник. О Свет! Неужели она не могла присмотреть другой объект для воздыханий? К примеру, кого-то из аристократов в лагере Перрина? Кого-нибудь, кто не женат?

— Не умеешь ты выбирать мужчин. Да, Берелейн? — вырвалось у Фэйли, и Первая Майена

повернулась к ней, широко раскрыв глаза: то ли от гнева, то ли от удивления.

— А как же Перрин?

— Он тебе не пара, — процедила Фэйли. — И ты сама это доказала. Сегодня вечером. Когда решила, будто он способен на подобный поступок.

— Не важно, пара он мне или нет. Он был мне обещан.

— Кем?

— Лордом Драконом, — ответила Берелейн.

— Что-что?!

— В Твердыни Тира я пришла к Дракону Возрожденному, — сказала она, — но тот гневно отверг мои заигрывания. И я поняла, что Дракон Возрожденный намерен взять в жены более высокородную даму. К примеру, Илэйн Траканд. Это вполне разумно. Нельзя завоевать все королевства силой; некоторые придется брать под свою руку, заключая альянсы. Андор чрезвычайно силен, им правит женщина, и поэтому разумнее получить его через брачный союз.

— По словам Перрина, Ранд мыслит иначе, — покачала головой Фэйли. — Он не настолько расчетлив. И я — исходя из того, что мне известно, — тоже склонна так думать.

— То же самое ты говоришь и о Перрине. Хо-

чешь, чтобы я поверила, будто все они — наивные ребята? Бесхитростные простаки?

— Этого я не говорила.

— Все те же возражения… Как я от них устала! Ну да ладно. Я поняла, на что намекает лорд Дракон, и решила обратить внимание на кого-то из его соратников. Нет, Дракон ничего не обещал. Я неправильно выразилась. Но я поняла, что ему будет приятно, если я заключу союз с кем-то из его верных друзей или союзников. Более того, подозреваю, что таково было его желание: в конце концов, лорд Дракон дал нам с Перрином общее поручение. Но не стал говорить о своих желаниях в открытую, чтобы Перрин не оскорбился.

Фэйли задумалась. Да, Берелейн несла полную чушь… но, с другой стороны, она видела то, что хотела увидеть. Разлучить мужа и жену? Для Берелейн в этом не было ничего безнравственного. Обычные политические игры. И если рассуждать здраво, Ранд был бы не прочь связать с собой новые государства, соединив монархинь узами брака со своими приближенными.

Но на самом деле и Ранд, и Перрин относились к сердечным делам совершенно иначе.

— Я отказалась от попыток завоевать Перрина, — сказала Берелейн, — и намерена сдержать

слово. Но тем самым я поставила себя в незавидное положение. Я давно уже думаю, что связь с Драконом Возрожденным — единственный способ сохранить в будущем независимость Майена.

— Браки заключают не только для того, чтобы добиться политических преимуществ, — заметила Фэйли.

— Но эти преимущества так очевидны, что их нельзя игнорировать!

— А этот белоплащник? — спросила Фэйли.

— Он единокровный брат королевы Андора, — сказала Берелейн, слегка покраснев. — Если выйду за него, а лорд Дракон намерен взять в жены Илэйн Траканд, то мы породнимся.

Не только в этом дело; Фэйли видела, как вела себя Берелейн, как она выглядела, беседуя с Дамодредом. Но раз уж ей так хочется привести свои чувства к политическому знаменателю, незачем ее разубеждать. Главное, чтобы к Перрину не приставала.

— Я выполнила твою просьбу, — сказала Берелейн, — но теперь нуждаюсь в помощи. Если окажется, что Перрин все-таки собирается напасть на белоплащников, давай объединим усилия и отговорим его. Вместе мы справимся.

— Ну ладно, — кивнула Фэйли.

* * *

Перрин ехал во главе армии, и впервые его войско выглядело единым целым. Над ним развевалось множество флагов — майенский и гэалданский стяги, знамена благородных домов над отрядами беженцев и даже несколько самодельных вымпелов, символизирующих области Двуречья, — но выше всех реяло знамя с красной волчьей головой.

Лорд Перрин. Он никогда не привыкнет к этому титулу. Может, это и хорошо.

Он остановил Трудягу сбоку от переходных врат. Проходившие мимо войска приветствовали его воинским салютом. Стемнело, и в руках у солдат были факелы. Хотелось верить, что мужчины и женщины, способные направлять Силу, сумеют осветить будущее поле брани.

К Трудяге приблизился человек. Перрин почуял звериные шкуры, суглинок, кроличью кровь. Пока собиралась армия, Илайас успел поохотиться. Не каждый способен ловить кроликов в темноте. Даже Илайас признавался, что это непросто.

— Однажды ты кое-что сказал мне, Илайас, — произнес Перрин. — Сказал, что, если мне станет

нравиться топор, его надо выбросить.

— Да, было дело.

— Думаю, это относится и к лидерству. Титулами правильнее наделять тех, кто не желает никакого титула. Если не забывать об этом, у меня, пожалуй, все получится.

— Неплохо смотрится твое знамя, — усмехнулся Илайас.

— Оно мне подходит. Всегда подходило. Это я ему не всегда подходил.

— Глубокая мысль для простого кузнеца…

— Может быть. — Перрин достал из кармана кованую головоломку — ту, что нашел в Малдене. Он так и не сумел разобрать ее. — Тебе никогда не приходило в голову, что кузнецы кажутся такими простыми людьми и в то же время делают треклятые головоломки, которые так трудно разъединить?

— Об этом я не задумывался. То есть ты наконец-то стал одним из нас?

— Нет. — Перрин убрал головоломку. — Я стал тем, кто я есть. Наконец-то.

Он толком не знал, что в нем изменилось. Наверное, главная проблема в том, что он слишком часто думал на эту тему.

Перрин знал, что обрел равновесие. Он никогда

не превратится в существо вроде Ноама — человека, который потерял себя и стал волком. И этого достаточно.

Какое-то время они с Илайасом смотрели на шедшие мимо войска. Чем крупней переходные врата, тем удобнее Перемещаться: не прошло и часа, как все бойцы — и мужчины, и женщины — были на месте. Солдаты приветствовали Перрина, и от них пахло гордостью. Никого не смущала его связь с волками; напротив, когда о характере этой связи разузнали, беспокойство улеглось, хотя прежде по лагерю ходили пересуды и у людей копились вопросы. Теперь же все начали свыкаться с правдой и гордились, что их лорд — не обычный человек. Что в нем есть нечто особенное.

— Мне пора уходить, Перрин, — сказал Илайас. — По возможности сегодня.

— Знаю. Начинается Последняя охота. Беги с волками, Илайас. Встретимся на севере.

— А если не встретимся, — старый Страж положил руку Перрину на плечо, — то, быть может, увидимся во сне, друг мой.

— Это и есть сон, — улыбнулся Перрин. — И мы непременно встретимся. Я найду тебя в стае. Доброй охоты, Длинный Клык.

— Доброй охоты, Юный Бык.

Под шелест травы Илайас растворился во тьме.

Перрин коснулся висевшего сбоку на ремне молота. Тот был еще теплым. Раньше Перрин думал, что ответственность ляжет на плечи новым грузом, но, приняв ее, не чувствовал ничего, кроме облегчения.

Перрин Айбара — всего лишь человек, но Перрин Златоокий — символ, созданный людьми, которые пошли за ним. У Перрина не было выбора, кроме как стать лидером и приложить все силы, чтобы как можно лучше играть эту роль. Иначе символ исчезнет, и люди потеряют веру, как потерял ее бедняга Айрам.

«Прости, друг, — подумал он. — Тебя я подвел сильнее, чем остальных». Но оглядываться бессмысленно. Надо идти дальше и стараться лучше.

— Я — Перрин Златоокий, — сказал он вслух. — Человек, который умеет говорить с волками. Пожалуй, это не самый скверный удел.

Он тронул каблуками бока Трудяги, и тот прошел через переходные врата. Хочешь не хочешь, но сегодня вечером Перрину Златоокому, к сожалению, придется убивать.

* * *

Галада разбудил шорох входного клапана. Лорд капитан-командор стряхнул остатки сна — глупейшего сна, в котором он ужинал с темноволосой и очень красивой обладательницей идеально очерченных губ и лукавого взгляда, — и потянулся к мечу.

— Галад! — сипло позвали его. Это был голос Трома.

— Что случилось? — спросил тот, не снимая руки с меча.

— Ты был прав, — сказал Тром.

— Насчет чего?

— Вернулась армия Айбара. Его люди на холме, прямо над нами! Их заметили по чистой случайности: как ты и приказывал, караульные следили за дорогой.

Галад выругался и схватился за одежду:

— Как вышло, что они оказались на холме, а мы ничего не заметили?

— Благодаря темным силам, Галад. Байар был прав. Вон как быстро опустел их лагерь.

Разведчики вернулись час назад. На месте лагеря Перрина Айбара было пусто и жутковато, будто раньше его населяли призраки. Никто не

видел, как войско уходило по Джеханнахской дороге. А теперь еще это…

Галад торопливо одевался:

— Поднимай людей. Шуметь нежелательно. Правильно, что пришел без света: незачем предупреждать врага. Пусть солдаты надевают латы, не выходя из палаток.

— Да, милорд капитан-командор, — отозвался Тром, и шорох клапана возвестил о его уходе.

Галад в спешке облачался в доспехи. «Что я наделал?» Ни разу в жизни он не сомневался, что делает правильный выбор… и вот к чему привела самоуверенность: Айбара готов к атаке, а люди Галада спят. С тех пор как вернулась Моргейз, Галаду казалось, что привычная картина мира рассыпается в пыль. В прошлом ему всегда было ясно, как поступить правильно. В прошлом, но не теперь, когда будущее скрылось за туманом неопределенности.

«Надо сдаваться, — подумал он, закрепляя плащ поверх кольчуги. — Но нет, Дети Света не сдаются приспешникам Темного. Такое немыслимо».

Оставалось умереть в бою. А смысл? Чего добьются Дети Света, погибнув до начала Последней битвы?

Снова зашелестел входной клапан палатки.

Галад выхватил меч и приготовился к драке.

— Галад, — сказал Байар без тени уважения в голосе, — ты обрек нас на смерть.

Это обвинение стало последней каплей.

— Те, кто шествует во Свете, не отвечают за поступки выбравших следовать за Тенью! — процитировал Галад Лотэйра Мантилара. — Мой выбор был продиктован честью.

— Надо было атаковать, а не устраивать тот нелепый «суд».

— Нас перебили бы. В его распоряжении были Айз Седай, Айил, мужчины, умеющие направлять Силу. У него было больше солдат, чем у нас, и он обладает силами, о которых мы понятия не имеем.

— Свет защитил бы нас!

— Если так, Свет защитит нас и теперь, — с растущей уверенностью заявил Галад.

— Нет, — свирепо прошептал Байар. — Мы сами до этого дошли. Мы заслужили такую гибель. — И он ушел, хлестнув напоследок входным клапаном по парусиновой стенке палатки.

На мгновение Галад задумался, а затем пристегнул меч. Не время раскаиваться или обвинять друг друга. Надо пережить этот день — если это вообще возможно.

«Угодил в засаду? Сам готовь капкан, — размышлял он. — Пусть солдаты остаются в палатках и ждут нападения. Затем все выскочат во всеоружии, а дальше…»

Нет. Айбара начнет с обстрела, и на палатки обрушится смертоносный дождь. Не зря же он занял господствующие над лагерем высоты. И у него полно стрелков с длинными луками.

Поэтому пусть солдаты наденут доспехи, а по сигналу выскочат из палаток и побегут к лошадям, в то время как вооруженные пиками амадицийцы будут держать оборону у подножия холмов. Не исключено, что Айбара рискнет и отправит конницу вниз по крутому склону, но такая атака разобьется о шеренги пикинеров.

Впрочем, проблему с лучниками это не решит. Тут помогут щиты. Не сильно, но помогут. С тяжелым вздохом Галад вышел в ночь. Пора раздать приказы.

* * *

— Как только начнется битва, — сказал Перрин, — вы втроем должны отступить в безопасное место. О возвращении в Андор даже заикаться не стану: знаю, что вы откажетесь. Но участвовать в битве запрещаю. Держитесь в арьергарде, по-

дальше от самого сражения.

Фэйли взглянула на него. Перрин сидел на коне и смотрел куда-то вдаль. Дело было на вершине холма возле лагеря белоплащников; из врат за спиной у Перрина выходили последние отряды. Стоявший рядом с Трудягой Джори Конгар поднял защищенный от ветра фонарь, и вокруг стало чуть светлее.

— Разумеется, милорд, — учтиво отозвалась Берелейн.

— Вынужден просить, чтобы вы дали слово, — сказал Перрин, по-прежнему глядя вперед. — Аллиандре, Берелейн и ты, Фэйли. Надеюсь, вы согласитесь.

— Даю слово, милорд, — ответила Аллиандре.

Фэйли тревожил голос Перрина, необычайно твердый и решительный. Неужто Берелейн права и ее муж планирует напасть на белоплащников? Эти люди непредсказуемы, и не важно, с каким жаром они твердят, что намерены сражаться в Последней битве. От них будет больше вреда, чем пользы. Кроме того, Аллиандре присягнула Перрину, а белоплащники находятся на ее земле. Как знать, сколько бед они натворят, прежде чем покинут эти места? Да еще и будущий приговор Галада висит над Перрином, будто занесенный

меч…

— Милорд, — встревоженно произнесла Берелейн, — умоляю, не делай этого.

— Я делаю только то, что должен. — Перрин устремил взгляд на дорогу, ведущую в Джеханнах. Но белоплащников там не было. Они находились к югу от занятой армией Перрина возвышенности.

— Перрин… — промолвила Фэйли, бросив взгляд на Берелейн. — Что ты…

Из теней вынырнул человек — бесшумно, хотя ступал по ломкой сухой траве.

— Перрин Айбара, — сказал Гаул, — белоплащники знают, что мы здесь.

— Уверен? — спросил Перрин. Судя по голосу, он нисколько не встревожился.

— Действуют они скрытно, — ответил Гаул, — но я все видел. Девы согласны со мной. Белоплащники готовятся к битве. Конюхи расстреноживают лошадей, а от палатки к палатке снуют вестовые.

Перрин кивнул и направил Трудягу сквозь кустарник к самому краю вершины. Фэйли верхом на Светлом последовала за ним. Берелейн держалась рядом.

Под крутым склоном вилось древнее русло, чьи

изгибы повторяла проложенная рядом Джеханнахская дорога. Миновав подножие холмов, она сворачивала к Лугарду. Сразу за поворотом в тени холма раскинулась лощина, где стояли кругами палатки белоплащников.

Из-за темных облаков — сегодня те были не особо густыми — окрестности заливал серебристо-белый свет бледной луны. По земле, сползая в глубокое русло, стелился густой туман. Перрин внимательно рассматривал дорогу; вся она была как на ладони. Вдруг снизу донеслись крики. Белоплащники выскакивали из палаток и бежали к коновязям. Вспыхнули факелы.

— Лучники, вперед! — громогласно приказал Перрин.

Двуреченцы выступили к краю возвышавшегося над дорогой холма.

— Пехота, стройся за лучниками! — выкрикнул Перрин. — Арганда, на левый фланг! Галленне, на правый! Если понадобится кавалерия, я дам знать. — Он повернулся к пехотинцам — по большей части бывшим беженцам. — Держитесь плотнее, парни. Напоминаю: щит поднят, рука с копьем согнута в локте. Лучники, стрелы на тетиву!

Фэйли поняла, что покрывается потом. Не мо-

жет такого быть, чтобы Перрин… Быть такого не может!

Он по-прежнему не смотрел на белоплащников. Его взгляд был устремлен на противоположный берег высохшей реки, в сотне ярдов за холмами — туда, где круто обрывался берег, подмытый древним потоком. Казалось, он видел что-то, чего не видели остальные. Наверное, так оно и было — с его-то золотистыми глазами.

— Милорд, — промолвила, подъехав к нему, Берелейн. В ее голосе слышалось отчаяние. — Раз уж ты собрался нападать, нельзя ли пощадить командующего белоплащников? Из политических соображений. Он может оказаться полезен.

— Ты о чем вообще? — изумился Перрин. — Я здесь по единственной причине: чтобы Дамодред остался жив!

— Ты… как это? — оторопела Берелейн.

— Милорд! — вдруг воскликнул стоявший рядом Грейди. — Я чувствую, как направляют Силу.

— Что это? Вон там! — крикнул Джори Конгар. — В тумане кто-то есть, и…

Фэйли проследила за его жестом. Там, чуть ниже лагеря, расположенного в пересохшем русле, появлялись, словно вырастая из земли, странные силуэты. Уродливые фигуры с головами и телами

диких зверей, раза в полтора выше Перрина, державшие страшного вида оружие. Среди них скользили безглазые тени в черном.

Омываемые туманом, они шагали вперед, и туман тянулся следом, а из него восставали все новые фигуры — десятки, сотни и тысячи.

Целая армия троллоков и мурддраалов.

— Грейди, Неалд! — взревел Перрин. — Свет!

В воздухе повисли ослепительно-белые сферы, и порожденные туманом троллоки смотрели вверх, щурились и прикрывали глаза, сбитые с толку их сиянием и не понимая, что происходит.

— Как вам такое? — прорычал Перрин. — Они не ожидали встретить нас. Видать, рассчитывали по-быстрому одолеть сонных белоплащников. — Он окинул взглядом шеренги изумленных солдат. — Ну что, хотели пойти со мной на Последнюю битву? Вот сейчас и отведаем ее вкус. Лучники, пускай! Отправьте этих исчадий Тени в породившую их бездну!

С этими словами Перрин воздел свой новый молот, и битва началась.

Глава 41
Неожиданный союзник

Галад бежал, высоко подняв щит. Рядом, тоже прикрываясь щитом, бежал Борнхальд. Фонарь он бросил, когда над лагерем вспыхнули те колдовские огни. Оба молчали. С секунды на секунду в воздухе станет тесно от певучих стрел.

Наконец они добрались до коновязей и забрали лошадей у пары перепуганных конюхов. Опустив щит и чувствуя себя совершенно голым, Галад вскочил в седло Крепыша. Развернув коня, он снова поднял щит и тут же услышал вдали знакомое треньканье тетив, за которым последовали щелчки падающих стрел.

Ни одна не упала поблизости.

Галад медлил. Из-за горящих в небе огней

кругом было светло, как в полнолуние. Если не светлее.

— Что происходит? — спросил Борнхальд, под которым нервно гарцевал конь. — Промахнулись? Стрелы ложатся далеко за пределами лагеря.

— Троллоки! — крикнул кто-то. — На дороге — тысячи троллоков, и все идут сюда!

— Монстры! — в ужасе завопил какой-то амадициец. — Чудища Тени! О Свет! Они что, существуют на самом деле?!

Галад взглянул на Борнхальда. Сверкая белыми плащами, оба галопом пронеслись через лагерь, выехали из него и уставились на дорогу.

Вернее, на бойню.

Отродий Тени накрывали волны стрел, летевшие с холма прямо в гущу троллоков. Визжа и завывая, некоторые монстры пытались прорваться к лагерю Галада, а другие пробовали вскарабкаться наверх — туда, где стояли лучники. Вдруг земля под троллоками вздыбилась, и они взлетели в воздух, навстречу хлынувшему с небес огню: к побоищу присоединились Аша'маны Перрина Айбара.

— Пехотинцы, ставьте стену щитов с этой стороны лагеря! — заорал Галад, тут же сообра-

зивший, что к чему. — Арбалетчики, бегом вон в те развалины! Легионам разделиться на восемь конных отрядов и готовиться к вылазке! Лучникам быть наготове!

Главной ударной силой Детей Света была кавалерия. Каждый отряд по очереди налетит на троллоков, ударит и отступит за стену щитов пехоты. Арбалетчики ослабят ряды троллоков, после чего в бой пойдет тяжелая конница с копьями, а лучники прикроют всадников и позволят им вернуться за оборонительные линии.

Приказ немедленно передали остальным. Галад отметил, что Дети Света действуют слаженнее амадицийцев. Борнхальд кивнул. Тактика была скорее оборонительной, но вполне уместной. По крайней мере, пока Галад не поймет, что тут вообще творится.

Стук копыт возвестил о прибытии Байара. Всадник осадил коня, развернулся и выпучил глаза:

— Троллоки? Но как?.. Это все Айбара! Он привел армию исчадий Тени!

— Даже если так, — сказал Галад, — глянь, как он встречает этих тварей.

Байар приблизился:

— В точности как в Двуречье! Помнишь, Дэйн, что там было? Когда напали троллоки, Айбара

призвал всех к оружию, и тем самым обрел немалую поддержку.

— Но какой в этом смысл? — спросил Борнхальд.

— Одурачить нас!

— Разменять одних последователей на других? — нахмурился Борнхальд. — Это… бессмыслица какая-то. Если Айбара повелевает тысячами троллоков, зачем ему Дети Света?

— Затем, что он больной. У него извращенный ум, — объяснил Байар. — Если Айбара не связан с появлением троллоков, по какой причине, скажите на милость, его армия появилась здесь одновременно с этими чудовищами?

Галад вынужден был признать, что эти слова не лишены крупицы здравого смысла.

— Во всяком случае, — сказал он, — теперь у нас есть время построиться. Борнхальд, Байар, передайте мои приказы. Пусть всадники готовятся атаковать, как только отстреляются арбалетчики. — Он помолчал. — И добавьте, чтобы не открывались войскам Айбара с флангов. Поставьте у подножия холма пехотинцев с копьями. На всякий случай.

* * *

Завывающие троллоки падали под ливнем стрел, но на смену погибшим появлялись новые, и многие твари стояли на ногах даже после множества попаданий. Похоже, исчадия Тени готовили бросок на холм, где располагались силы Перрина. Если так, какое-то время их должны будут сдерживать пехотинцы, которые потом отступят, а наступающих троллоков сметет конница.

— Как ты узнал? — тихо спросила Фэйли, и Перрин взглянул на нее:

— Вам троим пора в арьергард.

Он покосился на Берелейн. Та, белая как мел, вцепилась в поводья с таким лицом, будто вид троллоков выбил ее из колеи, хотя Перрин знал, что эта женщина выкована из крепчайшей стали. Почему же от нее так пахнет тревогой?

— Я уйду, — сказала Фэйли, — но сперва ответь на мой вопрос.

— Это же логично, — объяснил Перрин. — Тот купол должен был не дать нам уйти через переходные врата. Но еще его поставили, чтобы мы не Переместились прямиком в Андор, а пошли по этому тракту. Помнишь, как мы удивились, узнав, что мастер Гилл ослушался приказа и свер-

нул на дорогу? Какие-то люди, шедшие с севера, убедили его, что впереди непролазная грязь. Подозреваю, их подослали враги, чтобы заманить нас в ловушку. Все это время нас вели как на убой. Встреча с белоплащниками была случайностью: враг только хотел, чтобы мы как можно быстрее направились к Лугарду. Голову даю на отсечение: сойди мы с дороги, нас вынудили бы вернуться на нее. Кто-то страшно хотел, чтобы мы угодили в засаду. Вряд ли Галад и его войско как-то с этим связаны: скорее, белоплащники оказались досадным недоразумением. Чем-то вроде колючки под седлом.

— Но… Троллоки? Как они сюда попали?

— Наверное, с помощью Портального камня, — предположил Перрин. — Как чувствовал, что здесь планируется нападение. Почему — сам не знаю. Думал, что с небес налетят драгкары. Или что мы проглядели Путевые врата. Но руины, на которые указал Арганда, — неплохое место для Портального камня. Наверное, его засыпало песком, когда река меняла русло. Троллоки выходят не из-под земли; думаю, они появляются из камня. Вот она тут, ловушка. Наверное, нас атаковали бы куда раньше, но на дороге объявились белоплащники, и врагу пришлось ждать, пока мы не

разберемся с ними. А потом мы ушли, когда снова стали действовать переходные врата. Поэтому…

— Поэтому они напали на Дамодреда и его людей, — подхватила Фэйли. — Поскольку капкан уже готов, враг решил нанести урон тем, кто в будущем может выйти сражаться против него.

— Подозреваю, за всем этим стоит кто-то из Отрекшихся, — сказал Перрин, поворачиваясь к Грейди.

— Кто-то из Отрекшихся? — ахнула Аллиандре. — Разве мы в силах противостоять Отрекшемуся?!

— На что ты рассчитывала, когда присоединилась ко мне? Когда присягнула мне? — взглянул на нее Перрин. — Грядет Тармон Гай'дон, и ты будешь биться на стороне Дракона Возрожденного! Так что встречи с Отрекшимися не миновать.

Аллиандре побледнела, но — к чести ее будет сказано — кивнула.

— Грейди! — окликнул Перрин Аша'мана, выжигавшего троллоков огнем. — Ты чувствуешь тех, кто направляет Силу?

— Только иногда, милорд, — отозвался Грейди. — Кто бы это ни был, не сказал бы, что они невероятно сильны. В бой эти ребята не вступают. Думаю, приводят кулак троллоков и тут же

возвращаются за новым.

— Высматривай их, — велел Перрин. — Если сможешь убить — убей.

— Есть, милорд, — отсалютовал Грейди.

Значит, троллоков приводит сюда не Отрекшийся. Кто-то из них однозначно приложил руку к этому нападению, но решил не участвовать в нем напрямую.

— Вы трое, в арьергард, — обратившись к Аллиандре, Берелейн и Фэйли, приказал Перрин, поигрывая молотом.

Троллоки уже начали взбираться на холм. Многие падали под стрелами, но остальные скоро будут на вершине. Пришло время драться.

— Ты не знаешь, сколько их там, муж мой, — тихо сказала Фэйли. — Враги прибывают. Что, если они возьмут числом?

— Если станет ясно, что нам не победить, отступим через переходные врата. Но я не сдам белоплащников без боя. Я ни одного человека не хочу оставлять троллокам, пусть даже это будут белоплащники. В Двуречье они не стали нам помогать, но я так поступить не могу. Вот и все. Точка.

Фэйли вдруг приблизилась и поцеловала его:

— Спасибо.

— За что?

— За то, что ты тот, кто есть. — Она развернула коня, и все трое удалились, когда Перрин уж начал подумывать, что надо бы приказать Грейди оплести Фэйли прядями Воздуха и утащить подальше. Он покачал головой и взглянул на лезущих по косогору троллоков. Двуреченцы делали все возможное, чтобы задержать врагов, но у лучников уже заканчивались стрелы.

Перрин взвесил Мах'аллейнир в руке. Отчасти он жалел, что придется искупать новенький молот в крови, но по большому счету был доволен: эти троллоки — и те, кто управлял ими, — были повинны в гибели Прыгуна.

На холм взобрался первый кулак троллоков, возглавляемый Исчезающим с черным мечом. Позади маячил еще один мурддраал. Перрин взревел, поднял молот и бросился им навстречу.

* * *

Галад ругнулся, развернул Крепыша и рубанул мечом шею троллока с медвежьей головой. Из раны хлынула густая, темная, зловонная кровь, но прикончить эту тварь оказалось не так-то просто. Во время совместных тренировок с людьми, которым доводилось биться с отродьями Тени,

Галад слыхал немало рассказов об их живучести, но все равно не поверил своим глазам.

Пришлось нанести еще три удара, прежде чем чудовище упало. Рука уже начала уставать. В бою с такими монстрами тонкости фехтования ни к чему. Галад, конечно, пользовался приемами верхового боя, но чаще всего самыми грубыми и безыскусными: «Дровосек обдирает ветку», «Яркий полумесяц» и «Высечь искру».

Дети Света держались, но едва-едва. Их обступили со всех сторон — так, что пустить в ход кавалерийские копья было негде. Поначалу вылазки казались результативными, но тяжелую конницу вынудили отступить за ряды пехотинцев, а все войско потеснили на восток. Амадицийцев уже сминали. Из-за непрерывного натиска атакующих кавалерия не могла наносить новые удары: конным Чадам оставалось лишь беспорядочно отмахиваться от троллоков, стараясь остаться в живых.

Галад развернул Крепыша, и тут на него напрыгнули два рычащих троллока. Первого он полоснул по горлу приемом «Цапля хватает рыбку-серебрянку», но тварь завалилась на коня, тот отшатнулся и угодил под страшный удар второго троллока. Монстр рассек ему горло шипастым

копьем, и Крепыш упал.

Галад успел выскочить из седла, но не сгруппировался и тяжело упал рядом с конем. Крепыш подергивал ногами. На белую шкуру толчками выплескивалась кровь. Галад откатился, выставив перед собой меч, но падение, как оказалось, вышло ему боком, и лодыжка зашлась от боли.

Не обращая на нее внимания, Галад вскинул клинок — как раз вовремя, чтобы отразить размашистый удар девятифутового монстра, поросшего бурым мехом. От троллока разило смертью. Этот выпад снова выбил Галада из равновесия.

— Галад!

В ряды троллоков, разбрызгивая смердящую кровь, врубились фигуры в белом, и троллоки вынуждены были отступить. Борнхальд — в руке обнаженный меч, помятый щит заляпан темной кровью, — тяжело дыша, встал над Галадом. Он вел с собой четверых, но в живых осталось только двое.

— Спасибо, — сказал Галад. — Где ваши кони?

— Мертвы, — ответил Борнхальд. — Думаю, этим тварям приказано перебить лошадей.

— Не хотят, чтобы мы сбежали, — заключил Галад, — или перешли в полноценную атаку.

Он бросил взгляд на ряды окруженных бойцов.

В прошлом казалось, что двадцать тысяч — внушительная сила, но теперь в боевых порядках царило смятение. Волны чудовищ прибывали, и вот уже северный фланг обороны дрогнул и просел под напором троллоков, пытавшихся взять войско Галада в клещи. Они хотели окружить его с юга и севера и размазать по крутому склону холма. О Свет!

— Бегом на север, к пехоте! — завопил Галад и со всей возможной прытью припустил в указанном направлении. Поврежденная лодыжка протестовала, но позволяла бежать. По пути к нему присоединялись другие. Их одеяния уже не были белыми.

Галад знал, что почти все военачальники, включая самого Гарета Брина, избегают сражаться в передних рядах. Они слишком важны для своих армий, их дело — думать головой и командовать войсками в битве. Наверное, Галаду надо было последовать их примеру, но теперь все пошло наперекосяк.

Дети Света были надежными и обученными солдатами, но им не хватало опыта сражений с троллоками. Лишь теперь — в конной атаке по размытой земле, глубокой ночью, озаренной сиянием светящихся сфер, — Галад понял, насколько

они не готовы к подобной схватке. В его армии было сколько-то ветеранов, но остальным не доводилось воевать ни с кем, кроме распоясавшихся разбойников да городского ополчения.

Троллоки — совсем другое дело. Завывающие, рычащие, фыркающие монстры вошли в боевой раж. Нехватку воинской дисциплины они возмещали силой, жестокостью и, конечно, лютым голодом. Хотя, чтобы вспороть оборону Детей Света, хватило бы одних мурддраалов. Бойцы Галада уже дрогнули.

— Ни шагу назад! — взревел он, добежав до проплешины в солдатских рядах. С ним был Борнхальд и с полсотни бойцов. — Держаться! Мы — Дети Света, и мы не отступим перед Тенью!

Толку-то… Глядя на эту катастрофу, Галад чувствовал, как рушатся последние столпы его мировоззрения. Детей Света не защищала их добродетель: они падали целыми рядами, словно колосья под серпом. Что хуже, многие не проявляли ни стойкости, ни героизма: голося от ужаса, они попросту бросились наутек. С амадицийцами-то все ясно, но многие Чада повели себя примерно так же.

Нет, они не были трусами или никуда не годными бойцами. Они были простыми людьми.

Самыми обычными людьми. И вопреки надеждам, Свет защищал их не лучше, чем всех остальных.

* * *

Грянул гром: в очередной раз Галленне развернул свою конницу и повел в новую атаку. Всадники ударили по врагу, сбросив добрую треть вражеских рядов с холма, и троллоки покатились вниз по склону.

Перрин обрушил Мах'аллейнир на голову ближайшего чудища с такой силой, что троллока отшвырнуло в сторону. Как ни странно, в месте соприкосновения с молотом его кожа зашкворчала и задымилась. Так было при каждом ударе, словно прикосновение Мах'аллейнира обжигало исчадий Тени, хотя Перрин чувствовал лишь исходившее от молота приятное тепло.

Своей атакой Галленне рассек ряды троллоков на две разрозненные группы, но трупов накопилось столько, что конным копейщикам было негде развернуться. Поэтому кавалеристы отступили, и сменивший их отряд лучников из Двуречья стал выкашивать троллоков слаженными залпами, сея во вражеских рядах визжащую, завывающую, зловонную смерть.

Перрин направил Трудягу в сторону, и его тут же окружили пехотинцы. Павших в бою с троллоками было совсем немного, хотя любой погибший — это невосполнимая утрата.

Подъехал Арганда. Он где-то потерял свой плюмаж, но широко улыбался.

— Давненько не бывал я в такой славной битве, Айбара. Враг, которого ни капли не жалко, идеальное поле боя и безупречная позиция для обороны. А лучники — просто мечта любого полководца, и еще Аша'маны, чтобы закрыть слабые места! Я своими руками уложил пару десятков этих тварей — и скажу, что примкнуть к тебе стоило ради одного этого дня!

Перрин кивнул, решив не указывать, что события развиваются столь благоприятным образом лишь потому, что основные силы троллоков заняты белоплащниками. У этих омерзительных монстров весьма силен инстинкт самосохранения. Карабкаться на холм под градом стрел и огненных шаров, а затем отбивать позиции у двух свежих кавалерийских отрядов? Правильнее — в том числе и с тактической точки зрения — поискать неприятеля попроще и сперва сосредоточиться на нем, раз уж приходится воевать на два фронта.

Чтобы побыстрее сокрушить белоплащников у подножия холма, троллоки накинулись на них всем скопом, разделили Детей Света на малочисленные отряды и не оставили пространства для кавалерийских атак. Пусть эти твари слабы умом, но их командир явно разбирался в тактике.

— Лорд Перрин! — крикнул Джори Конгар, перекрывая троллочьи вопли. Оказалось, он уже подбежал к Трудяге. — Ты приказывал узнать, как дела у белоплащников. Думаю, тебе стоит на это взглянуть.

Перрин кивнул, поднял сжатую в кулак руку и резко опустил ее рубящим жестом. За спиной у него на каменном выступе, с которого открывался вид на дорогу, стояли Неалд и Грейди. В первую очередь им было велено уничтожать всех замеченных мурддраалов. Перрину не хотелось подпускать их к возвышенности: чтобы уложить Исчезающего мечом или топором, придется пожертвовать десятком солдат. Поэтому лучше жечь этих тварей издалека. Кроме того, смерть мурддраала нередко влекла за собой гибель всего связанного с ним отряда троллоков.

По сигналу Перрина Аша'маны, Айз Седай и Хранительницы Мудрости обрушили на троллоков огонь из ладоней и молнии с небес, отбрасывая

врагов подальше от склона, чтобы дать передышку пехотинцам.

Перрин подвел Трудягу к самому краю, положил Мах'аллейнир на колено и бросил взгляд на юг. Белоплащники держались еще хуже, чем он предполагал. Троллоки вклинившись в их ряды, почти располовинили силы Дамодреда и к тому же напирали с флангов. Галаду и его собратьям приходилось отбиваться сразу с трех сторон. Они пятились к склону холма, а многие кавалерийские отряды оказались отрезаны от основной битвы.

К Перрину подъехал Галленне:

— Троллоки прибывают. Навскидку их тысяч пятьдесят — пока что. По словам Аша'манов, они чувствуют только одного, кто там направляет, и в бой он не рвется.

— Тому, кто командует отродьями Тени, не хочется терять своих владеющих Силой, — предположил Перрин. — Ведь на этом холме у нас преимущество. Поэтому троллоки будут стремиться нанести как можно больший урон, а их командир постарается переломить ход сражения. В случае успеха покажется и тот, кто способен направлять.

Галленне кивнул.

— А вот армия Дамодреда в беде, — заметил Перрин.

— Да, — согласился Галленне. — Вы выбрали неплохое место, чтобы помочь им. Но как видно, этого мало.

— Я намерен спуститься, — решил Перрин и указал вниз. — Троллоки берут его в кольцо и теснят к косогору. Можем обрушиться на них с фланга, прорвать ряды неожиданным ударом, и тогда люди Дамодреда смогут подняться сюда на холм.

— Простите, лорд Перрин, — сдвинул брови Галленне, — но не могу не спросить: с чего вы решили, что мы у них в долгу? Признаюсь, нападi мы на белоплащников, я бы не обрадовался, хотя понял бы логику такого решения. Но не вижу причины им помогать.

— Так надо, и все тут, — проворчал Перрин.

— Это спорный вопрос. — Галленне покачал головой, звякнув забралом шлема. — Бить Исчезающих и троллоков — дело, безусловно, хорошее. Чем больше их поляжет, тем меньше выйдет на Последнюю битву, а наши ребята научатся давать им отпор и держать страх в узде. Но склон крутой и ненадежный. Если начнем спускаться к Дамодреду верхом, растеряем все преимущество.

— Я все равно пойду, — сказал Перрин. — Джори, собери двуреченцев и Аша'манов. Пусть проредят троллоков перед нашим маневром. — Он снова глянул вниз, и на него нахлынули воспоминания о Двуречье. Кровь. Смерть. Мах'аллейнир в руке потеплел. — Я не брошу их, Галленне. Даже их не брошу. Ну, присоединишься?

— Странный вы человек, Айбара, — задумчиво промолвил Галленне. — И по-настоящему благородный. Да, присоединюсь.

— Отлично. Джори, приступай. Надо спуститься к Дамодреду, пока не прорвали его ряды.

* * *

По скоплению троллоков пробежала рябь. Галад осмотрелся, сжимая меч в потной ладони. Все тело ныло от усталости. Отовсюду доносились стоны, то хриплые и гортанные, с которыми подыхали троллоки, то жалобные, с которыми расставались с жизнью люди. Стоявшие поблизости Чада еще держались, но из последних сил.

Даже с учетом колдовского освещения ночь была темной, и бой походил на схватку с порождениями кошмара. Но если Дети Света не выстоят против тьмы, на что вообще надеяться этому миру?

Троллоки взвыли громче прежнего, а те, что шли в передних рядах, стали оборачиваться и что-то бормотать на грубом гортанном наречии, и Галад содрогнулся от омерзения. Троллоки умеют говорить? Неужели? Он этого не знал. Что же привлекло их внимание?

Тут он все увидел. На первые шеренги троллоков обрушился сверху ливень стрел. Лучники из Двуречья оправдывали свою репутацию. До сего момента Галад не поверил бы, что можно стрелять с такой точностью, но ни одна шальная стрела не угодила в белоплащников, да и промахов было всего ничего.

Троллоки завыли и завизжали, когда по косогору вниз устремилась лавина из тысячи конных бойцов, окруженных сполохами молний. С вершины холма золотисто-красными дротиками сыпались огни, озарявшие всадников в серебристой броне.

Это был невероятный маневр. На крутом склоне лошади могли оступиться и упасть, и тогда весь отряд превратился бы в бесполезную массу тел. Но этого не произошло. Кони уверенно мчали вперед, и в ночи сверкали копья, а возглавлял эту кавалькаду бородатый гигант с высоко поднятым молотом. Сам Перрин Айбара, над которым тре-

петало знамя с эмблемой в виде красной волчьей головы, чье древко сжимал в руке человек, спускавшийся следом за Айбара.

Завидев все это, Галад непроизвольно опустил щит. Из-за окружавших Перрина Айбара языков пламени казалось, что он пылает, а золотистые глаза его горели едва ли не ярче магических огней.

Всадники врезались в троллоков, окруживших армию Галада. Перекрывая лязг битвы, Айбара оглушительно взревел и принялся крушить попятившихся монстров своим молотом, сея в их рядах смятение и ужас.

— Вперед! — крикнул Галад. — В атаку! Гоните их на кавалерию!

Он бросился на север, к противоположному склону. Рядом бежал Борнхальд. Неподалеку Тром собирал остатки своего легиона для броска на троллоков, зажатых между конницей Айбара и Детьми Света.

Схватка становилась все более хаотичной. Галад неистово размахивал мечом. Невероятно, но теперь с холма, отказавшись от естественного преимущества, спускалась вся армия Айбара. С криками «Златоокий! Златоокий!» на троллоков бросились десятки тысяч солдат, и Галад

с Борнхальдом вдруг оказались среди врагов: звероподобные твари бросились врассыпную, пытаясь спастись от Айбара и его сил, а находившиеся поблизости Дети Света отчаянно дрались за свою жизнь. Прикончив какого-то троллока выпадом «Лента на ветру», Галад развернулся и увидел, что на него несется десятифутовая громадина с бараньей головой. По бокам огромной тупой морды завивались рога, но глаза и квадратный подбородок были человеческими.

Когда чудище взмахнуло шипованным боевым ухватом, Галад присел и вогнал меч ему в брюхо. Троллок заверещал, а Борнхальд тем временем подрезал ему поджилки.

Галад вскрикнул и отскочил, но его подвела вывихнутая лодыжка: нога угодила в расщелину, и при падении лорд капитан-командор услышал пренеприятнейший хруст.

Издыхающий монстр рухнул на него и примял к земле. Не обращая внимания на мучительную боль в ноге, Галад выпустил меч и попытался столкнуть с себя мертвое тело. Борнхальд, жутко ругаясь, отбивался от страшилища с кабаньим рылом. Троллок грозно всхрюкивал.

Галад поднапрягся и отпихнул зловонный труп в сторону. Краем глаза он заметил людей в белом:

к нему отчаянно пробивались Тром с Байаром. Троллоков было великое множество, и почти все оказавшиеся поблизости Дети Света незамедлительно встретили смерть.

Галад потянулся к мечу, и в этот момент из теней, расталкивая врагов на северном фланге, вырвалась конная фигура. Златоокий. На скаку он обрушил молот на кабаноподобного троллока, и тот рухнул как подкошенный. Айбара спрыгнул с коня, а Борнхальд подобрался к Галаду и помог ему подняться.

— Ранен? — спросил Айбара.

— Лодыжку сломал, — ответил Галад.

— Полезай в седло, — сказал Айбара.

Разумное предложение, и Галад не стал возражать, хотя чувствовал изрядную неловкость, когда Борнхальд помогал ему взобраться на коня Айбара, в то время как люди Златоокого теснили троллоков. Теперь, когда в схватку вступила еще одна армия, у солдат Галада открылось второе дыхание.

Головокружительный спуск по косогору был весьма рискованным маневром, но Галад, сидевший теперь на коне, видел, что риск оказался оправдан: мощная атака рассекла ряды троллоков на отдельные группы, многие из которых

пустились в бегство. Летящий с вершины холма огонь уничтожал мурддраалов, тем самым лишая жизни целые кулаки связанных с ними троллоков.

Бой, конечно, был далек от завершения, но расклад изменился. Солдаты Айбара окружили своего командира, давая ему — а заодно и Галаду — передышку для размышления над следующим этапом атаки.

Галад взглянул на Златоокого. Тот изучающе смотрел на троллоков.

— Ты, верно, думаешь, что твое вмешательство повлияет на приговор. Как-никак ты мне жизнь спас, — сказал Галад.

— Уж надеюсь, — пробурчал Айбара, и Галад поднял бровь. Не такого ответа он ожидал.

— Ты появился перед самым нападением троллоков. Мои люди считают, что это выглядит подозрительно.

— Пусть думают что хотят, — сказал Айбара. — Вряд ли мои слова повлияют на их мнение. В каком-то смысле я сам виноват: троллоки явились сюда по мою душу. Просто я успел убраться прежде, чем захлопнулась ловушка. Радуйся, что мы не бросили тебя наедине с этими тварями. Вы, белоплащники, причинили мне не меньше горя,

чем отродья Тени.

Как ни странно, Галад понял, что улыбается. Этот Перрин Айбара отличался прямотой и откровенностью — а чего еще желать от союзника?

«Выходит, мы союзники? — подумал он, кивая приближающимся Трому и Байару. — В данный момент — пожалуй». Он и впрямь доверял Перрину Айбара. Да, нельзя исключать, что в мире существуют люди, способные на столь тонкую интригу, дабы втереться в доверие к Галаду. Одним из таких был Валда.

Но не Айбара. Этот Златоокий — и впрямь честный парень. Пожелай он избавиться от Детей Света, просто перебил бы их и пошел своей дорогой.

— Значит, так тому и быть, Перрин Айбара, — сказал Галад. — Ты узнаешь приговор сегодня ночью, здесь и сейчас.

— В смысле — сейчас? — нахмурился Перрин, отвлекшись от созерцания боевых порядков.

— Считаю, что в наказание за пролитую кровь ты должен заплатить цену крови семьям погибших Чад. Пять сотен крон каждой. Кроме того, приказываю тебе принять участие в Последней битве и сражаться изо всех сил. Выполни эти условия, и я провозглашу, что ты искупил свою

вину.

Не лучшее время он выбрал для подобного заявления, но оно напрашивалось само собой: бой еще не окончен, и один из них может погибнуть, а поэтому Галаду хотелось, чтобы Айбара узнал свой приговор. На всякий случай.

Какое-то время Златоокий смотрел на него. Затем кивнул и поднял руку:

— Признаю твое решение справедливым, Галад Дамодред.

— Создание мрака! — Кто-то подбежал к Айбара, выхватывая меч. Шелест ножен, отблеск металла, пылающие от гнева глаза… Байар надумал сразить Златоокого ударом в спину.

Айбара повернулся. Галад поднял свой меч. Оба двигались недостаточно быстро.

Но клинок Джарета Байара не достиг цели. Белоплащник замер с занесенным мечом в руке. Изо рта у него хлынула кровь. Он упал на колени и растянулся на земле у копыт коня.

Позади Байара, широко раскрыв полные ужаса глаза, стоял Борнхальд. Он взглянул на свой клинок:

— Я… Нельзя так! Бить человека в спину после того, как он выручил нас. Так нельзя… — Он выронил меч и попятился от бездыханного Байара.

— Ты поступил правильно, чадо Борнхальд. — Галад с сожалением покачал головой. — Он был хорошим офицером. Временами неприятным, но храбрости ему было не занимать. Жаль, что он больше не с нами.

Айбара глянул по сторонам — так, словно ждал нападения других Детей Света:

— Этот с самого начала искал повода прикончить меня.

Бросив на него полный ненависти взгляд, Борнхальд вытер меч, с силой вогнал его в ножны и ушел туда, куда относили раненых. Вокруг Галада и Айбара стало поспокойнее: троллоков оттеснили, а люди Златоокого и оставшиеся в живых Дети Света сомкнулись в боевом порядке.

— Он по-прежнему верит, что я убил его отца, — сказал Айбара.

— Нет, — ответил Галад. — По-моему, он изменил свое мнение. Но Борнхальд слишком долго ненавидел тебя, лорд Айбара. Едва ли не дольше, чем дружил с Байаром. — Он покачал головой. — А потом убил своего друга. Иной раз правильные поступки причиняют немало боли.

— Тебе пора к раненым, — хмыкнул Айбара, поднял молот и взглянул туда, где еще кипела битва.

— Если оставишь мне этого скакуна, я смогу драться.

— Что ж, тогда приступим. — Айбара смерил его взглядом. — Но я буду поблизости — на тот случай, если тебе придется несладко.

— Спасибо.

— Потому что я обожаю своего коня.

Галад улыбнулся, и оба ринулись в гущу сражения.

Глава 42
Сильнее крови

Опять Гавин сидел в одной из комнат в апартаментах Эгвейн, тесной клетушке, отделанной в самом строгом стиле. Он совсем выбился из сил — и неудивительно, если вспомнить, что ему довелось пережить. Включая несколько Исцелений.

Все его внимание было поглощено новым чувством — единством с Эгвейн и ее эмоциями, распустившимся в глубине сознания, словно прекрасный цветок. Эта дивная связь успокаивала, ведь благодаря ей Гавин знал, что Эгвейн жива.

Теперь он умел предчувствовать ее появление. Поэтому встал прежде, чем отворилась дверь.

— Гавин, — сказала Эгвейн, входя в комнату, — в таком состоянии тебе не следует вставать. Прошу, присядь.

— Я в полном порядке, — возразил он, но сделал как было велено.

Эгвейн придвинула второй табурет и уселась напротив — спокойная, безмятежная, но Гавин чувствовал, что ночные события не прошли для нее даром. Слуги до сих пор разбирались с пятнами крови и мертвыми телами, а Чубейн, подняв по тревоге всю Башню, проверял всех сестер по порядку. Как оказалось, в Башне орудовала еще одна злоумышленница. Разделаться с ней стоило Чубейну двоих гвардейцев и одного Стража.

Да, Гавин чувствовал, как за бесстрастной маской Амерлин бушуют эмоции. В последние месяцы он начал думать, будто Айз Седай умеют вообще ничего не чувствовать, но узы доказывали обратное. Эгвейн много о чем волновалась, но не позволяла своим переживаниям отразиться на лице.

Глядя на ее лицо и одновременно чувствуя, как Эгвейн обуревают эмоции, Гавин впервые осознал, что такое связь Стража и Айз Седай. Стражи не были обычными телохранителями; они — и только они — понимали, что происходит

в душе Айз Седай. И не важно, насколько умело та скрывает свои чувства. Страж знал, что маска — это всего лишь маска.

— Ты нашла Месану? — спросил Гавин.

— Да, хоть и не сразу. Она выдавала себя за Айз Седай по имени Данелле, из Коричневой Айя. Была у себя в комнате, лепетала как младенец и уже успела обмочиться. Понятия не имею, что с ней делать.

— Данелле? Я ее не знал.

— Она держалась особняком. Наверное, поэтому Месана и выбрала ее. — Несколько секунд они молчали, а затем Эгвейн наконец спросила: — Как ты себя чувствуешь?

— Ты же знаешь, как я себя чувствую, — улыбнулся Гавин.

— Это лишь способ завязать разговор.

— Как я себя чувствую? Просто замечательно. Изумительно. Теперь я спокоен. И еще озабочен, взволнован, встревожен… Как ты.

— С этими шончан надо что-то делать.

— Согласен. Но тебя беспокоит иное. Я ослушался, и в то же время ты знаешь, что это был правильный поступок.

— Ты не ослушался, — возразила Эгвейн. — Я сама велела тебе вернуться.

— Но не сняла запрет на охрану твоей двери. Я мог расстроить твои планы, нарушить ход событий, спугнуть убийц…

— Да, мог. — Эти слова сопровождались всплеском эмоций. — Но вместо этого спас мне жизнь.

— Как они попали к тебе в спальню? — спросил Гавин. — Почему ты не проснулась, когда из-за служанки сработала тревога?

— Я крепко спала, — покачала головой Эгвейн. — И во сне сражалась с Месаной. Тревогу должны были услышать дежурившие рядом гвардейцы. Их всех нашли мертвыми. Похоже, убийцы поджидали меня, думая, что я выйду узнать, что происходит. Один прятался в прихожей, чтобы прикончить меня, если я захвачу двух других. — Она поморщилась. — План мог сработать: ведь я ожидала кого-то из Черной Айя или Серого Человека.

— Я отправил предупреждение…

— Посыльную тоже нашли мертвой. — Она пристально посмотрела на Гавина. — Ночью ты поступил правильно, но я все равно обеспокоена.

— С этим мы разберемся, — сказал он. — Ты позволила защищать тебя, а в остальном я буду слушаться. Обещаю.

После паузы Эгвейн кивнула:

— Что ж, пора переговорить с Советом. Восседающие, наверное, уже готовы выбить мою дверь и потребовать ответов.

Гавин знал, что мысленно она скроила гримаску.

— Неплохо бы намекнуть, — сказал он, — что мое возвращение было частью твоего плана.

— Так оно и было, — ответила Эгвейн, — хотя никто не предвидел, насколько вовремя ты вернешься. — Она помолчала. — Когда я сообразила, какими словами Сильвиана изложила в письме мою просьбу, то стала опасаться, что ты вообще не вернешься.

— Я подумывал об этом.

— И что же склонило чашу весов в мою пользу?

— Я понял, что никогда не умел сдаваться. Пора научиться.

Эгвейн кивнула — похоже, с пониманием.

— Велю, чтобы сюда принесли кровать. Всегда хотела, чтобы именно здесь располагался мой Страж.

Гавин улыбнулся. Спать в разных комнатах? В глубине души она так и осталась скромной дочкой хозяина гостиницы. Эгвейн прочла его

мысли и покраснела.

— Почему бы нам не пожениться? — спросил Гавин. — Прямо здесь. Сегодня. О Свет, Эгвейн! Ты же Амерлин, и в Тар Валоне твое слово — закон. Прикажи, и нас сочетают браком.

Эгвейн побледнела; странно, но это предложение выбило ее из колеи. Гавин даже испытал укол тревоги: сама же сказала, что любит его! Неужели ей не хочется…

Но нет, Гавин чувствовал ее эмоции. Эгвейн и впрямь любит его. Так почему она медлит с ответом?

Наконец девушка заговорила — и, судя по голосу, была в смятении:

— Думаешь, я смогу смотреть в глаза родителям, если выйду замуж без их благословения? О Свет! Гавин, надо хотя бы пригласить их сюда, в Башню! А как насчет Илэйн? Ты что, готов жениться, не поставив ее в известность?

— Конечно, ты права, — улыбнулся Гавин. — Я свяжусь с нашей родней.

— Я могу…

— Эгвейн, ты не кто-то, а Престол Амерлин. На твоих плечах весь мир, и это тяжеленный груз. Так что позволь мне заняться приготовлениями к свадьбе.

— Ну хорошо, — кивнула Эгвейн и вышла к ожидавшей ее Сильвиане.

Та бросила на Гавина очередной сердитый взгляд. Эгвейн велела слугам принести кровать, после чего они с Хранительницей Летописей удалились в сопровождении пары гвардейцев Чубейна.

Гавин предпочел бы пойти с ней — мало ли, вдруг в Башне еще остались убийцы, — но Эгвейн велела ему отоспаться и была права: сохранять вертикальное положение Гавину удавалось с трудом. Нетвердо поднявшись на ноги, он заметил ряд тел, прикрытых простынями. Их унесут лишь после того, как сестры осмотрят мертвецов, а с поисками других злоумышленников и после обнаружения Месаны заняться этим было некогда.

Стиснув зубы, он заставил себя подойти, сдвинуть простыню и посмотреть на безжизненные лица Мазона и Целарка, чья отсеченная голова покоилась рядом с телом.

— Вы храбро сражались, парни, — сказал он, угнетенный и разозленный потерей двоих отменных солдат. — Я сообщу вашим семьям, что благодаря вам Амерлин осталась жива.

А про себя Гавин подумал: «Чтоб им сгореть, этим шончан. Правильно сказала Эгвейн: с ними

надо что-то делать».

Он глянул в сторону — туда, где лежали тела троих убийц, двух женщин и одного мужчины.

«Хотел бы я знать…» — подумал он и подошел к простыне, из-под которой торчали ноги в черной обувке с мягкими подошвами, и приподнял ее. Гвардейцы покосились на Гавина, но возражать не стали.

Найти тер'ангриалы оказалось несложно, но лишь потому, что Гавин знал, что нужно искать: три одинаковых кольца — вырезанная из черного камня шипастая лоза, у каждого на среднем пальце правой руки. Очевидно, Айз Седай не поняли, что это за предметы. По крайней мере, пока.

Гавин снял все три кольца и сунул их в карман.

* * *

Лан что-то чувствовал. Он давно уже привык игнорировать глубинные эмоции — да и женщину, с которой они были связаны, — но в последнее время они изменились. Лан все увереннее предполагал, что его узы теперь у Найнив. Он мог отличить ее чувства от чувств других женщин. Как не узнать ее пылкую страсть? Ее безграничную доброту? Их ни с чем не спутаешь.

Он взглянул на дорогу. Та огибала холм, а затем сворачивала прямиком к отчетливо различимой крепости на границе между Кандором и Арафелом — Сребростенной Цитадели, серьезному укреплению по обе стороны Фирчонского ущелья. Сооружение впечатляло своей грандиозностью: на самом деле крепостей было две, и каждую возвели впритык к отвесным стенам узкого, похожего на каньон перевала, словно два громадных шкафа по обеим сторонам гигантского коридора.

Чтобы миновать достаточно протяженный перевал, требовалось пройти меж высоких каменных стен с множеством бойниц. Удобное место, чтобы остановить армию, движущуюся в том или ином направлении.

Все Пограничные земли были союзниками, но арафелцы все равно захотели обзавестись надежной крепостью, блокирующей путь к Шол Арбела. Возле этой цитадели сегодня стоял походный лагерь, в котором собрались тысячи человек, державшиеся небольшими группами. Над некоторыми реял стяг Малкир с золотым журавлем, над другими развевались флаги Кандора или Арафела.

— Кто из вас нарушил клятву? — оглянулся Лан на вереницу спутников.

Те принялись отрицательно мотать головами.

— Зачем ее нарушать? — спросил Андер. — Куда еще ты направился бы? Срезал через Разоренные земли? Через Плосковерхие холмы? Другой дороги нет, и все это знают. Вот и ждут тебя здесь.

Пожалуй, он был прав. Лан недовольно хмыкнул и громко объявил:

— Не забывайте, что мы — обычный караван. Если кто спросит, можете признать, что мы — малкири. Можете сказать, что мы ждем своего короля, поскольку это правда. Но не вздумайте говорить, что короля вы уже нашли.

Остальные беспокойно зашептались, но возражать не стали, и возглавляемая Ланом колонна из воинов на боевых конях и двадцати повозок с припасами и прислугой начала спускаться по склону.

Лан всегда опасался, что именно так и будет. Отвоевать Малкир невозможно. Сколь бы многочисленна ни была армия, погибнут все до единого. Атака на Запустение? Чушь собачья.

Подобного он не то что просить, даже допустить такого не мог. Мандарб цокал по дороге, и Лан набирался решимости. Эти отважные парни под своими флагами… Им лучше присоединиться к шайнарской армии и сражаться в битве, которая

имеет хоть какой-то смысл. Лану совершенно не хотелось вести их на убой.

«Смерть легче перышка», — не раз повторял во время этого перехода Раким. Он последовал за Ланом несколько десятилетий назад, во время Айильской войны. «Смерть легче перышка, но долг тяжелее горы».

Лан вовсе не бежал от своего долга. Он шел ему навстречу. Хотя, когда он спустился к подножию холма и направился дальше, вид лагеря разбередил ему душу. Ожидавшие тут люди были одеты просто, по-военному; у мужчин — хадори, у женщин — красная точка *ки'сайн* на лбу. У некоторых мужчин на плечах курток виднелись эмблемы в виде золотой короны. Такие куртки надевали только те, чьи отцы или деды служили в королевской гвардии Малкир.

От такого зрелища прослезился бы даже и Бука-ма. Он всегда считал, что народа малкири больше нет, что он сломлен, разъединен, растворился среди других народов, однако… Однако вот он, этот народ. Собрался при первом же намеке на призыв к оружию. Многие в возрасте: когда пала Малкир, Лан был совсем ребенком, и тем, кто в те дни был взрослым, ныне шел уже седьмой-восьмой десяток. Седовласые, но все еще воины,

а с ними сыновья и внуки.

– *Тай'шар Малкир!* — крикнул кто-то, когда отряд Лана проезжал мимо. Этот клич повторился раз десять, а то и двадцать, когда собравшиеся замечали хадори Лана, но узнать его, похоже, никто не узнал: все считали, что он явился сюда по той же причине, что и остальные.

«Грядет Последняя битва, — думал Лан. — Должен ли я отказать им в праве сражаться рядом со мной?»

Да, должен. Правильнее будет не называть своего имени, держаться понезаметнее. Лан смотрел прямо перед собой, держал руку на мече, не открывал рта, но приосанивался при каждом возгласе «Тай'шар Малкир». Казалось, этот клич придавал ему сил.

Ворота между двух крепостей были открыты, но солдаты проверяли всех проходящих. Лан осадил Мандарба, и его люди остановились у него за спиной. Может, арафелцам приказано высматривать его? Но что ему остается, кроме как идти вперед? Обходной путь занял бы несколько недель. Дождавшись очереди, караван подступил к караульному посту.

— Куда направляетесь? — осведомился арафелец в форме. Его волосы были заплетены в

косицы.

— Мы едем в Фал Моран, — ответил Лан. — Из-за Последней битвы.

— Ждать не будете, как все остальные? — Закованной в латную рукавицу рукой арафелец махнул в сторону собравшихся у крепости малкири. — Ждать своего короля?

— Нет у меня короля, — тихо ответил Лан.

Солдат помолчал, медленно кивнул и потер подбородок, после чего жестом велел товарищам проверить содержимое повозок:

— Придется заплатить пошлину.

— Я намерен передать весь груз шайнарцам для Последней битвы, — сказал Лан. — Даром.

Стражник недоверчиво прищурился.

— Клянусь, — тихо произнес Лан, глядя ему в глаза.

— Значит, обойдемся без пошлины. Тай'шар Малкир, друг.

– *Тай'шар Арафел.* — Лан тронул коня каблуками, и тот двинулся вперед.

Лан терпеть не мог проезжать через Сребростенную Цитадель — у него всегда возникало чувство, будто в него целятся тысячи лучников. Но троллокам здесь придется несладко, если арафелцы вынуждены будут отступить так далеко.

В прошлом такое случалось, и крепости всегда удавалось выстоять: например, во времена Йакобина Неустрашимого.

Почти весь путь Лан проделал затаив дыхание. Наконец-то он выехал из ущелья, и копыта Мандарба дробно зацокали по дороге, ведущей на северо-восток.

— Ал'Лан Мандрагоран? — окликнули его издали.

Лан замер. Голос доносился сверху. Лан повернулся и поднял взгляд на крепость у левой стены. Из оконца торчала чья-то голова.

— Да будет славен Свет, это и в самом деле вы! — С этим возгласом голова исчезла.

Лану захотелось дать деру, но в таком случае человек, несомненно, обратится к остальным. Поэтому он решил подождать. Из дверей крепости выбежал человек, и Лан узнал его: то был мальчишка, еще не доросший до мужчины, в красной одежде и дорогом синем плаще. Кайзель Норамага, внук королевы Кандора.

— Лорд Мандрагоран, — подбежал к нему юноша, — вы все-таки явились! Когда я услышал, что подняли знамя Золотого журавля…

— Я не поднимал его, принц Кайзель. Потому что намеревался ехать один.

— Ну конечно. Мне бы хотелось поехать с вами. Можно?

— Это не самое мудрое решение, ваше высочество, — заметил Лан. — Ваша бабушка сейчас на юге. Предположу, что Кандором правит ваш отец. Вам следует быть рядом с ним. Как вы здесь оказались?

— С отцовского дозволения и по приглашению принца Кендрала, — ответил Кайзель. — Мы оба хотим поехать с вами.

— И Кендрал тоже? — оторопел Лан. — Внук короля Арафела? Каждому из вас следует быть рядом со своими народами!

— Предки дали клятву, — заявил юноша. — Поклялись защищать людей и держать оборону. Эта клятва сильнее крови, лорд Мандрагоран, сильнее, чем чье-то желание или чей-то выбор. Ваша жена велела нам ждать здесь; сказала, вы минуете перевал и даже не поздороваетесь.

— Как вы меня узнали? — спросил Лан, сдерживая гнев.

— По коню. — Кайзель кивнул на Мандарба. — Ваша жена говорила, что вы попробуете изменить внешность, но коня менять не станете.

«Чтоб ей сгореть, этой женщине», — подумал Лан, слыша, как по всей крепости разносятся

возгласы. Его переиграли. «Будь ты проклята, Найнив. И да благословит тебя Свет». Через узы он попробовал передать ей досаду и любовь.

А потом Лан глубоко вздохнул и сдался.

— Золотой журавль летит на Тармон Гай'дон, — негромко промолвил он. — Пусть за мной последуют все мужчины и женщины, готовые сражаться в Последней битве.

Он закрыл глаза и стал слушать, как возгласы превращаются в приветственные кличи, которые в конце концов сливаются в оглушительный рев.

Глава 43
Чаю?

— Значит, эти самые Аша'маны утверждают, что порчи больше нет? — спросил Галад, когда они с Перрином Айбара пробирались по недавнему полю битвы.

— Вот именно, — ответил Перрин. — И я склонен им верить. Зачем им лгать?

— Из-за безумия? — приподнял бровь Галад.

В ответ Перрин кивнул. Занятный он человек, этот Перрин Айбара. Когда Галад без обиняков резал правду-матку, другие зачастую сердились, но с Перрином можно было не сдерживаться: искренность была ему по душе. Если он приспешник Темного или отродье Тени, то весьма необычного сорта.

На горизонте светало. О Свет, выходит, ночь уже прошла? Землю устилали трупы — по большей части троллочьи. Тошнотворная вонь паленой шерсти и горелого мяса смешивалась с запахами крови и сырой земли. Галад чувствовал себя совершенно выбившимся из сил.

Чуть раньше он позволил Айз Седай Исцелить себя. «Если в бой пошли резервы, незачем беречь разведчиков», — так говаривал Гарет Брин. Раз уж Галад собирался доверить Айз Седай спасение раненых, почему бы и самому не согласиться на Исцеление? Тем более, что в прошлом этот дар Айз Седай не вызывал у него особого беспокойства.

— Может быть, — ответил Перрин. — Нельзя исключать, что порча на месте, а парни попросту спятили. Но они сослужили мне неплохую службу и, полагаю, имеют право на доверие с моей стороны, пока не будет доказано обратное. Наверное, и ты сам, и твои люди обязаны жизнью Грейди и Неалду.

— И я им благодарен, — сказал Галад, перешагнув через массивный труп троллока с кабаньим рылом. — Но допускаю, что подобную благодарность испытывают далеко не все мои люди. Они не знают, как расценить твое вмешательство,

Айбара.

— Все еще думают, что я как-то подставил вас?

— Пожалуй, — отозвался Галад. — Ты или непревзойденно лукавый приспешник Темного, или говоришь правду и действительно пришел спасти моих людей — несмотря на то, как Дети Света обошлись с тобой. В таком случае ты человек чести. Полагаю, без нас твоя жизнь стала бы куда легче.

— Нет, — сказал Перрин. — На Последней битве, Галад, понадобится каждый меч. Каждый, без исключений.

Галад хмыкнул, опустился на колени подле солдата в красном плаще и перевернул его. Как оказалось, плащ был не красный, а белый, но напитанный кровью. Ранун Синах уже не увидит Последней битвы. Закрыв юноше глаза, Галад шепотом вознес молитву Свету от его имени.

— Какие теперь планы у тебя и твоих людей? — спросил Перрин.

— Пойдем дальше, — выпрямился Галад. — На север, в мое андорское поместье. Будем готовиться к решающей схватке.

— Почему бы… — Не договорив, Перрин замер. Затем развернулся и побежал.

Галад поспешил следом. Перрин остановился

у груды троллочьих тел, принялся распихивать трупы, и вскоре в воздухе повис еле слышный стон. Галад помог отодвинуть мертвую тварь с головой ястреба, чьи глаза, неотличимые от человеческих, безжизненно смотрели в небо.

Под дохлым монстром обнаружился молодой человек — чадо Джерум Нус.

— О-ох, Свет, — изумленно моргая, прохрипел он. — Как же больно… Я уж думал, что мертв. Мертв…

В боку у него зияла рана. Перрин упал на колени, приподнял голову парня и дал ему напиться, а Галад выудил из сумки бинт и приступил к делу. Скверное ранение. Несчастный юноша обречен. Он…

«Нет, — вспомнил Галад, — у нас есть Айз Седай». Привыкнуть к этой мысли было непросто.

Вцепившись в руку Перрина, Джерум плакал от радости. Похоже, парень был не в себе. И его вовсе не смущали эти золотистые глаза.

— Пей, сынок, — по-доброму успокаивал его Перрин. — Все хорошо. Мы тебя нашли. Ты поправишься.

— Такое чувство, что я кричал несколько часов, — сказал юноша. — Но совсем ослаб, да еще и эта груда тел… Но как… как вы услышали меня?

— У меня острый слух. — Перрин подхватил Джерума под руки, кивнул Галаду, и тот взялся за ноги. Вдвоем они осторожно подняли раненого и понесли его через поле сражения. Тот что-то бормотал, но его разум уплывал во тьму.

Неподалеку Айз Седай и Хранительницы Мудрости занимались Исцелением раненых. Завидев Галада и Перрина, светловолосая Хранительница Мудрости — женщина, выглядевшая нисколько не старше Галада, но говорившая с властностью умудренной годами матроны, — бросилась навстречу. Она коснулась головы Джерума, принявшись ворчать, что зря Галад с Перрином взялись перетаскивать раненого с места на место.

— Даешь ли ты разрешение, Галад Дамодред? — спросила она. — Его сознание помутилось, и он не может говорить за себя.

Галад настоял, чтобы каждому Чаду Света, независимо от тяжести ранений, дали возможность отказаться от Исцеления. Айз Седай и Хранительницам Мудрости это совсем не понравилось, но Перрин повторил распоряжение, и к нему прислушались. Странно. Галад нечасто видел, чтобы Айз Седай исполняли приказ мужчины — или хотя бы прислушивались к его мнению.

— Да, — ответил он. — Исцелите его.

Медлить Хранительница Мудрости не стала. Большинство Детей Света отказались от Исцеления, хотя некоторые передумали, когда его принял сам Галад. Дыхание юноши выровнялось, края раны сомкнулись. Хранительница Мудрости не полностью Исцелила его — лишь в достаточной мере для того, чтобы сохранить ему жизнь. Когда женщина открыла глаза, Галад понял, что она вымоталась сильнее, чем он. Умевшие направлять женщины сражались всю ночь, а затем сразу приступили к Исцелению.

Галад и Перрин вернулись на поле недавней битвы. Само собой, раненых искали не только они, и Перрин мог бы отправиться в лагерь отдыхать. Мог бы, но не стал.

— Есть еще один вариант, — сказал он Галаду. — Отсюда, из Гэалдана, до того места, куда ты хочешь добраться, — несколько недель пути. А я могу устроить так, что вы будете в Андоре сегодня вечером.

— Мои люди не доверяют этому Перемещению.

— Предложи, и они не откажутся, — заметил Перрин. — Ты же сам говорил, что намерен сражаться бок о бок с Айз Седай. Так что я не вижу никакой разницы между битвой и Перемещением. Пойдем со мной.

— То есть позволишь присоединиться к твоей армии?

Перрин кивнул, но предостерег:

— Мне надо, чтобы ты дал клятву.

— Что за клятву?

— Буду честен с тобой, Галад. Вряд ли у нас осталось много времени. Быть может, несколько недель. В общем, у меня такое чувство, что вы нам пригодитесь, но Ранду не понравится, если белоплащники встанут в строй сами по себе, без присмотра. Поэтому поклянись, что будешь считать меня своим командиром, пока не закончится Последняя битва.

Галад не торопился с ответом. Близился рассвет; быть может, солнце уже встало за этими тучами.

— Ты хоть понимаешь всю дерзость своего предложения? Чтобы лорд капитан-командор Детей Света кому-то подчинялся? Тем более человеку, которого при мне недавно судили за убийство? Человеку, которого едва ли не все Чада считают приспешником Темного? Уму непостижимо!

— Пойдешь со мной, — повернулся к нему Перрин, — и я доставлю вас на Последнюю битву. А не пойдешь… Как знать, что будет?

— Ты же сам говорил, что понадобится каждый меч, — напомнил Галад. — Неужели бросишь

нас?

— Да. Если не поклянешься, брошу. Возможно, за вами явится сам Ранд. Но со мной ты хотя бы знаешь, чего ожидать. Я буду справедлив. Мне нужно лишь, чтобы твои люди вели себя подобающим образом и встали в строй, когда начнется битва. Ну а Ранд… В общем, мне ты отказать можешь, но сказать «нет» Ранду не так-то просто. И сомневаюсь, что ты останешься хотя бы вполовину доволен результатом, когда в итоге скажешь «да».

— Умеешь ты убеждать, Перрин Айбара, — помрачнел Галад.

— Ну так что? Договорились? — Перрин протянул ему руку.

Галад пожал ее, и вовсе не из-за угрозы. Ему вспомнился голос Златоокого, когда тот нашел раненого Джерума. Никакой приспешник Темного не сумел бы так притвориться.

— Клянусь, — сказал Галад, — что до окончания Последней битвы перехожу под твое командование.

Вдруг он почувствовал себя совсем ослабшим, тяжело выдохнул и опустился на ближайший камень.

— Я же клянусь, — ответил Перрин, — что бу-

ду относиться к твоим людям не хуже, чем ко всем остальным. Посиди-ка здесь, отдохни чуток, а я обыщу вон тот участок. Слабость скоро пройдет.

— Слабость?

Перрин кивнул:

— Знаю, каково это, угодить в узор та'верена. Видит Свет, мне это известно получше других. — Он пристально взглянул на Галада. — Ты не задумывался, почему мы оказались здесь, в одном и том же месте?

— Мы с Чадами решили, что вас к нам привел Свет, — ответил Галад. — Чтобы мы могли покарать тебя.

— Вовсе нет, — покачал головой Перрин. — Дело в том, Галад, что я, как видно, нуждался в этой встрече. И поэтому ты здесь.

С этими словами он ушел прочь.

* * *

Аллиандре тщательно сложила готовую повязку и передала ее ожидавшему гай'шайн с толстыми заскорузлыми пальцами. Его лицо скрывал капюшон. Аллиандре подумала, что перед ней, наверное, Ниаген — тот Безродный, за которым Ласиль хвостом ходила. Фэйли это

по-прежнему не нравилось, но Аллиандре не могла взять в толк почему: ведь айилец и Ласиль — не самая плохая пара.

Она принялась сворачивать новый бинт. Рядом, на полянке неподалеку от поля боя, окаймленной неряшливой вертопрашкой и купами болотных миртов, трудились другие женщины. Если не считать постанывания раненых, в прохладном воздухе не слышалось ни звука.

В свете утреннего солнца Аллиандре отрезала следующую полоску ткани. Рубаха помаленьку превращалась в бинты. Невелика потеря. Судя по виду, рубаха была так себе.

— Битва закончилась? — негромко спросила Берелейн. Они с Фэйли трудились рядом, устроившись на табуретах друг напротив друга.

— Похоже на то, — ответила Фэйли, и обе замолчали.

Аллиандре изогнула бровь, но говорить ничего не стала. Что-то происходило между ними… С чего вдруг Фэйли и Берелейн стали притворяться лучшими подругами? Своим лицедейством они успешно одурачили многих мужчин в лагере, но Аллиандре видела правду в том, как обе поджимают губы, едва завидев друг друга. С тех пор как Фэйли спасла жизнь Берелейн, их неприязнь

поуменьшилась, но не исчезла.

— Ты была права насчет Перрина, — заметила Берелейн.

— Ты как будто удивлена.

— Когда речь идет о мужчинах, я редко ошибаюсь.

— Мой муж не похож на других мужчин. Он… — Фэйли осеклась и, прищурив глаза, глянула на Аллиандре.

«Кровь и пепел», — подумала та. Она сидела слишком далеко, а посему развернулась, дабы лучше слышать разговор, и это выглядело весьма подозрительно.

Обе снова умолкли, и Аллиандре подняла руку, как будто ей захотелось осмотреть ногти. «Да-да, не обращайте на меня внимания, — подумала она. — Ведь я ничего не значу. Я всего лишь женщина, у которой дел невпроворот. Женщина, которая пытается все успеть и не расклеиться». Конечно, Фэйли и Берелейн так не считали, равно как и двуреченцы по большей части сомневались, что Перрин изменил жене. Если усадить их рядком и расспросить хорошенько — так, чтобы призадумались, — они придут к выводу, что случилось нечто иное.

Но предвзятость и предрассудки гнездятся

глубже, чем обычные мысли. Эти двое думали об Аллиандре одно, но вот чувствовали… Чувствовали они совсем другое. К тому же Аллиандре и впрямь пыталась все успеть и не расклеиться, а забот у нее хватало.

Главное — знать свои сильные стороны.

Аллиандре вернулась к разрезанию рубахи. Фэйли и Берелейн настояли на том, чтобы остаться и помочь, а потому и Аллиандре не могла никуда уйти — только не теперь, когда эта треклятая парочка так обворожительно себя ведет. Кроме того, она была не прочь поработать. По сравнению с тем, что было в плену у Айил, это занятие оказалось вполне приятным. К сожалению, разговор между Фэйли и Берелейн так и не возобновился. Более того, Берелейн встала и с огорченным видом отошла в сторону.

Аллиандре буквально чувствовала исходивший от нее ледяной холод. Когда Берелейн остановилась у группы женщин, сворачивавших полоски ткани, Аллиандре встала и перенесла свой табурет, ножницы и тряпки поближе к Фэйли.

— Впервые вижу ее такой расстроенной, — сказала она.

— Она не любит ошибаться, — заметила Фэй-

ли. Она глубоко вздохнула, потом покачала головой. — По ее мнению, весь мир — это сеть, сотканная из полуправдивых умозаключений, приписывающих самым простым людям наисложнейшую мотивацию. Наверное, поэтому Берелейн так хороша в придворной политике. Но я не хотела бы себе такой жизни.

— Она мудра, — сказала Аллиандре, — и действительно видит суть вещей. Понимает, как устроен мир. Хотя у нее, как и у большинства из нас, имеются слепые пятна.

Фэйли рассеянно кивнула:

— Знаешь, что самое обидное? Несмотря ни на что, я не верю, что Берелейн хоть когда-то была влюблена в Перрина. Она преследовала его ради забавы, ради политических преимуществ и ради Майена. В конце концов Перрин стал для нее чем-то вроде приза. Возможно, он ей нравится, но не более того. Будь она влюблена, я, наверное, смогла бы ее понять.

После этих слов Аллиандре прикусила язык и продолжила нарезать полосы ткани. В груде одежды обнаружилась синяя шелковая рубашка тонкой работы. Ну уж ей-то найдется более достойное применение! Аллиандре сунула рубашку меж двух других и положила всю стопку рядом,

будто собираясь пустить ее под ножницы.

Наконец на полянку вышел Перрин в сопровождении каких-то трудяг в испачканной кровью одежде. Он сразу направился к Фэйли, сел на табурет Берелейн и положил на траву свой удивительный молот. Вид у Перрина был измученный. Фэйли принесла мужу попить, после чего принялась разминать ему плечи.

Аллиандре извинилась, оставила их наедине и отправилась к поросшему вертопрашкой краю полянки, где стояла Берелейн. Она прихлебывала чай, налитый из висевшего над костерком чайника, и с подозрением смотрела на Аллиандре.

Та налила себе чашку чая и какое-то время дула на обжигающую жидкость. Наконец она произнесла:

— Поверь, Берелейн, они созданы друг для друга. И не скажу, что мне это не нравится.

— Любые отношения заслуживают проверки на прочность, — ответила Берелейн. — И погибни она в Малдене — что было более чем вероятно, — Перрину понадобился бы кто-то еще. Хотя… Пусть мне пришлось отвести взгляд от Перрина Айбара — невелика потеря! Через него я надеялась получить связь с Драконом Возрожденным, но будут и другие варианты. — Теперь она уже не казалась

такой расстроенной. Напротив, к ней вернулось ее расчетливое «я».

«Умница», — улыбнулась Аллиандре. Чтобы убедиться, что угроза миновала, Фэйли необходимо было видеть, что соперница окончательно повержена; вот почему Берелейн притворилась расстроенной. Иначе она воздержалась бы от такого проявления слабости.

Аллиандре сделала глоток чая:

— Выходит, брак для тебя — не больше, чем трезвый расчет? Поиски выгоды?

— И радость охоты. Азарт от участия в игре.

— А как же любовь?

— Любовь — удовольствие для простолюдинов, — ответила Берелейн. — Любая женщина заслуживает гораздо, гораздо большего, чем брак по расчету, но я обязана заботиться о Майене. Если до начала Последней битвы я не обзаведусь мужем, престолонаследие окажется под угрозой. А когда в Майене кризис с наследованием, тут же возникает Тир, готовый прибрать страну к рукам. Любовь — непозволительная роскошь, и я…

Она вдруг умолкла и переменилась в лице. Что случилось? Аллиандре нахмурила брови, обернулась и тут же поняла, в чем дело.

На полянку вышел Галад Дамодред.

До крайности уставший, на белой форме — пятна крови. Однако держится прямо, и на лице ни пятнышка грязи. Он был нечеловечески красив: идеально правильные черты мужественного лица, грациозная поджарая фигура… И эти глаза! Как глубокие темные омуты. Казалось, лорд капитан-командор излучает свет.

— И я… О чем это я? — спросила Берелейн, не сводя глаз с Дамодреда.

— О том, что в жизни правителя нет места любовным отношениям.

— Ну да, — рассеянно кивнула Берелейн. — Потому что любовь нерациональна.

— Вообще нерациональна.

— Я… — Берелейн хотела что-то сказать, но тут подошел Дамодред, и она умолкла, как только пересеклись их взгляды.

Аллиандре сдержала улыбку, а Дамодред исполнил для каждой эталонную серию вычурных поклонов. Хотя, честно говоря, если он и посмотрел на Аллиандре, то мельком.

— Миледи… Первенствующая! — произнес он. — Лорд Айбара сказал, что вы просили за меня перед началом этой битвы.

— По глупости, — ответила Берелейн. — Я боялась, что он нападет на вас.

— Если такие опасения — признак глупости, — сказал Дамодред, — то глупцов здесь двое. Я был уверен, что Айбара вот-вот уничтожит мою армию.

Берелейн улыбнулась, похоже мгновенно забыв, о чем только что говорила.

— Не желаете ли чаю? — спросил вдруг Дамодред и потянулся к чашкам, стоявшим на салфетке в некотором отдалении от костра.

— Я уже, — заметила Берелейн.

— Может быть, еще? — Он поспешил опуститься на колено и наполнить чашку.

— Гм…

Дамодред встал и только тогда заметил чашку в руках у Берелейн.

— Нам предстоит нарезать множество бинтов, — сказала Берелейн. — Быть может, согласитесь помочь?

— Пожалуй, — ответил он и передал чашку с чаем Аллиандре.

Берелейн, не сводя с него глаз, сделала то же самое — похоже, сама того не осознавая. После этого оба отправились к груде тряпок, подготовленных для нарезания повязок, а Аллиандре осталась стоять с тремя чашками в руках и широкой улыбкой на лице. Может, у этих двоих

что-нибудь получится. В самом худшем случае треклятые белоплащники наконец-то уберутся из ее королевства.

С этой мыслью Аллиандре зашагала в сторону Фэйли и Перрина, а по пути прихватила из отложенной стопки синюю шелковую рубашку.

Из нее получится премиленький поясок.

Глава 44
Окольный путь

Моргейз вышла из стоявшего на холме шатра и обвела взглядом Андор. Внизу раскинулось до боли знакомое Беломостье, хотя заметно было, что город разросся: фермерство теряло смысл, остатки зимних запасов портились, и люди уходили в города.

Прежде в пейзаже господствовала бы зелень, ныне сменившаяся желтеющей травой, и даже та умирала, оставляя бурые шрамы. Еще немного, и эти земли станут неотличимы от Запустения. Моргейз страшно хотелось хоть что-то сделать, ведь эта страна принадлежала ей — пусть даже и в прошлом.

Она отправилась на поиски мастера Гилла. Про-

ходя мимо Фэйли — та в очередной раз беседовала с квартирмейстером, — Моргейз уважительно кивнула. Фэйли кивнула в ответ. Отношения между ними стали прохладными, и Моргейз подумывала, как бы сгладить это отчуждение: ведь была у них в жизни совместная полоса, когда надежда казалась слабее пламени свечи. Именно Фэйли убедила Моргейз воспользоваться Единой Силой, выжать свой скудный потенциал до последней капли и подать сигнал о помощи, когда они оказались в ловушке.

В лагере уже шла повседневная налаженная жизнь. Как ни удивительно, к войску присоединились белоплащники, но Перрин пока не решил, как быть дальше; а если и решил, то не намеревался делиться с Моргейз своими соображениями.

Она шла к рядам повозок, мимо ковочных кузнецов и конюхов, что высматривали подходящее пастбище, мимо людей, споривших о чем-то возле полевых складов, и недовольных солдат, копавших рвы для мусора. Все были при деле — все, кроме Моргейз. Слуги приветствовали ее полупоклонами и пятились, не понимая, как себя вести. Она не была королевой, но и заурядной аристократкой — и уж тем более служанкой —

она тоже не была.

Хотя за время, проведенное с Галадом, она вспомнила, что значит быть королевой, с радостью перебирала в памяти навыки, обретенные в роли Майгдин. Все оказалось не так уж плохо и страшно: у горничной имеются свои преимущества. Товарищеская связь с другими слугами, свобода от тягот лидерства, время, проведенное с Талланвором…

Но это была не ее жизнь. С притворством пора заканчивать.

Наконец она отыскала Базела Гилла: тот грузил повозку — под надзором Лини и с помощью Ламгвина и Бриане. Фэйли освободила их от других обязанностей и передала в распоряжение Моргейз. По сути дела, любезно вернула ей прислугу, но об этом Моргейз предпочитала помалкивать.

Талланвора здесь не было. Что ж… Теперь некогда сохнуть по нему, будто девчонка. Пора вернуться в Кэймлин и помочь Илэйн.

— Ваше вели… — с поклоном начал мастер Гилл, но осекся. — То есть миледи. Прошу прощения.

— Ничего страшного, мастер Гилл. Я и сама с трудом вспоминаю, кто я такая.

— Ты точно хочешь идти и дальше? — Лини

сложила тонкие руки на груди.

— Да, — подтвердила Моргейз. — Мы обязаны вернуться в Кэймлин и предложить Илэйн любую помощь, которую способны оказать.

— Как скажешь, — промолвила Лини. — Но лично я считаю так: если пустил двух петухов на одно гумно, не удивляйся, что они треплют друг другу перья.

— Мнение принимается, — изогнула бровь Моргейз. — Но ты увидишь, что я вполне могу помочь Илэйн, не подрывая ее авторитет.

Лини пожала плечами.

Она была права: Моргейз предстояло действовать с немалой осторожностью. Стоит задержаться в столице дольше нужного, и это бросит тень на Илэйн. Но если Моргейз чему-то научилась в бытность свою Майгдин, то в первую очередь тому, что человек должен приносить хоть какую-то пользу окружающим. Хотя бы подавать чай. Грядут опасные времена, и у Моргейз имеются навыки, которые придутся Илэйн весьма кстати. А если Моргейз почувствует, что начинает затмевать дочь-королеву, она покинет Кэймлин и переберется в свое имение на западе.

Погрузка спорилась, и Моргейз пришлось заложить руки за спину, чтобы не броситься

помогать. Вести себя подобающим образом было даже приятно. Наблюдая за работой, Моргейз заметила на дороге приближавшуюся конную фигуру. Талланвор. Зачем он ездил в Беломостье? Увидев Моргейз, он приблизился и поклонился. На худом прямоугольном лице застыло образцово-почтительное выражение.

— Миледи.

— Ты был в городе? Надеюсь, лорд Айбара разрешил?

Перрину не хотелось, чтобы из-за внезапного притока солдат и беженцев в Беломостье начались неприятности.

— У меня там семья, миледи, — официальным и даже чопорным тоном ответил Талланвор. Он спешился. — Я решил, что будет разумно проверить сведения, доставленные разведчиками лорда Айбара.

— Неужели, лейтенант гвардии Талланвор? — осведомилась Моргейз, демонстрируя, что тоже умеет держаться официально. При этих словах Лини, проходившая мимо со стопкой белья, негромко фыркнула.

— Да, миледи, — ответил Талланвор. — Миледи… Разрешите высказать предложение?

— Говори.

— Судя по донесениям, ваша дочь по-прежнему считает, что вы мертвы. Уверен, если поговорить с лордом Айбара, он прикажет одному из своих Аша'манов открыть нам переходные врата для возвращения в Кэймлин.

— Предложение любопытное, — осмотрительно произнесла Моргейз, не обращая внимания на ухмылку Лини — та как раз возвращалась с пустыми руками.

— Миледи, — Талланвор бросил взгляд на Лини, — нельзя ли нам поговорить наедине?

Моргейз кивнула и направилась в сторону. Талланвор последовал за ней. Отдалившись на некоторое расстояние от остальных, она обернулась:

— Итак?

— Миледи, — продолжил Талланвор уже мягче, — поскольку всему лагерю Айбара известно, что вы живы, об этом непременно узнает и андорский двор. Надо показаться и объяснить, что вы отреклись от престола. В ином случае слухи о вашем добром здравии могут подорвать власть Илэйн.

Моргейз не ответила.

— Если и впрямь грядет Последняя битва, — сказал Талланвор, — нельзя допустить…

— Ох, перестань! — отрезала Моргейз. — Я уже приказала Лини и остальным собирать вещи. Разве ты не заметил, чем они занимаются?

Глядя, как Гилл водружает на повозку внушительных размеров сундук, Талланвор покраснел.

— Приношу извинения за дерзость. С вашего позволения, миледи… — Он коротко кивнул и было повернулся, но Моргейз остановила его:

— Неужели обязательно держать такой формальный тон, Талланвор?

— Иллюзия развеялась, миледи, — сказал он и ушел.

Проклиная себя за упрямство, Моргейз с тяжелым сердцем смотрела ему вслед. Треклятый Галад! Ведь это он своим появлением напомнил ей о гордости и королевском долге.

Еще с Таринге́йлом Моргейз поняла, что ей вредно быть замужем: несмотря на прочность того брака, все его преимущества — все без исключения — оборачивались угрозой трону. Вот почему Моргейз не сделала своим официальным консортом ни Брина, ни Тома, а Гейбрил лишь доказал, что ее тревоги вполне обоснованны.

Любого, кого она возьмет в мужья, сочтут потенциальной угрозой королеве и всему Андору, а дети — если у нее еще будут дети — станут со-

перниками Илэйн. Любовь… Ее-то Моргейз и не могла себе позволить.

Талланвор сделал несколько шагов и остановился. У Моргейз перехватило дух, а он повернулся и пошел обратно к ней. Подойдя, Талланвор вытянул меч из ножен, с благоговейным поклоном положил его в сорную траву у ее ног и тихо произнес:

— Я был не прав, когда грозился уйти. Мне было больно, а боль не добавляет человеку ума. Ты же знаешь, Моргейз, что я всегда буду рядом. Ведь я дал слово, и вовсе не в шутку. Последнее время я чувствую себя мошкой-кусименя среди орлов. Но у меня есть меч, и еще у меня есть сердце, и они навеки принадлежат тебе.

Он выпрямился и собрался уйти.

— Талланвор, — сказала она голосом чуть громче шепота, — знаешь, ты так и не спросил, возьму ли я тебя в мужья.

— Разве можно ставить тебя в такое положение? Теперь, когда всем известно, кто ты такая, мы оба знаем, как тебе надо поступить. Но настаивать я не могу.

— И как же мне надо поступить?

— Порвать со мной, — с растущей злостью произнес он. — Ради Андора. И мы оба это знаем.

— Разве это обязательно? — спросила она. — Я твержу себе, что да, но не могу себя заставить.

— Зачем я тебе? — спросил он. — Самое малое, тебе следует заключить брак, который поможет Илэйн обеспечить верность одной из оскорбленных тобою фракций.

— Выходит, я выйду замуж не по любви, — сказала она. — Снова. Сколько же раз мне придется приносить сердце в жертву Андору?

— Столько, сколько нужно, — с неописуемой горечью произнес Талланвор и сжал кулаки. Он гневался не на Моргейз, а на ситуацию, в которой они оказались. Талланвор всегда был склонен к подобным терзаниям.

— Нет, — помолчав, покачала она головой. — Только не снова. Взгляни на это небо, Талланвор. Ты же видел, какие чудовища появились в нашем мире, и чувствуешь, что Темный готов обрушить на нас свои проклятия. Сейчас не время отказываться от надежды. И от любви.

— А как же долг?

— Долгу, будь он сто раз проклят, придется встать в очередь. Слишком долго я была должна всем и каждому, Талланвор. И все получили от меня то, что хотели. Все, кроме мужчины, который мне нужен. — Не в силах сдержаться,

она переступила через меч, все еще лежавший в дурнишнике. Не прошло и секунды, как они с Талланвором слились в поцелуе.

— Так, вы двое! — грозно окликнул их женский голос. — Пойдемте-ка к лорду Айбара. Прямо сейчас!

Отпрянув от Талланвора, Моргейз взглянула на Лини и спросила со всем возможным хладнокровием:

— Это еще зачем?

— Жениться будете, — объявила Лини. — Если придется, я вас за уши отволоку.

— Я сама решу, выходить мне замуж или нет! — вспыхнула Моргейз. — Однажды Перрин уже хотел…

— Так то Перрин, а не я, — перебила Лини. — Лучше всего пожениться до встречи с Илэйн. В Кэймлине могут возникнуть сложности. — Она уперлась взглядом в Гилла, уже набившего повозку доверху. — Эй, ты! Распаковывай вещи миледи!

— Но, Лини, — возразила Моргейз, — мы же едем в Кэймлин!

— Кэймлин подождет до завтра, дитя мое. А сегодня вечером сыграете свадьбу. — Она смерила обоих взглядом. — И пока этого не случилось,

вряд ли стоит оставлять вас наедине.

— Лини! — прошипела покрасневшая Моргейз. — Мне уже не восемнадцать!

— Вот именно. В восемнадцать лет вы, миледи, были замужем по всем правилам. Вас что, и правда за уши тащить придется?

— Я… — начала Моргейз.

— Уже идем, Лини, — сказал Талланвор.

Моргейз прожгла его взглядом.

— Что? — нахмурился он.

— Ты так и не спросил.

Он улыбнулся и прижал ее к себе:

— Моргейз Траканд, согласна ли ты стать моей женой?

— Да, — ответила она. — А вот теперь пойдем искать Перрина.

* * *

Перрин потянул за дубовый сук, и тот отломился, осыпав его рыхлой древесной трухой. Когда он поднял обломанную ветку, пыль хлынула из нее на бурую траву.

— Это случилось прошлой ночью, — сказал Кевлин Торр, сжимая в руках перчатки. — Вся дубрава взяла и засохла. Штук сто деревьев, если навскидку.

Перрин бросил сук на землю и отряхнул руки:

— Ничего. Раньше мы и не такое видели.

— Но…

— Выбрось из головы, — сказал Перрин. — Лучше пришли людей, пусть соберут хворост для костров. Эти дрова будут неплохо гореть.

Кевлин кивнул и убежал. Остальные дровосеки с тревогой рассматривали рощу. За ночь дубы, ясени, вязы и гикори не просто засохли — хотя и в этом хорошего мало, — но приобрели такой вид, будто погибли несколько лет назад. Как тут не встревожишься? Но правильнее не обращать на это внимания, чтобы не пугать людей.

Перрин направился обратно в лагерь. Вдалеке звенели наковальни. Он распорядился скупить в Беломостье все железо и всю сталь. Все заготовки, что удастся найти. Люди охотно меняли их на еду, и Перрин обзавелся пятью кузнями, работниками для их перевозки и подготовки к работе, а заодно углем, молотами и прочими инструментами.

Быть может, он даже спас сколько-то горожан от голодной смерти. По крайней мере, на какое-то время.

Кузнецы продолжали работать с металлом. Перрин надеялся, что не слишком напрягает

Неалда и остальных. Изготовленное при участии Силы оружие даст его армии ключевое преимущество. Неалд не мог толком объяснить, что он в точности сделал, помогая выковать Мах'аллейнир, но Перрина это не удивляло. Та ночь была единственной в своем роде. Он положил ладонь на молот, ощутил его тепло и задумался о Прыгуне.

Теперь же Неалд разобрался, как изготовить клинки, которые не сломаются и не затупятся. Чем больше он практиковался, тем острее выходили лезвия. Айильцы сразу заинтересовались новым оружием, и первым делом Перрин велел Неалду сделать им наконечники для копий. Пожалуй, то было меньшее, чем он мог отплатить этим людям.

На площадке для Перемещения, находившейся на краю окопанного рвом огромного лагеря, стоял Грейди, соединившись в круг с Анноурой и Масури. Втроем они удерживали переходные врата, открытые для последней группы следовавших с его войском простых обывателей, которые пожелали покинуть его и отправиться в Кэймлин. Вместе с ними Перрин посылал гонца к Илэйн. Вскоре им надо будет встретиться, и Перрин пока не знал, волноваться ему или нет. Время

покажет.

Теперь же через переходные врата возвращались повозки с купленным в Кэймлине провиантом: там еще оставались запасы продовольствия. Наконец Перрин заметил, что по лагерю пробирается Фэйли, и помахал ей, чтобы привлечь внимание. Когда девушка подошла, он спросил:

— Ну, что там Бавин? Все в порядке?

Он знал, что Фэйли недавно побывала в шатре квартирмейстера.

— Да, все хорошо.

— Давно хотел тебе сказать… — Он почесал подбородок. — По-моему, наш Бавин — не самый честный человек.

— За ним я особо присматриваю, — ответила Фэйли, и от нее пахнуло весельем.

— Берелейн проводит все больше времени с белоплащниками, — продолжил Перрин. — Похоже, положила глаз на Дамодреда, а меня оставила в покое.

— Да ну?

— Ну да. И еще прилюдно опровергла слухи, что ходят о ней и обо мне. О Свет, но люди вроде и в самом деле поверили Берелейн. Я-то боялся, что такой ход сочтут жестом отчаяния!

Судя по запаху, Фэйли была довольна.

Перрин положил руку девушке на плечо:

— Не знаю, что ты сделала, но спасибо.

— Перрин, тебе известно, чем сокол отличается от ястреба?

— По большей части размером, — сказал Перрин. — И еще формой крыльев. Сокол больше похож на стрелу.

— Сокол стремительнее ястреба, — объяснила Фэйли. — Он очень быстрый и убивает с помощью клюва. Ястреб медленнее, но сильнее; его главная добыча та, что бегает по земле. Предпочитает нападать на жертву с неба и убивать когтями.

— Ясно, — кивнул Перрин. — Но значит ли это, что если оба заметят кролика, ястреб добудет его первым?

— Именно так, — улыбнулась Фэйли. — Ястреб — умелый охотник на кролика. Но видишь ли, сокол — умелый охотник на ястреба. Скажи, ты отправил гонца к Илэйн?

Женщины… Как понять, что у них на уме? Но сейчас Фэйли замышляла что-то хорошее.

— Да, отправил. И надеюсь на скорую встречу.

— В лагере уже думают, кого ты возьмешь с собой.

— Что тут думать? — удивился Перрин. — Тебя возьму. Ты лучше всех сообразишь, как вести

дела с Илэйн. Да и присутствие Аллиандре не помешает.

— А Берелейн?

— Ей лучше остаться в лагере, — сказал Перрин. — Пусть тут за порядком следит. Она в прошлый раз ходила.

Запах Фэйли подсказывал, что она вполне довольна ответом.

— Надо бы… — Она сдвинула брови. — Ну наконец-то упал последний лист!

— Ты это о чем? — спросил Перрин и обернулся. Фэйли смотрела на приближавшихся людей. Во главе группы вышагивала пожилая Лини, а за ней следовали Моргейз и Талланвор, глазевшие друг на друга, будто парочка, что возвращается с первого совместного Бэл Тайна. — Мне казалось, он ей не нравится. А если даже нравится, она все равно не выйдет за него.

— Передумать куда проще, чем сердцу приказать, — заметила Фэйли. Теперь от нее пахло легким недовольством, хотя она сумела сдержаться. Фэйли еще не до конца простила Моргейз, но уже не проявляла откровенной враждебности.

— Перрин Айбара, — сказала Моргейз. — В этом лагере только тебя можно назвать кем-то вроде лорда, если не считать моего пасынка. Но сыну

не пристало выдавать замуж свою мать, поэтому, думаю, для наших дел сгодишься и ты. Этот мужчина попросил моей руки. Согласен ли ты провести для нас обряд бракосочетания?

— Не слишком ли окольный путь ты выбрала, чтобы просить о помощи, Моргейз? — спросил он.

Та прищурилась. Фэйли тоже взглянула на Перрина, и от нее пахнуло гневом. Перрин вздохнул. Женщины не упускают случая повздорить между собой, но спуску не дадут мужчине, сказавшему что-то не то, даже если его слова — чистая правда.

Моргейз, однако, успокоилась:

— Прости. Я не хотела принизить твой авторитет.

— Да ладно, — ответил Перрин. — Авторитет, говоришь? У тебя есть полное право сомневаться в нем.

— Нет. — Моргейз вытянулась во весь рост. О Свет! При желании она и впрямь умела выглядеть по-королевски. Как же он раньше этого не замечал? — Судя по твоим поступкам, ты самый настоящий лорд, Перрин Айбара. Благословение для Двуречья и, пожалуй, всего Андора. Пока не надумаешь отмежеваться от него.

— Я не намерен отделять Двуречье от Андора, — пообещал Перрин.

— Что ж… Если пойдешь мне навстречу, — она взглянула на Талланвора, — то я охотно переговорю с Илэйн от твоего имени. И можно будет устроить так, что она пожалует вам… соответствующие титулы.

— Мы принимаем твое предложение, — тут же ответила Фэйли, не дав Перрину и слова сказать. — Но своевременность пожалования… соответствующих титулов мы обсудим с ее величеством сами.

Перрин с интересом взглянул на девушку. Неужели Фэйли действительно хочет, чтобы Двуречье обрело статус самостоятельного королевства? Они не обсуждали этот вопрос в открытую, но именно Фэйли настояла, чтобы Перрин не отказывался от знамени Манетерен. Что ж, надо будет прояснить этот вопрос.

Перрин заметил, что в их сторону направляется Галад Дамодред. Рядом с ним, по обыкновению последних дней, шла Берелейн. Похоже, Моргейз сама послала за ними. На ходу Галад прятал что-то в карман. Что там у него? Похоже, какое-то письмецо, запечатанное красным воском. Что за послание? От кого он его получил? Галад был

чем-то озабочен, но, когда подошел к остальным, его лицо просветлело. Как видно, новости о женитьбе нисколько не удивили его; Галад кивнул Перрину, обнял мать, а также искренне приветствовал Талланвора, хоть и окинул его строгим взглядом.

— Какой обряд вы предпочли бы? — спросил Перрин у Моргейз. — Я знаю лишь, как заключают брак в Двуречье.

— Полагаю, довольно будет дать тебе самые простые клятвы, — ответила Моргейз. — Старовата я для утомительных церемоний.

— Меня это вполне устраивает, — сказал Перрин.

Галад отошел в сторону, а Моргейз и Талланвор взялись за руки.

— Мартин Талланвор, — сказала она, — я получила от тебя больше, чем заслуживаю, и до меня не сразу дошло, чем ты одарил меня. Ты всегда утверждал, что любовь простого солдата — ничто по сравнению с королевской мантией, но скажу, что человека судят не по титулу, а по его душе. Я видела в тебе преданного, верного и любящего храбреца, видела в тебе человека с сердцем принца, который останется верен своему слову, даже когда сотни других обернутся предателями.

Клянусь, что люблю тебя, и клянусь перед лицом Света, что никогда тебя не брошу. Клянусь вечно заботиться о тебе и быть твоей женой.

Берелейн достала носовой платочек и промокнула уголки глаз. Так уж заведено, что на мероприятиях вроде бракосочетания женщины непременно роняют слезу. Да и сам Перрин почувствовал, что глаза у него защипало: видать, из-за солнца.

— Моргейз Траканд, — сказал Талланвор, — я полюбил тебя еще в бытность твою королевой, глядя, как ты обращаешься с теми, кто тебя окружает. Я видел женщину, относившуюся к своему долгу не только с большой ответственностью, но и с великой страстью. Даже не отличая меня от других гвардейцев, ты проявляла доброту и уважение — не только ко мне, но и ко всем своим подданным. Я полюбил тебя за великодушие, острый ум и силу воли. Тебя не сломил даже Отрекшийся: ты сумела сбежать, когда он считал, что полностью контролирует тебя. Тебя не сломил самый ужасный из тиранов, даже когда ты была у него в руках. И Шайдо тоже не сумели сломить тебя. Любой озлобился бы, доведись ему пережить такое, но ты… Ты становилась все лучше и стала женщиной, достойной уважения,

восхищения и любви. Клянусь, что люблю тебя, и клянусь перед лицом Света, что никогда — слышишь, никогда! — не брошу тебя, буду вечно заботиться о тебе и быть твоим мужем. Клянусь, Моргейз, хоть и не до конца верю, что все это происходит на самом деле.

Так они и стояли, неотрывно глядя друг другу в глаза, словно рядом не было никакого Перрина. Поэтому он покашлял, потом сказал:

— Да будет так. Отныне вы муж и жена. — Дать ли напутствие молодоженам? Какое вообще напутствие Перрин может дать Моргейз Траканд — королеве, имеющей собственных детей его возраста? Поэтому он просто пожал плечами. — А теперь ступайте.

От стоявшей рядом Фэйли пахнуло весельем с примесью легкого разочарования. Выслушав Перрина, Лини фыркнула, но послушно увела новобрачных. Галад кивнул Перрину, Берелейн присела в реверансе, и оба ушли. Перрин слышал, как Берелейн говорит что-то насчет внезапности этого бракосочетания.

— Тебе еще предстоит овладеть искусством красноречия, — улыбнулась Фэйли.

— Им хотелось чего-нибудь попроще.

— Все так говорят, — ответила Фэйли. — Но

только говорят! Необязательно было затягивать церемонию: ты мог хотя бы напустить на себя важный вид. Ладно, еще обсудим эту тему. И в следующий раз у тебя получится куда лучше.

В следующий раз? Перрин покачал головой, а Фэйли направилась к лагерю.

— Ты куда? — спросил он.

— К Бавину. Надо реквизировать несколько бочонков эля.

— Зачем?

— Затем, что у нас сегодня праздник, — оглянулась через плечо Фэйли. — Если нужно, церемонию можно и сократить, но отметить такое событие надо по всем правилам. — Она глянула на небо. — Особенно в нынешние времена.

Перрин смотрел ей вслед, пока Фэйли не исчезла в громадном лагере: солдаты, фермеры, ремесленники, айильцы, белоплащники, беженцы… Числом без малого семьдесят тысяч — даже после того, как многие ушли или пали в битве. Как оно вообще появилось, это войско? До того как покинуть Двуречье, Перрин не видел, чтобы в одном месте собиралось больше тысячи человек.

Больше половины этих людей составляли бывшие наемники и беженцы, проходившие обучение под началом Тэма и Даннила и назы-

вавшие себя «Волчья стража» — что бы это ни значило. Перрин пошел было взглянуть на повозки с припасами, но тут в затылок ему несильно стукнуло что-то маленькое.

Перрин замер, обернулся и обвел взглядом лес — справа бурый и мертвый, а слева с начавшими подсыхать кронами, — но никого не заметил.

«Не пора ли отдохнуть? — Он потер затылок и отправился, куда шел. — А то мерещится всякое...»

В затылок снова прилетела какая-то мелочь. Развернувшись, Перрин успел заметить, как что-то упало на траву. Недовольно хмыкнув, он присел и поднял желудь. В этот миг еще один желудь вылетел из дубравы и угодил ему в лоб.

Перрин зарычал и зашагал к деревьям. Наверное, детишки балуются. В лагере их немного, но тем не менее. Прямо перед ним стоял вековой дуб с таким толстым стволом, что за ним мог спрятаться кто угодно. Не дойдя до дерева, Перрин замешкался: а не ловушка ли это? Положил руку на молот и потихоньку двинулся вперед. Дерево росло с подветренной стороны, и Перрин не чуял никакого запаха...

Вдруг из-за ствола высунулась рука с бурым мешком.

— Я тут барсука поймал, — раздался знакомый голос. — Хочешь, выпустим его на деревенскую лужайку?

Перрин застыл на месте, а затем от души расхохотался. За стволом дуба обнаружился человек в отличных коричневых штанах и отделанной золотым позументом красной куртке с высоким воротом. Он сидел на вышедших из-под земли корнях, а возле его лодыжек извивался мешок. Мэт — а это был Мэт — лениво жевал длинную полоску вяленого мяса и зыркал на Перрина из-под широкополой черной шляпы. К дереву было прислонено черное копье, увенчанное внушительным мечевидным наконечником. Где он раздобыл такую роскошную одежду? Разве не он когда-то убивался, что этакие наряды достаются Ранду?

— Мэт? — От изумления Перрин едва не онемел. — Что ты здесь делаешь?

— Барсуков ловлю, — ответствовал Мэт и потряс мешком. — Это, знаешь ли, чертовски сложное занятие. Особенно без подготовки.

Мешок снова задергался. Изнутри донеслось приглушенное ворчание. Теперь Перрин чуял, что там действительно сидит какой-то зверек.

— Неужто и впрямь барсука изловил?

— Ну давай, скажи, что у меня тоска по детству разыгралась.

Перрин не знал, то ли браниться, то ли покатываться со смеху; такая смесь эмоций одолевала его всякий раз, когда поблизости ошивался Мэтрим Коутон. Хорошо хоть обошлось без цветовой карусели перед глазами. О Свет! Теперь, когда рядом Мэт, только круговерти этой не хватало. Однако Перрин чувствовал, что все происходит… происходит именно так, как должно быть.

Долговязый везунчик с ухмылкой положил мешок, встал, протянул Перрину руку, и Перрин пожал ее, а затем притянул Мэта к себе и заключил в радушные объятия:

— О Свет! Такое чувство, что сто лет не виделись!

— Целую жизнь, — подтвердил Мэт, — а то и две. Я, знаешь ли, сбился со счета. В общем, Кэймлин уже весь гудит от слухов о твоем прибытии. Вот я и смекнул, что самолично тебя поприветствовать удастся, только если проскользнуть через переходные врата и отыскать тебя раньше остальных. — Он взял копье и водрузил себе на плечо — так, что наконечник оказался за спиной.

— Что ты поделывал? Где был? Том с тобой? Что

слышно о Найнив?

— Многовато вопросов, — сказал Мэт. — У тебя в лагере безопасно?

— Так же, как везде.

— Значит, небезопасно, — помрачнел Мэт. — Чтоб ты знал, Перрин, нас преследуют крайне серьезные парни. Вот я и хотел предупредить, чтоб ты принял все меры предосторожности. Будь готов к неприятной встрече — скоро убийцы тебя найдут. Надо бы наверстать упущенное и рассказать друг другу как и что, но здесь мне неохота этим заниматься.

— Ну а где тогда?

— Найдешь меня в Кэймлине, в гостинице «Веселая компашка». И еще: если ты не против, хочу одолжить одного из тех парней в черных мундирах для кое-каких дел. Понадобятся переходные врата.

— Для чего?

— Я все объясню. Но позже. — Коснувшись шляпы, Мэт припустил было к остававшимся еще открытыми вратам, что вели в Кэймлин.

Но через несколько шагов он остановился, повернулся и снова подбежал к Перрину:

— Будь предельно осторожен. Я не шучу.

После этих слов Мэт обогнал нескольких бе-

женцев и юркнул в переходные врата. Как он умудрился пробраться мимо Грейди? О Свет! Перрин сокрушенно покачал головой, после чего принялся развязывать мешок. Пора ублажить барсука и выпустить несчастного зверька, пойманного Мэтом, на волю.

Глава 45
Воссоединение

Проснувшись у себя в постели, сбитая с толку Илэйн обвела комнату мутным взглядом:

— Эгвейн? Чего-чего?

Последние воспоминания о недавнем сне таяли, как тает мед в чашке теплого чая, но слова послания Эгвейн крепко впечатались в сознание: «Змея повержена. Твой брат вернулся вовремя».

Илэйн уселась на постели. Ее переполняло чувство облегчения. Всю ночь она старалась направить достаточно Силы, чтобы активировать тер'ангриал сна, но безрезультатно. Узнав, что Бергитте развернула от дверей Гавина, когда Илэйн сидела в спальне — в ярости из-за того, что

не может явиться на встречу в Тел'аран'риоде, — она была вне себя от злости.

Что ж, как видно, Месану удалось победить. А как же брат? Илэйн улыбнулась. Наверное, они с Эгвейн утрясли все свои разногласия.

Из-за штор проглядывал утренний свет. Илэйн откинулась на подушки, чувствуя, как через узы с Рандом все ее тело наполняется мощным теплом. О Свет, какое чудесное ощущение! Едва оно появилось, облачная пелена над Андором разошлась.

После испытания драконов миновала уже неделя, и Илэйн велела всем литейщикам в стране заняться изготовлением этого оружия. Последнее время жителей Кэймлина донимал размеренный грохот: за городской чертой, в окрестных холмах, солдаты Отряда практиковались в работе с драконами. Для тренировок Илэйн выделила лишь несколько образцов, и разные команды обучались, сменяя друг друга. Остальных драконов определили на один из складов в стенах Кэймлина, а куда именно — большой секрет.

Илэйн вновь задумалась о словах, услышанных во сне. Ей страшно хотелось узнать подробности. Наверное, рано или поздно Эгвейн пришлет вестника через переходные врата.

Скрипнула дверь. В комнату заглянула круглолицая и невысокая Мелфани:

— Все в порядке, ваше величество? Мне показалось, вы вскрикнули от боли.

Теперь, позволив Илэйн вставать с постели, повитуха решила, что будет спать в передней по соседству с королевской опочивальней, дабы не спускать глаз со своей подопечной.

— То был возглас ликования, Мелфани, — сказала Илэйн. — Приветствие наступившему для всех нас доброму утру.

Мелфани насупилась. При повивальнице Илэйн держалась как можно бодрее, дабы ей вновь не предписали постельный режим, но последняя фраза — уже перебор. Нельзя, чтобы Мелфани сочла эту радость наигранной. Даже если она, эта радость, вполне искренняя. Треклятая повитуха… Невыносимая женщина!

Мелфани вошла и раздвинула занавески. Она не уставала твердить, что беременным полезен солнечный свет, и королеве было указано, помимо прочего, сидеть перед распахнутым окном и жариться на весеннем солнце. Глядя на повитуху, Илэйн почувствовала, как в животе что-то шевельнулось.

— Ой! Ой, опять! Пинаются! Иди пощупай,

Мелфани!

— Ничего я сейчас не нащупаю, ваше величество. Пусть сперва окрепнут. — С этими словами Мелфани приступила к обыденным процедурам: послушала сердце Илэйн, сердце ребенка (ей до сих пор не верилось, что Илэйн носит близнецов), а затем провела полномасштабное обследование по известному ей одной списку весьма неприятных и даже постыдных манипуляций, которые только можно произвести с женским телом.

Наконец Мелфани подбоченилась и взглянула на Илэйн, поправлявшую ночную сорочку:

— Последнее время вы слишком перенапрягаетесь. Непременно отдыхайте как следует. У меня есть двоюродная сестра Тесс — так вот, ее дочка пару лет назад родила ребенка, который едва дышал. Благодарение Свету, он выжил — но дело в том, что весь день перед родами мать проработала в поле и ничего толком не ела. Вот и финал! Будьте внимательнее к себе, ваше величество. Детки вам потом спасибо скажут.

Илэйн кивнула и упала было на подушки, но тут же вернулась в сидячее положение:

— Погоди-ка! Детки?

— Вот именно, — подтвердила Мелфани, направляясь к двери. — У вас в утробе два сердечка

бьются. Это так же верно, как и то, что у людей по две руки. Понять не могу, как вы узнали об этом прежде меня.

— Значит, ты слышала два сердца?! — с воодушевлением воскликнула Илэйн.

— Да, там они, в животе у вас, как солнышко в небесах, — покачала головой Мелфани и ушла, а на смену ей явились Нарис и Сефани, чтобы одеть королеву и расчесать ей волосы.

Зачарованная, Илэйн вытерпела и то и другое. Она не могла сдержать улыбки. Наконец-то Мелфани ей поверила!

Часом позже, когда она перебралась в небольшую гостиную с открытыми окнами и сидела под лучами солнца, потягивая теплое козье молоко, вошел длинноногий и худосочный мастер Норри: длинное лицо с острым подбородком, за ушами торчат пучки волос, под мышкой кожаная папка. Он явился в сопровождении Дайлин, хотя обычно та не присутствовала на утренних совещаниях. Увидев ее, Илэйн вопросительно изогнула бровь.

— Я собрала сведения по твоей просьбе, — сказала Дайлин, наливая себе чашку утреннего чая — сегодня он был с морошкой. — Мелфани говорит, что слышала сердца детей. Это так?

— Совершенно верно.

— Мои поздравления, ваше величество, — промолвил мастер Норри. Он раскрыл папку и принялся раскладывать бумаги на высоком, узком столе подле кресла Илэйн. В ее обществе Норри предпочитал стоять, но Дайлин опустилась во второе мягкое кресло возле самого камина.

Что это за сведения, о которых спрашивала Илэйн? Она старалась припомнить, с какой просьбой обращалась к Дайлин. Эти попытки отвлекали ее, пока мастер Норри зачитывал ежедневный отчет об армиях близ Кэймлина, и она рассеянно слушала, как он перечисляет случаи стычек между отрядами наемников.

Затем он доложил о проблемах с провиантом. Несмотря на переходные врата, открываемые женщинами из Родни в подвластные Ранду южные земли, и внезапно обнаруженные в городе запасы еды, в Кэймлине намечалась нехватка продовольствия.

— И наконец, о наших… гм… гостьях, — сказал Норри. — Гонцы принесли вполне ожидаемые вести.

Ни один из Домов, чьи представительницы находились в заключении, не мог позволить себе заплатить выкуп. В прошлом поместья Араун, Саранд и Марне входили в число самых обширных

и процветающих в Андоре, но теперь обнищали. Их поля стали бесплодными, а казна опустела. К тому же Илэйн оставила два из этих трех Домов без верховных опор. О Свет! В этой путанице сам Темный ногу сломит!

Норри тем временем продолжал. Талманес прислал письмо, в котором дал согласие отправить в Кайриэн несколько рот из Отряда Красной руки. Илэйн поручила Норри ответить заверенным ее печатью указом, по которому солдаты получают право «способствовать наведению порядка». Разумеется, то была полная чушь, поскольку в наведении порядка не было необходимости, но если Илэйн планирует сесть на Солнечный трон, без определенных предварительных шагов не обойтись.

— Именно это я и хотела обсудить, Илэйн, — сказала Дайлин, когда педантичный Норри принялся собирать бумаги, заботливо укладывая их в папку. Да хранит их всех Свет, если один из этих драгоценных листков порвется или кто-нибудь посадит на него кляксу. — Ситуация в Кайриэне… неоднозначная.

— А когда она была однозначная? — вздохнула Илэйн. — Что скажешь о тамошней политической обстановке?

— Там полная неразбериха, — без обиняков ответила Дайлин. — Надо бы обсудить, каким образом ты намерена контролировать два государства, причем одно из них заочно.

— У нас есть переходные врата, — напомнила Илэйн.

— Истинная правда. Но ты просто обязана найти способ занять Солнечный трон так, чтобы это не походило на поглощение Кайриэна Андором. Да, кайриэнская аристократия призна́ет тебя своей королевой, но лишь в том случае, если сравняется по статусу с андорской. В ином случае, стоит тебе ослабить хватку, и заговоры разбухнут, как закваска в теплой воде.

— Никто не собирается задвигать их на второй план, — заметила Илэйн.

— Вряд ли они придут к такому выводу, если ты явишься в Кайриэн со своей армией, — возразила Дайлин. — Кайриэнцы — гордый народ, и если подумают, что им предлагается жить под пятой королевы Андора…

— Но жизнь под властью Ранда их вполне устраивала!

— Не сочти за дерзость, Илэйн, — сказала Дайлин, — но Ранд — Дракон Возрожденный. А ты — нет.

Илэйн помрачнела. Да, с этим не поспоришь…

Мастер Норри вежливо покашлял:

— Ваше величество, аргументация леди Дайлин — вовсе не праздные домыслы. Я… гм… кое-что слышал. Зная о ваших интересах в Кайриэне…

Он делал успехи в сборе нужных сведений. Глядишь, еще возглавит сеть королевских шпионов.

— Ваше величество, — продолжил Норри, понизив голос, — если верить слухам, в скором времени вы планируете захватить Солнечный трон. И в Кайриэне уже поговаривают о том, чтобы поднять против вас восстание. Не сомневаюсь, что это лишь пустые слова, но…

— Кайриэнцы предпочли бы видеть своим императором Ранда ал'Тора, — подхватила Дайлин, — а не чужеземного монарха. Это разные вещи.

— Что ж, — задумчиво произнесла Илэйн, — чтобы занять Солнечный трон, отправлять для этого армию не обязательно.

— В этом я усомнился бы, ваше величество, — возразил Норри. — Слухи весьма убедительны. Похоже, как только лорд Дракон возвестил, что трон будет вашим, некоторая часть кайриэнцев начала — с превеликой осторожностью — готовиться к тому, чтобы этого не случилось. Из-за

слухов многие волнуются, что вы передадите андорцам титулы кайриэнской знати, а другие уверены, что кайриэнцы получат статус граждан второго сорта.

— Чушь, — сказала Илэйн. — Это же смехотворно!

— Вне всяких сомнений, — покивал Норри. — Но слухи множатся и расползаются, как… гм… лоза-удушуй, и подобные умонастроения — совсем не редкость.

Илэйн скрипнула зубами. Мир стремительно превращался в клубок сильных союзов, скрепленных узами крови и чернил на документах. У Илэйн был неплохой шанс объединить Кайриэн и Андор — получше, чем у любой королевы за несколько последних поколений.

— Нам известно, кто распускает эти слухи?

— Выяснить это не так-то просто, миледи, — ответил Норри.

— Ну а кому они наиболее выгодны? — спросила Илэйн. — Там-то и следует искать источник!

Норри взглянул на Дайлин.

— Теоретически они могут быть выгодны кому угодно, — сказала та, помешивая чай, — но в большей степени тем, кто имеет наилучшие виды на трон.

— То есть противникам Ранда, — предположила Илэйн.

— Вероятно, — кивнула Дайлин. — Или нет. Потенциальным бунтовщикам ал'Тор уделил самое серьезное внимание. Почти все или уверовали в него, или были сломлены, а это значит, что подозрение падает на его союзников — тех, кому он доверял больше остальных, и тех, кто сильнее других клялся в преданности Дракону. В конце концов, это же Кайриэн!

Даэсс Дей'мар. Да, вывод вполне разумный: союзники Ранда не обрадуются восхождению Илэйн на престол. Те, кто был у него в фаворе, получат преимущество в схватке за трон, если Илэйн вдруг не справится с управлением двумя государствами. Однако эти люди оказали бы себе медвежью услугу, присягнув на верность иноземной королеве.

— Предположу, — задумчиво произнесла Илэйн, — что лучшие виды на трон будут у того, кто не противостоял Ранду и, следовательно, не прогневил его, но и не слишком горячо поддержал Дракона. У того, кто, выступив в глазах страны ее патриотом, вынужден будет забрать власть из моих неумелых рук. — Она взглянула на собеседников. — Составьте список тех, кто в

последнее время стремительно обрел большое влияние. Меня интересуют все аристократы — и мужчины, и женщины, — кто подходит под вышеперечисленные критерии.

Дайлин и мастер Норри кивнули. В конце концов ей, пожалуй, придется создать более серьезную сеть глаз-и-ушей, поскольку эти двое не особо годились для управления соглядатаями. Норри — слишком очевидная кандидатура, к тому же у него и так дел невпроворот. А Дайлин… Честно говоря, Илэйн не знала, что у нее на уме.

Она была многим ей обязана: Дайлин в каком-то отношении заменила Илэйн мать, став воплощением мудрости и гласом рассудка. Однако рано или поздно этой женщине придется осадить коней: кому из них надо поощрять мнение, будто Дайлин — реальная сила за спиной королевы?

Однако… Свет! Без нее Илэйн ни с чем не справилась бы! Она с трудом сдержала нахлынувшие эмоции. Кровь и треклятый пепел, когда же закончатся эти перепады настроения? Не по-королевски это, раскисать по пустякам!

Она вытерла слезы. Дайлин тактично промолчала.

— Да, так будет правильнее всего, — твердо

сказала Илэйн, чтобы отвлечь внимание от предательских глаз. — И меня по-прежнему беспокоит вторжение.

Дайлин ничего не ответила. Ей не верилось, что Чесмал говорила о какой-то конкретной интервенции в Андор; она считала, что речь шла о нашествии троллоков на Пограничные земли. Бергитте отнеслась к новостям более серьезно и усилила гарнизоны на андорских границах. Илэйн еще сильнее захотелось взять Кайриэн под контроль: если троллоки пойдут на Андор, их путь наверняка проляжет через братское королевство.

Не успела она продолжить беседу, как дверь гостиной распахнулась. Илэйн подскочила бы от неожиданности, не почувствуй она присутствие Бергитте. Страж никогда не стучала. Она вошла в комнату при мече — который носила с явной неохотой — и в штанах, заправленных в высокие, по колено, сапоги. Как ни странно, за ней следовали двое, чьи лица скрывались под капюшонами плащей. Норри попятился и схватился за грудь. Он был в ужасе от необычности происходящего. Всем известно, что Илэйн не любит принимать посетителей в этой тесной гостиной, а уж если Бергитте привела сюда чужих людей…

— Мэт? — предположила Илэйн.

— Никак нет, — отчеканил знакомый голос.

Один из новоприбывших — тот, что фигурой покрупнее, — снял капюшон, открыв мужественное и невероятно красивое лицо с волевым подбородком и проницательными глазами, устремленными на Илэйн. Знакомый взгляд. Так на нее смотрели в детстве, заметив за очередной проказой.

— Галад! — Илэйн вскочила и протянула к нему руки. По всему телу прошла теплая волна. Невероятно! В детстве Галад то и дело бесил ее, но как же приятно было узнать, что он жив-здоров! — Где ты был? Чем занимался?

— Искал истину, — ответил с утонченным поклоном Галад, но с объятиями не торопился. Он выпрямился и бросил взгляд на вторую фигуру в плаще. — И сделал неожиданное открытие. Крепись, сестра.

Илэйн нахмурила брови. Второй посетитель, тот, что пониже, снял капюшон. Мама?..

Илэйн ахнула. Да, мама! Это лицо, эти золотистые волосы, эти глаза, так часто глядевшие на маленькую Илэйн, оценивая ее — не только как мать оценивает дочь, но и как королева оценивает свою преемницу. К горлу Илэйн подступил

комок. Ее мать… Ее мать не умерла.

Королева Моргейз сумела выжить. Королева до сих пор жива.

Она посмотрела дочери в глаза, а затем, как ни странно, потупилась.

— Ваше величество, — произнесла она и присела в реверансе, после чего осталась стоять у двери.

Илэйн совладала со шквалом мыслей и постаралась унять панику. Она же королева, или должна быть королевой, или… О Свет! Она заняла трон — хотя бы по праву дочери-наследницы, — но каким образом ее собственная мать восстала из мертвых? Проклятье!

— Прошу садиться, — машинально сказала девушка, указала на кресло и немного успокоилась, заметив, что сидевшая рядом Дайлин справляется с потрясением не лучше Илэйн. Советница выпучила глаза, а чашку стиснула так, что побелели костяшки пальцев.

— Благодарю, ваше величество, — промолвила Моргейз и, пройдя вперед, опустилась в кресло.

Подошедший Галад положил руку на плечо Илэйн, словно чтобы успокоить ее, после чего принес себе стул из дальнего угла гостиной.

В прошлом Илэйн не замечала за матерью тако-

го сдержанного тона. И с чего бы ей обращаться к Илэйн по всем официальным правилам? Королева тайно явилась в собственный дворец, пряча лицо под капюшоном… Усаживаясь, Илэйн не сводила глаз с матери и пыталась сообразить, в какую картину сложатся детали этой головоломки.

— Ты же отреклась от престола.

Моргейз величественно кивнула.

— Ох… Благодарение Свету, — сказала Дайлин, положив ладонь на грудь, и с облегчением выдохнула. — Без обид, Моргейз, но на секунду я представила себе войну между членами семьи Траканд!

— До войны не дошло бы, — произнесла Илэйн одновременно с матерью, сказавшей примерно то же самое. Их взгляды пересеклись, и Илэйн позволила себе улыбнуться. — Мы нащупали бы… разумный компромисс. Однако в этом нет необходимости, хотя признаюсь, что обстоятельства повергают меня в изумление.

— Меня удерживали Дети Света, Илэйн, — объяснила Моргейз. — Старый Пейдрон Найол был во многих отношениях человеком благородным, но не могу сказать того же о его преемнике. Но я не позволила бы использовать меня против

Андора.

— Треклятые белоплащники, — пробурчала Илэйн себе под нос. О Свет! В письме говорилось, что Моргейз находится у них. Выходит, не соврали.

Галад смотрел на нее, приподняв бровь. Наконец он поставил стул и расстегнул плащ, под которым обнаружилась безупречно белая форма с эмблемой многолучевого солнца на груди.

— О да, так это верно, — сердито сказала Илэйн. — А я-то чуть не забыла. Хотя очень старалась забыть.

— У Детей Света имелись ответы на все мои вопросы, Илэйн, — произнес Галад, усаживаясь.

Какой же он несносный. О Свет! Да, приятно его видеть, но какой же он несносный!

— Я не намерена говорить на эту тему, — отрезала Илэйн. — Сколько с тобой белоплащников?

— Со мной в Андор пришло все войско Детей Света, — поправил ее Галад. — Я ношу звание лорда капитан-командора.

Илэйн моргнула, бросила непонимающий взгляд на Моргейз. Старшая Траканд кивнула.

— Ну-ну, — сказала Илэйн. — Как вижу, вам есть что рассказать.

Галад — с детства понимавший все буквально — счел эту фразу призывом к действию и принял-

ся объяснять, как получил столь высокое звание. На подробности он не скупился, и Илэйн время от времени поглядывала на мать. Лицо Моргейз оставалось непроницаемым.

Закончив, Галад спросил о Войне за престолонаследие. Разговоры с ним зачастую напоминали не дружескую беседу, а скорее официальный обмен мнениями или сведениями. Когда-то это выводило Илэйн из себя, но теперь она поняла, что — вопреки здравому смыслу — и впрямь соскучилась по Галаду, а потому даже млела от его голоса.

Наконец беседа сошла на нет: тем для обсуждения оставалось множество, но Илэйн сгорала от желания поговорить с матерью.

— Галад, — сказала она, — мне бы хотелось послушать и другие твои рассказы. Не согласишься ли прийти сегодня на ранний ужин? А пока можешь отдохнуть в своих прежних покоях.

— Было бы неплохо, — кивнул он и встал.

— Дайлин, мастер Норри, — продолжила Илэйн, — новости о моей матери повлекут за собой… некоторые нюансы государственной важности и деликатного свойства. Надо опубликовать официальное отречение, и чем быстрее, тем лучше. Мастер Норри, поручаю вам подготовить

необходимые документы. Дайлин, сообщи моим ближайшим союзникам, дабы эти известия никого врасплох не застали.

Дайлин кивнула и взглянула на Моргейз — находясь под влиянием Равина, бывшая королева не докучала ей, но Дайлин, вне всяких сомнений, слышала рассказы о том, как Моргейз обходилась с другими. Потом она, вместе с Галадом и мастером Норри, вышла из гостиной. Как только дверь закрылась, Моргейз взглянула на Бергитте — единственную, кто оставался в комнате, кроме них с дочерью.

— Я доверяю ей как сестре, матушка, — сказала Илэйн. — Иной раз — как старшей сестре с невыносимым характером, но тем не менее.

Моргейз улыбнулась, встала, взяла Илэйн за руки, притянула к себе и заключила в объятия.

— Ах, дочь моя, — произнесла она со слезами на глазах. — Только посмотри, чего ты добилась! Теперь ты полноправная королева!

— Твоя наука пошла мне на пользу, матушка. — Илэйн отпрянула. — Кстати, ты же бабушка! Вернее, скоро ею станешь!

— Так я и подумала, — нахмурилась Моргейз. — Стоило лишь рассмотреть тебя хорошенько. И кто же?..

— Ранд, — покраснела Илэйн, — хотя об этом мало кому известно. И я предпочла бы, чтобы все так и оставалось.

— Ранд ал'Тор? — Лицо Моргейз омрачилось. — Тот…

— Матушка, — схватила ее за руку Илэйн, — он хороший человек, и я люблю его. Все, что ты слышала о нем, — преувеличение или злокозненные слухи.

— Но, Илэйн! Он же мужчина, способный направлять Силу! Дракон Возрожденный!

— И такой же человек, как все остальные. — В глубине сознания Илэйн шевельнулся теплый клубок эмоций. Такой теплый… — Просто человек, чего бы от него ни требовали.

— Не стану торопиться с выводами. — Губы Моргейз сжались в тонкую линию. — Хотя все равно считаю, что зря не бросила этого мальчишку в дворцовое подземелье, когда мы нашли его шныряющим в саду. Чтоб ты знала, мне и тогда не нравилось, как он на тебя смотрел.

Илэйн улыбнулась, после чего жестом предложила матери вернуться в кресло. Моргейз уселась, а Илэйн на сей раз села рядом с ней, все еще сжимая материнские руки. Она чувствовала, что Бергитте едва сдерживает смех. Страж стояла,

привалившись спиной к дальней стене, согнув одну ногу в колене и уперев подошву в деревянную отделку.

— Ну что еще? — осведомилась Илэйн.

— Ничего, — ответила Бергитте. — Приятно видеть, как вы разыгрываете сценку «мать и дитя», вместо того чтобы стоять столбом и пялиться друг на друга.

— Илэйн — королева, — натянуто произнесла Моргейз, — и ее жизнь принадлежит народу Андора. Мое несвоевременное появление стало бы прямой угрозой ее наследственным правам.

— Оно и сейчас способно внести некоторую путаницу, матушка, — заметила Илэйн, — и открыть старые раны.

— Придется принести извинения, — сказала Моргейз. — И наверное, предложить денежную компенсацию. — Она помолчала. — Я не собиралась возвращаться, дочь. Лучше бы ненавистники считали, что я мертва. Но…

— Нет, — тут же возразила Илэйн и еще крепче стиснула ее руки. — Лучше так, как есть. Надо лишь действовать продуманно и аккуратно.

— Горжусь тобой, — улыбнулась ей Моргейз. — Ты будешь замечательной королевой.

Илэйн с немалым трудом прогнала с лица ши-

роченную улыбку. Мать всегда была скупа на комплименты.

— Но прежде чем перейти к другим темам, скажи… — нерешительно продолжила Моргейз. — Мне стало известно, что под личиной Гейбрила скрывался…

— Равин, — кивнула Илэйн. — Да, мать, это так.

— Ненавижу его за все, что он сделал. Понимаю, что он использовал меня, что разбил преданные сердца моих ближайших друзей, но отчасти я жажду встречи с ним, хоть это и невероятно глупо.

— Он оплел твой разум Принуждением, — негромко сказала Илэйн. — Другого объяснения не существует. Попробую выяснить, способен ли кто-то в Белой Башне Исцелить тебя.

— Как бы то ни было, — покачала головой Моргейз, — это чувство слабеет, и я научилась справляться с ним. К тому же теперь мне есть кого любить.

Илэйн непонимающе сдвинула брови.

— Объясню позже, — сказала Моргейз. — По-моему, я сама еще не разобралась, что к чему. Давай сперва решим, как обыграть мое возвращение.

— Ну, это проще простого! — воскликнула Ил-

эйн. — Устроим празднество!

— Да, но…

— Никаких «но», матушка. Ведь ты вернулась к нам! Весь город, весь Андор будет праздновать это событие. А затем, — добавила Илэйн после паузы, — подберем тебе ответственную должность.

— Где-нибудь подальше от столицы, дабы я не отбрасывала на тебя ненужную тень.

— Но поручение будет на самом деле ответственным, чтобы со стороны не казалось, будто тебя отправили беззаботно пастись на лужок. — Илэйн скроила гримасу. — Может, займешься западной четвертью королевства? Не нравятся мне тамошние дела.

— Ты про Двуречье? — уточнила Моргейз. — И лорда Перрина Айбара?

Илэйн кивнула.

— Любопытный он парень, этот Перрин, — задумчиво сказала Моргейз. — Знаешь… Может, я и впрямь окажусь тебе полезной. У нас с ним наладилось что-то вроде взаимопонимания.

Илэйн приподняла бровь.

— Это он помог мне благополучно вернуться в Кэймлин, — объяснила Моргейз. — Он честный парень и хозяин своему слову, но еще и мятежник, хотя движимый благими намерениями.

Поверь, если схлестнешься с ним, тебе придется несладко.

— Предпочла бы не схлестываться, — поморщилась Илэйн.

Самый простой способ разобраться с этим вопросом — найти и казнить этого Айбара, но такого, конечно же, не будет. Даже если после шпионских донесений она так разозлится, что захочет отрубить ему голову.

— Ладно, будем искать выход из положения, — с улыбкой сказала Моргейз. — Для начала тебе будет полезно выслушать мою историю. Кстати, Лини жива и здорова. Хотя не знаю, волновалась ли ты за нее.

— Честно говоря, нет. — Илэйн снова поморщилась, теперь из-за угрызений совести. — По-моему, Лини ничего не сделается, даже если на нее рухнет сама Драконова гора.

Моргейз усмехнулась и начала рассказ — такой захватывающий, что Илэйн слушала ее разинув рот. Матушка осталась жива. Хвала благословенному Свету! Хоть одна хорошая новость, а то в последнее время кругом одни проблемы и неприятности.

* * *

Ночами в Трехкратной земле тихо и спокойно: почти все животные активны в сумерки — или вечером, до холодов, или ближе к утру, пока не наступит лютая жара.

В землях клана Дженн Айил, клана, которого нет, Авиенда, поджав под себя ноги, сидела на выходе каменной породы и смотрела на Руидин. Когда-то в прошлом город окутывала пелена тумана, но так было, пока не явился Ранд, принесший три очень важные перемены, которые немало всех взволновали.

Первая — самая простая. Ранд снял туманную защиту, как алгай'д'сисвай снимает вуаль с лица, и город лишился своего облачного купола. Авиенда понятия не имела, каким образом Ранд вызвал это превращение, и сомневалась, что он сам об этом знает. Но, обнажив город, Ранд изменил его навсегда.

Во-вторых, он снабдил Руидин водой. Близ города возникло огромное озеро, чьи воды сверкали в сочившемся из-за туч призрачном лунном свете. Это озеро называли Тсодрелле'Аман — «Слезы Дракона», — хотя правильнее было назвать его «Слезы Айил». Ранд ал'Тор ведать не ведал, сколь-

ко боли принесет то, что он узнает в откровении. Такой уж он человек, и порой его поступки кажутся совершенно невинными.

Третье изменение было самым глубоким, и Авиенда понемногу постигала его суть. Слова Накоми взволновали ее, встревожили и вывели из себя. Они пробудили отголоски воспоминаний о возможных вариантах будущего, увиденных Авиендой в кольцах во время первого ее посещения Руидина, но то были всего лишь отголоски: Авиенда толком не могла ничего вспомнить. По крайней мере, напрямую.

Она боялась, что в самом скором времени Руидин утратит свое значение. В прошлом город существовал лишь для того, чтобы показать Хранительницам Мудрости и вождям кланов остававшееся тайной прошлое их народа. Чтобы подготовить их к тому дню, когда они станут служить Дракону. Что ж, этот день настал. И кому теперь надо приходить в Руидин? В лесу стеклянных колонн вожди Айил будут лишь вспоминать тех, который уже начали выплачивать.

Все это не давало Авиенде покоя. Ей хотелось следовать традиции, а не искать ответы на эти неудобные вопросы. Однако она не могла выкинуть эти вопросы из головы.

Ранд стал причиной столь многих проблем, и все же Авиенда любила его — в каком-то смысле, за присущее ему невежество. Оно давало Ранду стимул учиться. И еще она любила его за глупые попытки защитить тех, кто не желал ничьей защиты, но в первую очередь она любила его за страстное желание стать еще сильнее.

Сама Авиенда, сколько себя помнила, всегда хотела стать сильнее. Овладей искусством боя на копьях. Сражайся и заслужи джи. Превзойди других. Ранд был далеко, но Авиенда чувствовала его. В этом желании стать сильнее они были очень похожи.

Ноги разболелись от долгого бега. Авиенда растерла их соком растения *сегаде*, но полностью боль не ушла. Сапожки стояли сбоку, на камне, а рядом с ними лежал подарок Илэйн: тонкие шерстяные чулки.

Авиенда устала и хотела пить. Завтра, перед тем как войти в Руидин, она наполнит бурдюк озерной водой, но сегодня ночью станет поститься и воздержится от питья. Будет сидеть, размышлять и готовиться к тому, что будет.

Жизнь Айил менялась, и принять неизбежные перемены означает продемонстрировать силу. Если холд пострадал при набеге, его восстановят,

но уже по-новому, с учетом былых недостатков: например, скрипела дверь на ветру или где-то был неровный пол. Делать все так, как было, глупо; незачем повторять ошибки прошлого.

Быть может, рано или поздно понадобится пересмотреть традиции — например, посещение Руидина и даже саму жизнь в Трехкратной земле. Но в преддверии Последней битвы Айил не имели права покинуть мокрые земли. К тому же шончан пленили многих из Айил — и превратили Хранительниц Мудрости в дамани, а это недопустимо. Да и Белая Башня по-прежнему считала дичками всех Хранительниц Мудрости, которые способны направлять Силу. С этим тоже надо было что-то делать.

А как же она сама? Чем глубже Авиенда задумывалась, тем яснее понимала, что ей не вернуться к прежней жизни. Она обязана быть рядом с Рандом. Если он выживет в Последней битве — а Авиенда будет сражаться так, что он непременно выживет, — то все равно останется королем мокроземцев. И еще Илэйн… Они с Авиендой собирались стать Ранду сестрами-женами, но Илэйн никогда не покинет свой Андор. Может, она полагает, что Ранд останется с ней? И значит ли это, что Авиенде тоже придется пустить корни

в Андоре?

Куда ни глянь, одни проблемы — что для нее, что для всех Айил. Незачем соблюдать традиции лишь потому, что они являются традициями. Сила — вовсе не сила, если у нее нет точки приложения.

Авиенда разглядывала величавую каменную громаду Руидина. Большинство городов с их грязью и обилием отбросов не вызывали у нее ничего, кроме отвращения, но Руидин — совсем другое дело. Сводчатые крыши, купола, недостроенные башни и монолиты, тщательно распланированные жилые кварталы. Фонтаны теперь работали в полную силу, и, хотя повсюду виднелись шрамы, оставленные Рандом во время сражения, почти все обломки были расчищены живущими в городе семьями Айил, которые не ушли на войну.

Там не будет ни лавок, ни перебранок на улицах, ни головорезов в переулках. Даже лишенный своего былого значения, Руидин останется мирным местом.

«Я не остановлюсь, — решила Авиенда. — Я пройду через стеклянные колонны». Пусть ее тревоги обоснованны и в этом путешествии теперь маловато смысла, но ей до смерти хотелось

увидеть то, что видели другие. Чтобы понимать будущее, необходимо знать свое прошлое.

На протяжении многих веков Хранительницы Мудрости и вожди кланов приходили сюда. Возвращались они с новыми знаниями. Быть может, город научит Авиенду, как быть с ее народом — и с ее собственным сердцем.

Глава 46
Кожевник

Андрол осторожно вынул из кипятка овальный кусок кожи. Тот потемнел и скрутился в трубочку. Не теряя времени, Андрол расправил его мозолистыми пальцами — прогретая кожа стала эластичной и податливой — и тут же сел за верстак, стоявший в квадрате солнечного света по левую руку от окна. Он обернул кожу вокруг толстого деревянного стержня в пару дюймов толщиной и проделал отверстия в краях кожаного овала, после чего стал пришивать его к другой, загодя приготовленной заготовке. Добротная простежка по внешнему краю убережет вещь от износа. Многие кожевники не уделяют должного внимания этой мелочи. Многие, но не Андрол.

Люди в первую очередь смотрят на качество швов. Оно бросается в глаза, словно цвет краски на стене.

В процессе работы кожа высыхала и отчасти теряла эластичность, но оставалась достаточно гибкой, и стежки получались ровные, один к одному. Последние Андрол затянул потуже, а оставшимися нитками притянул кожу к деревянному стержню: разрежет их, когда изделие просохнет.

Закончив с шитьем, он принялся наводить красоту. Сверху имя, вбитое в кожу с помощью маленькой колотушки и гвоздиков со шляпками-буквами, под ним эмблемы в виде меча и дракона — эти вставки он сделал собственноручно, с оглядкой на значки, которые прикалывали к воротникам Аша'маны.

В самом низу, совсем уж мелкими буковками, Андрол выложил слова: «Оборона. Охрана. Защита». Пока сохла кожа, Андрол взял кусок тонкой ткани с протравой и аккуратно обработал вставки и буквы, чтобы те выделялись на общем фоне.

Подобная работа успокаивала; в последнее время разрушение играло в жизни Андрола слишком большую роль. Хотя он знал, что так и будет. Понимал, чего ждать. Потому-то и пришел

в Черную Башню. Но все же приятно сделать хоть что-то красивое.

Он оставил вещицу на просушке и занялся подпругами: сверился с цифрами, записанными на столешнице, потянулся за ножницами к самодельной сумке для инструментов, висевшей на боковине стола, и был неприятно удивлен, когда ножниц там не обнаружилось.

«Будь проклят тот день, когда пошла молва, что у меня тут хорошие ножницы!» — подумал Андрол. Предполагалось, что в Черной Башне соблюдают строгие правила, насаждаемые Таимом, но на деле… На деле, к несчастью, хаоса тут тоже хватало. Серьезные нарушения наказывались суровыми карами, но на мелочи — вроде тех, когда заходишь к человеку в мастерскую и «одалживаешь» ножницы, — обычно закрывали глаза. Особенно если одалживающий был из числа любимчиков М'Хаэля.

Андрол вздохнул. Его поясной нож лежал у Куэллара в очереди на заточку. «Что ж, — решил Андрол, — раз Таим настаивает, чтобы мы не упускали случая направить Силу…» С этой мыслью он отринул эмоции и обратился к Источнику. Несколько месяцев назад сделать это было непросто: поначалу Андрол мог направлять Силу, лишь

держа в руках полоску кожи. М'Хаэль выбил из него эту дурь, хотя воспитательный процесс был не из приятных.

Его наполнила саидин, могучая, сладкая и прекрасная. Какое-то время он просто сидел и наслаждался этим чувством. Порчи больше не было. Как же хорошо! Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

Каково это, зачерпнуть столько Единой Силы, сколько могут вобрать другие? Временами он жаждал этого. Андрол знал, что слаб, что он слабейший из посвященных в Черной Башне. Быть может, настолько слаб, что ему следовало оставаться в ранге простого солдата, но Логайн замолвил словечко перед лордом Драконом, и Андрола повысили, невзирая на возражения Таима.

Он открыл глаза, поднял полоску кожи и создал переходные врата — крошечные, в дюйм шириной. Они возникли прямо перед ним и раскроили полоску надвое. Андрол с улыбкой позволил вратам закрыться, а затем повторил все снова.

Кое-кто поговаривал, что его повышение ускорили, только чтобы подорвать авторитет Таима. Но сам Логайн утверждал, что Андрола удостоили звания посвященного из-за его исключительного таланта к открытию переходных врат. Жесткий

он человек, этот Логайн, побитый жизнью, как старые ножны, с которых облезла вся лакировка. Но в этих ножнах скрывается смертоносный меч. Логайн жесткий, но честный. И добрый, несмотря на оставленные судьбой шрамы.

Наконец Андрол закончил с ремнями, подошел к верстаку и разрезал нитку, что удерживала овальный фрагмент кожи на бруске. Тот сохранил форму. Андрол поднес его к свету и обследовал стежки. Кожа была прочной, но не ломкой. Андрол приладил изогнутый овал на предплечье и удовлетворенно кивнул: да, правильная формовка.

В жизни хватает секретов, и один из них — внимание к мелочам. Не расслабляйся, сделай мелкую работу на совесть. Если швы выдержат, наруч не порвется и не треснет, и лучник продолжит стрелять, а не отложит оружие в сторону.

Один стрелок не выиграет битву, но мелочам свойственно накапливаться и обретать все бóльшую важность. Андрол пришил к наручу два несъемных ремешка для надежного крепления на предплечье, завершив тем самым свою работу.

Потом он снял со спинки стула черный мундир. Когда застегивался, луч солнца высветил на вы-

соком воротнике значок в виде серебряного меча. Глянув на отражение в оконном стекле, Андрол убедился, что мундир сидит как влитой. Нельзя недооценивать мелочи. Например, секунда — это мелочь, но из множества секунд состоит вся человеческая жизнь.

Он надел наруч, а затем распахнул дверь своей тесной мастерской и вышел на окраину деревни, выросшей вокруг Черной Башни. Двухэтажные дома здесь стояли группами — так же, как в каком-нибудь маленьком городке Андора. Остроконечные, крытые соломой крыши, деревянные стены, кое-где кирпич или булыжник. Двойной ряд строений тянулся к центру деревни. Глянь на них, и покажется, что гуляешь по Новому Брайму или Грэйфендейлу.

Если, конечно, не обращать внимания на мужчин в черных мундирах. Они были повсюду — практиковались, бегали по поручениям М'Хаэля, трудились над фундаментом самой Черной Башни. Поселение еще не обрело законченного вида. Аша'маны-солдаты — ни серебряных значков в форме меча, ни красных с золотом драконов на воротниках, — взрывая с помощью Единой Силы землю, прокладывали длинную канаву у дороги: было решено, что деревне необходим

ров с водой.

Вокруг них вились плетения — по большей части пряди Земли. В Черной Башне при любом случае применяли Единую Силу. Постоянные тренировки: так силачи тягают камни, чтобы укрепить мускулы. О Свет! Таим с Логайном гоняли парней, что называется, и в хвост и в гриву.

Андрол вышел на дорогу, недавно посыпанную гравием с оплавленными краями: сперва в деревню приволокли булыжники — через переходные врата, на тесьмах Воздуха, — и уже на месте раздробили соответствующими плетениями. Раскалывались камни, разлетались осколки… Будто война началась. С помощью Силы — и после таких тренировок — Аша'маны запросто могли превратить городскую стену в груду битого мусора.

Он шел дальше. В Черной Башне хватает зрелищ постраннее оплавленного гравия и солдат, взрывающих землю под наблюдением самого Андрола. В последнее время необычнее всего выглядели дети. Сегодня они прыгали с разбегу в ров за спиной у работавших солдат, скатывались по его земляным стенкам и карабкались обратно.

Дети. Играют в ямах, что остаются от взрывов, созданных Единой Силой. Да, мир меняется.

Андролова бабуля — такая древняя, что у нее и зубов-то не осталось, — стращала его рассказами о способных направлять Силу мужчинах, когда он еще малышом норовил выскользнуть ночью из дома и сосчитать звезды на небе. Ни темноты, ни историй о троллоках или Исчезающих он не боялся, но вот мужчины, которые владеют саидин… Вот это был, конечно, ужас.

Теперь же его, человека средних лет, пугали отнюдь не те, кто умел направлять Силу. Здесь его вдруг стала пугать тьма. Он шагал по дороге, слушая, как под сапогами похрустывают мелкие камешки. Дети выбрались изо рва, припустили следом, и Андрол не задумываясь достал из кармана пригоршню конфет, купленных во время последней вылазки на разведку.

— По две каждому, — строго сказал он, когда к сладостям потянулись перепачканные грязью руки. — Ну-ка, не толкайтесь!

Мгновением позже конфет как не бывало, а дети покивали стрижеными головками, благодаря «мастера Генхальда», после чего умчались прочь. Теперь уже их манил не ров, а поле к востоку от деревни, где они затеяли играть в какую-то новую игру.

Андрол с улыбкой отряхнул руки. Дети всегда

ко всему приспосабливаются, и вековые традиции, страхи и предрассудки тают перед ними, как забытое на солнцепеке масло. Хорошо хоть в ров снова прыгать не стали. Единая Сила бывает непредсказуема.

Нет, не так. Саидин совершенно предсказуема. А вот мужчины, которые способны действовать Силой… Это уже совсем другая история.

Солдаты прекратили работу и повернулись к Андролу. Он не имел звания полного Аша'мана, а потому не заслуживал формального приветствия, но встретили его со всем уважением — пожалуй, даже чрезмерным. Он понять не мог, как вышло, что другие подчиняются ему. Ведь он не был выдающимся человеком: особенно здесь, в Черной Башне.

Однако, завидев проходившего мимо Андрола, ему кивали — в основном то были выходцы из Двуречья, крепкие и способные юноши и мужчины. Первых больше, чем вторых: половине требовалось бриться не чаще, чем раз в неделю. Андрол подошел к ним, проверил работу, окинув взглядом колышки с привязанной к ним бечевой, и одобрительно кивнул:

— Угол верный, ребята, но стенки надо бы сделать поотвеснее.

— Ясно, мастер Генхальд, — отозвался старшой, которого звали Джайм Торфинн, — долговязый парень с припорошенной пылью каштановой шевелюрой. Он по-прежнему касался Истинного Источника. Бурный поток мощной силы — крайне притягательная штука, и мало кто способен разъединиться с ним, не испытав при этом чувства утраты.

М'Хаэль рекомендовал не прерывать связь с Источником. Говорил, что так обучаемые быстрее научатся контролировать саидин. Андролу и раньше были знакомы другие притягательные ощущения, в чем-то похожие на работу с Силой: боевой раж, опьянение, вызванное необычными напитками с островов Морского народа, головокружительное чувство победы… Когда захлестывают подобные чувства, непросто удержать себя в руках и не забыть, кто ты есть. Саидин же соблазнительнее, чем все это, вместе взятое.

Но такими соображениями он с Таимом не делился. Не его это дело, читать лекции самому М'Хаэлю.

— Дайте-ка покажу, что такое прямая линия, — сказал Андрол.

Он набрал полную грудь воздуха и очистил сознание от эмоций, пользуясь для этого старым

солдатским трюком, которому обучил его самый первый наставник, учивший владеть мечом, однорукий старик Гарфин, понять которого было почти невозможно из-за жуткого акцента, присущего иллианским селянам. У Андрола тоже имелся легкий тарабонский акцент — по крайней мере, так ему говорили, — но за годы жизни на чужбине он сделался почти незаметным.

Он почувствовал, как в этой пустоте — в этом «ничто» — начинает бурлить саидин, и ухватился за нее, как хватаются за шею понесшей лошади в надежде если не править ею, то хотя бы удержаться в седле.

Саидин — просто чудо, пьянит сильнее любого зелья, и мир становится прекраснее — сочнее, что ли… Андрол удерживал эту грозную Силу, и ему казалось, что он выходит за пределы иссохшей бренной оболочки и оживает по-настоящему, а стремительные волны саидин вот-вот подхватят его и унесут прочь.

Он действовал быстро, сплетая тончайшую струйку Земли — насколько мог, ибо в работе с Землей был слабее всего, — и аккуратно подровнял бортики рва.

— Если оставить по сторонам выступающие комья земли, — по ходу дела объяснял он, — то вода

во рву будет их подмывать и станет мутной. Чем ровнее и крепче стенки, тем лучше. Понятно?

Солдаты закивали. На потных лбах и щеках темнели разводы грязи, но черные мундиры оставались чистыми. В особенности рукава. При такой работе глянь на рукава — и сразу поймешь, уважает ли человек свою форму. Чтобы не пачкать рукава мундиров, двуреченцы в этот теплый день утирали пот носовыми платками.

Ясное дело, более опытные Аша'маны почти не потели. Но эти парни пока не освоили нужного трюка — сказывалось напряжение при работе.

— Молодцы. — Андрол расправил плечи, оглядел солдат и положил руку Джайму на плечо. — Твои ребята неплохо справляются. Как вижу, в Двуречье с воспитанием мужчин все в полном порядке.

Парни заулыбались. Хорошо, что они здесь. Особенно если сравнивать двуреченцев с теми, кого с недавних пор принимал Таим. Вербовщики М'Хаэля утверждали, что берут всех, кого могут найти… Так почему же новобранцы по большей части оказывались вздорными и недружелюбными?

— Мастер Генхальд? — окликнул его один из солдат.

— Да, Трост? — отозвался Андрол.

— Вы… вы слышали что-нибудь про мастера Логайна?

Остальные с надеждой смотрели на него, но Андрол покачал головой:

— Он еще не вернулся из разведки. Но обязательно вернется, и уже скоро.

Парни покивали, хотя заметно было, что они начинают волноваться. Что ж, имеют на то полное право. Андрол уже несколько недель как волновался — с тех самых пор, как Логайн ушел среди ночи. Куда, спрашивается? И почему он взял с собой Донало, Мезара и Вэлина — трех из сильнейших Аша'манов-посвященных?

Теперь же у деревни стояли лагерем Айз Седай. Вроде как сам Дракон разрешил им связывать Аша'манов узами. На это предположение Таим ответил одной из своих полуулыбок — тех, что не отражались во взгляде, — и сказал, что у пришлых из Белой Башни имеется право первого выбора, поскольку они явились сюда первыми. Остальные с нетерпением ждали.

— М'Хаэль… — помрачнел один из двуреченцев. — Он…

— Головой думайте, — перебил его Андрол, — и не спешите гнать волну. Сперва дождемся Ло-

гайна.

Парни повздыхали, но согласно покивали. Отвлекшись на разговор, Андрол едва заметил, как в его сторону поползли тени. Тени людей, удлинявшиеся с ходом солнца по небосклону. Тени во рву. Тени валунов и разломов в земле. Медленно и почти незаметно эти тени повернулись к Андролу. Он попробовал взять себя в руки, но справиться с паникой не сумел. Этот ужас он чувствовал, даже несмотря на состояние внутренней пустоты.

Тени являлись, когда он слишком долго удерживал саидин, поэтому Андрол тут же отпустил Источник, и тени нехотя расползлись по своим местам.

Парни из Двуречья искоса посматривали на него. Может, заметили во взгляде безумный огонек? Говорить о… ненормальностях, донимающих мужчин из Черной Башни, было не принято — так же, как шептаться о неприглядных семейных секретах.

Порчи больше не было, и этим парням не придется чувствовать то, что чувствовал Андрол. В конце концов он станет диковинкой — как все, кто пришел в Черную Башню до очищения саидин. О Свет! Андрол понять не мог, с какой

стати к нему — мало что слабосильному, так еще и полоумному — прислушиваются другие.

А что хуже всего, в глубине души он был совершенно уверен, что эти тени реальны. Что это не просто безумные образы, сфабрикованные его разумом. Они реальны, и они уничтожат Андрола, если сумеют подобраться к нему. Потому что они и правда самые настоящие. Иного быть не могло.

«Ох, Свет, — стиснул он зубы. — Хрен редьки не слаще. Одно другого хуже. То ли я безумец, то ли сама тьма желает моей смерти».

Потому-то ночами ему было страшно, и уснуть он мог, только сжавшись в клубок. Иногда часами держался за Источник и не видел никаких теней. Другой раз они появлялись через пару минут.

Андрол глубоко вздохнул и сказал, радуясь, что в полной мере владеет голосом:

— Ладно, беритесь за дело. И смотрите мне, чтобы уклон был правильный. Если вода пойдет через край и запрудит улицы, пиши пропало.

Двуреченцы послушались. Оставив их, Андрол вернулся в деревню, почти в самом центре которой стояли казармы: пять для Аша'манов-солдат — здоровенные, с толстыми каменными стенами — и десяток зданий поменьше — эти предназначались для посвященных. По сути, сейчас эта

деревушка и была Черной Башней, но вскоре все изменится: саму башню собирались воздвигнуть поблизости и уже выкопали яму под фундамент.

Андролу нетрудно было представить, каким однажды станет это место. В прошлом он работал у мастера-архитектора. То была одна из десятка попыток в качестве ученика освоить какое-нибудь ремесло, которые он предпринимал за свою жизнь, временами казавшуюся слишком долгой. Да, воображение уже рисовало господствующую над округой башню из черного камня, возведенную с помощью Силы, крепкую, прочную, а у основания — приземистые прямоугольные сооружения, увенчанные зубцами.

Деревня станет городком, а затем городом — таким же огромным, как Тар Валон. На здешних улицах могли разъехаться несколько повозок. Повсюду закладывались новые кварталы, что говорило о дальновидности и умелом планировании. Сама ширина этих улиц подсказывала, во что со временем превратится Черная Башня.

Андрол свернул на протоптанную в жесткой траве тропинку. Далекие «бум!» и «щелк!» разносились по округе подобно ударам бича. Каждый приходил в Черную Башню по собственной причине — из любопытства, отчаяния, жажды

власти, желания отомстить… Что привело сюда Андрола? Может, все вышеперечисленное?

Он вышел из деревни, обогнул рощицу и оказался на тренировочной площадке в ложбинке меж двух холмов, где стояла шеренга мужчин, которые направляли Огонь и Землю. Чтобы территория стала пригодна для земледелия, требовалось сровнять холмы. Отличная возможность для тренировки.

По большей части здесь были посвященные. В воздухе кружились плетения гораздо искуснее и мощнее тех, которыми пользовались двуреченцы, — тонкие, изящные, походившие на шипящих змей или разящие стрелы. Раскалывались камни, и к небу вздымались фонтаны пыли. Взрывы производились в самом произвольном порядке, чтобы выработать привычку дезориентировать врагов и сбивать их с толку. Андрол представил, как по этому склону грохочет кавалерийский отряд — лишь для того, чтобы попасть под удар Земли. За несколько секунд один посвященный мог уничтожить десятки всадников.

Андрол с недовольством заметил, что парни разделились на две группы. В Башне намечался раскол. Тех, кто остался верен Логайну, сторонились и подвергали остракизму. Справа сосредо-

точенно работали Канлер, Эмарин и Налаам, а с ними — Джоннет Даутри, самый талантливый солдат из двуреченцев. Слева пересмеивались закадычные дружки Таима. Их плетениям недоставало аккуратности, но разрушительной силы в них было хоть отбавляй. За тренировкой присматривал Котерен, бездельничавший под сенью раскидистого твердокамедника.

Работники сделали перерыв и велели деревенскому парнишке принести воды. Андрол направился к ним. Первым его заметил Арлен Налаам, он широко улыбнулся и помахал рукой. Этому доманийцу с тонкими усиками вот-вот должно было стукнуть тридцать лет, хотя временами он вел себя как подросток: однажды, к примеру, налил живицы Андролу в сапоги. Стоило вспомнить об этом случае, и ноги горели огнем.

— Андрол! — крикнул Налаам. — Иди расскажи этим бескультурным мужланам, что такое «реташенская кувалда»!

— «Реташенская кувалда»? — переспросил Андрол. — Напиток такой. Смесь медовухи с овечьим молоком. Мерзкая штука.

Налаам с гордостью посмотрел на остальных. На вороте его мундира не было значков: Налаам

оставался простым солдатом. Странно, что его до сих пор не повысили.

— Снова распинаешься о своих странствиях? — спросил Андрол, отстегивая кожаный наруч.

— Мы, доманийцы, много путешествуем, — ответил Налаам. — Отец мой, знаешь ли, служит короне, шпионит для нее…

— На прошлой неделе ты говорил, что он купец, — напомнил Канлер. Этот крепкий мужчина был старше остальных; в волосах его пробивалась седина, а угловатое лицо загрубело от долгих лет работы под палящим солнцем.

— Так и есть, — ответил Налаам. — Это он так себя называет. На самом деле он шпион.

— По-моему, в Арад Домане торговлей занимаются одни только женщины, — потер подбородок Джоннет, рослый круглолицый тихоня, чья семья — братья, сестры, родители и дед по имени Буэл — переехала в деревню, не желая, чтобы Джоннет жил тут в одиночку.

— Ну, у них это получается лучше, чем у мужчин, — сказал Налаам, — и моя мать не исключение. Но мы, мужчины, тоже кой-чего умеем. К тому же когда мать втиралась в доверие к Туата'ан, отцу пришлось взять торговлю в свои руки.

— Да ну, чушь какая-то, — скривился Канлер. — Зачем втираться в доверие к кучке Лудильщиков?

— Чтобы вызнать секретные рецепты, — объяснил Налаам. — Говорят, Лудильщики умеют готовить такое рагу, что бросишь родные места и пойдешь странствовать вместе с их караваном. Это, кстати, чистая правда. Я сам его пробовал, а потом три дня сидел связанный в сарае, пока чары не развеялись.

Канлер недоверчиво хмыкнул, но спросил после паузы:

— Ну, узнала она этот рецепт-то?

Тут Налаам завел новую историю. Канлер с Джоннетом слушали его разинув рот, а Эмарин — второй солдат, без значка на воротнике — стоял в стороне и улыбался. Он был примечательным мужчиной в возрасте, с редкими волосами, морщинками у глаз и короткой остроконечной седой бородкой.

Спросите любого, и вам подтвердят, что Эмарин — человек-загадка. Однажды он пришел в Черную Башню вместе с Логайном и о своем прошлом никогда не говорил. Держался спокойно, изъяснялся вежливо — аристократ, не иначе. Но в отличие от других благородных гос-

под в Черной Башне, Эмарин ни разу не кичился былой властью. Многим дворянам требовалось несколько недель, чтобы уяснить, что в Черной Башне твое прежнее высокое положение теряет всякий смысл. Поначалу они ходили угрюмые, вечно недовольные, но Эмарин с первого дня влился в ритм здешней жизни.

Лишь по-настоящему достойный аристократ способен безоговорочно выполнять приказы простолюдина вдвое моложе себя. Эмарин взял у прислужника мех с водой, сделал глоток и, поблагодарив парнишку, подошел к Андролу.

— Прирожденный менестрель, — кивнул он в сторону Налаама. Тот по-прежнему распинался перед слушателями.

— Может, заработает своими россказнями монету-другую, — проворчал Андрол. — До сих пор мне пару новых носков должен.

— А ты, друг мой, прирожденный секретарь! — рассмеялся Эмарин. — Ничего не забываешь.

Андрол пожал плечами.

— Откуда тебе известно про «реташенскую кувалду»? В подобных делах я считаю себя человеком весьма осведомленным, но об этом напитке ни разу не слышал.

— Пил его однажды, — ответил Андрол. — На

спор.

— Да, но где?

— Ясное дело, в Реташе.

— Это же в нескольких лигах от материка, на каком-то архипелаге, куда и Морской народ нечасто заплывает!

Андрол снова пожал плечами и бросил взгляд на прихвостней Таима. Деревенский мальчишка принес им корзинку с едой от М'Хаэля, хотя тот утверждал, что любимчиков у него не имеется. Если спросить, Андролу ответили бы, что другим передали такую же корзинку, но посыльный или заблудился, или запамятовал, или допустил другую невинную ошибку. Таим устроил бы кому-нибудь выволочку, и ничего не изменилось бы.

— Меня, друг мой, тревожит этот раскол, — негромко сказал Эмарин. — Как воевать за лорда Дракона, если мы между собой договориться не в состоянии? — Андрол покачал головой, и Эмарин продолжил: — Говорят, за последние несколько недель никто из сторонников Логайна не получил значка с драконом. Многие — к примеру, Налаам — давно уже заслужили булавку с мечом, но М'Хаэль неоднократно отказывал им в повышении. А ведь благородный Дом, чьи представители пререкаются из-за власти, никогда не

станет угрозой другим Домам.

— Мудрые слова, — заметил Андрол. — Но что нам делать? Что мы вообще можем сделать? Таим — наш М'Хаэль, а Логайн еще не вернулся.

— Быть может, надо послать кого-нибудь за ним, — сказал Эмарин. — Или тебе стоит успокоить остальных. Боюсь, некоторые уже еле сдерживаются. Если будет стычка, нетрудно догадаться, кого Таим пощадит, а кого накажет по всей строгости.

— Верно, — помрачнел Андрол. — Но почему успокаивать должен я? У тебя, Эмарин, язык получше подвешен.

— Ну да, — усмехнулся Эмарин, — но тебе, Андрол, доверяет Логайн. Многие берут с тебя пример.

«И зря», — подумал Андрол, а вслух произнес:

— Посмотрим, что можно сделать.

Налаам вел дело к очередной истории, но прежде чем успел начать, Андрол помахал Джоннету и поднял наруч:

— Помнится, твой старый треснул. Примерь-ка этот.

Принимая подарок, Джоннет просветлел:

— Золотой ты человек, Андрол! А мне казалось, никто и не заметил. Знаю, что это глупости,

но… — Улыбнувшись шире прежнего, он поторопился к дереву, под которым лежало снаряжение, взял лук — двуреченцы не любили расставаться со своими луками.

Вернувшись, Джоннет стянул тетивой концы лука, потом надел наруч.

— Идеально! Как влитой! — заметил он, и Андрол понял, что тоже улыбается. Мелочи… Бывает, их значение трудно переоценить.

Джоннет прицелился и выстрелил. Тетива щелкнула по наручу, а стрела умчалась вдаль и угодила в дерево на холме в добрых двух сотнях шагов от стрелка.

— Такой лук, как у тебя, я впервые вижу, — присвистнул Канлер. — В жизни не видал таких луков. — Он тоже был андорцем, но в прошлом жил в городке недалеко от Кэймлина.

Джоннет критически оценил попадание, после чего натянул тетиву так, что оперение коснулось щеки, выстрелил, и снова попал в цель. Стрела вонзилась в то же дерево — по прикидкам Андрола, меньше чем в двух пядях от первой, — и Канлер снова присвистнул, а Налаам заявил:

— Мой отец учился стрелять из такого. Однажды спас в Иллиане двуреченца, когда тот едва не утонул. У него и учился. А тетиву оставил себе

на память.

Канлер приподнял бровь, но видно было, что он уже предвкушает новую историю. Андрол лишь усмехнулся, покачал головой и спросил у Джоннета:

— Можно попробовать? Я неплохо управляюсь с тайренскими луками, а они подлиннее многих.

— Пожалуйста. — Долговязый парень снял с руки широкий защитный браслет и протянул оружие Андролу. Тот нацепил наруч и поднял лук — из черного тиса и с тетивой менее упругой, чем на привычных ему луках. Джоннет передал ему стрелу, и Андрол, подражая ему, натянул тетиву до щеки.

— О Свет! — воскликнул он, удивленный тем, насколько это непросто. — У тебя, Джоннет, обманчиво тонкие руки. Как ты только целишься? Я и держу-то его с трудом.

Глядя, как подрагивают у Андрола руки, Джоннет рассмеялся. Наконец Андрол, уже не в силах удерживать натянутую тетиву, выпустил стрелу. Та ушла далеко в сторону. Он вернул лук Джоннету.

— Не так уж и плохо, — похвалил тот. — Многие даже тетиву натянуть не могут. Дай мне десять лет, и я научу тебя стрелять не хуже двуречен-

цев!

— До поры до времени ограничусь коротким луком, — сказал Андрол. — Как ты будешь стрелять из такого чудовища, сидя в седле?

— Да мне это незачем! — ответил Джоннет.

— А вдруг за тобой погоня?

— Если врагов пятеро или меньше, уложу всех, пока не успели подойти, — сказал Джоннет. — А если больше, то какой смысл стрелять? Убегать надо, причем так, будто за мной гонится сам Темный.

Другие заулыбались, но Андрол перехватил пытливый взгляд Эмарина. Должно быть, тот спрашивал себя, где Андрол научился стрелять из лука с лошади. Проницательный он парень, этот аристократ. Впредь лучше не болтать лишнего.

— Это еще что? — спросил кто-то. — И впрямь учишься из лука стрелять, паж? Чтобы хоть как-то защитить себя?

Андрол скрежетнул зубами и обернулся. К их группе неторопливо шел дородный Котерен, чьи длинные сальные волосы черными сосульками обрамляли некрасивое толстощекое лицо. Котерен улыбался, сверлил Андрола недобрым взглядом и выглядел как кот, вознамерившийся поиграть с мышью.

Андрол потихоньку отстегнул наруч и вернул его Джоннету. Котерен был полным Аша'маном и близким приятелем М'Хаэля: по своему положению он намного превосходил всех здесь присутствующих.

— М'Хаэль непременно узнает об этом, — продолжил он. — Как вижу, вы игнорируете его наставления. Зачем вам луки и стрелы, если вы умеете убивать Единой Силой?

— Ничего мы не игнорируем, — заупрямился Налаам.

— Тихо, парень, — предостерег его Андрол. — Следи за языком.

— Вы все, прислушайтесь к словам пажа! — рассмеялся Котерен. — М'Хаэль, однако, и о вашей дерзости узнает. — Он перевел взгляд на Андрола. — Прикоснись к Источнику.

Тот с неохотой подчинился и, чувствуя прихлынувшую сладость саидин, нервно глянул по сторонам, но не увидел ни намека на тени.

— Ты попросту жалок, — сказал Котерен. — Разбей вон тот камень.

Для его способностей булыжник был слишком велик. Андролу уже приходилось иметь дело с забияками, но Котерен был задирой самой опасной разновидности: могущественным наглецом,

наделенным властью. Такому лучше не перечить. Мало кто из забияк понимает, что оказаться в неудобном положении — не такая уж суровая кара.

Андрол сплел нужное плетение из Земли и Огня, после чего хлестнул этой прядью по громадному камню. Он влил в тонкое плетение всю Силу, какую только мог зачерпнуть, но ему удалось лишь оставить на булыжнике неглубокую выщербину.

Котерен от души расхохотался. Посвященные, обедавшие под сенью ближайшего дерева, последовали его примеру.

— Кровь и пепел, ты ни на что не годишься! — заявил Котерен. — Забудь о моих недавних словах, паж! Тебе и впрямь не обойтись без лука!

Андрол отпустил Единую Силу — насмеявшись, Котерен этим и удовольствуется. К несчастью, он почувствовал, как мужчины у него за спиной обращаются к Источнику. Рядом встали Джоннет, Канлер и Налаам, все трое рассвирепевшие и наполненные Силой.

Обедавшие поднялись на ноги и тоже объяли Источник. Их было вдвое больше, чем друзей Андрола. Котерен самодовольно усмехнулся.

Глянув на Канлера и остальных, Андрол под-

нял руку:

— Погодите, парни. Аша'ман Котерен лишь выполнял приказ М'Хаэля. Хотел разозлить меня, чтобы я лучше старался.

Обе группы медлили, обмениваясь враждебными взглядами, не менее напряженными, чем бурлящая в людях Единая Сила. Затем Джоннет отпустил Источник. Почувствовав это, Налаам сделал то же самое. Наконец отвернулся и рассерженный Канлер, а Котерен вновь расхохотался.

— Не нравится мне все это, — проворчал Канлер, бросив взгляд за спину, когда все четверо возвращались на прежнее место. — Вообще не нравится. Зачем ты остановил нас, Андрол?

— Затем, что нас перемололи бы в труху, — отрезал Андрол. — Ты и выругаться не успел бы. О Свет! Мои способности не заслуживают упоминания, а Эмарин еще и месяца здесь не провел. Джоннет быстро учится, но всем известно, что он ни разу не сражался с помощью Единой Силы, а многие из людей Котерена побывали в бою под началом лорда Дракона! Или ты думаешь, что вы с Налаамом сумели бы одолеть десяток противников? Вдвоем, почти без помощи?

Канлер сердито пробурчал что-то неразборчивое, но спор был окончен.

– *Макашак На фамалаштен морказе,* — пробормотал Налаам, — *делф такаксаки мерэ!* — Он усмехнулся себе под нос, и в глазах его сверкнул безумный огонек. Андрол не знал этого наречия. Не древний язык, это уж точно. Может, это вообще никакой не язык.

Никто из Остальных ничего не сказал, но Налаам то и дело буровил какую-то тарабарщину. Если спросить, он заявил бы, что произносит самые обычные слова. Это его бормотание, похоже, сильно подействовало Эмарину и Джоннету на нервы. Они еще ни разу не видели, как друзья сходят с ума и убивают всех, кто попадется под руку. Да ниспошлет Свет, чтобы им не довелось такого увидеть. Какого бы мнения ни был Андрол о лорде Драконе, бросившем его и ему подобных на произвол судьбы, ал'Тор искупил свои грехи, очистив саидин. Теперь направлять Силу стало безопасно.

Вернее сказать, стало безопаснее. Направлять Силу — дело совсем не безопасное, да и Таим выжимает из учеников все до последней капли, доводя их до предела.

— Все новые и новые люди занимаются у Таима на этих треклятых особых уроках, — бормотал Налаам, пока они шагали к тенистым дере-

вьям. — Видят успехи Ненсена и хотят того же. За последние недели добрая дюжина из наших переметнулась на сторону Таима. Скоро никого не останется, кроме нас. Я уже боюсь заговаривать с половиной людей, которым когда-то доверял.

— Норли — надежный парень, — заметил Канлер. — И Эвин Хардлин — тоже.

— Маловат список, — отозвался Налаам. — Точнее, слишком уж мал.

— На нашей стороне двуреченцы, — сказал Джоннет. — Все до единого.

— Все равно список маловат, — повторил Налаам. — К тому же среди нас нет ни одного полного Аша'мана.

Все взгляды устремились на Андрола. Он оглянулся на прихлебателей Таима. Те снова пересмеивались.

— Что, Андрол, — спросил Налаам, — не станешь выговаривать нам за подобные речи?

— Какие речи? — Андрол снова повернулся к спутникам.

— А вот такие. Либо мы, либо они.

— Не хочется мне, ребята, чтобы вас убили или взяли под стражу. Но это не значит, что я не вижу проблемы. — Андрол обвел их взглядом. — А проблема имеется. Неприятности назревают,

словно буря.

— Те, кто ходит на уроки у Таима, слишком быстро учатся, — сказал Налаам. — Совсем недавно у Ненсена едва хватало сил, чтобы считаться посвященным, а теперь он полноправный Аша'ман. Что-то странное тут творится. Еще и эти Айз Седай… Зачем Таим разрешил связывать нас узами? Вы же знаете, что он защитил своих любимчиков? Запретил Айз Седай выбирать в Стражи людей со значком дракона! Чтоб мне сгореть! Понятия не имею, как быть, если меня выберет какая-нибудь Айз Седай. Не собираюсь плясать под ее дудку!

Парни зашептались.

— Люди Таима распускают слухи о новоприбывших, — негромко произнес Джоннет. — Говорят о лорде Драконе и о том, как под его влиянием честные люди становятся предателями. Толкуют о том, что он бросил нас. О том, что он спятил. Сам М'Хаэль делает вид, что никак не связан с этой молвой, но чтоб мне сгореть, если слухи исходят не от него.

— Может, он и прав, — сказал Канлер. Остальные пронзили его взглядами, в ответ на что морщинистый мужчина нахмурил брови. — Только не подумайте, что я заделался сторонником

Таима. Но лорд Дракон… Что он вообще для нас сделал? Такое чувство, что он напрочь забыл о Черной Башне. Может, он и впрямь сошел с ума.

— Нет, — покачал головой Эмарин. — Я встречался с ним. Прямо перед тем, как прийти сюда.

Остальные удивленно взглянули на него.

— Он впечатлил меня, — продолжил Эмарин. — Юный, но очень волевой. О Свет! Я беседовал с Драконом всего-то полдюжины раз, но доверяю ему.

Остальные задумчиво покивали.

— Чтоб мне сгореть! — сказал Канлер. — Пожалуй, мне достаточно твоих слов. Но почему он не прислушивается к нам? Помню, как ругался Логайн: дескать, предупреждал лорда Дракона насчет Таима, но тот и слышать об этом не желает.

— А если доказать, что мы правы? — спросил Джоннет. — Найти подтверждения недобрым замыслам Таима?

— Что-то странное тут творится, — повторил Налаам. — Ненсен, да еще и Каш… Откуда он вообще взялся? И как вошел в такую силу за столь короткий срок? Что, если к возвращению Логайна мы соберем доказательства? Или представим их лорду Дракону напрямую…

Парни снова взглянули на Андрола. Но почему? Ведь он самый слабый из присутствующих. Всего-то и умеет, что открывать переходные врата. Отсюда и прозвище, данное ему Котереном. Паж. Андрол годился лишь для того, чтобы доставлять послания и Перемещать людей.

Однако другие смотрели на него. Полагались на него. Непонятно, правда, по какой причине.

— Ну ладно, — сказал Андрол. — Посмотрим, что получится разнюхать. Подключите к делу Эвина, Хардлина и Норли, но больше никому ни слова. Даже остальным двуреченцам. Не вздумайте сердить Таима или его людей. Но коли что разузнаете, рассказывайте мне. А я поищу способ связаться с Логайном или хотя бы выяснить, где его носит.

Ему ответили угрюмыми кивками.

«Да поможет нам Свет, если мы ошибаемся, — подумал Андрол, оглянувшись на любимчиков Таима. — И тем более если мы правы».

Глава 47
Дрессировочный зал

Фэйли, с нетерпением ерзавшая в седле Светлого, едва не вздрогнула, когда воздух рассекли переходные врата. По ту сторону виднелась буреющая лужайка. Гаул и Девы без промедления и лишнего шума отправились на разведку.

— Уверен, что не хочешь пойти с нами? — спросил Перрин у стоявшего рядом Галада. Тот, заложив руки за спину, разглядывал участников процессии.

— Уверен, — ответил он. — Ужина с Илэйн вполне хватило, чтобы наверстать упущенное.

— Как желаешь. — Перрин повернулся к Фэйли и указал на переходные врата.

Фэйли коснулась боков Светлого каблуками, и тот тронулся с места. Наконец-то пришло время

встретиться с королевой Андора, и сохранять спокойствие будет ох как непросто. Вместе с женой Перрин прошел через переходные врата, ведущие на окраину величественного Кэймлина с его остроконечными башнями, красно-белыми флагами и дворцом в самом центре. Раскинувшийся снаружи городских стен Малый Кэймлин разрастался в отдельный город.

Следом из переходных врат вышли остальные участники процессии, выбранные таким образом, чтобы произвести впечатление, но не демонстрировать угрозы. Аллиандре с сотней гвардейцев. Сто двуреченских стрелков — они сняли с луков тетиву и теперь держали их на манер посохов. Сто представителей Волчьей гвардии, в том числе немалое число мелкой кайриэнской знати с цветными полосами на форме, сшитой из ткани, которую удалось купить в Беломостье. И разумеется, Гаул с Девами.

Последним вышел Грейди в отутюженном черном мундире, на высоком воротнике которого сверкал до блеска начищенный значок посвященного. Аша'ман немедленно глянул на запад, в сторону Черной Башни. Чуть раньше днем Грейди, получив разрешение Перрина, пробовал открыть переходные врата в Черную Башню,

но ничего не вышло. Эта неудача встревожила Перрина. Надо будет разобраться, в чем загвоздка — сегодня ночью или, самое позднее, завтра вечером.

Гаул и Девы выстроились вокруг Перрина и Фэйли, после чего процессия пришла в движение. Арганда с десятком волчьих гвардейцев отправился вперед — возвестить о прибытии гостей, — а остальные величественно шествовали по дороге. Город расползался во все стороны похлеще Беломостья. Неподалеку от Малого Кэймлина стояли лагерем несколько армий — должно быть, отряды разных лордов, поддержавших восхождение Илэйн на трон.

Кэймлин разительно отличался от других мест: здесь не было вездесущих туч, и Фэйли, увидев над городом пугающе ровный круг ясного неба, даже вздрогнула от неожиданности.

Вскоре вернулся Арганда с волчьими гвардейцами.

— Милорд и миледи, вас готовы принять! — объявил он.

Шествие продолжилось. Фэйли и Перрин ехали молча. Они уже десятки раз обсуждали будущую встречу, и теперь говорить было не о чем. Перрин разумно решил предоставить жене вести дипло-

матические переговоры. Не хватало еще, чтобы между Андором и Двуречьем вспыхнула война. Миру этого не надо. Только не сейчас.

За городскими воротами Перрин и айильцы насторожились. Фэйли, ни слова не говоря, терпела эту гипертрофированную опеку. Сколько же времени должно пройти, чтобы избавиться от тени, отброшенной на ее жизнь пленением у Шайдо? Временами казалось, что дай Перрину волю, и Фэйли даже в уборную ходила бы с четырьмя десятками телохранителей.

На улицах за городскими стенами толпились люди: гостиницы забиты под завязку, на рынках не протолкнуться, повсюду мусор, среди прохожих — пугающее изобилие беспризорников. Горлопаны распинались о наступлении опасных времен; некоторым, должно быть, приплачивали купцы, желавшие, чтобы горожане запасались продуктами впрок. Здесь люди Перрина закупали провизию, но обходилась она недешево; если Илэйн еще не выделяет денежную помощь, вскоре она будет вынуждена пойти на этот шаг. Интересно, что творится на королевских складах?

Они миновали Новый город, вошли во Внутренний и поднялись к королевскому дворцу, стоявшему на вершине холма. Перед воротами

у девственно-белых дворцовых стен стояли навытяжку королевские гвардейцы в красно-белых табарах и до блеска начищенных кольчужно-пластинчатых доспехах.

Сразу за воротами все спешились. Сто воинов — айильцы и небольшой почетный караул от каждой армии — сопроводили Перрина и Фэйли во дворец. Коридоры были просторными, но Фэйли все равно чувствовала тесноту из-за многолюдия. Сегодня их с Перрином проводили в тронный зал другим, незнакомым Фэйли путем. Интересно, почему? Ведь можно было пройти напрямую!

С тех пор как здесь правил Ранд, во дворце почти ничего не изменилось. Разве что теперь тут не было айильцев — если не считать тех, кто пришел с Перрином. Посреди коридора тянулся все тот же узкий красный ковер, на поворотах стояли те же вазы, а на стенах висели все те же зеркала, благодаря которым помещение выглядело еще просторнее.

Подобные здания стоят веками, и в них ничего не меняется. По большому счету им все равно, чьи ноги топчут ковры и чей зад согревает трон. Всего лишь за год этот дворец повидал Моргейз, Отрекшегося, Дракона Возрожденного и, нако-

нец, Илэйн.

Честно говоря, сворачивая к тронному залу, Фэйли отчасти ожидала увидеть Ранда, вольготно сидящего на Драконовом троне: на изгибе руки — странного вида короткое копье, в глазах — тусклое мерцание безумия. Однако Драконова трона там уже не было, а на Львином восседала законная королева. В свое время Ранд поставил этот трон рядом со своим и оберегал как зеницу ока, точно цветок, предназначенный в подарок будущей возлюбленной.

Королева Илэйн была вылитой копией своей матери, только намного моложе и повыше ростом: черты лица тоньше, чем у Моргейз, но те же золотистые волосы с медным отливом и та же ослепительная красота. По очертаниям груди и живота заметно было, что она беременна.

Отделка тронного зала соответствовала названию: золоченые панели из дерева и узкие — судя по всему, декоративные — колонны по углам. При Ранде здесь было темновато, но Илэйн расставила вдоль стен множество ярких горевших стоячих светильников. Справа от трона стояла Моргейз собственной персоной, слева — восемь гвардейцев королевы, а вдоль стен — мелкая знать, внимательно следившая за происходящим.

Когда Перрин, Фэйли и остальные вошли в зал, Илэйн чуть подалась вперед. Фэйли, конечно же, присела в реверансе, а Перрин поклонился. То не был земной поклон, но тем не менее. Следуя плану, Аллиандре тоже исполнила реверанс. Пониже, чем Фэйли. Это должно навести Илэйн на определенные мысли.

Если официально, аудиенция предназначалась для того, чтобы королева могла выразить Перрину и Фэйли благодарность за возвращение Моргейз. Разумеется, это была ширма. На самом деле здесь предстояло обсудить будущее Двуречья, но столь деликатную цель не следует озвучивать напрямую. По крайней мере, не сразу. Стоит высказать подобные намерения, и другой стороне слишком многое станет очевидно.

— Да будет всем известно, — мелодичным тоном произнесла Илэйн, — что трон приветствует тебя, леди Заринэ ни Башир т'Айбара, и тебя, королева Аллиандре Марита Кигарин, и тебя, Перрин Айбара, — (в его случае она обошлась без титула), — дабы лично выразить благодарность за возвращение нашей матери. Ваше усердие достойно высочайшей оценки со стороны короны.

— Спасибо, ваше величество, — по обыкновению мрачно ответил Перрин, хотя Фэйли долго

втолковывала ему, что прерывать ход официальной церемонии не следует.

— Вскоре мы объявим дату праздника по случаю благополучного возвращения моей матери, — продолжила Илэйн, — и ее… восстановления в подобающем статусе.

Судя по этой заминке, Илэйн была недовольна, что с ее матерью обращались как со служанкой. Разве она не понимает, что Перрин и Фэйли понятия не имели, что Майгдин — это Моргейз? Хотя… в подобной ситуации любая королева имеет право негодовать. Ясное дело, Илэйн не преминет воспользоваться этим рычагом давления.

Быть может, Фэйли слишком уж увлеклась чтением между строк, но она не могла иначе. Навыки благородной леди мало чем отличаются от навыков какой-нибудь купчихи, а Фэйли была обучена действовать как в той, так и в другой роли.

— Наконец, — продолжила Илэйн, — мы подходим к цели нашей встречи, леди Башир и мастер Айбара. Имеется ли у вас просьба, которую я могу исполнить, чтобы отблагодарить за дар, принесенный Андору?

Перрин положил руку на молот и бросил вопросительный взгляд на Фэйли. Понятное дело,

Илэйн ожидала, что он попросит формального титула. Или снисхождения и официального прощения за то, что он самовольно провозгласил себя лордом безо всяких на то оснований — в зависимости от того, как пойдет разговор.

Фэйли так и подмывало озвучить первый вариант. Он проще. Но не слишком ли прост? Прежде чем продолжить, ей требовалось кое-что узнать.

— Ваше величество, — осмотрительно сказала она, — нельзя ли обсудить прошение в более узком кругу?

Илэйн обдумала ее слова, и эти тридцать секунд длились целую вечность.

— Очень хорошо, — сказала она. — Пройдемте в гостиную.

Фэйли кивнула, и слуга открыл дверку в левой стене тронного зала. Перрин направился было к ней, но остановился, посмотрел на Гаула, Сулин и Арганду и поднял руку:

— Ждите здесь. — Помедлив, он взглянул на Грейди. — Тебя это тоже касается.

Хоть и неохотно, но все повиновались: Перрин заранее предупредил спутников, что события могут принять подобный оборот.

С виду Фэйли осталась спокойна, но в глубине души занервничала. Ей не хотелось расставаться

с Аша'маном: единственным, кто мог открыть путь к отступлению. Тем более, что в гостиной Илэйн несомненно прячутся соглядатаи и гвардейцы, готовые объявиться при первых признаках опасности. Фэйли тоже предпочла бы защитить себя подобным образом, но брать способного направлять Силу мужчину на закрытые переговоры с королевой… Что ж, будь что будет. Теперь они с Перрином находятся на территории Илэйн — и в ее власти.

С глубоким вздохом Фэйли присоединилась к Перрину, Аллиандре и Моргейз в небольшой боковой комнате, смежной с тронным залом. Предвидя подобную возможность, Илэйн заранее велела расставить кресла, но никто не садился: все ждали королеву. Фэйли попробовала угадать, где прячутся гвардейцы, но не заметила подходящих укрытий.

Илэйн вошла, взмахнула рукой, и в свете ламп блеснуло кольцо Великого Змея. Только теперь Фэйли вспомнила, что королева Андора — еще и Айз Седай. Пожалуй, нет здесь никаких затаившихся гвардейцев: женщина, умеющая направлять Силу, будет опаснее дюжины солдат.

Кто же отец ее ребенка? Об этом ходят разные слухи. Вряд ли россказни о том глупце из королев-

ской гвардии соответствуют действительности. Пожалуй, это фальшивка. Неужели отец — сам Ранд?

Следом за Илэйн вошла Моргейз, в скромном темно-красном платье. Она села рядом с дочерью и обвела собравшихся внимательным взглядом, но не произнесла ни слова.

— Итак, — начала Илэйн, — объясните, почему я не должна казнить вас обоих за государственную измену.

Фэйли удивленно моргнула. Перрин же, однако, усмехнулся:

— Вряд ли Ранд одобрит такой поступок.

— Я перед ним не отчитываюсь, — сказала Илэйн. — Думаешь, я поверю, что по его воле ты охмурил моих подданных и провозгласил себя королем?

— Некоторые из этих фактов, ваше величество, истолкованы превратно, — вспылила Фэйли. — Перрин никогда не называл себя королем.

— Да ну? Если верить моим осведомителям, не кто иной, как он, поднял знамя Манетерен. Верно? — спросила Илэйн.

— Было дело, — согласился Перрин. — Но я же и убрал его, причем по собственной воле.

— Это уже кое-что, — хмыкнула Илэйн. — До-

пустим, ты не называл себя королем, но знамя все-таки поднял. А это, по сути дела, одно и то же. Ох, ну сядьте же все! — Она повела рукой, и к ней подплыл стоявший на дальнем столике поднос с кубками, кувшином вина, а также чайником и чайными чашками.

«Похваляется Единой Силой, — сообразила Фэйли. — Напоминает о своей мощи». Весьма банальный шаг.

— Однако, — продолжила Илэйн, — я поступлю так, как будет лучше для королевства. Чего бы это ни стоило.

— Вряд ли возмущение в Двуречье принесет вашему королевству хоть какую-то пользу, — нерешительно сказала Аллиандре. — Казнь их лидера непременно повлечет за собой восстание.

— Насколько мне известно, — заметила Илэйн, разливая чай по чашкам, — они и так уже взбунтовались.

— Мы пришли к вам с миром, — возразила Фэйли. — Разве так ведут себя мятежники?

— Моих посланников не допустили в Двуречье. — По обычаю Илэйн первой пригубила чай, демонстрируя, что он не отравлен. — А ваши люди передали мне сообщение. Позвольте процитировать: «Земли Перрина Златоокого от-

казываются платить андорские налоги. *Тай'шар Манетерен!*»

Аллиандре побледнела, Перрин негромко застонал — этот стон походил на рык. Фэйли же пригубила чай — мятный, с морошкой. Вкусно. Чего-чего, а бесстрашия двуреченцам не занимать.

— Трудные времена располагают к необдуманным поступкам, ваше величество, — сказала она. — Вы же понимаете, почему народ взволнован; нечасто Двуречье удостаивалось первостепенного внимания со стороны вашего трона.

— Это еще мягко говоря, — добавил Перрин и хмыкнул. — Почти все мы выросли, не зная, что Двуречье является частью Андора. Вы как будто не замечали нас.

— Потому что в вашей области не было восстаний. — Илэйн сделала глоток чая.

— Бунт — не единственная причина, по которой королеве следует обращать внимание на своих подданных, — сказал Перрин. — Не знаю, известно ли вам, но в прошлом году мы противостояли нашествию троллоков — самостоятельно, не получив от короны ни малейшего вспоможения. Да, знай вы об этом, непременно помогли бы, но тот факт, что поблизости не оказалось войск — я

имею в виду войска, способные понять, что нам грозит опасность, — говорит сам за себя.

Илэйн промолчала.

— Двуреченцы вспомнили, что у них есть собственная история, — не без опаски подхватила Фэйли. — Не могли же они вечно пребывать в полудреме. Только не в преддверии Тармон Гай'дон. Не после того, как в Двуречье возмужал Дракон Возрожденный. Иной раз мне кажется, что Манетерен пала, а Двуречье вошло в силу лишь для того, чтобы Ранду ал'Тору было где вырасти: среди фермеров, в чьих жилах течет кровь королей, наделившая их королевским упрямством.

— Тем важнее замирить этот край прямо сейчас, без промедления, — сказала Илэйн. — Я даю вам шанс просить о помиловании. И прощу вас. И я отправлю в Двуречье войска для защиты вашего народа. Соглашайтесь, и жизнь войдет в нормальное русло.

— Так не будет, — тихо ответил Перрин. — Отныне Двуречью не обойтись без собственного лорда. Какое-то время я гнал от себя эту мысль. Вы, наверное, тоже не сразу примете такое положение вещей, но это ничего не изменит.

— Может быть, — отозвалась Илэйн, — Но признать лордом не кого-то, а тебя, означает

смириться с тем, что мой подданный может запросто присвоить титул и удержать его, упорно собирая собственную армию. Это недопустимый прецедент, Перрин. По-моему, ты не понимаешь, в каком затруднении я оказалась по твоей милости.

— Ничего, как-нибудь выкрутимся, — молвил Перрин тем упрямым тоном, по которому всегда было ясно, что он намерен стоять на своем. — На уступки я не пойду.

— Как-то не верится, что ты готов признать мою власть, — несколько повысила голос Илэйн.

«Плохо дело». Такая перебранка вовсе не пойдет им на пользу. Фэйли приготовилась вступить в разговор, но ее опередила Моргейз. Негромким голосом она заметила:

— Прежде чем танцевать с та'вереном, дочь моя, сперва убедись, что разучила все необходимые шаги. — Она сделала глоток чая. — Я не одну лигу прошла с этим человеком и видела, как мир склоняется перед ним, как заклятые враги становятся его союзниками. Перечить самому Узору — все равно что пытаться сдвинуть горный кряж, вооружившись чайной ложкой.

Илэйн молча смотрела на мать.

— Прости, если выхожу за рамки, Илэйн, — про-

должила Моргейз, — но я обещала этим людям, что поддержу их, и ты знала об этом. Андор силен, но ему не пережить столкновения с Перрином Златооким. Уверяю тебя, что Айбара не посягает на твой трон, но Двуречью и впрямь не обойтись без присмотра. Что плохого, если у тамошних жителей будет лорд, которого они выбрали сами?

В комнатке стало тихо. Илэйн смерила Перрина взглядом. Фэйли задержала дыхание.

— Ну хорошо, — согласилась Илэйн. — Полагаю, у вас имеются некие требования. Изложите их, и я подумаю, что можно сделать.

— Никаких требований, — сказала Фэйли. — Мы пришли с предложением.

Илэйн изогнула бровь.

— Ваша мать права, — продолжила Фэйли. — Перрину не нужен ваш трон.

— Стоит двуреченцам вбить себе в голову какую-нибудь блажь, как его желания утратят всякий вес. И твои тоже.

— Двуреченцы любят его, ваше величество, — покачала головой Фэйли. — Любят и уважают, а потому сделают так, как он скажет. Мы способны пресечь и непременно пресечем любые разговоры о возрождении Манетерен.

— Но зачем? — спросила Илэйн. — Из-за гор

приходят беженцы, и Двуречье стремительно растет. Нельзя исключать, что с началом Последней битвы одни государства падут, а другие восстанут из пепла. Не вижу причин, по которым вы упустите шанс создать собственное королевство.

— Вообще-то, причина существует, — ответила Фэйли. — И она весомая. Андор — сильное и процветающее государство. Да, городки в Двуречье крепнут, но до людей только-только стало доходить, что им нужен лорд. В глубине души они остаются фермерами. Им нужна не слава, а урожай для пропитания. — Она сделала паузу. — Быть может, вы правы и нам суждено увидеть новый Разлом Мира, но это еще одна причина обзавестись союзниками. Кому надо, чтобы в Андоре началась гражданская война? Никому, и уж тем более не двуреченцам.

— И что ты предлагаешь? — осведомилась Илэйн.

— Лишь то, что уже существует, — сказала Фэйли. — Пожалуйте Перрину официальный титул. Пусть он станет верховным лордом Двуречья.

— Верховным лордом? Какой смысл ты вкладываешь в эти слова? — спросила Илэйн.

— Перрин по статусу будет стоять выше других

Домов Андора, но ниже королевы.

— Вряд ли остальным такое понравится, — сказала Илэйн. — Что насчет налогов?

— Двуречье получит освобождение от их уплаты, — сказала Фэйли. Лицо у Илэйн сделалось кислым, и Фэйли тут же продолжила: — Ваше величество, трон веками игнорировал Двуречье, не защищал его от разбойников, не присылал рабочих для ремонта дорог, ничего не делал для местного правосудия…

— В этом не было необходимости, — перебила ее Илэйн. — Двуреченцы прекрасно обходились самоуправлением. — Она не стала говорить, что судей, магистратов и сборщиков налогов, по всей вероятности, вышвырнули бы за пределы Двуречья, но, похоже, прекрасно об этом знала.

— В таком случае, — сказала Фэйли, — если вас устраивает самоуправление в Двуречье, не надо ничего менять.

— Можно вести с ними беспошлинную торговлю, — предложила Аллиандре.

— Уже ведем, — отозвалась Илэйн.

— Значит, все останется по-прежнему, — сказала Фэйли. — Разве что на западе вашего королевства появится крепкая и влиятельная провинция. Перрин, как ваш союзник и вассал, согласится

разместить войска для защиты рубежей Андора, а также призовет под ваше знамя присягнувших ему монархов.

Должно быть, Моргейз уже рассказала об Аллиандре, но Илэйн покосилась на нее, желая получить подтверждение из первых уст.

— Я дала клятву верности лорду Перрину, — подтвердила Аллиандре. — У Гэалдана давно уже не было сильных союзников, и я намеревалась это исправить.

— Ваше величество! — Обняв ладонями чашку чая, Фэйли подалась вперед. — Перрин провел несколько недель вместе с несколькими шончанскими офицерами. Они разработали всеобъемлющий договор по объединению государств под единым знаменем. Знаю, что вы доверяете Ранду ал'Тору как лучшему другу, но он сделал то же самое. Под его правлением находятся Тир, Иллиан, а теперь, наверное, и Арад Доман. О разобщении речь не идет; напротив, государства объединяются, и на их фоне Андор с каждым часом выглядит все скромнее.

— Поэтому я поступила так, как поступила, — добавила Аллиандре.

Хотя она, по мнению Фэйли, лишь оказалась вплетена в Узор вокруг та'верена и ничего не

планировала. У Аллиандре, однако, могла быть иная точка зрения.

— Ваше величество, — продолжила Фэйли, — у такого решения множество плюсов. Благодаря нашему с Перрином браку у вас появится связь с Салдэйей. По присяге Аллиандре вы получаете Гэалдан. Берелейн также последовала за Перрином, и она нередко упоминала о своем желании обзавестись сильными союзниками для Майена. Подозреваю, что она захочет вступить в наш альянс. Можем составить свой союз: пять государств, считая Двуречье, и шесть, если королева Андора займет Солнечный трон — что, по слухам, вы и собираетесь сделать. Нам недостает могущества, но вместе мы будем сильнее, чем поодиночке. А возглавите этот союз вы, ваше величество.

Судя по лицу Илэйн, ее враждебный настрой заметно поуменьшился.

— Салдэйя? Кто ты по порядку наследования?

— Вторая в очереди, — признала Фэйли, хотя Илэйн наверняка выяснила все заранее. Перрин поерзал в кресле. Фэйли знала, что его до сих пор смущает это обстоятельство. Что ж, привыкнет. Никуда не денется.

— Вторая? — переспросила Илэйн. — Слишком близко. Что, если ты взойдешь на трон? Не уступ-

лю ли я Двуречье другому государству?

— Это несложно предусмотреть, — сказала Аллиандре. — Если Фэйли станет королевой, кто-то из их с Перрином детей получит титул лорда Двуречья, а другой унаследует салдэйский трон. Составьте надлежащий указ, и вы будете защищены.

— Такая договоренность меня устраивает, — кивнула Илэйн.

— Не имею возражений. — Фэйли взглянула на Перрина.

— Ну, наверное, — согласился тот.

— Мне бы и самой не помешал кто-то из ваших… — задумчиво протянула Илэйн. — В смысле, кто-то из ваших детей для брака с членом королевской семьи Андора. Если Двуречьем будет править лорд, обладающий, согласно предлагаемому договору, таким могуществом, то мне очень хотелось бы связать его семью с троном кровными узами.

— Такого обещать не стану, — сказал Перрин. — Мои дети сами выберут себе спутников жизни.

— За аристократами такое водится, — возразила Илэйн. — Чтобы дети вроде наших были помолвлены с самого рождения? Да, это необычно, но не сказала бы, что неслыханно.

— В Двуречье этого не будет, — стоял на своем Перрин. — Никогда.

— Думаю, в будущем мы сможем поспособствовать такому браку, ваше величество, — пожала плечами Фэйли.

— Да, приемлемо, — кивнула после паузы Илэйн. — Но другие Дома будут не в восторге от этой затеи с титулом. «Верховный лорд»? Как бы сгладить эту шероховатость?

— Отдай Двуречье Дракону Возрожденному, — посоветовала Моргейз.

— Точно! — загорелась Илэйн. — Дельная мысль! Если объявлю его представительством Ранда в Андоре… — Фэйли открыла было рот, но Илэйн пресекла возражения взмахом руки. — Это не обсуждается. Нужен хоть какой-то способ убедить андорских лордов и леди, что я не просто так предоставляю Двуречью столь широкую автономию. Если передать эти земли Дракону Возрожденному, пожаловать ему андорский титул и устроить в Двуречье его представительство, то ясно будет, почему к вашему краю я отношусь иначе, чем к остальным. Знатные Дома не станут возражать, поскольку Двуречье подарило нам Ранда, и Андор перед ним в долгу. Ну а Перрина и его потомков Дракон назначит своими намест-

никами. Таким образом, я не капитулирую перед мятежниками в собственных пределах, но позволю Дракону Возрожденному — человеку, которого люблю, — возвысить своего доброго друга. К тому же мы получим основания противостоять союзу Иллиана и Тира, о котором уже говорилось: ведь они непременно заявят, что связь с Рандом наделяет их правом завоевания. — И она погрузилась в раздумья, постукивая пальцем по краю чашки.

— По-моему, вполне разумно, — согласился Перрин. — Наместник в Двуречье… Красиво звучит. Мне такое по нраву.

— Да, неплохо, — сказала Фэйли. — Итак, все решено?

— Еще налоги, — продолжила Илэйн, будто не услышав ее вопроса. — Налоги пойдут в особый фонд, распоряжаться им будут Перрин и его наследники. Пусть подразумевается, что Дракон Возрожденный — буде он вернется — сможет обратиться за причитающимися ему средствами. Да. Вот оно, законное основание поблажки для Двуречья. Разумеется, Перрину будет предоставлено право воспользоваться этими деньгами для нужд Двуречья. Дороги, запасы провианта, оборонительные сооружения… — Илэйн подняла глаза на Фэйли, улыбнулась и сделала большой

глоток чая. — Похоже, не напрасно я передумала вас казнить.

— Аж от сердца отлегло, — усмехнулась Аллиандре. Наименее могущественная в этом союзе, она получала самую большую выгоду.

— Ваше величество… — начала Фэйли.

— Просто Илэйн. — Она налила Фэйли вина. — И можно на «ты».

— Все это замечательно, Илэйн, — Фэйли с улыбкой отставила чашку и приняла кубок, — но я должна задать один вопрос. Ты в курсе, что происходит с Драконом Возрожденным?

— С этим увальнем, у которого шерсть вместо мозгов? — Илэйн покачала головой. — Он, негодник, доводит Эгвейн до белого каления.

— Эгвейн? — переспросил Перрин.

— Она наконец-то стала Амерлин, — сказала Илэйн так, словно это событие было неизбежным.

Перрин кивнул, а Фэйли искренне изумилась. Как такое вообще произошло и почему Перрин нисколько не удивлен?

— Где он был? Чем занимался? — спросил Перрин.

— Говорит, что намерен сломать оставшиеся печати на узилище Темного, — нахмурила брови

Илэйн. — Ясное дело, мы должны расстроить этот идиотский план. Кстати, ты мог бы помочь. Чтобы отговорить Ранда, Эгвейн собирает целую коалицию.

— Да, помочь я мог бы, — согласился Перрин.

— Ты знаешь, где он сейчас? — спросила Фэйли.

Благодаря видениям Перрин имел представление, где искать Дракона, но ей надо было выяснить, что известно Илэйн.

— Нет, — ответила та. — Но знаю, где он будет.

* * *

Фортуона Атаэм Дэви Пейндраг, правительница Блистательной Шончанской империи, гордо вошла в Дрессировочный зал. На ней было великолепное платье из золотистой ткани, скроенное по последней имперской моде — с разрезом спереди чуть выше колен и такое длинное, что шлейф несли целых пять да'ковале.

Ее голову венчал нарядный, малиновый с золотом шелковый убор с красивыми крыльями — точь-в-точь как у летящей совы и тоже шелковыми, — на руках сверкали тринадцать браслетов, все с разными узорами из драгоценных камней, а на шее — длинные бусы из горного

хрусталя. Минувшей ночью Фортуона услыхала над окном сову, выглянула наружу, но сова не улетела. То был знак, что действовать надо с великой осторожностью, поскольку в ближайшее время будут приняты важные решения. В такие дни надлежит носить украшения с самой мощной символикой.

Когда она переступила порог, то, завидев ее, собравшиеся простерлись на полу — все, за исключением Стражей Последнего часа. Эти мужчины в броне, окрашенной в кроваво-красный и темно-зеленый цвета, поклонились, но не опустили глаз, зорко высматривая любую угрозу.

Окон в просторном зале не имелось. У одной из стен рядами выстроились керамические горшки: здесь дамани осваивали разрушительные плетения. Пол устилали плетеные коврики; на эти коврики падали, корчась от боли, строптивые дамани. Увечить их было неразумно: дамани — один из важнейших инструментов империи, они намного более ценны, чем лошади или ракены. Если животное артачится, его не убивают, но наказывают и продолжают дрессировать, пока оно не освоит нужные трюки.

Фортуона прошагала по залу и остановилась возле установленной здесь точной копии импе-

раторского трона. Она нередко приходила сюда и наблюдала за обучением дамани или за тем, как их приводят к покорности. Это ее успокаивало. Трон стоял на некотором возвышении; пока Фортуона поднималась по ступеням, да'ковале не выпускали из рук шелестевший шлейф. Повернувшись лицом к залу, Фортуона подождала, пока слуги расправят платье сзади и по бокам, после чего ее взяли под руки и усадили на трон так, чтобы длинные золотистые юбки задрапировали помост и спереди.

Эти юбки были расшиты письменами имперской власти: «Императрица и есть Шончан», «Императрица живет и будет жить вечно», «Повиновение императрице есть закон», и Фортуона являла собой ожившее знамя могущества империи.

Селусия заняла свое место на нижней ступени помоста, после чего присутствующие поднялись на ноги. Дамани, разумеется, остались коленопреклоненными. Их было десять, и они, низко склонив голову, смотрели в пол. Державшие их поводки сул'дам изредка поглаживали своих подопечных по голове и делали это с любовью.

Вошел король Беслан. Он обрил почти всю голову, оставив лишь прядь темных волос на самой

макушке. Семь из его ногтей были покрыты лаком — на один ноготь больше, чем у любого по эту сторону океана, за исключением Фортуоны. Он по-прежнему одевался по-алтарски, в бело-зеленую форму. Фортуона не настаивала, чтобы он сменил этот наряд на шончанское облачение.

Насколько ей было известно, после своего возвышения Беслан так и не надумал убить императрицу. Поразительно. Любой из шончан немедленно стал бы плести интриги. Одни подослали бы к ней наемных убийц, другие ограничились бы лишь преступными замыслами, делая вид, что поддерживают Фортуону, но все без исключения подумывали бы, что пора лишить ее жизни.

Многие по эту сторону океана мыслили иначе. Фортуона не приняла бы это на веру, не познакомься она с Мэтримом. Вот и самая явная причина, по которой она должна была отправиться с ним. Жаль, что запоздала с истолкованием знамений.

К Беслану присоединились несколько низших Высокородных и капитан-генерал Лунал Галган, плечистый мужчина с гребнем седых волос на голове. Зная, что он в фаворе у императрицы, другие Высокородные считались с его мнением.

Если здесь все сложится, то по возвращении в Шончан и после наведения порядка Фортуона сможет возвысить Галгана, приняв его в императорскую семью, ряды которой необходимо будет пополнить: нет никаких сомнений, многие были казнены или убиты. Галган был ценным союзником. Он не только открыто выступил против Сюрот, но и предложил напасть на Белую Башню, и эта атака прошла неплохо и даже отлично.

Тучная и седовласая Мелитене — *дер'сул'дам* Фортуоны — шагнула вперед и исполнила еще один поклон, не выпуская из рук поводка дамани с темно-каштановыми волосами и покрасневшими белками глаз. Как видно, эта дамани много плакала.

Делая вид, будто смущена ее слезами, Мелитене поклонилась совсем уж низко, и Фортуона решила не обращать внимания на безобразное поведение этой дамани: несмотря на вздорность, она была ценной добычей.

Несколькими жестами Фортуона объяснила Селусии, что надо сказать. Та внимательно следила за ее движениями. Половина ее головы была выбрита, а вторая, на которой еще не отросли волосы, прикрыта тканью. Рано или поздно Фортуоне придется выбрать нового Глашатая,

поскольку теперь Селусия стала ее Говорящей Правду.

— Покажи, на что способна эта женщина, — огласила Селусия жесты Фортуоны.

— Суффа, — Мелитене погладила дамани по голове, — продемонстрирует императрице — да живет она вечно, — Силу, рассекающую воздух.

— Прошу, — Суффа с мольбой взглянула на Фортуону, — выслушайте меня, пожалуйста. Я Престол Амерлин.

Мелитене шикнула, и Суффа широко раскрыла глаза, отреагировав, судя по всему, на вспышку боли, пришедшую через ай'дам, но все равно продолжила:

— Я могу предложить вам огромную награду, всевластная императрица! Дайте мне свободу, и я пришлю вместо себя десять женщин. Нет, двадцать! Самых могущественных женщин в Белой Башне! Я… — Она осеклась и со стоном упала на коврик.

Мелитене покрылась испариной. Глядя на Селусию, она заговорила быстро и нервно:

— Умоляю, передай нашей императрице — да живет она вечно, — что мои глаза опущены долу, поскольку я не сумела выдрессировать эту дамани надлежащим образом. Суффа на удивление

упряма, несмотря на плаксивость и постоянное стремление предложить других вместо себя.

Какое-то время Фортуона не шевелилась, позволив Мелитене обливаться холодным потом. Наконец она сделала Селусии знак продолжать говорить.

— Императрица не сердится на тебя, — огласила та. — Подобное упрямство демонстрируют все *марат'дамани*, называющие себя Айз Седай.

— Прошу передать Величайшей из великих мою благодарность, — с явным облегчением промолвила Мелитене. — Чтобы доставить удовольствие Той-Чьи-Глаза-Смотрят-Вверх, я заставлю Суффу показать, на что она способна. Но нельзя исключать, что эта дамани снова утратит самообладание.

— Можешь продолжать, — огласила Селусия.

Опустившись на колени подле Суффы, Мелитене заговорила — сперва резко, затем утешительно. Она умела обращаться с бывшими марат'дамани и действовала весьма искусно. Разумеется, Фортуона тоже считала себя неплохим укротителем дамани. Повиновения от марат'дамани она добивалась умело и получала от этого такое же удовольствие, с каким ее брат Халвейт дрессировал диких *гролмов*. Жаль, конечно, что

его убили подосланные убийцы. Это был единственный брат, который ей нравился.

Наконец Суффа снова встала на колени, и Фортуона с любопытством подалась вперед. Суффа склонила голову, и воздух перед ней рассекла сверкающая полоса чистого света. Она развернулась, и прямо перед троном появилось отверстие. По ту сторону от него шелестели деревья. У Фортуоны перехватило дух, когда мимо портала промелькнул белоголовый ястреб. Знамение великой силы. Охнула даже вечно невозмутимая Селусия, хотя трудно было сказать, что ее впечатлило: то ли портал, то ли знамение.

Фортуона постаралась скрыть изумление. Значит, это правда. Перемещение — не миф и не слух. Оно существует на самом деле — а это значит, что концепция войны меняется раз и навсегда.

Беслан с нерешительным видом приблизился и поклонился. Фортуона жестом велела им с Галганом подойти и заглянуть в портал. Разинув рот, Беслан уставился на лесную поляну.

Галган же сцепил руки за спиной. Любопытный тип. Встречался с городскими убийцами и выяснял, во что ему обойдется убийство Фортуоны, а потом казнил каждого, кто назвал цену. Очень тонкий маневр. Галган показал, что его следует

опасаться, поскольку он не гнушается иметь дело с наемными убийцами, и в то же время продемонстрировал, что верен императрице, словно заявляя: «Пока что я твой слуга, но я амбициозен и внимательно слежу за развитием событий».

Во многих отношениях подобные выверенные ходы вызывают меньше беспокойства, чем выглядящая непоколебимой верность Беслана. Интриги предсказуемы, но такая незыблемость… Фортуона пока не знала, как к ней относиться. Будет ли Мэтрим столь же верен ей? Каково это, когда рядом Принц воронов, против которого ей не надо строить козни? Все равно что фантазия, сказка, которую рассказывают на ночь дочерям простолюдинов, чтобы во сне те вышли замуж за принца на белом коне.

— Невероятно! — воскликнул Беслан. — Величайшая из великих, имея такую возможность… — Он был в числе немногих, чей статус позволял обращаться к ней напрямую.

— Императрица желает знать, — огласила Селусия, читая движения пальцев Фортуоны, — что говорят об оружии захваченные марат'дамани.

— Прошу передать высочайшей императрице — да живет она вечно, — что они ничего не рассказали, — с заметным беспокойством ответила

Мелитене. — И если мне дозволена такая дерзость, осмелюсь предположить, что они не лгут. По всей видимости, взрыв за пределами города был единичным происшествием — в результате неосмотрительного использования какого-то неизвестного тер'ангриала. Допускаю, что никакого оружия не существует.

Да, возможно. Фортуона уже начала сомневаться в достоверности этих слухов. Взрыв произошел до ее прибытия в Эбу Дар, и подробности оказались противоречивыми. Быть может, все это было ухищрением Сюрот или врагов императрицы.

— Капитан-генерал, — огласила Селусия, — Величайшая из великих желает знать, как бы вы воспользовались преимуществом, которое дает эта способность к Перемещению.

— Все зависит от нюансов, — потер подбородок Галган. — Какова дальность? Насколько большим она может создать такой портал? Способны ли на это все дамани? Есть ли какие-то ограничения на то, где возможно создать такую дыру? Если угодно Величайшей из великих, я готов поговорить с дамани и получить ответы на свои вопросы.

— Императрице это весьма угодно, — огласила Селусия.

— Новость тревожная, — заметил Беслан. —

Наши боевые порядки могут быть атакованы с тыла. Вот такой портал можно открыть и в покои самой императрицы, да живет она вечно. С этими… дырами меняются все наши представления о войне.

Стражи Последнего часа переминались с ноги на ногу, тем самым выказывая чрезвычайное волнение. Не шевельнулся один лишь Фурик Карид — разве что выражение его лица стало еще жестче. Фортуона поняла, что вскоре он предложит ей регулярно менять апартаменты, в которых будет устраивать свою опочивальню.

Какое-то время она задумчиво смотрела на прореху в воздухе — прореху в самой реальности, — а затем вопреки традициям поднялась с трона. К счастью, рядом находился Беслан, к которому Фортуона могла обращаться без посредников — так, чтобы все слышали ее приказ.

— Судя по донесениям, — объявила она, — в месте под названием Белая Башня остаются сотни марат'дамани, и они — ключ к возвращению того, что принадлежало Шончан, ключ к обладанию этими землями, ключ к подготовке перед Последней битвой. И Дракон Возрожденный непременно будет служить Хрустальному трону. Теперь у нас появился способ нанести удар. Пусть

передадут капитан-генералу, чтобы собирал лучших воинов. Я хочу, чтобы всех до единой дамани, находящихся в нашей власти, вернули в город. Их нужно обучить этому способу Перемещения. А потом мы значительными силами явимся в Белую Башню. Раньше мы укололи их булавкой. Теперь же они познают всю тяжесть нашего меча. Всех марат'дамани надо посадить на привязь.

Она села на трон, и в зале повисла тишина. Редко когда императрица самолично делала подобные заявления, но сейчас было время дерзких и смелых решений.

— Нельзя, чтобы об этом стало известно, — твердым голосом произнесла Селусия, вошедшая в роль Говорящей Правду. Да, надо бы назначить кого-то на место Глашатая Фортуоны. — Лишь глупец позволит врагу узнать наверняка, что мы владеем этим Перемещением.

Фортуона глубоко вздохнула. Да, это верно. Она проследит, чтобы каждый из присутствующих здесь держал язык за зубами. Но как только Белая Башня будет захвачена, они расскажут о воззвании императрицы и прочтут знамения ее победы, начертанные в небесах и в явлениях окружающего мира.

«Чем быстрее мы ударим, тем лучше», — показала знаками Селусия.

«Да, — ответила Фортуона. — После прошлого нападения они готовятся дать отпор».

«Значит, наш новый шаг должен быть решительным, — продолжила Селусия. — Только задумайся. Доставить тысячи солдат в Белую Башню, через какое-нибудь укромное помещение в ее подземелье. И нанести удар с силой тысячи молотов, опускающихся на тысячу наковален!»

Фортуона кивнула.

Белая Башня обречена.

* * *

— Даже не знаю, что добавить, Перрин, — сказал Том, попыхивая трубкой с длинным мундштуком, и откинулся на спинку кресла.

Ночь была теплая, и камин решили не разжигать. Обошлись несколькими свечами на столе, а еще хлебом, сыром и кувшином эля.

Перрин тоже дымил трубкой. В комнате были только он, Том и Мэт. Гаул и Грейди ждали в общем зале. Мэт ворчал, что не стоило их приводить — и айилец, и Аша'ман выглядели весьма подозрительно, — но в их обществе Перрин чувствовал себя спокойнее, чем в сопровождении

целой роты солдат.

Для начала он рассказал Тому и Мэту свою историю — про Малден, пророка, Аллиандре и Галада, — а затем те рассказали свою, и Перрин с потрясением осознал, сколько всего случилось за время их разлуки. Со всеми тремя.

— Говоришь, императрица Шончан? — спросил Перрин, поглядывая на завитки дыма, плывущие в тускло освещенной комнате.

— Дочь Девяти Лун, — поправил его Мэт. — Это другое.

— И ты взял ее в жены, — с ухмылкой продолжил Перрин. — Мэтрим Коутон. Женился, значит.

— Необязательно было об этом рассказывать, — взглянул Мэт на Тома.

— Обязательно. Уж поверь.

— Зато почти ни слова о моем геройстве, — заметил Мэт. — Что ты за менестрель такой? Что ж, хотя бы про шляпу не забыл.

Перрин довольно улыбнулся. Он даже не представлял, насколько соскучился по вечерней беседе с друзьями. За окном качалась под струями дождя резная деревянная вывеска с изображением человеческих голов в странных шапках и с неестественно широкими улыбками. «Веселая

компашка». Наверняка за этим названием имелась какая-то история.

Они втроем расположились в отдельном кабинете, за который заплатил Мэт. Из общего зала гостиницы сюда притащили три глубоких кресла, прежде стоявшие у большого камина. Кресла совершенно не сочетались по виду с обеденным столом, но были удобными. Мэт сидел, откинувшись на спинку кресла и закинув ноги на стол. Он взял ломоть овечьего сыра, отхватил кусок, а остальное положил на подлокотник.

— Знаешь, Мэт, — сказал Перрин, — твоя жена, верно, считает, что тебя учили, как себя за столом вести.

— О да, учить-то учили, — ответил Мэт, — только я не научился.

— Вот бы с ней познакомиться, — продолжил Перрин.

— Занятная особа, — встрял Том.

— Занятная. Ну да, — задумчиво подтвердил Мэт. — В общем, Перрин, теперь ты все знаешь. Мы здесь по милости этой треклятой Коричневой, которая уже больше двух недель на глаза не показывается.

— Дай-ка взглянуть на письмо, — попросил Перрин.

Мэт похлопал по многочисленным карманам, после чего выудил белый листок, сложенный и запечатанный красным воском, и бросил его на стол. Бумага была запачканной, края письма истрепались, но его не открывали, ибо Мэтрим Коутон — человек слова, особенно если его заставили дать клятву.

Перрин взял сложенный листок, от которого слегка пахло духами, перевернул и поднес к свече.

— Не получится, — сказал Мэт, и Перрин хмыкнул:

— Так что там, по-твоему, написано?

— Не знаю, — ответил Мэт. — Проклятые чокнутые Айз Седай. В смысле, все они со странностями, но Верин совсем с ума съехала. Ты, наверное, от нее ничего не слышал?

— Нет.

— Надеюсь, с ней все в порядке, — сказал Мэт. — А то в прошлый раз говорила так, словно волнуется, как бы чего не приключилось. — Он забрал письмо и постучал им по столу.

— Открывать не будешь?

— Открою, когда вернусь, — покачал головой Мэт. — Я…

В дверь постучали. Затем она со скрипом от-

ворилась, открыв взорам хозяина гостиницы по имени Дэнезель: рослого молодого парня с постной физиономией и старательно обритой головой. Внешностью он смахивал на принявших Дракона — по крайней мере, тех, кого видел Перрин, — и даже повесил в общем зале нарисованный на заказ портрет Ранда. Кстати говоря, довольно-таки похожий.

— Извиняюсь, мастер Кармазин, — сказал Дэнезель, — но человек мастера Златоокого настаивает, что ему надо с ним поговорить.

— Пусть войдет, — разрешил Перрин.

Дэнезель вышел, и в приоткрытой двери показалось морщинистое лицо Аша'мана.

— А вот и Грейди, — взмахнул рукой Мэт. — Рассказывай, что взорвал. Интересно же.

Загорелый Аша'ман нахмурился, потом взглянул на Перрина:

— Милорд, в полночь леди Фэйли просила напомнить, что вам пора.

Мэт присвистнул:

— Теперь поняли, почему я оставил жену в другом королевстве?

Грейди вконец помрачнел.

— Спасибо, Грейди, — вздохнул Перрин. — Я и правда потерял счет времени. Скоро пойдем.

Аша’ман кивнул и скрылся в коридоре.

— Чтоб ему сгореть! — воскликнул Мэт. — Что ему, улыбнуться трудно? Это растреклятое небо и без того угнетающе давит. Не хватало еще смотреть на тех, кто его еще мрачнее.

— Дело в том, сынок, — заметил Том, подливая себе эля, — что в последнее время некоторым не кажется, что наш мир — такое уж развеселое место.

— Чушь, — возразил Мэт. — В мире полно веселья. К примеру, надо мной потешается весь треклятый город. Знаешь, Перрин, принимая во внимание рисунки с нашими физиономиями, советую тебе не слишком-то высовываться.

— Вряд ли это возможно, — сказал Перрин. — Мне надо армией командовать, да и о людях заботиться.

— По-моему, ты относишься к предостережению Верин без должной серьезности, — покачал головой Том. — Слыхал о народе банат?

— Нет, — ответил Перрин, глядя на Мэта.

— Это дикари, когда-то жившие на нынешней равнине Алмот, — пояснил Том. — Знаю про них парочку отличных песен. Короче, у этих бродячих племен принято было раскрашивать кожу вождя в красный цвет. Чтобы он отличался от

остальных.

— Вот придурки! — Мэт отгрыз новый кусок сыра. — Вождя раскрашивать? Он же станет мишенью для всех солдат на поле боя!

— В том-то и смысл, — сказал Том. — Видишь ли, это было что-то вроде вызова. Чтобы враг мог опознать вождя, сразиться с ним и показать, на что способен.

— Я бы размалевал сразу нескольких солдат, — фыркнул Мэт, — чтобы те отвлекли неприятеля, а потом велел бы лучникам утыкать вражеского вождя стрелами, пока его болваны гонялись бы за лжепредводителями моей армии.

— Вообще-то, — промолвил Том, отхлебнув из кружки, — именно так поступил Виллиам Кровопускатель во время первой — и, кстати, последней — битвы с народом банат. Об этом рассказано в «Песне сотни дней». Блестящая тактика. Удивительно, что тебе знакома эта песня. Ее почти никто не знает, а битва была так давно, что в большинстве книг по истории о ней даже не упоминается.

Почему-то после этого замечания от Мэта пахнуло волнением.

— Хочешь сказать, что мы становимся мишенями? — спросил Перрин.

— Хочу сказать, — ответил Том, — что вам, ребята, все труднее оставаться незаметными. Куда бы вы ни отправились, флаги возвещают о вашем появлении. О вас говорят люди. Я склонен считать, что вы до сих пор живы лишь потому, что Отрекшиеся не знали, где вас искать.

Перрин кивнул, вспомнив о ловушке, в которую едва не угодила его армия. Однажды ночью к нему непременно явятся убийцы.

— И что мне делать?

— С недавних пор Мэт всякий раз ночует в новой палатке, — сказал Том, — а иногда в городе. Попробуй устроить то же самое. Грейди умеет открывать переходные врата, верно? Вот и пусть создает их по ночам у тебя в шатре. Ночуй где-нибудь в другом месте, а утром Перемещайся обратно. Все посчитают, что ты не выходишь из шатра, но явись туда убийца, он уйдет несолоно хлебавши.

Перрин задумчиво покивал:

— Есть вариант получше. Можно оставить в шатре пять-шесть айильцев, чтобы встретили гостя.

— Перрин, это же совершенно непорядочно! — ахнул Мэт и с улыбкой продолжил: — Ты, друг мой, изменился к лучшему.

— Попробую принять эти слова как комплимент, но только от тебя. — Помолчав, Перрин добавил: — Хоть это и непросто.

Том усмехнулся:

— Однако он прав. Ты изменился. Что стало с тем учтивым и застенчивым парнем, которому я помог бежать из Двуречья?

— Он прошел через кузнечное горнило, — негромко ответил Перрин.

Том понимающе покивал.

— Ну а ты, Мэт? — спросил Перрин. — Чем тебе помочь? Может, открывать переходные врата, чтобы ты Перемещался из одной палатки в другую?

— Нет. Со мной все будет хорошо.

— Как ты намерен защитить себя?

— С помощью смекалки.

— Что, мозгами обзавелся? — рассмеялся Перрин. — Давно пора!

— С чего это всех вдруг стали интересовать мои мозги? — проворчал Мэт. — Поверь, ничего со мной не случится. И как-нибудь напомни, чтобы я рассказал о том вечере, когда впервые понял, что при желании могу победить в любой игре в кости. Хорошая история. Включает в себя падение с мостов. По крайней мере, с одного моста.

— Ну… почему бы не рассказать прямо сейчас? — справился Перрин.

— Не время. Да и незачем. Видишь ли, скоро я уйду.

От Тома пахнуло предвкушением.

— Перрин, ты же устроишь нам переходные врата? — спросил Мэт. — Конечно, неохота бросать Отряд. Ребята будут безутешны. Но теперь у них хотя бы имеются драконы, чтобы взрывать всякие штуки.

— Но куда ты собрался?

— Наверное, пора все объяснить, — сказал Мэт. — По этой причине мы и хотели с тобой встретиться, если не считать дружеский разговор и все такое прочее. — Он подался вперед. — Дело в том, Перрин, что Морейн жива.

— Чего-чего? — изумился Перрин.

— Истинная правда, — заявил Мэт. — Вернее, мы считаем, что она жива. Она оставила Тому письмо, в котором утверждает, что предвидела схватку с Ланфир и знала, что ей суждено… В общем, к западу отсюда, неподалеку от реки Аринелле, есть башня. Она целиком сделана из металла, и там…

— Башня Генджей, — тихо произнес Перрин. — Да, знаю про такую.

Мэт изумленно моргнул:

— Да ну? Чтоб мне сгореть! Давно ты книжником заделался?

— Так, слышал кое-что. Мэт, это очень нехорошее место.

— И там находится Морейн, — сказал Мэт. — Она заточена в этой башне, и я намерен вызволить ее из плена, для чего придется перехитрить змей и лисиц. Треклятые обманщики.

— Змей и лисиц? — не понял Перрин.

— Детская игра названа в честь существ, обитающих в башне, — кивнул Том. — По крайней мере, мы так думаем.

— Я их видел, — добавил Мэт, — и… В общем, сейчас не лучшее время для рассказа.

— Если хочешь спасти ее, — сказал Перрин, — я, пожалуй, мог бы составить тебе компанию. Или, по крайней мере, отправить с вами кого-то из Аша'манов.

— За переходные врата, Перрин, буду премного благодарен, — ответил Мэт, — но с нами тебе нельзя. Морейн объяснила все в письме. Пойти могут лишь трое, и мне уже известно, кто это будет. — Он помолчал. — Проклятье! Как бы Олвер не прикончил меня, когда узнает, что его не возьмут!

— Мэт, — покачал головой Перрин, — я в толк не возьму, о чем речь.

— Значит, все-таки придется рассказать всю историю, — вздохнул Мэт и посмотрел на кувшин. — Нам понадобится больше эля. И лучше скажи Грейди, что задержишься…

Глава 48
Подле Авендесоры

Авиенда сделала последний шаг и вышла из леса стеклянных колонн. Глубоко вздохнув, оглянулась на проделанный путь.

Центральная площадь Руидина выглядела так, что дух захватывало. Она была выложена гладким белым плитняком — вся, за исключением самого центра, где росло гигантское дерево, чьи ветви походили на руки, тянущиеся ввысь, дабы объять солнце. Было в этом массивном дереве необъяснимое совершенство: наверное, из-за естественной соразмерности — среди множества здоровых ветвей не было ни одной обломанной, в густой кроне отсутствовали проплешины. Последний раз Авиенда видела это дерево почерневшим и обугленным, и сегодня оно впечатляло

куда сильнее прежнего.

В мире, где растения гибли безо всяких на то причин, дерево залечило раны и похорошело быстрее, чем можно было себе представить. Его листья успокаивающе шелестели на ветру, а шишковатые корни выглядывали из земли, словно древние персты умудренного старца. Авиенде захотелось сесть и насладиться безмятежностью момента.

Это дерево казалось образцом совершенства, по которому созданы все остальные деревья. В легенде оно называлось *Авендесора* — Древо жизни.

В стороне от него располагались концентрические круги из десятков — если не сотен — стеклянных колонн. Тонкие и веретенообразные, они подпирали собой небо, и если Древо жизни являло собой воплощение естественности, эти колонны выглядели в равной мере ненатурально: логика подсказывала, что они должны были опрокинуться при первом же порыве ветра. Их искусственный вид, однако, не внушал беспокойства.

Несколько дней назад, когда Авиенда только пришла сюда, гай'шайн в белом аккуратно подбирали упавшие ветви и листья, но, завидев гостью, поспешно удалились. Неужели после

преображения Руидина она окажется первой, кто пройдет через лес стеклянных колонн? Из клана Авиенды никого сюда не посылали — и, насколько ей было известно, из других кланов тоже. Иначе она непременно узнала бы об этом.

Оставались только Шайдо, но они отказались верить речам Ранда о прошлом Айил. И как подозревала Авиенда, любой из Шайдо, кто пришел бы сюда, попросту не перенес бы увиденного и навсегда затерялся бы в чаще стеклянных колонн.

Но с Авиендой все было иначе. Она выжила. И отчасти была разочарована, поскольку не увидела ничего неожиданного.

Она вздохнула, подошла к стволу Древа жизни и, подняв голову, взглянула на небо сквозь паутину ветвей.

Когда-то на этой площади находилось множество других тер'ангриалов; именно здесь Ранд обнаружил отпирающие ключи, позволившие ему очистить саидин. Теперь же все это богатство исчезло: многие из этих предметов Морейн увезла в Белую Башню, а остальные, должно быть, забрали живущие здесь Айил. Осталось только дерево, колонны и три кольца, сквозь которые женщины проходили при первом посещении Руидина, чтобы получить звание ученицы Хра-

нительниц Мудрости.

Авиенда смутно помнила, как проходила через эти кольца. Тогда она увидела свою жизнь — все многообразие своих вероятных жизней, — но в мозаике воспоминаний не хватало многих элементов. Здесь она узнала, что полюбит Ранда, что у нее будут сестры-жены, и в этом знании скрывалось еще одно ощущение — что она вернется сюда, в Руидин. Авиенда знала об этом, но искры памяти вспыхнули, лишь когда она ступила на эту площадь.

Скрестив ноги, она сидела меж корней громадного дерева. Легкий ветер успокаивал, воздух был сухим и знакомым, отдающий пылью запах Трехкратной земли напоминал о детстве.

Безусловно, путешествие по лесу колонн оказалось весьма реалистичным. Авиенда ожидала увидеть зарождение народа Айил — быть может, тот самый день, когда Айил, осознав себя отдельным народом, приняли благородное решение взять в руки копья и сражаться: тот день, когда честь одержала верх над горемычным образом жизни, продиктованным Путем листа.

Как же удивительно было узнать, каким приземленным, почти случайным оказалось это событие на самом деле. Никакого величия: лишь

человек, не хотевший, чтобы убили его семью. Да, желание защитить других исполнено чести, но этот человек пришел к своему решению без должного трепета, без осознания чести.

Запрокинув голову, Авиенда уперлась затылком в ствол дерева. Айил действительно заслужили кару в Трехкратной земле, и у них — у всего народа — на самом деле был тох перед Айз Седай. Авиенда увидела все, что ожидала увидеть. Но она не узнала многого, о чем надеялась узнать. Айил веками приходили сюда и будут приходить из века в век, и никто не узнает ничего, кроме того, что ныне стало общеизвестным.

Это беспокоило ее до глубины души.

Авиенда смотрела вверх, на дрожащие на слабом ветру ветви. Несколько листьев слетели с них и поплыли к ней. Один коснулся ее щеки и обрел пристанище в складках шали.

Путешествие по лесу стеклянных колонн утратило былую сложность. Изначально этот тер'ангриал подвергал человека испытанию. Сумеет ли потенциальный вождь узнать самый мрачный секрет народа Айил и смириться с ним? Будучи Девой, Авиенда испытывала свои силы и выносливость, но чтобы стать Хранительницей Мудрости, требовалось пройти проверить

свои чувства и разум. Руидин должен был стать кульминационной точкой этого процесса, окончательным испытанием умственной стойкости, но этого не случилось.

Девушка все яснее понимала, что соблюдать традицию ради самой традиции попросту глупо. Подлинные традиции — по-настоящему крепкие, традиции Айил — учили путям джи'и'тох, и способам выживания.

Авиенда со вздохом поднялась на ноги. Лес колонн походил на те причудливые образования из замерзшей в стужу воды, которые она видела мокроземской зимой. Илэйн называла их сосульками. Только эти росли не вниз, а вверх, к небесам, словно воплощение красоты и Силы. Печально было видеть, как они теряют всякое значение.

Кое-что пришло Авиенде на ум. Еще в Кэймлине они с Илэйн сделали примечательное открытие. Оказалось, что у Авиенды имеется особый дар во владении Единой Силой: способность распознавать тер'ангриалы. Сможет ли она определить, как именно действуют стеклянные колонны? Не может такого быть, что они созданы специально для Айил… Или может? Почти все объекты великой Силы — подобные этим

колоннам — существуют с незапамятных времен. Наверняка этот лес был создан в Эпоху легенд, а затем перенастроен так, чтобы показывать Айил их истинное прошлое.

Слишком многое в тер'ангриалах оставалось загадкой. Интересно, древние Айз Седай понимали принцип их действия — так же, как Авиенда понимает, как работает лук или копье? Или же они сами были озадачены тем, что сотворили? Единая Сила настолько удивительна, настолько загадочна, что, даже работая с заученными плетениями, Авиенда нередко чувствовала себя малым ребенком.

Она подошла к ближайшей стеклянной колонне — осторожно, чтобы ненароком не войти в кольцо. Быть может, если коснуться одного из этих стержней, ее дар позволит узнать о них что-нибудь новое? Экспериментировать с тер'ангриалами небезопасно, но она уже прошла испытание колоннами и осталась при этом целой и невредимой.

Девушка нерешительно коснулась гладкой стеклянной поверхности. Колонна была около фута в толщину. Закрыв глаза, Авиенда попробовала прочесть ее предназначение.

Она ощутила мощную ауру колонны. Гораздо

более мощную, чем у тер'ангриалов, с которыми ей доводилось иметь дело в Кэймлине. Почему-то эти колонны казались… живыми. Казалось, еще немного — и Авиенда ощутит их самосознание.

От этой мысли по спине пробежал холодок. Она ли касается колонны? Или это колонна касается ее пальцев?

Она попыталась исследовать тер'ангриал так, как делала это раньше, но колонна оказалась необъятной и непостижимой, как сама Единая Сила. На плечи вдруг навалился ошеломляюще тяжкий груз, и Авиенда резко втянула воздух. Она как будто угодила в глубокую беспросветную яму.

Раскрыв глаза, она отдернула дрожащую руку. Все это выходило за пределы ее понимания. Она была насекомым, пытавшимся осознать размеры и вес горы. Авиенда отдышалась, приходя в себя, и покачала головой. Нет, здесь она ничего не могла сделать.

Она отвернулась от леса стеклянных колонн и сделала шаг.

* * *

Ее звали Малидра. Ей было восемнадцать, но из-за худобы она выглядела гораздо моложе. Она

пробиралась во тьме. Осторожно. Тихо. Опасно подходить так близко к Создателям света, но голод гнал ее вперед. Как всегда.

Ночь была зябкая, окрестности бесплодные. Малидра слышала рассказы о местах за далекими горами, где земля покрыта зеленой травой и повсюду растет пища, но не верила в эти враки. Горы — как зазубрины высоко в небесах, хищные челюсти, и никто не способен взобраться на такую высоту.

Разве что Создатели света. Как-никак они приходили обычно со стороны гор. Впереди в темноте тускло светился их лагерь. Свечение было слишком ровное — исходило оно не от огня, а от принесенных Создателями светящихся шаров. Пригибаясь к самой земле, зарываясь в пыль ладонями и босыми стопами, Малидра подкрадывалась ближе. С ней были несколько мужчин и женщин из Племени. Чумазые лица, жидкие сальные волосы, у мужчин — всклокоченные бороды.

Одеты кто во что горазд — рваные штаны и тряпки, когда-то бывшие рубахами. Что угодно, лишь бы прикрыться от дневного солнца, ведь солнце могло убить — и убивало. Малидра была последней из четырех сестер. Двух сгубили солн-

це и голод, третью ужалила змея.

Но Малидра выжила — к добру или к худу, но выжила. Лучше всего следовать за Создателями света. Да, это опасно, но ее разум едва замечал опасность. Так бывает, когда буквально на каждом шагу тебя ждет смерть.

Малидра миновала куст, не сводя глаз с караульных Создателей света — пары часовых, вооруженных длинными штуковинами, похожими на жезлы. Однажды Малидра нашла такой жезл рядом с мертвецом, но не сумела заставить его что-то сделать. Создатели света владели магией — той же магией, с помощью которой создавали пищу и свет. Магией, что согревала их студеными ночами.

На часовых была необычная одежда — штаны, сидевшие точно по фигуре, и куртки с обилием карманов, расшитые блестящими кусочками металла. Оба при шляпах, хотя один сдвинул свою на спину, и головной убор висел на тонком кожаном ремешке. В отличие от мужчин Племени, у Создателей света бород не было, и волосы у них были темнее. Эти двое переговаривались.

Женщина из Племени подошла слишком близко, и Малидра шикнула на нее. Та ответила свирепым взглядом, но попятилась. Малидра

оставалась на краю светового пятна. Создатели света не увидят ее: диковинные огни портили им ночное зрение.

Она выглянула из-за массивной повозки. Без лошадей, одна лишь повозка — вместительная, человек на десять-двенадцать. Днем она самым волшебным образом катилась на колесах, каждое из которых было размером с Малидру. Она слышала — сказанное на ломаном шипящем языке Племени, — что на востоке Создатели света строят длиннющую дорогу, что стрелой рассечет всю Пустыню. Создатели света строили ее, укладывая на землю странные куски металла — такие здоровенные, что вручную не поднять. Джоршем показывал Малидре длинный гвоздь — он нашел этот гвоздь возле дороги и теперь, бывало, соскребал им мясо с костей.

Давненько она не ела как следует… С тех самых пор, как два года назад они исхитрились убить прикорнувшего купца. Малидра до сих пор вспоминала тот пир. Вспоминала, как разворошила припасы мертвеца, а потом ела, пока не заныл живот. Странное ощущение… Вроде и больно, но очень приятно.

Но Создатели света всегда начеку. Таких во сне не убьешь, а когда не спят, к ним и подойти

страшно. Такую, как Малидра, они изничтожат одним взглядом.

Нервничая сильнее прежнего, она в сопровождении пары человек из Племени обогнула повозку и прокралась к задним колесам. Как обычно, здесь Создатели света побросали объедки, оставшиеся от ужина. Малидра метнулась вперед и принялась рыться в мусорной куче. Нашла мясные обрезки с полосками жира, схватила их побыстрее — пока не заметили остальные — и запихнула в рот. На зубах заскрипел песок, но мясо по-любому годилось в пищу, а поэтому Малидра снова зарылась в отбросы… и оказалась в ярком луче света. Она замерла, не донеся руки до рта. Остальные двое с визгом бросились наутек. Малидра хотела последовать их примеру, но оступилась. Раздалось шипение — должно быть, этот звук издало оружие Создателей света, — и в спину ей ударило что-то вроде камешка.

Боль была внезапной и резкой. Малидра растянулась на земле. Свет потускнел, и она заморгала: зрение подстраивалось под обстоятельства, хотя Малидра уже чувствовала, как из нее вытекает жизнь, струится по пальцам и уходит в песок.

— Говорил же, — сказал кто-то, и в луч света вошли две тени. Надо бежать! Она попробовала

вскочить, но едва сумела шевельнуться.

— Кровь и уголь, Флерн, — произнес второй, опускаясь рядом с ней на колени. — Бедняжка… Совсем ребенок. Ну какой от нее мог быть вред?

— Какой вред? — хмыкнул Флерн. — Я видел, как эти создания режут спящим глотку. И все из-за мусора. Паразиты проклятые.

Тень взглянула на нее, и Малидра рассмотрела мрачное лицо. Мерцающие глаза. Как звезды. Человек со вздохом встал и вернулся к источнику света:

— В следующий раз надо будет закопать мусор.

Первый, Флерн, не сводил с нее глаз. Что это? Ее кровь? По всем рукам. Теплая, как вода, долго простоявшая на солнцепеке.

Смерть не удивила ее. Почти все свои восемнадцать лет Малидра только и делала, что ждала смерти.

— Треклятые Айил, — пробурчал Флерн перед тем, как в глазах у нее все померкло.

* * *

Ощутив под ногой плиту руидинской площади, потрясенная Авиенда захлопала ресницами. Судя по положению солнца над головой, прошло несколько часов.

Что случилось? Видение было не менее реальным, чем образы из далекого прошлого ее народа, но Авиенда не могла уяснить его смысла. Она заглянула еще глубже в прошлое? Увиденное походило на Эпоху легенд: странные механизмы, одежда, оружие… но Пустыня была та же самая.

Она отчетливо помнила, как была Малидрой, помнила годы голода, копания в мусоре, ненависти к Создателям света — и страха перед ними. Она помнила свою смерть — ужас, беспомощность и теплую кровь, текущую по рукам.

Она пошатнулась и схватилась за голову. Ей стало дурно. Не из-за смерти, нет: все просыпаются ото сна, а пока ты не принимаешь сон, он не вызывает страха. Нет, ужаснее всего в этом видении было полное отсутствие чести. Убивать людей по ночам, чтобы присвоить их еду? Собирать в песке недоеденные кусочки мяса? Прикрывать тело лохмотьями? Она — Малидра — была не человеком, а животным!

Лучше умереть. Быть такого не может, что она видела древние корни своего народа. Айил Эпохи легенд были смиренными и уважаемыми слугами. Разве могли они произойти от этих падальщиков?

Наверное, то было одно племя, причем крошеч-

ное. Или человек по имени Флерн назвал их Айил по ошибке. Чтобы прийти к однозначному выводу, одного видения мало. Да и зачем ей показали эту картину?

Девушка нерешительно отступила от стеклянных колонн. Ничего не произошло. Никаких новых видений. Взволнованная, Авиенда собралась было уйти с площади.

Но остановилась.

И неохотно пошла в обратную сторону. В тускнеющем свете одинокие безмолвные колонны, казалось, гудели от невидимой энергии.

Что еще они скрывают?

Последнее видение кардинально отличалось от предыдущих. Что покажут ей, если снова углубиться в стеклянную чащобу? То же самое? Или… вдруг на колонны как-то повлиял ее дар?

Много веков, прошедших с основания Руидина, эти колонны показывали Айил то, что им нужно — необходимо — было узнать о себе. Так их настроили Айз Седай? Или они просто разместили здесь тер'ангриал и позволили ему действовать произвольным образом, рассчитывая, что он добавит Айил мудрости?

Авиенда вслушалась в шелест листвы. Эти колонны были вызовом, не менее опасным, чем

вражеский воин с копьем в руке. Нельзя исключать, что она, снова вступив в лес стеклянных колонн, останется там навсегда. Никто не проходил через этот тер'ангриал дважды. Такое не разрешалось. Один раз пройти через кольца, один раз пройти через колонны.

Но Авиенда явилась сюда в поисках знаний. И не уйдет без них. Набрав полную грудь воздуха, она подошла к стеклянному лесу.

Затем сделала шаг.

* * *

Ее звали Норлеш. Она прижимала к груди своего младшего сына, и сухой ветер трепал ее шаль. Малыш Гарлван захныкал, и Норлеш успокоила его, пока муж разговаривал с чужаками.

Их деревня, хижины которой теснились у подножия гор, стояла неподалеку. Чужаки одевались в крашенину, в штаны странного покроя и рубахи на пуговицах. Они пришли сюда за рудой. Разве могут камни быть ценными настолько, что ради них эти люди перебрались через горы, оставив сказочные земли, изобилующие водой и пищей? Где для света в домах не нужны свечи, а повозки движутся без лошадей?

Она поправила соскользнувшую шаль. Надо

бы обзавестись новой: эта совсем истрепалась, а у Норлеш не осталось ниток для штопки прорех. Гарлван снова захныкал, а девочка по имени Мейзе — из всех детей выжили только двое — крепче вцепилась в материнские юбки. Мейзе уже несколько месяцев не говорила ни слова — с тех самых пор, как ее старший брат умер от теплового удара.

— Умоляю… — сказал чужакам Металан, муж Норлеш.

Чужаков было трое, двое мужчин и женщина, все в штанах. Люди крепкие и суровые, мало похожие на других пришлых с их породистыми лицами и богатыми шелковыми одеждами. Те называли себя Просветленными, а эти… Эти были попроще.

— Умоляю, — повторил Металан. — Моя семья…

Хороший он человек — вернее, был им, когда еще хватало сил, а теперь от него осталась только оболочка: кожа, кости да ввалившиеся щеки. Голубые глаза, в прошлом полные жизни, теперь смотрели в беспросветную пустоту, ведь эти глаза видели, как за восемнадцать месяцев в семье Металана умерли трое детей. Муж Норлеш был на голову выше любого из чужаков, но со стороны

казалось, что он пресмыкается перед ними.

Главный в той троице — мужчина с косматой бородой и большими честными глазами — покачал головой и вернул Металану мешок с камнями:

— Императрица Воронов, да не оскудеет ее дыхание, наложила запрет на торговлю с Айил. За один разговор с тобой нас могут лишить привилегии.

— У нас совсем нет еды, — сказал Металан. — Дети с голоду умирают. В этих камнях есть руда. Именно та, какую вы ищете, я точно знаю. Я неделями собирал эти камни. Дайте нам немного еды. Хоть сколько. Умоляю.

— Прости, приятель, — ответил чужак, что был за главного. — Не с руки нам связываться с Во́ронами. Ступай своей дорогой. А то мало ли, как бы не вышло чего.

Сзади подступили новые чужаки: один с топором, двое с шипящими посохами.

Металан сник. Несколько дней пути, несколько недель в поисках камней — и ради чего? Попусту. Он повернулся и пошел к жене. Вдалеке садилось солнце. Подойдя к Норлеш, Металан взял ее за руку, и все четверо пошли прочь из лагеря чужаков.

Мейзе зашмыгала носом, но у взрослых не было ни сил, ни желания брать ее на руки. В часе хода от деревни чужаков Металан нашел углубление под уступом скалы. Семья расположилась в нем, но без костра: жечь было нечего.

Норлеш хотелось плакать, но… непросто было хоть что-то почувствовать.

— Так есть хочется, — прошептала она.

— Поутру изловлю какого-нибудь зверька, — пообещал муж, глядя на звезды.

— Нам уже несколько дней никого не попадалось.

Он не ответил.

— Что будем делать? — продолжила Норлеш. — Со времен моей бабки Тавы нашему народу не найти пристанища. Стоит объединиться, и на нас нападут. Стоит уйти в Пустыню, и мы умрем. Торговать с нами не хотят. За горы не пускают. Что делать-то будем?

Вместо ответа Металан лег на землю и отвернулся.

Норлеш наконец-то заплакала — тихо, еле слышно. Слезы катились по щекам, когда она расстегивала блузу, чтобы сунуть Гарлвану высохшую грудь, но тот никак не брал сосок и не шевелился. Тогда Норлеш приподняла сына и

увидела, что он уже не дышит: умер где-то по пути к этой впадине, а она и не заметила, как его не стало.

Что страшнее всего, у нее не было сил прочувствовать горе и оплакать сына.

* * *

Авиенда ощутила под ногой плиту площади. Вокруг переливался всеми цветами радуги лес стеклянных колонн. Все равно что стоять в самом центре созданного иллюминатором фейерверка. Солнце поднялось в зенит. Что примечательно, облаков не было вовсе.

Ей захотелось навсегда уйти с этой площади. Она была готова узнать, что в прошлом Айил следовали Пути листа, и это знание не пугало ее, ведь уже скоро они искупят свой тох.

Но это? Разобщенные и сломленные люди? Бедолаги, не вставшие на защиту своего народа? Попрошайки, не способные выжить на своей земле? Знать, что они были твоими предками, невыносимо стыдно. Как же хорошо, что Ранд ал'Тор скрыл от Айил эту часть их прошлого!

Может, пора сбежать? Удрать с этой площади, чтобы ничего больше не видеть? Если дальше будет еще хуже, Авиенда сгорит от стыда. К несча-

стью, она понимала, что выход у нее ровно один: закончить начатое.

Девушка стиснула зубы и шагнула вперед.

* * *

Ее звали Тава, ей было четырнадцать лет, и она кричала в ночи, выбежав из родного дома. Тот был объят пламенем. Пылала вся долина — вернее сказать, каньон с почти отвесными стенами, — горели все дома в этом недавно заложенном холде. А в ночном небе реяли кошмарные создания с длинными изогнутыми шеями и размашистыми крыльями; их наездники были вооружены луками, копьями и причудливым новым оружием, издававшим при стрельбе шипящие звуки.

Тава, рыдая, взывала к родным, но в охваченном смятением холде царил сущий хаос. Горстка воинов Айил пыталась держать оборону, но любой, кто поднимал копье, спустя несколько мгновений падал, сраженный стрелой или невидимым снарядом, выпущенным из нового оружия.

Один рухнул прямо перед Тавой, и его труп покатился по земле. Этого воина звали Тадвишм, он был из Каменных Псов — одного из немногих воинских сообществ, которые еще пытались

сохранять свои особенности. По большей части воины не входили ни в какие сообщества; их братьями и сестрами становились те, с кем они стояли лагерем. И слишком часто даже эти лагеря все равно разгоняли, а их обитатели рассеивались среди скал.

Этот холд, тайный, устроенный в глубине Пустыни, должен был стать чем-то иным. Каким образом его обнаружили враги?

Рядом заходился в плаче ребенок лет двух, не больше. Тава бросилась на крик и выхватила мальчонку из пламени. Их дома горели. Дома, выстроенные из древесины, с трудом добытой в горах по восточной окраине Пустыни, были обречены.

Прижимая ребенка к груди, Тава побежала к одной из глубоких пещер каньона. Где ее отец? Что-то со свистом промчалось над головой, и перед девочкой приземлилось одно из кошмарных созданий. От ветра, поднятого крыльями, юбка захлопала по ногам. На спине у существа сидел грозный воин в шлеме, похожем на голову насекомого с острыми зазубренными жвалами. Он опустил свой шипящий посох, направив его на Таву. Она закричала от ужаса, крепко обняла плачущего ребенка и закрыла глаза.

Но вместо шипения услышала чей-то хриплый возглас, а за ним резкий визг змееподобной твари. Открыв глаза и подняв голову, Тава увидела, что на чужеземного воина набросился кто-то из ее соплеменников. В свете пожаров она разглядела отцовское лицо, чисто выбритое по закону древних традиций. Тварь извернулась и сбросила обоих мужчин на землю.

Через пару мгновений отец поднялся на ноги, сжимая в руках окровавленный меч врага. Чужеземец не двигался, а крылатый монстр с воем тяжело взлетел в воздух. Проводив его взглядом, Тава увидела, что тварь устремилась вслед за стаей: захватчики отступали, оставив сломленных людей наедине с горящими домами.

Девочка вновь опустила взгляд, и увиденное повергло ее в ужас: столько окровавленных тел! Десятки мертвецов лежали на земле, и среди них только один-единственный враг: тот, которого сразил отец.

— Собирайте песок! — взревел отец. Его звали Рован. — Тушите пламя!

Рослый даже по меркам Айил, с огненно-рыжими волосами, в поношенной желто-коричневой одежде и сапогах по колено… Такой наряд сразу выдавал айильца, и поэтому многие одевались

иначе. Если узнают, что ты из Айил, тебе не жить.

Отец унаследовал эту одежду от деда вместе с наказом: «Следовать старому укладу. Помнить джи'и'тох. Сражаться и блюсти честь». Хотя Рован находился в холде всего несколько дней, все послушались его приказа и бросились тушить огонь. Тава вернула мальчика благодарной матери и побежала собирать песок.

Несколькими часами позже усталые и окровавленные люди собрались посреди каньона, обводя мрачными взглядами руины того, что возводили несколько месяцев. Поселение разрушили за одну-единственную ночь. Отец не выпускал меча из рук: пользовался им, чтобы направлять остальных. Кто-то из стариков сказал, что меч приносит несчастье, но зачем так говорить? Меч — это всего лишь оружие.

— Надо отстроиться, — сказал отец, обозревая разруху.

— Отстроиться? — не поверил своим ушам перемазанный в саже мужчина. — Первым сгорело зернохранилище! У нас еды не осталось!

— Переживем, — сказал отец. — Уйдем еще дальше в Пустыню.

— Некуда нам идти! — выкрикнул еще кто-то. —

Империя Воронов отправила весточку Дальним, и те выслеживают нас на восточной границе!

— И находят везде, где соберемся! — добавил третий.

— Таково наказание, — сказал отец. — Но мы выдержим.

Какое-то время люди смотрели на него, а затем стали разбредаться, разбившись на пары или небольшие группы.

— Стойте! — поднял руку отец. — Надо держаться вместе, чтобы дать отпор! Клан…

— Никакой мы больше не клан, — перебил его припорошенный пеплом человек. — Лучше буду выживать сам по себе. И никаких больше сражений. Мы проигрываем в каждом бою.

Отец опустил меч, и его острие коснулось земли. Встревоженная, Тава подошла к нему и стала смотреть, как остальные растворяются в ночи. В воздухе по-прежнему висел густой дым. Уходящие Айил превратились в тени и растворились во тьме, словно поднятые ветром пылевые завихрения. Никто не стал хоронить мертвецов.

Отец понурил голову, выронил меч, и тот упал на засыпанную пеплом землю.

* * *

В глазах у Авиенды стояли слезы. Не зазорно было оплакать эту трагедию. Авиенда боялась правды, но уже не могла отрицать ее: то были ракены, а на ракенах — шончанские налетчики. Империя Воронов, Создатели света из первого видения… Все они были шончан — и здесь они не появлялись до середины нынешней эпохи, пока из-за океана не пришли армии Артура Ястребиное Крыло.

Она видела не глубокое прошлое своего народа. Она видела его будущее.

В первом путешествии по лесу стеклянных колонн Авиенда с каждым шагом уходила все дальше к Эпохе легенд, но на сей раз видения начались в далеком будущем, и каждое последующее сдвигалось к нынешнему моменту, перепрыгивая через одно-два поколения.

Не вытирая текущих по лицу слез, она сделала следующий шаг.

Глава 49
При Дворе солнца

Ее звали Ладалин, и она была Хранительницей Мудрости из клана Таардад Айил. Как желала она иметь способности к Силе, чтобы научиться ее направлять! Жажда обладать даром, которого у тебя нет, — постыдное желание, но Ладалин не могла ничего с собой поделать.

Сидя в палатке, она изводилась от жалости к себе и другим. Умей она работать с Единой Силой, могла бы куда лучше помогать раненым, могла бы оставаться юной и управлять своим кланом, и у нее, наверное, не ломило бы так кости. Старость не радость. Особенно когда у тебя столько дел.

Зашуршали стенки палатки: остальные вожди кланов рассаживались по местам. Кроме Ладалин, здесь была еще только одна Хранительница

Мудрости, Мора из клана Гошиен Айил, и она тоже не умела направлять Силу. Когда речь заходила об убийстве или пленении любого из Айил — будь то мужчина или женщина, — одаренного хоть какими-то способностями к работе с Единой Силой, шончан старались доводить дело до конца.

Жалкая компания собралась в этой палатке. Молодой однорукий солдат принес теплую жаровню, поставил ее в центре и удалился. Мать Ладалин заговорила о временах, когда для подобной работы существовали гай'шайн. Неужто в прошлом и впрямь были Айил, мужчины или Девы, не принимавшие участия в войне против шончан?

Ладалин протянула к жаровне замерзшие, узловатые от старости пальцы. В молодости она, подобно другим незамужним женщинам, держала в этих руках копье. Как можно стоять в стороне, когда у шончан полно солдат женского пола, да еще и дамани, которых используют с такой эффективностью?

Она слышала рассказы о временах ее матери и бабки, но эти истории казались теперь невероятными. Ладалин не видела ничего, кроме войны. Первым, что запомнилось ей в детстве, были

удары Алмот. Всю юность она провела, постигая военную науку, и сражалась в боях вокруг земель, однажды носивших название Тир.

Между делом она вышла замуж и вырастила детей, но все ее внимание, все ее усилия были сосредоточены на войне. И Айил, и шончан понимали, что рано или поздно один из этих двух народов будет истреблен.

Со временем становилось все яснее, что верх возьмут шончан. Вот и еще одно различие между временами Ладалин и ее матери: мать не рассказывала о неудачах, но жизнь Ладалин отмечали печальные вехи поражений и отступлений.

Остальные сидели с задумчивыми лицами, погруженные в свои мысли. Вожди трех кланов и две Хранительницы Мудрости: вот и все, что осталось от Совета двадцати двух. Ветер высокогорья сквозил через клапаны палатки и холодил спину. Последним пришел Тамаав. Глядя на этого морщинистого старика, покрытого шрамами и потерявшего левый глаз в какой-то битве, Ладалин почувствовала себя дряхлой развалиной. Тамаав уселся на камень. Айил больше не пользовались ни ковриками, ни подушками. С собой брали только самое необходимое.

— Белая Башня пала, — возвестил Тамаав. — Об

этом не больше часа назад сообщили мои разведчики. Их словам я верю.

Он всегда был человеком прямолинейным и добрым другом мужу Ладалин, погибшему в прошлом году.

— Значит, рассыпались в прах и наши последние надежды, — сказал Такай, самый младший из мужчин. В его клане Миагома за три года сменилось трое вождей.

— Не говори так, — одернула его Ладалин. — Надежда есть всегда.

— Нас оттеснили к самому подножию этих проклятых гор, — возразил Такай. — Нет больше ни Шианде, ни Дэрайн, а это значит, что осталось всего пять кланов, и один из них разбит, разобщен и рассеян. Нас победили, Ладалин.

Тамаав вздохнул. Ладалин положила бы к его ногам брачный венок, будь она помоложе, а времена — поспокойнее. Ее клану был нужен вождь. Сын Ладалин подумывал возглавить Таардад Айил, но с тех пор, как шончан недавно захватили Руидин, кланы не знали, как выбирать новых предводителей.

— Остается лишь отступить в Трехкратную землю, — сказала Мора мягким голосом, подобающим почтенной женщине, — и искать

искупления наших грехов.

— Каких еще грехов? — вскинулся Такай.

— Дракон желал мира, — ответила Мора.

— Дракон бросил нас! — воскликнул Такай. — Я отказываюсь следовать заветам человека, которого едва знали мои деды! Мы не приносили клятв и не собирались выполнять тот дурацкий договор. Мы…

— Спокойно, Такай, — перебил его Джоршем, третий из вождей, невысокий мужчина с ястребиным лицом и толикой андорской крови, доставшейся ему от деда. — Если нам и есть на что надеяться, то лишь на Трехкратную землю. Война с Во́ронами проиграна.

В палатке воцарилась тишина.

— Они сказали, что будут охотиться на нас, — вымолвил наконец Такай. — Требуя сдаться, они предупреждали, что отступать нельзя. Да ты и сам это знаешь. Они заявили, что уничтожат любое место, где соберется больше двух человек из Айил.

— Мы не сдадимся, — твердо произнесла Ладалин. Если честно, особой уверенности она не чувствовала.

— Если сдадимся, то станем гай'шайн, — напомнил Тамаав. Этим словом они называли людей

без чести, хотя мать Ладалин явно вкладывала в него иной смысл. — Каков будет твой совет, Ладалин?

Все четверо взглянули на нее. Она была одной из последнего, четвертого рода, происходившего от Дракона. Продолжить другие три рода было уже некому — всех перебили.

— Если нас поработят шончан, народ Айил прекратит существование, — сказала она. — Победить мы не в силах, поэтому надо отступать. Мы вернемся в Трехкратную землю и станем копить силы. Быть может, наши дети одержат победу там, где мы потерпели поражение.

Снова тишина. Все понимали, что ее слова в лучшем случае оптимистичны. После десятилетий войны в живых оставалась лишь горстка Айил.

Шончан использовали тех, кто обладал способностью направлять Силу, с холодной и ужасающей результативностью. Хотя Хранительницы Мудрости и Потомки Дракона тоже применяли в сражениях Единую Силу, этого было недостаточно. Проклятые ай'дам! Стоило кому-то из Айил, умевших направлять, попасть в плен, как их рано или поздно натравливали на соплеменников.

По-настоящему перелом в войне произошел, ко-

гда в нее вступили другие государства. После чего шончан, сумев поработить народы мокроземцев, отобрали из них тех, кто имел способность направлять Силу, пополнив ими свои ряды. Во́роны были необоримы; теперь же, когда пал Тар Валон, все королевства в мокрых землях оказались под пятой шончан. Держались только Аша'маны Черной Башни, хотя свою войну они вели скрытно, поскольку их твердыня пала много лет назад.

Но для Айил прятаться, нападая исподтишка, было неприемлемо. В таких действиях нет чести. Хотя какое значение имеет честь — теперь, когда полегли сотни тысяч? Когда предан огню Кайриэн и разорен Иллиан? Двадцать лет миновало с той поры, как шончан прибрали к рукам военные машины Андора. Десятилетиями Айил шли к поражению и продержались так долго лишь благодаря присущему им упрямству.

— Это он виноват, — угрюмо пробурчал Такай. — Кар'а'карн мог бы привести Айил к славе, но вместо этого отвернулся от нас.

— Он виноват? — переспросила Ладалин, осознав — пожалуй, впервые — всю неверность этого утверждения. — Нет. Айил сами держат за себя ответ. Это наша вина. Не мой далекий пращур виноват, а мы, забывшие, кто мы есть.

Мы утратили честь.

— Ее отняли у нас. — Такай со вздохом поднялся на ноги. — Народ Дракона… Ну да, ну да. Что толку быть его народом? Вспомни легенды! Мы были выкованы в Трехкратной земле, дабы стать копьем. И он использовал нас, а потом отверг. Чем заняться брошенному копью, как не искать новой войны?

«И правда — чем?» — задумалась Ладалин. Дракон требовал мира. Он считал, что мир принесет Айил счастье, но о каком счастье может идти речь, пока их землю топчут проклятые Светом шончан? При этой мысли закоренелая ненависть к захватчикам вспыхнула в ней с удвоенной силой.

Быть может, она, эта ненависть, и уничтожила Айил. Когда Такай вышел из палатки, Ладалин прислушалась к завываниям ветра. Назавтра Айил вернутся в Трехкратную землю. Если не принять мир по согласию, им, как видно, навяжут этот мир.

* * *

Авиенда сделала еще один шаг вперед. Она почти добралась до самого центра леса стеклянных колонн, и повсюду мерцали проблески света.

Она чувствовала себя ребенком и уже не сдерживала слез. Быть Ладалин оказалось для Авиенды хуже всего. В ней Авиенда разглядела намеки — вернее, извращенную насмешку — на истинный айильский уклад. Эта женщина думала о войне, которая для нее была связана с честью, но не понимала, что такое честь. Отсутствие гай'шайн? Отступление? Никто даже не упомянул о тох. То была битва, полностью лишенная цели и смысла.

За что они сражались? Ладалин не руководствовалась ничем, кроме ненависти к шончан: война идет только потому, что она никогда не кончается.

Но как? Как это случилось с Айил?

Авиенда сделала следующий шаг.

* * *

Ее звали Онкала, и она была Девой Копья. Когда-нибудь она откажется от копья и выйдет замуж — так же, как ее мать и мать ее матери, — но сейчас было время сражаться.

Она шагала по улицам Кэймлина, а ее почти сестра несла знамя Дракона, заявляющее о происхождении Онкалы. Рядом с ней шел человек, ради которого она, скорее всего, сложит свои

копья. Гехиял — он был Рассветным Бегуном — сразил больше шончан, чем любой другой из его воинского сообщества, и заработал немало джи. В прошлом году ему было дозволено посетить Руидин и стать вождем клана.

Руидин. Город, осажденный шончан. Онкала презрительно усмехнулась. Шончан не ведают, что такое честь. Им говорили, что Руидин — место, где соблюдают мир. Айил не тронули дворец в Эбу Дар, а потому и шончан не следовало соваться в Руидин.

Они как ящерицы. Онкалу беспрестанно тревожил тот факт, что после десятилетий войны противники оставались практически там же, где они находились после того, как ее дед отправился к Шайол Гул.

Их с Гехиялом сопровождал почетный караул из двух тысяч копий. Королева Талана ожидала их, а посему белые врата андорского дворца были открыты. Гехиял взмахнул рукой, и пятьдесят заранее выбранных копий проследовали за ними в великолепные коридоры. Дворец изобиловал роскошью. Каждый гобелен, каждую вазу, каждую золотую раму Онкала воспринимала как личное оскорбление. Сорок лет войны, а Андор стоит нетронутым и наслаждается безопасностью под

защитой Айил.

Что ж, Андору еще предстоит понять, что к чему. Битвы делают Айил сильнее. Когда-то их героизм воспевали в легендах. Нынешние деяния Айил куда весомее прежних! И когда они уничтожат шончан, весь мир увидит истинное лицо Айил. Правители мокрых земель еще пожалеют, что были недостаточно щедры.

Оставив эскорт в коридоре, Онкала и Гехиял проследовали в открытые двери тронного зала, где тоже было поднято знамя Дракона, напоминавшее, что и королевская линия Андора ведет свое происхождение от Кар'а'карна. Вот и еще одна причина для ненависти Онкалы: андорские аристократы считали, что они ей ровня.

Королева Талана была женщиной средних лет с блестящими темно-рыжими волосами. Не красавица, но очень царственная. Она вполголоса переговаривалась с кем-то из советников и жестом велела айильцам подождать. Оскорбление, причем намеренное! Онкала вскипела от злости.

Наконец их призвали к Львиному трону. Брат Таланы, ее протектор, стоял за спиной королевы в придворном облачении — кафтане и камзоле, — не снимая руки с меча. Онкала могла бы убить его, не пролив ни капли пота.

— Ах! — воскликнула королева Талана. — Снова Таардад Айил. Скажи, Онкала, ты еще не отказалась от копья?

Онкала молча сложила руки на груди, зная, что ей недостает умения общаться с людьми. Стоило открыть рот, и из него сыпались оскорбления. Пусть лучше говорит вождь клана.

— Предполагаю, вы опять собираетесь просить о помощи, — продолжила Талана.

Гехиял залился краской, и Онкала пожалела — лишь на мгновение, — что оставила копье снаружи.

— Мы кое-что принесли. — Гехиял передал одному из королевских гвардейцев кожаную сумку. Тот открыл ее и внимательно просмотрел лежавшие в ней бумаги. Еще одно оскорбление. Почему их принимают как наемных убийц? Да, Онкала недолюбливала королеву, но их семьи поклялись друг другу в верности — благодаря бабкам, бывшим первыми сестрами.

Солдат передал бумаги королеве, и та внимательно изучила их. По мере прочтения ее лицо становилось все мрачнее и задумчивей.

Талану, как и большинство правителей, связанных Драконовым договором о мире, беспокоили технические достижения империи Во́ронов

вкупе с их растущим искусством обращения с Единой Силой. Пока что Айил отвлекали на себя силы шончан, но что будет, если шончан победят? Станут ли они соблюдать свои клятвы?

Насколько можно доверять шончан? Последние десять лет агенты Гехияла роняли зерна этих сомнений при великих дворах всего мира. Гехиял мудр. Еще до того как стать вождем, он понял, что без сторонней помощи Айил не выиграть эту войну. Им не обойтись без мягкотелых мокроземцев.

Вот и последняя причина, по которой Онкала ненавидела этих людей.

— Откуда они у вас? — спросила Талана.

— Из шончанского дворца, — ответил Гехиял. — Зря они ударили по Руидину. По праву чести мы дали равноценный ответ, хотя свое нападение с целью раздобыть эти документы осуществили втайне. Я давно подозревал, где они находятся, и сдерживала меня лишь честь и обязательство соблюдать неприкосновенность шончанского священного дворца.

— Уверен, что это подлинники? — спросила Талана с каменным лицом.

— Ты не доверяешь моим словам? — ответил Гехиял вопросом на вопрос.

Королева Талана покачала головой: она знала, что Айил не лгут, а посему была не на шутку встревожена.

— Мы были терпеливы с тобой, — продолжил Гехиял. — Из раза в раз приходили сюда и объясняли, что будет, если мы не сумеем сдержать шончан.

— Но Драконов договор о мире…

— Им-то какое дело до Дракона? — спросил Гехиял. — Они захватчики, которые вынудили его склонить голову перед своей императрицей! Ее почитают выше Дракона. Шончан не станут держать обещания, данные тем, кто стоит ниже императрицы.

Королева Талана снова опустила взгляд. В руках у нее был шончанский план нападения на Андор и подробно расписанный замысел убийства королевы руками наемных убийц, а еще — такие же планы устранения правителей Тира, Иллиана и Двуречья.

— Мне требуется время. Надо обсудить это с советниками, — сказала Талана.

«Она у нас в кармане», — улыбнулась про себя Онкала, уже зная, каким будет ответ королевы. Что самое главное, Талана уже решилась принять меры.

Гехиял кивнул, и они удалились. Онкала едва сдерживалась, чтобы не издать победный клич. Если Андор вступит в войну, остальные государства последуют его примеру: в первую очередь те, кто связан Пактом грифона, и сателлиты при Дворе солнца. Они равнялись на королеву Андора так же, как другие кланы Айил брали пример с Онкалы. Кровное родство с Рандом ал'Тором имело немалый вес.

— Правильно ли мы поступили? — спросил Гехиял, шагая в окружении воинов, чьи копья оберегали его и Онкалу от любопытных ушей, и она изумилась:

— Ты же сам все спланировал!

Гехиял хмуро кивнул.

В словах, произнесенных перед королевой, не было ни капли лжи — стало быть, честь осталась незапятнанной, — но Гехиял утаил от Таланы один из найденных документов. Тот, в котором говорилось, что все прочие планы разработаны на случай непредвиденных обстоятельств.

Описание военных сил Андора, предложения по использованию переходных врат и драконов для атаки на Кэймлин, сам заговор с целью убийства королевы Таланы — все это подготовили на тот чрезвычайный случай, если Андор вступит в

войну. То был не подготовленный план нападения, а упреждающее исследование возможного противника.

По большому счету без разницы. Шончан — сущие змеи. В конце концов они завоюют Андор, и нельзя исключать, что к тому времени Айил уже не смогут помочь его королеве. Если война примет дурной оборот, народ Онкалы уйдет в Трехкратную землю, бросив недалеких мокроземцев на растерзание. И шончан узнают, что одолеть Айил в родных местах попросту невозможно.

Лучше, гораздо лучше, если королева Талана вступит в войну прямо сейчас. И хорошо, что она не видела того документа. Это для ее же блага.

— Что сделано, то сделано, — сказал Гехиял. — У нас не осталось места для сомнений.

Онкала кивнула. Шончан будут разбиты, и Айил займут место, принадлежащее им по праву. Она заслуживает править, ведь в жилах ее струится кровь Дракона Возрожденного.

И в конце концов возвысится отнюдь не Воронова империя — властвовать будет Драконова империя.

* * *

— Я не хочу продолжать, — обратилась Авиенда к пустому лесу стеклянных колонн.

Ветер стих. Ответом ей было молчание. Ее слезы, словно капли дождя, оставляли следы в пыли у ног.

— Она… эта тварь не знала, что такое честь, — сказала Авиенда. — Она уничтожила нас.

Хуже всего, что эта женщина — Онкала — вспоминала о матери своей матери, о своей бабке. И в памяти у нее это слово было связано с женским лицом, и Авиенда узнала его.

Это лицо принадлежало ей.

Она съежилась, закрыла глаза и шагнула в самый центр леса лучистых колонн.

* * *

Ее звали Падра. Она была дочерью Дракона Возрожденного и гордой Девой Копья. Высвободив копье из горла умирающего шончанского воина, она проводила взглядом остальных, удиравших через переходные врата.

«Будь проклят Светом тот, кто научил шончан Перемещению, — подумала Падра. — Пусть даже

их плетения далеки от идеала».

Падра была убеждена, что никто из живущих не понимает Единую Силу так, как она и ее братья и сестра. Навыком плетений она, как и ее сестра с братьями, овладела еще в детстве. По сравнению с их врожденными способностями старания других, умевших направлять Силу, выглядели весьма нелепо.

Но вслух об этом Падра старалась не говорить. Айз Седай и Хранительницы Мудрости не любят, когда им напоминают о недостатках. Правда глаза колет.

Она присоединилась к сестрам по копью. Одна из них осталась лежать мертвой на траве, и Падра оплакала ее — Тарру из клана Таардад Айил. Ее имя не забудут. Но сегодня честь была на стороне сестер по копью, сразивших восемь шончанских солдат.

Она сплела переходные врата. Это получалось у нее мгновенно, стоило только о них подумать. Даже во сне Падра не переставала удерживать Единую Силу и понятия не имела, каково это — не чувствовать всем сознанием эту отрадную и кипучую мощь. Другие опасались, что Сила поглотит их, но возможно ли это? Подобно рукам и ногам, саидар была неотъемлемой частью ее

существа. Разве может пожрать человека его собственная плоть, кровь и кость?

Переходные врата вели в айильский лагерь в землях под названием Арад Доман — именно лагерь, а не город, поскольку у Айил не было городов. Но лагерь был громадным и простоял здесь почти десять лет. Падра уверенно шагала по траве, и облаченные в кадин'сор Айил почтительно склонялись перед ней, ведь она и ее два брата и сестра — дети Дракона — имели немалый вес.

Они не были лордами и леди — стоило Падре задуматься о самой сути этих званий, как ей становилось дурно. Однако они отличались от обычных алгай'д'сисвай. Вожди кланов спрашивали у них совета, а Хранительницы Мудрости проявляли к ним особый интерес и позволяли ей направлять Силу, несмотря на то что Падра не была Хранительницей Мудрости. Но она скорее перестанет дышать, чем прекратит обращаться к Источнику.

Она отпустила сестер по копью и направилась прямиком к палатке Ронама. Вождь клана — сын Руарка — должен выслушать ее донесение. Войдя, девушка с удивлением увидела, что Ронам не один: на ковре сидели несколько мужчин (все до единого — вожди кланов), а также ее сестра

и братья.

— А-а, Падра, — приветствовал ее Ронам. — Ты вернулась.

— Могу зайти позже, Ронам, — сказала она.

— Нет, ты как раз вовремя. Сядь и раздели со мной прохладу.

Падра склонила голову, принимая оказанную честь, и уселась между своими братьями, Алархом и Джандуином. Дети Дракона были близнецами, что называется «четверняшками», но совершенно не походили друг на друга. Темноволосый Аларх больше походил на мокроземских предков, а Джандуин был рослым блондином. Рядом сидела их сестра, миниатюрная круглолицая Маринна.

— Докладываю, — обратилась Падра к Ронаму, — что шончанский патруль оказался именно там, где мы предполагали. Был бой.

По палатке прокатился недовольный ропот.

— Драконов мир не запрещает им входить в Арад Доман, — напомнил Тавалад, вождь клана Гошиен Айил.

— И мы, вождь клана, имеем полное право убивать шончан, случись им подойти слишком близко, — заявила Падра. — Айил не связаны Драконовым договором. Если шончан вздумали

соваться к нашему лагерю, пусть знают, что это и впрямь рискованная затея.

Несколько человек — больше, чем ожидала Падра, — отреагировали на ее замечание согласными кивками. Она взглянула на Джандуина. Тот приподнял бровь, а Падра незаметно показала ему два пальца: двое шончан приняли смерть от ее копья. Падра предпочла бы взять их в плен, но шончан не заслуживали статуса гай'шайн, да и пленники из них никудышные. Лучше уж избавить их от позора и позволить умереть.

— Вернемся к причине нашей встречи, — сказал Алалвед, вождь клана Томанелле Айил.

Падра быстро пересчитала присутствующих. Здесь находились все одиннадцать вождей, включая тех, кого разделяла кровная вражда. Такого собрания не бывало уже много лет — с тех самых пор, как отец Падры готовился к Последней битве.

— И какова же она, эта причина? — спросил кто-то.

— Копьям уже не терпится, — покачал головой Алалвед. — Смысл нашей жизни не в том, чтобы жиреть на тучных землях. Мы воины.

— Дракон просил мира, — заметил Тавалад.

— Дракон просил мира для других. У всех, кроме

Айил, — ответил Алалвед.

— Да, это так, — подтвердил Дэрвин, вождь клана Рийн.

— Предлагаешь вернуться к набегам? К междоусобицам после долгих лет отказа от кровной вражды? — тихим голосом поинтересовался Ронам. Он был превосходным вождем клана, во многом напоминавший Руарка. Мудрым, но в то же время не страшившимся битвы.

— Какой в этом смысл? — спросил Шедрен, вождь клана Дэрайн Айил.

Другие закивали. Нельзя было продолжить разговор, не затронув серьезной проблемы, о которой нередко упоминала мать: что значит быть Айил теперь, когда долг прошлого выплачен и над народом уже не довлеет тох?

— Как долго томиться нам в ожидании, — промолвил Алалвед, — зная, что шончан держат наших женщин в неволе, да еще на поводке? Годами они отказываются от выкупа или обмена, отвечая на наши вежливые просьбы грубостью и оскорблениями!

— Не пристало нам упрашивать, — добавил престарелый Бруан. — Того и гляди, Айил скоро превратятся в молокососов-мокроземцев.

Его слова были встречены одобрительными

кивками. Неудивительно. Мудрый Бруан пережил Последнюю битву.

— Разве что шончанская императрица… — Ронам снова покачал головой, и Падра поняла, что у него на уме.

Отец Ронама считал старую императрицу — ту, что правила во времена Последней битвы, — женщиной чести. Поговаривали, что с ней едва не нашли общий язык. Но ее правление закончилось много лет назад.

— Как бы то ни было, — продолжил Ронам, — звенят копья, и наши люди не упускают случая ввязаться в бой. Такова наша природа. Коли шончан не внемлют гласу рассудка, разве есть у нас причина обходить их стороной?

— К тому же Драконов мирный договор продержится недолго, — подхватил Алалвед. — Стычки между странами — обычное дело, хотя о них принято умалчивать. Кар'а'карн потребовал, чтобы монархи дали клятвы, но где гарантия, что они сдержат свои обещания? Нарушить данное слово — обычное дело для мокроземцев, и пока они будут пререкаться между собой, шончан своего не упустят. Сожрут их заживо. Вот что мне покоя не дает.

Новые кивки. В несогласных остались только

Дэрвин и Тавалад.

Падра затаила дыхание. Все понимали, что этого не избежать: стычки с шончанскими патрулями, беспокойство кланов… Она мечтала об этом дне, но и боялась его. Ее мать заслужила в битве немало джи, а у Падры толком не было случая проявить себя.

Война с шончан… Мысль о ней воодушевляла Падру. Но многие полягут в этой войне.

— Что скажут дети Дракона? — взглянул на них Ронам.

Падре все еще не верилось, что старшие считаются с ее мнением. Она нащупала саидар, уютно таившуюся в глубине сознания, и набралась от нее решимости. Что бы она только делала без Единой Силы?

— Скажу, что мы должны вызволить соплеменниц из шончанского плена, — ответила Маринна, обучавшаяся на Хранительницу Мудрости.

Аларх нерешительно взглянул на Джандуина. Он нередко считался с мнением брата.

— Айил необходима цель, — кивнув, сказал Джандуин. — Ныне от нас никакого толку, а ведь мы не давали обещания воздерживаться от ненападений. Все это время мы медлили только из уважения к моему отцу, что говорит о нашем

безграничном терпении.

Все обратили свои взоры на Падру, в ответ на что она сказала:

— Они — наши враги.

Один за другим все мужчины в палатке кивнули. После многолетнего ожидания все прошло на удивление буднично.

— Ступайте к своим кланам, — сказал Ронам и встал. — Пускай готовятся.

Не поднимаясь с места, Падра смотрела, как прощаются другие: кто-то — с угрюмым или мрачным видом, кто-то — явно взволнованный. За семнадцать лет Айил истосковались по настоящей битве.

Вскоре в палатке не осталось никого, кроме Падры. Она ждала, разглядывая узоры на ковре. Война. Девушка была взволнована и возбуждена, но какая-то ее часть оставалась хмурой и мрачной. Она чувствовала себя так, словно направила кланы на путь, идя по которому они изменятся раз и навсегда.

— Падра?

Она обернулась. У входа в палатку стоял Ронам. Падра покраснела и поднялась на ноги. Ронам был старше ее на десять лет, но выглядел очень привлекательно. Разумеется, Падра никогда не

откажется от копья, но если вдруг…

— У тебя озабоченный вид, — сказал он.

— Просто задумалась.

— О шончан?

— Об отце, — ответила она.

— Ну да… — понимающе кивнул Ронам. — Помню, как Дракон впервые пришел в холд Холодные Скалы. Я был очень молод.

— Какое впечатление он произвел на тебя?

— Он был… впечатляющий человек, — ответил Ронам.

— И все?

— Прости, Падра, — покачал он головой, — но я провел с ним совсем немного времени. Мой путь вел в иную сторону, хотя… отец кое-что рассказывал.

Она склонила голову к плечу.

Ронам повернулся к раскрытому входному клапану палатки и окинул взглядом зеленеющие травы:

— Мой отец называл Ранда ал'Тора умным человеком и великим предводителем, но не знающим, как ему быть с Айил. Помнится, отец говорил, что когда Кар'а'карн находился среди нас, он не чувствовал себя одним из нас. Казалось, ему неуютно среди Айил. — Ронам помолчал,

покачал головой. — В своих планах он учел всех, кроме нас. Мы же оказались оставлены на произвол судьбы.

— Поговаривают, нам следовало вернуться в Трехкратную землю, — сказала она.

— Нет, — возразил Ронам. — Там мы нашли бы свою погибель. Наши отцы не ведали ни о паровых конях, ни о драконьих трубах. Вернись мы в Пустыню, утратили бы всякую значимость. Мир перестал бы замечать нас, и народ Айил исчез бы с лица земли.

— Ну а война? — спросила Падра. — Это правильный выбор?

— Не знаю, — ответил полушепотом Ронам. — Мы — Айил. И мы умеем воевать.

Чувствуя прилив уверенности, Падра кивнула.

Айил снова пойдут на войну. И, сражаясь, обретут великую честь.

* * *

Авиенда заморгала. Небо было темным.

Она страшно устала. Разум ее был опустошен, а сердце обнажено, и с каждым своим ударом ее разбитое сердце истекало энергией, будто кровью. Авиенда опустилась на плиты посреди леса мерцающих колонн. Ее… дети. Их лица

она помнила с первого посещения Руидина, но остального тогда не видела. Во всяком случае, не помнила, чтобы видела.

— Все предрешено? — спросила она. — И ничего нельзя изменить?

Ответа, само собой, не последовало.

Слезы высохли. Как реагировать на полное уничтожение — нет, полный упадок! — своего народа? Тем, кто совершал эти поступки, все они казались совершенно логичными, и с каждым шагом Айил приближались к своему закату.

Какой толк из того, что Авиенда увидела весь этот ужас? Зря она вернулась в лес стеклянных колонн. Не она ли виновна в том, что будет? Ведь это ее род обрек Айил на гибель.

Сегодняшние видения совершенно отличались от тех, что явились ей при прохождении через кольца при первом посещении Руидина. Те раскрывали перед ней возможные варианты будущего, а эти представлялись куда более реальными. Авиенда почти не сомневалась, что сегодня видела то, чему суждено случиться. Мало-помалу, шаг за шагом, ее народ лишится чести. Мало-помалу, шаг за шагом, гордые Айил превратятся в презренных дикарей.

Неужели на этом все?! Авиенду обуревал гнев.

Девушка вскочила и сделала новый шаг, но ничего не произошло. Она подбежала к выходу из леса стеклянных колонн, развернулась и в сердцах крикнула:

— Покажите что-нибудь еще! Покажите, какой из моих поступков послужил началом этому упадку! Ведь это мой род погубил нас! Покажите, что я сделала не так!

С этими словами она вновь ступила в стеклянный лес.

Ничего. Колонны оставались безжизненными. Авиенда коснулась одной из них, но почувствовала лишь мертвый холод. Ни гула, ни ощущения Силы. Она крепко зажмурилась. Из уголков глаз выкатились последние слезинки и скользнули по лицу, оставив на щеках холодные влажные полосы.

— Могу ли я хоть что-то исправить? — спросила она вслух, а про себя подумала: «А если не могу, разве не попробую?»

Ответ был прост. Нет, она не сумеет провести остаток жизни в бездействии, не пытаясь изменить судьбу своего народа. Авиенда явилась в Руидин за знаниями. Что ж, теперь она узнала куда больше, чем хотелось бы.

Она открыла глаза и решительно стиснула

зубы. Айил не чурались ответственности. Айил сражались, они защищали свою честь. Если никто, кроме Авиенды, не знает об ужасах будущего, тогда она — как Хранительница Мудрости — просто обязана действовать. И непременно спасет свой народ.

Она зашагала прочь от колонн, а затем сорвалась на бег. Надо вернуться, спросить совета у других Хранительниц Мудрости. Но сперва ей нужно посидеть в тишине Трехкратной земли и хорошенько подумать.

Глава 50
Выбирая врагов

Сложив руки на коленях, Илэйн с опаской прислушивалась к далекому грохоту. Она нарочно выбрала не покои, предназначенные для аудиенций, а предельно официальный тронный зал. Сегодня в ней должны видеть королеву.

Здесь же роскошное убранство и величественные колонны производили поистине грандиозное впечатление. Вдоль стен слева и справа от трона двумя длинными рядами, прерывавшимися лишь подле колонн, выстроились золотые светильники, перед которыми стояли гвардейцы в красно-белой форме и отполированных до блеска кирасах. С мраморными колоннами контрастировал густой темно-красный ковер с вытканным в центре золотым львом Андора. Ковер вел к

подножию трона, на котором восседала Илэйн с Розовым венцом на голове. Ее традиционное платье разительно отличалось от новомодных придворных нарядов: манжеты широких рукавов были скроены так, что ниже ладони сходились в расшитый золотой нитью треугольник.

Такое же узорчатое шитье украшало лиф — благопристойно высокий, но не настолько, чтобы присутствующие забыли, что имеют дело с женщиной. К тому же еще и незамужней. Ее мать вышла за мужчину из Кайриэна на самой заре своего правления, и окружающие наверняка задавались вопросом, не последует ли Илэйн ее примеру, дабы закрепиться на троне.

Вдалеке снова громыхнуло. Илэйн уже начала привыкать к выстрелам драконов, чуть более гулким и размеренным, чем удары грома.

Ее учили скрывать нервозность — сперва наставники, затем Айз Седай. Кто бы что ни думал, Илэйн Траканд при необходимости умела — да-да, умела! — контролировать свое настроение. Не снимая руки с колен, она прижала язык к нёбу. Выказать нервозность было бы гораздо хуже, чем проявить гнев.

Матери в зале не было. Сегодня она привлекла бы слишком много внимания. В кресле подле тро-

на расположилась преисполненная достоинства Дайлин, ее распущенные золотистые волосы свободно спускались на плечи. Она молча вышивала на пяльцах. Дайлин говорила, что это занятие расслабляет: мол, когда занят ум, не помешает и руки занять.

В отличие от нее, Илэйн не могла позволить себе такую роскошь: в ней должны были видеть правительницу. К несчастью, эта роль все чаще требовала, чтобы Илэйн восседала на троне, твердо смотрела перед собой, излучала решимость, проявляла самообладание и чего-то ждала. Наверняка демонстрация драконов уже закончилась. Или нет?

Еще одно «бум». Нет, не закончилась.

Она слышала, как в боковой гостиной, смежной с тронным залом, негромко переговариваются. Оставшиеся в Кэймлине верховные опоры Домов получили официальное приглашение на встречу с королевой, где предстояло обсудить требования к оздоровлению условий жизни тех, кто обосновался вне пределов городских стен. Встреча должна была начаться ровно в пять, но в приглашении содержался намек, что верховным опорам следует явиться во дворец двумя часами ранее.

Формулировка послания не вызывала сомне-

ний: сегодня у Илэйн имелись важные дела, и она пригласила верховных опор прийти заранее, дабы те могли предаться официально разрешенному подслушиванию. В гостиной хватало напитков, подносов с фруктами и тарелочек с мясными закусками. По всей вероятности, сейчас гости обменивались предположениями о том, что им предстоит услышать.

Если бы они только знали… Илэйн не шевелилась. Дайлин продолжала возиться с вышивкой, цокая языком всякий раз, когда делала неверный стежок.

После ожидания, едва не ставшего невыносимым, грохот драконов прекратился, и Илэйн почувствовала, что Бергитте возвращается во дворец. Делегацию она сопровождала лишь по одной причине: чтобы Илэйн узнала, что кайриэнцы уже на подходе. Сегодня ключевое значение имел точный расчет времени. Успокаивая нервы, Илэйн сделала глубокий вдох и выдох. Ну все. Теперь Бергитте точно во дворце.

Илэйн кивнула капитану Гэйбону. Настало время ввести узниц.

Мгновением позже в зале появился отряд гвардейцев, сопровождавший троих женщин. Аримилла — по-прежнему пухлая, несмотря на

заточение, — шмыгала носом. Эта пожилая дама отличалась красотой — вернее, отличалась бы, не будь она одета в какое-то рванье. В широко раскрытых больших карих глазах читался испуг. Похоже, Аримилла все еще думала, что Илэйн собирается предать ее смерти.

Что до Элении, та выглядела получше и держала себя в руках. Ее, как и остальных, избавили от богатого наряда, заменив его драным платьем, но она чисто умылась и собрала золотистые волосы в аккуратный пучок. Илэйн не морила своих пленниц голодом, не подвергала их жестокому обращению. Да, это были ее враги, но они не предавали Андор.

Элениа не сводила с Илэйн внимательных глаз. Ее лицо, похожее на лисью мордочку, было задумчивым и расчетливым. Интересно, знала ли она, куда подевалась армия ее мужа? Стоило вспомнить об этом войске, и Илэйн показалось, что спины ее касается потайной клинок. Никто из разведчиков так и не выяснил, где находятся эти войска. О Свет! Куда ни плюнь, везде проблемы.

Третью — стройную белокожую женщину, чьи черные волосы за время заключения почти утратили свой блеск, — звали Ниан Араун. Она выглядела сломленной еще до того, как Илэйн

пленила ее, и сегодня держалась поодаль от своих товарок по несчастью.

Всех троих подтолкнули к постаменту трона и заставили встать на колени. Из коридора донесся шум: кайриэнские аристократы возвращались, вдоволь насмотревшись на драконов. Они подумают, что стали свидетелями сцены в тронном зале по чистой случайности.

— Перед короной предстали Ниан Араун, Элениа Саранд и Аримилла Марне, — громко объявила Илэйн, и разговоры тут же стихли: что в коридоре среди кайриэнцев, что в гостиной среди андорской знати.

Поднять взор осмелилась только Элениа. Илэйн ответила ей твердокаменным взглядом. Женщина покраснела и потупилась. Отложив вышивку, Дайлин внимательно следила за происходящим.

— Корона долго размышляла о вашей участи, — возвестила Илэйн. — Война, необдуманно объявленная Дому Траканд, стала для вас разорительной. Ваши потомки и наследники отвергли требования о выкупе. Ваши Дома отвернулись от вас.

Ее слова колокольным звоном раскатились по величественному залу, и женщины перед троном склонились ниже прежнего.

— Таким образом, корона оказалась перед дилеммой, — продолжила Илэйн. — Ваше никчемное существование причиняет нам массу неудобств. Другие королевы, наверное, оставили бы вас гнить в темнице, но, как по мне, от такого решения разит безволием, поскольку вы и дальше будете жить за мой счет, а люди станут перешептываться, как бы вызволить вас из тюрьмы.

В зале наступила тишина, нарушаемая только сиплым дыханием узниц.

— Однако нынешней короне Андора несвойственна бесхребетная мягкотелость! — провозгласила Илэйн. — И с этого дня Дома Саранд, Марне и Араун лишаются поместий и титула, а земли оных переходят в распоряжение короны, дабы возместить ущерб, причиненный преступными деяниями их владелиц!

Элениа ахнула и подняла глаза. Аримилла со стоном осела на ковер с изображением льва. Ниан молчала. Похоже, она лишилась дара речи.

В боковой гостиной немедленно поднялся ропот. Лучше уж казнь, чем такая судьбина: по крайней мере, аристократов казнили, не лишая титула — тем самым признавая в них достойных врагов. Земельные владения и титулы

переходили к наследникам, и Дом продолжал существование.

Но это… Не всякая королева позволит себе предпринять подобный шаг. Заподозрив, что Илэйн намерена подгрести под себя чужие владения и отнять деньги, другие аристократы объединятся против нее. Она вполне догадывалась, о чем говорят в смежной комнате. Ее власть зиждилась на зыбкой опоре, и союзники, поддержавшие Илэйн во время осады — хотя эта поддержка могла стоить им свидания с палачом, — были вправе задаться вполне резонными вопросами.

Медлить было нельзя. По знаку Илэйн гвардейцы поставили троих узниц на ноги и препроводили к стене. Казалось, ошеломлена даже дерзостная Элениа, и неудивительно: ведь она, по сути, только что услышала смертный приговор. Эти трое, несомненно, покончат с собой, причем как можно скорее, только бы не предстать перед своими Домами.

Бергитте, знавшая свою роль назубок, вступила в тронный зал. За ней следовала группа кайриэнских аристократов — тех пригласили на демонстрацию нового андорского оружия, предназначенного для «защиты от Тени». Сборище было пестрое, и трудно было сказать, кто здесь

имеет наибольший вес: то ли Бертом Сайган, то ли Лорструм Аэснан.

Бертом был довольно симпатичным коротышкой, хотя Илэйн недолюбливала обычай кайриэнцев брить и пудрить темя; на ремне он носил внушительных размеров нож — с мечом к королеве не пускали — и, судя по виду, был изрядно встревожен тем, как Илэйн обошлась с пленницами. Кстати говоря, неспроста: в прошлом Ранд подверг такому же наказанию его двоюродную сестру Колавир, и та удавилась от стыда, хотя приговор не относился ко всему ее Дому.

Благодаря ее смерти Бертом возвысился, и, хотя он весьма осмотрительно избегал прилюдно выступать с нападками на правление Ранда, осведомители Илэйн называли его одним из ярейших тайных хулителей Ранда в Кайриэне.

Лорструм Аэснан — молчаливый и тощий мужчина, шедший заложив руки за спину, — имел склонность смотреть на других свысока. Подобно всем в этой группе, он был в темной одежде по кайриэнской моде, с нашитыми на куртку полосами в цветах его дома. Видное положение в обществе этот человек приобрел уже после того, как Ранд исчез из Кайриэна. Отчаянные времена

способствуют быстрому возвышению; Лорструм не спешил выступать против Ранда, но и не стал его союзником. Эта умеренная позиция привела его к власти, и ходили слухи, что он подумывает захватить трон.

Помимо этих двоих, в зале появилось еще несколько представителей кайриэнской знати. Формально Айлил Райатин не являлась главой своего могущественного Дома, но с тех пор, как пропал ее брат — чье исчезновение все больше походило на смерть, — эта стройная и высокая для кайриэнки женщина средних лет взяла на себя бразды правления. Сегодня на ней было темно-синее платье с пышным кринолином, украшенное полосами цветов Дома Райатин. В недавнем прошлом — пусть и относительно недолго — ее семейство удерживало Солнечный трон, и Айлил зарекомендовала себя деятельной сторонницей Илэйн.

За вышеперечисленными особами, являя собой скопище тщательно уложенных причесок, наполовину обритых и припудренных голов, широких юбок, штанов и кафтанов с кружевными манжетами, следовали гости рангом пониже: лорд и леди Осиеллин, лорд и леди Чулиандред, лорд и леди Хамарашль, а также лорд Мавабуин, люди

второстепенной важности, но, так или иначе, способные доставить Илэйн немало хлопот.

— Милорды и миледи, — приветствовала их Илэйн, после чего поименовала каждый Дом и продолжила: — Понравилось ли вам увиденное в Андоре?

— Не то слово, ваше величество, — ответствовал долговязый Лорструм, любезно склонив голову. — Это оружие весьма… многообещающе.

Очевидно, он надеялся выудить побольше сведений, и Илэйн мысленно поблагодарила своих наставников за педантичные разъяснения всех тонкостей Игры Домов.

— Всем нам известно о скором начале Последней битвы, — сказала Илэйн, — а посему я решила, что Кайриэн надлежит оповестить о силе его ближайшего и сильнейшего союзника. В самом недалеком будущем нам придется рассчитывать друг на друга.

— Несомненно, ваше величество, — согласился Лорструм.

— Ваше величество! — Коротышка Бертом выступил вперед и сложил руки на груди. — Уверяю вас, Кайриэн ликует при виде силы и стабильности Андора!

Илэйн смерила его взглядом. Он что, предлагает

ей поддержку? Нет; как видно, тоже закидывает удочки, пытаясь выяснить, не претендует ли сама Илэйн на Солнечный трон, хотя теперь ее намерения должны быть предельно ясны: она отправила в город отряд «красноруких», а это очевидный ход. Пожалуй, даже слишком очевидный для хитрого кайриэнца.

— Не худо бы и Кайриэну обрести подобную стабильность, — осмотрительно произнесла Илэйн.

Некоторые закивали — несомненно, в надежде, что Илэйн предложит кому-то из них занять трон. Поддержка Андора гарантировала победу любому из претендентов на престол, а Илэйн заручилась бы симпатиями короля или королевы.

Другой мог бы пойти на эту уловку. Но не она. Трон Кайриэна будет принадлежать ей и только ей.

— Восшествие на престол — предприятие из деликатных, — заметил Лорструм, — и в прошлом зарекомендовавшее себя… гм… небезопасным, а посему столь многие не решаются на этот шаг.

— Вот именно, — подтвердила Илэйн. — Принимая во внимание неопределенность последних месяцев, Кайриэну не позавидуешь. — Вот он, нужный момент. Илэйн вздохнула во всю грудь. — Глядя на сильный Андор, не грех прийти

к очевидному выводу, что настало время могучих альянсов. Вообще-то, совсем недавно трон приобрел несколько крупных и перспективных поместий. И я только что поняла, что у этих земель нет управителей.

Все затихли. В смежной комнате перестали шептаться. «Что-что? Не подвел ли нас слух? Неужели королева предложила андорские поместья иноземной знати?»

Она постаралась скрыть улыбку. Постепенно до некоторых начал доходить смысл ее слов. Лорструм лукаво усмехнулся и едва заметно кивнул.

— Кайриэн и Андор дружны с давних времен, — продолжила Илэйн, делая вид, что эта мысль только-только пришла ей в голову. — Наши лорды брали в жены ваших леди, наши леди выходили замуж за ваших лордов, и мы связаны множеством кровных и сердечных уз. Я прихожу к разумному выводу, что несколько кайриэнских лордов превосходно дополнят мой двор и, пожалуй, просветят меня относительно наследия по отцовской линии.

Она заглянула Лорструму в глаза: клюнет или нет? Его кайриэнские поместья были скромными, а нынешнее влияние — весьма значительным, но оно могло измениться в любой момент. Кон-

фискованные же у трех пленниц земельные владения были, пожалуй, самыми завидными в Андоре.

Он непременно понимал, что к чему. Если Илэйн возьмет кайриэнский трон силой, против нее восстанут и аристократы, и простой люд, и — если ее подозрения верны — отчасти в этом будет повинен Лорструм.

Но что, если передать андорские земли кому-то из кайриэнцев? Что, если сплести паутину связей между двумя странами? Что, если показать, что Илэйн не собирается лишать этих людей титулов, а, напротив, желает приумножить их богатство? Докажет ли это, что она не планирует отнять земли, принадлежащие кайриэнской знати, и раздать их своим придворным? Поможет ли это унять ненужные тревоги?

— По-моему, у таких альянсов огромный потенциал, — сказал Лорструм, не отводя глаз, а Бертом одобрительно кивнул:

— Я тоже считаю, что все это можно устроить.

Никто из них, разумеется, не хотел делиться своими землями. Зато оба с радостью обзавелись бы поместьями в Андоре. Желательно как можно богаче.

Остальные переглядывались. Леди Осиеллин

и лорд Мавабуин, первыми сообразившие, куда ветер дует, в один голос предложили заключить союз.

Илэйн велела неугомонному сердцу утихомириться и откинулась на спинку трона:

— У меня есть в распоряжении еще одно поместье, но его, пожалуй, можно разделить.

Айлил тоже что-то перепадет — надо же продемонстрировать расположение короны и вознаградить ее за поддержку. А теперь пришло время разыграть второй акт спектакля, а потому Илэйн взглянула на пленниц и громко позвала:

— Леди Саранд!

Укутанная в тряпье Элениа выступила вперед.

— Короне свойственно милосердие, — сказала Илэйн. — Андор не может простить тебя за причиненные боль и страдания, но в других государствах твое имя не опорочено. Предположим, корона пожалует тебе новые земли. Примешь ли ты этот дар?

— Новые земли, ваше величество? — оторопела Элениа. — О каких землях вы говорите?

— Консолидация Андора и Кайриэна наверняка будет иметь немало последствий, — ответила Илэйн. — Быть может, тебе стало известно об альянсе, заключенном короной с Гэалданом? Или ты

слышала о вновь обретенных областях на западе королевства? Настает время больших возможностей. Если я найду место в Кайриэне, где сможете обосноваться вы с мужем, не отвергнешь ли ты такое предложение?

— Я… непременно обдумаю его, ваше величество. — В глазах Элении затеплился огонек надежды.

Илэйн повернулась к лордам Кайриэна.

— Чтобы все это вступило в силу, — заявила она, — мне требуется право говорить от имени обоих государств, как Андора, так и Кайриэна. Как долго, по-вашему, потребуется ждать, чтобы уладить этот вопрос?

— Верните меня на родину посредством одного из ваших чудны́х порталов, — сказал Лорструм, — и дайте один час.

— Я управлюсь за полчаса, ваше величество, — вмешался Бертом, покосившись на Лорструма.

— Итак, один час, — подытожила Илэйн, подняв руки. — Подготовьтесь как следует.

* * *

— Ну ладно, — сказала Бергитте, как только закрылась дверь небольшой гостиной. — Что, во имя треклятой левой руки Темного, я только

что видела?

Илэйн села в кресло. План сработал! Вернее, похоже было, что сработает. Каким же удобным казалось плюшевое кресло после жесткого Львиного трона!

Дайлин заняла место справа от нее; Моргейз уселась слева.

— Ты только что видела, — произнесла она, — как блистает моя дочь.

Илэйн улыбнулась, и то была улыбка благодарности, но Бергитте хмурилась. Благодаря узам Илэйн чувствовала, что ее Страж ничего не понимает. Кроме них, в маленькой комнате никого не было: результаты замысла Илэйн станут известны только через час.

— Ну-ну, — заметила Бергитте. — Итак, ты отдала некоторую часть андорских земель кайриэнской знати.

— В качестве взятки, — сказала Дайлин. В отличие от Моргейз, ей недоставало уверенности в голосе. — Неглупый ход, ваше величество. Хотя и таящий опасности.

— Опасности? — переспросила Бергитте. — Кровь и пепел! Кто-нибудь, объясните мне, скудоумной, с каких пор подкуп считается неглупым и даже блестящим решением? И вряд ли

Илэйн додумалась до него в одиночку!

— Это больше, чем просто подарок. — По привычке Моргейз взялась наливать присутствующим чай, и это выглядело весьма странно: Илэйн не помнила, чтобы в прошлом мать наполняла чужие чашки. — Главным препятствием между Илэйн и кайриэнским троном был ее образ завоевательницы.

— И что? — осведомилась Бергитте.

— Поэтому она решила укрепить связь между двумя государствами. — Дайлин приняла из рук Моргейз чашку тремалкинского черного. — Наделяя этих людей андорскими землями, Илэйн показывает, что не станет игнорировать кайриэнскую знать или пускать ее по миру.

— Кроме того, — вступила Моргейз, — теперь она не выбивается из общего ряда. Займи она трон, получила бы и подвластные ему земли — а значит, стала бы единственной, кому принадлежат имения в обоих государствах. Теперь же она будет одной из многих.

— Но это опасно, — повторила Дайлин. — Лорструм согласился не из-за взятки.

— Да ну? — хмуря брови, спросила Бергитте. — Но…

— Она права. — Илэйн глотнула чая. — Он со-

гласился, увидев, что я дала ему шанс заполучить оба трона.

В комнате стало тихо.

— Кровь и пепел, — наконец подала голос Бергитте.

Дайлин кивнула:

— Ты обзавелась врагами, Илэйн, способными низвергнуть тебя. Если с тобой что-то случится, весьма вероятно, что Лорструм или Бертом попытаются завладеть обоими королевствами.

— На это я и рассчитываю, — сказала Илэйн. — Поскольку Добрэйн не вернулся оттуда, куда его отправил Ранд, — где бы оно ни было, — эти двое стали сейчас самыми влиятельными аристократами Кайриэна. Если они деятельно поддержат идею о едином монархе, у нас появится реальный шанс.

— И это случится лишь потому, что они намерены воспользоваться возможностью захватить оба трона! — воскликнула Дайлин.

— Лучше уж самой выбрать врагов, чем гадать, кто есть кто, — ответила Илэйн. — Если уж на то пошло, я осадила конкурентов. Они увидели, на что способны драконы, и, конечно, обзавидовались. Затем я предложила им возможность не только получить доступ к этому оружию, но и

удвоить свое богатство. А кроме того, заронила в каждом зерно надежды, что в один прекрасный день его могут назвать королем.

— Так что они попробуют тебя убить, — угрюмо подытожила Бергитте.

— Не исключено, — согласилась Илэйн. — Или попытаются подорвать мой авторитет. Но это произойдет еще не скоро. Думаю, лет через десять. Нанести удар прямо сейчас означало бы спровоцировать новый межгосударственный раскол. Нет, сперва мои конкуренты окрепнут и насладятся богатством, а как только увидят, что им ничего не грозит — и что я ослабила хватку, — сделают свой ход. К счастью, их всего двое, и я сумею их стравить. А пока что мы обрели двух надежных союзников, готовых возложить на меня еще одну корону. Они охотно проводят меня на Солнечный трон, преследуя собственные интересы.

— Ну а узницы? — спросила Дайлин. — Элениа и остальные? Ты и правда собираешься наделить их какими-то землями?

— Да, — ответила Илэйн. — Вообще-то, мой поступок — само великодушие. Корона примет на себя их долги, и в Кайриэне эти трое смогут начать жизнь с чистого листа — при условии, что

у нас все получится. Нам только на руку, если у андорской знати появятся кайриэнские имения — хотя подозреваю, что придется отдать им некоторые земли из моих владений в Кайриэне.

— В итоге ты будешь окружена врагами, — покачала головой Бергитте.

— Как всегда, — отозвалась Илэйн. — К счастью, у меня есть Страж. Ты ведь присмотришь за мной?

Она улыбнулась Бергитте, но знала, что та чувствует ее нервозность. Час ожидания обещал быть долгим.

Глава 51
Испытание

Мин взяла кристаллический меч, и волоски у нее на шее встали дыбом. Калландор. Еще в детстве Мин слышала рассказы об этом оружии, диковинные сказки о далеком Тире и необычном Мече-Который-Не-Меч. Теперь же она держала этот меч в руках.

Он оказался неожиданно легким. На прозрачном клинке играли отблески светильников. Казалось, он мерцает сам по себе: огоньки перемещались внутри клинка, хотя Мин не шевелилась. Поверхность меча была гладкой, но теплой. Калландор будто жил своей жизнью.

Напротив нее, опустив взор на меч, стоял Ранд. Здесь, в отведенных Ранду и Мин покоях в Твер-

дыне Тира, кроме них, находились Кадсуане, Наришма, Мериса, Наэфф и две Девы.

Ранд протянул руку, коснулся клинка. Мин взглянула на него, и в тот же миг над головой Ранда ожило видение: тускло светится Калландор, зажатый в черном кулаке. Она охнула.

— Что ты видела? — невозмутимо спросил Ранд.

— Калландор в руке. По виду, рука из оникса.

— Что, по-твоему, это означает?

Мин молча покачала головой.

— А теперь уберите его обратно, — сказала Кадсуане. Сегодня она была в зеленом и коричневом, но скромные оттенки оживляло золото украшений у нее в волосах. Она стояла, распрямив спину и сложив руки на груди. — Фу! Обнажать этот меч попросту безрассудно, мальчик!

— Неодобрение принято к сведению. — Ранд забрал са'ангриал у Мин и спрятал его в чехол у себя за спиной. На боку у него снова висел древний меч с красно-золотыми драконами на ножнах. Ранд уже говорил, что считает это изображение символом. Драконы олицетворяли для него прошлое, а Калландор — по некой причине — будущее.

— Ранд! — сказала Мин, взяв его за руку. — Пом-

нишь мое исследование? У Калландора, похоже, имеется изъян, и он куда серьезнее, чем мы предполагали. Видение лишь подтверждает мои слова. Боюсь, этот меч могут обратить против тебя.

— Подозреваю, что так и будет, — сказал Ранд. — Все остальное в этом мире уже использовали против меня. Наришма, попрошу открыть переходные врата. Нас заждались порубежники.

Аша'ман кивнул, звякнув вплетенными в волосы колокольцами, и Ранд повернулся к Наэффу:

— Из Черной Башни по-прежнему никаких весточек?

— Никаких, милорд, — подтвердил рослый Аша'ман.

— Я не сумел Переместиться туда, — сказал Ранд. — А это подразумевает серьезные неприятности. Серьезнее, чем я опасался. Воспользуйся этим плетением. Оно изменит твою внешность. Переместись в какое-нибудь место в дне пути от Черной Башни и отправляйся на разведку, но так, чтобы тебя не узнали. Посмотри, что там происходит. По возможности помоги, а когда найдешь Логайна и верных ему людей, передай от меня послание.

— Какое, милорд?

— Скажи им, что я ошибался, — произнес с отсутствующим видом Ранд. — Скажи, что мы не оружие, а люди. Надеюсь, это поможет. И берегись. Не ровен час, задание окажется опасным. Принеси мне вести. Надо вернуть Черную Башню к привычной жизни, но я запросто могу угодить в ловушку более опасную, чем те, которых доселе избегал. Проблемы… Столько проблем, и все требуют решения. Не могу же я раздвоиться. На этот раз ты, Наэфф, пойдешь вместо меня. Мне нужны сведения.

— Я… Будет исполнено, милорд. — Видимо, Аша'ман мало что понял, но послушно удалился.

Ранд с глубоким вздохом потер культю левой руки:

— Пойдемте.

— Уверен, что не надо взять больше людей? — спросила Мин.

— Да, — ответил он. — Кадсуане, будь готова открыть переходные врата и при необходимости вытащить нас.

— Мы отправляемся в Фар Мэддинг, мальчик, — ответила та. — Ты же не забыл, что в тех краях мы не способны коснуться Источника?

— Но у тебя в прическе я вижу полную паралич-сеть, — улыбнулся Ранд, — а она включает

в себя и Колодезь. Вне всяких сомнений, ты следишь, чтобы он был полон, и этого запаса вполне хватит для создания одних-единственных переходных врат.

— Паралич-сеть? — Лицо Кадсуане стало непроницаемым. — Впервые слышу.

— Кадсуане Седай, — продолжил тихим голосом Ранд, — в твоей сети я вижу несколько незнакомых украшений. Подозреваю, ее изготовили во времена Разлома. Но я был здесь, когда создавались прототипы этих сетей, и сам носил первоначальную модель, предназначенную для мужчин.

В комнате воцарилась тишина.

— Что ж, мальчик, — промолвила наконец Кадсуане, — ты…

— Когда ты отбросишь эту манерность, Кадсуане Седай? — перебил ее Ранд. — Когда перестанешь называть меня мальчиком? Нет, я уже не против, хотя звучит это странно. В тот день, когда я умер в Эпоху легенд, мне было четыреста лет. Полагаю, ты моложе меня по меньшей мере на несколько десятилетий. Я отношусь к тебе со всем уважением. Не уместно ли ответить любезностью на любезность? Если хочешь, называй меня Ранд Седай. Насколько мне известно, я един-

ственный из ныне живущих Айз Седай мужского пола, взращенный должным образом и ни разу не свернувший на путь Тени.

Кадсуане заметно побледнела, и Ранд смягчился. По-доброму улыбаясь, он продолжил:

— Ты, Кадсуане, пожелала вступить в танец с Драконом Возрожденным. Я тот, кем должен быть. Не беспокойся: тебе предстоит встретиться с Отрекшимися, но рядом будет не менее древний союзник. — Теперь он смотрел куда-то в пустоту. — Жаль, что мой почтенный возраст не является признаком большого ума. И еще жаль, что нельзя пожелать, чтобы Темный оставил нас в покое.

Он взял Мин за руку, и вместе они ступили в переходные врата, созданные Наришмой. По другую их сторону, на лесной полянке, ждала небольшая группа Дев, охранявших табунчик лошадей. Мин забралась в седло, отметив, что Кадсуане выглядит на удивление сдержанной. Чего и следовало ожидать. Когда Ранд пускался в подобные рассуждения, Мин сильно тревожилась, хоть и не желала в этом сознаваться.

Они выехали из рощицы и спустились к Фар Мэддингу, впечатляющему городу, располагавшемуся на острове посреди озера. На берегу

выстроилась громадная армия под сотнями знамен.

— Видишь ли, этот город всегда был важным, — сказал Ранд ехавшей рядом Мин, но глядя куда-то вдаль. — Хранители появились не так давно, но сам город очень стар. Арен Дешар, Арен Мадор, Фар Мэддинг… Этот Арен Дешар всегда был занозой в пятке. Инкастарский анклав… Те люди боялись прогресса. Боялись чуда. Выходит, имели на то полное право. Как жаль, что я не послушал Гильгама…

— Ранд? — негромко окликнула его Мин, прерывая вереницу его раздумий.

— Да?

— Те твои слова… Тебе и правда четыреста лет?

— Скорее, чуть меньше четырехсот пятидесяти, если мой возраст в эту эпоху сложить с прежним. — Он взглянул на нее. — Тебя это тревожит, да? Что я — уже не я. Не тот мужчина, которого ты знала? Не тот глупый овечий пастух?

— И все это ты держишь у себя в голове? Все это прошлое?

— Только воспоминания, — ответил Ранд.

— Но ты — это еще и он. Ты говоришь так, будто сам пытался запечатать Скважину. Так, будто

лично знал Отрекшихся.

Какое-то время Ранд ехал молча.

— Пожалуй, я — это он, Мин. Но вот чего ты не понимаешь: допустим, сейчас я — это он, но он *всегда* будет мной. И наоборот. Эти воспоминания не изменят меня — ведь я всегда был один и тот же. Я — это *я*. И навсегда останусь собой.

— Льюс Тэрин сошел с ума.

— В самом конце, — кивнул Ранд. — И да, он допускал ошибки. Как и я, впавший в спесивое отчаяние. Теперь же все иначе. Совсем иначе.

— Но в чем разница?

— На сей раз я лучше воспитан, — улыбнулся он, и она поняла, что тоже улыбается. — Ты же знаешь меня, Мин. Пойми, я уже несколько месяцев как в себе. Чувствую себя больше самим собой, чем Льюсом Тэрином, если это вообще имеет хоть какой-то смысл. И все благодаря Тэму. Благодаря окружающим меня людям. Тебе, Перрину, Найнив, Мэту, Авиенде, Илэйн, Морейн… *Он* из кожи вон лез, чтобы сломить меня. Пожалуй, будь я тем же, кем был давным-давно, у него все получилось бы.

Они выехали на луга, окружавшие Фар Мэддинг. Как и повсюду, здешняя зелень уступила место желто-бурым оттенкам. Чем дальше, тем

становилось хуже.

«Сделай вид, что природа дремлет, — велела себе Мин. — Что она не умерла. Что она переживает зиму». Зиму бурь и войны.

Ехавший позади Наришма сердито прошипел что-то себе под нос. Мин взглянула на него. Лицо Аша'мана окаменело. По всей видимости, они оказались под куполом Хранителя, хотя Ранд не подавал вида, что это так. Его уже не мутило, когда он направлял Силу, и Мин радовалась этому. Или он просто притворялся?

Мин вернулась мыслями к насущным делам. Порубежники так и не объяснили, почему их армии, вопреки обычаям, логике и здравому смыслу, отправились на юг искать Ранда. В этих армиях отчаянно нуждались. Вмешательство Ранда в битву за Марадон позволило спасти город — вернее, то, что от него осталось, — но если то же самое творится по всей границе с Запустением…

Два десятка солдат, подняв копья с трепещущими кроваво-красными вымпелами, перехватили группу Ранда задолго до того, как она успела подъехать к основному войску. Ранд остановился и позволил им приблизиться.

— Ранд ал'Тор! — громко прокричал один из солдат. — Мы, представители Союза Рубежа, яви-

лись, дабы сопроводить тебя.

Ранд кивнул, и процессия продолжила путь — теперь с охраной.

— Они не назвали тебя лордом Драконом, — шепнула Ранду Мин, и тот задумчиво кивнул. Наверное, порубежники не верили, что он и в самом деле Дракон Возрожденный.

— Не задирай здесь нос, Ранд ал'Тор, — предупредила догнавшая их Кадсуане. — Но и не отступай от своего. Большинство порубежников уважает силу.

Наконец-то. Кадсуане назвала Ранда не «мальчиком», а обратилась к нему по имени. Похоже, новая победа. Мин улыбнулась.

— Переходные врата будут наготове, — продолжила Кадсуане уже тише. — Но очень маленькие. Такие, чтобы проползти на четвереньках. Других с помощью Колодезя не открыть. Однако нам они не понадобятся. Эти люди готовы сражаться за тебя и охотно пойдут в бой, если только их не остановит твой бессвязный бубнеж.

— Не все так просто, Кадсуане Седай, — заметил Ранд, понизив голос. — Что-то гонит их на юг, и я пока не знаю, как ответить на этот вызов. Но с благодарностью приму твой совет.

Кадсуане кивнула. Наконец Мин рассмотрела

группу, ожидавшую в авангарде многотысячного войска. Рядами выстроились салдэйцы, с характерно искривленными ногами кавалеристов, шайнарцы с бритыми, не считая хохолка волос на макушке, головами, арафелцы с двумя мечами за спиной и кандорцы, отличавшиеся раздвоенными бородами.

Встречавшие процессию Ранда стояли на земле, без коней. Двое мужчин и две женщины в превосходной, тонкой работы, одежде. По бокам от них располагались Айз Седай, некоторых сопровождала пара-другая слуг.

— Перед нами королева Этениелле, — шепнула Кадсуане. — Женщина строгая, но справедливая. Известна тем, что сует нос в дела южных государств. Подозреваю, что сегодня ей позволят взять на себя ведущую роль. А тот красавчик рядом с ней — Пейтар Начиман, король Арафела.

— Красавчик? — переспросила Мин, разглядывая лысеющего арафелца, который по виду был старше всех. — Вот этот?

— Все зависит от точки зрения, дитя мое, — без промедления ответила Кадсуане. — Когда-то он славился привлекательной внешностью, а мастерским владением мечом известен и по сию пору. Ну а рядом с ним — король Изар Тогита

Шайнарский.

— Такой печальный, — тихо проговорил Ранд. — Кого он потерял?

Мин нахмурилась. Изар не казался ей печальным. Мрачным? Может быть.

— Он порубежник, — сказала Кадсуане. — Всю жизнь дрался с троллоками. Подозреваю, лишился многих дорогих ему людей. Кстати, несколько лет назад погибла его жена. Говорят, у него душа поэта, но человек он суровый. Заслужить его уважение дорогого стоит.

— Значит, последняя — Тенобия, — заключил Ранд, потирая подбородок. — Все-таки жаль, что с нами нет Башира.

Тот утверждал, что его присутствие распалит гнев Тенобии, и Ранд прислушался к голосу рассудка.

— Тенобия, — произнесла Кадсуане, — похожа на лесной пожар. Молодая, дерзкая и безрассудная. Смотри, чтобы она не втянула тебя в спор.

Ранд кивнул:

— Мин?

— Над головой у Тенобии копье, — сказала та. — Окровавленное, но сверкающее на солнце. Над Этениелле я вижу белых голубей — значит, она вот-вот выйдет замуж. Сегодня она намерена

сделать что-то опасное, так что будь осторожен. Вокруг остальных — мечи, щиты и стрелы. Скоро эти двое будут сражаться.

— В Последней битве? — спросил Ранд.

— Не знаю, — призналась Мин. — Может, и здесь. Сегодня.

Эскорт сопроводил их к четырем монархам. Ранд спрыгнул с коня, потрепал Тай'дайшара по шее, и тот всхрапнул. Мин с Наришмой тоже хотели спешиться, но Ранд жестом велел им не делать этого.

— Треклятый болван, — пробурчала Кадсуане так, чтоб ее не услышал никто, кроме Мин. — Сперва просит быть готовой вытащить его, а затем приказывает оставаться на месте?

— Думаю, он хотел, чтобы ты вытащила не его, а меня, — тихо ответила Мин. — Зная его, можно предположить, что он больше тревожится не о себе, а обо мне. — Она помолчала. — Треклятый болван.

Кадсуане покосилась на нее и едва заметно улыбнулась, после чего продолжила наблюдать за Рандом.

Он подошел к четырем монархам, остановился и развел руками, словно спрашивая: «Ну и чего вы от меня хотите?»

Кадсуане оказалась права: главную роль здесь играла Этениелле, пухлая женщина с темными волосами, убранными в конский хвост. Она направилась к Ранду. Ее сопровождал мужчина, несший в руке убранный в ножны меч, рукоять которого была обращена к королеве.

Девы беспокойно задвигались и подступили к Ранду. Как всегда, они сочли, что приказ оставаться на месте к ним не относится.

Этениелле отвесила Ранду пощечину.

Наришма выругался. Девы подняли вуали, закрывая лица, и обнажили копья. Мин, тронув лошадь каблуками, выехала из-за шеренги солдат эскорта.

— Стоять! — вскинул руку Ранд. Он обернулся и взглянул на Дев.

Мин остановила кобылу, похлопав ее по шее, — лошадка, как и ожидалось, была из пугливых. Девы неохотно попятились, но Кадсуане, воспользовавшись случаем, подъехала к Мин.

Ранд снова повернулся к Этениелле и потер лицо:

— Надеюсь, это какое-то традиционное кандорское приветствие, ваше величество.

Она изогнула бровь, затем подала знак, и к Ранду подошел Изар, король Шайнара. Тыльной

стороной ладони он ударил Ранда по губам — с такой силой, что тот пошатнулся.

Выпрямившись, Ранд снова сделал Девам знак оставаться на месте и посмотрел Изару в глаза. По подбородку у Ранда струилась кровь. Какое-то время шайнарец разглядывал его, затем кивнул и вернулся на место.

Затем пришел черед Тенобии. Она ударила Ранда левой ладонью, звучно и хлестко, после чего потрясла рукой, а Мин захлестнула волна его боли.

Последним к Ранду приблизился король Пейтар. Пожилой арафелец с лысиной, обрамленной бахромой волос, шел, заложив руки за спину. Казалось, он глубоко задумался. Остановившись перед Рандом, он вытянул руку и коснулся кровавого пятна у него на щеке. А затем отвесил ему такую оплеуху, что Ранд упал на колени, а изо рта у него полетели кровавые брызги.

— Ранд! — Не выдержав этого зрелища, Мин спрыгнула с лошади, подбежала к нему и помогла встать, не отводя от монархов свирепого взгляда. — Как вы смеете! Он пришел к вам с миром!

— С миром? — переспросил Пейтар. — Нет, юная девушка. Не мир он принес в этот мир. На эти земли он обрушил ужас, хаос и разрушение.

— Как и говорится в пророчествах, — приблизилась к ним Кадсуане. — Вы возлагаете на него груз целой эпохи. Но нельзя нанять человека, дабы тот отремонтировал дом, а затем ворчать, что для работы ему пришлось снести стену.

— Ты хочешь сказать, что он и впрямь Дракон Возрожденный? — промолвила Тенобия, сложив руки на груди. — Мы…

Она осеклась, когда Ранд осторожно обнажил Калландор. Сверкающий клинок покидал ножны с неприятным скрипом. Ранд поднял меч перед собой:

— Что ты скажешь теперь, королева Тенобия, щит Севера и меч Рубежа Запустения, верховная опора Дома Казади? Неужели, глядя на этот меч, ты назовешь меня Лжедраконом?

У Тенобии пропало желание говорить. Стоявший рядом с ней Изар кивнул. Из-за спины у него молча наблюдали за происходящим солдаты с копьями, пиками и щитами — высоко поднятыми то ли для приветствия, то ли перед атакой. Подняв голову, Мин рассмотрела вдалеке, на стенах Фар Мэддинга, множество людей, собравшихся увидеть, как все будет.

— Давайте продолжим, — молвил Изар. — Этениелле?

— Ладно, — отозвалась женщина. — Вот что я скажу тебе, Ранд ал'Тор. Даже если ты действительно Дракон Возрожденный, тебе предстоит за многое ответить.

— Можешь принять в уплату мою шкуру, Этениелле, — тихо произнес Ранд, убирая Калландор обратно в ножны, — но только после того, как со мной закончит Темный.

— Ранд ал'Тор, — сказал Пейтар, — у меня есть к тебе вопрос, и исход этого дня зависит от твоего ответа.

— Что за вопрос? — осведомилась Кадсуане.

— Кадсуане, пожалуйста! — поднял руку Ранд. — Лорд Пейтар, ты знаешь, что я Дракон Возрожденный. По глазам вижу. Неужели твой вопрос необходим?

— Он жизненно важен, лорд ал'Тор, — ответствовал Пейтар. — Мой вопрос привел нас сюда, хотя мои союзники узнали об этом не сразу. Я всегда верил, что ты Дракон Возрожденный, и от этого моя задача становится еще важнее.

Мин сдвинула брови. Стареющий воин держался за рукоять меча — так, словно готовился выхватить его из ножен. Девы насторожились еще больше. Мин вдруг осознала, что Пейтар стоит совсем рядом с Рандом. Слишком близко.

«Он может выхватить меч и в момент срубить Ранду голову, — поняла она. — Он нарочно встал так, чтобы нанести удар».

— Задавай свой вопрос, — сказал Ранд, твердо глядя монарху в глаза.

— Как умерла Теллиндаль Тиррасо?

— Кто? — Мин взглянула на Кадсуане, но та непонимающе покачала головой.

— Откуда тебе известно это имя? — спросил Ранд.

— Отвечай на вопрос. — Изар не отнимал руки от меча. Все его тело напряглось. Солдаты у него за спиной приготовились к бою.

— Она служила писцом, — заговорил Ранд. — В Эпоху легенд. Когда Демандред заявился ко мне после основания Восьмидесяти и Одного… Она погибла во время боя, ее поразило молнией с небес… Ее кровь на моих руках… *Откуда тебе известно это имя?!*

Этениелле взглянула на Изара, затем на Тенобию и, наконец, на Пейтара. Тот кивнул, закрыл глаза и вздохнул, и это был вздох облегчения. И еще он убрал руку с рукояти меча.

— Ранд ал'Тор, — произнесла Этениелле. — Дракон Возрожденный. Прошу, соблаговоли присесть и поговорить с нами. Мы ответим на

твои вопросы.

* * *

— Почему я никогда не слышала об этом так называемом пророчестве? — спросила Кадсуане.

— По своему характеру оно должно было оставаться в секрете, — ответил король Пейтар.

Они расположились на подушках в просторном шатре посреди армии порубежников. Из-за этого окружения Кадсуане чувствовала себя неуютно — у нее будто чесалось между лопатками. Но глупый мальчишка — а он всегда останется глупым мальчишкой, и не важно, сколько ему лет, — был само спокойствие.

Снаружи ждали тринадцать Айз Седай, для которых не нашлось места в шатре. Тринадцать! Но ал'Тор и бровью не повел. Это ж надо — мужчина, способный направлять Силу, сидит рядом с тринадцатью Айз Седай и даже не потеет!

«Он стал другим, — сказала себе Кадсуане, — и тебе надо с этим смириться». Но Ранд все равно нуждался в ней. Такие, как он, становятся чересчур самонадеянными. Несколько мелких успехов, а потом он запутается в собственных ногах и плюхнется в первую попавшуюся лужу.

Но… что сказать, она гордилась Рандом. Без

особой охоты, но гордилась. Чуть-чуть.

— Пророчество дала одна Айз Седай, которая происходила из моей семьи, — продолжил Пейтар, поднося к угловатому лицу небольшую чашку чая. — Мой предок, Рео Миерши, был единственным, кто услышал его. Он приказал хранить эти слова и передавать их от короля к королю — вплоть до нынешнего дня.

— Скажи их мне, — попросил Ранд. — Пожалуйста.

— Вижу его перед тобой! — процитировал Пейтар. — Его, живущего многими жизнями; того, кто сеет смерть, того, кто воздвигает горы. Он сломает то, что должен сломать, но сперва предстанет здесь, перед нашим королем. Ты окровавишь его! Испытаешь его самообладание. И он заговорит! Как была убита павшая? Теллиндаль Тиррасо, погибшая от его руки в той тьме, что наступила через день после света. Ты обязан спросить, и ты обязан узнать свою судьбу. Если он не ответит…

Пейтар умолк, и в шатре стало тихо.

— То что? — спросила Мин.

— Если он не ответит, — сказал Пейтар, — тогда тебе не на что надеяться. Прерви его жизнь, и сделай это быстро, дабы грянула буря последних дней. Дабы Свет не пожрал тот, кто должен был

хранить его. Я вижу его. И я рыдаю.

— Выходит, вы явились убить его, — заключила Кадсуане.

— Не убить, а испытать, — поправила Тенобия. — Так мы решили, когда Пейтар поведал нам о пророчестве.

— Вы хоть понимаете, что были на волосок от гибели? — тихо спросил Ранд. — Если бы мы встретились не сегодня, а раньше, я ответил бы на эти пощечины погибельным огнем.

— Под куполом Хранителя? — высокомерно хмыкнула Тенобия.

— Хранитель блокирует Единую Силу, — прошептал Ранд, — и только ее.

«Что он имеет в виду?» — нахмурилась Кадсуане.

— Мы знали, насколько это рискованно, — с гордостью заявила Этениелле. — Я потребовала права ударить тебя первой. В случае нашей гибели войска имели приказ атаковать.

— Моя семья сотни раз изучала и разбирала текст пророчества, — сказал Пейтар. — Его смысл казался очевиден. Мы должны были подвергнуть Дракона Возрожденного испытанию и убедиться, что с ним можно идти на Последнюю битву.

— Всего лишь месяц назад, — возразил Ранд, —

я не смог бы ответить. У меня еще не было этих воспоминаний. Это был дурацкий ход. Убей вы меня, и все пошло бы прахом.

— Рискованное предприятие, — невозмутимо подтвердил Пейтар. — Быть может, твое место занял бы другой.

— Нет, — ответил Ранд. — Это пророчество такое же, как остальные. Не совет, а констатация того, что будет.

— Я смотрю на него иначе, Ранд ал'Тор, — сказал Пейтар, — и другие согласились со мной.

— Хочу подчеркнуть, — вмешалась Этениелле, — что я отправилась на юг не из-за пророчества. Я пришла узнать, удастся ли мне привнести в этот мир хоть сколько-то смысла. А затем… — Она поморщилась.

— Что? — спросила Кадсуане. Она наконец-то сделала первый глоток чая. На вкус приятный — как всегда, если рядом ал'Тор.

— Бураны, — ответила Тенобия. — Нас остановил снег. И вообще-то, найти тебя оказалось труднее, чем мы предполагали. Переходные врата… Можешь обучить этому плетению наших Айз Седай?

— Обучить могу, но в обмен на клятву, — сказал Ранд. — Вы присягнете Дракону, поскольку я

нуждаюсь в вас.

— Мы суверенные монархи, — сухо произнесла Тенобия. — Я не склонюсь перед тобой с той же готовностью, что мой дядя. Об этом, кстати, нам еще предстоит поговорить.

— Наши клятвы даны тем землям, которые мы защищаем, — добавил Изар.

— Как пожелаете. — Ранд встал. — Однажды я поставил вам ультиматум. К сожалению, неудачно сформулированный, но факт остается фактом: на Последнюю битву вас не выведет никто, кроме меня. Без моего содействия вы останетесь здесь, в сотнях лиг от тех земель, которые поклялись оберегать. — Кивнув каждому по очереди, он помог Мин подняться. — Завтра я встречаюсь с монархами других стран мира. А затем отправлюсь к Шайол Гул и сломаю последние печати на узилище Темного. Счастливо оставаться.

Кадсуане осталась сидеть. Она потягивала чай. У четырех монархов был ошарашенный вид. Что ж… Мальчишка, бесспорно, научился драматизировать ситуацию.

— Погоди! — наконец рявкнул Пейтар, вскакивая на ноги. — Что-что ты собираешься сделать?!

— Разбить печати, лорд Пейтар, — обернулся Ранд. — Как гласит ваше пророчество, «он сло-

мает то, что должен сломать». И вам меня не остановить, ведь в пророчестве говорится, что это будет сделано. Чуть раньше я предотвратил падение Марадона. Он едва не пал, Тенобия. Его стены были разбиты, а твои войска утопали в крови. Мне помогли, и я сумел спасти этот город. Едва успел. Вы нужны своим странам. И поэтому вариантов у вас два: присягните мне или оставайтесь здесь, и вместо вас будут сражаться другие.

Кадсуане сделала глоточек чая. Разговор зашел чуть дальше, чем хотелось бы.

— Останьтесь и обсудите мое предложение, — сказал Ранд. — Ради этого я пожертвую часом моего времени — хотя, пока вы не начали совещаться, нельзя ли послать кое за кем от моего имени? В вашей армии есть человек по имени Хурин. Я хотел бы извиниться перед ним.

Монархи по-прежнему выглядели ошеломленными. Кадсуане встала, чтобы побеседовать с ожидавшими снаружи сестрами: нескольких Айз Седай она знала и намеревалась выяснить, что думают остальные. Какое решение примут порубежники, ее не беспокоило: ал'Тор не оставил им выбора. «Еще одна армия под его знаменем. Не думала, что он сумеет их уговорить».

Еще один день, и все начнется. О Свет… Как же

Кадсуане надеялась, что они готовы.

Глава 52
Башмаки

Илэйн поудобнее устроилась в седле Мерцающей, одной из лучших кобыл в королевской конюшне, родом от великолепных салдэйских скакунов, с белоснежной гривой и такой же шкурой. Богатое кожаное седло украшала бордово-золотистая вышивка. С такими седлами принято показываться на парадных выездах.

Бергитте ехала на Мятежном, рослом мышастом мерине, тоже одном из быстрейших в королевском табуне. Обеих лошадей выбрала Страж — на случай, если надо будет скакать во весь опор.

На груди у нее висела копия медальона с лисьей головой, хотя форма у вещицы была иная: тонкий серебряный диск с изображением розы.

Такой же, завернутый в тряпицу, лежал в кармане у Илэйн.

Сегодня утром она попробовала создать еще один медальон, но тот расплавился и едва не прожег комод под зеркалом. Непросто работать, когда под рукой нет оригинала. Поначалу Илэйн намеревалась снабдить такими медальонами всех гвардейцев своей личной охраны, но эти мечты представлялись все менее реалистичными. Разве что она как-нибудь уломает Мэта еще раз поделиться медальоном.

Конная свита выстроилась вокруг них с Бергитте на Королевской площади. С собой Илэйн взяла лишь сотню гвардейцев — семьдесят пять мужчин и двадцать пять женщин, последние образовали внутреннее кольцо. Крошечное войско, но Илэйн — будь у нее такая возможность — предпочла бы обойтись и без этой сотни. Нельзя допустить, чтобы в королеве Андора видели завоевательницу.

— Не нравится мне все это, — проворчала Бергитте.

— В последнее время тебе вообще ничего не нравится, — заметила Илэйн. — Честное слово, с каждым днем ты становишься все раздражительнее.

— Только потому, что ты с каждым днем ведешь себя все более безрассудно.

— Ой, ну хватит! Сегодняшний выезд — не самое безрассудное из моих предприятий.

— Только потому, Илэйн, что для своего безрассудства у тебя весьма специфическое мерило.

— Все будет хорошо, — сказала Илэйн, посмотрев на юг.

— Почему ты все время туда поглядываешь?

— Там Ранд, — ответила Илэйн, ощущая в своем сознании тот клубок эмоций, от которого волнами вновь исходило тепло. — И он к чему-то готовится. Он озабочен. И в то же время умиротворен. — О Свет! Не человек, а загадка.

Если изначально установленные им сроки не претерпели изменений, то встреча произойдет через день. Эгвейн, конечно же, права: ломать печати — дурацкая затея. Но Ранд образумится.

К ней подъехала Алис в сопровождении трех женщин из Родни — упитанной и по-матерински заботливой Сарасии, темнокожей Кемы, чьи черные волосы были заплетены в три длинные косы, и чопорной моложавой Нашьи в мешковатом платье.

Все четверо заняли места подле Илэйн. Лишь две из них обладали достаточной силой для со-

здания переходных врат — многие женщины из Родни были слабее большинства Айз Седай. Но этого должно быть достаточно, если у Илэйн не получится обнять Истинный Источник.

— Можете как-то защитить ее от лучников? Каким-нибудь плетением? — спросила Бергитте у Алис, и та задумчиво склонила голову к плечу:

— Такое плетение мне известно, но я никогда им не пользовалась.

Другая женщина из Родни сплела перед процессией переходные врата, которые вели на неровную, поросшую бурой травой луговину близ Кайриэна. Там ожидала более внушительная армия кайриэнцев — в кирасах и в типичных для них колоколообразных шлемах. Офицеры выделялись более темной одеждой с цветами Домов, которым они служили. Заметить их не составляло труда — за спиной у них трепетали *кон* — маленькие флажки.

Высокий и узколицый Лорструм верхом на коне возглавлял свое войско, облаченное в темно-зеленую униформу с малиновыми полосами в разрезах. На другом фланге находился Бертом. Армии у них были примерно равные — тысяч по пять каждая. Остальные четыре Дома обладали силами поскромнее.

— Если тебя хотят пленить, — мрачно заметила Бергитте, — ты даешь им прекрасный шанс.

— Нельзя реализовать этот замысел, не подвергнув себя опасности. Если только я не планирую ввести сюда войска и отсиживаться во дворце. А вот такой расклад приведет лишь к восстанию в Кайриэне и грозит провалом в Андоре. — Илэйн взглянула на Стража. — Теперь я королева, Бергитте. Не в твоих силах уберечь меня от всех опасностей — так же, как нельзя гарантировать, что отдельно взятый солдат на поле боя останется цел и невредим.

Бергитте кивнула:

— Значит, держись поближе ко мне и Гэйбону.

Тут на крупном пегом мерине подъехал Гэйбон. Теперь, когда он был слева, а Бергитте — справа (причем оба мерина оказались выше Мерцающей), злоумышленнику будет крайне трудно нанести удар, минуя друзей Илэйн.

И такое положение вещей сохранится до конца ее жизни. Илэйн тронула кобылу каблуками, та прошла через переходные врата, и вся процессия ступила на кайриэнскую землю. Знатные лорды и леди кланялись, не сходя с коней, и на сей раз проявления вежливости были куда демонстративнее, чем когда Илэйн встречалась с этими же

людьми у себя в тронном зале. Представление началось.

За войском, прямо впереди, раскинулся город, чьи стены оставались в черных пятнах от пожаров, вспыхнувших во время сражения с Шайдо. Переходные врата позади андорского отряда исчезли, и Илэйн почувствовала, как напряглась Бергитте. Окружавшие ее женщины из Родни обняли Источник. Алис, сотворив незнакомое плетение, обвила им внутреннее кольцо гвардейцев, и в воздухе над ними закружил легкий, но шустрый ветерок.

Тревога Бергитте оказалась заразной. Илэйн поймала себя на том, что крепко стискивает поводья Мерцающей, пока кобыла шагала вперед. Здешний воздух, в котором витал едва ощутимый запах пыли, оказался суше, чем в Андоре. Небо над головой было затянуто тучами.

Небольшую группу андорцев в красно-белых одеждах окружили кайриэнские солдаты, по большей части пехотинцы, хотя здесь была и тяжелая кавалерия: кони, закованные в сияющие барды, и всадники с поднятыми к небу пиками. Все они выстроились в безупречном порядке, то ли защищая Илэйн, то ли препятствуя ее бегству.

Лорструм на гнедом жеребце приблизился к

внешнему кольцу почетного андорского караула. Гэйбон оглянулся на Илэйн, та кивнула, и гвардейцы пропустили Лорструма.

— В городе нервничают, ваше величество, — сообщил он из-за плеча бдительной Бергитте, державшей своего коня между Илэйн и Лорструмом. — Вашему вступлению на престол сопутствуют… неуместные слухи.

«Которые ты, наверное, сам и распустил, — подумала Илэйн, — прежде чем решил поддержать меня», а вслух сказала:

— Но горожане не пойдут против ваших солдат?

— Надеюсь, что нет. — Лорструм внимательно смотрел на нее из-под козырька оливковой шапочки с плоским верхом. На нем был черный кафтан до колен, по груди которого до самого низа шли полосы цветов, указывающих, к какому Дому он принадлежит. Так одеваются, собираясь на бал. В этом наряде Лорструм лучился самоуверенностью. Его армия не захватывает город; она почетным маршем сопровождает новую королеву. — Вряд ли мы столкнемся с вооруженным сопротивлением. Но я решил, что надо вас предупредить.

Эти слова он сопроводил уважительным кив-

ком. Лорструм знал, что им манипулируют, и принимал правила игры. В последующие годы за ним понадобится глаз да глаз.

Кайриэн был в высшей степени прямоугольным городом, сплошь состоявшим из прямых линий и укрепленных башен, местами красивым, но не шедшим ни в какое сравнение ни с Кэймлином, ни с Тар Валоном. Процессия вступила в столицу через северные ворота, справа от которых протекала река Алгуэнья.

За стенами собралась толпа. Лорструм и остальные потрудились на совесть. Повсюду раздавались приветственные выкрики — должно быть, организованные умело расставленными придворными льстецами. Когда Илэйн вступила в город, возгласы сделались громче. Удивительно. Она ожидала враждебного настроя. Хотя без эксцессов не обошлось: временами из недр толпы вылетал гнилой фрукт или овощ, а по некоторым лицам блуждали глумливые ухмылки. Но в общем и целом народ выглядел довольным.

Проезжая по широкому проспекту, обрамленному зданиями излюбленной кайриэнцами прямоугольной формы, Илэйн понимала, что на самом деле все эти люди ждали подобного события. Говорили о нем, выдумывали разнообразные

истории — порой неприязненные, рисовавшие ее в черном цвете, о них и сообщал Норри. Но теперь Илэйн понимала, что за этими россказнями стояла не враждебность, а тревога. Кайриэн слишком долго жил без монарха, его король погиб от невесть чьих рук, и людям казалось, что лорд Дракон совсем забыл о них.

Илэйн чувствовала себя все увереннее. Кайриэн был израненным городом. Обгорелые развалины того, что было когда-то подступившей к городской стене Слободой. Выбоины в мостовой там, где из нее выворачивали камни, чтобы запустить ими со стены во вражеских солдат… После Айильской войны город так и не оправился, и мрачным свидетельством тому были недостроенные Поднебесные башни, симметричные, но совсем заброшенные, а посему имевшие самый прискорбный вид.

Эта треклятая Игра Домов едва ли не хуже морового поветрия. Сумеет ли Илэйн изменить ситуацию? В приветственных возгласах слышалась надежда. Все понимали, в каком беспросветном тупике оказался народ Кайриэна. Проще отобрать копье у айильца, нежели избавить кайриэнцев от присущей им лукавости, но Илэйн, может статься, донесет до этих людей, что

такое верность стране и трону. Главное, чтобы на троне оказался человек, достойный верности.

Солнечный дворец стоял в самом центре города. Подобно остальным зданиям, он был угловато-прямоугольным, но архитектор умудрился наполнить этот образ впечатляющей силой. Несмотря на разрушенное крыло, где произошло покушение на жизнь Ранда, дворец выглядел величественно.

Здесь, стоя на устланных ковром ступенях или подле богато украшенных карет, ждали другие аристократы: женщины в официальных платьях с фижмами и мужчины в головных уборах и строгих темных кафтанах. Судя по виду, многие были настроены скептически, некоторые откровенно веселились.

Илэйн взглянула на Бергитте и удовлетворенно улыбнулась:

— Сработало! Никто не ожидал, что я приеду во дворец в сопровождении кайриэнской армии.

Бергитте промолчала. Она все еще была напряжена — и, наверное, расслабится лишь после благополучного возвращения в Кэймлин.

У подножия лестницы стояли две женщины — одна красивая, с вплетенными в волосы колокольчиками, а другая кудрявая и лицом

совершенно непохожая на Айз Седай, хотя она не первый год носила этот титул. Ее звали Сашалле Андерли, а вторую — с поистине безвозрастным лицом — Самитзу Тамагова. По донесениям осведомителей Илэйн, в отсутствие Ранда именно этих женщин можно было назвать «правительницами» города. Илэйн переписывалась с обеими и выяснила, что Сашалле тонко понимает образ мышления кайриэнцев. Она готова была передать город в распоряжение Илэйн, но намекнула, что видит разницу между добровольным приглашением и насильственным захватом.

Сашалле выступила вперед и официальным тоном произнесла:

— Ваше величество, да будет известно, что лорд Дракон передает вам все права на эти земли вкупе с официальными браздами правления, тем самым аннулируя должность наместника. Да будет ваше царствование мудрым и мирным.

Не сходя с лошади, Илэйн величественно кивнула, хотя в глубине души кипела от злости. В прошлом она говорила, что не против, если Ранд поможет ей взойти на этот трон, но вовсе не хотела, чтобы ее попрекали этой помощью. Как видно, Сашалле серьезно относилась к своему статусу — который, по сведениям Илэйн, обрела

собственными усилиями.

Илэйн и ее свита спешились. Предполагал ли Ранд, что передать ей трон будет настолько просто? Он довольно долго пробыл в Кайриэне и прекрасно знал, какие тут плетутся интриги. Заявления единственной Айз Седай было бы недостаточно, а вот прямая поддержка со стороны влиятельных аристократов — совсем другое дело.

Процессия поднялась по ступеням и вошла во дворец. Каждый из местных сторонников Илэйн захватил с собой небольшой почетный караул из полусотни солдат, но Илэйн привела всю сотню: пусть во дворце стало тесновато, но оставлять своих людей снаружи она не собиралась.

Внутренние коридоры были прямыми, со сводчатыми арочно-крестовыми потолками и золоченой отделкой. Каждую дверь украшала эмблема Восходящего солнца. Здесь имелись ниши для демонстрации богатств, но многие пустовали: айильцы забрали из дворца пятую часть имущества.

У входа в Большой зал Солнца андорские гвардейцы выстроились вдоль стен коридора. Илэйн сделала глубокий вдох и в сопровождении десяти человек проследовала в тронный зал, где по

бокам тянулись к потолку мраморные колонны с голубыми прожилками, а у дальней стены стоял на голубом мраморном постаменте Солнечный трон.

Он был сработан из позолоченного дерева, но выглядел на удивление непритязательно. Наверное, поэтому Ламан велел изготовить ему другой трон, да не абы какой, а из древесины *Авендоралдеры*. Илэйн приблизилась к постаменту и развернулась лицом к входившим в зал кайриэнским аристократам. Первыми шествовали ее сторонники, за ними — остальные, выстроившись по порядку, продиктованному мудреными правилами Даэсс Дей'мар и имевшему свойство меняться ежедневно, если не ежечасно.

Бергитте пристально рассматривала каждого из входящих, но кайриэнцы вели себя на редкость благопристойно. Никто не проявлял нахальства, подобного тому, что демонстрировала в Андоре Эллориен — отчизнолюбица, изводившая Илэйн беспрестанными разногласиями с короной. В Кайриэне подобное не приветствовалось.

Когда толпа умолкла и подуспокоилась, Илэйн набрала полную грудь воздуха. Прежде она подумывала произнести речь, но из наставлений матери помнила, что один решительный посту-

пок стоит тысячи слов, а посему шагнула к трону с явным намерением усесться на него.

Бергитте схватила ее за руку.

Илэйн вопросительно взглянула на нее, но Страж внимательно обследовала сиденье.

— Секундочку, — сказала она и наклонилась.

Аристократы принялись перешептываться, а Лорструм подступил к Илэйн:

— Ваше величество?

— Бергитте, — залилась краской Илэйн, — это и впрямь необходимо?

Не удостоив ее ответом, Бергитте продолжила ощупывать подушку. О Свет! Ну почему Страж постоянно ставит Илэйн в неловкое положение? Несомненно, это…

— Ага! — воскликнула Бергитте и выдернула из пухлой подушечки какой-то предмет.

Илэйн вздрогнула и придвинулась к Стражу. Лорструм и Бертом сделали то же самое. В руке у Бергитте была крошечная иголка с черным кончиком.

— Ее спрятали в сиденье.

Илэйн побледнела.

— Это единственное место, на котором ты непременно оказалась бы, — добавила полушепотом Бергитте, после чего опустилась на колени

и стала ощупывать трон в поисках новых сюрпризов.

— Я разыщу злоумышленников, ваше величество, — заявил, понизив голос, побагровевший Лорструм. Его тон не предвещал ничего хорошего. — И они узнают, каков я в гневе.

— Если сперва не отведают моей ярости, — подхватил коренастый Бертом, глядя на иголку.

— Очевидно, эта игла предназначалась лорду Дракону, ваше величество, — произнес Лорструм уже громче: так, чтобы слышали все присутствующие. — Никто не рискнул бы покушаться на жизнь нашей возлюбленной сестры из Андора.

— Отрадно слышать. — Илэйн смерила его проницательным взглядом. Эта произнесенная во всеуслышание фраза давала всем понять, что Илэйн готова закрыть глаза на сей казус, дабы Лорструм мог сохранить лицо: ведь попытка убийства в первую очередь бросала тень на сильнейшего союзника королевы Андора.

Но этот подыгрыш обойдется ему недешево. Лорструм понимающе потупился. О Свет! Как же Илэйн ненавидела эту игру! Но участвовать в ней не перестанет. И сыграет лучше остальных.

— Все ли в порядке? — спросила она у Бергитте, и та потерла подбородок:

— Есть лишь один способ убедиться. — С этими словами она бесцеремонно плюхнулась на сиденье трона.

Не веря своим глазам, аристократы в зале зашептались, а лицо Лорструма приобрело меловой оттенок.

— Не очень-то удобно, — заметила Бергитте, поерзав на сиденье и прислонившись к деревянной спинке. — Я ожидала, что на монаршем троне будет побольше набивки. Чтобы нежный зад не разболелся, ну и так далее.

— Бергитте! — прошипела Илэйн, чувствуя, что краснеет. — Как ты могла?! Сесть на Солнечный трон!

— Я же твой телохранитель, — невозмутимо ответила Бергитте. — Имею полное право пробовать королевские кушанья, входить в любые двери впереди тебя и сидеть в этом треклятом кресле. Если сочту, что это поможет защитить тебя. — Она ухмыльнулась и еле слышно добавила: — Всегда было любопытно, каково это, оказаться на троне.

Все еще настороженная, но довольная собой, Бергитте встала, а Илэйн снова повернулась лицом к кайриэнской знати:

— Вы долго этого ждали. Некоторые из вас

недовольны, но помните, что я наполовину кайриэнка, и этот альянс пойдет на пользу обоим государствам. Я требую от вас не доверия, но подчинения. — Помолчав, она добавила: — И не забывайте, что все это происходит по желанию Дракона Возрожденного.

Судя по лицам, смысл ее слов дошел до всех и каждого. Однажды Ранд уже завоевал этот город, хотя поступил так, чтобы освободить Кайриэн от Шайдо. Никому не хотелось, чтобы Дракон вернулся сюда не с миром, но с мечом. Королева пользовалась всеми доступными средствами: она единолично взяла под контроль Андор, но в случае с Кайриэном не станет отказываться от помощи Ранда.

Илэйн опустилась на трон. Простейшее движение, но с далеко идущими последствиями.

— Соберите имеющиеся у вас личные армии и гвардии Домов, — приказала она толпившимся в зале аристократам. — Вместе с андорскими войсками вам предстоит отправиться через переходные врата, ведущие в место, известное под названием Поле Меррилор. Там мы встретимся с Драконом Возрожденным.

Дворяне не скрывали изумления: Илэйн явилась в город, уселась на трон, а теперь отдает

приказ отправить армии в поход? Не многовато ли событий для одного дня? Она улыбнулась. Действовать надо быстро и решительно, чтобы создать прецедент повиновения. Пусть новые подданные начинают готовиться к Последней битве.

— Кроме того, — объявила она, когда присутствующие зашептались, — каждый кайриэнец, способный держать меч, должен быть призван в армию королевы. Времени на обучение немного, но в Последней битве понадобятся все до единого, а поэтому мы примем и женщин, коль скоро те захотят сражаться. И еще: пошлите за городскими литейщиками. Мне необходимо встретиться с ними через час.

— Но, — возразил Бертом, — как же пир по случаю коронации, ваше величество?..

— Пировать будем, когда одержим верх в Последней битве и дети Кайриэна окажутся в безопасности, — отрезала Илэйн. Главное — отвлечь этих людей от интриг, по возможности заняв их работой. — Пошевеливайтесь! Так, словно на пороге Последняя битва, и назавтра грянет бой!

Ведь нельзя исключать, что так оно и будет.

* * *

Прислонившись к сухому дереву, Мэт осматривал свой лагерь, глубоко дышал и блаженно улыбался. Как же хорошо, когда за тобой не гоняются! Он уж и забыл, как это приятно. Приятнее, чем когда на каждом колене сидит по красивой служаночке. Вот оно какое, это чувство… Нет, перебор. Но приятнее, чем одна служаночка на обоих коленях, это уж точно.

По вечерам военный лагерь казался уютнейшим местом на свете, пусть даже он наполовину опустел, поскольку многие отправились в Кайриэн. Солнце уже село, и некоторые из оставшихся солдат улеглись спать, но те, кому досталось завтрашнее послеобеденное дежурство, с отходом ко сну не торопились.

А посему в лагере тлел десяток костров, вокруг которых рассказывали истории о великих деяниях и оставленных подругах или обсуждали слухи из далеких краев. Подрагивали языки пламени, пересмеивались мужчины, сидевшие кто на бревне, кто на камне, а время от времени кто-нибудь ворошил кривой веткой угли, и к небу взмывали крошечные искры, а приятели затягивали «Давайте к нам, девицы» или «Завалились

ивы в полдень».

В Отряде собрались люди десятка разных стран, но лагерь стал их родным домом. Мэт пошел гулять от костра к костру: на голове шляпа, на плече ашандарей, на горле новый шарф, скрывающий шрам, о котором все уже знают, но нет нужды им похваляться, будто это не шрам, а треклятый расписной фургон мастера Люка.

На сей раз Мэт выбрал шарф красного цвета — в память о Тайлин и других павших от рук голама. Хотя поначалу подумывал взять не красный шарф, а розовый. Но совсем недолго.

Он улыбнулся. Песнопения у костров были негромкими, и в лагере царило умиротворяющее благолепие. Нет, не тишина. Тишина — это всегда подозрительно. Мэт терпеть не мог тишину. В тишине он не мог отделаться от мысли, что к нему незаметно подкрадываются. Ну а здесь было спокойно, но не тихо: похрапывали спящие, тянули свои песни бодрствующие, потрескивали дрова в кострах и сухие травы под ногами проходивших мимо патрулей. Мирные звуки, издаваемые жизнелюбивыми людьми.

Мэт вернулся к своему столу, стоявшему возле темной палатки, сел и начал просматривать лежавшую на столешнице стопку бумаг. В палатке

было душно, да и Олвера будить не хотелось.

Парусина палатки шелестела на ветру. Со стороны выбранное Мэтом место для работы и впрямь выглядело как-то странно: на лужайке, поросшей куриными лапками, стоит отличный дубовый стол, рядом стул, а рядом со стулом — кувшин подогретого сидра с пряностями. Бумаги, прижатые к столу разнообразными камнями, освещала единственная мерцающая лампа.

Чем возиться с этой кипой бумажек, Мэт, конечно, предпочел бы сидеть у огня и горланить песню «Танец с Джаком-из-Теней», слова которой, кстати, еле слышно доносились от ближайшего костра.

Бумажки… Что ж, он по собственной воле пошел с Илэйн на сделку, которая подразумевала уйму бумажной работы. И еще инструкции для боевых команд драконов. Отчеты о припасах, докладные об обучении и тому подобная чушь. И пара-тройка шпионских донесений, с которыми Мэт хотел ознакомиться, а посему выпросил их у ее королевского величества. Эти сообщения касались шончан.

Почти все эти новости были для него вчерашними; благодаря переходным вратам, которые ему открыла Верин, Мэт оказался в Кэймлине

куда раньше, чем досюда дошли слухи. Однако Илэйн и сама использовала врата, поэтому кое-какие известия из Иллиана и Тира рассказывали о недавних событиях. Ходили разговоры о новой шончанской императрице. Выходит, Туон действительно короновали — или что там принято делать у шончан, когда на трон усаживается очередной монарх.

При этой мысли он улыбнулся. О Свет! Кто бы что ни думал, эти шончан понятия не имеют, с кем связались! Туон им жару-то задаст, это ясно, как голубое небо. Хотя в последнее время оно все больше серое.

Кроме того, в донесениях указывали на слухи о союзе шончан с Морским народом. Мэт не придал им значения: да, шончан захватили довольно много кораблей Морского народа, но сообщение о союзе не соответствовало действительности. Еще Мэт обнаружил несколько листков с новостями о Ранде, но почти все они были невнятными или не внушали доверия.

Снова разноцветная круговерть, чтоб ей сгореть… Ранд сидел в палатке и толковал с какими-то людьми. Может, он и правда в Арад Домане, но разве может человек находиться в Арад Домане и одновременно с тем сражаться в Порубежье?

В одном из докладов говорилось, что Ранд убил королеву Тайлин. Вот проклятье, какому идиоту пришел в голову подобный бред?

Мэт по-быстрому разобрался с бумагами, имевшими отношение к Ранду. Как же ему надоело гнать из головы это проклятое разноцветье! По крайней мере, на сей раз Ранд был в одежде.

Последняя страничка оказалась весьма любопытной. Громадные стаи волков, что собираются на полянах и просеках и устраивают хоровые завывания? Небо, ночами пылающее красным заревом? Скотина, что выстраивается в поле мордой на север и молча куда-то смотрит? Следы исчадий Тени, целых армий этих тварей, посреди возделанных полей? От всего этого попахивало деревенскими россказнями: одна баба сказала, другая подхватила, и так далее, пока слухи не дошли до соглядатаев Илэйн.

Просмотрев этот лист, Мэт сообразил, что машинально достал из кармана письмо Верин. Конверт истрепался и запачкался, но все еще был запечатан, хотя Мэту так хотелось узнать, что в нем написано, что иной раз он еле сдерживался, чтобы не сломать восковую печать.

— Ну и ну! — раздался женский голос. — Не каждый день увидишь такой беспорядок.

Мэт поднял глаза и увидел, что к нему приближается Сеталль. На ней было коричневое платье, обтягивающее знатный бюст. Хотя Мэт вообще на него не смотрел. Даже мельком.

— Что, нравится моя берлога? — спросил Мэт.

Он отложил конверт, подровнял стопку шпионских донесений и сдвинул ее к сделанным им наброскам новых арбалетов — за основу были взяты те, что купил Талманес. Дунул ветерок, и бумаги едва не разлетелись. Поскольку лишнего камня под рукой не оказалось, Мэт стащил с ноги башмак. Из него получилось неплохое пресс-папье.

— Твоя берлога? — переспросила Сеталль с некоторым изумлением в голосе.

— Ну да. — Мэт почесал затянутую в чулок пятку. — Если нужна аудиенция, сперва договорись с моим дворецким.

— Дворецким?

— Это вон тот пень, — кивнул Мэт в сторону. — Не маленький, а другой, побольше. С замшелой макушкой.

Сеталль изогнула бровь.

— Он прекрасно справляется с этой работой, — добавил Мэт. — Крайне редко пропускает тех, кого я не желаю видеть.

— Любопытное ты создание, Мэтрим Коутон, — сообщила Сеталль, усаживаясь на вышеозначенный пень, и подколотый сбоку подол ее сшитого в эбударском стиле платья открыл взору нижние юбки — с таким сочетанием цветов, что при их виде даже Лудильщик удрал бы без оглядки.

— Тебе чего-то нужно? Что-то конкретное? — спросил Мэт. — Или пришла только ради того, чтобы посидеть на голове у моего дворецкого?

— Слыхала, сегодня ты снова был во дворце. Правду ли говорят, что ты знаком с королевой?

— Илэйн — нормальная девчонка, — пожал плечами Мэт. — Что красавица, так это уж точно.

— Знаешь, когда ты перестал меня шокировать, Мэтрим Коутон? — спросила Сеталль. — Когда я поняла, что ты нарочно выбираешь слова так, чтобы вогнать собеседника в краску.

Неужели?

— Я говорю, что думаю, госпожа Анан. Какая тебе разница, знаком я с королевой или нет?

— Это очередная деталь головоломки под названием Мэтрим Коутон, — ответила Сеталль. — Сегодня я получила письмо от Джолин.

— И чего ей от тебя надо?

— Ничего. Просто известила о благополучном прибытии в Тар Валон.

— Должно быть, ты как-то не так прочла это письмо.

Сеталль пронзила Мэта ледяным взглядом:

— Джолин Седай уважает тебя, Мэтрим Коутон. Она нередко отзывалась о тебе самым благоприятным образом, вспоминая, как ты спас не только ее, но и остальных двоих. В письме она спрашивала, как ты поживаешь.

— Да ну? — оторопел Мэт. — Благоприятным образом? Неужели?

Сеталль кивнула.

— Чтоб мне сгореть! — воскликнул Мэт. — Не ровен час, начну жалеть, что покрасил ей рот в синий цвет. Но если вспомнить, как Джолин со мной обращалась, ни в жизнь не подумаешь, что она обо мне высокого мнения.

— Скажи мужчине льстивое слово, и он возгордится сверх меры. Надо заметить, она относилась к тебе не хуже и не лучше, чем того требовала ситуация.

— Она Айз Седай, — проворчал Мэт, — а потому со всеми обращается так, будто они грязь, которую надобно отскрести от подошвы.

Сеталль бросила на него сердитый взгляд. Держалась она величаво: нечто среднее между почтенной бабушкой, придворной дамой и суро-

вой трактирщицей.

— Прости, — извинился Мэт. — Не все Айз Седай одинаково плохи. Я не хотел тебя оскорбить.

— Сочту это за комплимент, — кивнула Сеталль. — Хоть я и не являюсь Айз Седай.

Мэт пожал плечами и отыскал у ног подходящий камешек, чтобы положить на стопку бумаг вместо башмака. Дожди последних дней стихли, оставив после себя бодрящую свежесть.

— Помнится, ты говорила, что это не больно, — сказал Мэт, — но… Каково это? Потерять то, что ты потеряла?

— Какое у тебя любимое блюдо, мастер Коутон? — поджала губы Сеталль. — Которое ты предпочел бы всем остальным?

— Матушкины сладкие пироги, — без промедления ответил он.

— Хочешь знать, каково это? Представь, что ты привык ежедневно лакомиться любимыми пирогами, но теперь тебя лишили такой возможности. А твои друзья объедаются ими до отвала. Ты им завидуешь, и тебе обидно, но в то же время ты счастлив за других, получающих это удовольствие вместо тебя.

Мэт помолчал, затем медленно кивнул.

— А почему ты ненавидишь Айз Седай, мастер

Коутон? — спросила Сеталль.

— Ненависти к ним я не испытываю, — ответил Мэт. — Чтоб мне сгореть! Никакой ненависти. Но иногда выходит так, что мужчине нельзя заняться двумя делами без вмешательства женщин, а те хотят, чтобы первое дело ты сделал по-ихнему, а про второе напрочь забыл.

— Тебя вовсе не заставляют следовать их советам. Но могу заверить, что зачастую ты найдешь их весьма полезными.

— Иной раз, — снова пожал плечами Мэт, — мужчина предпочитает делать то, что хочет. А не выслушивать, что он занимается чем-то не тем, да и с ним самим не все в порядке. Такие вот дела.

— И это никак не связано с твоим… необычным восприятием знати? В конце концов, почти все Айз Седай ведут себя как знатные дамы.

— Против аристократов я ничего не имею. — Мэт разгладил куртку. — Просто не хочу становиться одним из них.

— Почему же?

На какое-то время Мэт задумался. Действительно, почему? Наконец он взглянул на ногу и натянул башмак обратно:

— А вот почему. Все дело в обувке.

— В обувке? — не поняла Сеталль.

— В ней самой, — утвердительно кивнул Мэт, не отвлекаясь от шнурования. — Все дело в башмаках.

— Но…

— Видишь ли, — Мэт потуже затянул шнурки, — многие не задумываются, какие надеть башмаки. Я про бедняков. Спроси у такого: «Какие сегодня наденешь башмаки, Моп?» — и он за словом в карман не полезет: «Ну, Мэт, поскольку у меня всего одна пара, ее-то я, пожалуй, и надену». — Он помолчал. — Хотя тебе, Сеталль, ответят по-другому, поскольку ты — не я, ну и так далее. Сама понимаешь, никто не станет называть тебя «Мэт».

— Это уж точно, — с улыбкой ответила она.

— Ну а если у кого деньжата водятся, вопрос башмаков стоит острее. Видишь ли, обычный человек вроде меня… — Он покосился на Сеталль. — Имей в виду, я самый обычный человек!

— Ну конечно. Самый обычный.

— Проклятье! Вот именно. — Мэт закончил возиться со шнурками и распрямился. — У обычного человека, как правило, есть три пары обуви. Самые дрянные башмаки сойдут для всякой неприятной работы. Они натирают в паре мест,

и не исключено, что подметки кое-где протерты до дыр, но эти башмаки вполне годятся, чтобы защитить ноги. И случись изгваздать эту пару на полях или в амбаре, ты не сильно расстроишься.

— Ясно, — кивнула Сеталль.

— Далее, вторые по качеству, — продолжил Мэт. — Эти — на каждый день. В них ходят на ужин к соседям. Или, как в моем случае, если на битву идешь. Башмаки отличные, удобные, и ты не прочь надеть их, когда выходишь на люди.

— А самые лучшие? — спросила Сеталль. — Их надевают на праздники, по случаю событий вроде бала или ужина с местными сановниками?

— Балы? Сановники?! Кровь и пепел, женщина! Я-то думал, ты простая хозяйка гостиницы!

Сеталль слегка порозовела.

— Не хожу я ни на какие балы, — сказал Мэт. — Но если б ходил, то во второй хорошей паре. Если она годится, чтобы проведать старушку Хембрю, живущую в соседнем дворе, сойдет и для того, чтобы оттоптать ноги любой дуре, что рискнет со мной вытанцовывать.

— Тогда самые лучшие башмаки тебе зачем?

— Для дальней дороги, — ответил Мэт. — Любому фермеру известно, насколько важны в долгом походе хорошие башмаки.

— Ну хорошо, — задумчиво согласилась Сеталль. — Но какое отношение все это имеет к знати?

— Самое прямое, — заявил Мэт. — Неужто не понятно? Если ты обычный парень, то всегда знаешь, какую надеть обувь. В трех парах разобраться несложно. Да и жить проще, когда у тебя три пары башмаков. Но аристократы… Талманес говорил, что дома у него сорок пар сапог и прочей обуви. Представляешь? Сорок!

Сеталль улыбнулась.

— Сорок! Сорок треклятых пар! — повторил Мэт, качая головой. — И все совершенно разные. По паре под каждый наряд, и еще дюжина всяких разных, которые подходят к половине всей одежды. Сапоги для встреч с королями, с верховными лордами, с обычными людьми, башмаки зимние и летние, для дождя и сухой погоды… Проклятье! Есть обувь, которую надевают только в ванную. Лопин еще сокрушался, что у меня нет особой пары, чтобы ночью в уборную ходить!

— Понятно… То есть башмаки — это метафора, относящаяся к бремени ответственности и грузу принятия решений, возложенному на аристократию, принимающую на себя лидерство в непростых политических и социальных делах?

— Метафора… — Мэт нахмурился. — Кровь и пепел, женщина! Никакая это не метафора! Это просто башмаки!

Сеталль покачала головой и заметила:

— Ты мудрый человек, Мэтрим Коутон, и мудрость твоя весьма нетрадиционна.

— Стараюсь как могу, — отозвался Мэт и потянулся за кувшином с элем. — В смысле, действовать нетрадиционно.

Он наполнил кружку и протянул ее Сеталль. Та любезно приняла ее, пригубила теплый сидр и встала:

— Что ж, мастер Коутон, оставлю тебя наедине со своими развлечениями. Но если появятся новости насчет переходных врат для меня…

— Илэйн сказала, что откроет тебе врата. Уже скоро. Через день-другой. Нам с Томом и Ноэлом надо отлучиться по одному дельцу… Как вернусь, прослежу, чтобы Илэйн сдержала слово.

Сеталль понимающе кивнула: если Мэт не вернется с этого «дельца», ей надо будет присмотреть за Олвером. Она развернулась и ушла, а Мэт, проводив ее взглядом, отхлебнул сидра прямо из кувшина — не впервые за вечер, но Сеталль, наверное, предпочла бы не знать об этом. Женщинам вредно думать о таких вещах.

Он вернулся к донесениям, но вскоре понял, что все мысли крутятся вокруг Башни Генджей с ее треклятыми змеями и лисицами. Замечания Бергитте кое-что проясняли, но не особо вдохновляли. Два месяца? Два треклятых месяца блуждать по тем коридорам? Натуральный котелок с неприятностями, и кипит вовсю, и его вот-вот подадут на полдник! Кроме того, в распоряжении Бергитте были и музыка, и железо, и огонь, так что затея сжульничать и нарушить правила уже не представлялась столь оригинальной идеей.

Но удивлен Мэт не был. Скорее всего, в тот день, когда Свет создал самого первого человека и этот человек придумал самое первое правило, кому-нибудь немедленно захотелось нарушить его. Люди вроде Илэйн устанавливают законы по своему хотению, а люди вроде Мэта изыскивают способы обойти эти дурацкие правила.

К несчастью, Бергитте — одна из легендарных героев Рога Валир — так и не сумела победить Илфин и Элфин, и спокойствия этот факт не добавлял.

Зато у Мэта имелось то, чего не было у Бергитте. Его удача. Он откинулся на спинку стула и глубоко задумался. Проходивший мимо солдат — его

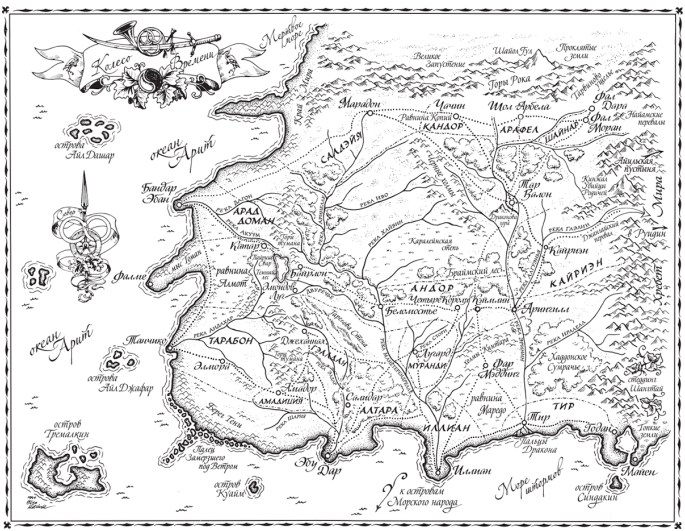
звали Клинток — отсалютовал Мэту; каждые полчаса «краснорукие» проверяли, все ли в порядке у командира. Они еще не забыли того позорного вечера, когда в лагерь пробрался голам.

Мэт снова взял в руки письмо Верин. Прощупал его. Обтрепанные углы, грязные пятна на когда-то белой бумаге. Мэт постучал письмом по столешнице.

И снова бросил его на стол. Нет. Нет, он не вскроет его, не сломает восковую печать. Даже когда вернется. Вот и все. Точка. Он так и не узнает, что написано в этом письме. Да и плевать, что в нем написано.

Мэт встал и ушел искать Тома и Ноэла. Назавтра им предстояло отправиться в Башню Генджей.

Глава 53
Переходные врата



Шагая по деревне Черной Башни в сопровождении Джавиндры и Мазрима Таима, Певара держала язык за зубами.

Повсюду кипела обычная для Черной Башни бурная деятельность. Неподалеку Аша'маны-сол-

даты валили деревья; Аша'маны-посвященные очищали стволы от коры, а затем сосредоточенными потоками Воздуха рассекали их, превращая в доски и бревна. Земли под ногами было не видать из-за опилок, а когда Певара поняла, что сложенные штабелем доски, вероятней всего, нарезаны Аша'манами, по спине у нее пробежал холодок.

О Свет! Она знала, какую увидит картину, но принять все это было куда труднее, чем предполагалось.

— Как видите, — Таим одну руку заложил за спину, сжав пальцы в кулак, а другой указал вдаль, на недостроенную стену из черного камня, — сторожевые башни возведены через каждые пятьдесят футов. На каждой — по два Аша'мана. — Он с довольным видом улыбнулся. — Это место будет неуязвимым.

— Несомненно, — без особого интереса согласилась Джавиндра. — Впечатляющее зрелище. Но вернемся к теме нашего разговора. Нам бы выбрать людей со значком Дракона, а затем…

— Что, опять? — обернулся к ней Таим. В глазах у него горел огонь, у этого Мазрима Таима, рослого черноволосого мужчины с высокими салдэйскими скулами. Он снова улыбнулся — как

умел: нешироко, одними губами, и эта полуулыбка придала его лицу хищный вид. — Я же объяснил, чего хочу. Но вы никак не уйметесь. Нет. Только солдаты и посвященные.

— Как пожелаете, — ответила Джавиндра. — Мы обдумаем ваше предложение.

— Несколько недель прошло, — сказал Таим, — а вы все никак не решитесь? Ну кто я такой, чтобы ставить под вопрос поступки Айз Седай? Мне без разницы, чем вы занимаетесь. Но женщины у моих ворот утверждают, что тоже прибыли из Белой Башни. Хотите, я приглашу их на встречу с вами?

Певара вновь ощутила холодок. Ей всегда казалось, что Таим слишком много знает о внутренних делах Белой Башни. И не скрывает этого.

— Встречаться нет нужды, — холодно произнесла Джавиндра.

— Воля ваша, но пора уже сделать выбор. Теперь, когда ал'Тор позволил связывать моих людей узами, те женщины начинают проявлять нетерпение. И не обрадуются моей медлительности.

— Они мятежницы. Можете не обращать на них внимания.

— Мятежницы, — повторил Таим, — которых

гораздо больше, чем вас. Сколько вас, шестеро? А ведете себя так, будто намерены связать узами всю Черную Башню!

— Почему бы и нет? — спокойно ответила Певара. — Нас никто не ограничивал.

Таим обернулся к ней, и Певара ясно ощутила на себе взгляд волка, прикидывающего, годится ли она на обед, но тут же отогнала это чувство. Она Айз Седай. Не самая легкая добыча. Хотя нельзя не учитывать, что их всего шестеро — в деревне, где живут сотни мужчин, способных направлять Силу.

— Однажды я видел, как на иллианской пристани сдох небесный рыболов, — сказал Таим. — Хотел заглотить сразу две рыбины, да подавился.

— Вы что, не помогли бедной птице? — спросила Джавиндра.

— Любой дурак подавится, отхватив кусок не по зубам, Айз Седай, — ответил Таим. — Но какое мне дело до этого глупца? Тем вечером я превосходно отужинал и птицей, и рыбой. Однако мне пора. Но знайте, что периметр деревни находится под охраной, и вы обязаны известить меня, когда соберетесь покинуть Черную Башню.

— Вы намерены и дальше контролировать, кто приходит и уходит? — спросила Певара.

— Мир становится все опаснее, — уклончиво произнес Таим, — и я должен учитывать интересы моих людей.

Певара уже видела, как он учитывает эти «интересы». Проходя мимо, несколько молодых солдат отсалютовали Таиму — двое в синяках, у одного подбитый глаз. За допущенные в ходе обучения ошибки Аша'манов сурово наказывали, а прибегать к Исцелению не разрешалось.

Но Айз Седай и пальцем никто не трогал: почтение, с которым их приняли, граничило с насмешкой.

Таим кивнул, отошел к двум ожидавшим неподалеку Аша'манам и тут же завел с ними разговор в приглушенном тоне.

— Не нравится мне все это, — заметила Певара, когда мужчины удалились. Наверное, она поторопилась озвучить свои тревоги, но от Черной Башни ей было не по себе. — Здесь попахивает грядущей бедой. Я прихожу к выводу, что надо следовать моему изначальному плану: связать каждой по несколько посвященных и вернуться в Белую Башню. Блокировать деревню не входило в наши задачи. Мы должны были взглянуть на Аша'манов и узнать, на что они способны.

— Этим и занимаемся, — сказала Джавин-

дра. — За последние недели лично я узнала много нового. Ну а ты чем похвастаешься?

Певара решила не реагировать на ее тон, но… Неужели обязательно проявлять такую несговорчивость? Старшей в отряде была Певара, и предполагалось, что другие станут подчиняться ей — хотя не факт, что с большим удовольствием.

— Это была любопытная прогулка, — продолжила Джавиндра, обводя взглядом территорию Башни. — И я более чем уверена, что рано или поздно М'Хаэль позволит нам связать полноранговых Аша'манов.

Певара нахмурилась. Не может быть, чтобы Джавиндра и впрямь так считала — после того, как упрямец Таим дал понять, что твердо стоит на своем. Да, Певара уступила остальным, согласившись провести в Черной Башне побольше времени, чтобы выяснить, как та устроена, и уговорить Таима, чтобы он допустил Айз Седай до более могущественных Аша'манов. Однако было очевидно, что уступать тот не намерен, и Джавиндра не могла этого не понимать.

К несчастью, в последнее время крайне трудно было сообразить, что у нее на уме. Поначалу Джавиндра вроде как выступала против путешествия

в Черную Башню и согласилась на него лишь после приказа Верховной — но в итоге сама пришла к выводу, что здесь надо задержаться.

— Джавиндра, — подступила к ней Певара, — ты же слышала его слова. Теперь мы не сможем уйти без разрешения. Это место превращается в клетку.

— Думаю, нам ничто не грозит, — отмахнулась Джавиндра. — Ему неведомо, что мы умеем создавать переходные врата.

— Это лишь предположение, — возразила Певара.

— Если прикажешь, остальные уйдут. Вне всяких сомнений, — сказала Джавиндра. — Но я намерена остаться, пока есть возможность узнать что-то новое.

Певара глубоко вздохнула. Вот ведь несносная женщина! Она же не зайдет так далеко, чтобы оспорить главенство Певары? Ведь ее назначила руководить ими сама Верховная! О Свет! Какой она стала непредсказуемой, эта Джавиндра!

Не сказав друг другу больше ни слова, они расстались. Певара развернулась и пошла прочь, с трудом сдерживая гнев. Последние слова Джавиндры — все равно что открытое неповиновение! Что ж, если она намерена ослушаться и остаться

здесь, так тому и быть. Остальным пора вернуться в Белую Башню.

Повсюду расхаживали мужчины в черных мундирах. Многие кивали и улыбались, но слишком уж подобострастно. Так улыбаются, чтобы симулировать почтение. За несколько недель Певара так и не привыкла к обществу этих людей. В Черной Башне ей было неуютно, но она все-таки свяжет нескольких Аша'манов узами Стража. Троих. С тремя она справится.

Эти мрачные лица, эти глаза, словно глаза палачей, ожидающих очередного висельника. Эта привычка бормотать себе под нос, шарахаться от каждой тени или задирать голову и очумело смотреть куда-то вдаль… Певара находилась в самом центре безумия, и по коже у нее ползали даже не мурашки, а большие волосатые гусеницы. Она невольно ускорила шаг. «Нет, — говорила она себе, — я не брошу тут Джавиндру, не попытавшись переубедить ее. В последний раз». Певара все объяснит, отдаст приказ уходить, а затем попросит остальных — и в первую очередь Тарну — поговорить с Джавиндрой. Наверняка ее можно урезонить, если действовать сообща.

Она подошла к избушкам, в которых разместили делегацию сестер Красной Айя, намеренно

отводя глаза от приземистых строений, где обосновались связанные узами Айз Седай. Певара слышала, что некоторые из них пытаются контролировать своих Аша'манов, прибегая… к различным способам. И эти слухи тоже леденили сердце. Хотя она считала, что большинство Красных слишком нетерпимо относятся к мужчинам, те Айз Седай в своих попытках переступили все границы. Вернее, перепрыгнули их, не задумываясь о последствиях.

Она вошла к себе в избушку. Сидевшая за столом Тарна сочиняла какое-то письмо. Айз Седай вынуждены были жить по двое, и Певара специально выбрала Тарну себе в соседки: пусть она возглавляет эту группу, но Тарна носила титул хранительницы летописей. Политические же аспекты нынешней экспедиции отличались деликатностью: в ней участвовали влиятельные игроки, так и не пришедшие к единому мнению.

Прошлым вечером Тарна согласилась, что пора уходить, и она обязательно поможет достучаться до Джавиндры.

— Таим заявил, что нельзя свободно покидать Черную Башню и приходить сюда, — ровным голосом сообщила Певара, усевшись на свою койку в тесной овальной комнате. — Теперь,

чтобы уйти из Черной Башни, там потребуется его разрешение. Он сказал об этом мимоходом, словно в его планах остановить не нас, а кого-то другого. Как будто это правило, в котором забыли сделать исключение для каждой из нас.

— Скорее всего, так оно и есть, — сказала Тарна. — Поверь, не стоит акцентировать на этом внимание.

Певара не поверила своим ушам. Что-что?! Она попробовала снова:

— Как ни странно, Джавиндра до сих пор уверена, что Таим передумает и позволит нам связать полноранговых Аша'манов. Пора связать узами посвященных и уходить отсюда, но Джавиндра намекнула, что останется. Против моей воли. Ты должна поговорить с ней.

— Вообще-то, — произнесла Тарна, не отрываясь от письма, — у меня из головы не идет наш вчерашний разговор. Пожалуй, я поторопилась. Здесь есть чему поучиться. К тому же не забывай о лагере мятежниц возле Черной Башни. Если уйдем, они сами свяжут Аша'манов, а такое недопустимо.

Она подняла глаза, и Певара похолодела: во взгляде Тарны появилось что-то новое. Что-то ледяное. Ей всегда недоставало эмоциональности,

но теперь все стало гораздо хуже.

Тарна улыбнулась — эта гримаса вышла крайне неестественной, словно улыбка на губах мертвеца, — после чего вернулась к своему занятию.

«Здесь что-то неладно, — подумала Певара. — Очень-очень неладно».

— Быть может, ты права, — произнесла она против воли. Губы шевелились, но в сознании был полнейший кавардак. — В конце концов, мы здесь по твоему предложению. Я еще подумаю на эту тему. Прошу меня извинить.

Тарна махнула рукой. Этот жест мог означать что угодно. Певара встала с койки — за годы в звании Айз Седай она научилась скрывать тревогу, — вышла из хижины и направилась на восток вдоль недостроенной стены. Да, сторожевые башни и впрямь стояли через одинаковые промежутки, но еще утром они пустовали. Теперь же там находились мужчины, способные направлять Силу, и любой из них мог запросто уничтожить Певару прежде, чем та успела бы понять, что происходит. Мужских плетений она видеть не могла, а данные клятвы не позволяли нанести удар первой.

Она свернула к рощице, где планировалось разбить сад, там села на пенек и отдышалась. Ей

до сих пор было зябко от холода в пустых, почти безжизненных глазах Тарны.

Верховная приказала Певаре не рисковать и открывать переходные врата лишь в самом крайнем случае. Что ж… Как видно, этот крайний случай настал. Она обняла Источник и сотворила нужное плетение.

Едва созданные, пряди мгновенно рассыпались. Врата не появились. Широко раскрыв глаза, Певара сделала еще одну попытку — с тем же результатом. Она испробовала другие плетения, и они сработали, но переходные врата — ни в какую.

Озноб сменился леденящим холодом. Певара оказалась в ловушке.

Как и все остальные.

* * *

Перрин обменялся с Мэтом рукопожатием:

— Доброй удачи, друг.

— Уж надеюсь, что дело сведется к удаче. — Мэт с ухмылкой надвинул на лоб широкополую черную шляпу. — Удача — мой конек!

За плечом у него был пузатый мешок, второй такой же — у пожилого костлявого молчуна, которого, по словам Мэта, звали Ноэл, а третий — у

Тома, рядом с закинутой за спину арфой. Перрин до сих пор не понимал, зачем им столько мешков. Мэт планировал провести в башне пару-тройку дней — и к чему тогда обилие припасов?

Скромной компанией они стояли на площадке для Перемещения близ Перринова лагеря. За спиной у них, собирая пожитки, перекликались люди. Никто и знать не знал, сколь важным может оказаться этот день. Морейн. Морейн жива. «О Свет, хоть бы так оно и было!»

— Уверен, что обойдешься без подмоги? — спросил Перрин. — И мне никак тебя не уломать?

— Извини, — покачал головой Мэт. — Эти существа… в общем, они склонны к скрупулезности. В письме ясно сказано, что войти могут только трое, иначе у нас ничего не получится. А если у нас все равно ничего не получится… Что ж, в таком случае она сама виновата.

— Береги себя, — сдвинул брови Перрин. — А как вернешься, присядем в заведении мастера Дэнезеля, и я угощусь щепоткой табаку из твоего кисета.

— Так и будет. — Том пожал ему руку, постоял, улыбнулся, и в глазах его вспыхнул едва заметный огонек.

— Чего? — не понял Перрин.

Том поправил мешок на плече:

— Я вот думаю: неужто к тому времени, как это закончится, все до последнего мальчишки-фермеры, с которыми я знаком, заделаются аристократами?

— Я тебе не аристократ, — тут же брякнул Мэт.

— Да ну? И это говорит Принц воронов?

— Пусть называют меня как хотят. — Мэт пониже натянул шляпу. — Это не значит, что я один из них.

— Вообще-то… — начал Том, но Мэт перебил его:

— Открывайте-ка врата. Нам пора. И довольно с меня этого вздора.

Перрин взглянул на Грейди и кивнул. Воздух пронзила полоса света, развернувшаяся в портал, через который виднелась широкая река с неспешным течением.

— Ближе не получится, — сказал Перрин. — По крайней мере, без подробного описания нужного места.

— Сойдет. — Мэт просунул голову в переходные врата. — Такие же для возвращения будут открывать?

— Каждый день в полдень, — повторил Грейди приказ Перрина. — На этом самом месте. — Он

улыбнулся. — Смотрите в оба, мастер Коутон. Чтобы, как появятся, пальцы на ногах не отсекло.

— Уж постараюсь, — ответил тот. — Пальцами я дорожу.

Сделав глубокий вдох, Мэт шагнул во врата. За ним последовал молчаливый Ноэл. От него пахло решимостью. Этот старик был куда упрямее и крепче, чем казалось на вид. Качнув вислыми усами, Том кивнул Перрину и прыгнул за товарищами. Проворства ему было не занимать, хотя нога плохо слушалась с тех пор, как Том пару лет назад схватился с Исчезающим.

«Да направит вас Свет», — вознес молитву Перрин и помахал троице, пробиравшейся вдоль берега реки.

Морейн… Надо бы послать весточку Ранду. Снова закружились цвета, явив Ранда: тот беседовал с какими-то порубежниками. Но… нет. Не стоит, пока Перрин не убедится, что Морейн жива. Иначе это жестоко, да и незачем Ранду влезать в Мэтовы дела.

Переходные врата закрылись. Перрин развернулся, сделал шаг и почувствовал легкую пульсацию в ноге — там, куда угодила стрела Губителя. Рану Исцелили — и, судя по всему, полностью, поскольку шрама не осталось. Нога,

однако… Такое чувство, что она все помнила. Не рану, а ее очень слабую, почти незаметную тень.

Подошла Фэйли. На лице у нее читалось любопытство. С ней был Гаул, и Перрин улыбнулся, глядя, как тот озирается на Байн и Чиад — одна несла его копья, другая лук. По всей видимости, чтобы Гаулу не пришлось занимать руки.

— Я пропустила проводы? — спросила Фэйли.

— Как и собиралась, — ответил Перрин.

— Мэтрим Коутон дурно влияет на окружающих, — фыркнула она. — Даже удивительно, что перед уходом он не затащил тебя в какую-нибудь таверну.

Занятно, но перед глазами Перрина возникла цветная круговерть, а затем в видении предстал Мэт — с которым только что расстались: он шагал вдоль реки.

— Не так уж он плох, — заметил Перрин. — Мы готовы?

— Аравин все организовала. Люди собираются. Думаю, в течение часа сможем выступать.

Она не ошиблась. Примерно через полчаса Перрин смотрел, как пространство распарывают гигантские переходные врата, созданные Грейди и Неалдом в связке с Эдаррой и Айз Седай. Никто не спрашивал, почему Перрин решил уйти.

Если Ранд отправляется в место, известное под названием Поле Меррилор, Перрин тоже хотел — вернее, обязан был — оказаться именно там.

Земли по ту сторону переходных врат отличались от южного Андора: местность была более пересеченная, деревьев меньше, больше степных трав. Вдалеке виднелись какие-то развалины. Все открытое пространство занимали палатки нескольких лагерей, над которыми реяли соответствующие флаги. Похоже, тут собралась коалиция Эгвейн.

Рассматривая эту картину, Грейди тихонько присвистнул:

— Сколько ж там народу?!

— Вон Полумесяцы Тира. — Перрин указал на знамя. — А там, на другом краю поля, Иллиан. — Над иллианской армией трепетал зеленый стяг с девятью золотыми пчелами.

— Множество кайриэнских Домов, — продолжила Фэйли, глянув вниз по склону. — Немало айильцев… Но знамен Пограничных земель не замечаю.

— Впервые вижу столько войск в одном месте, — признался Грейди.

«Последняя битва. — Перрин прислушался к тяжелому стуку сердца. — Она и впрямь начи-

нается».

— По-твоему, им хватит сил остановить Ранда? — спросила Фэйли. — Помочь удержать его от разрушения печатей?

— Кому помочь? Нам? — изумился Перрин.

— Ты же сказал Илэйн, что отправишься на Поле Меррилор, — напомнила Фэйли, — чтобы исполнить просьбу Эгвейн.

— О нет, — ответил Перрин. — Я сказал, что буду там. Но не обещал, что займу сторону Эгвейн. Я доверяю Ранду, Фэйли, и, по мне, правильно, что ему нужно сломать печати. Это все равно что ковать меч. Как правило, ты не станешь делать его из обломков старого оружия. Возьмешь новую сталь и выкуешь с нуля. Вместо того чтобы латать старые печати, Ранд предпочтет наложить новые.

— Может быть, — сказала Фэйли, — но это все равно что идти по лезвию бритвы. Столько войск на одном поле! Допустим, кто-то поддержит Ранда, а другие примут сторону Белой Башни…

Если начнется междоусобица, победивших не будет. Что ж, Перрин проследит, чтобы такого не случилось.

Солдаты уже выстроились в походный порядок. Перрин повернулся к ним и прогремел:

— Ранд отправил нас на поиски врагов! Но мы возвращаемся с новыми союзниками! Вперед, на Последнюю битву!

Его услышали только передние ряды, но воины одобрительно зашумели и передали слова предводителя остальным. Илэйн или Ранд произнесли бы более воодушевляющую речь, но Перрин — это Перрин, и он будет действовать по-своему.

— Аравин, — окликнул он дородную амадицийку, — проследи, чтобы никто не ссорился из-за мест под палатки.

— Слушаюсь, лорд Златоокий.

— Для начала будем держаться поодаль от других армий, — повел рукой Перрин. — Пусть Сулин и Гаул выберут место получше. Как обустроимся, передай всем войскам, что не следует вступать в общение с чужаками и тем более бросать на них косые взгляды. И смотри, чтобы люди не разбрелись в южном направлении! Мы уже не в диких краях. Нельзя, чтобы местные фермеры жаловались, что их разоряют.

— Да, милорд, — кивнула Аравин.

Перрин так и не спросил, почему она не присоединилась к одной из групп, отправившихся обратно в Амадицию. Наверное, из-за шончан. Аравин, по всей очевидности, была женщиной

знатного происхождения, но о прошлом не распространялась. Хорошо, что она рядом. В роли старшей по лагерю она стала посредницей между Перрином и различными частями его армии.

Жребий выиграла Волчья стража, поэтому она и возглавила марш через переходные врата. Громадная колонна пришла в движение. Перрин зашагал вдоль строя, раздавая приказы, — по большей части, он повторял, что не хочет проблем с местными жителями или другими армиями. Завидев ожидавших своей очереди белоплащников, он остановился. Берелейн снова ехала бок о бок с Галадом; похоже, оба были увлечены разговором. О Свет! Последние несколько дней эта женщина проводила с Галадом почти все свободное время. Разве что спала отдельно.

Перрин не объединял белоплащников с майенцами, но они каким-то образом объединились сами. Когда их колонна наконец тронулась, то белоплащники, в белых табарах с эмблемами в виде многолучевого солнца, двигались безупречным строем, по четыре в ряд. Глядя на них, Перрин до сих пор чувствовал, как в животе скручивается тревожный узел, но после суда Дети Света доставляли ему на удивление мало забот.

Рядом — Крылатая гвардия Майена: Галленне

чуть позади Берелейн, высоко подняты кавалерийские пики с красными вымпелами, до ослепительного блеска начищены кирасы и шлемы. Гвардейцы будто на парад собрались. Может, так оно и было. Раз уж выходишь на Последнюю битву, отполируй доспехи да воздень копье повыше.

Перрин пошел дальше. За майенцами шествовала армия Аллиандре: впереди Арганда, а за ним — тесный строй тяжелой кавалерии по восемь человек в шеренге. Завидев Перрина, Арганда выкрикнул приказ, после чего все солдаты в извилистой колонне повернулись и отсалютовали Перрину.

Тот ответил им таким же приветственным салютом. Как-то он спрашивал у Аллиандре, правильно ли ему так поступать, и она ответила утвердительно. Сегодня Аллиандре ехала рядом с Аргандой — сидя в седле по-дамски и в облегающем красно-коричневом платье с золотой оторочкой. Не самый подходящий наряд для верховой езды, но верхом она пробудет недолго. Всего-то триста шагов. Или три сотни лиг. Это смотря как считать.

Перрин видел, что солдаты довольны его приветствием, а Аллиандре — его ролью главы

коалиции. Вообще-то, многие в лагере чувствовали то же самое. Должно быть, прежде они понимали, насколько сильно Перрину не хочется быть лидером. Интересно, каким образом? Ведь обычные люди неспособны чуять запах эмоций!

— Лорд Перрин! — Проезжая мимо, Аллиандре качнулась в поклоне, исполнив верхом на лошади нечто вроде эквивалента реверанса. — Где твой конь?

— Мне нравится идти пешком, — ответил Перрин.

— Когда командующий едет верхом, то выглядит более властным и заслуживающим доверия.

— Пусть я и решил возглавить всю эту компанию, Аллиандре, — угрюмо произнес Перрин, — но сделаю это по-своему. И буду ходить пешком, коли мне того захочется.

До переходных врат было всего несколько футов. Для такого расстояния конь ни к чему.

— Разумеется, милорд.

— Когда обустроимся, отправь кого-нибудь в Джеханнах. Пусть посмотрят, может, удастся завербовать новобранцев. И пусть приведут остатки городской стражи. Нам понадобятся все без исключения, и надо как можно лучше подготовить людей, прежде чем начнется сражение.

— Будет сделано, милорд.

— Я уже послал людей в Майен, — продолжил Перрин, — а Тэм набирает новых солдат в Двуречье. Всех, кого можно.

О Свет, как же ему хотелось, чтобы во время всеобщей бури двуреченцы оставались дома, на своих мирных фермах. Но Перрин чувствовал, что конец близок. Не гипотетический, а самый настоящий. Проиграв это сражение, люди проиграют всё. Потеряют весь мир. Более того, проиграют сам Узор. Перед лицом такого будущего Перрин готов был отправить в бой хромоногих дедов, а заодно и мальчишек, едва способных поднять меч. От этой мысли сжималось нутро, но против правды не попрешь.

Продолжая шествие вдоль войска, он отдавал приказы другим отрядам, а за последней группой заметил горстку шедших мимо двуреченцев. Один из них — это был Ази — держал в руках знамя с волчьей головой. Строй замыкал Джори Конгар. Он остановился, помахал остальным троим и трусцой подбежал к Перрину. Что-то не так?

— Лорд Перрин! — Долговязый жилистый Джори вытянулся в полный рост и стал похож на цаплю, стоящую на одной ноге. — Я…

— Что? — спросил Перрин. — Давай выкладывай.

— Я хотел извиниться, — выпалил Джори.

— За что?

— За некоторые свои слова, — потупился Джори. — В смысле, глупости. После того как ты заболел и тебя перенесли в шатер Первой, я… в общем…

— Не переживай, — остановил его Перрин. — Я все понимаю.

Джори поднял голову и улыбнулся:

— Быть здесь, рядом с тобой, — большая честь, лорд Перрин. И большая радость. Мы за тобой хоть в огонь, хоть в воду. Что я, что остальные.

С этими словами Джори приложил руку к груди и потом убежал, а Перрин, почесывая бороду, смотрел ему вслед. Джори был одним из доброй дюжины двуреченцев, в последние дни подходивших к Перрину с извинениями. Похоже, им было совестно за слухи насчет Перрина и Берелейн, хотя никто не говорил об этом напрямую.

Благослови Свет Фэйли за ее старания.

Осмотрев армию, Перрин глубоко вздохнул, после чего вернулся к авангарду колонны и шагнул во врата.

«Поспеши, Ранд, — подумал он, и перед глазами

расцвели разноцветные круги. — Я уже чувствую, как все начинается».

* * *

Справа от Мэта стоял Том, слева — Ноэл, и все трое рассматривали торчавший из-за деревьев шпиль. У ног музыкально журчал ручей, впадавший в Аринелле. За спиной раскинулась травянистая равнина, а чуть дальше протекала сама великая река.

Ходил ли он раньше этим путем? События тех дней сохранились в памяти отдельными фрагментами, но Мэт ясно помнил, как смотрел на башню откуда-то издали. Эти воспоминания не смог стереть даже мрак Шадар Логота.

Башня выглядела созданной из чистого металла, и ее стены из цельной стали поблескивали в редких солнечных лучах, сумевших пробить хмарое небо. У Мэта промеж лопаток будто сосульку воткнули. Те, кто плавал по реке, считали эту башню каким-то реликтом Эпохи легенд: что еще подумать о стальной колонне, вздымающейся над лесом и, по-видимому, никем не населенной? Она такая же неестественная и неуместная, как и те красные перекошенные дверные рамы. Глянешь на них, и в глазах все скособочивается.

Лес здесь казался слишком уж тихим. Единственный шум издавали три пары ног. Ноэл шагал с длинным посохом выше своего роста. Интересно, где старик его раздобыл? На вид посох был гладкий и лоснящийся, словно провел в руках путников больше времени, чем в бытность свою лесным деревом. К тому же Ноэл надел штаны такого темно-синего цвета, что они казались черными, а в пару к ним — рубаху неведомого Мэту необычного покроя — ее плечи оказались куда более плотными и жесткими, чем у любой из тех, фасоны которых были ему известны. Полы куртки чуть-чуть не доходили Ноэлу до колен, сама же она застегивалась до пояса, а ниже пуговиц не было. Короче, очень странная одежка. Но спроси, откуда она взялась, и ответом будет молчание. Старик никогда не отвечал на вопросы о своем прошлом.

Том свой выбор остановил на наряде менестреля, а посему его вид радовал глаз — в отличие от тех дней, когда разгуливал в манерном облачении придворного барда. Сегодня на нем был плащ с нашитыми на него цветными лоскутами и заплатами, простецкая рубаха со шнуровкой на груди и штаны по фигуре, заправленные в сапоги. Когда Мэт спросил насчет выбора одежды, Том

пожал плечами и сказал, что раз уж он намерен встретиться с ней, то лучше, пожалуй, именно в таком наряде.

Под «ней» он имел в виду Морейн. Что же сотворили с ней змеи и лисицы? Прошла уже уйма времени, но Мэт, чтоб ему сгореть, не собирался ждать ни часом дольше. Сам он оделся в зеленое и коричневое — цвета земли и леса, — а на плечи накинул темно-бурый плащ. На плече нес мешок, в руке — ашандарей, к нижнему концу древка которого был приделан новый железный противовес. Поупражнявшись с копьем, Мэт остался вполне доволен.

Этим оружием снабдили его Илфин, и если они рискнут встать между Мэтом и Морейн, то узнают, какие фокусы он научился вытворять с их подарком. Узнают, чтоб ему сгореть.

Трое мужчин подступили к башне. На всей ее поверхности — а башня была высотой футов двести — не наблюдалось ни единого отверстия. Ни окна, ни стыка, ни царапинки. Подняв голову, Мэт окинул взглядом сверкающую громаду на фоне далекого серого неба, и у него закружилась голова. То ли померещилось, то ли башня и впрямь отражает слишком много света?..

Он содрогнулся, потом повернулся к Тому и

коротко кивнул.

Почти без промедления менестрель выхватил из поясных ножен бронзовый нож, шагнул вперед и приставил острие клинка к башне, после чего решительно начертил на ней перевернутый треугольник шириной с ладонь. Металл скрежетнул о металл, но следа на стене не осталось. Свои манипуляции Том закончил, проведя через треугольник волнистую линию. Так принято начинать игру в «Змей и лисиц».

Помолчав какое-то время, Мэт покосился на Тома:

— Ты все правильно сделал?

— Думаю, да, — сказал тот, — но откуда нам знать, что правильно, а что нет? Игру передают из…

И тут он умолк, глядя, как из-за стены проступает полоска света. Мэт отпрыгнул и нацелился в нее копьем. Тусклые линии образовали треугольник — в точности такой же, что начертил Том, а затем сталь в его центре исчезла — мгновенно, словно мотылек крыльями взмахнул.

Ноэл уставился на отверстие размером с ладонь.

— Чуток маловато, чтобы пролезть. — Он подошел ближе и заглянул внутрь. — Там темень,

хоть глаз выколи.

Том бросил взгляд на нож:

— Похоже, этот треугольник — и впрямь самый настоящий вход. Его-то и рисуют, чтобы начать игру. Может, попробовать снова, но побольше размером?

— Пожалуй, — сказал Мэт. — Если только голам не научил тебя протискиваться в дырки размером с кулак.

— А вот грубить незачем, — заметил Том и клинком начертил вокруг первого треугольника второй — достаточно большой, чтобы можно было пройти, — и завершил рисунок волнистой линией.

Мэт насчитал семь ударов сердца, прежде чем проступили белые линии. Металл между ними растаял, открыв треугольный коридор, ведущий в башню. По виду его стены были отлиты из стали.

— Сожги меня Свет… — прошептал Ноэл.

Коридор уходил во тьму. Казалось, солнце чурается заглядывать внутрь. Хотя нельзя исключать, что то был обман зрения, какое-то искажение света.

— Итак, мы начинаем игру, в которой невозможно выиграть, — возвестил Том и убрал нож в ножны.

— Храбрый — осилит, — шептал Ноэл, заглядывая в коридор с мерцающим фонарем в руке, — огонь — ослепит, мотив — очарует, железо — скрепит.

— И Мэтрим Коутон — чтобы шансы проклятые уравнять, — добавил Мэт и ступил в треугольный проем.

Там его тут же ослепил ярко вспыхнувший белый свет. Мэт выругался, зажмурился и выставил перед собой ашандарей, надеясь, что поза выглядит достаточно грозно. Он проморгался, и белое сияние погасло. Мэт стоял в центре просторной комнаты с зависшим за спиной треугольником, обращенная книзу вершина которого смотрела в совершенно черный пол, сплетенный из каких-то волокон — казавшихся где-то металлическими, где-то деревянными.

Стены комнаты тоже были черными, а сама она походила на какой-то перекошенный квадрат. Из отверстий во всех четырех углах, собираясь в тускло светящийся туман, волнами струился белый пар. В каждой из не совсем правильной формы стен было по проему, они вели в четыре разные стороны.

Помещение не было именно квадратным: каждая стена имела несколько иную длину, чем

остальные, а посему все четыре угла отличались друг от друга. Да еще и этот туман! Он так вонял серой, что Мэту захотелось зажать нос и дышать ртом. Стены цвета оникса были не каменными, но из какого-то отблескивающего материала, который сравнить можно было с чешуей гигантской рыбины. Пар, собираясь под потолком, наполнял комнату мягким светом.

«Чтоб мне сгореть!» — мелькнуло в голове у Мэта. Это совсем не то место, в котором он очутился в самый первый раз! Там были извилистые спирали и округлые двери. Да и на второй раз не похоже: куда подевались комнаты в форме звезд и полосы желтого света? Где он вообще находится? И во что вляпался? Мэт занервничал и оглянулся.

Из дверного проема, очумело моргая, вывалился Том. Мэт уронил мешок на пол и схватил менестреля за руку. За ним появился Ноэл. Костлявый старик уверенно держался на ногах, но, как видно, был ослеплен, а потому выставил перед собой фонарь, словно собираясь воспользоваться им в качестве оружия.

Оба щурились, а у Ноэла вдобавок сильно слезились глаза, но в конце концов спутники Мэта пришли в себя и стали озираться. Комната была

пуста, и все четыре уходящих в разные стороны коридора — тоже.

— Ты, Мэт, рассказывал одно, а тут совсем другое, — заметил Том. Его голос отразился от стен еле слышным эхом — искаженным, а потому жутковатым, словно в ответ зашептала сама комната, — и волоски на загривке у Мэта встали дыбом.

— Знаю, — сказал он. — Тут вообще ничего не понятно. Хотя бы в этом легенды не врут. Дай-ка огоньку, Ноэл.

Они с Томом зажгли свои факелы от фонаря. При себе у них имелись чиркалки Алудры, но Мэт решил, что их лучше приберечь. Он отчасти опасался, что в башне зажженные факелы немедленно погаснут, но они горели вполне себе ровным пламенем. Мэт слегка приободрился.

— Так где они? — спросил Том, обходя черную комнату вокруг.

— Когда только вошел, они не показываются. — Мэт поднял факел повыше и стал осматривать стену. Что это за письмена на поверхности, нисколько не похожей на камень? Язык был незнакомый, а надпись такая убористая и мелкая, что Мэт едва ее заметил. — Но смотри в оба. Они могут появиться прямо за спиной. Шустрее, чем

трактирщик, когда услышит звон монет у тебя в кошеле.

Ноэл проинспектировал треугольное отверстие, через которое они проникли внутрь:

— По-вашему, через него мы сможем вернуться?

Отверстие напоминало каменный тер'ангриал, через который Мэт попал сюда в прошлом. Разве что форма у него была другая.

— Надеюсь, — сказал Мэт.

— Может, попробовать?.. — задумался Ноэл.

Мэт кивнул. Разделяться не хотелось, но неплохо бы узнать, можно ли выбраться этим же путем. Ноэл решительно шагнул в треугольник и исчез.

Какое-то время Мэт ждал, затаив дыхание, но старик не возвращался. Что за фокусы? Может, проемы тут устроили, чтобы…

Тут Ноэл выпал из треугольника, и Том, бросив факел на пол, кинулся ему помогать. На сей раз старик очухался быстрее, сморгнул слепоту и объяснил:

— Когда я оказался снаружи, проход закрылся. Чтобы войти, пришлось рисовать новый треугольник.

— По крайней мере, мы знаем, что есть способ удрать, — сказал Том.

«Если только треклятые Илфин или Элфин не передвинут этот треугольник», — подумал Мэт, вспоминая, как в прошлый раз посещение башни закончилось его повешением. Теперь же комнаты и коридоры изменились самым непостижимым образом, полностью отвергая само понятие нормальности.

— Вы только гляньте, — сказал Том.

Мэт, покрепче сжав, опустил копье, а Ноэл в мгновение ока выхватил железный короткий меч. Том указывал на беспокойное пламя факела, лежавшего у отдушины, из которой выползал светящийся белый пар.

Тот петлей огибал пламя — так, словно его сдувал ветерок. Однако никакой ветерок не способен влиять на движение тумана столь неестественным образом. Том подошел к факелу, поднял его, поднес к паровому столбу, и тот отклонился в сторону. Менестрель сунул факел прямо в пар, и столб распался надвое, а чуть выше опять слился в единый поток.

Том взглянул на спутников.

— Меня не спрашивай, — поморщился Мэт. — Я ж говорил, что здесь вообще ничего не понятно. Если не увидим ничего страннее этого пара, я буду не я, а мурандийские усы. Пойдем.

Он выбрал коридор, шагнул в него, и остальные поспешили следом. Пар клубился под потолком, наполняя черное пространство тусклым молочно-белым светом. Пол устилали сцепленные друг с другом треугольные плиты, и Мэт в очередной раз с неприязнью подумал, что они напоминают чешую. Коридор оказался широким и длинным, а выход из него — далеким и темным.

— Только подумайте, — заметил Ноэл, подняв фонарь, — сколько всего спрятано в одной-единственной башне.

— По-моему, мы уже не в башне, — сказал Мэт.

Впереди он увидел прощелину в стене. Что-то вроде окна. Оно тоже имело неестественный вид, поскольку находилось несколько выше, чем обычно.

— Ну а где тогда… — Ноэл умолк, когда они подошли к перекошенному квадрату окна и уставились на причудливый пейзаж. Стало ясно, что коридор находится на одном из верхних ярусов какого-то шпиля, но снаружи, вне всяких сомнений, был не Андор.

Из окна открывался вид на густой полог чрезмерно желтой растительности. Мэт узнал тонкие стволы с понурым дымчатым зонтиком ветвей на макушке, хотя прежде видел их не сверху, а

снизу. Знакомы ему были и папоротникообразные деревья с раскидистыми веерами листьев, хотя теперь на них появились крупные черные-пречерные плоды, такие тяжелые, что листва поникла к земле.

— Помилуй нас Веяльщик, — прошептал Ноэл. Этой фразы Мэт прежде не слышал.

Старик разволновался не без причины; Мэт помнил, как впервые глядел на этот лес, понимая, что за перекошенной дверной рамой оказалось не просто другое место, а совершенно иной мир.

Он глянул в сторону: не видать ли трех шпилей, что он заметил в первый раз? Нет, их тут не оказалось, хотя за следующим окном могла открыться новая картина. Быть может…

Он отвернулся, а затем снова бросил взгляд в окно. Да, слева виднелся шпиль. И тут Мэт все понял: теперь он очутился в одной из башен, замеченных им издали в свое первое посещение.

Сдерживая нервную дрожь, он отошел от окна. Теперь хотя бы ясно, что они попали в то же самое место. Значит ли это, что Илфин и Элфин обитают в одном и том же мире? Хотелось бы надеяться. Морейн упала во вторую из необычных красных дверных рам, а это значило, что она, скорее всего, попала к Илфин — то есть к лисицам.

Они-то и повесили Мэта. Змеи, по крайней мере, всего лишь вышвырнули его из своего царства, не дав полезных ответов. Ясное дело, Мэт затаил на них злобу, но лисицы… Они вообще отказались отвечать на вопросы, вместо того наделив его этими треклятыми воспоминаниями!

Все трое двинули дальше по коридору, и каждый шаг эхом отражался от чешуи на полу. Вскоре Мэту начало казаться, что за ним наблюдают. Знакомое чувство. В прошлые разы было точно так же. Оглянувшись, он заметил едва уловимое движение далеко за спиной и развернулся, готовый отбросить факел и заколоть неприятеля ашандареем, но ничего не увидел.

Остальные двое замерли и стали настороженно озираться. Наконец Мэт, чувствуя себя круглым дураком, зашагал дальше, но это ощущение сгладилось, когда вскоре Том тоже выкинул схожий номер. Он даже метнул нож в затененный участок стены.

Железное оружие звякнуло о неопознанную поверхность, и по коридору раскатился на удивление протяжный и гулкий звон.

— Прошу прощения, — сказал Том.

— Да ладно тебе, — сказал Мэт.

— За нами следят? — тихо спросил Ноэл с едва

заметной ноткой нервозности.

О Свет! Мэту хотелось из кожи вон выпрыгнуть, все бросить и удрать куда подальше. По сравнению с ним Ноэл прямо-таки лучился спокойствием.

— Если уж на то пошло, подозреваю, что да, — ответил Мэт.

Через несколько мгновений они добрались до конца казавшегося слишком длинным коридора и вошли в комнату, ничем не отличавшуюся от первой, если не считать треугольного портала — вернее, его отсутствия. Отсюда во все четыре стороны расходились коридоры, и каждый исчезал в далекой тьме.

Запомнив, откуда пришли, друзья выбрали новое направление. Взоры невидимых глаз впивались им в спину. Все более торопливой походкой троица преодолела следующий коридор и оказалась в новой комнате, совершенно такой же, как предыдущая.

— В таком месте и заплутать несложно. — Развязав свой мешок, Ноэл вооружился угольным карандашом и листом бумаги. Проставил на нем три точки-комнаты и соединил их прямыми линиями-коридорами. — Главное, нарисовать хорошую карту. Уж поверьте, бывает так, что

хорошая карта — это грань между жизнью и смертью.

Мэт обернулся на коридор, из которого они вышли. В глубине души он хотел без оглядки двигаться дальше, а не возвращаться, но прояснить этот момент было попросту необходимо.

— За мной, — сказал он и пустился в обратный путь.

Том и Ноэл переглянулись, но снова поспешили догнать его. Путь в самую первую комнату — ту, где остался треугольный портал, — занял добрых полчаса. Помещение оказалось пустым. По углам вздымались четыре колонны пара — такие же, что и в двух других комнатах.

— Невероятно! — воскликнул Ноэл. — Мы же вернулись в точности той же дорогой! Выход должен быть здесь!

Мэт услышал смех — далекий, почти неслышный, опасный, с недобрым присвистом — и весь заледенел.

— Том, — спросил он, — не слыхал ли ты историю о том, как Бергитте Серебряный Лук побывала в Башне Генджей?

— Бергитте? — поднял взгляд Том. Они с Ноэлом рассматривали пол и, похоже, были уверены, что портал исчез в потайном люке. — Нет, не

припомню.

— А как насчет истории о женщине, два месяца блуждавшей по лабиринту крепостных коридоров?

— Два месяца? — переспросил Том. — Тоже нет. Но существует сказка про Элмиару и Тенеглазых. Эта Элмиара сто дней бродила по лабиринту, пытаясь найти печально известный целительный источник Сунд. Хотела спасти жизнь своего возлюбленного.

Должно быть, они с Мэтом говорили об одном и том же. История не сгинула в веках, но изменилась. Историям это свойственно.

— Элмиара так и не нашла выход?

— Да. Умерла в двух шагах от источника. Тот был за стеной. Умирая от жажды, Элмиара слышала его журчание. — Том беспокойно огляделся, словно не был уверен, что в подобных местах стоит рассказывать такие легенды.

Мэт встревоженно потряс головой. Чтоб ему сгореть! Как же он ненавидел этих лис. Но должен быть способ…

— Ты нарушил уговор, — произнес тихий голос.

Мэт развернулся, а остальные с руганью вскочили, хватаясь за оружие. В проеме за спиной

маячило одно из знакомых Мэту существ. Быть может, то самое, с которым он встречался в прошлый раз: бледная кожа, короткие огненно-рыжие волосы, а по бокам головы — слегка заостренные кверху уши. Существо было высокое, грациозное, с тонкой талией и непропорционально широкими плечами. Грудь его перетягивали крест-накрест светлые кожаные ремни — Мэту по-прежнему не хотелось думать, из чьей кожи они выделаны, — и длинная черная юбка свисала до колен.

Но примечательнее всего было лицо. Неестественно крупные глаза, светлые, лишь с намеком на радужную оболочку. Узкий подбородок и заостренные скулы. Как у лисы. Или у Илфин, хозяев этого мира.

И это существо вышло поиграться с мышами.

— В уговоре такое не значилось, — сказал Мэт, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Проклятье! Мы имеем право приносить сюда все, что душе угодно.

— Опасно это, соваться сюда без уговора, — промурлыкал Илфин. — Для тебя опасно. К счастью, я могу препроводить тебя туда, куда ты желаешь.

— Вот и славно, — сказал Мэт. — Препроводи.

— Оставьте здесь железо, — велел Илфин. — И

музыкальные орудия. И огонь.

— Размечтался, — пробурчал Мэт.

Илфин нарочито медленно опустил и поднял веки, а затем неслышно ступил вперед. Мэт поднял ашандарей, но в движениях Илфин не было прямой угрозы. Он плавно обогнул всех троих и негромко молвил:

— Ну же, разве нельзя поговорить со всей благовоспитанностью? Вы пришли в наш мир на поиски. В наших силах дать вам то, что вы ищете. То, в чем вы нуждаетесь. Почему бы не проявить добрую волю? Оставьте хотя бы свои огненные приспособления, и я обещаю на какое-то время стать вашим проводником.

Этот гипнотический голос успокаивал, обволакивал. И говорил разумные вещи. Действительно, зачем им огонь? Этот туман излучает достаточно света. Он…

— Том, — сказал Мэт, — давай музыку.

— Что? — Менестрель едва заметно дрожал.

— Сыграй что-нибудь. Что угодно.

Том достал флейту, и Илфин прищурился. Том начал играть. Песня была знакомая: «Ветер, который качает иву». Мэт хотел успокоить Илфин и, быть может, усыпить его бдительность. Но похоже, знакомая мелодия помогла развеять облако,

окутавшее его разум.

— В этом нет необходимости. — Илфин прожег Тома свирепым взглядом.

— Напротив, — возразил Мэт. — И мы не оставим здесь треклятый огонь, если только ты не пообещаешь отвести нас в центральный зал и вернуть Морейн.

— На такую сделку я пойти не могу. — Существо продолжало описывать круги, и Мэт поворачивался на месте вслед за ним, чтобы не выпускать из вида и не подставлять ему спину. — У меня нет на то власти.

— Приведи того, у кого есть.

— Невозможно. Послушайте меня. В огне нет необходимости. Оставьте этот ужасный, оскорбительный для нас огонь, и я проделаю с вами половину пути до центрального зала, который зовется Уговорным чертогом. Мы хотим лишь одного: исполнить ваши желания.

Существо явно пыталось убаюкать их снова, но музыка сбила его с нужного ритма. Глядя на Илфин, Мэт начал подпевать в унисон с флейтой Тома. Голос у него был не лучший, но и не самый отвратный. Илфин зевнул, потом присел, устроился у стены, сомкнул веки и через несколько секунд погрузился в сон.

Том опустил флейту. Судя по лицу, он был впечатлен.

— Ловко сработано, — шепнул Ноэл. — Я и не знал, что ты так хорошо владеешь древним наречием.

Мэт опешил. Он даже не понял, на каком языке говорил.

— Я плоховато его помню, — потер подбородок Ноэл, — но многое разобрал. Беда в том, что мы так и не узнали, куда идти. Сумеем ли обойтись без проводника?

Он был прав. Бергитте, блуждавшая тут не один месяц, так и не узнала, что находится в нескольких шагах от цели. Комната, где Мэт встретился с предводителями Илфин… Бергитте говорила, что, если попасть в нее, Илфин не смогут отказаться от сделки. Наверное, то и есть Уговорный чертог, о котором говорил ушастый, теперь мирно спавший у стены.

Бедняжка Морейн. Она прошла через красную дверную раму и должна была оказаться под защитой договора, заключенного Илфин с древними Айз Седай. Каким бы он ни был, этот договор. Но та краснокаменная рама оказалась уничтожена, и обратного пути не стало.

Когда Мэт очутился здесь впервые, он попросил

о возможности уйти, и это была мудрая просьба. Он по-прежнему сердился на Илфин за то, что те не ответили на его вопросы, но теперь понимал, что за ответами нужно обращаться к Элфин. Илфин же выполняли просьбы, хотя выворачивали их по-своему, и брали такую цену, какую хотели. Мэт сдуру попросил заполнить дыры в своей памяти, способ освободиться от Айз Седай и путь наружу из Башни Генджей.

Если Морейн не знала об этом и не обратилась к ним с просьбой о выходе, как это сделал Мэт… или же попросила вывести ее через скособоченную дверную раму, не зная, что она уничтожена…

Мэт просил о выходе, и его просьбу удовлетворили, но каким образом? Этого он вспомнить не мог. Все почернело, а затем он очнулся, болтаясь на веревке, которая была привязана к ашандарею.

Мэт пошарил в кармане и вытащил руку, сжав что-то в кулаке:

— Илфин и Элфин же как-то туда попадают, — прошептал он. — Здесь непременно должен быть правильный путь.

— Ровно один, — сказал Ноэл. — Четыре коридора, за ними еще четыре, и так далее. Наши шансы неизмеримо малы!

— Шансы? — Мэт раскрыл кулак. На ладони у него лежала пара игральных костей. — Мне-то какое дело до шансов?

Остальные двое уставились на сливочно-белые костяные кубики, а затем посмотрели Мэту в глаза, и тот почувствовал прилив удачливости:

— Всего двенадцать очков. По три на каждый коридор. Выкину один, два или три — пойдем прямо. Четыре, пять или шесть — направо, и так далее.

— Но, Мэт, — прошептал Ноэл, покосившись на спящего Илфин, — шансы совсем не равны. К примеру, нельзя выкинуть единицу, а семерка куда вероятнее, чем…

— Ты не понимаешь, Ноэл. — Мэт бросил кости на пол, и они покатились по чешуйчатому полу, клацая, словно зубы. — В моем случае вероятность не имеет значения.

Кости остановились. Одна угодила углом кубика во впадинку меж двух чешуек да так и застыла в столь неустойчивом положении, а вторая легла черной точкой вверх.

— Как тебе такое, Ноэл? — спросил Том. — Похоже, он все-таки способен выкинуть единицу.

— Вот это да, — задумчиво почесал подбородок старик.

Мэт подхватил ашандарей, подобрал кости и уверенно направился вперед. Остальные последовали за ним, оставив спящего Илфин в одиночестве.

В следующей комнате Мэт вновь метнул кости и выбросил девятку.

— Что, теперь назад идти? — помрачнел Том. — Но…

— …именно так мы и поступим, — закончил за него Мэт, развернулся и проследовал обратно. Спящего Илфин в комнате не оказалось.

— Его могли разбудить, — предположил Ноэл.

— Или же это другая комната, — заявил Мэт и снова бросил кости. Еще одна девятка. Он стоял спиной к коридору, из которого только что вышел: в него-то и надо было вернуться. — Илфин и Элфин играют по своим правилам. — Мэт развернулся, нырнул в коридор и добавил на бегу: — И у этого места тоже есть правила.

— Мэт, правила должны иметь смысл, — возразил Ноэл.

— Они должны быть неизменными, — ответил Мэт. — Но вовсе не обязаны укладываться в нашу логику. С чего бы?

Да, для него вполне разумное объяснение. Какое-то время они бежали — коридор оказался

подлиннее остальных, — и в следующей комнате Мэт понял, что тяжело дышит. Он снова метнул кости, уже предполагая, какой увидит результат. Девятка. Назад в первую комнату.

— Слушай, это же глупость какая-то! — выпалил Ноэл, когда они бежали обратно. — Так мы никогда никуда не попадем!

Мэт не ответил и продолжал бежать. Скоро они должны были оказаться снова в первой комнате.

— Мэт, — взмолился Ноэл, — давай хотя бы…

И осекся, когда они ворвались в комнату, поскольку теперь она оказалась совершенно другой: громадной, с белым полом и массивными черными колоннами, тянувшимися к потолку — такому высокому, что он терялся во тьме.

Клубившийся под потолком коридора белый пар скользнул в помещение и устремился в черную высь, словно перевернутый вверх тормашками водопад. Хотя пол и колонны казались стеклянными, Мэт знал, что на ощупь они пористые, словно известняк. Свет в комнате исходил от многочисленных желтых полос, которые тянулись по колоннам вверх между вырезанными в черном стеклокамне каннелюрами.

— Мэт, дружище! — Том хлопнул его по плечу. — Это было безумие. Но действенное!

— Ну а чего ты от меня ждал? — Мэт надвинул шляпу на лоб. — Эту комнату я уже видел. Мы на верном пути. Если Морейн еще жива, ее держат где-то рядом.

Глава 54
Свет мира

Подняв факел, Том осматривал громадные черные колонны, формой напоминавшие звезды, поскольку у каждой имелось по пять выступающих граней, рассеченных тускло светящимися желтыми линиями. Их болезненное свечение придавало менестрелю изнуренно-желтушный вид.

Мэт помнил неприятный запах этого места, затхлый и отдающий плесенью. Теперь же, когда он знал, что искать, в запахе появилась новая нотка: мускусная вонь, характерная для норы какого-нибудь животного. Точнее, для логова хищника.

Из зала выходили пять коридоров, по одному на каждый угол между лучами звезды. Мэт помнил, как пробирался по одному из них, но… вроде бы в прошлый раз выход был только один.

— Интересно, насколько высоки эти колонны. — Том вытянул вверх руку с факелом и всмотрелся во тьму.

Потной ладонью Мэт покрепче сжал ашандарей. Теперь они находились в лисьем логове. Он нащупал медальон. В прошлом Илфин не использовали против него плетения, но они понимают, что такое Сила. Или нет? Понятно, что огиры не умеют направлять. Быть может, и Илфин на подобное не способны.

По углам что-то зашуршало. Тени сдвинулись и переместились. Там, во тьме, прятались Илфин.

— Том, — сказал Мэт, — нам не помешала бы музыка.

Том всмотрелся в тьму. Возражать менестрель не стал; он поднес к губам флейту и заиграл. Громадное помещение наполнилось одинокими звуками новой мелодии.

— Мэт, — позвал Ноэл, стоявший на коленях неподалеку от центра комнаты. — Глянь-ка сюда.

— Знаю, — отозвался Мэт. — На вид стекло, а на

ощупь камень.

— Не в этом дело, — сказал Ноэл. — Здесь что-то есть.

Мэт осторожно приблизился. Не переставая играть, Том присоединился к спутникам. Фонарь Ноэла освещал оплавленный комок шлака на полу — размером с небольшой сундук, тоже черный, чернее пола и колонн, и почти не отражавший свет.

— Что это, по-твоему? — спросил Ноэл. — Может, потайной люк?

— Нет, — ответил Мэт. — Это не люк.

Том и Ноэл вопросительно смотрели на него.

— Это дверь. — Мэт почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. — Та дверная рама из краснокамня. В прошлый раз я шагнул в нее и оказался в комнате вроде этой. Когда она расплавилась на той стороне…

— …то же самое случилось и здесь, — заключил Ноэл.

Под призрачные звуки флейты все трое уставились на погибшую дверь.

— Ну, — сказал Мэт, — мы с самого начала знали, что так выйти не получится. Чтобы вернуть себе свободу, надо заключить сделку. — «И на сей раз я сделаю все, чтобы не повиснуть на трекля-

той веревке».

— Может, нас выведут твои кости? — спросил Ноэл, поднимаясь на ноги.

— Почему бы и нет… — Мэт нащупал их в кармане, но доставать не стал. Вместо этого обернулся и бросил взгляд в глубины зала. Похоже, мелодия угомонила несколько теней, но остальные еще двигались, и воздух напитывала беспокойная энергия.

— Мэт? — окликнул Том.

— Вы знали, что я вернусь, — громко сказал Мэт. Эха не было. О Свет! Какой же он огромный, этот зал! — Знали, что я припрусь в ваши треклятые пределы, да? Знали, что в итоге я окажусь у вас в лапах!

Том нерешительно опустил флейту.

— Покажитесь! — крикнул Мэт. — Я же слышу, как вы дышите и скребетесь по углам!

— Мэт! — сказал Том, положив руку ему на плечо. — Они не могли знать, что ты вернешься. Морейн, та уж точно этого не знала.

— Том, ты когда-нибудь видел, как ведут скотину на убой? — спросил Мэт, глядя во тьму.

Помедлив, менестрель отрицательно покачал головой.

— Каждый делает это по-своему, — сказал

Мэт, — но вот животные всегда понимают: что-то не так. Они чуют кровь. Волнуются. Не хотят идти на бойню. Знаешь, как это исправить?

— Нам сейчас обязательно говорить на эту тему, Мэт?

— А вот как, — продолжил Мэт. — Надо несколько раз провести скотину через бойню, когда там все вычищено и не так сильно пахнет. Показать животным, что оттуда можно выйти. Пусть думают, что на бойне безопасно. — Он взглянул на Тома. — Они знали, что я вернусь. Знали, что переживу то повешение. Они много чего знают, Том. Чтоб мне сгореть, но так оно и есть.

— Мы выберемся, Мэт, — пообещал Том. — Морейн видела, что мы выйдем отсюда.

— Это без вопросов, — твердо кивнул Мэт и выудил из кармана игральные кости. — Проклятье, Том! Они же играют в игру, а я никогда не проигрываю! — А про себя добавил: «Вернее, почти никогда».

— Добро пожаловать, сын битв, — прошептали вдруг за спиной.

Мэт подскочил, разворачиваясь, выругался и обвел помещение взглядом.

— Вон там. — Ноэл указал посохом на фигуру у одной из колонн, частично освещенную жел-

тыми полосами. Еще один Илфин — повыше, с более угловатым лицом. В его оранжевых глазах отражался свет факела.

— Могу отвести вас, куда пожелаете. — Теперь голос был резким и скрипучим. Илфин поднял руку, прикрывая глаза от света факелов. — За плату.

— Музыку, Том!

Менестрель снова заиграл на флейте.

— Один из ваших уже хотел, чтобы мы бросили инструменты. — Мэт выхватил из заплечного мешка очередной факел и зажег его от фонаря в руке у Ноэла. — Ничего не вышло.

Негромко рыча, Илфин отпрянул от нового источника света:

— Ты пришел договариваться, но настраиваешь нас против себя? Мы не заслужили подобного обращения!

— Не заслужили? — Мэт сдвинул шарф, обнажив шрам на горле.

Существо молча попятилось в темноту промеж колонн, и желтые огни теперь едва освещали его чрезвычайно угловатое лицо.

— Зачем ты хочешь говорить с нами, сын битв, — прошептал Илфин из теней, — если не намерен договариваться?

— Никаких договоров, — отрезал Мэт, — пока не попадем в главный зал. В ваш Уговорный чертог.

Бергитте вроде бы говорила, что змей и лисиц можно связать соглашением только там. Впрочем, и сама она тоже полагалась на истории и слухи.

Том продолжал играть, бросая быстрые взгляды по сторонам, чтобы не выпускать тени из виду. Стараясь не выбиваться из ритма, Ноэл принялся постукивать по маленьким тарелкам, заранее привязанным к ногам и закрепленным на штанинах. Тени, однако, не переставали двигаться.

— Твои… успокоительные ухищрения не остановят нас, сын битв, — сказал голос за спиной.

Мэт крутнулся на месте и выставил перед собой ашандарей. Снова Илфин, на границе между тенью и светом. На сей раз женского пола, с гребнем рыжих волос до пояса и перекрестьем кожаных ремней на груди. Красные губы изогнулись в улыбке.

— Мы — скаредные старейшины, воины последнего раскаяния, те, кто знает тайны.

— Гордись, сын битв, — прошипел новый голос, и Мэт снова развернулся. На лбу у него выступила испарина. Женщина исчезла в тенях, но на свет выступил еще один Илфин — с длинным

и хищным бронзовым ножом, по всей длине украшенным узорами из переплетенных роз и с торчащими шипами у самой гарды. — Ты выманил самых искусных из нас. Тебя надо… смаковать.

— Что… — начал было Мэт, но поджарый, опасного вида Илфин отступил и растворился в тени. Слишком быстро. Так, будто его впитала тьма, из которой теперь доносились, накладываясь друг на друга, новые шепчущие голоса. Из теней проступали лица с широко раскрытыми нечеловеческими глазами и улыбками на губах, за которыми скрывались остроконечные зубы.

О Свет! В зале собрались десятки Илфин, и они двигались, перемещались вдоль стен, грациозно выплывали на свет и разом скрывались в тени. Некоторые казались расслабленными, другие напряженными, но всех окружала аура опасности.

— Будешь заключать сделку? — спросил один.

— Ты пришел без договора. Рискованно, — сказал другой.

— Сын битв.

— Самый смак!

— Почувствуйте его страх…

— Пойдем с нами. Оставьте здесь свой мерзкий свет.

— Без сделки не обойтись. Мы подождем.

— Терпения нам не занимать. Мы готовы ждать вечно.

— Вкуснятина!

— Хватит! — заорал Мэт. — Никаких сделок за пределами главного зала!

Стоявший рядом Том опустил флейту:

— По-моему, Мэт, музыка уже не действует.

Мэт коротко кивнул. Пришла пора готовить оружие. Менестрель убрал флейту и достал ножи. Не обращая внимания на шепчущие голоса, Мэт швырнул на пол игральные кости.

Они раскатились в стороны, и тут из тьмы за ближайшей колонной выскользнула еще одна фигура. На четвереньках она рванула к Мэту. Тот выругался и, опустив свое оружие, ткнул Илфин ашандареем, но клинок прошел сквозь него, словно тело существа состояло из одного дыма.

Что это, иллюзия? Обман зрения? Воспользовавшись замешательством Мэта, другое существо сцапало кости и юркнуло назад во тьму. В воздухе что-то сверкнуло. Кинжал Тома нашел цель, вонзившись существу в плечо. На сей раз брызнула темная кровь, и клинок остался в ране.

«Железо!» — подумал Мэт. Обругав себя за глупость, он развернул ашандарей вперед тем

концом, где был железный обод. Он вздрогнул, увидев, как дымится, капая на пол, кровь Илфин. Она превращалась в белый пар — такой же, как в других комнатах, — но теперь в нем угадывались образы перекошенных лиц. Те на мгновение проступали из тумана и заходились в крике, прежде чем исчезнуть.

Чтоб им сгореть! Не время отвлекаться. Мэт потянулся к карману за вторым комплектом игральных костей, но тут из теней вынырнул, пригнувшись, очередной Илфин с явным намерением стащить с него куртку.

Окованным железом древком копья Мэт с размаху двинул по лисьей физиономии. Хрустнула кость, и существо отлетело в сторону, словно вязанка хвороста.

Со всех сторон шипели и порыкивали. Повсюду во мраке мерцали глаза, в которых отражалось пламя факелов. Окутанные тьмой, Илфин подступали, окружая незваных гостей. Мэт ругнулся и шагнул к Илфин, получившему по лицу древком копья, но Том схватил его за рукав:

— Мэт, не лезь туда!

Мэт остановился. Ему показалось, что в зале сильнее запахло зверьем. Повсюду бешено сновали тени, и сердитый шепот перемежался с

визгливо-лающими возгласами.

— Они управляют тьмой, — сказал Ноэл. Готовый к бою, он стоял спиной к Мэту и Тому. — Те желтые огни здесь для того, чтобы отвлечь нас: повсюду хватает укромных уголков и темных участков. Все это — сплошной обман и уловки.

Сердце у Мэта едва из груди не выпрыгивало. Уловки? Нет, это не просто уловки. То, как эти существа шныряют в тенях… В их движениях было что-то неестественное.

— Чтоб им сгореть! — Мэт стряхнул с руки ладонь Тома, но оставался на свету.

— К оружию, господа, — сказал Ноэл.

Мэт бросил взгляд за плечо. Из теней у него за спиной двойной волной выходили Илфин. Первый ряд передвигался на четвереньках, а за ними скользили существа с опасными бронзовыми ножами в руках, и следом из глубины зала накатывала тень, сгущаясь вокруг Мэта и его отряда. Еще быстрее заколотилось сердце…

Глаза Илфин сверкали. Те, что на четвереньках, устремились вперед. Мэт замахнулся было ашандареем, но враги рассыпались по сторонам в отвлекающем маневре.

«Сзади!» — смекнул Мэт. Из темноты за спиной выскочила еще одна группа Илфин.

Он развернулся, вскинул ашандарей, но существа отпрянули, прежде чем Мэт успел нанести удар. О Свет! Они были повсюду вокруг, выныривали из тьмы, приближались на опасное расстояние и тут же отступали.

Том выхватил пару кинжалов и приготовился метнуть их во врагов. Ноэл, державший на изготовку короткий меч, отмахивался от Илфин факелом. Окованный посох лежал у его ног. В воздухе мелькнул один из ножей менестреля, но прошел мимо цели и сгинул во тьме.

— Не тронь ножи, Том! — крикнул Мэт. — Эти треклятые козлиные выродки хотят, чтобы ты растратил оружие впустую!

— Они наседают, — прорычал Ноэл. — Рано или поздно нас сомнут. Нужно уходить!

— В какую сторону? — напряженным тоном спросил Том. Он выругался, когда из теней появились двое Илфин, вооруженных копьями с бронзовыми наконечниками. Оба метнулись вперед, вынуждая Мэта, Тома и Ноэла отступить.

Бросать кости было некогда. К тому же их все равно стащат лисицы. Рванув завязки мешка, Мэт выудил из него ночной цветок:

— Как только взорвется, я закрою глаза и покручусь на месте.

— Чего-чего? — не понял Том.

— В прошлом это сработало! — Мэт запалил ночной цветок, швырнул его подальше во тьму и досчитал до пяти, после чего зал содрогнулся от грохота. Все трое зажмурились, но разноцветная вспышка оказалась столь яркой, что ее было видно даже сквозь веки.

Илфин завизжали от боли, и Мэт отчетливо услышал звон брошенного оружия: вне всяких сомнений, руки существ взметнулись к глазам.

— Двинули! — воскликнул Мэт, крутанувшись на месте.

— Это растреклятое безумие, — выдохнул Том.

Мэт продолжал кружиться, стараясь что-то почувствовать. Ну, удача, не подведи…

— Туда! — выкрикнул он, ткнув пальцем наобум.

И открыл глаза как раз вовремя, чтобы успеть перепрыгнуть через темную фигуру Илфин, припавшего к полу. Том и Ноэл бросились следом. Мэт вел их прямиком в темноту. Он бежал вперед, и фигуры друзей стали едва различимы. Мэт уже не видел ничего, кроме тех желтых линий.

«Ох, кровь и пепел, — подумал он. — Если удача отвернется от меня…»

Но тут все трое вырвались в пятигранный

коридор, и тьма отступила. Этого коридора не было видно из зала с колоннами, но вот он — тут как тут.

— Мэт, шерстеголовый ты пастух! — заорал Том. — Вот за это я позволю тебе сыграть на своей арфе!

— Сдалась мне твоя треклятая арфа, — пробурчал Мэт, оглянувшись через плечо. — Но как выберемся, можешь угостить меня кружкой-другой.

Из темной комнаты доносились визгливые крики и скулеж. Одной неожиданностью меньше: теперь Илфин известно о ночных цветках. «Ты была права, Бергитте, — подумал Мэт. — Должно быть, несколько раз миновала нужный коридор, так и не узнав, что он лишь в нескольких футах от тебя».

Если подсовывают карту, не вздумай ее брать. Как же Мэт умудрился забыть об этом древнейшем законе мироздания? Они торопливо шагали по коридору, проходя мимо пятиугольных дверных проемов, ведущих в громадные, имеющие форму звезды пещеры. Том и Ноэл заглядывали в каждую, но Мэт не останавливался. Прямо вперед: ведь именно туда его направила удача.

С прошлого раза здесь что-то изменилось. На

полу не было пыли — и, следовательно, подошвы не оставляли в ней отпечатков. Может, в тот раз Илфин знали, что он придет, и припорошили пол, чтобы сбить гостя с толку? Или же сделали уборку, ожидая новых посетителей? Неизвестно, как устроена жизнь в подобном мире…

Прежде этот путь был долгим. Или коротким? Время здесь вело себя непредсказуемо. Казалось, они бегут уже много часов — но по ощущениям прошли какие-то мгновения.

А затем перед ними возник дверной проем — молниеносно, будто атакующая гадюка, ведь мигом раньше никакой двери тут не было. Проем обрамляла деревянная рама, украшенная искусной резьбой: бессмысленным узором из переплетенных лоз, наползающих друг на друга самым невероятным образом.

Все трое остановились.

— Зеркала, — сказал Ноэл. — Я уже видел, как предметы скрывают с помощью зеркал. — Хотя говорил он без особой уверенности. Где, спрашивается, спрятать зеркала, если вокруг совершенно прямой, чтоб его, туннель?!

Они оказались в нужном месте; Мэт чувствовал это по запаху. Здесь сильнее всего разило Илфин. Он решительно выпятил подбородок и шагнул

через порог.

Этот зал нисколько не изменился, оставшись таким, каким он его помнил. Никаких колонн, звездообразная форма, восемь углов и только одна дверь. По стыкам стен вверх тянулись те светящиеся желтые полосы, а внутри стояли восемь пустых пьедесталов, черных и зловещих. По одному на каждый угол.

Все в точности то же самое. Разве что теперь в центре зала парила женщина.

Она была обнажена, если не считать тончайшего белого тумана, что окутывал ее струящимся мерцающим полотном, скрывая, но не пряча округлости и изгибы ее фигуры. Глаза женщины были сомкнуты, а темные волосы — кудрявые, но больше не уложенные идеальными локонами — развевались так, словно из-под пола сквозил ветерок. Руки ее покоились на животе, на левом запястье — странный браслет, по виду выточенный из потемневшей от времени поделочной кости.

Морейн.

Мэта захлестнуло волной эмоций — беспокойство, отчаяние, тревога, благоговение… Ведь все, что творилось теперь в мире, завертелось с подачи Морейн. Временами Мэт ненавидел ее. А еще

он был обязан ей жизнью. Морейн первой сунула нос в его дела и стала подталкивать то в одну сторону, то в другую, но… И все же, оглядываясь на прошлое, Мэт понимал, что эта Айз Седай была самой честной из всех, кто использовал его в своих интересах. Безжалостной и несгибаемой, а еще самоотверженной и бескорыстной.

Она целиком посвятила себя защите троих глупых мальчишек, знать не знавших, чего потребует от них весь мир. Она намеревалась доставить их в безопасное место. И быть может, научить кое-чему, захотят они того или нет.

Потому что они нуждались в этой науке.

О Свет! Теперь Мэт ясно понимал мотивы ее поступков. От этого он не меньше сердился на Морейн, но к гневу примешивалась искренняя благодарность. Чтоб ей сгореть! Целый вихрь эмоций. Эти треклятые лисы… Как они посмели держать Морейн в таком состоянии? Она хотя бы жива?

Остальные замерли, разглядывая Морейн. Ноэл — с самым серьезным видом, а Том просто не верил своим глазам. Поэтому Мэт шагнул вперед, собираясь освободить ее, но, едва его пальцы коснулись тумана, все тело пронзила жгучая боль. Он вскрикнул, отпрянул и потряс рукой:

— Проклятье, горячо! Этот туман…

И он осекся, когда вперед выступил менестрель.

— Том… — предостерегающе сказал Мэт.

— Плевать, — отозвался тот, подошел к туману и протянул руки. От одежды повалил пар, из глаз брызнули слезы, но Том, не дрогнув, обхватил Морейн и вызволил ее из туманного облака. Она обмякла у него на руках, но в стареющих мускулах хватало сил, да и вес Морейн был, наверное, невелик, поскольку она заметно отощала.

О Свет! Мэт и забыл, какая она миниатюрная, ниже его на целую голову! Том опустился на колени, скинул с плеч менестрельский плащ и укутал Морейн, чьи глаза оставались закрыты.

— Она… — начал Ноэл.

— Жива, — тихо сказал Том. — Чувствую, как сердце бьется. — Он снял с ее руки браслет в форме согнутого в обратную дугу человека в странном облачении. Запястья человека были привязаны к лодыжкам. — Похоже на какой-то тер'ангриал. — Том сунул браслет в карман. — Я…

— Это ангриал, — объявил новый голос, — своей мощью почти не уступающий са'ангриалу. И он может пойти в довесок к этой женщине, коль скоро вы согласитесь заплатить за нее.

Мэт развернулся. На пьедесталах теперь появились Илфин: четверо мужчин, четыре женщины. Все восемь носили не черное, а белое: мужчины в белых юбках с ремнями на груди, женщины в белых блузах, сшитых из того же бледного материала, наводящего на неприятные мысли о человеческой коже.

— Следите за языком, — велел Мэт Тому и Ноэлу, стараясь обуздать волнение. — Брякнете что-нибудь не то, и вас подвесят на веревке, а потом скажут, что вы сами того хотели. Ничего у них не просите.

Никто не произнес ни слова. Том прижимал к себе Морейн. Ноэл, закинув мешок за спину, настороженно поднял факел и посох.

— Мы в главном зале, — продолжил Мэт, обращаясь к Илфин. — Он называется Уговорным чертогом. Вы обязаны исполнить заключенные здесь договоренности.

— Условия сделки уже определены, — заявил один из Илфин и улыбнулся, демонстрируя острые зубы.

Другой Илфин подался вперед и сильно потянул носом воздух, будто что-то почуял или… высосал это «что-то» из Мэта и остальных. Бергитте говорила, что здешние обитатели питаются

человеческими эмоциями.

— Что за сделка? — осведомился Мэт, обводя глазами пьедесталы. — Чтоб вам сгореть, что за сделка?!

— Надо уплатить цену, — ответил один.

— И соблюсти условия, — подхватил другой.

— И принести жертву. — Это добавила одна из женщин. Она улыбалась шире остальных. И зубы у нее тоже были острыми.

— Я хочу, чтобы обратный путь был частью сделки, — сказал Мэт. — И чтобы вел он туда же, откуда мы пришли. И я, проклятье, еще не закончил обсуждать условия, так что не думайте, что это единственная моя просьба, чтоб вам сгореть!

— Путь откроют, — кивнул один из восьмерых, а остальные, подавшись вперед, принюхались. Они чуяли отчаяние. У нескольких Илфин был недовольный вид. «Не ожидали, что мы доберемся досюда, — догадался Мэт. — И не хотят нас упустить. Им не по душе подобный риск».

— Хочу, чтобы выход оставался открытым, пока мы не выберемся отсюда, — продолжил он. — Чтобы никаких помех или уловок. Чтобы он, проклятье, не исчез у нас на глазах. И путь к нему должен быть прямым. Никаких меняющихся комнат. Один прямой коридор. И вы, треклятые

лисы, не сможете лишить нас сознания, или жизни, или еще чего.

Такое им не понравилось. Мэт заметил, как некоторые сдвинули брови. Хорошо. Пусть знают, что разговаривают не с ребенком.

— Мы забираем ее и уходим, — заключил он.

— Эти требования дорого стоят, — заявил один из Илфин. — Чем ты расплатишься за запрошенное?

— Цена уже известна, — прошептал другой из-за спины.

Так оно и было. Каким-то образом Мэт знал об этом. В глубине души. С тех пор, как впервые прочитал письмо Морейн. Случилось бы все это, не поговори он с Элфин в тот самый первый раз? Скорее всего, Мэт расстался бы с жизнью. Они были обязаны говорить правду.

Его предупреждали, что за все придется платить. За жизнь. За Морейн. И он заплатит эту цену. В тот момент он понял, что заплатит. А если нет, то в итоге цена окажется непомерной. Не только для Тома или Морейн, и не только для самого Мэта. Судя по тому, что он знал, от этого момента зависела судьба всего мира.

«Чтоб мне, дураку, сгореть, — сказал себе Мэт. — Может, я и вправду герой».

А это самое главное — верно?

— Я заплачу, — объявил Мэт. — Половиной света мира. — «Чтобы спасти этот мир».

— Сделано! — провозгласил один из Илфин мужского пола.

Восемь существ спрыгнули с пьедесталов — все как один — и обступили Мэта тесным кругом. Они приближались, словно затягивая петлю, — быстрые, гибкие, хищные.

— Мэт! — крикнул Том. Одной рукой он держал бесчувственную Морейн, а другой тянулся к ножам.

— Так надо. — Мэт жестом остановил Тома с Ноэлом и отошел на несколько шагов от друзей.

Илфин миновали их обоих, не удостоив и взглядом. В желтом свете поблескивали на ремнях существ мужского пола золотые заклепки. Все восемь лисиц улыбались до ушей.

Ноэл поднял меч.

— Нет! — завопил Мэт. — Не нарушай договор. Иначе все мы умрем в этой башне!

Илфин притиснулись вплотную к Мэту. Он пробовал смотреть на всех разом, а в груди все громче и громче колотилось сердце. Лисицы принюхивались, глубоко втягивая воздух. Чем бы ни пахло от Мэта, они наслаждались этим запахом.

— Давайте, чтоб вам сгореть! — зарычал он. — Но знайте, что больше вам от меня ничего не получить. Я сбегу из вашей башни и найду способ навсегда изгнать вас из моего сознания. Меня вам не видать. Проклятье! Мэтрим Коутон вам не кукла на веревочках!

— Посмотрим, — прошипел Илфин мужского пола с похотливо горящими глазами.

Его рука устремилась вперед, и в тусклом освещении сверкнули острейшие когти, которые Илфин вонзил в левую глазницу Мэта и резким движением вырвал ему глаз.

Мэт заорал. О Свет, как же больно! Больнее, чем любая боевая рана, любая колкость, любое оскорбление… Казалось, что коварный Илфин запустил мерзкие когти ему в сознание. Да что там — прямо в душу.

Мэт рухнул на колени, со звоном выронил копье, поднес руки к лицу. Он ощутил влажные потеки крови на щеке, и ему стало дурно. И Мэт снова закричал, нащупав пустоту там, где совсем недавно у него был глаз.

Потом он запрокинул голову и взвыл от боли так, что вой раскатился по всему залу.

Илфин смотрели на него, не отворачивая жутких, почти человеческих лиц; они щурились и

млели в экстазе, впитывая исходивший от Мэта едва заметный красно-белый пар.

— Какой утонченный вкус! — воскликнул один.

— Какое долгое послевкусие! — добавил другой.

— Как клубится вокруг него! — подхватил тот, кто вырвал Мэту глаз. — Как завивается! Как прелестно пахнет кровью! А игрок становится центром всего сущего! Я вкушаю саму судьбу!

Мэт выл, не умолкая. Шляпа свалилась с затылка, а единственный глаз, мутный от слез, смотрел во тьму над головой. Левая глазница горела огнем. Там словно пожар бушевал! Мэт чувствовал, как на лице засыхают кровь и слизь и образовавшаяся корочка тут же отслаивается, и продолжал кричать. Илфин дышали все глубже и будто пьянели — и все сильнее.

Испустив последний вопль, Мэт стиснул кулаки и сжал зубы, хотя не перестал глухо стонать — вернее, рычать — от боли и гнева. Этот звук рождался глубоко в горле. Мужчина-Илфин, забравший глаз Мэта, завалился на пол, словно бы не выдержав натиска эмоций, прижал свою добычу к груди и свернулся клубком. Остальные, пошатываясь, разбрелись по сторонам — кто к

стене, кто к колонне — в поисках опоры, чтобы не упасть.

Ноэл метнулся к Мэту. За ним последовал Том, но не так быстро, поскольку в руках у него была Морейн.

— Мэт? — позвал Ноэл.

По-прежнему стискивая зубы от боли, Мэт нашел в себе силы подхватить шляпу с белого пола — он не уйдет без своей шляпы, чтоб ему сгореть! Будь оно все проклято, это прекрасная шляпа!

А потом он нетвердо поднялся на ноги.

— Твой глаз… — начал Том.

— Не важно, — сказал Мэт.

«Чтоб мне сгореть! Дурак! Треклятый баран!» Мысли путались из-за мучительной боли.

Единственным глазом он сморгнул слезы. Ему и впрямь казалось, что окружающий мир лишился половины света мира — будто смотришь в окно, створка которого закрашена черной краской. Левая глазница полыхала от боли, но Мэту казалось, что он сумеет открыть левый глаз.

Увы… Глаза не было. И никакие плетения Айз Седай его не вернут.

Демонстративно игнорируя боль, Мэт нахлобучил шляпу и опустил ее поля налево так, чтобы прикрыть пустую глазницу, после чего нагнулся

за ашандареем. Он едва не упал, но сумел подобрать копье.

— Это я должен был заплатить, — с горечью сказал Том. — Не ты, а я. Ты, Мэт, даже идти сюда не хотел.

— Я сам принял это решение, — ответил Мэт. — Да и выбора особого не было. В первый раз Элфин мне ответили, что я, чтобы спасти мир, должен поступиться половиной света мира. Проклятые змеи!

— Чтобы спасти мир? — переспросил менестрель и опустил взгляд на безмятежное лицо Морейн, укутанной в лоскутный плащ. Мешок Тома остался лежать на полу.

— Ей еще предстоит кое-что сделать, — сказал Мэт. Боль начинала отступать. — Она нужна нам, Том. Чтоб мне сгореть, но все это как-то связано с Рандом. Как ни крути, случилось то, что должно было случиться.

— А если бы этого не произошло? — спросил Том. — По словам Морейн, она видела…

— Не важно, — повторил Мэт и повернулся к выходу. Илфин все еще были не в себе. Глядя на выражения их лиц, казалось, что глаза лишился не Мэт, а каждое из этих созданий. Мэт закинул мешок за плечо, оставив вещи Тома на прежнем

месте: если взять оба мешка, он будет не в состоянии сражаться.

— Вот теперь я кое-что повидал, — заявил Ноэл, обводя взглядом чертог и его обитателей. — Ручаюсь, что такого не видел никто из людей. Может, поубиваем этих тварей?

— Как бы не нарушить условия сделки, — покачал головой Мэт.

— А они сдержат слово? — спросил Том.

— Нет, если найдут какую-нибудь лазейку. — Мэт снова заморгал. О Свет, голова просто раскалывается! Но некогда рассиживаться и хныкать, как хнычут дети над трупиком любимого жеребенка. — Нам пора.

Они вышли из главного зала. Ноэл нес факел, но со своим посохом расстался неохотно, сделав выбор в пользу меча.

На сей раз дверей в коридоре не оказалось. Мэт слышал, как Ноэл бурчит себе под нос, дивясь изменчивости здешней планировки. Но все было так, как должно быть: Мэт потребовал, чтобы обратная дорога оказалась прямой. Пусть Илфин лжецы и обманщики, но в своих обманах они ничем не отличаются от Айз Седай. На этот раз Мэт точно сформулировал свои требования — вместо того, чтобы выпалить все, что в голову взбредет.

Коридор оказался довольно длинным. Ноэл нервничал все сильнее, но Мэт продолжал шагать вперед в такт с пульсацией в черепушке. Интересно, сможет ли он драться с прежней ловкостью — теперь, когда у него остался только один глаз? Надо бы беречь левую сторону. Да и расстояния оценивать будет непросто. Вообще-то, он уже чувствовал, что смотреть под ноги и по сторонам стало куда труднее.

Том стискивал Морейн в объятиях, будто сквалыга, прижимающий к сердцу сундучок с золотом. Кто она для него? Раньше Мэт считал, что Том здесь по той же причине, что и он — потому что решил, что так будет правильно, — и ожидал увидеть на лице менестреля что угодно, но только не безграничную нежность.

Вдруг коридор закончился пятиугольной аркой. За ней оказалась позапрошлая комната с оплывшим комом на полу, но теперь здесь не было ни крови, ни следов борьбы.

Мэт вздохнул во всю грудь и шагнул в зал, но тут же напрягся, заметив в тенях множество Илфин. Одни горбились у стен, другие стояли во весь рост, но все шипели и порыкивали. Они не двигались, не нападали, но некоторые тихонько поскуливали. В полумраке они еще сильнее по-

ходили на лисиц. Глядя прямо на такое существо, Мэт мог принять его за мужчину или за женщину, но вот то, как они перемещались во тьме, иногда падая на четвереньки… Ни один человек так себя вести не станет. Они были словно изнывающие от напряжения хищники на цепи, словно злобные псы, мечтающие перепрыгнуть забор и вцепиться тебе в глотку.

Но слово Илфин держали. Они не приближались, и Мэт остался в полной мере доволен собой, когда его компания пересекла зал, оставшись в целости и сохранности. Он и правда одолел этих лисиц. В прошлый раз его обхитрили, но лишь потому, что эти создания сражались как трусы, которые набрасываются на человека, не знающего, что драка уже началась.

Но сегодня он был готов. И показал им, что Мэтрим Коутон не дурак.

Они вышли в коридор, под потолком которого сгустился тускло светящийся белый пар, а пол был вымощен сочлененными черными треугольниками со скругленными, как у чешуи, углами. Когда отряд ступил в одну из комнат, по углам которой, извиваясь, поднимался белый туман, у Мэта отлегло от сердца, хотя глазница все еще горела огнем, как между задних ног у только что

охолощенного жеребца.

Он остановился в центре комнаты, но потом снова двинулся вперед. Одним из условий сделки был прямой путь, и теперь им не сбиться с дороги. Больше незачем бегать туда-обратно. И тут он кое-что вспомнил…

— Кровь и проклятый пепел! — вырвалось у него.

— Что? — с тревогой вскинулся Том.

— Игральные кости, — сказал Мэт. — Надо было потребовать, чтобы они вернули мои кости.

— Но теперь ты и без них неплохо справляешься, разве нет?

— Дело не в этом, — проворчал Мэт. — Они мне нравились.

Снова надвинув пониже шляпу, он окинул взглядом коридор впереди. Что это там, движение? Далеко-далеко, за десятком комнат? Нет. Наверное, обман зрения. Тени и клубы пара.

— Мэт, — заговорил Ноэл, — я уже говорил, что помню древнее наречие хуже, чем прежде. Но по-моему, я разобрал твои слова. Я про условия твоей сделки.

— И что? — спросил Мэт, слушая его краем уха. Он что, снова говорил на древнем языке? Чтоб ему сгореть! И все же… Что там, в конце коридора?

— Ну, — ответил Ноэл, — ты вроде как договаривался, что лисицы не могут лишить нас сознания, или жизни, или еще чего.

— Вот именно, — подтвердил Мэт.

— Ты сказал «лисицы», — продолжил Ноэл. — Лисицы не могут причинить нам вреда.

— И позволят уйти.

— А как же те, другие? — спросил Ноэл. — Я про Элфин. Если Илфин не тронут нас, то Элфин тоже нас в покое оставят?

Тени в дальнем конце коридора превратились в высокие фигуры, вооруженные длинными бронзовыми мечами с кривыми волнистыми клинками: многослойные желтые одежды, черные волосы торчком… Десятки существ двигались с неестественной грацией, глядя прямо перед собой, и Мэт рассмотрел их глаза — с узкими вертикальными щелочками зрачков.

Кровь и проклятый пепел!

— Бегите! — заорал он.

— Куда? — спросил в смятении Ноэл.

— Куда угодно! — крикнул Мэт громче прежнего. — Главное — подальше от змей!

Глава 55
Тот, кто остался

Коридор содрогнулся от оглушительного грохота. Да что там коридор — казалось, тряхнуло всю башню! Чтобы устоять на ногах, Мэт оперся о стену. Из отверстия за спиной вырвался дым вперемешку с каменной мелочью.

Пригнув голову, Мэт обернулся, а Ноэл и Том с Морейн на руках припустили вперед. Чуть раньше Ноэл отбросил факел и стал бить в барабан в надежде успокоить Элфин. Но это не сработало, и Мэт понял, что пора пустить в дело взрывающиеся цилиндры и ночные цветки.

О Свет! Эти цилиндры буквально сеяли смерть! Мэт видел трупы Элфин, разбросанные по всему

коридору. Взрыв вспорол и разодрал их блестящую кожу, а от крови поднимался зловещего вида пар, однако из дверных проемов и ниш в задымленное пространство выныривали новые враги. Они передвигались на двух ногах, но не шагали, а скорее скользили, раскачиваясь из стороны в сторону, и шипели все яростней и яростней.

С колотящимся сердцем Мэт бросился вдогонку за друзьями.

— Нас еще преследуют? — крикнул Ноэл.

— Сам-то как думаешь? — Мэт догнал его и добавил: — О Свет! Ну и проворные же они, эти змеи!

Они ворвались в новую комнату, в точности такую же, как все остальные: слегка неровные прямоугольники стен, столбы пара по углам, черные чешуевидные плитки на полу — и никакого ведущего наружу треугольного портала в центре. Кровь и проклятый пепел.

Сжимая в потных ладонях ашандарей, Мэт бросил по взгляду в каждый из трех ведущих в другие помещения проемов. Теперь, когда позади Элфин, провернуть старый фокус с метаниями из одной комнаты в другую и обратно уже не получится. Пора отдаться на милость удачи. Он было закружился на месте, но…

— Нельзя на месте топтаться! — встревоженно

завопил Ноэл, приплясывавший у проема. — Мэт! Если нас схватят эти змеи…

Мэт слышал позади их шипение. Так журчит вода в реке. Он выбрал направление и побежал.

— Бросай еще один цилиндр! — сказал Том.

— Тот был последний! — ответил Мэт. — А цветков осталось всего три штуки. — Его мешок заметно полегчал.

— Музыка на них не действует, — заметил Ноэл и отшвырнул барабан. — Вконец разъярились.

Мэт, ругаясь, зажег с помощью чиркалки ночной цветок и бросил его за спину, после чего трое друзей устремились в очередную комнату, а там рванули прямиком к двери напротив.

— Понятия не имею, куда бежать, — признался Том. Как же тяжело он дышал! — Заблудились мы, парень.

— Я выбирал направление наудачу! — сказал Мэт.

— Вот только назад не повернуть, — возразил Том, — а удача подсказывает, что туда-то нам и надо!

Грохнул ночной цветок, и эхо взрыва — и близко не такого мощного, как от цилиндров, — раскатилось по коридорам. Мэт рискнул оглянуться и увидел, как в туннеле за спиной плывет волна

дыма, в котором вспыхивают искры. Огонь замедлил преследователей, но вскоре самые дерзкие из Элфин преодолели дымовую завесу.

— Может, устроим переговоры? — спросил, задыхаясь, Том.

— Больно злобный у них вид! — отозвался Ноэл.

— Мэт, — сказал Том, — ты говорил, что они знали про твой глаз. Упоминали его в своем ответе.

— Проклятье! Они сказали, что я расстанусь с половиной света мира. — У Мэта до сих пор боль пульсировала в голове. — Я не хотел этого знать, но они все равно рассказали.

— А что еще говорили? — спросил Том. — Может, была какая-нибудь подсказка? Как ты выбрался в прошлый раз?

— Меня вышвырнули, — ответил Мэт.

Он влетел в новую комнату — без портала — и свернул к левому проему. Похоже, Том не ошибся и двигаться надо в обратном направлении — но как, если эти гады наступают тебе на пятки?!

— Вышвырнули через дверную раму в мире Элфин, — продолжил Мэт, тяжело дыша. — Она ведет в подземелье Твердыни Тира.

— Может, сумеем ее найти? — спросил Том. — Твоя удача, Мэт. Пусть она проводит нас в мир

Элфин!

Почему бы и нет? Может, и получится.

— Ну хорошо. — Мэт зажмурился, покружился на месте и ткнул пальцем в случайно выбранном направлении. Открыв единственный глаз, он увидел, что указывает на группу покачивающихся Элфин. И они приближались.

— Кровь и пепел! — Мэт бросился в другую сторону, наугад выбрав один из коридоров.

Том устремился за ним, но у него был чрезвычайно усталый вид. На какое-то время Мэт мог бы забрать у него Морейн, но в таком состоянии Том попросту не сможет дать отпор врагу. Элфин измотают их, как когда-то, столетия тому назад, измотали Бергитте.

В следующей комнате Том запнулся, встал и понурил плечи, хотя не выпустил Морейн из рук. Как и везде, здесь имелось четыре прохода, но единственно нужный вел прямиком к Элфин. И туда идти они не могли.

— В этой игре не выиграть, — признал запыхавшийся Том. — Даже если сжульничаем, победы нам не видать.

— Том!.. — одернул его Мэт.

Он отдал менестрелю ашандарей и взял на руки Морейн. Такая легкая! С другой стороны, это

хорошо. Будь она тяжелее, Том не продержался бы так долго.

Ноэл посмотрел на них, затем бросил взгляд в коридор. С секунды на секунду в комнате появятся Элфин.

— Давай сюда мешок, — скомандовал Ноэл, глядя Мэту в глаза. — Ночные цветки мне пригодятся.

— Но…

— Не спорь! — отрезал Ноэл.

Подскочив к Мэту, он выхватил из мешка ночной цветок — как оказалось, с самым коротким фитилем. Старик поджег его и кинул в коридор. Элфин были так близко, что Мэт услышал, как они встречают фейерверк истошными воплями и злобным шипением.

За этими звуками последовал взрыв, и темную комнату озарили вылетевшие из коридора искры. Эти искры едва не угодили в один из восходящих потоков пара, но тот уклонился от сверкающих огней. Сильно пахнуло дымом и серой. О Свет! Опять разболелась глазница.

— Ну же, Мэт! — сказал Ноэл Мэту, в ушах у которого до сих пор звенело от взрыва. — Отдай мне мешок.

— Что ты задумал? — устало спросил Мэт.

Ноэл отобрал у него мешок, потом выудил оттуда последний ночной цветок.

— Мэт, ты же сам понимаешь, — сказал он. — Надо выгадать время и обогнать этих гадин настолько, чтобы ты мог вернуться в коридор-другой, а об остальном позаботится твоя удача. — Ноэл кивком указал на один из проемов. — Коридоры узкие. Удобное место для обороны. Если встать там, враги подходить смогут лишь поодиночке или по двое. Так удастся продержаться несколько минут.

— Ноэл! — Том стоял, упершись руками в колени и дыша с присвистом. Ашандарей Мэта он прислонил к стене. — Ты что, остаться надумал? Так нельзя!

— Вовсе нет. — Старик подступил к коридору, за которым собирались Элфин. — Ты, Том, не в состоянии драться. А твоя удача, Мэт, поможет выбраться из башни. Так что вы остаться не можете. А я могу.

— Обратного пути у тебя не будет, — мрачно произнес Мэт. — Стоит вернуться туда, откуда пришли, и мы окажемся в новом месте. Так устроена эта треклятая башня.

— Знаю, — без колебаний подтвердил морщинистый старик, глядя на Мэта в упор. — Такова

цена, Мэт. Мы знали, что просто так нас не отпустят. Я много чего повидал, Мэт, и много чего сделал. Меня много раз использовали, слишком много. Тут не самое плохое место, чтобы встретить свой конец.

Мэт встал, поднял Морейн и уважительно кивнул Ноэлу.

— Пойдем, Том.

— Но…

— Кому сказано, пойдем! — рявкнул Мэт и бросился к наугад выбранному проему.

Том замешкался, потом выругался и кинулся следом — в одной руке факел Мэта, в другой ашандарей. А Ноэл шагнул в коридор, откуда они все пришли, и поднял короткий меч. В дымной пелене за ним мелькали тени.

— Мэт! — окликнул юношу Ноэл, оглянувшись через плечо.

Тот задержался, обернулся, махнув Тому рукой: мол, беги дальше.

— Если встретишь кого-нибудь из малкири, — сказал Ноэл, — передай, что Джейин Далекоходивший погиб достойно.

— Передам, Джейин, — пообещал Мэт. — Да хранит тебя Свет.

С этими словами он припустил вдогонку за

Томом, а Ноэл развернулся лицом к преследователям. Грохнул новый взрыв — то был последний ночной цветок, А затем по коридору раскатился боевой клич Ноэла — на языке, которого Мэт прежде не слышал.

Они с Томом вбежали в новый зал. Менестрель плакал, но Мэт сдерживал слезы. Ноэл погибнет с честью. Когда-то Мэт считал подобные мысли дурацкими — какой прок от чести, если ты уже мертв? Но теперь, когда он обладал воспоминаниями многих солдат, когда он провел немало времени с людьми, сражавшимися и проливавшими кровь за эту самую честь, эта фраза обрела глубокий смысл.

Он зажмурил глаз и закружился на месте, с трудом удерживая равновесие из-за веса Морейн. Выбрав направление, увидел, что указывает на коридор, из которого только что выбежал. Мэт рванул вперед, и Том последовал за ним.

Добравшись до конца коридора, они оказались в комнате, отличавшейся от той, где остался Ноэл. В круглом зале стояли желтые колонны в виде сплетенных друг с другом громадных лоз, они окружали пустое пространство в его центре. На витых подставках покоились белые сферы, заливавшие помещение мягким светом, а пол

был вымощен желтыми и белыми плитками, образующими спиралевидный узор с центром в середине зала. В воздухе висел едкий запах сухой змеиной кожи.

«Ты не герой, Мэтрим Коутон, — подумал Мэт, бросив взгляд за спину. — Тот, кто остался, — вот он настоящий герой. Да осияет тебя Свет, Ноэл».

— Что дальше? — спросил Том.

Похоже, к менестрелю возвращались силы. Мэт передал ему Морейн и забрал копье. Дверных проемов в комнате было два — один за спиной, другой напротив первого. Но Мэт все равно закрыл глаз, покрутился на месте, и удача указала на второй проход.

Туда они и направились. За окнами этого коридора виднелись джунгли — должно быть, теперь друзья оказались в самой их чаще, — и Мэт время от времени замечал те самые три шпиля, где они были совсем недавно и где Ноэл теперь истекал кровью.

— Это здесь тебе дали ответы? — спросил Том.

Мэт кивнул.

— Как думаешь, а мне ответят? — продолжил Том. — Три вопроса. И меня устроили бы любые ответы…

— Поверь, не нужны они тебе. — Мэт поправил

шляпу. — Это не ответы, а обещания и угрозы. Мы…

Том остановился рядом с Мэтом. Морейн у него на руках пошевелилась, не открывая глаз, и тихонько застонала, но менестрель замер не по этой причине.

Мэт увидел впереди еще одну круглую желтую комнату, в центре которой стояла дверная рама из краснокамня — вернее, то, что от нее осталось.

Страшно ругаясь, Мэт помчался вперед. Пол комнаты устилали красные каменные обломки. Мэт со стоном выронил копье, схватил несколько осколков, поднес к свету… Портал был разбит вдребезги, ударом какой-то ужасающей силы.

С Морейн на руках Том опустился на пол у входа. Судя по виду, он снова выбился из сил. Свой мешок Мэт отдал Ноэлу, а Том свою поклажу бросил, вызволяя Морейн. И эта последняя комната оказалась тупиком, с единственным дверным проемом. Другого не было.

— Да чтоб оно сгорело, это место проклятое! — заорал Мэт. Он сорвал с головы шляпу и уставился в бесконечную тьму над головой. — Чтоб вам всем сгореть, и змеям, и лисицам! Забери вас Темный! Вы получили мой глаз, получили Ноэла… Неужели этого мало? Не слишком ли высока цена?

Разве жизнь самого Джейина Далекоходившего не утолила ваш голод? А, чудища треклятые?!

Его звонкий крик сгинул в пустоте. Ответа не последовало. Старый менестрель, сомкнув веки, прижимал Морейн к груди. Его опаленные туманом руки покраснели, и покрытая волдырями кожа уходила под обгорелые рукава. Том не походил на побежденного. Нет. Он походил на человека, стертого в порошок.

Мэт в отчаянии озирался по сторонам. Попробовал покрутиться на месте, но когда открыл глаз, увидел, что указывает в центр комнаты — на разрушенный портал.

И тут он почувствовал, как в душе гаснут последние искры надежды.

— Это была хорошая попытка, парень, — сказал Том. — Мы молодцы. Справились лучше, чем я ожидал.

— Я не сдамся! — заявил Мэт наперекор сокрушительному отчаянию. — Мы… Мы пойдем обратно и найдем комнату между мирами Илфин и Элфин. По условиям сделки портал должен быть открыт. Шагнем в него и выйдем отсюда, Том. Я, чтоб мне сгореть, не собираюсь тут умирать. Да и ты еще должен мне пару кружек.

Том открыл глаза и улыбнулся, но не встал.

Качнув понурыми усами, он мотнул головой и взглянул на Морейн.

Ее веки задрожали и разомкнулись.

— Том, — с улыбкой прошептала она. — А я-то думала, почему мне слышится твой голос.

О Свет! Ее слова вернули Мэта в другие времена, что казались теперь стародавними. Целые эпохи назад.

— И ты, Мэт, — взглянула на него Морейн. — Дорогой Мэтрим. Я знала, что вы придете за мной. Вы оба. Лучше бы не приходили, но я знала, что придете…

— Отдохни, Морейн, — мягко сказал Том. — Пара аккордов на арфе, и мы выйдем отсюда.

— Чтоб мне сгореть! — Мэт не мог отвести глаз от беспомощной Морейн. — Я не допущу, чтобы все закончилось именно так!

— Они идут, дружище, — сказал Том. — Слышу, как они идут.

Мэт выглянул из комнаты и понял, что менестрель не ошибся: в коридоре извивались смертоносные Элфин, и они зловеще улыбались, обнажая зубы, похожие на клыки ядовитых змей. Элфин сошли бы за людей, вот только эти клыки, да еще неестественные глаза с вертикальными зрачками и скользящие, жуткие, хищные движе-

ния их тел…

— Нет, — прошептал Мэт. — Не может не быть выхода.

«Думай, Мэт, — приказал он себе. — Думай, дурень. Где-то должен быть выход!»

«Как ты выбрался в прошлый раз?» — спрашивал Ноэл. Нет, не годится…

От безысходности Том снял со спины футляр с арфой, достал инструмент и принялся играть. Мэт узнал мелодию. То был «Сладкий шепот завтрашнего дня». Произведение, которое играют в честь павших, скорбное и очень красивое.

Как ни странно, при первых же нотах Элфин вроде как успокоились. Их движения замедлились, а первые ряды стали покачиваться на ходу в такт мелодии. Должно быть, они понимали, что Том провожает себя и друзей в последний путь.

— Понятия не имею, как выбрался в прошлый раз, — шептал Мэт. — Я был без сознания. Очнулся на веревке. Меня срезал Ранд.

Он коснулся шрама на горле. Слова Элфин не были откровением: Мэт знал и о Дочери Девяти Лун, и о Руидине, и о том, что ему придется отдать половину света мира. Все это было логично. Никаких лакун. Никаких вопросов.

Разве что…

«Чем тебя наделили Илфин?»

— Будь оно по-моему, — шептал Мэт, глядя на приближавшихся Элфин, — я заполнил бы те провалы в памяти.

Элфин в желтых матерчатых одеяниях скользили, покачиваясь, вперед. В воздухе, отражаясь от стен, звенела музыка Тома. Враги приближались — неторопливо и неумолимо, понимая, что добыча никуда не денется.

В руках у передней пары были блестящие бронзовые мечи. С клинков капало что-то красное. Бедняга Ноэл…

— Из года в год, из века в век, — затянул Том, — бредет куда-то человек…

Мэт слушал, и в голове у него расцветали воспоминания. Голос Тома уносил его в далекое прошлое, где память Мэта сливалась с памятью других людей: дни, когда он умирал, дни, когда он жил, дни, когда он сражался и когда одерживал победы.

— Хочу заполнить те дыры, — зашептал он себе под нос. — Да, именно так я и сказал. И Илфин сделали одолжение, наделили меня чужими воспоминаниями.

Морейн снова закрыла глаза, но улыбалась, слушая музыку Тома. Поначалу Мэт решил, что

менестрель хочет убаюкать Элфин, но теперь догадался, что песня предназначалась Морейн: последняя грустная песня, посвященная неудачному спасению.

— Везде, где ни окажется, — пел Том красивым, звучным голосом, — от страха не откажется…

— Я хотел заполнить дыры, — повторил Мэт, — и меня наделили воспоминаниями. Это был первый дар.

— Ведь страх и в битве подсобит, и на привале сохранит…

— Но я, сам того не понимая, попросил кое о чем еще, — продолжал Мэт. — Сказал, что хочу отвязаться от Айз Седай и от Единой Силы освободиться. И мне дали медальон. Еще один дар.

— Всегда носи свой страх с собой. Докажет он, что ты — живой!

— И… была еще одна просьба. Я сказал, что хочу вернуться в Руидин. Илфин дали мне все, о чем я просил. Воспоминания, чтобы заполнить дыры в памяти. Медальон, чтобы защититься от Силы…

Ну а дальше? Дальше его отправили в Руидин болтаться на веревке. Но это была цена, а не исполнение просьбы.

— И мне по этому пути, — повысил голос Том, — брести куда-то и брести!

— Но мне дали кое-что еще, — прошептал Мэт и опустил взор на ашандарей в своих руках. Элфин зашипели громче.

«Таков исконный договор, и он провозглашает».

Эта фраза на древнем наречии была начертана на древке оружия — под клинком, украшенным силуэтами двух воронов.

«Мысль — это времени стрела, и память не истает».

Зачем ему дали это копье? Ведь он не просил никакого оружия… Мэт никогда об этом не думал.

«Цена уплачена. Свое просивший получает».

«Нет, об оружии я не просил. Я просил, чтобы меня выпустили…»

«И мне дали ашандарей».

— И с непомерной ношей на горбу, — пропел во весь голос Том последнюю строчку, — бесстрашно встречу я обманщицу-судьбу!

Мэт развернул ашандарей клинком вперед и вонзил его в стену. Острие утонуло в пористом подобии камня, и из отверстия, словно кровь из рассеченной вены, хлынул свет. Мэт с криком навалился на древко, загоняя оружие глубже, и из стены покатились световые волны.

Он приналег на копье, направляя клинок под углом вниз, оставляя в стене косой разрез. Затем

Мэт двинул ашандарей вверх, вычерчивая перевернутый треугольник. Из разрезов хлынул свет, который, омывая Мэта и сталкиваясь с его телом, как будто издавал треньканье. Элфин столпились у входа в зал, совсем рядом с Томом; они шипели, но боялись угодить под это мощное сияние.

Мэт дополнил рисунок волнистой линией, проведя ее сверху вниз через центр треугольника. Ослепленный ярким светом, он едва видел, что делает. Фрагмент стены перед ним отвалился, обнажив сияющий белый туннель, словно высеченный в стальном монолите.

— Чтоб меня… — прошептал Том, поднимаясь на ноги.

Пронзительно визжа от злобы, Элфин ворвались в комнату — одной рукой прикрывая глаза от света, в другой сжимая изогнутый меч.

— Выноси ее! — закричал Мэт, разворачиваясь лицом к врагам. Подняв ашандарей, он хрястнул первого Элфин по физиономии тупым концом древка. — Иди!

Том схватил Морейн, но оглянулся на Мэта.

— Иди же! — повторил тот и врезал по руке второму Элфин.

Том прыгнул в проем и исчез. Мэт улыбнулся, не переставая крутясь среди клыкастых тварей

и колотя их ашандареем по ногам, рукам и головам. Их было множество, но все как будто были ослеплены то ли светом, то ли яростным желанием добраться до противника. Элфин спотыкались о тех, кого успел уронить Мэт, и вскоре на полу образовалась груда извивающихся тел; змееподобные существа гневно шипели, роняя слюну с клыков. Некоторые пытались переползти эту кучу малу и дотянуться до Мэта, но тот отступил и коснулся шляпы:

— Похоже, в эту игру все-таки можно выиграть. Передайте лисам, что я премного благодарен за подаренный мне ключ, а вам, свиные задницы немытые, желаю сгнить в растреклятом пепле пламенеющей бездны. Счастливо оставаться, гады ползучие!

Придерживая шляпу, он прыгнул в портал.

Вокруг сразу стало белым-бело.

Глава 56
Что-то не так

По стойке шатра снаружи тихонько постучали.

— Войдите, — сказала Эгвейн, не переставая перебирать разбросанные по столу документы.

В палатку скользнул Гавин. Он отказался от богатой одежды, сделав выбор в пользу коричневых штанов и рубашки полутоном светлее. На плечах — меняющий цвета плащ Стража; благодаря таким плащам Стражи будто сливаются с окружающим. Сама же Эгвейн была в импозантном сине-зеленом платье.

Послышался шелест плаща — Гавин сел подле стола:

— На подходе армия Илэйн. Сестра передала, что планирует посетить наш лагерь.

— Отлично, — отозвалась Эгвейн.

Гавин кивнул, но он был встревожен. Способность чувствовать все многообразие эмоций посредством уз — крайне полезная штука. Знай Эгвейн, сколь глубока преданность Гавина, связала бы его несколькими неделями раньше.

— Что? — Она отложила бумаги.

— Айбара, — ответил Гавин. — Он не дал согласия на встречу.

— Илэйн предупреждала, что с ним может быть непросто.

— Думаю, он встанет на сторону ал'Тора, — сказал Гавин. — Это видно по его лагерю. Айбара обосновался поодаль от других. Сразу же отправил гонцов к айильцам и тайренцам. У него серьезная армия, Эгвейн. Огромная. И с ним белоплащники.

— Белоплащники? В таком случае не похоже, что он поддержит Ранда, — произнесла Эгвейн.

— Но и к нам вряд ли прибьется, — возразил Гавин. — Эгвейн… Белоплащников возглавляет Галад.

— Твой брат?!

— Он самый. — Гавин покачал головой. — Столько армий и альянсов… Они как сухой трут, и Айбара и его армия могут стать тем кресалом,

что высечет искру, от которой все это сборище воспламенится, будто фейерверк.

— Когда Илэйн встанет здесь лагерем, ситуация упростится, — заметила Эгвейн.

— А что, если ал'Тор не объявится? Что, если он затеял все это, чтобы отвлечь внимание от других своих дел?

— С какой стати? — усомнилась Эгвейн. — Он уже доказал, что при желании может спрятаться от кого угодно. — Она покачала головой. — Гавин, он знает — пойми, знает! — что не нужно ломать печати. По крайней мере, в этом уверена часть его существа. Может, поэтому он и рассказал мне о своих планах — чтобы я успела собрать тех, кто против, и переубедить его.

Гавин кивнул — и все. Ни споров, ни возражений. Даже не верилось, что он так изменился. Остался таким же настойчивым, но препирался с Эгвейн значительно реже. После той ночи, когда он уложил троих убийц, Гавин стал прислушиваться ко всем ее просьбам. Но не как слуга, а как напарник, всегда готовый проследить, чтобы желания Эгвейн были исполнены.

Это замечательно. И очень важно, поскольку Совет Башни, похоже, вознамерился отозвать свое согласие, которым поручил Эгвейн вести

переговоры с Рандом. Она опустила взгляд на стопку бумаг, среди которых хватало посланий с «рекомендациями» от восседающих.

Но они к ней хотя бы обратились — вместо того, чтобы втихомолку плести паутину интриг. И это хорошо, а посему ей нельзя игнорировать сестер. Пусть и дальше думают, что правильнее действовать с ней заодно. И в то же время нельзя допускать предположений, будто Эгвейн можно приструнить парой-другой окриков.

Хрупкое равновесие…

— Что ж, значит, пора проведать твою сестру.

Гавин грациозно встал, и три кольца, что он носил на цепочке на груди, звякнули друг о друга. Надо будет снова спросить, откуда у него эти кольца. Как ни странно, на эту тему Гавин говорить не хотел. Он придержал входной клапан палатки, и Эгвейн вышла наружу.

Предзакатное солнце пряталось за свинцовыми тучами. Солдаты Брина занимались возведением частокола: за последние несколько недель его войско разрослось и теперь занимало всю восточную часть широкого, окаймленного деревьями луга, в прошлом известного под названием Меррилор. На его северном краю виднелись развалины некогда высившейся здесь сторожевой

крепости, замшелые и почти целиком ушедшие под разросшиеся лозы удушуя.

Палатка Эгвейн находилась на возвышенности, с которой открывался вид на все многообразие стоявших на поле армий.

— Кто это там? Новенькие? — Эгвейн указала на небольшое войско, занявшее позицию возле самых развалин.

— Пришли самостоятельно, — ответил Гавин. — По большей части фермеры. Армией их назвать сложно: у большинства даже мечей нет. Вилы, колуны, боевые посохи… Эти люди начали собираться еще вчера. Предполагаю, их прислал ал'Тор.

— Любопытно, — сказала Эгвейн. Компания была разношерстная, с кучей самых разнообразных палаток и почти полным отсутствием знаний о том, как устраивают военный лагерь, но крестьян насчитывалось тысяч пять, а то и десять. — Пусть разведчики присматривают за ними.

Гавин кивнул.

Глянув в сторону, Эгвейн заметила колонну, выходящую из нескольких переходных врат неподалеку. Там уже начали обустраивать бивак. Ровными рядами маршировали солдаты, и над ними гордо реял Лев Андора. Отделившись от

войска, к лагерю Эгвейн направлялась процессия в красно-белых одеждах под знаменем королевы.

В сопровождении Гавина Эгвейн зашагала по пожелтевшей траве навстречу Илэйн. Королева Андора определенно не спешила. До указанного Рандом срока оставался один день. Тем не менее Илэйн явилась сюда, и остальные тоже: из Тира в сопровождении айильцев пришел Дарлин, и благодаря убедительным письмам Эгвейн на западной стороне поля собрался внушительный контингент иллианцев.

Если верить донесениям, кайриэнцы теперь подчинялись Илэйн. Они прибывали вместе с андорцами и большим числом солдат Отряда Красной руки. К королю Муранди Роэдрану отправили послание — и женщину, способную открыть переходные врата, хотя Эгвейн сомневалась, что ее приглашение будет принято. Но даже без мурандийцев на поле явились представители существенного числа государств мира — особенно если учесть поднятые над некоторыми отрядами войска Перрина стяги Гэалдана и Майена. Надо будет связаться с правителями этих государств и посмотреть, нельзя ли перетянуть их на свою сторону. Даже если эта затея не увенчается успехом, Эгвейн уже собрала достаточно сил, чтобы убе-

дить Ранда изменить свои планы… Да ниспошлет Свет, чтобы этого было достаточно! Хотелось бы надеяться. Эгвейн не нравилось думать о том, что будет, если Ранд подтолкнет ее к решительным мерам.

Она шагала по тропинке, отвечая кивками на склоненные головы сестер, реверансы принятых, приветствия солдат и поклоны слуг. Если бы Ранд…

— Быть того не может, — вдруг сказал Гавин, застыв как столб.

— Гавин? — сдвинула брови Эгвейн. — О чем ты…

А он сорвался с места и побежал по заросшему сорной травой холму. Эгвейн недовольно смотрела вслед своему Стражу. В нем еще сохранялась импульсивная жилка. С чего он вдруг потерял самообладание? Нет, не из-за тревоги. Тревоги Эгвейн не чувствовала. Скорее, Гавин был в замешательстве, и Эгвейн пошла следом за ним — так быстро, как только позволяли приличия. Свита Илэйн остановилась среди пожухлой травы.

Гавин упал на колени перед немолодой женщиной с золотисто-рыжими волосами, которая стояла рядом с Илэйн; та по-прежнему сидела на лошади и улыбалась.

Эгвейн ахнула. Буквально вчера вечером ее соглядатаи принесли эту весть, но надо было убедиться в ее достоверности, а потом уже говорить с Гавином.

Моргейз Траканд жива.

Эгвейн решила, что правильнее будет остаться на месте: как только она выступит вперед, Илэйн придется целовать кольцо, и вся процессия начнет кланяться, а это испортит Гавину момент встречи с матерью.

Она ждала, а темные грозовые тучи над головой редели. Вдруг облака расступились, обнажив небеса глубокого чисто-голубого цвета. С широко раскрытыми глазами Илэйн повернула коня и устремила взгляд туда, где расположилась армия Перрина.

«Итак, он явился, — сказала себе Эгвейн, — и принес спокойствие. Тот миг умиротворяющей тишины перед губительной бурей».

* * *

— Попробуй-ка ты, Эмарин, — предложил Андрол, стоявший вместе с остальными в небольшой рощице у границы угодий Черной Башни.

Величественный дворянин сосредоточился, вбирая Единую Силу, и перед ним возникло

безупречное плетение для открытия переходных врат. Эмарин приступил к занятиям совсем недавно, но проявил себя на редкость способным учеником.

Вместо того чтобы создать прореху в воздухе, плетение распустилось и исчезло. Эмарин повернулся к товарищам. По лицу у него струился пот.

— Формировать эти плетения труднее, чем раньше, — признался он.

— Почему же не получается?! — возмутился Эвин, чья юная физиономия раскраснелась от гнева. Похоже, парень воспринимал трудности с созданием врат как личное оскорбление.

Андрол сложил руки на груди и покачал головой. Деревья шелестели кронами, дрожащие листья то и дело опадали на землю — бурые, словно осенью, — и это действовало на нервы. В прошлом Андролу нередко доводилось работать с землей, и у него развилось фермерское чутье насчет того, как все должно быть — и как быть не должно.

— Лучше ты попробуй, Андрол, — сказал Эвин. — Раньше ты очень ловко открывал врата.

Андрол окинул взглядом трех своих товарищей. Третьим был Канлер. Пожилой андорский фермер хмурил брови. Ну конечно. Канлер вечно

чем-то недоволен.

Закрыв глаза, Андрол отогнал душевные волнения и объял пустоту, где сияла саидин — Сила и сама жизнь. Он коснулся этого источника и отпил от него, после чего разомкнул веки и увидел мир, полный жизни. Разве могут засохшие растения выглядеть болезненными и в то же время такими живыми? Невероятное сравнение, но благодаря саидин невероятное становилось вполне реальным.

Он сосредоточился. Открытие переходных врат давалось ему легче других плетений. А вот почему, этого Андрол так и не понял. У него не получалось раздробить Силой даже небольшой камень, но он мог открывать врата такого размера, что в них проезжал целый фургон. Логайн говорил, что это впечатляет; Таим заявлял, что подобное невозможно.

На сей раз Андрол вложил в плетение всю Силу, какую почерпнул из Истинного Источника. Он понимал, как действуют переходные врата. Чувствовал их логику. Быть может, дело в присущей ему любви к путешествиям, в тяге к знакомству с новыми местами и вообще со всем новым?

Пряди плетения сошлись воедино. Андрол не заметил упомянутых Эмарином трудностей.

Однако, когда должен был вспыхнуть знакомый проблеск, плетение стало распускаться. Андрол пытался удержать его, вновь стягивая концы, и на мгновение ему показалось, что все получится, но затем нити выскользнули из его хватки и растворились в воздухе. Врата так и не появились.

— Другие плетения работают. Я проверял. — Эвин создал световую сферу. — Все до единого из тех, что мне известны.

— За исключением переходных врат, — проворчал Канлер.

— Такое чувство, — произнес Эмарин, — будто нас хотят удержать. Здесь, в Черной Башне.

— Пройдитесь вокруг и попробуйте создать врата где-нибудь еще, — велел Андрол. — Но постарайтесь, чтобы те, кто лоялен М'Хаэлю, не пронюхали, чем вы занимаетесь. Притворитесь, что ведете наблюдение, как и приказывал Таим.

Все трое кивнули и прогулочным шагом отправились на восток. Андрол покинул опушку. У дороги стоял искавший его Норли. Приземистый толстяк-кайриэнец помахал Андролу и двинулся ему навстречу. Они встретились на полпути, и Норли улыбнулся открытой, внушающей доверие улыбкой. Никто ни в жизнь не заподозрил бы в нем соглядатая, и Андрол нашел применение

этой его особенности.

— Поговорил с Мезаром? — спросил он.

— Ясное дело, — ответил Норли. — Мы с ним обедали вместе.

Проходя мимо Мишраиля — тот руководил группой Аша'манов-солдат, упражнявшихся с плетениями, — Норли помахал ему рукой, но златовласый мужчина пренебрежительно отвернулся.

— И? — подсказал Андрол, с напряжением в голосе.

— На самом деле это не Мезар, — сказал Норли. — Да, у него лицо Мезара, все так, но это не он. Я по глазам вижу. Беда в том, что это существо, кем бы оно ни было, получило воспоминания Мезара. Говорит в точности как он. Но улыбается по-иному. Да и много чего с ним не так.

— Не может такого быть, что это не Мезар, — поежился Андрол.

— Не он это. Отвечаю.

— Но…

— Не он, и все тут, — стоял на своем толстяк.

Андрол сделал глубокий вдох. Несколько дней назад, когда Мезар вернулся и сообщил, что Логайн в полном порядке и скоро все разногласия с Таимом будут улажены, Андрол начал было

надеяться на скорый конец всей этой неразберихи. Но вел себя Мезар как-то странно. Более того, М'Хаэль устроил целое представление, приветствуя его как полноправного Аша'мана, поскольку Мезара повысил в ранге сам Дракон. И теперь Мезар, в прошлом всецело преданный Логайну, проводил время с Котереном и другими прихвостнями Таима.

— Худо дело, Андрол, — шепнул Норли, после чего улыбнулся и помахал еще одной группе обучающихся. — Я бы сказал, что пора нам уходить отсюда, хоть бы даже и против приказа.

— Нам не выйти за караульные посты, — сказал Андрол. — Таим даже Айз Седай не выпускает; ты же помнишь, какую истерику на днях закатила та толстуха у ворот? По ночам Таим удваивает стражу, а врата не действуют.

— Ну, надо хоть что-то делать. То есть… Что, если Логайн в неволе? И что тогда?

— Я… — «Я не знаю». — Ступай поговори с остальными, кто верен Логайну. Я переведу всех в общую казарму. С семьями. А М'Хаэлю скажем, что потребовалось место для новобранцев. По ночам будем выставлять часового.

— Не слишком ли это очевидно?

— Раскол и без того бросается в глаза, — сказал

Андрол. — Ступай к остальным.

— Оно понятно. Ну а ты что будешь делать?

— Поищу союзников, — глубоко вздохнул Андрол.

Норли свернул налево, но Андрол продолжил шагать по деревенской улице. Похоже, в последнее время он пользовался все меньшим уважением среди местных обитателей. То ли они опасались выказывать ему почтение, то ли примкнули к лагерю Таима.

Сбившись кучками, сложив руки на груди, мужчины в черных мундирах не спускали с него глаз. Андролу стало зябко, но он отогнал это чувство. По пути он заметил Мезара — меднокожего доманийца с подернутыми сединой висками, — стоявшего в окружении подхалимов. Мезар улыбнулся ему, хотя был не из тех, кто улыбается направо и налево. Андрол кивнул в ответ, заглянул доманийцу в глаза и понял, о чем говорил Норли. С этими не вполне живыми глазами что-то было не так. Очень-очень не так. Мезар производил впечатление карикатуры на человека — словно оболочка, наполненная густой тенью.

«Да поможет нам всем Свет», — подумал Андрол и торопливым шагом направился на южную

окраину деревни, к беленым деревянным домикам с просившей замены соломенной кровлей.

Дойдя до них, он остановился и призадумался: «Что я, собственно, делаю?» Ведь именно здесь поселили женщин из Красной Айя. Они утверждали, что намерены связать Аша'манов узами, но от слов к делу так и не перешли. Ясно, что это какая-то хитрость. Возможно, Айз Седай прибыли сюда в поисках способа укротить всех сразу.

Если так, Андрол хотя бы мог рассчитывать на то, что они не прибились к Таиму. По сравнению с пастью рыбы-льва корабль — не такой уж паршивый вариант. Эту присказку Андрол слышал где-то на юге, когда работал на рыболовецком судне.

Сделав глубокий вдох, он постучал в дверь. Ему открыла пухлая Красная с безвозрастным лицом Айз Седай — не слишком молодым, но и не старым. Она смерила гостя взглядом.

— Говорят, вы хотите уйти из Черной Башни, — начал Андрол, надеясь, что поступает правильно.

— А что, ваш М'Хаэль передумал? — с надеждой спросила женщина и даже улыбнулась, а улыбку на лице Айз Седай увидишь нечасто.

— Нет, — ответил Андрол. — Насколько я знаю,

уходить вам по-прежнему запрещено.

— В таком случае… — нахмурилась она, и Андрол понизил голос:

— Вы, Айз Седай, не единственные, кому хочется уйти.

Женщина взглянула на него, и лицо ее сделалось совершенно бесстрастным. «Не доверяет мне», — догадался Андрол. Странно, что даже само отсутствие эмоций бывает таким осмысленным.

В отчаянии он шагнул вперед и уперся ладонью в дверной косяк:

— Здесь происходит что-то не то. Все настолько плохо, что вы и представить себе не можете. Когда-то давным-давно мужчины и женщины, способные коснуться Истинного Источника, действовали сообща. Это делало их сильнее. Пожалуйста, выслушайте меня.

По недолгом размышлении женщина распахнула дверь:

— Только быстрее. Тарны — это моя соседка — сейчас нет, и надо управиться до ее возвращения.

Андрол переступил порог избушки. Он понятия не имел, куда сделал шаг — на пиратский бриг или в пасть рыбы-льва, — но чему быть, того не

миновать.

Глава 57
Кролик на ужин

Ослепленный белой вспышкой, Мэт едва не шлепнулся на неровный пружинистый грунт, выругался и оперся на ашандарей, чтобы устоять на ногах. Пахло травой и листьями, сырой землей и трухлявым деревом. В тени жужжали насекомые.

Белизна исчезла, зрение вернулось к нему, и Мэт понял, что стоит возле Башни Генджей. Вообще-то он отчасти ожидал, что снова окажется в Руидине. Как видно, копье вернуло его в то место, откуда он пришел из своего мира. Том сидел на земле, поддерживая Морейн, а та моргала и осматривалась по сторонам.

Мэт повернулся к башне, указал на ее вершину

и в сердцах крикнул:

— Знаю, что вы за мной наблюдаете!

У него все получилось. Проклятье! Мэт выбрался от них живым!

— Ну что, одолел я вас, огрызки подошвенные?! Я, Мэтрим Коутон, выпутался из ваших силков! Ха! — Он воздел ашандарей. — И вы сами, сами дали мне возможность уйти! Пожуйте-ка эту горечь на обед, вы, проклятые, растреклятые, лживые ублюдки!

Он просиял, воткнул копье тупым концом в землю рядом и довольно кивнул: никому не заткнуть за пояс Мэтрима Коутона! Ему врали, угрожали, кормили его мутными пророчествами, даже потом повесили. Но в конце концов Мэт остался в прибытке.

— Кто был тот, третий? — раздался у него за спиной негромкий голос Морейн. — Тот, кого я видела, но чьего имени не знаю?

— Его с нами больше нет, — мрачно сказал Том.

Мэт приуныл. За победу пришлось заплатить чудовищную цену. Выходит, все это время он путешествовал в обществе легенды?

— Он был нашим другом, — тихо добавил Том.

— И великим человеком. — Мэт выдернул

ашандарей из мягкой почвы. — Когда будешь сочинять об этом балладу, Том, не забудь сказать, что герой тут он, а не мы.

Том бросил на него понимающий взгляд и кивнул:

— Мир пожелает узнать, что стало с этим человеком.

О Свет! Если так подумать, Том вовсе не удивился, услышав, что Ноэл — это Джейин Далекоходивший. Выходит, он знал. Но когда же он догадался? И почему не рассказал Мэту? А еще друг называется!

Мэт покачал головой:

— Так или иначе, мы выбрались. Но в следующий раз, Том, когда я, чтоб мне сгореть, надумаю вести переговоры, подкрадись со спины и тресни мне по башке чем-нибудь большим, тяжелым и тупым. А потом сам договаривайся.

— Твоя просьба принята к сведению.

— Давайте-ка отойдем куда-нибудь в другое место. Не по душе мне, когда над головой нависает эта треклятая башня.

* * *

— Да, — подтвердила Морейн, — можно сказать, они питаются эмоциями. Хотя вместо «питаются»

я предпочла бы «наслаждаются». Для выживания наши эмоции им не нужны, но доставляют этим созданиям громадное удовольствие.

Они расположились в лесистой лощине неподалеку от башни, рядом с лугом, за которым текла Аринелле. Благодаря густому пологу древесных крон воздух здесь был прохладен, а еще из-за деревьев не было видно металлической башни.

Мэт устроился на небольшом замшелом валуне, а Том занимался костром. В кармане у него нашлось несколько чиркалок Алудры и паратройка маленьких кулечков с чаем, хотя согреть воду было не в чем.

Морейн, по-прежнему закутанная в плащ Тома, сидела на земле, прислонившись к стволу упавшего дерева. Плащ она придерживала запахнутым рукой изнутри, и тот укрывал ее сверху донизу, за исключением лица и тех темных кудряшек. Сегодня она выглядела как обычная женщина, хотя в памяти Мэта походила на статую: всегда бесстрастная, лицо как полированный камень, глаза — будто темно-коричневые топазы.

Теперь же перед Мэтом сидела светлокожая розовощекая женщина — очаровательная, если не считать нестареющего лица Айз Седай, об-

рамленного естественными завитками волос. Впрочем, сегодня на нем читалось больше чувств, чем помнил Мэт: нежность, с которой Морейн поглядывала на Тома, и легкий испуг, когда она рассказывала о заточении в башне.

На Мэта, однако, она посматривала прежним оценивающим взглядом. Да, все та же Морейн. Только смиренная, хотя, как ни странно, из-за этой нерешительности она казалась сильнее.

Том пытался раздуть робкое пламя. Оно разродилось завитком дыма, после чего дрогнуло и погасло. Видать, дерево было слишком влажное. Том выругался.

— Ничего, Том, — тихо промолвила Морейн. — Меня все устраивает.

— Нельзя, чтобы ты простудилась сразу после того, как тебя освободили из этого… места, — заявил Том.

Он достал чиркалку, но дрова вдруг заискрились, и огонь с веселым шипением заплясал на подмокшей древесине.

Мэт взглянул на сосредоточенное лицо Морейн.

— Ого! — сказал Том и усмехнулся. — Чуть не забыл…

— Больше я ни на что не способна. По крайней

мере, в одиночку. — Морейн скроила гримасу.

О Свет! Разве в прошлом она гримасничала? Ну уж нет, для этого Морейн была слишком высокомерной. Или Мэт запамятовал?

Морейн. Проклятье! Рядом с ним сидела Морейн! Да, Мэт заявился в башню только для того, чтобы спасти эту женщину, но поверить не мог, что говорит с ней. Все равно что говорить… Ну, все равно что разговаривать с Бергитте Серебряный Лук или Джейином Далекоходившим! Мэт улыбнулся и помотал головой. Насколько же он удивительный, этот мир — и место, отведенное в нем Мэтриму Коутону!

— О чем ты? — спросил Том, подкармливая костер хворостом. — Что значит «я ни на что не способна»?

— Илфин и Элфин, — спокойным голосом объяснила Морейн. — От самых сильных эмоций они получают огромное удовольствие. Больше всего их пьянят чувства та'веренов, но в прочих эмоциях они находят наслаждение.

Том бросил на нее хмурый взгляд.

— Моя Сила, Том, — продолжила Морейн. — Я слышала, как они поскуливают и шипят друг на друга, смакуя мою Силу. То Илфин, то Элфин, по очереди. Думаю, нечасто им перепадают Айз

Седай. Пожирая мою способность направлять, они получали двойное наслаждение — во-первых, от моего отчаяния, а во-вторых, от самой Силы. Теперь я мало на что способна. Они утверждали, что убили Ланфир, осушив ее быстрее, чем следовало. Может, просто хотели запугать меня. Однажды, когда я пришла в себя, в зале был человек. Он сказал им, что я не та, кто ему нужен. — Морейн умолкла и вздрогнула. — Иногда хотелось, чтобы меня побыстрее выпили. Чтобы жизнь оборвалась.

На привале стало тихо, разве что потрескивали дрова в костре. Том с беспомощным видом смотрел на Морейн.

— О чем горюешь, Том Меррилин? — улыбнулась Морейн. — Да, ощущения были весьма неприятные, но любому знакомы моменты подобного отчаяния. Я верила, что ты придешь.

Она высвободила руку из-под плаща, обнажив ключицу и худое бледное плечо, и потянулась к менестрелю. Том растерялся, затем взял ее ладонь и сжал в своей руке.

— А ты, Мэтрим Коутон? — взглянула Морейн на Мэта. — Как вижу, теперь ты не просто парнишка с фермы. Как глазница, сильно болит?

Мэт пожал плечами.

— Будь у меня такая возможность, я Исцелила бы тебя, — сказала Морейн. — Но даже будь я сильна, как раньше, я не сумела бы вернуть тебе глаз. — Она понурилась, отпустила ладонь Тома и подняла руку. — Ангриал у тебя?

— О да. — Том выудил из кармана странный браслет и надел его на запястье Морейн.

— С этим, — сказала она, — мне хватит сил, чтобы унять боль. Браслет надели на меня, чтобы я могла зачерпнуть больше Силы. Чтобы сочнее был корм. Вообще-то, такова была одна из трех моих просьб. Я и подумать не могла, что ее обернут против меня.

— Неужто они исполнили твои просьбы? — сдвинул брови Мэт.

— Я прошла через тер'ангриал, — ответила Морейн. — Древний договор соблюдается обеими сторонами, хотя после разрушения портала выйти не так-то просто. Я… по прошлому опыту я знала, что не сумею сбежать, если только вы не вернетесь за мной. И не важно, каковы мои просьбы и насколько аккуратно я их формулирую. Поэтому я хорошенько все обдумала.

— И о чем попросила? — полюбопытствовал Мэт. — За исключением ангриала?

— Пока что умолчу об этом, — улыбнулась

Морейн. — Но ты, юный Мэтрим, заслужил благодарность. За спасение моей жизни.

— Выходит, теперь мы квиты, — сказал он. — Ты тоже спасла меня — от жизни в Двуречье. И чтоб мне сгореть, если с тех пор моя жизнь не неслась галопом.

— Как твоя рана?

— Болит, но не особо. — На самом деле в глазнице пульсировала жгучая и очень-очень сильная боль. — Незачем тратить на меня свои силы.

— Понятно. Все еще боишься Единой Силы…

— Боюсь? — ощетинился Мэт.

— И не без причины, думаю. — Морейн отвела взгляд. — Но помни: иной раз самые тяжкие испытания в жизни идут нам на пользу.

Да, она осталась все той же Морейн: что ни слово, так совет или назидание. Хотя… после всего, что ей довелось пережить, у Морейн было полное право читать нотации на тему страданий. О Свет! Она знала, что с ней будет, — и все равно затащила Ланфир в тот тер'ангриал? Похоже, герой здесь не Мэт и, может, даже не Ноэл.

— И что теперь? — спросил Том, устраиваясь на пеньке. От костра исходило приятное тепло.

— Я должна отыскать Ранда, — ответила Морейн. — Ему понадобится моя помощь. Надеюсь,

в мое отсутствие дела у него шли неплохо?

— Чего не знаю, того не знаю, — признался Мэт. — Он наполовину спятил, и чуть ли не все в растреклятом мире готовы вцепиться друг другу в горло.

Разноцветная карусель. Ранд ужинает с Мин. Мэт отогнал этот образ.

Морейн приподняла бровь.

— Но, — признал Мэт, — он собрал почти всех для Последней битвы. И по словам Верин, умудрился очистить саидин от порчи.

— Благослови его Свет, — прошептала Морейн. — Но как?

— Не знаю.

— В таком случае все меняется. — Она широко улыбнулась. — Он исправил то, что загубил однажды. «Нашу боль породил Дракон, эту рану залечит он».

— Мэт все твердит, что надо устроить празднество. Отметить твое возвращение, — заметил Том. — Предположу, что он всего лишь ищет повод надраться.

— Это не предположение, а несомненный факт, — добавил Мэт. — В любом случае Ранд сейчас занят. Илэйн говорила, у него намечается какая-то встреча с присягнувшими ему монар-

хами.

— Значит, Илэйн теперь королева?

— Вот именно. Ее мать убил Равин, — объяснил Мэт.

— Ты уже говорил.

— Говорил? Когда?

— Целую жизнь тому назад, Мэтрим, — с улыбкой ответила Морейн.

— Ой. В общем, Ранд прикончил Равина, так что нет худа без добра.

— А что с другими Отрекшимися? — спросила Морейн.

— Понятия не имею.

— Мэт был так занят, что не успевал следить за событиями, — подхватил Том. — Спросишь, чем занимался наш Мэт? К примеру, взял в жены императрицу Шончан.

— Чего-чего? — изумленно заморгала Морейн.

— Это случайно получилось, — пробурчал Мэт и нахохлился.

— То есть ты женился на шончанской императрице, да еще и случайно?

— У них довольно странные обычаи. — Мэт надвинул шляпу на самый нос и вымученно усмехнулся. — Да и народ странный.

— Та'верен… — задумчиво произнесла Морейн.

Почему-то Мэт знал, что услышит от нее это слово. О Свет! Ну да ладно. Как же хорошо, что она рядом! Мэт не уставал дивиться этому чувству. Кто бы мог подумать! Ему, Мэту, приятно сидеть в обществе Айз Седай?!

— Что ж, — сказала она, — как вижу, мне предстоит узнать много нового. Но сперва надо отыскать Ранда.

И еще Мэт не сомневался, что она попробует взять командование на себя.

— Ты поищи его, Морейн, а у меня найдутся дела в Кэймлине. Не сочти за грубость, но уж как есть, так есть. Да и тебе неплохо бы там появиться. Если кто и поможет с поисками Ранда, то в первую очередь Илэйн.

Треклятое разноцветье! Мало того что глаза лишился, так еще и эти, чтоб их, видения наплывают всякий раз, когда вспоминаешь Ран…

«Чтоб им сгореть! Пропади они пропадом, эти видения!»

Морейн с недоумением смотрела, как он, покрасневший, трясет головой. Наверное, решила, что с ним приключился какой-то припадок.

— Там будет видно, Мэтрим, — сказала она, потом взглянула на Тома.

Тот встал, держа в руке кулечки с чаем. Мэт

даже подумал, что менестрель готов кипятить воду в собственных ладонях, лишь бы угостить Морейн чашкой теплого чая. Том ответил ей нежным взглядом, и Морейн потянулась к нему:

— Дорогой мой Том! Я бы вышла за тебя замуж, если тебя устроит такая жена.

— Что-что?! — воскликнул Мэт, вскакивая и хватаясь за лоб, едва не сбив при этом шляпу. — Ну-ка, повтори!

— Цыц, Мэт, — одернул его Том. Он не принял предложенной руки. — Знаешь, Морейн, я никогда не питал особой симпатии к женщинам, способным направлять Единую Силу. Знаешь, это сдерживало меня в прошлом.

— Теперь я почти утратила свои способности, дорогой мой Том. Без этого ангриала моих сил не хватит, чтобы в Белой Башне стать хотя бы принятой. Я выброшу браслет, если ты того желаешь. — Едва не обнажившись, она высвободила из-под плаща вторую руку и сняла ангриал.

— Не надо, Морейн. — Том опустился на колени и сжал ее ладони в своих. — Нет, я не хочу, чтобы ты жертвовала чем-то ради меня.

— Но с этой вещью я буду очень сильна. Сильнее, чем до заточения в башне.

— Значит, так тому и быть, — сказал Том и на-

дел браслет ей на руку. — Я готов жениться прямо сейчас, если тебе так угодно.

Она с благодарностью улыбнулась.

Мэт ошалело наблюдал за происходящим.

— Проклятье, да кто вас поженит-то? — наконец выпалил он. — Лично я этого делать не собираюсь. Уж будьте уверены!

Оба взглянули на него: Том — хмуро, Морейн — с намеком на улыбку.

— Теперь понимаю, почему та шончанка выбрала именно тебя, — заметила она. — У тебя определенно романтический склад ума.

— Просто… — Мэт стянул с головы шляпу и стал мять ее в руках, смущенно поглядывая то на Тома, то на Морейн. — Просто… Чтоб мне сгореть! Как я этого-то не замечал? Почти все время, когда вы вместе были, я рядом болтался! С каких это пор вы любовь крутите?

— Невнимательный ты парень, Мэт, — заметил Том и повернулся к Морейн. — Полагаю, ты захочешь сделать меня и своим Стражем.

Она улыбнулась:

— Надеюсь, мой прежний Гайдин теперь принадлежит другой.

— На такую работу я согласен, — кивнул Том, — хотя тебе придется объяснить Илэйн, как случи-

лось, что ее придворный бард оказался чьим-то Стражем. — Он помолчал. — Эти плащи, которые меняют цвета… Думаешь, можно будет справить такой же, только с заплатками?

— Да вы рехнулись! — воскликнул Мэт. — Оба! Том, не ты ли мне говорил, что из всех городов на свете тебе больнее всего бывать в Кэймлине и Тар Валоне? А теперь опрометью мчишься к тому моменту, когда придется осесть либо там, либо там!

— Жизнь не стоит на месте, — пожал плечами Том.

— Не так уж много времени я проводила в Тар Валоне, — добавила Морейн. — Думаю, нам понравится путешествовать вместе, Том Меррилин. Если переживем грядущие месяцы. — Она посмотрела на Мэта. — А тебе, Мэт, не следует с таким презрением относиться к узам Стража. В самом скором времени даруемое ими благо принесет людям немало пользы.

— Может, и так. — Мэт снова нахлобучил шляпу. — Но чтоб мне сгореть, если попадусь на эту удочку. Без обид, Морейн, я к тебе со всем уважением. Но связать себя узами с женщиной?! Нет, подобного с Мэтримом Коутоном не случится. Как-нибудь обойдусь.

— Неужели? — усмехнулся Том. — Разве мы не выяснили, что твоя Туон обладает способностями направлять Силу? Вот она подучится, и…

Мэт оцепенел. Кровь и проклятый пепел! Том был прав. Хотя способность направлять Силу превращает ее в марат'дамани, а на такое Туон не пойдет. Поэтому волноваться не о чем.

Верно?

Должно быть, все эти мысли отразились у него на лице: Том рассмеялся, а Морейн снова улыбнулась. Вскоре, однако, оба потеряли интерес к шуточкам и вернулись к негромкой беседе, с нежностью глядя друг на друга. И впрямь любовь. О Свет! Как же Мэт не понимал этого раньше? Он чувствовал себя человеком, выставившим хряка на лошадиные бега.

Так что Мэт решил убраться от этой парочки подальше, чтобы они побыли наедине, и отправился осматривать местность, где должны были открыться переходные врата. И лучше бы они открылись, ведь их припасы остались в Башне Генджей, и Мэт отнюдь не горел желанием останавливать проплывающий по реке корабль, а потом еще тащиться на нем до самого Кэймлина.

Он пересек неширокий луг и оказался на берегу Аринелле. Там он соорудил в память о Ноэле

каменный курганчик, потом положил на него шляпу и сел рядом, чтобы все обмозговать.

Морейн в безопасности. Мэт выжил, хотя треклятая глазница болела как Свет знает что. Он по-прежнему не знал, остались или нет у Илфин и Элфин ниточки, которыми они его опутали, но он побывал у них в логове и вышел, фигурально выражаясь, почти целым и невредимым.

Разве что без глаза. Скажется ли это на боевых навыках? Этот вопрос беспокоил Мэта сильнее прочих. Он, конечно, хорохорился, но о внутреннем спокойствии и речи не шло. А что скажет Туон, увидев лишившегося глаза мужа? Мужа, который оказался не в силах защитить себя?

Мэт достал нож и подбросил его на ладони, а потом, поддавшись внезапному порыву, метнул клинок, не глядя, за спину и услышал негромкий писк. Повернувшись, он увидел, что нож угодил в кролика, и тот, пронзенный клинком, растянулся на земле. Вот тебе и бросок наудачу!

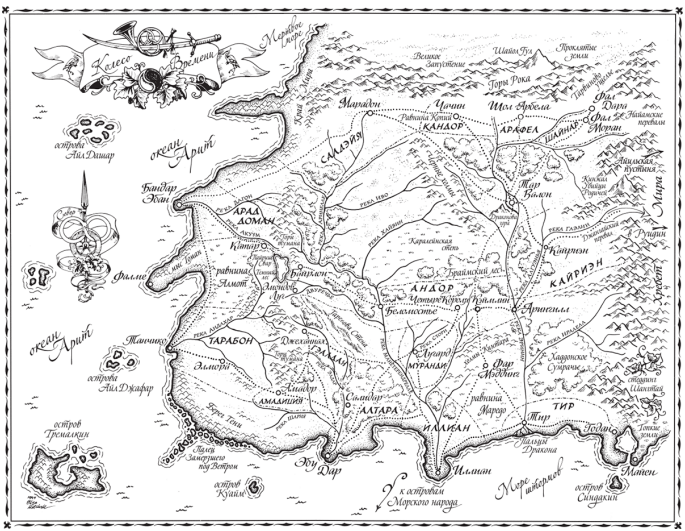
Мэт улыбнулся и глянул в сторону реки. Там, меж двух прибрежных камней что-то застряло. На поверку оказалось, что это перевернутый котелок с медным дном и парой вмятин по бокам, а в остальном почти новый. Наверное, его обронил какой-то путник.

Ну и пусть. Пускай Мэт не сможет верно оценивать расстояние и будет видеть хуже обычного. Все равно настоящая удача приходит, когда не смотришь.

Он улыбнулся шире прежнего, подхватил кролика — освежует его на ужин — и выудил из реки котелок.

Похоже, сегодня Морейн все-таки попьет чаю.

Эпилог
Потом



В своем новом дворце Грендаль торопливо собирала все, без чего не могла обойтись. Из стола она достала маленький ангриал, который заполучила у Месаны в обмен на сведения, — миниатюрный ножичек, вырезанный из драгоценной поделоч-

ной кости. Золотое кольцо сгинуло при атаке ал'Тора.

Грендаль бросила ножичек в сумку, затем схватила лежавшую на кровати связку бумаг: список глаз-и-ушей, имена всех агентов, которые она сумела вспомнить после того, как был уничтожен Натринов Курган.

Волны с грохотом разбивались о скалистый берег. Было еще темно. Лишь считаные мгновения тому назад последняя затея Грендаль закончилась ничем, и Айбара уцелел на поле боя. А все должно было — должно было! — получиться.

Богатый особняк стоял в нескольких лигах от Эбу Дар. Теперь, когда Семираг больше не было, Грендаль взялась опутывать паутиной новую императрицу, похожую на ребенка, но пришла пора отказаться от этих замыслов.

Перрин Айбара сбежал. Даже не верится! Все детали плана идеально встали по местам, а затем… а затем он взял и удрал. Но как? Ведь пророчество… в нем говорилось…

«Что за дурак этот Изам! — бормотала про себя Грендаль, запихивая бумаги в сумку. — А белоплащник вообще идиот!» Она вспотела. С чего бы?

На столе лежало несколько тер'ангриалов.

Грендаль сгребла их в сумку, после чего стала рыться в шкафу, выбирая запасную одежду. В этом мире он найдет ее повсюду, но, быть может, одно из зеркальных пространств Портального камня… Точно. Там его связи не настолько…

С шелковыми платьями в руках она повернулась и похолодела. В комнате стояла еще одна фигура. Высокая, будто столб, задрапированный в черную ткань. Без глаз. С улыбкой на губах цвета смерти.

Грендаль выронила одежду и упала на колени. С виска на щеку скользнула струйка пота.

— Грендаль, — начал рослый мурддраал, чей жуткий голос походил на последний шепот умирающего. — Ты потерпела неудачу, Грендаль.

Шайдар Харан. Хуже некуда.

— Я… — Она облизнула пересохшие губы. Как бы представить поражение победой? — Все идет по плану. Это лишь…

— Мне известно, что у тебя на душе, Грендаль. Я вкушаю твой ужас.

Она плотно закрыла глаза.

— Месана больше не с нами, — шептал Шайдар Харан. — Твоими действиями погублено трое Избранных. Твои планы как решето, сплошные провалы и вопиющая некомпетентность.

— Я не имела никакого отношения к тому, что стало с Месаной!

— Никакого? Там был шип сновидений, Грендаль. Те, кто сражался бок о бок с Месаной, рассказали, что пробовали Переместиться и заманить Айз Седай туда, где их ждала ловушка. Они не собирались принимать бой в Белой Башне, но не сумели оттуда уйти. И все из-за тебя.

— Изам…

— Он был инструментом в твоих руках. В поражении виновата ты, Грендаль.

Она вновь облизнула губы. Во рту не осталось ни капли слюны. Должен, должен же быть какой-то выход!

— У меня есть план получше, более дерзкий. Вы останетесь довольны. Ал'Тор уверен, что я мертва, а поэтому я могу…

— Не можешь.

Так тихо… и так жутко. Грендаль поняла, что лишилась дара речи. У нее отняли голос.

— Не можешь, — повторил Шайдар Харан. — Эту возможность предоставили другим. Но о тебе, Грендаль, не забудут.

Она с надеждой вскинула глаза на опущенное к ней безглазое лицо. Мертвые губы широко улыбались. Внутри у Грендаль все оборвалось.

— Нет, — сказал Шайдар Харан. — Я не забуду о тебе. И ты навсегда запомнишь то, что будет дальше.

Она распахнула глаза и не сдержала крика, когда к ней потянулась рука мурддраала.

* * *

В небе зарокотало; трава вокруг Перрина всколыхнулась. Как и в реальном мире, ее испещряли черные пятна. Умирал даже волчий сон.

Воздух полнился нездешними запахами — горящего костра, засыхающей крови, тухлых яиц и мертвой плоти какого-то неведомого ему животного.

«Нет, — подумал Перрин. — Нет, так не будет».

Он собрал волю в кулак. Эти запахи должны исчезнуть. И они исчезли, а на смену им пришли ароматы лета. Вокруг ожили и расцвели запахи травы, ежиков, пчел, мха, мышей, синекрылых голубок и пурпурного чечевичника.

Перрин решительно стиснул зубы. Реальность волнами исходила от него, смывая черноту с растений. Тучи над головой пошли складками, затем расступились, и на землю хлынул солнечный свет. Гром стих.

«И Прыгун жив, — подумал Перрин. — Несо-

мненно! Я чую запах его шерсти. Слышу, как он резвится в траве».

Рядом появился волк — так, словно материализовался из тумана. Серебристо-серый, седой и старый. Перрин ощутил внутренний трепет от своего могущества. Он и впрямь был настоящим.

А потом Перрин увидел глаза волка. Лишенные всякой жизни.

Запах стал затхлым. Каким-то неправильным.

Перрин так сосредоточился, что даже вспотел от напряжения. Что-то в нем надломилось. Он снова забылся в волчьем сне, слишком глубоко в него уйдя; пытаться взять это место под контроль — все равно что удерживать волка в ящике.

Он вскрикнул и упал на колени. Рожденный туманом Прыгун, который был не Прыгун, превратился в облачко дыма, и над головой опять сомкнулись тучи. Грозовую пелену рассекла молния, растения покрылись черными пятнами, вернулись нездешние запахи.

Перрин стоял на коленях, зарывшись ладонью в черно-бурую траву, колючую и неестественно жесткую. По лбу струился пот.

Вспомнилась Фэйли — в их шатре на Поле Мерилор. Где его дом? Там, где Фэйли. Ранд обещал прийти, и он пришел. А завтра намечается про-

тивостояние с Эгвейн. Мысли о реальном мире удерживали Перрина, помогая ему не потеряться в волчьем сне.

Он встал. Здесь он способен на многое, но его возможности не безграничны. У всего есть свои пределы.

Найди Вольного. Он объяснит.

Последнее послание от Прыгуна. Что оно означало? Волк сказал, что Перрин нашел ответ. И теперь Вольный разъяснит его, этот ответ? Послание было пропитано болью, чувством утраты и удовлетворением оттого, что Перрин принял волка внутри себя. Последний образ: гордый волк с лоснящейся шерстью, решительно устремившийся в тьму.

Перрин перенесся на Джеханнахскую дорогу, где частенько рыскал Вольный с остатками стаи. Потянувшись в пространство вокруг, Перрин нашел его, поджарого молодого самца с бурой шерстью. Вольный поддразнил его, ответив образом Перрина в виде быка, который топтал копытами оленя. Остальные не обратили на этот образ особого внимания, но Вольный все помнил.

«Вольный, — позвал Перрин, — Прыгун сказал, что ты мне нужен».

Волк исчез.

Перрин вздрогнул, затем перенесся туда, где только что был Вольный, — на вершину скалы в нескольких лигах от дороги. Он уловил легчайший запах того места, куда отправился волк, и последовал за ним. Чистое поле, вдалеке — ветхий на вид амбар.

«Вольный?» — окликнул Перрин. Волк прятался в кустах неподалеку.

Нет. Нет!

Послание Вольного сопровождалось испугом и гневом.

«В чем я виноват?»

Волк умчался прочь, оставив в воздухе размытый след. Перрин зарычал, упал на четвереньки и превратился в Юного Быка, а тот последовал за Вольным. В ушах свистел ветер. Чтобы бежать еще быстрее, Юный Бык сделал так, чтобы воздух расступался перед ним.

Вольный хотел удрать, но Юный Бык не отставал. Наконец он очутился посреди океана. Встал на волны — те затвердели под подушечками лап — и, не сбавляя темпа, помчался за Вольным.

В посланиях волка мельтешили образы. Леса. Города. Поля. Образ Перрина, стоящего за прутьями клетки и глядящего на волка внутри.

Перрин растерялся и вновь стал человеком. Он замер на горбатой волне, медленно поднимаясь все выше и выше. «Что?!» В том послании был образ молодого Перрина. А рядом… Морейн! Откуда Вольный знает, что…

И вдруг Перрин все понял. В волчьем сне Вольный всегда обретался в Гэалдане.

«Ноам», — позвал он волка, который был уже далеко.

Вольный ответил изумлением, а затем его сознание исчезло. Перрин сместился туда, где только что был волк, и почуял деревеньку. Амбар. Клетку.

Туда и отправился. Вольный лежал на земле меж двух домов и смотрел снизу вверх на Перрина. Его было не отличить от других волков, но теперь Перрин понимал, в чем его особенность. Перед ним был не волк, а человек.

— Вольный. — Перрин опустился на колено и заглянул волку в глаза. — Ноам. Ты помнишь меня?

Ну конечно. Ты Юный Бык.

— Я не об этом. Помнишь, как когда-то давно мы встречались в мире наяву? Ты прислал мне этот образ.

Ноам приоткрыл пасть. В ней появилась здоро-

венная бедренная кость с остатками мяса, и Ноам, завалившись на бок, принялся глодать эту кость.

Ты Юный Бык, — упрямо повторял он.

— Помнишь клетку, Ноам? — негромко спросил Перрин, сопроводив эти слова образом человека в грязных лохмотьях, запертого родными в самодельной деревянной клетке.

Ноам замер. Его очертания дрогнули. На мгновение он превратился в человека, и тут же обратно в волка, после чего издал низкий угрожающий рык.

— Я вспомнил скверные времена не для того, чтобы рассердить тебя, Ноам, — сказал Перрин. — Я… в общем, мы с тобой похожи.

Я волк.

— Да, — согласился Перрин. — Но так было не всегда.

Всегда.

— Нет, — твердо ответил Перрин. — Когда-то ты был таким же, как я. Понимаю, ты не хочешь вспоминать о тех временах, но от этого ничего не меняется.

Здесь меняется, Юный Бык, — ответил Ноам. — *Здесь меняется.*

Верно. Стоит ли давить на него? Но зачем-то Прыгун послал сюда Перрина. Разве способен

Вольный хоть что-то объяснить? Глядя на него, зная, кто он, Перрин чувствовал, как воскресают прежние страхи. Он примирился со своей натурой, но теперь смотрел на человека, полностью утратившего себя, поглощенного волком внутри.

Такая перспектива всегда приводила Перрина в ужас, вбивая клин между ним и волками. Теперь же, когда он поборол эти страхи, Прыгун отправил его сюда — но для чего? Вольный почуял его смятение. Кость исчезла; положив голову на лапы, волк поднял взгляд на Перрина.

Ноам, почти целиком утративший рассудок, думал лишь о побеге и убийстве; он представлял опасность для окружающих. Но не теперь. Теперь Вольный, как видно, был вполне доволен собой. Освободив Ноама, Перрин опасался, что тот вскорости умрет, но, похоже, он остался жив-здоров. По крайней мере, жив: негоже судить о здоровье человека по его облику в волчьем сне.

Однако мыслил Вольный вполне здраво. Перрин призадумался. Морейн тогда сказала, что в сознании этого существа не осталось ничего от человека по имени Ноам.

— Вольный, как ты относишься к миру людей? — спросил Перрин.

В ответ хлынула стремительная череда обра-

зов: боль, печаль, гниющий на корню урожай и снова боль. Полупьяный тучный здоровяк колотит миловидную женщину. Опять боль. Огонь. Страх, кручина и очередная боль.

Перрин отшатнулся. Вольный не переставал посылать образы. Один за другим. Могила. Рядом могила поменьше, как будто детская. Разгорающийся пожар. Разъяренный человек. Перрин узнал Ноамова брата, хотя никогда не считал его опасным.

Неостановимый поток образов. Это уже слишком. Перрин взвыл, и этот вой был панихидой по прежней жизни Ноама, погребальной песнью, полной страдания и скорби. Неудивительно, что этот человек предпочел жизнь волка.

Образы схлынули, и Вольный отвернулся. Перрин обнаружил, что еле дышит.

Это — дар, — прислал Вольный.

— Во имя Света… — прошептал Перрин. — Это был осознанный выбор. Ты сам решил стать волком, да?

Вольный закрыл глаза.

— Я всегда думал, что стоит забыться, и волк пожрет меня, — сказал Перрин.

Волк — это покой, — ответил Вольный.

— Да. — Перрин положил ладонь на волчью

голову. — Понимаю.

Вольный нашел свое равновесие, и оно отличалось от равновесия, которое обрел Илайас. И от того, которое нашел Перрин. Теперь он все понял. Это не означало, что терять контроль над существующим внутри волком безопасно, но последний фрагмент головоломки — последний фрагмент самого Перрина — встал на место.

«Спасибо», — передал он Вольному. Образ волка по имени Юный Бык и человека по имени Перрин, стоящих бок о бок на вершине холма, и от обоих пахнет одинаково. Собравшись с силами, Перрин послал этот образ и Вольному, и всем волкам, что были неподалеку. Любому, кто увидит.

«Спасибо».

* * *

– Довай'анди се товиа сагайн. — С этими словами Олвер бросил кости, и те покатились по парусиновому полу палатки. Наконец они замерли, и мальчишка улыбнулся: сплошь черные точки, ни треугольников, ни волнистых линий. Удачный бросок, это уж точно.

Олвер передвинул фишку по изготовленному отцом матерчатому полю для игры в змей и лисиц. Всякий раз, глядя на это поле, он вспоминал

об отце, но держался и не показывал, как ему больно. Воины не плачут. Кроме того, однажды он найдет того Шайдо, который убил его отца. Найдет и отомстит.

Ведь именно так поступают настоящие воины. Наверное, ему подсобит Мэт, когда разберется со своими делами в Последней битве. Ведь он обязан Олверу, и не потому, что мальчишка столько времени был у него на посылках. В первую очередь Мэт должен отблагодарить его за сведения о змеях и лисицах.

В кресле рядом с Олвером сидел Талманес, стоически читавший книгу и почти не уделявший внимания игре. Игрок из него был неважнецкий — гораздо слабее, чем Ноэл или Том. Впрочем, Талманес был здесь не столько ради игры, сколько для того, чтобы присмотреть за Олвером.

Мэту не хотелось, чтобы Олвер узнал, что он отправился в Башню Генджей, а Олвера с собой не взяли. Но тот, не будь дурак, прекрасно понимал, что к чему. На самом деле он вовсе не сердился. Мэту правильнее было взять с собой Ноэла, а раз пойти могли только трое… Что ж, Ноэл сражается получше Олвера, вот его и взяли. Вполне разумное решение.

Но вот в следующий раз выбирать будет Олвер,

и лучше бы Мэту вести себя прилично. Иначе Олвер его никуда не возьмет.

— Твой ход, Талманес, — сказал он.

Кайриэнец что-то пробурчал и, не отрываясь от книги, бросил кубики на игровое поле. Нормальный он дядька, хоть и надменный слегка. С таким не пойдешь выпивать вечерком и ухлестывать за служаночками. Хотя до этих развлечений Олвер пока еще не дорос. Но ничего, дорастет через годик-другой.

Передвинув фигурки змей и лисиц, Олвер сгреб игральные кости для нового броска. Он уже все спланировал. Этих Шайдо на свете великое множество, и он понятия не имел, как найти того, кто убил его родителей, но как-то услышал рассказ Мэта о том, что Элфин отвечают на вопросы. Так Олвер все узнает, а потом выследит нужного Шайдо. Это не сложнее, чем оседлать лошадку. Только надо заранее потренироваться с парнями из Отряда, чтобы научиться сражаться и в соответствующий момент сделать то, что надо сделать.

Очередной бросок, и опять одни точки. Погруженный в мечты о той минуте, когда он наконец-то исполнит свою месть и отплатит как положено за смерть родителей, Олвер с улыбкой

двинул фишку к середине доски и обмер.

Фишка пересекла еще одну черту и оказалась в центральном поле.

— Глянь-ка, я выиграл! — воскликнул Олвер.

Талманес поднял взор, склонил голову к плечу и уставился на доску. Трубка едва не выпала у него изо рта.

— Чтоб мне сгореть… — пробормотал он. — Наверное, мы ошиблись с подсчетами, или…

— С подсчетами ошиблись?

— В том смысле, что… — Талманес замялся. — Ты не мог… В эту игру нельзя выиграть. Нельзя, и все тут.

Чушь какая-то. Разве стал бы Олвер играть, если нельзя выиграть? Он усмехнулся и оглядел расположение фишек на доске. Змеи и лисицы находились в одной клетке от центрального поля, где стояла его фишка. Еще ход, и Олвер проиграл бы. Но на сей раз он прошел по внешнему кольцу и обратно — и победил!

Тоже неплохо. Он уж начал думать, что никогда не одолеет этих змей и лисиц.

Он встал размять ноги, а Талманес выбрался из кресла, присел на корточки над игровым полем и почесал в затылке. Из трубки лениво струился дым.

— Надеюсь, Мэт скоро вернется, — сказал Олвер.

— Нисколько не сомневаюсь, — подтвердил Талманес. — Ее величество дала ему не самое сложное задание.

Было решено, что лучше соврать Олверу: дескать, Мэт, Том и Ноэл отбыли по секретному поручению королевы. Что ж, будет за Мэтом еще один должок. Если честно, иногда Мэт слишком уж трясется над Олвером, словно тот сам о себе позаботиться не в состоянии.

Покачав головой, мальчишка отошел в угол палатки — туда, где возвращения Мэта дожидалась стопка бумаг. Меж двух листков проглядывало что-то интересное. Красное, будто кровь. Олвер присмотрелся, протянул руку и выудил потертое и помятое письмо, запечатанное каплей красного воска.

Мальчишка нахмурился, повертел письмецо в руках. Он видел, как Мэт носит его с собой. Но почему не вскрыл? Не очень-то это вежливо! Сеталль без устали талдычила Олверу о правилах приличия. По большей части несла какую-то лишенную смысла ерунду. В ответ Олвер только кивал — лишь бы позволили уютно свернуться рядом калачиком. Но в одном он был уверен: если

тебе прислали письмо, будь добр распечатать его, а затем напиши вежливый ответ.

Перевернув послание, мальчишка пожал плечами и сломал восковую печать. В конце концов, Олвер был личным посыльным Мэта — официальная должность и все такое прочее. Да и чего удивляться, коли Мэт страдает забывчивостью, ведь всего не упомнишь, а работа Олвера заключается в том, чтобы заботиться о командире Отряда Красной руки. И теперь, когда Лопина больше нет, Мэт как никогда нуждается в заботе. По этой причине — хотя не только поэтому — Олвер и решил остаться в Отряде. Еще неизвестно, что Мэт без него делал бы.

Он развернул письмо, внутри которого обнаружился клочок жесткой бумаги. Сдвинув брови, мальчик пытался разобрать написанное. Олвер неплохо продвинулся с чтением — в первую очередь благодаря усилиям Сеталль, — но некоторые слова вызывали у него затруднения. Он поскреб макушку и сказал:

— Талманес? Думаю, тебе следует это прочесть.

— Что прочесть? — Талманес отвлекся от созерцания игрового поля. — Э-э, Олвер! Что ты наделал? Его нельзя было открывать!

Он встал, приблизился и выхватил письмо из

пальцев мальчугана.

— Но… — начал тот.

— Лорд Мэт не открывал это письмо, — перебил его Талманес, — чтобы не ввязаться в политические игры Белой Башни. Неделями терпел! Ну как тебе не стыдно! Давай-ка посмотрим, нельзя ли сделать как было…

— Талманес, — с настойчивостью повторил Олвер, — по-моему, тут написано кое-что важное.

Кайриэнец растерялся. Какое-то время он явно не знал, как поступить, а затем встал к свету и быстро пробежал по строчкам взглядом — с видом вороватого озорника, второпях набивающего рот едой с тележки зазевавшегося разносчика.

Прочитав письмо, Талманес выругался себе под нос. Перечитал и снова выругался, уже громче. Кинувшись к стойке с оружием, он схватил меч и выскочил из палатки, а письмо осталось лежать на полу.

Олвер просмотрел его снова, проговаривая вслух слова, которые не понял в первый раз.

Мэтрим!

Если ты открыл письмо, значит я мертва. Я планировала обернуться одним днем и освободить тебя от клятвы.

Однако у моей следующей задачи есть немало потенциальных осложнений, и велика вероятность, что я не выживу. Поэтому мне надо знать, что эту работу закончит кто-то другой.

К счастью, если на что и можно мне надеяться, так только на твое любопытство. Подозреваю, ты держался несколько дней, прежде чем распечатал письмо. Это достаточный срок, чтобы я вернулась – если мне вообще суждено было вернуться, – а поэтому дело придется заканчивать тебе.

В Кэймлине есть Путевые врата. Они забаррикадированы, находятся под охраной и считаются безопасными, но это не так.

К Кэймлину по Путям движется громадная армия отродий Тени. Не знаю, когда точно они выступили в поход, но чтобы их остановить, времени должно хватить. Обратись к королеве и убеди ее уничтожить Путевые врата. Именно уничтожить; замуровать их будет недостаточно. Если же это невозможно, пусть королева направит все войска на

охрану Путевых врат.

Если не справишься, то, боюсь, до конца месяца Кэймлин падет.

Искренне твоя, Верин Матвин

Олвер потер подбородок. Что такое Путевые врата? Вроде бы Том и Мэт упоминали их в разговоре. С письмом в руке мальчишка вышел из палатки.

Талманес стоял как вкопанный и смотрел на восток, в сторону Кэймлина. Над горизонтом висела красноватая дымка. Сегодня город светился ярче, чем другими вечерами.

— Да сохранит нас Свет, — прошептал Талманес. — Он горит. Город в огне! — Он потряс головой, словно приводя мысли в порядок, а затем крикнул: — К оружию! В Кэймлине троллоки! На городских улицах начался бой! К оружию, парни! Чтоб мне сгореть, мы должны войти в город и забрать драконов! Попади они в руки Тени, и все будет кончено!

Олвер широко раскрыл глаза и опустил руку с письмом. Троллоки в Кэймлине? Все равно что Шайдо в Кайриэне, только хуже!

Он вбежал в палатку Мэта, споткнувшись о коврик, потом упал на колени рядом со своей койкой

и разорвал боковой шов тюфяка. Наружу полезла шерсть. Просунув руку в дыру, Олвер нашарил и выудил припрятанный там здоровенный кинжал в кожаных ножнах. Его Олвер позаимствовал у Бергевина, одного из квартирмейстеров Отряда Красной руки, когда тот отвернулся.

После Кайриэна Олвер поклялся себе, что отныне не будет праздновать труса. Стиснув обеими руками длинный нож — так, что побелели костяшки пальцев, — он снова выскочил наружу.

Пришло время сражаться.

* * *

Баррига споткнулся, перебираясь через пень срубленного дерева. Из раны на лбу брызнула кровь, и покрытая черными пятнами крапива, казалось, вобрала ее, словно питалась человеческой жизнью. Дрожащей рукой Баррига коснулся лба. Перевязка насквозь промокла.

«Не время медлить. Не время!» Он с трудом встал и бросился в заросли бурого пилолиста, стараясь не смотреть на зубчатые листья, испещренные черными пятнами. Запустение. Он оказался в Запустении! Но что еще было делать? На юге буйствовали троллоки. Все башни пали. Не выстоял и сам Кандор.

Баррига снова оступился, упал на землю, застонал и перекатился на спину. Он находился в лощине меж двух холмов к северу от башни Хиит. В прошлом красивая одежда — кафтан и богатый бархатный жилет — превратилась в заляпанные кровью лохмотья. От Барриги разило дымом. Закрывая глаза, он видел троллоков. Видел, как они набрасываются на караван, убивая солдат и слуг.

Все мертвы. Тум, Йанг… Оба мертвы. О Свет! Никто, никто не выжил!

Баррига задрожал. За что ему такое горе? Он простой купец. «Зря я не послушал Ребека», — мелькнула в голове мысль. Позади осталась дымящаяся башня Хиит, куда направлялся его караван. Но как же так?!

Ладно, разлеживаться некогда. Надо идти. На восток. Баррига доберется до Арафела. Не может такого быть, чтобы и другие государства Порубежья пали.

Он стал взбираться на холм, цепляясь за куцые завитки удушуя, чьи побеги походили на червей. Голова кружилась. Когда он оказался на вершине, в глазах поплыло, и Баррига упал. Промокшая повязка сочилась кровью.

Заметив впереди какое-то движение, он поморгал и сфокусировал взгляд. В небесах клубились

грозовые тучи. Перед Барригой возникли три ловко двигавшиеся фигуры в черно-коричневых одеждах. Мурддраалы!

Нет. Он сморгнул кровь и слезы. Нет, вовсе не мурддраалы. Это были люди. У каждого за спиной короткие копья, лицо прикрыто красной вуалью. Все трое шли пригнувшись и внимательно осматривали местность.

— Хвала Свету, айильцы! — прошептал он. Баррига был в Андоре, когда там объявился Ранд ал'Тор. Всем известно, что айильцы следуют за приручившим их Драконом Возрожденным.

«Я спасен!»

К нему подступил один из троицы. Почему у него красная вуаль? Странное дело. Взгляд жесткий, темные глаза как остекленевшие. Айилец опустил вуаль, открыв улыбающееся лицо.

У него были острые подточенные зубы. Улыбка сделалась шире, и человек вытащил поясной нож.

Глядя на этот жуткий оскал и злорадное ликование в глазах своего убийцы, Баррига залепетал что-то нечленораздельное. Это были вовсе не айильцы. А нечто совсем иное.

Это был оживший кошмар.

* * *

Во сне Ранд ал'Тор, Дракон Возрожденный, спокойно сидел, вдыхая прохладный освежающий воздух. Рядом, ласково целуя кожу, проплывали влажные белые облака.

Его ночным троном был плоский булыжник на горном склоне. Внизу, за облаками, виднелась узкая долина. Место не было настоящим. Оно даже не находилось в Мире снов, где он сражался с Отрекшимися, — пространстве, о чрезвычайной опасности которого не раз предупреждали Ранда.

Нет, это был один из его обычных снов. Теперь Ранд умел их контролировать. В этих снах он, защищенный малыми стражами, мог спокойно все обдумать, пока его тело отдыхало рядом с Мин в новом лагере на Поле Меррилор, окруженном порубежниками. Здесь же находилась Эгвейн со своими армиями. Ранд был к этому готов. Сказать больше, на это он и рассчитывал.

Наутро все остальные выслушают его требования. Нет, он не станет убеждать их не мешать ему уничтожить печати. Печати он сломает независимо от мнения Эгвейн. Нет, его требования будут обращены к монархам государств мира

— а взамен он отправится к Шайол Гул, чтобы противостоять Темному.

Он не знал, что делать, если ему откажут. Хотя отказать будет непросто. Бывает, полезно иметь репутацию человека, склонного к импульсивным поступкам.

Ранд вздохнул, глубоко и умиротворенно. Здесь, в его снах, холмы оставались зелеными. Такими, как он их помнил. Там, внизу, в безымянной долине, укрытой за Горами тумана, он начал путешествие — не первое и не последнее, но, пожалуй, самое важное и уж точно самое болезненное.

— А теперь я вернулся, — прошептал он. — И снова изменился. Человек беспрестанно меняется.

Гармоничным было это возвращение — туда, где он впервые дал отпор убийце внутри себя, где он впервые пробовал сбежать от тех, кого должен был держать поблизости. Он закрыл глаза, наслаждаясь спокойствием. Безмятежностью. Гармонией.

Откуда-то издалека донесся крик боли.

Ранд открыл глаза. Что это было? Он встал и осмотрелся. Это место, защищенное и безопасное, существовало только в его сознании. Не может

быть…

Снова тот же крик. Где-то далеко. Он нахмурился, поднял руку, и пространство развеялось, словно туман. Теперь Ранд стоял в кромешной тьме.

«Здесь», — подумал он и, очутившись в длинном коридоре, зашагал вперед. Гулкий звук шагов отражался от стен, отделанных темным деревом. Эти вопли выбили его из равновесия. Кому-то было очень больно, и этот «кто-то» нуждался в его помощи.

Ранд сорвался на бег. Вот она, дверь в конце коридора, тоже деревянная, красно-коричневая и узловатая, словно толстые корни очень старого дерева. Ранд схватился за ручку — вернее, отросток корня — и рванул дверь на себя.

В просторной комнате было черным-черно, будто в глубокой подземной пещере. Казалось, сами ее стены впитывают и поглощают свет. Отсюда и доносились крики — слабые, будто приглушенные кромешным мраком.

Ранд переступил через порог, и его поглотила тьма, будто высасывающая саму жизнь, как сотни пиявок высасывают кровь из вен, но он не остановился. Непонятно было, где кричат, и поэтому Ранд пробирался вдоль стены — на ощупь

костяной, гладкой, но местами растрескавшейся.

Комната была круглой. Такое чувство, что Ранд оказался внутри громадного черепа.

«Вот!» Впереди едва заметный свет, единственная свеча на полу из черного мрамора. Ранд поспешил к ней. Да, рядом фигура, сгорбилась у белой костяной стены. Женщина с серебристыми волосами, облаченная в тонкую белую сорочку.

Теперь она плакала, вздрагивая всем телом. Ранд опустился перед ней на колени; воздух дрогнул, и свеча едва не погасла. Как эта женщина угодила к нему в сон? Она настоящая? Или порождена его сознанием? Ранд коснулся ее плеча.

Женщина взглянула на него. Покрасневшие глаза, гримаса боли на лице, с подбородка капают слезы.

— Прошу! — взмолилась она. — Нет, заклинаю! Я в его власти!

— Кто ты?

— Ты знаешь, кто я, — прошептала женщина и вцепилась ему в руку. — Прости. Мне так жаль! Я у него в руках, и каждый вечер он истязает мою душу снова и снова. Ох, умоляю, пусть это закончится! — Из глаз у нее опять хлынули слезы.

— Мы не знакомы, — возразил Ранд. — Я…

Эти глаза, прекрасные и внушающие ужас…

Ранд ахнул и выпустил руку женщины. Лицо было другое, но душа… Он и впрямь знал эту душу.

— Майрин? Но ты мертва! Я видел, как ты умерла!

— Увы, — покачала головой она. — Как же я хочу умереть… Умоляю! Он перемалывает мне кости, ломает их, как сухие веточки, и оставляет умирать, а затем Исцеляет ровно настолько, чтобы я выжила. Он… — Женщина осеклась и задрожала.

— Что?

Широко раскрыв глаза, она обернулась к стене и выкрикнула:

— Нет! Он идет! Очернитель истины, Тень в сознании каждого из людей. Нет!

Она развернулась, потянулась к Ранду, но что-то удержало ее у стены, потащило назад; стена расступилась, и женщина исчезла во тьме.

Ранд прыгнул вперед, протягивая руку, но опоздал: он лишь мельком заметил, как Майрин падает в черную бездну.

Замерев, Ранд смотрел ей вслед. Поискал в душе спокойствие, но нашел только ненависть, тревогу и растревоженную гадюку физического влечения. Он только что держал за руку Майрин Эронайл — женщину, которую однажды называл

«леди Селин».

Хотя большинству смертных она была известна под именем, которое взяла себе сама. Ланфир.

* * *

Лан смотрел вниз, на обезображенный пейзаж. По лицу хлестал колючий сухой ветер. Тарвиново ущелье — широкий каменистый перевал, заросший порченной Запустением нож-травой. Когда-то оно было частью Малкир. Лан снова дома. В последний раз.

По другую сторону ущелья сгрудились троллочьи войска. Тысячи. Десятки, если не сотни тысяч. Раз в десять больше армии Лана, собранной во время перехода по землям Пограничных земель. Обычно люди держали оборону на своей стороне ущелья, но Лан не мог так действовать.

Он пришел сюда, чтобы нанести удар во славу Малкир. Слева от него ехал Андер, справа — юный Кайзель Кандорский. Последнее время Лан что-то чувствовал, что-то вдалеке, и это смутное ощущение придавало ему сил. Изменились узы, а с ними и эмоции.

В глубине своего сознания он по-прежнему чувствовал великолепную, страстную, неравнодушную Найнив. Понимать, какими страданиями

обернется не для другой, а для Найнив его смерть, было больно, но эта близость с ней — последняя близость — придавала ему сил.

Горячий и чересчур сухой ветер, от которого пахло пылью и грязью, вытягивал из глаз последнюю влагу. Лан заморгал.

— Годится, — сказал Кайзель.

— Что? — не понял Лан.

— Место для атаки.

— Да, — согласился Лан.

— По крайней мере, на первый взгляд, — поправился Кайзель. — Отважное решение. Пусть Тень увидит, что нас не сломить. Что мы не струсили. Ведь это ваша земля, лорд Мандрагоран.

«Моя земля», — подумал он. Да, так и есть. Он направил Мандарба вперед и прокричал:

— Я — ал'Лан Мандрагоран, лорд Семи Башен, защитник Стены Первых Огней и обладатель меча Тысячи Озер! Когда-то меня назвали *Аан'аллейн*, но я отрекаюсь от этого звания, поскольку отныне я не один. Бойся меня, Тень! Бойся и знай: я вернулся за тем, что мое по праву. Пусть я король без королевства, но все-таки — король!

С этими словами он поднял меч, и армия за спиной разразилась криками ликования. Лан послал Найнив последнюю и самую сильную волну

любви, а затем шенкелями отправил Мандарба в галоп.

Армия устремилась вслед за ним. Все верхом — кандорцы, арафелцы, шайнарцы, салдэйцы, но в основном малкири. Лан не удивился бы, узнав, что здесь собрался весь народ его бывшего королевства, все, кто жив и способен держать оружие.

Они мчались вперед, подбадривая друг друга боевыми возгласами, поигрывая мечами и опуская пики. Копыта — раскатистее грома, голоса — громче бурного прибоя, честь — жарче пылающего солнца. Числом двенадцать тысяч конников, а против них — по меньшей мере стопятидесятитысячная армия.

«Этот день будут вспоминать с гордостью, — думал на полном скаку Лан. — Последняя атака Золотого журавля. Последний бой малкири».

Вот он, конец. И они встретят его с воздетыми клинками.

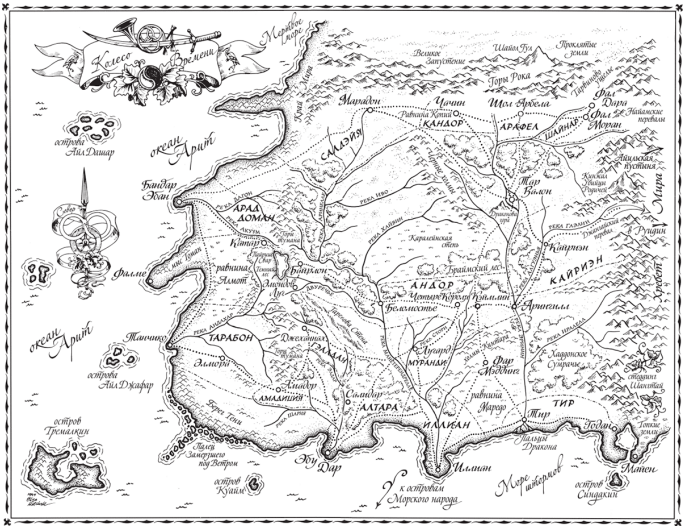
* * *

Внемлите же, как разлетится по миру весть, что слабеют стены узилища Величайшего, подобно членам тех, кто его создал. И блистательный покров Его опять падет на Узор всего сущего, и Великий повелитель протянет длань Свою, дабы забрать то, что принадлежит Ему. Непокорные народы обречены будут на бесплодие и нищету, а дети их – на горючие слезы, и не останется никого, кроме Него и тех, кто обратил взоры свои к Его величию.

В тот день, когда Одноглазый Дурак пройдет коридорами скорби, а Первый-среди-Ничтожеств поднимет руку, дабы освободить Того, кто Разрушает, настанут последние дни гордыни Падшего Кузнеца. Да-да, так и будет, и Сокрушенный Волк – тот, кого знает сама Смерть, – падет и будет пожран Полуночными Башнями. И его умерщвление наполнит сердца людей страхом и скорбями, от которых содрогнется само их существо.

И явится затем Владыка Заката. И возьмет Он наши глаза, дабы души наши склонились перед Ним, и возьмет Он нашу кожу, дабы плоть наша служила Ему, и возьмет Он наши уста, дабы славили мы Его и только Его. И встретит Владыка Заката Сломленного Воителя и прольет его кровь, и все окутает Тьма, столь прекрасная. Так возопите, о последователи Тени. Молите о своей погибели!

Из «Пророчеств Тени»


Колесо Времени
Карта мира
Великие Запустоши
Шайол Гул
Проклятые земли
Горы Рога
Мангалин
Чачин
Шиа Арбела
Дал Вазу
Равнина Кэтай
КАНДОР
АРАФЕЛ
ШАНАР
Мерин
Хмельная пустошь
Хмельная пустошь
Мари Вьюн
Мари
Река Гэлдэйн
Река Гэлдэйн
Каменное
Каменное
Каменное

Глоссарий

Замечание к датам в глоссарии. Томовский календарь (разработанный Томой дур Ахмид) был принят примерно два столетия спустя после смерти последнего мужчины Айз Седай, и в нем отсчитывались годы после Разлома Мира (Р. М.). Многие, очень многие записи погибли во время Троллоковых войн, и поэтому точная датировка окончания войн по старой системе летосчисления стала предметом споров. Тиам Газарский предложил новый календарь, за точку отсчета приняв год освобождения от угрозы троллоков — год Свободы (Г. С.). Газаранский календарь был признан повсеместно в течение двадцати лет после окончания Троллоковых войн. Артур Ястребиное Крыло предпринял попытку ввести новый календарь, опирающийся на год основания его империи (О. О. — от Основания), но теперь этот календарь известен лишь историкам, которые на него ссылаются. После всеобщего разорения, смертей и раскола в период Столетней войны Урен дин Джубай Парящая Чайка, ученый из Морского народа, разработал третий календарь,

обнародованный панархом Фаридэ Тарабонским. Фаридовский календарь, ведущий отсчет времени от произвольно установленной даты окончания Столетней войны и отмечающий годы Новой эры (Н. Э.), используется и по сей день.

Авендесора. На древнем языке — «Древо жизни». Находится в Руидине.

Арад Доман. Государство на побережье океана Арит. В настоящее время охвачено гражданской войной, одновременно ведется война и с теми, кто провозгласил себя сторонниками Дракона Возрожденного. Столицей является город Бандар Эбан, куда в поисках убежища перебрались многие жители страны. Ситуацию осложняет нехватка продовольствия. В Арад Домане существует противостояние между теми, кто ведет свое происхождение от знатных семейств времен образования страны — они известны как «чистокровные», — и теми, кто возвысился позже. Правитель (король или королева) избирается советом, состоящим из глав купеческих гильдий (Купеческий совет), каковыми почти всегда являются женщины. Правитель должен принадлежать к нобилитету (а не быть купеческого рода) и избирается пожизненно. По закону король или королева являются абсолютными монархами,

за исключением того, что их можно низложить, если за такое решение проголосует три четверти состава Совета. В настоящее время правителем является король Алсалам Саид Альмадар, лорд Альмадара, верховная опора Дома Альмадар.

Аша'ман. 1. На древнем языке означает «хранитель» или «защитник»; причем это слово всегда употреблялось в смысле защитника истины и справедливости. 2. Так называют себя мужчины, пришедшие в Черную Башню, которая находится в Андоре, возле Кэймлина; там они главным образом учатся направлять Силу. Это же слово используется и для обозначения у них высшего ранга. Обучают их в основном способам владения Единой Силой как оружием. Другая характерная черта, отличающая их подготовку от обучения в Белой Башне, — едва они овладевают умением обращаться к саидин — мужской половине Силы, то выполнения всех хозяйственных работ от них требуют исключительно посредством Силы. Новички, зачисленные в Башню, получают звание солдата; они носят простые черные мундиры по андорскому образцу, с высоким воротом. Возведенные в ранг посвященных получают право носить на вороте мундира серебряный значок в виде меча. С получением звания Аша'мана

мужчина вправе прикрепить на ворот, с другой стороны от меча, красно-золотую эмалевую эмблему дракона. Многие женщины, в том числе и жены, бежали от своих мужчин, узнав, что те и в самом деле способны направлять Силу. Тем не менее многие мужчины из Черной Башни женаты, и с женами их объединяют узы, в чем-то похожие на узы Стражей. Практически теми же самыми узами, но предусматривающими полное подчинение, были также связаны захваченные Айз Седай. Отдельные Аша'маны соединились узами с Айз Седай, но при этом использовались традиционные узы Стражей. Аша'манов возглавляет Мазрим Таим, который величает себя М'Хаэлем, что на древнем языке означает «предводитель».

Балвер, Себбан. Бывший секретарь Пейдрона Найола, однако на самом деле он возглавлял шпионскую сеть главы белоплащников. По одному ему ведомым причинам Балвер помог Моргейз бежать из Амадора от шончан и ныне служит секретарем Перрина т'Башир Айбара и Фэйли ни Башир т'Айбара. Но обязанности его стали намного шире, и в настоящее время он руководит действиями *Ча Фэйли*, возглавив разведывательную сеть Перрина, хотя тот и не подозревает о его

истинной роли. *См. также* Ча Фэйли.

Башни Полуночи. Тринадцать крепостей, сложенные из нешлифованного черного мрамора; находятся в Шончан, в городе Имфарал. Во времена Объединения Шончан являлись средоточием военной мощи. Здесь произошло последнее сражение Объединения, после которого у власти остались потомки Артура Ястребиное Крыло. С тех пор башни пустуют. Легенда гласит, что в час великих испытаний императорская семья вернется в Башни Полуночи и «исправит то, что неправильно». *См. также* Объединение.

Башня Воронов. Главная имперская тюрьма в Шончан. Находится в столичном городе Шондар и служит штаб-квартирой Взыскующих Истину. В ее стенах содержат в заключении Высокородных. Здесь же их допрашивают и казнят, причем во время допроса и при казни не должно быть пролито ни капли крови. *См. также* Взыскующие.

Верховная. Титул главы Красной Айя. В настоящее время его носит Тсутама Рат.

Вес, меры веса. 10 унций = 1 фунт; 10 фунтов = 1 стоун; 10 стоунов = 1 центнер; 10 центнеров = 1 тонна.

Взыскующие (более официально — Взыскующие Истину). Полицейская и шпионская органи-

зация шончанского императорского трона. Хотя большинство Взыскующих являются да'ковале и собственностью императорской семьи, они обладают огромной властью. Даже любой из Высокородных может быть арестован за отказ ответить на заданный Взыскующим вопрос или за нежелание искренне с ним сотрудничать. Последнее же определяется самими Взыскующими, подчиняющимися и подотчетными лишь императрице. Свои доклады они отсылают Меньшим Дланям, которые руководят ими и Слухачами. У большинства Взыскующих сложилось такое чувство, что Длани передают Хрустальному трону не все сведения, которые императрица должна знать. От Слухачей Взыскующих отличает присущая им активная роль. Те Взыскующие, которые являются да'ковале, носят на каждом плече знак-татуировку в виде ворона и башни. В отличие от Стражей Последнего часа, Взыскующие редко горят желанием демонстрировать своих воронов, отчасти потому, что это неизбежно раскроет, кто и что они такое. *См. также* Слухачи.

Вопрошающие. Орден Детей Света. Себя они именуют Рукой, или Десницей Света, — и не любят, когда их именуют Вопрошающими, и впадают в праведный гнев, если их назвать до-

просниками. Своими целями они провозгласили раскрытие истины в диспутах и разоблачение приспешников Тьмы. Обычный метод расследования Вопрошающих в поисках истины и Света — пытка; обычная позиция — истина им уже известна и нужно лишь добиться от жертвы признания. Порой они действуют так, будто полностью обособлены и от остальных Чад Света, и от Совета помазанников, который руководит Детьми Света. Эмблемой Вопрошающих является кроваво-красный пастырский крючковатый посох.

Гвардия королевы. Элитное воинское формирование в Андоре. В мирное время гвардия поддерживает закон королевы и отвечает за сохранение спокойствия во всей стране. Форма королевской гвардии включает в себя красный мундир, начищенные до блеска кольчужно-пластинчатые доспехи, ярко-красный плащ и конический шлем с решетчатым забралом. Офицеры высокого ранга имеют на плече знаки различия в виде бантов и обладают правом носить золотые шпоры в виде львиных голов. Недавним пополнением королевской гвардии стала личная охрана королевы. После ареста прежнего командира отряда телохранителей, капитана Дойлина Мел-

лара, он целиком состоит из женщин. В отличие от сослуживцев-мужчин, женщины-гвардейцы носят более нарядную и изысканную форму, в которую входят широкополые шляпы с белым плюмажем, украшенные красным лаком кирасы, отделанные белым шлемы и отороченные кружевами кушаки с эмблемами Белого льва Андора.

Глава Большого совета тринадцати. Титул главы Черной Айя. В настоящее время этот пост занимает Алвиарин Фрайден.

Грендаль. Одна из Отрекшихся. Некогда носившая имя Камарайл Марадим Ниндар и известная своим аскетизмом, она решила служить Темному, став второй из Отрекшихся. Безжалостная убийца, Грендаль несет ответственность за смерть Аран'гар и Асмодиана, а также за поражение Месаны. Нынешнее ее местонахождение неизвестно.

Да'ковале. 1. На древнем языке — «тот, кто принадлежит» или «человек, который есть собственность». 2. У шончан данным словом, помимо собственности, называют рабов. В Шончан рабство имеет долгую и необычную историю; для рабов возможно добиться высокого положения, дающего громадную власть, в том числе и над свободными. Но и для тех, кто обладает огромной

властью, существует возможность быть обращенными в да'ковале. *См. также* Со'джин.

Далекоходивший, Джейин. Герой из северных стран, который путешествовал по многим землям и прошел через многие приключения; он пленил Ковина Честное Сердце и доставил его на королевский суд. Автор нескольких книг, о нем рассказывают многочисленные книги и истории. Он пропал в 981 г. Н. Э., после возвращения из странствия по Великому Запустению. По мнению некоторых, во время своего странствия он доходил чуть ли не до самой горы Шайол Гул.

Денежное обращение. В процессе многовековой торговли во всех странах сформировались стандартные названия для монет: кроны (самая большая по размеру монета), марки и пенни. Кроны и марки чеканятся из золота или серебра, а пенни могут быть серебряными или медными, последние тогда просто называют медяками. Однако в разных странах эти монеты могут разниться по размерам и весу. Даже в одном государстве в обороте находятся монеты одного номинала, выпущенные разными правителями и отличающиеся по весу и размерам друг от друга. Благодаря торговле почти повсюду встречаются монеты многих стран, и по этой причине бан-

киры, ростовщики и купцы для определения стоимости какой-либо монеты используют весы. Поэтому взвешиваются даже большие количества монет.

Самая весомая монета чеканится в Андоре и в Тар Валоне, и там относительная их ценность такова: 10 медных пенни = 1 серебряное пенни; 100 серебряных пенни = 1 серебряная марка; 10 серебряных марок = 1 серебряная крона; 10 серебряных крон = 1 золотая марка; 10 золотых марок = 1 золотая крона. Если сравнивать с Алтарой, где более крупные монеты содержат меньше золота или серебра, то соотношение между монетами различных достоинств таково: 10 медных пенни = 1 серебряное пенни; 21 серебряное пенни = 1 серебряная марка; 20 серебряных марок = 1 серебряная крона; 20 серебряных крон = 1 золотая марка; 20 золотых марок = 1 золотая крона.

Единственными «бумажными» средствами расчета являются «доверительные письма» (или «векселя»), которые выдают банкиры. Они гарантируют предоставление определенного количества золота или серебра предъявителю данного документа. Из-за удаленности крупных городов друг от друга, значительного времени, которое необходимо потратить на путешествие из

одного города в другой, и трудностей, связанных с перемещением денежных средств на большие расстояния, доверительное письмо может быть принято по полной стоимости только в городах, расположенных близко к выдавшему его банку, но в отдаленном от него городе такой вексель примут по более низкой стоимости. В общем, если кто-то собирается в длительное путешествие, то он возьмет с собой одно или несколько доверительных писем, дабы при необходимости обменять векселя на звонкую монету. Векселя обычно принимают лишь банкиры или купцы, расплатиться же ими с лавочниками не удастся.

Дер'морат. 1. На древнем языке — «мастер-укротитель». 2. У шончан эту приставку используют для указания на старшего и высококвалифицированного дрессировщика одного из экзотичных животных, а также на того, кто обучает обращаться с ними других, как, например, *дер'морат'ракен*. Дер'морат может обладать высоким общественным статусом, выше всех стоят дер'сул'дам, занимающиеся обучением сул'дам, они приравниваются к офицерам, имеющим весьма высокие ранги. *См. также* Морат.

Дети Света. Также — Чада Света. Общество, придерживающееся строгих аскетических веро-

ваний, ставящее себя вне рамок любых государств и провозгласившее своей целью нанести поражение Темному и истребить всех приспешников Тьмы. Основанное во время Столетней войны Лотэйром Мантиларом для привлечения своих сторонников и сплочения их против все возрастающего числа друзей Темного, оно за годы войны превратилось во всецело военную организацию. Члены сообщества, крайне закосневшие в своих догмах, непоколебимо уверены в том, что только им ведомы истина и справедливость. Айз Седай, как и любого, кто их поддерживает или оказывает им помощь, Чада Света считают приспешниками Темного. Детей Света пренебрежительно называют белоплащниками — к этому прозвищу сами они относятся с презрением. В недавнем прошлом их главные силы и штаб располагались в Амадоре, столице Амадиции, но Дети Света были вынуждены бежать из города, когда его захватили шончан. Галад Дамодред стал лордом капитан-командором, после того как обвинил Эамона Валду в оскорблении действием своей приемной матери, Моргейз, и убил его в поединке. Смерть Валды вызвала раскол в рядах Детей Света: одну из группировок возглавил Галад, другую — Радам Асунава, верховный инквизи-

тор Десницы Света. Герб Детей Света — золотое многолучевое солнце на белом поле. *См. также* Вопрошающие.

Длина, единицы длины. 10 дюймов = 1 фут; 3 фута = 1 шаг; 2 шага = 1 спан; 1000 спанов = 1 миля; 4 мили = 1 лига.

Дракон. Новое мощное оружие, способное посылать заряды взрывчатого вещества на значительные расстояния, нанося тем самым немалый урон врагу.

Драконьи яйца. Название, данное зарядам взрывчатого вещества, которые выпускают драконы.

«Змеи и лисицы». Игра, которую очень любят дети, пока не повзрослеют достаточно, чтобы понять: в нее нельзя выиграть без того, чтобы не нарушить правила. Игра ведется на расчерченной доске, со стрелками, указывающими направления. Имеется десять дисков с нарисованными треугольниками, представляющими лисиц, и десять дисков с нарисованными волнистыми линиями, обозначающими змей. Игра начинается со слов: «Храбрый — осилит, огонь — ослепит, мотив — очарует, железо — скрепит», одновременно в воздухе рукой рисуется треугольник с волнистой линией внутри него. Бросаются

игральные кости, по значениям которых определяются ходы игроков, а также лисиц и змей. Если лисица или змея попадет на игровое поле, занимаемое фишкой игрока, то он выбывает из игры — что случается всегда, если следовать правилам. *См. также* Илфин, Элфин.

Золотой журавль. Знамя несуществующей ныне страны Малкир, ранее бывшей одной из Пограничных земель.

Иллюминаторы, гильдия иллюминаторов. Объединение, по сути цеховое, хранившее секрет изготовления фейерверков. Гильдия оберегала эту тайну как зеницу ока, всеми средствами, вплоть до убийства. Свое название гильдия получила от грандиозных представлений, называемых иллюминациями, которые устраивались для правителей и — изредка — для наиболее могущественных лордов. Менее, намного менее впечатляющие фейерверки продавались для людей иного звания, но покупателей строго-настрого предупреждали, что неминуемо случится страшная беда, если кто-то попытается узнать, что находится внутри фейерверков. Некогда у гильдии были свои кварталы-поселения в Кайриэне и в Танчико, но в настоящее время они разрушены. Кроме того, члены гильдии в Танчи-

ко оказали сопротивление наступавшим войскам шончан, в результате чего уцелевшие иллюминаторы были обращены в да'ковале, а гильдия более не существует. Тем не менее отдельные иллюминаторы бежали из-под владычества шончан и трудятся ныне над тем, чтобы память о гильдии сохранилась надолго. *См. также* Да'ковале.

Илфин. Раса существ, во многом внешне похожих на человека, но обладающих качествами лис. Они выполняют три желания, хотя и требуют за них расплатиться. Если тот, кто хочет исполнения желаний, не сойдется с Илфин в цене, то цену назначают сами Илфин. В подобных обстоятельствах расплатой обычно и чаще всего бывает смерть, но свою часть сделки они все равно выполняют, хотя то, как они ее выполняют, редко отвечает ожиданиям запросившего исполнения желаний. Действительное местоположение Илфин неизвестно, но к ним можно попасть через тер'ангриал, который находился в Руидине. Этот тер'ангриал был перевезен Морейн Дамодред в Кайриэн, где и был уничтожен. Также встретиться с Илфин возможно, проникнув в Башню Генджей. Они задают такие же вопросы относительно огня, железа и музыкальных инструментов, что и Элфин. *См. также* «Змеи и

лисицы»; Элфин.

Имфарал. Шестой по величине город Шончанской империи. Расположен к северо-западу от Шондара. В этом городе находятся Башни Полуночи. *См. также* Башни Полуночи.

Искательство. 1. Использование Единой Силы для определения физического состояния человека и для распознавания болезней. 2. Способность обнаруживать рудные залежи при помощи Единой Силы. Возможно, то, что одним словом называют два совершенно разных таланта, связано с тем, что второй дар считается у Айз Седай давно утраченным.

Календарь. В неделе 10 дней, в месяце 28 дней, в году 13 месяцев. Некоторые праздничные дни не относятся ни к одному из месяцев; в число таких праздников входят День солнца (самый длинный день в году), Праздник благодарения (раз в четыре года в день весеннего равноденствия) и Праздник спасения всех душ, также называемый Днем всех душ (раз в каждые десять лет в день осеннего равноденствия). Месяцы имеют названия (тайшам, джумара, сабан, айне, адар, савен, амадайн, таммаз, майгдал, чорен, шалдин, несан и дану), но употребляют их редко, разве что указывают в официальных документах или от-

мечают должностные лица. Большинству людей в повседневной жизни хватает и времен года.

Калландор. Меч-Который-Не-Меч, Меч-Которого-Нельзя-Коснуться. Кристаллический меч, некогда хранившийся в Тирской Твердыне; могущественный са'ангриал, который предназначен для использования мужчинами, способными направлять Силу. Известно, что у него есть изъяны: он не имеет буфера, который позволял бы без риска для себя применять са'ангриал, а также усиливает воздействие порчи. Подозревают, что Калландору свойственны и другие недостатки.

Капитан-генерал. 1. В Андоре — воинское звание офицера, командующего гвардией королевы. В настоящее время этот пост занимает леди Бергитте Трагелион. 2. Титул, данный главе Зеленой Айя. В настоящее время его носит Аделорна Бастине.

Квейндияр. Считающийся неразрушимым материал, созданный в Эпоху легенд. При попытке разбить его с помощью любой известной силы — в том числе и Единой Силы — он поглощает ее, становясь крепче. Хотя способ изготовления квейндияра, как полагают, был навсегда утрачен, в последнее время появились новые предметы, созданные из этого вещества. Известно также

иное название квейндияра — камень мужества.

Ки'сайн. Небольшая метка (точка), которую женщина народа малкири ежеутренне рисует у себя на лбу, в знак того, что поклянется (или уже поклялась) отправить сыновей на битву с Тенью. Принесенная клятва не обязательно означает, что они станут воинами, но подразумевает, что они изо дня в день будут противостоять Тени всеми доступными способами. Подобно хадори, ки'сайн символизирует связь с Малкир и узы, объединяющие женщину с другими малкири. Так же как и хадори, ки'сайн служит знаком, свидетельствующим о совершеннолетии. Кроме того, ки'сайн позволяет узнать кое-что о женщине, которая его носит. Метку синего цвета ставят незамужние, красного — замужние, белого — вдовы. После смерти женщину отмечают всеми тремя точками — независимо от того, была она когда-нибудь замужем или нет. *См. также* Хадори.

«Краснорукие». Солдаты Отряда Красной руки, которых отбирали для временной службы по поддержанию порядка, дабы другие солдаты Отряда не причиняли беспокойства жителям городков и деревень, в которых он останавливался, и не наносили ущерба их имуществу. Такое название они получили потому, что при исполнении своих

обязанностей носили на рукавах очень широкие красные повязки, от локтя до обшлагов. Обычно их подбирали из числа самых опытных и надежных солдат. Поскольку всякий причиненный ущерб должен был быть возмещен из жалованья «красноруких», то свои обязанности по сохранению мира и спокойствия они выполняли весьма ревностно. *См. также Шен ан Калхар*.

Кровавые Ножи. Элитное подразделение шончанских солдат. Каждый из воинов имеет при себе тер'ангриал в виде кольца, который увеличивает силу и быстроту действий носителя, а также укрывает его пеленой тьмы. Кольцо-тер'ангриал активируется каплей крови солдата, после чего оно понемногу вытягивает жизнь из своего носителя. Смерть наступает в течение нескольких дней.

Крылатая гвардия. Личные телохранители Первенствующей Майена и элитное воинское формирование Майена. Солдаты и офицеры Крылатой гвардии носят окрашенные в красный цвет кирасы и красные шлемы в виде каски с кованым околышем, которая закрывает заднюю часть шеи, и вооружены пиками с красными вымпелами. У офицеров вдобавок шлемы украшены по бокам крыльями, а их звание обозначается тонкими

плюмажами.

Легион Дракона. Крупное воинское формирование, целиком состоящее из пехоты. Все, кто в него входит, принесли обет верности Дракону Возрожденному. Обучением их занимался Даврам Башир, по плану, разработанному совместно с Мэтом Коутоном, — и кардинально отличающемуся от обычной подготовки пехотинца. Многие записываются в Легион добровольцами, но значительное число легионеров набрано рекрутскими командами из Черной Башни. Вербовщики сначала собирают мужчин, желающих последовать за Драконом Возрожденным, а потом, доставив их через переходные врата в район Кэймлина, отсеивают тех, кого можно обучить направлять Силу. Остальных, а их гораздо больше, направляют в учебные лагеря Башира. В настоящее время Легион Дракона готовится к Последней битве.

Марат'дамани. На древнем языке — «те, кто должен быть обуздан» или «тот, кто должен быть обуздан». Так шончан называют способных направлять Силу женщин, которым еще не надели ошейник дамани.

Марч. *См.* Площадь, единицы площади.

Меллар, Дойлин. *См.* Ханлон, Давед.

Мера’дин. На древнем языке — «Безродные». Такое название, в качестве названия воинского сообщества, приняли те айильцы, которые оставили свои кланы и септы и ушли вместе с Шайдо, потому, что не смогли принять мокроземца Ранда ал’Тора в качестве Кар’а’карна, или потому, что отказались принять откровение об истории и происхождении Айил. Бросить свой клан и септ, по какой бы ни было причине, для айильцев — страшный грех, так что отщепенцев отказались принять даже их воинские сообщества. Поэтому они и создали свое сообщество — Безродных.

Морат. На древнем языке — «дрессировщик». У шончан этим словом называют тех, кто занимается экзотическими животными, например морат’ракен, то есть дрессировщик или наездник ракена. Так еще в просторечии называют летунов. *См. также* Дер’морат.

Морейн Дамодред. Айз Седай из Голубой Айя, родом из Кайриэна. Долгое время считалась погибшей. Однако Том Меррилин рассказал, что получил письмо, якобы написанное ею. Ниже приводится текст упомянутого письма:

Дорогой мой Том,
я хотела бы написать тебе так много,

причем от самого сердца, но я вынуждена отложить это, потому как знаю, что должна поступить именно так, ведь времени осталось совсем мало. Я многого не могу открыть тебе, потому что это повлечет за собой несчастье, но что смогу, я тебе расскажу. Внимательно читай то, что я пишу. Скоро я спущусь к докам, и там мне предстоит встретиться с Ланфир. Откуда мне это известно? Эта тайна принадлежит другим. Достаточно того, что я это знаю, и пусть дар предвидения станет доказательством моих слов.

Когда ты получишь это письмо, тебе скажут, что я погибла. Все будут верить в это. Но я не умерла, и обстоятельства могут сложиться так, что я еще доживу назначенные мне годы. Может также выйти, что ты, Мэт Коутон и еще один человек, которого я не знаю, предпримете попытку спасти меня. Я пишу «может», потому что есть вероятность, что вы не захотите этого делать или не сможете, либо потому что Мэт откажется. Он не чувствует ко мне той привязанно-

сти, что чувствуешь ты, и у него есть на то свои причины, которые он считает весьма вескими. Если же вы все-таки попытаетесь, то должны идти только втроем: ты, Мэт и тот другой. Больше – означает гибель для всех. Меньше тоже означает гибель для всех. Но даже если ты придешь вместе с Мэтом и третьим человеком, мы все равно можем умереть. Я видела, как погибаете вы, – один из вас, двое или все. Я даже видела собственную смерть. Я видела, как мы все попадаем в плен и умираем там.

Если вы все же решите попытаться, юный Мэт знает, как найти меня, но ты не должен показывать ему это письмо, пока он сам не попросит. Это жизненно важно. Он не должен знать ничего о содержании письма, пока сам не поинтересуется. События должны развиваться определенным образом, во что бы то ни стало.

Если тебе доведется снова увидеть Лана, передай ему: что ни делается – то к лучшему. Дороги наших судеб расходятся в разные стороны. Я желаю ему счастья

с Найнив.

И последнее. Помни то, что ты знаешь об игре в «змей и лисиц». Помни и наблюдай.

Пришло время, и я должна сделать то, что должна.

Да осияет тебя Свет и да дарует тебе радость, мой дорогой Том, независимо от того, увидимся мы снова или нет.

Морейн.

Наследование. В широком смысле под этим подразумевается переход трона от одного Дома к другому. В Андоре этим термином повсеместно называют борьбу за трон, развернувшуюся после смерти Мордреллен. Исчезновение Тигрейн оставило Дом Мантир без дочери-наследницы, и прошло два года, прежде чем трон заняла Моргейз из Дома Траканд. За пределами Андора этот конфликт стал известен как Третья война за Андорское наследство. Иногда ее называют Войной за престолонаследие.

Объединение. Когда посланные Артуром Ястребиное Крыло армии, которыми командовал его сын Лютейр, высадились в Шончан, они обнаружили там много мелких, воюющих одно с другим

государств, причем во главе их подчас стояли Айз Седай. Здесь не было ничего похожего на Белую Башню и каждая Айз Седай действовала в собственных интересах и стремилась установить свою власть, используя для этого Силу. Объединяясь в маленькие группки, они постоянно плели интриги друг против друга. Главным образом именно эти беспрерывные интриги, преследующие личные цели, и бесконечные войны, в которые подобные козни ввергли множество государств, позволили армиям, явившимся с востока, из-за океана Арит, начать завоевание всего континента. Это завоевание, которое завершили наследники высадившихся в Шончан армий, а сами они превратились в народ шончан, заняло более девятисот лет и получило название Объединения. *См. также* Башни Полуночи.

Отрекшийся. Прозвище, данное тринадцати самым могущественным Айз Седай, и мужчинам, и женщинам, которые в Эпоху легенд переметнулись на сторону Тени и оказались в ловушке, когда Скважина в узилище Темного была запечатана. Хотя издавна повелось считать, будто в Войну Тени лишь они одни покинули Свет, на деле были и другие; эти тринадцать занимали среди них наиболее высокое положение. Отрек-

шиеся (которые себя называют Избранными) после своего появления в настоящие дни несколько уменьшились в числе. Некоторые из ранее убитых были возрождены, получив новые тела.

Отряд Красной руки. *См.* Шен ан Калхар.

Пень. Общественное собрание у огиров. Руководит им Совет старейшин стеддинга, но любой взрослый огир вправе выступить на нем или же может поручить кому-то говорить вместо себя. Часто Пень проводят возле самого большого древесного пня в стеддинге, и собрание может продлиться несколько лет. Для обсуждения вопроса, который касается всех огиров, созывают Великий Пень, где присутствуют представители всех стеддингов. Великий Пень поочередно принимают у себя различные стеддинги.

Первая выбирающая. Титул главы Голубой Айя. Кто в настоящее время является Первой выбирающей, неизвестно, однако имеются предположения, что этот пост занимает Лилейн Акаши.

Первая плетельщица. Титул главы Желтой Айя. Ныне этот пост в Белой Башне занимает Суана Драганд.

Первая рассуждающая. Титул главы Белой Айя. Ныне этот пост занимает Феране Нехаран.

Площадь, единицы площади. 1. Земля: 1 полоса = 20 шагов × 10 шагов (200 кв. шагов); 1 корд = 20 шагов × 50 шагов (1000 кв. шагов); 1 гайд = 100 шагов × 100 шагов (10 000 кв. шагов); 1 руд = 100 шагов × 1000 шагов (100 000 кв. шагов); 1 марч = 1000 шагов × 1000 шагов ($^1/_4$ квадратной мили). 2. Ткани: 1 шаг = 1 шаг и 1 ладонь × 1 шаг и 1 ладонь.

Пророк (или, более точно, — пророк лорда Дракона). В прошлом — шайнарский солдат, известный как Масима Дагар. На него снизошло откровение, и он решил, что призван распространять слово о том, что Дракон Возрожденный вновь появился в мире. Он верил, что нет ничего — ничего! — более важного, чем признание Дракона Возрожденного воплощением Света, и что каждый должен откликнуться на призыв Дракона Возрожденного. Вместе с последователями он готов был применить любые средства, дабы заставить остальных воздать славу Дракону Возрожденному. Те, кто отвергал это требование, приговаривались к смерти, а у тех, кто медлил и не торопился с признанием Дракона, в одночасье могли сгореть дотла дома и лавки, самих же их могли подвергнуть порке кнутом. Отказавшись от всех имен, за исключением звания пророка,

он вверг в хаос бóльшую часть Гэалдана и Амадиции, едва ли не половина территории которых на какое-то время оказалась в его власти. Впрочем, когда пророк покинул эти области, то шончан восстановили порядок в Амадиции, а Коронный верховный совет — в Гэалдане. Он присоединился к Перрину Айбара, который был послан привести его к Ранду, и по неизвестным причинам оставался с Айбара, пусть даже задержка откладывала его встречу с Драконом Возрожденным. За пророком следовали мужчины и женщины, принадлежавшие едва ли не к самому «дну» общества; до их морального уровня под влиянием пророка скатились и другие, кто прежде, до того как подпасть под воздействие его харизмы, занимал в обществе более достойное место. Пророк погиб при невыясненных обстоятельствах.

Салдэйя. Одна из Пограничных земель. Столица страны — Марадон, а королевский дворец Салдэйи известен под названием Кордамора (на древнем языке — «Сердце народа»). Форма правления — наследственная монархия, и главой государства является король или королева. Коронный верховный совет (также известный под названием «Совет лордов») служит при монархе совещательным органом и помогает ему управ-

лять страной. Муж или жена правителя Салдэйи — не просто консорт или супруга, но почти равный ему властитель. В настоящее время Салдэйей правит Ее Осиянное Величество Тенобия си Башир Казади, королева Салдэйи, щит Севера, меч Рубежа Запустения, верховная опора Дома Казади и леди Шахайни, Аснелле, Кунвара и Ганаи. Маршалом-генералом Салдэйи и предводителем ее войск является ее дядя и наследник, Даврам Башир, хотя какое-то время он отсутствует на своем посту.

«Сердце». Основная организационная единица структуры Черной Айя. По существу — ячейка. Состоит из трех сестер, которые знают друг друга, при этом каждой из них известна вдобавок еще одна Черная сестра, о которой другие члены «сердца» не осведомлены.

Сиснера, Дарлин. Благородный лорд Тира, в прошлом участвовал в мятеже против Дракона Возрожденного. Недолгое время он занимал пост наместника Дракона Возрожденного в Тире, затем был избран первым королем Тира.

Слухачи. Шончанская шпионская организация. Иногда их называют также Внимающими. Почти любой при дворе представителя шончанской знати, любой купец или банкир может

оказаться Слухачом, в том числе порой даже и да'ковале, хотя редко — со'джин. Активных действий они не предпринимают, а просто наблюдают, слушают и сообщают. Их доклады отправляют Меньшей Длани, который руководит как Слухачами, так и Взыскующими, и именно он решает, что следует передать Взыскующим для дальнейших действий. *См. также* Взыскующие.

Совет Коричневой Айя. Возглавляет Коричневую Айя не одна Айз Седай, а Совет. В настоящее время главой этого Совета является Джесси Билал. Имена остальных членов Совета Коричневой Айя неизвестны.

Со'джин. Наиболее близко с древнего языка можно перевести как «высота среди низины», хотя некоторые переводы, среди прочих, допускают истолкование «и небо, и долина». Словом «со'джин» у шончан называют высших слуг, это звание передается по наследству. Они — да'ковале, собственность, но могут занимать важные должности и наделены определенной властью. Даже Высокородные ведут себя осторожно с со'джин императорской семьи, а с со'джин самой императрицы разговаривают как с равными. *См. также* Да'ковале.

Старший секретарь. Титул главы Серой Айя.

В настоящее время этот пост занимает Серанха Колвин.

Стража Последнего часа. Элитное воинское формирование Шончанской империи, включающее в себя как людей, так и огиров. Все люди в Страже Последнего часа — да'ковале, как находящиеся в собственности от рождения, так и выбранные в юности для службы императрице, чьей личной собственностью они являются. Фанатично ей преданные и гордые своей судьбой, они часто выставляют на всеобщее обозрение вытатуированных на плечах воронов — знак да'ковале императрицы. Стражи-огиры известны как Садовники, и они не являются да'ковале. Тем не менее Садовников отличает такая же горячая преданность, что и людей из Стражи Последнего часа, и их страшатся еще больше. Стражи Последнего часа, будь то люди или огиры, не просто готовы умереть за императрицу или за членов императорской семьи, а верят, что самые их жизни — собственность императрицы, которыми она вольна распоряжаться по собственному усмотрению. Шлемы и доспехи Стражей Последнего часа покрыты темно-зеленым (настолько темным, что нередко его принимают за черный) и кроваво-красным лаком, щиты выкрашены черным

лаком, а мечи, копья и алебарды украшены черными кистями. *См. также* Да'ковале.

Тарабон. Государство на побережье Аритского океана. Некогда обширная страна с процветающей торговлей; среди прочего отсюда по миру расходились ковры, всевозможные красители, здесь торговали фейерверками, изготовленными мастерами гильдии иллюминаторов. Потом для нее наступили тяжелые времена. Погрузившаяся в пучину анархии и гражданской войны страна, чьи бедствия были усугублены ведущимися одновременно войнами против Арад Домана и против преданных Дракону, оказалась легкой добычей для высадившихся шончан. В настоящее время Тарабон находится под уверенной властью шончан; квартал гильдии иллюминаторов уничтожен, а сами иллюминаторы обращены в да'ковале. По-видимому, большинство тарабонцев испытывают к шончан благодарность — за то, что те восстановили порядок, а поскольку захватчики позволили им жить по-старому, как прежде, почти не вмешиваясь в повседневную жизнь, то они не имеют никакого желания начинать новую войну, чтобы попытаться изгнать шончан. Однако есть лорды и войска, которые оказались вне сферы влияния шончан и которые

сражаются за то, чтобы вернуть себе потерянную страну.

Фил, Герид. Автор труда «Причина и безумие» и других книг. Фил был ученым (и преподавателем), изучавшим в Академии Кайриэна историю и философию. Он был убит — разорванное на части тело Герида Фила было обнаружено в его кабинете.

Хадори. Плетеный кожаный шнурок, который мужчины народа малкири повязывают вокруг головы, чтобы волосы не падали на лицо. Пока Малкир не пала перед Запустением, все взрослые мужчины-малкири носили волосы до плеч, подвязывая и удерживая их с помощью хадори. Как и ритуал вручения меча, разрешение носить хадори означало для мужчины-малкири переход из детства во взрослую жизнь. Оно символизировало для мужчины долг и обязательства, которыми он связан как взрослый человек, а также свидетельствовало о его принадлежности к народу малкири. *См. также* Ки'сайн.

Ханлон, Давед. Приспешник Темного, также известный как Дойлин Меллар. Был захвачен вместе с леди Шиайн, Чесмал Эмри, Элдрит Джондар, Тимэйл Киндероде, Фалион Бода и Мариллин Гемалфин.

Ча Фэйли. 1. На древнем языке — «Соколиный Коготь». 2. Название, принятое группой молодых кайриэнцев и тайренцев, которые пытаются следовать джи'и'тох. Они дали клятву верности Фэйли ни Башир т'Айбара. Втайне они выступают в качестве ее личных разведчиков и шпионов. Пока Фэйли находилась с плену у Шайдо, они продолжали свою деятельность под руководством Себбана Балвера. *См. также* Балвер, Себбан.

Чарин, Джейин. *См.* Далекоходивший, Джейин.

Шара. Загадочная страна, которая лежит восточнее Айильской пустыни. Оттуда, помимо прочих товаров, привозят шелк и драгоценную поделочную кость. Ее защищают как негостеприимные природные особенности, так и рукотворные стены. О Шаре известно мало, так как народ этого края сознательно стремится сохранять в тайне любые сведения о своей стране и ее культуре. Жители Шары отрицают, что Троллоковы войны как-то затронули их, вопреки тому, что айильцы утверждают обратное. Они также заявляют, что им ничего не известно о попытке вторжения, предпринятой Артуром Ястребиное Крыло, несмотря на сообщения об этом очевидцев из Морского народа. Основыва-

ясь на просочившихся обрывочных сведениях, можно заключить, что Шарой правит один абсолютный монарх, который называется Ш'боан, если это женщина, и Ш'ботэй, если мужчина. Этот монарх правит ровно семь лет, а затем умирает. Власть переходит к супругу (или супруге) этого правителя, который также правит семь лет, по истечении которых умирает. Подобный порядок правления повторяется со времен Разлома Мира. Жители Шары убеждены, что эти смерти есть «Воля Узора».

В Шаре есть люди, способные направлять Силу, они известны как Айяд, и им при рождении татуируют лица. Женщины из Айяд обеспечивают неукоснительное соблюдение законов, касающихся Айяд. Сексуальные отношения между Айяд и тем, кто не является Айяд, караются смертью для последнего; Айяд также подлежит казни, если выяснится, что с его или ее стороны имело место принуждение. Если от подобной связи рождается ребенок, то его оставляют на произвол стихий, и он погибает. Мужчины Айяд рассматриваются исключительно как орудие для продолжения рода, как племенной скот. Никакого образования им не дают, их даже не учат ни читать, ни писать, а по достижении ими двадцати одного года

либо когда они начинают направлять Силу — в зависимости от того, что случится раньше, — их убивают женщины Айяд, а тела сжигают. Считается, что Айяд направляют Единую Силу только по приказу Ш'боан или Ш'ботэя, которых всегда окружают женщины Айяд.

Впрочем, даже само название страны вызывает сомнения. Известно, что уроженцы Шары именуют ее по-разному, среди многих различных названий — Шамара, Ко'дансин, Томака, Кигали и Шибоуйя.

Шен ан Калхар. На древнем языке — «Отряд Красной руки». 1. Легендарная группа героев, совершивших множество подвигов и в конце концов погибших при обороне Манетерен, когда во время Троллоковых войн эта страна была уничтожена. 2. Воинская часть, которую почти случайно собрал под своим командованием Мэт Коутон. В основу ее организации положены достижения в тактике времен Артура Ястребиное Крыло и предшествующих веков, считающихся эпохой наивысшего расцвета военного искусства.

Шондар. Имперская столица Шончан, расположена на северо-востоке континента Шончан. Это также крупнейший город империи. После смерти императрицы Радханан столица погру-

зилась в хаос.

Элфин. Раса существ, во многом внешне похожих на человека, но обладающих змеиными свойствами. Дают правдивые ответы на три вопроса. Каков бы ни был вопрос, ответ Элфин всегда точен и верен, хотя зачастую дается он в непонятном виде, а вопросы, касающиеся Тени, могут оказаться крайне опасными. Действительное местоположение Элфин неизвестно, но к ним можно попасть, пройдя через тер'ангриал, которым некогда владел Майен и который в последние годы находится в Тирской Твердыне. К Элфин возможно также добраться через Башню Генджей. Говорят эти существа на древнем языке, ссылаются на договоры и соглашения и спрашивают, не имеет ли входящий при себе железа, музыкальных инструментов или устройств, которые могут вызывать огонь. *См. также* «Змеи и лисицы»; Илфин.

Колесо Времен
Мертвые земли
Шайол Гул
Дальние пределы
Земли Аритии
Ал'Дишар
океан Аритий
Мараконы
Чачин
Шен Арбела
Фал Дара
Кандор
Амадиция
Шарнар
Саландэя
Арад
Доман
Кантор
Сосна
Фал Морган
Кэмрин
Андор
Мондарава
Асмодина
Тарабон
Альтара
Ал'Джадар
Аррель
Амадиция
Ал'Ман
Фал Дестин
Тир
Иллиан
Ал'Дур
Иллианский Морской путь
Море штормов
Тарвинское море
Майен
остров Тремалкин
остров Кэйрхин
Сосна
Земли Аритии
Ал'Дишар
Мертвые земли
Шайол Гул
Дальние пределы
Мараконы
Чачин
Шен Арбела
Фал Дара
Кандор
Амадиция
Шарнар
Саландэя
Арад
Доман
Кантор
Сосна
Фал Морган
Кэмрин
Андор
Мондарава
Асмодина
Тарабон
Альтара
Ал'Джадар
Аррель
Амадиция
Ал'Ман
Фал Дестин
Тир
Иллиан
Ал'Дур
Иллианский Морской путь
Море штормов
Тарвинское море
Майен
остров Тремалкин
остров Кэйрхин